
The Institute of Mediaeval Studies
LIBRARY
Toronto, Ontario

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Е. Голубинскаго,

бывшаго профессора Московской Духовной Академіи.

Періодъ второй,

МОСКОВСКІЙ.

ТОМЪ II,

отъ нашествія Монголовъ до митрополита Макарія включительно.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ТОМА.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1900.

ПАМЯТИ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО МАКАРІЯ,

Митрополита Московскаго.

Высокопреосвященный Макарій, въ бытность котораго митрополитомъ московскимъ (1879—1882) изданъ мною первый томъ Исторіи русской церкви, доставилъ мнѣ возможность напечатать этотъ первый томъ и по поводу его явилъ себя моимъ благожелательнымъ покровителемъ. Искренняя и горячая благодарность ему за то и другое и обязываетъ меня посвятить его памяти настоящую первую половину втораго тома Исторіи русской церкви.

Е. Голубинскій.

Первый томъ моей Исторіи русской церкви, состоящій изъ двухъ половинъ, представляющихъ изъ себя двѣ отдѣльныя книги, я напечаталъ въ продолженіе 1880—1881 годовъ; первую половину втораго тома, который имѣетъ состоять также изъ двухъ половинъ въ двухъ отдѣльныхъ книгахъ, выдаю въ 1900-мъ году: слѣдовательно, черезъ 19-ть лѣтъ. Промежутокъ годовъ такой, что, бывъ во время печатанія перваго тома человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, печатаю второй томъ сѣдымъ старикомъ. Относительно этого чрезвычайнаго, не по моей доброй волѣ случившагося, замедленія могу только сказать, что оно крайне для меня прискорбно...

Приготовивъ второй томъ къ печати вслѣдъ за первымъ, но не видѣвъ возможности напечатать его, я поступилъ съ нимъ такъ, какъ и долженъ былъ поступить, т. е. положилъ его въ ящикъ. При этомъ я, конечно, слѣдилъ за тѣмъ, что́ писалось по русской церковной исторіи о времени, которое обнимается этимъ вторымъ томомъ моей Исторіи. Но не поручусь рѣшительнымъ образомъ, чтобы не упустилъ совершенно ничего изъ вновь написаннаго. Впрочемъ, если и упустилъ что нибудь, то лишь не имѣющее существенной важности, такъ что, не отрицая возможности нѣкотораго количества упущеній [1]), позволяю себѣ быть увѣреннымъ, что онѣ не таковы, чтобы благодаря имъ поздно печатаемый второй томъ моей Исторіи являлся устарѣвшимъ. Другое дѣло — достоинства и недостатки его, равно какъ и перваго тома, не зависящія отъ времени, каково это запозданіе. Не принадлежа къ числу людей, которые смотрятъ на свои творенія такъ, чтобы отрицать нужду и возможность дальнѣйшихъ послѣ нихъ работъ надъ тѣмъ же, я считаю себя лишь однимъ изъ числа многихъ, имѣющихъ трудиться надъ обработкой русской церковной исторіи. Мое, такъ сказать, исповѣданіе относительно сего читатель можетъ найдти въ небольшой рѣчи, которою я

---

[1]) Разумѣемъ новыя фактическія свѣдѣнія, а не новые взгляды на основаніи старыхъ фактическихъ свѣдѣній (отсутствіе рѣчей о новыхъ взглядахъ на основаніи старыхъ фактическихъ свѣдѣній должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что, не раздѣляя взглядовъ, мы воздерживаемся отъ полемики противъ нихъ).

предварилъ мой докторскій диспутъ (бывшій 16-го Декабря 1880-го года) и которая напечатана въ приложеніи ко второй половинѣ перваго тома Исторіи. Я говорю тамъ о себѣ не съ фарисейскимъ или лицемѣрнымъ смиреніемъ, а съ полною искренностію.

Преосв. Филаретъ раздѣляетъ исторію русской церкви на пять періодовъ, именно: періодъ первый, отъ начала христіанства въ Россіи до нашествія Монголовъ (988—1237 г.); періодъ вторый, отъ опустошенія Россіи Монголами до раздѣленія митрополіи (1237—1410 г.); періодъ третій, отъ раздѣленія митрополіи до учрежденія патріаршества (1410—1588 г.); періодъ четвертый, — періодъ патріаршества (1588—1720 г.); періодъ пятый, сvнодальное управленіе (1721—). Преосв. Макарій раздѣляетъ исторію русской церкви на три періода, именно: первый—періодъ совершенной зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха (988—1240); второй—постепеннаго перехода ея отъ этой зависимости къ самостоятельности (1240—1589); третій—періодъ ея самостоятельности (1589—). Я не могу признать удовлетворительнымъ ни того ни другаго раздѣленія. Что касается до преосв. Филарета, то «раздѣленіе митрополіи», т. е. отдѣленіе въ особую отъ Москвы митрополію кіевской или юго-западной Руси не имѣло для первой ни малѣйшаго внутренняго значенія, а лишь внѣшнее значеніе сокращенія предѣловъ ея церковной области [1]), а что учрежденіе патріаршества, состоявшее только въ переименованіи высшаго предстоятеля русской церкви изъ митрополитовъ въ патріархи, не произвело ни малѣйшей перемѣны въ жизни и бытѣ церкви, это говоритъ и самъ преосв. Филаретъ. Раздѣленіе преосв. Макарія и неправильно и неудовлетворительно: во-первыхъ, русская церковь перестала быть фактически независимою отъ константинопольскихъ патріарховъ не со времени только учрежденія у насъ собственнаго патріаршества, а гораздо ранѣе; во-вторыхъ, преосвященный соединяетъ въ одинъ періодъ самостоятельности несомнѣнно особыя одно отъ другаго времена—патріаршеское и сvнодальное. Наиболѣе удовлетворительнымъ раздѣленіемъ исторіи русской церкви на періоды представляется намъ раздѣленіе, которое, если не ошибаемся, въ послѣднее

---

[1]) При этомъ преосв. Филаретъ неправильно и ведетъ раздѣленіе отъ 1410-го года, отъ времени митр. Фотія, тогда какъ оно (постоянное на очень долгое время раздѣленіе послѣ нѣсколькократныхъ недолговременныхъ раздѣленій) началось съ 1458-го года, съ правленія св. Іоны.

время принято для гражданской русской исторіи, именно—топографическое раздѣленіе на три періода: кіевскій, московскій и петербургскій. Топографическое раздѣленіе исторіи на періоды можетъ показаться для иныхъ нѣсколько страннымъ. Но значеніе топографіи въ исторіи какъ одного изъ ея факторовъ общепризнанно [1]), и если періоды какой нибудь церковной или гражданской исторіи суть такіе отдѣлы времени, которые болѣе или менѣе отличаются отъ предшествующихъ и отъ послѣдующихъ отдѣловъ времени характеромъ жизни даннаго гражданскаго или церковнаго общества: то несомнѣнно, что отдѣлъ времени кіевскій, отдѣлъ времени московскій и текущій отдѣлъ времени петербургскій представляютъ собою именно такіе періоды нашей церковной (равно какъ и гражданской) исторіи. Топографія проявляетъ свое вліяніе въ исторіи, когда играетъ роль одного изъ дѣлителей послѣдней на періоды, двоякимъ образомъ — или такъ, что новая мѣстность условливаетъ новую противъ предшествующей жизнь; или наоборотъ такъ, что новая жизнь требуетъ новой мѣстности. У насъ было и то и другое: съ перенесеніемъ центра жизни съ юга на сѣверъ, изъ Кіева во Владиміръ—Москву, начался новый противъ предшествующаго, условливаемый мѣстностью (подразумѣвается—не исключительно ею одною), періодъ жизни государственной и церковной; начатый Петромъ Великимъ новый періодъ той и другой жизни потребовалъ перенесенія центра жизни на новое мѣсто, изъ Москвы въ Петербургъ.

Періодъ московскій долженъ быть раздѣляемъ на двѣ половины: отъ нашествія Монголовъ до митр. Макарія съ его Стоглавымъ соборомъ, на которомъ былъ подведенъ, такъ сказать, итогъ всей предшествующей жизни, и отъ митр. Макарія до учрежденія св. Сунода. А первая половина періода въ свою очередь можетъ быть раздѣляема на свои двѣ половины, именно—время нахожденія нашихъ митрополитовъ подъ властію константинопольскаго патріарха и время послѣ отложенія отъ этой власти, чтò совпадаетъ съ раздѣленіемъ митрополіи на двѣ особыя митрополіи и съ переименованіемъ митрополитовъ всея Россіи, живішихъ въ Москвѣ, изъ кіевскихъ и всея Россіи въ московскихъ и всея Россіи, а также съ образованіемъ у насъ новыхъ взглядовъ на Грековъ.

---

[1]) Какъ напр. относительно насъ—Русскихъ не можетъ не быть общепризнаннымъ, что составляющая половину Европы великая равнина, которую мы занимаемъ, въ значительной степени условливала собой образованіе великаго русскаго государства.

Второй томъ моей Исторіи русской церкви имѣетъ обнимать первую половину періода московскаго или время отъ нашествія Монголовъ до митр. Макарія включительно. Подобно первому тому онъ будетъ состоять изъ двухъ половинъ: первая половина тома будетъ посвящена хронологическому обозрѣнію исторіи церкви по правленіямъ митрополитовъ или будетъ представлять рядъ біографій этихъ послѣднихъ; вторая половина тома будетъ посвящена обзору церковной жизни по ея отдѣламъ или видамъ, каковы—управленіе, просвѣщеніе, богослуженіе и пр..

О томъ, что наши лѣтописи и другіе наши историческіе памятники даютъ церковному историку слишкомъ малую возможность писать настоящія біографіи нашихъ митрополитовъ, равно какъ и другихъ нашихъ церковно-историческихъ дѣятелей, я нарочито говорю въ предисловіи къ первому тому моей Исторіи. Достаточно пришлось мнѣ выслушать укоровъ за мои откровенныя рѣчи отъ нѣкотораго класса людей. Но и теперь я вынуждаюсь только заявить, что не нахожу возможнымъ отказаться ни отъ одного сказаннаго прежде слова. Итакъ, читатель, спрашивая съ насъ того, что̀ мы могли ему дать и за что мы отвѣтственны, пусть не спрашиваетъ съ насъ того, чего, несмотря на все наше желаніе, мы не могли дать по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ; хотимъ сказать: пусть читатель не винитъ насъ за то, что мы даемъ ему очерки жизни и дѣятельности нашихъ митрополитовъ, которымъ названіе—біографіи, но которые очень далеки отъ того, чтобы быть настоящими біографіями [1]).

---

[1]) Не одинаково съ историками церковными, но имѣютъ право жаловаться на лѣтописцевъ и гражданскіе наши историки. У Карамзина, который съ своимъ авторитетомъ да заградитъ меня собой отъ несправедливыхъ укоровъ, мы и дѣйствительно находимъ эту жалобу, и при томъ высказанною не менѣе сильно, нежели какъ высказываемъ ее мы; о даваемыхъ имъ біографіяхъ князей онъ говоритъ: «если вмѣсто *живыхъ, цѣлыхъ* образовъ (я) представлялъ единственно *тѣни, въ отрывкахъ*: то не моя вина: я не могъ дополнять Лѣтописи!» (предисл., изд. Эйнерлинга стр. XI fin. и см. и далѣе).

ПОРАБОЩЕНІЕ РУСИ МОНГОЛАМИ И ОТНОШЕНІЯ ХАНОВЪ МОНГОЛЬСКИХЪ КЪ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ИЛИ КЪ ВѢРѢ РУССКИХЪ И КЪ ИХЪ ДУХОВЕНСТВУ.

Монголы или Татары, кочевой народъ такъ называемаго алтайскаго или урало-алтайскаго семейства, обитавшіе съ древняго времени въ той же великой азіатской степи, въ которой живутъ до настоящаго времени ихъ потомки и которая называется по ихъ имени Монголіей, до второй половины XII вѣка не составляли изъ себя одного политическаго цѣлаго въ видѣ одного государства, но распадались на отдѣльныя племена и орды, состоявшія подъ властію своихъ особыхъ, больших и малыхъ, владѣтелей или хановъ [1]. Въ половинѣ XII вѣка явился у Монголовъ великій (и вмѣстѣ безмѣрно страшный) человѣкъ, который не только соединилъ ихъ въ одно цѣлое, но и сдѣлалъ огромныя завоеванія внѣ Монголіи, чтобы основать могущественнѣйшее монгольское государство, и который, мечтавъ о завоеваніи всего свѣта, дѣйствительно успѣлъ въ томъ, чтобы наполнить весь свѣтъ ужасомъ имени своего и своихъ дикихъ сородичей. Это былъ Темучинъ, извѣстный въ исторіи подъ своимъ послѣдующимъ титуломъ Чингисъ-хана.

[1]) До тѣхъ поръ пока не были соединены въ одно политическое цѣлое, Монголы или Татары не имѣли и одного общаго имени. Со времени объединенія они усвоили себѣ и имъ усвоено было ихъ объединителемъ, какъ таковое общее имя, частное имя того племени, къ которому принадлежалъ послѣдній: это—первое изъ двухъ именъ, т. е. Монголы. Что же касается до втораго имени,—Татары, то, не бывъ употребляемо ими самими, а бывъ дано имъ сосѣдними народами и служивъ ихъ преимущественнымъ именемъ у чужихъ, въ томъ числѣ и у европейцевъ, оно явилось такимъ образомъ, что частное имя другаго племени было распространено на весь народъ. Въ нашихъ русскихъ лѣтописяхъ и вообще у насъ—Русскихъ Монголы извѣстны были исключительно подъ вторымъ или несобственнымъ своимъ именемъ.

Темучинъ былъ сынъ Язукая, удѣльнаго владѣтеля одной монгольской орды, состоявшей изъ 30—40 тысячъ семей (кибитокъ) и кочевавшей въ сѣверо-восточной Монголіи, въ верховьяхъ рѣки Онона (образующаго по соединеніи съ Ингодой рѣку Шилку, которая въ свою очередь по соединеніи съ Аргунью образуетъ Амуръ); онъ родился около 1155-го года. Оставшись послѣ смерти отца 13-лѣтнимъ мальчикомъ, Темучинъ до сорока лѣтъ своего возраста не давалъ ожидать отъ себя ничего особеннаго и все время оставался однимъ и тѣмъ же маленькимъ владѣтелемъ. Въ сейчасъ указанномъ возрастѣ онъ внезапно вступилъ, какъ выражаются восточные, на стезю завоеваній и пошелъ по ней необыкновенно быстро. Въ продолженіи десяти лѣтъ, съ 1195-го по 1205-й годъ, онъ подчинилъ своей власти всѣ отдѣльныя племена и орды монгольскія и образовалъ изъ нихъ одно государство. Послѣ этого, принявъ на общемъ торжественномъ съѣздѣ покоренныхъ князей титулъ Чингисъ-хана, что̀ значитъ великій (могущественный) ханъ, т.-е. государь, и что̀ соотвѣтствуетъ европейскому титулу императора, и утвердивъ свою резиденцію въ городѣ Харахоринѣ или Каракорумѣ на верхнемъ Орхонѣ (впадающемъ съ правой стороны въ Селенгу), на югъ, на юго-западъ, отъ нашей теперешней Кяхты, Темучинъ началъ и быстро повелъ внѣшнія завоеванія: покорилъ сѣверный Китай по рѣку Гоангъ-го или Желтую, Тангутъ или землю Тангутьскую нашихъ лѣтописей (восточную бо̀льшую или меньшую половину нынѣшняго Тибета или, можетъ быть, весь нынѣшній Тибетъ съ прилежащею къ нему нѣкоторою частію западнаго Китая), Карахатай (нынѣшній восточный Туркестанъ), Ховарезмъ или Харезмъ (нынѣшнюю Хиву, къ которой принадлежали тогда Бухара и Кокандъ), Хорасанъ на югъ отъ Ховарезма (съ городами Мервомъ въ Туркестанѣ, Балхомъ и Гератомъ въ Афганистанѣ и Нишабуромъ въ сѣверовосточной Персіи), восточную половину такъ называвшагося Кипчака или степь туркмено-киргизскую [1]). Чингисъ-ханъ умеръ въ 1227-мъ году. Передъ смертію онъ раздѣлилъ свои завоеванія между своими тремя сыновьями и между внуками отъ четвертаго сына, умершаго прежде него, на четыре улуса или на четыре отдѣльныя ханата, но такъ, чтобы ханъ одного улуса, назначавшійся пребывать въ его собственной столицѣ

---

[1]) Кипчакомъ, степью кипчакскою (Дешти-Кипчакъ) назывались у восточныхъ, отъ имени тюркскаго народа Кипчаковъ, степь туркмено-киргизская и служащая ея продолженіемъ въ Европѣ наша степь новороссійская. Печенѣги и Половцы или принадлежали къ Кипчакамъ, или же, по мѣстности, въ которой жили, называются у восточныхъ Кипчаками.

Харахоринѣ или Каракорумѣ, былъ великимъ ханомъ и имѣлъ верховную власть надъ ханами остальныхъ. Наша Русь была покорена потомъ ханами улуса кипчакскаго, который, обнимая не весь восточный Кипчакъ, а сѣверную его половину или степь киргизъ-кайсацкую, отданъ былъ Чингисъ-ханомъ сейчасъ помянутымъ внукамъ, именно—дѣтямъ его старшаго сына Чучи или Джучи.

Русскіе впервые узнали Монголовъ еще при жизни Чингисъ-хана въ 1223-мъ году. Государь хорезмскій, бывъ побѣжденъ императоромъ монгольскимъ, искалъ спасти свою жизнь бѣгствомъ въ Персію. Для его преслѣдованія Чингисъ-ханъ отрядилъ двухъ своихъ полководцевъ, которые и гнались за нимъ почти до сѣверной границы Персіи, пока онъ не укрылся отъ преслѣдованія на одномъ изъ острововъ Каспійскаго моря. Углубившись въ Персію слишкомъ далеко, чтобы возвращаться назадъ старымъ путемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая имѣть и новое поприще для грабежей, полководцы просили у Чингисъ-хана и получили отъ него дозволеніе совершить обратный путь чрезъ кавказскій перешеекъ на киргизскую степь. При переходѣ чрезъ Кавказъ они побили тамошніе народы—Ясовъ, Обезовъ и Касоговъ (Осетинъ, Абхазцевъ и Черкесовъ), а спустившись на сѣверную его сторону, въ степь половечскую, начали страшное избіеніе Половцевъ, за которыми гнались въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверозападу чрезъ всю степь до самой границы Руси,—до вала половецкаго, который былъ ниже Переяславля. Половцы прибѣгли къ русскимъ князьямъ и умоляли ихъ о помощи. Князь Мстиславъ Мстиславичъ торопецкій, сидѣвшій тогда въ Галичѣ, былъ зятемъ князя половецкаго Котяна. Внимая мольбамъ тестя, онъ успѣлъ склонить на сторону Половцевъ сидѣвшаго въ Кіевѣ своего двоюроднаго брата Мстислава Романовича [1]; два Мстислава составили съѣздъ въ Кіевѣ всѣхъ южныхъ князей, и на съѣздѣ рѣшено было пойти на Татаръ всею южною русскою землей. Отступившія отъ русскихъ предѣловъ полчища враговъ были настигнуты нашею великою ратію въ нынѣшней Екатеринославской губерніи, въ юго-восточномъ ея углу, на рѣкѣ Калкѣ (теперешнемъ Калецѣ или Кальчикѣ, впадающемъ въ Калміусъ, который, отдѣляя Екатеринославскую губернію отъ земли войска Донскаго, впадаетъ въ Азовское море у Маріуполя). Въ начальной стычкѣ передовыхъ отрядовъ или авангардовъ Русскіе побили было Татаръ; но потомъ, въ генеральной битвѣ цѣлыхъ обоихъ полчищъ, потерпѣли отъ нихъ совершенное и страшное пораженіе, какого, по словамъ лѣтописца, не

[1]) Мстиславы были внуки Ростислава Мстиславича смоленскаго.

бывало никогда (главными причинами котораго были трусость Половцевъ и взаимная великая завпсть между двумя Мстиславами, устроившими походъ). Самихъ князей пало девять или десять, въ томъ числѣ Мстиславъ кіевскій, а что касается до простаго огромнаго войска, то его погибло «много множество..., много безъ числа» (однихъ только кіевлянъ, какъ говорили,—около десяти тысячъ человѣкъ). Послѣ пораженія Русскихъ Татары возвращались на Русь и доходили до Новгорода святополчаго, который находился на Днѣпрѣ, въ разстояніи отъ Кіева всего верстъ 70-ти; но, страшно опустошивъ окраину страны и избивъ всѣхъ, кто былъ имъ на пути и кто не бѣжалъ отъ нихъ, они не пошли на самый Кіевъ и отхлынули назадъ. Калкинское побоище имѣло мѣсто 31-го Мая (16-го Іюня?) 1223-го года.

Чрезъ 14-ть лѣтъ послѣ калкинской битвы въ 1237-мъ году Татары снова пришли на Русь, чтобы совсѣмъ и надолго поработить ее.

Новгородскій лѣтописецъ, разсказавъ о нашествіи Татаръ 1223-го года, заключаетъ разсказъ: «Татари же (дошедъ до Новгорода святополчаго) възратишася назадъ отъ рѣкы Днѣпря, и не съвѣдаемъ, откуду суть пришли и кдѣ ся дѣша опять». На основаніи этихъ словъ лѣтописца можно было бы думать объ окончательномъ нашествіи 1237-го года, какъ о совершенно неожиданномъ для Русскихъ, что̀ служило бы къ немалому извиненію великаго князя Владимірскаго, оказавшаго имъ такое плохое сопротивленіе. Но если это, можетъ быть, и правда въ отношеніи къ Новгороду, то вовсе не можетъ быть признано правдой въ отношеніи къ Владиміру. Одновременно съ тѣмъ, какъ Чингисъ-ханъ послалъ изъ Хивы на югъ двухъ своихъ полководцевъ для преслѣдованія хана хивинскаго, сынъ его Джучи двинулся оттуда же на сѣверъ, занялъ сѣверную половину восточнаго Кипчака и остался въ ней господствовать: но сѣверная половина восточнаго Кипчака имѣла своей западной границей рѣку Уралъ, древній и старый Яикъ, который для восточныхъ, по крайней мѣрѣ, Русскихъ,—владимірскихъ и также рязанскихъ, входилъ въ черту той географическо-политической области, на которую распространялись ихъ свѣдѣнія. Что Татары не намѣревались считать рѣку Уралъ непереступной для себя границей, это должно было стать яснымъ для владимірскихъ и рязанскихъ Русскихъ по крайней мѣрѣ съ 1229-го года; подъ этимъ послѣднимъ годомъ въ нашей русской лѣтописи, и именно владимірской, записано: «того же лѣта Саксини (народецъ тюркскаго племени) и Половци възбѣгоша изъ низу къ Болгаромъ передъ Татары, и сторожеве болгарьскыи прибѣгоша, бьени отъ Татаръ близь рѣкы, ейже имя Яикъ». Въ 1232-мъ году завоевательныя стремленія Татаръ, грозившія опасностію и Руси, должны

были обнаружиться для Русскихъ еще съ бо́льшею ясностію. Въ той же нашей владимірской лѣтописи подъ этимъ годомъ читаемъ: «тогоже лѣта придоша Татарове и зимоваша, не дошедше Великаго града Болгарьскаго» (составлявшаго столицу камской Болгаріи и находившагося въ Спасскомъ уѣздѣ нынѣшней казанской губерніи, въ 25-ти верстахъ къ юго-западу отъ уѣзднаго города, близъ лѣваго берега Волги, въ настоящее время село Успенское-Болгары). Какъ кажется, въ этомъ году Татары только разграбили Болгарію, а не завоевали ее, потому-что о завоеваніи говорится въ нашей лѣтописи (той же владимірской) подъ 1236-мъ годомъ. Но страшныхъ людей, приходившихъ одинъ разъ, нужно было ожидать снова, а они приходили уже къ нашимъ непосредственнымъ сосѣдямъ.

Не долго пришлось ждать того, чтобы Татары явились и къ намъ самимъ. Послѣ смерти Чингисъ-хана престолъ великаго хана въ Каракорумѣ оставался незамѣщеннымъ въ продолженіе двухъ лѣтъ; наконецъ, въ 1229-мъ году согласно съ его волею провозглашенъ былъ великимъ ханомъ его третій и особенно любимый имъ сынъ Оготай (Угэдэй). Послѣ усмиренія возстанія, вспыхнувшаго въ Ховарезмѣ и послѣ завоеванія Китая по рѣку Янгъ-тсе-Кіангъ, въ 1235-мъ году Оготай рѣшилъ снарядить великія арміи для выполненія мысли и завѣщанія Чингисъ-хана о завоеваніи всего свѣта. Снаряжены были двѣ арміи и одна изъ нихъ съ тѣмъ, чтобы идти на западъ, для завоеванія Европы. Во главѣ ея былъ поставленъ Батый, сынъ Джучіевъ, повелитель Кипчака, пограничнаго съ Европой, къ которому имѣли быть присоединены здѣшнія покоренныя страны; Батыя сопровождали два сына самого Оготая и сыновья двухъ его братьевъ. Завоеваніе Европы начато было Татарами съ камской Болгаріи, которая въ 1232-мъ году была ими разграблена. Осенью слѣдующаго 1236-го года Татары явились подъ столицей Болгаріи Великимъ городомъ, взяли его и совершенно разграбили, избивъ жителей отъ старыхъ до юныхъ и до ссущихъ младенцевъ, и потомъ опустошили и покорили всю страну. Въ виду этихъ ужасовъ у сосѣдей и уже черезъ чуръ явно нависавшей надъ самою Россіей страшной грозы, великій князь владимірскій Юрій Всеволодовичъ занимался тѣмъ, что справлялъ свадьбы двухъ своихъ сыновей! Проведши въ Болгаріи годъ, отъ осени до осени, на слѣдующую зиму, т. е. въ концѣ 1237-го года, Татары явились въ Россіи. По всей вѣроятности, руководясь мыслію начать съ слабѣйшихъ, они направились не на княжество владимірское, а на рязанское. Взявъ изъ Болгаріи путь на юго-западъ и явившись въ южной части княжества, они расположились станомъ на рѣкѣ, называемой въ лѣтописяхъ

Онузою, которой въ настоящее время неизвѣстно и подъ которою, можетъ быть, должно разумѣть рѣку Узу, текущую въ сѣверной части Саратовской губерніи и впадающей въ Суру на границѣ съ губерніей Пензенской. Отсюда они отправили пословъ къ князьямъ рязанскимъ, требуя себѣ отъ нихъ десятины въ людяхъ, въ коняхъ и во всемъ. Князья рязанскіе, не допустивъ пословъ до своей столицы, чтобы не дать имъ высмотрѣть ея мѣстности и укрѣпленій, и вышедъ къ нимъ на рѣку Воронежъ, отвѣчали: когда насъ всѣхъ не будетъ, тогда все будетъ ваше. Татары передвинулись съ рѣки Онузы на рѣку Воронежъ, а князья рязанскіе, рѣшивъ биться, отправили просить помощи къ вел. кн. владимирскому Юрію Всеволодовичу. Но великій князь жалкимъ образомъ дался въ обманъ Татарамъ. По особому кодексу правилъ о военной чести, образовавшемуся, какъ нужно думать, въ то время, когда Монголія, раздробленная на мелкія владѣнія, была погружена въ междоусобія, Татары считали хитрость и самый безсовѣстный обманъ такими же военными доблестями, какъ и мужество, и постоянно старались пользоваться первыми прежде, чѣмъ обращаться къ послѣднему: тѣже самые послы татарскіе, которые приходили къ рязанскимъ князьямъ, прошли отъ князей съ рѣки Воронежа во Владимиръ и увѣрили великаго князя, что онъ будетъ не тронутъ, если останется нейтральнымъ въ предстоящей борьбѣ. Князь, давшись въ обманъ пословъ, отпустилъ ихъ отъ себя одаренными [1]). 16-го Декабря 1237-го года Татары подступили къ Рязани, а 21-го взяли ее. Отъ Рязани они двинулись къ Коломнѣ. Такъ какъ послѣдняя (принадлежавъ тогда къ рязанскому удѣлу) стояла на самой границѣ владимирскаго княжества, то великій князь понялъ обманъ и поспѣшилъ выслать къ ней, на помощь уцѣлѣвшимъ рязанцамъ, свое войско подъ предводительствомъ одного изъ своихъ сыновей. Но соединенное войско рязанско-владимирское было разбито Татарами, а городъ взятъ. Послѣ взятія Коломны они вступили въ область великаго княженія и направились къ Москвѣ: городъ взяли, а здѣшняго удѣльнаго князя, другаго сына Юріева, живымъ захватили въ плѣнъ. Ожидая прихода Татаръ на Владимиръ, великій князь оставилъ въ столицѣ двухъ своихъ сыновей, а самъ съ тремя

---

[1]) Что дѣло было такъ, это даетъ знать Лаврентьевская лѣтопись въ своихъ рѣчахъ о вел кн. Юріи Всеволодовичѣ, которыя читаются въ ней подъ 1239-мъ годомъ. А утверждаемое Новгородскою лѣтописью, будто Юрій потому отказалъ рязанцамъ въ помощи, что хотѣлъ биться съ Татарами особо, очевидно, мало имѣетъ смысла (хотя, можетъ быть, онъ дѣйствительно далъ рязанцамъ этотъ странный отвѣтъ, чтобы чѣмъ нибудь мотивировать свой отказъ).

племянниками, князьями ростовскими, въ малой дружинѣ, удалился за Волгу и сталъ станомъ на рѣкѣ Сити (въ нынѣшнемъ Моложскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи), ожидая къ себѣ съ войсками своихъ братьевъ—Ярослава кіевскаго и Святослава юрьевскаго. Намѣреніемъ великаго князя, поведеніе котораго вообще не можетъ быть признано совершенно понятнымъ, по всей вѣроятности было то, чтобы по собраніи войска напасть на Татаръ подъ Владиміромъ съ тыла. Но если это такъ, то ничего подобнаго не случилось.

Татары, представлявшіе изъ себя войско исключительно конное и въ тоже время въ отношеніи къ неутомимости въ ѣздѣ лошадей и людей образцовое, дѣйствовали съ величайшею быстротою, разсчитывая наводить этимъ особенный ужасъ на враговъ и захватывать ихъ врасплохъ: едва ли великій князь и успѣлъ принять на Сити какое-нибудь рѣшеніе, какъ уже Владиміръ былъ взятъ. Татары явились подъ его стѣнами 2-го Февраля. Расположившись станомъ у него, они сдѣлали выѣздъ къ Суздалю, отстоящему отъ него на 34 версты, чтобы взять эту вторую столицу великаго княженія, а затѣмъ, послѣ однодневнаго приготовленія къ осадѣ и послѣ столько же непродолжительной осады, взяли его 8-го Февраля. Овладѣвъ Владиміромъ, въ которомъ погибло все рѣшительно семейство великаго князя [1]), Татары разсыпались для опустошенія и грабежа по всей области суздальско-ростовской: отдѣльными отрядами они устремились на Ростовъ, Ярославль, Переяславль, Тверь, на Волгу къ Городцу, отъ котораго простерли свои опустошенія въ заволжьи до Галича мерьскаго (нынѣ костромскаго). Лѣтописецъ говоритъ, что не было мѣста ни веси и селъ такихъ рѣдко, гдѣ бы не воевали Татары на суздальской землѣ, и что ими было взято 14 городовъ, кромѣ слободъ и погостовъ. Все это плѣненіе и опустошеніе области суздальско-ростовской совершено было Татарами въ продолженіе одного Февраля мѣсяца [2]). Истинно и невыразимо ужаснымъ долженствовало быть положеніе

[1]) Сынъ Владиміръ, захваченный въ плѣнъ въ Москвѣ, былъ убитъ подъ стѣнами Владиміра; два сына Всеволодъ и Мстиславъ, оставленные въ столицѣ для ея защиты, жена, дочь, снохи и внучата, оставшіеся въ ней же, всѣ погибли въ самомъ Владимірѣ. Великая княгиня съ женской и малолѣтней частью семейства, бояре (старые и невоенные, не принимавшіе участія въ защитѣ), жены боярскія съ семействами, а также и множество всякихъ гражданъ, затворились было вмѣстѣ съ епископомъ Митрофаномъ въ соборной епископской церкви. Но Татары, взявъ городъ, подожгли церковь и, давъ части затворившихся погибнуть въ дымѣ и огнѣ, остальную часть изсѣкли.

[2]) Можетъ показаться недоумѣннымъ, что Татары предприняли свой завоева-

вел. кн. Юрія Всеволодовича, стоявшаго на Сити, когда въ страшномъ пожарѣ погибавшее отечество ждало отъ него послѣдней попытки спасенія и когда онъ лично былъ уже человѣкомъ безъ отечества, лишившимся всего на этомъ свѣтѣ. Великій князь и не сдѣлалъ никакой попытки: на его неподвижно стоявшее въ совершенномъ смущеніи отчаянія войско, которое позабыло даже выставлять стражей, Татары внезапно нахлынули 4-го Марта; произошла битва, въ которой Русскіе были разбиты и предались бѣгству и въ которой великій князь нашелъ свою смерть [1]).

Изъ области суздальской Татары направились въ область новгородскую. Послѣ двухнедѣльной осады, они взяли 23-го Марта Торжокъ и пошли Селигерскимъ путемъ къ самому Новгороду. Но, не доходя ста верстъ до Новгорода, остановились у мѣста, называвшагося Игначъ крестъ, [2]) и поворотили на югъ, вѣроятно, испугавшись новгородскихъ топей и болотъ, которыхъ Монголы, будучи жителями возвышенныхъ сухихъ мѣстъ, и въ настоящее время вообще страшно боятся. Изъ исторіи этого движенія Татаръ на югъ и потомъ на юго-востокъ, въ степь половецкую, которое, нѣтъ сомнѣнія, сопровождалось такими же грабежами и опустошеніями, какъ и въ области суздальской, извѣстенъ эпизодъ осады Татарами Козельска. Ничтожный городокъ Козельскъ, принадлежавшій къ области черниговской (нынѣ Калужской губерніи)

тельный походъ на Россію зимой. Но это съ нарочитымъ намѣреніемъ. Монголія, представляющая изъ себя возвышенную и безлѣсную плоскость, имѣетъ чрезвычайно суровый климатъ: зима въ ней очень продолжительна, отличается страшными холодами, ужасными буранами и вьюгами. Будучи поэтому народомъ закаленнымъ относительно зимы со всѣми ея ужасами, Монголы со времени самого Чингисъ-хана нарочно и предпринимали свои большіе военные походы зимой, чтобы ее имѣть своею помощницею въ одержаніи верха надъ врагами, см. Землевѣдѣніе Азіи *К. Риттера* въ русск. переводѣ *Семенова*, т. V, выпускъ 1, Спб., 1879, стр. 444 (Свидѣтельство греческаго историка Пахимера, что Татары имѣютъ обыкновеніе воевать зимой, у *Стриттера* въ Memorr. popp. III, 170. По свидѣтельству Боплана, и крымскіе Татары XVII вѣка дѣлали свои вторженія въ непріятельскія земли всегда въ зимнюю пору,—Description d'Ukraine, ed. Rouen, 1660, p. 41).

[1]) Новгородская лѣтопись дѣлаетъ по поводу смерти Юрія Всеволодовича, можетъ быть—указывая только на ходившія въ Новгородѣ сплетни, загадочное замѣчаніе: „Богъ же вѣсть, како скончася, много бо глаголють о немъ иніи“.

[2]) Мѣсто это въ настоящее время неизвѣстно; считаютъ вѣроятнымъ видѣть въ немъ нынѣшній городъ Крестцы (находящійся въ 79-ти верстахъ къ юго-востоку отъ Новгорода).

покрылъ себя доблестной славой за всю русскую землю, показавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, на стыдъ нашимъ князьямъ, что при бóльшемъ съ ихъ стороны мужествѣ и патріотическомъ одушевленіи Татары не владѣли бы русской землей. Козельскъ имѣлъ въ то время своего удѣльнаго князя, по имени Василія, неизвѣстно чьего сына и потомка [1]); но князь былъ весьма молодъ. Не смотря на это, жители города рѣшились биться съ Татарами и положить за него свой животъ. Имѣя своею защитою, нѣтъ сомнѣнія, ничтожныя сравнительно укрѣпленія, они такъ мужественно выдерживали осаду, что послѣдняя продолжалась цѣлыя семь недѣль. Когда наконецъ Татары разбили городскую стѣну и взошли на валъ, козельцы рѣзались съ ними ножами и, напавъ на самый ихъ станъ, перерѣзали четыре тысячи человѣкъ, пока сами не были всѣ до одного перебиты. Осада Козельска оставила по себѣ такую страшную память у Татаръ, что, по словамъ лѣтописца, они не смѣли потомъ называть его Козельскомъ, но называли злымъ городомъ.

Опустошеніе Руси, пройденной полчищами монгольскими, должно быть представляемо какъ самое ужасное. Въ то время и всѣ европейскіе народы вели войны совершенно поварварски; но естественно, что настоящіе варвары, родичи Гунновъ и Печенѣговъ, каковы были Монголы, должны были значительно превосходить въ семъ отношеніи европейцевъ. Страшное опустошеніе и совершенное разрушеніе городовъ и селеній, безпощадное и совсѣмъ звѣрское избіеніе не успѣвавшихъ спасаться отъ нихъ жителей,—иногда за исключеніемъ тѣхъ, которые отбирались въ рабство, иногда же и совершенно поголовное, вотъ то, въ чемъ Монголы полагали свою военную славу и свое рыцарство и въ чемъ они находили свое дикое услажденіе и веселіе. Такъ вёлъ войны самъ Чингисъ-ханъ; такъ вели ихъ и его дѣти и внуки. Монголы завоевали міръ, чтобы владѣть имъ, и въ то же время они такъ безпощадно опустошали его, что какъ будто хотѣли владѣть пустынями [2]). Проходъ Монголовъ по сѣверной Россіи безъ всякаго преуве-

---

[1]) Можетъ быть, сына того Мстислава, который, будучи называемъ въ Ипатской лѣтописи козельскимъ и черниговскимъ, погибъ съ сыномъ въ калкинской битвѣ.

[2]) Въ объясненіе ужасныхъ убійствъ, которыя производили Монголы въ покоряемыхъ ими городахъ и порабощаемыхъ земляхъ, ссылаются на то, что они считали себя посланными Богомъ завоевать міръ и что противившихся имъ они хотѣли наказывать какъ противившихся волѣ Божіей. Но весьма нерѣдко они безпощаднымъ образомъ избивали жителей и тѣхъ городовъ, которые, положившись на ихъ обѣщаніе пощады въ случаѣ покорности, сдавались имъ добровольно.

личенія долженъ быть уподобленъ страшному тропическому урагану, который все сокрушаетъ и уничтожаетъ на своемъ пути: города и селенія были выжжены и представляли груды пепла; на пепелищахъ и кругомъ пепелищъ валялось безчисленное множество человѣческихъ труповъ. Къ счастію, Монголы имѣли то сходство съ ураганомъ, что проносились такъ же быстро, какъ онъ, такъ что по крайней мѣрѣ остававшіеся въ живыхъ скоро должны были освобождаться отъ своихъ ужасовъ: немалую дугу, которую описали Монголы по Россіи, они прошли не болѣе какъ въ продолженіе пяти-шести мѣсяцевъ [1]).

Изъ опустошенной Россіи Батый вышелъ въ степь половецкую, въ которой и рѣшилъ утвердить свое постоянное пребываніе вмѣсто степи киргизской. Въ продолженіе 1238-го года, начиная съ лѣта, и въ продолженіе слѣдующаго 1239-го года до зимы его орда била и прогоняла Половцевъ, чтобы очистить просторъ себѣ, осматривалась и устраивалась на новомъ мѣстѣ жительства и отдыхала отъ совершеннаго похода.

Зимой 1239-го года Батый возобновилъ свои завоеванія и вмѣстѣ опустошенія. Два отряда, посланные имъ на сѣверо-западъ, взяли и обратили въ пепелъ Переяславль и Черниговъ; отрядъ, посланный на сѣверъ, взялъ землю мордовскую, города Муромъ и Гороховецъ и опустошилъ область по нижней Клязьмѣ. Возобновленіе Татарами военныхъ дѣйствій навело на Русскихъ такой паническій страхъ, что, по словамъ лѣтописца, въ 1239-мъ году «бысть переполохъ золъ по всей земли, (такъ что) и сами не вѣдяху, и гдѣ хто бѣжитъ». Послѣ Переяславля и Чернигова дошла очередь и до старшей столицы Руси, заднѣпровскаго Кіева. Предводитель отряда, посыланнаго для взятія Чернигова, спустился отъ Чернигова къ Кіеву и подошолъ къ нему съ этой стороны Днѣпра. Надѣясь взять Кіевъ лестію, онъ отправилъ

[1]) Чтобы составить себѣ надлежащее понятіе о всей ужасности монгольскихъ нашествій, нужно читать не однихъ нашихъ лѣтописцевъ, которымъ не подъ силу было рисовать сколько-нибудь живыя картины ужасовъ, но еще восточныхъ и западно-европейскихъ (наши лѣтописцы въ немногихъ и нисколько некартинныхъ рѣчахъ своихъ о неистовствахъ Монголовъ главнымъ образомъ обращаютъ вниманіе на то, что послѣдніе при избіеніи или забираніи въ рабство жителей не дѣлали исключенія для черцовъ и черноризицъ, для поповъ и попадей. Впрочемъ, и у насъ есть одинъ писатель не изъ числа лѣтописцевъ, рисующій до нѣкоторой степени помянутыя живыя картины; это—Серапіонъ Владимирскій, дающій ихъ намъ въ своихъ поученіяхъ).—По легендѣ о св. Меркуріи Смоленскомъ Татары проходили мимо Смоленска во второй половинѣ Ноября; но необходимо думать, что это было гораздо ранѣе,—около половины Апрѣля.

пословъ къ сидѣвшему тогда въ Кіевѣ черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу, вѣроятно, съ предложеніемъ, что городъ будетъ пощаженъ, если сдастся добровольно; но Михаилъ отвѣчалъ тѣмъ, что приказалъ умертвить пословъ. Донесеніе Батыю его предводителя, видѣвшаго «красоту и величество» старшей русской столицы, а также и ея сравнительно сильныя укрѣпленія, которыя съ этой стороны Днѣпра должны были казаться еще болѣе сильными, такъ какъ съ рѣки городъ на высокой горѣ, вѣроятно, гласило, что для овладѣнія Кіевомъ требуется вся рать монгольская, а не отдѣльный отрядъ. Зимой слѣдующаго 1240-го года Батый, вообще рѣшившій возобновить завоеваніе Европы, пошелъ на Кіевъ со всѣми своими полчищами. Между тѣмъ въ Кіевѣ успѣли смѣниться три князя: Михаила Всеволодовича выгналъ Ростиславъ Мстиславичъ смоленскій, а Ростислава—Даніилъ Романовичъ галичскій; этотъ послѣдній, не переселяясь въ Кіевъ самъ, а только присоединивъ его къ своему княженію, посадилъ въ немъ для обороны отъ Татаръ своего боярина Димитрія. Войско, приведенное Батыемъ подъ Кіевъ, было такъ многочисленно, что, по словамъ лѣтописца, отъ скрипѣнія телѣгъ обоза, отъ ревѣнія верблюдовъ и отъ ржанія стадъ конскихъ нельзя было слышать голоса человѣческаго. Послѣ продолжительной осады, при чемъ пороки или стѣнобитныя машины осаждающихъ, составлявшія тогдашную артиллерію, били стѣны города день и ночь, Кіевъ былъ взятъ 6-го Декабря, въ Николинъ день [1]). Отъ Кіева, который былъ разграбленъ и выжженъ, а жители котораго подверглись страшному избіенію [2]), Батый направился въ область волынско-галичскую; взялъ большую часть ея городовъ, въ томъ числѣ стольные Владиміръ и Галичъ, и опустошилъ область также безпощадно и ужасно, какъ и суздальсво-ростовскую [3]). Отъ Га-

---

[1]) Сколь долго продолжалась осада Кіева, наши лѣтописи не говорятъ; но Плано-Карпини говоритъ, что она была продолжительная,—отдѣла извѣстій въ его сочиненіи о Татарахъ статья V.

[2]) Лаврентьевск. лѣтоп.: „а люди отъ мала и до велика вся убиша мечемъ". О страшномъ избіеніи свидѣтельствуетъ и Плано-Карпини, ibid..

[3]) Когда князья галичско-волынскіе Даніилъ и Василько Романовичи, во время опустошенія ихъ области Батыемъ находившіеся въ Венгріи и Польшѣ, возвратились изъ послѣдней домой и пришли къ Берестью,—нынѣшнему Брестъ-Литовску, то, по словамъ лѣтописца, „не возмогоша ити (далѣе) въ поле смрада ради множества избъенныхъ, не бѣ бо,—говоритъ лѣтописецъ,—на Володимѣрѣ не осталъ живый, церкви святой Богородици исполнена трупья, иныа церкви наполнена быша трупія и тѣлесъ мертвыхъ" (Ипатск., 2 изд. стр. 524).

лича въ Галиціи Батый двинулся въ западную Европу. Онъ раздѣлилъ свою армію на двѣ половины: съ одною самъ пошелъ въ Венгрію чрезъ Карпаты, а другую послалъ въ Польшу. Первая армія занималась разгромомъ Венгріи, при чемъ ея передовые отряды доходили до стѣнъ Вѣны въ Австріи, а отдѣленный отъ нея корпусъ, посланный преслѣдовать искавшаго спасенія въ бѣгствѣ венгерскаго короля, достигалъ на югѣ до самаго Адріатическаго моря въ Далмаціи. Вторая армія прошла Польшу, Силезію, Моравію и изъ послѣдней поворотила въ Венгрію на соединеніе съ самимъ Батыемъ. Двинувшись изъ Венгріи назадъ, Татары держали свой обратный путь частію чрезъ Трансильванію и Молдавію (самъ Батый), частію черезъ Боснію, Сербію, Болгарію и Молдавію (корпусъ, посланный для преслѣдованія венгерскаго короля). Мысль о подчиненіи себѣ западной Европы Батый долженъ былъ оставить. Но его проходъ по ней былъ тѣмъ же ужаснымъ ураганомъ, что̀ и въ нашей Россіи.

Возвратившись изъ западной Европы въ степь половецкую въ 1242-мъ году [1]) и утвердивъ свое пребываніе на восточномъ краю ея, на берегахъ Волги, близь границы съ степью азіатскою, Батый началъ свое господствованіе надъ Россіей. Въ томъ же 1242-мъ году пошли къ нему князья русскіе для изъявленія ему своей покорности и для полученія отъ него утвержденія на своихъ престолахъ. Съ береговъ Волги князья должны были предпринимать страшно далекія и страшно трудныя путешествія въ Харахоринъ или Каракорумъ для поклоненія великому хану. Это послѣднее продолжалось впрочемъ не долго. Четвертый великій ханъ (послѣ самого Чингисъ-хана) Хубилай или Кублай [2]), избранный въ 1260-мъ году, покоривъ весь Китай (въ 1279-мъ году), сдѣлался императоромъ Китайскимъ и переселился изъ Харахорина въ Пекинъ: чрезъ это прекратилось существованіе великаго ханата и тетрархіи, установленной Чингисъ-ханомъ [3]). Въ самой Рос-

[1]) По Ипатской лѣтописи, Батый возвратился изъ западной Европы въ 1243-мъ году; но болѣе надежная относительно хронологіи лѣтопись Новгородская, которой слѣдуютъ и другія сѣверныя лѣтописи, говоритъ, что, возвратившись изъ западной Европы, Батый позвалъ къ себѣ вел. кн. Ярослава Всеволодовича въ 1242-мъ году.

[2]) Между Оготаемъ и Хубилаемъ два промежуточные великіе ханы были: Гуюкъ или Куюкъ и Мангу или Менгу (Мöнкэ).

[3]) Въ русскомъ языкѣ есть слово харахориться, что̀ значитъ неумѣренно величаться, слишкомъ ломаться. Подозрѣвается намъ, что слово—отъ названія столицы великихъ хановъ Харахорина и что оно введено въ русскій языкъ на-

сіи, для завѣдыванія ею, какъ страною вассальною, а премущественно для сбора податей и пошлинъ съ ея населенія, явились ханскіе намѣстники, называвшіеся баскаками.

шими князьями, ѣздившими въ Харахоринъ, съ того повода, что великіе ханы слишкомъ величались надъ ними или что имъ приходилось слишкомъ унижаться предъ ханами. Великіе ханы носили титулъ „каановъ“, что̀ толкуется—ханъ надъ ханами (и что̀, вѣроятно, есть особое произношеніе титула хаканъ или каганъ, тогда какъ ханъ есть сокращеніе послѣдняго). Въ нашихъ лѣтописяхъ великіе ханы называются канами, а о поѣздкахъ къ нимъ князей кромѣ выраженій: поѣхать къ канови, пріѣхать изъ кановы земли, употребляются еще выраженія: поѣхать къ кановичемъ, пріѣхать отъ кановичъ, что̀ должно быть понимаемо въ смыслѣ: поѣхать къ наслѣдникамъ Чингисъ-хана въ качествѣ великихъ хановъ, ибо и самъ Чингисъ-ханъ называется въ нашихъ лѣтописяхъ каномъ. Батый подъ конецъ своего правленія, вѣроятно, въ 1253-мъ году, построилъ для своего пребыванія городъ Серай или Сарай (что̀ значитъ дворецъ), который долженъ быть полагаемъ на нижней Ахтубѣ, на мѣстѣ нынѣшняго селенія Селитряный городокъ, находящагося въ 110-ти верстахъ отъ Астрахани (а послѣ построенъ былъ новый Сарай, который долженъ быть полагаемъ на верхней Ахтубѣ, на мѣстѣ нынѣшняго города Царева и который называется въ лѣтописяхъ Сараемъ великимъ,— Собр. лѣтт. VI, 194). Орда Батыева, владѣвшая Русью, называлась улусомъ Джучіевымъ отъ отца Батыева, улусомъ кипчакскимъ и ордой кипчакской отъ мѣстности, ордой сарайской отъ города Сарая и золотой ордой отъ ханской палатки. Орда собственно значитъ лагерь, состоящій изъ того или другаго количества палатокъ (а отсюда и цѣлый кочевой народъ, живущій въ палаткахъ), но еще это названіе употреблялось, какъ многовратно даетъ знать Плано-Карпини, о палаткахъ хановъ и вельможъ (потому, вѣроятно, что около собственно ихъ палатокъ стояли цѣлые лагери, орды, палатокъ ихъ прислуги). Палатка хановъ называлась золотой ордой, какъ даетъ знать тотъ же Плано Карпини, потому что она ставилась на шестахъ, покрытыхъ золотыми листами (а можетъ быть и потому также, что у Монголовъ эпитетъ „золотой“ употреблялся о ханахъ въ соотвѣтствіе европейскому эпитету августѣйшій).—Наконецъ, о національности кипчакской или Батыевой орды должно быть сказано, что она была собственно не монгольская или татарская, а тюркская, такъ что и остающіеся отъ ней до настоящаго времени наши Татары представляютъ собою не Монголовъ или Татаръ, а Тюрковъ (народная группа которыхъ, имѣющая въ Азіи главными своими представителями Туркменовъ, а въ Европѣ представляемая Турками османлисами, принадлежитъ къ тому же урало-алтайскому семейству, что̀ и Монголы, и есть ближайшая въ немъ къ послѣднимъ). Это случилось такимъ образомъ, что Батый привелъ съ собою въ Европу для ея завоеванія полчища не коренныхъ Монголовъ, а покоренныхъ въ восточномъ Кипчакѣ Тюрковъ (помянутыхъ Туркменовъ и Киргизовъ) и что настоящіе Монголы были только во главѣ полчищъ, въ качествѣ начальниковъ.

Поработивъ своему игу русскую землю и ставъ ея верховными господами въ отношеніи государственномъ, Татары вмѣстѣ съ тѣмъ стали ея верховными господами и въ отношеніи церковномъ. Они могли принуждать Русскихъ къ принятію ихъ вѣры, и именно—принуждать или весь народъ, или по крайней мѣрѣ князей съ высшимъ сословіемъ боярскимъ. Не принуждая никого къ перемѣнѣ вѣры, они могли ограничить гражданскія права нашего духовенства, или совсѣмъ отнять ихъ у него. Вообще, будучи народомъ иновѣрнымъ, они могли стать бо́льшими или меньшими врагами нашей русской (православно-христіанской) вѣры по отношенію къ ней самой и къ ея представителямъ. Въ какія же отношенія стали Татары къ вѣрѣ Русскихъ и къ ихъ духовенству?

Но прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы должны на минуту воротиться назадъ, чтобы сказать о поведеніи и объ участи нашего духовенства во время поработительнаго нашествія Татаръ и также о томъ, какія бѣдствія потерпѣла отъ нихъ во время этого нашествія собственно церковь.

Если полагать, что обязанность высшаго духовенства,—епископовъ съ соборами игуменовъ, долженствовала при данныхъ обстоятельствахъ состоять въ томъ, чтобы одушевлять князей и всѣхъ гражданъ къ мужественному сопротивленію врагамъ для защиты своей земли: то лѣтописи не даютъ намъ права сказать, чтобы епископы наши оказались на высотѣ своего призванія,—онѣ не говорятъ намъ, чтобы, при всеобщей паникѣ и растерянности, раздавался по странѣ этотъ одушевляющій святительскій голосъ. Что касается до поведенія тѣхъ епископовъ, каѳедральные города которыхъ взяты были Татарами, то, не давая намъ свѣдѣній обо всѣхъ ихъ и ограничиваясь только нѣкоторыми изъ нихъ, лѣтописи сообщаютъ намъ, что одни изъ этихъ нѣкоторыхъ епископовъ оставались въ своихъ городахъ въ минуту взятія ихъ Татарами, чтобы потерпѣть отъ послѣднихъ смерть наравнѣ съ прочими, или чтобы получить отъ нихъ пощаду жизни, и что другіе спасались отъ нихъ чрезъ удаленіе изъ своихъ городовъ въ безопасныя мѣста. Епископъ рязанскій, неизвѣстный по имени, съ каѳедральнаго города котораго начали Татары, сдѣлалъ второе нами указанное: «а епископа, говорятъ лѣтописи, ублюде Богъ, отъѣха проче (прочь, вонъ изъ города) въ той годъ (въ то время), егда рать оступи градъ». Епископъ владимирскій Митрофанъ оставался во Владимирѣ и погибъ въ своей соборной церкви отъ огня или меча вмѣстѣ со всѣми другими, которые затворились было съ нимъ въ ней [1]). Епископъ ростов-

[1]) Ипатская лѣтопись утверждаетъ о Митрофанѣ, что онъ воодушевлялъ князей и гражданъ къ сопротивленію Татарамъ. Но при молчаніи о семъ Лаврентьев-

скій Кириллъ поступилъ подобно епископу рязанскому, «избывъ» Татаръ на Бѣлоозерѣ. Епископы переяславскій Сумеонъ и черниговскій Порфирій оставались въ своихъ городахъ, при чемъ первый изъ нихъ былъ убитъ, а второй остался въ живыхъ и оставленъ былъ на свободѣ. Прочіе епископскіе города, взятые Татарами, были: митрополичій Кіевъ, Бѣлгородъ, Юрьевъ, Владиміръ Волынскій, Галичъ и, вѣроятно, Перемышль. Митрополита Іосифа, прибывшаго изъ Греціи на Русь въ 1237-мъ году, т.-е. въ самый годъ нашествія Татаръ на владимирскую часть ея, мы не находимъ у насъ послѣ взятія Татарами Кіева и изъ двухъ предположеній, что или онъ убитъ былъ при взятіи города, или предъ его взятіемъ удалился домой въ Грецію, за наиболѣе вѣроятное должно быть признано второе. Что сталось съ епископами бѣлгородскимъ, юрьевскимъ и владимиро-волынскимъ, остается неизвѣстнымъ; а епископовъ галичскаго и перемышльскаго мы находимъ живыми послѣ взятія Татарами ихъ городовъ. Поведеніе тѣхъ епископовъ, которые оставались въ своихъ городахъ, чтобы погибать или только ожидать смерти вмѣстѣ съ своими паствами, конечно, должно быть признано болѣе доблестнымъ, чѣмъ поведеніе тѣхъ епископовъ, которые удалились въ безопасныя мѣста. Но, съ другой стороны, нужно имѣть въ виду и то, что избіеніе Татарами многихъ епископовъ оказалось бы весьма бѣдственнымъ для общества въ церковномъ отношеніи. Если бы, напримѣръ, вмѣстѣ съ епископомъ владимирскимъ былъ убитъ и епископъ ростовскій, тогда откуда стала бы брать священниковъ цѣлая обширная область?

Представители низшаго приходскаго духовенства—священники и діаконы взятыхъ и разграбленныхъ Татарами городовъ и селеній и монахи съ монахинями находившихся въ нихъ монастырей подвергались одинаковой участи съ мірянами, т.-е. или были избиваемы, или уводимы въ плѣнъ. О Рязани лѣтопись говоритъ: «взяша градъ Резань и пожгоша весь и князя ихъ Юрья убиша и княгиню его, а иныхъ же емше мужей и жены и дѣти и черньца и черниць и ерея—овыхъ расѣкаху мечи, а другихъ стрѣлами стрѣляху, тыи (тѣхъ, иныхъ) въ огнь вметаху, иныя имающе вязаху (и груди вырѣзываху, и жолчь вынимаху, а съ иныхъ кожи одираху, а инымъ иглы и щепы за ногти біяху) [1]) и поруганіе черницамъ и попадьямъ и добрымъ женамъ и дѣ-

---

ской лѣтописи представляется гораздо вѣроятнѣйшимъ показаніе лѣтописи Новгородской, что при первомъ же взглядѣ на татарскія полчища, обступившія Владиміръ, епископъ вмѣстѣ съ князьями призналъ, „яко уже взяту быти граду“.

[1]) Слова, поставленныя въ скобахъ,—изъ сводной повѣсти о разореніи Ба-

вицамъ предъ матерми и сестрами (чиняху)». О Суздалѣ лѣтопись говоритъ: «черньци и черници старыя и попы (старые) и (люди) слѣпыя и хромыя и слукыя и трудоватыя и люди всѣ (старыя) изсѣкоша, а что чернець уныхъ и черниць и поповъ и попадіи (уныхъ) и дьяконы и жены ихъ и дчери и сыны ихъ (и иные уные люди всѣ)»—то всё ведоша въ станы своя [1]). О Владимирѣ лѣтопись говоритъ: «(убьены и поплѣнены быша) игумени и черньци и черници и попы и дьяконы, отъ уного до старца и ссущаго младенца, и та вся иссѣкоша (и поплѣниша), овы убивающе, овы же ведуще босы и безпокровены въ станы своя, издыхающи мразомъ». О Торжкѣ лѣтопись говоритъ: «и тако поганіи взяша градъ и изсѣкоша вся отъ мужьска полу и до женьска, іереискыи чинъ весь и черноризьскыи, а все изъобнажено и поругано»...

Что касается до бѣдствій церкви помимо избіенія и плѣненія священниковъ и монаховъ, то Татарами было уничтожено великое множество храмовъ и монастырей. Какъ должно думать, они не уничтожали намѣреннымъ образомъ однихъ и другихъ, подвергая только тѣ и другіе, и особенно вторые, своему разграбленію [2]); но при сожженіи ими городовъ и селеній тѣ и другіе погибали вмѣстѣ съ человѣческими жилищами. При этомъ, относительно храмовъ чувствительность бѣдствія состояла не столько въ ихъ собственной погибели, сколько въ погибели ихъ молитвенныхъ принадлежностей, ихъ богослужебной утвари и ихъ богослужебныхъ книгъ: самые храмы (подразумѣвается—деревянные) безъ особеннаго труда могли быть построены вновь, но пріобрѣтеніе принадлежностей и утвари, въ особенности же пріобрѣтеніе богослужебныхъ книгъ, было въ то время дѣломъ чрезвычайно труднымъ.

тыемъ Рязани, напечатанной *И. И. Срезневскимъ* въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, № XXXIX, стр. 79.

[1]) Нѣсколько дополняемъ и поправляемъ лѣтопись,—Лаврентьевскую, на основаніи выше читаемаго въ ней мѣста, которымъ она буквально пользуется въ настоящемъ случаѣ, именно—мѣста подъ 1203-мъ годомъ.

[2]) Изъ церквей знаменитыхъ и вмѣстѣ богатыхъ были разграблены Татарами, по показанію лѣтописей, соборы: суздальскій, владимирскій, переяславскій (Переяславля южнаго) и кіевскій Софійскій. О разграбленіи владимирскаго собора лѣтопись говоритъ: „святую Богородицю разграбиша, чюдную икону [Владимирской Божіей Матери] одраша, украшену златомъ и серебромъ и каменіемь драгымъ, и и (ины) иконы одраша, а иные изсѣкоша, а ины поимаша, и кресты честныя и ссуды священныя и книги одраша, и порты блаженыхъ первыхъ князій, еже бяху повѣшали въ церквахъ святыхъ на память собѣ, то же все положиша собѣ въ полонъ“. Что касается до монастырей, то лѣтописи говорятъ, что Татары разграбили ихъ всѣ—въ Москвѣ (?), Суздалѣ, Владимирѣ и Кіевѣ.

Возвращаемся къ нашему вопросу: въ какія отношенія стали Татары къ вѣрѣ Русскихъ и къ ихъ духовенству вслѣдъ за порабощеніемъ ихъ страны.

По окончаніи самаго порабощенія, въ продолженіе котораго, какъ времени войны, церковь не составляла исключенія и подверглась совершенно такимъ же ужаснымъ бѣдствіямъ, какъ и государство, Татары стали къ вѣрѣ и къ духовенству Русскихъ въ отношенія самой полной терпимости и самаго полнаго благопріятствованія. Ни цѣлый народъ, ни кого бы то ни было въ отдѣльности, они вовсе не принуждали къ перемѣнѣ вѣры; за духовенствомъ нашимъ они вполнѣ признали его существовавшія гражданскія права. Такимъ образомъ, этотъ бичъ Божій, обрушившійся на наше отечество, не явился по крайней мѣрѣ бичемъ для церкви, т.-е. не явился бичемъ для послѣдней по крайней мѣрѣ со стороны ея внѣшней свободы и внѣшняго положенія.

Татары стали въ отношенія полной и совершенной терпимости къ вѣрѣ Русскихъ не потому, чтобы они хотѣли сдѣлать исключеніе именно для нихъ, а потому, что въ такія отношенія они становились къ вѣрамъ всѣхъ покоренныхъ ими народовъ,—потому, что полная вѣротерпимость была общимъ ихъ правиломъ въ приложеніи ко всѣмъ.

Причинъ этой полной вѣротерпимости Татаръ было нѣсколько.

Первою причиною было то, что они были язычники. Мы уже говорили прежде [1]), что язычники не смотрятъ на свои вѣры, которыхъ держатся, какъ на религіи единственно истинныя, но что всѣ вѣры, сколько ихъ ни видятъ у людей, они считаютъ религіями одинаково истинными, ведущими начало отъ одного и того же Бога, и только различными по различію людей. На этомъ основаніи вѣротерпимость язычниковъ есть то, что̀ вытекаетъ изъ существа ихъ воззрѣній на вѣры. Какихъ воззрѣній держатся всѣ язычники, такихъ же должны были держаться и Татары; а отсюда, подобно всѣмъ другимъ язычникамъ, они принципіально долженствовали быть терпимыми. Что Татары не уклонялись въ своихъ воззрѣніяхъ на вѣры отъ всѣхъ другихъ язычниковъ,—каковое уклоненіе было бы дѣломъ необъяснимымъ,—на это мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, принадлежащія имъ самимъ. Когда монахъ Рубруквисъ, ходившій къ великому хану Каракорумскому Мангу отъ французскаго короля Людовика Святаго [2]),

[1]) I т 2-я полов., стрр. 75 и 79.

[2]) Вильгельмъ Рубруквисъ (Руисбрёкъ, Рубрукъ), французскій монахъ францисканскаго ордена (миноритъ), былъ посланъ Людовикомъ Святымъ изъ Сиріи.

убѣждалъ хана принять христіанство, послѣдній отвѣчалъ: «мы Монголы вѣруемъ, что есть единый (для всѣхъ народовъ) Богъ, которымъ мы живемъ и которымъ умираемъ, и къ Нему мы имѣемъ правое сердце; но какъ Богъ далъ рукѣ многіе пальцы, такъ далъ людямъ многіе пути (спасенія: sed sicut Deus dedit manui diversos digitos, ita dedit hominibus diversas vias); вамъ далъ Богъ писанія и вы христіане не храните ихъ, а намъ далъ волхвовъ (divinatores) и мы дѣлаемъ все, что̀ они приказываютъ намъ, и живемъ въ мирѣ» [1]).

Второю причиною полной вѣротерпимости Монголовъ были побужденія политическія. Темучинъ объявлялъ и вмѣстѣ признавалъ себя за человѣка, предназначеннаго Богомъ покорить весь міръ, чтобы образовать изъ него одно всемірное государство. Но въ мірѣ существуютъ многія вѣры и дѣлать людямъ насиліе въ семъ отношеніи значило бы возбуждать противъ себя ихъ вражду. Вовсе не желая дѣлать этого насилія уже по своимъ принципамъ религіознымъ, Темучинъ, по побужденіямъ политическимъ, объявилъ полную и совершенную вѣротерпимость, съ одинаковымъ покровительствомъ со стороны верховной власти всѣмъ вѣрамъ, какъ основной законъ своего государства. Соединивъ всѣ монгольскія племена въ одно цѣлое и принявъ титулъ Чингисъ-хана или императора, онъ, прежде чѣмъ обращаться къ дальнѣйшему завоеванію міра, обнародовалъ книгу государственныхъ законовъ подъ названіемъ Яса (Ясакъ), что̀ значитъ запреты [2]). Въ этой Яса, предписанія кото-

---

гдѣ находился король для крестовой войны съ Сарацинами, къ сыну Батыеву Сартаку, съ цѣлію проповѣди христіанства между Татарами, по тому поводу, что ему — королю ложно было донесено, будто Сартакъ принялъ христіанство. Отправленный Сартакомъ къ Батыю, а Батыемъ къ Мангу, Рубруквисъ прибылъ къ двору великаго хана 27-го Декабря 1263-го года и послѣ пятимѣсячнаго при немъ пребыванія отпущенъ былъ имъ въ обратный путь въ Іюнѣ 1264-го года. Послѣднее и лучшее изданіе его сочиненія „Путешествіе на Востокъ“ (Voyage en Orient) въ Recueil de voyges et de memoires парижскаго Географическаго общества, т. IV. Не имѣя у себя этого изданія, мы пользовались сочиненіемъ отчасти по старому изданію Бержерона, отчасти черезъ вторыя разныя руки (подробное извлеченіе между прочимъ у *Д'Оссона* въ Histoire des Mongoles, II, 283 sqq).

[1]) О совершенной вѣротерпимости язычниковъ-шаманистовъ, каковыми были Татары до принятія магометанства, въ настоящее время см. „Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи“ монаха *Іакинѳа*, IV, 55 fin.. Изъ язычниковъ, современныхъ Монголамъ и по мѣсту близкихъ къ нашей Руси, убѣдительный примѣръ вѣротерпимости представляютъ Литовцы.

[2]) См. объ Яса у *Гаммера* въ Geschichte d. gold. Horde, S. 148, также у *Григорьева* въ диссертаціи „О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству“, стр. 35 sqq.

рой долженствовали быть безусловно обязательными для его преемниковъ подъ страхомъ лишенія престола и пожизненнаго заключенія (что̀ и дѣйствительно бывало) и на которую Монголы дѣйствительно смотрѣли какъ на своего рода евангеліе или коранъ [1]), сдѣлано, нарочитое узаконеніе о томъ, что всѣ вѣры, безъ различія ихъ самихъ и содержащихъ ихъ народовъ, должны быть терпимы и что служители всѣхъ вѣръ, равно какъ врачи и нищіе, ученые и подвижники, молитвосозыватели и гробохранители, должны быть освобождены отъ всякихъ податей и налоговъ [2]). Преемники Чингисъ-хана, побуждаемые политикой, не только оказывали полную терпимость всѣмъ вѣрамъ, но старались вести себя такъ, чтобы послѣдователи каждой вѣры считали ихъ болѣе наклонными именно къ своему исповѣданію. Тотъ же Рубруквисъ, котораго мы привели сейчасъ выше, пишетъ о томъ же великомъ ханѣ Мангу: «у него въ обычаѣ, чтобы въ тѣ дни, въ которые его волхвы назначатъ быть праздникамъ, или на которые, какъ на праздники, укажутъ ему священники несторіанскіе (о сихъ священникахъ ниже), приходили къ нему сначала священники христіанскіе въ своемъ облаченіи и молились за него и благословляли его кубокъ (вина), чтобы по удаленіи ихъ приходили священники (муллы) сарацинскіе и дѣлали то же и чтобы послѣ сихъ приходили священники (жрецы) языческіе и дѣлали (опять) тоже. И говорилъ мнѣ,—продолжаетъ Рубруквисъ,—монахъ (несторіанскій, находившійся при дворѣ великаго хана), что вѣритъ (ханъ) только христіанамъ, хотя желаетъ, чтобы всѣ молились за него. Но онъ (монахъ),—прибавляетъ Рубруквисъ,—обманывался, потому что (ханъ) никому не вѣритъ (не держится ни чьей вѣры)..., всѣ слѣдуютъ за дворомъ его, какъ мухи за медомъ, и всѣмъ (онъ) даетъ (оказываетъ благоволеніе), и всѣ думаютъ, что онъ есть именно ихъ особенный покровитель, и всѣ предрекаютъ ему благополучіе».

Третью причину совершенной вѣротерпимости Монголовъ и ихъ усерднаго покровительства всѣмъ вѣрамъ составляло то, что они были народъ крайне и до послѣдней степени суевѣрный. На своихъ языческихъ волхвовъ или кудесниковъ (шамановъ) они смотрѣли какъ на

---

[1]) Арабскій историкъ конца XIV—первой половины XV вѣка Макризи говоритъ: „для потомковъ Чингисъ-хана Яса была ненарушимымъ закономъ, отъ постановленій котораго они никогда ни въ чемъ не отступали..; они столь же строго исполняли повелѣнія Яса, какъ первые мусульмане слѣдовали предписанному кораномъ“... См Исторію Монголовъ съ древнѣйшихъ временъ до Тамерлана, переводъ съ персидскаго (изъ Хондемира) *Григорьева,* Спб., 1834, прим. 93.

[2]) У *Гаммера* ibid. S. 190.

людей, которые обладаютъ чудеснымъ даромъ отвращать отъ людей несчастія и вмѣстѣ насылать на нихъ послѣднія. Какъ смотрѣли они на своихъ волхвовъ, представлявшихъ собою служителей ихъ вѣры, такъ смотрѣли они на служителей и всѣхъ другихъ вѣръ. Своихъ волхвовъ Монголы, съ одной стороны, весьма боялись, опасаясь отъ нихъ несчастій; а съ другой—весьма почитали, надѣясь посредствомъ ихъ чудеснаго дара быть въ своихъ дѣлахъ благоуспѣшными. По той же самой причинѣ они въ такой-же мѣрѣ боялись и почитали служителей и всѣхъ другихъ вѣръ. Слѣдствіемъ сего и было то, что они, одинаково терпя всѣ вѣры, усердно почитали, т.-е. собственно старались задабривать, служителей всѣхъ вѣръ и вели себя такъ, что какъ будто принадлежали ко всѣмъ вѣрамъ [1]).

Христіанство, составляющее религію единую истинную и открыто выдающее себя за таковую, повидимому, не должно было нравиться ханамъ монгольскимъ своими притязаніями исключительности. Но притязаніямъ христіанства, считая ихъ съ своей точки зрѣнія неосновательными, ханы оказывали, такъ сказать, великодушное снисхожденіе; между тѣмъ были частныя историческія обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ, начиная со времени самого Чингисъ-хана, оно должно было, съ одной стороны, стать въ глазахъ Монголовъ особенно высоко, такъ чтобы они имѣли охоту оказывать ему покровительство нарочитое и преимущественное, а съ другой стороны—пріобрѣсть за себя ходатаевъ

---

[1]) Мы привели свидѣтельство Рубруквиса, что великій ханъ Мангу велъ себя по отношенію ко всѣмъ вѣрамъ такъ, что какъ будто принадлежалъ къ каждой изъ нихъ. Вотъ такое же свидѣтельство извѣстно Марко-Поло о преемникѣ Мангу, великомъ ханѣ (потомъ императорѣ Китайскомъ), Хубилаѣ или Кублаѣ: „въ день пасхи, зная, что это одинъ изъ главныхъ христіанскихъ праздниковъ, великій ханъ велѣлъ всѣмъ христіанамъ явиться къ нему и принести съ собою то священное писаніе, въ которомъ заключается четвероевангеліе; окуривъ торжественно ладономъ эту книгу, онъ благоговѣйно поцѣловалъ ее; тоже должны были сдѣлать, по его приказанію, и всѣ тутъ бывшіе вельможи: это у него всегдашній обычай при всякомъ большомъ праздникѣ у христіанъ, о Рождествѣ и о Пасхѣ; тоже соблюдалъ онъ и въ праздники Сарацинъ, Жидовъ и язычниковъ; когда спросили его, зачѣмъ онъ дѣлаетъ это, онъ отвѣчалъ: „есть четыре пророка, почитаемые и обожаемые четырьмя разными племенами міра: христіане почитаютъ Іисуса Христа, Сарацины—Магомета, Жиды—Моисея, а у язычниковъ самый высшій богъ Согомбаръ-канъ, а я почитаю всѣхъ четырехъ и молю о помощи себѣ того, кто въ самомъ дѣлѣ выше всѣхъ изъ нихъ“... Путешествія кн. 2, гл. 2, русскій переводъ *Шемякина* съ нѣмецкаго (очень хорошаго) изданія *Авг. Бюрка* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1861 г. кн. 3.

предъ ханами съ голосомъ весьма сильнымъ и дѣйствительнымъ. Ко времени Чингисъ-хана христіанство существовало въ Монголіи, какъ вѣра, исповѣдуемая нѣкоторыми изъ отдѣльныхъ, населявшихъ ее, народовъ. Это именно—христіанство несторіанской секты. Несторіане въ концѣ V вѣка изгнанные изъ предѣловъ греческой имперіи, нашли себѣ убѣжище въ Персіи, государи которой, изъ политическаго соперничества съ императорами Константинопольскими, предложили имъ свое усердное покровительство. Поселившись въ Персіи, Несторіане начали вести дѣятельную пропаганду на востокѣ, посылали своихъ миссіонеровъ во всѣ стороны, и успѣли распространить христіанство своей секты въ Индіи, Туркестанѣ, Монголіи и Китаѣ. Въ Монголіи они водворили свое христіанство у двухъ народовъ: у народа тюркскаго племени Уйгуровъ, которые жили на сѣверъ отъ помянутаго выше Тангута, у восточныхъ склоновъ горнаго хребта Тянь-Шань, ограничивающаго съ сѣвера такъ-называемый восточный Туркестанъ (города: Хамиль, Турфанъ, Урумчи) [1]), и у народа собственной монгольской семьи Кераитовъ, жившихъ въ сѣверной Монголіи, въ верховьяхъ рѣкъ Селенги и Орхона, съ столицей въ Харахоринѣ или Каракорумѣ, который сдѣлалъ потомъ своей столицей Чингисъ-ханъ, послѣ покоренія Кераитовъ въ 1202—3 году [2]). Кераиты приняли несторіанское христіанство въ началѣ XI вѣка [3]). Когда оно распространилось у Уйгуровъ,—остается неизвѣстнымъ; но нужно думать, что значительно задолго до Кераитовъ, приблизительно вѣкѣ въ IX—VIII, если не въ VII [4]). Несторіане ввели у Уйгуровъ свою сирскую азбуку (на подобіе того, какъ Константинъ философъ ввелъ у Славянъ азбуку греческую, приспособивъ ее къ славянскому языку), и чрезъ это не только сдѣлали ихъ народомъ грамотнымъ, но и дали имъ возможность стать до нѣкоторой степени народомъ образованнымъ, что̀ и на самомъ дѣлѣ было. Эти Уйгуры, добровольно поддавшись Чингисъ-хану въ 1209—10 году, заняли въ толпѣ собранныхъ имъ подъ свою власть народовъ выдающееся положеніе. До Чингисъ-хана у Монголовъ вовсе не было грамоты; когда онъ создалъ свое обширное государство, оказалась нужда,

---

[1]) *К. Риттера* Die Erdkunde von Asien, B. I, S. 342 sqq.

[2]) Ibid. S. 257.

[3]) *Ios. Assemani* Bibliotheca Orientalis, T. III, pp. 474 и 483 (у *Риттера* ibid. S. 288).

[4]) Позднѣйшія сказанія производили христіанство Уйгуровъ отъ трехъ волхвовъ, приходившихъ на поклоненіе родившемуся Іисусу Христу, которые будто были волхвы уйгурскіе.—у *Ассем.* ibid. pp. 470 и 503.

для цѣлей администраціи, въ грамотѣ и людяхъ грамотныхъ: этой нуждѣ удовлетворили Уйгуры, у которыхъ онъ заимствовалъ грамоту и которыхъ призвалъ для занятія мѣстъ въ администраціи, требовавшихъ письменности [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, служилое или дворянское сословіе Уйгуровъ, представлявшее изъ себя людей сравнительно образованныхъ, заняло высокое положеніе при дворѣ Чингисъ-хана, что̀ постоянно оставалось и при его преемникахъ. Не всѣ Уйгуры, игравшіе видную роль при ханахъ монгольскихъ, принадлежали къ христіанству,—были между ними буддисты и магометане; но, какъ положительно говорятъ современныя свидѣтельства, не малое количество ихъ, и въ томъ числѣ знатнѣйшихъ мѐжду ними, было и изъ несторіанскихъ христіанъ [2]). Естественно, что уваженіе, которымъ пользовались у хановъ ихъ чиновники и сановники изъ числа послѣдователей несторіанства, должно было отразиться во взглядахъ хановъ и на ихъ христіанскую вѣру. Въ то же время и непосредственно о самихъ служителяхъ или духовныхъ несторіанскаго христіанства ханы должны были составить себѣ мнѣніе какъ о людяхъ, которые должны быть уважаемы ими не менѣе, чѣмъ служители всѣхъ другихъ вѣръ. На всемъ магометанскомъ востокѣ Несторіане славились своимъ знаніемъ врачебнаго искусства, такъ что лекарями у магометанскихъ государей и князей были по преимуществу они [3]). Мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній, чтобы это такъ было и въ языческой Монголіи; но, вопервыхъ, вѣроятно предполагать это само по себѣ; вовторыхъ, это даютъ знать свѣдѣнія непрямыя [4]). Между тѣмъ Монголы объединяли въ своихъ представленіяхъ лекарей съ служителями вѣръ, ибо служители ихъ собственной языческой вѣры были вмѣстѣ и лекарями. Этотъ взглядъ на несторіанскихъ духовныхъ, какъ на лучшихъ лекарей, вмѣстѣ съ чѣмъ люди суевѣрные не могли не представлять себѣ ихъ и наиболѣе страшными колдунами, долженъ былъ имѣть слѣдствіемъ то, чтобы ханы оказывали имъ не только одинаковое благоволеніе съ духовными всѣхъ другихъ вѣръ, но и до нѣкоторой степени особенное,—чтобы они отличали ихъ отъ другихъ. Приведенныя нами выше слова Рубруквиса о праздничныхъ обычаяхъ

---

[1]) *Риттера* Erdkunde von Asien, Band V, Drittes Buch, Ss. 438 и 589.

[2]) Армянскіе историки: Commestabularius Armeniae и Гайтонъ у *Ассемани* pp. 470 и 503; Рубруквисъ, глл. XVII и XXVI.

[3]) *Риттера* Erkunde von Asien, B. I, S. 285.

[4]) Рубруквисъ въ одномъ примѣрѣ даетъ знать, что великій ханъ Мангу болѣе довѣрялъ врачебному искусству Несторіанъ, чѣмъ языческихъ волхвовъ,— гл. XXXVIII.

великаго хана Мангу (если дать имъ полную вѣру) показываютъ, что это и на самомъ дѣлѣ было такъ: въ дни праздничные первыми приходили къ великому хану, чтобы молиться о немъ и благословлять его кубокъ, священники христіанскіе, подъ которыми разумѣются именно священники несторіанскіе. Другой западный монахъ, Плано-Карпини, ѣздившій къ великому хану Гуюку отъ папы Иннокентія IV [1]), даетъ до нѣкоторой степени знать объ отличіи, которое оказывалось несторіанскимъ христіанамъ, какъ великими ханами, такъ и всѣми Монголами, когда сообщаетъ, что Гуюкъ содержалъ при себѣ христіанскихъ священниковъ, которымъ давалъ жалованье,—что у него былъ и молитвенный домъ предъ большою его палаткою, гдѣ церковнослужители всенародно пѣли и отправляли службу въ тѣ же часы, какъ и греческіе христіане, при чемъ находилось безчисленное множество Татаръ и другихъ народовъ. Второй христіанскій народъ Монголіи Кераиты, какъ кажется, не могли производить на хановъ монгольскихъ благопріятнаго впечатлѣнія относительно христіанства сравнительнымъ процвѣтаніемъ у нихъ просвѣщенія. По крайней мѣрѣ, касательно этого нѣтъ никакихъ указаній. Но они должны были содѣйствовать тому, чтобы ханы стали нарочитыми друзьями христіанства инымъ путемъ. У Кераитовъ принялъ его самъ государь [2]). Когда Чингисъ-ханъ покорилъ ихъ и сдѣлалъ ихъ государя своимъ вассаломъ, то одну изъ племянницъ послѣдняго онъ взялъ въ жены себѣ, а двухъ—въ жены двумъ своимъ сыновьямъ, и такимъ образомъ, съ одной стороны, между его собственными женами была христіанка, а съ другой стороны—слѣдствіемъ сего

---

[1]) Іоаннъ де-Плано-Карпини, итальянскій монахъ того же францисканскаго ордена, что̀ и Рубруквисъ, былъ посылаемъ папою Иннокентіемъ къ великому хану Гуюку съ тою цѣлію, чтобы отвратить его отъ мысли о завоеваніи Европы и попытаться обратить его въ христіанство. Ѣхавъ чрезъ нашу Россію, онъ прибылъ къ Гуюку 22-го Іюля 1246-го года и послѣ четырехмѣсячнаго безъ десяти дней пребыванія при немъ, при чемъ видѣлъ торжественное провозглашеніе его великимъ ханомъ, отправился назадъ 13-го Ноября того же года (лучшее изданіе его сочиненія: Relation des Mongols ou Tatares—тамъ же, гдѣ и Рубруквиса. Есть два русскіе перевода: принадлежащій неизвѣстному *А. М.*, напечатанный въ 1795-мъ году, и *Языкова*, 1825-го года, читаемый въ 1-мъ томѣ предпринятаго было послѣднимъ изданія: „Собраніе путешествій къ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ").

[2]) Носившій титулъ Ванъ-хана, откуда у несторіанскихъ миссіонеровъ явился знаменитый въ средніе вѣка на Западѣ presbyter Iohannes rex (ибо Ванъ, иначе Ованъ, было принято за собственное имя Іоаннъ, а ханъ, каганъ, было принято за одно и то же съ сирскимъ кагана̀, что̀ значитъ священникъ).

было то, что два послѣдніе великіе хана, Мангу и Хубилай, были дѣтьми христіанки [1]).

Несторіанскіе христіане, конечно, старались внушить ханамъ, что дѣйствительная христіанская истина только въ ихъ сектѣ. Но если для хановъ истина была одинакова во всѣхъ религіяхъ, то очевидно, что они не могли быть убѣждены къ тому, чтобы полагать различіе между частными исповѣданіями одной религіи.

Оказывая совершенно полную терпимость ко всѣмъ вѣрамъ, великіе ханы монгольскіе, искренно или притворно и по разсчетамъ, до такой степени оказывали свое благоволеніе христіанамъ, что о трехъ послѣднихъ между ними, Гуюкѣ, Мангу и Хубилаѣ, составились сказанія, будто они одинъ за другимъ на самомъ дѣлѣ принимали христіанство [2]).

Съ какою полною терпимостію относились ко всѣмъ вѣрамъ великіе ханы каракорумскіе въ продолженіе недолгаго существованія великаго ханата, съ такою же полною терпимостію къ нашей русской вѣрѣ или къ нашему православному христіанству относились ханы золотоордынскіе въ продолженіе всего, очень долгаго, господства ихъ надъ Россіей.

Весьма возможно, однако, что исторія терпимости хановъ золотоордынскихъ къ нашей русской вѣрѣ должна быть раздѣляема на два періода: періодъ терпимости добровольной и періодъ терпимости невольной. Въ первую половину господства надъ Россіей ханы относились съ полною терпимостію къ нашей вѣрѣ по доброй волѣ, потому что хотѣли быть вполнѣ терпимыми; но относительно второй половины можетъ быть предполагаемо и то, что они оставались столько же терпимыми, какъ и прежде, уже не по доброй волѣ, а по необходимости, потому только, что не видѣли возможности быть нетерпимыми. Если

---

[1]) По монгольскому историку конца XIII—начала XIV вѣка Рашидъ-Эддину, Чингисъ-ханъ взялъ изъ четырехъ дочерей брата Ванъ-ханова Ржаханьбо—одну за себя, другую—за старшаго сына Джучи, и третью, послѣдующую мать Мангу и Хубилая, за младшаго сына Тули (Полагаютъ, или по крайней мѣрѣ полагали, что Оготай имѣлъ жену христіанку и что Гуюкъ былъ его сыномъ именно отъ послѣдней, см. у *Ассемани* ibid. pp. 103 и 408. Но изъ Рашидъ-Эддина видно, что это неправда: онъ не говоритъ, чтобы Оготай имѣлъ жену изъ дома Ванъ-ханова, а о матери Гуюковой Туракинѣ ясно говоритъ, что она была изъ племени Меркитовъ, предполагать у котораго христіанство не существуетъ никакихъ основаній).

[2]) У *Ассем.* ibid. pp. 105 sqq. и 480.

бы ханы золотоордынскіе постоянно оставались язычниками, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять взглядъ на всѣ вѣры, какъ на одинаково истинныя, то они постоянно сохраняли бы и искреннее расположеніе оказывать терпимость къ вѣрѣ Русскихъ. Но уже третій преемникъ Батыя, наслѣдовавшій ему и всего черезъ два или черезъ три года послѣ его смерти, въ 1257-мъ или 1258-мъ году, ханъ Берке или Беркай (Беркалій) принялъ магометанство. Преемники Берке, умершаго въ 1266-мъ году, до хана Узбека, вступившаго на престолъ въ 1313-мъ году, снова были язычниками; но съ этого Узбека, который опять принялъ магометанство, уже всѣ ханы были магометанами, такъ что магометанство стало ихъ родовою религіей вмѣсто язычества. Магометанство, подобно христіанству, притязаетъ быть религіей единой истинной, а потому магометанамъ столько же естественно быть нетерпимыми къ другимъ вѣрамъ, сколько, напротивъ, язычникамъ быть терпимыми, тѣмъ болѣе, что магометанство, притязая быть религіей единой истинной, прямо обязываетъ своихъ послѣдователей распространять его посредствомъ насилія. О ханахъ Берке и Узбекѣ, которые одинъ чрезъ промежутокъ послѣ другаго впервые принимали магометанство, мы положительно знаемъ, что они хотѣли быть вполнѣ терпимыми къ вѣрѣ Русскихъ по доброй волѣ. Это должно быть объясняемо отчасти тѣмъ, что они еще не усвоили магометанства до такой степени, чтобы исполняться желанія стать его распространителями, и еще настолько оставались въ своихъ взглядахъ монголами-язычниками, чтобы продолжать видѣть во всѣхъ религіяхъ одинаково истинныя религіи (съ такимъ, вѣроятно, лишь отличеніемъ магометанства, чтобы въ числѣ другихъ истинныхъ религій ставить его на первомъ мѣстѣ); отчасти тѣмъ, что Чингисъ-ханова Яса съ своимъ предписаніемъ терпимости еще сохраняла для нихъ всю свою обязательную силу и что они еще не дерзали поступать вопреки ея. О двухъ преемникахъ Узбековыхъ, его сынѣ Джанибекѣ или Чанибекѣ и внукѣ Бердибекѣ, также положительно извѣстно, что они были терпимы по доброй волѣ, каковая терпимость должна быть объясняема или обѣими сейчасъ указанными причинами, или второю изъ нихъ [1]). Но послѣ смерти Бердибека въ

---

[1]) Позднѣйшій монголо-мугаммеданскій историкъ дома Чингисъ-ханова Абульгази (ханъ ховарезмскій или хивинскій, + 1664 г.) увѣряетъ, что Берке, принявъ магометанство, повелѣлъ указомъ, чтобы приняли его новую вѣру и всѣ его подданные,—Родословной исторіи о Татарахъ часть седьмая, глава вторая. Но это неправда. Что Берке отличался полною терпимостію по отношенію къ вѣрѣ Русскихъ и хотѣлъ оказывать ей свое нарочитое благоволеніе, это видно изъ того, что въ

1359-мъ году мы продолжали оставаться подъ властію Татаръ еще въ теченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ. Очень возможно то, что преемники Бердибека до самаго конца существованія Орды постоянно оставались плохими магометанами, упорно продолжавшими сохранять въ себѣ прежнихъ индифферентныхъ язычниковъ и вовсе не помышлявшими о какомъ-нибудь распространеніи своего «правовѣрія», но не невозможно и то, что они стали искренними и усердными магометанами, вмѣстѣ съ чѣмъ, поставивъ предписанія корана выше предписаній Чингисъ-хановой Ясы, они должны были одушевляться

его правленіе въ 1261-мъ году, по его дозволенію, а гораздо вѣроятнѣе—вслѣдствіе его требованія, была учреждена русская епископская каѳедра въ его столицѣ Сараѣ. Если мы дадимъ вѣру житію св. Петра, царевича ордынскаго, въ которомъ разсказывается, что Берке для исцѣленія отъ болѣзни своего сына призывалъ къ себѣ епископа ростовскаго Кирилла (см. житіе въ Правосл. Собесѣдн. 1859-го года, ч. 1, стр. 360), то мы будемъ видѣть въ немъ монгола-язычника, который еще вовсе не считаетъ принятаго имъ магометанства за вѣру единую истинную (Не ссылаемся на то, что въ 1257-мъ году женился въ Ордѣ или на дочери или на какой-нибудь близкой родственницѣ Берки ростовскій князь Глѣбъ Васильковичъ, при чемъ княжнѣ, какъ это необходимо подразумѣвать, было дозволено креститься, такъ какъ бракъ могъ состояться еще до принятія Беркою магометанства. Если наша лѣтопись говоритъ о смерти Берке: „умре царь ординскій Беркай и бысть ослаба Руси отъ насилія татарскаго“,—Никон. III, 45, то подъ насиліемъ должно разумѣть не насиліе въ вѣрѣ со стороны самого Берке, а насиліе въ собираніи податей со стороны откупщиковъ татарскихъ). Свидѣтельствомъ добровольной терпимости хана Узбека служитъ его ярлыкъ св. митр. Петру, а что его терпимость была не только слѣдствіемъ повиновенія Чингисъ-хановой Яса, но и отсутствіемъ еще въ немъ самомъ магометанской нетерпимости, это видно изъ того, что онъ выдалъ за московскаго князя Юрія Даниловича сестру свою Кончаву, дозволивъ ей креститься, и что онъ покровительствовалъ въ черноморской части своихъ владѣній западнымъ христіанамъ, см. *Карамз.* IV, 156 fin. и *Григорьева* О достовѣрности ярлыковъ, стр. 50 (Самъ Узбекъ имѣлъ въ числѣ своихъ женъ греческую принцессу—дочь Андроника Младшаго,—*Гаммера* Geschichte d. gold. Horde, S. 299). О добровольной терпимости Чанибека и Бердибека свидѣтельствуютъ ихъ ярлыки, перваго—митрополиту Ѳеогносту (не сохранившійся и упоминаемый въ ярлыкѣ Ѳеогносту Тайдулы), втораго — св. митр. Алексію. Что Чанибекъ по своимъ взглядамъ еще не былъ настоящимъ магометаниномъ, который бы признавалъ истиннымъ одно магометанство, а оставался еще болѣе или менѣе язычникомъ, признававшимъ одинаково истинными всѣ вѣры, видно изъ того, что для исцѣленія отъ болѣзни своей жены Тайдулы онъ призывалъ св. Алексія. Наша лѣтопись прямо говоритъ о немъ: „бѣ же сей царь Чанибекъ Азбяковичъ добръ зѣло ко христіанству“,—Никон. III, 209.

желаніемъ пропаганды. Если было послѣднее, то преемники Бердибека должны были оказывать полную, какъ и прежде, терпимость къ вѣрѣ Русскихъ противъ своего желанія, по необходимости, вслѣдствіе того, что начавшіяся непосредственно послѣ смерти Бердибека крайнія замѣшательства въ Ордѣ, приведшія къ ослабленію власти хановъ надъ Россіей, уже отняли у послѣднихъ возможность посягать на неприкосновенность вѣры Русскихъ.

Что ханы золотоордынскіе во все время своего господства надъ Россіей, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, оказывали совершенно полную терпимость къ вѣрѣ Русскихъ, не дѣлая ни малѣйшаго на нее посягательства и ни малѣйшаго ей стѣсненія,—что они вполнѣ признавали права нашей церкви, нисколько не ограничивая и не умаляя существовавшихъ гражданскихъ преимуществъ нашего духовенства, а напротивъ принимая ихъ подъ свою рѣшительную охрану, объ этомъ, вопервыхъ, отрицательно свидѣтельствуетъ совершенное молчаніе нашихъ лѣтописей и другихъ современныхъ памятниковъ о какихъ-либо дѣйствіяхъ посягательства на неприкосновенность вѣры со стороны хановъ; вовторыхъ, объ этомъ положительнымъ образомъ свидѣтельствуютъ ханскіе ярлыки или ханскія жалованныя грамоты [1]) нашимъ митрополитамъ, посредствомъ которыхъ ханы ограждаютъ неприкосновенность вѣры и цѣлость правъ духовенства отъ какихъ-либо посягательствъ. Извѣстно нѣсколько частныхъ случаевъ поведенія хановъ, которые какъ будто представляютъ собою возраженія противъ сейчасъ сказаннаго; но случаи на самомъ дѣлѣ вовсе не представляютъ собою такихъ возраженій, а требуютъ только объясненія, что̀ мы и сдѣлаемъ ниже.

Исторія фактически-формальныхъ отношеній хановъ золотоордынскихъ къ русской церкви и русскому духовенству, какъ стороны покровительствующей къ сторонѣ покровительствуемой, т.-е. исторія того, въ какихъ формахъ и какимъ порядкомъ ханы золотоордынскіе на дѣлѣ заявляли русской церкви и ея духовенству свое признаніе ихъ неприкосновенности и правъ, остается недостаточно извѣстною. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1313-мъ годомъ читаемъ о путешествіи св. митр. Петра въ Орду къ хану Узбеку, который въ этомъ году занялъ мѣсто хана Токты: «того же лѣта князь великій Михайло Ярославичъ

---

[1]) Тюркское „ярлыкъ“, собственно значащее: повелѣніе, приказаніе, на юридическомъ языкѣ Монголовъ означало всякаго рода исходящую отъ правительства бумагу и соотвѣтствовало старому русскому „грамота“.—*Григорьевъ* „О достовѣрности ярлыковъ“, стр. 18.

тверскій поиде въ Орду, такожъ и Петръ митрополитъ кіевскій и всея Русіи вкупѣ съ нимъ поиде въ Орду, того ради, понеже тогда въ Ордѣ Тяхтя царь умре, а новый царь Азбякъ сѣлъ на царствѣ, и вся обновишася и вси прихождаху въ Орду того ради, понеже тогда въ Ордѣ и ярлыки имаху кождо на свое имя, и князи и епискупы» [1]). Въ той же лѣтописи подъ 1343-мъ годомъ говорится о путешествіи въ Орду митр. Ѳеогноста къ хану Чанибеку, сыну Узбека, тотчасъ по занятіи имъ престола: «тогожъ лѣта пріиде изъ Орды отъ царя Чанибека Ѳеогнастъ митрополитъ кіевскій и всея Русіи; ходилъ о причтѣ церковнемъ, имаше (имаху) бо митрополитъ (-ы) и епискупъ (-ы) ерлыки на своя причты церковныя отъ царей ордынскихъ» [2]). Наконецъ, о св. митр. Алексіѣ извѣстно, что онъ, случайно находившись въ Ордѣ въ 1357-мъ году, когда ханскій престолъ занялъ сынъ Чанибековъ Бердибекъ, получилъ отъ новаго хана ярлыкъ. Два свидѣтельства лѣтописи и третій къ нимъ фактъ говорятъ то, что при восшествіи на престолъ новыхъ хановъ митрополиты должны были отправляться въ Орду, чтобы отъ каждаго новаго хана получать себѣ и своимъ епископамъ ярлыки, въ которыхъ каждымъ ханомъ подтверждались бы ихъ права и преимущества. Такимъ образомъ, о фактически-формальной сторонѣ отношеній слѣдовало бы думать, что Батый при началѣ своего господства надъ Россіей далъ духовенству ярлыкъ, въ которомъ призналъ неприкосновенность вѣры и ненарушимость правъ его—духовенства, и что всѣ послѣдующіе ханы при своихъ вступленіяхъ на престолъ выдавали духовенству ярлыки, въ которыхъ подтверждали первоначальный ярлыкъ Батыевъ. Но необходимо думать, что или свидѣтельства Никоновской лѣтописи относятся только къ тому частному времени, о которомъ она говоритъ, или что въ ней, по ошибочнымъ заключеніямъ, допущено несправедливое обобщеніе. Отъ восьми хановъ, предшествующихъ Узбеку, начиная съ Батыя, дошелъ до насъ ярлыкъ только одного хана Менгу-Темира (1266—1281) и въ ярлыкѣ Узбековомъ дается намъ знать, что относительно ярлыковъ другихъ хановъ должно думать не то, что они не дошли до насъ, а то, что ихъ не существовало [3]). Изъ

---

[1]) Ш, 108.

[2]) Ш, 179.

[3]) Послѣ ссылки на грамоты первыхъ и прежнихъ царей, подъ которыми должно разумѣть (такъ же, какъ и въ ярлыкѣ Менгу-Темировомъ) грамоты великихъ хановъ, именно—Чингисъ-ханову Ясу и ея подтвержденіе Оготаемъ и Мангу (*Гаммера* Geschichte d. gold. Horde, S. 151), Узбекъ ссылается на „нашу первую грамоту“ (у *Григорьева* стр. 117). Но такъ какъ его собственной

сейчасъ сказаннаго слѣдуетъ, что Батый заявилъ свое признаніе неприкосновенности нашей вѣры и правъ нашего духовенства не посредствомъ ярлыка или письменной грамоты, а иначе. Это «иначе» можетъ быть понимаемо только какъ признаніе фактическое, т.-е. что, подчинивъ своей власти Русь и поставивъ князей и народъ въ извѣстныя отношенія даннической себѣ, Батый оставилъ въ сторонѣ и покоѣ русскую церковь и русское духовенство, чѣмъ и давалъ знать о признаніи неприкосновенности первой и ненарушимости правъ втораго. Почему Батый не утвердилъ и не счелъ нужнымъ утверждать неприкосновенность нашей вѣры и права нашего духовенства нарочитой дарственной грамотой, это совершенно понятно. Мы—Русскіе не были первымъ народомъ, который Монголы покорили своей власти, напротивъ мы послѣдними были присоединены къ ихъ многовѣрному государству. Въ государствѣ этомъ со времени самого Чингисъ-хана существовалъ органическій законъ, чтобы всѣ вѣры оставались неприкосновенными и права духовенствъ всѣхъ вѣръ ненарушимыми. Органическій законъ самъ собою распространялся на вѣру каждаго покорявшагося народа, а поэтому ханы и не имѣли нужды и побужденій давать каждому народу нарочитыхъ грамотъ. Нѣтъ сомнѣнія, что о существованіи у Монголовъ помянутаго органическаго закона знало и наше духовенство; но если могли быть у него какія-нибудь сомнѣнія, то онѣ должны были разсѣяться при первой переписи народа, для обложенія его данью, произведенной по приказанію Батыя въ 1246-мъ или 1247-мъ году [1]): духовенство, которое имѣло быть свободно отъ дани, не было подвергаемо переписи.

Послѣ фактическаго признанія ханами неприкосновенности нашей вѣры и правъ нашего духовенства, или—что̀ тоже—при необходимо подразумѣваемомъ распространеніи на нашу страну органическаго закона, дѣйствовавшаго на всей территоріи монгольскихъ завоеваній,

---

первой грамотой былъ именно этотъ ярлыкъ 1313-го года, то и необходимо понимать его слова о первой или единственной до него грамотѣ хановъ золотоордынскихъ.

[1]) По нашимъ лѣтописямъ, перепись народа произведена была въ первый разъ уже послѣ смерти Батыя въ 1257-мъ году; но Плано Карпини говоритъ, что первая перепись, по приказанію вел. хана Гуюка и Батыя, произведена была въ то время, какъ онъ находился въ Россіи, слѣдовательно—въ 1246-мъ году, въ которомъ Плано-Карпини былъ въ Россіи, ѣхавъ къ вел. хану, или въ 1247-мъ году, въ которомъ онъ былъ въ ней на возвратномъ пути,—извѣстій статья VII; cfr *Соловьева* Истор. т. III, изд. 4, стр. 189.

ханы не имѣли нужды давать, а духовенство наше не имѣло нужды просить у нихъ письменныхъ утвердительныхъ грамотъ. Ханскіе ярлыки нашимъ митрополитамъ по своему происхожденію и не суть грамоты утвердительныя, а суть грамоты охранительныя: первый ярлыкъ, данный ханомъ Менгу-Темиромъ митр. Кириллу, данъ былъ, какъ это ясно видно изъ него самого, не съ цѣлію утвержденія неприкосновенности вѣры и правъ духовенства, въ чемъ не было нужды, а съ цѣлію огражденія одной и другихъ отъ посягательства чиновниковъ монгольскихъ, постоянно жившихъ въ Россіи и временно пріѣзжавшихъ въ нее. Предполагая признаніе неприкосновенности вѣры и правъ духовенства, какъ существующій фактъ, ханъ обращается въ ярлыкѣ къ своимъ всякимъ чиновникамъ (которые перечисляются въ немъ по должностямъ) и строго запрещаетъ имъ посягать на неприкосновенность вѣры и правъ духовенства, угрожая имъ въ противномъ случаѣ опредѣленными въ законѣ карами. Необходимо думать, что этотъ первый ярлыкъ данъ былъ ханомъ Менгу-Темиромъ по нарочитой просьбѣ митр. Кирилла, вызванной тѣмъ, что чиновники монгольскіе, постоянно жившіе въ Россіи и временно пріѣзжавшіе въ нее, въ своихъ отношеніяхъ къ духовенству мало стѣснялись существовавшими законами относительно правъ послѣдняго [1]).

Послѣ Менгу-Темира три ярлыка даны были митрополитамъ тремя преемствовавшими одинъ другому ханами: Узбекомъ, Чанибекомъ [2]) и Бердибекомъ. По поводу ярлыка Узбекова Никоновская лѣтопись говоритъ, что у новыхъ хановъ митрополиты брали ярлыки, и необходимо думать, что именно Узбекомъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы митрополиты взимали ярлыки у каждаго новаго хана, и что распоря-

[1]) Монгольская дата, выставленная подъ ярлыкомъ Менгу-Темира, отъ способа монгольскаго лѣтосчисленія, не вполнѣ опредѣленна и соотвѣтствуетъ двумъ нашимъ годамъ—1267-му и 1279-му,—*Григорьевъ* О достовѣрности ярлыковъ, стр. 93. Считаютъ вѣроятнѣйшимъ принимать первый годъ, какъ годъ восшествія Менгу-Темира на престолъ; но на самомъ дѣлѣ вѣроятнѣе принимать послѣдній годъ, такъ какъ Никоновская лѣтопись даетъ знать, что въ 1279-мъ году митр. Кириллъ былъ въ Ордѣ у Менгу-Темира; подъ симъ годомъ въ лѣтописи читается: „тогоже лѣта пріиде Ѳеогнастъ епископъ Сарайскій втретія изъ греческія земли, изъ Цареграда: посылалъ убо его пресвященный Кириллъ митрополитъ кіевскій и всея Русіи и царь ординскій Менгу-Темиръ къ патріарху и ко царю Михаилу Палеологу греческому,—отъ пресвещеннаго Кирила митрополита грамоты и отъ царя Менгу-Темира грамоты и поминки (отъ) обою“.

[2]) Непосредственнымъ преемникомъ Узбека былъ Тинибекъ, но онъ убитъ былъ Чанибекомъ послѣ весьма недолгаго сидѣнія на престолѣ.

женіе это оставалось въ силѣ при двухъ его преемникахъ. Ярлыки Узбековъ, Чанибековъ и Бердибековъ по своей формѣ и своему содержанію—совершенно то же, что ярлыкъ Менгу-Темировъ, т.-е. охранныя грамоты церкви и духовенству отъ посягательствъ на неприкосновенность вѣры и правъ духовенства со стороны ханскихъ чиновниковъ. Но очевидно, что Узбекъ, сдѣлавшій распоряженіе, чтобы отъ каждаго новаго хана были получаемы митрополитами ярлыки, хотѣлъ придать имъ и другое значеніе, а именно—значеніе какъ бы ханскихъ инвеституръ митрополитамъ, или видимыхъ знаковъ, посредствомъ которыхъ выражалась бы зависимость отъ хановъ, какъ ихъ—митрополитовъ, такъ и всей съ ними церкви [1]). Послѣ Бердибека, убитаго въ 1359-мъ году, до конца господства Татаръ надъ Россіей или до 1480-го года извѣстенъ всего одинъ ханскій ярлыкъ митрополитамъ, именно—Атюляковъ (Тулунбековъ), данный нареченному митрополиту Михаилу или, какъ его звали, Митяю, въ 1379-мъ году. Должно думать, что этотъ единственно извѣстный послѣ Бердибека ярлыкъ и на самомъ дѣлѣ былъ единственнымъ и что онъ представляетъ собою,не болѣе какъ простую случайность. Послѣ Бердибека въ Ордѣ начались весьма на долгія времена, чуть не по самый конецъ господства Татаръ надъ нами, такія замѣшательства и такая быстрая смѣна хановъ, что, съ одной стороны, митрополиты не могли успѣвать, чтобы получать отъ хановъ ярлыки, а съ другой стороны—они должны были воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы избавить себя отъ наложенной было на нихъ и весьма непріятной для нихъ обязанности [2]). Что же касается до ярлыка Атюлякова Михаилу или Митяю, то онъ данъ былъ ханомъ нареченному митрополиту, когда этотъ ѣхалъ чрезъ Орду, путешествуя въ Константинополь на поставленіе, и данъ былъ, какъ должно думать, вовсе не по просьбѣ Михаила, а по собственной пред-

[1]) Узбекъ, сидѣвшій на ханскомъ престолѣ болѣе всѣхъ другихъ хановъ (1313—1341), былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самымъ могущественнымъ между ними послѣ Батыя и самымъ великолѣпнымъ (великій Узбекъ). Не удивительно поэтому его хотѣніе, чтобы зависимость и русскихъ митрополитовъ отъ хановъ выражалась посредствомъ видимыхъ знаковъ, посредствомъ своего рода инвеституры.

[2]) Въ ярлыкѣ Атюляковомъ, правда, утверждается, будто и послѣ Бердибека отъ всѣхъ хановъ были получаемы митрополитами ярлыки. Но если вѣренъ славянскій переводъ даннаго мѣста, то несомнѣнно, что это есть не болѣе, какъ простое „красное“ слово и простая фанфаронада со стороны хана или его канцеляріи (и послѣ Бердибека неизмѣнно-де продолжалось такъ, какъ установилъ Узбекъ).

упредительности хана, желавшаго выразить ему свое особое благоволеніе [1]).

Такимъ образомъ, фактически-формальная сторона отношеній хановъ золотоордынскихъ къ русской церкви и русскому духовенству состоитъ въ томъ, что послѣ покоренія Руси Монголами на нее фактически распространено было дѣйствіе закона Чингисъ-ханова о вѣротерпимости,—что ханы изъявляли готовность, по просьбамъ митрополитовъ, ограждать строгую ненарушимость закона отъ посягательствъ на него монгольскихъ чиновниковъ посредствомъ своихъ нарочитыхъ охранныхъ грамотъ или ярлыковъ,—что ханъ Узбекъ придалъ было ярлыкамъ значеніе инвеституры, имѣвшей получаться митрополитами отъ каждаго новаго хана, но что это, по обстоятельствамъ Орды, продолжалось весьма недолго [2]).

Имѣя собственное значеніе грамотъ, охраняющихъ неприкосновенность вѣры и правъ духовенства, а не прямо ихъ утверждающихъ, ханскіе ярлыки митрополитамъ въ то же время показываютъ, до какой степени ханы признавали неприкосновенность нашей вѣры и въ какой мѣрѣ или какомъ объемѣ признавали права нашего духовенства, ибо въ ярлыкахъ указывается—что̀ и сколько охраняютъ они отъ посягательства своихъ чиновниковъ.

---

[1]) См. Никоновск. лѣтоп. III, 74. Въ лѣтописи дѣйствующее лице—Мамай, потому что онъ сполна распоряжался тогда за хановъ, которыхъ непрестанно мѣнялъ. И въ ярлыкѣ говорится, что его даетъ ханъ „Мамаевою мыслію дядиною“.

[2]) На томъ основаніи, что митрополитъ Максимъ, тотчасъ послѣ своего прибытія на каѳедру въ 1283-мъ году, ходилъ въ Орду къ хану Тода-Мангу (Ник. лѣт. III, 76), нѣкоторые утверждаютъ, будто этимъ ханомъ Тода-Мангу было постановлено, чтобы каждый митрополитъ при своемъ занятіи каѳедры являлся въ Орду для полученія утвердительнаго ярлыка. Но, вопервыхъ, митр. Максимъ могъ ходить въ Орду не для своихъ дѣлъ церковныхъ, а по порученію Константинопольскаго правительства (только что занявшаго престолъ императора Андроника Старшаго) съ миссіей политической (ибо Греки находились тогда съ Татарами въ политическихъ связяхъ, см. *Стриттера* Memorr. popp. III, 1002 и 1071 fin. sqq); вовторыхъ, если ходилъ и по дѣламъ церковнымъ, то выводимое отсюда заключеніе остается простымъ предположеніемъ, которое не можетъ быть принято въ виду того, что послѣ ярлыка Менгу-Темирова митр. Кириллу первымъ ярлыкомъ долженъ быть считаемъ Узбековъ ярлыкъ св. митр. Петру 1313-го года, и что объ ярлыкахъ, будто бы получавшихся митрополитами при занятіи ими каѳедры, совершенно ничего неизвѣстно (послѣ Максима ихъ должны бы были получать: Петръ въ 1308-мъ году отъ хана Токты, Ѳеогностъ въ 1328-мъ году отъ Узбека, Алексій въ 1354-мъ году отъ Чанибека).

Въ первомъ по времени ярлыкѣ, который данъ былъ ханомъ Менгу-Темиромъ митрополиту Кириллу въ 1267-мъ или, чтѐ вѣроятнѣе, въ 1279-мъ году, находимъ: вопервыхъ, что вѣра Русскихъ ограждается отъ всякихъ ея хуленій и оскорбленій и что принадлежности внѣшняго богослуженія ограждаются отъ посягательствъ на нихъ въ смыслѣ хищенія или поврежденія; вовторыхъ, что духовенство освобождается отъ даней, отъ всякихъ пошлинъ и всякихъ повинностей; втретьихъ, что всѣ церковныя недвижимыя имѣнія признаются неприкосновенными и что церковные слуги, т.-е. принадлежащіе епископамъ или кому бы то ни было изъ церковныхъ властей и мѣстъ рабы или холопы, объявляются свободными отъ какихъ бы то ни было общественныхъ работъ. Относительно вѣры и принадлежностей внѣшняго богослуженія въ ярлыкѣ читаемъ: «а кто (изъ нашихъ всякихъ чиновниковъ) вѣру ихъ (Русскихъ) похулитъ или ругается, тотъ ничѣмъ не извинится и умретъ злою смертію...; или чтѐ въ законѣ ихъ—иконы и книги или иное что, по чему Бога молятъ, того да не емлютъ, ни издерутъ, ни испортятъ». Относительно свободы духовенства отъ даней, пошлинъ и повинностей читаемъ: «какъ первые цари (подразумѣваются Чингисъ-ханъ и его преемники въ Каракорумѣ) пожаловали поповъ и чернецовъ и всѣхъ богодѣльныхъ людей, (такъ) и мы, ихъ грамотъ (т.-е. собственно—законоположеній) не изъиначивая, по томужъ жалуемъ: не надобе имъ (съ нихъ) дань и тамга и поплужное, ни ямъ ни подводы ни война ни кормъ; во всѣхъ пошлинахъ не надобе имъ ни которая царева пошлина ни царицына ни князей ни рядцевъ ни дароги [1]) ни посла, ни которыхъ пошлинниковъ ни которые доходы: а кто возьметъ (отъ поповъ и отъ чернецовъ дань или иное что)—баскаци наши и княжіе писцы и поплужницы и таможницы, и онъ (тотъ) по велицей Язѣ (законодательному кодексу Чингисъ-ханову) не извинится и смертію да умретъ». При этомъ дѣлаются два особыя постановленія: вопервыхъ, относительно принятія митрополитомъ и епископами въ духовное званіе кандидатовъ изъ мірянъ; вовторыхъ, о дѣтяхъ и братьяхъ поповскихъ, живущихъ при отцахъ и братьяхъ и отдѣлившихся отъ нихъ; первое постановленіе: «аще ли (митрополитъ) восхощетъ иныя люди къ себѣ пріимать, хотящія Богови молитися (поставиться въ духовное званіе), ино на его волѣ будетъ» [2]); второе постановленіе: «а попове, единъ хлѣбъ ядуще и во единомъ мѣстѣ живуще, и у кого

---

[1]) Дарога—полицейскій чиновникъ.

[2]) Въ печатныхъ изданіяхъ ярлыка это постановленіе читается невразумительно; приводимъ его по Сунодальной рукописи № 792.

братъ или сынъ, и ты (тѣ) по томужъ пожаловани идутъ; аще ли отъ нихъ отдѣлилися, изъ дому вышли, и тѣмъ пошлина и дань давать». Относительно недвижимыхъ церковныхъ имѣній и церковныхъ слугъ читаемъ: «что церковныя земли, воды, огороды, винограды, мельницы, зимовища, лѣтовища, да не замаютъ (не трогаютъ) ихъ (никакіе наши чиновники), а что будетъ взяли, и они отдадутъ безпосульно; а что церковные люди: мастеры, сокольницы, пардусницы (звѣреловы), или которыя слуги и работницы и кто ни будетъ ихъ людей, тѣхъ да не замаютъ ни на что,—ни на работу ни на сторожу».

Послѣ Менгу-Темира, давшаго ярлыкъ митр. Кириллу, какъ мы сказали, даны были ханами митрополитамъ еще четыре ярлыка: Узбекомъ св. Петру, Чанибекомъ Өеогносту, Бердибекомъ св. Алексію и Атюлякомъ или Тулунбекомъ нареченному митрополиту Михаилу (Митяю). Изъ четырехъ ярлыковъ сохранилось до настоящаго времени три, а именно—не дошло до насъ ярлыка, даннаго Чанибекомъ Өеогносту [1]). Всѣ три сохранившіеся ярлыка, подтверждая первый ярлыкъ, данный ханами митрополитамъ, или, какъ говорится въ ярлыкѣ Узбековомъ,—«первую ихъ грамоту», содержатъ при различіи внѣшней, канцелярской, редакціи [2]), относительно неприкосновенности вѣры и правъ духовенства тоже самое, что̀ и этотъ, но съ однимъ новымъ противъ него добавленіемъ. Добавленіе состоитъ въ томъ, что митрополитамъ, а съ ними, какъ должно быть подразумѣваемо, и всему духовенству, предоставляется судъ надъ принадлежащими имъ людьми или ихъ холопами, рабами, во всѣхъ рѣшительно уголовныхъ дѣлахъ, не исключая разбоя, поличнаго и татьбы: «а знаетъ митрополитъ въ правду,—постановляется въ первомъ изъ трехъ ярлыковъ Узбековомъ,—и право судитъ и управляетъ люди своя въ правду, въ чемъ нибудь (въ чемъ бы то ни было): и въ разбои и въ поличномъ и въ татьбѣ и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ митрополитъ единъ или кому прикажетъ» (Въ ярлыкахъ Бердибековомъ и Атюляковомъ не читается даваемаго митр. Кириллу ярлыкомъ Менгу-Темировымъ дозволенія принимать къ себѣ иныхъ людей, хотящихъ Богу молитися; но необходимо думать,

---

[1]) Онъ упоминается, какъ мы сказали выше, въ ярлыкѣ жены Чанибека Тайдулы тому же митр. Өеогносту.

[2]) Ярлыкъ Узбековъ св. Петру относительно внѣшней редакціи очень многословенъ и велерѣчивъ, и вслѣдствіе того сравнительно обширенъ. Эту особенность ярлыка, вѣроятно, должно понимать какъ знакъ нарочитаго благоволенія хана къ митрополиту (о чемъ говорятъ наши лѣтописи), а также, можетъ быть, объяснять и тѣмъ, что онъ придавалъ ярлыку новое значеніе инвеституры.

что это пропускъ не намѣренный, а случайный, происшедшій въ первомъ изъ ярлыковъ, изъ котораго перешелъ и во второй, по винѣ ханской канцеляріи, ибо Бердибекъ и Атюлякъ прямо говорятъ въ своихъ ярлыкахъ, что даютъ ихъ по прежнимъ ярлыкамъ, не изъиначивая сихъ послѣднихъ [1]).

Изъ сейчасъ сдѣланнаго нами обозрѣнія ханскихъ ярлыковъ, повидимому, слѣдуетъ, что ханы не вполнѣ признавали гражданскія права и преимущества нашего духовенства: въ ярлыкахъ не подтверждается права архіереевъ взимать дань съ мірскихъ населеній епархій, или такъ называемую десятину; въ нихъ не подтверждается права архіереевъ судить мірянъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и преступленіяхъ гражданскихъ. Но когда говорится о признаніи ханами правъ и преимуществъ нашего духовенства, то само собою понятно, что говорится не обо всѣхъ вообще правахъ, а только о тѣхъ, которыя, представляя собою освобожденіе отъ обязанностей именно по отношенію къ нимъ—ханамъ, могли быть признаны ими или не признаны. Покоривъ Русь, ханы наложили на русскій народъ извѣстныя обязанности, отъ которыхъ прежде нихъ собственнымъ нашимъ правительствомъ духовенство было освобождено: освободить, какъ было прежде, или не освобождать духовенство отъ этихъ обязанностей и было въ волѣ хановъ; но что касается до тѣхъ или иныхъ, бóльшихъ или меньшихъ, гражданскихъ правъ духовенства, которыя не касались хановъ, т.-е. которыя не представляли собою освобожденія духовенства отъ обязанностей, ставшихъ обязанностями по отношенію къ нимъ, то имъ—ханамъ не было до этихъ послѣднихъ правъ никакого дѣла: признаніе или непризнаніе этихъ правъ осталось попрежнему исключительно въ волѣ князей, бывъ такъ сказать домашнимъ дѣломъ между ними и духовенствомъ. Указанныя выше права духовенства, не подтверждаемыя въ ханскихъ ярлыкахъ, составляютъ послѣднюю категорію, а поэтому и нѣтъ о нихъ въ ярлыкахъ никакихъ рѣчей и упоминаній.

Съ другой стороны, не невозможно предполагать, что ханы не только признали существовавшія права нашего духовенства, но нѣсколько и расширили ихъ, отчасти въ ущербъ самимъ себѣ и нашему домашнему правительству или князьямъ, отчасти—въ ущербъ этимъ

---

[1]) Напоминаніе, дѣлаемое ханами въ ярлыкахъ нашему духовенству, что оно должно молить за нихъ Бога и что „аще ли кто имать неправымъ сердцемъ молити (за нихъ) Бога, ино тотъ грѣхъ на немъ будетъ“ (ярлыкъ Менгу-Темировъ), по сказанному выше значитъ, что ханы одинаково признавали дѣйствительными молитвы служителей всѣхъ вѣръ и что они одинаково боялись служителей всѣхъ вѣръ.

послѣднимъ. О правахъ нашего духовенства за періодъ кіевскій мы собственно не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Изъ тѣхъ правъ, которыя признаются ханами въ ярлыкахъ, со всею вѣроятностію должна быть предполагаема, какъ существовавшее прежде право,—личная свобода самого духовенства отъ податей и повинностей; но были ли свободны отъ всякихъ повинностей люди, принадлежавшіе духовенству, имѣло ли оно неограниченную судебную власть надъ ними и было ли предоставлено митрополиту и епископамъ принимать въ духовное званіе изъ всѣхъ безъ изъятія и ограниченія мірянъ, относительно этихъ вопросовъ мы не можемъ сказать, чтобы за единственнно вѣроятный отвѣтъ на нихъ должно было принимать отвѣтъ утвердительный. По крайней мѣрѣ относительно неограниченности судебной власти духовенства надъ его людьми, такъ какъ объ этомъ не упоминается въ первомъ ярлыкѣ и только уже говорится во второмъ, представляется не невѣроятнымъ думать, что это было право новое, впервые предоставленное духовенству только ханами, т. е. именно ханомъ Узбекомъ. Если мы предположимъ, что всѣ три права были права̀ новыя, то въ первомъ случаѣ, освобождая людей, принадлежавшихъ духовенству, отъ всякихъ своихъ повинностей, ханы наносили ущербъ самимъ себѣ или жертвовали интересами своими собственными; во второмъ случаѣ, предоставляя духовенству неограниченный судъ надъ его людьми, наносили ущербъ князьямъ; а въ третьемъ случаѣ, предоставляя митрополиту и епископамъ принимать въ духовное званіе всѣхъ безъ изъятія мірянъ, наносили ущербъ вмѣстѣ и князьямъ и себѣ (ибо предоставляли уходить въ духовное званіе такимъ мірянамъ, которые платили бы подати и князьямъ и имъ самимъ). Но если предполагать, что всѣ три пра́ва были права̀ новыя, то очень вѣроятно думать, что два изъ нихъ, посягавшія на интересы князей, не были признаваемы сими послѣдними безусловно, а лишь были уступаемы ими духовенству въ видѣ пожалованія, на сколько они сами этого хотѣли. Къ рѣчамъ объ этомъ мы возвратимся послѣ [1]).

---

[1]) Изъ пяти ярлыковъ, данныхъ ханами митрополитамъ, какъ мы говорили, сохранились до настоящаго времени четыре: Менгу-Темировъ Кириллу, Узбековъ св. Петру, Бердибековъ св. Алексію и Атюляковъ Михаилу (Митяю). Вмѣстѣ съ этими четырьмя ханскими ярлыками сохранились еще три ярлыка одной ханши, именно—знаменитой жены хана Чанибека Тайдулы, данныя ею митрополитамъ Ѳеогносту и св. Алексію и епископу Сарайскому Іоанну, такъ что всего сохранилось семь ярлыковъ. Въ собраніи ярлыковъ, сдѣланномъ (весьма невѣжественно) при каѳедрѣ митрополичьей въ XV—XVI вѣкѣ, ярлыкъ Менгу-Темировъ Кириллу стоитъ

Заботиться о томъ, чтобы ханскіе чиновники, постоянно жившіе въ Россіи и на время пріѣзжавшіе въ нее, не посягали на права духовенства и вообще не обижали его, въ отношеніи ко всему духовенству лежало на митрополитахъ. Но знаемъ мы примѣръ епископовъ одной по крайней мѣрѣ каѳедры, которые сами ходили въ Орду, чтобы искать тамъ охраны причту церковному своей собственной епархіи; это именно—примѣръ епископовъ ростовскихъ. Вѣроятно, впрочемъ, что на примѣръ этотъ должно смотрѣть какъ на исключеніе, объясняемое особыми обстоятельствами епископовъ ростовскихъ. Послѣ покоренія Руси Монголами суздальско-ростовская область оставалась безъ митрополита до 1250-го года, въ которомъ пришелъ въ нее, чтобы принять ее въ свое завѣдываніе вмѣстѣ съ южной Русью, митрополитъ Кириллъ, поставленный галицко-волынскимъ княземъ Даніиломъ Романовичемъ. Во все это время представителемъ духовенства области былъ епископъ ростовскій, такъ какъ другой епископъ,—владимірскій, убитъ былъ Татарами при взятіи Владиміра. Въ продолженіе 12-ти лѣтъ,

---

не на первомъ мѣстѣ, а на пятомъ, потому что собиратель усвоилъ его Менгу-Темиръ-Оксану, т. е. Тамерлану. Что касается до ярлыковъ Тайдулы, то ярлыки митр. Ѳеогносту и епископу Іоанну (по надписанію—Іонѣ, митрополиту Кіевскому и всея Русіи, т. е. будто св. Іонѣ, жившему спустя столѣтіе послѣ Тайдулы), имѣютъ цѣлію оградить духовенство,—въ первомъ случаѣ всей митрополіи, а во второмъ—епископіи, отъ притѣсненій и обидъ частныхъ ханшиныхъ чиновниковъ (ярлыкъ Іоанну не есть грамота ему, а есть грамота о немъ кому-то изъ начальныхъ чиновниковъ ханши; ярлыкъ митр. Алексію есть проѣзжій ему листъ по Ордѣ на тотъ случай, „коли ему случится итти къ Царюграду"). Когда помянутый собиратель ярлыковъ въ своемъ послѣсловіи къ нимъ увѣряетъ, будто кромѣ нашихъ семи ярлыковъ „мнози суть иные велицы ярлыци", то или разумѣетъ ярлыки хановъ не митрополитамъ, а князьямъ (самъ же и тутъ же онъ говоритъ, что въ митрополіи нашелъ только наши семь ярлыковъ), или утверждаетъ тенденціозную неправду (имѣя въ виду укорить нашихъ государей XV—XVI в., рѣшавшихся посягать на права церкви). Что во время митр. Макарія хранилось при каѳедрѣ митрополичьей (и ему—митрополиту извѣстно было) только семь ярлыковъ, объ этомъ онъ ясно свидѣтельствуетъ въ своемъ извѣстномъ отвѣтѣ Грозному „о недвижимыхъ вещехъ, вданныхъ Богови": „и донынѣ въ русской митрополіи,—говоритъ онъ,—седмь ярлыковъ написаны пребываютъ". Переводъ ярлыковъ, къ сожалѣнію, очень неудовлетворителенъ, а сохранившіеся ихъ списки, какъ нужно думать, очень неисправны. Ярлыки напечатаны были нѣсколько разъ; послѣднее ихъ изданіе, по которому ихъ должно читать,—въ приложеніи къ диссертаціи *В. В. Григорьева*: „О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой орды русскому духовенству", Москва, 1842.

которыя прошли отъ покоренія области до прибытія въ нее митрополита (1238—1250), не одинъ разъ могла представиться епископу ростовскому нужда путешествовать въ Орду, для объясненій и ходатайствъ по дѣламъ церковнымъ. Но, начавъ путешествія въ Орду до прибытія митрополита, епископы, проложившіе себѣ, такъ сказать, дорогу въ Орду, могли продолжать ихъ и послѣ прибытія и вообще въ послѣдующее время. Какъ бы то ни было, только мы знаемъ, что путешествовалъ въ Орду уже послѣ прибытія въ сѣверную Русь митрополита епископъ ростовскій Кириллъ, о которомъ въ житіи св. Петра, царевича ордынскаго, говорится, что онъ ходилъ «за домъ святыя Богородицы» (свою каѳедру) къ хану Берке, вступившему на ханскій престолъ въ 1257-мъ или 1258-мъ году; о преемникѣ Кирилловомъ Игнатіи подъ 1282-мъ годомъ говорится въ лѣтописи [1]), что въ семъ году онъ ходилъ въ Орду во второй разъ за причетъ церковный; о преемникѣ Игнатіевомъ Тарасіи подъ 1293-мъ годомъ говорится въ лѣтописи [2]), что онъ ходилъ въ Орду вмѣстѣ со всѣми князьями. Если дать вѣру сейчасъ упомянутому житію царевича Петра, то епископы ростовскіе находились даже совсѣмъ въ особенныхъ отношеніяхъ къ ханамъ. Разсказавъ о чудесномъ исцѣленіи епископомъ Кирилломъ сына Беркина, житіе увѣряетъ, что ханъ въ благодарность за сіе «повелѣ давати владыцѣ оброки годовніи въ домъ святыя Богородицы» и что послѣдующіе епископы ростовскіе ходили въ Орду, «емля оброкъ царскій» [3]). Можетъ показаться страннымъ и невѣроятнымъ, чтобы ханы золотоордынскіе давали оброки христіанскимъ православнымъ епископамъ; но мы приводили выше свидѣтельство Плано-Карпини о томъ, что великій ханъ Гуюкъ давалъ жалованье священникамъ несторіанскимъ, которыхъ онъ содержалъ при своемъ дворѣ, а изъ первыхъ хановъ золотоордынскихъ это послѣднее извѣстно о сынѣ Батыевомъ Сартакѣ [4]).

Никоновская лѣтопись, какъ мы видѣли выше, разсказывая о полученіи ярлыковъ митрополитами Ѳеогностомъ и Алексіемъ, увѣряетъ, что не только митрополиты, но и епископы «имаху (тогда) ярлыки на свои причты церковныя отъ царей ордынскихъ». Понимать дѣло

---

[1]) Такъ называемой Академической.

[2]) Той же Академической.

[3]) См. житіе въ Православн. Собесѣдн. 1859 года, ч. I, стрр. 361 и 363.

[4]) Рубруквисъ, гл. XX.—Въ 1257-мъ году Ростовскій князь Глѣбъ Васильковичъ женился въ Ордѣ на какой-то тамошней княжнѣ: можетъ быть начало путешествій въ Орду епископовъ ростовскихъ имѣетъ нѣкоторую связь съ этою женитьбою.

такъ, чтобы Узбекъ, обязавъ митрополитовъ являться за ярлыками къ каждому новому хану, обязалъ къ тому же и всѣхъ русскихъ епископовъ, совершенно препятствуетъ отсутствіе всякихъ фактическихъ указаній на это, которымъ очень трудно было бы не быть; но не невозможно допустить то, что Узбекъ, не обязывая епископовъ являться вмѣстѣ съ митрополитами, обязалъ послѣднихъ брать у хановъ не одинъ только общій ярлыкъ на всю митрополію, но и частные ярлыки на каждую изъ епископій митрополіи. Это могло быть сдѣлано по двумъ побужденіямъ: во-первыхъ, чтобы каждому епископу вручать видимый знакъ его зависимости отъ хановъ; во-вторыхъ, чтобы увеличить пошлины съ митрополитовъ въ пользу ихъ казны и ихъ чиновниковъ, такъ какъ каждый ярлыкъ могъ быть обложенъ особой пошлиной.

Итакъ, ханы монгольскіе во все время своего продолжительнаго господства надъ Россіей оставляли совершенно неприкосновенною вѣру Русскихъ и совершенно ненарушимыми права русскаго духовенства. А такимъ образомъ, какъ сказали мы выше, тяжкій бичъ Божій, обрушившійся на насъ въ видѣ Монголовъ, не былъ, по крайней мѣрѣ, бичемъ для церкви, именно—не былъ бичемъ для ней по крайней мѣрѣ со стороны ея внѣшней свободы и внѣшняго положенія.

Однако, въ сейчасъ представленномъ нами изложеніи мы уже дали знать, что непричастность духовенства тягостямъ ига монгольскаго должна быть представляема не совершенно безусловною. Мы говорили, что ханскіе ярлыки митрополитамъ по своему происхожденію суть охранныя грамоты духовенству отъ притѣсненій и обидъ со стороны монгольскихъ чиновниковъ. Если митрополиты были вынуждены просить у хановъ охранныхъ грамотъ, то изъ сего, очевидно, слѣдуетъ, что притѣсненія и обиды со стороны чиновниковъ не только имѣли мѣсто, а и были болѣе или менѣе значительны. Но думать, чтобы ханскіе ярлыки могли положить конецъ притѣсненіямъ и обидамъ, конечно, было бы напрасно: высшая власть строго и грозно приказываетъ, а чиновники не обращаютъ на приказы никакого вниманія,—это общій законъ всего чиновничьяго міра, по отношенію къ которому всего менѣе можно представлять исключеніемъ чиновниковъ монгольскихъ. Духовенство наше было освобождено ханами не только отъ даней, но и отъ всѣхъ безъ изъятія пошлинъ и повинностей: «тако есмя его (митрополита) пожаловали, что не надобь ему ни его людемъ ни всѣмъ церковнымъ богомольцамъ—попомъ и чернецомъ и бѣльцомъ и ихъ людемъ, отъ мала и до велика, ни какова дань, ни которая пошлина, ни кормъ, ни питіе, ни запросъ, ни дары, ни почестья не воздаютъ никакова, ни служба, ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни поминки, ни поклон-

ное, ни выходъ, ни полѣтное, ни становое, ни въѣздное, ни мимоходное по дорозѣ послу, ни баскаку, ни которому моему пошлиннику»... (ярлыкъ Атюляковъ). Но къ платѣ пошлинъ, къ отбыванію повинностей чиновники ханскіе могли всегда принуждать духовенство, ссылаясь на исключительныя обстоятельства, на особые приказы ханскіе, или въ отношеніи такихъ повинностей, какъ постойная, кормовая и поклонная, ссылаясь просто на то, что они суть чиновники ханскіе и не хотятъ знать никакихъ привилегій. Такимъ образомъ, совершенно свободное въ отношеніи къ Монголамъ отъ всякихъ государственныхъ тягостей по закону, духовенство должно быть представляемо болѣе или менѣе страдавшимъ отъ произвола и злоупотребленій со стороны монгольскихъ чиновниковъ [1]).

Были и еще причины, вслѣдствіе которыхъ иго монгольское являлось бѣдствіемъ для церкви со стороны внѣшней. Но тутъ вина была не на Монголахъ, а на самихъ Русскихъ, именно—на нашихъ князьяхъ. Ссорясь другъ съ другомъ и отнимая другъ у друга власть, князья обращались къ ханамъ съ просьбами о военной одинъ противъ другаго помощи. Удовлетвореніе ханами этихъ просьбъ и являлось какъ величайшее бѣдствіе не только для государства, но и для церкви. Монголы по своей натурѣ были дикіе хищники, и приходившія къ князьямъ отъ хановъ вспомогательныя войска, пользуясь случаемъ, обыкновенно предавались страшному грабежу, не разбирая владѣній ни друга, ни врага, и только стараясь какъ можно болѣе расширить районъ своихъ опустошеній. Въ этихъ частныхъ нахожденіяхъ Татаръ, которыя по своимъ ужасамъ развѣ только мало уступали первоначальному общему нашествію и которыя по обширности опустошаемыхъ территорій иногда достигали его самого, не было пощады ни церквамъ и монастырямъ съ ихъ утварью и святыней, ни священникамъ и монахамъ [2]).

---

[1]) Когда въ началѣ XIV вѣка поднялась у насъ обличительная проповѣдь противъ взиманія епископами платы за поставленія въ церковныя степени и когда епископы, въ свое оправданіе, ссылались, между прочимъ, на „поганское насиліе“: то обличители не отвѣчали епископамъ, что они ссылаются несправедливо и, отстраняя оправданіе инымъ образомъ, признавали, что поганые дѣйствительно грабятъ, см. Памятники древне-русскаго права, изд. *А. С. Павлова*, часть I, col. 154.

[2]) Наприм. татарскія войска, которыя приводилъ князь Андрей Александровичъ, сынъ Невскаго, противъ своего старшаго брата Димитрія, въ 1281-мъ и въ 1293-мъ году, въ оба раза страшнымъ образомъ опустошили почти сполна области Суздальскую и Ростовскую.

При дворѣ великихъ хановъ монгольскихъ въ Каракорумѣ находились служители вѣръ всѣхъ покоренныхъ ими народовъ [1]), дабы служители вѣры каждаго изъ этихъ народовъ молились о нихъ—ханахъ. Не знаемъ, такъ ли это было при дворѣ хановъ золотоордынскихъ. Но наша русская вѣра, если не съ самаго начала господства Монголовъ надъ Россіей, то съ 1261-го года имѣла при ханахъ своего особаго представителя, и именно—съ сего послѣдняго года въ лицѣ епископа, каѳедра котораго была учреждена въ столицѣ ханской Сараѣ. Намъ неизвѣстна исторія учрежденія каѳедры, ибо лѣтопись подъ нашимъ годомъ говоритъ только: «того же лѣта постави митрополитъ епископа Митрофана Сараю»; но со всею вѣроятностію должно объяснять себѣ дѣло не такъ, чтобы митрополитъ просилъ у хана дозволенія назначить въ его столицу епископа для тѣхъ Русскихъ, которые жили между Татарами, а такъ, что самъ ханъ потребовалъ отъ митрополита, чтобы къ нему назначенъ былъ представитель русской вѣры въ лицѣ епископа или, какъ выражались Татары о нашихъ епископахъ, большаго попа. Къ рѣчамъ объ этомъ возвратимся немного ниже.

Если не во все время господства надъ Россіей, то по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока оставались язычниками, ханы дозволяли епископамъ сарайскимъ обращать своихъ Татаръ въ христіанство. Преемникъ Митрофановъ на каѳедрѣ Ѳеогностъ, адресовавшійся въ 1276-мъ году къ Константинопольскому патріаршему собору съ разными вопросами, о чемъ скажемъ ниже, между прочимъ спрашивалъ: «приходящихъ отъ Татаръ, хотящихъ креститися, и не будетъ велика сосуда (т. е. когда дѣло случится во время кочёвки въ степи), въ чемъ погружать ему» [2]).

Ханы золотоордынскіе были не противъ того, чтобы выдавать своихъ татарскихъ дѣвицъ за нашихъ князей (и нашихъ бояръ), съ дозволеніемъ первымъ принимать христіанство. Примѣры женитьбъ въ Ордѣ нашихъ князей, сколько знаемъ, не многочисленны; но они имѣли мѣсто до хана Узбека (1313—1341) включительно.

Остается намъ сказать о частныхъ случаяхъ поведенія хановъ, которые какъ будто представляютъ собою возраженія противъ совершенной ихъ терпимости къ нашей вѣрѣ и противъ строгаго уваженія ими правъ нашего духовенства.

Коль скоро положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ извѣстно какое-нибудь общее, то относительно частныхъ противъ него случаевъ

---

[1]) Рубруквисъ, гл. XLIV.

[2]) См. еще у *В. О. Ключевскаго* въ Житіяхъ святыхъ, стр. 41 fin..

само собою дается предполагать, что случаи эти—или представляють собою исключенія, зависѣвшія отъ какихъ-нибудь особыхъ причинъ, или понимаются не совсѣмъ правильно и не имѣютъ того смысла, который имъ придается, или, наконецъ,—что они не суть случаи достовѣрные. Что ханы монгольскіе оказывали полную и совершенную терпимость къ нашей вѣрѣ и такое же уваженіе къ неприкосновенности правъ нашего духовенства, это, какъ общее, извѣстно намъ положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ. А изъ сего само собою слѣдуетъ, что о частныхъ случаяхъ, какъ будто говорящихъ противъ этихъ терпимости и уваженія хановъ, должно думать что-либо изъ сейчасъ указаннаго выше.

Частные извѣстные случаи суть: во-первыхъ, осужденіе ханами на мученическую смертъ за вѣру двухъ нашихъ князей; во-вторыхъ—одна, сдѣланная ими, попытка обложить данью наше духовенство; втретьихъ—принятое было ими, по увѣренію нѣкоторыхъ нашихъ лѣтописей, намѣреніе ввести свою татарскую вѣру въ одной изъ русскихъ областей.

Князья, потерпѣвшіе отъ хановъ мученическую смерть за вѣру, были: Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, осужденный Батыемъ въ 1246-мъ году, и Романъ Ольговичъ Рязанскій, осужденный Менгу-Темиромъ въ 1270-мъ году.

О причинѣ осужденія Батыемъ на мученическую смерть Михаила Всеволодовича мы имѣемъ четыре разсказа: нарочитой повѣсти о страданіи князя [1]), лѣтописей Лаврентьевской и Ипатской, и западнаго писателя Плано-Карпини. Нарочитая повѣсть говоритъ, что князья русскіе съ ихъ боярами, приходившіе къ Батыю въ Орду, должны были, по его приказанію, проходить сквозь огонь, поклоняться солнцу, кусту [2]) и идоламъ татарскимъ, и что Михаилъ со своимъ бояриномъ

---

[1]) Извѣстной въ нѣсколькихъ редакціяхъ и читаемой—въ отдѣльномъ видѣ въ сборникахъ (изъ одного сборника XIV—XV вѣка напечатана *преосв. Макаріемъ* въ приложеніи къ V т. Исторіи; объ авторѣ см. у *Ключевск.* въ Житіяхъ святыхъ, стр. 146) и инкорпорированно въ лѣтописяхъ, именно: 1-й Софійской (Полн. собр. лѣтт. V, 182), Воскресенской (ibid. VII, 152), Никоновской,—III, 19, и въ Степенной книгѣ,—I, 340.

[2]) Что такое это „кусту", не можемъ сказать. Гаммеръ утверждаетъ, что „кусту", по-персидски „кести", есть священный поясъ маговъ и Индѣйцевъ,—Geschichte d. gold. Horde. S. 137 прим.: но сомнѣваемся, чтобы это было такъ. Ипатская лѣтопись подъ кусту разумѣетъ кустъ въ русскомъ значеніи этого слова, ибо выражается: „водяше около куста" (2 изд. стр. 535 fin.): но и это представ-

Θеодоромъ не хотѣлъ исполнить этого требованія Батыева, какъ противнаго христіанству. Лаврентьевская лѣтопись разсказываетъ подъ 1246-мъ годомъ: «того же лѣта Михайло, князь черниговьскый, со внукомъ своимъ Борисомъ (Васильковичемъ, княземъ ростовскимъ) поѣхаша въ Татары, и бывшимъ имъ въ станѣхъ посла Батый къ Михаилу князю, веля ему поклонитися огневи и болваномъ ихъ, Михайло же князь не повинуся велѣнью ихъ, но укори й и глухыя его кумиры, и тако безъ милости отъ нечестивыхъ заколенъ бысть». Въ Ипатской лѣтописи подъ 1245-мъ годомъ читается: князь Михаилъ «ѣха (изъ Чернигова) Батыеви, прося волости своее отъ него; Батыеви же рекшу: ««поклонися отець нашихъ закону»», Михаилъ же отвѣща ««аще Богъ ны есть предалъ и власть нашу, грѣхъ ради нашихъ, во руцѣ ваши, тобѣ кланяемся и чести приносимъ ти, а закону отець твоихъ и твоему богонечестивому повелѣнію не кланяемься»»; Батый же яко свѣрѣпый звѣрь возьярися (и) повелѣ заклати князя Михаила». Плано-Карпини пишетъ: «Татары обожаютъ югъ, какъ будто божество какое, и всѣхъ къ нимъ пріѣзжающихъ вельможъ къ томужъ принуждаютъ; нѣкотораго россійскаго князя, по имени Михаила, который пріѣхалъ къ Батыю для изъявленія своей преданности, они заставили сперва пройти между двумя огнями, а потомъ велѣли молиться на югъ предъ Чингисъ-ханомъ; но онъ отвѣчалъ, что поклонится предъ Батыемъ и его служителями, а предъ образомъ умершаго человѣка никогда того не сдѣлаетъ, поелику то возбранено христіанамъ».

Въ сейчасъ указанныхъ требованіяхъ, обращенныхъ къ князю, должно различать прохожденіе сквозь двухъ огней и поклоненіе образу Чингисъ-хана, какъ говоритъ Плано-Карпини, или вообще идоламъ, какъ говорятъ наши сказанія. Прохожденіе сквозь двухъ огней не составляло языческаго религіознаго обряда въ собственномъ и строгомъ смыслѣ этого слова. Огонь считался у Татаръ очистительнымъ средствомъ, и такъ какъ они, будучи крайне суевѣрными, страшно боялись колдовства и порчъ, то чтобы у всѣхъ, приближающихся къ хану, отнять способность околдовать его, если бы кто имѣлъ таковое намѣреніе, они и проводили сквозь двухъ огней, какъ имѣющихъ способность уничтожать силу чаръ. Плано-Карпини пишетъ объ этомъ: «прибывъ къ Батыю, мы остановились на одну милю отъ его палатокъ и двора; когда насъ повели къ нему, то объявили, что намъ надлежало прохо-

---

ляется намъ сомнительнымъ. Такъ какъ въ сказаніи солнце и кусту стоятъ вмѣстѣ только одинъ разъ, а въ другіе разы либо солнце либо кусту: то кусту не значитъ ли солнце?

дить между двумя огнями; мы ни подъ какимъ видомъ на это не согласились; но они намъ сказали, чтобы мы не дѣлали въ томъ никакого затрудненія, потому что огонь, если бы мы паче чаянія имѣли какое злое намѣреніе противъ ихъ государя, или если бы у насъ былъ какой ядъ, могъ все сіе пожрать; чтобы не навести на себя подозрѣнія, — прибавляетъ Плано-Карпини, — мы на то согласились». Изъ его — Плано-Карпиніева разсказа какъ будто слѣдуетъ, что и князь исполнилъ требованіе о прохожденіи сквозь огни.

Изъ двухъ несогласныхъ свидѣтельствъ, чему долженъ былъ молитвенно кланяться князь — вообще ли татарскимъ идоламъ, какъ говорятъ наши сказанія, или одному образу Чингисъ-хана, какъ говоритъ Плано-Карпини, преимущество должно быть отдаваемо свидѣтельству послѣдняго. Мученическая смерть Михаила Всеволодовича имѣла мѣсто 20-го Сентября 1246-го года, а Плано-Карпини, ѣздившій отъ папы къ великому хану Гюку въ Каракорумъ, былъ у Батыя, на возвратномъ пути отъ хана, въ праздникъ Вознесенія слѣдующаго 1247-го года, такъ что долженъ былъ слышать разсказъ о событіи на самомъ мѣстѣ и отъ людей достовѣрно знавшихъ дѣло; между тѣмъ наши повѣствователи, говорящіе о требованіи поклоненія вообще татарскимъ идоламъ, очень легко могли сдѣлать обобщеніе, на основаніи своихъ простыхъ заключеній. Какъ бы то ни было, но и поклоненіе образу Чингисъ-хана, которое было требовано отъ князя, должно быть представляемо не какъ простое гражданское воздаяніе почести основателю ханской династіи, а какъ молитвенное поклоненіе человѣку обоготворенному, ибо Плано-Карпини ясно говоритъ именно о молитвенномъ поклоненіи, т.-е. даетъ знать, что Татары боготворили Чингисъ-хана [1]). По свидѣтельству нарочитаго сказанія и Плано-Карпини, требованное отъ Михаила Всеволодовича было требовано и отъ другихъ русскихъ князей, пріѣзжавшихъ въ Орду. То же утверждаетъ и Ипатская лѣтопись, говоря о путешествіи къ Батыю галичскаго князя Даніила Романовича [2]).

---

[1]) О религіозномъ поклоненіи Монголовъ душамъ предковъ см. Записки о Монголіи монаха *Іакинѳа*, томъ I, часть II, стр. 188, и его же „Китай“, IV, 58 fin.. Ипатская лѣтопись говоритъ, что Монголы поклоняются „солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемь ихъ и дѣдомъ и матеремь“, — 2-го изд. стр. 535. — Поклоненіе на югъ было именно молитвеннымъ поклоненіемъ, — Плано-Карпини, гл. VIII, Рубруквисъ у *Бержерона*, p. 31.

[2]) Подъ 1250-мъ годомъ, 2-го изд. стр. 535 fin. sqq. Изъ всѣхъ разсказовъ, а преимущественно изъ разсказа лѣтописи, ясно видно, что поклоненіе было требовано одинъ разъ, именно — предъ тѣмъ, какъ князья должны были представляться ханамъ.

А такимъ образомъ, мы получаемъ, что Батыемъ было требовано отъ русскихъ князей, пріѣзжавшихъ къ нему для изъявленія своей покорности и вообще по обязанностямъ своего данничества, чтобы они совершали молитвенное поклоненіе предъ образомъ обоготвореннаго Монголами Чингисъ-хана.

Но если это такъ, то мы получаемъ не тотъ фактъ, что ханы золотоордынскіе принуждали нашихъ князей принимать ихъ татарскую вѣру, а тотъ, что они, нисколько не думая дѣлать этого послѣдняго, только заставляли нашихъ князей изъявлять свое уваженіе къ ихъ татарской вѣрѣ. По строгимъ понятіямъ христіанскимъ, это есть то, на что христіанинъ не долженъ соглашаться, и поведеніе Михаила, само собою понятно, нужно признать несравненно болѣе доблестнымъ, чѣмъ поведеніе всѣхъ другихъ нашихъ князей, которые не отказывались исполнять волю хановъ. Но что касается до самихъ хановъ, то съ ихъ собственной точки зрѣнія они не могли находить въ этомъ посягательства на совѣсть князей: одинако уважая вѣры всѣхъ покоренныхъ народовъ и выражая свое уваженіе ко всѣмъ вѣрамъ посредствомъ видимыхъ знаковъ (по отношенію къ христіанству кажденіе и цѣлованіе Евангелія, см. выше), ханы могли находить совершенно естественнымъ, чтобы и отъ князей всѣхъ покоренныхъ народовъ требовать подобнаго же изъявленія уваженія къ своей вѣрѣ [1]).

(Очень можно подозрѣвать, что въ отношеніи къ Михаилу Всеволодовичу требованіе молитвеннаго поклоненія образу Чингисъ-хана было поставлено значительно иначе, нежели какъ это было въ отношеніи къ другимъ князьямъ, именно—что ему нарочито и намѣренно предъявлены были при семъ такія особенныя требованія, на которыя никакъ не могла согласиться его христіанская совѣсть. Выше мы говорили, что Михайло Всеволодовичъ, сидѣвшій въ 1239-мъ году въ Кіевѣ, приказалъ убить присланныхъ къ нему татарскихъ пословъ. Но Плано-Карпини пишетъ: «у Татаръ есть обыкновеніе, чтобы съ тѣми, которые убьютъ ихъ посланниковъ или худо съ ними поступятъ, никогда не дѣлать ни миру, ни перемирія; они не остаются въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока за то не отмстятъ». На основаніи сейчасъ сказаннаго, очень можно думать, что Михаилу Всеволодовичу нарочито предъявлены были особенныя противъ другихъ князей требованія, въ надеждѣ, что онъ не исполнитъ ихъ и что такимъ образомъ дастъ Батыю предлогъ осудить его на смерть. Плано-Карпини послѣ приведеннаго нами разсказа о смерти Михаила, говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «иногда

---

[1]) Cfr *преосв. Макарія* Ист. т. IV, стр. 117.

Татары бываютъ столь злы, что ищутъ случая убивать князей, какъ то они поступили съ россійскимъ княземъ Михаиломъ и другими», и этимъ во всякомъ случаѣ довольно ясно даетъ знать, что у Батыя предрѣшено было убить Михаила и что ему только нужны были какіе-нибудь предлоги. Можно думать, что и въ Орду князь былъ заманенъ Татарами хитростію, посредствомъ тѣхъ или другихъ лживыхъ обѣщаній, ибо, зная за собою вину, едва ли онъ могъ имѣть охоту идти къ нимъ самъ).

Такимъ образомъ, исторія князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго доказываетъ не то, что Батый принуждалъ нашихъ князей къ перемѣнѣ вѣры, или вообще къ принятію его язычества, а только то, что онъ поязычески понималъ принципъ вѣротерпимости и что сообразнаго съ своимъ пониманіемъ онъ требовалъ отъ нашихъ князей въ отношеніи къ своей татарско-языческой вѣрѣ.

Вмѣстѣ съ княземъ, какъ мы сказали, принялъ мученическую смерть одинъ изъ его бояръ, по имени Ѳеодоръ. Бояринъ не только послѣдовалъ примѣру князя, но и его самого укрѣплялъ въ рѣшимости отказаться отъ исполненія воли Батыя, въ виду настоятельныхъ увѣщаній со стороны другихъ Русскихъ, бывшихъ въ Ордѣ, покориться требованію хана [1]). Послѣ долгаго мученія (о которомъ Плано-Карпини говоритъ согласно съ нашимъ нарочитымъ сказаніемъ [2]), князь и бояринъ преданы были смерти посредствомъ отсѣченія главы. Тѣла мучениковъ были брошены на съѣденіе псамъ [3]), но потомъ благочести-

---

[1]) По нашему нарочитому сказанію, настоятельно увѣщевалъ Михаила Всеволодовича исполнить волю Батыя внукъ его Борисъ Васильковичъ ростовскій. По Плано-Карпини, который также говоритъ о неназываемомъ имъ по имени бояринѣ сейчасъ сказанное нами, Батый посылалъ къ Михаилу съ увѣщаніемъ бывшаго въ Ордѣ сына Ярославова, т. е. сына вел. кн. Ярослава Всеволодовича.

[2]) Въ нашемъ нарочитомъ сказаніи: „Убійци (князя) пріѣхаша, скочиша съ конь и яша Михаила и растягоша за руцѣ, почаша бити руками по сердцю; посемь повѣргоша его низь на землю и біяхуть и пятами; сему же надолзѣ бывшю, нѣкто, бывъ прежде христьянъ и послѣди же отвержеся вѣры христьянскія и бысть поганъ законопреступникъ, именемъ Доманъ, сій отрѣза главу святому мученику Михаилу и отверже ю прочь... (потомъ) начаша Ѳеодора мучити, якоже и преже Михаила; послѣже честную главу его урѣзаша“.

[3]) Что, можетъ быть, должно понимать не такъ, чтобы хотѣли предать ихъ возможно бо́льшему позору, а такъ, что только не хотѣли удостоить ихъ соотвѣтствующаго погребенія. По свидѣтельству Пржевальскаго, Монголы въ настоящее время закапываютъ въ землю только трупы князей и важныхъ ламъ, а всѣ прочіе трупы выбрасываютъ на съѣденіе собакамъ и хищнымъ звѣрямъ и птицамъ.

вымп русскими людьми преданы были погребенію,—вѣроятно, на общемъ кладбищѣ Русскихъ, жившихъ при ханѣ [1]).

О мученичествѣ рязанскаго великаго князя Романа Ольговича Никоновская лѣтопись подъ 1270-мъ годомъ разсказываетъ [2]): во время бытности въ Ордѣ князь оклеветанъ былъ хану, что хулитъ его—хана и ругается его вѣрѣ; ханъ напустилъ на князя Татаръ, которые начали нудить его къ своей вѣрѣ; когда князь отвѣчалъ, что не достоитъ православнымъ христіанамъ, оставивъ свою вѣру православную, принимать вѣру бесерменскую поганую, Татары начали его бить; когда и послѣ сего князь хвалилъ вѣру христіанскую и поносилъ татарскую, чиновники ханскіе предали его ужасной смерти: сперва отрѣзали ему языкъ и заткнули уста полотенцемъ, потомъ начали рѣзать ему суставы и бросать ихъ прочь—отрѣзали всѣ персты у рукъ и у ногъ, отрѣзали уста и уши, а прочіе составы разрѣзали, такъ что остался одинъ трупъ; наконецъ, содрали кожу съ головы и воткнули ее на копье.

Лѣтопись говоритъ, что князь былъ оклеветанъ хану; но дальнѣйшій ея разсказъ показываетъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ дерзновеніе поносить вѣру хана [3]) (вѣроятно, не бесерменскую, а языче-

---

[1]) Годъ мученической смерти Михаила Всеволодовича показывается двояко: по нарочитому сказанію и по Ипатской лѣтописи онъ есть 1245-й, по Лаврентьевской и такъ называемой Академической лѣтописямъ—1246-й. Принимая второй годъ, мы основываемся на томъ предположеніи, что не ошибается Лаврентьевская лѣтопись, когда относитъ смерть князя къ одному и тому же году со смертію вел. кн. Ярослава Всеволодовича, а относительно сего послѣдняго намъ извѣстно изъ Плано-Карпини, что онъ умеръ въ 1246-мъ году, а не ранѣе. Мѣсяцъ и число, какъ мы сказали,—Сентября 20-е.—Изъ Орды мощи неизвѣстно когда перенесены были въ Черниговъ и положены здѣсь въ каѳедральномъ соборѣ. Изъ Чернигова въ 1575-мъ году царь Иванъ Васильевичъ перенесъ ихъ въ Москву и положилъ въ соборѣ, посвященномъ имени нашихъ (Черниговскихъ) чудотворцевъ, находившемся надъ Кремлевскими Тайницкими воротами; въ 1770-мъ году, когда предположено было уничтожить соборъ, онѣ перенесены въ Срѣтенскій дворцовый соборъ, а отсюда въ 1774-мъ году перемѣщены въ Архангельскій соборъ, въ которомъ подъ спудомъ находятся и до настоящаго времени, см. *Снегирева* Памятники Московской древности, стр. 67 col. 1 fin. (любопытное посланіе царя къ чудотворцамъ, молящее ихъ прибыть въ Москву, ibid., пояснительныхъ примѣчаній стр. 4, л). Къ лику святыхъ князь Михаилъ Всеволодовичъ и его бояринъ Ѳеодоръ причислены неизвѣстно когда ранѣе собора 1547-го года.

[2]) Также Степенная книга—I, 383

[3]) Впрочемъ, такъ какъ въ древнее и старое время слово: „клевета“ употреблялось въ двухъ смыслахъ: въ смыслѣ оболганія, какъ нынѣ, и въ смыслѣ до-

скую, ибо ханъ Менгу-Темиръ, при которомъ былъ замученъ князь, послѣ своего предшественника Берке, принявшаго магометанство, какъ кажется, снова былъ язычникомъ). Такимъ образомъ, если князь пріобрѣлъ себѣ вѣнецъ мученическій истиннымъ христіанскимъ дерзновеніемъ, то, съ другой стороны, и поведеніе хана вовсе не показываетъ его нетерпимости къ нашей христіанской вѣрѣ. Ханы относились съ совершенною терпимостію ко всѣмъ вѣрамъ; но естественно, что того же требовали они и отъ другихъ по отношенію ко всѣмъ вѣрамъ. Ханъ Менгу-Темиръ, давшій первый охранный ярлыкъ нашимъ митрополитамъ, угрожаетъ въ немъ своимъ чиновникамъ: «а кто вѣру ихъ похулитъ или ругается, тотъ ничѣмъ не извинится и умретъ злою смертію». Если злая смерть была опредѣлена Татарамъ, которые бы осмѣлились хулить русскую вѣру, то естественно, что ханъ долженъ былъ осудить на злую смерть Русскаго, осмѣлившагося хулить вѣру татарскую. Невѣроятно злая смерть, которой былъ преданъ князь, даетъ знать, что онъ съ полнымъ и великимъ дерзновеніемъ хулилъ вѣру татарскую.

Попытка со стороны хановъ обложить ежегодною данію русское духовенство имѣла мѣсто въ правленіе хана Чанибека, въ 1342-мъ году. Своей попыткой Чанибекъ хотѣлъ было нарушить основной государственный законъ Монголовъ, постановленный Чингисъ-ханомъ, чтобы духовенства всѣхъ вѣръ были свободны отъ даней и отъ всякихъ повинностей. Но вина за нарушеніе закона, если бы оно дѣйствительно случилось, падала бы не столько на хана, сколько на самихъ Русскихъ, ибо не самъ онъ подвигся, а этими послѣдними былъ подвигнутъ къ своей попыткѣ. Въ 1342-мъ году митр. Ѳеогностъ приходилъ въ Орду, чтобы, согласно съ узаконеніемъ Узбека, получить ярлыкъ отъ Чанибека, какъ отъ новаго хана. Въ это время, по словамъ Никоновской лѣтописи, «нѣціи рустіи человѣци оклеветаша Ѳеогноста митрополита ко царю Чанибеку, яко много безчисленно имать дохода—и злата и сребра и всякого богатства, и достоитъ ему тебѣ давати въ Орду на всякъ годъ полѣтныя дани». Вслѣдствіе этого ханъ и началъ было просить у митрополита ежегодныхъ даней. Дѣло кончилось тѣмъ, что митрополитъ, съ рѣшительною твердостію отвѣчавшій отказомъ и, нѣтъ сомнѣнія, опиравшійся въ отказѣ на Чингисъ-хановъ законъ, принужденъ былъ раздарить хану и ханшѣ и ихъ главнѣйшимъ боярамъ (князьямъ) 600 рублей.

носа, обвиненія: то можетъ быть, что и лѣтопись употребляетъ его во второмъ смыслѣ.

Увѣренія нѣкоторыхъ нашихъ лѣтописей о принятомъ было Татарами намѣреніи ввести свою татарскую вѣру въ одной изъ русскихъ областей, состоятъ въ томъ, что въ 1327-мъ году пришолъ въ Тверь посломъ отъ хана Узбека его двоюродный братъ Шевкалъ, сынъ Дюденевъ,—что будто этотъ Шевкалъ намѣревался, избивъ князей тверскихъ, самъ сѣсть на тверскомъ княженіи, а по городамъ посажать своихъ татарскихъ князей, и что будто онъ хотѣлъ привести христіанъ княженія въ свою татарскую вѣру [1]). Не невозможно, что Шевкалъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе избить тверскихъ князей, но чтобы онъ самъ намѣревался сѣсть на тверскомъ княженіи это вовсе невѣроятно, а еще болѣе невѣроятно то, будто онъ намѣревался привести въ татарскую вѣру христіанъ тверской области. Могли еще Татары мечтать объ обращеніи въ свою вѣру всей Руси: но какой смыслъ могло имѣть обращеніе въ татарскую вѣру одной области русской? Шевкалъ былъ присланъ Узбекомъ, а о послѣднемъ мы знаемъ, что онъ отличался совершенно полной вѣротерпимостью. Необходимо думать, что слухъ о намѣреніи Шевкала ввести татарскую вѣру, если только онъ дѣйствительно ходилъ между тверичами, былъ пущенъ самими тверскими князьями съ тою цѣлію, чтобы какъ можно болѣе вооружить народъ противъ ханскаго посла, какъ это и на самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто [2]).

О значеніи татарскаго ига надъ Россіей для христіанской нравственности Русскихъ мы скажемъ ниже, въ особомъ отдѣлѣ о сей послѣдней.

[1]) Никон. лѣт., III, 137.

[2]) Cfr у *Соловьева* т. III, 4-го изд. стр. 277.

МИТРОПОЛИТЫ КІЕВСКІЕ И ВСЕЯ РОССІИ.

МИТРОПОЛИТЪ КИРИЛЛЪ III.

Въ самый годъ нашествія Монголовъ на владимирскую Русь, т.-е. въ 1237-мъ году, прибылъ къ намъ изъ Греціи митрополитъ Іосифъ, чтобы занять мѣсто митрополита Кирилла II, умершаго въ 1233-мъ году. Послѣ взятія Монголами Кіева въ 1240-мъ году мы не находимъ этого митрополита въ Россіи и какая была его судьба, остается неизвѣстнымъ, потому что наши лѣтописи, сообщивъ объ его прибытіи, затѣмъ ничего о немъ не говорятъ [1]). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что передъ нашествіемъ Батыя на Кіевъ онъ удалился въ Грецію, чтобы избѣжать угрожавшей опасности смерти. Если бы въ минуту взятія Батыемъ Кіева онъ находился въ послѣднемъ и былъ убитъ въ немъ Монголами, то лѣтописи едва ли бы преминули сказать о мученической смерти митрополита, увѣнчавшей его доблестное поведеніе какъ пастыря. Не должно и несправедливо было бы слишкомъ удивляться тому, что у митрополита—пришлаго Грека не нашлось самоотверженной готовности раздѣлить судьбу съ своей паствой: какъ мы знаемъ, нѣкоторые и изъ епископовъ нашихъ, природные Русскіе, искали спасенія отъ Монголовъ въ бѣгствѣ.

Послѣ нашествія Монголовъ на мѣсто Іосифа митрополитъ поставленъ былъ не изъ Грековъ, а изъ природныхъ Русскихъ. Отчего это случилось,—отъ того ли, что Русскіе восхитили у Грековъ ихъ права, или, наоборотъ, отъ того, что Греки поступились Русскимъ своими правами, остается неизвѣстнымъ. Если первое, то Русскіе, по какой-то невѣдомой причинѣ, хотѣли восхитить у Грековъ ихъ права

---

[1]) И о прибытіи Іосифа въ Россію читается запись только въ одной лѣтописи,—Новгородской. Конецъ 1237-го года: „того же лѣта приде митрополитъ Грьчинъ изъ Никѣя въ Кіевъ, именемъ Есифъ“ (изъ Новгородской лѣтописи берутъ позднѣйшіе лѣтописные своды).

только отчасти: митрополитъ, избранный ими самими и изъ природныхъ Русскихъ, ходилъ для посвященія къ патріарху [1]). Но гораздо и несравненно вѣроятнѣе послѣднее, т.-е. что Греки поступились своими правами. Митрополитъ Іосифъ, бѣжавшій отъ Монголовъ изъ Россіи, долженъ былъ принести въ Грецію страшныя вѣсти объ ужасахъ, творившихся въ нашемъ отечествѣ, и совершенно естественно было случиться тому, чтобы на этотъ разъ не нашлось между Греками охотниковъ занять каѳедру русской митрополіи, несмотря на всю ея привлекательность...

Въ самой Россіи позаботиться о замѣщеніи каѳедры митрополіи, какъ само собою понятно, должны были тѣ ея князья, которые были въ ней старшими. Въ минуту нашествія Монголовъ на Россію уже не было великаго князя кіевскаго; вмѣсто одного великаго князя тогда были два великіе князя, сидѣвшіе на двухъ наискось противоположныхъ окраинахъ страны—владимирскій и галичскій. Изъ этихъ двухъ великихъ князей взялъ на себя дѣло избранія митрополита великій князь галичскій Даніилъ Романовичъ, который передъ самымъ нашествіемъ Монголовъ овладѣлъ и Кіевомъ. Не должно однако, кажется, думать, чтобы Даніилъ потому именно присвоилъ себѣ дѣло избранія митрополита, что владѣлъ столицей митрополіи: овладѣвъ Кіевомъ передъ самымъ нашествіемъ на него Монголовъ, Даніилъ послѣ этого нашествія, когда Монголы превратили его въ совершенныя развалины, какъ будто бросилъ его, такъ что въ минуту избранія имъ митрополита Кіевъ едва ли не былъ въ такомъ положеніи, что не принадлежалъ никому, и во всякомъ случаѣ, кажется, не принадлежалъ ему—Даніилу [2]). Какъ было произведено Даніиломъ избраніе митрополита,—

---

[1]) Въ этомъ случаѣ дѣло могло бы быть представляемо такъ, что пока Греки собирались избрать митрополита, великій князь Даніилъ Романовичъ, побуждаемый обстоятельствами, о которыхъ ниже, увидѣлъ себя въ необходимости самому избрать его и что Греки не нашли удобнымъ протестовать противъ избранія. А продолжительность сборовъ со стороны Грековъ, которые впрочемъ и вообще не торопились избраніемъ нашихъ митрополитовъ, должно было бы объяснять тѣмъ, что съ 1240-го по 1243-й годъ у нихъ не было патріарха.

[2]) Кто владѣлъ Кіевомъ непосредственно послѣ нашествія на него Монголовъ, мы не знаемъ (а на основаніи сообщаемаго Ипатскою лѣтописію о Михаилѣ Черниговскомъ, который пришелъ въ него тотчасъ послѣ его взятія Монголами,—2 изд. стр. 524 fin., со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что имъ не владѣлъ никто, потому что тотчасъ послѣ этого взятія въ немъ не только нечѣмъ было владѣть, но негдѣ было и жить). Въ концѣ 1245-го года, когда Даніилъ Романовичъ ѣхалъ чрезъ него къ Батыю (годъ у Плано-Карпини, см. сейчасъ ниже), въ

по соглашенію съ великимъ князѳмъ владимирскимъ или безъ этого соглашенія, опять остается неизвѣстнымъ. Если безъ соглашенія, что представляется болѣе вѣроятнымъ, то должно думать, что великій князь владимирскій, или также съ своей стороны помышлявшій о замѣщеніи каѳедры митрополичей или, можетъ быть, ожидавшій митрополита изъ Греціи, узнавъ объ избраніи послѣдняго Даніиломъ, не разсудилъ протестовать противъ сего и остался ждать, что принесетъ избранный кандидатъ отъ патріарха.

Даніилъ Романовичъ избралъ митрополита сравнительно въ очень непродолжительномъ времени послѣ покоренія Монголами Кіева и его галичской области, еще прежде чѣмъ формальнымъ образомъ установилась ихъ власть надъ Россіей. Полагаемъ, что эту сравнительную поспѣшность нужно объяснять случившимися обстоятельствами. Великій князь галичскій удалялся отъ Монголовъ въ Венгрію, а изъ Венгріи въ Польшу. Во время его отсутствія, когда Монголы, покоривъ области кіевскую и галичско-волынскую, ушли въ тѣ же Венгрію и Польшу, присвоилъ себѣ митрополичьи права надъ церковію, находившеюся въ предѣлахъ великаго княжества галичскаго, епископъ угровскій Іоасафъ [1]). Городъ Угровскъ или Угровескъ (Угорескъ), который былъ построенъ самимъ Даніиломъ и въ которомъ была открыта имъ епархія [2]), служилъ великому князю столицей вмѣсто Галича, такъ какъ въ послѣднемъ онъ не хотѣлъ имѣть пребыванія. Вѣроятно, какъ епископъ фактической столицы великаго князя, Іоасафъ и поспѣшилъ присвоить себѣ права митрополичьи. Но, весьма оскорбленный его своеволіемъ, Даніилъ Романовичъ по возвращеніи домой не только отнялъ у него права митрополичьи, но даже и совсѣмъ лишилъ его епископскаго престола. Однако, неудавшееся своеволіе Іоасафово все-таки имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что каѳедра митрополіи становилась на нѣкоторое время занятою. Устранивъ съ каѳедры кандидата самовольнаго, Даніилъ могъ находить неудобнымъ оставлять ее праздною послѣ бывшаго ея занятія, и это-то и могло побудить его къ тому, чтобы поспѣшить избраніемъ кандидата законнаго. Какъ бы то ни было, только

немъ сидѣлъ бояринъ великаго князя владимирскаго Ярослава,—Ипатск. лѣт. подъ 1250-мъ годомъ, 2 изд. стр. 535.

[1]) Ипатск. лѣтоп. подъ 1223-мъ годомъ fin., 2 изд. стр. 494 fin.. Лѣтопись не говоритъ прямо, что Іоасафъ „скочилъ на столъ митрополичь“ въ отсутствіе Даніила, но это необходимо предполагать, потому что иначе князь не допустилъ бы его сдѣлать это.

[2]) См. I тома Исторіи 2-ю полов., стр. 578.

законнаго кандидата, нѣкоего Кирилла, Даніилъ избралъ еще до возвращенія Батыева изъ Венгріи, слѣдовательно—не позднѣе первой половины 1242-го года [1]).

Кто такой былъ этотъ Кириллъ, избранный Даніиломъ Романовичемъ въ митрополиты русскіе, остается неизвѣстнымъ. Такъ какъ мы съ увѣренностію можемъ сказать, что онъ не былъ однимъ изъ числа епископовъ области галичско-волынской, то должно предполагать, что онъ былъ или изъ игуменовъ какого-нибудь монастыря области или же и изъ простыхъ монаховъ [2]).

Даніилъ Романовичъ избралъ кандидата въ митрополиты не съ тѣмъ, чтобы онъ и поставленъ былъ въ самой Россіи; для посвященія кандидатъ имѣлъ отправиться въ Грецію къ патріарху. Путешествіе къ патріарху избранный митрополитъ предпринялъ не скоро. Вѣроятно, Даніилъ Романовичъ не хотѣлъ посылать Кирилла на поставленіе прежде, чѣмъ совершенно не устроитъ своихъ отношеній къ Монголамъ, а это случилось только въ концѣ 1245—началѣ 1246-го года, когда онъ благополучно спутешествовалъ въ Орду къ Батыю [3]). Спу-

---

[1]) Ипатск. лѣтоп. подъ 1243-мъ годомъ (неправильно вмѣсто 1242-го г.). Даніилъ Романовичъ, услышавъ, что Батый идетъ назадъ изъ Венгріи, поѣхалъ изъ Холма, въ который перенесъ свою столицу изъ Угровска, къ брату своему Васильку во Владиміръ и взялъ съ собой Кирилла (нареченнаго) митрополита.

[2]) Кромѣ епархіи угровской въ области галичско-волынской были еще три епархіи: галичская, перемышльская и владимирская. Тогдашніе епископы галичскій и владимирскій извѣстны намъ по имени (I тома 1-я половина, стрр. 552 и 573); епископъ перемышльскій неизвѣстенъ по имени, но его нельзя предполагать, потому что онъ былъ врагъ Даніила (Ипатск. лѣт. подъ 1241-мъ годомъ sub. fin.. 2 изд. стр. 527 fin., точно такъ же, какъ и епископъ галичскій, ibidd. непосредственно выше). Послѣ собственныхъ епископовъ области галичско-волынской не невозможно впрочемъ думать еще на двухъ епископовъ, это—юрьевскаго и бѣлгородскаго, епархіи которыхъ прекратили свое существованіе, нѣтъ сомнѣнія, въ нашествіе Монголовъ, но которые могли пережить свои епархіи и имена которыхъ неизвѣстны.—Предполагать, чтобы митр. Кириллъ былъ тотъ печатникъ Даніила Романовича, который является при немъ въ 1241-мъ году (Ипатск. лѣт. подъ этимъ 1241-мъ годомъ), мы не видимъ никакого дѣйствительнаго основанія. Печатникъ Кириллъ представляется намъ какъ человѣкъ военный почти одновременно съ тѣмъ, какъ избранъ былъ митрополитъ.

[3]) Ипатская лѣтопись говоритъ о путешествіи Даніила въ Орду подъ 1250-мъ годомъ. Но Плано-Карпини, бывшій у брата Даніилова Васильки въ началѣ 1246-го года, ясно свидѣтельствуетъ о Даніилѣ, что онъ былъ тогда у Батыя. Да и сама лѣтопись говоритъ, что во время проѣзда Даніилова къ Батыю черезъ Кіевъ въ

стя то или другое непродолжительное время послѣ ордынскаго путешествія Даніилова, изъ котораго князь возвратился въ Февралѣ—Мартѣ втораго указаннаго года, Кириллъ отправился къ патріарху въ Никею, гдѣ этотъ послѣдній имѣлъ тогда пребываніе, и возвратился отъ него на Русь поставленнымъ митрополитомъ не позднѣе 1249-го года [1]).

Пока Кириллъ оставался митрополитомъ только избраннымъ, онъ завѣдывалъ на правахъ митрополичьихъ тѣми епархіями, которыя находились въ предѣлахъ великаго княжества галичскаго. Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что его власть не простиралась на всѣ другія епархіи, находившіяся внѣ великаго княжества, такъ что епископы этихъ другихъ епархій за промежутокъ времени отъ бѣгства Іосифова и до посвященія его—Кириллова, продолжавшійся около 10-ти лѣтъ, должны быть представляемы какъ не имѣвшіе надъ собою начальника и самостоятельные или самовластные. Посвященный патріархомъ, Кириллъ былъ признанъ и сталъ митрополитомъ всей Руси.

Очень можетъ быть, что въ суздальской Руси митрополитъ не тотчасъ же былъ бы признанъ съ полною готовностію; но ему помогли обстоятельства. Одновременно съ тѣмъ, какъ предъявлять ему свои права на суздальскую Русь, здѣшній великій князь Андрей Ярославичъ [2]) вступилъ въ бракъ съ дочерью Даніила Романовича. Не невѣроятно думать, что и митрополитъ съ своей стороны и въ своихъ интересахъ содѣйствовалъ устроенію этого брака. Какъ бы то ни было, только осенью 1250-го года, болѣе или менѣе вскорѣ послѣ возвра-

---

послѣднемъ сидѣлъ бояринъ владимирскаго великаго князя Ярослава Всеволодовича, а Ярославъ умеръ въ 1246-мъ году (О путешествіи Кирилла лѣтопись говоритъ какъ объ имѣвшемъ мѣсто послѣ путешествія Даніилова въ Орду; но въ 1250-мъ году Кириллъ не только уже возвратился изъ путешествія, но и прибылъ уже во Владимирскую Русь). Что Даніилъ возвратился отъ Батыя въ Февралѣ—Мартѣ 1246-го года, см. ниже въ рѣчахъ объ его сношеніяхъ съ папой.

[1]) Что Ипатская лѣтопись говоритъ совершенную неправду, будто Кириллъ отправился къ патріарху на поставленіе въ 1250-мъ году, это видно изъ сказаннаго сейчасъ выше. Пошедъ на поставленіе черезъ Венгрію, онъ настоятельно прошенъ былъ венгерскимъ королемъ принять на себя старанія объ устроеніи брака между дочерію его—короля и сыномъ Даніила, на что онъ согласился и для чего возвращался въ Галицію,—Ипатск. лѣт. ibid.. Венгерскіе историки относятъ этотъ бракъ къ 1245-му году,—Geschichte von Ungarn *Фесслера,* въ обработкѣ *Клейна,* I, 392; но это также несправедливо.

[2]) Ярославъ Всеволодовичъ умеръ въ 1246-мъ году; ему наслѣдовалъ братъ его Святославъ, котораго въ 1248-мъ году согналъ съ престола сынъ его Андрей.

щенія отъ патріарха съ поставленія, Кириллъ прибылъ въ сѣверную Русь, чтобы явить себя ей, и отселѣ началъ быть ея митрополитомъ.

Прежде всего митрополитъ Кириллъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ управлялъ русскою церковію болѣе продолжительное время, чѣмъ кто-нибудь изъ его предшественниковъ (сколько знаемъ) и преемниковъ. Возвратившись съ поставленія въ 1248-мъ или 1249-мъ году, онъ жилъ и оставался на каѳедрѣ до конца 1281-го года. Слѣдовательно, правилъ церковію въ продолженіе 30-ти слишкомъ лѣтъ.

Выдающуюся особенность правленія митр. Кирилла противъ его домонгольскихъ предшественниковъ составляетъ то, что онъ не пребывалъ постоянно въ Кіевѣ на своей каѳедрѣ, но оставлялъ свою митрополичью столицу на болѣе или менѣе продолжительныя времена, если только не большею частію отсутствовалъ изъ нея, чтобы жить въ другихъ мѣстахъ. Съ половины XII вѣка, со времени Андрея Боголюбскаго, когда явилось и быстро возвысилось суздальско-владимирское великое княженіе, Кіевъ постепенно началъ падать въ смыслѣ политическомъ. Сначала великіе князья его должны были уступить первенствующее мѣсто вновь явившимся великимъ князьямъ, потомъ со степени великихъ князей они низошли на степень простыхъ князей и наконецъ передъ самымъ нашествіемъ Монголовъ древняя столица Руси лишилась и какихъ бы то ни было князей: захваченный въ 1238-мъ году галичскимъ великимъ княземъ Даніиломъ Романовичемъ Кієвъ присоединенъ былъ ко второму вновь явившемуся великому княженію въ качествѣ пригорода и получилъ себѣ въ намѣстники великокняжескаго боярина. Если бы и не случилось нашествія Монголовъ, которое окончательно уничтожило всякое значеніе Кіева и сдѣлало его даже мѣстомъ небезопаснымъ для обитанія: то весьма вѣроятно, что у митрополитовъ вошло бы въ обычай на болѣе или менѣе продолжительныя времена покидать его, чтобы жить при великихъ князьяхъ. Церковь, конечно, можетъ существовать и въ совершенной отдѣльности отъ государства; но древнія времена наши не были такими временами, когда могло бы это быть и когда бы митрополиты наши могли не сознавать нужды въ тѣсныхъ связяхъ съ великими князьями, какъ съ охранителями церкви. Нашествіе Монголовъ должно было рѣшительнымъ образомъ содѣйствовать тому, чтобы митр. Кириллъ пересталъ постоянно жить въ Кіевѣ и началъ часто и надолго оставлять его для пребыванія то при одномъ, то при другомъ великомъ князѣ. Монголы при своемъ взятіи Кіева предали страшному, поголовному, избіенію его жителей, и такъ какъ онъ не задолго передъ тѣмъ сталъ городомъ безкняжескимъ или пригородомъ, то не могъ привлечь въ себя новыхъ

жителей; а поэтому вмѣсто населеннѣйшаго и лучшаго города Руси, каковымъ онъ былъ до нашествія Монголовъ, онъ сталъ послѣ нашествія ничтожнѣйшимъ и крайне бѣднымъ городкомъ, изъ котораго стремились разбѣжаться и тѣ немногіе жители, которые спаслись отъ меча Монголовъ. Естественно, что у митрополита не могло быть охоты постоянно обитать въ подобномъ городѣ, въ которомъ онъ долженъ былъ бы чувствовать себя въ совершенномъ одиночествѣ, сходствуя съ сельскимъ священникомъ захолустнаго прихода. При этомъ, какъ мы сказали, послѣ нашествія Монголовъ Кіевъ сталъ мѣстомъ даже и небезопаснымъ для обитанія: онъ пересталъ имѣть своихъ князей, которые бы защищали и охраняли его, а между тѣмъ, съ одной стороны, дѣлали непрестанные набѣги на его область Литовцы [1]), а съ другой стороны—Татары, протянувшись своими становищами по всей степи половецкой отъ Волги до Днѣпра и по-за Днѣпръ, находились своимъ собственнымъ лицомъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ нимъ, какъ Каневъ и поле переяславское [2]).

Къ сейчасъ указаннымъ внѣшнимъ причинамъ, побуждавшимъ митр. Кирилла оставлять Кіевъ на болѣе или менѣе продолжительныя времена, съ большою вѣроятностію должна быть присоединяема причина внутренняя, которая заставляла его покидать Кіевъ для того, чтобы предпринимать путешествія по Руси. Имѣемъ мы основанія предполагать, что митр. Кириллъ былъ пастырь особенно ревностный. Можно поэтому думать, что онъ хотѣлъ сдѣлать приложеніе своей ревности новое противъ своихъ предшественниковъ, а именно—что онъ хотѣлъ предпринимать путешествія по Руси, чтобы самому лично учить, наказывать, исправлять. По крайней мѣрѣ, Никоновская лѣтопись говоритъ объ этой причинѣ предпріятія митр. Кирилломъ многократныхъ путешествій по Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многократныхъ покиданій Кіева, положительнымъ образомъ [3]).

Наконецъ, можно еще подозрѣвать, что, придавая оффиціальный характеръ своимъ путешествіямъ и дѣлая служебно-полезное ихъ приложеніе, митр. Кириллъ ввелъ или завелъ новый способъ совершенія своего апелляціоннаго суда на судъ епархіальныхъ епископовъ, именно—чтобы не вызывать тяжущихся къ себѣ, а самому черезъ извѣстные

---

[1]) Плано-Карпини, гл. I.

[2]) Ibidd., cfr Ипатск. лѣт. стр. 555.

[3]) III, 69, подъ 1280-мъ годомъ: „того же лѣта преосвященный Кириллъ митрополитъ Кіевскій и всеа Русіи изыде изъ Кіева по обычаю своему, и прохожаше грады всеа Руси, учаше, наказуяше, исправляше“...

промежутки времени объѣзжать епархіи, и такимъ образомъ производить судъ на мѣстѣ, т. е. на мѣстѣ по крайней мѣрѣ въ томъ обширномъ смыслѣ, чтобы творить судъ въ каѳедральномъ городѣ каждой епархіи. Къ нарочитымъ рѣчамъ объ этомъ мы возвратимся послѣ, въ особой главѣ объ управленіи.

Какъ бы то ни было, мы положительнымъ образомъ знаемъ, что митр. Кириллъ многократно приходилъ въ сѣверную Русь, чтобы пребывать съ здѣшними великими князьями. Относительно этихъ его путешествій на Сѣверъ и пребываній здѣсь мы находимъ въ лѣтописяхъ слѣдующее. Въ 1250-мъ году, спустя то или другое непродолжительное время послѣ своего возвращенія отъ патріарха съ поставленія, онъ отправился изъ Кіева въ суздальскую Русь и прибылъ во Владиміръ черезъ Черниговъ и Рязань [1]). Въ слѣдующемъ 1251-мъ году онъ ходилъ изъ Владиміра въ Новгородъ къ князю Александру Ярославичу Невскому и вмѣстѣ для поставленія новгородцамъ епископа (Далмата на мѣсто умершаго Спиридона). Въ 1252-мъ году онъ находился во Владимірѣ и посадилъ здѣсь на великомъ княженіи Александра Ярославича. Въ 1255-мъ году онъ опять находился во Владимірѣ, а въ слѣдующемъ 1256-мъ году путешествовалъ съ великимъ княземъ въ Новгородъ. Въ 1262-мъ году мы видимъ его въ Ростовѣ, гдѣ онъ поставилъ епископа (Игнатія на мѣсто умершаго Кирилла), а въ слѣдующемъ 1263-мъ году — во Владимірѣ, гдѣ онъ похоронилъ Александра Ярославича Невскаго. Очень можетъ быть, что послѣ 1252-го и 1256-го годовъ митрополитъ не уходилъ изъ сѣверной Руси и провелъ въ ней сподрядъ все время съ 1250-го по 1263-й годъ; но лѣтописи говорятъ неопредѣленно, сообщая только о пребываніи митрополита на Сѣверѣ въ извѣстные, сейчасъ указанные, годы. Въ 1274-мъ году митрополитъ пришелъ изъ Кіева во Владиміръ, приведши съ собой архимандрита Печерскаго Серапіона для поставленія въ епископы владимирскіе. Въ 1281-мъ году митрополитъ пришелъ изъ Кіева въ область суздальскую и здѣсь въ этомъ же году и окончилъ свою жизнь въ городѣ Переяславлѣ Залѣсскомъ.

На мѣсто епископа владимирскаго Митрофана, убитаго Монголами при взятіи Владиміра въ 1238-мъ году, Кириллъ поставилъ новаго епископа только въ 1274-мъ году. Это обстоятельство если не даетъ основанія думать, чтобы въ продолженіе очень долгаго времени своего

---

[1]) Митрополитъ прибылъ въ суздальскую Русь осенью 1250-го года и зимой того же года онъ вѣнчалъ во Владимірѣ великаго князя Андрея Ярославича съ дочерью Даніила Романовича.

правленія онъ имѣлъ мысль перенести изъ Кіева во Владиміръ каѳедру митрополіи, то даетъ полное основаніе предполагать, что въ продолженіе очень долгаго времени своего правленія онъ имѣлъ мысль оставить владимирскую епархію за митрополитами, подобно тому, какъ послѣ перенесенія каѳедры изъ Кіева во Владиміръ митрополиты оставили за собой епархію кіевскую. Во всякомъ случаѣ, это медленіе съ поставленіемъ епископа значитъ то, что митрополитъ какъ можно долѣе хотѣлъ оставлять во Владимірѣ, такъ сказать, свободнымъ мѣсто для самого себя и слѣдовательно—что онъ желалъ пріѣзжать въ него какъ можно чаще.

Что касается до пребыванія или пребываній митрополита въ Кіевѣ, то мы знаемъ изъ лѣтописей, что онъ находился въ немъ въ 1274-мъ году, въ которомъ пришелъ изъ него во Владиміръ, потомъ въ 1276-мъ году, зимой котораго поставилъ въ немъ епископа новгородскаго (Климента на мѣсто умершаго Далмата) [1], и наконецъ—въ 1281-мъ году, въ которомъ пришелъ изъ него въ область суздальскую.

Многократныя посѣщенія Кирилломъ сѣверной Руси заставляли бы предполагать, что онъ еще болѣе многократно посѣщалъ свою родину Галицію, великимъ княземъ которой онъ избранъ былъ въ митрополиты. Однако, объ этихъ посѣщеніяхъ его мы совершенно ничего не знаемъ. О нихъ не только вовсе не говорятъ сѣверныя лѣтописи, но совсѣмъ не говоритъ и собственная лѣтопись галичско-волынская (Ипатская). Эта послѣдняя лѣтопись, сказавъ объ избраніи Кирилла Даніиломъ Романовичемъ и объ его путешествіи къ патріарху на поставленіе, затѣмъ не упоминаетъ о митрополитѣ ни единымъ словомъ, точно онъ пересталъ существовать. Какъ понимать это молчаніе, не легко рѣшить. Съ одной стороны, оно наводитъ на подозрѣніе, что Кириллъ по какимъ-то причинамъ отчуждился отъ своей родины, послѣ того какъ сталъ митрополитомъ всей Руси, а съ другой стороны—галичско-волынская лѣтопись ведетъ себя по отношенію къ нему такъ, что ея молчаніе, можетъ быть, и ничего не значитъ: упомянувъ объ его избраніи въ митрополиты великимъ княземъ и объ его путешествіи къ патріарху,—въ оба раза совершенно случайнымъ образомъ, она не говоритъ даже, чтобы онъ (Кириллъ) приходилъ къ Даніилу Романовичу тотчасъ послѣ посвященія, а между тѣмъ это по крайней мѣрѣ уже совершенно необходимо предполагать. Даніилъ Романовичъ имѣлъ сношенія съ папою

[1]) А вѣроятно, также и владимирскаго Ѳеодора на мѣсто скоро умершаго Серапіона, который поставленъ въ томъ же году (прежде Климента), но мѣсто поставленія котораго въ лѣтописяхъ не означено.

римскимъ, и можно было бы подумать, что онѣ оттолкнули митрополита отъ князя; но сношенія продолжались не все время правленія Даніилова и, какъ кажется, не доходили до того, чтобы митрополитъ имѣлъ причины разорвать свои связи съ княземъ, а если и доходили, то весьма не надолго; кромѣ того, послѣ смерти Даніила въ 1264-мъ году Кириллъ оставался митрополитомъ цѣлые 17-ть лѣтъ при сынѣ его Львѣ. Не находя возможнымъ рѣшить вопроса объ отношеніяхъ Кирилла къ Галиціи и галичскимъ великимъ князьямъ положительнымъ образомъ, мы считаемъ вѣроятнѣйшимъ то, что не должно дѣлать никакихъ особенныхъ выводовъ изъ молчанія галичско-волынской лѣтописи. Можетъ быть только принимаемо за весьма вѣроятное и даже болѣе чѣмъ вѣроятное, что между двумя частями Руси и своей митрополіи онъ видѣлъ главную часть государства и церкви не въ своей родинѣ Галиціи, а въ Руси сѣверной, владимирской.

Митр. Кириллъ призванъ былъ управлять русскою церковію, когда надъ русской землей началось владычество Монголовъ. Послѣ страшнаго опустошенія Руси во время самаго порабощенія, при чемъ церковь въ лицѣ духовенства и въ мѣстахъ общественнаго богослуженія—храмахъ потерпѣла столь же ужасно, какъ и государство, Монголы оставили Русскимъ совершенно неприкосновенною ихъ вѣру и совершенно неприкосновенными права ихъ духовенства, вообще оставили имъ ихъ церковь безъ всякаго измѣненія въ томъ положеніи, въ какомъ она находилась до ихъ—Монголовъ нашествія. Это признаніе неприкосновенности вѣры и правъ духовенства, какъ говорили мы выше, заявлено было Монголами не посредствомъ дарованія нашему духовенству какой нибудь жалованной грамоты, а фактически, или на самомъ дѣлѣ (самымъ дѣломъ). Совершенная вѣротерпимость была общимъ ихъ принципомъ: во всѣхъ земляхъ, которыя они покорили прежде Руси, они оставляли полную свободу вѣръ; ту же свободу вѣры оставили они и Русскимъ послѣ порабощенія ихъ земли своей власти. Такимъ образомъ, митр. Кириллъ при своемъ возшествіи на престолъ не имѣлъ нужды заботиться и стараться о томъ, чтобы установить тѣ или иныя отношенія Монголовъ къ русской церкви, чтобы испрашивать ей у хана льготъ и преимуществъ: отношенія возможно благопріятныя установились сами собою и до занятія имъ престола, такъ что ему только оставалось съ благодареніями Богу признать радостный фактъ. Очень можетъ быть, что Кирилъ послѣ своего посвященія въ митрополиты путешествовалъ въ Орду, для представленія хану, каковымъ былъ тогда самъ покоритель Руси Батый; но вѣроятнѣе, что—нѣтъ, потому что лѣтописи едва ли бы умолчали объ этомъ путешествіи, если бы оно

имѣло мѣсто. Батый въ своемъ величіи могъ не интересоваться тѣмъ, чтобы видѣть большаго русскаго попа, какъ называли Монголы нашихъ митрополитовъ, а митрополитъ съ своей стороны едва ли могъ имѣть охоту добиваться чести быть представленнымъ хану.

При третьемъ преемникѣ Батыевомъ, ханѣ Берке или Беркаѣ, въ 1261-мъ году была учреждена митрополитомъ Кирилломъ епископская каѳедра въ столицѣ ханской Сараѣ. Къ сожалѣнію, лѣтописи не сообщаютъ намъ исторіи учрежденія каѳедры, ограничиваясь только тѣмъ, что подъ этимъ годомъ говорятъ: «того же лѣта постави митрополитъ епископа Митрофана Сараю» [1]). Представлять дѣло такъ, чтобы самъ митрополитъ обратился къ хану съ просьбою о дозволеніи учредить каѳедру, весьма мало вѣроятно, ибо подобная просьба была бы со стороны митрополита такимъ притязаніемъ, заявлять которое онъ не могъ отважиться; гораздо вѣроятнѣе, что самъ ханъ потребовалъ у митрополита учрежденія каѳедры, дабы имѣть представителями при себѣ русскаго духовенства не простыхъ священниковъ, а епископовъ. Такъ или иначе, но это учрежденіе епископской каѳедры въ столицѣ ханской показываетъ степень терпимости Монголовъ къ нашей вѣрѣ. Епископы сарайскіе, пребывая постоянно при ханахъ какъ во время житья послѣднихъ въ столицѣ, такъ и во время кочеванія ихъ по степи [2]), должны были получить очень важное дипломатическое значеніе для русскихъ митрополитовъ и великихъ князей: они могли извѣщать тѣхъ и другихъ о всемъ происходившемъ въ Ордѣ, могли заводить тамъ нужныя въ нашихъ интересахъ знакомства между боярами и пр., вообще могли имѣть тамъ такое же значеніе, какое имѣютъ въ настоящее время состоящіе при другихъ дворахъ посланники. Впрочемъ, въ случаѣ борьбы между князьями, дѣлаясь сторонниками неправыхъ между послѣдними, они могли проявлять свое вліяніе и весьма вреднымъ для отечества образомъ. Епископы имѣли завѣдывать не только тѣми Русскими, которые жили между самими Монголами и которыхъ въ первое по крайней мѣрѣ время долженствовало быть между ними очень много [3]), но нѣкоторою частію и собственной Руси, именно—имъ под-

[1]) Лаврентьевская, за нею Никоновская.

[2]) Что епископы, постоянно пребывая при ханахъ, кочевали вмѣстѣ съ ними, это дается знать въ вопросѣ епископа Ѳеогноста Константинопольскому собору, который приведенъ нами выше,—стр. 41.

[3]) Множество Русскихъ уведено было Монголами въ плѣнъ при порабощеніи Руси; затѣмъ, въ первое по крайней мѣрѣ время, они производили въ ней, какъ и въ другихъ покоренныхъ странахъ, весьма сильныя военныя конскрипціи, см.

чинена была прилежавшая къ монгольскимъ кочевьямъ на северо-западномъ краю последнихъ епископія переяславская [1]). Что епископамъ сарайскимъ дозволено было ханами обращать Татаръ въ христіанство и что такія обращенія, въ большемъ или меньшемъ числе, действительно имели место, объ этомъ мы сказали выше (стр. 41).

Въ 1279-мъ году, не задолго до своей смерти, митр. Кириллъ исходатайствовалъ у преемника Беркаева хана Менгу-Темира ярлыкъ, которымъ ограждалась неприкосновенность веры и правъ духовенства отъ посягательствъ монгольскихъ чиновниковъ и который, какъ необходимо думать, былъ вызванъ темъ, что чиновники более или менее позволяли себе эти посягательства. Въ Никоновской летописи подъ 1279-мъ годомъ читается: «Того же лета пріиде Өеогнастъ епискупъ Сарайскій въ третія (и)зъ Греческія земли, изъ Царяграда; посылалъ убо его пресвещенный Кирилъ митрополитъ Кіевскій и всеа Руси и царь Ординскій Менгутемиръ къ патріарху и ко царю Михаилу Палеологу Греческому, — отъ пресвещеннаго Кирила митрополита грамоты и поминки и отъ царя Менгутемира грамоты и поминки (отъ) обою» [2]). Это известіе должно понимать такъ, что ханъ Менгу-Темиръ имелъ нужду отправить посольство къ императору Михаилу, вероятно — изъ-за Ногая, предводителя частной монгольской Орды, отторгнувшейся отъ Золотой или Сарайской и кочевавшей сначала по берегу Чернаго моря, а потомъ въ низовьяхъ Дуная, и что для

у Плано-Карпини Сведеній ст. VII, также *Гаммера* Geschichte d. gold. Horde, S. 146. а наконецъ—говорится еще о какихъ-то Русскихъ (первоначальныхъ казакахъ или родоначальникахъ последующихъ казаковъ), которые скитались въ степяхъ и грабили путешественниковъ (Рубруквисъ, см. у *Карамз.* IV, 38. Такъ какъ между Монголами проживало некоторое количество православныхъ христіанъ изъ епархій кавказскихъ, то епископы этихъ последнихъ епархій изъявляли притязаніе на то, чтобы посещать епархію сарайскую ради своихъ пасомыхъ; Константинопольскій патріаршій соборъ 1276-го года постановилъ, что эти проживающіе между Монголами кавказскіе христіане должны подлежать веденію епископа сарайскаго, см. греческій подлинникъ ответовъ собора епископу сарайскому Өеогносту въ Памятникахъ древне-русскаго каноническаго права, изданныхъ Археографическою Комиссіею (*А. С. Павловымъ*), I, втораго счета col. 10, § 15).

[1]) О поставленіи митр. Кирилломъ въ 1269-мъ году второго епископа сарайскаго Никоновская летопись пишетъ: „того же лета пресвещенный Кирилъ митрополитъ Кіевскій и всеа Русіи постави Өеогнаста епискупомъ Русскому (т. е. Кіевскому) Переяславлю и Сараю"—Ш. 50 нач.. Въ надписаніи деяній владимирскаго собора 1274-го года этотъ Өеогностъ называется переяславскимъ.

[2]) Ш, 68.

бо́льшей успѣшности посольства онъ приглашалъ къ содѣйствію себѣ митр. Кирилла. Не безъ вѣроятности можно думать, что для послѣдней цѣли онъ вызывалъ митрополита къ себѣ въ Сарай, и симъ-то личнымъ пребываніемъ у хана по его собственному дѣлу и могъ воспользоваться митрополитъ, чтобы испросить у него ярлыкъ [1]). Употребленіе епископа сарайскаго въ посланники и приглашеніе митрополита къ содѣйствію успѣху посольства показываетъ, что между ханомъ Менгу-Темиромъ и нашею церковію существовали весьма добрыя отношенія. Что касается до епископа, то очень вѣроятно, что и два предшествующія путешествія въ Константинополь онъ совершилъ по порученію хана, хотя въ одно изъ этихъ путешествій, какъ знаемъ и о чемъ ниже, онъ занимался и дѣлами церковными.

Мы сказали выше, что имѣемъ основанія думать о митр. Кириллѣ, какъ о пастырѣ особенно ревностномъ. Эти основанія даются намъ сохранившимися до настоящаго времени памятниками его пастырской дѣятельности, каковыхъ памятниковъ два—пріобрѣтенная имъ для Россіи Кормчая книга съ толкованіями каноновъ и дѣянія владимирскаго собора 1274-го года. На основаніи послѣдняго памятника, который выражаетъ собою заботу и старанія митр. Кирилла освободить до нѣкоторой степени русскую церковь и ея жизнь отъ существовавшихъ въ ней недостатковъ, съ большимъ правомъ нужно считать его пастыремъ не только особенно, но и исключительно ревностнымъ, которому среди другихъ высшихъ пастырей русской церкви должно быть отводимо одно изъ выдающихся мѣстъ.

Русская церковь обладала славянскимъ переводомъ составляющихъ законодательство вселенской церкви такъ-называемыхъ каноновъ церковныхъ съ самаго перваго времени своего существованія. Въ продолженіе періода до-монгольскаго у насъ находились въ употребленіи въ славянскомъ переводѣ два собранія или изданія каноновъ церковныхъ—систематическое собраніе Іоанна Схоластика, патріарха константинопольскаго, жившаго во второй половинѣ VI вѣка (565—578), значительно неполное, и собраніе расположенное по порядку соборовъ и отцовъ, сдѣланное неизвѣстнымъ или неизвѣстными (составляющее вторую часть или такъ-называемую синтагму 14-тительнаго номоканона, который въ окончательной своей редакціи, принадлежащей патр. Фотію, получилъ названіе Фотіева), также неполное, но уже не зна-

[1]) Въ ярлыкѣ Менгу-Темира какъ будто дѣйствительно дается до нѣкоторой степени знать, что митрополитъ лично присутствовалъ въ Ордѣ, ибо въ немъ говорится: „*сему* митрополиту грамоту сію дали есмя“.

чительно, а только весьма на немногое [1]). Заботы митр. Кирилла привлекла, впрочемъ, не столько эта нѣкоторая неполнота каноновъ церковныхъ, находившихся у насъ въ славянскомъ переводѣ, сколько другое. Въ продолженіе предшествующаго ему XII вѣка у Грековъ явились толкованія на церковные каноны Зонарино, Аристиново и Вальсамоново [2]). Славянскій переводъ каноновъ, сопровождаемыхъ толкованіемъ, и пожелалъ онъ пріобрѣсти отъ южныхъ Славянъ. Для полученія славянской Кормчей, содержащей каноны съ толкованіями, митрополитъ обращался съ просьбою къ болгарскому деспоту или болгарскому удѣльному владѣтелю (князю) Іакову Святиславу [3]). Этотъ послѣдній, испросивъ желаемую Кормчую у своего терновскаго патріарха, приказалъ списать списокъ для митрополита и прислалъ ему послѣдній неизвѣстно въ какомъ изъ двухъ годовъ—1262-мъ или 1270-мъ [4]).

Пріобрѣтеніе митр. Кирилломъ славянской Кормчей, содержавшей толкованія на каноны или каноны съ толкованіями, не было, однако, пріобрѣтеніемъ слишкомъ цѣннымъ и важнымъ, хотя самъ онъ и усво-

---

[1]) См. I тома 1-ю половину, стр. 365 sqq.

[2]) Іоаннъ Зонара, сперва императорскій сановникъ, а потомъ монахъ аѳонскій, написалъ свое толкованіе въ концѣ первой четверти XII вѣка; Алексѣй Аристинъ, номофилаксъ и экономъ великой церкви, — во второй четверти того же вѣка; Ѳеодоръ Вальсамонъ, номофилаксъ и хартофилаксъ великой церкви и потомъ патріархъ антіохійскій (титулярный)—въ третьей четверти того же вѣка.

[3]) О деспотѣ Іаковѣ Святиславѣ (Святьславѣ) см. у *Стриттера* въ Memorr. popp. II, 763, 768 нач. Не совсѣмъ понятно, что Кириллъ обращался къ деспоту Святиславу, а не къ самому болгарскому царю Константину Тѣху (можетъ быть, съ деспотомъ онъ свелъ знакомство въ свое путешествіе для поставленія въ митрополиты).

[4]) Исторія пріобрѣтенія митр. Кирилломъ его Кормчей книги дѣлается извѣстною изъ письма къ нему Святислава и изъ записи одного изъ писцовъ, писавшихъ списокъ для послѣдняго, которыя читаются въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ Кормчей,—*Восток.* Опис. Рум. Муз. CCXXIII, стр. 290 sqq. Въ записи писца, написавшаго для Святислава часть Кормчей, означенъ годъ писанія; но въ позднѣйшихъ извѣстныхъ рукописяхъ онъ читается такъ, что можетъ быть принимаемъ и за 1262-й и за 1270-й (самый годъ—послѣдній, а индиктъ при немъ перваго года). Покойный И. И. Срезневскій считалъ болѣе вѣроятнымъ первый годъ, см. его „Древніе памятники русскаго письма и языка“ подъ 3262-мъ годомъ и Свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ № LXXXI, стр. 11, V; однако на владимирскомъ соборѣ 1274-го года Кириллъ говоритъ о Кормчей такъ, что какъ будто она пріобрѣтена имъ въ весьма недавнее передъ тѣмъ время, т.-е. какъ будто болѣе указываетъ на послѣдній годъ, чѣмъ на первый.

ялъ ему очень большое значеніе. У южныхъ Славянъ не были переведены пространныя толкованія на каноны Зонарино и Вальсамоново, а было переведено весьма краткое толкованіе Аристиново, при чемъ и каноны церковные взяты Аристиномъ для своего толкованія не въ полномъ видѣ, а въ сокращенной редакціи. Кормчая книга, содержавшая въ себѣ сокращенные каноны церковные, съ краткимъ толкованіемъ Аристиновымъ, не слишкомъ задолго до Кирилла была переведена съ греческаго языка на славянскій св. Саввою, первымъ архіепископомъ сербскимъ [1]), и отъ Сербовъ была заимствована Болгарами. Этотъ переводъ Саввы и былъ доставленъ митрополиту Кириллу деспотомъ Святиславомъ [2]). Въ предисловіи къ дѣяніямъ владимирскаго собора 1274-го года, по поводу своего пріобрѣтенія Кормчей, содержащей каноны съ толкованіями, митрополитъ пишетъ, что дотолѣ правила церковныя были у насъ «неразумны» (невразумительны), «помрачени бо бѣяху преже сего облакомъ мудрости елиньскаго языка», но что нынѣ, послѣ пріобрѣтенія Кормчей, «облисташа, рекше истолкованы быша, и благодатью Божіею ясно сіяють, невѣдѣнія тму отгоняще и все просвѣщающе свѣтомъ разумнымъ и отъ грѣхъ избавляюще». Слова эти, говорящія то, что у насъ до него—митрополита Кирилла не было славянскаго перевода правилъ церковныхъ, приводили ученыхъ въ большое недоумѣніе. Но оказывается, что митрополитъ буквально взялъ загадочныя слова изъ предисловія св. Саввы къ его переводу Кормчей. Въ устахъ св. Саввы слова значили то, что у Сербовъ до его времени не было славянскаго перевода правилъ, т.-е. что Сербами не были заимствованы отъ Болгаръ существовавшіе у послѣднихъ славянскіе ихъ переводы и что дотолѣ они обходились греческимъ ихъ оригиналомъ. Митр. Кириллъ, не совсѣмъ удачнымъ образомъ повторяющій слова въ ихъ подлинномъ видѣ, конечно, хочетъ сказать, что съ пріобрѣтеніемъ толкованій правила стали гораздо яснѣе.

---

[1]) См. нашъ Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской, стр. 452.

[2]) См. *А. С. Павлова* Первоначальный славяно-русскій номоканонъ, Казань, 1869.—Іаковъ Святиславъ въ письмѣ къ Кириллу и одинъ изъ писцовъ списка въ своей записи называютъ посылаемую митрополиту Кормчую книгу Зонарою, тогда какъ въ ней толкованія не Зонарины, а Аристиновы, вѣроятно, потому, что отъ старѣйшаго изъ толкователей Зонары всякія Кормчія съ толкованіями каноновъ принято было называть Зонарами. Не совсѣмъ понятное для насъ пишетъ Святиславъ митрополиту о своей Кормчей: „а писаніемъ сію (сія) Зонаря да ся никдѣ не препишеть, понеже тако подобно есть сей Зонарѣ во всякомъ царствѣ единой быти на съборѣ, якоже святіи отци уставиша и упредаша намъ“.

(Со времени пріобрѣтенія митр. Кирилломъ его Кормчей книги у насъ начало существовать Фотіево собраніе каноновъ церковныхъ въ двухъ редакціяхъ: въ редакціи сокращенной съ толкованіемъ Аристиновымъ, въ каковомъ видѣ находилось оно въ его—Кирилловой Кормчей, и въ редакціи полной, бывшей у насъ до него, но съ приписанными изъ его Кормчей тѣми же толкованіями Аристиновыми (а также и въ самыхъ канонахъ съ дополненіемъ изъ его Кормчей въ сокращенной редакціи того немногаго, чего не доставало). Фамилія Кормчихъ, содержащихъ каноны въ первой редакціи, называется по древнѣйшему извѣстному списку ея, написанному въ 1283-мъ году для рязанскаго епископа Іосифа, фамиліей Рязанской или Іосифовской. Фамилія Кормчихъ, содержащихъ каноны во второй редакціи (полной), называется по таковому же списку ея, написанному для новгородскаго Софійскаго собора между 1276—1294 годами фамиліей Софійской или Новгородской. Кормчая, напечатанная при патріархахъ Іосифѣ—Никонѣ въ 1650—53-мъ году, представляетъ собою Кормчую Рязанскую).

Въ 1274-мъ году митр. Кириллъ пришолъ изъ Кіева во Владиміръ и привелъ съ собою архимандрита Печерскаго монастыря Серапіона, для поставленія въ епископы владимирскіе [1]). На посвященіе Серапіона митрополитъ призвалъ четырехъ епископовъ: Далмата новгородскаго, Игнатія ростовскаго, Ѳеогноста сарайскаго и Сѵмеона полоцкаго. Съ этими епископами онъ составилъ соборъ и на соборѣ начерталъ письменное «Правило», состоящее изъ ряда предписаній, направленныхъ къ искорененію существовавшихъ у насъ злоупотребленій въ церковномъ управленіи, погрѣшностей въ богослуженіи и недостатковъ въ нравственной жизни духовенства и народа.

1274-й годъ былъ 25—26-мъ годомъ пребыванія Кирилла на каѳедрѣ митрополичьей, считая со времени его посвященія, и 31-мъ годомъ со времени его избранія. Нельзя представлять себѣ дѣла такимъ образомъ, чтобы слишкомъ многіе годы своего правленія митрополитъ не обращалъ вниманія на недостатки, существовавшіе въ русской церкви, и чтобы по прошествіи долгаго времени вдругъ и внезапно явилось у него желаніе принять мѣры къ ихъ искорененію. Необходимо думать, что вообще онъ былъ пастырь весьма ревностный,—что въ продолженіе всего времени своего правленія онъ заботился объ искорененіи

---

[1]) Никоновская лѣтопись подъ 1274-мъ годомъ: „Пріиде изъ Кіева Кирилъ митрополитъ въ Володимеръ и приведе съ собою Серапіона архимарита Печерскаго въ епискупы Володимерю и Суздалю“,—III, 58. См. еще у *Карамз.* IV, прим. 153.

недостатковъ, существовавшихъ въ церкви, посредствомъ стараній неписьменныхъ и что письменнымъ изданіемъ своихъ соборныхъ постановленій или, по его собственному ихъ названію, своего «Правила», какъ мѣрою наиболѣе дѣйствительною и прочною, онъ хотѣлъ завершить свои предшествовавшія заботы и усилія. Въ виду сейчасъ сказаннаго получаетъ всю свою вѣроятность свидѣтельство Никоновской лѣтописи, хотя, можетъ быть, и составляющее не болѣе какъ простое предположеніе лѣтописца, только высказанное имъ въ видѣ положительнаго извѣстія, что митр. Кириллъ между прочимъ затѣмъ не рѣдко оставлялъ Кіевъ и предпринималъ путешествія по Руси, чтобы всюду самому лично учить, наказывать, исправлять. Въ предисловіи къ своему «Правилу», говоря о наказаніи Божіемъ, постигшемъ наше отечество за пренебреженіе и нарушеніе каноновъ церковныхъ и заповѣдей христіанскихъ, онъ пишетъ: «Какую прибыль получили мы, оставивъ Божіи правила? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не взяты ли были наши города? Не погибли ли сильные князья наши отъ острія меча? Не уведены ли въ плѣнъ наши дѣти? Не запустѣли ли святыя Божіи церкви? Не томятъ ли насъ на всякій день безбожные и нечистые язычники? Все это случилось намъ за то, что не хранимъ правилъ святыхъ и преподобныхъ нашихъ отцевъ». Слова эти показываютъ, что митрополитъ Кириллъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, на которыхъ великія народныя бѣдствія дѣйствуютъ пробуждающимъ и вразумляющимъ образомъ, какъ призывъ къ исправленію и нравственному улучшенію. Поставленный управлять русскою церковію тотчасъ послѣ обрушившагося на русскую землю страшнаго всеобщаго бѣдствія, когда послѣдняя, бывъ только-что пройдена Монголами, представляла изъ себя сплошную кучу дымившихся развалинъ, покрытую безчисленнымъ множествомъ человѣческихъ труповъ, какъ скошенною травой, митр. Кириллъ, нужно думать, въ виду этого грознаго выраженія Божія гнѣва, далъ себѣ обѣтъ быть не только правителемъ русской церкви, но и ея возможнымъ исправителемъ и обновителемъ, и по мѣрѣ силъ оставался вѣрнымъ своему обѣту во все свое долговременное правленіе. На дѣянія владимірскаго собора 1274-го года необходимо поэтому смотрѣть не какъ на нѣчто внезапное и не какъ на нѣчто изолированное (единичное) въ его дѣятельности, а какъ на заключительное выраженіе тѣхъ стремленій къ исправленію русской церкви, которыми онъ постоянно былъ одушевленъ во все свое долговременное пребываніе на каѳедрѣ митрополіи,—какъ на предсмертное выраженіе въ письмени тѣхъ заботъ, которыя безписьменно онъ носилъ въ себѣ во всю свою долгую жизнь.

Составляющее дѣянія владимирскаго собора 1274-го года «Правило» митр. Кирилла по своему объему довольно обширно; по своему содержанію оно есть рядъ предписаній противъ недостатковъ, существовавшихъ въ области церковной жизни. Но намъ думается, что оно не представляетъ собою того, что̀ собственно было въ мысли митрополита. Рядъ предписаній, которыя дѣлаетъ онъ съ соборомъ въ Правилѣ, весьма недлиненъ, между тѣмъ какъ несомнѣнно, что рядъ этотъ могъ бы быть очень длиннымъ. Чтобы митр. Кириллъ не могъ хорошо не знать всѣхъ недостатковъ современной ему церковной жизни, когда онъ сидѣлъ на каѳедрѣ такое продолжительное время и когда онъ нарочито старался знакомиться съ недостатками, этого невозможно предполагать. Поэтому, намъ рѣшительно думается, что собственною мыслію митрополита было то, чтобы начертать возможно полную картину всѣхъ недостатковъ современной церковной жизни съ осужденіемъ всѣхъ, какъ много спустя времени сдѣлалъ это Стоглавый соборъ, и что если онъ не привёлъ своей мысли въ исполненіе, то причиной сего должны быть считаемы условія внѣшнія, литературныя, именно—что у него съ его сотрудниками не доставало литературной способности на то, чтобы изготовить цѣлую книгу дѣяній соборныхъ, подобную дѣяніямъ Стоглаваго собора.

Какъ бы то ни было, дѣянія владимирскаго собора 1274-го года, называемыя въ ихъ надписаніи Правиломъ [1]), должны быть драгоцѣнными для насъ потому, что онѣ представляютъ собою первыя по времени изъ сохранившихся до насъ письменныхъ дѣяній помѣстныхъ соборовъ нашей русской церкви.

Дѣянія собора начинаются вступленіемъ отъ лица митрополита Кирилла; послѣ вступленія онѣ состоятъ изъ ряда предписаній противъ недостатковъ церковной жизни [2]).

«Преблагій Богъ нашъ,—начинаетъ митр. Кириллъ свое вступленіе,—который творитъ всяческое промышленіе о нашемъ спасеніи и который по недовѣдомымъ Его судьбамъ всезиждительствомъ и пре-

---

[1]) Надписаніе дѣяній: „Правило Кюрила митрополита Руськаго (и) съшьдъшихся епископъ: Далмата Ноугородьского, Игнатья Ростовьского, Ѳеогноста Переяславльского, Симеона Полотьскаго, на поставленіе епископа Серапіона Володимирскаго“.

[2]) Дѣянія собора, напечатанныя въ I томѣ Русскихъ Достопамятностей, перепечатаны въ I части Памятниковъ древне-русскаго каноническаго права, о которыхъ мы упоминали выше. Должно читать дѣянія въ послѣднемъ изданіи, сдѣланномъ возможно удовлетворительнымъ для настоящаго времени образомъ.

мудростію своего Пресвятаго и Пречистаго Духа все приводитъ въ устроеніе, даруетъ (въ избыткѣ) всѣмъ достойно принявшимъ священство потребныя силы на то, чтобы опасно со всякимъ храненіемъ соблюдать святыя правила пресвятыхъ апостоловъ и бывшихъ послѣ нихъ преподобныхъ нашихъ отцовъ, которые, имѣя жизненное слово, своими пречистыми законоположеніями оградили церковь Божію какъ нѣкоторыми твердыми стѣнами и которые положили въ основу ея камень твердости,—тотъ камень, относительно котораго клялся Христосъ, что церковь пребудетъ неразрушима отъ самаго ада, какъ имѣющая надежду на слова Спасителя: *дерзайте, Азъ побѣдихъ міръ*» [1]). Но,—продолжаетъ митрополитъ, обращаясь къ русской церкви,—я Кириллъ, смиренный митрополитъ всея Руси, отчасти чрезъ собственное видѣніе, отчасти чрезъ слышаніе отъ другихъ, знаю о многихъ неустроеніяхъ въ храмахъ (въ дѣлѣ совершенія богослуженія), ибо одни держатъ такъ, другіе иначе, о многихъ несогласіяхъ и погрѣшеніяхъ, (происходящихъ) или отъ небреженія пастырскаго, или отъ неразумнаго обычая, или отъ непосѣщенія епископами (своихъ епархій), или отъ невразумительности правилъ церковныхъ. Послѣдняя причина,—говоритъ митрополитъ,—невразумительность правилъ, въ настоящее время, послѣ пріобрѣтенія Кормчей съ толкованіями, устранена..., «итакъ, на будущее время Богъ да сохранитъ насъ отъ невѣдѣнія, а грѣхъ (несоблюденія правилъ по другимъ причинамъ) да проститъ (и затѣмъ) да просвѣтитъ и да вразумитъ насъ относительно святыхъ правилъ, чтобы мы никакъ не дерзали преступать отеческія заповѣди и чрезъ то не наслѣдовали себѣ горя». Далѣе митрополитъ обращается къ своей паствѣ съ тѣми воззваніями, которыя мы привели выше: «Какую прибыль мы получили, оставивъ Божіи правила? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли?» и пр. «Нынѣ же,—заключаетъ митрополитъ свое вступленіе,—азъ помыслихъ съ святымь сьборомь и съ преподобными епископы нѣкако о церковьныхъ вещехъ испытаніе извѣстно (сотворити».

Предписанія собора, какъ мы сказали выше, направлены: противъ злоупотребленій и упущеній въ церковномъ управленіи, противъ погрѣшностей и неправильностей въ совершеніи общественнаго богослуженія и таинствъ и противъ недостатковъ въ нравственной жизни духовенства и народа.

Онѣ суть слѣдующія:

---

[1]) Начало вступленія весьма невразумительно и не имѣетъ грамматической правильности, такъ что приходится воспроизводить его по догадкамъ.

1. Противъ симоніи и сребролюбія епископовъ и о поставленіи въ низшія церковныя степени.

Въ Греціи съ весьма древняго времени вошло въ обычай, чтобы епископы взимали плату за поставленіе въ низшія церковныя степени (равно какъ митрополиты за поставленіе въ епископы, а патріархи за поставленіе въ митрополиты). Взиманіе было собственно незаконное и представляло собою, строго говоря, не что иное, какъ симонію; но обычай, несмотря на всѣ старанія противъ него лучшихъ представителей церковной власти, начиная съ Василія Великаго [1]), сталъ общимъ обычаемъ и получилъ силу закона на томъ основаніи, что общее не есть злоупотребленіе. Очень долгое время не были опредѣлены размѣры платы, такъ что оставалась полная свобода произволу и притязаніямъ корыстолюбивыхъ епископовъ. Наконецъ, образъ дѣйствій этого рода епископовъ вынудилъ императорскую власть назначить опредѣленную таксу, свыше которой не было бы взимаемо. Это сдѣлалъ во второй половинѣ XI вѣка императоръ Исаакъ Комнинъ (1057—1059), который предписалъ: за поставленіе въ чтецы брать одну золотую монету, называвшуюся иперпиромъ (ὑπέρπυρον) и заключавшую въ себѣ цѣнность 20-ти франковъ, за поставленіе въ діаконы еще три золотыя монеты, за посвященіе во священники еще три таковыя же монеты, или всего за поставленіе во священники семь золотыхъ монетъ. Вскорѣ послѣ Исаака Комнина указъ его былъ подтвержденъ его племянникомъ Алексѣемъ Комниномъ (1080—1118) [2]). У насъ въ Россіи, какъ говорили мы прежде [3]), взиманіе этой платы не могло войти въ обычай тотчасъ же послѣ того, какъ мы приняли христіанство, потому что въ первое время у насъ священниковъ должно было ставить правительство, набирая кандидатовъ посредствомъ принудительныхъ вербовокъ, а съ людей, которые были ставимы во священники не по доброй волѣ, нельзя было требовать еще платы за то, что ихъ ставили. Но со всею вѣроятностію нужно думать, что и у насъ взиманіе платы началось тотчасъ же послѣ того, какъ невольныхъ кандидатовъ во священники смѣнили добровольные искатели священства, что́ имѣло случиться по прошествіи болѣе или менѣе непродолжительнаго періода времени отъ принятія нами христіанства. Вмѣстѣ съ переходомъ къ намъ обычая

---

[1]) Василія Великаго каноническое правило 90-е, окружное посланіе Геннадія, патріарха Константинопольскаго (459-го года), посланіе патріарха Тарасія къ папѣ Адріану (ок 787-го года).

[2]) Цитату указовъ см. въ 1-й половинѣ I тома, стр. 430.

[3]) Ibidd..

взиманія платы долженъ былъ перейти къ намъ въ качествѣ закона и указъ Исаака Комнина, опредѣлявшій размѣры платы. Но какъ въ Греціи корыстолюбивые епископы позволяли себѣ нарушать императорскій указъ и брать болѣе, нежели сколько онъ предписываетъ, такъ это было и у насъ. Недовольствуясь незаконнымъ возвышеніемъ платы за постановленіе, греческіе корыстолюбивые епископы, а вслѣдъ за ними и наши таковые же, придумали большое количество другихъ взиманій съ низшаго духовенства и позволяли себѣ прибѣгать къ одному крайне беззаконному средству для вымоганія денегъ съ мірянъ. Наконецъ, по примѣру епископовъ греческихъ или сами по себѣ, наши корыстолюбивые епископы позволяли себѣ еще угнетать мірянъ одного особаго класса.

Противъ незаконнаго возвышенія платы за поставленіе и противъ всего сейчасъ указаннаго и дѣлаетъ соборъ свои предписанія.

Относительно платы за поставленіе соборъ, послѣ настоятельныхъ рѣчей о томъ, что всякое лишнее взиманіе есть мзда и симонія, предписываетъ, чтобы на будущее время взимаемо было за посвященіе въ діаконы и во священники,—въ обѣ степени вмѣстѣ, не болѣе семи гривенъ, т.-е. не совсѣмъ опредѣленнымъ и не совсѣмъ обстоятельнымъ образомъ подтверждаетъ узаконеніе импер. Исаака, при чемъ греческій иперпиръ приравниваетъ къ русской гривнѣ. Дѣлая предписаніе отъ своего лица, митр. Кириллъ говоритъ въ дѣяніи соборномъ: «не взимати же у нихъ (посвящаемыхъ въ діаконы и во священники) ничто же развѣ (должнаго): *яко же азъ уставихъ въ митрополіи*[1]), да будетъ се во всѣхъ епископьяхъ,—да возмутъ клирошане (епископскіе) 7 гривенъ отъ поповьства и отъ дьяконьства,—отъ обоего», и образомъ своего выраженія даетъ знать, что въ предшествующее время у насъ узаконеніе импер. Исаака было нарушаемо не только епископами, но и самими митрополитами, и слѣдовательно—что послѣдніе сами подавали у насъ первымъ примѣръ нарушенія закона.

Относительно всѣхъ другихъ взиманій, производившихся епископами съ низшаго духовенства, соборъ предписываетъ, чтобы онѣ были непремѣнно отложены и на будущее время ни подъ какимъ видомъ не имѣли мѣста. Эти другія взиманія, строго воспрещаемыя на будущее время соборомъ, были: плата за поставленіе священника къ церкви или за опредѣленіе на мѣсто сверхъ платы за посвященіе, плата за поставленіе въ игумены, называвшаяся «посошнымъ» (за врученіе игу-

---

[1]) Можно понимать слова митрополита и такъ: не взимати же у нихъ ничего сверхъ того, что я узаконилъ...

менскаго посоха), плата за поставленіе мірскаго священника въ духовники («на игуменьство»), плата за опредѣленіе въ просфоропеки, «мзда» за поставленіе въ намѣстники и десятинники, вымоганіе отъ священниковъ и настоятелей монастырей («отъ властель церковныхъ») приношеній или подарковъ во время ихъ пріѣзда на епархіальные соборы, имѣвшіе мѣсто въ такъ-называемое «сборное воскресенье».

Наказаніе епископамъ, которые бы дерзнули нарушать сейчасъ указанныя предписанія, соборъ опредѣляетъ изверженіе изъ сана.

Беззаконное средство, къ которому прибѣгали иные наши епископы, вслѣдъ за иными епископами греческими, для вымоганія денегъ съ мірянъ, состояло въ томъ, чтобы подвергать невинныхъ людей отлученію отъ церкви и потомъ взимать плату за разрѣшеніе. Соборъ предаетъ отлученію епископовъ, прибѣгающихъ къ такому средству для удовлетворенія своей страсти сребролюбія. Вмѣстѣ съ этимъ онъ возбраняетъ епископамъ подвергать отлученію «ради угодія нѣкоего», т.-е. изъ угожденія кому-нибудь, желающему преслѣдовать посредствомъ церковнаго отлученія людей ему враждебныхъ или для него ненавистныхъ.

Угнетеніе епископами одного особаго класса мірянъ состояло въ томъ, что они принуждали нищихъ работать на себя въ своихъ имѣніяхъ или усадьбахъ,—жать хлѣбъ и косить сѣно, что они принуждали послѣднихъ перевозить хозяйственные припасы изъ усадебъ къ мѣстамъ ихъ жительства («провозъ дѣяти») и вымогали съ нихъ подарки подъ именемъ «сборнаго». Мы думаемъ, какъ говорили мы прежде [1]), что вѣроятнѣе разумѣть тутъ не всѣхъ вообще нищихъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые жили при церквахъ, на церковныхъ земляхъ, и что по этой-то именно причинѣ епископы и притязали на нихъ какъ бы на своихъ холоповъ и тяглыхъ крестьянъ (Впрочемъ, и на всѣхъ вообще нищихъ епископы могли имѣть притязаніе потому, что всѣ они собирали милостыню у подвѣдомыхъ имъ—епископамъ церквей).

Соборъ воспрещаетъ епископамъ на будущее время творить насиліе нищимъ.

Вмѣстѣ съ предписаніемъ относительно платы за поставленіе въ низшія церковныя степени соборъ дѣлаетъ предписаніе относительно самаго поставленія въ эти степени. «Епископы, пишетъ онъ,—когда хотятъ поставить священника или діакона, должны разузнать жизнь поставляемаго, какую онъ велъ до поставленія, (и для этого) должны призывать знающихъ его сосѣдей (его), которые знаютъ его изъ дѣт-

---

[1]) I т. 1-я полов., стр. 363.

ства... Пусть разузнають они о поставляемомъ обстоятельно—сохранилъ ли дѣвство, женатъ ли законнымъ бракомъ на дѣвицѣ, сохранившей дѣвство, знаетъ ли хорошо грамоту; но и послѣ этого скоро не ставить его, (а узнать) не кощунникъ ли, не хищникъ ли, не пьяница ли, не клятвопреступникъ ли, не сварливъ ли. Также надлежитъ испытать его относительно грѣховныхъ вещей: не грѣшилъ ли содомскимъ блудомъ, или со скотиною, или въ руку, не виновенъ ли въ татьбѣ, исключая воровства дѣтскаго, не растлилъ ли своего дѣвства до брака, не блудилъ ли со многими или не сотворилъ ли блуда отъ своей законной жены, не былъ ли лживымъ свидѣтелемъ, не совершилъ ли убійства, вольнаго или невольнаго, не ростовщикъ ли, не моритъ ли своей челяди голодомъ и наготой и не изнуряетъ ли чрезмѣрно работой, не бѣгаетъ ли отъ дани, не чародѣецъ ли. Если кто будетъ обличенъ хотя въ одной изъ сейчасъ указанныхъ винъ, таковый не можетъ быть ни священникомъ, ни діакономъ, ни причетникомъ. А кто будетъ, по свидѣтельству отца духовнаго, свободенъ отъ всѣхъ этихъ винъ, того да поставятъ при поручительствѣ еще иныхъ семи священниковъ съ другими добрыми свидѣтелями. Сперва даетъ ему (епископъ) «евхію» (εὐχή), то-есть молитву причетническую объ остриженіи главы и краткій фелонь, и послѣ этого пусть онъ канархаетъ и читаетъ въ соборной церкви, пока не выразумѣетъ всего, а епископъ долженъ поручить его для наученія «старѣйшему церковному» (одному изъ своихъ соборныхъ клириковъ). Спустя послѣ этого болѣе или менѣе продолжительное время, когда будетъ ему не менѣе 25-ти лѣтъ, пусть будетъ онъ поставленъ въ діаконы, а не ранѣе 30-ти лѣтъ во священники». Напоминая о нѣкоторыхъ правилахъ касательно поставленія въ клиръ, соборъ подтверждаетъ посланіе константинопольскаго патріарха Германа къ митр. Кириллу II отъ 1228-го года [1]) о непоставленіи во священники рабовъ, не получившихъ предварительно свободы отъ рабства, и относительно этого предписываетъ: «не ставить во священники раба, если преже сего господинъ его не отпуститъ его (на свободу) предъ многими свидѣтелями съ письменною (отпускною) грамотою и не предоставитъ ему—рабу идти, куда онъ хочетъ».

2. Противъ погрѣшностей въ совершеніи чина проскомидіи.

Митрополитъ нашолъ, что въ предѣлахъ новгородскихъ діаконы изъимали божественный агнецъ и преже священниковъ творили проскомисаніе,—что священники приходили послѣ діаконовъ и въ свою очередь совершали проскомисаніе. Ссылаясь на 56-е правило собора

---

[1]) I т. 1-я полов., стр. 401.

лаодикійскаго, что діакономъ преже пресвитера не входити въ святый олтарь, ни пресвитеромъ преже епископа», и на 18-е правило перваго вселенскаго собора, что «діаконы должны взимать причащеніе послѣ пресвитеровъ», соборъ предписываетъ: «отселѣ не повелѣваемъ діаконамъ изъимать агнца, но священникамъ», и присовокупляетъ: «если кто окажется творящимъ не по нашей заповѣди, то—въ случаѣ, если онъ будетъ знающій наше опредѣленіе (т.-е. настоящее), да будетъ изверженъ судомъ епископскимъ изъ своего мѣста, а если незнающій, да будетъ прощенъ; если окажутся непокоряющіеся и говорящіе вопреки нашему опредѣленію, то всѣ да будутъ извержены; если же міряне по сему поводу начнутъ производить смуту, то да будутъ прокляты (отлучены).

Соборъ, какъ видно изъ его опредѣленія, признавалъ обычай новгородской области за великую погрѣшность. На самомъ дѣлѣ это не была погрѣшность, какъ-нибудь самочинно явившаяся въ Новгородѣ, а былъ древній церковный обычай, остававшійся въ Греціи вмѣстѣ съ новымъ до временъ позднѣйшихъ, перешедшій къ намъ изъ Греціи вмѣстѣ съ послѣднимъ и ставшій въ области новгородской обычаемъ общимъ или преобладающимъ.

3. Противъ погрѣшностей и неправильностей въ совершеніи таинства крещенія.

До свѣдѣнія митрополита дошло, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ священники по омраченію какому-то и крайнему неразумію смѣшивали божественное мvро съ деревяннымъ масломъ и такимъ образомъ мазали крещаемаго по всему тѣлу (т.-е. мазали крещаемому сплошь все тѣло). Соборъ преподаетъ наставленіе, что мvро особо, а масло особо,—что масломъ деревяннымъ мажутъ крещаемаго на всѣхъ составахъ по оглашеніи, говоря: «мажется рабъ Божій масломъ радости во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ, аминь», что потомъ крещаютъ, погружая въ три погруженія, «въ имя Отца, таче Сына, таче Святаго Духа», съ приглашеніемъ: «аминь», и что послѣ сего мажутъ крещаемаго мvромъ по чувствамъ, говоря: «печать и даръ Святаго Духа», и именно—ни на какихъ другихъ мѣстахъ не мажутъ, какъ—на челѣ, на очахъ, на ушахъ, на ноздряхъ и на устахъ. Рѣчь свою соборъ оканчиваетъ мѣстомъ изъ Оглашенія Кирилла Іерусалимскаго, въ которомъ объясняется, что̀ значитъ и для чего совершается мvропомазаніе крещаемаго по его чувствамъ (извѣстнымъ частямъ тѣла).

Далѣе соборъ предписываетъ, чтобы по совершеніи крещенія сподобляли новокрещаемыхъ причащенія Святыхъ Таинъ, будетъ ли это въ городѣ или же все равно въ селѣ.

За симъ соборъ предписываетъ: «болѣе да не обливаютъ никого, но да погружаютъ, ибо—говоритъ онъ—нигдѣ не предписано обливаніе, но погруженіе въ особо назначенномъ на то сосудѣ».

Къ предписаніямъ относительно крещенія соборъ присовокупляетъ предписаніе относительно брака, именно—повелѣваетъ, чтобы никого не вѣнчали безъ причащенія (подразумѣвается—въ день совершенія брака): «безъ причащенья же да не крутятъ никого же́».

4. Противъ совершенія лицами непосвященными нѣкоторыхъ священныхъ дѣйствій, относительно участія мірскихъ лицъ въ совершеніи богослуженія, противъ посягательства дьяковъ на богослужебно-храмовыя права, имъ не принадлежащія, о храмовомъ, такъ сказать, качествѣ понамарей и объ обращеніи съ олтаремъ.

Узнали мы, говоритъ митрополитъ, что въ новгородской области нѣкоторыя непосвященныя лица (подъ которыми со всею вѣроятностію должны быть разумѣемы просфоропеки) [1]), освящаютъ приносимыя къ церкви плоды, именно—крупы или кутьи, приносимыя за умершихъ. Повелѣваемъ, предписываетъ соборъ, отъ сего времени этому не быть, ни даже діаконы да не освящаютъ (но только священники). Далѣе соборъ приводитъ подъ именемъ 15-го правила лаодикійскаго собора толкованіе на это правило, въ которомъ говорится, что лицамъ неосвященнымъ воспрещено пѣть и читать на амвонѣ, и повелѣваетъ, чтобы отселѣ во всѣхъ церквахъ лица неосвященныя ни апостола не читали, ни прокимна не пѣли и не входили въ олтарь. Дьякъ,—продолжаетъ свои предписанія соборъ,—если и посвященъ будетъ (а не только носитъ одежду и стрижку дьяческую безъ посвященія) [2]), да не прикасается къ священнымъ сосудамъ и никакъ да не дерзнетъ принести святаго кандила (т.-е. никакъ да не дерзнетъ совершить дѣйствія кажденія) [3]), что́ подобаетъ только священнику и діакону и что̀ возбранено даже самому великому архіерейскому подьяку (иподіакону). Понамари ко всѣмъ церквамъ должны быть поставляемы изъ чистыхъ, чтобы святый Божій олтарь (въ который они должны входить) не былъ входенъ для всѣхъ безъ разбора. Ничего отнюдь не должно быть вносимо въ святый Божій олтарь, ни кутьи, ни чего-либо другаго. Свя-

---

[1]) Cfr рѣчи о просфоропекахъ Стоглаваго собора,—гл. 5, вопросъ 11, и гл. 8, Казанск. изд. стрр. 57 и 87.

[2]) См. I т. 1-ю полов., стр. 769, къ стр. 393 прим. 4.

[3]) Въ древнемъ святительскомъ поученіи новопоставленному священнику между прочимъ читается: „а къ съсудомъ священымъ не прикасаються слугы, ни кадять“,—Памятники канонич. права, col. 105 fin..

щенникъ и діаконъ да не входятъ въ олтарь съ небреженіемъ, чтобы безчиннымъ вхожденіемъ не досаждать пречистому мѣсту.

5. Противъ пьянства священниковъ.

Узнали мы, говоритъ митрополитъ, что въ новгородской области творится по нерадѣнію безчиніе въ священствѣ, упиваются безъ мѣры въ святые пречистые дни постные отъ свѣтлыя недѣли вербныя до всѣхъ святыхъ, такъ что до всѣхъ святыхъ не бываетъ ни божественнаго приношенія, ни божественнаго крещенія, т.-е. не поется литургіи и не совершается таинства крещенія. Соборъ постановляетъ: послѣдуя божественнымъ правиламъ, которыя говорятъ: пресвитеръ упивающійся да престанетъ, или да будетъ изверженъ [1]), заповѣдуемъ преподобнымъ епископамъ: если не покаются (предающіеся пьянству священники), то всѣхъ извრещи, ибо лучше одинъ достойно служащій, чѣмъ тысяча беззаконныхъ; а если мірскіе люди (прихожане) будутъ составлять сходбища, противясь сему правилу (т.-е. не дозволяя извергать недостойныхъ священниковъ, чтобы церкви не оставались безъ пѣнія), то да будутъ подвергнуты проклятію (отлученію).

Не совсѣмъ понятно для насъ, что священники начинали свое пьянство не со дня св. Пасхи, а съ вербнаго воскресенія: можетъ быть, принималось, что постъ кончается симъ послѣднимъ днемъ. Когда говорится въ дѣяніи соборномъ, что до всѣхъ святыхъ не поется литургіи и не совершается таинства крещенія, иначе сказать—что прекращается пѣніе церковныхъ службъ и совершеніе требъ, то, по всей вѣроятности, это должно быть понимаемо, какъ нѣкоторое преувеличеніе, допущенное соборомъ съ цѣлію приданія рѣчи бо́льшей выразительности.

6. Противъ кулачныхъ боевъ, противъ совершенія одного нечестиваго и безнравственнаго языческаго праздника въ вечеръ субботы подъ воскресеніе и противъ воженія невѣстъ къ водѣ.

Узнали мы,—пишетъ соборъ,—что (русскіе люди) держатъ еще обычай треклятыхъ еллиновъ (язычниковъ): въ божественные праздники творятъ нѣкакія бѣсовскія позорища, съ свистаніемъ и съ кличемъ и съ воплемъ сзываютъ нѣкихъ скаредныхъ пьяницъ и бьются дрекольемъ (кольями) до самой смерти и берутъ себѣ одежду убиваемыхъ (т.-е. или расхищаютъ ее, обворовывая убитыхъ, или—что̀, кажется, вѣроятнѣе—разбираютъ и подѣляютъ ее, суевѣрно усвояя ей какое-либо значеніе въ смыслѣ талисмана). Сказавъ, что это бываетъ на укоризну Божіимъ праздникамъ и на досажденіе Божіимъ церквамъ и самому

---

[1]) Апост. пр. 42-е.

Спасу нашему и Заступнику, соборъ повелѣваетъ: если кто окажется творящимъ (таковое) безчиніе послѣ сихъ нашихъ правилъ, то да будутъ прокляты въ сей вѣкъ и въ будущій; если кто будетъ нашему законоположенію противиться, то отъ тѣхъ не принимать ни приношенія, то-есть просфоры и кутьи, ни свѣчи, а когда умрутъ, то священники да не отпѣваютъ ихъ и да не совершаютъ по нимъ поминовенія и да не будутъ погребены они близъ Божіей церкви (т.-е. да не будутъ погребены на кладбищѣ, но внѣ его); если который священникъ дерзнетъ что (либо изъ указаннаго) сотворить надъ ними, то да будетъ чуждъ своего сана.

Чтобы понять всю строгость опредѣленія собора противъ кулачныхъ боевъ, нужно напомнить себѣ, что въ древнее и старое время (какъ въ иныхъ мѣстахъ Россіи отчасти еще и до сихъ поръ) бои эти представляли не дѣтскую какую-нибудь забаву, а страшно кровавыя побоища между сотнями и тысячами и даже десятками тысячъ (sic) взрослыхъ (объ этой національной забавѣ Русскихъ, для которой цѣлые города раздѣлялись на двѣ половины, чтобы ходить стѣной на стѣну, и въ которой выходили стѣной на стѣну одна противъ другой цѣлыя волости, мы будемъ вести нарочитыя рѣчи послѣ).

И еще вотъ что̀ слышали мы,—пишетъ соборъ: въ субботу вечеромъ собираются въ одно мѣсто мужчины и женщины и играютъ и пляшутъ безстыдно и «скверну дѣютъ» въ ночь святаго воскресенія, (подобно тому) какъ нечестивые язычники празднуютъ Діонисовъ праздникъ (вакханаліи),—вмѣстѣ мужчины и женщины и какъ кони визжатъ и ржутъ и скверну дѣлаютъ. И нынѣ,—предписываетъ соборъ,—да перестанутъ отъ того; если же нѣтъ, то да будутъ прокляты.

Не ясно въ дѣяніи соборномъ, разумѣть ли въ немъ ночь подъ каждое воскресеніе или только подъ свѣтлое воскресеніе Пасхи. Какъ кажется,—послѣднее, и дѣло съ вѣроятностію должно быть понимаемо такъ, что вакханаліи представляли собою языческій праздникъ Русскихъ, который приходился на весеннее время года и который послѣ принятія христіанства былъ присоединенъ къ христіанскому празднику Пасхи, какъ его канунъ [1]).

И еще слышали мы,—пишетъ соборъ: въ предѣлахъ новгородскихъ водятъ невѣстъ къ водѣ (т.-е. водятъ, какъ должно подразумѣвать, или для языческаго волхвованія надъ ними, или для совершенія языческихъ религіозныхъ дѣйствій). И нынѣ,—предписываетъ соборъ,—

---

[1]) См. 1 т. 2-ю полов., стр. 742.

не велимъ этого такъ дѣлать, если же не перестанутъ, то повелѣваемъ проклинать [1]).

Этимъ кончаются предписанія собора.

Какъ говорили мы выше, представляется намъ весьма вѣроятнымъ думать, что на наше дѣяніе соборное, далеко не обнимающее въ своихъ предписаніяхъ всего, чтò требовало предписаній, должно смотрѣть не какъ на полное, а только какъ на нѣкоторое осуществленіе дѣйствительной мысли митр. Кирилла. Намъ весьма думается, что этою дѣйствительною мыслію митрополита должно быть предполагаемо именно возможно полное соборное осужденіе недостатковъ русской церковной жизни и что если вмѣсто желаемаго полнаго дѣяніе соборное вышло только нѣкоторымъ, не особенно большимъ, «нѣчто», то причиной сего нужно считать указанныя нами условія внѣшнія, т.-е. что дѣло оказалось непосильнымъ для членовъ собора со стороны литературной (канцелярской),—что изложеніе литературное составляло для нихъ такой трудъ, котораго они не въ силахъ были побороть, и что вмѣсто обширнаго свитка дѣяній, доходящаго до размѣровъ цѣлой книги, они въ состояніи были начертать только тотъ малый свитокъ, который мы находимъ. Въ отношеніи къ своему литературному изложенію (какъ произведеніе канцелярское) дѣяніе соборное дѣйствительно никакъ не можетъ быть признано совершенно удовлетворительнымъ.

Возбуждаетъ недоумѣніе въ дѣяніи соборномъ то, что въ немъ дѣлаются многократныя указанія на новгородскую область и именно только на нее одну. Относительно нѣкоторыхъ случаевъ этихъ указаній мы съ увѣренностью можемъ сказать, что они идутъ не къ одному только Новгороду, но и ко всей Россіи; таковы напр. рѣчи о пьянствѣ священниковъ. Какъ объяснять себѣ это недоумѣнное обстоятельство, мы положительнымъ образомъ сказать не можемъ; но представ-

---

[1]) Причисляютъ еще къ правиламъ собора читаемое въ Кормчихъ и въ сборникахъ въ отдѣльномъ видѣ правило о томъ, чтобы не изображать креста на землѣ (прав. Трульск. соб. 73,—собственно на полу въ церквахъ и въ домахъ, чтò у Грековъ дѣлалось посредствомъ мозаи́ческой выкладки изъ камней,—Вальсам. толков на это правило) и не изсѣкать креста изо льду въ день Богоявленія на мѣстѣ освященія воды (на іордани, чтò у Сербовъ дѣлается и доселѣ), чтобы не крестить или не святить воды въ Богоявленіе многими связанными крестами и не носить этой связки крестовъ до 8-ми дней на переносъ (великій входъ на литургіи).—Памятники канонич. права, col. 100. Но правило это читается отдѣльно отъ дѣяній собора и въ Софійской Кормчей, написанной при архіепископѣ Климентѣ, преемникѣ Далмата, который присутствовалъ на соборѣ.

ляется намъ не невѣроятнымъ слѣдующее: всѣ извѣстные въ настоящее время списки дѣянія соборнаго ведутъ свое начало отъ списка, который написанъ въ Новгородѣ (и именно написанъ спустя очень непродолжительное время послѣ собора); архіепископъ новгородскій, присутствовавшій на соборѣ, желая достигнуть того, чтобы дѣяніе соборное оказалось сколько возможно болѣе дѣйствительнымъ для подвѣдомаго ему духовенства и для его паствы, обнародовалъ его въ своей епархіи въ такомъ видѣ, что какъ будто на соборѣ сдѣланы были опредѣленія именно и нарочито противъ новгородскаго духовенства и противъ Новгородцевъ; т.-е. мы предполагаемъ, что указанія на новгородскую область сдѣланы съ сейчасъ помянутою цѣлію архіепископомъ новгородскимъ въ томъ спискѣ дѣяній соборныхъ, который онъ обнародовалъ въ своей епархіи.

Кромѣ дѣяній владимирскаго собора 1274-го года, сохранился до настоящаго времени отъ правленія митр. Кирилла еще другой письменный памятникъ, относящійся къ области церковно-правительственной и также отчасти свидѣтельствующій о пастырской заботливости нашего митрополита касательно благоустроенія русской церкви. Это—вопросы, предложенные въ 1276-мъ году сарайскимъ епископомъ Ѳеогностомъ константинопольскому патріаршему собору, съ полученными на нихъ отъ собора отвѣтами [1]).

Необходимо думать, что епископъ предлагалъ свои вопросы собору не самъ отъ себя, но по порученію митрополита. Частнѣйшимъ образомъ дѣло о нихъ весьма вѣроятно представлять такъ, что они возбуждены были на владимирскомъ соборѣ,—что соборъ этотъ призналъ себя некомпетентнымъ дать на нихъ отвѣты и что по сему и рѣшено было обратиться съ ними къ патріаршему собору, для каковой цѣли епископъ или нарочито былъ посылаемъ въ Константинополь, или же—что̀ вѣроятнѣе—воспользовался своей поѣздкой отъ хана къ императору съ дипломатическимъ порученіемъ.

---

[1]) До послѣдняго времени вопросо-отвѣты относимы были къ 1301-му году и къ правленію митр. Максима. Но покойнымъ преосвященнымъ Порфиріемъ Успенскимъ найденъ въ библіотекѣ одного аѳонскаго монастыря отрывокъ греческаго ихъ подлинника, изъ котораго открывается ихъ настоящій годъ, см. Памятники канонич. права, col. 129, гдѣ вопросо-отвѣты напечатаны (Сата въ своей Средневѣковой библіотекѣ,—Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη, сообщаетъ, что кромѣ аѳонскаго есть другой греческій списокъ вопросо-отвѣтовъ, находящійся въ библіотекѣ константинопольскаго святогробскаго подворья,—т. III, предисл. стр. 92 [годъ 6984, очевидно, ошибкой или опечаткой вмѣсто 6784]. Святогробскій списокъ не полнѣе ли аѳонскаго?).

Всѣхъ вопросовъ, съ полученными на нихъ отвѣтами, извѣстно до 33-хъ [1]). По своему содержанію вопросы главнымъ образомъ касаются совершенія общественнаго богослуженія и могущихъ встрѣтиться при семъ особыхъ случаевъ, также совершенія таинствъ, затѣмъ—пострижения въ монахи, поста въ среду и пятокъ, принятія въ церковь еретиковъ и крещенія язычниковъ, яденія удавленины, отношенія епископовъ къ монастырямъ ихъ епархій, особыхъ случаевъ съ епископами и священниками, женщинъ, могущихъ быть просфоропеками.

Общій смыслъ бóльшей части вопросовъ есть тотъ, что церковная практика XIII вѣка и особенно практика богослужебная находилась у насъ еще въ такомъ не окончательно установленномъ видѣ, что представляла для нашихъ пастырей много недоумѣннаго (при чемъ это недоумѣнное раздѣляется въ вопросахъ на два класса,—на относящееся къ русской церкви вообще и къ находившейся въ особыхъ условіяхъ епархіи сарайской въ частности). Но есть нѣсколько вопросовъ, которые служатъ именно выраженіемъ пастырской заботливости митр. Кирилла о благоустроеніи управлявшейся имъ церкви. Въ предисловіи къ дѣяніямъ владимирскаго собора митрополитъ пишетъ, что отчасти собственнымъ видѣніемъ, отчасти черезъ слышаніе отъ другихъ, онъ узналъ о многомъ неустроеніи и о многомъ несогласіи въ церквахъ, «ово сице дьржаща, ово инако». Это значитъ, что митрополитъ обратилъ свое вниманіе на разности въ чинахъ богослуженія, которыя существовали у насъ въ его время. Сдѣлавъ нѣчто для устраненія этихъ разностей въ своемъ соборномъ «Правилѣ» (предписаніе относительно проскомидіи), онъ обратилъ, съ другой стороны, вниманіе и на разности, которыя относительно богослуженія и также относительно дисциплинарной церковной жизни существовали между нами и Греками. У насъ во времена митр. Кирилла былъ въ употребленіи богослужебный уставъ Студійскій, а въ Греціи уже принятъ былъ уставъ Іерусалимскій. Слѣдствіемъ сего между прочимъ было то, что мы расходились съ Греками относительно дней въ году, назначенныхъ для пѣнія литургіи преждеосвященныхъ даровъ. И митрополитъ обращался къ патріаршему собору съ вопросомъ касательно этой нашей разницы съ Греками. Послѣ споровъ о постѣ среды и пятка, происхо-

[1]) Въ разныхъ спискахъ число вопросо-отвѣтовъ различно, см. въ Памятн. ibid.. Въ найденномъ отрывкѣ греческаго подлинника читается одинъ вопросо-отвѣтъ, котораго нѣтъ на славянскомъ, а изъ сего слѣдуетъ, что вопросо-отвѣты переведены были съ греческаго (на которомъ предложены были собору первые и на которомъ даны соборомъ вторые) не совершенно вполнѣ.

дившихъ у насъ во второй половинѣ XII вѣка, мы продолжали расходиться въ семъ случаѣ съ Греками. И митрополитъ обращался къ патріаршему собору съ вопросомъ по поводу этой нашей розни съ ними.

Не передавая сполна этихъ вопросо-отвѣтовъ здѣсь, мы приведемъ ихъ позднѣе въ подлежащихъ мѣстахъ, по соотвѣтствію содержанія.

Изъ дѣятельности митр. Кирилла церковно-правительственной въ теснѣйшемъ смыслѣ этого послѣдняго слова, несмотря на всю ея исключительную продолжительность, намъ извѣстенъ по лѣтописямъ всего одинъ частный случай. Случай этотъ, имѣвшій мѣсто подъ самый конецъ его правленія, даетъ видѣть въ немъ именно того достойнаго пастыря, какимъ мы его себѣ представляемъ. Вотъ разсказъ о немъ Никоновской лѣтописи [1]). Въ 1281-мъ году преосвященный Кириллъ, митрополитъ кіевскій и всея Россіи, вышелъ изъ Кіева по своему обычаю и проходилъ города всей Руси, уча, наказуя, исправляя. Пришолъ онъ и въ суздальскую землю и услышалъ (здѣсь) отъ нѣкоторыхъ, повѣдавшихъ ему, что Игнатій епископъ ростовскій творитъ неправо: вопреки божественныхъ писаній и священныхъ правилъ осудилъ чрезмѣрно жестоко своего великаго князя ростовскаго Глѣба Васильковича,—спустя 9 недѣль послѣ смерти (въ 1278-мъ году) съ поруганіемъ и безчестіемъ изринулъ его въ полночь изъ соборной церкви и приказалъ просто закопать его въ землю (а не положить въ ракѣ, въ гробницѣ, какъ погребались князья) въ Княгининѣ монастырѣ (построенномъ матерію Глѣбовой). За это преосвященный Кириллъ, митрополитъ кіевскій и всея Россіи, отлучилъ епископа Игнатія отъ священной службы, пока съ великимъ трудомъ не умолилъ о немъ митрополита князь ростовскій Димитрій Борисовичъ, внукъ Васильковъ (и племянникъ Глѣбовъ). Простивъ и разрѣшивъ епископа, митрополитъ говорилъ ему: «не возносися и не считай себя безгрѣшнымъ, и не столько много заботься о запрещеніи и отлученіи, сколько объ освобожденіи и прощеніи, ибо въ прощеніи братіи обрѣтаемъ прощеніе нашихъ грѣховъ и милость Господня (въ) милости ближняго сокровена есть (т.-е. мы привлекаемъ къ себѣ милость Господню своею милостію къ ближнему); плачь же и кайся, сынъ мой, до самой своей смерти объ этой неподобной и безстудной дерзости, ибо уже скончавшагося осудилъ ты прежде суда Божія, а когда онъ былъ живъ, ты

---

[1]) III, 69. Впрочемъ, должно оговориться, что характерное въ нашемъ случаѣ по отношенію къ митрополиту составляетъ обличительная рѣчь, которую онъ говоритъ епископу (и которая сейчасъ ниже). Но весьма не невозможно, что рѣчь эта есть сочиненіе уже самого лѣтописца.

стыдился его и дары отъ него бралъ, и ѣлъ и пилъ съ нимъ, и водилъ общество съ нимъ и веселился, и когда было можно исправить, не исправлялъ, а нынѣ хочешь исправить посредствомъ такого жестокаго запрещенія и отлученія; если желаешь оказать помощь ему, то окажи милостынями нищимъ и молитвами и совершеніемъ по немъ поминовенныхъ службъ». Сдѣлавъ такимъ образомъ пространное обличеніе епископу Игнатію, митрополитъ Кириллъ простилъ его и благословилъ служить, и утѣшилъ его, чтобы онъ не впалъ слишкомъ въ большую скорбь.

До какой степени дѣятельное участіе принималъ митр. Кириллъ въ государственныхъ дѣлахъ Руси, мы не имѣемъ свѣдѣній. Нравственно-обязательный долгъ его, какъ высшаго пастыря русской церкви, составляло въ настоящемъ случаѣ главнымъ образомъ то, чтобы мирить ссорившихся князей и предотвращать между ними кровопролитія. Лѣтописи сообщаютъ намъ одинъ примѣръ того, что митрополитомъ былъ исполняемъ этотъ нравственный долгъ. Въ 1270-мъ году Новгородцы сильно поссорились съ великимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ (удѣльнымъ княземъ тверскимъ). Князь пришолъ на нихъ съ большимъ войскомъ, а они, въ свою очередь, выступили противъ него всей своей землей. Враги стояли другъ противъ друга, и готово было послѣдовать кровопролитіе; но митрополитъ прислалъ новгородцамъ свою увѣщательную грамоту, и они, отложивъ оружіе, помирились съ княземъ. Въ своей грамотѣ митрополитъ писалъ новгородцамъ: «мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ русской землѣ, вамъ (должно) слушать Бога и меня: крови не проливайте, а Ярославъ отложитъ весь свой гнѣвъ на васъ,—за это я вамъ ручаюсь; если вы и крестъ цѣловали (чтобы не принимать къ себѣ князя, я разрѣшаю васъ отъ крестоцѣлованія) и на себя беру эпитимію и отвѣчаю за то предъ Богомъ» [1]).

Въ правленіе митр. Кирилла имѣли мѣсто сношенія и можетъ быть—кратковременный церковный союзъ галичскаго великаго князя Даніила Романовича съ папою римскимъ, а также попытка папы подчинить своей власти и сѣверную Русь.

Исторію сношеній съ папой Даніила Романовича, къ сожалѣнію, мы знаемъ не совершенно обстоятельнымъ образомъ.

---

[1]) Мы привели выдержку изъ грамоты митрополита по Новгородской лѣтописи (Собр. лѣтт. III, 62). Въ Никоновской лѣтописи (III, 52) она читается въ болѣе пространномъ видѣ; но вѣроятно, что распространеніе принадлежитъ самому лѣтописцу. Въ послѣдней лѣтописи говорится еще, что митрополитъ прислалъ грамоту новгородцамъ вслѣдствіе просьбы къ нему великаго князя оказать свою помощь въ устроеніи мира.

Извѣстно, что забота привлечь въ ограду единой и святой римской церкви всѣхъ блуждающихъ внѣ ея христіанъ составляла вѣчную заботу папъ. Въ первую половину XIII вѣка, до нашествія Монголовъ, папами сдѣланы были въ семъ смыслѣ три попытки по отношенію къ Россіи [1]). Попытки эти продолжены были папами и послѣ нашествія Монголовъ. Въ юго-западномъ углу Россіи явилось новое великое княжество, которое своей территоріей вдавалось въ западную Европу, а по своимъ тѣснымъ связямъ съ Польшей и Венгріей какъ бы принадлежало къ системѣ западно-европейскихъ государствъ. Ничего не могло быть естественнѣе со стороны папъ, какъ желаніе включить это русское великое княжество въ духовно-церковную семью западно-европейскихъ народовъ. Прежде папъ неудачную попытку присоединить Галицію къ латинской церкви посредствомъ уніи сдѣлали венгерскіе короли [2]); но неудачи нисколько не приводили папъ въ отчаяніе.

Какъ бы то ни было, только папа Иннокентій IV, вступившій на престолъ въ 1243-мъ году, возъимѣлъ желаніе подчинить своей духовной власти галичскаго великаго князя Даніила Романовича. Въ концѣ 1245-го года папа счелъ нужнымъ отправить своихъ пословъ къ великому хану монгольскому Гуюку. На этихъ пословъ, которые имѣли идти черезъ Галицію, онъ и возложилъ порученіе сдѣлать попытку начатія переговоровъ съ галичскимъ великимъ княземъ, снабдивъ ихъ своими грамотами къ послѣднему [3]). Послы, бывшіе въ Галиціи въ Январѣ 1246-го года, не застали дома Даніила Романовича, потому что онъ ходилъ въ то время въ Орду къ Батыю, а братъ Даніиловъ Василько, принимавшій пословъ, не рѣшился дать имъ никакого отвѣта [4]). Непосредственно за этимъ возвратился изъ Орды Даніилъ. Великій князь, отчасти, вѣроятно, увлекаясь фантастическою надеждой свергнуть при помощи папы иго Татаръ, при чемъ на него могло сильно дѣйствовать униженіе, только-что испытанное имъ въ Ордѣ передъ ханомъ [5]), а главнымъ образомъ, какъ должно думать, желая

---

[1]) См. I т. 1-ю полов., стр. 490 sqq.

[2]) Ibid. стр. 701.

[3]) См. у Плано-Карпини, который былъ именно однимъ изъ пословъ папскихъ, ходившихъ къ хану, гл. I. Грамоты папы, отправленныя съ послами къ Даніилу, неизвѣстны въ настоящее время.

[4]) Ibidd..

[5]) Ипатская лѣтопись увѣряетъ, что для великаго князя галичскаго сдѣлано было въ Ордѣ нѣкоторое исключеніе и что онъ не подвергся всему тому униженію, которому подвергались другіе князья; но весьма можно въ этомъ случаѣ и не вѣрить лѣтописи.

украсить свою голову королевскимъ вѣнцомъ, который сравнялъ бы его въ рангѣ съ его сосѣдями—королями польскимъ и венгерскимъ, не только не отклонилъ предложеній папы, а напротивъ принялъ ихъ съ величайшею готовностію. Немедленно по возвращеніи изъ Орды онъ отправилъ къ папѣ своего посла, какого-то игумена [1]). Чтò именно писалъ Даніилъ папѣ съ своимъ посломъ, остается неизвѣстнымъ. Но уже отъ Мая мѣсяца того же 1246-го года мы имѣемъ грамоту къ нему папы, въ которой этотъ послѣдній пишетъ, что, снисходя на его моленія (tuis supplicationibus inclinati), принимаетъ его самого и его государство подъ покровительство св. Петра и свое [2]). Въ то же время папа отправилъ къ великому князю для пребыванія при немъ, съ цѣлію, какъ должно думать, дальнѣйшаго веденія переговоровъ и для обстоятельнаго наставленія князя въ католичествѣ, двухъ доминиканскихъ монаховъ [3]). Въ слѣдующемъ 1247-мъ году переговоры дошли до того, что Даніилъ Романовичъ черезъ нарочно отправленныхъ къ папѣ пословъ изъявилъ ему свое желаніе приступить къ союзу съ римскою церковію [4]), подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы его епископамъ и священникамъ дозволено было сохранить квасной хлѣбъ въ евхаристіи и обряды греческой церкви [5]), а папа съ своей стороны изъявилъ согласіе на предложенное условіе [6]), въ концѣ года поручилъ архіепископу прусскому, на котораго онъ ранѣе возложилъ обязанность быть по отношенію къ Россіи легатомъ св. престола [7]), лично отправиться въ Галицію, чтобы совершить присоединеніе страны къ римской церкви [8]), и послалъ великому князю королевскій вѣнецъ съ двумя своими епископами [9]). Но Даніилъ Романовичъ, съ легкомысленной поспѣшностью поведшій было дѣло о своемъ подчиненіи папѣ, внезапно остановился. Вѣроятно, что когда онъ увидѣлъ передъ собой королевскій вѣнецъ, въ немъ пробудилось сознаніе важности шага, который онъ

---

[1]) Плано-Карпини, гл. XVI.

[2]) Грамота у *Тургенева* въ Historica Russiae Monimenta, I, LII, p. 57 (тутъ же.—LXV, p. 58, грамота папы къ королю Іоанну, т. е. къ брату Даніилу Васильку Романовичу, имѣвшему другое имя Іоанна).

[3]) Грамоты папы ibid., LIII и LIV, pp. 57 и 58.

[4]) Ibid. LXXII, p. 64, грамота папы къ архіепископу прусскому.

[5]) Ibid. LXVIII, p. 62.

[6]) Ibidd..

[7]) Ibidd. LXVI.

[8]) Ibid LXXII.

[9]) Ипатск. лѣтоп. подъ 1255 г. нач., 2-го изд. стр. 558 („Древле бо того прислалъ"...).

готовъ былъ сдѣлать, и онъ нашелъ, что не должно покупать вѣнца такой цѣной, какъ измѣна православію: легатъ и епископы должны были удалиться отъ великаго князя ни съ чѣмъ, унося назадъ принесенный было папскій даръ; а князь, въ оправданіе своего отказа принять вѣнецъ, сказалъ имъ, что у него все еще продолжаются очень худыя отношенія къ Татарамъ и что онъ нуждался бы не въ королевскомъ титулѣ, а въ помощи папы [1]), т. е., какъ вѣроятно толковать его слова, съ ироніею сказалъ, что нуждался бы не въ томъ, что̀ можетъ папа дать, а въ томъ, чего онъ дать не можетъ [2]).

На сейчасъ сказанномъ не прекратились однако сношенія Даніила Романовича съ папой. Существуетъ грамота послѣдняго отъ мѣсяца Мая 1253-го года, обращенная ко всѣмъ христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи и Поморавіи (?), призывающая ихъ къ устроенію крестоваго похода противъ Татаръ [3]); въ этой грамотѣ папа называетъ галичскаго князя своимъ новымъ возлюбленнымъ во Христѣ сыномъ (nuper carissimus in Christo filius) и говоритъ, что получилъ отъ него посланіе. Должно съ вѣроятностію думать, что не задолго передъ этимъ папа вновь обращался къ Даніилу Романовичу съ своими прежними предложеніями и убѣжденіями и что получилъ отъ него такой вѣжливый отвѣтъ, который не содержалъ въ себѣ прямого и яснаго отказа. Но если такъ, то эта вѣжливость имѣла очень важныя послѣдствія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что папа вовсе не надѣялся серьезнымъ образомъ устроить крестовый походъ противъ Татаръ и что онъ лишь желалъ показать Даніилу, что готовъ сдѣлать для него все; какъ бы то ни было, только своему легату Опизѣ (Opizo, abbas de Mesano), посланному для устроенія крестоваго похода, папа вручилъ королевскій вѣнецъ для возложенія его на главу галичскаго великаго князя, что̀ легатъ дѣйствительно и успѣлъ сдѣлать. Опиза пришелъ съ королевскимъ вѣнцемъ въ Польшу, въ которую онъ былъ назначенъ отъ папы спеціальнымъ легатомъ [4]), и здѣсь встрѣтилъ Даніила Романовича, только

[1]) *Райнальда* Annales Ecclesiastici, 1249, XV. Ипатск. лѣтоп. ibidd..

[2]) Грамотой отъ Декабря 1247 г. папа призналъ законнымъ бракъ Василька Романовича съ неизвѣстной намъ Дубравкой, съ которой онъ находился въ третьей степени родства,—у *Тургенев.* ibid. LXXVI, p. 67. Сдѣлалъ ли это папа по просьбѣ князя, или безъ просьбы въ предупредительно-нарочитое изъявленіе своего къ нему благоволенія, изъ грамоты не видно (Если предполагать, что княгиня была католичка, родственница матери Даніиловой и Васильковой, то вѣроятно будетъ думать, что испрошено было у папы признаніе по ея именно желанію).

[3]) У *Тургенева* ibid. LXXXVIII. p. 78.

[4]) *Райнальда* Annales Ecclеss. 1253, XXIV.

что возвратившагося изъ одного похода, предпринятаго имъ вмѣстѣ съ польскимъ королемъ [1]). Не смотря на всѣ увѣренія со стороны легата великому князю, что папа намѣренъ оказать ему свою помощь, при чемъ легатъ, конечно, ссылался на то, что папа сдѣлалъ воззваніе къ христіанскимъ народамъ о крестовомъ походѣ противъ Татаръ, Даніилъ Романовичъ не соглашался принять королевскаго вѣнца, который, можетъ быть, уже успѣлъ потерять въ его глазахъ свою прелесть. Но наконецъ, убѣжденный своимъ другомъ польскимъ королемъ, его боярами и своей матерію, которая, вѣроятно, была по происхожденію католичкой [2]), онъ позволилъ сдѣлать себя королемъ священной римской имперіи. Въ концѣ 1253-го года или въ 1254-мъ году папскій легатъ мvропомазалъ его на королевство и возложилъ на его главу королевскую діадему [3]) въ городѣ Дрогичинѣ (находящемся на западномъ Бугѣ, внизъ отъ Брестъ-Литовска,—въ настоящее время заштатномъ городѣ гродненской губерніи, бѣльскаго уѣзда [4]).

Это принятіе Даніиломъ Романовичемъ королевскаго вѣнца не значитъ непремѣннымъ образомъ того, что онъ формально призналъ надъ собою власть папы и римско-католической церкви. Если бы онъ искалъ вѣнца самъ, то необходимо было бы это предполагать; но такъ какъ вѣнецъ былъ ему навязанъ, то папа могъ поступить и такимъ образомъ, чтобы сначала сдѣлать его королемъ, а потомъ уже, какъ короля, убѣждать его сдѣлаться своимъ настоящимъ духовнымъ сыномъ. Чтѳ было на самомъ дѣлѣ, мы достовѣрнымъ образомъ не знаемъ. Представляется намъ вѣроятнѣйшимъ думать, что Даніилъ не присту-

---

[1]) Похода противъ чешскаго короля на помощь королю венгерскому (Ипатск. лѣтоп. подъ 1254 г.).

[2]) Отецъ Даніиловъ Романъ Мстиславичъ женатъ былъ дважды. Въ первый разъ—на дочери Рюрика Ростиславича, которую отпустилъ или прогналъ отъ себя въ 1197-мъ году. Кто была его вторая жена, отъ которой Даніилъ и Василько, остается намъ неизвѣстнымъ, но что она была католичка, слѣдуетъ заключать изъ того, что она приходилась ятровью (снохой) королямъ венгерскому и польскому.— Ипатск. лѣт., стр. 480 fin. и 481 fin..

[3]) Грамота Александра IV отъ 1257 г. у *Тургенев.* ibid. XCL. p. 84.

[4]) Ипатск. лѣтоп. подъ 1255 г. Даніилъ короновался, какъ даетъ знать лѣтопись, еще при жизни Иннокентія, слѣдов. не въ 1255 г., къ которому она относитъ коронацію, а не позднѣе 1254 г., въ которомъ умеръ Иннокентій (въ Декабрѣ). По лѣтописи, коронація имѣла мѣсто спустя болѣе или менѣе непродолжительное время послѣ помянутаго похода Даніила съ польскимъ королемъ, а этотъ походъ совершенъ былъ лѣтомъ 1253 г. (Geschichte von Ungarn *Фесслера*, въ обработкѣ *Клейна*, I. 398).

палъ формально къ союзу съ Римскою церковію, а далъ только обѣщаніе сдѣлать это, если папа устроитъ соединеніе или унію съ Греками [1]). Если же Даніилъ, принимая королевскій вѣнецъ, и дѣйствительно формальнымъ образомъ присягалъ на послушаніе римской церкви, какъ увѣряетъ преемникъ Иннокентіевъ Александръ IV [2]), то во всякомъ случаѣ весьма не на долгое время. Сейчасъ помянутый преемникъ Иннокентіевъ Александръ въ своей грамотѣ къ Даніилу отъ Февраля мѣсяца 1257-го года укоряетъ великаго князя за нехраненіе имъ данной имъ папѣ присяги [3]).

Изложеннымъ окончились сношенія Даніила Романовича съ папой, имѣвшія своимъ единственнымъ слѣдствіемъ то, что великіе князья галичскіе пріобрѣли себѣ титулъ королевскій.

Какъ относился ко всему этому дѣлу сношеній Даніила съ папой митр. Кириллъ, мы вовсе и совершенно не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Если одновременно съ принятіемъ королевскаго вѣнца князь присягалъ папѣ, то болѣе чѣмъ вѣроятно думать, что митрополитъ не былъ участникомъ въ крайне непохвальномъ дѣяніи и что онъ на время прерывалъ союзъ съ нимъ, чтобы оставаться митрополитомъ только сѣверной Руси [4]). Считая вѣроятнѣйшимъ то, что Даніилъ не признавалъ формальнымъ образомъ власти папы, мы весьма наклонны предполагать, что въ оба раза онъ удержанъ былъ отъ притворнаго признанія этой власти именно митр. Кирилломъ. Внезапный прерывъ первыхъ сношеній въ 1248-мъ году падаетъ вѣроятнымъ образомъ на то время, какъ Кириллъ уже возвратился отъ патріарха съ поставленія: внезапность прерыва какъ будто указываетъ на явившееся стороннее вліяніе, а такимъ вліяніемъ могло быть именно вліяніе возвратившагося митрополита. Во второй разъ онъ не удержалъ великаго князя отъ того, чтобы послѣдній дозволилъ короновать себя папскому легату. Но это могло быть своеволіемъ болѣе свободномыслящаго князя, хотѣвшаго смотрѣть на дѣло исключительно съ по-

---

[1]) Такъ располагаютъ насъ думать слова Ипатской лѣтописи, которая говоритъ: „Некентій бо (папа) кльняше тѣхъ хулящимъ (sic) вѣру Грецкую правовѣрную, и хотящу ему сборъ творити о правой вѣрѣ о воединеньи церькви“,— подъ 1255 г., 2 изд. стр. 548 fin..

[2]) У *Тургенев.* ibid. XCV, p. 84.

[3]) Ibidd..

[4]) Если не въ 1254-мъ, то въ 1255-мъ году митрополитъ дѣйствительно находился въ сѣверной, владимирской, Руси.

литической точки зрѣнія, которое онъ—митрополитъ нашелся вынужденнымъ допустить и извинить [1])...

Начавъ въ 1246-мъ году сношенія съ галичскимъ великимъ княземъ и видѣвъ въ первыхъ порахъ великую ихъ успѣшность, папа Иннокентій IV воодушевился желаніемъ и надеждой привлечь одновременно съ Галиціей къ союзу съ римскою церковію и сѣверную Русь. Въ началѣ 1248-го года онъ прислалъ своихъ пословъ къ новгородскому князю Александру Ярославичу Невскому, который долженъ былъ стать хорошо извѣстнымъ въ Римѣ со времени своей знаменитой побѣды надъ Шведами 1240-го года, ибо походъ Шведовъ противъ Новгорода, въ которомъ они потерпѣли отъ Александра такое страшное пораженіе, былъ ничѣмъ инымъ, какъ крестовымъ походомъ противъ русскихъ еретиковъ, предпринятымъ вслѣдствіе папскихъ возбужденій [2]). Иннокентій увѣряетъ Александра въ своей къ нему грамотѣ, будто отецъ его Ярославъ, бывшій у Татаръ одновременно съ папскимъ легатомъ Плано-де-Карпини, изъявилъ этому послѣднему свою искреннюю готовность приступить къ союзу съ римскою церковію, что̀ и намѣревался въ самомъ скоромъ времени сдѣлать, если бы не постигла его внезапная смерть [3]). Послы папскіе были приняты Александромъ вѣжливо; онъ дозволилъ построить во Псковѣ латинскую церковь (для проживавшихъ тамъ нѣмецкихъ купцовъ), при чемъ, можетъ быть, даже обѣщалъ свое содѣйствіе. Это было понято или намѣренно истолковано папою, какъ знакъ готовности Александра приступить къ союзу съ римскою церковію: въ концѣ того же 1248-го года онъ написалъ князю новгородскому другую свою грамоту, исполненную самой усиленной любезности, и намѣревался прислать къ нему своего легата,

---

[1]) По свидѣтельству Ипатской лѣтописи, Даніилъ коронованъ былъ королевскимъ вѣнцомъ отъ папскаго легата при участіи всѣхъ своихъ епископовъ,—подъ 1255-мъ году, 2 изд. стр. 548 fin.. Не говоря о митрополитѣ, лѣтопись какъ будто даетъ знать, что онъ не намѣренно или намѣренно отсутствовалъ, а что касается до епископовъ, то одни могли быть побуждены къ сослуженію съ легатомъ приказаніемъ великаго князя, другіе сами по себѣ могли быть столько же свободномыслящими, какъ и онъ.

[2]) *Соловьева* Исторіи т. III, гл. 3, 4-го изд. стр. 182 нач..

[3]) Грамота папы у *Тургенев.* ibid. LXXVIII, p. 68. Относительно своего увѣренія объ Ярославлѣ папа ссылается на донесеніе Плано-Карпини; но что ссылка должна быть считаема ложною, видно изъ того, что ничего подобнаго не говоритъ Плано-Карпини въ своемъ описаніи путешествія къ Татарамъ, хотя и упоминаетъ о своихъ встрѣчахъ съ Ярославомъ.

архіепископа прусскаго [1]). Но на этомъ кончилось дѣло... Въ одной изъ нашихъ лѣтописей читается о приходѣ пословъ папы къ Александру слѣдующій разсказъ. Нѣкогда прислалъ къ нему своихъ пословъ папа изъ великаго Рима. Послы сказали князю: такъ говоритъ тебѣ нашъ папа: слышали мы, что ты князь честный и дивный и что велика земля твоя, поэтому мы послали къ тебѣ изъ двѣнадцати нашихъ кардиналовъ двухъ умнѣйшихъ, Галда и Гемонта, чтобы ты послушалъ нашего ученія. Но великій князь Александръ, сдумавъ съ своими мудрецами, написалъ папѣ: «отъ Адама и до потопа, а отъ потопа до раздѣленія языкъ, а отъ раздѣленія языкъ до начала Авраамля, а отъ Авраама до проитія Израильтянъ сквозь Чермное море, а отъ исхода сыновъ Израилевыхъ до смерти Давида царя, а отъ начала царства Соломонова до Августа царя, а отъ начала Августа до Рождества Христова и до страданія и до воскресенія Его, а отъ воскресенія Его и на небеса вознесенія до царства великаго Константина и до перваго собора и до седьмаго собора,—все это знаемъ хорошо, а отъ васъ ученія не принимаемъ». (Съ этимъ отвѣтомъ) послы возвратились назадъ [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ съ своими мудрецами написалъ папѣ не такую оригинальную премудрость; но лѣтописецъ хочетъ своей длинной, quasi весьма ученой, хронологической выпиской дать знать, что князь съ своими богословами написалъ папѣ побѣдоносно—ученый отвѣтъ.

Митр. Кириллъ скончался 6-го Декабря 1281-го года [3]). Въ этомъ году онъ предпринялъ путешествіе изъ Кіева въ сѣверную Русь; въ сѣверной Руси, въ городѣ Переяславлѣ Залѣсскомъ, гдѣ онъ на-

---

[1]) Грамота папы у *Тейнера* въ изданіи Vetera monumenta Poloniae, I, XCVI, p. 46.

[2]) Софійская 1-я лѣтопись (Софійскій Временникъ Строева) подъ 1251 г.

[3]) По Никоновской и Воскресенской лѣтописямъ, Кириллъ скончался 7-го Декабря 6788-го года отъ С. М.; по Новгородской 1-й и Софійской лѣтописямъ—6-го Декабря 6789-го года отъ С. М. Всѣ новые историки (преосвв. Филаретъ и Макарій, Карамзинъ и Соловьевъ) относятъ смерть Кирилла къ 1280-му отъ Р. Х., при чемъ дѣло должно быть понимаемо не такъ, чтобы хронологію двухъ первыхъ лѣтописей они предпочитали хронологіи двухъ послѣднихъ лѣтописей, а такъ, что въ двухъ послѣднихъ лѣтописяхъ они думаютъ видѣть счетъ годовъ сентябрьскій (при которомъ въ переводѣ годовъ отъ С. М. на годы отъ Р. Х., если будутъ мѣсяцы Сентябрь—Декабрь, нужно вычитать изъ первыхъ годовъ не 5508, а 5509). Но въ лѣтописяхъ Новгородской 1-й и Софійской счетъ годовъ не сентябрьскій, а несомнѣнно мартовскій (см. въ Новгор. лѣт. годъ 6784), изъ чего и будетъ слѣдовать, что Кириллъ скончался въ 1281-мъ, а не 1280-мъ году

ходился у тогдашняго великаго князя владимирскаго, удѣльнаго князя переяславскаго, Дмитрія Александровича, и постигла его смерть. Какъ кажется, онъ созвалъ было въ Переяславлѣ церковный соборъ изъ епископовъ сѣверной Руси; по крайней мѣрѣ въ минуту его кончины при немъ находились эти епископы—Климентъ новгородскій, Игнатій ростовскій и Θеодоръ владимирскій. Тѣло его отвезено было для погребенія въ Кіевъ и здѣсь положено въ каθедральномъ Софійскомъ храмѣ.

Русскою церковію митр. Кириллъ управлялъ исключительно долгое время,—почти что сорокъ лѣтъ (если считать со дня избранія). Имѣемъ мы достаточныя основанія предполагать, что онъ замѣчателенъ былъ и не однимъ только этимъ, но и какъ пастырь очень ревностный, такъ что среди другихъ высшихъ пастырей нашей церкви ему должно быть отводимо одно изъ выдающихся мѣстъ. Желательно было бы созерцать передъ собой живой образъ митрополита, замѣчательнаго по всему; но лѣтописи наши не даютъ ни единой черты и ни единаго штриха этого образа. Единственнымъ своеобразнымъ утѣшеніемъ служитъ только то, что и далѣе не ожидаютъ насъ живые образы...

(Новгородская 1-я лѣтопись, веденная современниками, говоритъ о смерти митрополита въ связи съ событіемъ именно новгородскимъ, а это можетъ служить нарочитымъ удостовѣреніемъ въ неошибочности ея хронологическаго показанія).

МИТРОПОЛИТЪ МАКСИМЪ.

Преемникомъ митр. Кирилла былъ Максимъ, поставленный снова изъ Грековъ, какъ это было обычно въ періодъ домонгольскій.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, тотчасъ послѣ ужаснаго нашествія Монголовъ на Россію, когда еще составляло нерѣшонный вопросъ, что̀ будетъ съ нею,—погибнетъ ли она отъ меча страшныхъ азіатскихъ дикарей или останется цѣла, у Грековъ не нашлось охотниковъ идти къ намъ, чтобы занять каѳедру нашей митрополіи. Но Русь осталась цѣла и оказалось, что подъ игомъ страшныхъ дикарей возможно существованіе,—что въ частности къ церкви покореннаго народа они относятся съ полною терпимостію и съ своимъ рѣшительнымъ покровительствомъ. Тогда у Грековъ снова нашлись охотники занимать каѳедру русской митрополіи, а патріархъ снова хотѣлъ пользоваться своимъ мнимымъ правомъ избирать русскихъ митрополитовъ самому, т. е. избирать ихъ изъ своего собственнаго клира.

Исторіи поставленія митр. Максима мы вовсе не знаемъ. Вѣроятно, послѣ смерти Кирилла Русскіе не рѣшились сами избрать преемника ему и дали знать объ освобожденіи каѳедры митрополіи въ Константинополь, а отсюда имъ отвѣчали, что будетъ присланъ въ Россію митрополитъ, избранный патріархомъ изъ его греческаго духовенства. Но не невозможно и то, что еще при жизни Кирилла было прислано Русскимъ предупрежденіе отъ патріарха, чтобы въ случаѣ его смерти они не избирали преемника ему, а ждали послѣдняго изъ Греціи.

Максимъ былъ поставленъ въ митрополиты русскіе и прибылъ на свою паству въ Кіевъ въ 1283-мъ году, на третій годъ послѣ смерти Кирилла.

Тотчасъ послѣ своего прихода въ Кіевъ, въ томъ же 1283-мъ году, митрополитъ путешествовалъ въ Орду, къ хану Тода-Мангу (преемнику Менгу-Темирову съ 1281-го года). Что̀ было причиной путешествія, лѣтописи не говорятъ. Относительно предположенія нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей, будто ханомъ Тода-Мангу было постановлено, чтобы каждый вновь занимавшій каѳедру митрополитъ, какъ глава духовенства, являлся въ Орду для испрошенія на свой санъ

утвердительной грамоты, мы уже говорили выше (стр. 32), что оно не можетъ быть принято, такъ какъ неизвѣстно ни ярлыка, даннаго самому Максиму въ его путешествіе въ Орду, ни ярлыковъ, даванныхъ его преемникамъ при занятіи ими каѳедры [1]). Не обязанный являться къ хану въ качествѣ новаго митрополита, Максимъ могъ предпринять путешествіе въ Орду тотчасъ послѣ своего прибытія на Русь по какимъ либо особеннымъ нуждамъ церковнымъ. Но болѣе вѣроятно предполагать, что онъ поспѣшилъ предпринять путешествіе къ хану не по нуждамъ церковнымъ, ознакомиться съ которыми еще не имѣлъ времени, а по порученію своего константинопольскаго императора (Андроника Старшаго, только что занявшаго мѣсто своего умершаго отца Михаила Палеолога), для какихъ нибудь греческихъ политическихъ дѣлъ, ибо императоры, какъ говорили и указывали мы выше (путешествіе въ Константинополь епископа сарайскаго 1279-го года) находились тогда въ сношеніяхъ съ ханами.

По возвращеніи изъ Орды митрополитъ въ слѣдующемъ 1284-мъ году позвалъ къ себѣ въ Кіевъ на соборъ всѣхъ русскихъ епископовъ. Призваніе всѣхъ епископовъ заставляетъ предполагать, что причиною собора было что нибудь особенное и важное; но наши лѣтописи, по своему истинно и до слезъ прискорбному, позволительно выразиться—ужасному, обычаю молчать обо всемъ, касающемся церкви, не говорятъ о причинѣ ни единаго слова [2]). Можетъ быть, митрополитъ привезъ что-нибудь важное, требовавшее призыва всѣхъ епископовъ, отъ хана изъ Орды; можетъ быть, прежде Орды онъ привезъ что-нибудь подобное отъ патріарха...; въ концѣ концовъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго положительнаго даннаго, чтобы сдѣлать какое нибудь предположеніе. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что намъ сообщается о важномъ церковно-историческомъ фактѣ, но сообщается такимъ образомъ, что все равно и даже пожалуй лучше было бы, если бы и не сообщалось...

Въ 1285-мъ году митр. Максимъ отправился изъ Кіева въ суздальскую область или сѣверную, владимирскую, Русь, и такъ какъ здѣшній великій князь, которымъ продолжалъ быть Димитрій Александровичъ переяславскій, находился тогда въ Новгородѣ, то, заходя

---

[1]) Не говоримъ, что ни объ одномъ изъ преемниковъ Максима неизвѣстно, чтобы они путешествовали въ Орду тотчасъ по занятіи каѳедры, ибо тутъ возможно было бы предположеніе, что всѣ они прямо изъ Константинополя проходили черезъ Орду.

[2]) Никоновская лѣтопись подъ нашимъ годомъ: „позвани быша епискупы вси рускія въ Кіевъ къ Максиму митрополиту кіевскому и всея Русіи“.

или не заходя во Владимиръ, прошелъ въ него. Изъ Новгорода онъ заходилъ во Псковъ.

По поводу этого путешествія митр. Максима Никоновская лѣтопись дословно повторяеть о немъ то, что говоритъ о митр. Кириллѣ, а именно, что онъ «по обычаю своему хожаше по всей землѣ рустей, учаше, наказуяше, управляше». И представляется весьма вѣроятнымъ думать, что если не относительно всего, то по крайней мѣрѣ относительно «хожаше» лѣтопись говоритъ дѣйствительную правду,—что митр. Максимъ, по причинѣ неудобствъ постояннаго пребыванія въ Кіевѣ, болѣе или менѣе часто оставлялъ его, чтобы, по примѣру своего предшественника Кирилла, предпринимать путешествія по Руси, имѣвшія видъ и значеніе верховно-пастырскихъ ея обозрѣній. Положительныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о путешествіяхъ и мѣстахъ пребыванія митр. Максима послѣ 1285-го года, состоятъ въ томъ, что въ продолженіе 1288-го и 1289-го годовъ онъ находился въ Кіевѣ,—что въ 1295-мъ году онъ пріѣзжалъ во Владимиръ,—что въ 1300-мъ году онъ навсегда переселился изъ Кіева во Владимиръ, изъ котораго въ томъ же году ходилъ въ Новгородъ, и наконецъ—что когда-то во время своего пребыванія на каѳедрѣ онъ посѣтилъ область галичско-волынскую[1]).

Извѣстій о церковно-правительственной дѣятельности митр. Максима мы имѣемъ еще менѣе, чѣмъ о дѣятельности его предшественника Кирилла, а именно—не имѣемъ вовсе никакихъ. Сохранился до насъ одинъ письменный памятникъ его правительственной дѣятельности. Это—его грамота, содержащая въ себѣ наставленіе или предписаніе (уставъ) относительно поста среды и пятка и увѣщаніе къ вступленію въ супружеское сожитіе не иначе, какъ посредствомъ законныхъ церковныхъ браковѣнчаній [2]).

Выше мы сказали, что наша разность съ Греками относительно соблюденія поста въ среду и пятокъ обратила на себя вниманіе митр. Кирилла и что епископъ сарайскій Ѳеогностъ задавалъ по сему поводу вопросъ константинопольскому патріаршему собору. Отвѣтъ данъ былъ епископу въ томъ смыслѣ, что русскою церковію должны быть соблюдаемы порядки церкви греческой [3]). Митр. Максимъ въ своей

---

[1]) Послѣднее извѣстіе находимъ въ Купріановомъ житіи св. Петра, въ которомъ разсказывается, что Петръ поднесъ Максиму икону Богородицы своего письма, когда этотъ приходилъ въ волынскую землю для ея посѣщенія и обозрѣнія.

[2]) Напечатана въ Исторіи *преосв. Макарія,* т. IV, прилож. XXIV, и въ Памятникахъ канонич. права, col. 139.

[3]) *Вънросъ* (19-й). Достоить ли въ апостольскіа праздникы въ среду и пятокъ мяса ясти? *Отвѣтъ.* „Не разорится и среда и пятокъ ни господьскымъ праз-

грамотѣ, вслѣдствіе ли нарочитаго порученія отъ патріарха, который изъ вопроса епископа Ѳеогноста узналъ о нашей разности съ Греками, или по своей собственной ревности привести насъ въ согласіе съ ними, или же наконецъ — вслѣдствіе заявленнаго самими Рускими желанія относительно сего послѣдняго, снова настоятельнымъ образомъ предписываетъ къ соблюденію порядки церкви греческой, излагая ихъ съ бо́льшею обстоятельностію, нежели какъ это сдѣлано въ отвѣтѣ собора епископу. Уставъ митр. Макси́ма о постѣ среды и пятка есть слѣдующій *постъ отмѣняется*: въ святую недѣлю Пасхи, въ среду преполовенія— для тѣхъ, кто не желаетъ поститься, въ недѣлю Св. Духа по пятикостіи, хотя особенно ревностные христіане въ эту недѣлю постятся, въ Рождество Христово, если оно случится въ тотъ или другой изъ нашихъ дней, и потомъ отъ Рождества Христова до Васильева дни, въ Богоявленіе Господне и въ недѣлю предъ мясопустами; *постъ ослабляется*: въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла, въ Преображеніе Господне, въ Успеніе Богородицы и въ праздникъ апостола Филиппа,— въ эти праздники, если они случатся въ среду или пятокъ, не дозволяется ѣсть мяса, но дозволяется ѣсть рыбу. Къ предписанію о постѣ среды и пятка митрополитъ присоединяетъ предписаніе о канунахъ Рождества Христова и Богоявленія и именно говоритъ: въ какой бы день ни случился канунъ Рождества Христова, не должно ѣсть мяса, ни рыбы; если случится въ субботу или въ воскресенье, то, не нарушая устава (о постѣ, непощеніи въ субботу и воскресеніе?), должно ѣсть хлѣбъ и (пить) вино по службѣ Іоанна Златоустаго послѣ вечерни; относительно кануна Богоявленія наблюдается тоже самое.

Такъ какъ слѣдующее за уставомъ о постѣ увѣщаніе о вступленіи въ супружеское сожитіе не иначе какъ посредствомъ церковнаго вѣнчанія не имѣетъ съ нимъ никакой логической связи и представляетъ нѣчто неожиданное, то можетъ быть подозрѣваемо, что оно не принадлежитъ митр. Максиму и присоединено къ его уставу какимъ нибудь безграмотнымъ писцомъ по какой нибудь случайной причинѣ. Но съ другой стороны не невозможно и то, что митрополитъ, не заботясь о логической связи, хотѣлъ воспользоваться случаемъ обнародованія грамоты съ уставомъ о постѣ, чтобы сдѣлать и это увѣщаніе, которое было находимо имъ за очень нужное. Вотъ это увѣщаніе: «Пишу же

никомъ, кромѣ великыхъ днiй святыа недѣли.—въ среду и пятокъ да ядятъ, и на Сшествіе Святаго Духа и егда приключится Рождество Христово или Богоявленіе и егда бываетъ недѣля о мытари и фарисеи; опроче сихъ 5 празникъ да не разорять среды и пятка, се бо възбранено отнудь божественными каноны“...

и се вамъ, дѣтемъ моимъ, да вси чада моя, порожденіи въ купели новосвященнѣй, держите жены отъ святыя соборныя и апостольскія церкви, занеже жена спасенія ради человѣческаго бысть; аще же ихъ держите въ блудъ, безъ благословенія церковнаго, то что ти въ помощь есть? Но молися имъ (молитеся? т. е. священники) и нуди ихъ, аще и старіи суть и младіи, да вѣнчаются въ церкви».

(Чтобы быть обстоятельными, должны мы еще сказать, что въ 1295-мъ году митр. Максимъ свелъ съ каѳедры епископа владимирскаго Іакова, который былъ поставленъ имъ на каѳедру въ 1288-мъ году. Но сообщающая о семъ лѣтопись такъ называемая Троицкая или Академическая ничего не говоритъ о причинѣ низведенія и, отнимая у насъ возможность что либо думать и что либо сказать о дѣяніи, ограничивается въ своемъ сообщеніи только словами: «въ лѣто 6803 пріѣха Максимъ митрополитъ ис Кыева (во Владимиръ), Якова владыку Володимерьскаго сведъ съ епископьи»).

Относительно участія митр. Максима въ государственныхъ дѣлахъ Руси намъ извѣстно то, что въ 1304-мъ году, когда по смерти великаго князя Андрея Александровича городецкаго долженъ былъ занять великокняжескій престолъ по праву старшинства Михаилъ Ярославичъ тверской, митрополитъ унималъ искать великокняжескій престолъ подъ законнымъ кандидатомъ московскаго князя Юрія Даниловича. Что касается до успѣховъ этого пастырски-миротворнаго вмѣшательства въ распри князей, то московскій князь, ожесточеннѣйшая борьба котораго съ Михаиломъ Ярославичемъ наполняетъ потомъ почти все время правленія преемника Максимова св. Петра, не послушалъ настоятельныхъ увѣщаній митрополита.

Историческую извѣстность митр. Максима составляетъ то, что въ 1300-мъ году онъ перенесъ столицу русской митрополіи изъ Кіева во Владиміръ. Предшественникъ его Кириллъ много разъ приходилъ изъ Кіева въ сѣверную, владимирскую, Русь и вообще не жилъ въ немъ постоянно, а только по временамъ и, можетъ быть, даже наименьшею частію; самъ онъ до 1300-го года приходилъ во владимирскую Русь по крайней мѣрѣ два раза и также, по всей вѣроятности, жилъ въ Кіевѣ только временно, урывками: но тѣмъ не менѣе Кіевъ продолжалъ составлять столицу митрополіи,—въ немъ оставался хозяйственный домъ и дворъ митрополитовъ; въ немъ оставались ихъ клирошане или чиновники; митр. Кириллъ умеръ въ сѣверной Руси, но тѣло его отвезено было для погребенія въ Кіевъ, къ его каѳедрѣ. Въ 1300-мъ году митр. Максимъ формально перенесъ столицу митрополіи изъ Кіева во Владиміръ, переселившись изъ перваго во второй «со всѣмъ сво-

имъ житьемъ», какъ говорятъ лѣтописи, и съ своими клирошанами или чиновниками. Нѣтъ сомнѣнія, что Максимъ, такъ же какъ и Кириллъ, съ самаго начала своего правленія признавалъ очень неудобнымъ то, чтобы столица митрополіи оставалась въ Кіевѣ; но рѣшеніе перенести ее изъ послѣдняго во Владиміръ было вызвано въ немъ внезапно случившимися обстоятельствами, ибо еще въ 1295-мъ году онъ поставилъ во Владиміръ епископа и слѣдовательно—не думалъ о собственномъ въ него переселеніи. Въ 1299-мъ Кіевъ подвергся такому разграбленію отъ Татаръ, что разбѣжался весь городъ; вмѣстѣ съ другими принужденъ былъ бѣжать и митрополитъ,—и онъ рѣшился бѣжать навсегда [1]... Максимъ перенесъ каѳедру своей митрополіи изъ Кіева въ стольный городъ Руси владимирской, а не галичской, какъ само собою подразумѣвается, потому, что въ первой, а не во второй Руси,—въ «Руси Великой», а не «Малой», какъ уже, можетъ быть, тогда называли, а во всякомъ случаѣ скоро за тѣмъ начали называть Греки двѣ Руси—сѣверную и южную, онъ видѣлъ главнѣйшую и важнѣйшую часть своей митрополіи.

Перенесши каѳедру митрополіи изъ Кіева во Владиміръ, Максимъ перевелъ здѣшняго епископа въ Ростовъ, на бывшую тогда праздною каѳедру послѣдняго. Что касается до Кіева съ его собственною епархіей, то митрополитъ не поставилъ въ него епископа, а оставилъ его за собой, въ качествѣ своей старшей столицы, такъ что съ этого времени у митрополитовъ стало двѣ епархіи, при чемъ епархія кіевская начала состоять подъ вѣдѣніемъ ихъ намѣстниковъ [2].

---

[1]) Что митр. Максимъ бѣжалъ изъ Кіева въ 1299-мъ году, это даетъ знать Новгородская лѣтопись подъ симъ годомъ (конецъ года): Въ Новгородѣ въ семъ году не было извѣстно, гдѣ находится митрополитъ, т.-е. бѣжавъ изъ Кіева, онъ совершалъ путь во Владиміръ неизвѣстными новгородцамъ мѣстами. Во Владиміръ онъ прибылъ, по нѣкоторымъ лѣтописямъ (Воскрес.), 18-го Апрѣля 1300-го года.

[2]) Перенесеніе митрополитомъ Максимомъ каѳедры митрополіи изъ Кіева во Владиміръ (собственно—не каѳедры, которая осталась въ Кіевѣ, а столицы, сѣдалища, καθισμα, см. ниже) представляло собою случай перенесенія митрополитомъ своей каѳедры изъ подпавшаго власти варваровъ своего стольнаго города въ одинъ изъ епископальныхъ городовъ своей митрополіи. Относительно сего случая Вальсамонъ пишетъ (въ толкованіи на 82 пр. Карѳаг. собора,—у Ралли и П. III, 486), что нѣкоторые митрополиты считали себя въ правѣ дѣлать это самовольно,—что другіе признавали нужнымъ соборное разрѣшеніе, а иные царское повелѣніе, и что по его собственному мнѣнію—необходимо то и другое. Принадлежалъ ли митр. Максимъ къ первой категоріи митрополитовъ или по чему-либо другому, только

Перенесеніе митр. Максимомъ столицы митрополіи изъ Кіева во Владиміръ подало первый поводъ къ тѣмъ попыткамъ раздѣленія русской митрополіи на двѣ особыя митрополіи, которыя вслѣдствіе имѣвшихъ скоро за тѣмъ случиться политическихъ событій во всякомъ случаѣ становились неизбѣжными.

Между двумя русскими великими княженіями—владимирскимъ и галичскимъ Кіевъ занималъ такое, такъ сказать, нейтральное положеніе, что, пока столица митрополитовъ оставалась на своемъ старомъ мѣстѣ, они могли быть митрополитами обоихъ княженій или всей Руси. Но когда Максимъ перенесъ свою столицу изъ Кіева въ стольный городъ владимирскаго великаго княженія, то великое княженіе галичское оказалось въ церковномъ отношеніи уже не равноправною съ первымъ частью митрополіи, а только какъ бы нѣкоторымъ къ ней придаткомъ. Совершенно естественно было, чтобы великимъ князьямъ галичскимъ не понравилась такая церковная роль ихъ страны и чтобы они предприняли старанія о пріобрѣтеніи себѣ своего особаго митрополита. Эти старанія они дѣйствительно и начали тотчасъ же послѣ того, какъ Максимъ переселился изъ Кіева во Владиміръ, и такъ какъ имѣли въ нихъ успѣхъ, то и первый случай раздѣленія русской митрополіи на двѣ особыя митрополіи имѣлъ мѣсто при самомъ же Максимѣ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ каталога архіерейскихъ каѳедръ, со-

онъ перенесъ каѳедру митрополіи изъ Кіева во Владиміръ безъ спроса въ Константинополѣ, и отъ патріарха формальнымъ образомъ было признано это перенесеніе только въ 1354-мъ году, при поставленіи въ митрополиты св. Алексѣя. — Во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ находится икона Максимовской Божіей Матери, на которой Божія Матерь изображена преподающею омофоръ митрополиту Максиму. Въ подписи на иконѣ читается: „Сей святый чудотворный образъ пресвятыя Богородицы написанъ бысть въ лѣто 6807 (1299), по видѣнію Максима митрополита Владимирскаго и всея Руссіи (sic) чудотворца, Греченина родомъ: егда ему пришедшу отъ Кіева во Владиміръ и отъ путнаго шествія въ келліи своей мало уснувъ, абіе видитъ яко наявѣ свѣтъ великъ и необыченъ и въ томъ свѣтѣ явися ему пречистая Дѣва Богородица, держащая на рукѣ Превѣчнаго Младенца, и глагола: рабе мой Максиме, добрѣ пришелъ еси сѣмо посѣтити градъ мой, и подаде ему омофоръ, глаголя: пріими сей омофоръ и паси въ градѣ моемъ словесныя овцы; онъ же пріемъ, возбудися отъ сна и въ келліи никого же видѣ, а омофоръ обрѣтеся въ руцѣ его..., и прославися сіе чудо во всей Русской землѣ и въ Палестинѣ, и повелѣ (митрополитъ) написати сей образъ тѣмъ подобіемъ, якоже видѣ“ (*Доброхотова* Памятники древности во Владимирѣ Кляземскомъ, стр. 74; § 2). Чудесное видѣніе, бывшее митрополиту Максиму, должно было служить въ глазахъ русскихъ людей оправданіемъ его поступка.

ставленнаго при импер. Андроникѣ Палеологѣ Старшемъ (1282—1327), читается о Галиціи историческое замѣчаніе: «Галиція, бывшая епископіей Россіи, возведена въ митрополіи императоромъ киръ Андроникомъ Палеологомъ при святѣйшемъ патріархѣ киръ Аѳанасіи въ 6811 (1303) году» [1]. Исторіи этого перваго открытія особой галичской митрополіи пока мы вовсе не знаемъ (какъ, впрочемъ, вовсе не знаемъ и послѣдующихъ открытій). Позднѣйшія галичскія свидѣтельства утверждаютъ, что первымъ особымъ митрополитомъ галичскимъ былъ Нифонтъ [2]). Если онѣ говорятъ правду, то этого Нифонта и должно принимать за митрополита, поставленнаго въ 1303-мъ году. Въ тогдашнихъ предѣлахъ княжества галичскаго находилось шесть епископій: галичская, перемышльская, владимирская (владимиро-волынская), луцкая, холмская (бывшая угровская) и туровская. Эти шесть епископій, при чемъ первая изъ нихъ стала епархіей самого митрополита, и образовали отдѣльную митрополію галичскую. Великимъ княземъ галичскимъ въ 1303-мъ году, когда состоялось открытіе митрополіи, былъ Юрій Львовичъ, внукъ Даніила Романовича, занимавшій послѣ отца престолъ великокняжескій съ 1301-го года по 1316-й годъ.

Митр. Максимъ скончался въ концѣ 1305-го года, по однимъ лѣтописямъ—6-го, по другимъ—16-го Декабря. Тѣло его было положено во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ [3]).

---

[1]) Γάλιτζα, ἐπισκοπὴ οὖσα τῆς 'Ρωσίας, ἐτιμήθη εἰς μητρόπολιν παρὰ τοῦ βασιλέως κυροῦ 'Ανδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου ἐπὶ τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου κυροῦ 'Αθανασίου, ἐν ἔτει ͵ςωιά,—у Ралли и П. V, 494, прим. 1. См. еще статью *А. С. Павлова:* „О началѣ галицкой и литовской митрополій и о первыхъ тамошнихъ митрополитахъ по византійскимъ документальнымъ источникамъ", напечатанную въ майской книжкѣ „Русскаго Обозрѣнія" за 1894-й годъ. Митр. Кипріанъ въ житіи св. Петра говоритъ о попыткѣ галичскаго великаго князя Юрія Львовича получить для Галиціи особаго митрополита, сдѣланной послѣ смерти митр. Максима, какъ о первой попыткѣ. Возможно, что Кипріанъ не зналъ о дѣйствительномъ первомъ поставленіи особаго галичскаго митрополита; но не невозможно, что и зная притворился незнающимъ, ибо въ интересѣ московскихъ митрополитовъ было то, чтобы исторія галичской (галичско-литовской) митрополіи была возможно менѣе извѣстна, дабы противъ каждаго поставленія особаго галичскаго митрополита можно было протестовать какъ противъ небывалаго и неслыханнаго нововведенія.

[2]) См. въ Памятн. канонич. права, приложж. col. 125.

[3]) Въ Воскресенской лѣтописи относительно мѣста въ соборѣ, гдѣ былъ положенъ Максимъ, сказано: „въ соборнѣй церкви святыа Богородица, во храмѣ (придѣльномъ) Христова мученика Пантелеимона",—Собр. лѣт. VII, 184 (Тоже въ Степенной книгѣ, I, 403).

МИТРОПОЛИТЪ СВ. ПЕТРЪ.

Преемникомъ митр. Максима былъ св. Петръ, снова природный Русскій, какъ митр. Кириллъ III, и именно—опять южанинъ и изъ одной и той же съ послѣднимъ области галичско-волынской.

Источникъ свѣдѣній о жизни св. Петра мы имѣемъ кромѣ лѣтописей еще въ двухъ его житіяхъ. Такъ какъ при его мощахъ начали совершаться чудеса съ самой минуты его погребенія и такъ какъ существовали нарочитые поводы къ заботамъ о скорѣйшемъ всероссійскомъ его прославленіи: то въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ его кончины, послѣдовавшей въ 1326-мъ году, написано было его житіе. А поелику первонаписанное житіе найдено было потомъ неудовлетворительнымъ, то вслѣдствіе сего было составлено другое или второе житіе. Первое житіе въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ спискахъ его усвояется Прохору, епископу ростовскому, который былъ поставленъ св. Петромъ въ 1311-мъ году и который скончался черезъ два года послѣ него въ 1328-мъ году; но о Прохорѣ житіе говоритъ въ третьемъ лицѣ и называетъ его преподобнымъ, почему и должно быть считаемо произведеніемъ неизвѣстнаго [1]). Второе житіе написано митр. Купріаномъ послѣ 1390-го года (въ которомъ онъ окончательно сѣлъ въ Москвѣ на каѳедру митрополіи) [2]). Житіе неизвѣстнаго очень кратко, въ отношеніи

---

[1]) Изъ синодальнаго сборника XVI-го вѣка житіе напечатано *К. И. Невоструевымъ* въ январской книжкѣ харьковскаго Духовнаго Вѣстника 1862-го года; изъ новгородскаго Софійскаго Сборника XIV-го вѣка напечатано *преосвящ. Макаріемъ* въ приложеніяхъ къ IV-му т. Исторіи; третій извѣстный намъ списокъ—въ сборникѣ XVI-го вѣка Троицкой Лаврской библіотеки, № 786, л. 300; указаніе другихъ списковъ см. у *Ключевскаго* въ Древне-русскихъ Житіяхъ святыхъ, стр. 75, прим. 2, и у *Барсукова* въ Источникахъ Русской Агіографіи, col. 447, прибавивъ къ указаннымъ еще списокъ въ синодальн. ркп. № 421. Епископу Прохору усвояется житіе въ спискѣ, напечатанномъ преосв. Макаріемъ, и въ нѣкоторыхъ изъ списковъ ненапечатанныхъ.

[2]) Помѣщено въ Степенной книгѣ,—I, 410; читается въ рукописяхъ и въ отдѣльномъ видѣ (см. *преосв. Макарія* Ист. т. IV, прилож. 3, *Востокова* Опи-

повѣствовательномъ страдаетъ явными пропусками, а въ отношеніи ораторскомъ слишкомъ скудословесно. Житіе Кипріаново отчасти составляетъ литературную обработку житія неизвѣстнаго, а отчасти сообщаетъ и новыя противъ него свѣдѣнія, восполняя его повѣствовательные пропуски. Къ сожалѣнію, вовсе нельзя сказать о житіяхъ, чтобы онн представляли собою источникъ свѣдѣній о жизни св. Петра вполнѣ удовлетворительный. Прежде всего, онѣ ничего не говорятъ объ его церковно-правительственной дѣятельности, ограничиваясь въ этомъ случаѣ общими немногими фразами и указывая только на одну черту дѣятельности, саму по себѣ очень неопредѣленную. Затѣмъ, и другія ихъ свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи его жизни, заключаютъ въ себѣ недосказы и умолчанія. Время святительствованія св. Петра было временемъ ожесточенной борьбы между двумя князьями тверскимъ и московскимъ изъ-за вопроса о первенствѣ, за которымъ, видимо или невидимо для борющихся, стоялъ вопросъ о томъ, которому княжеству—тверскому или московскому стать зерномъ будущей великой Руси. Между двоими борющимися св. Петръ сталъ и стоялъ на сторонѣ князя московскаго, чѣмъ и содѣйствовалъ рѣшенію борьбы въ пользу Москвы. Но авторы житій не принадлежали къ числу людей, которые были бы чужды этой борьбы; они принадлежали къ одной изъ сторонъ, именно—той же московской. Въ Москвѣ не хотѣли, чтобы исторія привлеченія церкви къ борьбѣ государственной была извѣстна во всей своей подробности, и отъ того наши житія заключаютъ въ себѣ недосказы и умолчанія и представляютъ нѣкоторые частные случаи, входящіе въ исторію святительствованія св. Петра, въ такомъ видѣ, что они являются непонятными или даже и совсѣмъ представляютъ собою несообразности. Впрочемъ, по отношенію къ вопросу о привлеченіи церкви къ борьбѣ государственной житія все таки составляютъ для насъ чрезвычайно важный источникъ свѣдѣній, ибо покровъ недосказовъ и умолчанія, который онѣ здѣсь накидываютъ на исторію, легко и съ увѣренностію можетъ быть приподнятъ.

Житія разсказываютъ, что по смерти митр. Максима нашелся во владимирской Руси какой-то игуменъ Геронтій, который, будучи одержимъ недугомъ самовластія и не видя никого себѣ возбраняющаго, дерзнулъ дерзностію восхитить санъ святительства,—взялъ съ собою ризницу митрополичью, многія иконы изъ владимирскаго Успенскаго

саніе рукописей Румянцевскаго Музея и у *Барсукова* ibid.; намъ извѣстные списки: бывшіе Волоколамскіе—№ 195, л. 226, и № 593, л. 226, и Лаврскій Троицкій № 789, л. 51).

или каѳедральнаго митрополичьяго собора, митрополичьихъ сановниковъ, и отправился въ Константинополь искать поставленія въ митрополиты русскіе.

Житія сообщаютъ намъ весьма важное извѣстіе, но только въ такомъ видѣ, что ему не достаетъ качества вѣроподобности.

Чтобы на Руси могъ найдтись лишенный разума игуменъ, который бы возъимѣлъ надежду, что придетъ онъ въ Константинополь къ патріарху, изъявитъ свое желаніе занять каѳедру русской митрополіи и его поставятъ въ митрополиты, очевидно, есть дѣло совершенно невозможное. Но если бы и нашелся подобный главоболѣющій игуменъ, то во всякомъ случаѣ намъ ясно дается знать, что не былъ такимъ игуменомъ нашъ Геронтій. Онъ взялъ съ собою ризницу митрополичью, многія иконы изъ владимирскаго Успенскаго собора и митрополичьихъ сановниковъ: но какъ могъ онъ все это сдѣлать, если бы отправился въ Константинополь самовольно? Положимъ, что ризницу и иконы онъ похитилъ бы, хотя этого не говорится и хотя это было вовсе не легко; но какъ бы онъ, пошедши самовольно, могъ взять съ собой митрополичьихъ сановниковъ? Такимъ образомъ, совершенно ясно, что игуменъ Геронтій отправился въ Константинополь, искать поставленія на каѳедру русской митрополіи, не самовольно, а бывъ посланъ. Кѣмъ могъ онъ быть посланъ, это также совершенно ясно: онъ не могъ никѣмъ быть посланъ кромѣ тогдашняго владимирскаго великаго князя. Въ минуту смерти митр. Максима великимъ княземъ владимирскимъ былъ тверской удѣльный князь Михайло Ярославичъ, занявшій престолъ великокняжескій въ весьма незадолгое передъ тѣмъ время (Андрей Александровичъ городецкій, мѣсто котораго занялъ Михайло Ярославичъ, умеръ 22-го Іюня 1304-го года, а митр. Максимъ скончался 6-го или 16-го Декабря слѣдующаго 1305-го года). Значитъ, онъ—Михайло Ярославичъ и послалъ игумена Геронтія въ Константинополь для поставленія въ митрополиты русскіе.

Послѣдующее поведеніе Михайла Ярославича по отношенію къ св. Петру заставляетъ думать, что, посылая игумена Геронтія въ Константинополь, онъ имѣлъ въ виду не только то, чтобы, поставивъ его въ митрополиты, получить въ его лицѣ митрополита изъ природныхъ Русскихъ, но еще и свои особенныя и личныя цѣли. Именно—представляется необходимымъ думать, что Михайло Ярославичъ, желая поставить въ митрополиты своего кандидата, хотѣлъ въ лицѣ митрополита пріобрѣсти себѣ помощника въ своей борьбѣ съ княземъ московскимъ, начавшейся съ самой минуты занятія имъ великокняжескаго престола, и вмѣстѣ съ тѣмъ помощника въ возвышеніи своего твер-

ского удѣла, къ каковому возвышенію своихъ родовыхъ удѣловъ князья начали тогда стремиться. Какъ далеко простирались при этомъ виды Михайла Ярославича по отношенію къ митрополиту, мы не можемъ сказать, потому что онъ вовсе не имѣлъ возможности обнаружить своихъ видовъ. Не представляется однако вѣроятнымъ принимать, чтобы они простирались до мысли о перенесеніи каѳедры митрополіи изъ Владимира въ Тверь, что̀ послѣ сдѣлалъ князь московскій, ибо эта мысль, какъ увидимъ ниже, иное значила въ приложеніи къ Москвѣ и иное въ приложеніи къ Твери, и со стороны Михаила Ярославича была бы черезчуръ неожиданною, потому что была бы съ его стороны слишкомъ отважною и рѣшительною. Если бы онъ имѣлъ эту мысль, то послалъ бы ставиться въ митрополиты не игумена Геронтія, а своего тверского епископа: иначе слѣдовало бы, что онъ намѣревался удалить епископа съ каѳедры, между тѣмъ какъ извѣстно, что онъ находился съ послѣднимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Нужно думать, что сейчасъ указанное нами и было причиной, почему житія св. Петра не хотятъ говорить, что игуменъ Геронтій былъ посланъ въ Константинополь Михайломъ Ярославичемъ. Мысль обратиться къ содѣйствію митрополитовъ въ государственной борьбѣ, которою съ такимъ успѣхомъ воспользовалась Москва, принадлежала собственно Твери, и на Москвѣ могли имѣть нежеланіе, чтобы это было записываемо въ исторію.

Игуменъ Геронтій, посланный Михайломъ Ярославичемъ въ Константинополь, не былъ тамъ поставленъ въ митрополиты русскіе.

Одновременно съ тѣмъ, какъ онъ отправился въ Константинополь, былъ посланъ туда изъ Россіи другой кандидатъ, чтобы быть поставленнымъ въ митрополиты не всея Россіи, а только ея части. Это—кандидатъ галичскаго великаго князя Юрія Львовича, посланный для поставленія въ отдѣльные митрополиты галичскіе. Выше мы сказали, что въ 1303-мъ году при митр. Максимѣ Галиціи данъ былъ отдѣльный митрополитъ. Но нужно полагать, что митрополитъ этотъ, не долго занимавъ каѳедру, умеръ около одного времени съ Максимомъ и что такимъ образомъ и случилось, что кандидатъ, избранный Михайломъ Ярославичемъ въ митрополиты всея Руси, и кандидатъ, избранный Юріемъ Львовичемъ въ митрополиты галичскіе, были посланы въ Константинополь для поставленія въ одно и тоже время.

Кандидатомъ галичскаго великаго князя былъ игуменъ св. Петръ, и онъ-то вмѣсто того, чтобы быть поставленнымъ въ митрополиты галичскіе, былъ поставленъ патріархомъ въ митрополиты всея Руси.

Св. Петръ родился неизвѣстно гдѣ въ области галичско-волынской и неизвѣстно—отъ родителей какого состоянія; но, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, можно думать, что онъ былъ отъ родителей состоянія достаточнаго, принадлежавшихъ къ сословію боярскому или купеческому, и что его родину составлялъ либо городъ Львовъ, тогдашняя столица Галиціи, либо городъ Бельзъ, находящійся на сѣверъ отъ Львова [1]). Обучившись грамотѣ и всей, какъ говоритъ авторъ перваго житія, мудрости, Петръ, неизвѣстно какъ называвшійся въ міру, тотчасъ по окончаніи книжнаго ученія, будучи 12-лѣтнимъ мальчикомъ, поступилъ въ монастырь съ тѣмъ, чтобы постричься въ монахи. Послѣ болѣе или менѣе долговременнаго пребыванія въ монастырѣ, при чемъ, по словамъ житій, усердно ревновалъ о монашескихъ подвигахъ и при чемъ, желая присоединить къ подвигамъ благочестиво-полезное занятіе, обучился искусству иконописанія въ такой степени, что сталъ «иконникъ чуденъ», онъ пожелалъ основать собственный монастырь, который и построилъ не слишкомъ далеко на сѣверъ отъ столицы княжества Львова, на рѣкѣ или рѣчкѣ Ратѣ, текущей въ нынѣшней австрійской восточной Галиціи и впадающей съ лѣвой стороны въ верхній западный Бугъ [2]). По словамъ митр. Кип-

---

[1]) Св. Петръ построилъ собственный монастырь, изъ чего и можно заключать, что онъ былъ человѣкъ со средствами, слѣдовательно—что былъ родомъ горожанинъ, принадлежавшій по сословію къ боярству или къ купечеству. Монастырь свой онъ поставилъ въ мѣстности между Львовымъ и Бельзомъ, изъ чего и можно заключать, что онъ родился въ томъ или другомъ изъ этихъ городовъ (Такъ какъ на всякія высшія церковныя должности въ древнее время бо́льшею частію ставили монаховъ по происхожденію родовитыхъ, то имѣли бы мы наклонность предполагать, что св. Петръ былъ изъ знатнаго боярскаго семейства; но отъ предположенія удерживаетъ насъ авторъ перваго житія, который не дѣлаетъ никакого въ этомъ родѣ намека.—Отца Петрова житія называютъ Θеодоромъ, а матери не называютъ по имени; въ одномъ Румянцевскомъ сборникѣ отецъ называется Іаковомъ, а мать Евпраксіей,—у *Восток.* № 359, л. 324 об., стр. 514 col. 2).

[2]) Монастырь св. Петра, построенный во имя Спаса (Преображенскій), въ настоящее время не существуетъ; на его мѣстѣ стоитъ теперь село, съ приходскою церковію также Спаса, которое носитъ два названія: Дворцѣ (Дворцы) и Спаскье (Спасское) и которое находится почти на равномъ разстояніи между городами Жолковымъ (Zolkiew, къ округу котораго принадлежитъ) и Бельзомъ (прямо на югъ отъ послѣдняго, въ епархіи перемышльской, въ деканатѣ или благочиніи угровскомъ), см. Галичскаго Историческаго Сборника выпускъ III-й, стр. примѣчаній VII, прим. 6. Зубрицкій въ Критико-историч. повѣсти о Червонной Руси, стр. 71 прим., полагаетъ бывшій монастырь св. Петра въ нынѣшнемъ селѣ Верх-

ріана, въ санѣ игумена своего монастыря св. Петръ такъ прославился своею жизнію, что сталъ извѣстенъ князю и вельможамъ и вообще всей своей странѣ. Эта великая слава Петра, какъ нужно думать, и остановила на немъ выборъ Юрія Львовича, когда князь искалъ кандидата въ митрополиты [1]).

Относительно того, какъ случилось, что въ митрополиты всея Россіи былъ поставленъ не кандидатъ владимирскаго великаго князя игуменъ Геронтій, а кандидатъ галичскаго великаго князя игуменъ св. Петръ, авторы житій разсказываютъ, что Геронтій и Петръ, предпринявъ путешествіе въ Константинополь, одновременно сѣли на корабли для переплытія Чернаго моря, но что, тогда какъ Петръ весьма благопоспѣшно совершилъ переѣздъ черезъ море, Геронтій чудеснымъ образомъ былъ задержанъ на немъ бурею,—что, явившись передъ патріарха и находящійся при немъ соборъ митрополитовъ, Петръ былъ признанъ ими достойнымъ сана святительскаго и поставленъ въ митрополиты,—что по времени явился и Геронтій, но что патріархъ, испытавъ его, отказалъ ему въ посвященіи и провозгласилъ Петра митрополитомъ всея Россіи. Смыслъ не совсѣмъ яснаго разсказа какъ будто тотъ, что Петръ, прибывшій въ Константинополь прежде Геронтія, былъ поставленъ въ отдѣльные митрополиты Галиціи,—что Геронтій, прибывшій послѣ Петра, былъ найденъ недостойнымъ посвященія въ санъ митрополита и что патріархъ, отложивъ свою мысль о раздѣленіи русской митрополіи на двѣ особыя митрополіи, переименовалъ Петра изъ митрополитовъ галичскихъ въ митрополиты всея Россіи. Если это такъ, то подобное представленіе дѣла нельзя признавать со-

---

ратѣ, находящемся отъ села Дворцѣ недалеко на западъ, неправильно, ибо въ селѣ Верратѣ приходская церковь во имя св. Георгія (по шематизму). Авторъ Исторіи іерархіи, V, 667, ошибочно считаетъ монастыремъ св. Петра монастырь Ратскій Воздвиженскій, находившійся въ сѣверо-западномъ углу волынской губерніи, на рѣкѣ Ратѣ, впадающей слѣва въ верхнюю Припять.

[1]) Митр. Кипріанъ, представляя дѣло такимъ образомъ, будто Юрій Львовичъ отправилъ Петра въ Константинополь за тѣмъ, чтобы ходатайствовать о первомъ дарованіи Галиціи особаго митрополита, или о первомъ отдѣленіи ея въ особую митрополію, увѣряетъ, будто князь не сказалъ Петру, что именно его самого избираетъ кандидатомъ въ митрополиты, а что только въ отправленномъ съ нимъ посланіи къ патріарху и собору тайно отъ него просилъ, чтобы поставленъ былъ въ митрополиты именно онъ. Но такъ какъ Петръ не могъ быть отправленъ въ Константинополь съ указаннымъ порученіемъ (ибо, какъ мы сказали, Галиція уже была отдѣляема въ особую митрополію), то очевидно, что онъ могъ отправиться туда только открытымъ (и вѣдомымъ самому себѣ) кандидатомъ въ митрополиты.

вершенно вѣроятнымъ: не находя достойнымъ поставленія въ митрополиты игумена Геронтія и въ тоже время удовлетворяя желанію владимирскаго великаго князя имѣть своимъ митрополитомъ человѣка ему угоднаго, патріархъ могъ вмѣсто Геронтія потребовать отъ князя другого кандидата. Съ гораздо бо́льшею вѣроятностію должно думать, что патріархъ,—тотъ же Аѳанасій, который въ 1303-мъ году далъ Галиціи особаго митрополита, съ перваго раза поставилъ Петра, а не Геронтія, въ митрополиты всея Россіи потому, что въ этотъ разъ, перемѣнивъ по чему либо свои мысли, онъ не хотѣлъ давать Галиціи особаго митрополита. Великій князь галичскій Юрій Львовичъ, требуя у патріарха особаго митрополита для Галиціи, какъ въ прошлый разъ, такъ и теперешній, конечно, представлялъ ему, что митрополиты, живущіе въ отдаленномъ отъ Галиціи Владимірѣ, не могутъ имѣть надлежащаго пастырскаго попеченія объ его странѣ. Отказывая князю въ особомъ митрополитѣ и ставя въ митрополиты всея Россіи именно кандидата, присланнаго имъ—княземъ, патріархъ могъ отвѣчать ему, что о своей родинѣ Петръ будетъ имѣть надлежащее попеченіе и изъ далекаго Владимира.

Не имѣемъ мы положительныхъ свѣдѣній, но судя по послѣдующему нужно думать, что великій князь владимирскій Михайло Ярославичъ употребилъ въ Константинополѣ всѣ возможныя усилія, чтобы воспрепятствовать поставленію въ митрополиты всея Россіи Петра и чтобы отстоять своего кандидата: отчасти это дается знать и тѣмъ, что Петръ поставленъ былъ въ митрополиты спустя не мало времени послѣ Максима. Если усилія великаго князя не увѣнчались успѣхомъ, то необходимо принимать, что патріархъ, рѣшивъ отказать Юрію Львовичу въ особомъ митрополитѣ, непремѣнно хотѣлъ удовлетворить его тѣмъ, чтобы поставить въ митрополиты всея Россіи его кандидата [1]).

Въ сейчасъ переданной нами исторіи замѣщенія каѳедры митрополичьей послѣ смерти Максима замѣчательнымъ является то, что вел. кн. Михайло Ярославичъ, вопреки существовавшему порядку ставленія нашихъ митрополитовъ не изъ природныхъ Русскихъ, а изъ Грековъ, обратился въ Константинополь съ просьбою о посвященіи въ митрополиты кандидата, избраннаго имъ самимъ изъ числа природныхъ Русскихъ. Очевидно, что князь пришелъ къ мысли или напалъ на мысль

---

[1]) Юрій Львовичъ былъ женатъ на родной сестрѣ Михайла Ярославича (Ипатск. лѣт подъ 1281-мъ г.,—2 изд. стр. 583, Воскрес. лѣт. подъ 1282-мъ годомъ,—въ Собр. лѣтт. VII, 176); но это близкое родство князей, какъ видно, не послужило къ тому, чтобы второй могъ уладиться съ первымъ.

о своей просьбѣ, основываясь на исключеніи, только что передъ тѣмъ допущенномъ самими Греками, которые предоставили Русскимъ избрать своего собственнаго кандидата въ митрополиты непосредственно послѣ нашествія Монголовъ. Мысль обращаться въ Константинополь съ просьбою о посвященіи въ митрополиты кандидатовъ, избранныхъ въ самой Россіи, послѣ Михайла Ярославича была усвоена Русскими. А такимъ образомъ, исключеніе, допущенное самими Греками въ началѣ нашего періода изъ страха передъ Монголами, послужило къ тому, чтобы проложить путь новому порядку избранія нашихъ митрополитовъ.

Св. Петръ былъ поставленъ въ митрополиты всея Руси въ Маѣ—Іюнѣ мѣсяцѣ 1308-го года, на третій годъ послѣ смерти митр. Максима [1]). Въ томъ же самомъ году онъ возвратился изъ Константинополя въ Россію и прибылъ къ своему старѣйшему столу въ Кіевъ, изъ котораго, какъ необходимо думать, ходилъ для посѣщенія своей родины Галиціи и своего великаго князя Юрія Львовича, если только не сдѣлалъ этого посѣщенія по пути изъ Константинополя въ Кіевъ. Въ слѣдующемъ 1309-мъ году онъ явился на свой новый и дѣйствительный столъ во Владиміръ Кляземскій.

Митрополитъ Кипріанъ говоритъ, что когда св. Петръ явился въ сѣверной Руси, то «изъ начала человѣческому роду врагъ и ратникъ малу спону святому сотвори и нѣкіимъ подгнети не хотѣти того пришествія». Несмотря на прикровенность рѣчей Кипріана, совершенно ясно, кто были эти нѣкоторые, не хотѣвшіе пришествія Петрова, т. е. совершенно ясно, что нежеланіе принять пришедшаго Петра выразилъ вел. кн. Михайло Ярославичъ, который разсчитывалъ видѣть на каѳедрѣ митрополичьей имъ самимъ избраннаго кандидата и обманулся въ своихъ ожиданіяхъ и кромѣ котораго и во всякомъ случаѣ никто не могъ выразить своего нежеланія.

«По времени же»,—продолжаетъ Кипріанъ,—(не хотѣвшіе пришествія Петрова) «себѣ зазрѣша и святителя того пріяша (и) съ смиреніемъ тому покоришася», т. е. митр. Кипріанъ хочетъ сказать, что

---

[1]) Скончавшись 21-го Декабря 1326-го года, св. Петръ пасъ церковь Божію 18-ть лѣтъ и 6-ть мѣсяцевъ (какъ говорится это въ надписаніи его житія. принадлежащаго неизвѣстному, по нѣкоторымъ его спискамъ, напр. Троицкому Лаврскому въ № 786-мъ, и изъ житія въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ,—Никоновск. III, 131, Типографск. стр. 80, Новгородск. 3-й,—въ Собр. лѣтт. III, 224, въ святцахъ Слѣдованной псалтири митр. Кипріана,—ркп. Моск. Дух. Акад. № 142, и въ мѣсяцесловахъ съ „лѣтописью“, напр. въ Синод. ркп. по Опис. Горск. и Невостр. № 432, л. 238 об., стр. 579).

вел. кн. Михайло Ярославичъ, сначала не хотѣвшій было принимать Петра, потомъ примирился съ нимъ и принялъ его съ искреннимъ сердцемъ. Но это, какъ видно изъ дальнѣйшаго, вовсе неправда: великій князь, сначала не хотѣвшій было принимать Петра, потомъ нашелъ неудобнымъ сдѣлать это и примирившись съ нежданнымъ и нежеланнымъ митрополитомъ притворнымъ образомъ, рѣшился хлопотать у патріарха о законномъ низведеніи его съ каѳедры. Рождается здѣсь вопросъ: почему Михайло Ярославичъ не захотѣлъ примириться съ св. Петромъ искреннимъ образомъ и почему онъ не постарался привлечь его на свою сторону, такъ чтобы Петръ могъ замѣнить ему Геронтія? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ; единственно вѣроятнымъ представляется то, что, когда Петръ ставился въ митрополиты, Михайло Ярославичъ своимъ противодѣйствіемъ ему до такой степени вооружилъ его противъ себя, что между ними уже невозможно было искреннее примиреніе.

Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ занятія Петромъ каѳедры митрополичьей во Владимірѣ епископъ тверской Андрей [1]) отправилъ на него патріарху доносъ съ какими-то весьма тяжкими противъ него обвиненіями. Митр. Кипріанъ выдаетъ поступокъ епископа Андрея за его личное дѣло, утверждая, что онъ рѣшился на него, «изумленъ суще о суетнѣй сей славѣ», т. е. возъимѣвъ желаніе занять вмѣсто Петра столъ митрополичій. Но Кипріанъ заставляетъ насъ принимать то, принять чего невозможно. Чтобы епископъ Андрей, равно какъ и какой бы то ни было епископъ, рѣшился искать низверженія митрополита помимо великаго князя, это было бы несообразностію, и совершенно ясно, что Андрей дѣйствовалъ не самъ собой, а какъ орудіе великаго князя и вмѣстѣ своего тверского удѣльнаго князя. Очень можетъ быть, что между великимъ княземъ и епископомъ было условлено, чтобы, въ случаѣ низверженія митрополита, послѣдній

---

[1]) Епископъ Андрей былъ родомъ Литвинъ или Литовецъ, сынъ князя Герденя или Ерденя; въ 1266-мъ году онъ былъ захваченъ въ плѣнъ Довмонтомъ Псковскимъ, также Литовцемъ. Въ епископы тверскіе онъ былъ поставленъ митр. Максимомъ въ 1290-мъ году изъ игуменовъ общаго монастыря Богородицы (какъ должно думать, того, имъ самимъ построеннаго и находившагося на рѣкѣ Шошѣ (Шеши), составляющей правый притокъ Волги, текущей въ старицкомъ и тверскомъ уѣздахъ, въ нижней части своей служащей границею послѣдняго отъ клинскаго уѣзда московской губерніи, въ которомъ по удаленіи съ каѳедры онъ скончался въ 1323-мъ году).

занялъ его мѣсто; могло однако этого и не быть, а быть такъ, что епископъ хотѣлъ только содѣйствовать великому князю въ очищеніи мѣста митрополичьяго для другаго его кандидата.

Великій князь и епископъ Андрей, отправивъ патріарху свой доносъ на митрополита, содержали дѣло въ глубокой тайнѣ, такъ что никто не зналъ; «но»—говоритъ Кипріанъ—шептаніе Андреево не утаися пресвященному святителю Петру», и этимъ даетъ знать, что послѣдній не былъ изъ числа людей, которыхъ можно застигнуть врасплохъ. Обвиненія, взведенныя великимъ княземъ и епископомъ на митрополита, были такъ тяжки, что патріархъ,—тотъ же Аѳанасій, который поставилъ Петра въ митрополиты,—немедленно прислалъ въ Россію своего клирика или своего патріаршаго чиновника для соборнаго изслѣдованія дѣла. Патріаршій клирикъ, прибывъ въ Россію, созвалъ соборъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, что́ было въ 1310-мъ году или въ началѣ 1311-го года [1]). Соборъ созванъ былъ не въ стольномъ городѣ великаго князя и вмѣстѣ митрополита—Владимирѣ и не въ стольно-удѣльномъ городѣ великаго князя Твери, а въ пригородѣ московскаго удѣла Переяславлѣ, нѣтъ сомнѣнія, потому, что ни ту ни другую столицу великаго князя не желалъ видѣть его мѣстомъ митрополитъ: въ своихъ столицахъ великій князь имѣлъ бы бо́льшее удобство составить и вести соборъ такимъ образомъ, чтобы онъ оказался пристрастно-враждебнымъ митрополиту, а этого, конечно, вовсе не могъ желать послѣдній. Созванный соборъ представлялъ изъ себя не церковный соборъ въ собственномъ смыслѣ, но церковный и вмѣстѣ свѣтскій или земскій. Что касается до духовныхъ, то на немъ присутствовали два епископа,—обвинитель митрополита Андрей тверской и еще Симеонъ ростовскій, лучшіе изъ игуменовъ и монаховъ и священниковъ множество; изъ свѣтскихъ присутствовало князей довольно и вельможъ множество. Самъ

---

[1]) Патріархъ Аѳанасій, приславшій клирика для суда надъ митрополитомъ, удалился съ престола въ концѣ 1310-го или въ началѣ 1311-го года; епископъ ростовскій Прохоръ, присутствовавшій на соборѣ въ званіи игумена ярославскаго Спасскаго монастыря, поставленъ Петромъ въ епископы въ 1311-мъ году... Если бы дать вѣру такъ-называемой Тверской лѣтописи, что въ Мартѣ мѣсяцѣ 1311-го года св. Петръ былъ въ Твери и что 20-го и 21-го чиселъ этого мѣсяца совершилъ здѣсь два поставленія въ епископы (Собр. лѣтт. XV, 408): то изъ сего слѣдовало бы, что соборъ имѣлъ мѣсто послѣ Марта 1311-го года, ибо св. Петръ могъ быть въ Твери передъ соборомъ и никакъ не въ первое время послѣ собора. Но показаніе лѣтописи должно быть считаемо за ошибочное, такъ какъ по нему одинъ изъ поставленныхъ въ Твери епископовъ былъ Прохоръ ростовскій, о которомъ мы знаемъ, что онъ поставленъ въ епископы послѣ собора.

великій князь Михайло Ярославичъ не былъ на соборѣ, ибо находился въ Ордѣ. Вмѣсто него пришли на соборъ два его сына—Дмитрій и Александръ Михайловичи; впрочемъ, такъ какъ они были еще дѣти, имѣвшіе—первый 11, а второй 9 лѣтъ, то поддерживать обвиненіе противъ митрополита было поручено великимъ княземъ, конечно, не имъ, а сопровождавшимъ ихъ боярамъ. Какъ происходилъ соборъ, мы не знаемъ. Но, во-первыхъ, онъ былъ крайне бурный: «толика молва бысть»,—говоритъ митр. Кипріанъ,—яко вмалѣ не безмѣстно что бысть», т. е. что между свѣтскими сторонниками великаго князя и митрополита дѣло едва не дошло до оружія. Во-вторыхъ, онъ кончился совершеннымъ оправданіемъ митрополита или совершеннымъ обнаруженіемъ его невинности.

Въ чемъ именно обвиненъ былъ св. Петръ отъ великаго князя и отъ его епископа передъ патріархомъ и въ чемъ онъ судимъ былъ на соборѣ, объ этомъ житія Петра совершенно молчатъ и это составляетъ загадку. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что взведены были какія-то обвиненія очень тяжкія: ибо, во-первыхъ, патріархъ въ своемъ письмѣ къ митрополиту, присланномъ съ клирикомъ, прямо говоритъ ему: «се пріидоша отъ вашего языка словеса тяжка на твою святыню»; во-вторыхъ, на тяжесть обвиненій указываетъ и немедленный присылъ патріархомъ своего клирика для соборнаго разбирательства дѣла. Съ другой стороны, не можетъ подлежать сомнѣнію, что митрополитъ вовсе не былъ виновенъ во взведенныхъ на него обвиненіяхъ: если бы онъ былъ виновенъ, то великій князь, т. е. представители и сторонники послѣдняго, присутствовавшіе на соборѣ, конечно, не дозволили бы ему оправдаться. Къ этому присоединяется и еще недоумѣнное обстоятельство. Епископъ Андрей взвелъ на митрополита передъ патріархомъ тяжкія обвиненія, которыя оказались вовсе несправедливыми; слѣдовательно, онъ взвелъ на митрополита тяжкую клевету. Однако послѣ собора переяславскаго, на которомъ обнаружена несправедливость его обвиненій, онъ не былъ удаленъ съ каѳедры и не подвергся всеобщему презрѣнію, что́ имѣло бы послѣдовать съ нимъ, если бы онъ былъ тяжкій клеветникъ; каѳедру, правда, онъ потомъ оставилъ, но спустя уже пять лѣтъ послѣ собора и очевидно—не въ слѣдствіе его, а что касается до репутаціи, то подъ 1321-мъ годомъ мы находимъ въ лѣтописяхъ указаніе, дающее знать, что онъ оставался человѣкомъ всѣми уважаемымъ [1]). Мудреная загадка эта разъяснится для насъ возможно удовле-

---

[1]) Въ этомъ году Дмитрій Михайловичъ тверской, сынъ Михайла Ярославича, обращался къ его посредству для заключенія мира съ Юріемъ Даниловичемъ московскимъ.

творительнымъ образомъ, если мы примемъ, что епископъ Андрей обвинялъ митрополита передъ патріархомъ въ томъ, въ чемъ спустя нѣсколько времени послѣ собора снова обвинялъ перваго передъ послѣднимъ самъ великій князь Михайло Ярославичъ отъ своего лица, именно—во взиманіи мзды за поставленіе въ церковныя степени или въ симоніи. Излагая дѣянія владимирскаго собора 1274-го года, мы говорили, что къ намъ въ Россію перешелъ изъ Греціи обычай, чтобы епископы взимали плату за поставленіе въ церковныя степени,—что наши епископы, вслѣдъ за греческими, позволяли себѣ съ платою злоупотребленія и что это обстоятельство заставило митр. Кирилла сдѣлать на соборѣ предписаніе, чтобы на будущее время епископами не было взимаемо болѣе того, сколько въ Греціи было установлено указами императорскими. Не имѣемъ мы свѣдѣній, удалось ли митр. Кириллу достигнуть той цѣли, чтобы остановить на будущее время злоупотребленія епископовъ; но онъ достигъ другой цѣли, которой не имѣлъ въ виду. Его нарочитыя рѣчи о платѣ за поставленіе въ церковныя степени привлекли къ послѣдней вниманіе людей свободномыслящихъ, употребляя это слово въ лучшемъ его значеніи, и люди эти нашли, что не только противозаконно злоупотребленіе взиманіемъ платы, но что незаконна и она сама. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и первой причиной непредвидѣннаго митр. Кирилломъ результата, къ которому пришли люди свободномыслящіе, былъ онъ же самъ съ своимъ соборнымъ правиломъ о взиманіи платы. Въ своемъ правилѣ митрополитъ сначала ведетъ пространныя и горячія рѣчи о томъ, что не должно брать мзды за поставленіе, съ выписками о семъ изъ соборныхъ правилъ, при чемъ вовсе не поясняетъ, что разумѣетъ подъ мздою не вообще взиманіе, а взиманіе лишняго, незаконнаго, а потомъ вдругъ предписываетъ: «не взимати же у нихъ (поставляемыхъ въ церковныя степени) ничтоже, развѣ (должнаго): якоже азъ уставихъ въ митрополіи, да будетъ се во всѣхъ епископьяхъ, — да възмуть клирошане (епископскіе) 7 гривенъ отъ поповьства и дьяконьства,—отъ обоего», при чемъ въ свою очередь вовсе не говоритъ прямо, какъ это было на самомъ дѣлѣ, что его предписаніе составляло подтвержденіе узаконеннаго императорами греческими. Такъ какъ указы императоровъ греческихъ, опредѣлявшіе размѣры платы за поставленіе, у насъ не были извѣстны, то всякому читавшему правило Кирилла легко можно было подумать, что именно онъ самъ впервые вводитъ и узаконяетъ плату за поставленіе; а поелику онъ узаконяетъ ее послѣ своихъ же пространныхъ и настоятельныхъ рѣчей противъ взиманія мзды за поставленіе, то люди свободномыслящіе легко могли прійти къ тому заклю-

ченію, что митрополитъ вопреки себѣ узаконяетъ нѣчто вовсе незаконное. Разъ увлеченные въ критику узаконеннаго взиманія платы за поставленіе и наводя обстоятельныя справки въ канонахъ, люди эти легко могли простереться далѣе и до того, чтобы признать плату незаконною и несмотря на узаконеніе ея со стороны императоровъ греческихъ, ибо она дѣйствительно была противна канонамъ (Василія Великаго правило 90-е, посланія патріарховъ Геннадія и Тарасія). Такіе свободномыслящіе люди нашлись у насъ въ правленіе вел. кн. Михайла Ярославича и имѣемъ мы прямыя указанія, что именно къ такимъ свободномыслящимъ людямъ принадлежалъ епископъ тверской Андрей. Если мы примемъ это послѣднее за положительный фактъ и если мы будемъ при этомъ представлять себѣ епископа Андрея такимъ свободномыслящимъ человѣкомъ, который не зналъ, что извѣстныхъ размѣровъ плата за поставленіе существуетъ въ Греціи, какъ нѣчто узаконенное, и который производилъ ея начало у насъ отъ митр. Кирилла, тогда объяснится для насъ все дѣло по обвиненію имъ митрополита передъ патріархомъ. Когда епископъ тверской увидѣлъ, что новоприбывшій митрополитъ взимаетъ за поставленія узаконенную плату, онъ нашолъ, что митрополитъ взимаетъ мзду и, служа великому князю, который желалъ имѣть поводы свергнуть митрополита съ престола, сдѣлалъ на него доносъ въ Константинополь патріарху [1]). Этотъ послѣдній понялъ доносъ въ томъ смыслѣ, что митрополитъ дѣйствительно взимаетъ мзду, т.-е. что онъ не только взимаетъ узаконенную плату, но и позволяетъ себѣ брать сверхъ узаконеннаго,—и поспѣшилъ отправить въ Россію своего клирика, для изслѣдованія дѣла. Прибывшій клирикъ нашолъ, что митрополитъ взимаетъ только узаконенную плату; слѣдовательно, вмѣстѣ съ этимъ нашолъ, что митрополитъ невиновенъ въ возведенномъ на него обвиненіи. При этомъ и епископъ Андрей оказался не тяжкимъ клеветникомъ, а только человѣкомъ, который относительно одного предмета,—этой узаконенной платы за постановленія, имѣлъ свой собственный взглядъ. При такомъ представленіи дѣла, для насъ станетъ понятнымъ и странный составъ духовной стороны собора. Изъ епископовъ присутствовалъ на немъ, кромѣ Андрея, имѣвшаго обвинять митрополита, и всего только

[1]) Прежде Петра Андрей видѣлъ, какъ взималъ плату за поставленія рукоположившій его въ епископы митр. Максимъ. Должно думать, что на взиманіе платы и симъ послѣднимъ Андрей точно также смотрѣлъ, какъ на дѣло незаконное; а если не доносилъ патріарху, такъ потому, что не имѣлъ личныхъ къ сему поводовъ.

одинъ, а напротивъ было призвано на него множество священниковъ. Такъ какъ епископы представляли собой сторону, берущую плату, а священники—сторону дающую, то и совершенно понятно, почему великій князь распорядился такъ, чтобы на соборѣ было какъ можно менѣе епископовъ и какъ можно болѣе священниковъ: епископы долженствовали быть за митрополита, а священники противъ него [1]). Мы сказали выше, что имѣемъ положительныя указанія относительно принадлежности епископа Андрея къ тѣмъ свободномыслящимъ людямъ, которые смотрѣли на узаконенную плату за поставленія, какъ на незаконную мзду. До настоящаго времени сохранилось посланіе нѣкоего тверского монаха Акиндина къ вел. кн. Михайлу Ярославичу, въ которомъ великій князь убѣждается искоренить въ русской церкви ересь мздоиманія святителей, при чемъ подъ мздоиманіемъ разумѣется взиманіе узаконенной платы за поставленія [2]). Въ подтвержденіе своихъ словъ о беззаконности взиманія платы Акиндинъ ссылается на то, что онъ былъ посыланъ своимъ епископомъ въ Константинополь къ вселенскому патріарху Нифонту и что будто патріархъ съ соборомъ отвѣчалъ ему на его вопросъ относительно взиманія платы, что совершенно незаконно какое бы то ни было взиманіе. Патріархъ Нифонтъ, преемникъ Аѳанасіевъ, занималъ каѳедру съ 1312-го года по 1315-й, и посыланіе къ нему епископомъ Андреемъ своего монаха [3]), очевидно, значитъ то, что епископъ, удивленный судомъ патріаршаго клирика, который не нашелъ митрополита, взимавшаго плату за поставленія, виновнымъ во взиманіи мзды, послалъ въ Константинополь своего человѣка, чтобы обстоятельно разузнать, какъ тамъ смотрятъ на плату и на мзду [4]).

---

[1]) Единственный послѣ самого Андрея присутствовавшій на соборѣ епископъ ростовскій Симеонъ въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ него, къ 1311-мъ году, оставилъ каѳедру. Можно думать, что онъ былъ однихъ мыслей съ епископомъ тверскимъ, что по этой причинѣ онъ одинъ изъ всѣхъ епископовъ попалъ на соборъ и что, заявивъ себя на немъ врагомъ митрополита, онъ и принужденъ былъ оставить каѳедру, когда судъ соборный кончился для послѣдняго оправданіемъ (Если не случилось подобнаго и съ Андреемъ, то, нужно думать, потому, что его великій князь защищалъ уже самымъ рѣшительнымъ образомъ).

[2]) Посланіе напечатано въ Православн. Собесѣдникѣ 1867-го года, ч. II, стр. 246. и въ Памятникахъ каноническаго права *Павлова*, col. 150.

[3]) Въ надписаніи посланія Акиндинъ называется мнихомъ лавры Святыя Богородицы. Съ вѣроятностію можно думать, что онъ былъ изъ собственнаго Андреева монастыря.

[4]) Татищевъ сообщаетъ о соборѣ переяславскомъ подъ 1313-мъ годомъ (IV, 92) слѣдующее неожиданное: „Того же лѣта явися въ Новѣгородѣ еретикъ прото-

Переяславскій соборъ, какъ мы сказали, имѣлъ мѣсто въ 1310-мъ году или въ началѣ 1311-го года.

Житія св. Петра не говорятъ, чтобы вел. кн. Михайло Ярославичъ послѣ первой неудачной попытки удалить митрополита съ каѳедры дѣлалъ и еще попытки достигнуть того же. Изъ другого источника мы знаемъ, что великій князь сдѣлалъ еще одну подобную попытку, имѣвшую мѣсто въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ собора переяславскаго или иначе сказать—въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ первой попытки.

попъ новогородскій, къ нему же присташа мнозіи отъ причета церковнаго и міряня, и епископъ тверскій Андрей помогаше има, глаголя: се яко рай на земли погибе, и святый ангельскій монашескій чинъ ругаху, безбожнымъ ученіемъ бѣсовскимъ имяноваху, и мнози отъ инокъ, изшедше (изъ монастырей), оженихуся; преосвященный же митрополитъ Петръ созва въ Переславль соборъ велій: быша ту вси и епископы и игумены, попы, діаконы и чернецы, и отъ патріарха Аѳанасія клирикъ ученый, и многу пренію бывшу, едва преосвященный Петръ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи отъ божественнаго писанія и помощію и заступленіемъ князя Ивана Даниловича преодолѣ проклятаго еретика, а самъ иде по градѣхъ, поучая право вѣрити и укроти молву, а смущеніе діавольское прогна". Татищевъ имѣлъ у себя подъ руками такой списокъ перваго житія св. Петра, принадлежащаго неизвѣстному, въ которомъ послѣ разсказа о соборѣ Переяславскомъ читалось, какъ это читается въ нѣкоторыхъ теперь извѣстныхъ спискахъ: „и се тако еретика препрѣ, пріѣхавши на прю, и прокля й" вмѣсто: „и Сеита еретика препре,"... и отнесъ эти слова, говорящія объ еретикѣ, не имѣющемъ никакого отношенія къ собору переяславскому и явившемся позднѣе (см. о немъ ниже), къ сему послѣднему. Но такъ какъ Татищевъ читалъ въ житіи, что епископа Андрея св. Петръ не проклялъ, а простилъ, то значило, что еретикъ былъ не онъ, а другой; этого другого Татищевъ и сочиняетъ въ лицѣ протопопа новгородскаго, придавая епископу Андрею роль только помогающаго. Почему—протопопа, не можемъ сказать, а новгородскаго, можетъ быть, потому, что въ Новгородѣ спустя не особенно много времени послѣ собора переяславскаго явилась секта Стригольниковъ. Что касается до того, откуда беретъ Татищевъ ереси, то источникъ первой ереси ясенъ: въ Твери вскорѣ послѣ епископа Андрея была распря о томъ, погибъ или не погибъ вещественный рай и епископъ тверской Ѳеодоръ держался того мнѣнія, что онъ погибъ (посланіе о раѣ архіепископа новгородскаго Василія, † 1352, къ епископу тверскому Ѳеодору, въ Софійск. 1-й и Воскресен. лѣтт. подъ 1347-мъ годомъ, въ Степен. кн. I, 480); относительно источника второй ереси, не имѣющей съ первою никакой логической связи и даже болѣе того, ничего не можемъ сказать (о возможномъ нѣкоторомъ источникѣ рѣчей Татищева объ ересяхъ см. ниже).

Михайло Ярославичъ послѣ смерти митр. Максима посылалъ въ Константинополь для поставленія въ митрополиты своего кандидата—игумена Геронтія съ тою цѣлію, чтобы въ лицѣ митрополита пріобрѣсти себѣ сильнаго помощника въ своей государственной борьбѣ съ княземъ московскимъ и въ своемъ стремленіи къ возвышенію своего родового тверскаго удѣла. Вмѣсто Геронтія ему былъ присланъ въ митрополиты другой, котораго онъ встрѣтилъ враждебно и котораго онъ тотчасъ же попытался было удалить съ каѳедры, чтобы замѣстить его своимъ новымъ кандидатомъ. Совершенно естественно, что этотъ другой—св. Петръ, будучи встрѣченъ подобнымъ образомъ отъ великаго князя, долженъ былъ обратиться къ сторонѣ ему враждебной, т. е. къ князю московскому. Если Михайлу Ярославичу принадлежала мысль воспользоваться митрополитомъ, какъ помощникомъ, въ своей борьбѣ съ княземъ московскимъ, то этому послѣднему—Юрію Даниловичу не трудно было понять всю важность мысли, тѣмъ болѣе, что онъ былъ человѣкъ, нисколько не отстававшій въ способности пониманія отъ Михайла Ярославича. Великій князь встрѣтилъ прибывшаго митрополита, какъ врага: понятно, что московскій князь долженъ былъ поспѣшить сойдтись съ нимъ, какъ съ другомъ. Такъ это дѣйствительно и случилось. На соборѣ переяславскомъ новоприбывшій митрополитъ имѣлъ между свѣтскими, присутствовавшими на немъ, людьми многочисленную партію своихъ сторонниковъ, у которыхъ съ партіей сторонниковъ великаго князя чуть не дошло дѣло до оружія. Несомнѣнно, что предводителемъ этой партіи былъ князь московскій, въ пригородѣ котораго созванъ былъ соборъ. Такимъ образомъ, Михайло Ярославичъ, посылавшій игумена Геронтія въ Константинополь ставиться въ митрополиты и получившій вмѣсто него Петра, достигъ не того, чтобы пріобрѣсти себѣ въ митрополитѣ помощника въ борьбѣ съ врагомъ, а того, чтобы напротивъ врагу доставить въ немъ помощника въ борьбѣ противъ себя. Понятно, что съ такимъ положеніемъ дѣла Михайло Ярославичъ не могъ мириться и что желаніе удалить митрополита съ каѳедры должно было составлять самое настоятельное его желаніе.

Сохранилось до настоящаго времени посланіе къ Михайлу Ярославичу константинопольскаго патріарха Нифонта, о которомъ упоминали мы сейчасъ выше [1]). Изъ этого-то посланія и узнаемъ мы, что великій князь въ непродолжительномъ времени послѣ собора переяг-

[1]) Посланіе напечатано и перепечатано тамъ же, гдѣ посланіе къ тому же Михайлу Ярославичу монаха Акиндина.

славскаго дѣлалъ вторичную попытку низвергнуть митрополита. Посланіе патріарха представляетъ собою отвѣтъ на посланіе къ нему великаго князя. Изъ него оказывается, что великій князь въ своемъ посланіи къ патріарху взводилъ вины на митрополита и требовалъ суда надъ нимъ. Относительно винъ дается знать, что митрополиту были усвояемы княземъ многія противозаконныя дѣла; въ частности указываются двѣ вины: во первыхъ, что митрополитъ дозволялъ вѣнчаніе браковъ въ незаконныхъ степеняхъ родства, во вторыхъ—что онъ мзды имѣлъ отъ ставленія. Что касается до суда, то, какъ кажется, великій князь, имѣя въ виду московскую партію защитниковъ митрополита, просилъ, чтобы онъ произведенъ былъ не въ Россіи, а въ Константинополѣ; патріархъ пишетъ объ этомъ Михайлу Ярославичу: «пишемъ княженію твоему и власти твоей: если захочетъ (митрополитъ) придти сюда и дать отвѣтъ,—хорошо; а если не захочетъ (придти сюда) по доброй волѣ, то силой пришли его, а (съ нимъ пришли и тѣхъ) кто знаетъ вины его и свидѣтелей; когда придетъ митрополитъ, то, въ случаѣ, если оправдается, онъ (да останется митрополитомъ), въ противномъ случаѣ поставимъ другого, кого захочетъ твое боголюбіе,—человѣка засвидѣтельствованнаго добрыми дѣлами отъ всѣхъ людей». Вмѣстѣ съ обвиненіями на митрополита великій князь просилъ патріарха, чтобы этотъ прислалъ ему «уставъ и законъ»; о чемъ уставъ и законъ, не говорится, но вѣроятно—о тѣхъ пунктахъ, которые въ данную минуту составляли въ Россіи предметъ споровъ и сомнѣній, и по преимуществу, какъ нужно думать, о взиманіи платы за поставленія. Соборъ переяславскій, по видимому, долженъ былъ убѣдить великаго князя, что это взиманіе платы не можетъ служить пунктомъ обвиненія противъ митрополита, такъ какъ, бывъ прежде обвиняемъ въ томъ же, онъ былъ на соборѣ оправданъ. Но должно думать, что касательно взглядовъ константинопольскихъ на плату великій князь введенъ былъ въ заблужденіе. Мы сказали выше, что тотчасъ послѣ собора переяславскаго епископъ Андрей посылалъ въ Константинополь одного монаха разузнать, какъ тамъ смотрятъ на плату за поставленія. Этотъ монахъ, ходившій въ Константинополь, увѣряетъ Михайла Ярославича въ своемъ посланіи къ нему—князю, что онъ спрашивалъ въ Константинополѣ соборъ патріаршій, на которомъ вмѣстѣ съ патріархомъ константинопольскимъ присутствовалъ еще патріархъ іерусалимскій и который состоялъ изъ 36-ти митрополитовъ, и что будто бы получилъ отвѣтъ: «аще и до половины перпера (иперпира,—золотой византійской монеты въ 5 рублей) или ино мало что (возьметъ ставящій отъ ставимаго), село крове нарече и корчму, со Іудою равни

суть и не имутъ части съ Христомъ ни здѣ, ни въ будущемъ вѣцѣ». Очень можетъ быть, что монаху и дѣйствительно данъ былъ въ Константинополѣ такой отвѣтъ; но если былъ данъ, то былъ данъ, такъ сказать, софистическимъ образомъ. Въ Константинополѣ сознавали, что плата за поставленія есть дѣло незаконное, ибо она слишкомъ ясно противорѣчила канонамъ церковнымъ; поэтому тамъ придумали называть ее не платой за поставленія, а проторями или издержками при поставленіяхъ. На вопросъ: дозволительна ли плата за поставленія въ Константинополѣ отвѣчали, что она незаконна и пребеззаконна, но при этомъ подразумѣвалось, что дозволительно и законно взиманіе проторей. Основываясь на донесеніи своего монаха, Михайло Ярославичъ могъ заподозрить, что клирикъ патр. Аѳанасія, пріѣзжавшій въ Россію судить митрополита, судилъ неправо, а поэтому и могъ во второй разъ обвинять митрополита передъ патріархомъ въ томъ же взиманіи платы за поставленія. Какую дальнѣйшую исторію имѣла эта вторичная попытка великаго князя, остается неизвѣстнымъ. Такъ какъ патр. Нифонтъ, наихудшій изъ патріарховъ константинопольскихъ даннаго времени, при всякихъ дурныхъ своихъ качествахъ, былъ человѣкъ до крайней степени сребролюбивый, за что и извергнутъ былъ съ престола [1]), то Михайлу Ярославичу, повидимому, возможно было достигнуть своего желанія съ помощью подкупа. Если этого не случилось, то, можетъ быть, потому, что онъ началъ свою вторичную попытку въ послѣднее время непродолжительнаго сидѣнія Нифонтова на патріаршей каѳедрѣ, такъ что патріархъ не успѣлъ исполнить желанія князя.

Несомнѣнно, что великій князь и митрополитъ оставались врагами и въ послѣдующее время, до самой смерти перваго изъ нихъ въ 1318-мъ году. Но предпринималъ ли князь и еще попытки избавиться отъ митрополита, остается намъ неизвѣстнымъ [2]).

Св. Петръ управлялъ русскою церковію въ продолженіе 18-ти лѣтъ съ половиной, съ 1308-го года по конецъ 1326-го года.

Лѣтописи совершенно ничего не говорятъ объ его церковно-правительственной дѣятельности. Житія говорятъ о ней, но въ выра-

---

[1]) См. о немъ въ исторіи Никифора Григоры и въ нарочитомъ обличительномъ словѣ противъ него Никифора Хумна, напечатанномъ въ Анекдотахъ *Буассонада*, V, 255.

[2]) Епископъ Андрей оставилъ каѳедру, чтобы удалиться въ основанный имъ монастырь, въ 1315-мъ году. Очень можетъ быть, что онъ принужденъ былъ къ этому враждой съ митрополитомъ, послѣ неудачныхъ попытокъ низвергнуть послѣдняго.

женіяхъ слишкомъ общихъ. Неизвѣстный авторъ перваго житія, дошедъ въ своемъ разсказѣ до возвращенія св. Петра въ Россію изъ Константинополя съ поставленія, пишетъ о немъ: «и пришедъ въ свою митрополью и нача учити заблужшаа крестьяны, ослабѣвшаа нужа ради поганыхъ иновѣрець, протолкуя евангельскаа писаніа и апостольскаа, якоже Великій Василей, Іоанъ Златоустый (и) Григорей, та ученья излагаа и къ сему свое смиреніе являя и тѣмъ утверждая истинную вѣру во крестьянѣхъ, преходя волынскую землю и кіевскую и суздальскую землю, уча вездѣ вся». Сказавъ о соборѣ переяславскомъ, который кончился оправданіемъ св. Петра, тотъ же авторъ далѣе продолжаетъ: «святый же святитель паче нача учити не токмо по градомъ, но по всѣмъ (весямъ), вся въ странахъ (страны?) и вся мѣста преходя, ни труда бо себѣ имѣя, но пекійся о стадѣ Христовѣ словесныхъ овець». Сказавъ потомъ о препреніи св. Петромъ одного еретика, о чемъ ниже, нашъ авторъ еще присовокупляетъ: «святый же болѣ подвигъ подъя,—пощеніе и милостивой милостыни, утверждая іереи, како водити стадȁ Христовыхъ овецъ словеснаго ста́да, и черноризецъ и черноризицы». Митр. Кипріанъ съ своей стороны не сполна воспроизводитъ сейчасъ приведенное и не прибавляетъ отъ себя ничего новаго. Въ нашихъ общихъ отзывахъ положительную характеристическую черту дѣятельности составляетъ то, что св. Петръ, подобно двумъ своимъ послѣмонгольскимъ предшественникамъ, предпринималъ путешествія по всей своей митрополіи для личнаго ея дозиранія и устроенія.

Одинъ сохранившійся до настоящаго времени письменный памятникъ дѣятельности св. Петра,—его поучительное посланіе къ священникамъ и мірянамъ [1]), даетъ видѣть въ немъ перваго вводителя существовавшаго въ нашей церкви особаго законоположенія относительно вдовыхъ священниковъ, именно—чтобы священники эти, если желаютъ сохранить священство, шли въ монастыри, а если хотятъ оставаться въ міру, то не пѣли бы, т. е. слагали съ себя священство. Законоположеніе нисколько не основывалось на канонахъ церковныхъ и собственно говоря противорѣчило имъ, ибо каноны, не взимаясь на Господне и апостольское, что дѣвство выше супружества, не требуютъ непремѣнно, чтобы священники имѣли женъ, а только попустили имъ имѣть ихъ (Трульск. соб. пр. 13): но оно, какъ должно думать, было вызвано настоятельными требованіями пользы церкви. Т. е. необходимо думать, что вдовые священники въ столь значительномъ большинствѣ

[1]) Напечатано въ памятникахъ *Павлова*, № 17, col. 159.

своемъ вели зазорную жизнь, что законоположеніе объ ихъ удаленіи изъ міра или о сложеніи ими съ себя священства представлялось св. Петру единственнымъ средствомъ избавить общество церкви отъ соблазна, который они причиняли собою. Подлинныя слова предписанія митрополита относительно вдовыхъ священниковъ суть слѣдующія: «аще у попа умретъ жена, да идетъ въ монастырь, (и тогда) имѣетъ священство свое; аще иметъ въ слабости пребывати и любити мірскыи сласти, да не поетъ; аще не послушаетъ моего словеси, да будетъ не благословенъ, (а также) и тіи, иже пріобщаются съ нимъ». Свое предписаніе въ посланіи митрополитъ предваряетъ замѣчаніемъ, что уже многажды онъ писалъ о семъ вдовымъ священникамъ, и этимъ даетъ знать—во-первыхъ, что онъ встрѣчалъ своему новому закону сопротивленіе, а во-вторыхъ—что онъ вводилъ его съ большою настойчивостію [1]).

Въ началѣ разбираемаго посланія (послѣ приступа) св. Петръ говоритъ: «многажды писахъ вамъ къ священникомъ и мнихомъ, како пребывати», и симъ даетъ знать, что имъ было написано то или другое значительное количество учительныхъ посланій. Въ настоящее время извѣстно этихъ посланій и всего три, при чемъ подлинность одного изъ трехъ еще составляетъ нерѣшенный вопросъ.

Все содержаніе нашего посланія, въ которомъ читается предписаніе относительно вдовыхъ священниковъ, или перваго сохранившагося, есть слѣдующее: послѣ приступа, въ которомъ о томъ, что одинаково необходимы какъ правая вѣра, такъ и добрыя дѣла,—общее увѣщаніе къ священникамъ, чтобы достойно проходили пастырское служеніе и усердно пасли своихъ духовныхъ овецъ; частныя увѣщанія къ нимъ же: чтобы налагали должныя епитиміи на кающихся и не дѣлали снисхожденія ради «взятія», т. е. подарковъ,—чтобы запрещали троеженцевъ и четвероженцевъ, имѣющихъ невѣнчальныхъ женъ,—чтобы воздерживались отъ пьянства; увѣщаніе ко всѣмъ православнымъ

[1]) Греческіе патріархи, присутствовавшіе на московскомъ соборѣ 1667-го года, отмѣнивъ узаконеніе св. Петра о вдовыхъ священникахъ на будущее время, произнесли свой приговоръ о немъ: „Судися же, яко аще и кромѣ правилъ положися, еже вдовствующимъ причетникомъ не служити божественныя литургіи, обаче за умноженіе безчинія неискусныхъ причетниковъ, опаства ради, добрѣ повелѣся",—Дополнн. къ Акт. Ист. т. V, стр. 493, col. 2 (А увѣреніе виленскаго собора 1509-го года, будто современная ему константинопольская церковь держалась именно той практики относительно вдовыхъ священниковъ, которая существовала у насъ со времени св. Петра,—Русск. Историч. Библіотеки, изд. Археогр. Коммиссіей, т. IV, col. 11, сколько знаемъ, должно быть признано за несправедливое).

христіанамъ о томъ, чтобы имѣли въ себѣ страхъ Божій, прибѣгали въ церковь и приносили отъ имѣнія даръ Богу, чтобы любили и чтили священниковъ и монаховъ, миловали убогихъ, вдовицъ, сиротъ, плѣненныхъ и находящихся въ темницахъ. По своему объему посланіе не обширно и все сейчасъ переданное нами излагается въ немъ кратко, въ видѣ отрывочныхъ предписаній и наставленій.

Второе учительное посланіе св. Петра, имѣющее надписаніе: «Поученіе (дѣтемъ моимъ) игуменомъ и попомъ и дьякономъ» [1]), содержитъ общія наставленія священникамъ, чтобы они старались быть истинными пастырями, а не наемниками, и чтобы они заботились объ украшеніи себя христіанскими и пастырскими добродѣтелями. По своему объему также не обширно [2]).

Третье посланіе, усвояемое св. Петру, будучи адресуемо къ епископамъ, священникамъ, архимандритамъ, игуменамъ и діаконамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ [3]), состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части — наставленія и предписанія священникамъ относительно ихъ собственнаго поведенія [4]) и относительно ихъ пастырскихъ обязанностей [5]), а также отчасти предписанія мона-

---

[1]) Напечатано въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцевъ за 1844-й годъ. Слова надписанія, поставленныя въ скобахъ, изъ ркп. Волокол. монастыря, нынѣ библіотеки Моск Дух. Акад., № 566.

[2]) Въ сейчасъ помянутой волоколамской рукописи присоединено къ нашему посланію какъ его вторая часть или слито съ нимъ въ одно цѣлое,—л. 387 об. fin., посланіе какого-то пресвитера къ какому-то святителю, написанное вслѣдствіе повелѣнія послѣдняго (л. 388 нач.), именно—какъ слѣдуетъ понимать, вслѣдствіе выраженнаго послѣднимъ желанія получить отъ пресвитера его писаніе. Можетъ быть, что святитель есть св. Петръ (въ его паствѣ князи и власти,— л. 389). Пишущій выражаетъ тому, къ кому пишетъ, свои усердныя желанія, чтобы онъ добрѣ упасъ порученную ему Богомъ паству.

[3]) Напечатано въ Памятникахъ *Кушелева-Безбородко*, IV, 186 (о немъ у *Филарета* въ Обзорѣ § 65).

[4]) Воздерживаться отъ пьянства и убѣгать лишнихъ пировъ во всякое время, а особенно въ постъ; не пить до обѣда; не заниматься торговлею и ростовщичествомъ.

[5]) Учить міряна, чтобы приходили къ церкви, честно держали постъ и причащались ежегодно святыхъ таинъ,—чтобы воздерживались отъ блуда, почитали духовныхъ отцовъ и плотскихъ родителей, не ѣли въ пирахъ до обѣда, воздерживались отъ сквернословія, бѣгали всякаго колдовства, не звались на такъ называемое „поле“; разлучать троеженцевъ и дозволять вступленіе въ третій бракъ только очень молодымъ людямъ, у которыхъ не будетъ дѣтей; крещеніе творить

хамъ [1]); во второй части—увѣщанія къ мірянамъ относительно ихъ христіанскихъ обязанностей и обличенія къ нимъ по поводу неисполненія этихъ обязанностей [2]). Такъ какъ первая часть посланія представляется тождественною съ однимъ посланіемъ митр. Фотія (съ небольшими разностями—отчасти съ лишками, отчасти съ опущеніями [3]): то могутъ быть предполагаемы три случая: или что посланіе дѣйствительно принадлежитъ св. Петру, а Фотій заимствовалъ свое посланіе изъ него; или что позднѣйшій книжникъ соединилъ въ одно мѣсто посланія Фотія и Петра и далъ своему соединенію имя перваго; или, наконецъ, что этотъ позднѣйшій книжникъ соединилъ въ одно мѣсто посланія Фотіево и неизвѣстнаго митрополита и приписалъ свое соединеніе св. Петру совершенно произвольно. Что касается до бóльшей вѣроятности одного изъ трехъ случаевъ, то намъ вовсе не представляется вѣроятнымъ, чтобы Фотій заимствовалъ свое посланіе изъ посланія св. Петра, такъ что по нашему мнѣнію, можетъ идти рѣчь о принадлежности св. Петру только второй части посланія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы ничего не можемъ сказать и должны ограничиться только замѣчаніемъ, что принадлежитъ или не принадлежитъ св. Петру эта часть посланія, во всякомъ случаѣ мы имѣемъ ее не въ подлинномъ видѣ, а въ большей или меньшей, отчасти невѣжественной, передѣлкѣ компилятора (такъ же, какъ и первую часть, составляющую посланіе Фотія [4]).

не чрезъ обливаніе, а черезъ троекратное погруженіе, и допускать при немъ только по одному куму или одной кумѣ, смотря по тому, какого пола младенецъ.

[1]) Не торговать и не заниматься ростовщичествомъ; не жить монахамъ и монахинямъ въ однихъ и тѣхъ же монастыряхъ.

[2]) Увѣщанія: чтить духовныхъ отцовъ и вообще священниковъ; стоять въ церкви за службой честно и со страхомъ, внимать чтенію и пѣнію и не творя говора и шептаній; обличенія: „недароимцамъ“, т.-е. не причащающися тѣла Христова хотя по однажды въ году; обидящимъ церковь Божію и слугъ ея и не слушающимъ заповѣдей апостольскихъ и правилъ святыхъ отецъ „и—говоритъ авторъ посланія—моей святительской митрополичьей заповѣди“.

[3]) Съ посланіемъ въ Новгородъ отъ 29 Августа 1410 г., напечатаннымъ въ Актахъ Экспедиціи, I, № 369, и перепечатаннымъ въ Памятникахъ *Павлова*, col. 270.

[4]) Въ одномъ хронографѣ (библіотеки Виѳанской Семинаріи, № 2215, ч. I л. 63) мы встрѣтили загадочное поученіе св. Петра, которое, по причинѣ его краткости, приводимъ здѣсь сполна: „*Поученіе Петра митрополита ко князю великому Димитрію и къ смерти его* (*sic*, нужно: сыну, супружію?) *и къ братіи его и къ епископу и къ болярОмъ и къ старымъ и ко младымъ и ко всѣмъ христіаномъ* (курсивъ киноварью). Дѣти, были есте отъ Бога въ казни, его же

Такъ какъ неизвѣстно учительныхъ посланій отъ предшествующихъ св. Петру митрополитовъ, то можно было бы принимать, что онъ первый былъ вводителемъ у насъ этихъ посланій. Однако, есть нѣкоторыя основанія думать (приведемъ ихъ послѣ), что это не такъ,— что обычай писать подобныя посланія существовалъ уже прежде и что отъ предшествующихъ митрополитовъ ихъ только не сохранилось до настоящаго времени.

Должно быть еще сдѣлано одно общее замѣчаніе относительно учительныхъ посланій какъ св. Петра, такъ его предшественниковъ и всѣхъ его преемниковъ. Не нужно непремѣнно представлять дѣла такимъ образомъ, что митрополиты, выдававшіе посланія, были и ихъ авторами или чтобы всѣ выдававшіяся митрополитами посланія были ихъ собственными произведеніями какъ авторовъ. Напротивъ, весьма можетъ быть предполагаемо, что посланія писаны, т. е. сочинены, были не самими митрополитами, а по ихъ порученію состоявшими при нихъ и способными на то чиновниками. Мы не имѣемъ, или по крайней мѣрѣ не знаемъ, прямыхъ указаній касательно сего въ исторіи нашей церкви, то мы знаемъ, что это такъ было въ церкви греческой, составлявъ не какое нибудь секретное дѣло, а обычай совершенно открытый и совершенно признанный. При патріархахъ константинопольскихъ состоялъ особый чиновникъ, называвшійся риторомъ, на обязанности котораго между прочимъ лежало писать учительныя слова отъ ихъ—патріарховъ лица [1]).

Изъ сказаннаго нами выше получаются нѣкоторыя черты для характеристики св. Петра, какъ пастыря. Вопервыхъ, несомнѣнно, что онъ былъ пастырь очень ревностный: объ этомъ свидѣтельствуютъ его путешествія по Руси съ цѣлію ученія и исправленія и его многія пастырскія посланія. Вовторыхъ, дается намъ знать, что при своей

любитъ отецъ сына, того и наказуетъ; а по первому и по второму и третіему наказанію оже не имѣте слушати, предастъ Богъ таковаго мучителемъ и (въ) большую казнь; дѣти, не давайтеся въ безстрашіе; старіи добрѣ помнятъ, како было при великомъ князѣ и при смерти его, да и воспоминаютъ младымъ, а младіи велико послушаніе имѣйте и держите". Можно было бы подумать, что это есть поученіе вел. кн. Дмитрію Михайловичу по случаю убіенія отца его въ Ордѣ въ 1318 г.; но не позволяетъ предполагать этого выраженіе: „старіи добрѣ помнятъ", ибо при св. Петрѣ очень хорошо помнили смерть Михайла Ярославича не только старые, но и молодые.

[1]) Ὁ ῥήτωρ, γράφων λόγους διδασκαλικοὺς ἀπὸ προσώπου τοῦ ἀρχιερέως,— у *Ралли* и *П.* V, 532, прим..

ревности онъ обладалъ нерядовымъ характеромъ, который дѣлалъ его способнымъ къ тому, чтобы въ разрѣшеніи вопроса объ улучшеніяхъ и исправленіяхъ онъ явился иниціаторомъ и нововводителемъ (законоположеніе о вдовыхъ священникахъ). Выше мы привели общій отзывъ о св. Петрѣ его перваго житія, что онъ училъ крестьяны, якоже Василій Великій и Іоаннъ Златоустый и Григорій Богословъ, т. е. что онъ былъ пастырь очень учительный. Что нужно понимать этотъ отзывъ не какъ простое общее мѣсто, видно изъ словъ самого св. Петра, который въ одномъ изъ своихъ сохранившихся посланій пишетъ: «того ради, дѣти, писаніемъ и неписаніемъ понужаю васъ на дѣла благая, зане долженъ есмь всегда поминати и писати (вамъ) душеполезная и спасеная» [1]).—Въ 1312-мъ году св. Петръ снялъ санъ съ епископа сарайскаго Измаила. Такъ какъ епископъ сарайскій, занимавшій особое положеніе, могъ играть очень важную политическую роль, направляя благоволеніе ханскаго двора въ ту или другую сторону: то могло быть, что епископа постигла казнь церковная за вину нецерковную (объ епископѣ именно Измаилѣ cfr Воскресенск. лѣт. подъ 1296 г.). Но если мы примемъ, что епископъ лишенъ былъ сана за прямую виновность по должности, то мы должны будемъ видѣть въ св. Петрѣ митрополита очень строгаго [2]).

Св. Петръ во время своего пребыванія на каѳедрѣ митрополичьей по крайней мѣрѣ одинъ разъ долженъ былъ путешествовать въ Орду, гдѣ получилъ ханскій ярлыкъ, сохранившійся до настоящаго времени.

---

[1]) Во второмъ посланіи нашего счета.

[2]) Лѣтописи не говорятъ нарочитымъ образомъ о путешествіяхъ св. Петра по Руси, но упоминаютъ объ одномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто во время этихъ путешествій, при которомъ подвергалась опасности его жизнь. Вотъ разсказъ объ этомъ Воскресенской лѣтописи (читаемый въ другихъ лѣтописяхъ сокращеннѣе или распространеннѣе): „Въ ту же (1310-го года) зиму, по крещеніи, Петръ митрополитъ Кіевскій и всея Русіи пріиде во Брянскъ, и въ то время князь Василей пріиде ратью Татарскою ко Брянску на князя Святослава (Глѣбовича, дядю своего, который выгналъ его въ предшествующемъ 1309-мъ году,—Никон. лѣт.); митрополитъ же Петръ рече Святославу: „подѣлися, сыну, со княземъ Васильемъ княженіемъ или бѣги изъ города“; Святославъ же, на мужество свое надѣяся и на многу силу брянску, рече: „Брянци мя, господине, не пустятъ, но хотятъ за мене головы своя положити“, и не послуша слова отца своего митрополита и поиде противу рати; соступившемъ же ся имъ, и бысть сѣча зла: Брянци же выдаша князя Святослава, коромолници суще, поврьгше стяги своя, бѣжаша; князь же Святославъ дворомъ своимъ токмо много бився и тако ту убіенъ бысть Априля 2; Петръ же митрополитъ затворился тогда въ церкви, и ту сохрани его Богъ отъ поганыхъ“.

Въ 1313-мъ году умеръ ханъ Тохта или Тохтагу и его мѣсто заступилъ ханъ Узбекъ. Новый ханъ при своемъ восшествіи на престолъ, какъ говорили мы прежде, постановилъ узаконеніе, чтобы на будущее время ко вновь вступающимъ на престолъ ханамъ являлись за полученіемъ утвердительныхъ ярлыковъ не только князья, но и митрополиты, и потребовалъ, чтобы исполненіе этого узаконенія началось съ него самого. Вслѣдствіе сего св. Петръ въ 1313-мъ году и долженъ былъ предпринять путешествіе въ Орду. Неизвѣстно кѣмъ и когда сдѣланное предисловіе къ полученному имъ отъ хана ярлыку сообщаетъ, что онъ имѣлъ при этомъ въ виду достигнуть и своихъ собственныхъ цѣлей, а именно—принести хану жалобу на обиды церкви отъ нѣкоторыхъ лукавыхъ человѣкъ и предупредить какіе-то замыслы намѣревавшихся пойти или шедшихъ къ хану нѣмецкихъ пословъ и епископа папскаго Матѳея [1]). Разсказъ о путешествіи св. Петра даетъ предполагать въ немъ человѣка, обладавшаго житейскимъ даромъ или житейскою мудростію обращенія съ людьми и веденія дѣлъ: оно было совершенно и исключительнымъ образомъ благоуспѣшно. Новый ханъ звалъ къ себѣ митрополита не за тѣмъ, чтобы надѣлать ему какихъ нибудь непріятностей; но онъ могъ принять его холодно и непочетно. На самомъ дѣлѣ, по словамъ лѣтописи [2]), св. Петръ «въ Ордѣ у царя бысть въ чести велицей и отпущенъ бысть отъ царя со многою честію вборзѣ». Что это было дѣйствительно такъ, вполнѣ подтверждается и даннымъ отъ хана ярлыкомъ. По своей редакціи ярлыкъ этотъ отличается отъ всѣхъ другихъ ханскихъ ярлыковъ тою особенностію, что сравнительно очень общиренъ, такъ что права митрополита—его получателя подтверждаются въ немъ съ пространнымъ, имѣющимъ видъ нарочитой настоятельности, многословіемъ. Необходимо думать, что ханская канцелярія изготовила ярлыкъ въ томъ видѣ, какой онъ имѣетъ, по нарочитому приказанію хана, желавшаго чрезъ это выразить свое особенное благоволеніе къ св. Петру. Затѣмъ, какъ мы указывали прежде, и въ самомъ своемъ содержаніи ярлыкъ отличается одною важною особенностію отъ ярлыка Менгу-Темирова, даннаго митр. Кириллу: въ немъ предоставляется св. Петру судить принадлежащихъ ему людей во всемъ безъ изъятія—«и въ разбои и въ поличномъ и въ татьбѣ и во всякихъ дѣлахъ». Подъ лукавыми человѣками, на обиды которыхъ митрополитъ имѣлъ въ виду жаловаться хану, съ весьма большою вѣроятностію должно разумѣть не кого иного, какъ самого великаго князя

---

[1]) См. у *Карамз.* IV, прим. 245.

[2]) Никоновской, Ш, 108.

Михайла Ярославича. Крайне любезный ярлыкъ хана митрополиту даетъ знать, что онъ вообще явилъ себя покровителемъ послѣдняго въ возможно полной мѣрѣ; а сейчасъ указанную особенность ярлыка болѣе чѣмъ вѣроятно понимать какъ слѣдствіе жалобы митрополита на великаго князя, т. е. что ханъ, желая избавить его отъ всякихъ столкновеній съ великимъ княземъ, освободилъ принадлежавшихъ ему людей отъ всякой подсудности второму. Такъ какъ во время пребыванія св. Петра въ Ордѣ находился тамъ и великій князь (для полученія своего ярлыка) и, нѣтъ сомнѣнія, старался изо всѣхъ силъ противодѣйствовать ему: то въ объясненіе его полнаго успѣха представляется необходимымъ усвоять ему тотъ житейскій даръ, о которомъ мы сказали выше [1]). Что касается до замысловъ, которые имѣли нѣмецкіе послы и епископъ папинъ и которые хотѣлъ предупредить св. Петръ, то объ этомъ, при совершенномъ молчаніи (сколько знаемъ) западныхъ источниковъ, ничего не можемъ сказать положительнаго. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется намъ то, что папа, занимавшійся тогда пропагандой своего латинскаго христіанства въ черноморскомъ побережьи ханскихъ владѣній, хотѣлъ съ помощью нѣмецкихъ пословъ водворить при ханѣ и въ его столицѣ своего епископа въ качествѣ такого-же епископа сарайскаго, каковымъ былъ нашъ епископъ православный. Если это такъ, то старанія св. Петра, который справедливо долженъ былъ видѣть въ этомъ опасность для нашего православія, увѣнчались успѣхомъ [2]).

Мы сказали выше, что вел. кн. Михайло Ярославичъ обвинялъ митрополита передъ патріархомъ во взиманіи платы за поставленія, т.-е. во взиманіи платы, существовавшемъ узаконенно, которое было принимаемо княземъ за незаконное. Это частное обвиненіе противъ

---

[1]) Незадолго передъ тѣмъ (въ предшествующемъ 1312-мъ году) поставленный въ епископы сарайскіе Варсонофій на мѣсто низведеннаго Измаила, если только уже успѣлъ до того завести въ Ордѣ связи и знакомства, несомнѣнно былъ усерднымъ старателемъ за митрополита (а что въ позднѣйшее, по крайней мѣрѣ, время епископъ пользовался нарочитымъ благоволеніемъ Узбека, относительно этого мы имѣемъ положительныя свидѣтельства,—Ник. лѣт. Ш. 155 нач.).

[2]) О ведшейся тогда папами пропагандѣ въ черноморскомъ побережьи ханскихъ владѣній см. у *Мозгейма* въ Historia Tartarorum ecclesiastica (грамоту папы отъ Іюля мѣсяца 1333-го года объ учрежденіи епископіи херсонской съ подчиненіямъ ея митрополиту босфорскому см. у *Тейнера* въ Monumenta Poloniae. t. I, p. 347).—Нѣкоторыя указанія на то, что когда-то послѣ 1313-го года была учреждена папами если не дѣйствительная, то номинальная, епископія сарайская, см. у *Лекеня* въ Oriens christianus. t. III. col. 1108.

митрополита, не достигнувъ тѣхъ цѣлей, на которыя было оно разсчитано, выступило затѣмъ въ видѣ общественнаго протеста противъ существовавшей у насъ практики взиманія платы за поставленія. Выше мы упоминали, что епископъ тверской Андрей, тотчасъ послѣ собора переяславскаго, послалъ въ Константинополь своего монаха навести справки, какъ смотрять тамъ на плату за поставленія, и что великій князь, введенный въ заблужденіе донесеніемъ монаха, во второй разъ послѣ собора обвинялъ митрополита передъ патріархомъ въ томъ же взиманіи платы. Отъ этого, ходившаго въ Константинополь, монаха, по имени Акиндина, сохранилось посланіе къ Михайлу Ярославичу, въ которомъ онъ увѣряетъ князя, будто въ Константинополѣ многочисленный соборъ патріаршій назвалъ ему всякое взиманіе платы корчемствомъ и симоніей, и въ которомъ онъ убѣждаетъ князя положить конецъ существованію незаконнаго обычая своею государственною властію. Адресованное къ князю посланіе было пущено Акиндинымъ въ среду читающихъ людей, какъ публичное сочиненіе, и такимъ образомъ явилось между ними какъ публичный и открытый протестъ противъ существовавшаго обычая. По своему содержанію посланіе Акиндиново до крайней степени рѣзко. Совершенно приравнивая существовавшее у насъ взиманіе платы за поставленія къ симоніи и духопродавчеству, онъ обрушивается на него со всею тою безпощадностію, которая подобала бы по отношенію къ этимъ послѣднимъ. «Молчанія ради боюся осужденія,—пишетъ монахъ князю,—видя ересь растущу и множащуся, безстуднѣ и непокровенными усты износиму, начeншуся обычаемъ богоненавистнымъ отъ старѣйшихъ святитель нашихъ и до меньшихъ, непродаемую благодать Духа Святаго въ куплю вводити и взимати отъ поставленія митрополиту отъ епископа и отъ попа и отъ дьякона и отъ прочихъ причетникъ, такоже и епископу отъ сущаго подъ нимъ всего причта, отъ первыхъ и до послѣднихъ, и отъ всякаго священія: апостольское (же) и богоносныхъ отецъ соборное преданіе поставленнаго на мздѣ и съ поставльшимъ его обоихъ отъ сана измещетъ и отнюдь къ тому непричастнома быти своего степени (повелѣваетъ) и въ проклятіе сводитъ». Совершенно приравнивая взиманіе платы къ симоніи, монахъ Акиндинъ не смущается провозглашать и тѣ конечные выводы, которые отсюда слѣдовали: «ставя бо и взимая ставленое,—говоритъ онъ,—то уже изверженъ, (а ставяся) отъ изверженнаго никоеяже не имать пользы отъ поставленія и пріобщаяся пречистыхъ таинъ отъ него (поставленнаго), вѣдая, съ нимъ осудится», и еще: «по великому Аѳанасію, всякъ человѣкъ, пріимъ отъ Бога разумъ рассуждати, послѣдовавъ невѣжи пастуху, муку пріиметъ, по

реченому: слѣпъ слѣпа ведя, оба въ яму впадетася, рекше въ бездну». Съ безпощадною смѣлостію и съ немалою язвительностію обличаетъ Акиндинъ нашихъ епископовъ, взимавшихъ плату за поставленія. Одни изъ епископовъ, не умѣя что̀ отвѣчать обличавшимъ ихъ, изъявляли желаніе заградить уста обличителей посредствомъ насильственнаго принужденія. Акиндинъ говоритъ о нихъ: «сребролюбія страстію помрачившеся, хотящихъ по истинѣ рещи что̀, злобою воспрещаютъ, кривымъ извѣтомъ глаголюще: сами вѣмы, не требѣ ны ваше исповѣданіе». Другіе епископы говорили, что они взимаютъ плату ради поганскаго, т.-е. татарскаго, насилія. Акиндинъ отвѣчаетъ имъ: «поганый, подобно тому какъ разбойникъ и тать, всяко тщаніе творитъ пограбити, гдѣ видитъ богатство (какъ это,—подразумѣваетъ онъ,—имѣетъ мѣсто у васъ—епископовъ); а идѣже нищета Христова смиренія, ту не надѣется ничтоже пріобрѣсти, то и не насилитъ и не томитъ»... «Апостоли—спрашиваетъ Акиндинъ архіереевъ—ци богатствомъ отъ конца и до конца вселеныя(-ную, съ) проповѣдію сло̀ва протекоша?» Обращаясь къ великому князю съ убѣжденіемъ показать тщаніе въ исправленіи архіереевъ, Акиндинъ говоритъ: «се удобреніе есть всецерковному исполненію, еже святителей чистота и къ Богу дерзновеніе, аще право и подобно имутъ житіе, добръ имуще разумъ божественныхъ писаній, могуще еретикомъ заградити уста и священныя каноны вѣдѣти и творити; а не еже зватися именемъ точію святителей и чистительскими ризами украшатися и множествомъ предстоящихъ кичитися, многонароднымъ вослѣдованіемъ чтити себе и запрещати безъ правды, мучительски, а не святительски, и злобою покрыватися отъ обличающихъ»...

Св. Петръ, бывъ посланъ въ Константинополь галичскимъ великимъ княземъ Юріемъ Львовичемъ для поставленія въ отдѣльные митрополиты галичскіе, былъ поставленъ тамъ въ митрополиты всея Россіи. Патріархъ Аѳанасій, давшій было Галиціи отдѣльнаго митрополита въ 1303-мъ году, потомъ почему-то перемѣнилъ свои мысли и послѣ смерти этого отдѣльнаго митрополита, послѣдовавшей одновременно со смертію митрополита всея Россіи Максима, отказалъ Юрію Львовичу въ его просьбѣ дать Галиціи новаго отдѣльнаго митрополита. Но въ правленіе самого Петра при второмъ преемникѣ патріарха Аѳанасія Іоаннѣ Гликѣ мы снова видимъ у насъ подлѣ митрополита всея Россіи еще другого или отдѣльнаго митрополита. Этотъ отдѣльный митрополитъ, по имени Ѳеофилъ, называется не галичскимъ, а литовскимъ, чѣмъ дается знать, что онъ былъ истребованъ у императора и патріарха не великимъ княземъ галичскимъ, а великимъ княземъ литовскимъ. Что̀ касается до его области, то мнѣнія относительно сего несогласны: мы

съ своей стороны, заключая изъ того, что́ послѣ видимъ при митр. Ѳеогностѣ, признаемъ за вѣроятнѣйшее думать, что отдѣльная митрополія обнимала не только Русь литовскую, но и галичско-волынскую или вообще всю Русь юго-западную; другіе находятъ вѣроятнѣйшимъ думать, что митрополія обнимала именно только литовскую Русь или въ точномъ смыслѣ слова была литовскою [1]).

---

[1]) Несогласны съ нами—*А. С. Павловъ* въ указанной выше статьѣ: „О началѣ галицкой и литовской митрополіи“ (не совсѣмъ справедливо думающій, будто онъ ввелъ насъ въ заблужденіе) и г. *Н. Тихонравовъ* въ диссертаціи: „Галицкая митрополія“, напечатанной въ „Русской Бесѣдѣ“ за 1895-й годъ. Г. Павловъ не находитъ возможнымъ принять нашего предположенія о томъ, что митрополія литовская обнимала и Русь галицкую, по двумъ причинамъ: „1) въ Галичѣ существовала тогда если не de facto, то de jure своя собственная митрополія; 2) если галицко-волынскіе князья тяготились подчиненіемъ своихъ епископій митрополиту кіевскому и всея Руси, съ великими князьями которой южные Даниловичи не имѣли уже никакихъ политическихъ счетовъ: то тѣмъ болѣе должны были чуждаться новаго митрополита изъ сосѣдней Литвы, съ которою у нихъ уже давно начались враждебные счеты“,—стр. 31 нач.. Что касается до первой причины, то мы не совсѣмъ понимаемъ ее: въ данное время, о которомъ говоримъ, въ Галиціи не существовало особой митрополіи ни de facto, ни de jure: въ 1303-мъ году была было открыта особая митрополія галичская, но потомъ она была закрыта, переставъ существовать de facto и нисколько не оставшись существовать de jure (хотя бывшій однажды примѣръ открытія митрополіи, конечно, и имѣлъ значеніе для будущаго времени) и ея епархіи находились, какъ и до 1303-го года, въ вѣдѣніи митрополита всея Россіи. Вторая причина, представляясь основательною съ перваго взгляда и такъ сказать теоретически или „вообще говоря“, не оказывается таковою при ближайшемъ и фактическомъ разсмотрѣніи дѣла. Митрополія литовская была открыта, какъ говоримъ мы сейчасъ ниже, въ 1316—1317-мъ году. Но въ 1315—1316-мъ году (насколько можно положиться на наши свѣдѣнія, а свѣдѣній вполнѣ достовѣрныхъ въ тогдашней исторіи Галиціи, Литвѣ и кіевской Руси почти-что совсѣмъ нѣтъ) между Галиціей и Литвой была война, окончившаяся миромъ, такъ что митрополія была открыта какъ разъ по заключіи мира. Затѣмъ, въ 1316—1317-мъ году, въ которомъ была открыта митрополія, отношенія между государями галицкимъ и литовскимъ были отношеніями двухъ сосѣдей, изъ которыхъ одинъ настолько былъ силенъ, чтобы навязывать свою волю другому, а другой настолько былъ слабъ, чтобы не дерзать противиться воли перваго: государемъ литовскимъ, только что занявшимъ престолъ, былъ знаменитый Гедиминъ, который въ предшествующей войнѣ одержалъ рѣшительный и блистательный верхъ надъ Галичанами, а государемъ галицкимъ, также только что занявшимъ престолъ, былъ вмѣсто погибшаго въ предшествующей войнѣ Юрія Львовича его слабый (по общему представленію) сынъ Андрей Юрьевичъ. Гедиминъ, конечно, долженъ былъ

Литовцы, особый народъ въ индоевропейскомъ семействѣ народовъ, ближайшій между другими народами семейства къ нашему славянскому, жили по южному и восточному берегамъ Балтійскаго моря въ нынѣшней сѣверо-восточной Пруссіи (начиная на западѣ отъ рѣки Вислы) и въ нашихъ губерніяхъ курляндской и частію лифляндской и потомъ внутрь отъ моря—въ нашихъ губерніяхъ ковенской и частію виленской, сувальской (царства польскаго), минской и гродненской. Западная половина Литовцевъ, носившая особое названіе Пруссовъ, была покорена въ XIII вѣкѣ (съ 1230-го по 1283-й годъ) нѣмецкимъ орденомъ; восточная же половина (наша теперешняя русская) образовала изъ себя великое княжество литовское, которое простерло свою власть на весьма значительную часть и нашей Руси. До сороковыхъ годовъ XIII вѣка восточные Литовцы не составляли изъ себя одного государства, но распадались на мелкія и весьма мелкія владѣнія. Около 1238-го года у нихъ явился князь—собиратель земли, который соединилъ всѣ мелкія владѣнія въ одно государство; этотъ князь, «самодержецъ всей земли литовской»[1]), былъ Миндовгъ, правившій до 1263-го года. Съ сего Миндовга и начинается покореніе Руси Литовцами. Мы не знаемъ исторіи завоеваній Миндовга, но въ концѣ своего правленія онъ владѣлъ болѣе или менѣе значительною частію княжества полоцкаго[2]).

имѣть сильное желаніе видѣть галицкую Русь подъ властію своего митрополита, такъ какъ это очень важно было въ видахъ государственныхъ, и чтобы онъ встрѣтивъ рѣшительное сопротивленіе своему желанію въ Андреѣ Юрьевичѣ, это представляется очень маловѣроятнымъ. Г. Павловъ ссылается еще на то, что погребеніе митрополита Петра совершалъ луцкій епископъ Ѳеодосій: епископъ, говоритъ онъ, пріѣзжалъ въ Москву, конечно, по дѣламъ епархіальнымъ; значитъ, въ 1326 году галицко-волынскія епархіи находились въ подчиненіи кіевскому митрополиту,—стр. 11. Но нисколько не невозможно и не невѣроятно будетъ предполагать, что епископъ пріѣзжалъ въ Москву не по дѣламъ епархіальнымъ, а по дѣламъ государственнымъ, при чемъ могъ пріѣзжать или именно въ Москву къ Ивану Даниловичу, или же во Владиміръ, въ Тверь, къ великому князю, а въ Москвѣ быть только проѣздомъ. Въ заключеніе мы должны сказать, что всякое вѣроятное мнѣніе есть только вѣроятное мнѣніе: мы защищаемъ свое мнѣніе потому, что оно представляется намъ вѣроятнымъ, но если бы оказались положительныя данныя или достовѣрныя свидѣтельства, обнаруживающія его ошибочность, то, конечно, мы не стали бы на немъ настаивать.

[1]) Ипатск. лѣт., 2 изд. стр. 567.

[2]) Въ 1258-мъ году Литва приходила къ Смоленску съ Полочанами; слѣдовательно—въ семъ году Полочане были уже данниками Литвы.

При его преемникахъ Тройденѣ (1270—1283) [1]) и Витенѣ (1283—1315) Литовцы докончили завоеваніе (въ видѣ прямого покоренія или же подчиненія своей вассальной власти) княжества полоцкаго и овладѣли княжествомъ туровскимъ и частію княжества волынскаго. Преемникъ Витеня знаменитый Гедиминъ (1315—1341 [2]) къ концу своего правленья сталъ обладателемъ всей или почти что всей юго-западной Руси, за исключеніемъ Галиціи [3]).

История поставленія при св. Петрѣ отдѣльнаго митрополита литовскаго, который, какъ со всею вѣроятностію должно думать, получилъ въ свое завѣдываніе и Галицію или былъ поставленъ въ митрополиты галицко-литовскіе, остается намъ въ своихъ подробностяхъ неизвѣстною. Въ одномъ изъ списковъ каталога архіерейскихъ каѳедръ, составленнаго при императорѣ Андроникѣ Палеологѣ Старшемъ (1282—1327), читается историческое замѣчаніе, что Литва, принадлежавъ къ митрополіи Великой Россіи, сдѣлана особой митрополіей при помянутомъ

[1]) Послѣ смерти Миндовга сынъ его Воишелкъ отдалъ было великое княженіе литовское своему зятю (мужу своей сестры) Шварну, сыну Данила Романовича галичскаго; но этотъ скоро умеръ и на престолъ литовскій снова вступилъ природный Литовецъ.

[2]) Годъ смерти Гедимина по русскимъ лѣтописямъ, въ числѣ которыхъ и Новгородская 1-я, веденная современниками.

[3]) До недавняго времени, на основаніи Стрыйковскаго, было принимаемо, что завоеваніе всей юго-западной Руси было окончено Гедиминомъ въ 1321-мъ году взятіемъ Кіева. Въ настоящее время это отвергается, но вѣроятнаго общаго мнѣнія относительно хода завоеваній Гедимина пока не установлено. Мы съ своей стороны, какъ сказали, считаемъ за вѣроятнѣйшее, что къ концу своего правленія Гедиминъ довелъ свои завоеванія до того, до чего доводитъ ихъ Стрыйковскій къ 1321-му году. Новыя изслѣдованія по исторіи Кіевской Руси, Волынской земли, Галиціи и Литвы за нужное намъ время, въ которой почти что ничего нѣтъ достовѣрнаго, суть: *В. Б. Антоновичи* „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго“, напечатанный въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1877—1878-го года, и потомъ, въ исправленномъ видѣ, въ I томѣ Сборника: „Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи“, изданномъ въ 1885-мъ году; *Н. П. Дашкевича* „Литовско-Русское государство, условія его возникновенія и причины упадка“, напечатанное въ тѣхъ же Извѣстіяхъ въ 1882-мъ году (и отдѣльно въ 1885-мъ году?); *А. Ѳ. Андріашева* „Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія“, Кіевъ, 1887; *И. П. Филевича* „Борьба Польши и Литвы—Руси за галицко-владимірское наслѣдіе“, напечатанная въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1890-й годъ и потомъ выданная отдѣльной книгой; *М. С. Грушевскаго* „Исторія Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія“, Кіевъ, 1893.

императорѣ Андроникѣ и при патріархѣ Іоаннѣ Гликѣ [1]); а Іоаннъ Глика занималъ патріаршій престолъ съ Мая мѣсяца 1316-го года по тотъ же мѣсяцъ 1320-го года. Затѣмъ, въ сохранившихся до настоящаго времени записяхъ дѣяній константинопольскаго патріаршаго собора XIV в. находимъ, что митрополитъ литовскій (ὁ Λιτβάδων) присутствовалъ на этомъ соборѣ въ Августѣ мѣсяцѣ 1317-го года [2]). Изъ сейчасъ сказаннаго мы получаемъ тѣ историческія данныя относительно поставленія отдѣльнаго митрополита литовскаго, что онъ поставленъ былъ въ 1316—1317-мъ году и что его испросилъ у импер. Андроника и патр. Іоанна Глики великій князь литовскій Гедиминъ. Совершенно естественно было, чтобы этотъ послѣдній, владѣя весьма значительною частію Руси, находилъ неудобною и небезопасною въ политическомъ отношеніи церковную зависимость своихъ русскихъ подданныхъ отъ митрополита, жившаго во владимирско-московской Руси: а потому онъ легко и могъ придти къ мысли искать для своей литовской Руси особаго митрополита. Каѳедра отдѣльной литовской митрополіи учреждена была не такимъ образомъ, чтобы возведенъ былъ на степень митрополита одинъ изъ существовавшихъ литовско-русскихъ епископовъ, а такимъ образомъ, что митрополитъ поставленъ былъ какъ новый противъ прежнихъ архіерей, съ новой епархіей и съ новой каѳедрой. Въ епархію митрополиту была назначена самая Литва, сколько было въ ней Русскихъ и сколько было въ ней православныхъ христіанъ изъ самихъ Литовцевъ; а каѳедра его помѣщена была въ городѣ Новогрудкѣ (Новомъ городкѣ), нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ минской губерніи. Что касается до области митрополита литовскаго, каѳедра котораго съ 1316—1317-го года оставалась незакрытою до самой кончины св. Петра, то въ случаѣ предположенія, что онъ былъ митрополитомъ не просто литовскимъ, но галичско-литовскимъ, указать область эту было бы легко,—тогда ее должна была составлять вся юго-западная Русь съ Галиціей, за исключеніемъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ области кіевской, насколько эта послѣдняя была епархіей митрополита всея Россіи, т. е. она должна была состоять изъ 6-ти епархій галичской митрополіи 1303-го года съ присоединеніемъ къ нимъ епископіи полоцкой и епархіи самого митрополита. Предполагая же, что митрополитъ былъ единственно

---

[1]) У Ралли и П. V, 494, прим. 2 (въ замѣчаніи выставленъ и годъ, но въ напечатанномъ спискѣ къ тысячамъ и сотнямъ не достаетъ десятковъ и единицъ. „въ 68.. лѣто“ отъ С. М.).

[2]) Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича*, I, 72.

литовскимъ, нельзя будетъ указать предѣловъ его области съ точностію и обстоятельностію, ибо остается хорошо не извѣстнымъ какъ то, насколько Литва владѣла Русью въ минуту учрежденія каѳедры, такъ и постепенное дальнѣйшее разширеніе владѣній. Въ этомъ случаѣ будетъ несомнѣннымъ только то, что къ митрополіи принадлежала епархія полоцкая, и весьма вѣроятнымъ то, что принадлежала къ ней епархія туровская.

Въ правленіе св. Петра являлся у насъ на Руси еретикъ. Извѣстія объ этомъ еретикѣ читаются въ житіяхъ св. Петра; но, къ сожалѣнію, онѣ чрезвычайно кратки и совершенно неопредѣленны. Неизвѣстный авторъ перваго житія пишетъ: «и Сеита [1]) еретика (святый святитель) препрѣ, пріѣхавши (*вар.* пріѣхавшю) на прю и прокля и». Митр. Кипріанъ говоритъ: «въ то же время (именно—когда Петръ началъ приходить въ старость) и Сеитъ еретикъ явися и чуждая церкве Христовы и православныя вѣры мудрствуя; его же святый препрѣ и непокаряющася того проклятію предастъ, иже и погибе» [2]). Этотъ являвшійся при св. Петрѣ еретикъ переноситъ насъ въ мусульманскій міръ. Сеитъ есть слово арабское, собственно—сеидъ, и значитъ: господинъ. По общему употребленію этого слова въ мусульманскомъ мірѣ оно составляетъ титулъ потомковъ Магомета отъ его дочери Фатимы и зятя Алія; но у Татаръ, какъ даютъ знать наши лѣтописи и другіе памятники, сеитами назывались высшіе магометанскіе духовные (какъ бы магометанскіе архіереи,—можетъ быть потому, что они у нихъ были или долженствовали быть изъ потомковъ Магомета [3]). Извѣстіе житій св. Петра о нашемъ еретикѣ, повидимому, надлежало бы понимать такъ, что онъ былъ высшій магометанско-татарскій духовный, принявшій христіанство и потомъ впавшій въ ересь. Но намъ представляется гораздо вѣроятнѣйшимъ думать другое, именно—что слово

---

[1]) Исправляемъ чтеніе имени по житію Кипріанову. Въ спискѣ житія, напечатанномъ преосв. Макаріемъ вмѣсто „Сеита" читается: „се тако", въ спискѣ Троицкомъ Лаврскомъ: „Сіитя".

[2]) Авторъ Никоновской лѣтописи, заимствуя извѣстіе объ еретикѣ изъ житія Кипріанова, вмѣсто „Сеитъ еретикъ" пишетъ: „се инъ еретикъ".

[3]) Свидѣтельства лѣтописей см. у Карамзина и Арцыбашева по Index'амъ; въ Азбуковникахъ слово сеитъ толкуется словомъ владыка, т.-е. архіерей, cfr Никон. лѣт. V, 261. У Грековъ сеитами назывались также магометанскіе духовные, см. у *Дюканжа* въ Gloss. Graecit. сл. Σεΐτιδες. По свидѣтельству Вамбери, въ Хивѣ въ настоящее время верховное духовное лицо (накибъ) всегда изъ сеидовъ или потомковъ пророка.

еретикъ употребляется въ житіяхъ въ весьма несобственномъ смыслѣ,—что Сеитъ былъ высшій магометанскій духовный, не принимавшій христіанства, а остававшійся магометаниномъ, и что онъ вступалъ въ преніе съ св. Петромъ съ тою цѣлію, чтобы попытаться обратить его въ магометанство или по крайней мѣрѣ одержать надъ нимъ побѣду въ богословскомъ диспутѣ. Въ правленіе св. Петра, при ханѣ Узбекѣ (вступившемъ на престолъ въ 1313-мъ году), Татары приняли магометанство: весьма возможно, что на первыхъ порахъ между ихъ магометанскими духовными находились люди, мечтавшіе о томъ, чтобы обратить въ магометанство и ихъ данниковъ Русскихъ; нашъ Сеитъ и могъ быть однимъ изъ числа магометанскихъ духовныхъ, увлеченныхъ подобною мечтою, т. е. могъ устроить богословское преніе съ св. Петромъ, одушевляясь надеждою обратить его, а за нимъ и его паству, въ магометанство, или по крайней мѣрѣ имѣя въ виду посрамить его предъ его паствою, чтобы такимъ образомъ открыть въ послѣднюю доступъ магометанской пропагандѣ. Въ первомъ житіи неизвѣстнаго говорится, что св. Петръ препрѣлъ еретика,—по однимъ спискамъ: «пріѣхавши на прю», по другимъ: «пріѣхавшю на прю» [1]), т. е. что или онъ ѣздилъ къ еретику на преніе или что еретикъ пріѣзжалъ для сего къ нему. Въ первомъ случаѣ дѣло нужно понимать такъ, что по просьбѣ Сеита св. Петръ былъ вызываемъ ханомъ для пренія въ Орду; во второмъ случаѣ такъ, что Сеитъ самъ пріѣзжалъ къ нему во Владимиръ или въ Москву. Во всякомъ случаѣ эти «пріѣхавши» и «пріѣхавшю» нисколько не идутъ къ обыкновенному еретику (такъ какъ ни Петръ не поѣхалъ бы къ нему, ни онъ къ Петру) и подкрѣпляютъ вѣроятность нашего предположенія [2]). Магометанскіе богословы на Востокѣ—въ Азіи имѣли большую наклонность къ диспутамъ съ христіанскими богословами. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они сохранили эту наклонность и у Татаръ и что если мы не знаемъ о нихъ, то только по причинѣ молчанія нашихъ лѣтописей. Впрочемъ, послѣ предполагаемаго нами диспута св. Петра съ магометанскимъ богословомъ мы положительно знаемъ еще о таковомъ же диспутѣ св. Алексія.

---

[1]) Первое чтеніе—въ спискѣ, напечатанномъ преосв. Макаріемъ, второе—въ Троицкомъ Лаврскомъ.

[2]) Если митр. Кипріанъ говоритъ о судьбѣ Сеита, что онъ. проклятый Петромъ, погибе, т.-е. подвергся гражданской казни: то это могло случиться очень просто: онъ принялъ Сеита за обыкновеннаго еретика и прибавилъ: „погибе“ по апріорическому заключенію.

Въ правленіе св. Петра, и именно—въ самомъ его началѣ, имѣла мѣсто попытка папы привлечь къ союзу съ римскою церковію галичскаго великаго князя Юрія Львовича. Длугошъ пишетъ объ этомъ подъ 1309-мъ годомъ: «папа Климентъ V, отправивъ пословъ къ русскому королю, увѣщевалъ и убѣждалъ его, чтобы онъ, согласно своему обѣщанію, данному чрезъ пословъ и чрезъ посланія, не пренебрегъ (не откладывалъ) приступить къ повиновенію римской церкви и къ союзу съ нею; король, отпустивъ тщетными (ни съ чѣмъ) апостолическихъ пословъ, остался непоколебимымъ въ застарѣлой схизмѣ и хотѣлъ предпочитать греческія заблужденія каѳолическому благочестію» [1]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ иныхъ свѣдѣній о попыткѣ, кромѣ тѣхъ, которыя читаются у Длугоша и которыя мы сейчасъ привели; а поэтому, остается намъ вовсе неизвѣстнымъ, когда и по какимъ побужденіямъ посылалъ къ папѣ своихъ пословъ и свои посланія великій князь Юрій Львовичъ.

Въ концѣ правленія св. Петра, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1324-го года, состоялось опредѣленіе константинопольскаго патріаршаго собора, имѣвшее финансовое значеніе для русской митрополіи. Доходы каѳедры константинопольскихъ патріарховъ оскудѣли тогда до такой степени, что оказывались недостаточными для патріарха и находившихся при немъ клириковъ или его чиновниковъ. Вслѣдствіе сего соборъ приговорилъ, чтобы на будущее время подвѣдомые патріарху митрополиты и архіепископы оказывали ему помощь посредствомъ ежегоднаго взноса опредѣленныхъ суммъ, соотвѣтствующихъ ихъ доходамъ [2]). Въ приговорѣ соборномъ, въ которомъ прописаны митрополіи и архіепископіи съ обозначеніемъ суммы, какую каждая должна вносить, нѣтъ митрополіи русской, равно какъ и всѣхъ вообще митрополій и архіепископій внѣшнихъ,—находившихся внѣ византійской имперіи. Вѣроятно, это значитъ то, что на митрополіи и архіепископіи внѣшнія не находили удобнымъ налагать обязательнаго взноса и разсчитывали на добровольную съ ихъ стороны помощь. Какъ бы то ни было, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что по отношенію къ исключительной русской митрополіи, вѣроятно—уже и прежде служившей помощницею патріарховъ если не постоянно, то очень не рѣдко, начала быть считаема обязательною такая добровольная помощь, которая создала въ бюджетѣ нашего митрополита и нашихъ епископовъ немаловажную статью расхода подъ именемъ «константинопольскаго выхода».

---

[1]) Lib. IX. ed. Lips. 1711, p. 928.

[2]) Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича*, I, 126.

Знаменитымъ дѣломъ св. Петра, имѣвшимъ весьма важное вліяніе на рѣшеніе политической судьбы Руси, было перенесеніе имъ каѳедры митрополіи изъ Владимира въ Москву.

Москва, въ которой создалось великое русское государство, не принадлежитъ къ числу городовъ Руси ни доисторическихъ, ни знаменитыхъ исторически: въ суздальскомъ княжествѣ былъ срубленъ маленькій пригородъ, ставшій потомъ, съ размноженіемъ князей суздальскихъ, маленькимъ удѣломъ, и этотъ маленькій пригородъ и маленькій удѣлъ почти сразу поднялся на степень города, собирающаго около себя всю русскую землю. Москва въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1147-мъ годомъ, въ правленіе суздальскаго князя Юрія Владимировича Долгорукаго. Записанное въ позднѣйшее время преданіе сему князю усвояетъ и ея построеніе. Преданіе говоритъ, что на мѣстѣ нынѣшней Москвы находилось имѣніе богатаго боярина Стефана Кучки, состоявшее изъ боярской усадьбы и окружавшихъ ее селъ,—что князь Юрій Владимировичъ, бывъ оскорбленъ бояриномъ, приказалъ казнить его, а имѣніе его взялъ на себя, и на землѣ имѣнія, нашедъ удобное мѣсто для города, приказалъ срубить городъ, который назвалъ по рѣкѣ Москвою [1]). Вторая половина преданія, дѣлающая Москву селомъ крови, можетъ быть, и несправедлива; но составляетъ историческій фактъ то, что она поставлена на мѣстѣ, которое называлось Кучковымъ [2]), слѣдовательно—она дѣйствительно поставлена на землѣ боярина Кучки: по преданію, Юрій Владимировичъ, убивъ Кучку, взялъ его дочь Улиту за своего сына Андрея (Боголюбскаго); можетъ быть, князь не убивалъ боярина, а, женивъ своего сына на его дочери, получилъ отъ него имѣніе въ даръ или въ приданое за дочерью [3]). Князь поставилъ городъ, имѣвшій служить пограничной крѣпостью и сторожею отъ княжествъ смоленскаго, черниговскаго и рязанскаго, какъ наибольшею частію ставились города, на стрѣлкѣ между двумя рѣками—на холмѣ (Боровицкомъ, потомъ Кремлевскомъ) между Москвой рѣкой и впадающей въ нее Неглинной (нынѣ текущей подъ Александровскимъ садомъ). Въ 1213-мъ году великій князь Юрій Всеволодовичъ послалъ въ

---

[1]) У *Карамз.* т. II, прим. 301 (позднѣйшія сказки тутъ же и т. I, прим. 292). Мѣсто усадьбы боярина Кучки преданіе полагаетъ на нынѣшнихъ Чистыхъ прудахъ, что между Мясницкой и Покровской улицами за почтамтомъ.

[2]) Ипатск. лѣт. подъ 1176-мъ годомъ, 2 изд. стр. 407: „идоша до Куцкова, рекше до Москвы“.

[3]) Якимъ Кучковичъ и Петръ Кучковъ были главными убійцами Андрея Боголюбскаго.

Москву на удѣлъ своего сына Владимира. Въ 1238-мъ году Москва была выжжена Татарами. Послѣ нашествія Татаръ, она, какъ кажется, довольно долгое время оставалась безъ своего удѣльнаго князя [1]), а потомъ великій князь Александръ Ярославичъ Невскій (1252—1263) посадилъ въ ней своего младшаго сына Даніила, потомки котораго и остались въ ней, тотчасъ же послѣ него начавъ возводить ее на степень знаменитой Москвы. Преемникъ Данила Александровича его старшій сынъ Юрій Даниловичъ, ожесточенный врагъ великаго князя Михайла Ярославича, сидѣвшій послѣ него на престолѣ великокняжескомъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, съ 1318-го по 1322-й годъ, былъ современникомъ св. Петра: онъ заступилъ въ Москвѣ мѣсто отца въ 1304-мъ году, предваривъ митрополита четырьмя годами, а умеръ въ концѣ 1325-го года, ровно за годъ съ мѣсяцемъ до смерти послѣдняго [2]).

Въ житіяхъ св. Петра мы находимъ разсказы о перенесеніи имъ каѳедры митрополичьей изъ Владимира въ Москву. Неизвѣстный авторъ перваго житія пишетъ: «Преходя грады, обрѣте (святый святитель) градъ честенъ кротостію, зовомый Москва, въ немже (обрѣте) князя богочтива, именемъ Ивана, сына Данилова, внука Александрова, милостива до святыхъ церквей и до нищихъ, самого горазда святымъ книгамъ (и) послушателя святыхъ ученій; обитавъ (святитель) во градѣ томъ и рече богочтивому князю: ««о сыну! многое твое благочестіе, послушай мене днесь»»; благочестивому князю обѣщавши(у)ся и рече святый митрополитъ: «да зиждется церковь камена во градѣ твоемъ святая Богородица»; благовѣрный князь поклонися и рече: ««твоею

---

[1]) Нѣкоторыя позднѣйшія лѣтописи и сказанія называютъ московскимъ княземъ младшаго сына Ярослава Всеволодовича Михаила, по прозванію Хороборита (храбраго), убитаго въ войнѣ съ Литовцами въ 1248-мъ году (см. у *Карамз.* IV, 42 и у *Соловьева* т. III, изд. 4 стр. 186 нач.); но мы въ этомъ сомнѣваемся: князь погребенъ не въ Москвѣ, а во Владимирѣ (Лаврент. лѣт. подъ 1248-мъ годомъ).

[2]) Юрій Даниловичъ началъ искать подъ Михайломъ Ярославичемъ великокняжескаго престола тотчасъ же по занятіи первымъ послѣдняго, что было въ томъ же 1304-мъ году. Въ 1318-мъ году онъ успѣлъ достигнуть того, что Михайло Ярославичъ былъ убитъ въ Ордѣ, оставивъ ему великокняжескій престолъ. Но въ 1322-мъ году престолъ отнялъ у него сынъ Михайла Ярославича Димитрій, который въ 1325-мъ году, мстя за отца, и убилъ его въ Ордѣ. По своимъ нравственнымъ качествамъ Юрій Даниловичъ, какъ извѣстно, стоитъ въ ряду нашихъ стараго времени князей на одномъ изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ (человѣкъ—совершенно и до послѣдней степени нерыцарь: отзывъ о немъ *Карамзина*—IV, 106 fin.).

молитвою, святый отче, да будетъ»», основаннѣй же бывши церкви и гробъ себѣ сотвори святыма своима рукама; по малѣ же времени возвѣщена бысть святымъ ангеломъ смерть его»... Далѣе разсказывается, что св. Петръ умеръ въ Москвѣ и погребенъ въ новооснованной каменной церкви Богородицы. У митр. Кипріана читаемъ: «И яко убо прохожаше грады и мѣста Божій человѣкъ Петръ, пріиде въ славный градъ, зовомый Москва, еще тогда малу сущу ему и немногонародну, а не якоже нынѣ видимъ есть нами; въ томъ убо градѣ бяше обладая благочестивый и великій князь Иванъ Даниловичъ, внукъ Александра блаженнаго, его же видѣ блаженный Петръ въ православіи сіяюща и всякими добрыми дѣлы украшена, милостива суща до нищихъ, честь подающи святымъ Божіимъ церквамъ и тѣхъ служителемъ, любочестива къ божественнымъ писаніемъ и послушателя святыхъ ученій книжныхъ: и зѣло возлюби его Божій святитель, нача больше инѣхъ мѣстъ жити въ томъ градѣ, совѣщаетъ же совѣтъ благъ князю, совѣтуя ему, яко да сотворитъ церковь каменемъ составленну во имя пречистыя Владычица нашея Богородица и Приснодѣвы Марія, пророчествовавъ сице: ««яко аще мене, сыну! послушаеши и храмъ пречистыя Богородицы воздвигнеши во своемъ градѣ, и самъ прославишися паче инѣхъ князей и сынове и внуцы твои (прославятся) въ роды, и градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ и святители поживутъ въ немъ и взыдутъ руки его на плеща враговъ его и Богъ прославится въ немъ, еще же и мои кости въ немъ положени будутъ»». Сія убо словеса князь отъ учителя съ радостію пріемъ, начатъ со тщаніемъ о церкви прилежати и основаннѣй ей бывши начатъ день отъ дне спѣяти и воздвизатися»... Далѣе разсказывается, что прежде чѣмъ церковь была окончена, св. Петръ скончался и былъ положенъ въ ней, въ приготовленномъ имъ самимъ гробѣ.

Иванъ Даниловичъ Калита, младшій братъ Юрія Даниловича, занялъ его мѣсто въ Москвѣ въ концѣ 1325-го года, за годъ съ мѣсяцемъ до смерти св. Петра (а дотолѣ сидѣлъ въ Переяславлѣ, который достался ихъ отцу Данилу Александровичу въ 1303-мъ году послѣ бездѣтно умершаго племянника Ивана Дмитріевича). Такимъ образомъ, по представленію житій выходило бы, что св. Петръ подъ самый конецъ своей жизни пришелъ въ «честную кротостію» Москву,—какъ удачно выражается объ ея бѣдности авторъ перваго житія,—что онъ нашелъ здѣшняго князя Ивана Даниловича человѣкомъ очень благочестивымъ и что это послѣднее обстоятельство возбудило въ немъ желаніе быть погребеннымъ въ Москвѣ, въ которой онъ дѣйствительно и былъ погребенъ. Если бы и не имѣли мы никакихъ данныхъ для надлежащаго пред-

ставленія о дѣлѣ, то и тогда оно вовсе не могло бы казаться намъ вѣроятнымъ въ томъ видѣ, какъ представляется въ житіяхъ. Митрополитъ нашелъ въ одномъ маленькомъ городѣ благочестиваго князя, и вдругъ у него является желаніе быть погребеннымъ въ этомъ городѣ: какая тутъ внутренняя связь? Митрополитъ, конечно, долженъ былъ очень радоваться, что въ его митрополіи есть благочестивый князь; но совершенно непонятно вдругъ явившееся у него желаніе быть погребену въ городкѣ благочестиваго князя: у него была каѳедра во Владимірѣ и ему надлежало быть погребеннымъ при ней [1]). Второй изъ жизнеописателей, митр. Кипріанъ, проговаривается, что дѣло было не такъ: онъ говоритъ, что св. Петръ пришелъ въ Москву при Иванѣ Даниловичѣ, т. е. не ранѣе какъ за годъ до смерти, и однако потомъ говоритъ, что святитель «начатъ больше инѣхъ мѣстъ жити въ томъ градѣ», т. е. даетъ знать, что митрополитъ пришелъ въ Москву вовсе не за годъ только до смерти.

Дѣло дѣйствительно должно быть представляемо далеко не такъ, какъ оно представляется въ житіяхъ.

Послѣ смерти митр. Максима великій князь Михайло Ярославичъ посылалъ въ Константинополь ставиться въ митрополиты своего игумена Геронтія съ тѣмъ, чтобы въ митрополитѣ себѣ преданномъ пріобрѣсти себѣ сильнаго помощника въ своей борьбѣ съ княземъ московскимъ и вообще въ своихъ стремленіяхъ къ возвышенію своей родовой Твери. Когда вмѣсто Геронтія пришолъ на митрополичью каѳедру св. Петръ, великій князь встрѣтилъ нежданнаго митрополита какъ врага, и этимъ врагомъ его остался во всю свою жизнь, не одинъ разъ пытавшись свергнуть его съ каѳедры. Встрѣченный какъ врагъ великимъ княземъ, Петръ естественно и необходимо долженъ былъ искать дружбы съ его врагомъ—княземъ московскимъ, ибо между двумя врагами, бывъ принятъ какъ врагъ однимъ, онъ не могъ стать ни чѣмъ инымъ, какъ другомъ другого. При этомъ и князь московскій не могъ сдѣлать ничего иного, какъ то, чтобы со всею возможною поспѣшностію и со всѣмъ возможнымъ стараніемъ искать дружества митрополита, который нашолъ врага въ великомъ князѣ. Михайло Ярославичъ для борьбы съ своимъ врагомъ и для возвышенія своего тверскаго удѣла

---

[1]) Герберштейну, во время его бытности въ Москвѣ, передавали и такую (нѣсколько замоскворѣцкую) легенду, будто св. Петръ переселился въ нее ради жившаго въ ней какого-то святаго старца Алексѣя (не могъ-де митрополитъ перезвать старца къ себѣ во Владиміръ, такъ самъ не затруднился ради него перенести каѳедру митрополіи изъ Владиміра въ Москву...).

хотѣлъ пріобрѣсти себѣ помощника въ митрополитѣ, и это ему не удалось: естественно, что московскій князь, пользуясь мыслію своего соперника, тотчасъ же долженъ былъ употребить всѣ свои усилія достигнуть того, что̀ не удалось Михайлу Ярославичу, т. е. пріобрѣсти въ митрополитѣ того помощника, котораго хотѣлъ найдти въ немъ послѣдній. Такимъ образомъ, необходимо думать, что тѣсная связь и дружба митрополита съ княземъ московскимъ,—не съ Иваномъ Даниловичемъ Калитой, а съ его старшимъ братомъ Юріемъ Даниловичемъ, началась съ самой первой минуты прибытія митрополита на Русь. Что это было дѣйствительно такъ, мы имѣемъ на это и положительныя доказательства. На соборѣ переяславскомъ только что прибывшій митрополитъ имѣетъ многочисленную партію свѣтскихъ сторонниковъ: ясно, что этихъ сторонниковъ создалъ ему и что во главѣ этихъ сторонниковъ стоялъ князь московскій. Тотчасъ или весьма вскорѣ послѣ собора переяславскаго, въ 1311-мъ году, сынъ великаго князя, вѣроятно—все еще находившагося, какъ и во время собора, въ Ордѣ, Дмитрій Михайловичъ пришелъ ратью на князя московскаго, какъ кажется, вынужденный оберегать великокняжескія права своего отца: митрополитъ, ясно являющійся сторонникомъ князя московскаго, употребилъ противъ княжича тверскаго такую рѣшительную мѣру, какъ церковное отлученіе. Итакъ, знакомство св. Петра съ Москвой должно было начаться не за годъ только до смерти, а съ самой первой минуты прибытія на Русь, т. е. собственно прибытія въ Русь суздальскую или владимирскую. Имѣя своимъ врагомъ великаго князя, которому принадлежалъ Владимиръ, хотя этотъ и не жилъ въ немъ постоянно, митрополитъ, естественно, могъ находить неудобнымъ и стѣснительнымъ для себя пребываніе въ своемъ каѳедральномъ городѣ, а поэтому весьма вѣроятно предполагать, что съ самой первой минуты прибытія на Русь онъ старался какъ можно менѣе жить во Владимирѣ и какъ можно болѣе въ Москвѣ, у своего союзника—князя московскаго. Что это было дѣйствительно такъ, на это мы имѣемъ указанія въ лѣтописяхъ. Давая знать о томъ, что пребыванія или проживанія Петра въ Москвѣ начались съ перваго времени занятія имъ каѳедры митрополичьей, лѣтописи говорятъ, что онъ имѣлъ въ Москвѣ свой дворъ на двухъ мѣстахъ,—сначала на одномъ, а потомъ перенесъ на другое (сначала дворъ находился при церкви Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ [1]), потомъ перенесенъ былъ на то мѣсто, на которомъ и остался навсегда,—

---

[1]) Такъ называемая Типографская лѣтопись, стр. 259, также у *Карамз.* V, прим. 386, col. 167.

на мѣсто нынѣшней синодальной палаты [1]). Эти частыя и продолжительныя проживанія митрополита въ Москвѣ, начавшіяся съ перваго времени его прибытія на Русь, не означали перенесенія имъ каѳедры митрополичьей изъ Владимира въ Москву: онѣ означали только проживанія митрополита вмѣсто своего каѳедральнаго города въ одномъ изъ пригородовъ своей епархіи, каковымъ была Москва по отношенію къ Владимиру въ церковно-административномъ отношеніи.

Послѣ временныхъ, болѣе или менѣе частыхъ и продолжительныхъ, пребываній или проживаній въ Москвѣ, св. Петръ наконецъ перенесъ въ нее изъ Владимира каѳедру митрополіи.

Относительно этого послѣдняго дѣйствія св. Петра на самомъ дѣлѣ необходимо думать, что мысль о немъ онъ возъимѣлъ только уже подъ самый конецъ своей жизни, въ правленіе не Юрія Даниловича, а дѣйствительно, какъ говорятъ житія, только уже Ивана Даниловича. Объ этомъ ясно говоритъ исторія каменной церкви, въ которой св. Петръ имѣлъ быть погребеннымъ. Если бы еще Юрію Даниловичу изъявилъ онъ свое желаніе или точнѣе—какъ скажемъ сейчасъ ниже—согласіе быть погребеннымъ въ Москвѣ: то Юрій Даниловичъ давно бы и заблаговременно и построилъ каменную церковь, имѣвшую служить для него усыпальницей. Но церковь эта строится только при Иванѣ Даниловичѣ: ясно, что и мысль о томъ, чтобы Петръ погребенъ былъ не во Владимирѣ, а въ Москвѣ, явилась только при немъ. По исторіи построенія церкви мы даже съ совершенною точностію можемъ опредѣлить время, когда было рѣшено между св. Петромъ и Иваномъ Даниловичемъ, чтобы останки перваго были положены не во Владимирѣ, а въ Москвѣ. Каменныя церкви, какъ и всякія каменныя зданія, начинаютъ класть весною; нашу же церковь начали класть совсѣмъ не въ обычное время—въ Августѣ мѣсяцѣ 1326-го года (она заложена 4-го Августа): очевидно, кладка начата не въ обычное время по той причинѣ, что только въ это необычное время состоялось помянутое соглашеніе. А если не отложили кладки до весны слѣдующаго года, то необходимо думать, что не находили возможнымъ сдѣлать этого въ виду старости и болѣзненности св. Петра, который и дѣйствительно скончался черезъ четыре съ половиной мѣсяца послѣ заложенія церкви.

Житія св. Петра увѣряютъ, что онъ самъ изъявилъ Ивану Даниловичу желаніе быть погребеннымъ вмѣсто Владимира у него въ Москвѣ. Но представлять дѣло такимъ образомъ вовсе невѣроятно. Обстоятель-

---

[1]) Никон. лѣт. Ш, 130 нач..

ства вынуждали св. Петра проживать по часту, или можетъ быть—большею частію, вмѣсто Владимира въ Москвѣ. Но Владимиръ былъ его каѳедральнымъ городомъ и ему надлежало быть погребену при его каѳедрѣ. Какъ митрополитъ, св. Петръ не могъ имѣть совершенно никакихъ побужденій къ тому, чтобы желать быть погребеннымъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ; а представлять дѣло такъ, будто возбудило въ немъ желаніе быть погребеннымъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ благочестіе московскаго князя, какъ уже мы говорили, было бы очень странно, потому что митрополиты должны быть погребаемы при своихъ каѳедрахъ, а не въ какихъ нибудь и не во всякихъ другихъ мѣстахъ своихъ епархій, гдѣ придется имъ встрѣтить благочестивыхъ людей. Имѣлъ побужденія желать, чтобы св. Петръ былъ погребенъ въ Москвѣ и чтобы его преемники начали жить въ ней, князь Иванъ Даниловичъ въ тѣхъ политическихъ видахъ, чтобы нахожденіе въ Москвѣ каѳедры митрополитовъ содѣйствовало перенесенію въ нее изъ Владимира престола великокняжескаго. И необходимо принимать, что иниціатива въ этомъ дѣлѣ о рѣшеніи св. Петра быть погребеннымъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ принадлежала не ему самому, а князю,—что Иванъ Даниловичъ, возъимѣвъ желаніе, чтобы св. Петръ вмѣсто Владимира былъ погребенъ у него въ Москвѣ, обратился къ нему съ настоятельными просьбами о семъ и что онъ, уступая просьбамъ князя и входя въ его политическіе виды, и далъ послѣднему относительно этого свое согласіе. Иванъ Даниловичъ, наслѣдовавъ послѣ смерти брата престолъ московскій, не наслѣдовалъ отъ него вмѣстѣ съ тѣмъ престола великокняжескаго, который послѣ недолгаго сидѣнія на немъ Юріева (1318—1322), снова возвратился къ князьямъ тверскимъ [1]), такъ что въ ту минуту, когда состоялось соглашеніе между Иваномъ Даниловичемъ и св. Петромъ о погребеніи послѣдняго вмѣсто Владимира въ Москвѣ, первый не былъ великимъ княземъ, а только удѣльнымъ княземъ московскимъ. Выходитъ, повидимому, то странное, что Иванъ Даниловичъ мечталъ о перенесеніи столицы великаго княженія изъ Владимира въ

[1]) Дмитрій Михайловичъ, согнавшій Юрія съ престола великокняжескаго въ 1322-мъ году и потомъ убившій его въ Ордѣ въ 1325-мъ году, былъ за это послѣднее самъ казненъ смертью по приказанію хана (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1327-го года, черезъ 10 съ небольшимъ мѣсяцевъ послѣ убійства Юріева, въ продолженіе которыхъ находился въ Ордѣ въ заключеніи); но престолъ великокняжескій все-таки не былъ отнятъ ханомъ у князей тверскихъ: онъ отданъ былъ брату Дмитріеву Александру, на мѣсто котораго уже по смерти св. Петра и сѣлъ Иванъ Даниловичъ.

Москву, когда еще не владѣлъ этой столицей. Но къ овладѣнію столицей онъ настоятельнымъ образомъ стремился и оно было для него, такъ сказать, дѣломъ рѣшеннымъ. Юрій Даниловичъ, послѣ 14-лѣтнихъ усиленнѣйшихъ исканій престола великокняжескаго подъ Михайломъ Ярославичемъ (1304—1318) наконецъ доставшій его, когда скоро затѣмъ былъ снова съ него согнанъ (1322), какъ кажется, предался отчаянію и махнулъ на него рукой [1]. Но Иванъ Даниловичъ, заступивъ мѣсто брата на столѣ московскомъ, началъ исканіе престола великокняжескаго съ тою же настойчивостію, съ какою искалъ его Юрій Даниловичъ въ помянутыя первыя 14 лѣтъ. Между Тверью и Москвой дѣло было поставлено такимъ образомъ, чтобы быть или не быть той или другой изъ нихъ.

Употребляя точнѣйшія рѣчи объ этомъ перенесеніи св. Петромъ каѳедры митрополіи изъ Владимира въ Москву, мы должны сказать, что собственно говоря св. Петръ вовсе не переносилъ каѳедры изъ одного города въ другой и что то дѣйствіе, на которое онъ изъявилъ свое согласіе по отношенію къ Москвѣ и которое принято называть перенесеніемъ каѳедры, можетъ быть называемо таковымъ только въ весьма несобственномъ и весьма неточномъ смыслѣ слова. Каѳедра митрополіи могла быть перенесена формальнымъ и настоящимъ образомъ по двумъ причинамъ—или по той церковной причинѣ, что Владимиръ прекратилъ бы свое существованіе, либо почему нибудь оказался невозможнымъ для пребыванія, или по той причинѣ государственной, что Москва стала бы вмѣсто него столицей великаго княженія. Ни одной, ни другой причины вовсе не существовало, и св. Петръ, вовсе не имѣвшій причинъ къ перенесенію каѳедры изъ Владимира въ Москву, дѣйствительно вовсе и не переносилъ ея, ибо въ продолженіе довольно долгаго времени послѣ него каѳедра митрополитовъ продолжала оставаться во Владимирѣ, а если митрополиты послѣ него начали жить въ Москвѣ, то это значило, что вмѣсто того, чтобы жить при своей каѳедрѣ, они начали жить въ одномъ изъ пригородовъ своей епархіи (вопреки 82-му правилу Карѳагенскаго собора). Мы сказали, что если бы Москва заступила мѣсто Владимира въ качествѣ столицы великаго княженія, то существовала бы законная причина къ перенесенію каѳедры митрополичьей изъ одного города въ другой. Напротивъ, въ данномъ случаѣ

---

[1]) Съ 1322-го года Юрій жилъ не въ Москвѣ, а въ Новгородѣ, и занимался не интригами противъ Дмитрія Михайловича, а дѣлами новгородскими (1-я Новгородск. лѣт.; можетъ быть, впрочемъ, имѣлъ въ виду то, чтобы выждать случая и съ помощью новгородцевъ отнять у князя тверского престолъ великокняжескій).

требовалось достигнуть того, чтобы пребываніе митрополитовъ на жительствѣ въ Москвѣ содѣйствовало возвышенію послѣдней на степень столицы великаго княженія (послѣ чего каѳедра митрополіи и могла бы быть перенесена въ нее формальнымъ образомъ). Не перенося каѳедры митрополіи изъ Владимира въ Москву формальнымъ образомъ, что было невозможно по несуществованію причинъ, св. Петръ могъ содѣйствовать только тому, чтобы его преемники, вслѣдъ за нимъ, утвердили свое пребываніе въ Москвѣ,—этомъ пригородѣ митрополичьей епархіи, вмѣсто своего каѳедральнаго города Владимира. Въ видахъ достиженія этой цѣли, св. Петръ и сдѣлалъ то, что изъявилъ согласіе быть погребеннымъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ. Желаніе по отношенію къ его преемникамъ, выраженное имъ въ этомъ согласіи, т. е. желаніе, чтобы преемники остались жить при его гробѣ, нисколько не было обязательно для сихъ послѣднихъ: могло оно осуществиться, какъ это и на самомъ дѣлѣ случилось, могло и не осуществиться. Но сдѣлать чего нибудь, что было бы обязательнымъ для преемниковъ, св. Петръ былъ не въ состояніи, потому что это было не въ его средствахъ. Онъ могъ только принять мѣры, чтобы его непосредственный преемникъ былъ подобно ему человѣкъ, имѣвшій охоту жить въ Москвѣ; эти мѣры онъ дѣйствительно и принималъ, какъ скажемъ ниже въ рѣчахъ о слѣдующемъ за нимъ митрополитѣ Ѳеогностѣ.

Итакъ, исторія такъ называемаго перенесенія св. Петромъ каѳедры митрополіи изъ Владимира въ Москву представляется въ слѣдующемъ видѣ. Св. Петръ, бывъ поставленъ въ митрополиты и прибывъ во Владимиръ, нашолъ врагомъ себѣ владимирскаго великаго князя Михаила Ярославича, каковымъ врагомъ его великій князь и остался на все послѣдующее время. Принятый какъ врагъ великимъ княземъ, св. Петръ по необходимости долженъ былъ обратиться къ врагу сего послѣдняго—къ московскому князю Юрію Данилову, съ которымъ и вступилъ въ союзъ дружества. По своимъ отношеніямъ къ великому князю не находя удобнымъ пребываніе для себя во Владимирѣ, при своей каѳедрѣ, гдѣ былъ хозяиномъ именно великій князь, св. Петръ по часту, или можетъ быть—даже и весьма по часту, проживалъ у своего союзника Юрія Даниловича въ его Москвѣ, которая въ церковно-административномъ отношеніи была однимъ изъ пригородовъ митрополичьей епархіи. Подъ конецъ жизни св. Петра преемникъ Юрія Даниловича на московскомъ столѣ, его братъ Иванъ Даниловичъ, задался мыслію навсегда удержать митрополитовъ въ Москвѣ, дабы обезпечить чрезъ это успѣхъ своему политическому замышленію перенести изъ Владимира въ Москву столицу великаго княженія. Для этой цѣли Иванъ Дани-

ловичъ обратился къ св. Петру съ просьбою, чтобы онъ согласился быть погребеннымъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ, и св. Петръ, удовлетворяя просьбѣ и сочувствуя политическимъ стремленіямъ дружественнаго ему князя, далъ послѣднему свое согласіе.—Отчего житія св. Петра, написанныя людьми, нарочито радѣвшими объ интересахъ Москвы, представляютъ дѣло такъ, будто онъ самъ изъявилъ Ивану Даниловичу желаніе быть погребеннымъ въ Москвѣ, это совершенно понятно: при такомъ представленіи дѣла, т. е. что св. Петръ самъ избралъ Москву мѣстомъ своего погребенія, фактъ его погребенія въ ней получалъ новое и особое, въ смыслѣ важности для нея, церковно-политическое значеніе.

Въ церковно-административномъ отношеніи, какъ говорили мы, Москва составляла пригородъ митрополичьей епархіи. Имѣй она своего епископа или принадлежи къ другой епархіи, не митрополичьей, то очень могло бы быть и весьма вѣроятно, что св. Петръ, не находя удобнымъ для себя пребываніе во Владимирѣ, избралъ бы для своего пребыванія не ее, а другой какой-нибудь городъ, принадлежавшій къ его епархіи. Такимъ образомъ, обстоятельства Москвы, предназначенной быть собирательницею Руси, были именно таковы, чтобы св. Петръ могъ жить въ ней, а затѣмъ и быть погребеннымъ въ ея стѣнахъ...

Москва, задавшаяся мыслію сдѣлаться вмѣсто Владимира столицей наслѣдственнаго великаго княженія, была еще такъ «смиренна кротостію», по удачному выраженію перваго жизнеописателя св. Петра, что въ ней не было еще ни одной каменной церкви. Св. Петръ, конечно, могъ быть погребенъ въ ней и въ одной изъ деревянныхъ церквей. Но его погребеніе въ Москвѣ было разсчитано на то, что при церкви, въ которой онъ будетъ погребенъ, станутъ жить въ ней, какъ бы по выраженному имъ чрезъ это завѣту, его преемники. Какъ будущей фактически-каѳедральной церкви митрополитовъ (рядомъ съ юридически-каѳедральною—владимирскимъ Успенскимъ соборомъ) нашей церкви надлежало быть каменною. Получивъ согласіе св. Петра на то, чтобы быть ему погребеннымъ въ Москвѣ, князь Иванъ Даниловичъ съ поспѣшностію приступилъ къ постройкѣ каменной церкви, какъ усыпальницы для митрополита. Церковь эта, весьма скромная по своимъ размѣрамъ [1]), хотя не смотря на свою внѣшнюю скромность и ставшая вскорѣ знаменитою, была заложена 4-го Августа 1326-го года. Въ два или полтора осенніе мѣсяцы она не могла быть складена сполна: между

---

[1]) Нынѣшній московскій Успенскій соборъ не есть первоначальный, о которомъ говоримъ, а построенный вновь на мѣсто первоначальнаго.

тѣмъ св. Петръ скончался тою же зимой—съ 20-го на 21-е Декабря [1]). Въ слѣдствіе этого тѣло его было погребено въ начатой, но не оконченной, церкви, которая была окончена и освящена уже въ слѣдующемъ 1327-мъ году. Заранѣе приготовивъ для себя каменный гробъ, онъ поставилъ его въ отдѣленіи жертвенника или проскомидіи у внѣшней стѣны [2]): здѣсь и положены были его останки.

При мощахъ св. Петра начали твориться чудеса съ самой минуты его погребенія. Торжественнымъ и формальнымъ образомъ онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ спустя всего 13 лѣтъ послѣ своей кончины при слѣдующемъ за нимъ митрополитѣ Ѳеогностѣ.

До настоящаго времени сохраняется въ Москвѣ нѣсколько священныхъ предметовъ и вещей, которые усвояются преданіемъ св. Петру. Они суть слѣдующіе: 1) написанная святителемъ икона Успенія Божіей Матери, находящаяся въ Успенскомъ соборѣ, въ нижнемъ ярусѣ главнаго иконостаса, второю по правую сторону отъ царскихъ вратъ; 2) другая написанная имъ икона Божіей Матери, нарочито извѣстная подъ именемъ Петровской, находящаяся въ томъ же Успенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ апостоловъ Петра и Павла; 3) принадлежавшая ему панагія (золотая, полуовальная, на серебряной золоченой цѣпочкѣ, украшенная лалами и кафимскими зернами, съ вставленнымъ съ передней стороны ониксомъ, на которомъ вырѣзано изображеніе пророка Даніила съ греческою по сторонамъ надписью: ὁ προφήτης Δανιήλ, и съ вырѣзаннымъ на задней сторонѣ, по золоту, образомъ Божіей Матери Одигитріи), хранящаяся въ Синодальной ризницѣ; 4) принадлежавшій ему саккосъ (изъ лазореваго атласа, съ вытканными въ кругахъ четвероконечными крестами), хранящійся въ той же ризницѣ; 5) принадлежавшая ему епитрахиль (изъ гвоздичной камки, украшенная 6-ю большими и нѣсколькими малыми дробницами, обнизанными мелкимъ жемчугомъ), хранящаяся въ той же ризницѣ; 6) принадлежавшій ему посохъ, возобновленный патр. Іоакимомъ, находящійся въ Успенскомъ соборѣ и стоящій у патріаршаго мѣста; 7) его богослужебная шапка, находящаяся въ томъ же соборѣ при его мощахъ (въ духовныхъ завѣщаніяхъ великихъ князей, въ лѣтописяхъ и въ актахъ упоминается шейный крестъ чудотворца Петра, которымъ онъ благословилъ Ивана

---

[1]) По свидѣтельству перваго житія, св. Петръ передъ своею кончиною, о которой извѣщенъ былъ ангеломъ, раздалъ свое имѣніе нищимъ, священникамъ, монахамъ и монахинямъ, всѣмъ церковникамъ и своимъ домочадцамъ.

[2]) Что у внѣшней стѣны, это видно изъ словъ Никоновской и Воскресенской лѣтописей о мѣстѣ положенія тѣла Ѳеогностова.

Даниловича Калиту и весь его родъ и которымъ великіе князья благословляли большихъ своихъ дѣтей, т. е. старшихъ своихъ сыновей, въ настоящее время неизвѣстный, см. лѣтописи Воскресенскую и Софійскую подъ 1524-мъ годомъ,—въ Собр. лѣтт. VI, 272, и VIII, 285, и духовное завѣщаніе Ивана Васильевича Грознаго у *Карамз.* IX, прим. 849, col. 182; крестомъ чудотворца Петра благословляемъ былъ при вѣнчаніи на царство Өедоръ Борисовичъ Годуновъ,—Собр. госуд. грамм. и договв. II, 189, Акт. Экспед. II, 86, но въ чинѣ вѣнчанія на царство Михаила Өедоровича о немъ не упоминается,—Собр. грамм. и договв. III, 70 sqq, и можно думать, что во время междуцарствія похитила или уничтожила его святотатственная рука Поляковъ, которые, сидѣвъ въ Кремлѣ, разграбили царскую казну).

МИТРОПОЛИТЪ ѲЕОГНОСТЪ.

Св. Петръ, давъ Ивану Даниловичу свое согласіе быть погребеннымъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ, оставилъ чрезъ сіе какъ бы завѣщаніе своимъ преемникамъ, чтобы они утвердились на жительство вмѣсто перваго въ послѣдней. Однако, это своего рода завѣщаніе имѣло характеръ только приглашенія и нисколько не обязательства, такъ что могло быть исполнено преемниками, начиная съ непосредственнаго или перваго изъ нихъ, а могло быть вовсе и не исполнено. Между тѣмъ для московскаго князя въ его государственныхъ интересахъ было чрезвычайно важно, чтобы случилось такъ, какъ онъ желалъ, потому что пребываніе митрополитовъ въ его удѣльно-стольномъ городѣ представляло бы собою рѣшительное обезпеченіе успѣха явившейся у него мысли о возвышеніи своего удѣла на степень наслѣдственнаго великаго княженія. Надѣяться на то, чтобы митрополитъ, присланный на мѣсто св. Петра изъ Греціи и Грекъ, оказался именно такимъ человѣкомъ, какой былъ желателенъ, т. е. который бы согласился содѣйствовать новымъ политическимъ стремленіямъ Ивана Даниловича, конечно, было очень не надежно. И князь съ св. Петромъ рѣшились на смѣлое дѣло: обходя великаго князя, они избрали въ будущіе преемники второму изъ нихъ своего человѣка, нѣкоего архимандрита Ѳеодора [1]).

---

[1]) Объ избраніи св. Петромъ на свое мѣсто архимандрита Ѳеодора говоритъ неизвѣстный авторъ перваго его житія (готовясь испустить духъ, умиравшій св. Петръ «рече преподобному архимандриту Ѳеодору, его же воименова на митрополію: «миръ ти, чадо, азъ почити хощу»). Кипріанъ, какъ человѣкъ пришлый и не сочувствовавшій избранію митрополитовъ въ самой Россіи, умалчиваетъ объ этомъ весьма важномъ обстоятельствѣ. Кто такой былъ архимандритъ Ѳеодоръ, остается неизвѣстнымъ. Если бы можно было принять увѣреніе лѣтописей, что Даніилъ Александровичъ, основавъ въ Москвѣ Даниловъ монастырь, учредилъ въ немъ архимандритію: то слѣдовало бы думать, что Ѳеодоръ былъ архимандритомъ именно этого Данилова монастыря; но сомнительно, чтобы Даніилъ Александровичъ учредилъ въ своемъ монастырѣ архимандритію. Затѣмъ, въ сѣверной Руси (кромѣ Новгорода) были

Но смѣлость не имѣла на сей разъ того успѣха, которымъ она иногда сопровождается: архимандритъ Ѳеодоръ не былъ поставленъ патріархомъ въ митрополиты и на мѣсто св. Петра былъ присланъ изъ Константинополя Грекъ Ѳеогностъ. Намъ неизвѣстна исторія устраненія Ѳеодора отъ каѳедры митрополіи. Въ Константинополѣ, не смотря на два, только что передъ тѣмъ бывшіе, случая поставленія митрополитовъ изъ природныхъ Русскихъ, не могли имѣть охоты поступать такимъ образомъ; а поелику непріятная просьба шла не отъ самого великаго князя, а помимо него отъ князя удѣльнаго: то она и могла быть отстранена патріархомъ. Но необходимо думать, что во всякомъ случаѣ помѣшалъ исполненію просьбы великій князь,—второй сынъ тверскаго Михайла Ярославича Александръ Михайловичъ. Избраніе кандидата въ митрополиты московскимъ княземъ было посягательствомъ на его—великаго князя права, и при этомъ посягательствомъ, которое было разсчитано именно противъ него: естественно, что онъ долженъ былъ со всею рѣшительностію возстать передъ патріархомъ противъ исканія князя московскаго (очень можетъ быть, что Александръ Михайловичъ противопоставлялъ кандидату Ивана Даниловича своего собственнаго кандидата, но что патріархъ отстранилъ и его, не желая между двумя соискавшими мѣста кандидатами оказывать предпочтенія одному).

На счастіе Москвы, которой суждено было стать собирательницею Руси, дѣло ея не пропало и съ устраненіемъ ея кандидата отъ каѳедры митрополіи. Передъ самымъ прибытіемъ на Русь новаго митрополита Иванъ Даниловичъ успѣлъ сѣсть на столъ великокняжескій вмѣсто Александра Михайловича (въ концѣ 1327—въ началѣ 1328 года) и встрѣтилъ новаго митрополита не какъ удѣльный князь московскій, а какъ великій князь русскій. Въ волѣ новаго митрополита было принять или не принять московскія требованія Ивана Даниловича; но, не принимая требованій, онъ сдѣлалъ бы своимъ врагомъ великаго князя. Съ другой стороны, этотъ великій князь былъ государственный человѣкъ далеко не рядовой, слѣдовательно,—какъ можно предполагать,

---

тогда два архимандрита: владимирскій Рождественскаго монастыря и ростовскій Петровскаго монастыря; первый былъ архимандритъ именно митрополичій, а второй чужой епархіи, почему и представляется вѣроятнѣйшимъ думать на перваго. Могло быть, впрочемъ, еще такъ, что самъ св. Петръ передъ своею смертію далъ санъ архимандрита игумену Данилова монастыря (только въ 1330-мъ году архимандритъ дворцоваго Спасскаго монастыря, перемѣщенный, по словамъ лѣтописей, въ семъ году изъ Данилова монастыря, назывался не Ѳеодоромъ, а Іоанномъ).

обладалъ способностію убѣжденія и привлеченія къ себѣ людей не совсѣмъ обыкновенною. Какъ бы то ни было, новый митрополитъ изъявилъ готовность быть помощникомъ Москвы въ ея государственныхъ стремленіяхъ и такимъ образомъ, замѣняя своего предшественника, явился тѣмъ, чего Москва желала и искала. «Пріиде, говоритъ о Ѳеогностѣ московскій лѣтописецъ, на великій столъ на митрополью, на Кіевъ и на всю Русь, таже пріиде въ Володимеръ и въ славный градъ Москву, къ пречистой Богородицѣ Успенію и къ чудотворцову гробу Петрову, и на его мѣсто сѣде и въ его дворѣ нача жити, милость Божія съ нимъ и пречистыя Богородицы и великаго чудотворца Петра молитва и благословеніе: инымъ же княземъ многимъ не много сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща» [1]). Другіе князья весьма поняли, какой смыслъ и какое значеніе могло имѣть переселеніе митрополитовъ въ Москву на жительство.

Ѳеогностъ былъ поставленъ въ митрополиты русскіе или въ концѣ 1327-го или въ началѣ 1328-го года, ибо въ Маѣ мѣсяцѣ втораго года онъ былъ уже въ Россіи.

По прибытіи на Русь онъ не проѣхалъ прямо на сѣверъ, но остановился на югѣ, въ волынской землѣ. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1328-го года онъ поставилъ здѣсь двухъ епископовъ—владимирскаго и галицкаго, при чемъ участниками его въ поставленіи новыхъ епископовъ были существовавшіе или прежніе епископы: перемышльскій, холмскій, луцкій и туровскій [2]), иначе сказать—всѣ наличные епископы галицко-волынской Руси. Считая вѣроятнымъ думать, что епархіи галицко-волынскія подчинены были вѣдѣнію митрополита литовскаго, поставленнаго въ 1316—1317-мъ году, нужно будетъ понимать дѣло такъ, что Ѳеогносту при вступленіи его на каѳедру удалось достигнуть того, чтобы митрополія литовская была закрыта. А что при семъ вступленіи Ѳеогноста на каѳедру по всей вѣроятности была закрыта митрополія литовская, если и не входили въ ея составъ епархіи галицко-волынскія, слѣдуетъ изъ того, что въ числѣ епископовъ, участвовавшихъ въ поставленіи новыхъ

---

[1]) Никон. лѣт. III, 139.

[2]) См. греческія записи о поставленіи епископовъ при митр. Ѳеогностѣ. открытыя г. *Регелемъ* въ одной ватиканской рукописи и напечатанныя—въ русскомъ переводѣ въ статьѣ г. *Васильевскаго*: «Записи о поставленіи русскихъ епископовъ при митрополитѣ Ѳеогностѣ въ ватиканскомъ греческомъ сборникѣ», помѣщенной въ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1888-й годъ; въ греческомъ подлинникѣ—въ изданіи г. Регеля: Analecta Byzantino—Russica. Petropoli. 1891.

епископовъ, мы видимъ епископа туровскаго, епархія котораго въ государственномъ отношеніи, какъ сказали мы выше, по всей вѣроятности уже принадлежала тогда Литвѣ. Акты патріархіи константинопольской даютъ знать, что въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1329-го года находился въ Константинополѣ митрополитъ литовскій [1]). Считая вѣроятнымъ сейчасъ сказанное, должно будетъ предполагать, что митрополитъ литовскій, каѳедра котораго была закрыта при поставленіи Ѳеогноста въ митрополиты, явился въ Константинополь, чтобы хлопотать о новомъ ея открытіи [2]).

Послѣ неизвѣстно сколь продолжительнаго пребыванія въ южной, волынской, Руси, Ѳеогностъ въ томъ же 1328-мъ году прибылъ на сѣверъ, чтобы, согласно исканію вел. князя Ивана Даниловича, стать вслѣдъ за св. Петромъ митрополитомъ именно московскимъ.

Изъявивъ свою готовность быть помощникомъ Москвы въ ея государственныхъ стремленіяхъ, онъ явился помощникомъ весьма ревностнымъ, такъ что въ этомъ качествѣ пріобрѣлъ полное право на ея благодарность, подобно своему предшественнику св. Петру и подобно своему преемнику св. Алексію.

Москва задалась высокою мыслью, поставивъ себя на мѣсто Владимира, сдѣлаться столицей наслѣдственнаго великаго княженія; между тѣмъ она была до тѣхъ поръ городомъ очень бѣднымъ. Такъ какъ соотвѣтствующая положенію внѣшность одинаково необходимымъ образомъ требуется сколько отъ людей, столько же и отъ городовъ: то князья московскіе, если они серьёзно помышляли сдѣлать свою столицу столицей великаго княженія, должны были позаботиться, чтобы сдѣлать изъ нея въ отношеніи къ внѣшности городъ болѣе или менѣе соотвѣтствующій роли, къ которой она предназначалась. Къ заботамъ объ этомъ и побудилъ митр. Ѳеогностъ Ивана Даниловича тотчасъ же по своемъ прибытіи въ Москву, при чемъ и самъ принялъ дѣятельное

---

[1]) См. Acta Patriarchatus Constantinopolitani, изданные *Миклошичемъ и Миллеромъ,* I, 147 (послѣ двухъ безыменныхъ упоминаній о митрополитѣ литовскомъ,—подъ 1317-мъ и 1326-мъ годами, на сей разъ акты называютъ его по имени, которое есть Ѳеофилъ).

[2]) Въ Январѣ мѣсяцѣ 1327-го года, т. е. тотчасъ послѣ смерти св. Петра, мы видимъ митрополита литовскаго въ Константинополѣ.—Acta Patriarchat. Constantinop., I, 143. Конечно, онъ пріѣзжалъ въ Константинополь по какимъ либо дѣламъ своей митрополіи, но по какимъ именно и не находилась ли поѣздка въ какой либо связи со смертью св. Петра, къ сожалѣнію, совершенно ничего не можемъ сказать.

участіе въ ихъ осуществленіи. Въ древнее время какъ вездѣ, такъ въ частности и у насъ на Руси, благоукрашеніе городовъ составляли храмы или церкви. У насъ на Руси церквами, благоукрашающими города, считались церкви каменныя, въ отличіе отъ церквей деревянныхъ, каковыми были обыкновенныя наши церкви. О благоукрашеніи Москвы церквами каменными и должно было позаботиться, чтобы выдвинуть ее изъ ряда городовъ бѣдныхъ и сдѣлать городомъ великолѣпнымъ въ тогдашнемъ смыслѣ, достойнымъ стать столицею великаго княженія. Строеніе церквей каменныхъ и началось въ Москвѣ тотчасъ же по прибытіи въ нее митр. Ѳеогноста, при чемъ онъ самъ не только явился помощникомъ великаго князя, но и взялъ на себя иниціативу. На другой годъ послѣ своего прибытія, въ 1329-мъ году, онъ построилъ въ Москвѣ двѣ каменныя церкви—Іоанна Лѣственика [1]) и апостола Петра (поклоненія честныхъ его веригъ [2]); въ слѣдующемъ 1330-мъ году великій князь заложилъ третью каменную церковь—св. Спаса въ своемъ домовомъ или придворномъ Спасскомъ монастырѣ [3]); спустя четыре года послѣ сего, въ 1333-мъ году, великій князь построилъ еще одну каменную церковь—архангела Михаила [4]). Такимъ образомъ, въ самомъ

---

[1]) Въ послѣдующее время надъ церковію Іоанна Лѣствичника была устроена колокольня (потому, что на колокольни ходятъ по лѣстницамъ?), отчего она стала называться церковію «Ивана святаго подъ колоколами»; въ настоящее время она подъ колокольней кремлевскихъ соборовъ, которая отъ нея получила названіе Ивановской. Въ 1326-мъ году у Ивана Даниловича на память Іоанна Лѣствичника (30 Марта) родился сынъ Иванъ (Воскрес. лѣт.): вѣроятно, что по сему случаю и построена наша церковь.

[2]) Церковь ап. Петра была построена не какъ самостоятельная церковь, а какъ придѣлъ къ церкви Успенія Божіей Матери, въ которой былъ погребенъ св. митр. Петръ (съ сѣверной стороны. Была построена или потому, что поклоненіе веригамъ ап. Петра (16 Января) было, можетъ быть, днемъ ангела св. Петра, или потому, что придѣлъ поклоненія веригамъ находился въ константинопольской св. Софіи, см. Паломникъ Антонія по изд. *Савваитова*, col. 63).

[3]) Нынѣ—придворный соборъ Спасъ на Бору (находящійся во дворѣ дворца.— Въ лѣтописяхъ говорится, что при семъ и основанъ былъ монастырь Иваномъ Даниловичемъ; но монастырь упоминается ранѣе, подъ 1319 г., въ разсказѣ о привезеніи въ Москву изъ Орды тѣла Михаила Ярославича).

[4]) Нынѣ—Архангельскій соборъ. Существовала ли прежде каменной деревянная церковь архангела Михаила, это составляетъ вопросъ и болѣе вѣроятно, что не существовала. Никоновская лѣтопись увѣряетъ, что Данило Александровичъ и Юрій Даниловичъ погребены въ церкви архангела Михаила. Но Данило Александровичъ погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ, а Юрій Даниловичъ—въ церкви св. Димитрія,

непродолжительномъ времени послѣ прибытія Ѳеогноста въ Москву, благодаря ему и его вліянію, въ ней явилось пять каменныхъ церквей, считая съ тою церковію Успенія Божіей Матери, которая была заложена передъ смертью св. Петра и въ которой онъ былъ погребенъ. Этимъ числомъ пяти каменныхъ церквей Москва не сравнялась по ихъ количеству съ Владиміромъ; а поелику всѣ церкви, не исключая и церкви Успенія Божіей Матери, были по своимъ размѣрамъ весьма скромныя, то вовсе не сравнялась съ нимъ и по качеству церквей: но не успѣвъ достигнуть еще этого, она все-таки сразу достигла того, чтобы рѣшительно выдвинуться изъ ряда другихъ городовъ владимирской или суздальской Руси. Теперь, заявляя свои высокія притязанія, она вовсе не могла уже казаться смѣшною по несоотвѣтствію ея притязаній съ ея внѣшностію [1]).

При мощахъ св. Петра начали совершаться чудеса съ самой минуты его погребенія. Князь Иванъ Даниловичъ приказывалъ записывать чудеса и еще прежде прибытія Ѳеогноста на Русь, будучи побуждаемъ—съ одной стороны, конечно, непосредственнымъ желаніемъ прославить чудотворца, а съ другой стороны—несомнѣнно и государственными цѣлями прославить Москву, удостоившуюся получить явный знакъ Божія къ себѣ благоволенія въ томъ, что почившій въ ея стѣнахъ святитель сподобился получить отъ Бога даръ чудотвореній, посылалъ записи о чудесахъ во Владиміръ, чтобы онѣ прочитывались съ амвона въ каѳедральной митрополичьей церкви и такимъ образомъ становились извѣстными всей Руси [2]). Чудеса продолжали совершаться при мощахъ св. Петра и послѣ прибытія Ѳеогностова на Русь. Митрополитъ, конечно, не могъ отнять у мощей дара чудотвореній; но онъ

которая послѣ составляла придѣлъ Успенскаго собора (см. въ лѣтописяхъ о построеніи новаго Успенскаго собора подъ 1472 г.).

[1]) Спустя 11-ть лѣтъ послѣ построенія церкви архангела Михаила, въ продолженіе 1344—1345-го годовъ, всѣ пять каменныхъ церквей были росписаны стѣннымъ письмомъ, которое было произведено отчасти мастерами греческими, отчасти собственными русскими. Объ этомъ нарочито скажемъ ниже, въ отдѣлѣ о храмахъ и богослуженіи.

[2]) См. первое житіе св. Петра, принадлежащее неизвѣстному. Что еще до прибытія Ѳеогноста, ясно изъ того, что во Владимірѣ записи о чудесахъ читалъ ростовскій епископъ Прохоръ, очевидно, замѣнявшій не прибывшаго еще митрополита и во всякомъ случаѣ умершій до прибытія Ѳеогностова (въ нѣкоторыхъ спискахъ житія великимъ княземъ называется Иванъ Даниловичъ, но это ошибка или ошибочная поправка вмѣсто: Александръ Михайловичъ).

очень могъ не позаботиться о торжественной канонизаціи чудотворца. Ѳеогностъ, побуждаемый, съ одной стороны, желаніемъ воздать должное угоднику Божію, явно прославленному Богомъ, а съ другой стороны— несомнѣнно побуждаемый и желаніемъ содѣйствовать прославленію Москвы, поспѣшилъ торжественнымъ и формальнымъ образомъ причислить Петра къ лику святыхъ. Чтобы придать акту этого причисленія или канонизаціи возможно бо́льшую торжественность и твердость, что̀ также имѣло значеніе въ видахъ политическихъ, митрополитъ не совершилъ его самъ собой, какъ это дѣлалось у насъ дотолѣ и на что имѣлъ онъ право, а испросилъ разрѣшеніе на него у патріарха. Сохранилось до настоящаго времени посланіе къ Ѳеогносту константинопольскаго патріарха Іоанна Калеки отъ Іюля мѣсяца 1339-го года, въ которомъ патріархъ благословляетъ митрополита причислить Петра къ лику святыхъ [1]). Въ своемъ посланіи патріархъ пишетъ митрополиту: «Получили мы писаніе твоего святительства съ извѣщеніемъ и вмѣстѣ удостовѣреніемъ о бывшемъ предъ тобою архіереѣ той же святѣйшей церкви, что по смерти онъ прославленъ отъ Бога и явленъ истиннымъ угодникомъ Его, такъ что отъ него совершаются великія чудеса и исцѣляются всякія болѣзни. И мы возвеселились о семъ и возрадовались духомъ и возслали Богу подобающее славословіе. А поелику твое святительство и отъ насъ искало наставленія о томъ, что̀ должно учинить съ таковыми святыми мощами,—(то отвѣчаемъ:) и самъ ты знаешь и не не вѣдаешь, какого чина и обычая держится въ подобныхъ случаяхъ церковь Божія; получивъ твердое и несомнѣнное удостовѣреніе касательно и сего (святаго), твое святительство да поступаетъ и относительно его всецѣло по тому же уставу церкви: почти и ублажи угодника Божія пѣснопѣніями и священными славословіями и предай сіе на будущія времена, въ хвалу и славу Богу, прославляющему прославляющихъ Его». Канонизація св. Петра имѣла ту особенность, что при семъ мощи его не были изнесены изъ гроба, но попрежнему остались сокрытыми въ немъ.

Несомнѣнно, что эта канонизація имѣла для Москвы чрезвычайно важное политическое значеніе. Изъ очень длиннаго ряда русскихъ митрополитовъ за трехсотлѣтнее существованіе русской церкви св. Петръ, благоволившій избрать Москву мѣстомъ своего обитанія, былъ первый, удостоившійся торжественнаго церковнаго прославленія: въ этомъ могли видѣть явный знакъ особеннаго Божія къ ней благоволенія, предна-

---

[1]) Въ Acta Patriarchat. Constantinop. I, 191, и отсюда съ русскимъ переводомъ въ Памятникахъ *Павлова*, приложж. col. 11.

значившаго ей исключительный жребій [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ стѣнахъ своихъ чудотворныя мощи новопрославленнаго святителя, Москва необходимо должна была привлекать къ себѣ взоры всей сѣверной Руси. Вообще, гробъ св. Петра, послѣ того, какъ онъ—Петръ былъ канонизованъ, сталъ твердымъ краеугольнымъ камнемъ для нея въ ея стремленіяхъ къ политическому возвышенію.

Прибывъ на Русь и утвердивъ свое постоянное пребываніе въ Москвѣ, митр. Θеогностъ на другой годъ послѣ прибытія, въ 1329-мъ году, по примѣру своихъ предшественниковъ Кирилла и Максима, а вѣроятно—и св. Петра, ходилъ въ Новгородъ для его посѣщенія.

Во время своего пребыванія въ Новгородѣ онъ долженъ былъ оказать политическую услугу великому князю Ивану Даниловичу. Въ Тверь въ 1327-мъ году пріѣхалъ ханскій посолъ (Шевкалъ), который самъ лично и чрезъ свою свиту страшно утѣснялъ жителей; дѣло дошло до открытаго возмущенія со стороны послѣднихъ и произшедшая между Тверичами и Татарами рѣзня окончилась тѣмъ, что посолъ ханскій былъ убитъ, а всѣ бывшіе съ нимъ Татары были перебиты. Тверской князь Александръ Михайловичъ, бывшій въ то же время и великимъ княземъ владимирскимъ, допустивъ сдѣлать это (а можетъ быть—и самъ это устроивъ), бѣжалъ изъ Твери и укрылся во Псковѣ, а ханъ (Узбекъ), страшно разгнѣванный поступкомъ Тверичей, отдалъ великое княженіе Ивану Даниловичу и потребовалъ отъ новаго великаго князя, чтобы этотъ представилъ ему Михайла Александровича. Иванъ Даниловичъ

---

[1]) Въ Степенной книгѣ читаемъ: «Аще и мнози бѣша пресвященніи митрополиты, иже преже (святителя Петра) престолъ рускія митрополія украшаху, отъ перваго въ Кіевѣ градѣ святѣйшаго митрополита Михаила и до Максима митрополита, иже соверша житіе во градѣ Владимирѣ, ихже числомъ 23,—вси же сіи пресвященніи митрополиты многи труды и подвиги показаша и многи добродѣтели къ Богу стяжаша и вси поспѣшеніемъ Святаго Духа церковь Христову непорочно сохраниша и слово истинны божественныя благочестно исправиша, и аще тако святіи быша, овіи же отъ нихъ и чудесъ дарованія отъ Бога пріяша, а еще же и получиша небесныя почести кождо противу труду своему: *на земли же ни единъ отъ нихъ не сподобися получити въ день памяти ихъ празднества и торжественнаго блаженства, дондеже благоволи Богъ прейти и утвердитися кіевской и владимирской державѣ въ боголюбивомъ градѣ Москвѣ*, идѣже тогда державствова великій князь Иванъ, рекомый Калита, по отцѣ своемъ блаженномъ Даніилѣ Александровичѣ; и тогда благоволѣніемъ Божіимъ пріиде во градъ Москву сій Божій человѣкъ, великій во святителѣхъ, Петръ, съ нимже вкупѣ и Божія благодать совниде, якоже самъ пророче и благослови сій Божій святитель, его же и самъ Богъ прослави паче всѣхъ преже его бывшихъ рускихъ митрополитъ», — I, 409.

въ сопровожденіи другихъ князей и Новгородцевъ отправился подъ Псковъ доставать тверскаго князя. Но Псковичи рѣшительно не хотѣли выдавать Александра Михайловича. Тогда Иванъ Даниловичъ обратился съ просьбою къ митрополиту, чтобы онъ наложилъ на тверскаго князя и на Псковичей церковное отлученіе. Какъ видно изъ разсказа лѣтописей, митрополиту, только что прибывшему на Русь, не хотѣлось начинать своей дѣятельности такимъ печальнымъ дѣйствіемъ, какъ церковное отлученіе [1]; но, въ концѣ концовъ, онъ былъ вынужденъ исполнить требованіе великаго князя. Александръ Михайловичъ, не желая, чтобы изъ-за него тяготѣло на Псковичахъ церковное отлученіе, удалился отъ нихъ въ Литву къ Гедимину, а митрополитъ послѣ этого снялъ съ Псковичей отлученіе.

Возвратившись изъ Новгорода въ Москву и совершивъ въ ней, или, можетъ быть, отчасти въ ней, отчасти во Владимирѣ, въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1329-го—первыхъ мѣсяцевъ 1330-го года, поставленія трехъ новыхъ епископовъ (ростовскаго, суздальскаго и тверскаго [2]), Ѳеогностъ опять отправился въ южную, волынскую, Русь, чтобы отсутствовать изъ Москвы на довольно продолжительное время. Изъ актовъ патріархіи константинопольской видно, что въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1331-го года находился въ Константинополѣ митрополитъ галицкій [3]), а изъ актовъ, относящихся къ нашей церковной исторіи, видно, что въ Августѣ мѣсяцѣ 1331-го года находился при митр. Ѳеогностѣ епископъ галичскій, участвовавъ въ поставленіи имъ одного новаго епископа (черниговско-брянскаго [4]). Два эти извѣстія необходимо понимать и примирять такимъ образомъ, что въ Апрѣлѣ 1331-го года епископу галичскому удалось достигнуть того, чтобы открыта была митрополія галицкая, но что весьма скоро за симъ, къ Августу мѣсяцу того же года, по стараніямъ Ѳеогноста, опять была закрыта. Это открытіе галицкой митрополіи и эти старанія объ ея закрытіи, нѣтъ сомнѣнія, и заставили Ѳеогноста предпринять путешествіе въ галицко-

---

[1]) Иванъ Даниловичъ и другіе, бывшіе съ нимъ, князья «начаша *увѣщевати и молити* пресвященнаго митрополита Ѳеогноста, дабы отлученьемъ и запрещеніемъ связалъ» Александра Михайловича,—Никон. лѣт. III, 153.

[2]) См. указанныя выше греческія записи о поставленіи митр. Ѳеогностомъ епископовъ. Мѣста поставленія въ записяхъ, къ сожалѣнію, не обозначаются: но гораздо вѣроятнѣе думать, что поставленія указанныхъ трехъ епископовъ совершены въ Москвѣ или во Владимирѣ, чѣмъ въ Новгородѣ.

[3]) Acta Patriarchat. Constantinop., I, 164.

[4]) См. указанныя выше и сейчасъ помянутыя записи о поставленіи епископовъ.

волынскую Русь и пробыть тамъ довольно долго, съ Марта—Апрѣля 1330-го года до Апрѣля—Мая 1332-го года [1]).

Виновникомъ настоящаго, весьма не долго продолжавшагося, отдѣленія галицко-волынской Руси въ особую митрополію съ гораздо бо́льшею вѣроятностію долженъ быть считаемъ Гедиминъ литовскій, чѣмъ великій князь галицкій, которымъ въ 1331-мъ году былъ послѣдній князь изъ дома Романова Юрій Андреевичъ, ибо этотъ послѣдній Романовичъ представляется государемъ настолько слабымъ, настолько, такъ сказать, одною тѣнію государя, что усвоять ему исканіе для себя отдѣльнаго митрополита весьма мало вѣроятно. Что касается до Гедимина, то онъ могъ дѣйствовать или самъ непосредственно или чрезъ своего сына Любарта, по христіанскому православному имени Димитрія, который съ 1320-го года сидѣлъ на удѣлѣ въ волынскомъ Луцкѣ, доставшемся ему послѣ его тестя Льва Юрьевича, младшаго брата вел. кн. Андрея, отца нашего Юрія II. Отвѣтъ на вопросъ: почему Гедиминъ хлопоталъ о возстановленіи митрополіи галицкой, а не своей литовской, можетъ быть данъ безъ затрудненія. Въ Константинополѣ гораздо легче было добиться возстановленія митрополіи галицкой, чѣмъ митрополіи литовской: какъ даютъ знать греческіе акты, императоръ и патріархъ константинопольскіе, одинъ разъ открывъ митрополію литовскую, не хотѣли больше открывать ея, потому что христіанъ въ самой Литвѣ было весьма мало и что они удобно могли быть завѣдуемы сосѣднимъ епископомъ русскимъ [2]).

Во время пребыванія Өеогноста въ южной Руси, въ слѣдъ за тѣмъ, какъ 25-го Августа 1331-го года онъ поставилъ во Владимирѣ Волынскомъ новгородскаго архіепископа Василія, присылали къ нему посольство Псковичи, съ просьбой поставить имъ своего особаго епи-

---

[1]) Какъ видно изъ тѣхъ же записей о поставленіи епископовъ по соображеніи ихъ съ извѣстіями нашихъ лѣтописей.

[2]) См. у *Павлова* въ помянутой статьѣ «О началѣ галицкой и литовской митрополій», стр. 33. А что находившійся въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1331-го года въ Константинополѣ ὁ Γαλίτζης былъ несомнѣнно митрополитъ галицкій, а не епископъ, какъ принимаютъ иные, это видно, вопервыхъ, изъ того, что ему дается титулъ ὑπερτιμος'α, который никакъ не могъ быть данъ епископу, во вторыхъ—изъ того, что въ записяхъ о закрытіи въ 1347-мъ году митрополіи галицкой, открытой въ 1337—1338-мъ году, говорится, что до того времени она была открываема πολλάκις—много разъ (у *Павлова* ibid., стр. 17), между тѣмъ какъ если принимать, что ὁ Γαλίτζης 1331-го года былъ епископъ, то открытій митрополіи до 1347-го года будетъ у насъ и всего два.

скопа. Послѣ отбытія митрополита изъ Новгорода тверской князь Александръ Михайловичъ, ушедшій изъ Пскова въ Литву, снова возвратился во Псковъ, съ тѣмъ чтобы сѣсть въ немъ на княженіи въ качествѣ подручника Гедиминова. Псковичамъ, отторгавшимся отъ Новгорода въ отношеніи государственномъ, очевидно, желательна была отдѣльность отъ него и церковная, и они, избравъ кандидата въ отдѣльные епископы псковскіе,—нѣкоего монаха Арсенія, отправили его къ митрополиту съ просьбой о поставленіи. Просьба была настоятельно поддерживаема Гедиминомъ и всѣми князьями литовскими. Но Ѳеогностъ, отчасти, вѣроятно, не желая оскорблять Новгородцевъ и ихъ владыки, а отчасти, вѣроятно, потому именно, что исполненіе просьбы соотвѣтствовало бы видамъ литовскимъ, отказалъ въ ней Псковичамъ, при чемъ, какъ нужно думать, мотивировалъ свой отказъ Гедимину чѣмъ нибудь благовиднымъ, т. е. приводилъ какое нибудь каноническое основаніе для отказа.

Изъ галицко-волынской Руси Ѳеогностъ не возвратился прямо въ Москву, но предпринималъ еще путешествіе изъ нея въ Константинополь. Достигнувъ закрытія открытой было митрополіи галицкой черезъ своихъ пословъ къ императору и патріарху, онъ, вѣроятно, находилъ нужнымъ свое собственное путешествіе къ нимъ по той причинѣ, что не были совсѣмъ устранены или явились новыя опасности для возстановленнаго единства митрополіи.

Возвратный путь изъ Константинополя въ Россію, и именно въ Москву, митрополитъ держалъ черезъ Орду [1]. Можетъ быть, ему нужно было видѣть хана, которымъ былъ тогда знаменитый Узбекъ, для какихъ либо дѣлъ церковныхъ; можетъ быть, онъ имѣлъ порученія къ хану изъ Константинополя; а можетъ быть, наконецъ, и то, что онъ шелъ черезъ Орду просто потому, что черезъ нее лежала одна изъ дорогъ, по которымъ ему нужно было возвращаться изъ Константинополя на Русь, и, какъ кажется, одна изъ дорогъ, по которой наиболѣе ѣздили. Въ Москву митрополитъ прибылъ весной 1333-го года [2].

Въ 1341-мъ году произошла въ Ордѣ смѣна хановъ: умеръ сейчасъ помянутый Узбекъ и на его мѣсто вступилъ сынъ его Чанибекъ

---

[1]) Лѣтописи о возвращеніи Ѳеогноста изъ путешествія въ волынскую землю (Никон. лѣт. подъ 1332 годомъ, III, 160).

[2]) Что въ 1333-мъ году, это говорятъ многія лѣтописи; что весной, это даютъ знать нѣкоторые хронографы, по которымъ митрополитъ, прибывъ въ 1333-мъ году изъ Орды, закладывалъ въ семъ году въ Москвѣ церковь архангела Михаила.

(Джанибекъ [1]). Такъ какъ Узбекъ при своемъ вступленіи на престолъ узаконилъ, чтобы митрополиты являлись къ новымъ ханамъ за полученіемъ утвердительныхъ ярлыковъ, то Ѳеогностъ долженъ былъ предпринять путешествіе въ Орду къ новому хану для сейчасъ помянутой цѣли (въ 1342—43-мъ году). Это его путешествіе въ Орду едва было не имѣло для церкви весьма печальныхъ послѣдствій. Когда онъ находился у хана, какіе-то русскіе люди наговорили на него послѣднему, что онъ много безчисленно имѣетъ дохода и злата и сребра и всякаго богатства и что поэтому весьма справедливо было бы, чтобы онъ платилъ въ казну ханскую ежегодную дань [2]). Неизвѣстные русскіе люди, наговорившіе хану на митрополита, были, вѣроятно, какіе нибудь удѣльные князья, потому что митрополитъ, представлявшій собою исключительнаго сторонника и друга великаго князя, долженъ былъ имѣть между первыми враговъ и недоброжелателей; а поводомъ къ наговору могло послужить то, что Ѳеогностъ, какъ мы имѣемъ нѣкоторыя основанія думать, дѣйствительно былъ человѣкъ, нарочито заботившійся объ умноженіи митрополичьихъ доходовъ и въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ преданный печальной страсти сребролюбія. Внимая наговорамъ, ханъ потребовалъ отъ митрополита, чтобы онъ обязался платить ему ежегодную дань,—съ себя, подразумѣвается, и со всего духовенства. Но если дѣйствительно правда, что Ѳеогностъ накликалъ было бѣду на русскую церковь своею заботливостью объ умноженіи митрополичьихъ доходовъ; то онъ же съумѣлъ и предотвратить отъ нея бѣду. Не смотря ни на какія угрозы и старанія ханскихъ чиновниковъ, чрезъ которыхъ ведено было дѣло, онъ рѣшительно отказалъ въ предъявленномъ ему требованіи. Ханъ золотоордынскій, конечно, былъ деспотъ; но, во первыхъ, ханъ Чанибекъ былъ изъ числа деспотовъ лучшихъ [3]); во вторыхъ, и деспоты иногда уступаютъ, когда противъ нихъ твердо борются закономъ. У Монголовъ со временъ Чингизъ-хана существо-

---

[1]) Чанибекъ, какъ замѣчали мы выше, вступилъ на ханскій престолъ не непосредственно послѣ Узбека, а послѣ весьма недолгаго сидѣнія на немъ своего старшаго брата Тинибека.

[2]) Никон. лѣт. III, 179. Въ Новгородской лѣтописи сказано, что наговорили хану на митрополита калантаи (напечатано: Калантай). Такъ какъ по Гаммеру «каланъ» значитъ подать (Geschichte d. gold. Horde, S. 217, прим. 6), то калантаи должно значить: сборщики податей.

[3]) Наши лѣтописи отзываются о немъ: «бѣ сей царь Чанибекъ Азбяковичъ добръ зѣло ко христіанству, многу лготу сотвори землѣ рустѣй».—Никон. лѣтоп. III, 209.

валъ органическій государственный законъ, находившійся въ знаменитой Ясѣ (какъ называлось собраніе законовъ, изданное Чингизъ-ханомъ), что духовенства всѣхъ вѣръ должны быть свободны отъ даней. Нѣтъ сомнѣнія, что, опираясь на этотъ законъ, митрополитъ и успѣлъ отстоять неприкосновенность правъ русскаго духовенства. Все таки однако онъ не просто взялъ, а долженъ былъ купить себѣ побѣду: на подарки хану, ханшѣ и ихъ чиновникамъ онъ долженъ быхъ истратить шесть сотъ рублей (каковая, на первый взглядъ небольшая, сумма на самомъ дѣлѣ составляетъ немалую сумму шестидесяти или болѣе тысячъ нынѣшнихъ кредитныхъ рублей [1]). По всей вѣроятности, значительная часть изъ этой суммы досталась женѣ хана знаменитой Тайдулѣ, ибо она, въ знакъ своего благоволенія къ митрополиту, дала ему свой собственный ярлыкъ сверхъ ярлыка хана—своего мужа: пріобрѣтеніе Ѳеогностомъ благоволенія этой ханши должно быть считаемо большимъ добромъ, извлеченнымъ изъ худа.

При вступленіи на каѳедру Ѳеогносту удалось закрыть открытую было митрополію литовскую; въ 1331-мъ году ему удалось закрыть вторично было открытую митрополію галицкую: но эта послѣдняя митрополія спустя шесть лѣтъ послѣ 1331-го года вновь была открыта. Въ актѣ константинопольской патріархіи, не имѣющемъ даты, но который долженъ быть относимъ ко второй половинѣ 1337-го—къ началу 1338-го года [2]), значится находящимся въ Константинополѣ митрополитъ галицкій,—и къ этому 1337—1338-му году и должно быть относимо третіе открытіе митрополіи галицкой [3]). Исторія этого открытія также совсѣмъ неизвѣстна, какъ и предшествующихъ двухъ. Во всякомъ случаѣ, что касается до государя, которому должны быть усвояемы старанія

[1]) См. переложеніе старыхъ денегъ на новыя въ статьѣ *В. О. Ключевскаго:* «Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему», напечатанной въ I книгѣ Чтен. Общ. Ист. и Древн. за 1884-й годъ.

[2]) Acta Patriarchat. Constantinop., I, 171 нач.. Актъ занимаетъ мѣсто между актами съ датой—отъ Іюля 1337-го года и отъ Февраля 1338-го года.

[3]) Правда, что имп. Іоаннъ Кантакузинъ и патр. Исидоръ въ своихъ грамотахъ о закрытіи третьей галицкой митрополіи относятъ ея открытіе ко времени происходившихъ въ Константинополѣ смутъ, каковыя смуты, состоявъ въ междуусобной войнѣ между матерію малолѣтняго императора Іоанна Палеолога и правителемъ государства, послѣдующимъ соимператоромъ Іоанна, самимъ нашимъ Кантакузинымъ, начались въ Октябрѣ 1341-го года. Но должно думать, что императоръ и патріархъ только сваливаютъ вину на смуты, чтобы представить открытіе галицкой митрополіи дѣломъ предосудительнымъ (въ дѣйствительности, между смутами и открытіемъ митрополіи нельзя усматривать никакой внутренней связи).

объ открытіи митрополіи: то изъ трехъ государей, между которыми въ 1337—1338-мъ году были раздѣлены Галиція съ Волынью и вся юго-западная Русь, старанія должны быть усвояемы Гедимину съ его сыномъ Любартомъ, ибо третій государь,—мазовецкій княжичъ Болеславъ Тройденовичъ, получившій въ качествѣ женинова наслѣдства именно въ 1337-мъ году собственную Галицію, помышлялъ не о томъ, чтобы возстановить послѣдней митрополію, а чтобы ввести въ ней католичество. Эта третья галицкая митрополія существовала до Августа мѣсяца 1347-го года, т. е. въ продолженіе 10-ти или 10-ти съ небольшимъ годовъ [1]).

Въ греческихъ актахъ о закрытіи митрополіи сообщаются офиціальныя свѣдѣнія о предѣлахъ, которыя она имѣла, именно—она обнимала Галицію, Волынь и юго-западную литовскую Русь. Епархіи, принадлежавшія къ ней, поименовываются: владимирская, холмская, перемышльская, луцкая и туровская [2]). Въ государственномъ отношеніи область митрополита, какъ мы сказали сейчасъ выше, не принадлежала какому нибудь одному владѣтелю, а раздѣлялась между тремя владѣтелями или слагалась изъ трехъ частей, принадлежавшихъ разнымъ владѣтелямъ: Галиція сначала имѣла собственнаго государя въ лицѣ помянутаго Болеслава Тройденовича, а потомъ сполна или не сполна досталась королю польскому; государемъ Волыни былъ, одну часть ея

---

[1]) Король польскій Казимиръ, просившій въ 1370-мъ году у патріарха константинопольскаго особаго митрополита для Галиціи, писалъ въ своей къ нему о семъ грамотѣ: «Отъ вѣка вѣковъ Галичь слылъ митрополіею во всѣхъ странахъ и былъ престоломъ митрополіи отъ вѣка вѣковъ: первый митрополитъ вашего благословенія Нифонтъ, второй митрополитъ Петръ, третій митрополитъ Гавріилъ, четвертый митрополитъ Θеодоръ,—у *Павлова* ibid. col. 126. Принимая Нифонта за перваго галицкаго митрополита, поставленнаго въ 1303 мъ году и разумѣя подъ Петромъ митрополита всея Россіи св. Петра, который былъ посланъ въ Константинополь ставиться въ отдѣльные митрополиты галицкіе, относительно Гавріила и Θеодора можно думать, что ихъ нужно поставить одного на мѣсто другого и что второй изъ нихъ былъ митрополитъ 1331-го года, такъ какъ мы положительно знаемъ изъ греческихъ записей о поставленіи Θеогностомъ епископовъ, что митрополитъ 1331-го года назывался Θеодоромъ, а первый—митрополитъ 1337—1338-го года.

[2]) Греческіе акты о закрытіи митрополіи въ числѣ шести, именно—хризовулъ импер. Іоанна Кантакузина отъ Августа мѣсяца 1347-го года и грамоты его—къ митр. Θеогносту, вел. кн. Симеону Ивановичу и князю Любарту Гедиминовичу, отъ Сентября мѣсяца того же года, постановленіе патр. Исидора и грамота его къ бывшему галицкому митрополиту отъ второго изъ двухъ указанныхъ мѣсяцевъ того же года,—въ Памятнн. *Павлова*, col. 13 sqq. №№ 3—8.

получившій по наслѣдству, а другую захватившій силой, сынъ Гедиминовъ Любартъ; государемъ третьей части Руси, входившей въ составъ митрополіи, былъ великій князь литовскій [1]). Въ свѣдѣніяхъ, которыя сообщаются актами относительно области митрополіи, есть одинъ непонятный для насъ пунктъ. Въ числѣ епархій митрополіи поименовывается епархія туровская; а такъ какъ область туровская въ государственномъ отношеніи несомнѣнно принадлежала тогда Литвѣ, то изъ сего несомнѣнно слѣдуетъ, что и литовская или принадлежавшая Литвѣ Русь входила въ область митрополіи. Между тѣмъ въ числѣ епархій митрополіи не упоминается другая литовско-русская епархія полоцкая. Вѣроятнѣйшей причиной умолчанія представляется намъ слѣдующее. Въ канцеляріяхъ императорской и патріаршей не было извѣстно, какія епархіи входили въ составъ митрополіи галицкой, открытой въ 1337—1338-мъ году; но въ нихъ извѣстно было, какія епархіи входили въ составъ митрополіи галицкой, открытой въ первый разъ, въ 1303-мъ году. Предполагая, что составъ епархій митрополіи, открытой въ 1337—1338-мъ году, былъ тотъ же, что митрополіи, открытой въ 1303-мъ году, канцеляріи и перечисляютъ въ актахъ тѣ епар-

[1]) Послѣ великаго князя галицкаго Юрія Львовича, погибшаго въ концѣ 1315-го года при оборонѣ города Владиміра отъ Гедимина, остались два сына Андрей и Левъ, изъ которыхъ первый занялъ престолъ великокняжескій во Львовѣ (составлявшемъ тогдашнюю столицу великаго княженія), а второй сѣлъ на удѣлѣ въ Луцкѣ. Льву Юрьевичу, умершему до 1320-го года, какъ принимаютъ—въ 1319-мъ году, наслѣдовалъ на удѣлѣ луцкомъ зять его, мужъ его дочери, Любартъ, сынъ Гедимина. Послѣ Андрея Юрьевича, умершаго въ 1324-мъ году, остался сынъ Юрій, который, бывъ бездѣтнымъ, занималъ престолъ до 1337-го года и на которомъ кончился рядъ или пресѣкся родъ князей галицкихъ. Юрію Андреевичу наслѣдовалъ Болеславъ Тройденовичъ, сынъ польскаго мазовецкаго князя Тройдена, мать котораго, а жена Тройдена, была дочерію или Юрія Львовича или Андрея Юрьевича. Послѣ смерти Болеслава, за приверженность къ католичеству, а, можетъ быть, и за другое что отравленнаго галицкими боярами 25-го Марта 1340-го года, собственною Галиціей овладѣлъ король польскій (въ продолженіе 9-ти лѣтъ до 1349-го года боровшійся съ упорными возмущеніями,—Длугошъ), Волынью Любартъ Гедиминовичъ съ своими братьями (cfr договоръ сыновей Гедимина съ королемъ польскимъ, напеч. въ Акт. Западн. Росс. т. I, № 1), а западною Русью, такъ сказать, надволынскою, насколько она еще не была покорена великими князьями литовскими, овладѣли эти послѣдніе.—Въ Литвѣ на престолѣ великокняжескомъ до конца 1341-го года сидѣлъ Гедиминъ; Гедимину наслѣдовалъ сынъ его Евнутій, который въ 1345-мъ году согнанъ былъ съ престола своимъ братомъ, знаменитымъ Ольгердомъ.

хіи, которыя составляли митрополію 1303-го года. А такъ какъ епархія полоцкая не входила въ составъ митрополіи 1303-го года, то по сей причинѣ ея и не значится въ числѣ епархій митрополіи 1337—1338-го года.

Въ актахъ сообщается намъ нѣчто и изъ внутренней исторіи митрополіи, именно—патріархъ въ своемъ постановленіи объ ея закрытіи разрѣшаетъ и соборнѣ снимаетъ церковное запрещеніе, которое произнесено было противъ епископовъ и другихъ лицъ, не хотѣвшихъ повиноваться митрополиту [1]). Затѣмъ узнае́мъ, что митр. Ѳеогностъ и прежде закрытія митрополіи и при самомъ закрытіи взводилъ на бывшаго митрополита какія-то, къ сожалѣнію, остающіяся вовсе неизвѣстными, обвиненія, — что вслѣдствіе сихъ обвиненій императоръ и патріархъ рѣшили по закрытіи митрополіи подвергнуть бывшаго митрополита соборному суду послѣдняго и что патріархъ призывалъ его на свой соборный судъ. Императоръ пишетъ въ своей грамотѣ къ митр. Ѳеогносту: «Относительно галицкаго митрополита мое царское величество опредѣлило, чтобы онъ прибылъ сюда на судъ по возводимымъ на него обвиненіямъ, которыя ты и прежде возбуждалъ противъ него и теперь опять возбуждаешь», и приглашаетъ митрополита для предъявленія обвиненій патріаршему собору или явиться самому лично или прислать уполномоченныхъ [2]). Патріархъ въ своей грамотѣ къ бывшему галицкому митрополиту пишетъ: «Противъ твоего святительства предъявлены обвиненія, требующія соборнаго разслѣдованія, посему предписываемъ тебѣ предстать и явиться на нашъ священный и божественный соборъ, дабы по соборномъ изслѣдованіи тѣхъ обвиненій состоялось, что̀ признано будетъ канонически справедливымъ [3]).

---

[1]) Въ Памятникахъ *Павлова* col. 38. Постановленіе говоритъ въ данномъ мѣстѣ не совершенно ясно, такъ что не видно, кѣмъ именно произнесено было отлученіе—митрополитомъ или патріархомъ. Подлинныя слова постановленія суть: «Мы (патріархъ съ соборомъ) отмѣняемъ недавно состоявшееся, во время смутъ, при бывшемъ передъ нами патріархѣ (Іоаннѣ Калекѣ, который низложенъ былъ 2-го Февраля 1347-го года) соборное дѣяніе о галицкой (митрополіи), разрѣшая и снимая соборнѣ произнесенное тогда противъ епископовъ и другихъ лицъ, не повинующихся галицкому митрополиту, церковное запрещеніе, какъ неправильно учиненное».—Епископъ владимиро—волынскій Даніилъ, который жилъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ и который въ 1344-мъ году поставилъ въ игумены преп. Сергія Радонежскаго, долженъ быть считаемъ однимъ изъ епископовъ, подпавшихъ церковному запрещенію митрополита или патріарха, и изъ-за вражды съ митрополитомъ удалившимся въ сѣверную Россію.

[2]) У *Павлова* col. 24.

[3]) Ibid. col. 40. Весьма подозрѣвается намъ, что обвиненіе, которое взводилъ Ѳеогностъ на митрополита галицкаго до закрытія и послѣ закрытія митрополіи со—

Имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія и о закрытіи митрополіи. Въ Никоновской лѣтописи читается подъ 1347-мъ годомъ: «Того же лѣта пресвященный Ѳеогнастъ, митрополитъ кіевскій и всея Русіи, посовѣтова нѣчто духовнѣ съ сыномъ своимъ великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ, и тако послаша въ Царьградъ къ патріярху о благословеніи» [1]). Подъ благословеніемъ, которое желали получить митрополитъ и князь отъ патріарха, вѣроятно, надлежитъ разумѣть благословеніе 3-го брака Сvмеона Ивановича, въ который онъ вступилъ, отославъ отъ себя вторую жену [2]); но вмѣстѣ съ просьбой къ патріарху о благословеніи брака обращена была къ императору съ патріархомъ и просьба о закрытіи галицкой митрополіи. Объ этой послѣдней просьбѣ императоръ въ своемъ хризовулѣ о закрытіи митрополіи говоритъ: «Тамошніе (русскіе) христіане не терпятъ нарушенія своего обычая (состоящаго въ томъ, чтобы быть имъ подъ паствою одного митрополита); вотъ и теперь объ

стояло въ томъ, что митрополитъ галицкій, при содѣйствіи Гедимина, осваивалъ у него—митрополита всея Россіи главный каѳедральный городъ его митрополіи Кіевъ. Очень вѣроятно, что въ 1337—1338-мъ году, когда открыта была митрополія галицкая, Кіевъ въ государственномъ отношеніи уже принадлежалъ Литвѣ, т. е. уже былъ завоеванъ Гедиминомъ; но если еще и не принадлежалъ Литвѣ, то во всякомъ случаѣ находился въ такой вассальной отъ нея зависимости, которая дѣлала возможнымъ для митрополита галицкаго его освоеніе у митрополита всея Россіи, ибо въ подобной вассальной зависимости, какъ это видно изъ разсказа Новгородской лѣтописи о путешествіи новгородскаго архіепископа Василія въ волынскую землю къ митрополиту для посвященія, Кіевъ находился еще въ 1331-мъ году. Къ подтвержденію нашего подозрѣнія между прочимъ служитъ то, что вовсе нѣтъ извѣстій, чтобы Ѳеогностъ хотя одинъ разъ былъ въ Кіевѣ.

[1]) III, 186.—У Татищева вмѣсто читаемаго въ Никоновской лѣтописи читается слѣдующее неожиданное: «Преосвященный Ѳеогностъ митрополитъ имѣ соборъ о дѣлахъ духовныхъ ко исправленію монастырскаго служенія и служителей церковныхъ; и уставиша начало года отъ Сентемврія 1-го числа (что́ есть совершенная неправда); и списавше списокъ посла князь великій Симіонъ Ивановичъ со архимандритомъ Рожественскимъ въ Царьградъ къ патріарху, о благословеніи прося».—IV, 163, см. также I, 67, (изъ Татищева московскій соборъ 1347-го года и въ Исторіи іерархіи,—I, 264).

[2]) Первой женой Сvмеона Ивановича была княжна литовская Августа или Айгуста, нареченная въ крещеніи Анастасіей, съ которой онъ былъ вѣнчанъ зимой 1333-го года и которая умерла 11-го Марта 1345-го года; второй женой его была Евпраксія, дочь смоленскаго князя Ѳедора Святославича, съ которой онъ вѣнчался лѣтомъ 1345-го года и которую отослалъ назадъ къ отцу въ слѣдующемъ 1346-мъ году; третьей женой его была Марія, дочь тверскаго князя Александра Михайловича, съ которой онъ вѣнчался въ 1347-мъ году.

этомъ дѣлѣ доноситъ моему царскому величеству благороднѣйшій великій князь Руси киръ Сνмеонъ и вмѣстѣ съ другими тамошними князьями проситъ, чтобы моимъ царскимъ хризовуломъ (отдѣленныя въ особую митрополію) епископіи снова подчинены были святѣйшей митрополіи кіевской, какъ было и прежде» [1]). Современный греческій историкъ Никифоръ Григора сообщаетъ, что вел. кн. Сνмеонъ Ивановичъ вмѣстѣ съ другими русскими князьями прислалъ импер. Іоанну Кантакузину большую сумму денегъ на возобновленіе упавшей въ 1345-мъ году восточной апсиды константинопольской св. Софіи [2]). Принимая, что деньги были посланы именно въ 1347-мъ году или около 1347-го года, не невѣроятно будетъ думать объ ихъ отношеніи къ закрытію галицкой митрополіи одно изъ двухъ, именно—или что онѣ составляли благодарность за это закрытіе или что закрытіе послѣдовало отчасти въ благодарность за нихъ [3]).

Подобно тремъ своимъ послѣ-монгольскимъ предшественникамъ, Θеогностъ предпринималъ путешествія по своей митрополіи: кромѣ посѣщенія имъ Новгорода въ 1329-мъ году и кромѣ двухъ его путешествій въ волынскую землю, мы знаемъ еще изъ лѣтописей и изъ сохранившихся историческихъ актовъ, что въ 1340-мъ году онъ былъ въ Брянскѣ, что въ 1341-мъ году онъ во второй разъ посѣтилъ Новгородъ, что въ 1348—1349-мъ году во второй разъ путешествовалъ въ волынскую землю (возвращенную ему въ 1347-мъ году) и что когда-то онъ былъ въ Костромѣ (принадлежащей къ его собственной епархіи [4]).

---

[1]) У *Павлова* col. 16.

[2]) Hist. Byzant. lib. XXVIII, cap. 35, и lib. XXXIV, cap. 31, ed. Bonn. pp. 192 fin. и 516. О паденіи апсиды св. Софіи см. у *Византія* въ Κωνσταντινούπολις'ѣ, I, 511. О возобновленіи ея говорится въ одномъ актѣ конца 1348-го года.—Acta Patriarchat. Constantinop., I, 275.

[3]) Въ грамотѣ императора къ Любарту дѣло представляется такъ, что будто епископъ галичскій возведенъ былъ въ митрополиты помимо исканій его—князя и что если онъ принялъ его, то лишь изъ благопослушанія и покорности святой Божіей церкви,—у *Павлова* col. 34. Но необходимо думать, что это только греческая дипломатія: не искалъ-де ты—князь открытія митрополіи, слѣдовательно—нечего тебѣ огорчаться и ея закрытіемъ.

[4]) О пребываніи въ Брянскѣ, посѣщеніи Новгорода и путешествіи въ волынскую землю знаемъ изъ лѣтописей; о пребываніи въ Костромѣ,—изъ грамоты св. Алексія на Червленый Яръ, напечатанной въ I томѣ Актовъ Историческихъ, № 3, и перепечатанной въ Памятникахъ *Павлова*, № 19. Въ Брянскѣ митр. Θеогносту, подобно тому какъ это имѣло мѣсто съ св. Петромъ, случилось быть во время крамолы, о чемъ въ той же, что о св. Петрѣ, Воскресенской лѣтописи читается:

Но одно свидѣтельство о путешествіяхъ Ѳеогноста, которое мы имѣемъ, даетъ намъ подозрѣвать, что онѣ служили не столько къ пользѣ управленія, сколько къ отягощенію духовенства. О пріѣздѣ митрополита въ Новгородъ въ 1341-мъ году Новгородскій лѣтописецъ говоритъ: «пріѣха митрополитъ Ѳегностъ Гречинъ въ Новъгородъ съ многими людми, тяжко же бысть владыцѣ и манастыремъ кормомъ и дары». Т. е. митрополитъ требовалъ отъ архіепископа (съ бѣлымъ духовенствомъ) и отъ монастырей слишкомъ дорогихъ кормовъ себѣ и своей многочисленной свитѣ и какъ себѣ, такъ и свитѣ, слишкомъ большихъ даровъ.

Во время бытности въ Костромѣ митр. Ѳеогностъ держалъ соборъ. Но объ этомъ соборѣ, кромѣ того, что имъ рѣшонъ былъ споръ между двумя епископами о границахъ епархій (рязанскимъ и сарайскимъ [1]), болѣе намъ ничего неизвѣстно. По сообщенію одной лѣтописи, въ 1353-мъ году, не задолго до смерти Ѳеогноста, былъ «снемъ на Москвѣ (великому князю) Семіону (Ивановичу) и князю Константину Васильевичу (суздальскому) про причетъ церковный» [2]). Но о чемъ именно былъ снемъ или съѣздъ, остается намъ совершенно неизвѣстнымъ. Возможно, что соборъ и снемъ сдѣлали какія нибудь важныя постановленія, которыя весьма должно было бы знать намъ: но, какъ много разъ говорили мы прежде и какъ не мало разъ придется сказать намъ и послѣ, лѣтописцы наши ведутъ себя по отношенію къ церковнымъ дѣламъ такъ, что теперешнимъ историкамъ церкви остается только плакать...

Въ послѣсловіи къ одной рукописи, написанной при вел. кн. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ въ 1339-мъ году, утверждается, что «при его державѣ престали безбожныя ереси» [3]). Если писецъ рукописи, обнаруживающій въ своемъ послѣсловіи (пространномъ) наклонность къ сочинительству, просто на просто не сочиняетъ ересей или же если онъ не разумѣетъ подъ ересями чего-нибудь въ несобственномъ смыслѣ этого слова: то пока мы совершенно ничего не можемъ ска-

---

«Тое же (1340-го года) зимы, мѣсяца Декабря 6, убиша Бряньцы Глѣба Святославича, выведше изъ церкве святаго Николы; бѣ же въ то время въ Бряньсцѣ и митрополитъ Ѳеогностъ, и не возможе уняти ихъ».

[1]) См. сейчасъ помянутую грамоту св. Алексія.

[2]) Новгородской 4-й,—Собр. лѣтт. IV, 60.

[3]) Послѣсловіе напечатано въ Библіологическомъ Словарѣ *Строева*, стр. 2 прим., и въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ *Срезневскаго*, № LXXXVI.

зать объ ересяхъ, бывшихъ при Иванѣ Даниловичѣ и въ первую половину правленія митроп. Ѳеогноста.

Мы говорили выше, что въ правленіе св. Петра началась у насъ обличительная проповѣдь противъ существовавшаго у насъ, въ слѣдъ за Греціею, обычая взиманія епископами платы за постановленія въ церковныя степени. Въ правленіе митр. Ѳеогноста проповѣдь продолжалась. Извѣстенъ въ настоящее время сборникъ, составленный при Иванѣ Даниловичѣ († 1340), который надписывается: «Книга, нарицаемая Власѳимія, рекше хула на еретики,—главы различныя отъ евангелія и отъ канонъ святыхъ отецъ, въ нихже обличенія Богомъ ненавистныхъ злочестивыхъ духопродажныхъ ересей». Въ сборникѣ, состоящемъ изъ 67 главъ, сведены въ одно мѣсто каноническія постановленія церкви и неканоническія писанія отцовъ противъ симоніи или поставленія на мздѣ. Цѣль сборника, какъ это ясно изъ его содержанія, состоитъ въ томъ, чтобы дать въ немъ противникамъ взиманія платы за поставленія паноплію или всеоружіе для борьбы противъ обычая и противъ его защитниковъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить о сборникѣ ближайшихъ свѣдѣній, потому что онъ извѣстенъ намъ только по весьма краткому описанію [1]).

Въ правленіе митр. Ѳеогноста, въ 1348-мъ году, какъ сообщаютъ наши лѣтописи, русскіе наши богословы были вызываемы на международный диспутъ съ богословами латинскими. Сосѣдняя съ нами Швеція, бывшая чрезвычайно преданною католичеству, въ слѣдствіе возбужденій, дѣланныхъ изъ Рима, рѣшалась на такія попытки, какъ покореніе насъ-Русскихъ латинству силою оружія. Мы говорили выше, что походъ Шведовъ на Новгородъ 1240-го года, въ которомъ они потерпѣли страшное пораженіе отъ Александра Ярославича Невскаго, былъ ни чѣмъ инымъ, какъ крестовымъ ихъ походомъ на насъ, предпринятымъ съ сейчасъ указанною цѣлію. Черезъ столѣтіе съ четвертью послѣ этого пораженія Шведы надумали предпринять новый крестовый походъ противъ Россіи. Но на сей разъ, какъ разсказываютъ наши лѣтописи, прежде чѣмъ обращаться къ оружію, они вызывали нашихъ богослововъ на диспутъ съ ихъ богословами. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1348-мъ годомъ читаемъ: «Магнушь, король свѣйской земли, прислалъ къ новогородцемъ, рекъ: пошлѣте на съѣздъ свой философъ, (а) азъ послю свой философъ, дажь поговорять (чтобы поговорили)

[1]) О сборникѣ, открытомъ въ одной изъ рукописей бывшей библіотеки Соловецкаго монастыря, нынѣ принадлежащей Казанской Духовной Академіи, см. Православн. Собесѣдникъ 1867 г., ч. II, стр. 236.

про вѣру; а азъ то хощу слышеть, коя будеть вѣра лучши; а иже (если) ваша будеть вѣра лучши, ино азъ иду въ вашу вѣру, или пакы аще наша вѣра лучши, и вы поидѣте въ нашу вѣру, и будемъ вси за единъ человѣкъ, или не поидете (а если не пойдете) въ единачьство, и азъ хощу ити на васъ со всею моею силою». Швеція имѣла въ XIV вѣкѣ нѣкоторое образованіе, должна была имѣть ученыхъ до нѣкоторой степени богослововъ, и нѣтъ сомнѣнія, что король шведскій былъ совершенно увѣренъ въ побѣдѣ своего философа надъ философомъ русскимъ. Въ Новгородѣ наоборотъ должны были очень хорошо сознавать, что нашимъ богословамъ вовсе не выйти побѣдителями изъ предлагавшейся ученой битвы. Получивъ отъ короля вызовъ, новгородскія власти, съ тогдашнимъ владыкою Василіемъ во главѣ, устроили общенародное совѣщаніе и послѣ совѣщанія отвѣчали Магнусу: «аще хощеши увѣдати, коя вѣра лучши,—наша ли или ваша, пошли въ Царьградъ къ патріарху, зане мы пріяли отъ Грець правовѣрную вѣру, а съ тобою ся не спираемъ про вѣру». Послѣ отказа Новгородцевъ отъ пренія о вѣрѣ король дѣйствительно пошелъ на нихъ войной, но война была небольшая и имѣла благополучный для Новгородцевъ конецъ [1]).

---

[1]) Въ нашихъ лѣтописяхъ (Никоновск. и Воскресенск. подъ 1352 г.,—первая: III, 198, Степен. кн. I, 484, cf. *Карамз.* IV, прим. 348) читается рукописаніе или духовное завѣщаніе Магнуса, въ которомъ онъ приказываетъ своимъ дѣтямъ и своимъ братьямъ и всей землѣ свѣйской не наступать на Русь вопреки крестнаго цѣлованія: «занеже—говоритъ король—намъ не пособляется», т. е. мы въ своихъ нападеніяхъ на Русскихъ не имѣемъ успѣха. Разсказавъ объ этихъ неуспѣшныхъ нападеніяхъ, начиная съ того, которое было при Александрѣ Ярославичѣ въ 1240-мъ году, Магнусъ говоритъ о себѣ, что послѣ двухъ походовъ на новгородскую землю онъ потерпѣлъ страшное кораблекрушеніе,—что шведскую землю послѣ того постигли всякія бѣдствія, а что у него самого Богъ отнялъ умъ, такъ что онъ сидѣлъ годъ въ палатѣ, будучи прикованъ къ стѣнѣ желѣзной цѣпью. Изъ палаты меня вынялъ—говоритъ Магнусъ—сынъ мой Сакунъ, пріѣхавъ изъ Норвегіи; но когда онъ повезъ меня въ Норвегію, меня снова постигла буря и я на днѣ разбитаго корабля плавалъ три дня и три ночи, пока не принесенъ былъ вѣтромъ подъ монастырь святаго Спаса въ Полную рѣку (Полная рѣка есть финляндская рѣка Аура-юки, на которой стоитъ городъ Абовъ, см. Изслѣдованія *Лербеpa*, русск. перев. стр. 159). Въ монастырѣ Магнусъ постригся въ монахи и написалъ свое духовное завѣщаніе. Въ этомъ завѣщаніи, не знаемъ—насколько подлинномъ, подъ монастыремъ св. Спаса разумѣется латинскій монастырь (находившійся въ Абовѣ или выше его на рѣкѣ). Но монахи нашего русскаго монастыря св. Спаса, находящагося на островѣ Валаамѣ, любители необыкновенныхъ преданій (посѣщеніе ихъ

Одновременно съ тѣмъ, какъ отказываться отъ преній съ богословами латинскими, богословы наши имѣли свои пренія домашнія. Отъ владыки новгородскаго Василія, который въ 1348-мъ году отклонилъ вызовъ короля шведскаго и который умеръ въ 1352-мъ году, сохранилось до настоящаго времени посланіе къ епископу тверскому Ѳеодору о земномъ раѣ [1]). Изъ этого посланія и узнаемъ, что въ Твери происходили распри о томъ, погибъ или не погибъ земной рай, въ которомъ былъ поселенъ Богомъ Адамъ по сотвореніи и въ которомъ онъ пребывалъ въ состояніи невинности. Епископъ тверской Ѳеодоръ принадлежалъ къ сторонѣ тѣхъ, которые утверждали, что рай этотъ погибъ, т. е. болѣе не существуетъ. Но архіепископъ новгородскій былъ противоположнаго мнѣнія. Узнавъ о происходящихъ въ Твери распряхъ и о томъ, какого мнѣнія держится епископъ, владыка Василій и написалъ къ Ѳеодору посланіе, въ которомъ утверждаетъ, что рай не погибъ, но существуетъ и до сихъ поръ. Свое мнѣніе архіепископъ доказываетъ ссылкою на апокрифы, въ которыхъ говорится о нѣкоторыхъ святыхъ, будто одни изъ нихъ жили близъ рая, а другіе были въ немъ самомъ, и наконецъ ссылкою на своихъ новгородскихъ куп-

---

острова ап. Андреемъ), отнесли это къ себѣ и сочинили преданіе, будто Магнусъ потерпѣлъ бурю въ Ладожскомъ озерѣ, будто онъ спасся въ ихъ монастырѣ, будто у нихъ въ монастырѣ онъ принялъ православіе, постригся въ монашество, окончилъ свою жизнь и былъ погребенъ, см. Исторіи іерархіи III, 489 fin. (Стихотворную эпитафію, вырѣзанную на деревянной доскѣ и находящуюся на воображаемой могилѣ Магнуса, см. у *А. Н. Муравьева* въ Путешествіи по святымъ мѣстамъ русскимъ, ч. I, 6 изд. стр. 311, также у *Немировича-Данченко* въ Поѣздкѣ на Валаамъ (котораго не имѣемъ въ настоящую минуту подъ руками, чтобы цитовать обстоятельнѣе). Эпитафія вовсе не древняя, въ чемъ какъ будто увѣряли Валаамскіе монахи Муравьева, а сочиненная какимъ-то стихоплетомъ и дѣесочинителемъ въ не особенно давнее время, см. Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому *Н. Озерецковскаго*, напечатанное въ Петербургѣ, въ 1792-мъ году, стр. 75, и указанный III томъ Исторіи іерархіи, напечатанный въ 1811-мъ году, стр. 490 нач., въ которыхъ прямо и ясно говорится, что никакой надписи на мнимой могилѣ Магнуса нѣтъ. Озерецковскому монахи какъ будто не умѣли назвать миѳическаго шведскаго короля и по имени, ибо онъ говоритъ: «Возлѣ монастыря находится цѣлая кленовая рощица, въ которой показываютъ пустынники могилу нѣкотораго шведскаго государя»).

[1]) См. его въ Степенной книгѣ, I, 480, въ Софійской 1-й и Воскресенской лѣтописяхъ подъ 1347 годомъ. Въ Твери были сряду два епископа Ѳеодора: первый 1330—1342, второй до 1360 года. Если относить посланіе къ 1347-му году, подъ которымъ оно помѣщается въ лѣтописяхъ, то оно адресовано ко второму Ѳеодору.

цовъ, которые, плавая по Черному или Каспійскому морю, будто бы занесены были бурею къ мѣсту святаго рая. Подробнѣе объ этомъ посланіи архіепископа Василія къ епископу Ѳеодору и объ его содержаніи мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ 1353-мъ году, передъ самою смертію митр. Ѳеогноста, архіепископъ новгородскій Моvсей, не задолго передъ тѣмъ во второй разъ занявшій каѳедру вмѣсто умершаго Василія, посылалъ пословъ въ Константинополь къ императору и патріарху, «прося отъ нихъ, по свидѣтельству Новгородской лѣтописи, благословеніа и исправленіа о непотребныхъ вещехъ, приходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита». Къ сожалѣнію, остается намъ неизвѣстнымъ положительно, въ чемъ именно состояли непотребныя вещи. Никоновская лѣтопись даетъ знать, что жалоба была относительно проторей на поставленіяхъ и относительно церковныхъ пошлинъ святительскихъ [1]). Такъ какъ не могла имѣть мѣста жалоба относительно проторей, которыя взимались епископами съ низшаго духовенства, ибо невозможно предполагать того случая, чтобы митрополитъ понизилъ размѣры этихъ проторей: то необходимо разумѣть протори, которыя взимались митрополитами съ самихъ епископовъ и понимать дѣло такъ, что Ѳеогностъ слишкомъ много взялъ или потребовалъ съ Моvсея за вторичное занятіе имъ каѳедры [2]). Что касается до церковныхъ святительскихъ пошлинъ, то подъ ними должно разумѣть тѣ пошлины, которыя взимались митрополитами съ низшаго духовенства всей митрополіи и понимать дѣло такъ, что Ѳеогностъ возвысилъ эти пошлины. Рѣшеніе патріарха по жалобѣ архіепископа

---

[1]) Лѣтопись, III, 206, говоритъ, что въ отвѣтномъ посланіи патріарха новгородцамъ, которое не дошло до насъ, содержалось «о проторехъ на поставленіяхъ и о церковныхъ пошлинахъ святительскихъ».

[2]) Архіепископъ Моvсей, оставивъ въ первый разъ каѳедру, постригся въ схиму, а правила каноническія запрещаютъ архіереямъ, принимающимъ схиму, возвращаться къ прежнему достоинству,—собора въ храмѣ Премудрости пр. 2 (въ позднѣйшее время оно понимаемо было именно о схимѣ, какъ о настоящемъ монашествѣ,—отвѣты константинопольскаго собора епископу сарайскому Ѳеогносту): нарушеніе правилъ каноническихъ и могло имѣть своимъ слѣдствіемъ нарочитое возвышеніе платы. Впрочемъ, должно быть замѣчено, что на показаніе Никоновской лѣтописи нельзя особенно полагаться; о грамотахъ патр. Антонія въ Новгородъ отъ 1393-го года лѣтопись говоритъ, что онѣ были «о проторехъ и исторехъ, иже на поставленіяхъ священныхъ»—IV, 255 fin.; между тѣмъ въ этихъ, дошедшихъ до насъ, грамотахъ (въ Памятнн. *Павл.* №№ 37 и 38) говорится не о проторяхъ на поставленіяхъ, а о другомъ (см. ниже).

послѣдовало при преемникѣ Ѳеогноста св. Алексіѣ. Въ рѣчахъ о послѣднемъ мы и скажемъ о немъ.

Митр. Ѳеогностъ пріобрѣлъ право на величайшую благодарность Москвы не только тѣмъ, что самъ былъ вѣрнымъ и усерднымъ ея другомъ и сдѣлалъ все, что̀ могъ, съ цѣлію содѣйствія ея политическому возвышенію, но и тѣмъ, что позаботился и успѣлъ оставить преемника по себѣ, который довелъ союзъ высшей церковной власти съ князьями московскими до его конца и до его неразрывности. Ѳеогностъ, подобно св. Петру, имѣлъ своей фактической столицей Москву; но и это пребываніе втораго митрополита въ Москвѣ не создавало для третьяго митрополита—его преемника непремѣнной обязанности сдѣлать тоже самое: преемникъ Ѳеогноста, какъ и преемникъ св. Петра, могъ возвратиться снова во Владиміръ и тамъ подъ вліяніемъ другихъ князей стать изъ друга Москвы ея врагомъ; а между тѣмъ князья московскіе еще не находились въ такомъ положеніи, чтобы совершенно исключалась возможность подобнаго случая. Митр. Ѳеогностъ оставилъ въ св. Алексіѣ преемника по себѣ, который имѣлъ вполнѣ замѣнить для Москвы его самого. Эта услуга Ѳеогноста Москвѣ имѣетъ тѣмъ бо́льшую цѣну, что, будучи Грекомъ, онъ шолъ въ данномъ случаѣ противъ своихъ интересовъ греческихъ, ибо поставленіе митрополитовъ русскихъ изъ природныхъ Русскихъ, каковъ былъ св. Алексій, далеко не считалось константинопольскою патріаршею каѳедрою дѣломъ желательнымъ.

Современный Ѳеогносту греческій историкъ Никифоръ Григора сообщаетъ извѣстіе о нашемъ русскомъ митрополитѣ, какъ о богословѣ, именно—извѣстіе о томъ, какъ отнесся Ѳеогностъ къ поднявшимся въ Константинополѣ въ 1341-мъ году такъ называемымъ паламитскимъ спорамъ (по поводу ученія Григорія Паламы о несотворенности ѳаворскаго божественнаго свѣта); но извѣстіе вовсе не можетъ быть признано за совершенно надежное. Будучи ожесточеннымъ врагомъ Паламы и его ученія, Григора увѣряетъ, что съ рѣшительной враждой отнесся къ ученію и русскій митрополитъ. Онъ говоритъ, что приверженцы паламитской партіи, желая увлечь и Ѳеогноста въ пропасть ихъ собственной погибели, послали ему, какъ и всѣмъ другимъ архіереямъ, новые томы (томъ или опредѣленіе собора 1341-го года, которымъ признавалось и одобрялось ученіе Паламы), но что онъ, прочитавъ (присланныя ему писанія) и увидѣвъ (въ нихъ) тьму хуленій и надъ всѣмъ деспотически господствующее (въ нихъ) эллинское многобожіе, тотчасъ повергъ (ихъ) на землю и заткнувъ уши съ великою поспѣшностію отскочилъ отъ злаго слышанія, — что онъ написалъ простран-

ныя укоризны, съ надлежащими изъ Священнаго Писанія обличеніями и доказательствами, и послалъ ихъ патріарху и епископамъ, называя этихъ послѣднихъ безбожными и многобожными и крайне безстыдными отметниками и гонителями отеческихъ преданій и подвергая ихъ подобающимъ анаѳемамъ [1]).

Мы сказали выше, что, по свидѣтельству того же Григоры, вел. кн. Симеонъ Ивановичъ съ другими князьями русскими прислалъ импер. Іоанну Кантакузину большую сумму денегъ на возобновленіе упавшей восточной апсиды св. Софіи. Какое бы ни было отношеніе этой большой суммы денегъ къ закрытію галицкой митрополіи, но со всею вѣроятностію нужно думать, что императоръ обязанъ былъ ею главнымъ образомъ митр. Ѳеогносту и его греческому, въ частности константинопольскому, патріотизму, ибо, по Григорѣ, его родиной былъ Константинополь.

Не особенно надежны похвалы Григоры, поелику онъ слишкомъ руководился партійными взглядами и поелику мы знаемъ совершенную несостоятельность нѣкоторыхъ его порицаній, но во всякомъ случаѣ онъ отзывается о митр. Ѳеогностѣ съ очень большими похвалами, называетъ его мужемъ разумнымъ и боголюбивымъ и говоритъ, что въ Константинополѣ, который былъ его родиной и котораго онъ служилъ украшеніемъ, еще юношей онъ пріобрѣлъ знаніе божественныхъ каноновъ и законовъ [2]). А двѣ наши собственныя лѣтописи называютъ Ѳеогноста великимъ наставникомъ [3]). О томъ, что до нѣкоторой степени онъ можетъ быть заподозриваемъ въ страсти сребролюбія, мы говорили выше.

О систематической папской пропагандѣ въ юго-западной Руси, которая началась со времени митр. Ѳеогноста и нѣсколько ранѣе его—

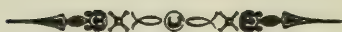
[1]) Hist. Byzant. lib. XXVI, cap. 47, ed. Bonn. p. 114.—Въ одной греческой рукописи московской Синодальной библіотеки XV вѣка есть соборный томъ противъ Варлаама и Акиндина съ именами подписавшихся подъ нимъ. По описанію греческихъ рукописей библіотеки *архим. Владимира* подъ томомъ между прочимъ есть подпись: Μητροπολίτης Ῥωσίου ὑπέρτιμος Θεόγνωστος,—№ 337, л. 38, стр. 497. Если Ῥωσίου не ошибка или не опечатка вмѣсто Ῥωσίας, то тутъ долженъ былъ разумѣемъ не нашъ русскій митрополитъ, а греческій митрополитъ города Росія или Русія, въ древнѣйшее время Топира (который находится въ европейской Турціи, во Ѳракіи или Румеліи, не особенно далеко на сѣверовостокъ отъ города Эноса, и называется теперь у Турокъ Кешаномъ или Рускіоемъ); если же ошибка или опечатка вмѣсто Ῥωσίας, то—нашъ русскій митрополитъ.

[2]) Lib. XXVI, cap. 47, и lib. XXXVI, capp. 24—31.

[3]) Воскресенская въ Собр. лѣтт. VII, 217, и Типографская, стр. 96 нач.

съ послѣднихъ лѣтъ правленія св. Петра, мы скажемъ ниже, въ особомъ отдѣлѣ, посвященномъ этой пропагандѣ.

Митр. Ѳеогностъ, скончался 11-го Марта 1353-го года [1]). Онъ погребенъ въ построенной имъ церкви ап. Петра (которая, какъ мы говорили выше, составляла не самостоятельную церковь, а придѣлъ церкви Успенія Божіей Матери или Успенскаго собора. Онъ положенъ былъ въ своей церкви объ стѣну съ своимъ предшественникомъ св. Петромъ [2]).

[1]) По Никоновской и Типографской лѣтописямъ, Ѳеогностъ скончался 11-го Марта, по Воскресенской лѣтописи—1-го Марта, по Степенной книгѣ (I, 444)—14-го Марта. Должно быть признано вѣрнымъ показаніе лѣтописей Никоновской и Типографской, такъ какъ первая изъ нихъ говоритъ потомъ, что вел. кн. Симеонъ Ивановичъ, скончавшійся 26-го числа слѣдующаго Апрѣля мѣсяца, преставился полсемы недѣли послѣ митрополита, минувшимъ его сорочинамъ.

[2]) Въ московской Сунодальной библіотекѣ сохраняется носящій имя митр. Ѳеогноста требникъ, въ которомъ весьма сильно и весьма ясно обличается неправомысліе раскольниковъ—старообрядцевъ. Этотъ мнимый Ѳеогностовъ требникъ представляетъ собою то же самое, что соборное дѣяніе на еретика Мартына армянина,—нашей Исторіи русской церкви т. I, пол. 2, стр. 688. Объ изготовленіи его,—далеко не весьма искусномъ, Ѳедоромъ Поликарповымъ, извѣстнымъ ученикомъ Лихудовъ и директоромъ типографіи, см. въ статьѣ: «Ученая дѣятельность Евгенія Болховитинова», помѣщенной въ іюньской книжкѣ Русскаго Вѣстника 1885-го года, стр. 675 fin..

МИТРОПОЛИТЪ СВ. АЛЕКСІЙ.

Преемникомъ митр. Өеогноста, какъ мы давали знать сейчасъ выше, былъ св. Алексій. Подобно Кириллу III и св. Петру онъ былъ природный Русскій и по родителямъ своимъ такъ же, какъ оба они, былъ южанинъ, хотя и родившійся уже на сѣверѣ.

Источниками свѣдѣній о жизни св. Алексія, подобно тому, какъ о жизни св. Петра, должны бы служить кромѣ лѣтописей его житія, которыхъ мы имѣемъ даже и не два, а цѣлыхъ пять. Но эти пять житій сообщаютъ еще менѣе свѣдѣній объ Алексіѣ, чѣмъ два о Петрѣ. Онѣ говорятъ объ его происхожденіи, объ его постриженіи въ монашество и монашеской жизни, объ его поставленіи въ митрополиты; но онѣ ни слова не говорятъ объ его дѣятельности въ санѣ митрополита ни церковной, ни государственной. Очень можетъ быть, что въ семъ случаѣ—недостатокъ свѣдѣній и не отъ нежеланія сообщать ихъ, а отъ ихъ неимѣнія. Первый жизнеописатель св. Алексія, епископъ пермскій Питиримъ, котораго не въ состояніи были дополнять отъ себя послѣдующіе жизнеописатели и трудъ котораго они воспроизводятъ только въ новыхъ литературныхъ редакціяхъ, съ небольшими дополненіями изъ источниковъ письменныхъ, составилъ свое сказаніе не ранѣе, какъ спустя лѣтъ около 70-ти послѣ смерти св. Алексія. А при такой отдаленности времени жизни святителя біографъ его могъ оказаться въ невозможности собрать свѣдѣнія, несмотря на все желаніе сообщить ихъ [1]). Недостатокъ русскихъ свѣдѣній о св. Алексіѣ, почерпае-

---

[1]) *Первое житіе* св. Алексія, принадлежащее епископу пермскому, поставленному изъ архимандритовъ чудовскихъ, Питириму, въ надписаніи котораго по извѣстнымъ въ настоящее время спискамъ его не обозначено имени автора и о принадлежности котораго Питириму мы узнаемъ отъ второго жизнеописателя—Пахомія, читается въ отдѣльномъ видѣ въ рукописяхъ (у насъ подъ руками Троицк. Лаврск. № 789) и внесено въ нѣкоторыя лѣтописи: такъ называемую Типографскую, подъ 1377-мъ годомъ,—стр. 132, и Воскресенскую, подъ тѣмъ же годомъ,—Собр. лѣтт. VIII. 26. Изъ рукописей напечатано въ I томѣ матеріаловъ для исторіи русской

мыхъ изъ лѣтописей и изъ житій, въ значительной степени восполняется свѣдѣніями, какія находимъ въ сохранившихся до настоящаго времени актахъ греческихъ [1]).

Св. Алексій происходилъ изъ весьма знатнаго боярскаго рода, иначе сказать—былъ по своему происхожденію знатный (вельможный) аристократъ. Отецъ его Ѳеодоръ Бяконтъ былъ черниговскій бояринъ; изъ опустѣвшаго послѣ нашествія Монголовъ и совершенно упавшаго

церкви, помѣщавшихся въ харьковскомъ Духовномъ Вѣстникѣ, стр. 43 sqq (Февраль 1862-го года.—Замѣтимъ въ скобахъ, что нѣкоторые подвергаютъ сомнѣнію принадлежность житія Питириму и считаютъ его авторомъ современнаго послѣднему неизвѣстнаго монаха Чудова монастыря). Когда именно написано Питиримомъ житіе, остается неизвѣстнымъ; но вѣроятнѣйшимъ временемъ должно считать 1447—48-й годъ (см. *Ключевск.* Древне-русск. житія святыхъ, стр. 134; если Пахомій говоритъ о житіи, что онъ пользуется писаніемъ архимандрита Питирима, иже послѣди,—послѣ 1441 и до 1447 года,—бысть поставленъ Перми епископомъ, то, вѣроятно, это должно понимать не такъ, что по его—Пахоміевымъ свѣдѣніямъ Питиримъ написалъ житіе, когда былъ еще архимандритомъ, а такъ, что въ надписаніи житія читалось: «написано бысть архимандритомъ, иже послѣди бысть»..., что, по употребительному въ старое время образу выраженія, можетъ означать не то, чтобы житіе написано было Питиримомъ, когда онъ еще былъ архимандритомъ, а то, что оно написано епископомъ, бывшимъ архимандритомъ. Есть младшая редакція этого житія, явившаяся около 1486-го года,—*Ключевск.* ibid. стр. 243 fin.. *Второе житіе*, написанное извѣстнымъ составителемъ житій Пахоміемъ Сербиномъ въ 1459-мъ году (*Ключевск.* ibid., стрр. 120 и 137), находится во многихъ рукописяхъ (у насъ подъ руками Волоколамскк. №№ 523 и 634 и Троицк. Лаврск. № 789), а въ 1877-мъ году напечатано Обществомъ любителей древней письменности,—изданій Общества № IV. Оно представляетъ изъ себя литературную обработку житія Питиримова, дополненную отчасти, можетъ быть, на основаніи устныхъ преданій, отчасти изъ Епифаніева житія преп. Сергія Радонежскаго. *Третье и четвертое житія* составлены въ XVI вѣкѣ и помѣщены: одно въ Никоновской лѣтописи,—IV, 55, другое въ Степенной книгѣ.—I. 444; первое представляетъ литературную передѣлку житія Питиримова, дополненную, какъ у Пахомія, изъ житія преп. Сергія; второе, написанное по приказанію митр. Макарія,—передѣлку Пахомія съ дополненіемъ изъ лѣтописей. *Пятое житіе* составлено въ концѣ XVII вѣка и принадлежитъ извѣстному чудовскому монаху Евѳимію, ученику Епифанія Славинецкаго (Описанія сунодд. ркпп. *Горск. и Невостр.* № 338, л. 13, стр. 814).

[1]) Записяхъ дѣяній константинопольскаго патріаршаго собора, на которыя мы ссылались многократно прежде. Мы будемъ ниже цитовать ихъ не по Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича*, а по Памятникамъ древне русскаго каноническаго права *А. С. Павлова*, гдѣ касающіяся до насъ записи помѣщены съ русскимъ переводомъ.

Чернигова [1]) онъ пріѣхалъ на службу въ Москву къ князю Даніилу Александровичу и принятъ былъ здѣсь въ число самыхъ первыхъ бояръ [2]). Св. Алексій, получившій въ крещеніи имена Сумеона—Елевѳерія, былъ старшій сынъ Ѳеодора Бяконта и родился у него уже послѣ пріѣзда его въ Москву между 1293—1298-ми годами [3]). Крестнымъ отцомъ перваго сына у новопріѣхавшаго боярина былъ сынъ самого князя Даніила Александровича Иванъ Даниловичъ (извѣстный потомъ подъ именемъ Калиты). Епископъ Питиримъ увѣряетъ, что Сумеонъ-Елевѳерій получилъ отличное въ тогдашнемъ смыслѣ и по тогдашнему времени образованіе; онъ говоритъ о немъ: «еще дѣтищемъ буда (—дучи) изучися всей грамотѣ и въ уности сый всѣмъ книгамъ

---

[1]) О княжествѣ черниговскомъ совершенно прекращаются всякія свѣдѣнія со времени нашествія Монголовъ. Главнымъ столомъ въ княжествѣ вмѣсто Чернигова сталъ Брянскъ, къ которому первый присоединенъ былъ въ качествѣ пригорода. На этомъ главномъ столѣ и на побочныхъ столахъ (въ Глуховѣ, Карачевѣ, Торусѣ и пр.) сидѣли дѣти и внуки Михаила Всеволодовича, убитаго Татарами въ 1246-мъ году (и имѣвшаго многочисленное потомство) и, можетъ быть, дѣти и внуки его брата Андрея Всеволодовича, о которомъ Ипатск. лѣт. подъ 1261 г., 2 изд. стр. 562 нач., cfr Исторію сѣверской земли до половины XIV ст. *Д. Багалѣя* (Кіевъ, 1882).

[2]) По не совсѣмъ вразумительному свидѣтельству родословныхъ книгъ «за нимъ была (потомъ) Москва» (т. е. что онъ бывалъ потомъ намѣстникомъ московскимъ?), см. у *Карамз.* т. IV, прим. 324.—Такъ какъ по дорогѣ на сѣверъ Москва была Ѳедору Бяконту первымъ княжескимъ городомъ, то очень можетъ быть, что Данило Александровичъ, князь не особенно важный, расположилъ его остаться у себя обѣщаніемъ ему возможно высокаго у себя положенія.

[3]) По словамъ Питирима, всѣхъ лѣтъ житія св. Алексія, скончавшагося 12-го Февраля 1378-го года, было 85-ть, изъ чего выходило бы, что онъ родился въ 1292-мъ году; но самъ же Питиримъ говоритъ, что Алексій былъ 17-ю годами старше вел. кн. Сумеона Ивановича, который родился въ 1315-мъ году, изъ чего выходитъ, что онъ родился въ 1298-мъ году.—У Ѳедора Бяконта, кромѣ Сумеона—Елевѳерія или, какъ называютъ его родословныя книги, Алферія, были еще четыре сына; отъ этихъ сыновей произошли боярскія фамиліи Игнатьевыхъ, Жеребцовыхъ, Ѳоминыхъ, Плещеевыхъ и другія. Родъ Ѳоминыхъ, происходившій отъ второго сына Ѳедорова Ѳеофана или Ѳофана (отъ его младшаго сына Стефана), по свидѣтельству родословной книги, «весь служилъ у митрополитовъ» (Родосл. кн., изд. *Новик.*, I. 278 нач.), а старшій сынъ Ѳеофана Даніилъ, въ предсмертномъ монашествѣ Давидъ, былъ однимъ «отъ вельможъ, старѣйшихъ боляръ вел. кн. Димитрія Ивановича Донскаго, слуга его лѣпшій и вящшій якоже инъниктоже»,—у *Карамз.*, изъ Троицк. лѣт., т. V, прим. 254, col. 98, Никон. лѣт. IV, 251 fin..

извычѣ», т. е. что послѣ изученія грамоты или искусства читать онъ еще въ юности пріобрѣлъ возможно хорошую книжную начитанность [1])

На 20—21-мъ году возраста Сvмеонъ-Елевѳерій принялъ рѣшеніе посвятить себя иноческой жизни и постригся въ монахи съ именемъ Алексія въ одномъ изъ монастырей, находившихся въ самой Москвѣ, именно—Богоявленскомъ, существующемъ до настоящаго времени [2]). Въ монастырѣ Алексій провелъ, «добрѣ, по словамъ Питирима, подвизаяся на добродѣтель и все иноческое житіе исправивъ», года 22—лѣтъ 27 [3]), но затѣмъ его крестный отецъ вел. кн. Иванъ Даниловичъ Калита и митр. Ѳеогностъ пришли относительно него къ той мысли, чтобы быть ему преемникомъ послѣдняго на каѳедрѣ митрополіи. Я говорилъ выше, что пребываніе Ѳеогноста, вслѣдъ за св. Петромъ, въ Москвѣ нисколько не создавало обязательства для его преемника поступить точно такъ же: преемникъ Ѳеогноста могъ снова захотѣть возвратиться во Владиміръ, между тѣмъ князь московскій еще не чувствовалъ себя въ такомъ положеніи, чтобы совершенно надѣяться предотвратить подобную случайность. Желая устранить возможность подобной случайности, Иванъ Даниловичъ и митр. Ѳеогностъ и рѣшили сдѣлать то, что первый изъ нихъ неудачно сдѣлалъ было вмѣстѣ съ св. Петромъ, именно—самимъ избрать кандидата на каѳедру

---

[1]) Впрочемъ, сейчасъ приведенное читается во второй или младшей редакціи житія Питимирова; въ первой редакціи сказано только: «еще во младенчествѣ сый изучися грамотѣ».

[2]) У Пахомія читается разсказъ, заимствованный имъ, какъ нужно думать, изъ устнаго преданія, о чудесномъ призваніи Сvмеона—Елевѳерія къ монашеству. Разсказъ есть слѣдующій: «Прешедшимъ же (Елевѳерію) 12 лѣтомъ (возраста) дѣтско еще имущу (ему), яко случися (ему) простреть мрежа во увязеніе пернатымъ (разослать сѣти, подразумѣвается—на полѣ, для ловли птицъ), и абіе, на то внимающи, воздремався успе и бысть ему гласъ, глаголя: ««Алексѣе! что всуе тружаешися, се отселѣ будеши человѣки ловя»»; оному же, отъ сна возбнувшу, не видѣ никогоже, и дивляшеся необычному гласу, паче же и новому званію, еже рещи: Алексѣе, и отъ того часа бысть отрокъ яко во уныніи и размышленіи велицѣ»...

[3]) Въ житіи преп. Сергія Радонежскаго находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни св. Алексія въ Богоявленскомъ монастырѣ, именно—въ житіи говорится, что старшій братъ Сергіевъ Стефанъ, оставившій его (Сергія) въ пустынѣ и ушедшій въ Москву, въ Богоявленскій монастырь, засталъ въ монастырѣ Алексія, который «черническое житіе честно проходя пребываше» (въ немъ), что «съ нимже (Алексіемъ) Стефанъ духовнымъ житіемъ оба купно живяста, но и въ церкви на клиросѣ оба по ряду стояще», что «такожe и Геронтій нѣкто, нарочитъ и славенъ старецъ, въ томъ же монастыри (вмѣстѣ съ ними) живяше»,—литографич. изд. житія л. 61 об.

митрополіи. При этомъ рѣшеніи выборъ князя и митрополита и палъ на Алексія. Весьма близкій къ двору великаго князя по своему рожденію, сынъ боярина Бяконта не долженъ былъ порвать своихъ связей съ дворомъ и по удаленіи въ монастырь, тѣмъ болѣе—въ монастырь, находившійся въ самой Москвѣ: напротивъ, теперь эти его связи должны были сдѣлаться еще тѣснѣе, ибо теперь онъ являлся во дворецъ не въ качествѣ слуги, а въ качествѣ инока, приносящаго благословеніе и душеспасительную бесѣду; Алексій обладалъ блестящими талантами, и этого великій князь не могъ не замѣтить при ближайшемъ его наблюденіи; не могъ великій князь сомнѣваться и въ совершенной преданности своего крестнаго сына себѣ и своему дому: а все это и должно было рѣшить его выборъ. Вслѣдствіе этого рѣшенія тотчасъ послѣ смерти Ивана Даниловича, въ первый годъ правленія сына его Семена Ивановича, именно—въ концѣ 1340-го года, св. Алексій, какъ предъизбранный кандидатъ въ митрополиты, сдѣланъ былъ митрополичьимъ намѣстникомъ [1]). Въ должности митрополичьяго намѣстника, которая состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы быть митрополичьимъ судьей [2]), Алексій провелъ 12-ть слишкомъ лѣтъ. Въ 1350-мъ году, на 11-й годъ намѣстничества Алексіева, митр. Ѳеогностъ впалъ въ болѣзнь [3]). Сознавая болѣзнь опасною, митрополитъ вмѣстѣ съ вел. кн. Семеномъ Ивановичемъ отправилъ посольство въ Константинополь къ императору и патріарху съ прошеніемъ, чтобы въ случаѣ смерти его—Ѳеогноста не былъ ставимъ въ митрополиты русскіе Грекъ, но былъ поставленъ кандидатъ, который будетъ присланъ изъ Москвы. Послѣ смерти св. Петра Иванъ Даниловичъ Калита посылалъ было въ

[1]) Время избранія св. Алексія въ намѣстники опредѣляется тѣмъ, что онъ находился въ должности намѣстника до поставленія въ епископы владимирскіе 12-ть лѣтъ и 3 мѣсяца (Никон. лѣт. IV, 58, Степен. кн, I, 450), а въ епископы онъ поставленъ 6-го Декабря 1352-го года. Что Алексій сдѣланъ намѣстникомъ не при Иванѣ Даниловичѣ, который умеръ 31-го Мая 1340-го года, а при Семенѣ Ивановичѣ, это прямо говоритъ Питиримъ.

[2]) Относительно обязанностей св. Алексія въ качествѣ намѣстника его житіе XVI вѣка говоритъ: «и возведоша его на старѣйшинство и устрояютъ его намѣстнику быти святительскихъ правленій, еже разсуждати Божія люди и вся церковная суды въ правду по священнымъ правиломъ», прибавляя и о цѣли поставленія его въ намѣстники: «яко да по Ѳеогностѣ и престолу его наслѣдникъ будетъ»,—Степ. кн. I, 450.

[3]) Извѣстіе о томъ, что митр. Ѳеогностъ разболѣлся въ 1350-мъ году, читаемъ въ одномъ находящемся у насъ подъ руками хронографѣ,—библіотеки Виѳанской Семинаріи № 2215, т. I. л. 288, col. 2.

Константинополь своего кандидата съ подобною просьбою, и просьба не была уважена. Но Иванъ Даниловичъ тотчасъ послѣ смерти Петра не былъ великимъ княземъ русскимъ, такъ что не могъ имѣть и собственнаго авторитета въ глазахъ патріарха и долженъ былъ встрѣтить рѣшительное противодѣйствіе себѣ со стороны великаго князя (которымъ былъ тверской князь Александръ Михайловичъ); Семенъ же Ивановичъ былъ великимъ княземъ русскимъ и притомъ великимъ княземъ, который уже до такой степени сознавалъ свою силу, что ему давали титулъ Гордаго. Къ этому, митр. Θеогностъ былъ Грекъ и — выражаясь тривіальнымъ языкомъ—долженъ былъ знать въ Константинополѣ всѣ входы и выходы, т. е. долженъ былъ знать, какими путями вести тамъ дѣло, чтобы добиться успѣха. Какъ бы то ни было, но изъ Константинополя посольство возвратилось съ отвѣтомъ отъ императора и патріарха, что просьба принимается. Прежде чѣмъ возвратилось посольство изъ Константинополя, въ началѣ Декабря 1352-го года, за три мѣсяца до своей смерти, Θеогностъ поставилъ Алексія въ епископы владимирскіе, т. е. въ свои митрополичьи викаріи [1]). Не совсѣмъ ясно, зачѣмъ онъ сдѣлалъ это и притомъ страннымъ образомъ далъ ему титулъ владимирскаго, тогда какъ владимирскимъ былъ онъ самъ. Можно до нѣкоторой степени подозрѣвать, что—на случай неуспѣха своей просьбы въ Константинополѣ, т. е. что если бы въ Константинополѣ не захотѣли согласиться на поставленіе Алексія въ митрополиты и поставили митрополита изъ Грековъ, то этотъ, пришедъ въ Россію и нашедъ каѳедру владимирскую занятою, поневолѣ долженъ бы былъ согласиться жить въ Москвѣ и стать вмѣсто кіево-владимирскаго кіево-московскимъ.

Митр. Θеогностъ умеръ отъ своей болѣзни, начавшейся въ 1350-мъ году, 11-го Марта 1353-го года [2]), а черезъ 47 дней послѣ него, 26-го Апрѣля умеръ и великій князь Семенъ Ивановичъ отъ свирѣпство-

---

[1]) Св. Алексій поставленъ Θеогностомъ въ епископы 6-го Декабря 1352-го года и былъ епископомъ до смерти Θеогноста не четыре года, какъ говорится въ житіи, помѣщенномъ въ Никоновской лѣтописи,—IV, 58, а «толико три мѣсяцы или мало болѣ», какъ ясно говоритъ Питиримъ. А что касается до Владимира, то, не бывъ еще признанъ со стороны патріарха формальнымъ образомъ за стольный городъ митрополитовъ, каковое признаніе послѣдовало позднѣе, при самомъ Алексіѣ, онъ могъ быть разсматриваемъ только какъ мѣсто временнаго пребыванія митрополитовъ, которое они могли снова уступить бывшимъ въ немъ прежде нихъ епископамъ.

[2]) Новгор. 1-я лѣтоп.: «преставися митрополитъ Θеогностъ, много болѣвъ»,—Собр. лѣтт. III, 85.

вавшей тогда въ Россіи повальной болѣзни, которую лѣтописцы называютъ черной смертью, оставивъ великокняжескій престолъ брату своему Ивану Ивановичу. Посольство, возвратившееся изъ Константинополя отъ императора и патріарха, не застало въ живыхъ ни того ни другого.

Тотчасъ послѣ прибытія изъ Константинополя пословъ, которые возвратились вскорѣ послѣ смерти Ѳеогноста и Семена Ивановича [1]), Алексій отправился туда для поставленія въ митрополиты. Однако, хотя въ Константинополѣ и изъявили согласіе поставить его, онъ поставленъ былъ вовсе не тотчасъ, какъ явился предъ лицо императора и патріарха. Сохранилось до настоящаго времени дѣяніе патріаршаго собора объ его возведеніи въ митрополиты [2]). Изъ этого дѣянія оказывается, что онъ жилъ въ Константинополѣ на испытаніи въ продолженіе цѣлаго года. Императоръ и патріархъ изъявили согласіе на поставленіе въ митрополиты русскіе природнаго Русскаго, но вовсе не съ особенною охотою, и желали увѣриться, таковъ ли присланный кандидатъ, чтобы его безопасно было поставить, т. е. что онъ сохранитъ должное повиновеніе патріарху: а потому и продержали его въ Константинополѣ цѣлый годъ, желая его высмотрѣть, о чемъ, т. е. о каковомъ испытаніи, прямо говорится въ дѣяніи соборномъ [3]). Такъ какъ въ Константинополѣ господствовали тогда такіе нравы, что никакое испытаніе не могло быть выдержано безъ надлежащаго приложенія, сколько бы ни были высоки качества и сколько бы ни были безспорны права испытуемаго [4]): то съ большою вѣроятностію нужно думать, что продолжительное испытаніе, которому былъ подвергнутъ Алексій, обошлось ему весьма дорого и что на поминки императорскимъ и патріаршимъ чиновникамъ, если не на поднесеніе даровъ самимъ императору и патріарху, онъ вынужденъ былъ истратить большую и очень большую сумму денегъ.

---

[1]) Между 6-мъ и 22-мъ Іюля 1353-го года, какъ даетъ знать Никоновская лѣтопись,—III, 202 и 203.

[2]) Въ Памятникахъ *Павлова*, приложж. col. 41.

[3]) Ἐξετάσει δεδωκότες ἀκριβεστάτῃ ἐπὶ ὁλόκληρον ἤδη ἐνιαυτόν,—подвергнувъ тщательнѣйшему цѣлогодичному испытанію.

[4]) Положительныя доказательства сейчасъ сказаннаго будутъ передъ читателемъ далѣе,—отчасти въ исторіи самого св. Алексія, главнымъ же образомъ въ исторіи замѣшательствъ на каѳедрѣ русской митрополіи, наставшихъ въ слѣдъ за его кончиною.

Онъ возведенъ былъ патріархомъ, которымъ былъ тогда Филоѳей [1]), изъ епископовъ владимірскихъ въ митрополиты кіевскіе и всея Россіи въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1354-го года [2]). Въ помянутомъ соборномъ дѣяніи относительно случая его поставленія въ митрополиты русскіе, какъ природнаго Русскаго, пишется: «хотя подобное дѣло совершенно необычно и небезопасно для церкви, однако ради достовѣрныхъ и похвальныхъ свидѣтельствъ о немъ (Алексіѣ) и ради добродѣтельной и богоугодной его жизни мы судили этому быть, но (это) относительно одного только киръ Алексія и отнюдь не дозволяемъ и не допускаемъ, чтобы на будущее время сдѣлался архіереемъ (митрополитомъ) русскимъ кто нибудь другой устремившійся (сюда) оттуда: изъ (клириковъ) сего богопрославленнаго, боговозвеличеннаго и благоденствующаго Константинополя должны быть поставляемы митрополиты русскіе»... Затѣмъ, соборная грамота дѣлаетъ митрополиту предписаніе относительно посѣщеній имъ Константинополя: «Поелику онъ (киръ Алексій) необходимо долженъ, какъ повелѣваютъ божественные и священные каноны, приходить сюда по долгу своей зависимости отъ святой Божіей вселенской и апостольской церкви и по предписанію каноновъ, но не имѣетъ удобства приходить каждый годъ, какъ по дальности пути, такъ и по его трудности: то мы повелѣваетъ, чтобы онъ чрезъ каждые два года, поелику дѣло подлежитъ отчету (εὐθυντοῦ ὄντος τοῦ πράγματος,— поелику онъ долженъ давать отчетъ въ управленіи митрополіей?), пріѣзжалъ сюда какъ по самому своему долгу, который лежитъ на немъ, такъ и по прилучающимся необходимымъ церковнымъ нуждамъ, а также и для (разрѣшенія) возникающихъ во всемъ его округѣ важныхъ вопросовъ; если же по какой либо немощи или по другимъ препятствіямъ онъ не въ состояніи будетъ лично явиться на состоящій при насъ священный и божественный соборъ, то обязанъ избрать и послать сюда изъ своего клира, кого найдетъ способнымъ, и доносить посредствомъ собственныхъ, надлежаще скрѣпленныхъ, грамотъ о неотложно нужныхъ дѣлахъ, дабы онѣ по благодати Божіей получили здѣсь надлежащее устроеніе и исправленіе». Мы говорили прежде, что въ Греціи въ отношеніи къ обязанности являться на патріаршіе соборы митрополиты раздѣлялись на двѣ категоріи,—на митрополитовъ, имѣющихъ подъ собою округи подчиненныхъ епископій и на митрополитовъ, не имѣющихъ такихъ округовъ, или титулярныхъ. Послѣдніе обязывались

---

[1]) Смѣнившій Каллиста 1-го въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1354-го года.

[2]) Соборное дѣяніе объ его возведеніи въ митрополиты написано 30-го Іюня 1354-го года.

ежегодно являться къ патріарху, чтобы составлять при немъ его σύνοδον ἐνδημοῦσαν; что же касается до первыхъ, то они должны были приходить къ патріарху на его соборъ только по мѣрѣ нужды [1]). Такъ какъ митр. Алексій принадлежалъ къ первой категоріи митрополитовъ, то на него не простиралось требованіе, которое предъявляетъ ему соборное дѣяніе. Съ большею вѣроятностію можно предполагать, что оно было предъявлено къ нему по той причинѣ, что онъ былъ природный Русскій. Обязывая Алексія являться къ себѣ чрезъ каждые два года, патріархъ хотѣлъ имѣть постоянныя доказательства его надлежащаго себѣ повиновенія. Не знаемъ, исполнялъ ли Алексій требованіе собора посредствомъ посыла въ Константинополь своихъ уполномоченныхъ, но что касается до его собственныхъ путешествій въ него, то во все время своего 24-лѣтняго пребыванія на каѳедрѣ онъ былъ въ немъ и всего дважды, считая и съ настоящимъ разомъ.

Съ полученіемъ сана митрополичьяго не кончилось для Алексія испытаніе въ Константинополѣ. Напротивъ, теперь начался для него тамъ новый стадій испытанія.

Еще мѣсяцевъ за восемь—за десять до смерти митр. Ѳеогноста явился въ Константинополь нѣкій Ѳеодоритъ и домогался у патріарха сдѣлаться митрополитомъ русскимъ. Патріархъ, какъ онъ разсказываетъ самъ [2]), произведши тщательное испытаніе (о дѣлѣ) и узнавъ, что митр. Ѳеогностъ былъ еще живъ, не принялъ Ѳеодорита и объявилъ ему, чтобы онъ подождалъ, пока онъ—патріархъ обошлется (съ Россіей) и узнаетъ истину о Ѳеогностѣ. Тогда Ѳеодоритъ убѣжалъ изъ Константинополя въ Терновъ и купилъ себѣ посвященіе въ митрополиты у патріарха болгарскаго. Въ то время какъ Алексій находился въ Константинополѣ, ожидая себѣ поставленія въ митрополиты, Ѳеодоритъ явился въ Кіевъ и сѣлъ тамъ на каѳедру митрополичью. Извѣстія, которыя находимъ мы о Ѳеодоритѣ въ грамотахъ патріаршихъ, не совершенно ясны; но онѣ безъ труда и съ увѣренностію могутъ быть разъяснены. Невозможно думать, чтобы Ѳеодоритъ былъ самовольный искатель приключеній, который бы сумасбродно надѣялся, что придетъ онъ въ Константинополь, изъявитъ здѣсь желаніе получить каѳедру

---

[1]) Ист. Р. Ц. т. I, полов. 1, стр. 236.

[2]) Въ своей грамотѣ о Ѳеодоритѣ въ Новгородъ,—въ Памятникахъ *Павлова*, приложж. col. 60. Дальнѣйшія свѣдѣнія о Ѳеодоритѣ—въ соборномъ дѣяніи о перенесеніи каѳедры русской митрополіи изъ Кіева во Владиміръ. ibid. col. 63. Наша Никоновская лѣтопись говоритъ о поставленіи Ѳеодорита патріархомъ терновскимъ въ митрополиты въ 1352-мъ году,—III, 201.

русской митрополіи, и она дѣйствительно будетъ ему дана; необходимо думать, что онъ былъ присланъ въ Константинополь изъ юго-западной Руси съ тѣмъ, чтобы быть поставленнымъ въ отдѣльные митрополиты галицко-литовскіе. А если патріархъ говоритъ о немъ такъ, что какъ будто бы онъ искалъ занять каѳедру митрополіи всея Россіи: то въ рѣчахъ патріарха нужно видѣть не болѣе, какъ простыя неточность и необстоятельность (можетъ быть, и намѣренныя, чтобы представить Ѳеодорита, позволившаго себѣ обратиться за посвященіемъ къ патріарху терновскому, такимъ человѣкомъ, который являлся въ Константинополь съ нелѣпыми притязаніями). Въ 1347-мъ году, какъ мы говорили выше [1]), митр. Ѳеогносту вмѣстѣ съ великимъ княземъ Сѵмеономъ Ивановичемъ удалось достигнуть того, чтобы закрыта была отдѣльная митрополія галицко-литовская. Но въ Галиціи и Литвѣ, изъ которыхъ первая подпала тогда подъ власть Польши, имѣвшей своимъ королемъ Казимира Великаго (1333—1370), а во второй былъ великимъ княземъ знаменитый Ольгердъ (1341—1380), сынъ Гедиминовъ, могли тотчасъ же возобновить попытку о новомъ пріобрѣтеніи отдѣльнаго митрополита, ибо хотя въ актахъ и грамотахъ 1347-го года раздѣленіе русской митрополіи на двѣ особыя митрополіи называлось новизной и дѣломъ беззаконнымъ, однако король и великій князь не могли не знать хорошо, что это пустыя слова, которыя ничего не значатъ и на которыя, въ случаѣ подкрѣпленія просьбы другими «вѣскими» доказательствами, могли не обратить никакого вниманія. Патріархъ говоритъ, что онъ отвѣчалъ Ѳеодориту, чтобы этотъ подождалъ, пока онъ—патріархъ, обославшись съ Россіей, узнаетъ истину о Ѳеогностѣ. Это значитъ, что Ѳеодоритъ пришелъ въ Константинополь съ жалобами на Ѳеогноста, именно, какъ должно думать, съ тою, обычною Галичанамъ и Литовцамъ жалобою, что митрополитъ живущій на сѣверѣ оставляетъ въ небреженіи галицко-литовскую часть своей митрополіи. Что заставило Ѳеодорита бѣжать изъ Константинополя, чтобы искать незаконнаго поставленія у патріарха терновскаго, не видно. Но и незаконно поставленный онъ былъ принятъ Ольгердомъ и сѣлъ въ Кіевѣ въ качествѣ митрополита галицко-литовскаго (если былъ принятъ Ольгердомъ, то ясно, что имъ былъ и посланъ). Алексій не искалъ у патріарха приговора соборнаго, которымъ бы отдѣленіе Литвы въ особую митрополію объявилось, какъ въ 1347-мъ году, дѣломъ беззаконнымъ (потому, конечно, что находилъ это исканіе въ данную минуту напраснымъ и невозможнымъ); но въ отношеніи къ Ѳеодориту онъ имѣлъ до

---

[1]) Въ статьѣ о митр. Ѳеогностѣ.

патріарха двѣ просьбы. Какъ мы говорили выше, есть вѣроятность думать, что современные Θеогносту до 1347-го года отдѣльные галицко-литовскіе митрополиты оспаривали и освояли у него Кіевъ, остававшійся подлинною столицею митрополитовъ всея Россіи, но съ 1321-го года въ отношеніи государственномъ ставшій литовскимъ. Θеодоритъ дѣйствительно сдѣлалъ то, что съ вѣроятностію можно предполагать объ его предшественникахъ: онъ завладѣлъ Кіевомъ и поселился въ немъ, какъ въ своемъ каθедральномъ городѣ. Во-вторыхъ, Алексій опасался, какъ бы Θеодоритъ не сдѣлалъ попытокъ подчинить своей власти новгородской епархіи. Передъ самой смертью митр. Θеогноста, какъ мы тоже говорили выше, владыка новгородскій послалъ посольство въ Константинополь съ жалобой на непотребныя вещи, приходящія съ насиліемъ отъ митрополита: естествевенно, Алексій могъ опасаться, чтобы Θеодоритъ, пользуясь этимъ, не попытался привлечь на свою сторону новгородскаго архіепископа. Такимъ образомъ, Алексій обратился къ патріарху съ двумя просьбами: во-первыхъ, чтобы ему былъ возвращенъ изъ-подъ Θеодорита Кіевъ; во-вторыхъ, чтобы онъ—патріархъ употребилъ свое содѣйствіе къ предъотвращенію посягательствъ Θеодорита на Новгородъ. Патріархъ удовлетворилъ обѣ просьбы Алексія. Во исполненіе первой просьбы патріархъ составилъ соборное опредѣленіе [1]), которымъ признается и утверждается случившееся при Максимѣ переселеніе митрополитовъ всея Россіи на жительство изъ Кіева во Владиміръ или перенесеніе ими своего сѣдалища (καθισμα) изъ перваго въ послѣдній, какъ совершонное по благословной винѣ, но которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ признается и объявляется за собственный престолъ митрополитовъ и за первое ихъ сѣдалищее (οἰκεῖος θρόνος καὶ πρῶτον καθισμα) Кіевъ, а посягательства на него со стороны митрополита галицко-литовскаго отвергаются и осуждаются какъ разбойническое насиліе. Во исполненіе второй просьбы патріархъ написалъ посланіе къ новгородскому архіепископу (называемому въ посланіи епископомъ [2]), въ которомъ извѣщаетъ сего послѣдняго, что Θеодоритъ получилъ посвященіе въ митрополиты совершенно незаконно,—что онъ—патріархъ уже писалъ о семъ во всѣ тамошнія мѣста, т. е. въ Литву и Галицію, и въ которомъ запрещаетъ архіепископу признавать незаконнаго митрополита подъ угрозою отлученія.

Сейчасъ сказаннымъ не кончилось новое, имѣвшее другой и худшій смыслъ, испытаніе Алексія въ Константинополѣ, а напротивъ только началось.

---

[1]) Въ Памятникахъ. col. 63.

[2]) Ibid., col. 60.

Мы упомянули, что Алексій не искалъ у патріарха приговора соборнаго, которымъ бы отдѣленіе Литвы въ особую митрополію объявлялось дѣломъ беззаконнымъ; патріархъ удовлетворяетъ просьбамъ Алексія относительно Ѳеодорита, но при этомъ вовсе не говоритъ, чтобы вообще онъ не допускалъ поставленія особаго митрополита для Литвы, что̀ ему должно было бы сказать, если бы его мысли дѣйствительно были таковы. На основаніи отсутствія этихъ общихъ рѣчей весьма вѣроятно предполагать, что патріархъ, написавъ Ольгерду о незаконности Ѳеодорита, изъявилъ ему готовность законно поставить для Литвы особаго митрополита. Какъ бы то ни было, но на дѣлѣ это было именно такъ. Вслѣдствіе грамотъ, посланныхъ патріархомъ въ Литву и Галицію, о которыхъ онъ говоритъ въ грамотѣ къ архіепископу новгородскому, незаконно поставленный въ митрополиты Ѳеодоритъ былъ удаленъ тамъ съ митрополичьей каѳедры; но немедленно вслѣдъ за удаленіемъ незаконно поставленнаго митрополита Ольгердъ прислалъ въ Константинополь другого кандидата для поставленія въ митрополиты литовскіе,—нѣкоего Романа, который прибылъ въ Константинополь и былъ посвященъ тамъ, когда еще не уходилъ изъ Константинополя Алексій. Бывъ поставленъ въ митрополиты, Романъ, подобно Ѳеодориту, изъявилъ свои притязанія на Кіевъ, какъ на столицу своей отдѣльной митрополіи: по сей причинѣ между двумя митрополитами русскими, находившимися въ Константинополѣ, завязалась продолжительная борьба [1]). Опредѣленіемъ собора патріаршаго, поста-

---

[1]) Прямыя и непрямыя извѣстія, которыя мы имѣемъ о борьбѣ Алексія съ Романомъ, находятся между собою въ разногласіи. Однѣ извѣстія относятъ борьбу ко времени до возведенія Алексія въ митрополиты или до Іюня 1354-го года; другія извѣстія относятъ ее ко времени послѣ возведенія Алексія въ митрополиты; третьи извѣстія заставляютъ отрицать самое ея существованіе, утверждая, будто Алексій отбылъ изъ Константинополя до прибытія въ него Романа. Наши лѣтописи Воскресенская,—въ Собр. лѣтт. VIII, 9, и Типографская,—стр. 97 нач., говорятъ, что Алексій возвратился изъ Константинополя на Русь осенью того же 1354-го года, въ которомъ возведенъ былъ въ митрополиты: это будетъ значить, что онъ возвратился тотчасъ, какъ былъ возведенъ въ митрополиты, и изъ этого будетъ слѣдовать, что борьба имѣла мѣсто до возведенія. Что Алексій отбылъ изъ Константинополя до прибытія туда Романа, это говоритъ константинопольское соборное опредѣленіе по дѣлу Алексія и Романа, относящееся къ 1361-му году, о которомъ мы будемъ говорить ниже,—въ Памятнн. *Павл.* col. 71 sub fin.. Но необходимо думать, что наши помянутыя лѣтописи ошибаются и что константинопольское соборное дѣяніе, ненамѣренной ошибки со стороны котораго нельзя допустить по близости ко времени борьбы, намѣренно говоритъ неправду. Противъ двухъ нашихъ

новленнымъ по поводу притязаній Ѳеодорита, повидимому, уже рѣшено было дѣло, т. е. рѣшено было, чтобы Кіевъ оставался за митрополитомъ владимирскимъ или всея Россіи, какъ его старшій столъ. Но борьба двухъ русскихъ митрополитовъ представляла такую привлекательную перспективу наживы для императорскихъ и патріаршихъ чиновниковъ, что они не могли не дать ей полнаго хода, а съ другой стороны, можетъ быть, и то, что великій князь литовскій требовалъ новаго пересмотра дѣла. Борьба, дѣйствительно, такъ дорого обошлась

лѣтописей, утверждающихъ, что Алексій возвратился изъ Константинополя осенью 1354-го года, мы имѣемъ другія двѣ и болѣе авторитетныя лѣтописи, которыя утверждаютъ, что онъ возвратился осенью не 1354-го, а 1355-го года, это лѣтописи Троицкая (бывшая),—у *Карамз.* т. IV, прим. 383, и Новгородская 1-я,—Собр. лѣтт. т. III, стр. 86. Затѣмъ, что борьбу должно относить ко времени не до, а послѣ поставленія Алексія въ митрополиты, это съ совершенною ясностію видно изъ слѣдующаго. Во-первыхъ, свое опредѣленіе о перенесеніи каѳедры митрополіи изъ Кіева во Владиміръ патріархъ составилъ и свою грамоту новгородскому архіепископу о Ѳеодоритѣ написалъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1354-го года послѣ возведенія Алексія въ митрополиты; но ни въ опредѣленіи, ни въ грамотѣ нѣтъ о Романѣ ни слова, тогда какъ въ нихъ необходимо должно было бы о немъ говориться, если бы онъ уже находился тогда въ Константинополѣ. Во-вторыхъ, мы имѣемъ документальное и несомнѣнное свидѣтельство, что Романъ находился въ Константинополѣ 7-го Августа 1355-го года (см. въ Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича*, t. I, p. 433, подписи подъ дѣяніемъ соборнымъ отъ 17-го Августа 1355-го года). Но несомнѣнно, что Романъ находился въ Константинополѣ 17-го Августа 1355-го года, не вторично прибывъ туда послѣ поставленія, а оставаясь тамъ послѣ него (поставленія), и такъ какъ, съ одной стороны,—само по себѣ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы онъ оставался въ Константинополѣ слишкомъ долго послѣ Алексія, а съ другой стороны — мы положительно знаемъ, что онъ возвратился въ слѣдъ за нимъ,—Никон. лѣт. III, 204: то по этой бытности Романа въ Константинополѣ необходимо относить возвращеніе изъ него въ Россію Алексія къ осени не 1354-го, а 1355-го года (при чемъ его отбытіе изъ Константинополя должно полагать ранѣе 17-го Августа, когда былъ тамъ Романъ и уже не было его—Алексія). Что касается до соборнаго опредѣленія 1361-го года, то его завѣренію, будто Алексій отбылъ изъ Константинополя прежде прибытія въ него Романа, мы можемъ противопоставить слѣдующее извѣстіе, читаемое въ нашей Никоновской лѣтописи подъ 1354-мъ годомъ: «того же лѣта мятежъ во святительствѣ сотворися, чего не бывало прежде сего въ Руси: въ Царѣградѣ отъ патріарха поставлени быша два митрополита на всю русскую землю Алексѣй да Романъ, и бысть межи ихъ нелюбіе веліе; и тогда отъ обоихъ ихъ изо Царяграда пріидоша послы во Тверь къ Ѳеодору владыцѣ тверскому, и бысть священническому чину тяжесть велія вездѣ».—III, 204. Чтобы приведенное нами извѣстіе Никоновской лѣтописи было вымышлено,

обоимъ тяжущимся, что у нихъ не хватило денегъ и они прислали пословъ на Русь,—оба къ одному и тому же епископу тверскому Θеодору, чтобы произведенъ былъ сборъ съ духовенства, и притомъ, нужно думать, сборъ усиленный, потому что, какъ говоритъ наша лѣтопись, слѣдствіемъ этого прихода пословъ «бысть священническому чину тяжесть велія вездѣ» [1]). Алексій обращался къ тверскому епископу, какъ

этого совершенно невозможно допустить. Соборное опредѣленіе отправляетъ Алексія изъ Константинополя до прибытія въ послѣдній Романа, какъ должно думать, затѣмъ, чтобы не упоминать и не напоминать о происходившей между митрополитами тяжбѣ, такъ какъ тяжба эта представляла собою со стороны ея устроителей дѣяніе крайне непохвальное; правдой, съ которою соборъ поступаетъ нѣсколько вольно, было то, что Романъ прибылъ въ Константинополь, когда Алексій дѣйствительно собирался было уже отбыть изъ него (см. въ Памятнн. *Павл.* col. 53).—Есть еще свидѣтельство, по которому все дѣло было обратно тому, какъ оно обыкновенно представляется и какъ оно дѣйствительно было, это—свидѣтельство греческаго историка (непосредственнаго современника) Никифора Григоры, который утверждаетъ, будто по смерти Θеогноста прибылъ въ Константинополь и согласно просьбѣ Ольгерда, обѣщавшаго принять христіанство, былъ посвященъ въ митрополиты всея Россіи Романъ, будто послѣ посвященія Романа прибылъ въ Константинополь Алексій,—человѣкъ, по отзыву Григоры, крайне нехорошій, и съ помощью денегъ добился, чтобы и его поставили въ митрополиты, и будто такимъ образомъ и раздѣлилась митрополія русская на двое (Historiae Byzantinae lib. XXXVI, cap. 36, ed. Bonn. p. 519). Свидѣтельство Григоры, замѣчательное тѣмъ, что представляетъ собою чуть не единственный (случайный) примѣръ рѣчей Грека о дѣлахъ русской церкви, по его качеству должно быть причислено къ образцамъ греческаго извращенія исторіи и греческой легкости въ очернѣніи людей изъ-за личныхъ побужденій. Григора питалъ величайшую ненависть къ импер. Іоанну Кантакузену и патр. Филоѳею, возведшимъ Алексія въ митрополиты, изъ-за спора о ѳаворскомъ свѣтѣ, въ которомъ онъ (Григора) былъ горячимъ защитникомъ ученія Варлаама и Акиндина противъ ученія Григорія Паламы, и вотъ,—изъ желанія навязать Кантакузену и Филоѳею весьма нехорошее дѣяніе, онъ съ великимъ безстыдствомъ, для котораго лгать и писать исторію можетъ значить одно и тоже, представляетъ событіе поставленія двухъ русскихъ митрополитовъ совсѣмъ обратно тому, какъ оно было на самомъ дѣлѣ, и съ той нравственной невмѣняемостью, для которой самымъ мерзкимъ образомъ очернить человѣка ничего не стоитъ, изображаетъ Алексія, о которомъ не имѣетъ ровно никакихъ свѣдѣній, усвояя значеніе свѣдѣній развѣ только клеветамъ, слышаннымъ отъ представителей враждебной ему стороны, человѣкомъ крайне нехорошимъ.

[1]) Никон. лѣт., см. предъидущее примѣчаніе. Св. Алексій возведенъ былъ въ митрополиты въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1354-го года патр. Филоѳеемъ по изволенію импер. Іоанна Кантакузена. Но въ Январѣ слѣдующаго 1355-го года Іоаннъ Кантакузенъ

епископу своей митрополіи, хотя и не совсѣмъ понятно, что обращался именно къ нему, а не къ какому-либо другому [1]. Что касается до Романа, то онъ, какъ должно думать, обращался къ епископу тверскому вслѣдствіе своихъ особыхъ отношеній къ тверскимъ князьямъ. Эти князья, заклятые враги Москвы, были союзниками и родственниками Ольгерда литовскаго [2], кандидатомъ котораго былъ Романъ; кромѣ того есть указанія, что онъ самъ былъ родственникомъ князей тверскихъ [3], и слѣдовательно—нужно думать, что онъ былъ рекомендованъ Ольгерду какъ кандидатъ въ митрополиты именно сими князьями. Такъ, онъ—Романъ могъ разсчитывать, что князья тверскіе заставятъ своего епископа, отторгнувшись отъ власти митрополита владимирскаго и всея Россіи, признать власть его—митрополита литовскаго, а во всякомъ случаѣ могъ разсчитывать, что князья заставятъ епископа послать деньги къ нему, а не къ Алексію. Къ которому на самомъ дѣлѣ посланы были деньги, мы не знаемъ; по всей вѣроятности и болѣе чѣмъ вѣроятно—къ Алексію. Какъ бы то ни было, только въ концѣ концовъ онъ одолѣлъ своего противника и Кіевъ былъ оставленъ за нимъ [4].

Во время бытности св. Алексія въ Константинополѣ послѣдовало рѣшеніе патріарха по жалобѣ новгородскаго архіепископа Моисея на митр. Θеогноста. Относительно этого рѣшенія въ Новгородской лѣтописи подъ 1354-мъ годомъ читается: «того же лѣта пріидоша послове

долженъ былъ отказаться отъ престола, а за нимъ послѣдовалъ и патр. Филоθей, уступившій каθедру вторично Каллисту 1-му. Должно думать, что эта перемѣна на престолѣ императорскомъ и каθедрѣ патріаршей, если не удвоила расходы тягавшихся, то все таки весьма увеличила ихъ.

[1]) Старшимъ епископомъ въ митрополіи Алексія былъ архіепископъ новгородскій, но онъ былъ съ нимъ, по наслѣдству отъ Θеогноста, о чемъ сейчасъ въ текстѣ, если не совсѣмъ во враждебныхъ, то въ весьма натянутыхъ отношеніяхъ. Старшимъ послѣ архіепископа новгородскаго былъ епископъ ростовскій, и мы не можемъ сказать, почему Алексій не обратился къ нему. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что Алексій находился въ личномъ дружествѣ съ епископомъ тверскимъ (Никон. лѣт. III, 211); это, можетъ быть, и было причиной, почему онъ обратился именно къ нему.

[2]) Въ 1350-мъ году Ольгердъ женился на дочери тверскаго князя Александра Михайловича (бывшаго передъ Иваномъ Даниловичемъ великимъ княземъ).

[3]) У Никифора Григоры, Lib. XXXVI, ed. Bonn. Vol III, p. 518 (ἐκ γυναικὸς συγγενὴς τοῦ κηδεστοῦ ῥηγός, т. е. родственникъ по женѣ свояка королева,—разумѣется Ольгердова).

[4]) Объ исходѣ тяжбы мы знаемъ изъ опредѣленія патріаршаго собора 1361-го года, въ Памятни. col. 73 sqq.

архіепископа новогородскаго владыки Моѵсіа отъ Царяграда и привезоша ему ризы хрестьчаты и грамоты съ великимъ пожалованіемъ отъ царя и патріарха и златою печатью». Изъ словъ лѣтописца слѣдовало бы, что архіепископъ имѣлъ у патріарха съ своею жалобою полный успѣхъ. Но онъ—лѣтописецъ говоритъ объ одной грамотѣ патріарха къ архіепископу, которая прислана была послѣднему съ его послами, и благоразумно умалчиваетъ о другой грамотѣ, которая прислана была ему спустя нѣсколько времени послѣ возвращенія пословъ. Первая грамота не дошла до насъ [1]) и мы знаемъ о ней изъ второй грамоты: въ этой второй грамотѣ дается знать, что первая грамота дѣйствительно была написана въ очень благосклонномъ тонѣ или заключала въ себѣ «великое пожалованіе», и дѣйствительно подтверждается извѣстіе лѣтописца, что патріархъ далъ архіепископу крещатыя ризы, хотя съ поясненіемъ, что ризъ этихъ просилъ у патріарха самъ архіепископъ, ссылаясь на то, что ихъ далъ митр. Ѳеогностъ его предшественнику Василію. Но послѣ первой грамоты была получена архіепископомъ отъ патріарха вторая грамота. Мы не знаемъ, какъ было дѣло,—такъ ли, что послы архіепископа успѣли получить отъ патріарха грамоту, когда Алексій еще не приходилъ въ Константинополь, или такъ, что они получили ее уже послѣ его прибытія туда. Если послѣднее, то во всякомъ случаѣ это было въ самое первое время его пребыванія въ Константинополѣ, когда онъ, еще не получивъ сана митрополита, только что началъ выдерживать тамъ свое испытаніе. Въ этомъ положеніи ему было очень неудобно вступать съ послами архіепископа въ сколько нибудь рѣшительную тяжбу передъ патріархомъ. Но послы ушли, а Алексій остался въ Константинополѣ, выдержалъ испытаніе и, снискавъ полное расположеніе къ себѣ патріарха, получилъ санъ митрополита. Тогда перемѣнилось дѣло. Относительно жалобы архіепископа митрополитъ, вѣроятно, представилъ патріарху, что она неосновательна, а затѣмъ онъ принесъ на архіепископа встрѣчную жалобу въ неповиновеніи, имѣя при этомъ то фактическое, что во время его бытности въ Константинополѣ новгородцы, конечно, не безъ благословенія архіепископа, хлопотали было въ Ордѣ, чтобы престолъ великокняжескій послѣ Сѵмеона Ивановича достался не его брату Ивану Ивановичу, а сопернику московскаго князя суздальскому князю

---

[1]) Къ великому сожалѣнію, ибо, какъ можно думать, изъ нея мы знали бы, въ чемъ именно состояла жалоба архіепископа (Никон. лѣт. III, 206 нач.). Въ записи дѣяній патріаршаго собора она не попала, вѣроятно, потому, что была такъ сказать кассирована слѣдующею за ней грамотою.

Константину Васильевичу. И тотчасъ или вскорѣ послѣ поставленія Алексія въ митрополиты патріархъ послалъ архіепископу новгородскому вторую грамоту, которая уже вовсе не заключала въ себѣ «великаго пожалованія» [1]). Обходя совершеннымъ молчаніемъ жалобу архіепископа, патріархъ настоятельно и рѣшительно приглашаетъ его въ грамотѣ оказывать своему митрополиту безпрекословное и совершенно должное повиновеніе; при этомъ предписываетъ ему, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ найдетъ нужнымъ о чемъ либо писать ему—патріарху, онъ дѣлалъ это не иначе, какъ съ вѣдома митрополита, за исключеніемъ одного того случая, если бы митрополитъ отнялъ у него данныя ему патріархомъ крещатыя ризы.

(Не мало подозрѣвается намъ, что главной причиной жалобы архіепископа Моѵсея на митр. Ѳеогноста были эти крещатыя ризы, которыхъ митрополитъ почему-то не хотѣлъ дать архіепископу послѣ того, какъ далъ ихъ его предшественнику,—что этимъ не только весьма оскорбленъ былъ самъ Моѵсей, но и всѣ новгородцы, которые могли смотрѣть на крещатыя ризы, данныя Ѳеогностомъ архіепископу Василію, какъ на отличіе, однажды навсегда пожалованное ихъ владыкамъ).

Вторая грамота патріарха къ архіепископу новгородскому, о которой мы сказали сейчасъ, дополняетъ наши свѣдѣнія о той заботливости, съ которою патріархъ хотѣлъ гарантировать себя относительно повиновенія ему Алексія, какъ постановленнаго въ митрополиты русскіе изъ природныхъ Русскихъ. Въ грамотѣ сообщается, что были потребованы о немъ «представительныя» или рекомендательныя, т. е., какъ должно съ вѣроятностію подразумѣвать,—поручительныя, грамоты русскихъ епископовъ, и что патріархъ,—если только мы правильно понимаемъ его,—не прежде хотѣлъ отпустить Алексія изъ Константинополя, какъ получивъ эти грамоты.

На своихъ испытаніяхъ, о которыхъ мы сейчасъ вели рѣчь, св. Алексій прожилъ въ Константинополѣ цѣлыхъ два года,—годъ до возведенія въ митрополиты и годъ послѣ возведенія въ митрополиты. Онъ возвратился въ Россію осенью 1355-го года [2]).

---

[1]) Она въ Памятн. col. 51. Писана въ Іюлѣ 1354-го года.

[2]) На возвратномъ пути изъ Константинополя въ одно изъ двухъ своихъ путешествій въ него св. Алексій, перенесши бурю на Черномъ морѣ, присталъ къ берегу 16-го Августа, что̀ мы знаемъ изъ исторіи построенія имъ обѣтнаго монастыря (Андроникова) въ честь праздника нашего дня. Это перенесеніе бури большею частію относятъ ко второму путешествію; но на самомъ дѣлѣ оно должно быть относимо къ первому путешествію, ибо изъ втораго путешествія св. Алексій привезъ уже

Митрополичью каѳедру онъ занималъ въ продолженіе 24-хъ лѣтъ, съ 1854-го года по начало 1378-го года.

О церковноправительственной дѣятельности его, несмотря на продолжительность послѣдней, мы совершенно ничего не знаемъ, кромѣ того, сколько и какихъ въ бытность свою митрополитомъ онъ поставилъ епископовъ. У перваго біографа его Питирима читается весьма краткій общій отзывъ объ этой дѣятельности, который есть слѣдующій: «пребысть (св. Алексій) во святительствѣ и во учительствѣ лѣта довольна, уча слову Божію и по благочестію поборая, правя слово истинное православныя вѣры, поставляя епископы, іереи и діаконы» [1]).

Сохранилось до настоящаго времени отъ св. Алексія учительное посланіе или поученіе къ его паствѣ, обнародованное имъ, какъ это дается знать въ посланіи, при занятіи имъ митрополичьей каѳедры [2]). Въ началѣ посланія святитель говоритъ, что обращается съ нимъ къ паствѣ, «понеже долженъ есть пасти и учити ее»: но послѣ этого вступительнаго посланія писалъ ли онъ, подражая св. Петру, и другія общія учительныя посланія, адресованныя ко всей паствѣ, остается намъ неизвѣстнымъ. Кромѣ одного общаго учительнаго посланія сохранились отъ св. Алексія, во свидѣтельство его архипастырской ревности къ учительству, два частныя учительныя посланія, изъ коихъ одно адресовано къ духовенству и мірянамъ Нижняго-Новгорода и Городца, а другое къ жителямъ области Червленаго Яра,—нынѣшней воронежской губерніи. Въ 1365-мъ году, о чемъ говоримъ ниже, св. Алексій взялъ у епископа суздальскаго и присоединилъ къ своей митрополичьей епархіи Нижній-Новгородъ и Городецъ съ ихъ уѣздами. При этомъ, вѣроятно, случаѣ онъ и написалъ учительное посланіе духовенству и мірянамъ предѣла новгородскаго и городецкаго [3]). Второе частное учи-

---

икону для предположеннаго имъ монастыря, да и возвратился онъ изъ втораго путешествія не осенью, а зимой, см. ниже.

[1]) Для поставленія двухъ тверскихъ епископовъ (Василія въ 1361-мъ году и Евѳимія въ 1374-мъ году) Алексій ѣздилъ въ самую Тверь, для поставленія одного епископа суздальскаго (Діонисія въ 1374-мъ году)—въ самый Суздаль. Если бы на основаніи этихъ примѣровъ предполагать, что у него вообще или по крайней мѣрѣ наибольшею частію было принято ѣздить для поставленія епископовъ въ самые ихъ каѳедральные города: то можно было бы думать, что при семъ имѣлись имъ въ виду и цѣли пастырскаго надзора (дозиранія).

[2]) Напечатано въ 5-мъ томѣ Прибавленій къ твореніямъ свв. отцевъ, стр. 30.

[3]) Напечатано въ 1-й книжкѣ «Душеполезнаго Чтенія» за 1887-й годъ, стр. 458.

тельное посланіе присоединено св. Алексіемъ къ дѣловой грамотѣ. Ему нужно было извѣстить жителей области Червленаго Яра, что между двумя споривпшими о нихъ епископами рязанскимъ и сарайскимъ они должны признавать своимъ законнымъ епископомъ перваго изъ двухъ, а къ оффиціальной грамотѣ о семъ онъ и присоединяетъ обращенное къ жителямъ области учительное слово [1]). Въ первомъ или общемъ учительномъ посланіи св. Алексія содержатся наставленія—увѣщанія «христолюбивымъ христіаномъ»: любить другъ друга; имѣть въ сердцахъ своихъ страхъ Божій; соблюдать заповѣди Божіи, принося ежедневное покаяніе о своихъ грѣхахъ, творя милостыню и удаляясь отъ неподобныхъ дѣлъ, каковы: блудъ, пьянство, грабленіе, насиліе, чародѣйство и всякія кобы, несытость богатства и всякаго злаго имѣнія; имѣть въ умѣ своемъ смерть съ воздаяніемъ каждому по дѣламъ; князьямъ, боярамъ и вельможамъ судить судъ право и милостиво и мзды на невинныхъ не брать; всѣмъ мірянамъ («людской чади»): бояться Бога и чтить князя и священниковъ; притекать на исповѣдь къ отцамъ духовнымъ, памятуя при семъ, что истинное покаяніе есть возненавидѣть свои прежніе грѣхи; усердно ходить въ церкви за общественное богослуженіе, не думая замѣнять его домашней молитвой, и при этомъ—намѣреваясь идти въ нихъ, быть въ мирѣ со всѣми, входить въ нихъ съ боязнію и благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ и стоять въ нихъ, помышляя о своихъ прегрѣшеніямъ и не занимаясь говоромъ. Въ посланіи игуменамъ, священникамъ и діаконамъ и всѣмъ христіанамъ нижегородскимъ и городецкимъ св. Алексій говоритъ игуменамъ и священникамъ объ ихъ обязанности учить мірянъ и увѣщевать ихъ къ сему; въ частности наставляетъ учить страху Божію, исповѣданію грѣховъ и милостынѣ по силѣ, — чтобы сильные не обижали меньшихъ, чтобы всѣ имѣли между собой миръ, любовь и правду, чтобы были причастниками тѣлу и крови Христовыхъ и чтобы отсѣкли отъ себя «корень злобы, мятежъ всякому беззаконію»—пьянство. За симъ опять увѣщеваетъ игуменовъ и священниковъ наводить мірянъ на путь заповѣдей и «на всю истину», представляя имъ, что великое они должны имѣть попеченіе о словесномъ Христовомъ стадѣ. Въ заключеніе увѣщеваетъ мірянъ имѣть честь, покореніе и послушаніе къ отцамъ своимъ духовнымъ, поколику эти послѣдніе заповѣдаютъ имъ душеполезное и спасеное. Въ грамотѣ на Червленый Яръ, жители области котораго, представляя собою украйный сбродъ, по всей вѣроятности, были очень

---

[1]) Грамота напечатана въ I т. Актовъ Историческихъ, № 3, и перепечатана въ Памятникахъ *Павлова*, № 19.

плохими христіанами, содержатся увѣщанія: исполнять заповѣди Христовы, имѣя миръ другъ къ другу, правду, цѣломудріе, милостыню, исповѣданіе грѣховъ своихъ, и бѣгать дѣлъ темныхъ: всякой злобы и горести (вражды), ярости и гнѣва, блуда и прелюбодѣйства, обиды и зависти, убійства и пьянства; покаяться и обратиться къ Богу, поминая смерть и воскресеніе и страшный судъ; любить священниковъ и монаховъ и просить ихъ молитвъ; миловать и призирать вдовицъ, сиротъ, полоняниковъ и странныхъ; посѣщать находящихся въ темницахъ.

Отъ весьма краткихъ рѣчей о церковно-правительственной дѣятельности св. Алексія надлежитъ намъ возвратиться къ рѣчамъ о тѣхъ церковно-правительственныхъ его непріятностяхъ, которыя по поводу отдѣльной митрополіи литовской начались съ самой минуты его поставленія въ митрополиты.

Разсуженные въ Константинополѣ Алексій и Романъ прибыли на Русь. Но въ высшей степени былъ недоволенъ митрополитъ литовскій, что ему не удалось овладѣть Кіевомъ подъ митрополитомъ московскимъ; не менѣе, а еще гораздо болѣе митрополита долженъ былъ оставаться недоволенъ этимъ и самъ Ольгердъ, который, какъ необходимо думать, соединялъ съ мыслію объ отнятіи у митрополита московскаго церковной власти надъ Кіевомъ чрезвычайно важные политическіе планы. И на другой же годъ послѣ возвращенія изъ Константинополя, въ 1356-мъ году, Романъ снова отправился туда, чтобы снова искать себѣ у патріарха Кіева [1]). По его прибытіи въ Константинополь былъ вызванъ туда и Алексій [2]), и между двумя митрополитами опять происходилъ передъ патріархомъ и его соборомъ, какъ сообщаетъ наша лѣтопись, «споръ великій» [3]). Но и на сей разъ Алексій одержалъ верхъ надъ Романомъ: патріархъ съ соборомъ подтвердили свой прежній приговоръ, чтобы Кіеву оставаться за митрополитомъ всея Россіи, каковъ былъ митрополитъ владимірско-московскій [4]). Только, если мы правильно понимаемъ не совсѣмъ обстоятельныя рѣчи передающаго свѣдѣнія соборнаго дѣянія [5]), Роману подчинены были епархіи Малой

---

[1]) Мы находимъ его въ Константинополѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1356-го года.— Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича*, t. I, p. 362 fin..

[2]) Никон. лѣт. III, 206, соборное опредѣленіе 1361-го года въ Памятнн. col. 73. Отправился осенью 1356-го года,—Воскресенск. лѣт., въ Собр. лѣтт. VIII, 10.

[3]) Никон. лѣт. ibidd..

[4]) Возвратился Алексій зимой 1356-го года,—Воскресенск. лѣт. ibid..

[5]) Памятнн. col. 75.

Россіи, подъ которою должно разумѣть часть Малой Россіи, зависѣвшую тогда отъ Польши, а также покоренную Поляками Галицію (и которая, въ случаѣ правильнаго пониманія нами рѣчей собора, до тѣхъ поръ, значитъ, находилась въ завѣдываніи Алексія).

Вторичная неудача Романа не только не прекратила непріятностей Алексія, а напротивъ еще болѣе увеличила ихъ. До послѣдней степени раздосадованный на патріарха, Романъ, не простясь съ нимъ, ушелъ изъ Константинополя [1]) и, возвратившись домой, по соглашенію съ Ольгердомъ, рѣшился силою взять то, чего не могъ добиться получить законнымъ образомъ. Утверждая, что не митрополитъ московскій Алексій, а онъ—митрополитъ литовскій есть дѣйствительный митрополитъ всея Россіи и на самомъ дѣлѣ усвояя себѣ этотъ титулъ, онъ началъ приходить въ Кіевъ совершать въ немъ служеніе и производить рукоположенія. Проводя вмѣстѣ съ Ольгердомъ тотъ принципъ, что все принадлежащее Литвѣ въ гражданскомъ отношеніи должно и въ церковномъ отношеніи принадлежать ему—митрополиту литовскому, онъ сдѣлалъ новыя хищенія у Алексія: въ 1356-мъ году Ольгердъ овладѣлъ Брянскомъ и областью черниговской, и онъ—Романъ поспѣшилъ изъявить свои притязанія на епископію брянскую (бывшую или перемѣщенную черниговскую [2]). Стараясь всевозможнымъ образомъ мстить Алексію, онъ возбудилъ Ольгерда, питавшаго впрочемъ къ митрополиту московскому совершенно такія же чувства, какія и онъ, чтобы князь литовскій сдѣлалъ нападеніе на принадлежавшій московской каѳедрѣ въ качествѣ вотчиной собственности городъ Алексинъ и предалъ его разграбленію [3]). Все это побудило св. Алексія въ 1357-мъ году отправить въ Константинополь своихъ пословъ съ жалобами на Романа патріарху [4]). Долго въ Константинополѣ было разби-

---

[1]) Соборное опредѣленіе 1361-го года.

[2]) См. тоже соборное опредѣленіе 1361-го года.

[3]) Патріаршая грамота Роману 1361-го года въ Памятнн. col. 86 (что Алексинъ принадлежалъ московской каѳедрѣ, бывъ купленъ у кого-то св. Петромъ, см. грамоту вел. кн. Ивана Васильевича въ Описаніи государственнаго архива старыхъ дѣлъ *П. Иванова*, стр. 212, и лѣтописи—Никоновскую подъ 1347-мъ годомъ [III, 190], другія подъ 1348-мъ годомъ).

[4]) См. соборное дѣяніе 1361-го года и грамоту патріарха къ Роману того же года въ Памятнн.. Въ Январѣ 1358-го года Алексій отправился въ Кіевъ для его посѣщенія (Никоновск. и Воскресенск. лѣтописи) и во время своей бытности тамъ былъ схваченъ Ольгердомъ и посаженъ въ заключеніе, изъ котораго спасся бѣгствомъ. Такъ какъ на этотъ поступокъ Ольгерда Алексій не приносилъ жалобы патріарху,

раемо дѣло чрезъ выслушаніе уполномоченныхъ обоихъ митрополитовъ, при чемъ послы митрополита литовскаго предупредили прибытіемъ туда пословъ митрополита московскаго [1]); наконецъ, патріархомъ рѣшено было отправить апокрисіаріевъ въ Россію для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Пока тянулось все это, Алексію пришлось до дна испить чашу золъ. Нарядивъ своихъ пословъ въ Константинополь съ жалобами на Романа, онъ самъ въ Январѣ мѣсяцѣ 1358-го года предпринялъ путешествіе въ Кіевъ для посѣщенія отнимаемой у него митрополитомъ литовскимъ перво-столицы его митрополіи; но здѣсь, по разсказу одного позднѣйшаго константинопольскаго соборнаго дѣянія, съ нимъ случилось то, что питавшій къ нему величайшую ненависть Ольгердъ «изымалъ его обманомъ, заключилъ подъ стражу, отнялъ у него многоцѣнную утварь, и можетъ быть—убилъ бы его, если бы онъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ, не убѣжалъ тайно и такимъ образомъ не избавился отъ опасности» [2]). Для разбирательства митрополитовъ на мѣстѣ, патріархъ отправилъ своихъ апокрисіаріевъ въ Россію лѣтомъ или осенью 1361-го года [3]). Не знаемъ, было ли начинаемо апокрисіаріями это разбирательство, но во всякомъ случаѣ оно не было окончено; это по той причинѣ, что вскорѣ послѣ прибытія апокрисіаріевъ въ Россію, въ исходѣ 1361-го года, Романа постигла смерть [4]).

Послѣ смерти Романа Ольгерду не удалось достигнуть того, чтобы на его мѣсто поставленъ былъ новый особый литовско-галицкій митрополитъ; напротивъ, Алексію удалось достигнуть того, чтобы митрополія

то и должно думать, что пословъ съ жалобами на Романа онъ отправилъ въ Константинополь ранѣе своего путешествія въ Кіевъ.

[1]) Соборное опредѣленіе 1361-го года.

[2]) По разсказу соборнаго дѣянія 1381-го года,—Памятнн. col. 167 (Наши лѣтописи, говоря о путешествіи св. Алексія въ Кіевъ, ничего не говорятъ о случившемся съ нимъ тамъ. По нашимъ лѣтописямъ, отправившись въ Кіевъ въ Январѣ 1358-го года, св. Алексій возвратился въ Москву въ 1360-мъ году,—Никон. и Воскрес., неизвѣстно когда до Іюля мѣсяца,—первая лѣтопись, III, 214 и 215).

[3]) Въ соборномъ дѣяніи и патріаршей грамотѣ къ Роману отъ Іюля 1361-го года говорится, что рѣшено отправить пословъ; но могло быть нѣсколько замедлено ихъ отправленіемъ.

[4]) Никоновск. лѣт. IV, 2. cfr патріаршее соборное дѣяніе 1364-го года въ Памятнн., col. 95. За годъ до смерти, въ 1360-мъ году Романъ приходилъ въ Тверь (Ник. лѣт. III, 214); но по всей вѣроятности, не за тѣмъ, чтобы попытаться подчинить своей власти епископа тверскаго, который, во всякомъ случаѣ, не оказалъ ему никакой чести и не хотѣлъ даже видѣться съ нимъ, а за тѣмъ, чтобы мирить ссорившихся тверскихъ князей, cfr *Солов.* Ист. т. IV, изд. 4-го стр. 274.

литовско-галицкая возсоединена была съ его митрополіей всея Россіи. Это единство митрополіи не оставалось до конца правленія св. Алексія, но продолжалось довольно долго. Къ новому ея раздѣленію мы возвратимся ниже.

Не имѣя совершенно никакихъ свѣдѣній о св. Алексіѣ какъ церковномъ правителѣ, мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ, какъ о государственномъ дѣятелѣ.

Св. Алексій избранъ былъ въ преемники митр. Ѳеогносту въ самой Россіи, какъ говорили мы, съ тою цѣлію, чтобы онъ могъ быть для князей московскихъ тѣмъ же, чѣмъ были для нихъ самъ Ѳеогностъ и предшественникъ его св. Петръ. Св. Алексій и не обманулъ возлагавшихся на него надеждъ; но обстоятельства времени потребовали, чтобы онъ сталъ по отношенію къ Москвѣ государственнымъ человѣкомъ въ болѣе тѣсномъ и болѣе собственномъ смыслѣ этого слова, нежели въ какомъ были два его предмѣстника. Св. Петръ и Ѳеогностъ имѣли пребываніе въ Москвѣ вмѣсто Владимира, сдѣлавъ ее своимъ фактическимъ стольнымъ городомъ, и оказывали князьямъ московскимъ свое содѣйствіе въ ихъ государственныхъ дѣлахъ, насколько это могли и насколько князья этого отъ нихъ искали; но они не были призванными участниками государственнаго управленія и стояли внѣ его. Св. Алексія обстоятельства времени поставили во главѣ государственнаго управленія, такъ что онъ былъ митрополитомъ и въ то же время первымъ государственнымъ человѣкомъ, главою боярской думы своихъ князей. Ему выпало занимать митрополичью каѳедру въ то время, какъ князьями московскими были люди, требовавшіе опеки надъ собою. Въ одинъ годъ съ митрополитомъ Ѳеогностомъ, спустя 47 дней послѣ него, умеръ князь Сѵмеонъ Ивановичъ и оставилъ своимъ преемникомъ брата своего Ивана Ивановича; этотъ Иванъ Ивановичъ былъ, какъ говорятъ лѣтописи, государь «тихій и кроткій», т. е. государь слабый. Иванъ Ивановичъ умеръ въ 1359-мъ году и оставилъ своимъ преемникомъ сына своего Димитрія Ивановича 9-лѣтнимъ мальчикомъ. Оба князя, одинъ по слабости, другой по малолѣтству, имѣли нужду въ руководителѣ себѣ и опекунѣ надъ собою: и руководителемъ—опекуномъ обоихъ былъ онъ—св. Алексій. Мы не знаемъ положительно, былъ ли онъ настоящимъ или оффиціальнымъ главой государственнаго управленія при Иванѣ Ивановичѣ; Сѵмеонъ Ивановичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, написанномъ передъ смертью, приказываетъ своимъ братьямъ—Ивану Ивановичу и Андрею Ивановичу (умершему вскорѣ послѣ него самого): «слушали бы есте отца нашего владыки Олексѣя,

также старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ» [1]), и этимъ какъ будто формально ставилъ его—св. Алексія во главѣ боярской думы. Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ положительныя и ясныя свидѣтельства, что Иванъ Ивановичъ передъ своей смертью оставилъ его формальнымъ и настоящимъ регентомъ государства при своемъ малолѣтнемъ сынѣ Димитріи [2]). Такимъ образомъ, св. Алексій былъ и митрополитомъ и вмѣстѣ главою государственнаго управленія,—отчасти, можетъ быть, не формальнымъ образомъ, отчасти же и совершенно формальнымъ образомъ. Чтобы митрополитъ или вообще предстоятель церкви формально былъ регентомъ и правителемъ государства, это въ нашей русской исторіи—единственный случай.

Мы не можемъ дать полной характеристики всей государственной дѣятельности св. Алексія, потому что для этого не достаетъ у насъ свѣдѣній; но мы положительнымъ образомъ знаемъ, что онъ былъ ревностнѣйшимъ охранителемъ владѣній и власти московскихъ князей противъ внѣшнихъ враговъ: современныя свидѣтельства, принадлежащія друзьямъ и врагамъ св. Алексія, согласно говорятъ намъ, что онъ, получивъ отъ умирающаго Ивана Ивановича опеку надъ его малолѣтнимъ сыномъ Димитріемъ, «прилагалъ всѣ старанія, чтобы сохранить дитя и удержать за нимъ страну и власть», что онъ «весь предавался» возложенному на него дѣлу попеченія о «государѣ—дитяти» [3]). Димитрій Ивановичъ Донской первый изъ великихъ князей московскихъ ясно и опредѣленно заявилъ стремленія къ государственному единодержавію, но онъ заявилъ ихъ въ такіе еще юные годы, что необходимо долженъ быть предполагаемъ при семъ св. Алексій. До какой степени за его время Москва возрасла въ своей силѣ и сознала эту послѣднюю, видно изъ того, что знаменитая битва Куликовская была на третій годъ послѣ его кончины...

Свои старанія объ охраненіи власти князя московскаго св. Алексій, какъ должно думать, началъ тотчасъ же послѣ смерти Симеона Ивановича, который, умирая, поручилъ своихъ братьевъ будущему митро-

---

[1]) Въ Собран. госудд. грамм. и договв. I, № 24, стр. 38, col. 2 fin..

[2]) Въ актахъ греческихъ, см. соборное дѣяніе 1380 г. въ Памм. col. 165, и таковое же дѣяніе 1389-го года ibid. col. 197: вел. кн. Иванъ Ивановичъ «передъ своей смертью не только предалъ на попеченіе митрополиту (Алексію) своего сына, но и вручилъ ему опекунское завѣдываніе всею властью (τὴν τῆς ἀρχῆς ἁπάσης ἐπιτροπείαν καὶ φυλακήν), не довѣряя никому другому (въ виду множества внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ)».

[3]) Греческіе акты, въ Памм. coll. 165 и 197.

политу. У слабаго преемника Симеонова Ивана Ивановича искалъ въ Ордѣ отнять великокняжескій престолъ суздальскій князь Константинъ Васильевичъ, — человѣкъ, по свидѣтельству лѣтописей, энергическій, княжившій «честно и грозно», который притомъ нашелъ поддержку себѣ у новгородцевъ, ибо эти послѣдніе, весьма успѣвъ испытать возрастающую силу Москвы [1]) и желая подорвать ее, явились въ Орду хлопотать за него съ своимъ серебромъ. Если Ивану Ивановичу удалось отстранить соперника и получить отъ хана ярлыкъ на великое княженіе, то съ весьма большою вѣроятностію нужно подозрѣвать тутъ старанія св. Алексія. Мы говорили выше, что митр. Өеогностъ въ свое путешествіе въ Орду 1343-го года успѣлъ купить благоволеніе ханши Тайдулы, жены хана Чанибека. Жёны золотоордынскихъ хановъ, нисколько не будучи гаремными затворницами, и вообще имѣли при нихъ не меньшее значеніе, чѣмъ жены европейскихъ государей при своихъ мужьяхъ [2]), но Тайдула,—женщина выдающаяся изъ обыкновеннаго ряда, имѣла исключительно большое вліяніе на дѣла государственныя и была настоящей соправительницей хана—своего мужа [3]). Митр. Өеогностъ, понимая всю важность покровительства ханши, конечно, рекомендовалъ ей передъ своею смертію своего будущаго преемника (чрезъ нарочныхъ пословъ или чрезъ епископа сарайскаго [4]) и содѣйствіемъ Тайдулы Алексій и могъ воспользоваться, чтобы отстранить явившагося Ивану Ивановичу соперника. Онъ отправился въ Константинополь на поставленіе въ митрополиты ранѣе, чѣмъ князья пошли въ Орду за ярлыками, но онъ могъ держать свой путь черезъ ту же Орду, черезъ которую былъ тогда если не единственный, то наиболѣе обычный путь въ Константинополь, такъ что къ приходу въ Орду Ивана Ивановича онъ уже могъ устроить дѣло въ его пользу. Изъ свидѣтельства, относящагося къ 1357-му году, о которомъ сейчасъ ниже, мы знаемъ, что св. Алексій въ свои двѣ поѣздки передъ этимъ годомъ въ Константинополь сталъ лично извѣстнымъ Тайдулѣ и пріобрѣлъ ея величайшее уваженіе. То и другое могло имѣть мѣсто во вторую поѣздку: но такъ какъ въ первую поѣздку онъ имѣлъ на-

---

[1]) См. 1-ю Новгородск. лѣтопись подъ 1332, 1333, 1337, 1339 и 1340 гг.

[2]) Cfr у *Григорьева* въ диссертаціи «О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ». стр. 65 sqq.

[3]) Папа, обращаясь къ хану, считалъ нужнымъ писать Тайдулѣ особое отъ хана посланіе.

[4]) Мы имѣемъ прямыя указанія относительно нарочитой преданности св. Алексію тогдашняго епископа сарайскаго (Аѳанасія)—въ греческихъ актахъ, Памм. col. 53.

рочитую надобность быть у хана и ханши, то и представляется вѣроятнѣйшимъ думать, что это имѣло мѣсто именно еще въ первую поѣздку [1]).

Въ 1357-мъ году св. Алексій имѣлъ возможность оказать важную услугу Тайдулѣ, и это послужило на пользу Москвѣ. Жена хана заболѣла какою-то болѣзнію. Такъ какъ Монголы считали врачами служителей вѣръ, о чемъ мы говорили выше [2]), то естественно, что и Тайдула у нихъ должна была искать себѣ помощи. Не знаемъ, обращалась ли она къ духовнымъ разныхъ вѣръ, находившимся въ Ордѣ, и ни отъ кого не получила помощи, или прямо вспомнила о св. Алексіѣ, съ которымъ познакомилась въ его константинопольскія путешествія, какъ о добродѣтельномъ и святомъ по жизни представителѣ русскаго духовенства; только въ 1357-мъ году, въ Августѣ мѣсяцѣ, она прислала къ нему посольство съ просьбою, чтобы онъ пришелъ посѣтить ее. Св. Алексій отправился въ Орду, и по его молитвамъ ханша получила чудесное исцѣленіе. Вотъ разсказъ о семъ, читаемый въ Воскресенской лѣтописи: «Тое же (1357-го года) осени пріиде посолъ отъ царицы Тайдулы изъ Орды къ митрополиту Алексѣю, зовущи его въ Орду, да пришедъ посѣтитъ нездравіе ея; онъ же нача яко на путь потребнаа готовити, и се тогда загорѣся свѣща сама собою у гроба чюдотворца Петра, августа 18-го; митрополитъ же, пѣвъ молебенъ со всѣмъ крилосомъ, и свѣщу ту раздроби и раздасть народу на благословеніе, и того же дни поиде въ Орду, и пришедъ тамо болящую царицю исцѣли, и паки вскорѣ отпущенъ бысть съ великою честію» [3]).

---

[1]) Сохранился до настоящаго времени ярлыкъ, данный Тайдулой св. Алексію на случай его путешествій въ Константинополь (проѣздный листъ); но, къ сожалѣнію, не можетъ быть рѣшено, въ какомъ году онъ данъ, см. у *Григорьева* въ помянутой диссертаціи, стр. 89.

[2]) Въ главѣ: „Порабощеніе Руси Монголами и отношенія хановъ монгольскихъ къ русской церкви или къ вѣрѣ Русскихъ и къ ихъ духовенству“, — выше стр. 22.

[3]) Въ житіи св. Алексія Питиримовомъ нѣтъ объ исцѣленіи имъ ханши; о немъ говорятъ лѣтописи: Воскресенская, разсказъ которой мы привели,—въ Собр. лѣтт. VIII, 10, и Никоновская,—III, 208. Позднѣйшія житія св. Алексія берутъ разсказъ изъ лѣтописей и болѣе или менѣе передѣлываютъ его: по нимъ—болѣзнь ханши была глазная; болѣла она три года; ханъ съ ханшей будто бы знали дотолѣ о митрополитѣ только по слуху.—Лѣтописи Воскресенская и Никоновская говорятъ, что св. Алексій отпущенъ былъ изъ Орды съ великою честію. Но другія двѣ лѣтописи: Новгородская 4-я,—въ Собр. лѣтт. IV, 63, и Софійская 1-я,—ibid. V, 228,

Еще во время пребыванія св. Алексія въ Ордѣ началось тамъ великое замятье: Чанибекъ былъ убитъ своимъ сыномъ Бердибекомъ. Но такъ какъ Тайдула успѣла сохранить все свое вліяніе и при своемъ свирѣпомъ сынѣ, каковъ былъ Бердибекъ; то Москва и увидѣла ея благодарность за оказанное ей благодѣяніе: отправившійся въ Орду послѣ возвращенія изъ ней митрополита вел. кн. Иванъ Ивановичъ безъ труда получилъ тамъ подтвердительный ярлыкъ на великое княженіе, не встрѣтивъ себѣ соперника ни въ комъ изъ другихъ русскихъ князей (при чемъ даже и князья дружественные Москвѣ получили отъ хана управу противъ своихъ враговъ [1]).

Мы упоминали выше, что св. Алексій, подобно св. Петру, держалъ въ Ордѣ преніе съ мугаммеданскими богословами (стр. 131). Преніе имѣло мѣсто въ поѣздку его въ Орду для исцѣленія ханши. Вѣроятно, что мугаммеданскіе духовные, посрамленные русскимъ митрополитомъ относительно врачебнаго искусства, желали въ свою очередь одержать надъ нимъ верхъ въ учено-богословскомъ диспутѣ. Какъ бы то ни было, но наши свѣдѣнія о преніи, къ сожалѣнію, ограничиваются единственно знаніемъ имени лица, съ которымъ долженъ былъ вести его св. Алексій: это Мунзи богатырь, сынъ Моллагавзадина слѣ-

---

говорятъ, что онъ принялъ въ Ордѣ отъ Татаръ „многу истому". Дѣло, по всей вѣроятности, нужно понимать такъ, что св. Алексій, видѣвшій великую честь отъ хана и его матери (Тайдулы), принялъ истому во время начавшагося тогда въ Ордѣ замятья отъ ханскихъ чиновниковъ.—Въ московской Синодальной ризницѣ хранится мѣдный перстень, который выдается за перстень, подаренный Тайдулою св. Алексію. Мѣдный перстень, стоющій нѣсколько грошей, конечно, очень сомнительно было бы принимать за даръ царицы. Но оказывается, что онъ есть только, такъ сказать, замѣститель настоящаго перстня, который исчезъ въ прошедшемъ или нынѣшнемъ столѣтіи. Существуетъ указъ св. Синода отъ 28-го Января 1722-го года, въ которомъ говорится, что Петръ Великій, бывъ помянутаго 28-го Января за литургіей въ Чудовомъ монастырѣ, усмотрѣлъ „у выносныго того чюдотворца Алексія образа, который выносится въ большія крестохожденія, въ привѣсѣ на цатѣ перстень золотой, которой называется собственнымъ того чюдотворца Алексія", и указалъ взять его въ сунодальную ризницу, и которымъ (указомъ) предписывается исполнить повелѣніе государя (Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія т. II, № 386, стр. 42).

[1]) Житіе св. Алексія, помѣщенное въ Степенной книгѣ, поправляя впадающаго въ несообразность Пахомія (cfr у *Ключевск.* въ Житіяхъ стр. 139), говоритъ о двухъ путешествіяхъ его въ Орду, имѣвшихъ мѣсто одно въ слѣдъ за другимъ: первомъ—для исцѣленія ханши и второмъ—по просьбѣ вел. кн. Ивана Ивановича для умилостивленія въ пользу князя свирѣпаго Бердибека,—I, 456.

наго, жена у котораго была сестра хана Барака (Берке? [1]).—О томъ, что отъ вновь вступившаго на престолъ хана Бердибека былъ полученъ св. Алексіемъ сохранившійся до настоящаго времени ярлыкъ, мы уже говорили прежде (стр. 34).

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1358-го года скончался великій князь Иванъ Ивановичъ, оставивъ малолѣтняго сына Димитрія; между тѣмъ въ Ордѣ Бердибекъ былъ убитъ Кульпою, а Кульпа черезъ пять или шесть мѣсяцевъ былъ убитъ Наврусомъ. Среди этихъ убійствъ Тайдула осталась цѣла (она была убита вскорѣ потомъ); но уже потеряла свое прежнее значеніе. Передъ Наврусомъ явился соперникомъ малолѣтнему князю московскому на великое княженіе суздальскій князь Димитрій Константиновичъ, сынъ того Константина Васильевича, о которомъ мы упоминали, и Наврусъ, можетъ быть—враждебный дому Чанибека, который покровительствовалъ семейству князей московскихъ, отдалъ великое княженіе этому Димитрію суздальскому. Но несчастіе, постигшее Москву, продолжалось весьма недолго. Дмитрій Константиновичъ сѣлъ на великое княженіе въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1360-го года, а черезъ два года съ небольшимъ [2]), въ 1362-мъ году, св. Алексій и московскіе бояре уже успѣли добыть въ Ордѣ, въ которой продолжались величайшія замятія и которая раздѣлилась на двѣ половины, ярлыкъ на великое княженіе снова своему московскому князю. Съ 1362-го года Дмитрій Ивановичъ оставался великимъ княземъ русскимъ во все правленіе св. Алексія безъ всякаго перерыва: этотъ 1362-й годъ есть такой годъ, съ котораго началось наслѣдственное и никѣмъ не оспариваемое сидѣніе московскихъ князей на великокняжескомъ престолѣ и въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ престолъ великокняжескій окончательно перенесенъ былъ изъ Владимира въ Москву.

Между князьями русскими въ правленіе св. Алексія нѣсколько опасными соперниками Москвы оставались тѣ князья тверскіе, которые въ предшествующее время имѣли было надежду взять надъ нею верхъ. Въ минуту вступленія Алексія на митрополичью каѳедру князья тверскіе раздѣлялись на двѣ половины: одну половину представлялъ изъ

---

[1]) Позднѣйшая запись о преніи, сдѣланная на основаніи устнаго преданія, читается въ одной Румянцевской рукописи,—по Опис. *Восток.* № 214, стр. 273. Она есть: «Моллагавзадинъ слѣпъ былъ, а жена у него была царица, Барака царя сестра, а сынъ былъ у него Мунзи багатырь: тотъ прелся съ митрополитомъ съ Алексѣемъ въ Ордѣ предъ царемъ, коли царицу слѣпу просвѣтилъ Зенебекову въ Ордѣ».

[2]) Никон. лѣт. III, 215 и 220, Воскресенск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII. 11 и 12.

себя Василій Михайловичъ, сынъ того Михаила Ярославича, который былъ врагомъ св. Петра и съ которымъ велъ ожесточенную борьбу Юрій Даниловичъ московскій,—съ своими сыновьями; другую половину представляли внуки Михайла Ярославича,—дѣти его сына Александра (не долго занимавшаго столъ великокняжескій передъ Иваномъ Даниловичемъ Калитой и умершаго въ 1339-мъ году), съ старшимъ братомъ Всеволодомъ Александровичемъ во главѣ. При Сүмеонѣ Ивановичѣ обѣ стороны породнились было съ Москвой, именно - самъ Сүмеонъ Ивановичъ женился въ 1347-мъ году на сестрѣ Александровичей (третьмъ бракомъ), а Василій Михайловичъ женилъ въ 1349-мъ году своего сына на дочери Сүмеона Ивановича. Но дядя съ племянниками не могли ужиться въ мирѣ между собой, и Москва воспользовалась ихъ враждой, чтобы преслѣдовать свою цѣль уничтоженія соперниковъ: Москва взяла подъ свое покровительство сторону, которую считала неопасною для себя,—Василія Михайловича съ сыновьями, и выступила противъ стороны, которую находила опасною для себя,—противъ Александровичей. Въ 1357-мъ году Всеволодъ Александровичъ обратился было къ митрополиту съ жалобой на дядю, т. е. на Василья Михайловича, что онъ обижаетъ его съ братьями, вопреки договора о владѣніи удѣломъ; но митрополитъ рѣшительнымъ образомъ принялъ сторону Василья Михайловича и по «его слову» послѣдній прислалъ въ Москву своихъ пословъ, чтобы сотворить миръ и любовь велію съ московскимъ княземъ [1]). Въ томъ же 1357-мъ году послѣ смерти хана Чанибека Василій и Всеволодъ пошли въ Орду къ новому хану Бердибеку, чтобы жаловаться другъ на друга; но второй былъ перехваченъ на дорогѣ намѣстниками московскими, а когда потомъ всетаки явился въ Орду, то царемъ и царицею, т. е. Бердибекомъ и его матерью Тайдулою, безъ суда былъ выданъ своему дядѣ, отъ котораго и было ему, равно какъ и его боярамъ и слугамъ, «томленіе веліе, и продажа и грабленіе веліе», а чернымъ людямъ его части удѣла—«данная (въ даняхъ) продажа велія» [2]).

Въ 1365-мъ году умеръ Всеволодъ Александровичъ, а въ слѣдъ за нимъ два его брата, отъ свирѣпствовавшаго тогда мора, и представителемъ стороны, которую Москва считала опасною для себя, остался одинъ братъ—Михайло Александровичъ. Вскорѣ послѣ смерти Всеволода у Михайла началась ссора съ дядей Василіемъ изъ-за вымороч-наго удѣла (принадлежавшаго Семену Константиновичу, племяннику

[1]) Никон. лѣт. III, 208.

[2]) Ibid. 211.

Васильеву и двоюродному брату Михайлову, который умеръ бездѣтнымъ въ томъ же 1365-мъ году). Ссорившихся по приказанію митрополита судилъ епископъ тверской Василій и нашелъ правымъ Михайла Александровича (которому, дѣйствительно, умирающій Семенъ Константиновичъ приказалъ свою княгиню). Но на судъ епископа Василій Михайловичъ съ сыновьями принесъ жалобу митрополиту: епископъ былъ позванъ въ Москву и за то, что онъ взялъ сторону того изъ тягавшихся, кого московскіе государственные люди считали опаснымъ для своего князя, ему «сотворися на Москвѣ про тотъ судъ проторъ великъ» [1]); Василью же Михайловичу дано было вспомогательное московское войско, чтобы онъ шелъ отнимать у Михайла Тверь, чего однако онъ не успѣлъ сдѣлать, опустошивъ только принадлежавшія послѣднему волости и села. Судъ имѣлъ мѣсто въ 1366-мъ году. Слѣдующій 1367-й годъ есть знаменитый и составляющій эпоху въ исторіи Москвы годъ, въ которомъ вел. кн. Дмитрій Ивановичъ, руководимый боярами и во главѣ ихъ св. Алексіемъ, ибо самъ еще былъ только 17-лѣтнимъ юношей, открыто и рѣшительно заявилъ свои стремленія къ единодержавію: весной этого года онъ началъ строить каменный городъ Москву, т. е. каменный кремль въ Москвѣ [2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, «всѣхъ князей русскихъ началъ приводить подъ свою волю, а которые не повиновались его волѣ, на тѣхъ началъ посягать» [3]). Требованіе повиновенія было предъявлено и тверскому князю Михайлу Александровичу; но Михайло Александровичъ отвѣчалъ на него тѣмъ, что ушелъ въ Литву къ своему зятю Ольгерду [4]). Когда вскорѣ послѣ этого онъ возвратился отъ Ольгерда съ литовскимъ войскомъ, помогавшимъ ему опустошить удѣлъ дяди Василья Михайловича, московскій великій князь Дмитрій Ивановичъ заключилъ съ нимъ миръ; но спустя немного времени (въ 1368-мъ году), на Москвѣ рѣшились прибѣгнуть противъ него къ необычайному средству. «Князь великій Дмитрей Ивановичъ,—разсказываетъ лѣтописецъ,—со отцемъ своимъ преосвящен-

---

[1]) Никон. лѣт. IV, 15. Cfr Краткую церковную россійскую исторію *митр. Платона*, I, 190 fin..

[2]) Въ одномъ лѣтописномъ отрывкѣ, по письму принадлежащемъ къ XVII вѣку, прямо говорится, что Димитрій Ивановичъ заложилъ градъ Москву каменной по совѣту великаго отца своего Алексѣя чудотворца,—*Бычкова* Описаніе сборниковъ Публичн. Библіот., I, 154.

[3]) Ник. лѣт. IV, 15.

[4]) Ольгердъ, какъ мы сказали выше, былъ женатъ на сестрѣ Михайла Александровича.

нымъ Алексѣемъ митрополитомъ зазваша любовію къ себѣ на Москву князя Михайла Александровича тверского, и потомъ составиша съ нимъ рѣчи, таже потомъ бысть имъ судъ на третей [1]) на миру въ правдѣ: да (потомъ) его изымали, а что были бояре около его, тѣхъ всѣхъ поимали и разно розвели» [2])... Какая была цѣль необычайнаго средства, ясно не видно; но счастливая случайность освободила Михайла Александровича изъ его внезапнаго плѣна: въ Москвѣ стало извѣстно, что идутъ на нее три посла изъ Орды; князь и его совѣтники пришли въ смущеніе отъ своего поступка,—«усумнѣшась», какъ говоритъ лѣтопись, и выпустили плѣнника, обязавъ его въ покорности крестнымъ цѣлованіемъ.

Должны мы сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы сказать объ отношеніи св. Алексія къ учиненному въ Москвѣ съ тверскимъ княземъ.

Какую долю участія въ поступкѣ съ княземъ, т. е. въ захватѣ его, усвоять св. Алексію, остается нерѣшеннымъ. Митр. Платонъ, основываясь на томъ, что̀, по свидѣтельству лѣтописи, думалъ и говорилъ самъ потерпѣвшій [3]), понимаетъ дѣло такъ, что случившееся съ княземъ случилось по прямому изволенію св. Алексія и въ оправданіе святителя говоритъ въ своей Краткой церковной россійской исторіи: «О сей поступкѣ митрополита Алексія не иначе судить можно, какъ, что она происходила отъ истинной любви къ отечеству. Видѣлъ онъ, до какого несчастія доведена Россія чрезъ многія удѣльныя княженія, и чрезъ непрестанныя между ними брани и разоренія, и чрезъ то подвергла себя Татарскому игу: и подъ симъ мучительнымъ и безчестнымъ игомъ состоя, отъ междоусобій не преставала. Видѣлъ также святый и просвященный старецъ, что сему несчастію и игу конца не будетъ, ежели удѣльныя княженія будутъ продолжаться, и самодержавіе не будетъ возстановлено. Почему митрополитъ Алексій не только таковому великаго князя предпріятію, чтобъ удѣльныхъ князей себѣ покорить, во всемъ споспѣшествовалъ; но едва ли не онъ, яко старый и опытный и по сану уважаемый мужъ, младому князю, таковый совѣтъ вну-

[1]) Въ одной лѣтописи (Воскресенск.): „на третій день“.

[2]) Никон. лѣт. IV, 19.

[3]) Бывъ освобожденъ, Михайло Александровичъ, по словамъ Никоновской лѣтописи, „размиріе про то нача имѣти къ великому князю Дмитрею Ивановичу, гнѣвашежеся и жаловашься наипаче на митрополита, глаголя: колику любовь и вѣру имѣхъ паче всѣхъ къ митрополиту сему, и онъ толико мя посрами и поруга“,—IV, 19 sub fin., см. также Воскресенскую лѣтопись.

шилъ, и его подкрѣпилъ» [1]). Другіе историки, какъ напримѣръ Карамзинъ, считаютъ вѣроятнымъ предполагать, что св. Алексій невольно вовлеченъ былъ въ дѣло противное совѣсти, т. е. что онъ не въ состояніи былъ наложить своего veto на удуманное помимо него боярами и увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить ихъ твердому рѣшенію [2]). Третьи историки, какъ преосвв. Филаретъ [3]) и Макарій [4]) и С. М. Соловьевъ [5]), не затрогиваютъ нарочитымъ образомъ вопроса, обходя его ненамѣреннымъ или намѣреннымъ молчаніемъ. ‹Мы съ своей стороны не рѣшаемся высказываться по вопросу положительнымъ образомъ, но общія наши представленія о нравственномъ характерѣ св. Алексія заставляютъ насъ думать объ его отношеніи къ несчастному захвату такъ, чтобы, не отрицая вовсе проявленной имъ при себѣ человѣческой слабости [6]), питать увѣренность, что эта, проявленная имъ слабость, имѣла для себя возможно достаточныя, хорошо неизвѣстныя намъ, извиненія и оправданія.

По всей вѣроятности, Михайло Александровичъ не считалъ обязательнымъ для себя вынужденнаго крестнаго цѣлованія, и великій князь Дмитрій Ивановичъ вскорѣ послѣ сего послалъ противъ него большое войско. Тогда тверской князь бѣжалъ въ Литву къ Ольгерду и началъ слезно молить его о защитѣ отъ князя московскаго. Ольгердъ,

---

[1]) Ч. I, стр. 191 fin..

[2]) Т. V, col. 8. Какъ будто это же предполагаетъ, выражаясь не совсѣмъ ясно, А. В. Горскій въ своей статьѣ: „Св. Алексій митр. кіевскій и всея Россіи“, напечатанной въ VI томѣ „Прибавленій къ твореніямъ свв. отцевъ“, стр. 116—117.

[3]) Исторіи Р. Ц. періодъ 2-й, § 29.

[4]) Исторіи Р. Ц. томъ IV, стр. 51 fin.

[5]) Исторіи Россіи т. III, 3 изд. стр. 324.—Преосв. Филаретъ совсѣмъ проходитъ молчаніемъ фактъ захвата въ Москвѣ тверскаго князя; преосв. Макарій говоритъ, что князь, дѣйствительно обманомъ заключенный въ Москвѣ подъ стражу, обвинялъ въ этомъ коварствѣ не только князя московскаго, но и митрополита; С. М. Соловьевъ говоритъ, что „въ 1368-мъ году великій князь Димитрій и митрополитъ Алексій зазвали ласкою къ себѣ въ Москву князя Михаила на третейскій судъ“, а потомъ глухо,—что „послѣ этого суда тверского князя схватили вмѣстѣ со всѣми боярами и посадили въ заключеніе“.

[6]) А кто хочетъ утверждать, что святые совсѣмъ безгрѣшны, того правила каноническія подвергаютъ строгому осужденію,—Карѳагенск. соб. прр. 128—130. (А кто хотѣлъ бы воспретить исторіи всякія рѣчи о небезгрѣшномъ, допущенномъ святыми въ ихъ дѣяніяхъ, тотъ имѣетъ противъ себя саму евангельскую исторію, которая не молчитъ о троекратномъ отреченіи Петровомъ отъ Спасителя и о другихъ бывшихъ случаяхъ проявленія апостолами ихъ человѣческой грѣховности.)

внимая мольбамъ Михаила Александровича и усиленнымъ мольбамъ своей жены—его сестры и въ то же время питая личную величайшую ненависть къ московскому князю и къ митр. Алексію за ихъ стремленіе къ водворенію на Руси того сильнаго единодержавія, которое уже было водворено имъ въ Литвѣ, а къ послѣднему еще за его побѣду надъ нимъ—Ольгердомъ по вопросу объ отдѣльной литовско-галицкой митрополіи, рѣшился сдѣлать попытку нанести Москвѣ такое пораженіе, которое бы ее сокрушило. Онъ собралъ огромное, какое только могъ, войско и—какъ всегда дѣлалъ во всѣхъ своихъ войнахъ—нагрянулъ на врага совершенно неожиданно. Великій князь московскій, захваченный врасплохъ, не успѣлъ собрать войскъ изъ дальныхъ мѣстъ и могъ выслать навстрѣчу Ольгерду, для преграждения ему пути къ Москвѣ, только ничтожные отряды. Безъ труда разбивъ эти отряды, великій князь литовскій быстро приблизился къ стѣнамъ самой Москвы (21-го Декабря 1368-го года), при чемъ страшнымъ образомъ опустошилъ область московскую, лежавшую ему на пути. Однако, его надежды нанести московскому князю совершенное пораженіе не сбылись: онъ не въ состояніи былъ взять только что построеннаго московскаго каменнаго кремля, въ которомъ заперлись великій князь и митрополитъ, и, простоявъ подъ нимъ три дня, долженъ былъ возвратиться назадъ и удовольствоваться тѣмъ, что поплѣнилъ безчисленное множество людей и что угналъ съ собой всю (захваченную подъ городомъ?) скотину.

Митрополитъ, располагавшій двумя мечами, обращаясь отъ вещественнаго оружія къ духовному, подвергъ Михаила Александровича за наведеніе Ольгерда на Москву церковному отлученію; а вмѣстѣ съ нимъ подвергъ тому же отлученію и русскаго союзника Ольгердова въ его походѣ на Москву—смоленскаго князя Святослава Ивановича. Употребивъ противъ князей свою собственную духовную власть, митрополитъ обратился съ жалобою на нихъ и къ патріарху, при чемъ, какъ можно думать, препроводилъ въ Константинополь болѣе или менѣе щедрое приношеніе въ пользу бѣдствовавшей великой церкви. Въ отвѣтъ на жалобу патріархъ Филоѳей, вторично занявшій каѳедру, послѣ смерти Каллиста I-го, 8-го Октября 1364-го года, прислалъ на Русь свои грамоты, въ которыхъ, послѣ заявленія своего величайшаго расположенія къ митрополиту, доходящаго до того, что послѣдній называется великимъ человѣкомъ — μέγας ἄνθρωπος, увѣщеваетъ всѣхъ князей оказывать ему—митрополиту должную покорность и въ которыхъ подтверждаетъ съ своей стороны отлученіе, наложенное имъ на князей тверскаго и смоленскаго, обѣщая князьямъ разрѣшить ихъ отъ него только въ томъ случаѣ, если они принесутъ ему—митрополиту

раскаяніе и испросятъ у него прощеніе и если этотъ напишетъ о нихъ къ нему—патріарху [1]). Въ виду употребленія митрополитомъ духовнаго оружія, Михайло Александровичъ съ своей стороны обратился къ патріарху съ жалобою на него и требовалъ у патріарха суда съ нимъ. Сначала патріархъ рѣшилъ было дать судъ князю съ митрополитомъ и пригласилъ ихъ обоихъ явиться въ Константинополь въ годичный срокъ или лично или чрезъ уполномоченныхъ [2]); но потомъ, вѣроятно—узнавъ о захватѣ на Москвѣ Михайла Александровича и увидѣвъ, что митрополитъ не будетъ въ состояніи совершенно оправдаться по этому печальному дѣлу, написалъ къ обоимъ по посланію [3]), въ которыхъ убѣждаетъ ихъ примириться другъ съ другомъ. Митрополиту патріархъ пишетъ: «подражая миротворцу Христу, отвѣчаю и наказываю тебѣ: не вижу я ничего хорошаго въ томъ, что ты имѣешь соблазнительные раздоры съ тверскимъ княземъ Михайломъ, изъ-за которыхъ вамъ нужно ѣхать на судъ; но какъ отецъ и учитель постарайся примириться съ нимъ и если онъ въ чемъ либо погрѣшилъ, прости и пріими его, какъ своего сына, и имѣй съ нимъ миръ, какъ и съ прочими князьями; а онъ, о чемъ я пишу къ нему, долженъ принести раскаяніе и просить прощенія; вотъ что кажется мнѣ добрымъ и полезнымъ: пусть такъ и будетъ безъ всякаго прекословія; если же вы не хотите этого, а ищете суда, то я не препятствую суду, но смотрите, чтобы онъ не показался для васъ тяжкимъ» [4]). Въ послѣднихъ словахъ патріархъ, очевидно, намекаетъ митрополиту на дѣло о захватѣ Михайла Александровича въ Москвѣ.

Послѣ наведенія Ольгерда на Москву въ концѣ 1368-го года Михайло Александровичъ боролся съ московскимъ княземъ еще въ продолженіе семи лѣтъ: еще три раза наводилъ на него Ольгерда, два раза выправлялъ себѣ въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе, но наконецъ въ 1375-мъ году долженъ былъ смириться передъ нимъ, отдаться во всю его волю и признать себя его подручникомъ [5]).

---

[1]) Шесть грамотъ патріарха на Русь отъ Іюня 1370-го года въ Памятин., col. 97 sqq (великимъ человѣкомъ митрополитъ называется въ грамотѣ къ вел. кн. Димитрію Ивановичу, col. 101; вообще о заявленіи патріархомъ питаемаго имъ расположенія къ митрополиту см. грамоту къ сему послѣднему, col. 105).

[2]) Грамоты патріарха къ митрополиту и князю отъ Сентября 1371-го года,—въ Памятин. col. 150 sqq.

[3]) Ibid. col. 155 sqq.

[4]) Col. 158.

[5]) Никон. лѣт. IV, 44.

Одновременно съ грамотами къ князьямъ, въ которыхъ эти послѣдніе увѣщеваются оказывать повиновеніе митрополиту, патріархъ прислалъ свою грамоту новгородскому архіепископу Алексію [1]). Въ весьма суровой по тону грамотѣ патріархъ укоряетъ архіепископа—во-первыхъ за то, что онъ употребляетъ крещатую фелонь, тогда какъ предшественникъ его (Моυсей) получилъ отъ божественнаго собора право употреблять ее только самъ лично, безъ передачи права своимъ преемникамъ; во-вторыхъ, за то, что онъ—архіепископъ не оказываетъ надлежащаго повиновенія и благопокоренія митрополиту и великому князю, но противится и противорѣчитъ имъ. Приказывая архіепископу безпрекословно и безъ всякихъ отговорокъ сложить кресты съ своей фелони, патріархъ предписываетъ ему имѣть надлежащее почтеніе, повиновеніе и благопокорность къ великому князю и митрополиту; въ противномъ же случаѣ угрожаетъ ему низложеніемъ и лишеніемъ архіерейства. Чѣмъ была вызвана эта суровая грамота, которая, къ сожалѣнію, извѣстна намъ съ пропускомъ въ одномъ мѣстѣ, происшедшимъ отъ поврежденія рукописи, пока не можемъ сказать положительнымъ образомъ; къ гадательнымъ рѣчамъ объ этомъ возвратимся нѣсколько ниже.

Въ борьбѣ съ тверскимъ княземъ Михайломъ Александровичемъ св. Алексій прибѣгъ къ духовному оружію. Намъ извѣстенъ другой примѣръ употребленія имъ этого оружія въ дѣлахъ государственныхъ. Въ 1365-мъ году поссорились между собою князья суздальскіе—братья Димитрій и Борисъ Константиновичи изъ-за того, что младшій братъ Борисъ захватилъ бывшій главнымъ тогда въ удѣлѣ столъ нижегородскій, ставшій празднымъ послѣ смерти третьяго, старѣйшаго, брата Андрея. Димитрій обратился къ заступничеству великаго князя, которому непосредственно передъ тѣмъ онъ отказался отъ всякаго соперничества на великокняжескій престолъ и за котораго, можетъ быть, уже сговорена была его дочь, въ слѣдующемъ 1366-мъ году выданная за него замужъ (бракъ этотъ, устроенный руководителями великаго князя, долженъ быть считаемъ въ бóльшей или меньшей степени за бракъ по разсчетамъ политическимъ). Къ Борису Константиновичу, который въ свою очередь былъ зятемъ Ольгерда, отправлены были послы, чтобы онъ помирился съ братомъ и подѣлился съ нимъ вотчиною; но Борисъ не послушалъ пословъ. Тогда св. Алексій «отнялъ» (выраженіе лѣтописи) у епископа суздальскаго Алексія и присоединилъ къ

---

[1]) Отъ Іюня 1370-го года,—въ Памятни. col. 115.

своей митрополичьей епархіи Нижній-Новгородъ и Городецъ, вѣроятно—за то, что онъ держалъ сторону младшаго князя, и послалъ въ первый съ своими духовными полномочіями преп. Сергія Радонежскаго. Пришедъ въ Нижній, преп. Сергій звалъ Бориса въ Москву. Когда онъ не послушалъ и не пошелъ въ Москву, Сергій затворилъ въ Нижнемъ всѣ церкви, т. е. наложилъ на городъ церковное запрещеніе и отлученіе. Послѣ оружія духовнаго ссору окончило оружіе мірское: великій князь прислалъ Дмитрію Константиновичу вспомогательное войско и въ виду его Борисъ Константиновичъ и помирился съ братомъ, уступивъ ему Нижній.

Теперь намъ должно возвратиться съ рѣчами къ отдѣльной митрополіи литовско-галицкой, что приведетъ насъ къ рѣчамъ и о поставленіи преемника св. Алексію.

Одновременно съ нимъ—Алексіемъ въ 1354-мъ году былъ поставленъ въ отдѣльные митрополиты литовско-галицкіе Романъ, который сидѣлъ на каѳедрѣ до конца 1361-го года и который во все время, будучи настоятельно вспомоществуемъ Ольгердомъ или точнѣе говоря—общими силами съ послѣднимъ, велъ упорную борьбу противъ него изъ-за Кіева. Въ концѣ 1361-го года Романъ умеръ и на его мѣсто Ольгерду не удалось получить новаго отдѣльнаго митрополита, напротивъ митрополія литовско-галицкая возсоединена была съ митрополіей всея Россіи. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что Ольгердъ употребилъ всѣ усилія, чтобы получить новаго митрополита,—что тогда, какъ и послѣ, онъ представлялъ и жаловался патріарху, что Алексій, состоящій руководителемъ государственныхъ дѣлъ Москвы, есть непримиримый врагъ его—Ольгерда и что онъ—Ольгердъ рѣшительно не желаетъ имѣть его своимъ митрополитомъ: и однако усилія не увѣнчались успѣхомъ. Мы имѣемъ соборное опредѣленіе о возсоединеніи литовско-галицкой митрополіи съ митрополіей всея Россіи, состоявшееся болѣе или менѣе вскорѣ послѣ Октября мѣсяца 1364-го года [1]), которое представляетъ собою вторичное о семъ опредѣленіе и въ которомъ подтверждается не дошедшее до насъ первоначальное опредѣленіе, имѣвшее мѣсто тотчасъ послѣ смерти Романа. Опредѣленіе это какъ будто даетъ знать, что Ольгердъ, послѣ первой неудачной попытки получить новаго отдѣльнаго митрополита на мѣсто Романа, вскорѣ потомъ снова возобновлялъ свои старанія о томъ же. Романъ умеръ и первое опредѣленіе о возсоединеніи митрополіи литовско-галицкой съ митрополіей всея Россіи состоялось въ патріаршество Каллиста;

---

[1]) Въ Памятнн. col. 91.

подтвердительное же опредѣленіе, состоявшееся вскорѣ послѣ Октября 1364-го года, относится ко второму патріаршеству Филоѳея: можно понимать дѣло такъ, что Ольгердъ, потерпѣвшій неудачу съ своей просьбой о новомъ отдѣльномъ митрополитѣ передъ патріархомъ Каллистомъ, возобновилъ ее передъ заступившимъ мѣсто Каллиста патріархомъ Филоѳеемъ. Затѣмъ, самое соборное опредѣленіе заставляетъ подозрѣвать, что и послѣ него Ольгердъ не прекращалъ своихъ стараній. Опредѣленіе занесено въ кодексъ соборныхъ записей; но въ кодексѣ оно перечеркнуто и по поводу сего обстоятельства сдѣлано къ нему примѣчаніе, что патріархъ призналъ его отмѣненнымъ и недѣйствительнымъ, почему и нужно было перечеркнуть его. Изъ этого какъ будто слѣдуетъ, что патріархъ, составивъ свое опредѣленіе, потомъ передумалъ и рѣшился было поставить новаго отдѣльнаго литовско-галицкаго митрополита.

Какъ бы то ни было, но старанія Ольгерда послѣ смерти Романа получить себѣ новаго отдѣльнаго митрополита не увѣнчались успѣхомъ. Мы вовсе не знаемъ исторіи побѣды, одержанной въ семъ случаѣ митр. Алексіемъ надъ литовскимъ великимъ княземъ, но мы имѣемъ рѣшительную наклонность думать, что побѣду эту должно считать чрезвычайно важною. Существующіе акты положительно говорятъ намъ, что Ольгердъ со всѣмъ настояніемъ поддерживалъ Романа въ его борьбѣ съ Алексіемъ изъ-за обладанія Кіевомъ [1]), и намъ весьма подозрѣвается, что у государя литовскаго,—человѣка съ великимъ государственнымъ умомъ, былъ тотъ глубоко политическій замыселъ, чтобы, доставивъ Кіевъ своему митрополиту литовскому, превратить его въ митрополита всея Россіи, такъ чтобы митрополитъ владимирско-московскій, помѣнявшись съ нимъ ролью, оказался при немъ только побочнымъ и прибавочнымъ митрополитомъ. Если бы это случилось, то могло бы сопровождаться необыкновенно важными послѣдствіями и въ церковномъ и въ политическомъ отношеніи... Добиваясь церковной власти надъ Кіевомъ, который принадлежалъ Литвѣ въ политическомъ отношеніи, Романъ и Ольгердъ собственно были правы; на наше счастье въ то самое время Греки находились въ такихъ отношеніяхъ къ Болгарамъ и Сербамъ, благодаря которымъ не могли имѣть ни малѣйшей охоты признавать этотъ принципъ, что—кому принадлежитъ политическая власть, тому должна принадлежать и власть церковная [2]). Какъ

---

[1]) Соборное опредѣленіе 1361-го года, въ Памятнн. col. 70.

[2]) См. нашъ Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, стрр. 106 и 473 (захватывая у имперіи ея области, Болгары

мы знаемъ изъ греческихъ актовъ, Ольгердъ питалъ къ Алексію самую непримиримую ненависть [1]); онъ долженъ былъ ненавидѣть Алексія за то, что этотъ былъ государственный человѣкъ нисколько его не низшій и соперникъ его совершенно ему равный; но намъ думается, что онъ всего болѣе питалъ ненависть къ Алексію именно за то, что митрополитъ побѣдилъ его въ церковной борьбѣ, подъ которою скрывались у него необыкновенно важные политическіе замыслы.

Алексію удалось разбить замыслы Ольгерда (конечно, если только мы не ошибаемся, предполагая, что послѣдній имѣлъ ихъ); но онъ не могъ отвратить того, чтобы при немъ произошло новое отдѣленіе въ церковномъ отношеніи южной Руси отъ сѣверной. Спустя девять лѣтъ послѣ смерти Романа, въ 1370-мъ году король польскій Казимиръ, владѣвшій Галиціей и частію Волыни, обратился къ патріарху константинопольскому Филоѳею съ настоятельною просьбою [2]), чтобы Галиціи данъ былъ отдѣльный митрополитъ, представляя патріарху—съ одной стороны, что «вся земля гибнетъ безъ закона», т. е. разумѣя то, что митр. Алексій оставляетъ въ небреженіи и безъ попеченій галицкую часть своей митрополіи, а съ другой стороны—что Галиція давно начала имѣть отдѣльныхъ митрополитовъ [3]), и угрожая, что, въ случаѣ отказа на просьбу, онъ креститъ Русскихъ Галиціи въ латинскую вѣру и поставитъ имъ латинскаго митрополита. Вслѣдствіе настоятельно-рѣшительной просьбы короля въ Маѣ мѣсяцѣ 1371-го года патріархъ поставилъ въ галицкіе митрополиты присланнаго королемъ кандидата—епископа Антонія [4]). Этотъ Антоній былъ поставленъ въ митрополиты не галицко-литовскіе, какъ бывало дотолѣ при поставле-

---

и Сербы и въ церковномъ отношеніи подчиняли захваченныя области вѣдѣнію своихъ патріарховъ: но патріархи константинопольскіе самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовали противъ этого).

[1]) Въ сейчасъ помянутомъ соборномъ дѣяніи 1364-го года говорится, что Ольгердъ готовъ былъ потерпѣть и сдѣлать все, чтобы только не имѣть Алексія митрополитомъ и чтобы не видѣть своей власти и страны въ духовномъ его подчиненіи,—Памятнн. col. 93.

[2]) Грамота короля къ патріарху въ Памятнн., col. 125.

[3]) Король собственно утверждаетъ, будто „отъ вѣка вѣковъ Галичъ слылъ митрополіею во всѣхъ странахъ и былъ престоломъ митрополіи отъ вѣка вѣковъ".

[4]) Соборное дѣяніе о поставленіи Антонія въ Памятнн., col. 129. Прежде поставленія Антоній, подобно Алексію, долженъ былъ выжить въ Константинополѣ продолжительное время, чтобы быть подвергнутымъ тщательному испытанію (ἀκριβεῖ δοθεὶς βασάνῳ καὶ ἐξετάσει καὶ δοκιμασίᾳ).

ніи отдѣльныхъ митрополитовъ для южной Руси, а только въ галицкіе, съ подчиненіемъ ему епископій, находившихся во власти короля, но безъ подчиненія ему епископій, находившихся подъ властію литовскаго великаго князя. Поставивъ Антонія въ митрополиты галицкіе, патр. Филоѳей написалъ посланіе къ митр. Алексію съ оправданіемъ своего поступка [1]). Патріархъ говоритъ митрополиту, что онъ не нашелъ возможнымъ отказать королю въ его просьбѣ, потому что въ противномъ случаѣ король угрожалъ обратить Русскихъ, находящихся подъ его властію, въ латинскую вѣру и поставить имъ латинскаго епископа. Призывая самого Алексія въ судьи, патріархъ спрашиваетъ его: нашелъ ли бы онъ возможнымъ на его (патріарха) мѣстѣ поступить иначе? Выражая митрополиту свое сѣтованіе на то, что онъ, какъ доносятъ ему—патріарху, «заботится не о всѣхъ христіанахъ, обитающихъ въ разныхъ частяхъ Руси, но утвердился на одномъ мѣстѣ (т. е. въ Москвѣ), всѣ же прочія мѣста оставилъ безъ пастырскаго руководства, безъ ученія и духовнаго надзора», и что въ продолженіе столькихъ лѣтъ не посѣтилъ и не обозрѣвалъ Малой Россіи, находящейся подъ властію короля, патріархъ говоритъ митрополиту, что онъ долженъ жаловаться за случившееся на самого себя. Посланіе написано въ тонѣ искренняго доброжелательства къ Алексію. Что церковныя дѣла Галиціи дѣйствительно находились въ очень печальномъ положеніи, видно изъ того, что тамъ кромѣ Антонія не было ни одного епископа, такъ что онъ, бывъ поставленъ въ митрополиты, вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ отъ патріарха во временное епископское завѣдываніе, до поставленія епископовъ, всѣ епархіи своей митрополіи [2]).

Тотчасъ вслѣдъ за польскимъ королемъ или, можетъ быть, одновременно съ нимъ обратился къ патріарху съ просьбою объ отдѣльномъ митрополитѣ и Ольгердъ [3]). Мы говорили выше, что послѣ внезапнаго и страшно опустошительнаго нашествія на Москву сего послѣдняго въ 1368-мъ году митр. Алексій жаловался патріарху на Михаила Але-

[1]) Отъ Августа 1371-го года, въ Памятн. col. 141.

[2]) Ὀφείλει δὲ λαβεῖν ἐπιδόσεως λόγῳ καὶ τὰς ἁγιωτάτας ἐπισκοπάς... Выраженіе ἐπιδόσεως λόγῳ значитъ не то, что епархіи подчиняются Антонію, какъ митрополиту, что само собой подразумѣвается, а то, что каждая изъ нихъ поручается ему во временное завѣдываніе какъ епископу. Въ первомъ житіи св. Алексія читается списокъ епископовъ, поставленныхъ имъ во время (за все время) пребыванія на каѳедрѣ митрополіи. Въ спискѣ этомъ, если только онъ полонъ, нѣтъ ни одного епископа, поставленнаго въ южную, галицко-волынскую, Русь.

[3]) Его посланіе къ патріарху въ Памятн. col. 135.

ксандровича тверскаго, который подвелъ его, и на Святослава Ивановича смоленскаго, который участвовалъ съ нимъ въ походѣ въ качествѣ его союзника. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ жаловаться на князей русскихъ, митрополитъ жаловался патріарху и на самого Ольгерда. Вслѣдствіе этой второй жалобы патріархъ по своей любви къ митрополиту,—какъ говоритъ въ своемъ къ нему посланіи [1]), написалъ Ольгерду увѣщательную грамоту. Великій князь литовскій начинаетъ свое посланіе къ патріарху, въ которомъ проситъ у него особаго себѣ митрополита, отвѣтомъ на жалобы и обвиненія Алексія. Оправдывая самаго себя, Ольгердъ возводитъ тяжкія обвиненія на митрополита съ великимъ княземъ московскимъ: не я—говоритъ онъ—началъ нападать, а они, и нападали на меня девять разъ; шурина моего Михаила (тверскаго) вѣроломно захватили въ Москвѣ, у зятя моего Бориса (нижегородскаго) отняли княжество, у другого зятя моего Ивана новосильскаго захватили мать и жену—мою дочь; отняли у меня множество городовъ; съ моихъ слугъ, отъѣзжающихъ къ нимъ, снимаютъ крестное ко мнѣ цѣлованіе: «и при отцахъ нашихъ,—заключаетъ свои обвиненія Ольгердъ,—не бывало такихъ митрополитовъ!» За симъ, представляя патріарху, что митрополитъ, благословляющій московскаго великаго князя на пролитіе крови, не идетъ ни въ Кіевъ ни къ нимъ въ Литву, какъ они его ни зовутъ, Ольгердъ проситъ у патріарха особаго митрополита. При этомъ онъ проситъ особаго митрополита не для одной только русской Литвы, а для всей Руси, которая была враждебна Москвѣ и которая была въ дружествѣ съ нимъ—Ольгердомъ: «дай намъ другого митрополита—требуетъ онъ у патріарха—на Кіевъ, Смоленскъ, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижній Новгородъ».

Бывъ вынужденъ удовлетворить просьбѣ короля, патріархъ по своему расположенію къ Алексію не желалъ удовлетворять просьбы Ольгерда и отправилъ въ Россію своего апокрисіарія съ тѣмъ, чтобы этотъ примирилъ князя съ митрополитомъ и устроилъ между ними дѣло [2]). Что успѣлъ сдѣлать на Руси апокрисіарій патріаршій, не имѣемъ свѣдѣній; но литовскій великій князь не получилъ особаго митрополита. Въ концѣ 1370-го года Ольгердъ учинилъ неудачный набѣгъ на Москву, такъ что самъ долженъ былъ просить мира; вслѣдъ за симъ въ Москвѣ рѣшились на попытку настоящаго съ нимъ при-

[1]) Отъ Августа 1371-го года, въ Памятнн. col. 145.

[2]) Объ отправленіи апокрисіарія въ посланіи къ Алексію отъ Августа 1371-го года, въ Памятнн. col. 147.

мирения и выпросили въ 1371-мъ году его дочь въ замужество за князя Владимира Андреевича, двоюроднаго брата вел. кн. Дмитрію Ивановичу. Все это и могло быть причиной, что Ольгердъ отказался передъ патріаршимъ апокрисіаріемъ отъ своего требованія получить отдѣльнаго митрополита. Но спустя нѣкоторое неизвѣстное время послѣ сего онъ опять обратился къ патріарху съ новой просьбой объ особомъ митрополитѣ. Въ отвѣтъ на новую просьбу патріархъ отправилъ въ Россію въ концѣ 1373-го или въ началѣ 1374-го года новаго апокрисіарія [1]). Слѣдствіемъ путешествія на Русь этого новаго апокрисіарія, которымъ былъ іеромонахъ Кипріанъ, послѣдующій русскій митрополитъ, было не только то, что Ольгерду данъ былъ отдѣльный митрополитъ, но и то, что на каѳедру митрополіи всея Россіи поставленъ былъ новый митрополитъ, имѣвшій смѣнить живаго митр. Алексія. Этимъ новымъ митрополитомъ, поставленнымъ не только на каѳедру литовскую, но и на каѳедру всея Россіи, съ тѣмъ, чтобы на послѣдней смѣнить Алексія, былъ именно самъ іеромонахъ Кипріанъ, ходившій въ Россію патріаршимъ апокрисіаріемъ.

Въ записяхъ дѣяній константинопольскаго патріаршаго собора мы находимъ два разсказа или два показанія о поставленіи Кипріана въ митрополиты русскіе. По одному показанію, относящемуся къ позднѣйшему времени и именно—такому, когда патріархъ съ соборомъ, послѣ разныхъ колебаній въ отношеніи къ поставленному въ митрополиты Кипріану, находился на его сторонѣ, вся вина за его поставленіе возлагается на митр. Алексія [2]). Въ соборномъ дѣяніи, содержащемъ показаніе, говорится, что митр. Алексій до послѣдней степени вооружилъ противъ себя Ольгерда—съ одной стороны тѣмъ, что какъ митрополитъ совершенно бросилъ на произволъ судьбы и безъ всякаго попеченія литовскую часть своей митрополіи и вовсе не посѣщалъ ее, съ другой стороны—тѣмъ, что какъ регентъ государства вдался въ войны, распри и раздоры съ государемъ литовскимъ и союзными послѣднему русскими князьями,—что Ольгердъ съ сейчасъ указанными князьями, вслѣдствіе увѣщаній къ нимъ патріарха, обращенныхъ въ 1370-мъ году посредствомъ грамотъ, изъявилъ было желаніе примириться съ митрополитомъ, но что тотъ совершенно отказался отъ примиренія,—что и старанія посланнаго патріархомъ спустя нѣкоторое время послѣ грамотъ (въ 1373—1374-мъ году) для того же примиренія

---

[1]) Апокрисіарій является при митр. Алексіѣ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1374-го года,—Никон. лѣт. IV, 40.

[2]) Показаніе въ соборномъ опредѣленіи 1389-го года,—въ Памятн. col. 193.

митрополита съ государемъ литовскимъ и союзными ему русскими князьями его нарочитаго апокрисіарія киръ Кипріана, по причинѣ упорнаго и рѣшительнаго отказа отъ мира со стороны митрополита, оказались совершенно напрасными,—что не имѣло никакого успѣха и посланіе патріарха къ митрополиту, отправленное, какъ послѣдняя попытка, въ слѣдъ за тѣмъ, какъ возвратился изъ своего неудавшагося посольства Кипріанъ. Послѣ всего этого, оскорбленные до послѣдней степени упорной враждой митрополита, государь литовскій и русскіе князья съ нимъ союзные прислали къ патріарху великое посольство, черезъ которое просили и молили дать имъ новаго митрополита, говоря, что обращаются съ просьбой въ послѣдній разъ и что въ случаѣ отказа готовы перейти (подразумѣвается—князья русскіе) къ другой церкви. Патріархъ,—говоритъ соборное дѣяніе,—съ одной стороны не находилъ возможнымъ отказать просьбѣ Ольгерда и князей, а съ другой—не хотѣлъ и раздѣлять русской митрополіи на двѣ половины: поэтому онъ, рѣшивъ пойти въ дѣлѣ среднимъ путемъ, поставилъ для Литвы особаго митрополита, именно—самого, ходившаго посломъ въ Россію, Кипріана, но съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти Алексія онъ перешолъ на каѳедру митрополіи всея Россіи и снова соединилъ обѣ части въ одно цѣлое.

Такимъ образомъ, по сейчасъ переданному нами соборному показанію, Кипріанъ былъ поставленъ при жизни Алексія въ митрополиты не всей Руси, а только Литвы. Но это неправда; несомнѣнно, что онъ былъ поставленъ въ митрополиты всей Руси: посвященный въ митрополиты и прибывъ въ Россію онъ тотчасъ же, при жизни Алексія, предъявлялъ свои права на каѳедру, которую занималъ сей послѣдній. Въ другомъ соборномъ показаніи, относящемся къ болѣе раннему времени и именно—такому, когда патріархъ съ соборомъ былъ противъ Кипріана [1]), вся вина за его поставленіе въ митрополиты возлагается на него самого. Здѣсь говорится, что патр. Филоѳей послалъ его въ Россію для той цѣли, чтобы онъ постарался примирить митр. Алексія съ Ольгердомъ, но что онъ, забывъ наказъ пославшаго, весь предался мысли, какъ бы самому овладѣть тою церковію,—что онъ успѣлъ войдти въ самое тѣсное дружество съ княземъ литовскимъ и достигъ того, чтобы послѣдній вручилъ ему для представленія патріарху грамоту,—имъ самимъ (т. е. Кипріаномъ) и составленную,—въ которой требовалъ отъ послѣдняго непремѣннаго поставленія въ митрополиты его—Кипріана, а въ противномъ случаѣ угрожалъ взять митрополита отъ латинской церкви,—что въ то же время, увѣривъ Алексія, что будетъ

---

[1]) Показаніе собора 1380-го года.—въ Памятн. col. 166.

дѣйствовать въ Константинополѣ въ его пользу и что беретъ на себя всю о немъ заботу, онъ (Кипріанъ) вмѣсто друга, обязаннаго благодарностію за все полученное отъ митрополита добро, явилъ себя злѣйшимъ его врагомъ, «принесъ (въ Константинополь) лживыя донесенія на него, наполненныя многими обвиненіями (ψευδεῖς λιβέλλους κομίσας, πολλῶν ἐγκλημάτων μεστούς) и употребилъ всѣ старанія низложить его. Въ этомъ второмъ показаніи дается знать, что Кипріанъ поставленъ былъ въ митрополиты всей Россіи, съ тѣмъ чтобы занять мѣсто Алексія еще при его жизни и тотчасъ, хотя дѣло и не представляется съ совершенной ясностью. Здѣсь говорится, что Кипріанъ, рукоположенный въ митрополиты литовскіе, получилъ, сверхъ того, «такое соборное дѣяніе, чтобы не упустить ему и другой части», что «онъ домогался даже совершеннаго низложенія престарѣлаго того митрополита (т. е. Алексія), но что замыселъ его не удался», а именно—что съ нимъ посланы были въ Россію церковные сановники произвести дознаніе о жизни Алексія и выслушать показанія противъ него обвинителей и свидѣтелей и что все донесенное на него оказалось пустымъ и несостоятельнымъ словомъ. Эти не совсѣмъ ясныя рѣчи необходимо понимать такимъ образомъ, что Кипріанъ, взведшій тяжкія обвиненія на Алексія передъ патріархомъ и его соборомъ, былъ поставленъ въ митрополиты всей Россіи условнымъ образомъ, именно—что если по изслѣдованіи дѣла обвиненія окажутся справедливыми, онъ займетъ мѣсто Алексіево, если же нѣтъ, то онъ останется митрополитомъ только литовскимъ [1]).

Когда читаешь два показанія одного и того же патріаршаго собора объ одномъ и томъ же предметѣ, но діаметрально между собою противоположныя, то невольно предаешься весьма грустнымъ мыслямъ объ этомъ соборѣ... Во всякомъ случаѣ истина относительно того, какъ было дѣло, для насъ несомнѣнна. Мы знаемъ изъ нашихъ лѣтописей, что Кипріанъ тотчасъ по прибытіи на Русь пытался было занять каѳедру митрополіи всея Россіи подъ живымъ Алексіемъ. Слѣдовательно—несомнѣнно, что дѣло было такъ, какъ представляетъ его второе показаніе, т. е. что онъ взвелъ тяжкія обвиненія на Алексія и

---

[1]) Въ одномъ мѣстѣ соборнаго дѣянія говорится и почти совершенно яснымъ образомъ, что Кипріанъ поставленъ былъ въ митрополиты всей Россіи, на мѣсто живого Алексія, именно говорится, что онъ—Кипріанъ долженъ бы быть изгнанъ изъ предѣловъ Руси, поелику получилъ русскую церковь обманомъ и поставленъ неканонически, еще при жизни законнаго митрополита Алексія, который заочно и безъ суда лишенъ былъ своей церкви,—въ Памм. col. 179.

что условнымъ образомъ,—при условіи, если взведенныя на Алексія обвиненія окажутся справедливыми, онъ былъ поставленъ подъ нимъ—живымъ въ митрополиты всея Россіи. Патріархъ, поставившій Кипріана условнымъ образомъ въ митрополиты всея Россіи, былъ Филоѳей, который показывалъ прежде такое великое расположеніе къ Алексію; изъ этого необходимо слѣдуетъ, что Кипріанъ взвелъ на Алексія слишкомъ тяжкія обвиненія. Въ чемъ состояли послѣднія, мы не можемъ сказать; само по себѣ вѣроятно было бы думать, что онъ представилъ патріарху Алексія такимъ человѣкомъ, который рѣшительно не терпимъ всѣми русскими князьями, за исключеніемъ князя московскаго; но то обстоятельство, что апокрисіаріи, посланные патріархомъ для изслѣдованія обвиненій, взведенныхъ на Алексія, пріѣзжали въ Москву какъ будто даетъ знать, что на него взведены были какія-то обвиненія, повѣрка которыхъ требовалась въ самой Москвѣ.

Кипріанъ былъ поставленъ въ митрополиты литовскіе и условнымъ образомъ въ митрополиты всея Россіи 2-го Декабря 1375-го года [1]), что̀ будетъ за два года и за два съ десятью днями мѣсяца до смерти Алексіевой. Наши лѣтописи говорятъ, что тотчасъ по прибытіи въ Литву онъ отправилъ пословъ въ Новгородъ и Москву для предъявленія своихъ правъ на митрополію всея Россіи,—что въ Новгородѣ отвѣчали ему: «посылай къ великому князю въ Москву, и если онъ приметъ тебя митрополитомъ на Русь, то и намъ будешь митрополитомъ», и что великій князь отвѣчалъ ему: «есть у насъ митрополитъ Алексій, а ты зачѣмъ поставился на живого митрополита»? [2]). По греческимъ извѣстіямъ, патріаршіе апокрисіаріи, посланные для разслѣдованія касательно обвиненій, взведенныхъ на Алексія, прибывъ въ Москву [3]), нашли, что всѣ обвиненія составляютъ клевету,—и Кипріанъ остался въ Литвѣ. Въ извѣстіяхъ этихъ передается, какъ встрѣчено было на

---

[1]) См. его духовную грамоту.

[2]) Воскресенск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 25, и Никон. лѣт. IV, 48. Послѣдная лѣтопись говоритъ такъ, что какъ будто Кипріанъ самъ лично приходилъ въ Москву; но это весьма невѣроятно и въ другомъ мѣстѣ она ясно говоритъ, что не самъ приходилъ, а присылалъ пословъ, ibid. стр. 92. А читаемое въ первой лѣтописи по напечатаннымъ спискамъ, что, услышавъ приведенный отвѣтъ Новгородцевъ, Кипріанъ «и не посла къ великому князю на Москву,» вѣроятно, нужно поправлять, какъ то на самомъ дѣлѣ было, въ утвердительное «и посла».

[3]) О прибытіи въ Москву апокрисіаріевъ (двухъ нѣкіихъ протодіаконовъ, изъ которыхъ одному имя Георгій, а другому Иванъ) говоритъ и наша Никоновская лѣтопись,—IV, 47, но безъ всякаго указанія причины прибытія.

Москвѣ то неожиданное и невѣроятное, что на мѣсто живого св. Алексія былъ поставленъ новый митрополитъ. Именно въ нихъ читается: «(съ Кипріаномъ, поставленнымъ въ митрополиты) посылаются (въ Россію) церковные сановники, уполномоченные произвести дознаніе о жизни Алексія, выслушать, что будутъ говорить противъ него обвинители и свидѣтели и донести священному собору письменно обо всемъ, что откроется: все оказалось пустымъ и несостоятельнымъ словомъ—не нашлось ни обвинителей, ни знающаго за нимъ что-либо противузаконное, напротивъ всѣ считали его отцомъ и называли спасителемъ народа, всѣ стояли за него своею головой, а на митрополита Кипріана, такъ безчестно поступившаго противъ святого мужа, произносили страшнѣйшія проклятія (κατηρῶντο τά φρικωδέστατα); сильное негодованіе и немалое волненіе и смятеніе народное, возбужденное (этимъ дѣломъ) во всей русской землѣ, утишено было (только) непрестанными внушеніями и совѣтами митрополита Алексія, обращенными и ко всѣмъ вообще и къ каждому порознь; отправлены были грамоты и къ нашей святѣйшей великой церкви Божіей съ жалобою на облако печали, покрывшее ихъ очи вслѣдствіе поставленія митрополита Кипріана и съ просьбою къ божественному собору о сочувствіи, состраданіи и справедливой помощи противъ постигшаго ихъ незаслуженнаго оскорбленія» [1]... Совершенно невѣроятный случай поставленія новаго митрополита на мѣсто живаго св. Алексія дѣйствительно долженъ былъ произвести во всей русской—московской землѣ самое сильное, какое только можно представить себѣ, волненіе. Алексій пользовался въ своей московской Руси необыкновеннымъ уваженіемъ и какъ пастырь святой жизни и какъ государственный мужъ, оказавшій отечеству величайшія услуги,—и вдругъ, когда онъ доживалъ свои послѣдніе дни, украшая собою страну и составляя ея гордость и славу, является на Русь нѣкій Болгаринъ (каковъ былъ Кипріанъ), какъ-то добывшій себѣ санъ митрополита въ Константинополѣ, чтобы съ безчестіемъ свести Алексія съ его мѣста!..

Само собою понятно, что на Москвѣ не могли имѣть совершенно никакого желанія, чтобы мѣсто св. Алексія послѣ его смерти занялъ Кипріанъ, позволившій себѣ по отношенію къ нему и къ самой московской Руси такіе необычайные поступки. Однако, митрополитъ и великій князь не сдѣлали и того, чтобы обратиться въ Константинополь съ просьбою объ устраненіи Кипріана отъ каѳедры митрополіи всея Россіи и о поставленіи патріархомъ въ митрополиты, въ случаѣ упразд-

---

[1]) Памятн. col. 172 sub fin..

ненія каѳедры, новаго кандидата. Они рѣшили избрать будущаго митрополита сами и въ самой Россіи. Не невозможно предполагать, что у нихъ была при этомъ общая мысль начать новый порядокъ постояннаго избранія нашихъ митрополитовъ изъ самихъ Русскихъ, ибо оба они должны были сознавать Россію своего времени имѣющею право на это притязаніе и оба они были люди, у которыхъ сознаніе себя не было ниже ихъ положенія. Но во всякомъ случаѣ они не могли не быть увѣренными въ совершенной достижимости того, чтобы въ данный разъ былъ поставленъ въ Константинополѣ кандидатъ, ими самими избранный. Рѣшивъ избрать будущаго митрополита въ самой Россіи, св. Алексій и вел. кн. Дмитрій Ивановичъ первоначально не сошлись было въ выборѣ кандидата: св. Алексій желалъ было видѣть своимъ преемникомъ преп. Сергія Радонежскаго, а у великаго князя былъ предъизбранъ въ преемники ему архимандритъ придворнаго Спасскаго монастыря Михаилъ или, какъ еще его звали, Митяй. Но такъ какъ кандидатъ самого св. Алексія рѣшительно отказался отъ сдѣланнаго ему послѣднимъ предложенія [1]): то и остался одинъ кандидатъ великаго князя.

Рѣчи о Михаилѣ—Митяѣ мы поведемъ ниже, какъ особыя рѣчи, а теперь доскажемъ о св. Алексіѣ.

Митр. Ѳеогностъ украсилъ Москву каменными церквами: св. Алексій умножилъ въ ней число монастырей, съ чѣмъ вмѣстѣ увеличилъ количество и этихъ ея церквей. До него было въ Москвѣ, сколько извѣстно, четыре монастыря: Даниловъ, Спасскій придворный, Богоявленскій и Петровскій; онъ построилъ три монастыря самъ и благословилъ построить четвертый монастырь другаго здателя. Три монастыря, построенные самимъ св. Алексіемъ, суть: Чудовъ, Спасскій Андрониковъ и Алексѣевскій.

Чудовъ или Чудовскій монастырь, посвященный архангелу Михаилу,—празднованію чуда его въ Хонѣхъ (6-го Сентября, откуда и названіе Чудовъ, Чудовскій), бывъ предназначенъ св. Алексіемъ служить усыпальницей для него и вмѣстѣ составлять каѳедральный или

---

[1]) Когда св. Алексій призвалъ къ себѣ преп. Сергія и открылъ ему свое желаніе видѣть его своимъ преемникомъ, послѣдній отвѣчалъ: «прости мя, владыко, яко выше моея мѣры, еже глаголеши, и сія во мнѣ (согласія исполнить желаніе) не обрящеши никогдаже: кто есмь азъ грѣшный и худѣйшій паче всѣхъ человѣкъ?» На усиленныя настоянія Алексія Сергій отвѣчалъ: «владыко святый, аще не хощеши отгнати мою нищету отъ слышанія святыни твоея, прочее не пре(и)ложи о семъ глаголати къ моей худости и ни иному никомуже попусти»... См. Епифаніево житіе преп. Сергія,—по литографич. изд. л. 253 sqq.

домовый митрополичій монастырь [1]), построенъ имъ въ 1365-мъ году: каменная церковь монастыря, въ семъ году заложенная, въ семъ же году была и окончена. По преданію, монастырь поставленъ на мѣстѣ, на которомъ стояла ханская конюшня, и которое было подарено св. Алексію исцѣленною отъ него ханшею Тайдулою [2]). Питиримъ говоритъ въ его житіи, что онъ не только построилъ въ монастырѣ каменную церковь, которую украсилъ иконами и сосудами священными и просто рещи—всякими церковными узорочьями, но что и поставилъ въ немъ трапезу большую каменную и погреба каменные, т. е. даетъ знать, что онъ устроилъ монастырь со всею заботливостію. Объ его заботливости и щедрости, съ которою онъ обезпечилъ монастырь содержаніемъ, свидѣтельствуетъ сохранившаяся до настоящаго времени въ подлинномъ видѣ его «грамота душевная» необозначеннаго года, которою онъ прилагаетъ монастырю до десяти селъ съ деревнями [3]).

Спасскій Андрониковъ монастырь, по разсказу монастырской лѣтописи и житія преп. Сергія, былъ построенъ св. Алексіемъ въ слѣдствіе особаго побужденія. Возвращаясь въ 1355-мъ году изъ своего перваго путешествія въ Константинополь къ патріарху, онъ застигнутъ былъ бурею на Черномъ морѣ и далъ обѣтъ построить монастырь въ честь святаго или праздника того дня, въ который благополучно достигнетъ берега. Онъ достигъ берега 16-го Августа, въ которое празднуется перенесеніе Нерукотвореннаго образа изъ Едессы въ Царьградъ, и въ честь сего праздника и построилъ близь Москвы, на берегу рѣки Яузы, обѣтный монастырь. Для завѣдыванія дѣломъ строенія и устроенія монастыря св. Алексій испросилъ у преп. Сергія Радонежскаго ученика его Андроника, отъ котораго монастырь и получилъ названіе Андроникова.

Алексѣевскій монастырь во имя преп. Алексія человѣка Божія,—первый женскій монастырь въ Москвѣ, какъ говоритъ монастырское преданіе, былъ построенъ св. Алексіемъ для двухъ его сестеръ. Онъ

---

[1]) Никон. лѣт. IV, 198.

[2]) См. Памятники Московской древности *Снегирева*, стр. 131.

[3]) Грамота, сохранившаяся до насъ, къ сожалѣнію, въ значительно поврежденномъ видѣ, издана фототипически, съ точнымъ ея воспроизведеніемъ, въ 1892-мъ году въ приложеніи къ евангелію св. Алексія, о которомъ ниже. Ея чтеніе съ предположительнымъ возстановленіемъ поврежденнаго текста — при изданіи подлинника, въ Памятникахъ Московской древности *Снегирева*, стр. 142 fin., и въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1886-го года кн. I, въ статьѣ: Радонежская десятина, стр. 30.

поставленъ былъ на Остоженкѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Зачатіевскій монастырь (Послѣ 1514-го года, въ которомъ былъ истребленъ пожаромъ, монастырь перенесенъ былъ на урочище Черторье или Чертолье, гдѣ въ настоящее время стоитъ храмъ Спасителя. Въ 1837-мъ году, когда рѣшено было построить на его мѣстѣ сейчасъ названный храмъ, онъ перенесенъ былъ въ Красную слободу, на свое нынѣшнее мѣсто).

Четвертый монастырь въ Москвѣ, устроить который св. Алексій благословилъ другого здателя, есть Симоновъ монастырь, построенный племянникомъ преп. Сергія и монахомъ его монастыря Ѳеодоромъ.

Кромѣ трехъ монастырей, построенныхъ въ самой Москвѣ, св. Алексій былъ здателемъ такого же числа монастырей внѣ ея, при чемъ одинъ изъ этихъ внѣмосковныхъ монастырей также былъ построенъ новый, а два другіе возобновлены изъ развалинъ. Новый монастырь, построенный св. Алексіемъ,—по преданію, въ слѣдствіе особаго видѣнія, былъ Серпуховскій Владычній (получившій имя отъ своего строителя—владыки или отъ Владычицы Богородицы, которой посвящена была его церковь?); монастыри, возобновленные имъ, были—Цареконстантиновскій близъ Владимира и Благовѣщенскій въ Нижнемъ Новгородѣ. Два послѣдніе монастыря св. Алексій сдѣлалъ домовыми митрополичьями монастырями.

Количество шести монастырей, построенныхъ и возобновленныхъ св. Алексіемъ, ясно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ исключительнымъ ревнителемъ умноженія у насъ числа монастырей. Но въ исторіи нашего монашества онъ извѣстенъ и не однимъ только этимъ. Вмѣстѣ съ преп. Сергіемъ Радонежскимъ онъ былъ преобразователемъ у насъ жизни монашеской. О сей второй, и можетъ быть—болѣе важной, чѣмъ первая, заслугѣ его по отношенію къ нашему монашеству скажемъ послѣ, когда будемъ обозрѣвать исторію монашества за разсматриваемое нами время.

Въ ризницѣ Чудова монастыря сохраняется рукописное славянское евангеліе, письмо и самый текстъ котораго усвояются преданіемъ св. Алексію. Рукопись евангелія—пергаменная, въ 8-ю долю листа, писанная въ два столбца весьма мелкимъ, очень хорошимъ, полууставомъ; содержитъ въ себѣ: четвероевангеліе въ порядкѣ и полномъ видѣ евангелистовъ (тетръ), дѣянія и посланія апостольскія, апокалипсисъ и краткій мѣсяцесловъ; кромѣ того—на листѣ впереди евангелія который представляетъ собою неизвѣстно который листъ послѣ несохранившагося начала—на передней страницѣ отрывокъ нравоучительнаго содержанія, а на оборотѣ—десять заповѣдей, и потомъ между

евангеліемъ и дѣяніями 41-е слово изъ Пандектъ Никона Черногорца о поставленіи властелей; всѣхъ листовъ въ рукописи 170 [1]). По изслѣдованію спеціалистовъ, текстъ Новаго Завѣта, содержащагося въ рукописи, не представляетъ собою тождества съ текстомъ другихъ извѣстныхъ древнихъ списковъ, такъ чтобы могъ быть принятъ за простое воспроизведеніе или за простую переписку одной изъ прежде существовавшихъ редакцій перевода, но отличается многими особыми чтеніями (варіантами) и многими особенностями или разностями перевода, которыя даютъ видѣть въ немъ (по мнѣнію спеціалистовъ) новый переводъ или новую редакцію этого послѣдняго. Преданіе усвояетъ св. Алексію и написаніе рукописи и совершеніе содержащагося въ ней новаго перевода.

Что св. Алексій могъ сдѣлать переводъ или произвести сличеніе одной изъ существовавшихъ редакцій перевода съ греческимъ подлинникомъ, это совершенно вѣроятно. Онъ прожилъ при митр. Ѳеогностѣ въ качествѣ его намѣстника 12 лѣтъ. Въ продолженіе такого значительнаго времени, находясь постоянно въ обществѣ Грековъ, составлявшихъ свиту или дворъ Ѳеогноста, онъ могъ выучиться разговорному греческому языку незамѣтнымъ для себя образомъ, не упоминая о нарочитыхъ побужденіяхъ, которыя онъ могъ къ тому имѣть. Правда, что разговорный новогреческій языкъ далеко не то, что письменный старогреческій. Но выучившись одному, легко было выучиться другому, и ничего нѣтъ невѣроятнаго предполагать, что св. Алексій, пріобрѣтши знаніе разговорнаго греческаго языка, возъимѣлъ желаніе употребить

---

[1]) Въ 1892-мъ году, къ празднованію пятисотлѣтія кончины преп. Сергія Радонежскаго, съ которымъ св. Алексій находился въ союзѣ тѣснаго дружества, евангеліе издано фототипически или съ точнымъ воспроизведеніемъ подлинника покойнымъ высокопреосвященнымъ Леонтіемъ. Объ евангеліи см. въ диссертаціи *Г. А. Воскресенскаго*: Древній славянскій переводъ апостола и его судьбы до XV в., стр. 187 sqq. *его же* статьи: «Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа. Трудъ святителя Алексія, митрополита Московскаго и всея Руси. Фототипическое изданіе Леонтія, митрополита Московскаго», и «Алексіевскій списокъ Новаго Завѣта и четвероевангеліе преп. Никона, Радонежскаго чудотворца», помѣщенныя въ январьской и іюльской книжкахъ «Богословскаго Вѣстника» за 1893-й годъ, и *его же* позднѣйшій трудъ: «Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода евангелія отъ Марка», Москва, 1896, стр. 258 sqq; также актовую рѣчь *М. Д. Муретова* подъ заглавіемъ: «Церковно-практическое и научно-богословское значеніе славянскаго перевода Новаго Завѣта въ трудѣ святителя Алексія митрополита Кіево-Московскаго и Всероссійскаго», напечатанную въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ «Богословскаго Вѣстника» за 1897-й годъ.

еще небольшія старанія, чтобы достигнуть возможности читать Священное Писаніе Новаго Завѣта въ греческомъ подлинникѣ [1]). Мысль сдѣлать новый славянскій переводъ этого Свящ. Писанія могла придти ему очень простымъ образомъ: читая греческій подлинникъ, онъ замѣчалъ нѣкоторыя неточности въ славянскомъ переводѣ и если читалъ не по той редакціи, съ которой сдѣланъ былъ находившійся у него славянскій переводъ, то долженъ былъ замѣчать разности въ чтеніяхъ (варіанты), а одно и другое и могло возбудить въ немъ мысль о новомъ переводѣ. Записанное въ позднѣйшее время преданіе утверждаетъ, что переводъ совершенъ былъ св. Алексіемъ въ 1355-мъ году [2]); нѣсколько поправляя запись, нужно думать, что переводъ совершенъ имъ въ 1354—1355-мъ году, во время его продолжительнаго проживанія въ Константинополѣ для полученія сана митрополита и для тяжбы съ митр. Романомъ, о чемъ мы говорили выше. Дѣло перевода, совершоннаго св. Алексіемъ, не должно представлять такимъ образомъ, чтобы онъ сличалъ одинъ съ другимъ многіе греческіе списки и чрезъ сличеніе списковъ доходилъ до чтеній, казавшихся ему наиболѣе удовлетворительными,—подобныхъ ученыхъ требованій, конечно, онъ не предъявлялъ себѣ: необходимо представлять дѣло такимъ образомъ, что онъ взялъ списокъ той редакціи греческаго оригинала, которая въ его время признавалась въ Константинополѣ наиболѣе удовлетворительною, и по этому списку и сдѣлалъ переводъ, т. е. собственно произвелъ исправленіе одной изъ существовавшихъ редакцій перевода. Если его переводъ или его исправленіе одной изъ редакцій существовавшаго перевода отличается отъ другихъ редакцій послѣдняго многими особыми чтеніями (варіантами [3]), то нужно понимать это не такъ, что св. Алексій имѣлъ подъ руками много греческихъ рукописей, а такъ, что единственная греческая рукопись, съ которой онъ переводилъ или по которой исправлялъ одну изъ редакцій существовавшаго перевода, заключала въ себѣ редакцію, отличную отъ тѣхъ редакцій, съ которыхъ сдѣланы были другіе славянскіе переводы. Относительно своего характера и качества переводъ св. Алексія отличается, какъ находятъ

---

[1]) Что св. Алексій во всякомъ случаѣ зналъ греческій языкъ настолько, чтобы дѣлать по гречески свою подпись, см. объ его грамотѣ на Червленый Яръ въ Описаніи синодд. ркпп. *Горск. и Невостр.* № 338, л. 34 об., и въ Памятникахъ *Павлова* col. 167.

[2]) См. записку объ исправленіи Библіи при Алексѣѣ Михайловичѣ, напечатанную въ Словарѣ историческ. *митр. Евгенія,* I, 182 fin..

[3]) *Воскресенск.* въ указанной диссертаціи, стр. 186.

люди, специально его изучившіе, буквальною близостію къ греческому подлиннику [1]). Должно думать, что святитель совершилъ свой переводъ съ цѣлію частною и келейною, для самого себя, а не съ тѣмъ, чтобы передавать или вводить его въ общественное употребленіе: по крайней мѣрѣ неизвѣстно ни одного списка, который бы былъ списанъ съ его рукописи [2]). Относительно нынѣ принятаго славянскаго текста Новаго Завѣта переводъ св. Алексія имѣетъ очень важное значеніе. Исправители Библіи временъ царя Алексѣя Михайловича, отъ которыхъ идетъ нынѣшній текстъ Новаго Завѣта, какъ говорятъ они сами или современные имъ свидѣтели, первою славянскою книгою для своего новаго перевода (исправленія) имѣли книгу «переводу и рукописанія святаго Алексѣя митрополита, всея Россіи чудотворца» [3]): въ мѣстахъ, представлявшихъ по рукописямъ разныя чтенія (варіанты), исправители, нѣтъ сомнѣнія, имѣя въ виду авторитетъ св. Алексія, во многихъ случаяхъ взяли чтенія его перевода [4]).

---

[1]) *Воскресенск.* ibidd..

[2]) Хотя находятся списки, которые могутъ быть приняты за правленные съ его рукописи,—*Воскресенск.* въ послѣдней указанной выше статьѣ.

[3]) См. помянутую записку, стр. 182 fin..

[4]) *Воскресенск.* въ диссертаціи, стран. 186.—Письмо евангелія есть мелкій и очень хорошій, совсѣмъ каллиграфическій, полууставъ. Конечно, вовсе нельзя объявлять за невозможное того, чтобы св. Алексій способенъ былъ писать каллиграфически: но такъ какъ полууставная каллиграфія требуетъ много времени (очень мѣшкотна), а св. Алексій, сберегая свое время, имѣлъ полную возможность замѣнить себя настоящимъ или профессіональнымъ каллиграфомъ: то и является основаніе сомнѣваться въ той части преданія, которая усвояетъ написаніе рукописи самому св. Алексію (хотя, съ другой стороны, не невозможно предположеніе, что святитель нарочито хотѣлъ потрудиться въ изготовленіи хорошаго списка евангелія). Сличеніе евангелія съ собственноручной (какъ принимается) душевной грамотой св. Алексія Чудову монастырю, о которой сказали мы выше, не даетъ мѣста положительному отвѣту ни въ утвердительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ (какъ будто одна и та же рука, а какъ будто и не одна и та же рука...).—Чтеніе всей рукописи евангелія въ ея фототипическомъ изданіи, такъ какъ мелкое письмо ея выцвѣло или слиняло, вообще очень затруднительно, а для насъ съ нашими плохими глазами совсѣмъ таки невозможно. Но мы прочли евангеліе отъ Марка, напечатанное *Г. А. Воскресенскимъ* въ его изданіи: «Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго евангельскаго текста» (Сергіевъ Посадъ, 1894), и можемъ сказать теперь слѣдующее: 1) Списокъ Новаго Завѣта, усвояемый преданіемъ св. митр. Алексію, заключаетъ въ себѣ или представляетъ собой несомнѣнную особую редакцію славянскаго перевода Новаго Завѣта; 2) Эта

Обстоятельства времени поставили св. Алексія въ исключительное положеніе,—онъ былъ митрополитомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ бо́льшую половину своего правленія регентомъ государства, отчасти, можетъ быть, неоффиціальнымъ, отчасти же совершенно оффиціальнымъ и на-

---

особая редакція перевода изготовлена Русскимъ, а не какимъ либо другимъ славяниномъ (ибо употребляются русскія слова: *погостъ*, которымъ переводится греческое слово κώμη,—I, 38 и VI, 6,36 [въ первомъ случаѣ: κωμοπόλεις—*погосты града*]. *мошна*, которымъ переводится греческое слово πήρα—VI, 8); 3) Особая редакція перевода изготовлена не чрезъ выборъ изъ существовавшихъ редакцій его казавшихся лучшими чтеній, а чрезъ сличеніе его (перевода) съ греческимъ подлинникомъ; 4) Ясная цѣль, съ которою изготовлена редакція, состояла въ возможной точности перевода, собственно—въ возможной буквальности его, которая доводится въ редакціи до nec plus ultra. Прямыхъ данныхъ для отвѣта на вопросы: принадлежатъ ли св. митр. Алексію редакція перевода и написаніе списка евангеліе не представляетъ, ибо и не могло бы ихъ представлять, но непрямыя нѣкоторыя данныя какъ будто склоняютъ болѣе къ отвѣту отрицательному. Не говоря о немногихъ погрѣшностяхъ, бывшихъ, конечно, возможными и для св. Алексія, въ переводѣ находимъ странную, такъ сказать, своеобразность (въ другомъ случаѣ мы назвали бы ее причудничаньемъ, оригинальничаньемъ), которую едва ли бы позволилъ себѣ св. Алексій и которая состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что нѣкоторыя греческія слова безъ всякаго основанія оставлены не переведенными (*власфимія*, что̀ значитъ хула,—II, 7, *власфимисаетъ*—хулитъ: III, 29, *зерно синапно* — зерно горушно: IV, 31, *олокавтоматъ*—всесожженій: XII, 33, *катапетазма*—по древнему опона, по теперешнему завѣса: XV, 38, *кентгріон*—сотникъ: XV, 39, *параскеви*—пятокъ: XV, 42); во-вторыхъ—въ томъ, что нѣкоторыя собственныя имена оставлены въ ихъ греческой формѣ (*Вартимеос*,—X, 46, *галілеос*,—XIV, 70). Что касается до написанія списка, то находимъ въ письмѣ евангелія нѣкоторыя какъ бы сказать вольности (нѣкоторыя какъ бы сказать jocula) со стороны писавшаго, которыя также едва ли позволилъ бы себѣ св. Алексій и которыя состоятъ въ томъ, что собственныя имена пишутся иногда на половину по русски и на половину погречески *Варѳоломаіа*,—III, 18, *фарисѣоі*,—III, 6, саддоυkaioi.—XII, 18). Не усвояя св. Алексію изготовленіе редакціи перевода и написаніе списка, можно будетъ представлять дѣло такъ, что во время пребыванія въ Константинополѣ онъ поручилъ изготовить желаемую имъ редакцію перевода и написать списокъ одному изъ тѣхъ Русскихъ, которые, по свидѣтельству его современника Стефана Новгородца, жили въ Константинополѣ, въ Студійскомъ монастырѣ, и занимались списываніемъ славянскихъ книгъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ для отсыла ихъ на Русь. Нѣкоторыми своими особенностями, каковы—употребленіе словъ малоизвѣстныхъ вмѣсто общеизвѣстныхъ (напр. I, 7, *въстугва* вмѣсто ремень, V, 15, *слудба* вмѣсто берегъ, собственно: крутизна, стремнина), употребленіе словъ своеобразныхъ (II, 49, *мечетъ*, VII, 22 *несмыслство*, IX, 3, *пралникъ*, IX, 18,

стоящимъ. Какъ регентъ государства св. Алексій исполнялъ свои обязанности усерднѣйшимъ и ревностнѣйшимъ образомъ и, бывъ государственнымъ мужемъ съ блестящими талантами, велъ государственныя дѣла такъ, что оказалъ Москвѣ величайшія услуги [1]). Вообще, въ числѣ государственныхъ людей первоначальной Москвы и въ числѣ созидателей русскаго государства ему принадлежитъ одно изъ наипочетнѣйшихъ мѣстъ. Правда, изъ предшествующаго нашего изложенія можно видѣть и на основаніи его нужно признать, что званіе регента государства было не совершенно благопріятно для церковно-правительственной дѣятельности св. Алексія и что оно находилось до нѣкоторой степени въ антагонизмѣ съ его званіемъ митрополита. Но по самому существу дѣла, а во всякомъ случаѣ—при данныхъ обстоятельствахъ, невозможно было такое совмѣщеніе двухъ званій, чтобы осталось совсѣмъ безразличнымъ для одного и для другого изъ нихъ. Если же это было невозможно, а между тѣмъ св. Алексію суждено было совмѣщеніе званій: то, примиряясь съ составлявшимъ неизбѣжное, мы можемъ только и еще сказать, что, призванный стать государственнымъ человѣкомъ, св. Алексій занимаетъ, какъ таковой, одно изъ наиболѣе высокихъ мѣстъ въ ряду созидателей русскаго государства и что онъ при-

---

скреггати, IX, 50, *мирствовати*). смѣлое обращеніе съ языкомъ для достиженія совершенной буквальности (κακεῖνον λιθοβολήσαντες ἐκεφαλαίωσαν— *и того каменьемъ метавше оглавіша*: XII, 4, συνέδριον—*ссѣдалище*: XIII, 9, XIV, 55, XV, 1, ἔτυπτον αὐτοῦ τὴν κεφαλὴν—*біаху его главу:* XV, 19) переводъ евангелія напоминаетъ намъ объ ученикѣ пр. Сергія Радонежскаго и его біографѣ Епифаніи премудромъ, о которомъ см. въ нашей книгѣ: „Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра», ч. I, примм. 1 и 66, такъ что является у насъ подозрѣніе, не онъ ли, по порученію св. Алексія, а вмѣстѣ и преп. Сергія, изготовилъ редакцію перевода и написалъ списокъ. Подозрѣніе неожиданно подкрѣпляется до нѣкоторой степени тѣмъ, что въ ризницѣ Троицкой Лавры хранится списокъ евангелія, усвояемый преданіемъ преп. Никону, объ отношеніи котораго къ составляющему предметъ рѣчей Чудовскому или Алексіевскому списку должно думать, что редакторъ одного котораго либо изъ нихъ имѣлъ у себя подъ руками другой, см. статью *Г. А. Воскресенскаго*: «Алексіевскій списокъ Новаго Завѣта и четвероевангеліе преп. Никона», напечатанную въ іюльской книжкѣ «Богословскаго Вѣстника» за 1893-й годъ. Впрочемъ, высказывая наше подозрѣніе, мы вовсе не думаемъ настаивать на немъ и предоставляемъ будущему времени, если то окажется возможнымъ, подтвердить или опровергнуть его.

[1]) Бывъ воспитателемъ вел. кн. Дмитрія Ивановича, св. Алексій сдѣлалъ его искренно и усердно благочестивымъ человѣкомъ; но странно, что князь, по свидѣтельству повѣсти объ его житіи и преставленіи, книгамъ не былъ ученъ добрѣ.

обрѣлъ величайшее право на благодарность тѣхъ, для кого государство это создано [1]).

Изъ относящагося къ исторіи св. Алексія, какъ митрополита, нами здѣсь не сказано: во-первыхъ, о появленіи при немъ въ новгородской области секты Стригольниковъ; во-вторыхъ, о томъ, что съ его времени начали поступать на службу къ митрополитамъ настоящіе бояре, каковое обстоятельство имѣло важное вліяніе на характеръ церковнаго управленія, и втретьихъ—о канонизаціи имъ пострадавшихъ при Ольгердѣ литовскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія. О Стригольникахъ мы скажемъ подъ правленіемъ митр. Фотія, къ которому относится принятіе противъ нихъ рѣшительныхъ мѣръ и исчезновеніе ихъ секты. О поступленіи на службу къ митрополитамъ настоящихъ бояръ и о канонизаціи литовскихъ мучениковъ мы скажемъ въ особыхъ главахъ объ управленіи и богослуженіи за данное время.

Св. Алексій имѣлъ долгоденственную жизнь и окончилъ дни свои въ глубокой старости: онъ скончался не менѣе какъ на 80-мъ, а можетъ быть—на 85-мъ году жизни, 12-го Февраля 1378-го года [2]). Онъ погребенъ былъ, какъ уже мы давали знать выше, не въ Успенскомъ

---

[1]) Въ XVII вѣкѣ, позволяя себѣ не особенно похвальнымъ образомъ чернить память св. Алексія, хотѣли покрывать его авторитетомъ унизительныя отношенія къ крымскимъ Татарамъ. Чтобы избавляться отъ набѣговъ этихъ Татаръ на украйнія области государства, должны были платить имъ ежегодные очень большіе «поминки», что, конечно, не служило къ нашей славѣ, и вотъ, въ оправданіе этого безславія, придумали утверждать, будто «уложилъ тѣ поминки давать Алексѣй митрополитъ московскій, послѣ того времени, какъ онъ былъ въ Крыму въ полону», см. *Котошихина* О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, гл. IV, § 37.

[2]) Всѣ лѣтописи (Новгородскія 1-я и 4-я, Софійская 1-я, Академическая, Никоновская и Воскресенская), а также Епифаній въ житіи преп. Сергія (литографич. изд. л. 256) относятъ кончину св. Алексія къ 6885-му году отъ С. М. или къ 1377-му году отъ Р. Х. Но онъ скончался 12-го Февраля въ пятокъ (лѣтопп. Никоновск. и Воскресенск.), а 12-е Февраля было въ пятокъ не въ 1377-мъ, а въ 1378-мъ году отъ Р. Х., къ которому на сейчасъ указанномъ основаніи и относитъ его кончину большая часть новыхъ историковъ. Объясненіе загадки относительно лѣтописей и Епифанія состоитъ въ томъ, что тогда было счисленіе мартовское и что по этому мартовскому счисленію Январь и Февраль 1378-го года приходились послѣдними мѣсяцами 1377-го года (При переводѣ сентябрьскаго счисленія на теперешнее январьское, въ случаѣ мѣсяцевъ Сентября—Декабря, нужно вычитать изъ годовъ отъ С. М. не 5508, а 5509, наоборотъ при переводѣ мартовскаго счисленія на январьское, въ случаѣ мѣсяцевъ Января и Февраля, нужно вычитать изъ годовъ отъ сотворенія міра не 5508, а 5507).

соборѣ вмѣстѣ съ своими двумя предшественниками по жительству въ Москвѣ, а въ своей ктиторіи—Чудовомъ монастырѣ. Въ 1431-мъ году при митр. Фотіи, по случаю перестройки церкви, были обрѣтены его мощи [1]), а въ концѣ 1448—началѣ 1449-го года при митр. св. Іонѣ было установлено торжественное празднованіе его памяти [2]).

[1]) Никон. лѣт. IV, 65 fin. (cfr *Ключевск.* стр. 133): «Въ лѣто 6939 (1431) во княженіе великаго князя Василья Васильевича, при святѣйшемъ Фотѣѣ митрополитѣ кіевскомъ и всеа Русіи, обвалися верхъ церковны во время священныя литоргія и священнику еще не изшедшу изъ олтаря, но невредимъ бысть: и тако тоя церкви мѣсто очистивше и начаша копати, хотяще основати новую церковь каменну; и сице копающе обрѣтоша свещенное тѣло Алексѣя митрополита кіевскаго и всеа Русіи, сице же и ризы его цѣлы, мѣсяца Маія въ 20 день».—Мощи святителя Алексія поставлены были въ придѣлѣ новопостроенной церкви. Во второй половинѣ XV вѣка архимандритъ чудовскій, послѣдующій архіепископъ новгородскій Геннадій построилъ въ монастырѣ церковь во имя самого святителя, въ которую и были перенесены мощи. На мѣсто обветшавшей Геннадіевой церкви была построена для мощей новая, доселѣ остающаяся, церковь (съ престолами во имя Благовѣщенія Богородицы и св. Алексія) во второй половинѣ XVII вѣка (о поруганіи, которому въ 1812-мъ году подвергались мощи отъ Французовъ, бывъ выброшены изъ раки, см. у *Н. Розанова* въ Исторіи московскаго епархіальнаго управленія, части третьей кн. II, стр. 25).

[2]) У *Ключевск.* ibid. (Опис. Синодд. ркпп. *Горск. и Невостр.* № 410, л. 410 об., стр. 443 нач.).—При ракѣ св. Алексія хранятся его облаченія: саккосъ, епитрахиль и подризникъ, и его посохъ, поновленный впрочемъ патр. Іоакимомъ,—*Снегирева* Памятники московской древности, стр. 137, col. 2 sub fin..

ДВѢНАДЦАТИЛѢТНІЯ ЗАМѢШАТЕЛЬСТВА НА КАѲЕДРѢ МИТРОПОЛІИ ПОСЛѢ КОНЧИНЫ СВ. АЛЕКСІЯ.

(Михаилъ-Митяй, Кипріанъ, Пиминъ).

Кандидатомъ въ митрополиты на мѣсто св. Алексія у вел. кн. Димитрія Ивановича, какъ мы сказали, былъ архимандритъ его придворнаго Спасскаго монастыря Михаилъ, называвшійся Митяемъ [1].

Этотъ Михаилъ-Митяй, только мелькнувшій въ ряду нашихъ церковно-историческихъ дѣятелей, ибо каѳедру митрополіи ему не суждено было занять, представлялъ собою, по увѣренію лѣтописей, человѣка необыкновенно и феноменально замѣчательнаго. Въ виду подобной замѣчательности Михаила лѣтописи дѣлаютъ даже то, что, позволяя себѣ совершенно единственное въ отношеніи къ церковно-историческимъ лицамъ исключеніе, предлагаютъ нарочитыя о немъ повѣсти [2]. Онъ былъ родомъ изъ коломенскаго, лежавшаго на Окѣ, села Тѣшилова, сынъ священника [3], и до знакомства съ великимъ княземъ былъ

---

[1]) «Михаилъ, нарицаемый Митяй».—повѣсть о Михаилѣ (Митяѣ) въ лѣтопп.. Митяй есть уменьшительное отъ Димитрій (Ми́тя, Митяй; Тверская лѣтопись называетъ Митяя именно Ми́тей). Вѣроятно, что Митяй не было прозваніе Михаила, а его мірское имя въ уменьшительной формѣ (какъ понимаетъ это Степенная книга,—I. 466 нач.). Рѣчи лѣтописей о Михаилѣ вовсе не даютъ основанія предполагать, чтобы онъ вмѣсто Димитрія уменьшительно называемъ былъ Митяемъ въ укоризну и брань: поэтому нужно думать, что онъ назывался такъ или въ особую ласку и какъ бы въ отличіе отъ другихъ или же просто случайнымъ образомъ и безъ всякой причины, потому что такъ повелось употреблять его имя.

[2]) Двѣ повѣсти о Михаилѣ въ Никоновской лѣтописи подъ 1378 г.,—IV, 66 sqq (Вторая повѣсть начинается: «Подобаетъ вѣдати, кто есть сей»..., стр. 68 нач.). Въ Воскресенской лѣтописи (Собр. лѣтт. VIII, 28) и такъ называемой Типографской (изд. въ Москвѣ въ 1784 г., стр. 137) повѣсти соединены въ одну и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляютъ свою редакцію.

[3]) «Сынъ Тѣшиловскаго попа Ивана, иже на рѣцѣ Окѣ». Въ настоящее время около Коломны на Окѣ и не на Окѣ села Тѣшилова нѣтъ. Было (и не знаемъ—есть ли) на Окѣ село Тѣшилово значительно вверхъ отъ Коломны, на той или

священникомъ въ самой Коломнѣ. Вотъ какъ описываетъ его лѣтописецъ по его наружнымъ и внутреннимъ качествамъ: «Сей убо попъ Митяй бысть возрастомъ (ростомъ) великъ зѣло и широкъ, высокъ и напругъ (силенъ, мускулистъ), плечи (имѣя) великіи и толсты, брада (у него бысть) плоска и долга, и лицемъ (бысть) красенъ (красивъ),— рожаемъ и саномъ (наружной представительностію и наружной красотой) превзыде всѣхъ человѣкъ; рѣчь легка и чиста и громогласна, гласъ же его красенъ зѣло; грамотѣ добрѣ гораздъ: теченіе веліе имѣя по книгамъ, и силу книжную толкуя и чтеніе сладко и премудро, и книгами глаголати премудръ зѣло, и никтоже обѣташесь таковъ; и пѣти нарочитъ; и въ дѣлѣхъ и въ судѣхъ и въ разсуженіяхъ изященъ и премудръ, и слово и рѣчь чисту и незакоснѣвающю имѣя и память велію; и древними повѣстьми и книгами и притчами духовными и житейскими никтоже таковъ обрѣташеся глаголати»[1]).

Какъ видимъ, лѣтописецъ едва находитъ слова въ своемъ языкѣ для восхваленія Михаила и хочетъ сказать, что онъ представлялъ собою феноменальное совершенство во всѣхъ отношеніяхъ; во всемъ, по увѣренію лѣтописца, онъ превосходилъ всѣхъ людей: при необыкновенной наружной сановитости и красотѣ, при такомъ голосѣ, который дѣлалъ его прекраснымъ пѣвцомъ и единственнымъ чтецомъ, онъ былъ человѣкъ необыкновенно умный и необыкновенно въ тогдашнемъ смыслѣ образованный, т. е. до возможной степени начитанный въ книгахъ; одинаково исключительнымъ образомъ назидательный какъ въ духовной бесѣдѣ, такъ и въ свѣтской или мірской, онъ былъ незамѣнимымъ дѣльцомъ во всякихъ серьёзныхъ дѣлахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ занимательнымъ собесѣдникомъ въ легкомъ разговорѣ, такъ что въ одинаковой мѣрѣ обладалъ какъ тѣми качествами, которыя заставляютъ уважать людей, такъ и тѣми, которыя привлекаютъ къ нимъ общую любовь (дѣлаютъ ихъ любимцами общества). Очень можетъ быть что лѣтописецъ черезъ чуръ ослѣпленъ совершенствами Михаила и изображаетъ намъ его портретъ нѣсколько преувеличенными чертами; но во всякомъ случаѣ это ослѣпленіе нисколько не есть ослѣпленіе пристрастнаго сторонника, за котораго вовсе не можетъ быть принимаемъ лѣтописецъ по отношенію къ Михаилу, и слѣдовательно—несомнѣнное заключеніе изъ словъ лѣтописца есть то, что Михаилъ дѣй-

на тульской сторонѣ рѣки; но оно стало московскимъ только уже при вел. кн. Василіи Васильевичѣ (Собр. госудд. грамм. и договв. I, 281 fin., 285).

[1]) Никон. лѣт. IV, 68.

ствительно представлялъ изъ себя рѣдкимъ образомъ замѣчательнаго человѣка.

Исключительная и совершенно выдававшаяся личность Михаила привлекла къ нему вниманіе великаго князя: переведши его изъ Коломны въ Москву, великій князь сдѣлалъ его, съ одной стороны, своимъ духовнымъ отцомъ, а съ другой стороны—весьма важнымъ и однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ при себѣ чиновниковъ,—своимъ печатникомъ, и вообще приблизилъ его къ себѣ въ качествѣ своего любимца и фаворита. Какъ къ своему любимцу Дмитрій Ивановичъ имѣлъ къ Михаилу необыкновенную привязанность,—совершенно такую, какую имѣлъ царь Алексѣй Михайловичъ къ Никону, если только даже не бóльшую: «зѣло любяше»,—говоритъ лѣтописецъ—«и чествоваше его яко отца паче всѣхъ» [1]). Вслѣдствіе этого Михаилъ, будучи священникомъ, занялъ такое необыкновенно высокое положеніе при государѣ, что сталъ какъ бы вторымъ по немъ лицомъ: «никтоже,—говоритъ тотъ же лѣтописецъ—въ такой чести и славѣ бысть, якоже онъ—Митяй; славу и честь имѣяше паче всѣхъ; бысть во чти и славѣ отъ великаго князя и отъ всѣхъ и вси чествоваху его, якоже нѣкоего царя»... Пользуясь необыкновенною привязанностію великаго князя, Михаилъ,—чего никакъ нельзя сказать о Никонѣ,—пользовался и всеобщею любовію: «любляху ево вси», говоритъ лѣтописецъ; а что касается въ частности до вельможъ и бояръ, то они не только не питали къ необыкновенному во всѣхъ отношеніяхъ и смыслахъ фавориту зависти и ненависти, но, любя его столько же, какъ и великій князь, подобно сему послѣднему имѣли его своимъ духовнымъ отцомъ (великій князь «любляше его зѣло, такоже и бояре его..., прихожаху къ нему на духъ бояре и вельможи..., бысть отецъ духовный всѣмъ бояромъ старѣйшимъ» [2]). Былъ ли зараженъ Михаилъ суетной наклонностью къ пышности и щегольству или это требовалось отъ него его положеніемъ и нарочито, какъ отъ любимца, было требовано великимъ княземъ, только подобно вельможамъ и епископамъ онъ окружилъ себя многими слугами и отроками («многи слуги и отроки имѣяше»), а въ роскоши одеждъ превосходилъ всѣхъ вельможъ и епископовъ: «по вся дни—говоритъ лѣтописецъ — ризами драгими измѣняшесь, и сіяше въ ево

[1]) Никон. лѣт. IV, 72 fin. Великій князь приблизилъ къ себѣ Михаила около 1370-го года, когда ему было 20 лѣтъ (родился въ 1350 году): выраженіе «яко отца» даетъ знать, что Михаилъ по отношенію къ великому князю находился въ возрастѣ отца.

[2]) Послѣднее по редакціи Воскресенской и Типографской лѣтописей.

одѣяніяхъ драгихъ якожъ нѣкое удивленіе, никтоже бо таковая одѣянія ношаше и никтоже тако измѣняшесь по вся дни ризами драгими и свѣтлыми, якоже онъ—попъ Митяй».

«Въ таковомъ чину и устроеніи», какъ выражается лѣтописецъ, Михаилъ провелъ много лѣтъ. За два года до смерти св. Алексія освободилось мѣсто архимандрита въ придворномъ Спасскомъ монастырѣ великаго князя, и тогда Дмитрій Ивановичъ началъ убѣждать и просить Михаила, чтобы онъ согласился принять монашеское постриженіе, съ тѣмъ, чтобы изъ архимандритовъ Спасскихъ быть ему поставленнымъ въ митрополиты на мѣсто св. Алексія. Сперва Михаилъ рѣшительно отказался было пойдти въ монахи; но потомъ, отчасти преклоненный настоятельнѣйшими убѣжденіями и просьбами великаго князя, отчасти же принужденный повиноваться и прямой силѣ [1]), онъ былъ постриженъ въ монахи и въ самый день постриженія поставленъ въ архимандриты на упразднившееся мѣсто.

Составляло для изслѣдователей вопросъ, какъ отнесся св. Алексій къ назначенію великимъ княземъ Михаила въ будущіе ему преемники. Въ лѣтописяхъ мы имѣемъ не одно сказаніе о Михаилѣ, а два: изъ этихъ двухъ сказаній одно написано не сторонникомъ его, но и не врагомъ,—изъ сказанія заимствовано нами все сообщенное о немъ выше и оно составляетъ историческій источникъ свѣдѣній о немъ; другое сказаніе написано явнымъ его врагомъ и по своему содержанію представляетъ не что иное, какъ обвинительную противъ него записку [2]). Въ первомъ сказаніи, невраждебномъ Михаилу, нѣтъ совершенно ничего о томъ, какъ отнесся св. Алексій къ его назначенію великимъ княземъ въ будущіе ему—Алексію преемники: вовсе молча объ этомъ, сказаніе говоритъ, что Михаилъ, постриженный въ монахи, былъ поставленъ въ архимандриты Спасскіе съ мыслію быть ему преемникомъ св. Алексію и что по преставленіи послѣдняго онъ введенъ былъ великимъ княземъ на дворъ митрополичій съ тѣмъ, чтобы быть поставленнымъ въ митрополиты. Сказаніе враждебное Михаилу увѣряетъ, что св. Алексій отнесся весьма неблагосклонно къ его избранію вели-

---

[1]) «Не все волею, но яко нужею приведенъ бысть (для постриженія) въ монастырь святаго Спаса». Выраженіе «яко», какъ видно изъ контекста рѣчи, не должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что Михаилъ только притворялся нехотящимъ, а должно быть принимаемо за особый образъ выраженія—или неудачный или желающій дать мысли особый оттѣнокъ.

[2]) Сказаніе о Михаилѣ враждебное ему занимаетъ въ Никоновской лѣтописи первое мѣсто.

кимъ княземъ въ будущіе митрополиты, и именно—по двумъ редакціямъ сказанія дѣло представляется въ двухъ нѣсколько различныхъ видахъ. По одной редакціи [1]), св. Алексій, несмотря на всѣ настоятельныя просьбы великаго князя, отказался благословить Михаила въ свое мѣсто, мотивируя свой отказъ будто бы тѣмъ, что апостолъ требуетъ отъ епископа, чтобы онъ былъ не новонаукъ *въ христіанствѣ* (не изъ новообращенныхъ,—1 Тим. 3, 6), а Михаилъ новонаукъ *въ иночествѣ*, и говорилъ государю въ свой послѣдній отвѣтъ: «азъ неволенъ есмь благословити его, но ему же дастъ Господь Богъ и пречистая Богородица и пресвященный патріархъ и вселенскій соборъ, того и азъ благословляю». По другой редакціи [2]), св. Алексій, бывъ молимъ и принуждаемъ великимъ княземъ, не нашелъ возможнымъ отказать въ своемъ согласіи положительно и рѣшительно, но далъ его въ такой формѣ, что прикровенно выразилъ желаніе и вмѣстѣ изрекъ пророчество о несбытіи хотѣнія великаго князя: «Алексій же митрополитъ,—говоритъ сказаніе по нашей редакціи,—умоленъ бывъ и принужденъ (великимъ княземъ), и ни тако посули быти прошенію его, но извѣстуя святительски и старчески, паче же пророчески, рече: «азъ неволенъ (*вар.* недоволенъ) благословити его (Михаила), но оже дастъ ему Богъ и святая Богородица и пресвященный патріархъ и вселенскій соборъ». Можно было до нѣкоторой степени подозрѣвать, что сказаніе враждебное Михаилу, бывъ написано митр. Кипріаномъ, которому Михаилъ съ своей кандидатурой надѣлалъ слишкомъ много непріятностей, говоритъ неправду. Но въ настоящее время мы въ состояніи сказать это послѣднее уже положительнымъ образомъ. Найдено въ рукописяхъ посланіе митр. Кипріана къ преп. Сергію Радонежскому съ его племянникомъ игуменомъ Ѳеодоромъ, написанное вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ—Кипріанъ послѣ смерти св. Алексія неудачнымъ образомъ пріѣзжалъ въ Москву для занятія каѳедры митрополіи всея Россіи [3]). Изъ этого посланія и открывается, что св. Алексій безъ всякихъ двусмысленностей, а съ совершеннымъ выраженіемъ своихъ воли и желанія, насколько это отъ него зависѣло, утвердилъ и благословилъ быть

---

[1]) Какъ читается сказаніе въ Никоновской лѣтописи.

[2]) Какъ читается сказаніе въ Воскресенской и Типографской лѣтописяхъ.

[3]) Посланіе вмѣстѣ съ другими двумя посланіями къ тѣмъ же Сергію и Ѳеодору и съ четвертымъ посланіемъ къ неизвѣстному игумену напечатано въ Правосл. Собесѣдн. 1860-го года, ч. 2, стр. 85; перепечатано въ Памятникахъ *Павлова*, col. 173.

Михаилу его преемникомъ. Во-первыхъ, Кипріанъ, какъ самъ онъ говоритъ въ посланіи, отлично знавшій, что дѣлалось на Москвѣ передъ смертью и въ минуту смерти Алексія, ни единымъ словомъ не намекаетъ на то, чтобы послѣдній не хотѣлъ благословить Михаила въ свое мѣсто; а объ этомъ онъ нарочито и настоятельно говорилъ бы, если бы это дѣйствительно было такъ, потому что говорить объ этомъ требовали бы его интересы и это было бы для него очень важно. Во-вторыхъ, онъ пространно и усиленно доказываетъ въ своемъ посланіи правилами каноническими, что не подобаетъ святителю оставлять свой престолъ въ наслѣдіе кому нибудь и поставлять на святительское достояніе, его же хощетъ: какъ совершенно ясно, это направлено противъ того, что св. Алексій оставилъ своимъ наслѣдникомъ Михаила. Втретьихъ, Кипріанъ прямо говоритъ о св. Алексіѣ: «не умѣти было ему, т. е. не имѣлъ онъ права, наслѣдника оставляти по своей смерти». Наконецъ, вчетвертыхъ, мы читаемъ у него: «видѣ(хъ) грамоту, (юже) записалъ митрополитъ умирая, и та грамота будетъ съ нами на великомъ соборѣ». Это значитъ: я видѣлъ грамоту, которою Алексій умирая записалъ митрополію архимандриту Михаилу, и эта грамота будетъ представлена мною патріаршему собору, какъ доказательство незаконнаго поведенія умершаго митрополита. Извѣстные въ настоящее время греческіе акты даютъ знать, что не задолго до смерти св. Алексія было посылаемо изъ Москвы посольство къ патріарху съ прошеніемъ, чтобы отъ этого послѣдняго признанъ былъ преемникомъ его—Алексія избранный великимъ княземъ кандидатъ (см. о семъ нѣсколько ниже). Изъ актовъ прямо не видно, чтобы посольство было посылано не однимъ только великимъ княземъ, а вмѣстѣ и самимъ св. Алексіемъ. На основаніи сейчасъ сказаннаго, это представляется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Мы знаемъ, что св. Алексій сначала пытался было назначить своимъ преемникомъ преп. Сергія Радонежскаго. Изъ этого слѣдуетъ, что Михаилъ не былъ для него кандидатомъ, на которомъ онъ прямо и съ перваго раза остановился вмѣстѣ съ великимъ княземъ и что онъ что-то такое имѣлъ противъ него. Что именно могъ имѣть св. Алексій противъ Михаила, не можемъ сказать положительно; не невозможно, во-первыхъ, допускать, что онъ, бывшій регентъ и правитель государства въ малолѣтство государя, увидѣвъ при великомъ князѣ на своемъ мѣстѣ его новаго любимца, питалъ къ послѣднему человѣческое чувство ревности; во-вторыхъ—вѣроятно предполагать, что въ Михаилѣ, весьма не охотно пошедшемъ въ монахи, онъ не находилъ достаточно монашескаго скромнаго духа,—что кандидатъ въ митропо-

литы представлялся ему человѣкомъ болѣе должнаго мірскимъ и свѣтскимъ [1]).

Въ то время, какъ на Москвѣ избирали преемника св. Алексію, въ Кіевѣ сидѣлъ, ожидая его смерти, уже готовый ему преемникъ. Это—Кипріанъ.

Кипріанъ зналъ, что въ Москвѣ питаютъ къ нему величайшую вражду за его поступки съ св. Алексіемъ; онъ зналъ, что тамъ выбранъ въ преемники послѣднему любимецъ великаго князя, къ которому государь имѣлъ необыкновенную привязанность. Несмотря на все это, онъ рѣшился послѣ смерти Алексія ѣхать въ Москву, чтобы добывать себѣ каѳедру митрополіи всея Россіи. Великій князь, узнавъ объ его намѣреніи пріѣхать въ Москву, разставилъ на дорогѣ кордоны, чтобы не пропускать его. Но и это его не остановило: онъ явился въ Москву, пробравшись окольными путями. Въ Москвѣ съ нимъ случилось то, чего и слѣдовало ожидать по его совершенно экстраординарному поведенію: онъ былъ схваченъ и посаженъ въ заключеніе (арестованъ), а потомъ со всевозможнымъ безчестіемъ выпровоженъ вонъ.

Совсѣмъ исключительный поступокъ Кипріана даетъ знать, что онъ принадлежалъ къ числу людей, способныхъ дѣйствовать напроломъ и надѣленныхъ тою храбростію, которая беретъ города. Но, не представляя его себѣ человѣкомъ изъ рукъ вонъ взбалмошнымъ, трудно допустить, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ основаній питать хотя бы слабыя надежды. И дѣйствительно имѣются данныя предполагать, что у него были нѣкоторыя основанія питать нѣкоторыя надежды. Михаилъ былъ такимъ любимцемъ великаго князя, въ которомъ государь не слышалъ своей души; вмѣстѣ съ великимъ княземъ его чрезвычайно любили и весьма желали видѣть митрополитомъ всѣ бояре. Между тѣмъ мы читаемъ въ сказаніяхъ, что совершенно иначе относилось къ нему все духовенство, начиная отъ высшаго и до низшаго, и какъ черное, такъ и бѣлое,—что духовенство чрезвычайно не любило его и крайне не желало видѣть его митрополитомъ. Что могло быть причиной этихъ нелюбви и нежеланія, скажемъ нѣсколько ниже; но весьма вѣроятно

[1]) Св. Алексій, послѣ того, что испыталъ онъ отъ Кипріана, конечно, не имѣлъ никакого желанія видѣть его своимъ преемникомъ: но такъ какъ избранный было имъ самимъ кандидатъ—преп. Сергій Радонежскій рѣшительно отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія: то и во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ согласиться на кандидатуру Михаила. А грамоту на имя Михаила онъ далъ, очевидно, для того, чтобы, въ виду притязаній Кипріана, безспорнымъ образомъ была вѣдома всѣмъ его воля.

думать, что на нихъ-то Кипріанъ и основывалъ свои нѣкоторыя надежды. Вмѣстѣ съ помянутымъ выше письмомъ его къ преп. Сергію, писаннымъ послѣ изгнанія изъ Москвы, сохранилось письмо его къ тому же Сергію, писанное съ дороги въ Москву [1]). Письмо очень кратко и не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго: митрополитъ извѣщаетъ преп. Сергія, что идетъ на Москву, и выражаетъ желаніе видѣться съ нимъ. Очень возможно подозрѣвать, что за невиннымъ письмомъ скрывалось нѣчто другое и что одновременно съ нимъ Кипріанъ обращался къ Сергію съ весьма важными исканіями, о которыхъ неудобно было говорить въ письмѣ и которыя имѣли быть переданы устно его доставителями, именно—съ тѣмъ исканіемъ, чтобы преп. Сергій вмѣстѣ съ другими влiятельными у великаго князя лицами изъ духовенства агитировалъ передъ послѣднимъ въ пользу его — Кипріана. На эту-то агитацію, съ убѣжденіями къ которой Кипріанъ могъ обращаться и не къ одному преп. Сергію, а и къ другимъ, имѣвшимъ авторитетъ у великаго князя лицамъ изъ среды духовенства [2]), и могъ возлагать онъ нѣкоторыя, оказавшіяся совершенно тщетными, надежды.

О пріѣздѣ Кипріана въ Москву и о томъ, что случилось съ нимъ здѣсь, мы узнаемъ изъ его посланія къ преп. Сергію, писаннаго послѣ его изгнанія отсюда. Это посланіе, въ которомъ онъ, съ одной стороны, сообщаетъ о случившемся съ нимъ, а съ другой и главное—изливаетъ свои жалобы на великаго князя, производитъ истинно удручающее нравственое впечатлѣніе. Кипріанъ успѣлъ достигнуть того, чтобы патріархъ условнымъ образомъ поставилъ его въ митрополиты всея Россіи, посредствомъ представленія послѣднему лживыхъ доносовъ на св. Алексія, наполненныхъ множествомъ лживыхъ клеветъ на него, и употребивъ всѣ средства, чтобы низвергнуть его съ каѳедры [3]), и вотъ, когда устраняютъ его отъ этой каѳедры, онъ вопіетъ къ небу и землѣ и ко всѣмъ христіанамъ объ учиненной ему величайшей несправедливости, которой не слыхано во всемъ свѣтѣ... «Тіи на куны надѣются»,—

---

[1]) Въ Правосл. Собесѣдн. ibid., стр. 84.

[2]) Вмѣстѣ съ тремя посланіями къ преп. Сергію сохранилось посланіе Кипріана къ неизвѣстному игумену,—въ Правосл. Собесѣдн. ibid. стр. 105. Если справедливо предположеніе, что подъ игуменомъ должно разумѣть преп. Аѳанасія, игумена Серпуховскаго Высоцкаго монастыря, то можно думать, что и къ Аѳанасію Кипріанъ обращался къ тѣми же исканіями, что и къ преп. Сергію. Аѳанасій могъ дѣйствовать на великаго князя чрезъ своего удѣльнаго князя Владимира Андреевича, съ которымъ Дмитрій Ивановичъ жилъ въ искреннѣйшей любви и дружбѣ.

[3]) Свидѣтельство соборнаго дѣянія 1380 года, въ Памятни. col. 171.

говоритъ онъ о великомъ князѣ съ его кандидатомъ,—«азъ же—находитъ онъ возможнымъ утверждать о себѣ—на свою правду»... Какъ ни какъ, но онъ поставленъ въ митрополиты всея Россіи, и предавая совершенному забвенія средства, которыми онъ этого достигъ, и сознавая единственно свои права, онъ говоритъ: «аще братъ мой (т. е. оклеветанный имъ Алексій) преставился, азъ есмь святитель на его мѣстѣ, моя есть митрополія». Послѣднія слова: «моя есть митрополія» звучатъ такъ странно, что являлась бы охота комментировать ихъ съ рѣзкостію, на которую у насъ не хватаетъ духа [1])... Кипріанъ предаетъ въ своемъ посланіи отлученію и проклятію тѣхъ, кто былъ виновникомъ случившагося съ нимъ на Москвѣ позора, но при этомъ, благоразумно и на всякій случай щадя единственнаго собственнаго виновника—великаго князя, онъ суетно караетъ божественнымъ гнѣвомъ только несчастныхъ чиновниковъ послѣдняго, которые по своему долгу повиновенія государю были простыми исполнителями его воли [2]).

Кипріанъ пріѣзжалъ въ Москву, какъ это видно изъ его письма къ преп. Сергію, между 3-мъ и 23-мъ Іюня 1378-го года, [3]), т. е. спустя

---

[1]) Пытавшись сейчасъ указанными средствами низвергнуть съ престола св. Алексія, Кипріанъ находитъ возможнымъ восклицать: «Которая есть моя вина передъ княземъ передъ великимъ? Надѣюся на Бога, не найдетъ во мнѣ вины ни единыя»...

[2]) Относительно того, что случилось съ Кипріаномъ въ Москвѣ по его прибытіи въ нее, въ посланіи читаемъ: «инымъ путемъ проидохъ (въ Москву, мимо разставленныхъ кордоновъ)..., онъ же (великій князь) пристави надъ мною мучителя, проклятаго Никифора, и которое зло остави, еже не сдѣя надъ мною? хулы и наруганія и насмѣханія, грабленія, голодъ! мене въ ночи заточилъ, нагаго и голоднаго, и отъ тоя ночи студени и нынѣча стражу; слуги же моя, надъ многимъ злымъ, что надъ ними здѣяли, отпуская ихъ на клячахъ либивыхъ (тощихъ), безъ сѣделъ, въ оборотѣхъ лычныхъ, изъ города вывели ограбленыхъ и до сорочки и до ножевъ и до ногавицъ, и сапоговъ и киверевъ (шапокъ) не оставили на нихъ!... Безъ вины мене обещестилъ (великій князь), пограбилъ, запрѣвъ держалъ голодна и нага, а черньци мои на другомъ мѣстѣ, слугъ моихъ опрочь; мене заточилъ у ночи, а слугъ моихъ нагихъ отослати велѣлъ съ бещестными словесы: и хто можетъ изрещи хулы, ихже на мя изрекли?... Во мнѣ же которую вину изнайдоша, запрѣвши мене въ единой клѣти за сторожьми и ниже до церкви имѣлъ есмь выхода? потомъ же, смеркшуся другому дневи, пришедше изведоша мене, не вѣдящу мнѣ, камо ведутъ мене на убіеніе ли или на потопленіе; а еще бещестнѣйше: мене ведущеи сторожеве и проклятый Никифоръ воевода, одежами моихъ слугъ оболчени и на нихъ коняхъ и сѣдлахъ ѣхающе»... Въ своемъ отлученіи Кипріанъ говоритъ: «елици причастни суть моему иманію и запиранію и бещестію и хуленію»...

[3]) Письмо къ преп. Сергію съ дороги въ Москву (изъ города Любутеска, который въ настоящее время есть село Любутское, въ калужской губерніи, въ 48 вер-

около четырехъ мѣсяцевъ послѣ смерти св. Алексія. Совершенно ничего не говорятъ объ этомъ пріѣздѣ его въ Москву наши лѣтописи. Причиной молчанія необходимо считать то, что, явившись въ Москвѣ, онъ былъ арестованъ въ ней такъ быстро и такъ секретно,—о чемъ даетъ знать и самъ онъ въ своемъ посланіи къ преп. Сергію,—что въ обществѣ не распространялось молвы объ его пріѣздѣ и что послѣднее осталось въ совершенномъ невѣдѣніи относительно казуснаго событія.

Совершивъ неудачное путешествіе въ Москву, Кипріанъ «устремился», какъ онъ самъ выражается [1]), для отысканія своихъ правъ на каѳедру митрополіи всея Россіи въ Константинополь, къ патріарху. Но и здѣсь онъ «нашолъ, какъ выражаются греческіе акты, время не соотвѣтствующимъ своей цѣли»... [2]).

Въ одномъ изъ дѣяній Константинопольскаго патріаршаго собора, сообщающихъ относящіяся до насъ свѣдѣнія, читается, что патріархъ константинопольскій,—преемникъ Филоѳея, который поставилъ Кипріана въ митрополиты, Макарій [3]) тотчасъ послѣ того, какъ узналъ о смерти св. Алексія, прислалъ въ Великую Россію, т. е. въ Москву, къ вел. кн. Дмитрію Ивановичу, свои грамоты, въ которыхъ, съ одной стороны, заявлялъ, что ни коимъ образомъ не принимаетъ Кипріана, и которыми, съ другой стороны, вручалъ оную, т. е. Великой Россіи, церковь архимандриту Михаилу [4]). Невозможно и совсѣмъ не будетъ

стахъ отъ Калуги, при впаденіи рѣки Любучи въ Оку) отъ 3 Іюня; письмо по изгнаніи изъ Москвы (неизвѣстно откуда) отъ 23-го Іюня.

[1]) Въ житіи св. Петра,—Степ. кн. I, 422 sub fin.. Впрочемъ, устремился не тотчасъ послѣ возвращенія изъ Москвы: еще 18-го Октября 1378-го года онъ находился въ Кіевѣ и отъ этого числа писалъ письмо преп. Сергію (Правосл. Собесѣдн. ibid. стр. 103). Въ письмѣ къ неизвѣстному игумену, не имѣющемъ даты, Кипріанъ говоритъ, что собирается ѣхать въ Константинополь черезъ валашскую землю (ibid. стр. 105): по всей вѣроятности, это должно понимать такъ, что онъ отправился зимой 1378—79-го года, когда неудобно было плыть по Черному морю.

[2]) Дѣяніе константинопольскаго патріаршаго собора 1380-го года, въ Памятн. col. 173.

[3]) Филоѳей низведенъ былъ съ каѳедры, какъ даетъ знать Кипріанъ въ житіи св. Петра,—Степ. кн. I, 423, Андроникомъ, сыномъ импер. Іоанна Палеолога который отнялъ было престолъ у отца. А это послѣднее случилось 12-го Августа 1376-го года.

[4]) Относящіяся до насъ свѣдѣнія сообщаютъ два дѣянія патріаршаго собора,—дѣяніе 1380-го года о поставленіи въ митрополиты московскіе Пимина и дѣяніе 1389-го года объ утвержденіи на каѳедрѣ митрополіи всея Россіи Кипріана,—пре-

смысла допустить, чтобы патріархъ прислалъ эти грамоты въ Москву по своей собственной инициативѣ, не бывъ прошенъ изъ сей послѣдней: по своей собственной инициативѣ онъ еще могъ отстранить отъ московской каѳедры Кипріана, но съ какой стати по своей инициативѣ онъ назначилъ бы на нее Михаила (про котораго безъ сообщеній изъ Москвы ничего не могъ бы и знать)? Слѣдовательно, изъ сего очевидно, что не задолго до смерти св. Алексія изъ Москвы присылана была къ патріарху просьба объ устраненіи отъ каѳедры тамошней митрополіи Кипріана и о поставленіи на нее Михаила. Изъ дѣянія соборнаго не видно, кѣмъ была присылана просьба,—однимъ ли великимъ княземъ или вмѣстѣ и митрополитомъ, т. е. св. Алексіемъ; но, какъ уже говорили мы, на основаніи другихъ свѣдѣній болѣе чѣмъ вѣроятно предполагать послѣднее. Очень можетъ быть, что въ дѣяніи соборномъ, съ устраненіемъ всякихъ сомнѣній, и прямо говорилось, кѣмъ была присылана просьба, но, къ великому сожалѣнію, въ данномъ мѣстѣ въ немъ бо́льшій или меньшій пропускъ, произшедшій отъ поврежденія рукописи. Какъ бы то ни было, но Кипріанъ явился въ Константинополь, когда патріархъ былъ совершенно настроенъ въ пользу московскихъ просьбъ и когда онъ далъ уже въ Москву свой, приведенный нами, отвѣтъ. Естественно поэтому, что съ своимъ исканіемъ каѳедры митрополіи всея Россіи онъ нашелъ въ Константинополѣ время не соотвѣтствующимъ своей цѣли. Судя по тому, что́ говоритъ самъ Кипріанъ въ житіи св. Петра о пріемѣ, который онъ встрѣтилъ у патр. Макарія, и о самомъ Макаріи [1]), должно думать, что пріемъ этотъ былъ до крайней степени неблагосклонный.

Тотчасъ послѣ смерти св. Алексія архимандритъ Михаилъ возведенъ былъ великимъ княземъ, съ совѣта и одобренія бояръ, на дворъ митрополичій, съ тѣмъ, чтобы до поставленія въ дѣйствительные митрополиты управлять митрополіей въ качествѣ митрополита нареченнаго. Кипріанъ въ посланіи къ преп. Сергію и за нимъ враждебное Михаилу сказаніе о послѣднемъ, находящееся въ лѣтописи, увѣряютъ, что нареченный митрополитъ, бывъ введенъ во дворъ митрополичій, «незнаемо здѣя страшно нѣкако и необычно»,—что онъ облекся во весь санъ митрополичій: возложилъ на себя бѣлый митрополичій клобукъ, митрополичью мантію, митрополичій крестъ съ парамандою [2]),

имущественно второе. Сейчасъ указанное сообщаетъ дѣяніе 1389-го года, въ Памятн. col. 205.

[1]) Степ. кн. I. 422 fin..

[2]) Въ старое время у митрополитовъ и у епископовъ нашихъ, кромѣ параманда, носимаго монахами по рубашкѣ, былъ еще другой парамандъ нарядный,

употреблялъ митрополичій посохъ,—что онъ становился въ церкви на митрополичьемъ мѣстѣ и даже садился въ святомъ олтарѣ на митрополичьемъ престолѣ. По поводу этого обвиненія на Михаила со стороны Кипріана и сказанія мы не можемъ высказаться совершенно положительнымъ образомъ. Повидимому, Кипріану безцѣльно было клеветать на Михаила передъ преп. Сергіемъ, потому что послѣдній очень хорошо могъ знать истину; слѣдовательно,—надлежало бы думать, что онъ говоритъ правду. Но, съ другой стороны, о томъ, въ чемъ обвиняетъ Кипріанъ Михаила, ни единымъ словомъ не упоминаетъ сказаніе лѣтописи о Михаилѣ невраждебное послѣднему [1]). Если мы допустимъ, что Кипріанъ и враждебное Михаилу сказаніе говорятъ правду, то опять останется для насъ вопросомъ: въ какой мѣрѣ сдѣланное Михаиломъ было «страшно и необычно». При небывалости у насъ дотолѣ случаевъ, чтобы управлялъ митрополіею нареченный митрополитъ, у насъ имѣли дотолѣ мѣсто случаи, что управляли епископіями нареченные епископы: если бы мы обладали положительными свѣдѣніями, какой обычай существовалъ у насъ относительно нареченныхъ епископовъ, тогда мы въ состояніи были бы въ томъ или другомъ смыслѣ высказаться о поведеніи Михаила; но, къ сожалѣнію, этихъ свѣдѣній намъ не достаетъ. Въ посланіи Кипріана къ преп. Сергію какъ будто мы находимъ указанія, что Михаилъ не сдѣлалъ ничего страшнаго и необычнаго, а сдѣлалъ только то, что у насъ дѣлалось, и при томъ сдѣ-

---

который при небогослужебномъ одѣяніи носимъ былъ поверхъ подрясника (древней рясы), а въ богослуженіи надѣваемъ былъ на подризникъ, и къ которому принадлежалъ надѣвавшійся на шею поверхъ него на гайтанѣ золотой или золоченый крестъ; парамандъ этотъ, въ отличіе отъ внутренняго параманда, называемъ былъ служебнымъ, см. о немъ Епифаніево житіе преп. Сергія Радонежскаго по литографическ. изданію л. 253 об., чины поставленія въ епископы въ Акт. Экспед. т. I. №№ 184 и 375, стрр. 159 col. 2 и 473 col. 1, записку, какъ служилъ патріархъ Іерусалимскій Ѳеофанъ въ Описаніи рукописей Московской Д. Академіи, принадлежащемъ *архим. Леониду*, вып. I, стр. 166 fin., опись Патріаршей ризницы XVII вѣка, напечатанную въ Вѣстникѣ Общества древнерусскаго искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ на 1874—1876 годъ, № 6—10, стр. 13, Проскинитарій Суханова,—Сунодальн. ркп. № 574 л. 313 об., по Казанск. изд. стр. 230 прим.. Изображеніе параманда—въ снимкахъ, приложенныхъ къ указателю Патріаршей ризницы *преосв. Саввы*, № 51.

[1]) Кипріана и сказаніе подтверждаетъ Епифаній въ житіи преп. Сергія, который говоритъ: «Взыде же на престолъ архіерейскій нѣкто архимандритъ, Михаилъ именемъ, и дерзнувъ облещися въ одежду святительскую и возложи на ся бѣлый клобукъ»..., литографич. изд. л. 256 об..

лалъ съ благословенія св. Алексія. Кипріанъ пишетъ: «не умѣти было ему (Алексію) наслѣдника оставляти по своей смерти; коли слышалося преже поставленія возлагати на кого святительскія одежи, ихже нельзѣ иному никомуже носити, но токмо святителемъ единымъ». Въ этихъ словахъ Кипріанъ какъ будто хочетъ сказать, что на Михаила возложилъ нѣкоторыя святительскія одежды, благословляя его въ митрополиты, самъ св. Алексій. Далѣе Кипріанъ пишетъ: «клеплютъ митрополита, брата нашего (т. е. Алексія), что онъ благословилъ его (Михаила) на вся та дѣла», именно—на употребленіе митрополичьихъ, указанныхъ выше, одеждъ и на возсѣданіе на митрополичьемъ мѣстѣ: но при снесеніи этихъ послѣднихъ словъ Кипріана съ его словами, приведенными выше, есть вѣроятность думать, что выдаваемое имъ за клевету не было клеветой на самомъ дѣлѣ. Въ частности, что св. Алексій при нарѣченіи Михаила своимъ преемникомъ могъ возложить на него митрополичій крестъ съ парамандомъ, относительно сего мы имѣемъ рѣшительное свидѣтельство или удостовѣреніе въ Епифаніевомъ житіи преп. Сергія Радонежскаго. Епифаній говоритъ, что св. Алексій, сначала желавшій было оставить своимъ преемникомъ преп. Сергія, возложилъ было на него своими руками, яко нѣкое обрученіе святительству, златой крестъ съ парамандомъ [1]). Разсуждая a priori весьма трудно допустить, чтобы Михаилъ дозволилъ себѣ въ своемъ поведеніи что нибудь страшное и необычное: будучи человѣкомъ столько умнымъ и благоразумнымъ, какимъ онъ намъ представляется, съ какой стати онъ хотѣлъ бы вести себя пошлымъ выскочкой? Что въ его поведеніи дѣйствительно не было ничего укоризненнаго, «страшнаго и необычнаго», на это можетъ быть приведено и положительное доказательство, хотя впрочемъ только a silentio. Находясь на каѳедрѣ митрополіи въ качествѣ нареченнаго митрополита, онъ сильно поссорился съ епископомъ суздальскимъ Діонисіемъ: епископъ не укоряетъ его, какъ нареченнаго митрополита, въ неподобномъ поведеніи, между тѣмъ какъ въ противномъ случаѣ этой укоризны весьма слѣдовало бы ожидать отъ епископа. Сказаніе лѣтописи о Михаилѣ невраждебное ему говоритъ о завѣдываніи имъ митрополіей въ качествѣ нареченнаго митрополита: «и сѣдяше на великомъ и превысокомъ томъ столѣ (митрополичьемъ) со всякою областію и необиновеніемъ ко всѣмъ, елико подобаетъ митрополиту владѣти; и по всей митрополіи съ церквей дань збираше, зборные, петровскіе и рождественскіе доходы и уроки, и об-

---

[1]) Литографич. изд. л. 253 об.—254.

роки митрополичьи всѣ взимаше, и живяше и властвоваше». Въ тонѣ сказанія какъ будто слышится нѣкоторый укоръ Михаилу за присвоеніе имъ себѣ слишкомъ широкой и сверхдолжной власти. Если это такъ, то укоръ несправедливъ: во-первыхъ, Михаилу по праву принадлежала вся та власть, которою онъ пользовался; во-вторыхъ, онъ имѣлъ грамоты отъ патріарха Константинопольскаго, которыми ему формальнымъ образомъ подтверждалась вся эта власть: въ грамотахъ патр. Макарія, которыя онъ написалъ въ Москву тотчасъ послѣ того, какъ узналъ о смерти Алексія и въ которыхъ признавалъ преемникомъ послѣдняго (согласно прошенію изъ Москвы) Михаила, нареченному митрополиту вручалась вся власть (πᾶσα ἀρχή) надъ московскою церковію за исключеніемъ, что̀ само собою подразумѣвалось, хиротоніи или права поставлять въ церковныя степени [1]).

Патріархъ константинопольскій въ своихъ грамотахъ, о которыхъ мы упомянули сейчасъ, изъявляя свое согласіе на поставленіе Михаила въ преемники св. Алексію, вмѣстѣ тѣмъ приглашалъ въ нихъ перваго прибыть въ Константинополь для посвященія [2]). И Михаилъ, спустя то или другое непродолжительное время послѣ нареченія въ митрополиты, сталъ было готовиться къ путешествію въ Константинополь. Но потомъ, говоритъ лѣтописецъ, онъ перемѣнилъ мысли и началъ говорить великому князю: «написано въ апостольскихъ правилахъ, что два или три епископа да поставятъ епископа; тоже написано и въ отеческихъ правилахъ: пусть соберутся русскіе епископы въ числѣ 5-ти или 6-ти и пусть поставятъ меня въ епископы и въ митрополиты». Лѣтописецъ совершенно ничего не говоритъ въ объясненіе этого рѣшенія Михаила, какъ его понимать. Такъ какъ въ отношеніи къ самому себѣ Михаилъ не имѣлъ совершенно никакихъ особыхъ побужденій желать, чтобы его поставленіе совершилось въ Москвѣ, а не въ Константинополѣ, ибо въ послѣдній онъ былъ призываемъ и ожидаемъ патріархомъ: то не невѣроятно предполагать, что у него, какъ у человѣка нерядового, явилась смѣлая мысль ввести новый порядокъ избранія и поставленія русскихъ митрополитовъ, т.-е. избранія и поставленія не въ Константинополѣ, а въ самой Россіи. Зная дѣла и людей въ Константинополѣ, онъ могъ надѣяться, что успѣетъ получить тамъ согласіе на подобное, само собою понятно—очень важное, измѣненіе порядка замѣщенія каѳедры русской митрополіи: императоръ константинопольскій, находившійся тогда въ самомъ бѣдственномъ и жалкомъ положеніи, чрезвы-

---

[1]) Соборное дѣяніе 1389-го года, въ Памятнн. col. 205.

[2]) Ibidd..

чайно нуждался въ деньгахъ [1]), а въ патріархіи константинопольской, весьма низко стоявшей тогда въ нравственномъ отношеніи, чрезвычайно были жадны до этихъ послѣднихъ. Великій князь и бояре изъявили свое согласіе на принятое Михаиломъ рѣшеніе, и въ Москву созваны были епископы. Но одинъ изъ епископовъ разрушилъ задуманные планы (если только тутъ дѣйствительно были общіе планы). Это былъ епископъ суздальскій Діонисій, который питалъ затаенную вражду къ Михаилу, потому что самъ мечталъ было о каѳедрѣ митрополіи [2]). Явившись въ Москву, онъ такъ рѣшительно протестовалъ передъ великимъ княземъ противъ намѣренія поставить Михаила въ Москвѣ, какъ противъ неподобающаго претворенія законовъ, что великій князь смутился и увидѣлъ себя вынужденнымъ оставить поданную ему Михаиломъ мысль. Вслѣдъ за этимъ затаенная вражда между Михаиломъ и Діонисіемъ превратилась въ весьма сильную открытую ссору и дѣло измѣнилось въ своемъ положеніи такъ, что первый, отказавшись отъ принятаго было имъ рѣшенія поставиться въ Москвѣ, увидѣлъ себя вынужденнымъ поспѣшить путешествіемъ въ Константинополь. Діонисій, прибывъ въ Москву, не счелъ себя обязаннымъ явиться къ Михаилу для принесенія ему оффиціальнаго поклона, какъ требовалось отношеніями подчиненнаго къ начальнику. Это было принято Михаиломъ, котораго между тѣмъ какіе-то любители ссоръ,—изъ свѣтской или духовной среды интриганы, старались всевозможнымъ образомъ вооружить противъ Діонисія, за крайнее себѣ оскорбленіе. Когда Михаилъ послалъ къ Діонисію съ выговоромъ, почему онъ не пришелъ къ нему съ поклономъ, какъ къ своему начальнику, Діонисій явился къ нареченному митрополиту и отвѣчалъ: «ты присылалъ сказать мнѣ, что ты мой начальникъ, но ты мнѣ нисколько не начальникъ, и не мнѣ къ тебѣ, а тебѣ ко мнѣ надлежало придти съ поклономъ: я епископъ, а ты попъ, но кто больше—епископъ или попъ?» До послѣдней степени разгнѣванный, Михаилъ сказалъ на это Діонисію: «ты меня назвалъ попомъ, но подожди немного, вотъ я приду изъ Константинополя отъ патріарха и тогда сдѣлаю изъ тебя меньше чѣмъ попа»: послѣ этого,—говоритъ лѣтописецъ,—«многа брань бысть и молва промежъ ихъ». Страшно поссорившись съ нареченнымъ митро-

[1]) Какъ извѣстно, именно съ тогдашнимъ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ случился тотъ невѣроятный анекдотъ, что онъ былъ было заарестованъ своими кредиторами (въ Венеціи, въ 1370-мъ году, на возвратномъ пути отъ папы).

[2]) Діонисій, основатель нижегородскаго Печерскаго монастыря, былъ поставленъ въ епископы св. Алексіемъ въ 1374-мъ году.

политомъ, епископъ суздальскій рѣшился идти въ Константинополь, чтобы пытаться тамъ добыть себѣ митрополію подъ Михаиломъ. На чемъ основывалъ свои надежды епископъ, для насъ вовсе не ясно и вовсе не видно; но ихъ нисколько не считалъ химерическими архимандритъ Михаилъ; не будучи въ состояніи дать дѣлу удовлетворительнаго объясненія, мы съ своей стороны можемъ только сдѣлать указаніе, что надежды дѣйствительно не были совсѣмъ химерическими: до насъ сохранилась грамота Діонисію патріарха Нила, преемника Макаріева, которою епископъ возводится въ архіепископы; изъ этой грамоты оказывается, что Діонисій писалъ къ Макарію и что послѣдній приглашалъ его прибыть въ Константинополь [1]) (по господствовавшимъ тогда въ Константинополѣ нравамъ, не невозможно предполагать, что Макарій желалъ видѣть въ Константинополѣ двухъ претендентовъ на русскую митрополію для того, чтобы на аукціонномъ торгѣ продать ее за бо́льшую цѣну). Великій князь, чтобы отнять у Діонисія возможность идти въ Константинополь, приказалъ схватить его и посадить въ заключеніе. Тогда епископъ, по деликатному выраженію лѣтописи, «преухитрилъ» государя, а по неделикатному выраженію простаго языка обманулъ его: онъ началъ проситься у великаго князя на свободу и увѣрялъ его, что не пойдетъ въ Константинополь безъ его дозволенія, а въ поручители по себѣ представилъ преп. Сергія Радонежскаго [2]). Великій князь, повѣривъ Діонисію и полагаясь на его поручителя, выпустилъ его на свободу и отпустилъ на его каѳедру. Но епископъ, не долго побывъ въ Суздалѣ, перебрался изъ него въ Нижній-Новгородъ и оттуда, выдавъ своего поручителя, побѣжалъ Волгой въ Константинополь. Михаилъ, заподозривая преп. Сергія въ сообщничествѣ съ Діонисіемъ, воспылалъ противъ него страшнымъ гнѣвомъ и грозилъ уничтожить его монастырь [3]); но въ то же время онъ и самъ нашелся вынужденнымъ поспѣшить путешествіемъ въ Константинополь.

---

[1]) Акт. Ист. т. I, № 251, стр. 431, col. 1 нач.

[2]) Въ лѣтописи читаются загадочныя рѣчи объ отношеніи преп. Сергія къ Михаилу: «Митяю же не ввѣрившесь Діонисей епискупъ Суздальскій, *сице же и преподобный игуменъ Сергѣй Радонежскій*“,—Ник. лѣт. IV, 72.

[3]) «Преподобный же игуменъ Сергій рече: молю Господа Бога сокрушеннымъ сердцемъ, да не попуститъ Митяю хвалящусь разорити мѣсто сіе святое и изгнати насъ безъ вины»,—ibidd..—Если бы не постигла Михаила скорая смерть, то, конечно, недоразумѣніе разъяснилось бы и онъ примирился съ преп. Сергіемъ, хотя и былъ значительно иного духа, чѣмъ сей послѣдній.

Св. Алексій скончался 12-го Февраля 1378-го года. Архимандритъ Михаилъ отправился въ Константинополь послѣ 20-го Іюля 1379-го года. Слѣдовательно, онъ пробылъ на каѳедрѣ митрополіи въ качествѣ нареченнаго митрополита годъ и пять мѣсяцевъ.

Какъ уже мы говорили, великій князь Дмитрій Ивановичъ имѣлъ къ Михаилу необыкновенную дружескую привязанность, «зѣло любяше и чествоваше его яко отца паче всѣхъ». Вслѣдствіе этого онъ снарядилъ его въ Константинополь совершенно исключительнымъ образомъ: во-первыхъ, на случай какихъ-либо тамъ нуждъ и на случай недостатка денегъ онъ ввѣрилъ ему, такъ сказать, всю свою волю и снабдилъ его всѣмъ своимъ кредитомъ,—онъ далъ ему неписанныя хартіи или бланки, припечатанныя великокняжескою печатью, на которыхъ онъ могъ бы писать отъ лица великаго князя, какія находилъ нужнымъ, грамоты, и на которыхъ онъ могъ бы писать на имя великаго князя заемныя письма или векселя въ такихъ суммахъ, въ какихъ бы оказалась (не превосходящая кредитъ великаго князя) надобность; во-вторыхъ, онъ отправилъ съ нимъ, для его сопровожденія, чрезвычайнымъ образомъ блестящую свиту. Свиту эту, до того многочисленную, что она представляла изъ себя цѣлый «полкъ великъ зѣло», составляли: три архимандрита, митрополичьи владимирскіе клирошане, московскаго собора протопопъ и протодіаконъ, большое количество игуменовъ, священниковъ, діаконовъ и монаховъ, бояринъ великаго князя, имѣвшій представлять собою лицо послѣдняго, какъ его посолъ, и вмѣстѣ тѣмъ получившій отъ него старѣйшинство или начальство надъ всѣмъ поѣздомъ [1]), пятеро бояръ митрополичьихъ, два переводчика, лучшіе митрополичьи дворные люди и лучшіе митрополичьи слуги. Необыкновенные были устроены Михаилу и проводы изъ Москвы; его провожали далеко за городъ «съ великою честью и славой»: самъ великій князь съ своими дѣтьми и боярами, всѣ епископы, всѣ архимандриты и игумены, священники и монахи, купцы и житейскіе люди, и множество народа. 26-го Іюля Михаилъ съ полкомъ своихъ спутниковъ переправился у Коломны черезъ Оку и держалъ путь на Рязань. Изъ Рязани онъ пошелъ въ степь ордынскую или татарскую, чтобы пройти ею до моря кафинскаго или Чернаго. Въ Ордѣ остановилъ было его Мамай; но, послѣ непродолжительной задержки, отпустилъ съ честью, приказавъ выдать ему ярлыкъ (сохранившійся до настоящаго времени) и проводить до самаго моря [2]). Сѣвъ въ корабль, Михаилъ переплылъ

[1]) Юрій Васильевичъ Кочевинъ Олешинскій.

[2]) Ник. лѣт. IV, 83.

Черное море и уже приближался Босфоромъ къ Константинополю, такъ что уже сталъ виденъ этотъ послѣдній; но тутъ... по волѣ Божіей внезапно кончились его повѣсть и исторія: онъ вдругъ заболѣлъ и скоропостижно умеръ, такъ что привезенъ былъ въ Константинополь уже мертвый, съ тѣмъ, чтобы только быть въ немъ погребену [1]).

Прежде чѣмъ разстаться съ Михаиломъ, мы должны сказать о немъ нѣсколько дополнительныхъ словъ. Враждебное ему сказаніе о немъ лѣтописи увѣряетъ, что, вопреки великому князю и боярамъ, весьма не желали видѣть его въ митрополитахъ, на мѣстѣ Алексіевомъ, священники и монахи, и потомъ говоритъ, что когда онъ былъ возведенъ на дворъ митрополичій, то «нача вооружатись на священники и на иноки и на игумены и на архимандриты и на епискупы, и осуждаше и продаяше многихъ и востаяше со властью, не обинуяся никогоже»..., что «епискупи и архимандриты и игумены и иноцы и священницы воздыхаху отъ него, многихъ бо и въ вериги желѣзныя сажаше и наказываше и смиряше и наказываше ихъ со властію». Если всего этого сказаніе не сочиняетъ, съ цѣлью представить Михаила ненавистнымъ тиранномъ и мучителемъ, то оно даетъ намъ знать, что Михаилъ собирался было быть митрополитомъ исключительнымъ. Предполагать, чтобы онъ поднялъ жестокое гоненіе на духовенство, начиная съ епископовъ, ни съ того ни съ сего и безъ всякаго повода, конечно, было бы вовсе неосновательно и несостоятельно. Если онъ поднялъ это гоненіе, то необходимо предполагать, что онъ обрушился съ нимъ на людей недостойныхъ. Слѣдовательно, необходимо предполагать, что онъ хотѣлъ было поставить задачей своего правленія реформу нравовъ духовенства отъ верху до низу. Сказаніе даетъ знать, что Михаилъ въ избыткѣ надѣленъ былъ мужествомъ и энергіей, которыя требовались для предположенной было имъ весьма трудной миссіи, и слѣдовательно—даетъ право предполагать, что миссія не окончилась бы тѣмъ печальнымъ совершеннымъ фіаско, какимъ черезъ 80 лѣтъ послѣ него она окончилась у одного изъ его преемниковъ (митр. Ѳеодосія)...

Нельзя искренно не пожалѣть, что такова была судьба человѣка, несомнѣннымъ образомъ чрезвычайно замѣчательнаго [2]).

---

[1]) Онъ погребенъ былъ при какой-то церкви въ Галатѣ.

[2]) Въ одной рукописи XVII—XVIII вѣка, находящейся въ библіотекѣ св. Сѵнода (носящей названіе Цвѣтецъ духовный) сохранились выписки изъ такъ называемой Пчелы (о ней — I т. 1 полов., стр. 752), которыя принадлежатъ Михаилу и которыя онъ сдѣлалъ, по замѣчанію одного изъ ихъ переписчиковъ, «укоризны наво-

Но самую грустную сторону внезапной смерти Михаила составляетъ то, что именно она послужила вовсе нечаяннымъ поводомъ для прискорбнѣйшихъ замѣшательствъ на каѳедрѣ митрополіи, такъ что вся его недолгая исторія обратилась какъ бы только въ присказку къ наипечальнѣйшей сказкѣ.

Спутникамъ Михаила послѣ его смерти надлежало возвратиться въ Москву ни съ чѣмъ и съ неожиданною вѣстью объ его смерти. Но они этого не сдѣлали: они рѣшились поставить митрополита изъ среды самихъ себя. Мы сказали, что Михаилу сопутствовали три архимандрита; архимандриты эти были: Іоаннъ московскаго Петровскаго монастыря, Пиминъ переяславскаго Горицкаго монастыря и Мартиніанъ неизвѣстнаго коломенскаго монастыря. Того или другого изъ двухъ первыхъ архимандритовъ и рѣшила посольская рада поставить въ митрополиты. Между сторонниками обоихъ кандидатовъ вышли продолжительные и горячіе споры; но наконецъ взяла верхъ сторона Пимина [1]. На одной изъ неписанныхъ хартій или на одномъ изъ бланковъ, которыми снабдилъ великій князь Михаила, написали отъ лица перваго прошеніе къ патріарху о томъ, чтобы Пиминъ былъ поставленъ въ митрополиты. Патріархъ Нилъ, преемникъ Макарія, который звалъ Михаила въ Константинополь, исполняя мнимое прошеніе великаго князя, и поставилъ Пимина въ митрополиты.

Представляется до крайней степени недоумѣннымъ и непонятнымъ, съ какой стати послы могли рѣшиться на такое вопіющее дѣло, какъ этотъ ихъ самовольный приговоръ искать поставленія въ митрополиты одного изъ бывшихъ между ними архимандритовъ: чтобы захотѣть распорядиться каѳедрой митрополіи самимъ собой, помимо великаго князя, для этого имъ надлежало быть людьми безумными или людьми, что̀ называется, о двухъ головахъ. Какъ же объяснять себѣ совершенно невѣроятный ихъ поступокъ? Единственно возможное и един-

---

дяче на Діонисія (суздальскаго), еже о иноцѣхъ властолюбцѣхъ», см. *Срезневскаго* Древніе памятники русскаго письма и языка, стр. 110, col. 1 fin.. Возможно, что выписки имѣютъ значеніе для характеристики Михаила, а поэтому желательно, чтобы кто-нибудь нарочито посмотрѣлъ ихъ.—Одна изъ слободъ, примыкающихъ къ городу Коломнѣ, называется Митяевской (словарь *Семенова* подъ сл. Коломна): весьма вѣроятно думать, что слобода была подарена вел. кн. Дмитріемъ Ивановичемъ Михаилу и что она носитъ имя своего бывшаго знаменитаго владѣльца.

[1]) Іоаннъ нисколько не прочь былъ стать митрополитомъ; но когда взяла сторона не его, онъ, какъ водится, громко завопіялъ, что послы творятъ неправду предъ Богомъ и предъ великимъ княземъ.

ственно вѣроятное объясненіе есть то, что они были увлечены и подбиты къ нему Греками. Въ нашихъ лѣтописяхъ и въ греческихъ актахъ утверждается, будто патріархъ, ставя въ митрополиты Пимина, дался въ обманъ пословъ [1]); но это—не только совершенная неправда, но и несообразнѣйшая ложь, чтобы не выразиться по отношенію къ тѣмъ, кто намѣренно говоритъ ее, гораздо болѣе жосткимъ образомъ [2]). Предшественнику Нилову Макарію было писано изъ Москвы, что къ нему будетъ присланъ для поставленія въ митрополиты Михаилъ, и онъ самъ писалъ Михаилу, призывая его для посвященія въ Константинополь; митр. Кипріанъ послѣ своей неудачной поѣздки въ Москву отправился въ Константинополь, чтобы оспаривать себѣ каѳедру митрополіи всея Россіи у Михаила и, когда прибыли послы въ Константинополь, онъ находился тамъ [3]); находился тамъ и епископъ суздальскій Діонисій, нѣсколько упредившій пословъ; наконецъ, совершенно невозможно было, чтобы сами послы, при великомъ ихъ множествѣ и съ одной стороны—при отсутствіи единомыслія между ними, а съ другой стороны—при способности Грековъ вывѣдывать тайны, могли сохранить свою тайну въ секретѣ. Можетъ показаться недоумѣннымъ, что наши собственныя лѣтописи, покрывая Грековъ, утверждаютъ, будто послѣдніе сдѣлались жертвою обмана; но это недоумѣнное для насъ объяснится, если мы предположимъ, что въ нашихъ лѣтописяхъ въ данномъ мѣстѣ говоритъ ни кто другой, какъ желавшій покрывать Грековъ Кипріанъ, на что имѣются тутъ и положительныя доказательства [4]). Такимъ образомъ, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что въ Константинополѣ очень хорошо и совершенно достовѣрно было извѣстно, что посланъ былъ для поставленія въ митрополиты архимандритъ Михаилъ, а не кто-либо другой. Но если въ Константинополѣ, несмотря на отличное и совершенно достовѣрное знаніе дѣла, поста-

---

[1]) Никон. лѣт. IV, 76 (за Никоновскою лѣтописью Воскресенская и Типографская лѣтописи); дѣяніе собора 1389 г., въ Памятнн. col. 208.

[2]) А если историки наши вѣрятъ этой лжи, не находя ничего недоумѣннаго для себя въ томъ, что спутники архим. Михаила по собственной инипіативѣ рѣшили замѣнить его кандидатомъ въ митрополиты подложнымъ, то поистинѣ велико ихъ простодушіе...

[3]) Соборное дѣяніе 1380 г., въ Памятнн. col. 176. Онъ пытался было тягаться съ Пиминомъ и «бѣжалъ» изъ Константинополя, когда увидѣлъ, что ему не одолѣть самозваннаго противника. См. нѣсколько ниже.

[4]) Въ данномъ мѣстѣ лѣтописи утверждается, будто Михаила не желали видѣть въ митрополитахъ не только всѣ духовные, но и всѣ бояре.

вили Пимина вмѣсто Михаила, то представляется совершенно необходимымъ предполагать, что и самая мысль о замѣнѣ дѣйствительнаго кандидата фальшивымъ была подана посламъ тамъ же. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ представлять себѣ пословъ людьми безумными и двуголовыми; а если такъ, то какія же побужденія они могли имѣть къ невѣроятному поступку, который ничего не могъ доставить имъ, кромѣ того, чтобы привлечь на нихъ страшный гнѣвъ великаго князя? Но другое дѣло—Греки. Послы привезли съ собою оставшуюся послѣ Михаила казну митрополичью [1],—какъ должно думать по отношеніямъ послѣдняго къ великому князю, огромную; они привезли съ собою неписанныя хартіи великаго князя, посредствомъ которыхъ могло быть занято денегъ, сколько угодно. Если бы послы воротились домой, только похоронивъ Михаила въ Константинополѣ; то все это было бы увезено ими назадъ въ Москву. Между тѣмъ все это могло остаться въ Константинополѣ, будь только они подбиты къ тому, чтобы вмѣсто дѣйствительнаго умершаго кандидата искать мѣсто митрополита другому—подставному. Послы, конечно, должны были опасаться подпасть за свой, изъ границъ вонъ дерзкій, поступокъ тяжкому гнѣву великаго князя; но Греки могли ихъ обнадеживать, что они успѣютъ извинить и оправдать ихъ передъ государемъ. И намъ дѣйствительно извѣстно, что патріархъ и послѣ того, какъ не могъ уже притворяться незнающимъ, что поставилъ Пимина, какъ кандидата незаконнаго, весьма усиленно хлопоталъ за него предъ великимъ княземъ [2]. Но, считая за болѣе чѣмъ вѣроятное, что иниціатива невѣроятнаго дѣла принадлежала Грекамъ, нельзя, конечно, представлять себѣ совершенными дураками и нашихъ пословъ, и слѣдовательно—нельзя думать, что они согласились выставить фальшиваго кандидата вмѣсто дѣйствительнаго за тѣмъ только, чтобы доставить деньги Грекамъ и чтобы самимъ себѣ не доставить ничего, кромѣ опасности тяжкаго гнѣва великаго князя; если они согласились на это, то необходимо думать, что согласились сколько за тѣмъ, чтобы доставить деньги Грекамъ, столько же и за тѣмъ, чтобы доставить ихъ самимъ себѣ, т. е. чтобы извѣстную сумму денегъ заплатить Грекамъ и извѣстную сумму подъ видомъ платы Грекамъ раздѣлить между самими собой. Такимъ образомъ, это поставленіе Пимина въ митрополиты должно быть представляемо какъ

[1]) Ник. лѣт. IV. 74 нач..

[2]) Дѣяніе Константинопольскаго собора 1389 г., въ Памятнн. col. 209 fin.. См. нѣсколько ниже.

обоюдостороннее грабленіе великаго князя—и чужими и своими. Никоновская лѣтопись увѣряетъ, что грабленіе это было чисто и выше всякой мѣры баснословное и чудовищное, а именно—что не только была истрачена, т.-е. роздана Грекамъ и раздѣлена послами между собой, вся наличная привезенная казна, которая, какъ мы сказали, должна быть представляема огромною, но что еще занято было у константинопольскихъ банкировъ на имя великаго князя, подъ его векселя, написанные на помянутыхъ выше хартіяхъ или бланкахъ, больше 20 тысячъ рублей серебра [1]), что̀ на наши теперешнія деньги будетъ болѣе двухъ милліоновъ рублей кредитныхъ [2]).

Послы прибыли въ Константинополь съ тѣломъ Михаила не позднѣе конца Августа—начала Сентября 1379-го года. Пиминъ былъ поставленъ въ митрополиты въ Іюнѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1380-го года послѣ 9 или 10-мѣсячнаго пребыванія въ Константинополѣ [3]). Эта медленность объясняется тѣмъ, что послы пріѣхали въ Константинополь въ то время, какъ каѳедра патріаршая, послѣ низверженія съ нея Макарія [4]) и до возведенія на нее новаго патріарха Нила, оставалась

---

[1]) IV, 76 нач. (Такъ называемая Тверская лѣтопись, — Собр. лѣт. XV, 440, говоритъ не совсѣмъ понятное, что «взято болѣ 70 и 6 долгу»).

[2]) Принимая съ В. О. Ключевскимъ, что рубль начала XVI вѣка, а слѣдовательно—и болѣе ранняго времени, равнялся не менѣе, какъ 100 кредитнымъ рублямъ нынѣшнимъ, см. его статью: „Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему“, напечатанную въ 1-й книгѣ Чтен. Общ. Ист. и Древн. за 1884-й годъ (Карамзинъ полагаетъ, что въ 10-ти тысячахъ рублей первой половины XV вѣка было не менѣе 55-ти пудовъ серебра.—V, 145. Слѣдовательно, въ 20-ти тысячахъ рублей будетъ не менѣе 110-ти пудовъ серебра. Въ 110-ти пудахъ серебра 100 слишкомъ тысячъ нынѣшнихъ рублей. Допуская что цѣнность тогдашняго рубля относилась къ цѣнности нынѣшняго рубля какъ 1-нъ къ 20-ти, получимъ тѣ же два милліона нынѣшнихъ рублей. А какое вообще отношеніе между рублями второй половины XIV вѣка и нынѣшними, можно видѣть изъ того, что въ 1437-мъ году Псковичи поднесли митр. Исидору, ѣхавшему чрезъ ихъ городъ на флорентійскій соборъ и нѣкоторыми при семъ своими дѣйствіями пріобрѣтшему ихъ усердную благодарность, дары великіе, состоявшіе и всего изъ 120-ти рублей, см. ниже въ разсказѣ о митр. Исидорѣ).

[3]) Соборное дѣяніе о поставленіи Пимина въ митрополиты въ Памятнн. col. 165.

[4]) Макарій низверженъ былъ съ каѳедры послѣ того, какъ былъ низведенъ съ императорскаго престола поставившій его Андроникъ. А это послѣднее случилось около половины 1379-го года. (О низверженіи Макарія см. у Кипріана въ житіи св. Петра,—Степ. кн. I, 423).

праздною [1]), т.-е. при этомъ должно быть подразумѣваемо, что сановники и чиновники патріархіи, умысливъ великолѣпный гешефтъ (полагаемъ, что вполнѣ дозволительно употребить въ нашемъ случаѣ неприличное слово) поставленія въ митрополиты московскіе фальшиваго кандидата, удержали пословъ въ Константинополѣ дожидаться избранія новаго патріарха. Въ семъ послѣднемъ находились два человѣка, которые должны были громко свидѣтельствовать и протестовать противъ самозванства Пиминова, это—митр. Кипріанъ и епископъ суздальскій Діонисій. Но здѣсь нашли возможнымъ не остановиться дѣломъ и предъ лицомъ двухъ свидѣтелей. Что касается до Кипріана, то соборное дѣяніе о поставленіи Пимина даетъ знать, что онъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ протестовъ противъ фальшивости кандидатуры Пиминовой и отъ своихъ требованій каѳедры митрополіи всея Россіи самому себѣ въ виду угрозы, что онъ, какъ поставленный въ митрополиты при жизни Алексія незаконнымъ образомъ, будетъ лишенъ и каѳедры литовской. Махнувъ рукой, Кипріанъ бѣжалъ изъ Константинополя, не дождавшись посвященія Пиминова [2]). Что касается до Діонисія, то онъ получилъ въ Константинополѣ титулъ архіепископа, и съ весьма немалою вѣроятностью можно подозрѣвать, что титулъ былъ данъ ему за то, чтобы онъ согласился не выступать свидѣтелемъ формально протестующимъ. Поставленный въ митрополиты въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1380-го года, Пиминъ въ томъ же мѣсяцѣ присутствовалъ на одномъ соборномъ засѣданіи и подписался подъ дѣяніемъ сего послѣдняго. Изъ этой подписи оказывается, что онъ получилъ титулъ кіевскаго, хотя Кіевъ и находился въ фактическомъ обладаніи Кипріана, но не получилъ титула: «всея Россіи». Онъ подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ: «Смѣреныі митрополитъ Поиминъ Киѣвьс(кіи) и Великое Руси» [3]).

Остается непонятнымъ, какъ вел. кн. Дмитрій Ивановичъ въ продолженіе цѣлыхъ 9—10 мѣсяцевъ не узналъ о смерти Михаила и о замышленіяхъ и предпріятіяхъ своихъ пословъ въ Константинополѣ и какъ онъ не послалъ туда наложить свое veto на ихъ махинаціи. Вѣроятно, что надлежитъ объяснять это тогдашними исключительными

---

[1]) Что въ Сентябрѣ 1379-го г. каѳедра патріаршая была праздною, см. Acta Patriarchat. Constantinop. II, 6 sub fin.. Когда послѣ Сентября 1379-го г. и до Іюня 1380-го г. возведенъ былъ на мѣсто Макарія Нилъ остается неизвѣстнымъ.

[2]) Въ Памятн. col. 175.

[3]) Acta Patriarchat. Costantinop. II, 8.

обстоятельствами. Мамай собирался и готовился сдѣлать то страшное нашествіе на великаго князя, которое окончилось знаменитой Куликовской битвой 8-го Сентября 1380-го года: можетъ быть, совершенно были пресѣчены Татарами сообщенія между Москвою и Константинополемъ; можетъ быть, великій князь, поглощенный заботами о собираніи и снаряженіи требовавшейся не бывало великой рати противъ Мамая, совершенно не имѣлъ времени, чтобы думать о находившихся въ Константинополѣ своихъ послахъ.

И поставленный въ митрополиты, Пиминъ не спѣшилъ возвратиться въ Россію. Необходимо думать, что теперь дѣло шло о томъ, чтобы патріархъ постарался предварительно расположить въ его пользу великаго князя и убѣдилъ послѣдняго принять его какъ законнаго митрополита. Однако, если это было такъ, старанія не удались патріарху. Узнавъ, что̀ надѣлали послы въ Константинополѣ послѣ случившейся смерти Михаила, великій князь пришелъ въ страшный гнѣвъ и рѣшилъ не принимать Пимина. Не знаемъ, успѣлъ ли между тѣмъ Кипріанъ черезъ своихъ доброжелателей расположить государя въ свою пользу или этотъ, не видя другого выхода, принудилъ себя подавить свои чувства къ нему, только Дмитрій Ивановичъ, не желая принимать Пимина, рѣшился послать за Кипріаномъ. Въ Мартѣ 1381-го года онъ отправилъ въ Кіевъ звать Кипріана на каѳедру къ себѣ своего духовнаго отца Симоновскаго игумена Ѳеодора [1]), вслѣдствіе каковаго зова Кипріанъ и прибылъ въ Москву въ Вознесеньевъ день, 23-го Мая, того же 1381-го года [2]). Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ прибытія Кипріана въ Москву, слѣдовательно—въ Декабрѣ того же 1381-го года, явился въ предѣлы Россіи и Пиминъ, возвращавшійся изъ Константинополя. Когда онъ пришелъ въ пограничный городъ великаго княжества Коломну, великій князь послалъ схватить его и отвезти для ссылки мимо Москвы (не завозя въ нее) въ костромскую Чухлому, а его дружину, думцевъ и совѣтниковъ, т.-е. всѣхъ членовъ посольства, которые были

---

[1]) Ник. лѣт. IV, 92 fin.

[2]) Повѣсть о Куликовской битвѣ, помѣщенная въ Никоновской лѣтописи,— IV, 86 sqq, утверждаетъ, будто Кипріанъ прибылъ въ Москву ранѣе этой битвы, 23-го Мая не 1381-го г., а 1380-го, но она говоритъ неправду (подобно тому, какъ говоритъ неправду, заставляя Дмитрія Ивановича молиться въ Москвѣ предъ отправленіемъ на битву Владимирской иконѣ Божіей Матери, перенесенной въ Москву позднѣе).

виновниками его поставленія, развести по разнымъ мѣстамъ и посажать въ желѣза [1]).

Повидимому, тутъ бы конецъ печальной исторіи: такъ или иначе Кипріанъ добылъ каѳедру митрополіи при жизни св. Алексія, но великій князь примирился съ нимъ или по крайней мѣрѣ съ необходимостью терпѣть его и призвалъ его въ Москву. Однако, огромныя деньги, которыя заплатилъ Пиминъ за каѳедру митрополіи въ Константинополѣ, сдѣлали то, что исторія этимъ не кончилась. Патріархъ Нилъ, узнавъ, что его старанія за Пимина оказались напрасными и что вмѣсто каѳедры онъ попалъ въ заточеніе, обратился къ новымъ настоятельнѣйшимъ за него стараніямъ: патріархъ началъ осаждать великаго князя своими грамотами, въ которыхъ, съ одной стороны, обвинялъ Кипріана, а съ другой—ходатайствовалъ за Пимина. Слѣдствіемъ этихъ новыхъ грамотъ было то, что великій князь, можетъ быть—и лично не измѣнившій и не побѣдившій своихъ враждебныхъ чувствъ къ Кипріану, отослалъ послѣдняго изъ Москвы и призвалъ на каѳедру заточеннаго Пимина [2]). Въ Августѣ мѣсяцѣ 1382-го года имѣло мѣсто нашествіе на Москву хана Тохтамыша, который послѣ Куликовской битвы занялъ мѣсто низверженнаго имъ Мамая. Великій князь хотѣлъ было биться съ новымъ ханомъ, какъ бился съ прежнимъ, но встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе своему намѣренію въ князьяхъ и своихъ боярахъ, потому что послѣ страшнаго Куликовскаго побоища былъ совершенный недостатокъ ратныхъ людей, и въ слѣдствіе сего съ небольшою дружиною отступилъ отъ Москвы къ Переяславлю, изъ котораго удалился потомъ въ Кострому. Когда Татары явились подъ стѣнами оставленной великимъ княземъ столицы и когда между жителями послѣдней началось страшное волненіе изъ-за того—биться или не биться съ Татарами: то и митрополитъ не нашелъ возможнымъ оставаться въ Москвѣ и бѣжалъ изъ нея въ Тверь. Это бѣгство Кипріана изъ осажденной столицы и послужило для великаго князя предлогомъ, чтобы обнаружить свой гнѣвъ противъ него и выслать его

---

[1]) Въ греческихъ актахъ говорится о наказаніяхъ, которымъ подвергъ великій князь членовъ посольства, виновныхъ въ поставленіи Пимина: «у однихъ конфисковалъ имѣніе, другихъ сослалъ въ ссылку, иныхъ посадилъ въ тюрьму и подвергъ тѣлесному наказанію, а нѣкоторыхъ предалъ и смертной казни»,—соборное дѣяніе 1389-го г., въ Памятнн. col. 290.

[2]) Соборное дѣяніе 1389-го года, въ Памятнн. 209 fin.: πολλῶν μέν γραμμάτων κατὰ τοῦ κυροῦ Κυπριανοῦ πεμπομένων, πλειόνων δέ ὑπὲρ Ποιμένος, οὗτος νικᾷ καὶ παραλαμβάνει τὴν ἐκκλησίαν ἐκείνην.

изъ Москвы, а на его мѣсто позвать Пимина, который переведенъ былъ передъ тѣмъ изъ Чухломы въ ту же Тверь [1]).

Кипріанъ былъ высланъ изъ Москвы осенью 1382-го года, послѣ 7-го Октября, пробывъ въ ней на каѳедрѣ митрополіи 16-ть мѣсяцевъ.

Какъ бываетъ въ театральныхъ комедіяхъ, что все было улеглось и вдругъ все снова поднимается вверхъ дномъ, такъ и въ нашей прискорбнѣйшей комедіи изъ дѣйствительной жизни явились на сцену новыя лица, чтобы продолжить ее далѣе.

Епископъ суздальскій Діонисій, отправившійся въ Константинополь лѣтомъ въ 1379-мъ году, не задолго до путешествія въ него Михаилова, прожилъ тамъ до 1383-го года (оставлялъ свою епископію на произволъ судьбы въ продолженіе трехъ лѣтъ съ половиной!). Въ началѣ этого года (въ Январѣ) онъ возвратился въ Россію въ санѣ архіепископа, который былъ данъ ему патріархомъ Ниломъ [2]). Не знаемъ, насколько сильно протестовалъ онъ противъ поставленія Пимина въ митрополиты, которое совершилось на его глазахъ; можно, какъ говорили мы, предполагать, что—не особенно сильно, и весьма можно подозрѣвать, что онъ получилъ санъ архіепископа именно за то, чтобы

---

[1]) Наши лѣтописи, не знающія о стараніяхъ за Пимина передъ великимъ княземъ со стороны патріарха, считаютъ гнѣвъ великаго князя на Кипріана за его бѣгство изъ Москвы, дѣйствительной причиной его удаленія великимъ княземъ (Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣт. VIII, 48). Но мы вовсе не видимъ побужденій, по которымъ бы великій князь дѣйствительно могъ гнѣваться на Кипріана за его бѣгство (нѣтъ никакихъ основаній полагать, будто великій князь могъ надѣяться, что въ случаѣ пребыванія въ Москвѣ Кипріанова ее не постигло бы то бѣдствіе, которое постигло,—ужаснѣйшее разграбленіе Татарами), а поэтому мы и находимъ вѣроятнѣйшимъ считать дѣйствительною причиной удаленія Кипріанова, согласно съ указаніемъ греческихъ актовъ, старанія за Пимина со стороны патріарха. Очень можетъ быть даже, что между бѣгствомъ Кипріана изъ Москвы отъ Тохтамыша и его удаленіемъ съ каѳедры великимъ княземъ и нѣтъ связи и что онѣ поставляются въ связь только нашими лѣтописями: нашествіе Тохтамыша имѣло мѣсто въ концѣ Августа, а Кипріанъ высланъ изъ Москвы въ Октябрѣ. Въ Никоновской лѣтописи,—IV, 139, говоритъ объ удаленіи Кипріана съ каѳедры ни кто другой, какъ самъ Кипріанъ; но о причинѣ онъ выражается глухо: «не восхотѣ великій князь... Кипріана... и имяше къ нему нелюбіе» (Тохтамышъ взялъ Москву 26-го Августа. а Кипріанъ оставался въ Твери до 3-го Октября, когда былъ позванъ въ Москву великимъ княземъ).

[2]) Грамота патріарха о возведеніи имъ Діонисія въ санъ архіепископа на русскомъ языкѣ въ Акт. Ист., т. I, № 251, стр. 471.

согласился остаться свидѣтелемъ безмолвствующимъ и не выступалъ свидѣтелемъ формально протестующимъ: но, возвратившись въ Россію, онъ задумалъ достать себѣ подъ Пиминомъ престолъ митрополичій, о которомъ давно мечталъ. Вѣроятно, онъ разсказалъ великому князю исторію поставленія Пимина въ митрополиты во всей ея безобразной истинности; вѣроятно, онъ впервые сообщилъ великому князю о той громадной суммѣ денегъ, которая была занята Пиминомъ и послами на имя послѣдняго. Какъ бы то ни было, но онъ успѣлъ вооружить великаго князя противъ Пимина, и этотъ въ Іюнѣ 1384-го года послалъ его—Діонисія въ Константинополь вмѣстѣ съ Симоновскимъ архимандритомъ Ѳеодоромъ «управленія ради митрополіи русскія», какъ говорятъ неопредѣленно наши лѣтописи, именно—для того, какъ говорятъ опредѣленнѣе греческіе акты, чтобы требовать низложенія Пимина и искать поставленія на его мѣсто его самого—Діонисія [1]). Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что патріархъ очень хорошо зналъ о незаконности и подложности кандидатуры Пимина и въ то время, какъ ставилъ его въ митрополиты; но теперь ему были принесены и представлены формальныя заявленія относительно этого отъ лица великаго князя, и ему ничего не оставалось дѣлать, какъ притвориться введеннымъ въ обманъ и отказаться отъ Пимина, т. е. пожертвовать симъ послѣднимъ. Это патріархъ и сдѣлалъ: онъ приговорилъ съ соборомъ, что Пиминъ, если справедливо то, что на него доносится, долженъ быть низверженъ съ каѳедры, и послалъ въ Россію двухъ митрополитовъ со свитою сановниковъ [2]) для того, чтобы они, по выслушаніи

---

[1]) Соборное дѣяніе 1389-го г., въ Памятнн. col. 211. Дѣяніе говоритъ о двухъ, одна за другой, поѣздкахъ Діонисія въ Константинополь: сначала для предварительныхъ переговоровъ съ патріархомъ о низложеніи Пимина и безъ Ѳеодора, потомъ для формальнаго требованія сего въ сопровожденіи послѣдняго. Но наши лѣтописи говорятъ объ одной поѣздкѣ.—По возвращеніи изъ Константинополя въ 1383-мъ году Діонисій ѣздилъ въ Новгородъ съ патріаршей грамотой къ архіепископу относительно здѣшнихъ Стригольниковъ, а изъ Новгорода, по приглашенію архіепископа, ѣздилъ во Псковъ. Въ послѣднемъ городѣ онъ велъ себя какъ настоящій посолъ или экзархъ патріаршій, изъ каковаго поведенія его можно заключать, что онъ выдавалъ себя великому князю за такого человѣка, котораго патріарху очень пріятно было бы видѣть на митрополичьей каѳедрѣ.

[2]) Никон. лѣт. IV, 145 fin.: «Тояже осени (1384 г.) пріидоша изъ Царяграда два митрополита Гречина, единому имя Матѳѣй, другому Никандра, и архидьякони и сановницы». Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 49: «Тоеже зимы (1384—85 г.) пріидоста изъ Царяграда нѣкаа два митрополита Гречина, единому имя..., а съ ними архидіакони и прочіи сановници». По греческимъ актамъ, посланы были

обвиненій на Пимина отъ великаго князя, низложили его и поставили на его мѣсто Діонисія [1]). Не поставилъ Діонисія въ митрополиты самъ патріархъ, какъ должно думать, потому, что, съ одной стороны, онъ желалъ попытаться примирить великаго князя съ Пиминомъ и въ семъ смыслѣ далъ порученіе митрополитамъ, а съ другой, стороны—потому, что онъ не довѣрялъ Діонисію и подозрѣвалъ въ немъ обманщика, который ищетъ каѳедры митрополіи на основаніи подложныхъ грамотъ, составленныхъ отъ лица великаго князя [2]). Такимъ образомъ, предстояло было небывалое у насъ событіе—поставленіе русскаго митрополита въ самой Россіи руками греческихъ митрополитовъ. Но событія этого не случилось. Явились въ Москву патріаршіе митрополиты,—осенью 1384-го или зимой 1384—85-го года [3]), и не явился въ нее нареченный патріархомъ въ митрополиты русскіе Діонисій. Не знаемъ, шелъ ли онъ вмѣстѣ съ греческими митрополитами или отдѣльно отъ нихъ, но почему-то онъ держалъ свой обратный путь не черезъ Орду, а черезъ Кіевъ. Въ Кіевѣ же сидѣлъ Кипріанъ, будучи одаренъ наклонностію и способностію прибѣгать для достиженія своихъ цѣлей къ рѣшительнымъ средствамъ, этотъ не задумался прибѣгнуть къ тому средству, чтобы захватить новаго явившагося ему соперника, что онъ и успѣлъ сдѣлать руками кіевскаго князя Владимира Ольгердовича [4]). Въ заключеніи, не успѣвъ вырваться отъ него, Діонисій и скончался спустя около года (15-го Октября 1385-го года [5]). Ѳеодоръ Симоновскій благополучно

два митрополита и два сановника,—одинъ церковный, другой царскій,—соборное дѣяніе 1389-го года въ Памятнн. 211 fin..

[1]) Соборное дѣяніе 1389-го г. въ Памятнн. стр. 211 fin. (Наши лѣтописи говорятъ, что митрополиты присланы были звать Пимина къ патріарху, подразумѣвается—на судъ,—Ник. лѣт. IV, 145, fin.).

[2]) Соборное дѣяніе 1389 г., ibidd..

[3]) См. третье примѣчаніе выше.

[4]) Со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что Діонисій шелъ черезъ Кіевъ вмѣстѣ съ митрополитами патріаршими и что тогда какъ эти были пропущены свободно, онъ былъ захваченъ. Такъ какъ они шли осенью или зимой, то должно думать, что избрали сухопутную дорогу на Кіевъ (черезъ Болгарію и Молдавію) по причинѣ опасности или невозможности плаванія по Черному морю. Діонисій, обходя Кіевъ, могъ своротить въ степь татарскую (если только осенью и зимой возможно было путешествіе по ней); но онъ могъ не подозрѣвать, что случится съ нимъ въ Кіевѣ то, что случилось, или подозрѣвая думалъ считать себя безопаснымъ подъ охраной патріаршихъ митрополитовъ.

[5]) Наши лѣтописи по невѣдѣнію утверждаютъ, будто Діонисій былъ поставленъ патріархомъ въ митрополиты.

возвратился въ Москву и вынесъ отъ патріарха—себѣ самому санъ архимандрита, а своему монастырю право ставропигіи [1]). Какъ видно, въ Константинополѣ господствовали тогда такіе нравы, что если бы отправились туда за покупками всѣ русскіе епископы и игумены, то никто не возвратился бы съ пустыми руками).

Великій князь Дмитрій Ивановичъ и послѣ захвата въ Кіевѣ Діонисіева не хотѣлъ примириться съ Пиминомъ. Такъ какъ не могъ онъ желать и Кипріана въ виду только что совершоннаго послѣднимъ дѣянія—этого захвата Діонисіева, то необходимо думать, что онъ требовалъ поставленія себѣ новаго митрополита. Но новый митрополитъ не былъ ему поставленъ и вмѣсто сего ему предлежало то печальнѣйшее и оскорбительнѣйшее, что при существованіи двухъ митрополитовъ онъ не будетъ имѣть у себя ни одного. Оставляя патріаршихъ митрополитовъ въ Москвѣ пользоваться гостепріимствомъ великаго князя,—а нужно думать, что они желали и старались воспользоваться имъ какъ можно долѣе,—Пиминъ въ Маѣ 1385-го года отправился въ Константинополь, чтобы хлопотать тамъ о возстановленіи или объ укрѣпленіи себя на каѳедрѣ митрополіи [2]). Съ своей стороны патріархъ, когда явился къ нему Пиминъ, выписалъ къ себѣ своей грамотой Кипріана, который и прибылъ въ Константинополь вмѣстѣ съ патріаршими митрополитами, ходившими въ Москву и возвратившимися спустя нѣкоторое время послѣ Пимина [3]). Не ставя великому князю новаго митрополита, патріархъ предположилъ дать судъ двумъ существовавшимъ митрополитамъ, чтобы рѣшить, который изъ нихъ долженъ быть признанъ имѣющимъ законное право на каѳедру московскую. Совершенно непонятно, почему и по какимъ побужденіямъ патріархъ, столько передъ великимъ княземъ виновный дѣломъ поставленія Пиминова, хотѣлъ навязать ему того или другого изъ не желаемыхъ

---

[1]) По Никоновск. лѣтоп., IV, 145, онъ возвратился лѣтомъ 1384-го г., по Воскресенск. лѣтоп., въ Собр. лѣт. VIII, 49, осенью этого года.

[2]) По увѣренію соборнаго дѣянія 1389-го г., онъ бѣжалъ изъ Россіи, сложивъ съ себя монашескія одежды и надѣвъ мірскія, и прибылъ въ Константинополь послѣ многихъ скитаній съ мѣста на мѣсто,—въ Памятнн. col. 213 fin.; а по нашей лѣтописи, предъ отправленіемъ въ Константинополь онъ ходилъ было въ Новгородъ за пошлинами своего такъ называемаго мѣсячнаго суда, о которомъ см. ниже, въ рѣчахъ о митр. Кипріанѣ,—Собр. лѣт. V, 239 («Пиминъ митрополитъ поиде ко Царюграду на Новъгородъ, и Новгородци митрополиту не дали мѣсяца судити въ Новѣгородѣ»).

[3]) Соборное дѣяніе 1389-го г. въ Памятнн. col. 215.

имъ митрополитовъ. Но не только непонятно, но и совершенно не можетъ быть извинено поведеніе патріарха, который, предполагая дать великому князю того или другого изъ не желаемыхъ послѣднимъ митрополитовъ, не хотѣлъ дать ему ни одного: митрополиты въ ожиданіи суда прожили въ Константинополѣ, а великій князь пробылъ въ неизвѣстности,—кто будетъ у него митрополитомъ и безъ всякаго митрополита, около трехъ лѣтъ—до конца 1387-го—начала 1388-го года. Медлилъ ли патріархъ такъ долго судомъ потому, что вообще не находилъ нужнымъ торопиться съ дѣлами русской церкви, или же онъ имѣлъ къ этому какія нибудь особенныя побужденія: но когда видишь, что на цѣлую церковь люди смотрѣли какъ на свою игрушку, то невольно овладѣваетъ тобою страшная грусть... Конецъ невѣроятно долгаго медленія былъ тотъ, что Кипріанъ одолѣлъ Пимина, при чемъ дѣло сопровождалось со стороны послѣдняго неожиданными, а со стороны другого, находившагося въ Константинополѣ, представителя Москвы невѣроятными поступками. Вскорѣ послѣ того, какъ возвратились въ Константинополь ходившіе въ Россію митрополиты, великій князь снова прислалъ къ патріарху Симоновскаго архимандрита Ѳеодора съ подтвердительными требованіями низложенія Пимина и съ новымъ представленіемъ доказательствъ его виновности [1]). Сначала Ѳеодоръ и дѣйствительно велъ себя, какъ ревностный обвинитель Пимина. Но потомъ, передъ тѣмъ какъ начаться соборному суду надъ митрополитами, онъ съ Пиминомъ, по свидѣтельству соборнаго дѣянія 1389-го года о низложеніи Пимина, «сдѣлались единомысленниками и, вступивъ въ заговоръ между собой и давъ другъ другу клятвы и сдѣлавъ нѣкоторыя взаимныя обязательства и вступивъ въ нѣкоторыя неподобныя связи», бѣжали изъ Константинополя въ Анатолію (Малую Азію) къ Туркамъ и нашедъ у послѣднихъ поддержку изливали оттуда многія хулы (ругательства) и на царство и на церковь, т. е. и на императора и на патріарха [2]). Въ этомъ неожиданномъ можетъ быть понято поведеніе Пимина. Извѣстно, что въ то время Турки овладѣли почти всею византійскою имперіей и что императоры константинопольскіе съ тѣмъ весьма немногимъ, что оставалось въ ихъ власти, были совершенными рабами султановъ турецкихъ [3]). На основаніи сейчасъ сказаннаго по-

[1]) По нашимъ лѣтописямъ, Ѳеодоръ во второй разъ былъ посланъ великимъ княземъ въ Константинополь «о управленіи митрополіи» въ 1386-мъ году.

[2]) Въ Памятн. col. 215.

[3]) Cfr относительно сего посланіе патр. Нила къ папѣ Урбану VI отъ 1384-го года въ Acta Patriarchat. Constantinopol., II, 87.

веденіе Пимина должно объяснять такимъ образомъ, что онъ послѣ того какъ увидѣлъ, что въ Константинополѣ шансы побѣды склоняются на сторону Кипріана, бѣжалъ къ Туркамъ, чтобы при содѣйствіи послѣднихъ одержать верхъ надъ своимъ противникомъ. Можетъ казаться непонятнымъ, какимъ образомъ пришло Пимину на мысль обратиться къ Туркамъ и какъ онъ могъ найдти себѣ у нихъ поддержку. Но относительно этого мы имѣемъ указанія. Въ актахъ греческихъ говорится, что Пиминъ и Ѳеодоръ «вступили въ нѣкоторыя неподобныя связи». Въ то время была въ Константинополѣ довольно многочисленная турецкая колонія [1]); при своемъ поставленіи въ митрополиты Пиминъ занималъ деньги между прочимъ именно у константинопольскихъ турецкихъ банкировъ [2]): такъ, подъ неподобными связями, очевидно, нужно разумѣть связи съ этими банкирами и понимать дѣло такъ, что они—то банкиры и устроили Пимину, чтобы онъ нашелъ помощь у Турокъ. По всей вѣроятности, подъ Турками должно разумѣть не самого султана,который впрочемъ имѣлъ тогда свою столицу уже не въ Азіи, а въ Европѣ,—въ Адріанополѣ, а какого нибудь ближайшаго къ Константинополю пашу; подъ Анатоліей вовсе не должно разумѣть глубь Малой Азіи, а, какъ дается знать въ самыхъ актахъ, мѣста очень близкія къ Константинополю, можетъ быть—просто азіатскій берегъ Босфора. Такимъ образомъ, можетъ быть понято неожиданное поведеніе Пимина; но представляется совершенно непонятнымъ поведеніе Ѳеодора. Греческіе акты говорятъ, что Пиминъ поставилъ его въ епископы ростовскіе (при участіи, какъ должно подразумѣвать, какихъ-то греческихъ архіереевъ) и что онъ съ попущенія митрополита самовольно присвоилъ себѣ титулъ архіепископа [3]); но этого нельзя признать достаточнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы онъ позорнымъ образомъ измѣнилъ великому князю и сталъ сообщникомъ Пимина: и то и другое онъ могъ бы такъ сказать законнымъ образомъ купить у патріарха. Какъ бы то ни было, но при помощи Турокъ Пимину не удалось выиграть дѣла. Императоръ и патріархъ нѣсколько разъ и усиленно приглашали его возвратиться въ Константинополь и

---

[1]) Объ этой колоніи см. у *Гаммера* въ Geschichte d. Osmanischen Reiches, I,247 fin..

[2]) «Позаимовалъ серебро въ долгъ на имя князя великаго у Фрязи (у генуезскихъ банкировъ, жившихъ въ Галатѣ) и у Бесерменъ»,—Никон. лѣт. IV, 76.

[3]) Соборное дѣяніе 1389-го года, въ Памм. col. 217.

лично явиться на соборъ [1]); онъ почему-то не хотѣлъ этого сдѣлать: и патріархъ съ соборомъ заочно низложили его съ престола, а законнымъ митрополитомъ всея Россіи провозгласили Кипріана [2]).

Этотъ приговоръ патріарше-соборный состоялся въ концѣ 1387-го—въ началѣ 1388-го года [3]).

Провозглашенный законнымъ митрополитомъ всея Россіи, Кипріанъ не спѣшилъ ѣхать въ Москву. Онъ имѣлъ за собою такую вину передъ великимъ княземъ, какъ захватъ Діонисія, и, должно думать, находилъ нужнымъ вести съ государемъ предварительные переговоры, чтобы достигнуть примиренія. Но провозглашенный низложеннымъ Пиминъ явился въ Москву въ Іюлѣ мѣсяцѣ (6-го числа) 1388-го года. Въ нашихъ лѣтописяхъ объ этомъ приходѣ Пимина сказано: «Пріиде Пиминъ митрополитъ на Русь изъ Царяграда, не на Кіевъ же убо, но на Москву токмо, и пріиде безъ исправы, понеже на Кіевѣ бѣ Кипреянъ митрополитъ, а на Москвѣ Пиминъ митрополитъ» [4]). Сейчасъ указанное или что-нибудь другое говорилъ Пиминъ о результатѣ, съ которымъ пріѣхалъ изъ Константинополя (послѣ своего болѣе чѣмъ трехгодичнаго отсутствія!), но онъ былъ принятъ великимъ княземъ; слѣдовательно, нужно думать, что онъ утаилъ отъ государя о своемъ низложеніи и предсталъ предъ него въ качествѣ законнаго митрополита. Если справедливо то, что говорятъ греческіе акты объ отношеніяхъ къ нему Ѳеодора ростовскаго (бывшаго симоновскаго),—то необходимо думать, что сей послѣдній съ своей стороны содѣйствовалъ ему въ обманѣ великаго князя [5]). Возможно впрочемъ предполагать, что Пиминъ

---

[1]) Императоръ для удостовѣренія Пимина въ томъ, что въ Константинополѣ онъ будетъ совершенно безопасенъ, послалъ къ нему свои священные енколпіи,—въ Памм. col. 217: относительно сего см. 2-ю полов. I т., стр. 412.

[2]) Соборное дѣяніе 1389-го года, въ Памятнн. col. 217.

[3]) Прежде соборнаго суда, 29-го Мая 1387 года, Кипріанъ отпущенъ былъ патріархомъ изъ Константинополя въ Литву по какому-то императорскому дѣлу, съ тѣмъ, чтобы возвратился въ годичный срокъ, — грамота въ Памятнн. col. 189. Мы не знаемъ, когда возвратился Кипріанъ въ Константинополь, но годичный срокъ, котораго онъ просилъ, показываетъ, что онъ предполагалъ возвратиться не скоро. Пиминъ послѣ соборнаго, заочнаго по отношенію къ нему, опредѣленія, прибѣжалъ въ Россію въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1388 г.

[4]) Никон. лѣт. IV. 156.

[5]) Впослѣдствіи Ѳеодоръ опять является въ Константинополѣ при Кипріанѣ, но что онъ возвращался въ Россію съ Пиминомъ, см. Никон. лѣт. IV, 160 нач. (онъ въ числѣ провожающихъ Пимина въ его третье путешествіе въ Константинополь).

и Θеодоръ не обманули государя, а инымъ путемъ склонили его къ тому, чтобы онъ принялъ перваго изъ нихъ, какъ истиннаго митрополита, именно—они могли представить государю, что судъ произведенъ былъ незаконнымъ образомъ, безъ приглашенія Пимина на соборъ, и что вслѣдствіе этого приговоръ собора не можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ. И такъ какъ великому князю предстояла альтернатива—принять Пимина или Кипріана, то онъ, скрѣпя сердце, и могъ найдти сейчасъ указанный доводъ убѣдительнымъ для себя.

Проживъ въ Россіи съ Іюля 1388-го года до весны слѣдующаго 1389-го года, Пиминъ снова отправился въ Константинополь (13-го Апрѣля [1]). Если онъ обманулъ великаго князя, то онъ долженъ былъ опасаться, что обманъ скоро или не скоро откроется (и въ этомъ случаѣ весьма страннымъ и непонятнымъ будетъ то, что въ продолженіе почти цѣлаго года великому князю не дано было знать изъ Константинополя отъ патріарха или отъ Кипріана о состоявшемся соборномъ рѣшеніи), и слѣдовательно—послѣ своего совсѣмъ мерзкаго поступка долженъ былъ съ набраннымъ новымъ запасомъ денегъ бѣжать, чтобы сдѣлать новую во что бы ни стало попытку своего оправданія или по крайней мѣрѣ сдѣлать то, чтобы скрыться съ глазъ великаго князя, предоставляя себя судьбѣ. Если же онъ не обманулъ великаго князя, то въ виду новаго собраннаго запаса денегъ онъ могъ имѣть желаніе одержать законную побѣду надъ Кипріаномъ и достигнуть формальной отмѣны состоявшагося соборнаго рѣшенія. По поводу этого путешествія Пиминова непосредственно современный писатель говоритъ: «князь великіи Дмитрей Ивановичъ понегодоваше на митрополита о семъ, яко безъ его совѣта поиде, бѣ бо и распря нѣкая межъ ихъ» [2]). Если государь былъ обманутъ Пиминомъ и считалъ его законнымъ митрополитомъ, то онъ могъ не соглашаться и негодовать на его путешествіе потому, что находилъ послѣднее ненужнымъ. Если же князь не былъ обманутъ Пиминомъ, то причина негодованія остается для насъ неясною. Не смотря на то, что Пиминъ отправился въ путешествіе противъ воли великаго князя, онъ могъ взять съ собою довольно многочисленную свиту, которая состояла: изъ одного епископа (Михаила смоленскаго), архимандрита (московскаго Спасскаго монастыря Сергія

---

[1]) Это третье путешествіе Пимина въ Константинополь подробно описалъ монахъ сопутствовавшаго митрополиту епископа смоленскаго Михаила Игнатій. Описаніе въ Никоновской лѣтописи,—IV, 158 fin. sqq, а въ отдѣльномъ видѣ напечатано у *Сахарова* въ Сказаніяхъ русскаго народа, кн. VIII.

[2]) Сейчасъ помянутый Игнатій.

Азакова [1]), протопоповъ, священниковъ, діаконовъ (между которыми были протодіаконъ и архидіаконъ), монаховъ и слугъ. Пять епископовъ русскихъ [2]) съ архимандритами, игуменами и монахами провожали митрополита отъ Москвы даже до Переяславля рязанскаго (нынѣшней Рязани) и чуть ли не далѣе (очень можетъ быть, что движимые не столько желаніемъ выразить митрополиту свое уваженіе, сколько желаніемъ совершить увеселительное путешествіе и воспользоваться гостепріимствомъ рязанскаго великаго князя, на столицу котораго держанъ былъ путь и у котораго епископамъ дѣйствительно были пированья многія и великія [3]).

Въ то время, какъ Пиминъ находился въ Россіи, въ Константинополѣ на каѳедрѣ патріаршей произошла перемѣна: патріархъ Нилъ скончался и его мѣсто въ Январѣ 1389-го года [4]) занялъ новый патріархъ—Антоній. Новый патріархъ въ самомъ непродолжительномъ времени по своемъ вступленіи на престолъ, въ слѣдующемъ Февралѣ мѣсяцѣ, составилъ новый соборъ по дѣлу Пимина и Кипріана (изъ которыхъ послѣдній между тѣмъ все оставался въ Константинополѣ) и на этомъ соборѣ подтвердилъ приговоры собора Нилова, т. е. Пимина призналъ низложеннымъ, а Кипріана—законнымъ митрополитомъ всея Россіи [5]). Зналъ ли Пиминъ, когда ѣхалъ въ Константинополь, что онъ есть уже дважды низложенный, изъ лѣтописей нашихъ этого не видно.

Чтѡ ожидало Пимина въ Константинополѣ: успѣлъ ли бы онъ при помощи новыхъ денегъ добиться своего возстановленія или же въ тре-

---

[1]) Сергій Азаковъ, бывъ іеромонахомъ или игуменомъ неизвѣстнаго монастыря. находился въ числѣ спутниковъ архимандрита Михаила въ его путешествіи въ Константинополь и слѣдовательно былъ въ числѣ виновниковъ поставленія Пиминова въ митрополиты. Но если онъ былъ потомъ поставленъ въ архимандриты придворнаго монастыря великаго князя, то, какъ видно. онъ не только успѣлъ отвратить отъ себя гнѣвъ послѣдняго, но и снискать его благоволеніе (послѣ онъ былъ епископомъ рязанскимъ).

[2]) Во главѣ ихъ архіепископъ ростовскій Ѳеодоръ.

[3]) Но если собственная цѣль слишкомъ долгихъ проводовъ было увеселеніе, то оно началось во вторникъ на страстной недѣлѣ (И во всякомъ случаѣ цѣлые пять епископовъ не находили ничего неудобнаго въ томъ, чтобы провести время страстной недѣли и св. Пасхи въ путешествіи, если и неувеселительномъ, то вовсе ненужномъ!).

[4]) Acta Patriarchat. Constantinop. II, 112.

[5]) Весьма обширное дѣяніе этого собора, сообщающее исторію нашихъ замѣшательствъ, въ Памятнн. col. 193.

тій разъ было бы произнесено ему низложеніе и чтò бы онъ придумалъ сдѣлать въ семъ послѣднемъ случаѣ,—вопросы эти остались нерѣшонными. Настоящее его путешествіе было концемъ его похожденій. Онъ доѣхалъ до Константинополя и, не отваживаясь прямо явиться въ него, сначала остановился въ одномъ турецкомъ городѣ на Босфорѣ, чтобы вступить въ сношенія съ Константинополемъ черезъ другихъ, а потомъ перебрался въ Халкидонъ, чтò отъ Константинополя на противоположной сторонѣ устья Босфора. Здѣсь—въ Халкидонѣ онъ и отдалъ Богу свою грѣшную душу 11-го Сентября 1389-го года [1]).

Очень можетъ быть, что вел. кн. Дмитрій Ивановичъ не согласился бы принять Кипріана. Но онъ скончался черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ отправленія изъ Москвы Пиминова — 19-го Мая 1389-го года. Наслѣдовавшій ему сынъ его Василій Дмитріевичъ согласился принять Кипріана, съ чѣмъ наконецъ и насталъ конецъ нашимъ замѣшательствамъ.

Въ исторіи западной церкви, какъ извѣстно, есть страницы, которыя людьми, принадлежащими къ этой церкви, съ большимъ удовольствіемъ были бы вырваны. Не кичясь черезъ мѣру передъ Западомъ, мы должны знать, что и въ исторіи нашей церкви есть страницы до чрезвычайности нехорошія.

Исключительныя обстоятельства нашего времени, въ соединеніи съ тою счастливою случайностію, что сохранились и открыты греческіе акты этого времени, нѣсколько приподнимаютъ для насъ густую завѣсу, за которою въ обыкновенной нашей исторіи, по волѣ нашихъ лѣто-

---

[1]) Корабль, на которомъ Пиминъ переѣзжалъ Черное море, прибило бурею къ Синопу. Отъ Синопа по южному берегу Чернаго моря онъ доѣхалъ до города Астравіи (Astrabites, нынѣ Istrawros), находящагося недалеко отъ входа въ Босфоръ, и отсюда черезъ своихъ спутниковъ началъ сношенія съ Константинополемъ. Для погребенія Пиминъ привезенъ былъ въ этотъ послѣдній и здѣсь положенъ былъ въ церкви Предтечи, находившейся внѣ городской стѣны, на краю моря противъ Галаты. Не говоритъ Игнатій, можетъ быть — по личнымъ причинамъ, но говорятъ наши лѣтописи, что имѣніе, оставшееся послѣ Пимина, «разіаша иніи» (Воскресенск. лѣт. подъ 1389 г. Когда въ Азовѣ Пиминъ садился на корабль, то его заарестовали было его кредиторы, которыхъ ему удалось потомъ умолить или можетъ быть утолить уплатою процентовъ. Не видно, были ли это кредиторы константинопольскіе, случайно оказавшіеся тогда въ Азовѣ, или мѣстные. Если послѣдніе, то это будетъ значить, что Пиминъ занималъ не только въ Константинополѣ, но и въ Азовѣ).— Какой-то писецъ богослужебныхъ книгъ XVI в., присвоявшій себѣ и право быть редакторомъ святцевъ, внесъ Пимина въ число святыхъ! (*Барсукова* Источники агіографіи, col. 459).

писцевъ, скрывается отъ насъ наше высшее духовенство съ своей нравственной физіономіей и качественностію. Немного открываемая намъ часть картины никакъ не можетъ быть названа привлекательною. Великій князь Дмитрій Ивановичъ составилъ свиту архимандрита Михаила для путешествія въ Константинополь, нѣтъ сомнѣнія, изъ людей, которыхъ считалъ особенно хорошими, и однако эти особенно хорошіе люди позволили себѣ такое до крайней степени нехорошее дѣло, какъ поставленіе Пимина; Діонисій суздальскій, Ѳеодоръ ростовскій принимаются за людей очень почтенныхъ, и однако они являются передъ нами ни коимъ образомъ не въ блистательномъ свѣтѣ.

Греческія власти, съ отважною безцеремонностію дозволявшія себѣ по отношенію къ русской митрополіи тѣ вопіющія дѣянія, на которыя онѣ были тогда способны, увѣренно воображали, что стоитъ имъ писать пространно и краснорѣчиво лгущія оправдательныя записки и Русскіе безъ возраженій будутъ признавать виновными исключительно самихъ себя. Но онѣ совершенно ошибались. Русскіе заявили свой протестъ противъ нравственной распущенности Грековъ рѣшительнымъ, хотя и неожиданно—своеобразнымъ образомъ: они составили себѣ убѣжденіе, что у нравственно-падшихъ людей погибло истинное благочестіе вѣры, и перестали признавать ихъ авторитетъ въ семъ отношеніи. Къ весьма важнымъ рѣчамъ объ этомъ возвратимся нѣсколько ниже.

Лѣтописи наши увѣряютъ, что вел. кн. Дмитрій Ивановичъ Донской былъ человѣкъ искренно и глубоко благочестивый (хотя божественнымъ писаніямъ, какъ уже мы упоминали, и не до конца навыкшій). Нужно поэтому думать, что прискорбнѣйшія замѣшательства въ митрополіи, начавшіяся съ неожиданной смерти его любимца архимандрита Михаила и продолжавшіяся до самаго конца его жизни, причиняли ему чрезвычайно сильную и глубокую скорбь.

По извѣстію Никоновской лѣтописи, въ 1388-мъ году приходили въ Москву послы отъ папы римскаго [1]). Въ то время папъ римскихъ было одновременно двое,—въ самомъ Римѣ Урбанъ VI и въ Авиньёнѣ Климентъ VII. Нужно думать, что посольство прислалъ Урбанъ, ибо мы знаемъ, что въ 1384-мъ году онъ посылалъ посольство къ Грекамъ [2]). По всей вѣроятности, дѣло объ этомъ посольствѣ должно понимать такъ, что папа узналъ о крайнихъ замѣшательствахъ, происходящихъ

---

[1]) IV, 158: «Того же лѣта пріидоша на Москву послы отъ папы римскаго».

[2]) См. въ Acta Patriarchat. Constantinop. II, 86 (посланіе патр. Нила къ папѣ Урбану).

въ русской митрополіи и что онъ счелъ минуту удобною для того, чтобы обратиться съ приглашеніемъ къ великому князю, котораго должно было возмущать поведеніе Грековъ, приступить къ союзу съ римскою церковію (На папскомъ престолѣ, одновременно имѣвшемъ двухъ папъ, какъ разъ было то, что̀ на каѳедрѣ русской митрополіи; но папы по свойственной имъ особенной логикѣ могли находить, что необычное и неизвинительное для другихъ обычно и извинительно для нихъ...).

Св. Стефанъ, епископъ Пермскій.

Въ промежутокъ времени нашихъ замѣшательствъ на каѳедрѣ митрополіи имѣло мѣсто, какъ бы въ возмѣщеніе за нихъ, весьма важное и весьма радостное событіе обращенія въ христіанство однимъ явившимся доблестнымъ миссіонеромъ значительнаго количества остававшихся дотолѣ въ язычествѣ подвластныхъ Руси инородцевъ. Это именно—событіе обращенія въ христіанство св. Стефаномъ Пермскимъ части народа Перми или Пермяковъ, извѣстныхъ подъ особеннымъ именемъ Зырянъ.

Рѣчи о св. Стефанѣ должны быть начаты жалобой на то, что могли бы мы имѣть очень хорошее житіе его и что на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ его житіе, которое, въ смыслѣ біографіи или въ смыслѣ историческаго повѣствованія, далеко не можетъ быть признано за очень хорошее. Жизнеописателемъ св. Стефана былъ младшій его современникъ, личный его собесѣдникъ и другъ, монахъ Троицкаго Сергіева монастыря Епифаній. Этотъ Епифаній также есть человѣкъ въ своемъ родѣ знаменитый, представляющій собою между нашими писателями житій святыхъ писателя до того выдающагося, что удивлявшіеся ему современники дали ему громкій титулъ премудраго («Епифаній премудрый»). Онъ вполнѣ обладалъ способностью писать житія; но если вообще у нашихъ писателей житій, вслѣдъ за ихъ предшественниками греческими, поставлялось главное достоинство ихъ твореній не въ подробной и обстоятельной передачѣ свѣдѣній о святыхъ, а въ реторической благоукрашенности рѣчи, въ реторическомъ, такъ или иначе достигаемомъ, многословіи и затѣйномъ краснословесіи: то Епифаній выдавался между нашими писателями житій святыхъ въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ, и былъ любителемъ реторической благоукрашенности и затѣйнаго много-краснословесія, за что̀ именно и получилъ отъ своихъ современниковъ титулъ премудраго, до nec plus ultra или до самыхъ крайнихъ предѣловъ возможнаго. Благо-

даря этому-то человѣкъ, который могъ бы написать очень хорошее житіе св. Стефана въ смыслѣ біографіи, и подарилъ насъ преукрашеннымъ, по выраженію Степенной книги [1]), житіемъ его, которое въ семъ смыслѣ далеко не можетъ быть названо очень хорошимъ. Епифаній написалъ два житія,—наше св. Стефана и преп. Сергія Радонежскаго. Въ житіи Сергіевомъ, потому ли что онъ подчинялся чьему-нибудь доброму стороннему вліянію или же, можетъ быть, потому, что онъ не хотѣлъ быть въ обоихъ житіяхъ совершенно однообразнымъ, реторика находится у него въ бо́льшемъ или меньшемъ равновѣсіи съ фактическимъ содержаніемъ и онъ совсѣмъ увлекается первою только изрѣдка. Но въ житіи Стефановомъ фактическое содержаніе рѣшительно принесено въ жертву необузданной, можно сказать, реторикѣ, вслѣдствіе чего житіе это, будучи подобно житію Сергіеву весьма обширно по объему, очень бѣдно фактическимъ содержаніемъ и очень неудовлетворительно въ отношеніи къ сему послѣднему: къ фактической сторонѣ своего повѣствованія Епифаній относится какъ будто съ намѣренной небрежностью, а что касается до послѣдовательности разсказа, то не только не заботится о ней, но какъ будто нарочно хочетъ спутать ее. А такимъ образомъ, къ сожалѣнію, и случилось, что, имѣя очень обширное житіе св. Стефана, мы не имѣемъ полныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній объ его жизни и дѣятельности и что съ этимъ обширнымъ житіемъ въ рукахъ мы не мало должны говорить на основаніи догадокъ и предположеній [2]). И тѣмъ болѣе, разумѣется, достойно это сожалѣнія, что дѣятельность св. Стефана не какая-нибудь рядовая или заурядная, а выдающаяся и исключительная.

Св. Стефанъ родился въ городѣ Устюгѣ, который находится при сліяніи рѣкъ Сухоны и Юга, образующихъ Сѣверную Двину, и который въ настоящее время есть уѣздный городъ вологодской губерніи. Происходя изъ духовнаго званія, хотя впрочемъ въ древнее время еще не было этого званія въ подлинномъ смыслѣ слова, онъ былъ сынъ

[1]) I, 525.

[2]) Житіе напечатано два раза: въ 1862-мъ году въ IV выпускѣ Памятниковъ старинной русской литературы *Кушелева-Безбородко*, стрр. 119—171, и въ 1897-мъ году Археографической Коммиссіей въ отдѣльномъ видѣ; второе изданіе, сдѣланное по списку болѣе старому и болѣе исправному, чѣмъ первое, удовлетворительнѣе перваго (не безусловно, впрочемъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, очевидно, должно быть признано лучшимъ чтеніе перваго изданія). Мы будемъ указывать оба изданія, при чемъ первое изданіе будемъ означать буквой П., второе—буквой К..

одного изъ клириковъ или причетниковъ устюжскаго собора [1]). Годъ рожденія его точнымъ образомъ неизвѣстенъ, но приблизительно есть 1345-й, что̀ будетъ временемъ правленія въ Москвѣ вел. кн. Семена Ивановича Гордаго и управленія русскою церковью митр. Ѳеогноста. Мірское имя его также остается неизвѣстнымъ. Надѣленный отъ природы блестящими умственными способностями, Стефанъ заявилъ свою исключительную остроту, когда отданъ былъ отцомъ учиться грамотѣ: онъ хорошо выучился читать, такъ чтобы быть допущеннымъ къ конарханію и чтенію въ соборѣ, менѣе чѣмъ въ продолженіе года, что̀ при древнемъ методѣ у насъ ученія составляло быстроту чрезвычайную. Начавъ дьячествовать въ соборѣ еще во время ученія, Стефанъ, какъ должно думать, остался дьякомъ въ немъ и по окончаніи ученія, при чемъ могъ быть сдѣланъ дьякомъ настоящимъ, если была вакансія, или служить сверхъ штата, въ видѣ добровольнаго помощника отцу, если вакансіи не было. Но на мѣстѣ и въ должности дьяка Стефанъ представлялъ изъ себя нѣчто не совсѣмъ обыкновенное. Мы сказали, что онъ надѣленъ былъ блестящими способностями; вмѣстѣ съ блестящими способностями онъ былъ надѣленъ страстнымъ, неудержимымъ стремленіемъ къ образованію, къ знаніямъ, и для пріобрѣтенія возможнаго у насъ тогда самообразованія онъ со всею ревностію принялся за чтеніе книгъ. Нельзя думать, чтобы Устюгъ XIV вѣка слишкомъ богатъ былъ четіими книгами; но возможно и то, что онъ былъ не совершенно ими бѣденъ, ибо кромѣ собора въ немъ были два монастыря (существующіе до настоящаго времени—Архангельскій и Гледенскій Троицкій). Увѣреніе жизнеописателя, что въ Устюгѣ Стефанъ научился «всей грамматичней хитрости и книжнѣй силѣ» страдаетъ, нужно полагать, не малымъ преувеличеніемъ, да оно противорѣчитъ и его собственнымъ дальнѣйшимъ рѣчамъ о недовольствѣ Стефана своею устюжскою ученостью и о стремленіи его къ бо̀льшему; но что онъ имѣлъ возможность пріобрѣсти и пріобрѣлъ въ Устюгѣ довольно значительную начитанность, это допустимо и не невѣроятно. А такимъ образомъ, юнаго устюжскаго дьяка нужно представлять себѣ человѣ-

---

[1]) Лѣтописи усвояютъ Стефану прозваніе или фамилію Храпъ. Но по Епифанію, это было не прозваніемъ или фамиліей Стефана, а насмѣшливымъ прозвищемъ, которое, съ чего-то и почему-то, давали ему нѣкоторые изъ москвичей,—П. стр. 161, col. 1, К. стр. 89 («Знаемъ бо мы и тѣхъ,—между москвичами,—иже и прозвища ти кидаху, отнюду же нѣціи яко и храпомъ ти зваху, не разумѣюще силы и благодати Божіи, бываемыя въ тебѣ и съ тобою»). — Сообщаемыя Епифаніемъ имена отца и матери Стефана были: Сумеонъ и Марія.

комъ болѣе или менѣе ученымъ въ тогдашнемъ нашемъ смыслѣ этого слова и однимъ изъ ученѣйшихъ людей во всемъ своемъ городѣ, если только не буквально самымъ первымъ въ немъ ученымъ. Юный дьякъ, обладающій бо́льшею или меньшею ученостью и одинъ изъ ученѣйшихъ людей въ своемъ городѣ, если только не самый первый въ немъ ученый: это не то, что всѣ наши старые дьяки и теперешніе дьячки, а необыкновенный у насъ примѣръ тѣхъ дьяковъ, которые бывали въ древней греческой церкви и къ которымъ принадлежали такіе знаменитые отцы церкви, какъ Василій Великій и Іоаннъ Златоустый, начавшіе служеніе въ клирѣ или причтѣ именно въ должности чтецовъ или—что̀ тоже—дьяковъ.

Послѣ 10—12-ти лѣтъ дьячества въ устюжскомъ соборѣ и послѣ пріобрѣтенія въ Устюгѣ всей учености, какую возможно было пріобрѣсти въ немъ, Стефанъ, приведенный пріобрѣтенною ученостію къ убѣжденію въ суетѣ мірской жизни, вознамѣрился принять монашество, при чемъ постричься въ монахи рѣшилъ не въ Устюгѣ, а въ другомъ мѣстѣ, которое бы давало ему средства къ пріобрѣтенію бо́льшей учености. Неизвѣстно точнымъ образомъ, когда именно пришелъ ему помыслъ стать просвѣтителемъ жившаго по сосѣдству съ его родиной языческаго народа. Съ наибо́льшею вѣроятностью нужно думать, что еще въ Устюгѣ до постриженія въ монахи, когда онъ собственными глазами видѣлъ этихъ язычниковъ, въ немаломъ, вѣроятно, количествѣ жившихъ не только по сосѣдству съ городомъ, но и въ самомъ городѣ. Что дѣйствительнно еще въ Устюгѣ и до постриженія въ монахи принято было имъ намѣреніе стать просвѣтителемъ сосѣдняго съ его родиной языческаго народа, косвенно подтверждаетъ это и жизнеописатель, говоря объ его промежуточной жизни между Устюгомъ и отправленіемъ на проповѣдь къ язычникамъ, что «издавна то у него сдумано бяше». Но если предполагать, что намѣреніе стать просвѣтителемъ языческаго народа принято было Стефаномъ еще въ Устюгѣ, до постриженія въ монахи, то не невозможно представлять дѣла и такъ, что рѣшеніе пойти въ монахи главнымъ образомъ было вызвано въ немъ сознаніемъ необходимости этого для осуществленія его намѣренія. Предполагая сейчасъ указанное, очень вѣроятно будетъ думать, что Стефанъ выучился или, по крайней мѣрѣ, началъ учиться языку народа, стать просвѣтителемъ котораго принялъ намѣреніе, еще до отбытія изъ Устюга къ избранному имъ мѣсту постриженія.

Для постриженія въ монахи Стефанъ избралъ одинъ изъ монастырей своего епархіальнаго города Ростова, именно—монастырь св. Григорія Богослова, находившійся подлѣ епископіи и называвшійся

Затворомъ. Названіе монастыря, можетъ быть, отъ того, что въ древнее, какъ въ позднѣйшее, время онъ пригороженъ былъ глухой стѣной къ стѣнѣ архіерейскаго монастыря, такъ что не было собственныхъ воротъ изъ него, но нужно было входить въ него и выходить изъ него чрезъ архіерейскій монастырь, и что, можетъ быть, относительно выхода изъ него немногихъ его монаховъ, ибо онъ былъ маленькій, существовали особыя строгія правила, иначе сказать—что онъ представлялъ собою монастырекъ особенно строгихъ затворниковъ, устроенный для монаховъ, желавшихъ подобнаго затворничества, кѣмъ-либо изъ ростовскихъ архіереевъ [1]). Причину, по которой Стефанъ избралъ для своего постриженія монастырь Григорія Богослова составляло то, что въ монастырѣ этомъ была хорошая библіотека, которою онъ желалъ воспользоваться для довершенія своего самообразованія: «пострижеся,—говоритъ о Стефанѣ жизнеописатель, во градѣ Ростовѣ у святаго Григорія Богослова въ монастыри, нарицаемѣмъ Затворѣ, близъ епископьи, яко книги многи бяху ту, довольны суща ему на потребу почитанія ради». Если вѣрно сдѣланное нами объясненіе названія монастыря Затворомъ, то могло влечь въ него Стефана и особенное удобство предаваться въ немъ чтенію книгъ, а равно и монашескимъ подвигамъ. Въ монастырѣ Стефанъ со всѣмъ рвеніемъ занялся довершеніемъ своего самообразованія, предавшись денноночщному чтенію книгъ, какъ о томъ настоятельно говоритъ жизнеописатель. Указывая на стремленіе Стефана къ пріобрѣтенію самообразованія не поверхностнаго, а основательнаго, Епифаній говоритъ, что онъ заботился не только о томъ, чтобы какъ можно болѣе прочесть книгъ, но и о томъ, чтобы какъ можно лучше усвоять читаемое, такъ чтобы не оставалось непонятнаго для него въ прочтенномъ ни одного стиха или ни одного предложенія (ни одной фразы). Для лучшаго уразумѣнія всего читаемаго усердно искалъ онъ собесѣдованій съ книжными и разумными людьми, старшими его по возрасту. Какъ будто монастырекъ Григорія Богослова по преимуществу населенъ былъ книжными монахами и какъ будто собесѣдованія, которымъ, ища лучшаго во всемъ уразумѣнія, усердно предавался Стефанъ, происходили именно въ стѣнахъ самаго монастырька.

---

[1]) Можетъ быть, что подъ узкимъ нѣкоимъ и невходнымъ мѣстомъ, въ которомъ на писанья себя вдалъ авторъ записи объ епископѣ ростовскомъ Кириллѣ, читаемой въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1231-мъ годомъ, должно разумѣть именно нашъ монастырь Григорія Богослова.

Но Стефанъ не кончилъ своего самообразованія на томъ, чтобы съ наибо́льшею основательностью прочесть возможно бо́льшее количество славянскихъ книгъ. Онъ еще выучился греческому языку, чтобы имѣть возможность читать греческія книги, которыя не были переведены на славянскій языкъ. Это извѣстіе, что Стефанъ выучился греческому языку такъ неожиданно, что не всѣ расположены вѣрить ему. Однако, жизнеописатель Стефана монахъ Епифаній, при всей своей наклонности къ реторикѣ, былъ человѣкъ очень почтенный,—подъ старость онъ былъ избранъ братствомъ Троицкаго монастыря въ свои духовники, и чтобы его слова, что Стефанъ хорошо выучился греческому языку и постоянно читалъ греческія книги,—что онъ умѣлъ говорить по-гречески и что онъ дѣлалъ переводы съ греческаго [1]), представляли собою не что иное, какъ выдумку и наглую ложь, и притомъ выдумку и ложь, говоренныя современникамъ Стефана, такъ какъ житіе написано вскорѣ послѣ его смерти, допустить этого нравственнымъ образомъ совершенно невозможно, иначе пришлось бы отказаться отъ вѣры во чтобы то ни было и на всю исторію пришлось бы махнуть рукой. Вопросъ въ томъ, съ какого повода Стефанъ могъ возъимѣть охоту выучиться греческому языку и какъ онъ могъ выучиться ему въ Ростовѣ. По извѣстію жизнеописателя, Стефанъ постригся въ монахи въ Григорьевскомъ монастырѣ при епископѣ ростовскомъ Парѳеніи; объ этомъ Парѳеніи есть вѣроятность думать, что онъ былъ родомъ грекъ; а если мы предположимъ это послѣднее, то для насъ и объяснится все дѣло. Парѳеній занялъ каѳедру ростовскую въ бытность митрополитомъ московскимъ св. Алексія; мы имѣемъ полный списокъ епископовъ, поставленныхъ св. Алексіемъ, и въ этомъ спискѣ нѣтъ Парѳенія: въ объясненіе такой загадки представляется вѣроятнымъ думать, что Парѳеній былъ родомъ грекъ, что онъ пришелъ въ Россію уже готовымъ епископомъ или уже имѣя санъ епископа и что св. Алексій только назначилъ его на мѣсто, но не посвящалъ его. При епископѣ Грекѣ могли быть чиновники Греки, ибо онъ могъ придти съ тѣмъ или другимъ количествомъ спутниковъ (съ цѣлою нѣкоторою свитою); у чиновниковъ Грековъ могли оказаться греческія книги, которыя не были переведены на славянскій языкъ или же о переводѣ которыхъ на славянскій языкъ не было извѣстно Стефану,—а въ этомъ

---

[1]) «Желая же бо́льшаго разума, яко образомъ любомудріа изучися и греческой грамотѣ и книги греческія извыче добрѣ, и почиташе я и присно имѣяше я у себе, и бяше умѣя глаголати треми языки, тако же и грамоты три умѣяше, яже есть: русскыи, гречески, пермскыи».—П. стр. 122 col. 2, К. стр. 8.

и будетъ разгадка всего дѣла: увидѣвъ у Грековъ греческія книги, которыя не были переведены на славянскій языкъ или о переводѣ которыхъ на славянскій языкъ не было ему извѣстно, онъ возгорѣлся желаніемъ читать ихъ и для сей цѣли и рѣшился выучиться у грековъ греческому языку[1]). Господствующія у насъ представленія о греческомъ языкѣ таковы, что онъ есть языкъ необыкновенно трудный,—что ему нужно учиться многіе годы и что ни у кого не хватитъ терпѣнія доучиться ему до конца. Греческій языкъ дѣйствительно есть языкъ не особенно легкій; но тѣмъ не менѣе весьма возможно выучиться ему, а при усерди и рѣшительной настойчивости и въ не особенно продолжительное время. Всѣмъ и каждому извѣстно, что нашъ знаменитый баснописецъ И. А. Крыловъ, будучи почти 60-лѣтнимъ старикомъ, вздумалъ какъ-то выучиться греческому языку и выучился ему въ очень непродолжительное время. Но если Крыловъ, будучи почти 60-лѣтнимъ старикомъ и принявшись за изученіе языка не по какому-нибудь серьёзному побужденію, а просто по капризу, выучился ему очень скоро: то молодой человѣкъ, каковымъ былъ Стефанъ, обладавшій хорошею способностью къ изученію языковъ и рѣшившійся изучить греческій

[1]) Въ объясненіе того, какъ Стефанъ могъ выучиться въ Ростовѣ по-гречески, ссылаются на извѣстіе житія царевича ростовскаго Петра, что въ ростовскомъ соборѣ при современномъ царевичу епископѣ ростовскомъ Кириллѣ (1230—1262) на лѣвомъ крылосѣ пѣли по-гречески. Ссылка до крайней степени смѣшная. Неужели думаютъ, что въ пономари ростовскаго собора были ставимы люди, знающіе греческій языкъ и что въ рукахъ у нихъ былъ кругъ греческихъ богослужебныхъ книгъ? Самъ епископъ Кириллъ или кто-нибудь изъ его предшественниковъ завелъ, чтобы въ ростовскомъ соборѣ въ дни архіерейскихъ служеній или вообще въ дни праздничные, для большей торжественности, пѣты были на лѣвомъ крылосѣ: *Господи, помилуй* и *Подай, Господи*, или же только одно первое, не по-славянски, а по-гречески: вотъ то единственное, что можетъ быть предполагаемо (не выходя изъ границъ здраваго разума) о знаменитомъ греческомъ пѣніи въ ростовскомъ соборѣ. Но едва ли, упрощая дѣло, не должно еще понимать свидѣтельство житіи иначе, нежели какъ оно обыкновенно понимается, именно—разумѣть его не объ языкѣ, а о напѣвѣ, ибо говорится, что въ ростовской церкви св. Богородицы были тогда «пѣніи доброгласная, якоже ангельская: бѣ бо тогда въ церквѣ лѣвый крылосъ греческыи пояху, а правый русскыи» (Объ епископѣ ростовскомъ Кириллѣ, который прославляется за свою необыкновенную учительность и за то, что всѣмъ украсилъ соборную ростовскую церковь, какъ никто изъ его предшественниковъ, и которому поэтому весьма вѣроятно усвоять и заведеніе греческаго пѣнія въ томъ или другомъ смыслѣ, см. въ Лаврентьевской лѣтописи, въ помянутой выше записи, читаемой подъ 1231-мъ годомъ).

языкъ по побужденію весьма серьёзному, могъ выучиться ему еще гораздо скорѣе [1]). Рѣшаясь изучить греческій языкъ, Стефанъ могъ одушевляться и бывшимъ передъ нимъ живымъ примѣромъ св. митр. Алексія, который, какъ извѣстно и про что, нужно думать, знала вся тогдашняя Россія, состоявъ намѣстникомъ митрополіи при митрополитѣ—грекѣ Ѳеогностѣ, научился отъ домашнихъ послѣдняго греческому языку. Такъ, Стефанъ выучился греческому языку и, по словамъ его жизнеописателя, усердно читалъ греческія книги. Дѣлая общій отзывъ о немъ, какъ объ ученомъ человѣкѣ, Епифаній говоритъ, что онъ былъ чудный дидаскалъ, исполненный мудрости и разума, и что онъ былъ наученъ всей внѣшней философіи, книжной мудрости и грамотной хитрости. Слова Епифанія нужно понимать такъ, что Стефанъ начитанъ былъ не только въ книгахъ отеческихъ и вообще церковныхъ, но и въ книгахъ научно-серьёзнаго содержанія свѣтскихъ, и если онъ не позволяетъ себѣ въ семъ случаѣ присочиненія, то начитанностью въ свѣтскихъ научнаго содержанія книгахъ Стефанъ могъ быть обязанъ только книгамъ греческимъ, ибо на славянскомъ подобными книгами было весьма скудно.

Основываясь на свидѣтельствѣ Епифанія, мы должны представлять себѣ Стефана человѣкомъ съ блестящими умственными способностями и вмѣстѣ съ тѣмъ ученымъ въ тогдашнемъ смыслѣ слова или книжнымъ начетникомъ не только однимъ изъ лучшихъ въ Россіи, но при его знаніи греческаго языка и совсѣмъ исключительнымъ. Мы не имѣемъ возможности въ полной мѣрѣ повѣрить справедливости Епифаніевыхъ рѣчей о Стефанѣ, потому что не осталось отъ послѣдняго такихъ сочиненій, на основаніи которыхъ можно было бы произвести подобную повѣрку. Но все-таки мы имѣемъ возможность до нѣкоторой степени повѣрить справедливость Епифаніевыхъ рѣчей, ибо не оставивъ послѣ себя сочиненій нарочитыхъ и болѣе или менѣе значительныхъ по размѣрамъ, Стефанъ оставилъ послѣ себя одно небольшое и случайное сочиненіе. Исторія и внутреннія качества этого сочиненія не служатъ къ опроверженію Епифанія. Въ 1386-мъ году, уже будучи епископомъ, Стефанъ имѣлъ нужду посѣтить Новгородъ; не особенно задолго передъ тѣмъ въ Новгородѣ возникла секта Стри-

---

[1]) Съ точки зрѣнія семинариста, который учится греческому языку 10-ть лѣтъ и который въ концѣ концовъ не въ состояніи перевести двухъ—трехъ стиховъ изъ евангелія, нужно учиться этому ужасному языку цѣлую жизнь, да и то не выучишься... На самомъ дѣлѣ при усердіи и небезталанности можно хорошо выучиться по-гречески приблизительно въ полгода и уже не болѣе какъ въ годъ.

гольниковъ, и архіепископъ Новгородскій Алексій просилъ Стефана во время его бытности въ Новгородѣ, чтобы онъ составилъ обличеніе на явившихся развратниковъ вѣры Христовой, каковую просьбу Стефанъ и исполнилъ, написавъ небольшое обличеніе на Стригольниковъ, сохранившееся до настоящаго времени. То обстоятельство, что Алексій, обходя всѣхъ книжниковъ своей епархіи, обратился къ Стефану съ просьбою о написаніи обличенія, свидѣтельствуетъ, что послѣдній дѣйствительно пользовался репутаціей выдающагося книжнаго человѣка; а по внутреннимъ своимъ качествамъ обличеніе справедливо должно быть признано за очень хорошее: оно написано замѣчательнымъ образомъ литературно, замѣчательнымъ образомъ неспутанно въ изложеніи мыслей, чѣмъ особенно страдаютъ наши старые писатели, и съ весьма искусной постановкой полемики, такъ что болѣе доказательнаго обличенія на Стригольниковъ не могло быть и написано (не опровергая справедливости того обвиненія на духовенство, изъ-за котораго Стригольники отдѣлились отъ церкви, ибо положительнаго факта, каковой представляло собой это обвиненіе, конечно, нельзя было опровергнуть ни при какомъ искусствѣ, Стефанъ убѣдительно доказываетъ несправедливость и незаконность отдѣленія Стригольниковъ отъ церкви изъза этого обвиненія). А если предположить, что обличеніе было написано Стефаномъ во время самаго пребыванія въ Новгородѣ, то, принимая во вниманіе краткость времени, которое онъ могъ имѣть въ своемъ распоряженіи, нужно будетъ признать его небольшое полемическое сочиненія совсѣмъ блестящимъ.

Говоря о Стефанѣ главнымъ образомъ какъ о человѣкѣ ученомъ или книжномъ, жизнеописатель его сообщаетъ намъ, и что̀ такое онъ былъ какъ инокъ. Какъ инока Епифаній представляетъ его строгимъ подвижникомъ. «Облечеся, говоритъ онъ о Стефанѣ, во мнишьскій чинъ и добрѣ потружася въ иноческомъ житьи, подвизався на добродѣтель постомъ и молитвою, чистотою и смиреніемъ, воздержаньемъ и трезвеніемъ, терпѣніемъ, беззлобіемъ, послушаніемъ же и любовію, паче же всѣхъ вниманіемъ божественныхъ писаній...; со тщаніемъ чернечьствоваше, со тщаніемъ всяку добродѣтель творяше...; сице ему иночьствующу, доброму еже о Христѣ житью его дивляхуся мнози не точью иноци, но и простая чадь»... Какъ человѣкъ нарочито книжный, Стефанъ несъ въ монастырѣ и соотвѣтственное послушаніе, а именно—писалъ святыя книги, въ чемъ, по свидѣтельству Епифанія, имѣлъ и великое искусство, бывъ не только каллиграфомъ, но и тахиграфомъ, т. е. не только доброписцемъ, но и скорописцемъ. Спустя неизвѣстное намъ время послѣ поступленія въ монастырь,—послѣ того, нужно под-

разумѣвать, какъ достигъ каноническаго 25-ти лѣтняго возраста, онъ посвященъ былъ въ діаконы, т. е. іеродіаконы.

Надѣленный отъ природы отличными умственными способностями, Стефанъ со всѣмъ стараніемъ образовывалъ изъ себя ученаго богослова и вообще ученаго человѣка въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова не столько для себя самого, сколько ради той внѣшней высокой цѣли, чтобы явиться достойнымъ проповѣдникомъ истиннаго Бога передъ языческимъ народомъ, апостольское дѣло обращенія котораго къ христіанству было имъ задумано. Языческій народъ, поселенія котораго прилегали къ родинѣ Стефана городу Устюгу и обратить который въ христіанство возжегся онъ желаніемъ, представляли собою принадлежащіе къ финнскому семейству народовъ вычегодскіе Пермяне или Пермяки, получившіе потомъ у насъ особое имя Зырянъ[1]) (отъ одного частнѣйшаго племени въ народѣ, которое въ XIV в., у Епифанія, называется Сырьянами). Этотъ народъ—вычегодскіе Пермяне или Пермяки собственно составлялъ половину цѣлаго народа Перми или Пермяковъ,— другую половину составляли Пермяки камскіе, остатки которыхъ сохраняютъ имя Пермяковъ до настоящаго времени и область которыхъ носила названіе Великой Перми. Но двѣ половины народа обособились одна отъ другой такъ, что принимаются за два особые родственные народа (оба народа и доселѣ называютъ себя однимъ и тѣмъ же именемъ, но одинъ народъ очень плохо разумѣетъ или совсѣмъ не разумѣетъ языкъ другого народа). Поселенія Зырянъ,—какъ мы будемъ называть вычегодскихъ Пермяковъ, которыхъ обратилъ Стефанъ въ христіанство, находятся въ восточной половинѣ нынѣшней вологодской губерніи, по рѣкѣ Вычегдѣ, впадающей въ Сѣверную Двину на 70 верстъ ниже Устюга и по притокамъ Вычегды—съ сѣвера Выму и съ юга Сысолѣ, при чемъ на сѣверо-востокѣ довольно значительно вдаются и въ архангельскую губернію, по рѣкѣ Печорѣ съ впадающей въ нее Ижмой и по верхней Мезени. Въ настоящее время поселенія Зырянъ отдѣляются отъ Сѣверной Двины и отъ лежащаго на ней Устюга довольно широкой полосой чисто русскихъ поселеній. Но въ XIV вѣкѣ, во времена Стефана, онѣ подходили къ самому Устюгу, нынѣшняя же довольно широкая полоса чисто русскихъ поселеній явилась такимъ образомъ, что ближайшіе къ Устюгу и вообще къ Двинѣ Зыряне совершенно обрусѣли. Стольнымъ или главнымъ мѣстомъ зы-

---

[1]) По Географич.-статистич. словарю *Семенова*, первый извѣстный разъ, какъ вычегодскіе Пермяки называются Зырянами, относится къ 1573-му году, — т. II, сл. Зыряне.

рянской земли въ отношеніи гражданскомъ и религіозномъ или по крайней мѣрѣ—во второмъ было теперешнее село Усть-Вымъ, находящееся при впаденіи Выма въ Вычегду, въ 83-хъ верстахъ къ востоку—сѣверовостоку отъ своего уѣзднаго города Яренска, который въ свою очередь находится въ 260-ти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Устюга. Что касается до данничества Зырянъ Русскимъ, то съ давняго и до позднѣйшаго передъ Стефаномъ времени они были данниками Новгородцевъ, а въ неизвѣстное точнымъ образомъ ближайшее передъ Стефаномъ время ихъ взяли у Новгородцевъ сами великіе князья [1].

Благой и святой помыслъ стать просвѣтителемъ языческаго народа, какъ мы сказали, по всей вѣроятности пришелъ Стефану, когда онъ еще жилъ въ Устюгѣ и собственными глазами смотрѣлъ на язычниковъ. Тогда же, сказали мы, вѣроятно онъ выучился или по крайней мѣрѣ началъ учиться и зырянскому языку. Но приступить къ осуществленію своего помысла Стефанъ могъ не скоро. Чтобы получить благословеніе отъ начальства идти на проповѣдь къ язычникамъ, ему над-

[1]) Епифаній, который не могъ не знать дѣла точнымъ и достовѣрнымъ образомъ, ясно представляетъ Зырянъ времени Стефанова данниками самихъ великихъ князей. Онъ влагаетъ въ уста волхвовъ зырянскихъ, старавшихся отвратить Зырянъ отъ вѣры московскаго проповѣдника, каковаго представлялъ собою Стефанъ: «отъ Москвы можетъ ли что добро быти намъ? не оттуду-ли намъ тяжести быша и дани тяжкія и насильства и тивуни и доводщици и приставницы?» и потомъ говоритъ о Стефанѣ, что онъ своими ходатайствами передъ вел. княземъ многажды избавлялъ Зырянъ отъ работы и насилія и тіунскія продажи и облегчалъ тяжесть даней, а о Новгородцахъ говоритъ какъ о людяхъ стороннихъ Зырянамъ, которые лишь терпѣли отъ грабительства новгородскихъ такъ называемыхъ ушкуйниковъ. Если въ договорной грамотѣ вел. князя съ Новгородцами, писанной въ 1471-мъ году, Пермь значится въ числѣ волостей, принадлежащихъ послѣднимъ (Собр. госудд. грамм. и договв. т. I, № 20, стр. 27, Акт. Экспед. т. I, № 91, стр. 67): то необходимо разумѣть тутъ Пермь камскую безъ Перми вычегодской. Что послѣдняя Пермь перешла подъ власть вел. князей до 1471-го года, на это мы имѣемъ ясное свидѣтельство въ посланіи митр. Іоны къ Вятчанамъ, которое писано около 1452-го года и въ которомъ Вятчане упрекаются: «нынѣ воевали есте великаго князя вотчину: Сысолу и Вымъ и Вычегду».—Акт. Ист. т. I, № 261, стр. 490, Памятники канонич. права. изд. *Павловымъ*, № 73, col. 592. И въ спискѣ Двинскихъ земель 1471-го года дается знать, что вычегодская Пермь давно принадлежала вел. князьямъ, ибо объ одной изъ областей этой Перми, Важкѣ, лежавшей по рѣкѣ того же имени, впадающей въ Мезень (сѣверозападный уголъ нынѣшняго яренскагс уѣзда, составляющій такъ называемыя Удоры или Удорскій край) говорится, что она «исконное мѣсто великаго князя Вычегодское, Пермяки».—Акт. Экспед. т. I, № 94, стр. 75.

лежало стать изъ юноши мужемъ; для крещенія обращаемыхъ и для водворенія у нихъ богослуженія ему надлежало быть іеромонахомъ; но онъ могъ быть поставленъ въ іеромонахи не ранѣе какъ по достиженіи 30-ти лѣтняго возраста, ибо строгое каноническое предписаніе, чтобы не поставлять въ пресвитеры ранѣе 30-ти лѣтъ, нужно думать, соблюдалось у насъ въ древнее время по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ монахамъ. Предположивъ, что Стефанъ поступилъ въ монастырь 20-ти лѣтнимъ юношей и что онъ не приступалъ къ прямому осуществленію своего намѣренія до 30-го года своего возраста, получимъ, что онъ прожилъ въ монастырѣ, приготовляясь къ своей миссіи отдаленнымъ образомъ, чрезъ довершеніе своего образованія, о чемъ мы говорили выше, лѣтъ до десяти. Приступъ къ прямому осуществленію намѣренія долженъ былъ начаться съ доизученія зырянскаго языка Если до постриженія въ монахи Стефанъ только началъ изученіе языка то само собою понятно, что онъ долженъ былъ доизучить его; если же до постриженія въ монахи онъ и совсѣмъ изучилъ его, то при неимѣніи практики на немъ въ продолженіе десяти лѣтъ долженъ былъ болѣе или менѣе забыть его и во всякомъ случаѣ утратить способность легко и свободно говорить на немъ, чтȏ для него нужно было какъ для будущаго проповѣдника христіанства Зырянамъ. Ничего не говоритъ Епифаній, но необходимо думать, что для доизученія зырянскаго языка Стефанъ возвращался въ Устюгъ. Въ случаѣ, если бы онъ былъ человѣкъ богатый, онъ могъ бы при посредствѣ своихъ устюжскихъ родныхъ выписать къ себѣ зырянина въ Ростовъ, но предполагать, чтобы онъ былъ человѣкомъ богатымъ, нѣтъ совершенно никакого основанія; но даже и будучи человѣкомъ богатымъ, онъ долженъ былъ бы предпочитать доизученіе зырянскаго языка въ Устюгѣ, при условіи обращенія въ средѣ многихъ Зырянъ и о бокъ съ самыми мѣстами ихъ обитанія, въ которыя можно было дѣлать экскурсіи, чѣмъ въ Ростовѣ при помощи одного Зырянина, который относительно многаго изъ быта, знаніе чего нужно было при изученіи языка, лишь разсказывалъ бы то, чтȏ въ Устюгѣ можно было видѣть собственными глазами. Вообще, наиболѣе вѣроятнымъ представляется думать, что для изученія зырянскаго языка Стефанъ возвращался въ Устюгъ. Въ Устюгѣ онъ могъ жить въ одномъ изъ двухъ его монастырей, а то и у своихъ родныхъ, ибо въ древнее время весьма допускалось пребываніе монаховъ въ міру даже и безъ причинъ особенно благословныхъ. Изъ монастыря, принадлежавшаго къ архіерейскому дому и находившагося въ непосредственномъ вѣдѣніи архіерея, каковъ былъ монастырь Григорьевскій, Стефанъ не могъ уйдти безъ дозволенія и благословенія по-

слѣдняго. А такимъ образомъ, нужно принимать, что уходя изъ монастыря въ Устюгъ доизучать зырянскій языкъ на тотъ конецъ, чтобы съ языкомъ этимъ стать проповѣдникомъ христіанства у Зырянъ, Стефанъ испросилъ благословеніе на сіе у епископа ростовскаго.

Доизучивъ зырянскій языкъ, на что, само собою разумѣется, потребовалось не какія нибудь недѣли двѣ-три, а можетъ быть—полгода, можетъ быть—годъ, а можетъ быть—и болѣе того, Стефанъ не пошелъ непосредственно за тѣмъ на проповѣдь къ Зырянамъ. У него было послѣ сего еще другое приуготовительное дѣло. Онъ рѣшилъ по обращеніи Зырянъ въ христіанство дать имъ богослуженіе не на славянскомъ, а на ихъ собственномъ зырянскомъ языкѣ, для чего нужно было составить зырянскую азбуку, которой дотолѣ у Зырянъ не было, и перевести богослужебныя книги на зырянскій языкъ. Зыряне не представляли изъ себя полуобрусѣлыхъ инородцевъ, среди которыхъ были болѣе или менѣе многочисленныя колоніи Русскихъ и территоріи которыхъ принимались бы за чисто русскія, такъ чтобы не могло приходить на мысль посредствомъ введенія у нихъ богослуженія на ихъ собственныхъ языкахъ искусственно обращать ихъ въ особые народы, которыми они переставали быть въ дѣйствительности,—Зыряне представляли собою особый отъ Русскихъ и жившій отдѣльно отъ нихъ народъ, имѣвшій только то отношеніе къ нимъ, что платилъ имъ дань: и Стефанъ, послѣдуя примѣру Константина философа, первоучителя славянскаго, и признавая справедливость и основательность тѣхъ доводовъ, которыми этотъ послѣдній защищалъ свой переводъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ отъ нападеній на него такъ называемыхъ тріязычниковъ, рѣшилъ сдѣлать для Зырянъ то же самое, что́ Константинъ сдѣлалъ для Славянъ. Богослуженіе у Зырянъ на ихъ родномъ зырянскомъ языкѣ не могло быть введено Стефаномъ собственною властію, а только подъ условіемъ полученнаго имъ разрѣшенія на сіе отъ главы русской церкви митрополита. Когда же, спрашивается, Стефанъ испросилъ требуемое разрѣшеніе: тогда ли уже, когда сдѣлалъ все дѣло и пришелъ просить разрѣшенія пойдти на проповѣдь къ Зырянамъ, или передъ тѣмъ, какъ приступать къ дѣлу,—разумѣемъ составленіе азбуки и переводъ книгъ? Епифаній ничего не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, какъ и на многіе другіе вопросы, но само по себѣ представляется гораздо вѣроятнѣйшимъ думать, что до приступа къ дѣлу, а не послѣ его совершенія. Составить азбуку зырянскаго языка не составляло большого труда, но переводъ богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ, по совершенной неприготовленности его къ выраженію понятій христіанскаго вѣроученія и всякихъ

отвлеченныхъ понятій, представлялъ собою трудъ весьма большой, и если бы Стефанъ рѣшился на него безъ испрошеннаго предварительно разрѣшенія, то онъ рѣшился бы на весьма большой трудъ съ очень большимъ рискомъ, что совершитъ его напрасно, ибо напередъ онъ никакъ не могъ быть увѣренъ, что разрѣшеніе будетъ ему дано. При этомъ онъ справедливо могъ опасаться, что если изобрѣтетъ азбуку и сдѣлаетъ переводъ книгъ безъ предварительнаго разрѣшенія, то подвергнется за сіе гнѣву, который испортитъ ему все дѣло такъ, чтобы даже не получить дозволенія идти и на проповѣдь. На проповѣдь къ Зырянамъ Стефанъ отправился послѣ смерти св. митрополита Алексія въ 1378-мъ или 1379-мъ году. Но если онъ предварительно испрашивалъ разрѣшенія на изобрѣтеніе зырянской азбуки и на зырянскій переводъ богослужебныхъ книгъ, что думать представляется вѣроятнѣйшимъ, то онъ испрашивалъ его у св. Алексія. А такимъ образомъ, есть очень большая вѣроятность думать, что богослуженіе у Зырянъ на ихъ собственномъ зырянскомъ языкѣ было введено съ разрѣшенія и благословенія сего великаго святителя. Надлежитъ думать, что и составленіемъ азбуки и переводомъ книгъ Стефанъ занимался не въ Ростовѣ, возвратившись въ него изъ Устюга, а все въ томъ же Устюгѣ, ибо при этомъ ему необходимо было для всякаго рода лингвистическихъ или язычныхъ справокъ и для разрѣшенія всякаго рода язычныхъ недоумѣній находиться среди Зырянъ или по близости ихъ.

При изобрѣтеніи или составленіи своей зырянской азбуки Стефанъ не послѣдовалъ примѣру Константина философа, не приспособилъ къ зырянскому языку славянской азбуки, какъ тотъ приспособилъ къ славянскому языку азбуку греческую, а составилъ свою особую азбуку, не имѣющую ничего общаго съ азбукою славянскою и которая по общему виду своихъ болѣе квадратныхъ, чѣмъ круглыхъ, буквъ, напоминаетъ азбуку еврейскую или же славянскую азбуку не кирилловскую, а глаголическую [1]). Если справедливо предположеніе ученыхъ,

---

[1]) Зырянскую азбуку съ названіемъ и начертаніемъ ея буквъ см. у *Карамз.* т. V, прим. 125, и особенно въ статьѣ г. *Лыткина:* «Пятисотлѣтіе Зырянскаго края», напечатанной въ декабрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1883-й годъ; безъ начертанія буквъ въ статьѣ *П. Д. Шестакова:* «Св. Стефанъ, первосвятитель Пермскій», напечатанной въ I выпускѣ Извѣстій и Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета за 1868-й годъ. стр. 75 sqq. Образцы Зырянскаго письма: въ сейчасъ указанной статьѣ г. *Лыткина*, въ статьѣ г. *Шестакова:* «Чтеніе древнѣйшей Зырянской надписи», напечатанной въ январьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1871-й годъ, и въ бро-

что въ знаки для буквъ своей азбуки Стефанъ взялъ черты и рѣзы или руны, которые употреблялись Зырянами прежде, то нужно будетъ думать, что онъ поступилъ такъ изъ желанія сдѣлать свою азбуку какъ можно болѣе простою для Зырянъ и такою, чтобы самымъ внѣшнимъ своимъ видомъ, бывъ составлена изъ знаковъ давно знакомыхъ, она влекла ихъ къ себѣ, а не отталкивала отъ себя. Если же онъ самъ въ точномъ смыслѣ слова изобрѣлъ знаки для буквъ, то трудно будетъ сказать что-нибудь о побужденіяхъ къ сему и едва ли можно будетъ слишкомъ похвалить изобрѣтеніе [1])...

Составивъ зырянскую азбуку и совершивъ переводъ богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ въ томъ или другомъ объемѣ необходимаго, при чемъ переводить, если имѣлъ подъ руками греческія богослужебныя книги, могъ не только съ славянскаго перевода, но и съ греческаго оригинала [2]), Стефанъ отправился въ Москву, чтобы испросить себѣ дозволеніе и благословеніе пойти на проповѣдь евангелія къ Зырянамъ у избраннаго въ преемники св. Алексію и завѣдывавшаго митрополіей послѣ его кончины архимандритаМихаила—Митяя [3]). Архимандритъ Михаилъ, обыкновенныя представленія о которомъ, какъ о нехорошемъ временщикѣ вел. кн. Дмитрія Ивановича, совершенно несправедливы, о чемъ мы говорили выше, принялъ св. Стефана съ величайшею благосклонностью, именно такъ, какъ и надлежало принять

шюрѣ *И. С. Некрасова:* «Пермскія письмена въ рукописяхъ XV вѣка», Одесса, 1890.

[1]) Извѣстный польскій историкъ Литвы Нарбуттъ, представляющій собою впрочемъ не столько историка, сколько лѣтописца (съ отличавшими польскихъ лѣтописцевъ непохвальными особенностями), идя далѣе другихъ ученыхъ, хочетъ видѣть въ зырянской азбукѣ св. Стефана нисколько не изобрѣтенную имъ, а взятую совсѣмъ готовою, древнюю біармскую азбуку (употреблявшуюся и въ Литвѣ!), см. его Dzieje starożytne narodu Litewskiego, т. I, стр. 448, Dodatek V, O Abecadle Biarmskiem.

[2]) Можно было бы предполагать, что желаніе переводить богослужебныя книги съ греческаго оригинала было однимъ изъ побужденій и выучиться греческому языку. Но мы не указываемъ па это побужденіе, не будучи уполномочиваемы къ сему жизнеописателемъ Стефана.

[3]) На задаваемый нѣкоторыми вопросъ: почему за дозволеніемъ и благословеніемъ пойдти на проповѣдь евангелія къ Зырянамъ Стефанъ обратился не къ своему епископу ростовскому, а къ самому завѣдывавшему митрополіей, отвѣтъ есть тотъ, что, не говоря о всемъ другомъ, дозволеніе пойдти на проповѣдь евангелія къ Зырянамъ съ богослужебными книгами, пореведенными на зырянскій языкъ, могъ дать только послѣдній и никакъ не первый.

человѣка, пришедшаго просить о дозволеніи предпринять апостольскій подвигъ. Великій князь Дмитрій Ивановичъ, съ своей стороны, отнесся къ просьбѣ Стефана съ такою же величайшею благосклонностью, какъ и нареченный митрополитъ. Государь былъ человѣкъ искренно и усердно благочестивый и не могъ онъ отъ всего сердца не сочувствовать мысли о просвѣщеніи свѣтомъ христіанства язычниковъ; а при этомъ не могъ онъ не находить осуществленія мысли весьма важнымъ и желательнымъ и въ видахъ государственныхъ (Епифаній мало и сухо говоритъ о Михаилѣ и совершенно несправедливо вмѣсто него выдвигаетъ на сцену епископа коломенскаго, который былъ только исполнителемъ чужихъ приказаній, по причинамъ, понятнымъ для насъ: во-первыхъ, у нареченнаго митрополита,—какъ упоминали мы, выходило очень большое недоразумѣніе съ преп. Сергіемъ Радонежскимъ, ученикомъ котораго былъ Епифаній; во-вторыхъ, вообще у монаховъ онъ оставилъ самую дурную по себѣ память, ибо намѣревался принять крутыя мѣры къ ихъ исправленію). Если справедливо наше предположеніе, что Стефанъ предварительно испрашивалъ у св. митр. Алексія дозволенія ввести у Зырянъ богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, то Михаилъ подтвердилъ данное Алексіемъ разрѣшеніе; а если предположеніе несправедливо, то онъ далъ это разрѣшеніе. Дотолѣ Стефанъ имѣлъ степень діакона; но для крещенія имѣвшихъ принимать христіанство и для введенія у нихъ богослуженія ему нужно было имѣть степень пресвитера, и по приказанію Михаила онъ поставленъ былъ въ іеромонахи (помянутымъ епископомъ коломенскимъ). Затѣмъ, нареченный митрополитъ снабдилъ Стефана всѣмъ нужнымъ для поставленія церквей и для введенія богослуженія у будущихъ христіанъ,—антиминсами съ святыми мощами, св. мνромъ, масломъ деревяннымъ и всѣмъ потребнымъ, т.-е., какъ должно думать, иконами, богослужебными сосудами и одеждами и всякою церковною утварью. Такъ какъ Михаилъ не только былъ любимцемъ вел. князя, но пользовался чрезвычайною любовью и всѣхъ государевыхъ бояръ, то весьма вѣроятно думать, что бояре, бывъ приглашаемы имъ къ вспомоществованію снарядить человѣка на святое предпріятіе, усердно содѣйствовали ему, по возможности щедро снабдить Стефана всѣмъ нужнымъ для будущихъ зырянскихъ храмовъ,—увидимъ ниже, что не забыты были и самыя деньги. Димитрій Ростовскій говоритъ о Стефанѣ въ Четь-Минеѣ, что «взя же преподобный и грамоты изъ Москвы»; Димитрія повторяютъ почти всѣ позднѣйшіе. Однако Епифаній не говоритъ о грамотахъ и мы недоумѣваемъ, какія бы онѣ могли быть: содержали предписаніе, чтобы Зыряне не убивали Стефана? но это само собою разумѣлось; содер-

жали предписаніе, чтобы Зыряне приняли христіанскую вѣру? но если бы находили возможнымъ сдѣлать такое предписаніе, то давно бы его сдѣлали чрезъ полицейскихъ чиновниковъ.

Получивъ въ Москвѣ разрѣшеніе и усердное благословеніе пойдти на проповѣдь къ Зырянамъ и снабженный всѣмъ для этого необходимымъ, Стефанъ отправился въ свой Устюгъ, чтобы изъ него понести слова благовѣстія Христова язычникамъ. Позднѣйшее преданіе гласитъ, что Стефанъ спустился отъ Устюга внизъ по Двинѣ до впаденія въ послѣднюю Вычегды,—до перваго отъ Устюга, находившагося при впаденіи Вычегды въ Двину, зырянскаго селенія,—въ настоящее время это извѣстное село Котласъ, къ которому проведена желѣзная дорога на Двину отъ Вятки, и что съ этого перваго зырянскаго селенія и началъ свое благовѣствованіе. Заставляя Стефана послѣ непродолжительной проповѣди крестить жителей селенія, преданіе далѣе говоритъ, что отъ Котласа онъ предпринялъ по Вычегдѣ путь къ стольному мѣсту Зырянъ Усть-Выму, но что, совершая путь, онъ останавливался для проповѣди въ лежавшихъ по рѣкѣ селеніяхъ,—что довольно многія, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ крестилъ, и что въ тѣхъ селеніяхъ, которыя крестилъ, ставилъ часовни [1]). Но это позднѣйшее преданіе о проповѣди Стефана по дорогѣ въ Усть-Вымъ не можетъ быть признано за достовѣрное. Не говоря уже о томъ, что во времена Стефана поселенія Зырянъ начинались не у впаденія Вычегды въ Двину, а у самаго Устюга, должны быть сдѣланы противъ преданія два рѣшительныя возраженія. Вопервыхъ, крестивъ жителей Котласа и селеній, лежавшихъ по Вычегдѣ до Усть-Выма, Стефанъ не могъ бы дать имъ священниковъ и ввести у нихъ богослуженія, а крестивъ оставилъ бы ихъ съ тѣмъ, съ чѣмъ они прежде были: для чего же бы было тратить время на ихъ обращеніе и какая была бы цѣль крестить ихъ и что̀ бы могли сдѣлать крещенные съ этими часовнями, кромѣ развѣ того, чтобы, возвратившись къ язычеству, поставить въ нихъ своихъ идоловъ? Вовторыхъ, благоразуміе требовало, чтобы Стефанъ началъ свою проповѣдь именно въ стольномъ мѣстѣ Зырянъ—Усть-Вымѣ. Изъ нашей русской исторіи мы знаемъ, что въ гражданскихъ дѣлахъ отношеніе подчиненныхъ городовъ и селеній къ ихъ старшимъ и стольнымъ городамъ выражалось положеніемъ: «на

---

[1]) См. въ Энциклопед. лексиконѣ *Плюшара* статью покойнаго *Н. И. Надеждина* о рѣкѣ Вычегдѣ,—Лексикона т. XII, стр. 240, также Сказаніе о жизни и трудахъ святого Стефана, епископа Пермскаго, *А. М.* (архимандрита, умершаго архіепископомъ, Макарія). Спб., 1856, стр. 11.

что старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ»; а изъ исторіи другихъ народовъ мы знаемъ, что тѣмъ же положеніемъ выражались отношенія младшихъ городовъ и селеній къ старшимъ и стольнымъ городамъ и въ дѣлахъ религіозныхъ. Когда извѣстный креститель балтійскихъ Славянъ Оттонъ Бамбергскій (1124—1139) пришелъ съ проповѣдію христіанства въ подручный городъ ранѣе старшаго города, то жители перваго сказали ему: поди ты въ нашъ старшій городъ, если тамъ тебя послушаютъ, то и мы послушаемъ [1]). Такъ, начни Стефанъ проповѣдь у Зырянъ не съ стольнаго Усть-Выма, а съ указанныхъ селеній, ему несомнѣнно говорили бы сейчасъ приведенное, т. е. что пойди ты въ Усть-Вымъ, если тамъ тебя послушаютъ, то и мы послушаемъ.

Такимъ образомъ, необходимо думать, что для проповѣди христіанства у Зырянъ Стефанъ прямо отправился изъ Устюга въ стольное ихъ мѣсто Усть-Вымъ. Подробностей о прибытіи Стефана въ Усть-Вымъ Епифаній не сообщаетъ никакихъ и даже совсѣмъ обходитъ его молчаніемъ. Позволимъ себѣ остановиться на одной подробности, которая не имѣетъ большой важности, но рѣчи о которой не лишни и прямо требуются дальнѣйшимъ повѣствованіемъ. По прибытіи въ Усть-Вымъ Стефанъ долженъ былъ какъ-нибудь устроиться относительно житья въ немъ: какъ же онъ устроился? Предполагать, чтобы онъ поселился на квартирѣ у какого-нибудь Зырянина—язычника, весьма невѣроятно: что же думать? Представляется необходимымъ думать, что онъ поставилъ себѣ въ Усть-Вымѣ свой собственный домикъ и что въ этомъ собственномъ домикѣ онъ и поселился. Относительно того, какъ онъ поступилъ съ изготовленіемъ себѣ домика, можно полагать надвое, именно—или что онъ срубилъ его по прибытіи на мѣсто съ помощію одного-двухъ прислужниковъ, которыхъ привезъ съ собой, и съ помощію тѣхъ лодочниковъ, которые доставили его въ Усть-Вымъ, или же что онъ привезъ его съ собой готовымъ въ разобранномъ или собранномъ видѣ. Послѣднее гораздо болѣе вѣроятно, чѣмъ первое, ибо изготовленіе домика на мѣстѣ было бы сопряжено съ большими хлопотами, а что касается до домика готоваго, то, по свидѣтельству иностранцевъ, въ старое время у насъ весьма распространенъ былъ обычай строить небольшіе дома въ однихъ мѣстахъ съ тѣмъ, чтобы перегонять ихъ по рѣкамъ разобранными или совсѣмъ собранными въ другія мѣста, и

---

[1]) Vita S. Ottonis въ Acta SS. Болландистовъ, Іюля t. I, p. 400, см. также Исторію Балтійскихъ Славянъ *Гильфердинга*, въ Полн. собр. сочинн. т. I, стр. 12.

слѣдовательно—Стефану стоило только купить подобный домъ въ Устюгѣ и привезти его съ собой на плотѣ въ Усть-Вымъ. Запасъ принадлежностей для будущихъ храмовъ, которыми онъ надѣленъ былъ въ Москвѣ, долженъ былъ составлять значительную кладь. Могъ онъ привести эту кладь съ собой же, взявъ въ семъ случаѣ для путешествія въ Усть-Вымъ изъ Устюга значительныхъ размѣровъ судно, а могъ на время оставить и въ Устюгѣ.

Прибытіе Стефана въ Усть-Вымъ, конечно, было такимъ событіемъ для его жителей, которое совсѣмъ ошеломило ихъ, ибо что́ могло быть болѣе неожиданнымъ, чѣмъ пріѣздъ человѣка для проповѣди новой вѣры? Опомнившись отъ страшной неожиданности, могли бы они этого человѣка, пріѣхавшаго къ нимъ проповѣдывать новую вѣру, честно и нечестно обратить вспять, не давая ему и высадиться на берегъ. Но человѣкъ этотъ былъ изъ Москвы и, вольные слушать его или не слушать, они не могли воспрепятствовать ему поселиться между ними...

Поселившись въ Усть-Вымѣ, Стефанъ усердно помолился Господу Богу о ниспосланіи Имъ своего благословенія на предпринимаемое дѣло и началъ евангельскую проповѣдь къ Зырянамъ. Его ожидалъ успѣхъ полный и сравнительно скорый, но не совершенно быстрый. На первыхъ порахъ вняли его проповѣди очень немногіе, а что касается до большинства, то оно оставалось глухо къ ней и старалось о томъ, какъ бы выпроводить отъ себя проповѣдника. Если бы Зыряне были народомъ болѣе храбрымъ, то очень могло бы случиться, что, желая избавиться отъ настоятельной проповѣди Стефана, они наложили бы на него свои руки; но Зыряне народъ очень не храбрый, они суть люди прямо трусливые: не отваживаясь наложить на Стефана своихъ рукъ изъ боязни, что жестоко отомститъ за него страшная для нихъ Москва, они старались выжить его отъ себя фальшивыми, такъ сказать, страхованіями: подъ предводительствомъ своихъ волхвовъ и кудесниковъ они собирались вокругъ его жилища, вооруженные кольями, и грозили убить его, они обкладывали его домикъ хворостомъ и соломой, грозясь сжечь его живымъ (не отваживаясь наложить на Стефана своихъ рукъ Зыряне сами сознавали свою трусость и курьёзно оправдывались въ ней передъ собою: «хитрый человѣкъ этотъ Стефанъ,—говорили они, никакъ первый не начнетъ боя, вотъ если бы началъ, тогда бы мы показали ему себя», какъ будто можно было ожидать отъ Стефана, чтобы онъ зачѣмъ-то началъ бой). Готовый потерпѣть за Христа и самую смерть, если бы то суждено было, Стефанъ нисколько не смущался страхованіями и отвѣчалъ на нихъ усиленіемъ проповѣди.

Въ это первое время упорства Зырянъ онъ имѣлъ досугъ, чтобы заниматься продолженіемъ своего перевода богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ.

Имѣвъ на первыхъ порахъ малый успѣхъ, но одушевляясь твердою надеждою на послѣдующіе бо́льшіе успѣхи, Стефанъ построилъ въ Усть-Вымѣ, для немногихъ крещенныхъ имъ и съ цѣлію производить впечатлѣніе на некрещенныхъ, великолѣпную деревянную церковь во имя Благовѣщенія Богородицы, «яко сій праздникъ есть зачало всѣмъ праздникомъ великимъ Господнимъ и яко се есть начатокъ спасенію нашему» [1]). Матеріала для великолѣпной деревянной церкви было изобиліе вокругъ Усть-Выма; но строили ее, конечно, не Зыряне, а плотники, выписанные изъ Россіи, изъ Устюга: великолѣпная церковь должна была обойтись болѣе или менѣе дорого, а это и даетъ знать, что Стефанъ щедро былъ надѣленъ въ Москвѣ между прочимъ и деньгами. Церковь была поставлена на холмѣ, и полагаютъ, что этотъ холмъ есть искусственный, насыпной: если такъ, то и насыпка холма могла стоить недешево. Въ Усть-Вымѣ былъ другой холмъ, на которомъ стояла главная зырянская кумирня,—и на искусственномъ или на естественномъ холмѣ Стефанъ поставилъ церковь за тѣмъ, чтобы она такъ сказать являлась параллелью кумирнѣ,—чтобы, смотря на великолѣпную церковь и на кумирню, представлявшую собой зданіе вовсе не великолѣпное,—нѣчто, какъ должно думать, въ родѣ простаго, довольно большаго сарая, Зыряне предрасполагались этимъ смотрѣніемъ и этимъ сравненіемъ въ пользу христіанства. Выражаясь не совсѣмъ опредѣленно, Епифаній какъ будто хочетъ сказать, что церковь освящена была торжественнымъ образомъ; если такъ, то нужно будетъ думать, что для освященія церкви было вызываемо духовенство изъ Устюга. Священникомъ построенной церкви Стефанъ сталъ самъ, чтецами и пѣвцами ея могли быть нѣкоторыя изъ крещенныхъ имъ и безъ дьяческаго посвященія; а что касается до діакона, то или посылалъ онъ для поставленія во діаконы одного изъ крещенныхъ имъ въ Москву, къ митрополиту, или же находилъ возможнымъ обходиться пока и безъ него.

Великолѣпная церковь, построенная Стефаномъ, производила на Зырянъ очень большое впечатлѣніе; самъ онъ своею кротостію и сво-

---

[1]) Епифаній: «Потщася заложити святую церковь Божію, юже украси всякимъ украшеньемъ, яко невѣсту добру преукрашенну, юже сътвори высоку и хорошу, юже устрои красну и добру, юже изнаряди чюдну вправду и дивну»... П. стр. 130. К. стр. 22.

имъ ласковымъ обращеніемъ съ ними успѣлъ пріобрѣсти ихъ полное расположеніе, и тѣмъ не менѣе они колебались послѣдовать его неустанному приглашенію оставить свою ложную вѣру и принять истинную вѣру, которую проповѣдывалъ имъ онъ. Возвѣщая язычникамъ объ единомъ истинномъ и живомъ Богѣ, сотворившемъ небо и землю, христіанскій проповѣдникъ доказывалъ имъ, что ихъ идолы суть простые и мертвые обрубки дерева и чурбаны, въ которыхъ вовсе не обитаетъ никакихъ благотворящихъ или вредящихъ имъ боговъ, какъ это они воображали. Но умы неразвитыхъ людей убѣждаются только осязательными доказательствами: нужно было нагляднымъ образомъ показать имъ это, нужно было доказать имъ, что тщетна ихъ надежда, будто мнимые боги ихъ обладаютъ достаточнымъ могуществомъ, чтобы защитить себя отъ дерзкаго на нихъ посягателя, каковъ былъ онъ— христіанскій проповѣдникъ. Св. Стефанъ, подвергая опасности свою жизнь, рѣшился сдѣлать это чрезъ преданіе огню главной кумирницы усть-вымской, которая была главной кумирницей и всей зырянской земли. Улучивъ время, когда въ кумирницѣ никого не было и когда она никѣмъ не была охраняема, Стефанъ поджогъ её. Прибѣжавшіе разъяренные волхвы и кудесники бросились на него съ кольями и топорами, но отъ идоловъ и мнимыхъ боговъ остался одинъ пепелъ... Это минутное обращеніе всего множества боговъ въ ничто, при чемъ боги не тронули ни единаго волоса на головѣ дерзновеннаго, поднявшаго на нихъ руку, произвело на народъ потрясающее впечатлѣніе. На пепелищѣ своей кумирни и какъ бы на пепелищѣ самаго своего язычества жители Усть-Выма собрались на большой сходъ для рѣшенія вопроса: что́ имъ дѣлать. Горячая и настоятельная проповѣдь св. Стефана къ этому сходу убѣдила язычниковъ, что ихъ погибнувшіе боги дѣйствительно суть ничто и привела ихъ къ рѣшенію: принять единаго великаго и истиннаго Бога, который имъ проповѣдывался. Такимъ образомъ началось крещеніе Зырянъ, какъ цѣлаго народа... Припоминается подобное дѣяніе, имѣвшее мѣсто за много времени до Стефана и сопровождавшееся такими же благими послѣдствіями. Креститель Нѣмцевъ архіепископъ Бонифацій (715—755) нашелъ въ странѣ Гессенцевъ посвященный Тору или богу грома и пользовавшійся величайшимъ общенароднымъ почитаніемъ старый дубъ. Чтобы показать язычникамъ ничтожность мнимаго бога, будто бы обитавшаго въ деревѣ, онъ срубилъ послѣднее собственными руками, и когда народъ, съ увѣренностію ожидавшій жестокой казни ему отъ бога за его дерзновеніе, увидѣлъ, что онъ остался цѣлъ и невредимъ, то былъ такъ пораженъ

этимъ, что въ большинствѣ своемъ рѣшилъ креститься [1]... Стефанъ крестилъ жителей Усть-Выма не такимъ образомъ, чтобы тотчасъ, какъ изъявили они желаніе креститься, вести ихъ къ рѣкѣ. Онъ по возможности приготовилъ ихъ къ принятію христіанства, заповѣдавъ имъ въ продолженіе извѣстнаго времени ходить къ церкви Божіей въ качествѣ оглашенныхъ и усердно учивъ ихъ въ это время истинамъ христіанской вѣры.

Крещеннымъ нужно было дать духовенство и устроить у нихъ надлежащимъ образомъ богослуженіе. Это и было непосредственнымъ дальнѣйшимъ дѣломъ Стефана. Изъ среды крещенныхъ онъ набралъ мужей, юношей и дѣтей, которые бы могли быть поставлены во священники и на прочія церковныя должности и началъ учить ихъ чтенію по своей новоизобрѣтенной зырянской азбукѣ и совершенію службъ по своимъ новопереведеннымъ зырянскимъ книгамъ. Тѣ изъ набранныхъ кандидатовъ, которые по своему возрасту тотчасъ же послѣ обученія могли быть поставлены во священники и на прочія церковныя должности, были посланы имъ въ Москву для посвященія. Въ тоже время онъ поставилъ въ Усть-Вымѣ еще двѣ церкви. Церкви эти, поставленныя именно на томъ холмѣ, на которомъ стояла сожженная кумирня, были во имя Николая чудотворца и архангела Михаила. Построеніе послѣдней церкви, по сохранившемуся преданію, соединено было со стороны Стефана съ однимъ дѣяніемъ, сходнымъ по смыслу и по цѣли съ сожженіемъ кумирни и представлявшимъ собою повтореніе дѣянія Бонифаціева. На холмѣ, близко или не близко отъ бывшей кумирни, стояла огромная береза или огромная ель, къ которой народъ имѣлъ великое благоговѣніе, какъ къ своего рода божеству (можетъ быть, принимая ее за обиталище какого-нибудь бога или многихъ боговъ). Священное дерево, къ которому никто не смѣлъ приступиться, Стефанъ срубилъ своими собственными руками и поставилъ церковь такъ, чтобы пень дерева служилъ основаніемъ для ея престола [2]).

[1]) По увѣренію Бандтке въ Исторіи государства Польскаго, къ принятію христіанства Литовцами при Ягайлѣ «наипаче содѣйствовало замѣчаніе (народа), что боги отнюдь не мстили тѣмъ, кои, по повелѣнію короля, угасили безпрестанно пылавшій въ Вильнѣ священный огонь, истребили божественныхъ змѣй и вырубили священныя рощи и дубы»,—русск. перев. т. II, стр. 3 нач..

[2]) См. въ Ист. Іер. VI. 573. Преданіе, принимающее дерево за березу, говоритъ, что береза называлась прокудливой: «прокудливая береза»,—у *архим. Макарія* стр. 14. Прокудливый, отъ прокудить, значитъ: творящій бѣды, пагубный, зловредный (λυμεών, perniciosus), см. Словарь *Востокова* подъ сл. прокоудливъ.

Народъ зырянскій въ лицѣ Усть-Вымлянъ склонился къ рѣшенію принять христіанство вмѣсто язычества, но были противъ этого рѣшенія зырянскіе волхвы и кудесники. Эти послѣдніе употребляли всѣ свои усилія, чтобы отвращать народъ отъ Стефана и отъ его новой московской вѣры. Знаменитѣйшимъ между кудесниками зырянскими, ихъ старѣйшиною и главою, былъ въ то время кудесникъ по имени Памъ [1]). Находясь въ возрастѣ дряхлой старости и имѣя жительство не въ Усть-Вымѣ, а довольно далеко отъ него [2]), онъ, какъ кажется, сначала не принималъ участія въ борьбѣ противъ Стефана, предоставляя ее товарищамъ болѣе молодымъ. Но когда дѣло приняло такой серьёзный оборотъ, что отеческому язычеству начало грозить неминуемое паденіе, волхвы подвигли выступить противъ Стефана и этого своего старѣйшину, представлявшаго послѣднюю ихъ надежду. Памъ пріѣхалъ въ Усть-Вымъ и обратился, съ одной стороны, съ своими увѣщаніями къ крещеннымъ Зырянамъ, убѣждая ихъ возвратиться къ отеческой вѣрѣ, съ другой стороны—началъ держать пренія съ Стефаномъ. Между крещенными нашлось было нѣкоторое количество слабыхъ, которые вняли было увѣщаніямъ волхва, но здѣсь тотчасъ же поправилъ дѣло св. Стефанъ, противопоставивъ увѣщаніямъ Пама свои увѣщанія; что же касается до большинства, то оно, оставаясь твердымъ въ христіанствѣ, отвѣчало волхву, что Стефанъ доказалъ ничтожество и безсиліе языческихъ боговъ [3]). Въ преніяхъ съ Стефаномъ Памъ не сдался на до-

---

[1]) Памъ называется сотникомъ: «Памъ сотникъ». Это значитъ, что онъ былъ не только кудесникомъ, но и чиновникомъ (въ то время, о которомъ говоримъ, можетъ быть, уже заштатнымъ). Государственную власть у Зырянъ и Пермяковъ, равно какъ у восточныхъ сосѣдей тѣхъ и другихъ Вогуличей, составляли князья или князьки (князь въ старославянскомъ смыслѣ этого слова), подъ которыми были чиновники, называвшіеся порусски сотниками, см. у *Карамз.*, т. VI, 33 и прим. 461.

[2]) По преданію, Памъ имѣлъ жительство въ селеніи Княжь-Погостъ, находящемся на рѣкѣ Вымѣ верстахъ въ 40 отъ Усть-Выма (бывшемъ, какъ полагаютъ, главнымъ мѣстомъ зырянскаго племени Вымичей). — у *Надеждина* въ Лексиконѣ Плюшара, XII, 230.

[3]) На похвальбу Пама, будто онъ напуститъ на Стефана своихъ многихъ боговъ и будто боги устрашатъ, прогонятъ и сокрушатъ его, крещеные Зыряне между прочимъ отвѣчали волхву: «безумный старый человѣкъ, что напрасно хвалишься на истиннаго раба Божія! Этотъ Стефанъ уничтожилъ вашихъ боговъ и они не могли ему вредить: снявъ пелены съ главныхъ кумировъ, онъ отдалъ ихъ, для поруганія идоловъ, своему слугѣ Матвѣйку и этотъ сдѣлалъ изъ нихъ подштанники и онучи и ногавицы и износилъ безъ всякаго вреда, а былъ нашего же рода—Перминъ».— Епифаній въ П. стр. 139, col 1, въ К. стр. 41.

воды и увѣщанія перваго, но само собою разумѣется, что и самъ въ свою очередь не одолѣлъ его. Для посрамленія передъ народомъ христіанскаго проповѣдника и для дискредитированія такимъ образомъ его проповѣди, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для показанія превосходства своего и своей вѣры, престарѣлый волхвъ надумалъ хитрымъ образомъ прибѣгнуть къ такому же наглядному средству, съ помощію какого Стефанъ показалъ ничтожество языческихъ боговъ. Представляя себѣ Стефана такимъ же колдуномъ, какимъ былъ, т. е. мнилъ себя самъ, Памъ спросилъ его: умѣетъ ли онъ заговаривать огонь и воду, и получивъ въ отвѣтъ, что не умѣетъ и не учился этой хитрости, онъ сдѣлалъ Стефану публичный вызовъ: доказать, чья вѣра лучше и чьи боги сильнѣе, посредствомъ испытанія огнемъ и водой, именно—что пусть оба они пройдутъ сквозь пылающій огонь и пусть оба пройдутъ извѣстное пространство въ рѣкѣ подо льдомъ (отъ проруби до проруби). Разсчетъ у Памы былъ тотъ, что Стефанъ, не умѣя заговаривать огонь и воду и воображая умѣющимъ дѣлать это его—волхва, откажется отъ вызова и такимъ образомъ осрамитъ передъ народомъ себя и свою вѣру. Но онъ совершенно обманулся въ разсчетѣ и хитро умышленное имъ средство послужило только къ тому, чтобы его собственными руками нанесенъ былъ окончательный ударъ язычеству. Въ твердомъ уповавіи на чудодѣйственную и всесильную помощь Божію св. Стефанъ не колеблясь принялъ вызовъ. Нашли въ городѣ отдѣльно стоящій домъ (горѣніе котораго не причинило бы пожара), подожгли его, отворивъ предварительно его двери, и когда онъ разгорѣлся, Стефанъ взялъ за руку волхва, приглашая его войти внутрь, въ отворенныя двери: но Памъ отказался. Пришли къ рѣкѣ, сдѣлали во льду на извѣстномъ разстояніи двѣ проруби, съ тѣмъ, чтобы одною войти подъ ледъ, другою выйти, Стефанъ опять настоятельно приглашалъ волхва идти и Памъ рѣшительно опять отказался. Этотъ великій позоръ, которымъ покрылъ себя старѣйшина кудесниковъ, долженъ былъ заградить уста и сихъ послѣднихъ, такъ чтобы умолкли или стали безсильными всякія рѣчи противъ христіанства.

Когда была уничтожена въ Усть-Вымѣ главная языческо-зырянская кумирница, когда жители этого главнаго мѣста всей земли изъявили желаніе креститься; когда явились здѣсь три христіанскія церкви, такъ что стольное мѣсто земли превратилось изъ языческаго въ христіанское: совершенная побѣда христіанства надъ язычествомъ въ зырянской землѣ была дѣломъ рѣшеннымъ и достигнутымъ. Усть-Вымъ была для Зырянъ головой, которой принадлежали думы за всю землю; какъ вездѣ и всегда было и какъ это и должно быть, что сдумала

сдѣлать голова, то необходимо и неизбѣжно должны были сдѣлать и всѣ, кто признавалъ себя принадлежащимъ къ составу ея тѣла, ибо рѣшеніе головы было рѣшеніемъ за всѣхъ и имѣло быть обязательнымъ для всѣхъ. Послѣ крещенія Усть-Выма зырянской землѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ стремиться стать христіанскою въ полномъ своемъ составѣ. Дѣйствительно такъ это и было: со всѣхъ концовъ земли началъ стекаться къ Стефану въ Усть-Вымъ народъ, ища отъ него научиться новой московской вѣрѣ, которую онъ водворилъ въ стольномъ ихъ мѣстѣ и требуя отъ него крещенія. Такимъ образомъ, послѣ водворенія Стефаномъ христіанства въ Усть-Вымѣ дѣло стало въ такое положеніе, что не столько онъ долженъ былъ стараться, чтобы обратить народъ въ христіанство, сколько самъ народъ искалъ отъ него, чтобы онъ сдѣлалъ его христіанскимъ. Требовались однако личныя путешествія Стефана по погостамъ и селеніямъ. Онъ долженъ былъ ходить по однимъ и другимъ отчасти для того, чтобы крестить въ нихъ всѣхъ жителей (послѣ приходившихъ къ нему въ Усть-Вымъ крестить и всѣхъ не приходившихъ), главнымъ же образомъ за тѣмъ, чтобы уничтожать въ нихъ мѣстныя кумирницы. Мы сказали, что св. Стефанъ, уничтоживъ въ Усть-Вымѣ главную кумирницу Зырянъ, нагляднымъ образомъ убѣдилъ ихъ въ томъ, что ихъ языческіе боги суть ничто; но это «ничто» не совсѣмъ точно. Оно должно быть понимаемо въ своемъ собственномъ смыслѣ (отсутствія существованія) только по отношенію къ немногимъ изъ народа, по отношенію же къ большинству послѣдняго оно должно быть понимаемо въ смыслѣ ничтожности (какъ качественнаго предиката къ существующему). Невозможно, чтобы языческій народъ, обращаемый въ христіанство, въ самомъ большинствѣ своемъ сразу призналъ своихъ языческихъ боговъ за дѣйствительное ничто; видя, какъ проповѣдники христіанскіе съ совершенною безнаказанностію истребляютъ боговъ, большинство народа, не переставая вѣрить въ ихъ существованіе, приходитъ къ убѣжденію въ ихъ ничтожности въ сравненіи съ Богомъ христіанскимъ, силою котораго дѣйствуютъ проповѣдники, такъ что собственно принимаетъ послѣдняго не какъ Бога единаго, а какъ Бога высшаго, чѣмъ его боги. Не переставая вѣрить въ существованіе боговъ, большинство народа не перестаетъ вѣрить и въ то, что боги все таки суть боги,—что, хотя они ничтожны предъ могуществомъ Бога христіанскаго, но обладаютъ достаточною силою, чтобы защищать себя отъ людей и мстить этимъ послѣднимъ въ случаѣ оскорбленій. На этомъ основаніи большинство всякаго языческаго народа, обращеннаго въ христіанство, и послѣ обращенія не перестаетъ питать страхъ къ

своимъ прежнимъ богамъ и не дерзаетъ поднимать на нихъ свои собственныя руки, опасаясь ихъ мщенія. Какъ бываетъ вообще съ язычниками, принимающими христіанство, такъ это было и съ Зырянами. Жители погостовъ и селеній приходили къ Стефану въ Усть-Вымъ и просили у него крещенія; но, возвращаясь домой, они не дерзали поднимать своихъ рукъ на мѣстныя кумирни своихъ прежнихъ боговъ. Такимъ образомъ, св. Стефанъ долженъ былъ предпринимать путешествія по погостамъ и селеніямъ, чтобы собственными руками уничтожать находившіяся въ нихъ мѣстныя кумирни. Зыряне—язычники имѣли обыкновеніе дѣлать приносы богамъ изъ своихъ промысловыхъ добычъ и поэтому ихъ кумирницы были увѣшаны шкурами соболей, куницъ и лисицъ, и всякихъ другихъ пушныхъ звѣрей, которыя, давая кумирницамъ видъ какъ бы мѣховыхъ магазиновъ, въ общемъ каждаго мѣста составляли значительныя цѣнности и которыя во всякомъ случаѣ представляли собою обильный матеріалъ для лучшей мѣховой одежи. Предавая огню кумирницы, св. Стефанъ истреблялъ въ этомъ огнѣ и все то, что въ нихъ находилось, и подобнымъ своимъ безкорыстіемъ возбуждалъ удивленіе въ народѣ.

Уничтожая кумирни, св. Стефанъ приказывалъ рубить по погостамъ и селеніямъ церкви и поставлялъ, т. е. собственно опредѣлялъ, къ нимъ священниковъ, насколько у него могло доставать приготовленнаго запаса этихъ послѣднихъ.

Апостольская дѣятельность св. Стефана среди Зырянъ была чрезвычайно благоуспѣшна. Онъ отправился на проповѣдь къ нимъ въ 1378-мъ или 1379-мъ году, а къ 1383-му году, т. е. въ продолженіе четырехъ или пяти лѣтъ, онъ настолько успѣлъ утвердить и распространить между ними христіанство, что въ семъ году у него явилась мысль отправиться въ Москву, чтобы просить новокрещеннымъ своего особаго епископа. Побужденіемъ для Стефана желать, чтобы новокрещеннымъ данъ былъ свой особый епископъ, по словамъ его жизнеописателя, было то, что до Москвы очень далеко отъ земли зырянской [1]) и что для послѣдней было бы очень затруднительно обращаться въ нее со всякими дѣлами и нуждами церковными. Должно предполагать, что у него были при этомъ и другія, не менѣе важныя, побужденія. Крестьвъ Зырянъ, св. Стефанъ крестилъ не всю Пермь, а только часть ея; послѣ крещенной части оставалась еще собственная или такъ называемая Великая Пермь (нынѣшняя Пермская губернія): если бы не

---

[1]) Отъ Москвы до Яренска 1163 версты; а отъ Яренска до Усть-Выми считаютъ 85 верстъ.

дать странѣ своего особаго епископа, то распространеніе христіанства въ ней, не имѣя руководителя въ лицѣ этого епископа, могло бы остановиться на половинѣ, только на томъ, что сдѣлалъ самъ Стефанъ. Затѣмъ, если бы предоставить страну пастырскому пасенію только священниковъ и управленію архіерейскихъ чиновниковъ, не давъ ей собственнаго епископа, то одни и другіе, не имѣя надъ собою непосредственнаго и близкаго надзора, могли бы вести дѣло такъ, что крещенные опять возвратились бы къ своему старому язычеству. Въ Москвѣ просьба св. Стефана о дарованіи Зырянамъ своего особаго епископа была принята великимъ княземъ и митрополитомъ, которымъ былъ тогда Пиминъ, безъ всякихъ возраженій съ полною благосклонностію, и въ епископы эти поставили самого св. Стефана. Жизнеописатель увѣряетъ, что не нашли никого болѣе достойнаго занять каѳедру епископскую, чѣмъ онъ; но съ совершенною вѣроятностію слѣдуетъ думать, что вовсе не было и охотниковъ занять исключительную каѳедру, на которой ожидало человѣка какъ разъ противоположное тому, что̀ на обыкновенныхъ каѳедрахъ,—не сладость сидѣнія съ возможностью устраненія всякихъ горечей труда, а напротивъ одна горечь послѣдняго, безъ всякихъ сладостей перваго [1]). Св. Стефанъ посвященъ былъ въ епископы зырянскіе или,—какъ онъ и преемники его назывались, пермскіе [2]), митрополитомъ Пиминомъ въ началѣ 1383-го года (въ зимніе мѣсяцы Январь—Мартъ).

Возвратившись въ Усть-Вымъ, имѣвшій стать каѳедральнымъ городомъ новыхъ епископовъ, св. Стефанъ сдѣлалъ въ немъ своимъ каѳедральнымъ архіерейскимъ соборомъ первопостроенную въ ней церковь Благовѣщенія Богородицы, а для своего обитанія устроилъ большой монастырь при церкви архангела Михаила [3]). Совершенно ничего не говоритъ жизнеописатель, какъ было обезпечено великимъ княземъ содержаніе новаго епископа или было ли оно какъ-нибудь имъ обезпечено. Свѣ-

---

[1]) Жизнеописатель Стефана, указывая на темныя стороны нравовъ своего времени, говоритъ о поставленіи Стефана въ епископы: «не добивался владычьства, ни вертѣлся, ни тщался, ни наскакивалъ, ни накупался, ни насуливался посулы: не далъ бо никомуже ничтоже и не взялъ у него отъ поставленіа никтоже ничтоже, ни дара, ни посула, ни мзды», — П. стр. 148, col. 2, К. стр. 62 (подобное сему говоритъ Епифаній въ житіи преп. Сергія по поводу поставленія его въ игумены,— литографич. изд. л. 105 fin.).

[2]) Преемники Стефана послѣ того, какъ приступлено было къ крещенію и собственной или Великой Перми, стали называться великопермскими.

[3]) Ист. Іер. VI, 572—573.

дѣнія, не знаемъ откуда заимствованныя, утверждаютъ, что великій князь отдалъ въ отчину новыхъ архіереевъ всю Усть-Вымскую волость съ ея богатыми пашнями и лугами, и что, кромѣ того, онъ предоставилъ имъ дань (?) съ пріѣзжавшихъ въ Пермь купцовъ и промышленниковъ, которая дотолѣ собиралась въ казну великокняжескую [1]). Изъ тѣхъ или другихъ источниковъ получалъ св. Стефанъ содержаніе свое въ качествѣ епископа, но жизнеописатель даетъ знать, что источники, хотя бы ихъ составляло и одно добровольное усердіе паствы, были не скудные. Похваляя нищелюбіе, страннолюбіе и гостелюбіе Стефана, онъ говоритъ: «коль краты многажды лодьями жита привозя отъ Вологды въ Пермь и сія вся истрошаше не на ино что еже на свой промыслъ, но точію на потребу страннымъ и приходящимъ и прочимъ всѣмъ требующимъ» [2]). Свѣдѣнія говорятъ, что великій князь предоставилъ св. Стефану особенныя преимущества передъ прочими владыками и по управленію епархіей и въ дѣлахъ судныхъ [3]); но, къ сожалѣнію, не сообщаютъ, въ чемъ именно состояли преимущества.

Въ санѣ епископа св. Стефанъ провелъ 14 лѣтъ жизни, съ 1383-го по 1396-й годъ. Во все это время онъ доканчивалъ дѣло обращенія Зырянъ въ христіанство и дѣло устроенія у нихъ христіанской церкви: крестилъ остававшихся некрещенными, разыскивая таковыхъ по всей странѣ зырянской и во всѣхъ ея предѣлахъ [4]), воздвигалъ по погостамъ и селеніямъ храмы и приготовлялъ для нихъ священниковъ и причетниковъ въ качествѣ учителя (смотрителя надъ учителями) въ заведенномъ имъ при его каѳедрѣ съ сею цѣлью училищѣ, устроялъ монастыри и собиралъ въ нихъ монаховъ, доканчивалъ переводъ богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ [5]). Такъ какъ мо-

---

[1]) *Архим. Макарій* въ Сказаніи, стр. 25 fin., со ссылкой на Вологодскія Губернскія Вѣдомости 1850 года, № 6; относительно волости говоритъ тоже и авторъ Исторіи іерархіи,—VI, 572 нач..

[2]) П. стр. 155, col. 1 нач., К. стр. 76.

[3]) У *Макарія* ibid..

[4]) Осталась некрещенною св. Стефаномъ та или другая часть Зырянъ, обитавшихъ въ Печорской украйнѣ. Эти некрещенные крещены были вскорѣ послѣ него монахами Троицкой Печорской пустыни (Ист. Іер. V. 550), находившейся при впаденіи въ Печору рѣки Мылвы (въ Вологодской губерніи, въ 380 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ города Усть-Сысольска).

[5]) Зырянскія богослужебныя книги св. Стефана давно уже вышли у Зырянъ изъ употребленія, бывъ замѣнены славянскими. Неизвѣстно, случилось ли это по доброй волѣ Зырянъ, по мѣрѣ того, какъ распространялось между ними знаніе рус-

настыри представляли собою важное средство поддержанія и утвержденія въ народѣ христіанства, то весьма вѣроятно думать, что св. Стефанъ старался объ устроеніи возможно бóльшаго ихъ количества. Жизнеописатель подтверждаетъ это, когда говоритъ, что Стефанъ между прочимъ «и монастыри наряжаше и въ черньци постригаше и игумены имъ устрояше» и что «монастыри и богомолья (при немъ въ зырянской землѣ) чиняхуся»[1]). Послѣ каѳедральнаго монастыря при церкви архангела Михаила, о которомъ прямо говоритъ жизнеописатель[2]), позднѣйшее преданіе называетъ какъ построенные св. Стефаномъ еще два монастыря: Ульяновскую Спасскую пустыню, находившуюся на рѣкѣ Вычегдѣ въ 165 верстахъ вверхъ отъ Усть-Сысольска (верстахъ въ 250

скаго языка, или же путемъ принужденія; но такъ какъ теперь вовсе не существуетъ книгъ Стефановыхъ, то по самымъ книгамъ и нельзя рѣшить, въ какомъ объемѣ сдѣланъ былъ Стефаномъ переводъ. Епифаній увѣряетъ, что имъ переведены были богослужебныя книги на зырянскій языкъ въ полномъ ихъ объемѣ. О приготовленіи Стефаномъ первой серіи священниковъ изъ Зырянъ въ началѣ проповѣди онъ говоритъ: «и заповѣда учити грамоту: Часословецъ явѣ и Осмогласникъ и Пѣснивца Давидова, но и *вся* прочая книги», — П. стр. 135 sub fin., К. стр. 34. О совершеніи службы у Зырянъ во время епископства Стефанова Епифаній говоритъ: «и попове его пермскимъ языкомъ служаху обѣдню, заутреню же и вечерню, пермскою рѣчію пояху, и канонархи его по пермскимъ книгамъ канонархаша, и чтецы чтяху пермскою бесѣдою, пѣвци же *всяко* пѣніе пермски возглашаху»,— П. стр. 149 col. 1 нач., К. стр. 63. Въ прошломъ столѣтіи академикомъ Лепехинымъ найденъ отрывокъ зырянской литургіи Іоанна Златоустаго, написанный славянскими буквами; онъ напечатанъ Лепехинымъ въ его Дневныхъ запискахъ путешествія по разнымъ провинціямъ россійскаго государства, — III, 242 (см. еще въ указанной выше статьѣ *П. Д. Шестакова:* «Св. Стефанъ, первосвятитель Пермскій», отдѣлъ 6-й, озаглавленный: «О дошедшихъ до насъ древнихъ переводахъ богослужебныхъ книгъ на зырянскомъ и пермскомъ языкѣ», стр. 90 sqq). Говоря о трудахъ Стефана еще до поставленія въ епископы, Епифаній пишетъ, что между прочимъ «дѣло ему бѣ: книги писаше, со русскихъ переводя на пермьскія, но и съ греческихъ многажды на пермьскія», — П. стр. 146 col. 2 fin., К. стр. 58 sub fin. Неясная и загадочная рѣчь эта какъ будто даетъ знать, что Стефанъ переводилъ на пермскій языкъ не только богослужебныя книги, но и учительныя, см. ниже.

[1]) П. стр. 149 col. 1, К. стр. 63.

[2]) Жизнеописатель говоритъ глухо, что въ Усть-Вымѣ «создана бысть обитель болшаа, еже потомъ и епископья его наречена бысть», не называя церкви, при которой создана была обитель,—П. стр. 130 col. 2, К. стр. 23 нач.. Что она создана была при церкви именно архангела Михаила, это извѣстно помимо него,— Ист. Іер. VI, 570 fin..

отъ Усть-Вымы, упраздненную неизвѣстно когда до штатовъ 1764 г.[1]), и Стефановскую пустыню, находившуюся на рѣчкѣ Вотчинкѣ или Ожинѣ, впадающей справа въ Сысолу, въ 60 верстахъ отъ Усть-Сысольска, упраздненную около половины прошедшаго столѣтія; во второй пустынѣ, какъ увѣряютъ, до самаго конца ея существованія церковная служба была отчасти совершаема на зырянскомъ языкѣ [2]).

Обращая какой-нибудь народъ изъ язычества въ христіанство, невозможно достигнуть того, чтобы весь онъ тотчасъ же сталъ чисто и истинно христіанскимъ; напротивъ, всегда бываетъ такъ, что первое болѣе или менѣе продолжительное время послѣ обращенія большинство народа хромаетъ на десно и на лѣво, т. е. двоевѣрствуетъ, почитая новаго Бога, котораго принялъ, но продолжая почитать и старыхъ боговъ, которыхъ долженъ былъ покинуть: это большинство обыкновенно не можетъ себѣ представить, чтобы одинъ только Богъ въ состояніи былъ управлять всѣмъ міромъ и чтобы одинъ только Онъ въ состояніи былъ заботиться о всѣхъ разнообразныхъ нуждахъ людей. Такъ это было и съ Зырянами. Св. Стефанъ зналъ эту болѣзнь своей паствы и подъ конецъ своей жизни сдѣлалъ попытку очистить или уврачевать ее отъ ней. Онъ созвалъ къ себѣ представителей народа и сказалъ имъ: «до сихъ поръ я обращался съ вами какъ съ младенцами въ вѣрѣ, теперь хочу испытать, пришли ли вы въ возрастъ мужей; покажите мнѣ отъ дѣлъ вашу вѣру, дѣйствительно ли вы крѣпко вѣруете: кто хочетъ показать себя болѣе всѣхъ другихъ истиннымъ христіаниномъ и болѣе всѣхъ другихъ любящимъ меня, тотъ пусть найдетъ таимые (скрываемые) кумиры—у себя ли въ дому или у своего сосѣда и гдѣ бы то ни было, пусть принесетъ ихъ въ народное собраніе и уничтожитъ своими руками,—кто сдѣлаетъ это, того я предъ всѣми объявлю моимъ другомъ, возблагодарю и одарю» [3]). Это нѣкоторое «ухищреніе» св. Стефана, имѣвшее въ виду благо людей, сопровождалось, по увѣренію его жизнеописателя, самыми желаемыми послѣдствіями. Онъ пишетъ объ этомъ: «они же (Зыряне) то (заповѣдь епископа) слышавше, кождо ихъ тщашеся другъ предъ другомъ, дабы гдѣ увѣдати и изобрѣсти таю щься (таимый) кумиръ, дабы кто, варивъ первѣе, показалъ свое тщаніе, и бяше видѣти тогда дивно промежу ими: аще бы кто и хотѣлъ, лицемѣруя о вѣрѣ, свой кумиръ потаити, но не можаше, сами бо къ себѣ съзирахуся, кождо бо блюдя-

---

[1]) Ист. Іер. VI. 467.

[2]) Ibid. VI, 328.

[3]) Епифаній въ П. стр. 154 col. 2 нач., въ К. стр. 75 нач..

шеся, преже даже подругъ его не обличитъ, но и клеветари (обличители) добры сами промежи собою бываху, бяху бо свѣдуще другъ друга тайная, сосѣди суще межи собою: и тацѣми винами напослѣдокъ истребишася домове ихъ и до конца очистишася отъ кумиръ, и быша свершени въ вѣрѣ и съ женами и съ дѣтьми»[1]).

Принимать, чтобы св. Стефанъ успѣлъ совершенно очистить отъ кумировъ весь крещенный имъ народъ, нѣтъ сомнѣнія, было бы преувеличенно, потому что это не бываетъ такъ скоро. Если мы дадимъ вѣру словамъ жизнеописателя, то ихъ нужно будетъ разумѣть о части народа, къ которой постоянно могло быть обращено учительное слово епископа и которая вмѣстѣ съ тѣмъ находилась подъ его постояннымъ ближайшимъ надзоромъ,—къ жителямъ самаго Усть-Выма и окрестныхъ погостовъ и селеній. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ апостольское дѣло св. Стефана, состоявшее въ крещеніи цѣлаго народа, представляетъ собою истинно замѣчательное дѣло.

Это дѣло его отличается весьма важною характеристическою чертой, которая придаетъ ему совсѣмъ особое значеніе и достоинство. Почти всѣ другіе древняго и стараго времени наши миссіонеры, трудившіеся надъ обращеніемъ въ христіанство инородцевъ, дѣйствовали при бо́льшемъ или меньшемъ покровительствѣ и при бо́льшей или меньшей помощи гражданской власти, такъ что дѣйствовали не только подъ охраною этой власти, но и при ея настоящемъ участіи. Св. Стефанъ выступилъ на свою проповѣдь Евангелія и совершалъ ее безъ всякаго покровительства и безъ всякой помощи гражданской власти. Онъ отправился къ Зырянамъ обращать ихъ въ христіанство, надѣясь единственно на помощь Божію; онъ достигъ того, что заставилъ ихъ отказаться отъ язычества и принять христіанство, единственно силою убѣжденія, безъ всякаго и безъ малѣйшаго участія принужденія. Вообще, какъ проповѣдникъ христіанства между язычниками, св. Стефанъ является передъ нами истиннымъ новымъ апостоломъ.

Бывъ крестителемъ Зырянъ и бывъ поставленъ въ ихъ епископы, св. Стефанъ въ этомъ послѣднемъ званіи хотѣлъ быть не только духовнымъ пастыремъ своего народа, но, какъ выражается жизнеописатель, и его ходатаемъ, печальникомъ и промышленникомъ и въ житейскихъ его нуждахъ и дѣлахъ[2]). Онъ ходатайствовалъ за него предъ великимъ княземъ, ища устраненія злоупотребленій и притѣсненій во-

---

[1]) Ibidd..

[2]) П. стр. 160 col. 1, К. стр. 87 нач..

взиманіи съ него даней. Онъ старался отвратить грабительскіе на него набѣги новгородскихъ такъ называемыхъ ушкуйниковъ или флибустьеровъ, обращаясь къ симъ послѣднимъ съ своими увѣщаніями. При нападеніи на него другого инородческаго народа—Вогуличей онъ воодушевлялъ къ мужеству его воинскія рати и предводительствовалъ послѣдними съ оружіемъ креста въ рукахъ. Когда случался въ зырянской землѣ голодъ, онъ старался быть питателемъ народа, доставая хлѣбъ изъ пограничной Россіи [1]).

Кромѣ собственной и прямой дѣятельности, состоявшей въ просвѣщеніи Зырянъ христіанствомъ, есть основанія еще усвоять св. Стефану дѣятельность побочную, именно—поставлять его въ ряду нашихъ писателей и нашихъ переводчиковъ съ греческаго языка.

Сохранилось до настоящаго времени обличительное поученіе противъ Стригольниковъ, надъ которымъ читается надписаніе: «сіе списаніе отъ правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ далъ владыцѣ На(о)угородцкому Алексѣю Стефанъ владыка Перемыскый на Стригольникы» [2]). Съ совершенною вѣроятностью предполагаютъ, что вмѣсто Перемыскый должно читать Перемьскый [3]), т. е. Пермскій, и что подъ авторомъ списанія нужно разумѣть именно нашего св. Стефана. Въ 1386-мъ году онъ ѣздилъ въ Новгородъ, какъ нужно думать, за тѣмъ, чтобы искать обороны своей паствѣ отъ помянутыхъ нами ушкуйниковъ: въ это время по просьбѣ архіепископа Новгородскаго онъ и могъ напи-

---

[1]) Послѣднее жизнеописатель не прямо говоритъ, а только даетъ знать и притомъ не совсѣмъ ясно,—въ П. стр. 155 col. 1, въ К. стр. 76. Въ одномъ мѣстѣ житія Епифаній даетъ знать, что были люди, которые находили въ Стефанѣ недостатки. Представляя пермскихъ людей плачущими по умершемъ своемъ крестителѣ—епископѣ и сѣтующими на то, что онъ скончался и погребенъ въ Москвѣ, жизнеописатель влагаетъ имъ въ уста уже приведенныя нами выше слова: «не тако тебе москвичи почтутъ, якоже мы, ни тако ублажатъ; знаемъ бо мы и тѣхъ, иже и прозвища ти кидаху. отнюдуже нѣціи и храпомъ тя зваху, не разумѣюще силы и благодати Божія, бываемыя въ тебѣ и тобою», — въ П. стр. 161, col. 1, въ К. стр. 89. Къ чему относить это «храпъ», означающее человѣка, способнаго къ насилію, къ насильственнымъ захватамъ («нахрапомъ»), и насколько оно справедливо, остается неизвѣстнымъ.

[2]) Въ нѣкоторой передѣлкѣ и съ усвоеніемъ патріарху константинопольскому Антонію напечатано въ Актахъ Историческихъ, т. I, № 6; въ подлинномъ видѣ съ сейчасъ приведеннымъ надписаніемъ въ Памятникахъ *Павлова*, № 25, col. 211.

[3]) Отъ Перемь—Пермь: въ Новгородской 4-й лѣтописи подъ 1386-мъ годомъ именно: «Стефанъ владыка Перемьскій».

сать свое поученіе. О достоинствахъ поученія мы сказали выше. Мы возвратимся къ нему нѣсколько ниже, когда будемъ говорить о Стригольникахъ.

Что касается до дѣятельности Стефана, какъ переводчика съ греческаго языка, то имѣются нѣкоторыя основанія усвоять ему переводъ большого юридическаго (юридическо-нравоучительнаго) сборника, извѣстнаго подъ именемъ «Мѣрила праведнаго». Предисловіе къ Мѣрилу, имѣющее форму поученія къ великому князю (какъ должно думать, вмѣстѣ съ самымъ сборникомъ переведенное съ греческаго и только обращенное съ лица императора на лицо великаго князя) встрѣчается въ нашихъ рукописяхъ въ отдѣльномъ видѣ съ надписаніемъ, что оно есть посланіе Стефана къ великому князю Дмитрію Ивановичу [1]). Могло случиться, что предисловіе, бывъ выписано изъ Мѣрила какъ отдѣльное поученіе, усвоено св. Стефану ошибочнымъ и несправедливымъ образомъ; но возможно и то, что оно выписано съ тѣмъ самымъ надписаніемъ, какое имѣло въ неизвѣстныхъ намъ въ настоящее время спискахъ Мѣрила, и слѣдовательно—что согласно стоявшему въ нѣкоторыхъ спискахъ надписанію есть вѣроятность усвоять переводъ сборника св. Стефану. Наше надписаніе, заставляющее усвоять Стефану переводъ сборника, даетъ знать, что послѣдній совершонъ былъ имъ не въ періодъ жизни, предшествовавшій отправленію на проповѣдь къ Зырянамъ, а въ періодъ проповѣднической (послѣ Куликовской побѣды надъ Мамаемъ великаго князя). Относительно представляющейся невѣроятности, чтобы въ этотъ второй періодъ своей жизни св. Стефанъ имѣлъ время заниматься переводами съ греческаго на славянскій, можетъ быть замѣчено, что онъ пребывалъ на каѳедрѣ епископской 14 лѣтъ, и что въ эти 14 лѣтъ дѣло просвѣщенія Зырянъ не находилось постоянно въ такомъ положеніи, чтобы онъ ни на минуту не могъ отъ него отрываться или чтобы во все время никакъ не могъ совмѣщать его съ другими дѣлами. Впрочемъ, само собою понятно, что сейчасъ сказанное только отстраняетъ возраженія противъ вѣроятности, нисколько не увеличивая ея самой (Имѣемъ мы указанія на

---

[1]) Въ отдѣльномъ видѣ съ сейчасъ указаннымъ надписаніемъ предисловіе найдено Погодинымъ въ одной рукописи XVI вѣка и въ русскомъ переводѣ напечатано имъ въ Москвитянинѣ 1847-го года, ч. I, Матеріаловъ стр. 121. Не приведенное Погодинымъ въ подлинномъ видѣ, надписаніе читается у него въ русскомъ переводѣ: «Стефана епископа Пермскаго отъ божественнаго Писанія поучительное посланіе къ православному царю и великому князю Димитрію Ивановичу всея Русіи, самодержцу и побѣдителю (потому что побѣдилъ онъ безбожнаго бесерменскаго царя ордынскаго»).

существованіе какого-то зырянскаго судебника [1]), а съ другой стороны— имѣемъ свидѣтельство жизнеописателя св. Стефана, что онъ что-то такое переводилъ на зырянскій языкъ съ греческаго [2]). Является на основаніи сего нѣкоторое побужденіе подозрѣвать: не было ли такъ, что св. Стефанъ одновременно перевелъ Мѣрило праведное на славянскій и на зырянскій языки. Правда, что подозрѣніе весьма ослабляется вопросомъ: а на что Стефанъ считалъ бы нужнымъ для Зырянъ Мѣрило праведное? Но, будучи весьма ослабляемо, не отстраняется однако совершеннымъ образомъ, ибо возможенъ и такой отвѣтъ, что считалъ нужнымъ почему-то намъ неизвѣстному и для насъ непонятному.—Что касается до показаній предисловія къ Мѣрилу праведному, читаемаго какъ предисловіе, то въ извѣстныхъ въ настоящее время спискахъ Мѣрила имени переводчика не обозначено, а князь, къ которому адресовано предисловіе, въ однихъ спискахъ называется Димитріемъ [3]), подъ которымъ должно разумѣть или Дмитрія Ивановича Донского или Дмитрія Александровича сына Невскаго (занимавшаго великокняжескій престолъ въ продолженіе 1276-1277-го и 1283-1292-го годовъ), въ другихъ—Михаиломъ [4]), подъ которымъ вѣроятно будетъ разумѣть или Михайла Ярославича или Михайла Александровича Тверскихъ (изъ которыхъ первый † 1318-го года, второй—1400-го года), въ третьихъ не называется по имени [5]).

Послѣ 14-лѣтняго пребыванія на каѳедрѣ епископской св. Стефанъ скончался 26-го Апрѣля 1396-го года во время своего пребыванія въ Москвѣ, куда онъ прибылъ къ митр. Кипріану по нуждамъ церковнымъ. Въ Москвѣ онъ погребенъ въ придворномъ Спасскомъ монастырѣ (Спасъ на Бору [6]). Такъ какъ монастырь этотъ былъ усыпаль-

---

[1]) У *архим. Макарія* въ Сказаніи, стр. 46, примѣч. 22, со ссылкой на Вологодскія Губернскія Вѣдомости 1850-го года, № 22.

[2]) П. стр. 146 col. 2 fin., К. стр. 58: «со русскихъ (книгъ) переводя на пермьскія, но и съ греческихъ многажды на пермьскія».

[3]) См. *Розенкампфа* Обозрѣніе Кормчей, 1-го изд. стр. 265 перваго счета. и *Калачева* О значеніи Кормчей.—въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. годъ 3, № 3, стр. 128.

[4]) У *Калачева* ibidd..

[5]) Напр. въ ркп. фундамент. библіотеки Моск. Дух. Акад. № 187. Въ новгородскомъ Хутынскомъ монастырѣ въ XVII вѣкѣ хранился какой-то сборникъ Стефана Пермскаго, но сборникъ, имъ составленный или переведенный, или же только имъ написанный,—остается неизвѣстнымъ (*Ундольскаго* Опись книгамъ степенныхъ монастырей, № 1886).

[6]) «Положиша его въ пресловущемъ градѣ Москвѣ, въ монастырѣ святаго Спаса, въ церкви каменной, входящимъ въ церковь на лѣвой странѣ»,—Епифан..

ницею для московскихъ княгинь и для умиравшихъ въ Москвѣ князей, за исключеніемъ самихъ великихъ князей, которые погребались въ церкви архангела Михаила, а умиравшіе въ Москвѣ архіереи обыкновенно погребались въ Чудовѣ монастырѣ св. Алексія: то на погребеніе св. Стефана въ придворной усыпальницѣ несомнѣнно должно смотрѣть какъ на знакъ особеннаго уваженія, которое хотѣлъ выразить знаменитому крестителю языческаго народа великій князь (Василій Дмитріевичъ, сынъ Донскаго [1]). Торжественно и формально нашъ новый апостолъ былъ причисленъ къ лику святыхъ Макаріевскимъ соборомъ 1549-го года [2]).

Св. Стефанъ крестилъ одну половину народа пермскаго. Надъ крещеніемъ другой половины,—собственныхъ Пермяковъ, обитавшихъ въ нынѣшней губерніи пермской, трудились его преемники на каѳедрѣ епископской, что и удалось имъ достигнуть въ продолженіе 65-ти лѣтъ послѣ него (окончательно крещена собственная Пермь четвертымъ преемникомъ св. Стефана Іоной въ 1462-мъ году).

[1]) Который, по словамъ Епифанія, во время болѣзни Стефана «и самъ прихожаше на посѣщеніе его».

[2]) Мощи св. Стефана почиваютъ въ Спасскомъ соборѣ подъ спудомъ.

МИТРОПОЛИТЪ КИПРІАНЪ.

Никоновская лѣтопись и Степенная книга, не совсѣмъ понятнымъ для насъ образомъ допуская ошибку, называютъ митр. Кипріана Сербиномъ [1]). На самомъ дѣлѣ онъ былъ не Сербъ, а Болгаринъ. Его родиной былъ стольный городъ Болгаріи Терновъ; семейство, въ которомъ онъ родился, было знатное боярское семейство Цамблаковъ. Онъ былъ родной дядя по отцу извѣстнаго литовскаго митрополита Григорія Цамблака и, какъ принимаютъ, безъ достаточнаго впрочемъ основанія, родственникъ послѣдняго болгарскаго (терновскаго) патріарха Евѳимія [2]).

---

[1]) Никон. лѣт. V, 2, Степенн. кн. I, 465 sub fin.. Можно было бы подумать, что лѣтопись и книга употребляютъ названіе Сербинъ не въ собственномъ и точномъ смыслѣ Серба, а въ общемъ и неточномъ смыслѣ Славянина Балканскаго полуострова, такъ какъ во времена Кипріановы Сербы во всѣхъ отношеніяхъ преимуществовали надъ Болгарами. Но Григорія Цамблака обѣ онѣ называютъ не Сербиномъ, а Болгариномъ.

[2]) Что Кипріанъ былъ дядя по отцу Григорія Цамблака, а слѣдовательно и самъ—Цамблакъ, и что онъ родился въ Терновѣ, см. похвальное (надгробное) слово Григорія Кипріану (напечатано *архим. Леонидомъ* въ I книгѣ Чтеній Общ. Ист. и Древн. 1872 го года; выдержки изъ него, что̀ есть въ немъ историческаго, — въ статьѣ *А. В. Горскаго* о митр. Фотіи, напеч. въ Прибавлл. къ творр. свв. отцц., ч. XI, стр. 28 прим., въ Описаніи сѵнодд. ркпп. № 235, л. 236, стр. 139—140, и въ 15-й лекціи Шевырева по исторіи русской словесности. «Его же убо,—говоритъ Григорій о Кипріанѣ, наше отечество изнесе..., братъ бѣаше нашему отцю»). О знатности семейства Цамблаковъ свидѣтельствуетъ сохранившійся до настоящаго времени болгарскій синодикъ недѣли православія, писанный въ XIV вѣкѣ, и извѣстный по первому государю, введшему его въ Болгаріи, подъ именемъ сѵнодика царя Бориса, въ которомъ записанъ Цамблакъ, саномъ великій примикирій, что̀ по нашему есть оберъ-церемонимейстеръ двора и вмѣстѣ начальникъ государевой квартиры на войнѣ (сѵнодикъ напечатанъ въ XXI книгѣ Временника Общ. Ист. и Древн. и не давно болѣе исправнымъ образомъ во II томѣ Извѣстій Русскаго Археологическаго Общества въ Константинополѣ. Нашъ не названный по имени Цамблакъ долженъ быть причисляемъ къ исключительно знаменитымъ людямъ, потому что по этой

Изъ времени жизни Кипріана до его поступленія въ клиръ патріарха Константинопольскаго, въ качествѣ чиновника послѣдняго, каковымъ онъ является въ нашей исторіи, намъ извѣстно, что онъ долгое или недолгое время монашествовалъ на Аѳонѣ [1]).

Не совсѣмъ понятно или лучше сказать—совсѣмъ не понятно, какимъ образомъ Кипріанъ, будучи родомъ не Грекъ, а Болгаринъ, могъ попасть въ чиновные клирики («клирошане») патріарха константинопольскаго. Такъ какъ патр. Филоѳей, при которомъ онъ является клирикомъ, былъ съ Аѳона (изъ настоятелей лавры св. Аѳанасія), то можно было бы предполагать, что онъ пріобрѣлъ расположеніе сего патріарха въ свое пребываніе на Аѳонѣ; но трудно допускать это по соображеніямъ времени [2]). Другое, что̀ можно указывать въ объясненіе

только причинѣ онъ могъ быть внесенъ въ сνнодикъ недѣли православія вмѣстѣ съ другими немногими боярами. Вѣроятно, онъ убитъ былъ, пострадавъ такимъ образомъ за вѣру и отечество, въ одномъ изъ сраженій съ Турками). Свидѣтельство о родствѣ митр. Кипріана съ патр. Евѳиміемъ думаютъ находить въ томъ же похвальномъ словѣ Григорія Цамблака митр. Кипріану. Но принимаемыя за свидѣтельство слова̀ Григорія весьма не ясны; разсказывая о посѣщеніи Кипріаномъ Тернова во время его путешествія изъ Россіи въ Константинополь въ 1379-мъ году, Григорій говоритъ, что Кипріанъ видѣлъ «свое отечество тако правимо, яко многымъ похваламъ достойно бяше, *своего же* и великаго Евѳимія таковая кормленіа держаща», и требуемое свидѣтельство хотятъ видѣть въ подчеркнутомъ нами словѣ: «своего же», которое понимаютъ въ томъ смыслѣ, что Григорій называетъ Евѳимія своимъ Кипріану. Между тѣмъ первый въ своемъ похвальномъ словѣ Евѳимію (напечатано въ Гласникѣ, XXXI, 258) не дѣлаетъ никакого намека на то, чтобы онъ самъ, а слѣдовательно—и его дядя Кипріанъ, былъ родственникомъ Евѳимія. Извѣстно посланіе Евѳимія къ Кипріану, писанное въ то время, какъ послѣдній былъ монахомъ Аѳонскимъ (напечатано въ Христіанск. Чтен. 1882-го года за мѣсяцъ Іюль, сfr въ Опис. сνнодд. ркпп. № 208, л. 284 об., также въ статьѣ *а. Л—да* «Кипріанъ до возшествія на московскую каѳедру», помѣщенной во II книгѣ Чтеній Общ. Ист. и Древн. за 1869-й годъ): тонъ, какимъ преподаются въ посланіи наставленія Кипріану, даетъ видѣть въ Евѳиміи или его отца по монашеству или старшаго родственника по плоти, но въ виду сейчасъ сказаннаго вѣроятнѣе разумѣть первое, чѣмъ второе.

[1]) Помянутое въ предъидущемъ примѣчаніи посланіе Евѳимія къ Кипріану надписывается: «Къ Кипріану мниху, живущу въ святѣй горѣ Аѳоньстей». Самъ Кипріанъ въ посланіи къ игумену Аѳанасію говоритъ, что онъ былъ на Аѳонѣ, при чемъ выражается такъ, что заставляетъ предполагать пребываніе недолговременное; дѣлая по одному поводу ссылку на монаховъ Святой горы, онъ прибавляетъ: «юже и самъ азъ видѣхъ», — Акт. Истор. т. I, № 253, стр. 480 col. 1 нач., и въ Памятни. *Павлова* col. 263.

[2]) Филоѳей оставилъ Аѳонъ, чтобы занять каѳедру митрополита Ираклійскаго (откуда онъ поставленъ былъ въ патріархи) не позднѣе 1350-го года, см. Acta

непонятнаго случая, есть то, что Кипріанъ имѣлъ въ Константинополѣ родственныя вліятельныя связи. Между константинопольскими знатными боярами, такъ же какъ между терновскими, были Цамблаки [1]). Можно думать, что тѣ и другіе Цамблаки представляли одну фамилію, раздѣлившуюся такимъ образомъ, что одна ея половина, которая нибудь, «отъѣхала» на службу къ чужому двору, и что константинопольскіе Цамблаки, бывъ родственниками Кипріана, и устроили его служебную карьеру, доставивъ ему мѣсто патріаршаго клирика или—что тоже—поставивъ его на дорогу къ архіерейству [2]).

Исторію Кипріана отъ его прибытія въ Москву въ качествѣ патріаршаго апокрисіарія или посла при жизни св. Алексія и до его утвержденія въ санѣ митрополита всея Россіи мы передали выше. Къ исторіи его побѣды надъ Пиминомъ можетъ быть прибавлено то, что есть вѣроятность подозрѣвать здѣсь тѣ же придворныя вліянія, о которыхъ мы сказали сейчасъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1387-го года Кипріанъ, проживавшій въ Константинополѣ въ ожиданіи суда съ Пиминомъ, посланъ былъ императоромъ въ Литву по какому-то его государственному

Patriarchat. Constantinop. *Миклошича*, I, 300. Но Кипріану, который умеръ въ 1406-мъ году, не могло быть тогда болѣе 20 лѣтъ. Если онъ и могъ уже придти тогда на Аѳонъ, то трудно допустить, чтобы менѣе чѣмъ 20-лѣтнимъ юношей онъ заставилъ Филоѳея составить о себѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ, способномъ и достойномъ занимать высшія церковныя должности.

[1]) Іо. Контакузинъ упоминаетъ подъ 1330 — 1352-мъ годами объ Арсеніи Цамблакѣ (ὁ Τζαμπλάκων), который занималъ придворную довѣренную должность, называвшуюся μέγας παπίας и состоявшую въ охраненіи императорскаго дворца въ качествѣ его коменданта (μέγας παπίας имѣлъ у себя ключи отъ воротъ города или ограды императорскаго дворца, отпиралъ и запиралъ ихъ),—Lib. II, cc. 22 и 27, Lib. III, cc. 11 и 42, Lib. IV, c. 32. Въ греческомъ сатирическомъ сочиненіи начала XV вѣка: «Путешествіе въ адъ Мазари» (Ἐπιδημία Μαζάρι ἐν ᾅδου) упоминается извѣстный въ свое время кавалеръ Цамблакъ: Τζαμπλάκων ἐκεῖνος ὁ καβαλλάριος, — у *Боассонада* въ Anecdota Graeca, III, 121. — Что касается до патріарха терновскаго Евѳимія, то не знаемъ, имѣлъ ли бы онъ охоту устраивать судьбу Кипріана, но во всякомъ случаѣ должно думать, что самъ онъ поставленъ былъ въ патріархи не ранѣе или только весьма не много ранѣе того, какъ Кипріанъ поставленъ былъ въ митрополиты, см. нашу книгу Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской, стр. 87.

[2]) Въ качествѣ какого чиновника состоялъ Кипріанъ при патр. Филоѳеѣ, остается намъ неизвѣстнымъ. Соборное дѣяніе 1389-го года говоритъ, что онъ посланъ былъ въ Россію патріархомъ какъ οἰκεῖος αὐτοῦ καλόγηρος,—въ Памятн. *Павлова*, № 33, col. 199.

дѣлу [1]). Можно думать, что Кипріана рекомендовали императору и устроили такъ, чтобы онъ оказалъ или попытался оказать послѣднему государственную услугу, его родственники, находившіеся при императорскомъ дворѣ.

Патр. Нилъ своимъ соборнымъ опредѣленіемъ, имѣвшимъ мѣсто въ концѣ 1387-го—въ началѣ 1388-го года провозгласилъ Пимина низложеннымъ съ каѳедры и объявилъ Кипріана законнымъ митрополитомъ всея Россіи. Но Кипріану нужно было достигнуть примиренія съ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ, и онъ послѣ этого опредѣленія не поспѣшилъ въ Москву, а оставался жить въ Константинополѣ. Въ Январѣ мѣсяцѣ 1389-го года мѣсто умершаго Нила занялъ новый патріархъ—Антоній. Этотъ послѣдній въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ вступленія на престолъ, въ Февралѣ мѣсяцѣ того же 1389-го года, подтвердилъ соборное опредѣленіе Нила, объявлявшее низложеннымъ съ каѳедры Пимина и признававшее законнымъ митрополитомъ всея Россіи Кипріана. Мы не знаемъ, какого успѣха достигъ Кипріанъ въ продолженіе года съ своею попыткой примириться съ великимъ княземъ. Но вскорѣ послѣ подтвердительнаго соборнаго опредѣленія патр. Антонія, 19-го Мая 1389-го года, скончался Дмитрій Ивановичъ Донской. Заступившій его мѣсто сынъ его Василій Дмитріевичъ, подчиняясь соборнымъ приговорамъ, изъявилъ желаніе принять Кипріана, и послѣдній прибылъ въ Москву, чтобы занять каѳедру митрополіи всея Россіи.

При отправленіи Кипріана изъ Константинополя на Русь мы видимъ при немъ ростовскаго архіепископа (бывшаго симоновскаго игумена-архимандрита) Ѳеодора. Это необходимо понимать такъ, что вел. кн. Василій Дмитріевичъ по своемъ вступленіи на великокняжескій престолъ послалъ въ Константинополь Ѳеодора звать въ Москву Кипріана. Сохранился до настоящаго времени на славянскомъ языкѣ заемный вексель, который 8-го Сентября 1389-го года Кипріанъ и Ѳеодоръ дали въ Константинополѣ ближнему человѣку императора, Николаю Нотарѣ діерминевту, въ тысячѣ старыхъ новгородскихъ рублей [2]). Эти

---

[1]) Соборная грамота о семъ въ Памятникахъ *Павлова*, № 32, col. 189.

[2]) Напечатанъ въ Акт. Ист., т. I, № 252, стр. 473. Въ самомъ своемъ текстѣ вексель или по нашему по старому кабала называется «тавуларьскою грамотою». Это значитъ: нотаріальный актъ. — актъ, написанный у нотаріуса (Tabularium—контора нотаріуса). О Николаѣ Нотарѣ, который при имп. Іоаннѣ Палеологѣ (1341—1390) былъ діермитевтомъ или переводчикомъ (драгоманомъ, см. *Дюк.* Gloss. Graecit. подъ сл. διερμηνευτής), а преемникомъ Іоанна Мануиломъ возведенъ въ великіе діерминевты, см. у *Дуки* и у *Франтцы*.

тысяча рублей, какъ должно думать, были израсходованы на прощальные подарки императору съ его сановниками и патріарху съ его чиновниками. А такъ какъ нельзя полагать, чтобы Θеодоръ прибылъ отъ великаго князя безъ денегъ, то на эту тысячу рублей нужно собственно смотрѣть какъ только на дополненіе къ нехватившимъ наличнымъ деньгамъ [1]). 1-го Октября 1389-го года Кипріанъ отправился изъ Константинополя въ Россію [2]). Въ минуту отправленія, кромѣ Θеодора ростовскаго, находились при немъ въ Константинополѣ и потомъ возвратились вмѣстѣ съ нимъ еще два русскихъ епископа: Михаилъ смоленскій и Іона волынскій [3]); Михаилъ сопровождалъ Пимина въ его послѣднее путешествіе въ Константинополь и отъ митрополита, объявленнаго низложеннымъ, перешелъ тамъ къ митрополиту, объявленному законнымъ; какъ и зачѣмъ попалъ въ Константинополь епископъ волынскій, не видно, но вѣроятно, что онъ принесъ Кипріану деньги съ его литовской митрополіи [4]). Патріархъ послалъ съ Кипріаномъ въ качествѣ своихъ апокрисіаріевъ, имѣвшихъ водворить его на каѳедрѣ, двухъ своихъ митрополитовъ (тѣхъ самыхъ—адріанопольскаго и ганскаго, которые приходили въ 1384—85-мъ году). По переплытіи Чернаго моря высадившись въ Бѣлгородѣ или нынѣшнемъ Аккерманѣ, куда прибитъ былъ бурею [5]), Кипріанъ держалъ свой путь на Кіевъ. Изъ Кіева онъ отправился въ Москву передъ великимъ заговѣніемъ 1390-го года (которое было 14-го Февраля) и прибылъ въ нее въ сопровожденіи двухъ

---

[1]) О Θеодорѣ лѣтописи говорятъ, что патр. Антоній далъ ему архіепископію.—Никон. лѣт. IV, 197, Воскр. въ Собр. лѣтт. VIII, 60. Это должно понимать такъ, что патріархъ подтвердилъ Θеодору титулъ архіепископа, который прежде былъ данъ ему Пиминомъ.

[2]) Никон. лѣт. IV, 171.

[3]) Ibidd.

[4]) Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1389-го года былъ поставленъ въ Константинополѣ патріархомъ архіепископъ суздальскій Евфросинъ (въ Памятнн. № 34, col. 229), посланный изъ Россіи въ 1386-мъ году (Никон. лѣт. IV, 151 нач., Воскрес. лѣт. въ Собр. VIII, 50, а подъ Апрѣлемъ мѣсяцемъ 1389-го года онъ упоминается у Игнатія смоленскаго,—въ Никон. лѣт. ibid. стр. 160 нач., какъ находящійся въ Россіи и какъ уже посвященный въ епископы, должно думать, по ошибочной интерполяціи Игнатія однимъ изъ его переписчиковъ. Этотъ третій епископъ, поелику имѣлъ тяжбу съ митрополитомъ (изъ-за Нижняго Новгорода и Городца,—въ Памятнн. ibidd., см. ниже), вѣроятно, отправился отдѣльно отъ него и ранѣе его. При въѣздѣ митрополита въ Москву мы видимъ его въ числѣ епископовъ, встрѣчающихъ послѣдняго.

[5]) Никон. лѣт. IV. 171 fin..

греческихъ митрополитовъ и шести русскихъ епископовъ (изъ которыхъ четыре, кромѣ Ѳеодора ростовскаго и Михаила смоленскаго, или прибыли къ нему въ Кіевъ или выѣхали на дорогу), на середокрестной недѣлѣ великаго поста [1]), бывъ торжественно встрѣченъ великимъ княземъ [2]).

Каѳедру митрополіи всея Россіи Кипріанъ занималъ въ продолженіе 17-ти лѣтъ, съ 1390-го года по 1406-й годъ.

По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, тотчасъ послѣ его прибытія въ Москву явились къ нему всѣ епископы русскіе, чтобы формальнымъ образомъ выразить ему, что признаютъ его своимъ законнымъ митрополитомъ. Этотъ пріѣздъ всѣхъ епископовъ, добровольно ли явившихся или нарочно вызванныхъ митрополитомъ, долженъ былъ имѣть смыслъ замиренія послѣ предшествующихъ безпорядковъ и замѣшательствъ [3]).

Первымъ правительственнымъ дѣломъ Кипріана по занятіи имъ каѳедры былъ судъ надъ тверскимъ епископомъ по требованію тверского великаго князя. Между тверскимъ великимъ княземъ Михайломъ Александровичемъ и тамошнимъ епископомъ Евѳиміемъ Висленёмъ, поставленнымъ отъ св. Алексія въ 1374-мъ году, [4]) было нелюбіе, дошедшее въ 1387-мъ году до такой степени, что князь не хотѣлъ терпѣть епископа на каѳедрѣ и этотъ принужденъ былъ удалиться въ монастырь [5]). Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ прибытія въ Москву, въ концѣ Іюня мѣсяца того же 1390-го года, митрополитъ,

---

[1]) Ibid. стр. 193.

[2]) Великій князь вышелъ встрѣчать митрополита съ своимъ семействомъ, съ боярами и со всѣми жителями Москвы за 9-ть верстъ отъ города, къ селу Котлы (находящемуся на югъ отъ Москвы, на тульскомъ или серпуховскомъ шоссе). Никола Старый, у котораго Кипріанъ облекся въ святительскій санъ или въ богослужебныя одежды, находился гдѣ-то за городомъ или на концѣ города въ сейчасъ указанномъ направленіи (и вовсе не есть нынѣшній Никольскій монастырь, что на Никольской улицѣ, хотя и этотъ назывался Николой Старымъ, а также по всей вѣроятности не есть и нынѣшній Никола въ Хлыновѣ, какъ думаетъ авторъ Исторіи іерархіи,— VI, 323).

[3]) Никон. лѣт. IV, 193 fin.: «тогда же вси епискупы рустіи пріидоша къ Кипріану митрополиту на Москву, *глаголюще сице: се уже Кипріанъ митрополитъ всеа Русіи бысть*».

[4]) Это поставленіе замѣчательно тѣмъ, что на немъ присутствовалъ Кипріанъ въ качествѣ посла патріаршаго,—Никон. лѣт. IV, 40.

[5]) Никон. лѣт. IV, 152.

по настоянію Михайла Александровича, предпринялъ путешествіе въ Тверь, чтобы судить епископа, отъ котораго князь имѣлъ рѣшительное желаніе избавиться. Митрополита сопровождали въ его путешестіи пришедшіе съ нимъ изъ Константинополя митрополиты греческіе и двое епископовъ русскихъ (Михаилъ смоленскій и Стефанъ пермскій). Не совсѣмъ понятно, что митрополитъ самъ предпринялъ путешествіе въ Тверь, а не вызвалъ наоборотъ епископа тверскаго въ Москву; вѣроятно думать, что поступилъ онъ такъ съ одной стороны—изъ желанія воспользоваться съ митрополитами греческими гостепріимствомъ и щедродательностію тверского князя, а съ другой стороны—по тому побужденію, что противъ епископа имѣли быть представлены обвиненія отъ многихъ лицъ изъ духовенства, бояръ и простыхъ мірянъ, такъ что многочисленныхъ свидѣтелей неудобно было вызывать въ Москву. Князь устроилъ митрополиту съ сопровождавшими послѣдняго греческими митрополитами и русскими епископами самую торжественную встрѣчу: за 30-ть верстъ отъ Твери привѣтствовалъ его внукъ Михайла Александровича, за 20-ть верстъ—его старшій сынъ, а за 5-ть верстъ отъ города вышелъ навстрѣчу онъ самъ. Въ продолженіе трехъ дней были митрополиту съ его спутниками со стороны государя пиры великіе и дары многіе. На четвертый день имѣлъ мѣсто судъ надъ епископомъ: во дворцѣ великаго князя составился церковно-мірской соборъ изъ духовныхъ судей подъ предсѣдательствомъ митрополита и изъ мірскихъ судей, состоявшихъ изъ созванныхъ княземъ его бояръ, которыхъ онъ совокупилъ съ духовными судьями во едино мѣсто. Епископъ обвиняемъ былъ въ мятежѣ и раздорѣ церковномъ и на него представлены были чрезвычайно многія и чрезвычайно тяжкія обвиненія отъ архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ и монаховъ, отъ бояръ, вельможъ и отъ простыхъ людей. Епископъ не могъ оправдаться во взведенныхъ на него обвиненіяхъ, и митрополитъ съ соборомъ духовныхъ, нашедъ послѣднія справедливыми и сдѣлавъ совершенно неудавшуюся попытку окончить судъ миромъ, приговорилъ извергнуть его изъ сана. На мѣсто Евѳимія, по просьбѣ князя, митрополитъ поставилъ въ епископы тверскіе своего протодіакона (архидіакона) Арсенія. Къ сожалѣнію, остается для насъ вовсе неизвѣстнымъ, въ чемъ именно былъ обвиняемъ и найденъ виновнымъ Евѳимій и чѣмъ онъ вооружилъ противъ себя князя и свою паству, ибо повѣствованія о судѣ надъ нимъ совершенно не говорятъ ничего опредѣленнаго. Дается намъ только знать, что дѣло было какое-то совсѣмъ исключительное. Евѳимій былъ обвиняемъ передъ митрополитомъ рѣшительно всѣми; обвиненія взводимы были на него до послѣдней степени тяж-

кія; вражда къ нему была самая крайняя и рѣшительно непримиримая: изъ этого слѣдуетъ, что мы должны представлять себѣ епископа человѣкомъ изъ ряду вонъ недостойнымъ. Но за симъ какъ будто скрывалось и еще что-то такое, причиною и виною чего былъ не епископъ: митрополичій протодіаконъ Арсеній, котораго великій князь изъявилъ желаніе видѣть на мѣстѣ Евѳимія, согласился принять и занять каѳедру съ величайшею неохотой, такъ что едва поставили его, «видѣ бо—говорится въ повѣствованіяхъ о судѣ—тамо (въ Твери) брань и вражду многу и смутися и ужасесь..., бояшебося вражды и многихъ браней»... Имѣя предъ собою случай исключительный, но остающійся для насъ совершенно темнымъ, мы можемъ только въ тысячный разъ выразить сѣтованіе на нашихъ историческихъ повѣствователей, что они или ничего не говорятъ о дѣлахъ церковныхъ или говорятъ такъ, что отъ рѣчей ихъ намъ немного болѣе пользы, чѣмъ отъ молчанія.

(О судѣ Кипріана надъ епископомъ Евѳиміемъ мы имѣемъ два повѣствованія: одно читается въ Никоновской лѣтописи,—IV, 195 fin. sqq, другое въ отдѣльномъ видѣ,—найдено на вклеенномъ листѣ въ одну рукопись сѵнодальной библіотеки и напечатано Карамзинымъ въ 232 прим. къ V т. и въ Описаніи сѵнодд. ркпп. отд. III, ч. 1, стр. 312 (№ 387, между листами 277 и 278). Оба повѣствованія, повидимому, современныя: часть ихъ рѣчей дословно сходна; судъ надъ епископомъ, въ одномъ повѣствованіи излагаемый нѣсколько короче, въ другомъ нѣсколько пространнѣе, въ обоихъ представляется совершенно одинаково: но онѣ разногласятъ между собою относительно хронологической и внѣшне-фактической стороны дѣла. Повѣствованіе, читаемое въ отдѣльномъ видѣ, которому, какъ признаваемому за болѣе авторитетное, мы послѣдовали въ семъ отношеніи въ нашей передачѣ дѣла, говоритъ, что Кипріанъ отправился въ Тверь въ 1390-мъ году «съ Петрова дни»,—что на соборѣ, бывшемъ на четвертый день по пріѣздѣ, онъ осудилъ Евѳимія и что 24-го Іюля онъ поставилъ на его мѣсто Арсенія. Повѣствованіе, читаемое въ Никоновской лѣтописи, говоритъ о двухъ поѣздкахъ Кипріана въ Тверь,—первой «съ великаго дни» 1391-го года, когда онъ низложилъ Евѳимія, но не поставилъ Арсенія, и второй въ томъ же году, когда онъ поставилъ Арсенія 15-го Августа; о первой поѣздкѣ повѣствованіе говоритъ почти тѣми же словами, что̀ повѣствованіе, читаемое отдѣльно, объ единственной и называетъ тѣхъ же спутниковъ митрополита, что̀ послѣднее; спутниками митрополита во вторую поѣздку оно называетъ всѣхъ предшествующихъ, но къ нимъ прибавляетъ еще двухъ епископовъ (Даніила звенигородскаго и Іеремію рязанскаго). Какъ объяснять и какъ при-

мирять разногласіе двухъ повѣствованій, остается для насъ недоумѣннымъ. Читаемое въ отдѣльномъ видѣ сказаніе говоритъ о судѣ надъ епископомъ: «И бысть на четвертый день (по пріѣздѣ Кипріана въ Тверь) събрашася старци и архимандриты и игумены и попове и дьякони и весь священни(че)скій чинъ ко князю къ великому; онъ же созва свои бояре и съвокупи обои въ едино мѣсто и посла къ митрополиту; они же начаша жаловатися о мятежи церковнѣмъ на Еуфимія епископа божіа Твери града (нужно читать: епископа Твери, божіа града), митрополитъ же совокупи съборъ и нача судити, и не обрѣтеся у Еуфимія правда въ устѣхъ его, якоже рече Давидъ: мужъ кривъ не преполовитъ дній своихъ; архимандриты и игумены и попове и бояре истягаша его во многихъ судѣхъ, митрополитъ же суди (его) по правиломъ святыхъ отець съборомъ и извергоша его». Сказаніе, читаемое въ Никоновской лѣтописи, о томъ же судѣ надъ епископомъ говоритъ: «На четвертый день собрашася архимандриты и игумены и презвитеры, діакони и весь священническій и иноческій чинъ къ великому князю; онъ же созва бояре свои и совокупи обои въ едино мѣсто и священный соборъ и мірскихъ соборъ и посла къ Кипріану митрополиту всея Русіи; они же начаша жаловатися на своего владыку Висленя тверскаго о мятежи и раздорѣ церковнѣмъ; Кипріанъ же митрополитъ всеа Русіи съ епискупы, со всѣмъ священнымъ соборомъ и съ гостьми съ митрополиты греческими, сяде на судище и нача судити по божественнымъ и священнымъ правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и быша клеветы (т. е. обвиненія [1]) многи на Еѳимія владыку тверскаго,—вси восташа нань, клевещуще (обвиняя), архимандриты и игумены и священницы и бояре и вельможи и простіи; Кипріанъ же митрополитъ со всѣмъ священнымъ соборомъ суди по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и повелѣ епискупу пребывати просто кромѣ священныхъ, дондежь еще истязавъ размыслитъ; князь же великій нача просити инаго, Кипріанъ же митрополитъ со всѣмъ священнымъ соборомъ отставиша отъ епискупства Еѳимія владыку Висленя». Назначивъ въ епископы тверскіе, по просьбѣ Александра Михайловича, своего протодіакона Арсенія, митрополитъ пытался было примирить князя съ прежнимъ епископомъ, но совершенно не успѣлъ: «много же смиряше и въ любовь вводяше великого

[1]) Слово клевета въ древнее время употреблялось въ двухъ смыслахъ: въ смыслѣ оболганія, какъ и нынѣ, и еще въ смыслѣ доноса обвиненія, cfr Словарь *Востокова*. Изъ контекста ясно, что въ нашемъ мѣстѣ оно употребляется въ послѣднемъ смыслѣ.

князя со владыкою его Еѵѳиміемъ, и не бысть мира и любви, но наипаче вражда и брань велія воздвигашеся, тажъ потомъ и ины многи клеветы (обвиненія) сотвориша на Еѵѳимія владыку Висленя тяжки зѣло и неудобоносимы, и бысть вражда и брань люта зѣло, и о семъ много смутись Кипріанъ митрополитъ и не возможе вражды утолити и любви сотворити». Когда Кипріанъ пошелъ назадъ въ Москву, взявъ съ собою Евѳимія, съ тѣмъ, чтобы помѣстить его на жительство въ своемъ Чудовѣ монастырѣ, то не остался въ Твери и Арсеній, избранный было, но не посвященный въ епископы тверскіе, «боясся владычества пріяти въ Твери, видя бо тамо брань и вражду многу и смутися и ужасесь». Во второй пріѣздъ свой въ Тверь, о которомъ говорится кратко, митрополитъ поставилъ Арсенія въ епископы тверскіе, при чемъ «едва умолиша (его) быти епискупомъ, бояшеся бо вражды и многихъ браней, и едва поставиша его епискупомъ»).

Отъ своего предшественника Пимина Кипріанъ наслѣдовалъ ссору съ Новгородцами, къ которой онъ и обратился тотчасъ послѣ тверскаго дѣла.

Въ великомъ постѣ 1385-го года, какъ сообщаютъ лѣтописи, Новгородцы собрали вѣче и на немъ учинили общее заклятіе, скрѣпленное крестнымъ цѣлованіемъ, въ томъ, что на будущее время не зваться имъ въ Москву на судъ къ митрополиту, но что судиться имъ у своего архіепископа, при чемъ постановили, чтобы на судѣ у послѣдняго съ обѣихъ судящихся или тяжущихся сторонъ присутствовало по два боярина и по два житіихъ мужа [1]). Въ этомъ заклятіи Новгородцевъ дѣло шло о томъ, чтобы на будущее время не обращаться имъ отъ суда своего архіепископа съ апелляціонными жалобами къ суду митрополита. Въ древнее и старое время область юрисдикціи нашихъ епископовъ, какъ мы говорили прежде [2]), была несравненно обширнѣе, нежели въ настоящее время, и именно—ихъ суду подлежали не только духовные въ качествѣ гражданъ по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и преступле-

---

[1]) Никон. лѣт. IV, 146, Новгор. 4-я лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 91, такъ называемая Ростовская лѣт. у *Карамз.* V, прим. 106, стр. 36 fin.. Время точнымъ образомъ (второе воскресенье великаго поста) означено въ Ростовской лѣтописи. Въ Никоновской и Новгородской лѣтописяхъ не совсѣмъ ясно, на чьемъ судѣ постановлено было присутствовать боярамъ и житіимъ мужамъ—архіепископа ли или посадника и тысяцкаго, о которомъ также говорится тутъ. Но въ Ростовской лѣтописи ясно говорится, что—на судѣ архіепископа, какъ это нужно понимать и на основаніи соображеній.

[2]) I т. 1-я полов., стр. 339 sqq.

ніямъ уголовнымъ, за исключеніемъ преступленій самыхъ тяжкихъ, но и міряне довольно по значительному количеству тѣхъ и другихъ дѣлъ и преступленій. Такъ, не обращаться съ аппелляціонными жалобами къ митрополиту на судъ своего архіепископа по тѣмъ дѣламъ и тяжбамъ, по которымъ подлежали суду архіепископа, и учинили Новгородцы на вѣчѣ свой взаимный клятвенный договоръ [1]). Постановили они, чтобы на будущее время присутствовали на судѣ у архіепископа по два боярина и по два житіе мужа съ обѣихъ судящихся и тяжущихся сторонъ, какъ это очевидно, съ тою цѣлью, чтобы судъ архіепископа, долженствовавшій быть на будущее время безаппелляціоннымъ, имѣлъ бо́льшую твердость и надежность и пользовался бо́льшимъ довѣріемъ. Лѣтописи не говорятъ, былъ ли договоръ или приговоръ дѣломъ однихъ міряпъ или вмѣстѣ и духовныхъ, но изъ дальнѣйшаго видно, что—какъ однихъ, такъ и другихъ. Относящіеся къ нашему дѣлу греческіе акты, о которыхъ скажемъ далѣе, дополняя наши лѣтописи, сообщаютъ намъ, что Новгородцы съ своимъ приговоромъ имѣли въ виду не только то, чтобы освободить себя отъ аппелляціоннаго суда митрополита, но и то, чтобы доставить своему архіепископу болѣе или менѣе значительную независимость отъ послѣдняго, чтобы пріобрѣсти своей церкви какъ бы своего рода или по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени самостоятельность: послы новгородскіе, ходившіе по нашему дѣлу къ патріарху константинопольскому, говорили ему, какъ передаетъ онъ самъ въ одномъ изъ посланій къ нимъ (Новгородцамъ): οὐδὲν θέλομεν, ἵνα κρινώμεθα εἰς τὸν μητροπολίτην, ἀμὴ ὅταν μηνύσῃ τὸν ἐπίσκοπόν μας, νὰ ὑπάγῃ (не хотимъ судиться у митрополита, ни того, чтобы когда онъ позоветъ къ себѣ нашего епископа, епископъ ходилъ къ нему [2]); отъ себя патріархъ укоряетъ Новгородцевъ, что они не хотятъ судиться у митрополита и не хотятъ оказывать ему повиновенія по старому обычаю (ὑποταγὴν ἀπονέμειν κατὰ τὴν ἀρχαίαν συνήθειαν [3]).

---

[1]) Для нѣкоторыхъ ученыхъ составляетъ вопросъ: о какомъ судѣ идетъ тутъ рѣчь. Но какому иному суду митрополита могли подлежать Новгородцы, кромѣ суда аппелляціоннаго? Относящіеся къ дѣлу греческіе акты ясно даютъ знать, что разумѣется судъ аппелляціонный, ибо они употребляютъ о семъ судѣ выраженія ἀνάκρισις—пересужденіе, «пересудъ», ἐκκαλεῖν—аппеллировать,—въ Памятнн. *Павлова* coll. 237, 241 нач. и 255 fin.. Митр. Фотій называетъ судъ судомъ позывнымъ,—ibid. col. 421 fin., что̀, очевидно, есть переводъ греческаго ἔκκλητος δίκη (аппелляціонный судъ).

[2]) Въ Памятнн. *Павлова* col. 255 sub fin..

[3]) ibid. col. 237, также 241 нач.

По свидѣтельству греческихъ актовъ, Новгородцы постановили свой приговоръ вслѣдствіе какихъ-то поводовъ, данныхъ имъ митр. Пиминомъ. Но можно думать, что дѣло было не въ однихъ неизвѣстныхъ поводахъ со стороны Пимина и что дѣйствительная исторія нашего случая начинается нѣсколько ранѣе. Въ 1346-мъ году митр. Ѳеогностъ пожаловалъ архіепископу новгородскому Василію крещатыя ризы. Лѣтописи не говорятъ, сдѣлалъ ли онъ это по собственной инициативѣ, во изъявленіе своего благоволенія къ архіепископу, или же по нарочитой просьбѣ и нарочитому исканію послѣдняго и Новгородцевъ; но гораздо вѣроятнѣе, что второе, и слѣдуетъ полагать, что чрезъ доставленіе своему владыкѣ новаго отличія сверхъ титла архіепископа Новгородцы имѣли въ виду еще болѣе выдвинуть его изъ ряда прочихъ епископовъ и еще болѣе поставить его въ особое положеніе. Московскіе великіе князья тотчасъ послѣ того, какъ въ лицѣ Ивана Даниловича Калиты сознали себя великими князьями—собирателями земли, заявили недвусмысленное желаніе подчинить своей власти Новгородъ [1]); естественно, что въ свою очередь и Новгородцы начали заботиться о томъ, чтобы отстоять себя отъ московскихъ великихъ князей. Успѣвъ сдѣлать митрополитовъ своими московскими, князья получили возможность дѣйствовать на Новгородъ черезъ посредство власти митрополитовъ надъ его архіепископами; а поэтому и у Новгородцевъ естественно было явиться стремленію позаботиться о томъ, чтобы поставить своихъ архіепископовъ въ возможно бо́льшую независимость отъ митрополитовъ. И весьма вѣроятно думать, что они испросили у митр. Ѳеогноста крещатыя ризы архіепископу Василію съ тою цѣлью, чтобы на основаніи этого отличія усвоять своимъ архіепископамъ особыя права, признанія которыхъ можно было бы требовать отъ послѣдующихъ митрополитовъ (бѣлый клобукъ, составлявшій отличіе новгородскихъ владыкъ и которому Новгородцы усвояли великое значеніе, былъ производимъ ими также отъ архіепископа Василія; хотя это и неправда, какъ скажемъ ниже, но это показываетъ, что архіепископу Василію, получившему отъ митр. Ѳеогноста крещатыя ризы, усвоялось ими пріобрѣтеніе особыхъ правъ [2]). Преемникъ архіепископа Василія

[1]) См. 1-ю Новгородскую лѣтопись подъ 1332, 1333, 1337, 1339 и 1340 годами.

[2]) Въ вѣкъ Ѳеодора Вальсамона полиставріи были употребляемы только нѣкоторыми избраннѣйшими изъ митрополитовъ. (I т. 2-я полов., стр. 225), а въ вѣкъ Симеона Солунскаго—всѣми архіереями (у *Миня* t. 155 p. 716); можетъ быть, въ вѣкъ митр. Ѳеогноста и архіепископа Василія, занимающій середину, онѣ составляли

Моѵсей, какъ мы говорили выше, посылалъ въ 1353-мъ году къ императору и патріарху просить у нихъ «благословенія и исправленія о непотребныхъ вещахъ, приходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита». Вопреки показанію Никоновской лѣтописи, очень вѣроятно думать, что тутъ дѣло шло не о проторяхъ на постановленіяхъ и не о церковныхъ пошлинахъ святительскихъ, а именно о крещатыхъ ризахъ. На пожалованіе этихъ ризъ митр. Ѳеогностомъ архіепископу Василію Новгородцы смотрѣли какъ на ихъ пожалованіе всѣмъ послѣдующимъ новгородскимъ архіепископамъ однажды навсегда; между тѣмъ Ѳеогностъ, давъ ризы Василію, не хотѣлъ давать ихъ Моѵсею. Можетъ быть, митрополитъ не хотѣлъ дать послѣднему нашихъ ризъ потому, что этотъ не желалъ заплатить за нихъ требуемой имъ суммы; но возможно и то, что уже Василій съ крещатыми ризами измѣнилъ свое поведеніе по отношенію къ нему—митрополиту и что это было имъ замѣчено. Архіепископъ Моѵсей успѣлъ получить крещатыя ризы отъ самого патріарха [1]), и какъ онъ велъ себя въ нихъ по отношенію къ митрополиту, остается неизвѣстнымъ. Но его преемникъ съ 1359-го года Алексій, присвоивъ себѣ употребленіе этихъ ризъ самовольно, ибо патріархомъ онѣ даны были Моѵсею также только личнымъ образомъ, велъ себя въ нихъ по отношенію къ митр. Алексію такъ, что этотъ въ 1369-70-хъ годахъ жаловался патріарху на его непочтеніе, неповиновеніе и неблагопокореніе (см. выше стр. 205). Такимъ образомъ, можетъ быть принимаемо за очень вѣроятное, что со времени архіепископа Василія Новгородцы и ихъ владыки задались мыслію—первые поставить вторыхъ въ возможно бо́льшую независимость отъ митрополитовъ, а вторые—стать въ таковую независимость, и что приговоръ 1385-го года не былъ чѣмъ нибудь внезапнымъ, а именно окончательнымъ выраженіемъ ихъ стремленій. Приговоривъ не обращаться къ

принадлежность епископовъ автокефальныхъ (архіепископовъ въ греческомъ смыслѣ слова) и, можетъ быть. Новгородцы и мечтали съ помощію крещатыхъ ризъ присвоить своимъ архіепископамъ автокефалію. Однако, крещатыя ризы, данныя Ѳеогностомъ Василію, представляли собою не настоящій полиставрій или ризы сплошь украшенныя крестами, какъ можно было бы подумать само собой, вопреки тому, что ризы эти могъ дать лишь патріархъ, но, какъ ясно говорится въ греческихъ актахъ, ризы, украшенныя только четырьмя крестами (въ Памм. *Павл.* col. 55). А такимъ образомъ. если усвоять Новгородцамъ замышленіе присвоить своимъ архіепископамъ съ помощію ихъ крещатыхъ ризъ автокефалію, то должно думать, что они надѣялись замѣнить однѣ ризы другими.

[1]) Не полиставрій, а тѣже четырехкрестныя.—въ Памятнн. *Павл.* col. 116.

аппелляціонному суду митрополитовъ отъ суда своихъ архіепископовъ и предположивъ добиться отъ патріарха, чтобы митрополиты не имѣли права вызывать къ себѣ архіепископовъ, они хотѣли поставить послѣднихъ въ такое отношеніе къ первымъ, чтобы одни только получали посвященіе отъ другихъ и затѣмъ не знали ихъ.

Но до какой бы степени не простирались и какое бы значеніе не имѣли замыслы Новгородцевъ, во всякомъ случаѣ ихъ приговоръ не обращаться отъ суда своихъ архіепископовъ къ аппелляціонному суду митрополитовъ долженствовалъ быть для послѣднихъ до крайней степени непріятнымъ, ибо онъ весьма чувствительнымъ образомъ затрогивалъ ихъ денежные интересы. Судъ по дѣламъ гражданскимъ, подлежавшимъ юрисдикціи духовной власти, какъ это по дѣламъ, подлежавшимъ и самой власти гражданской, соединенъ былъ у насъ съ извѣстными денежными пошлинами; слѣдовательно—Новгородцы, постановивъ свой приговоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ приговорили отнять у митрополитовъ судебныя пошлины, которыя они получали за свой судъ, а такъ какъ съ аппелляціоннаго суда, вѣроятно, взимались двойныя пошлины противъ суда обыкновеннаго, то несомнѣнно, что это было очень чувствительно. Но главное было и не въ этомъ. Послѣмонгольскіе митрополиты наши производили свой судъ по аппелляціоннымъ жалобамъ къ нимъ если не изъ всѣхъ епархій,—вопросъ о чемъ будемъ рѣшать ниже, въ нарочитыхъ рѣчахъ о судѣ, то изъ епархіи новгородской особеннымъ образомъ. Для этой цѣли они не вызывали тяжущихся къ себѣ въ Москву, а сами отправлялись въ Новгородъ или, что̀ большею частью, посылали въ него своихъ уполномоченныхъ, имѣвшихъ замѣнять ихъ въ качествѣ судей. Они пріѣзжали въ Новгородъ, а главнымъ образомъ присылали въ него своихъ уполномоченныхъ въ извѣстные опредѣленные сроки, именно—черезъ три года на четвертый, и такъ какъ сами или чрезъ уполномоченныхъ должны были судить въ продолженіе мѣсяца (судебная сессія), то ихъ аппелляціонный судъ извѣстенъ былъ подъ именемъ суда мѣсячнаго [1]. Пріѣзжая въ

---

[1]) При совершенномъ молчаніи нашихъ лѣтописей и нашихъ актовъ о томъ, чтобы для своего аппелляціоннаго суда митрополиты сами пріѣзжали въ Новгородъ или присылали своихъ уполномоченныхъ, объ этомъ необходимо было бы заключать — во-первыхъ, по аналогіи нашего суда митрополитовъ относительно Новгорода съ таковымъ же судомъ новгородскихъ архіепископовъ относительно Пскова (псковскаго намѣстничества ихъ епархіи), который также назывался мѣсячнымъ и о которомъ мы имѣемъ извѣстія въ лѣтописяхъ и въ актахъ; во-вторыхъ, изъ того, что съ этимъ судомъ кромѣ пошлинъ собственно судебныхъ соединены были еще другія пошлины

Новгородъ для суда, митрополиты въ то же время какъ бы, а отчасти и на самомъ дѣлѣ, пріѣзжали для обозрѣнія епархіи: а за пріѣздъ въ этомъ послѣднемъ его смыслѣ они взимали поголовную дань со всего духовенства епархіи, называвшуюся подъѣздомъ. Хотя митрополиты наибольшею частью не сами пріѣзжали въ Новгородъ, а присылали уполномоченныхъ, но дань все равно взималась и въ этихъ послѣднихъ случаяхъ или иначе сказать регулярно взималась черезъ три года на четвертый [1]). Къ сожалѣнію, мы вовсе не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, какіе размѣры имѣла подъѣздная дань митрополитамъ въ Новгородѣ и можемъ опредѣлить это только приблизительнымъ образомъ. Какъ митрополиты пріѣзжали для своего аппелляціоннаго мѣсячнаго суда въ Новгородъ, такъ въ свою очередь архіепископы новгородскіе для того же суда по жалобамъ или аппелляціямъ къ нимъ на судъ ихъ псковскаго намѣстника (можетъ быть, и всѣ епископы по жалобамъ на судъ ихъ намѣстниковъ, жившихъ на намѣстничествахъ [2]), о чемъ также ниже), пріѣзжали во Псковъ и подобно митрополитамъ взимали съ его духовенства свой подъѣздъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія, какъ велика была подъѣздная пошлина или дань, взимавшаяся новгородскими архіепископами съ духовенства ихъ псковскаго намѣстничества спустя столѣтіе послѣ нашей ссоры Новгородцевъ съ митрополитами, въ концѣ XIV—началѣ XV вѣка. Именно—въ концѣ XIV—началѣ XV вѣка, при архіепископѣ Геннадіи (1484—1504), взималось на архіепископа подъѣзда съ духовенства псковскаго намѣстничества въ

(Никон. лѣт. IV, 200), подъ которыми необходимо разумѣть тоже, что «подъѣздъ» новгородскихъ архіепископовъ во Псковѣ, состоявшій въ поголовной дани со всего духовенства намѣстничества, а эти пошлины могли быть взимаемы только за пріѣздъ. Но въ греческихъ актахъ прямо и ясно говорится, что митрополиты или сами ѣздили въ Новгородъ для суда или посылали своихъ уполномоченныхъ,—въ Памятн. *Павлова* col. 255 sub fin.—Что митрополиты ѣздили или посылали въ Новгородъ своихъ уполномоченныхъ черезъ три года на четвертый, объ этомъ заключаемъ отъ срока поѣздокъ для того же аппелляціоннаго суда архіепископовъ новгородскихъ во Псковъ.—Обстоятельно будемъ говорить о нашемъ судѣ во второй половинѣ тома въ главѣ объ управленіи.

[1]) Можно думать, что дань взималась—съ одной стороны за обозрѣніе (мнимодѣйствительное) епархіи, а съ другой стороны — за трудъ пріѣзда. Въ 1478-мъ году Новгородцы предлагали вел. кн. Ивану Васильевичу пріѣзжать къ нимъ для управы въ большихъ судныхъ дѣлахъ черезъ три года на четвертый и за это вызывались платить ему по тысячѣ рублей.—Софійск. Временн. *Строева*, II, 182.

[2]) Cfr I т. 1-ю полов., стр. 329 sqq.

его пріѣзды во Псковъ черезъ три года на четвертый для мѣсячнаго суда «со всякаго игумена и съ попа и съ діакона, съ городскихъ и сельскихъ, съ мѣстныхъ и немѣстныхъ (занимавшихъ мѣста и не занимавшихъ) съ плѣши (съ человѣка) по полтинѣ да по пятнадцати денегъ въ московское число (московскимъ счетомъ, московской монетой»[1]). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что подъѣздная пошлина митрополитовъ въ Новгородѣ была выше, чѣмъ подъѣздная пошлина архіепископовъ новгородскихъ во Псковѣ; но если мы предположимъ, что она была не ниже, то предположимъ нѣчто такое, что̀ должно быть принято за несомнѣнное. Въ древнее и старое время, какъ мы говорили прежде, у насъ было очень большое количество священниковъ,—несравненно бо́льшее, нежели въ настоящее время. Въ новгородской епархіи въ правленіе митрр. Пимина и Кипріана священниковъ мѣстныхъ и немѣстныхъ было никакъ не менѣе, если только не гораздо болѣе, двухъ тысячъ. Если мы положимъ, что ихъ было двѣ тысячи и что на митрополитовъ было взимаемо тогда подъѣзда по полтинѣ съ человѣка, то получимъ тысячу рублей. А такимъ образомъ, мы получимъ тысячу рублей+то или другое неизвѣстное, но во всякомъ случаѣ значительное, количество судебныхъ пошлинъ. Но это было не все. Во время мѣсячнаго пребыванія или проживанія митрополитовъ въ Новгородѣ для аппелляціоннаго суда духовенство новгородской епархіи обязано было доставлять имъ съ ихъ свитами кормъ или содержаніе. Заключая отъ корма тѣхъ же епископовъ новгородскихъ во Псковѣ, должно думать, что онъ разсчитанъ былъ такимъ образомъ, что какъ будто у митрополитовъ долженъ былъ происходить ежедневный широкій пиръ, и что они находили за выгоднѣйшее, какъ это дѣлали архіепископы новгородскіе, поступать такимъ образомъ, чтобы, содержась обыкновеннымъ образомъ на собственный счетъ или также на даровой счетъ монастырей, брать съ духовенствъ вмѣсто корма натурою кормовыя деньги[2]). Архіепископъ Геннадій бралъ со псковскаго духовенства кормовыхъ денегъ 488 рублей московскихъ[3]). Если мы положимъ, что митрополиты брали этихъ денегъ съ новгородскаго духовенства пятьсотъ рублей,—а положить это, имѣя въ виду извѣстіе новгородскаго лѣтописца, что въ 1341-мъ году отъ пріѣзда митр. Ѳеогноста тяжко

---

[1]) См. грамоту царя Ивана Васильевича новгородскому архіепископу Пимину отъ 1551-го года въ Исторіи княжества Псковскаго *митр. Евгенія*, ч. II, стр. 91.

[2]) Нѣсколько разъ встрѣчали мы указаніе, что обычай брать вмѣсто корма натурою кормовыя, во много разъ бо́льшія, деньги, есть обычай татарскій.

[3]) Въ той же грамотѣ Ивана Васильевича архіепископу Пимину, ibid. стр. 92.

было кормомъ владыкѣ и монастырямъ, имѣемъ право,—то получимъ полторы тысячи рублей+неизвѣстное количество судебныхъ пошлинъ. Кормовая пошлина, повидимому, могла быть взимаема только тогда, когда митрополиты сами пріѣзжали въ Новгородъ; но какъ подъѣздная дань была взимаема не только тогда, когда митрополиты пріѣзжали сами, но и когда присылали уполномоченныхъ, такъ со всею вѣроятностью тоже самое слѣдуетъ думать и о нашей пошлинѣ. Но и сейчасъ указанное нами еще не все. Пріѣзжая въ Новгородъ, митрополиты, съ одной стороны, преподавали его гражданамъ свое высшее архипастырское благословеніе и за это получали отъ гражданъ «поминки»; съ другой стороны—являли себя подчиненному духовенству, и духовенство, по существовавшему обычаю, должно было подносить имъ за сіе тѣ же поминки или дары; относительно же взиманія поминковъ и даровъ весьма вѣроятно думать то же самое, что̀ относительно подъѣздной дани и кормовыхъ пошлинъ, т.-е. что, бывъ превращены въ регулярную и опредѣленную подать, они взимаемы были не только когда пріѣзжали митрополиты сами, но и когда присылали уполномоченныхъ. Въ концѣ концовъ должно быть принято, что митрополиты получали съ Новгорода черезъ три года на четвертый своего такъ называемаго мѣсячнаго суда не менѣе двухъ тысячъ рублей. Двѣ тогдашнія тысячи рублей на наши деньги—болѣе двухсотъ тысячъ рублей ассигнаціями. А это была такая сумма черезъ три года на четвертый, за которую митрополиты имѣли всѣ побужденія ссориться съ Новгородцами, независимо отъ церковно—государственныхъ цѣлей, какія могли имѣть послѣдніе, постановляя свой приговоръ не обращаться къ ихъ аппелляціонному суду.

О поводахъ, которые далъ митр. Пиминъ Новгородцамъ постановить ихъ приговоръ, греческіе акты говорятъ весьма неопредѣленно, именно—они говорятъ, что послѣдніе чѣмъ-то были соблазнены и обижены отъ Пимина,—что они постановили приговоръ изъ-за повода пустаго и неважнаго [1]).

Какъ мы сказали, Новгородцы постановили свой приговоръ въ великомъ постѣ 1385-го года. По извѣстію нѣкоторыхъ лѣтописей,

---

[1]) Διὸ ἐσκανδαλίσθητε, говоритъ патріархъ Новгородцамъ въ посланіи къ нимъ, εἰς τὸν καιρὸν τῆς ἐπισκοπῆς τοῦ Ποιμένος ἐκείνου, и еще: εἴ τι γοῦν καὶ ὑμεῖς παρὰ τοῦ Ποιμένος ἠδικεῖσθε; своему экзарху, посылаемому въ Россію, онъ поручаетъ передать Новгородцамъ объ его скорби, что они отдѣлились отъ митрополита διὰ πεῖσμα ἔρημον καὶ κακόν,—въ Памятнн. *Павлова* col. 235 fin., 249 sub fin. и 285 sub fin..

митр. Пиминъ, собираясь идти въ Константинополь и слѣдовательно—имѣя нужду въ деньгахъ, или непосредственно передъ постановленіемъ Новгородцами ихъ приговора или непосредственно вслѣдъ за симъ приходилъ было къ нимъ въ Новгородъ, чтобы получить пошлины своего мѣсячнаго суда, и долженъ былъ уйдти ни съ чѣмъ [1]). Въ свое послѣдующее недолговременное пребываніе на каѳедрѣ онъ не имѣлъ возможности вести съ Новгородцами борьбы изъ-за учиненнаго послѣдними посягательства на его митрополичьи права и пошлины. Въ Маѣ того же 1385-го года онъ отправился въ Константинополь и оставался въ Греціи до Іюля 1388-го года; съ Іюля мѣсяца 1388-го года по Апрѣль 1389-го года онъ прожилъ въ Россіи, но въ это время его собственное положеніе было такъ нехорошо или говоря точнѣе—совсѣмъ отчаянно, что ему вовсе было не до борьбы съ Новгородцами. Но провозглашенный послѣ низложенія Пиминова митрополитомъ всея Россіи Кипріанъ обратился съ своими заботами къ приговору Новгородцевъ, до такой степени посягавшему на его митрополичьи денежные интересы, тотчасъ послѣ того, какъ могъ признать себя дѣйствительнымъ митрополитомъ всея Россіи. Еще находясь въ Константинополѣ, передъ тѣмъ какъ отправиться въ Россію, онъ испросилъ у патр. Антонія, чтобы этотъ написалъ Новгородцамъ свою увѣщательную грамоту [2]), которую тотчасъ по прибытіи въ Москву и отправилъ въ Новгородъ [3]). Освободившись отъ дѣла тверскаго, которымъ, по при-

---

[1]) Софійск. 1-я лѣт. подъ 1385-мъ годомъ, въ Собр. лѣтт. V, 239: «И Пиминъ митрополитъ поиде ко Царюграду на Новгородъ, и Новгородци митрополиту не дали мѣсяца судити: тогоже лѣта поиде Пиминъ митрополитъ въ Царьградъ»; такъ называемая Архангелогородская лѣтопись, изданная въ Москвѣ, въ 1781-мъ году, подъ тѣмъ же годомъ, стр. 91: «Тогоже лѣта митрополитъ Пиминъ пойде въ Новгородъ великій о мѣсячномъ суду, и не даша ему Новгородцы» (далѣе говорится, что Пиминъ пришолъ на Русь изъ Царьграда, т. е. нужно, что онъ пошолъ изъ Руси въ Царьградъ). Новгородцы постановили свой приговоръ въ второе воскресенье великаго поста, которое въ 1385-мъ году было 19-го Февраля; Пиминъ отправился въ Константинополь 9-го Мая того же 1385-го года.

[2]) Грамота эта, не дошедшая до насъ, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, между прочимъ была подписана митрополитами адріанопольскимъ и ганскимъ (Ник. лѣт. IV, 195 fin., Воскрес. въ Собр. лѣтт. VIII, 61 нач., Соф. 1-я ibid. V, 244); а митрополиты адріанопольскій и ганскій прибыли съ Кипріаномъ въ Россію въ качествѣ патріаршихъ экзарховъ, изъ чего и видно, что грамота писана до отбытія Кипріана изъ Константинополя; cfr посланіе патріарха въ Новгородъ отъ 1393-го года въ Памятни. *Павлова* col. 235.

[3]) Лѣтописи, указанныя въ предыдущемъ примѣчаніи.

глашенію тверскаго великаго князя, онъ долженъ былъ заняться непосредственно послѣ прибытія въ Москву, онъ тотчасъ же обратился къ дѣлу новгородскому. Такъ какъ грамота патріаршая не произвела на Новгородцевъ никакого дѣйствія, то съ цѣлію убѣдить ихъ, отказаться отъ постановленнаго ими приговора, въ Февралѣ 1392-го года Кипріанъ самъ предпринялъ путешествіе въ Новгородъ [1]). Новгородцы встрѣтили его съ подобающею почетною торжественностію и дали ему съ его свитой подворье; [2]) въ продолженіе полуторыхъ недѣль онъ совершилъ двѣ торжественныя литургіи, а архіепископъ новгородскій Іоаннъ и граждане сотворили ему пиры многіе и честили его дарами многими. Но когда въ недѣлю православія, приходившуюся въ 1392-мъ году 25-го Февраля, онъ совершилъ въ Софійскомъ соборѣ третью литургію и послѣ литургіи началъ просить у Новгородцевъ «суда своего мѣсяца», чтобы они дали ему судъ и пошлины, какъ было при иныхъ митрополитахъ: но встрѣтилъ рѣшительный отказъ. Посадникъ и тысяцкій новгородскіе и всѣ граждане единогласно отвѣчали: «господине! о суду есмя крестъ цѣловали и грамоту списали промежи себѣ крестную, что къ митрополиту не зватися»... («цѣловали есмя крестъ вси за единъ не зватись намъ къ митрополиту на судъ и митрополиту насъ не судити, и грамоты есмя пописали и попечатали и душу запечатали»... [3]). Не достигнувъ ни малѣйшаго успѣха, митрополитъ въ страшномъ гнѣвѣ на Новгородцевъ уѣхалъ отъ нихъ на третій день послѣ сего (пробывъ у нихъ двѣ недѣли съ половиной) и предалъ ихъ, со включеніемъ ихъ духовенства и ихъ архіепископа, церковному отлученію [4]). Возвратившись въ Москву, Кипріанъ отправилъ посла въ Константинополь, [5]) жаловаться на Новгородцевъ патріарху. Въ свою очередь Новгородцы отправили собственныхъ пословъ въ Константи-

---

[1]) Время точнымъ образомъ (день прибытія въ Новгородъ—11-го Февраля) указывается въ Новгородской 4-й лѣтописи,—въ Собр. лѣтт. IV. 98. Въ Новгородской 1-й лѣтописи сказано: «зимой». По Никоновск. лѣт., IV, 199 sub fin., Кипріанъ прошолъ въ Новгородъ изъ Твери.

[2]) У Іоанна Предтечи на Чудинцовой улицѣ.

[3]) По увѣренію греческихъ актовъ, Новгородцы даже приговорили убивать или предавать смертной казни тѣхъ, которые бы захотѣли обращаться къ аппелляціонному суду митрополита,—въ Памм. *Павлова* col. 241.

[4]) Подробности въ Новгородской 4-й лѣтописи,—въ Собр. лѣтт. IV, 98 sub fin., и въ Никоновской лѣтописи, IV, 199 fin..

[5]) Дмитрія, аѳинянина родомъ или Аѳинея прозваніемъ (ὁ Ἀθηναῖος,—посланіе патріарха въ Новгородъ у *Павлова* col. 253, который въ нашихъ лѣтописяхъ

нополь [1]), добиваться отъ патріарха признанія законности ихъ приговора вмѣстѣ съ предъявленіемъ новаго требованія, чтобы митрополитъ не вызывалъ ихъ архіепископа къ себѣ въ Москву и вѣроятно хлопотать о томъ, чтобы онъ снялъ съ нихъ отлученіе, наложенное митрополитомъ. Патріархъ написалъ два посланія въ Новгородъ,—одно по выслушаніи посла митрополичьяго, другое по выслушаніи пословъ новгородскихъ, прибывшихъ вскорѣ послѣ перваго, и оба вмѣстѣ въ концѣ 1393-го года отправилъ въ Россію съ своимъ апокрисіаріемъ, архіепископомъ виѳлеемскимъ Михаиломъ [2]). Патріархъ настоятельно убѣждаетъ Новгородцевъ въ своихъ грамотахъ примириться съ митрополитомъ, и что касается до отлученія, то не только не снимаетъ его съ нихъ, но и пространно доказываетъ имъ всю его силу и дѣйствительность [3]). Очень можетъ быть, что грамоты патріарха не произвели бы на Новгородцевъ особаго дѣйствія; но прежде чѣмъ онѣ были написаны, вмѣшался въ ссору митрополита съ ними великій князь Василій Дмитріевичъ. Великій князь потребовалъ отъ нихъ, чтобы они при-

---

называется бояриномъ Кипріана Дмитрокомъ,—Новгор. 4-я лѣт. подъ 1394-мъ годомъ, а въ актахъ—его бояриномъ Дмитріемъ Аѳинеевичемъ,—Акт. Ист. т. I, № 215 (послѣ онъ—бояринъ великаго князя,—Собр. государств. грамм. и договв. I, № 39).

[1]) Кюра Созонова и Василья Щечкина,—Новгор. 4-я лѣт. подъ 1392-мъ годомъ. Въ патріаршихъ грамотахъ первый посолъ называется Кирилломъ и Кирикомъ,—въ Памятнн. *Павлова* coll. 255 и 287.

[2]) Обѣ грамоты и наказъ апокрисіарію въ Памятнн. *Павлова* coll. 235, 253 и 283. Первая грамота отъ Сентября 1393-го года, вторая безъ даты, но она писана ранѣе 29-го Октября того же года, которымъ помѣченъ наказъ апокрисіарію и въ которомъ она уже упоминается. Первая грамота еще не была послана въ Россію, когда прибыли въ Константинополь послы новгородскіе, а потому обѣ грамоты и отправлены были вмѣстѣ. Апокрисіаріевъ было послано собственно двое—архіепископъ Михаилъ и царскій чиновникъ Алексѣй Аарѳнъ. Въ наказѣ апокрисіаріямъ замѣчательно то, что имъ настоятельнѣйшимъ образомъ предписывается отъ патріарха соблюдать между собою миръ и любовь, ничего не говорить и не дѣлать одному безъ другаго и ни подъ какимъ предлогомъ не видѣться порознь съ великимъ княземъ и митрополитомъ. Это даетъ знать, что константинопольскіе послы имѣли обычай вести себя въ Россіи далеко не безъукоризненно и что, ставя на первомъ мѣстѣ свои личныя выгоды, они имѣли обычай править посольства такъ, какъ требовали эти послѣднія.

[3]) Въ нашихъ лѣтописяхъ записано, что патріархъ отвѣчалъ посламъ новгородскимъ: «повинуйтеся митрополиту русскому»,—Новгор. 4-я лѣт. подъ 1392-мъ годомъ.

слали ему крестоцѣловальную грамоту, въ которой записали не зваться на судъ къ митрополиту, обѣщая, что митрополитъ сниметъ съ нихъ грѣхъ крестоцѣлованія; когда они отказали въ этомъ государю, въ великомъ постѣ 1393-го года [1]) онъ выслалъ противъ нихъ свое войско. У Новгородцевъ были захвачены пригороды Торжокъ, Волокъ Ламскій и Вологда съ волостями и повоеваны многія волости; въ свою очередь они завладѣли у великаго князя пригородами: Кличеномъ (въ Ржевскомъ тогдашнемъ уѣздѣ [2]), Устюжной и Великимъ Устюгомъ и многими волостями: съ обѣихъ сторонъ было много кровопролитія. Но потомъ Новгородцы, не желая, по словамъ новгородскихъ лѣтописей, видѣть бóльшаго кровопролитія въ христіанахъ, т. е. какъ должно подразумѣвать—видя свое безсиліе бороться съ великимъ княземъ, послали къ нему съ челобитьемъ о старинѣ и доставили ему свою крестоцѣловальную грамоту противъ митрополита. Великій князь заключилъ съ Новгородцами миръ, а митрополитъ разрѣшилъ ихъ отъ крестоцѣлованія, снявъ съ нихъ и церковное отлученіе, которое наложилъ было на нихъ [3]); за это послѣднее Новгородцы поклонились князю и митрополиту поминкомъ въ полчетверта ста рублей [4]).

Такимъ образомъ, при помощи оружія великаго князя митрополиту, повидимому, удалось одержать побѣду надъ Новгородцами; однако оказалось, что побѣда эта была только мнимая: желая заставить великаго князя прекратить войну и вмѣстѣ желая заставить митрополита снять наложенное имъ отлученіе, Новгородцы обманули ихъ притворнымъ смиреніемъ. Въ 1394-мъ году прибылъ въ Россію апокрисіарій

---

[1]) Точно время указано въ Новгор. 4-й лѣт..

[2]) Карамзинъ и Неволинъ полагаютъ Кличенъ близъ Устюжны, но см. о немъ въ Собраніи госудд. грамм. по Index'у (Семеновъ въ Словарѣ полагаетъ Кличенъ на островѣ озера Селигера Кличанѣ).

[3]) Грамота Кипріана Новгородцамъ, снимающая съ нихъ отлученіе, въ Собр. госудд. грамм., II. № 13, стр. 14.

[4]) Новгородскія лѣтописи 1-я и 4-я. По Никоновской лѣтописи, IV, 253 sqq, Новгородцы послали митрополиту шестьсотъ рублей, а полчетверта ста рублей дали его боярину, который привезъ имъ отъ него прощеніе и благословеніе. Но относительно невѣроятно большаго подарка боярину за привозъ радостныхъ вѣстей лѣтопись впадаетъ въ ошибку. Этотъ бояринъ былъ тотъ самый Дмитрій аѳиняниnъ, который ходилъ отъ митрополита посломъ къ патріарху, и полчетверта ста рублей, которые дали ему Новгородцы (сверхъ таковаго же, по Новгородскимъ лѣтописямъ, количества рублей князю и митрополиту) были уплатой займа, сдѣланнаго у него въ Константинополѣ послами новгородскими: Новгор. 4-я лѣт. подъ 1394-мъ годомъ.

патріарха съ его грамотами и въ слѣдующемъ 1395-мъ году, въ великомъ постѣ, Кипріанъ отправился съ нимъ въ Новгородъ [1]); Новгородцы приняли митрополита, какъ и въ первый разъ, съ великою честію, но въ мѣсячномъ судѣ и въ соединенныхъ съ нимъ пошлинахъ снова отказали. На этотъ разъ обстоятельства благопріятствовали твердой стойкости Новгородцевъ. За новый и какъ бы вѣроломный отказъ митрополитъ воспылалъ противъ нихъ, что́ и естественно, еще бо́льшимъ гнѣвомъ, чѣмъ прежде, и если бы былъ предоставленъ самому себѣ, то, нѣтъ сомнѣнія, тотчасъ же бы снова наложилъ на нихъ то отлученіе, которое только что снялъ; но какія-то неизвѣстныя намъ политическія причины, бывшія у великаго князя (приближеніе ли грознаго врага въ лицѣ Тамерлана или что другое) связали теперь въ этомъ отношеніи руки митрополиту. Не имѣя возможности дѣйствовать грозою гнѣва, онъ хотѣлъ достигнуть цѣли путями мира: въ надеждѣ привлечь къ себѣ Новгородцевъ и примирить ихъ съ собою онъ остался въ Новгородѣ на долговременное житье [2]). Но и средства мирныя оказались напрасными: послѣ долговременнаго житья въ Новгородѣ, митрополитъ долженъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ, не успѣвъ добиться того, чтобы Новгородцы согласились возвратить ему мѣсячный судъ и соединенныя съ послѣднимъ пошлины [3]).

Сейчасъ изложеннымъ кончаются извѣстія о тяжбѣ Кипріана съ Новгородцами изъ-за мѣсячнаго суда, и лѣтописи оставляютъ насъ въ неизвѣстности касательно того, чѣмъ кончилось дѣло. Но изъ свидѣтельствъ, относящихся ко времени преемника Кипріанова Фотія, мы знаемъ, что оно кончилось совершенной безуспѣшностью стараній митрополита. Послѣ 1395-го года Кипріанъ три раза вызывалъ къ себѣ въ Москву новгородскаго архіепископа Іоанна, именно—въ 1396-мъ, 1397-мъ и 1401-мъ году. О причинѣ перваго вызова ничего не говорится; о причинѣ второго и третьяго вызововъ Новгородская 1-я лѣтопись глухо говоритъ, что они были «о святительскихъ дѣлѣхъ»: со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что во всѣ три раза архіепископъ вызываемъ былъ митрополитомъ по поводу нашего мѣсячнаго суда. Вызванный въ послѣдній разъ, Іоаннъ былъ подвергнутъ соборному

---

[1]) Прибылъ въ Новгородъ за нѣделю до Вербницы.—Псковск. 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. IV. 194.

[2]) Митрополитъ пріѣхалъ въ Новгородъ за недѣлю до Вербницы, а уѣхалъ изъ него въ Троицкую субботу: Псковск. 1-я лѣт..

[3]) Новгородск. 1-я и Псковск. 1-я лѣтт. подъ 1395-мъ годомъ (Никон. лѣт., IV. 257, говоритъ неправду, будто Новгородцы дали митрополиту судъ по старинѣ).

суду семи епископовъ и, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, которая говоритъ о соборѣ [1]), заставленъ былъ отписаться или отказаться отъ епископіи [2]). Однако, просидѣвъ въ Москвѣ 3 года и 4 мѣсяца, онъ снова возвращенъ былъ на каѳедру [3]).

Одновременно съ тѣмъ, какъ тягаться съ Новгородцами изъ-за мѣсячнаго суда, митр. Кипріанъ имѣлъ тяжбу съ архіепископомъ суздальскимъ за предѣлы епархіи, которая, можетъ быть, также была наслѣдована имъ отъ предшественника, а можетъ быть—была поднята уже имъ самимъ и о которой, при совершенномъ молчаніи нашихъ лѣтописей, мы знаемъ единственно изъ актовъ греческихъ.

Мы сказали выше, что въ 1365-мъ году св. Алексій отнялъ у епископа суздальскаго Алексія Нижній Новгородъ и Городецъ. Преемнику Алексіеву Діонисію, поставленному въ 1374-мъ году, онъ снова возвратилъ ихъ. Но занявшій каѳедру митрополіи послѣ его смерти архимандритъ Михаилъ-Митяй, вѣроятно—вслѣдствіе своей ссоры съ Діонисіемъ, изъявилъ притязанія на наши города, и послѣдній въ бытность свою въ Константинополѣ испросилъ на нихъ утвердительную грамоту у патріарха, какъ на города, принадлежащіе къ суздальскому удѣлу и къ его—суздальской епархіи [4]). Въ 1386-мъ году, по случаю небытности въ Москвѣ митр. Пимина, находившагося въ Константинополѣ, посланъ былъ въ послѣдній къ патріарху или, можетъ быть, къ самому митрополиту, для поставленія въ архіепископы суздальскіе на мѣсто умершаго Діонисія, архимандритъ нижегородскаго Печерскаго монастыря Евфросинъ. Этотъ Евфросинъ, поставленный въ архіепископы патріархомъ Антоніемъ въ Іюлѣ 1389-го года, въ виду ли того, что

---

[1]) IV, 301.

[2]) О причинѣ осужденія Іоанна и вмѣстѣ съ нимъ епископа луцкаго Саввы, также заставленнаго отказаться отъ епископіи и оставленнаго въ Москвѣ, лѣтопись глухо говоритъ: «бѣ бо на нихъ брань возложилъ Кипріанъ митрополитъ за нѣкія вещи святительскія, да не точію сами полезное и спасеное обрящутъ, но и инѣмъ полезное и спасеное будетъ, ничто же бо тако сѣти демонскія разрушаетъ, якоже покореніе и смиреніе». Позднѣйшая такъ называемая Архангелогородская лѣтопись прямо говоритъ, что въ 1401-мъ году Іоаннъ былъ посаженъ въ Москвѣ въ заключеніе за мѣсячный судъ: «Кипріанъ митрополитъ, по великаго князя слову, владыку поималъ, да посадилъ за сторожи въ Чудовѣ монастырѣ за мѣсячный судъ, что не дали,—стр. 102 fin..

[3]) Новгор. 1-я лѣт. подъ 1404-мъ годомъ.

[4]) См. запись о выдачѣ патріархомъ таковой же грамоты преемнику Діонисіеву Евфросину въ Памятн. *Павлова*, № 34, col 229.

послѣ Михаила-Митяя изъявлялъ притязаніе на города и Пименъ или же вообще для крѣпости и на всякій случай, испросилъ у патріарха такую же грамоту, какъ и его предшественникъ [1]). Какъ бы то ни было, но митр. Кипріанъ, отправивъ въ 1392-мъ году къ патріарху своего посла съ жалобою на Новгородцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предъявилъ ему свой искъ и относительно нашихъ городовъ противъ архіепископа суздальскаго. Какъ доказывалъ митрополитъ патріарху свою претензію, это сообщается намъ въ посланіи патріарха къ архіепископу суздальскому, отправленномъ съ апокрисіаріями, посланными въ Россію въ концѣ 1393-го года (архіепископомъ виѳлеемскимъ Михаиломъ и царскимъ бояриномъ Алексіемъ Аарономъ). Сказавъ въ посланіи о грамотахъ, данныхъ Діонисію и ему самому—Евфросину, патріархъ продолжаетъ далѣе: «Но теперь преосвященный митрополитъ кіевскій и всея Россіи, пречестный (ὑπέρτιμος), во Святомъ Духѣ возлюбленный братъ нашей мѣрности и сослужитель, вмѣстѣ съ благороднѣйшимъ и славнѣйшимъ великимъ княземъ московскимъ и всея Россіи, во Святомъ Духѣ вождѣленнѣйшимъ сыномъ нашей мѣрности, киръ Василіемъ, написали и послали (намъ) съ возлюбленнымъ во Святомъ Духѣ сыномъ нашей мѣрности киръ Димитріемъ аѳиняниномъ (грамоты) объ оныхъ городахъ и утверждаютъ, что несправедливо было начальное донесеніе твоего старца (предшественника Евфросинова Діонисія [2]), будто (города) принадлежатъ суздальской епархіи, но что они принадлежали митрополіи русской и издавна и изстари были владѣемы и завѣдуемы ею,—что старецъ твой (Діонисій) просилъ ихъ у митрополита всея Россіи, онаго киръ Алексія, чтобы владѣть ими екзаршески и дѣйствительно владѣлъ ими до самой смерти киръ Алексія,—что когда, умеръ киръ Алексій, а поставленіе другаго въ митрополиты по причинѣ происшедшихъ смутъ,—какъ знаешь и ты,—замедлилось, старецъ твой удержалъ оные города и найдя благопріятными для себя обстоятельства здѣсь (въ Константинополѣ), такъ какъ не было общаго митрополита Россіи, но то былъ одинъ, то другой, сдѣлалъ донесеніе (патріарху), сказавъ, что (города) принадлежатъ его епархіи, и получилъ (ихъ отъ патріарха)» [3]). Удовлетворяя иску митрополита и вели-

[1]) См. указанную сейчасъ запись.

[2]) О Діонисіи по отношенію къ Евфросину употребляется выраженіе ὁ καλόγηρός σου. Καλόγηρος значитъ тутъ не монахъ, что не имѣло бы смысла, а старецъ, наставникъ, т. е. по монашеству, каковымъ былъ Діонисій въ отношеніи къ Евфросину.

[3]) Въ Памятнн. *Павлова*, № 41, col. 277.

каго князя, патріархъ поручилъ своимъ апокрисіаріямъ произвести новое дознаніе по дѣлу. Въ наказѣ, который данъ былъ патріархомъ апокрисіаріямъ, предписывается имъ относительно этого слѣдующее: они должны потребовать отъ архіепископа данныя ему и его предшественнику царскія и патріаршія грамоты и смотрѣть въ грамотахъ: на какомъ основаніи города отданы имъ,—потому ли, что они предъявляли на нихъ свое право, называя ихъ своими изстаринными городами, или потому, что они просили ихъ себѣ отъ митрополіи въ дарствованіе; если первое, то архіепископъ долженъ доказать свое право письменными актами, живыми свидѣтелями и вообще какимъ ни было образомъ, и если докажетъ, то города пусть останутся за нимъ, а если не докажетъ, то должны быть возвращены митрополиту; если второе, то города пусть пока остаются за архіепископомъ, а митрополиту предоставляется право просить у императора и патріарха грамотъ, которыми бы была уничтожена сила дарственныхъ грамотъ архіепископамъ [1]). Что нашли апокрисіаріи и какъ рѣшено было ими дѣло, остается намъ неизвѣстнымъ, потому что дальнѣйшихъ свѣдѣній не имѣемъ. Но согласно ихъ рѣшенію или вопреки ему и тогда же или нѣсколько послѣ города были присоединены къ каѳедрѣ митрополіи [2]). Такъ какъ право на нихъ архіепископовъ суздальскихъ было неоспоримо, а что́ доносили относительно ихъ митрополитъ и великій князь было вовсе несправедливо (такъ что Кипріанъ выступалъ передъ патріархомъ съ доказательствомъ своей претензіи завѣдомо лживымъ!): то очевидно, что ихъ присоединеніе къ каѳедрѣ митрополіи было актомъ простаго грубаго насилія (что же касается до св. Алексія, то, какъ показываетъ его поведеніе, онъ не хотѣлъ совсѣмъ отнять городовъ у епископіи суздальской, а только отнялъ ихъ у епископа Алексія).

Судя другихъ ссорившихся, ведя собственныя тяжбы какъ митрополитъ, Кипріанъ имѣлъ еще личную собственную брань. Ученикъ Діонисія, архіепископа суздальскаго, Евѳимій, основавшій въ Суздалѣ Спасскій монастырь (нынѣ—Спасо-Евѳиміевъ) не велѣлъ звать, т. е. не хотѣлъ признавать, его митрополитомъ, вѣроятно, за то, что онъ захватилъ его—Евѳиміева учителя въ Кіевѣ. Намъ, къ сожалѣнію неизвѣстны подробности этой брани; но преп. Іосифъ Волоколамскій,

---

[1]) Въ Памм. *Павл.* № 42, col. 287; см. также посланіе патріарха къ Евфросину.

[2]) См. Акт. Ист. т. I, № 37, стр. 70 (посланіе митр. Іоны отъ 11-го Марта 1433-го года въ нижегородскій Печерскій монастырь).

по поводу своей ссоры съ архіепископомъ новгородскимъ Серапіономъ, не одинъ разъ говоритъ о ней, имѣя цѣлію сослаться на то, что Кипріанъ видѣлъ себя вынужденнымъ ею бить на Евѳимія челомъ вел. кн. Василію Дмитріевичу [1]).

О церковно-правительственной дѣятельности Кипріана мы такъ же мало знаемъ и такъ же мало можемъ сказать, какъ и о дѣятельности почти всѣхъ его предшественниковъ. Кипріанъ принадлежалъ къ числу митрополитовъ исключительно долгоденствовавшихъ, ибо всего, считая съ посвященія, пребывалъ на каѳедрѣ митрополіи цѣлыя 30-ть лѣтъ, но принадлежалъ ли онъ къ числу митрополитовъ исключительно или не исключительно право правившихъ, этого мы вовсе не знаемъ.

Въ своемъ посланіи къ преп. Сергію Радонежскому, писанномъ по поводу неудачной поѣздки въ Москву послѣ смерти св. Алексія, на третій годъ пребыванія на каѳедрѣ литовской, Кипріанъ похваляется, что онъ весьма заботливо приводитъ въ порядокъ разстроенныя дѣла митрополіи, т. е. литовской, и что не только онъ своимъ потружаніемъ церковное дѣло тамъ оправилъ и христіанство утвердилъ, но что и многихъ отъ язычниковъ Литовцевъ привелъ къ познанію истиннаго Бога и къ православной вѣрѣ святымъ крещеніемъ [2]). Очень можетъ быть, что похваляясь Кипріанъ не хвастается; но во всякомъ случаѣ хвалебныя рѣчи человѣка самому себѣ не могутъ быть приняты за настоящее историческое свидѣтельство.

Существуетъ позднѣйшее свидѣтельство, что митр. Кипріанъ совершилъ новый славянскій переводъ книги законовъ церковныхъ или Кормчей. Въ 1627-мъ году московскій Богоявленскій игуменъ Илія и книжный справщикъ Григорій, ведшіе по приказанію патр. Филарета преніе съ Лаврентіемъ Зизаніемъ объ его Катихизисѣ, защищая авторитетъ Кормчей, употреблявшейся тогда на Москвѣ, говорили Лаврентію: «Кипріанъ, митрополитъ кіевскій и всея Русіи, егда пріиде изъ Константинограда на русскую митрополію, и тогда съ собою привезъ правильныя книги христіанскаго закона, греческаго языка правила, и перевелъ на славянскій, и Божіею милостью пребываютъ и до нынѣ безъ всякихъ смутовъ и прикладовъ (и) новыхъ вводовъ» [3]). Но спра-

---

[1]) «Была брань Кипріану митрополиту съ игуменомъ Евѳиміемъ Спасскаго монастыря, что въ Суздалѣ, не велѣлъ было звати Евѳимій Кипріана митрополитомъ».

[2]) Въ Правосл. Собесѣдн. 1860 г., ч. II, стр. 97, и въ Памятн. *Павлова*, № 20. col. 182.

[3]) Преніе въ Лѣтописяхъ русской литературы и древн. *Тихонравова*, т. 2, отд. 2, стр. 99.

ведливо думаютъ [1]), что Илія и Григорій ошибались и что они принимали за Кипріановъ переводъ Кормчей только написанный Кипріаномъ списокъ послѣдней. Можетъ быть, этотъ списокъ еще сохранялся въ ихъ время, а можетъ быть они основывались на свидѣтельствѣ Степенной книги, которая говоритъ, что въ великій московскій пожаръ 1547-го года митр. Макарій сохранилъ отъ огня между прочимъ «книгу Божественныя правила, юже Кипріанъ митрополитъ изъ Царяграда принеслъ» [2]). Кромѣ того, что не найдено никакихъ настоящихъ слѣдовъ Кипріанова перевода Кормчей, само по себѣ вовсе невѣроятно предполагать, чтобы онъ предпринялъ новый переводъ при существовавшихъ переводахъ, потому что онъ не могъ имѣть къ этому никакихъ побужденій. Если бы въ его время вошла у Грековъ въ употребленіе новая редакція Кормчей, отличная отъ тѣхъ (двухъ), которыя были дотолѣ въ славянскомъ переводѣ, тогда его новый переводъ былъ бы понятенъ; но этого не было, а потому и новый переводъ того, что̀ уже давно было переведено, не имѣлъ бы смысла. Что Кипріанъ собственноручно написалъ списокъ Кормчей и именно написалъ, находясь въ Константинополѣ, это весьма вѣроятно: мы имѣемъ свидѣтельства, что онъ любилъ заниматься писаніемъ книгъ [3]) и положительно знаемъ, что онъ занимался этимъ во время своего долговременнаго пребыванія въ Константинополѣ [4]). О недошедшемъ до насъ спискѣ Кипріана должно думать, что изъ двухъ редакцій Кормчей, существовавшихъ на славянскомъ языкѣ, онъ представлялъ ту редакцію, которая для Россіи была пріобрѣтена митр. Кирилломъ изъ Болгаріи въ 1262-мъ году и которая теперь извѣстна у насъ подъ именемъ редакціи Рязанской или Іосифовской, ибо эта редакція была тогда въ общемъ употребленіи у Болгаръ и Сербовъ, у которыхъ могъ брать Кипріанъ оригиналы для списыванія во время своего пребыванія въ Константинополѣ. Переводъ этой редакціи было дѣломъ св. Саввы сербскаго, и должно думать, что Кипріанъ позаботился пріобрѣсти отъ кого либо изъ сербскихъ епископовъ списокъ для списыванія по возможности исправный.

Мы сказали выше, что въ 1401-мъ году архіепископъ новгородскій Іоаннъ былъ осужденъ въ Москвѣ соборнымъ судомъ семи епископовъ. Вмѣстѣ съ Іоанномъ былъ судимъ и осужденъ епископъ луц-

---

[1]) *А. В. Горскій* въ статьѣ о Кипріанѣ и *преосв. Макарій* въ Исторіи.

[2]) II, 248.

[3]) Никон. лѣт. V, 2 fin., и Степ. кн. I, 558.

[4]) Въ 1386—87-мъ году онъ написалъ въ Константинополѣ Лѣствицу Іоанна Лѣствичника, находящуюся теперь въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи.

кій Савва, который также долженъ былъ отписаться отъ епископіи и также былъ задержанъ въ Москвѣ. За что осужденъ былъ Савва, остается неизвѣстнымъ. Лѣтопись Никоновская, въ которой читается о соборѣ, представляетъ дѣло такъ, что какъ будто оба епископа были обвиняемы въ одномъ и томъ же. О причинѣ осужденія Саввы вмѣстѣ съ Іоанномъ лѣтопись говоритъ глухо: «бѣ бо на нихъ брань возложилъ Кипріанъ митрополитъ за нѣкія вещи святительскія, да не точію сами полезное и спасеное обрящутъ, но и инѣмъ полезное и спасеное будетъ, ничто же бо тако сѣти демонскія разрушаетъ, якоже покореніе и смиреніе [1]).

Сохранились до настоящаго времени двѣ грамоты вел. кн. Василія Дмитріевича, данныя имъ митр. Кипріану, изъ которыхъ подлинность одной впрочемъ не безспорна и въ которыхъ великій князь—съ одной стороны подтверждаетъ митрополиту его церковно-судебныя и вотчинно-владѣльческія права, а съ другой стороны подтверждаетъ или, можетъ быть, и вновь постановляетъ ограниченія его церковно-правительственныхъ правъ и его вотчинныя обязательства по отношенію къ государству.

Одною изъ грамотъ великій князь подтверждаетъ митрополиту такъ называемые уставы Владимира и Ярослава. Вотъ эта необширная по объему грамота въ полномъ видѣ и слово въ слово: «Се язъ князь великій Василій Дмитреевичъ всея Руси, сѣдъ съ своимъ отцомъ съ Кипріаномъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси, управилъ есмь по старинѣ о судѣхъ о церковныхъ, изнашедъ (*вар.* «въземшемъ» т.-е. намъ) старый номоканонъ, какъ управилъ прадѣдъ мой, святый князь великій Володимеръ, и сынъ его, князь великій Ярославъ всея Руси; какъ управили они, сѣдъ съ митрополиты, о судѣхъ церковныхъ и списали номоканонъ по греческому номоканону, что суды церковныя и вся оправданія церковная, какъ пошло издавна: по тому же и мы нынѣча управили, оже бы то неподвижно было, николи напередъ впрокъ (въ прочее, въ будущее время) ни умножити бы, ни умалити, но тако бы то и стояло неподвижно, какъ тѣ велиціи святіи князи вписали и укрѣпили» [2]). Карамзинъ, впервые нашедшій списокъ грамоты, сомнѣ-

[1]) IV, 301.

[2]) Карамзинъ нашелъ списокъ грамоты въ новомъ, неизвѣстнаго времени, лѣтописцѣ, доставленномъ ему какимъ-то Горюшкинымъ и напечаталъ его въ 233-мъ примѣч. къ V тому; изъ Карамзина перепечаталъ списокъ митр. Евгеній въ Описаніи Кіевософійскаго собора, прибавлл. стр. 39. Теперь извѣстны еще два списка,—находящійся въ Румянцевской Кормчей начала XVI в.,—у *Восток.* № 232, стр. 296,

вался въ ея подлинности [1]). Но если сомнѣнія, имъ высказанныя, не могутъ быть признаны основательными [2]), то вмѣсто его поводовъ къ сомнѣніямъ могутъ быть указаны новые. Въ извѣстныхъ въ настоящее время спискахъ грамоты [3]) читается припись, что она списана изъ великаго и стараго номоканона на Москвѣ въ лѣто 6911, индикта 11, Ноября въ 19-й день, т.-е. 19-го Ноября 1402-го года. Защитники подлинности грамоты [4]) понимаютъ припись такимъ образомъ, что одинъ изъ позднѣйшихъ писцовъ выписалъ ее изъ номоканона, написаннаго на Москвѣ въ 1402-мъ году; но прямой смыслъ приписи тотъ, что писецъ 1402-го года выписалъ ее изъ великаго и стараго номоканона. Если принимать этотъ послѣдній смыслъ, то припись будетъ очевидно поддѣльною, ибо для писца 1402-го года номоканонъ времени Кипріана не могъ быть старымъ номоканономъ. Соглашаясь принимать грамоту за подлинную, не должно понимать дѣла такимъ образомъ, чтобы великій князь въ собственномъ смыслѣ подтвердилъ митрополиту уставы Владимира и Ярослава. Уставы эти никогда не сходились вполнѣ съ существующею дѣйствительностью; но послѣ того какъ они явились, начало быть принимаемо, что вообще дѣйствительность всякаго даннаго времени основывается на нихъ. Поэтому, подтвержденіе вел. кн. Василіемъ Димитріевичемъ митр. Кипріану уставовъ Владимира и Ярослава, если только оно дѣйствительно имѣло мѣсто, должно быть понимаемо такъ, что онъ подтвердилъ митрополиту ту область и то пространство церковнаго суда, какія послѣдній имѣлъ въ его время, или иначе сказать, что великій князь подтвердилъ митрополиту на будущее время statu quo въ семъ отношеніи.

Другой грамотой великаго князя митрополиту подтверждаются вотчинно-владѣльческія права и вмѣстѣ обязательства послѣдняго, по-

---

col. 2, и въ Троицкой Лаврской рукописи XVI вѣка, № 730 л. 462: послѣдній съ именемъ митрополита не Кипріановымъ, а Фотіевымъ. Баронъ Розенкампфъ въ Обозрѣніи Кормчей книги упоминаетъ о двухъ спискахъ, видѣнныхъ имъ въ старообрядческихъ рукописяхъ, изъ которыхъ въ одномъ вмѣсто имени митр. Кипріана также стояло имя митр. Фотія,—изд. 1829-го года 1-го счета стр. 209 fin.. Прежде Карамзина грамота извѣстна была Кульчинскому и напечатана имъ въ латинскомъ переводѣ въ его Specimen Ecclesiae Ruthenae, вышедшемъ впервые въ 1733-мъ году,—новое изданіе Мартынова Paris, 1859, p. 195.

[1]) V, 131.

[2]) См. *Неволина* О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго, въ Полномъ собраніи сочиненій т. VI. стр. 313.

[3]) Карамзинскомъ и Румянцевскомъ.

[4]) Неволинъ.

становляются ограниченія его церковно-правительственныхъ правъ и подтверждаются, а отчасти, можетъ быть, и вновь постановляются правила относительно суда смѣснаго. Подъ грамотою, по извѣстнымъ въ настоящее время ея спискамъ, выставлена неправильная дата, на основаніи которой она должна быть относима или къ 1392-му или къ 1404-му году [1]). Вѣроятнѣйшимъ представляется принимать первый годъ и понимать дѣло такъ, что великій князь и митрополитъ учинили договоръ въ началѣ правленія втораго. Вступленіе къ грамотѣ читается: «Се язъ князь великій, сѣдъ съ своимъ отцемъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси, управили есмь (есмы) о домѣхъ о церковныхъ и о волостѣхъ и о земляхъ и о водахъ и о всѣхъ пошлинахъ церковныхъ». Затѣмъ, содержаніе грамоты есть слѣдующее: вотчины, принадлежащія митрополичьей каѳедрѣ со временъ предшествующихъ митр. Алексію и съ его времени, остаются за нею, какъ было при митр. Алексіѣ [2]). Домовые митрополичьи монастыри принадлежатъ митрополиту со всѣми ихъ вотчинами [3]). Боярамъ и слугамъ великаго князя и митрополичьимъ не покупать митрополичьихъ вотчинъ, а кто купилъ, тотъ долженъ возвратить купленное и получить назадъ свои деньги [4]). Это постановленіе, по всей вѣроятности, должно понимать такъ, что или митр. Пиминъ, нуждаясь для своихъ константинопольскихъ поѣз-

---

[1]) Грамота напечатана въ Акт. Эксп., т. I № 9, стр. 4. Подъ ней выставлена дата: «писана грамота на Москвѣ мѣсяца іюня въ 28, индикта въ 12, въ лѣто 6900». Годъ есть 1392-й, а индиктъ—1404-го года. Въ грамотѣ по извѣстнымъ ея спискамъ не выставлено имени ни великаго князя, ни митрополита и она усвояется Василію Дмитріевичу и Кипріану на основаніи даты. Ея содержаніе дѣйствительно показываетъ, что она должна быть усвояема митр. Кипріану, а слѣдовательно и Василію Дмитріевичу, при которомъ одномъ былъ Кипріанъ митрополитомъ: митрополитъ, которому дана грамота, представляется непосредственнымъ преемникомъ Алексія, а таковъ былъ Кипріанъ (не считая Пимина, какъ незаконнаго митрополита).

[2]) Говорится вообще о вотчинахъ митрополичьихъ и въ частности о Лухѣ (нынѣ находящемся въ костромской губерніи, на смежьи съ владимирскою) и о Сенегѣ (находящемся во владимирской губерніи, въ покровскомъ уѣздѣ). О двухъ вотчинахъ въ частности, можетъ быть, потому, что онѣ начали принадлежать каѳедрѣ только со временъ св. Алексія и что относительно ихъ еще не установилось твердой «пошлины» и старины.

[3]) Называются два монастыря: Константиновскій (находившійся близъ Владимира) и Борисоглѣбскій (въ Переяславлѣ).

[4]) Это именно говорится о митрополичьихъ земляхъ луховскихъ.

докъ въ деньгахъ, продалъ нѣкоторыя изъ вотчинъ, принадлежавшихъ каѳедрѣ митрополичьей, или что, пользуясь долговременными отсутствіями Пимина, продали ихъ и самимъ себѣ присвоили бояре митрополичьи, и что Кипріанъ посредствомъ его—постановленія имѣлъ въ виду возвратить вотчины назадъ. Крестьянъ, живущихъ въ митрополичьихъ вотчинахъ [1]), судитъ самъ митрополитъ съ волостелемъ или съ доводчикомъ, а судьѣ великаго князя не быть; крестьянъ, живущихъ въ вотчинахъ домовыхъ митрополичьихъ монастырей [2]), судятъ игумены послѣднихъ. Съ крестьянъ митрополичьихъ великому князю брать въ выходъ татарскій по своей по оброчной грамотѣ, а больше того оброка съ нихъ не брать, и бѣлки и рѣзанки брать съ нихъ не великому князю, а митрополиту; когда дать дань Татарамъ, тогда и оброки взять великому князю съ церковныхъ людей, а когда не дать дани Татарамъ, тогда и оброку не брать; данщику и бѣльщику великаго князя не быть въ селахъ митрополичьихъ. Что нѣкоторые изъ крестьянъ митрополичьихъ [3]) ставливали хоромы на великаго князя во Владимирѣ, то отложить, потому что то учинилось вновь, не по пошлинѣ [4]). Ямъ (ямская, почтовая повинность) великому князю съ крестьянъ митрополичьихъ по старинѣ шестой день (гоньбы),—когда дадутъ села великаго князя (т.-е. когда по приказу великаго князя выставятъ лошадей его села), тогда дадутъ и митрополичьи. Если митрополичьи церковные люди будутъ продавать свое домашнее, то тамги не даютъ, а кто будетъ прикупомъ (купленнымъ) торговать, тотъ даетъ тамгу. А что люди митрополичьи живутъ въ городѣ, а тянутъ ко дворцу, тѣхъ описать и положить на нихъ оброкъ, какъ и на великаго князя дворчанъ. Если человѣкъ великаго князя будетъ искать суда на игуменѣ или на попѣ или на чернцѣ, то судъ общій. Когда не случится митрополита въ великомъ княженіи,—отъѣдетъ куда нибудь, а будетъ кто искать суда на митрополичьемъ человѣкѣ у великаго князя: то если будетъ судъ смѣсный, судить великому князю и судебныя пошлины пополамъ, а если будетъ судъ митрополичій, то судитъ митрополичій намѣстникъ. Если кто будетъ искать суда у великаго князя на митрополичьемъ на-

---

[1]) Именно—той же луховской.

[2]) Помянутыхъ выше.

[3]) Именно—луховцы.

[4]) Принимая сказанное выше, что Лухъ началъ принадлежать каѳедрѣ митрополичьей только со временъ св. Алексія, нужно будетъ понимать: то учинилось вновь (какъ нѣчто новое) противъ другихъ митрополичьихъ вотчинъ, не по пошлинѣ, существующей относительно этихъ послѣднихъ.

мѣстникѣ или десятникѣ или волостелѣ, то великому князю судить самому. А относительно войны установляемъ: когда я—великій князь сяду на коня, тогда (идти) и митрополичьимъ боярамъ и слугамъ, подъ митрополичьимъ воеводою, а подъ моимъ—великаго князя стягомъ; а кто изъ бояръ и слугъ не служилъ митрополиту Алексію, а поступилъ на службу вновь, тѣ пойдутъ подъ моимъ великаго князя воеводою,—гдѣ который живетъ, подъ тѣмъ воеводою и есть. А своей дани («сборнаго») брать митрополиту съ каждой церкви по шести алтынъ на годъ, а подъѣзда («заѣзда») по три деньги, а болѣе того не брать ничего; а десятиннику брать своихъ всякихъ пошлинъ (въѣзднаго, Рождественскаго и Петровскаго) по шести алтынъ (на годъ) съ церкви, а болѣе того не брать ничего,—митрополичью дань взимать о Рождествѣ Христовѣ, а десятинничьи пошлины о Петровѣ дни. Которыя соборныя церкви по городамъ не давали дани при Ѳеогностѣ и при Алексѣѣ митрополитахъ, тѣмъ не давать и теперь. Моихъ слугъ великаго князя и моихъ данныхъ людей въ попы и въ діаконы митрополиту не ставить; а который поповичъ хотя будетъ писанъ въ мою службу, а захочетъ поставиться въ попы или въ діаконы, то вольно ему стать; а поповичъ, который живетъ у отца и хлѣбъ ѣстъ отцовъ, тотъ—митрополичій, а который поповичъ отдѣленъ и живетъ не вмѣстѣ съ отцомъ и хлѣбъ ѣстъ свой, тотъ—мой великаго князя». Мы сказали выше, что ханъ Менгу-Темиръ въ своемъ ярлыкѣ митр. Кириллу предоставилъ послѣднему власть посвящать въ церковныя степени изъ всѣхъ безъ изъятія мірянъ: на постановленіе великаго князя, чтобы митрополиту не ставить въ попы и діаконы его—князя слугъ и данныхъ людей должно смотрѣть какъ на отмѣну или какъ на ограниченіе постановленія ханскаго (а читаемое въ грамотѣ великаго князя далѣе есть буквальное повтореніе читаемаго въ ярлыкѣ хана).

Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ лѣтописяхъ никакого извѣстія относительно происхожденія второй изъ нашихъ грамотъ. Во всякомъ случаѣ ея содержаніе показываетъ, что она написана великимъ княземъ не только по просьбѣ митрополита, но и по собственному побужденію, съ цѣлью не только подтвердить права митрополита, но и положить имъ ограниченія или подтвердить эти послѣднія. Къ грамотѣ мы снова возвратимся ниже,—во второй половинѣ тома, въ главѣ объ управленіи.

Сохранились до насъ двѣ грамоты митр. Кипріана, въ которыхъ онъ является охранителемъ церковно-правительственныхъ и имущественныхъ правъ подчиненныхъ ему епископовъ и послѣднихъ правъ вообще духовенства. Въ свое вторичное пребываніе въ Новгородѣ

въ 1395-мъ году онъ написалъ грамоту Псковичамъ, въ которой убѣждаетъ ихъ и вмѣстѣ предписываетъ имъ: 1) чтобы они—міряне не отнимали у своего архіепископа и не присвояли себѣ права судить и казнить священниковъ, хотя бы эти послѣдніе даже и завѣдомо и явно были люди недостойные (овдовѣвшіе и безъ сложенія съ себя священства женившіеся во второй разъ); 2) чтобы они не вступались въ земли и села церковныя, купленныя церквами или полученныя въ даръ по душамъ [1]). Спустя то или другое время послѣ сего Кипріанъ далъ свою утвердительную или какъ бы охранительную грамоту новгородскому архіепископу Іоанну, въ которой предписываетъ: 1) чтобы никто изъ мірянъ не дерзалъ вступаться въ права архіепископа надъ духовенствомъ,—надъ игуменами и чернцами, попами и діаконами, и чтобы въ свою очередь никто изъ духовенства, подъ страхомъ изверженія и отлученія, не дерзалъ отъиматься отъ архіепископа при помощи мірскихъ властей; 2) чтобы никто изъ мірянъ не дерзалъ вступаться въ недвижимыя имѣнія архіепископской каѳедры, въ ея погосты и села и земли и воды со всѣми пошлинами [2]).

Митр. Кипріанъ занимаетъ особое мѣсто въ исторій нашего богослуженія: онъ ввелъ у насъ новую редакцію служебника и новый богослужебный уставъ.

Въ первенствующее время христіанства, какъ мы говорили въ I томѣ [3]), каждая частная церковь имѣла свою особую литургію. Это

---

[1]) Грамота напечатана въ Акт. Ист. т. I, № 9, стр. 18; перепечатана въ Памятнн. *Павлова*, № 27, col. 231.

[2]) Грамота напечатана ibid. № 7, стр. 16, перепечатана ibid. № 26, col. 229.—Кромѣ этихъ двухъ грамотъ Кипріана сохранились еще три правительственныя его грамоты: 1) уставная грамота Константиновскому домовому монастырю относительно повинностей крестьянъ монастыря,—въ Акт. Эксп. т. I, № 11, стр. 6; 2) вдовѣ Ѳеодосіи Филипповой на усыновленіе пріемыша,—въ Акт. Ист. т. I, № 255, стр. 484 и въ Памятнн *Павлова*, № 31, col. 242; 3) Псковичамъ объ отмѣнѣ уставной грамоты, данной имъ архіепископомъ суздальскимъ Діонисіемъ,—въ Акт. Ист. т. I, № 10, стр. 18 fin. и у *Павлова*, № 28, col. 234. Архіепископъ Діонисій, возвратившись изъ Константинополя въ 1383-мъ году, былъ въ Псковѣ, чтобы передать Псковичамъ грамоту патр. Нила о Стригольникахъ (о чемъ ниже, въ рѣчахъ о Фотіи); при этомъ онъ, неизвѣстно — съ какого повода и по какому побужденію, написалъ Псковичамъ грамоту: «по чему (имъ) ходити, какъ ли судити или кого какъ казнити, да вписалъ и проклятье, кто иметь не по тому ходити», приписавъ свою грамоту къ грамотѣ Александра Ярославича Невскаго. Въ отмѣну этой «недѣльной» грамоты Діонисія и написалъ Кипріанъ свою грамоту во Псковъ.

[3]) 2-й полов. стр. 297 sqq.

разнообразіе постепенно исчезло такимъ образомъ, что повсемѣстно были приняты литургіи знаменитѣйшихъ отцовъ, каковы Василій Великій и Іоаннъ Златоустый. Но и литургіи Василія Великаго и Іоанна Златоустаго съ присоединенною къ нимъ литургіею преждеосвященныхъ даровъ, по причинамъ, которыя объяснены нами тамъ же [2]), очень долгое время представляли большое помѣстное разнообразіе. Во второй половинѣ XIV вѣка современникъ Кипріановъ константинопольскій патріархъ Филоѳей, занявшій впервые каѳедру въ 1354-мъ году и скончавшійся послѣ 1376-го года, съ цѣлью положить конецъ разнообразію, приготовилъ нарочитую редакцію служебника и какъ опредѣленную редакцію ввелъ ее въ употребленіе въ своей патріаршей церкви. Эту-то редакцію служебника Филоѳееву и перевелъ на славянскій языкъ и ввелъ въ употребленіе у насъ митр. Кипріанъ.

Что касается до устава прочаго богослуженія, то съ принятіемъ христіанства мы заимствовали отъ Грековъ нѣсколько такихъ уставовъ: уставъ константинопольской великой церкви или константинопольской патріархіи для епископій, неизвѣстное количество монастырскихъ уставовъ для монастырей и приходскихъ церквей (для первыхъ въ полномъ видѣ, для вторыхъ въ сокращенномъ). Съ теченіемъ времени у насъ вошолъ въ общее употребленіе во всѣхъ церквахъ монастырскій уставъ константинопольскаго Студійскаго монастыря въ редакціи константинопольскаго патр. Алексія [2]). Но въ Греціи—въ патріархатѣ константинопольскомъ, отъ котораго мы заимствовали уставы, въ теченіе первой половины XIII вѣка (по свидѣтельству Сумеона Солунскаго), случилась та перемѣна, что оставлены были всѣ собственные, дотолѣ существовавшіе уставы, и принятъ былъ въ общее употребленіе монастырскій іерусалимскій уставъ Саввы Освященнаго. Этотъ-то іерусалимскій уставъ св. Саввы и ввелъ у насъ въ употребленіе Кипріанъ или въ собственномъ переводѣ съ греческаго или, что гораздо вѣроятнѣе, въ переводѣ, за 50-тъ лѣтъ до него сдѣланномъ въ Сербіи.

Къ обстоятельнымъ рѣчамъ о служебникѣ и уставѣ, введенныхъ у насъ митрополитомъ Кипріаномъ, и вообще объ его трудахъ, относящихся до богослуженія, мы возвратимся послѣ, когда будемъ нарочито говорить о состояніи у насъ богослуженія за нашъ періодъ времени. А здѣсь замѣтимъ, что въ отношеніи къ богослуженію Кипріанъ показалъ великую ревность: кромѣ того, что онъ доставилъ намъ но-

---

[1]) Ibidd..

[2]) См. ddibi. стрр. 299 sqq, 317 sqq.

вую редакцію служебника и новый уставъ, онъ перевелъ съ греческаго на славянскій немалое количество частныхъ службъ и молебныхъ послѣдованій и, какъ кажется, отчасти составлялъ ихъ и самъ.

Сохранились двѣ грамоты митр. Кипріана, касающіяся богослуженія. Одна грамота написана въ Новгородѣ, во время пребыванія его тамъ въ 1395-мъ году, и содержитъ отвѣты на разные частные вопросы, относящіеся до богослуженія, предложенные ему новгородскимъ духовенствомъ [1]). Другая грамота написана во Псковъ по случаю препровожденія тамошнему духовенству исправнѣйшаго служебнико-требника, нежели какой у послѣдняго былъ дотолѣ [2]) Къ содержанію этихъ грамотъ мы также возвратимся ниже.

Въ правленіе митр. Кипріана, въ 1395-мъ году, перенесена была изъ Владимира въ Москву, изъ тамошняго Успенскаго собора въ здѣшній Успенскій соборъ, чудотворная икона Владимирской Божіей Матери. Поводомъ къ перенесенію послужило нашествіе на Россію грознаго завоевателя Тамерлана [3]). Этотъ второй по силѣ оружія и обширности завоеваній монгольскій Чингизъ-ханъ, явившійся въ монгольской ордѣ Джагатайской, составлявшей наслѣдіе втораго сына Чингизова Джагатая или Чагатая и обнимавшей земли, составляющія Бухару съ Хивой и нашъ Туркестанъ (древнюю Транзоксанію, называемой въ нашихъ лѣтописяхъ Синею Ордой), предпринималъ нѣсколько походовъ на нашу кипчакскую или золотую монгольскую Орду. Въ послѣдній походъ, предпринятый въ 1395-мъ году, Тамерланъ разбилъ и прогналъ съ престола хана сарайскаго Тохтамыша и не останавливаясь въ Ордѣ двинулся далѣе къ западу на Россію. Когда онъ явился

---

[1]) Грамота напечатана въ Акт. Ист. т. I, № 11, стр. 19; перепечатана въ Памятникахъ *Павлова*, № 29. col. 235.

[2]) Напечатана ibid. № 8, стр. 17, перепечатана ibid. № 30, col. 239. (Написана эта грамота послѣ 1398-го года, когда архіепископъ Іоаннъ былъ во Псковѣ, о чемъ говорится въ ней и, какъ должно думать, во время пребыванія архіепископа въ Москвѣ въ заключеніи (1401—1404), потому что этимъ только можно объяснить, что священники псковскіе пріѣзжали для посвященія въ Москву). О посланіи къ игумену Аѳанасію, составляющемъ не правительственную (оффиціальную) грамоту, а частное писаніе, см. ниже.

[3]) Собственное имя Тамерлана было Тимуръ. Такъ какъ онъ былъ хромой, то Персы называли его Тимуръ—ленгъ, т. е. Тимуръ хромой, и отсюда его европейское имя Тамерланъ. Татары называли его Тимуръ-аксакъ, что значитъ тоже, что Тимуръ-ленгъ, т. е. Тимуръ хромой, и отсюда онъ называется въ нашихъ лѣтописяхъ Темиръ-аксакомъ.

на берегахъ Дона, въ землѣ рязанской, гдѣ взялъ и разграбилъ городъ Елецъ [1]), великій князь Василій Димитріевичъ, оставивъ въ Москвѣ для осаднаго въ ней сидѣнія дядю своего Владимира Андреевича Донскаго, пошелъ съ войскомъ для сторожи непріятеля къ Коломнѣ, на берега Оки. Находясь здѣсь, великій князь получилъ вѣсть, что Тамерланъ готовится идти на Москву и намѣревается плѣнить и предать мечу всю землю русскую. Не надѣясь на собственныя силы, онъ рѣшился обратиться къ заступленію Божіей Матери и, по совѣту съ митрополитомъ и боярами, заповѣдавъ всѣмъ постъ и покаяніе и усиленное моленіе, приказалъ принести изъ Владимира въ Москву тамошнюю чудотворную икону Божіей Матери. Бывъ поднята во Владимирѣ 15-го Августа, въ праздникъ Успенія Богородицы, икона принесена была въ Москву 26-го Августа: и въ тотъ самый день, какъ она внесена была въ Москву, Тамерланъ поворотилъ съ своими войсками назадь изъ Россіи. Сказаніе о перенесеніи иконы въ Москву говоритъ, что въ ночь на тотъ день, какъ быть иконѣ принесенной въ Москву, Тамерланъ видѣлъ «сонъ страшенъ зѣло, яко гору высоку вельми и съ горы идяху къ нему святители, имущи жезлы златы въ рукахъ и претяще ему зѣло и надъ святители на воздусѣ жену въ багряныхъ ризахъ со множествомъ воинства, претяще ему лютѣ»,—что отъ видѣннаго сна Тамерланъ пришелъ въ великій трепетъ и тотчасъ же отдалъ приказъ поворотить всему своему безчисленному воинству назадъ. Принесенная въ Москву икона, осталась въ ней навсегда [2]). Въ память чудеснаго избавленія Москвы заступленіемъ Божіей Матери отъ належавшей страшной опасности великій князь съ митрополитомъ умыслили поставить въ Москвѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ была встрѣчена икона, монастырь во имя Срѣтенія Богородицы («бѣ же мѣсто то тогда на Кучковѣ полѣ, близь города Москвы, на самой на велицѣ дорогѣ володимерской» [3]).

---

[1]) Елецъ находится на рѣкѣ Соснѣ, впадающей въ Донъ, верстахъ 25-ти отъ послѣдняго.

[2]) Находится въ Успенскомъ соборѣ, въ главномъ поясѣ иконостаса, первою отъ царскихъ вратъ по лѣвую сторону.

[3]) Сказаніе о перенесеніи иконы—въ Никоновск. лѣт. IV, 258, въ Типографск. лѣт. стр. 195 и въ Софійск. 2-й лѣт.,—Собр. лѣтт. VI, 124, также въ Софійск. 1-й лѣт.,—ibid. V, 248.—Гаммеръ въ своей Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, S. 361, дѣло о нашествіи Тамерлана на Россію представляетъ такимъ образомъ, что отъ Волги онъ двинулся къ Днѣпру, а отъ Днѣпра поворотилъ къ Дону, и что опустошать Малую Русь и Московскую область онъ отряжалъ сво-

Послѣ занятія каѳедры митрополіи всея Россіи въ Москвѣ Кипріанъ два раза путешествовалъ въ литовскую Русь для ея посѣще-

---

ихъ полководцевъ.—По общепринятому мнѣнію, икона Владимирской Божіей Матери, принесенная въ Москву въ 1395-мъ году, осталась въ Москвѣ навсегда. Повторяя общепринятое мнѣніе, это и мы говоримъ выше. Однако существуютъ большія основанія полагать, что послѣ 1395-го года икона опять была возвращаема во Владимиръ и что окончательно или навсегда она принесена въ Москву въ 1480-мъ году. Лѣтописи, разсказывая о набѣгѣ въ 1410-мъ году на Владимиръ татарскаго царевича Талыча, говорятъ, что татары «высѣкши (запертыя) двери святыя Богородицы (Владимирскаго Успенскаго собора) и вшедше въ ню, икону чюдную святыя Богородица одрата, такоже и прочаа иконы». Подъ иконой чудной святыя Богородицы со всею вѣроятностію должно разумѣть именно икону Владимирской Божіей Матери (ибо другой иконы, которую бы разумѣть, не можетъ быть и указано). Въ мѣсяцесловѣ одной Слѣдованной псалтыри XVI в., находящейся въ библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры, говорится подъ 23-мъ Іюня: «пріиде чюдотворная икона пречистыя Богоматере изъ Володимира въ градъ Москву 6988» (1480),—№ 321, см. печатн. Описанія ч. II, стр. 99. Нынѣшняя риза на Владимирской иконѣ Божіей Матери сдѣлана митр. Фотіемъ, о чемъ см. статью покойнаго *К. И. Невоструева*: «Монограмма всероссійскаго митрополита Фотія на окладѣ Владимирской чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ», напечатанную въ Сборникѣ Общества древне-русскаго искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ на 1866-й годъ. Естественно предполагать, что Фотій сдѣлалъ новую ризу по причинѣ утраты старой ризы: но въ правленіе Фотія старая риза могла утратиться именно только бывъ одрана съ иконы Татарами при набѣгѣ ихъ на Владимиръ (въ 1408-мъ году приходилъ подъ Москву Едигей, но Москва не была имъ взята). Наконецъ, установленное въ 1480-мъ году празднованіе Владимирской иконѣ Божіей Матери въ 23-й день Іюня заставляетъ предполагать принесеніе иконы изъ Владимира: этотъ 23-й день Іюня, въ который установлено празднованіе, очевидно, былъ днемъ знаменательнымъ по отношенію къ иконѣ; но такъ какъ Ахматъ бѣжалъ съ Угры не 23-го Іюня, а 7-го Ноября, то другой знаменательности, кромѣ того что 23-го Іюня икона принесена изъ Владимира въ Москву, не можетъ быть предполагаемо.—Въ 1401-мъ году принесена была въ Москву изъ Суздаля другая святыня—такъ называемыя страсти Господни (кровь Спасителя и частицы вещей, относящихся къ Его страданію—терноваго вѣнца, трости, копія, губы и пр.), которыя въ 1382-мъ году принесъ изъ Константинополя суздальскій архіепископъ Діонисій, «премногою цѣною искупивъ», которыя почему-то сокрыты были, бывъ зазданы или закладены въ каменной стѣнѣ церковной, и которыя въ 1401-мъ году были обрѣтены.—Никон. лѣт. IV, 131 и 299 (въ настоящее время ковчегъ съ этими страстями Господними находится въ ризницѣ московскаго Благовѣщенскаго собора, см. Памятники московской древности *Снегирева*, стр. 92, и Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣчательныхъ церквахъ въ Россіи *А. Ратшина*, стр. 316: у обоихъ подробное перечисленіе вещей, числомъ 16-ти).

нія,—въ первый разъ въ 1396-мъ году, во второй разъ въ 1404-мъ году.

Еще въ то время, какъ онъ былъ митрополитомъ кіевско-литовскимъ и проживалъ въ Константинополѣ, добиваясь каѳедры митрополіи всея Россіи, въ Литвѣ случилось государственное событіе, имѣвшее чрезвычайно важное значеніе для судьбы въ ней православія,—неожиданно рѣшившее вопросъ объ этой судьбѣ въ отрицательномъ смыслѣ. Одновременно съ тѣмъ, какъ во второй четверти XIII вѣка Литовцы образовали изъ мелкихъ владѣній одно государство, они быстро начали покорять себѣ сопредѣльную имъ юго-западную Русь. Но вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ они столько же быстро начали стремиться къ тому, чтобы превратить свое государство изъ литовско-русскаго наоборотъ въ русско-литовское. Русскіе XIII—XIV вѣка въ отношеніи къ духовной культурѣ (въ отношеніи къ духовно-нравственному развитію) были нисколько не высоки; но они все таки были въ семъ отношеніи несравненно выше Литовцевъ, и побѣдители тотчасъ же стали на рѣшительный путь къ тому, чтобы усвоить національность побѣжденныхъ. Дворы князей литовскихъ,—великаго и удѣльныхъ, наполнились русскими боярами изъ покоренныхъ русскихъ областей и быстро начали русить ихъ; сами князья, добровольно стремясь къ возможно большему обрусенію, усиленно искали браковъ съ русскими княжнами, дабы изъ ихъ дѣтей воспитывались болѣе Русскіе, чѣмъ Литовцы, и въ весьма непродолжительномъ времени обрусеніе достигло такой степени, что русскій языкъ, получивъ рѣшительный перевѣсъ надъ литовскимъ при дворахъ князей и между боярствомъ, сдѣланъ былъ исключительнымъ оффиціальнымъ языкомъ администраціи и суда во всемъ княжествѣ [1]). Великіе князья литовскіе до Ольгерда включительно († 1377) оставались язычниками [2]), но дѣти Гедимина и Оль-

---

[1]) Русскій языкъ остался въ Литвѣ оффиціальнымъ языкомъ администраціи и суда и въ позднѣйшее время, — и по соединеніи Литвы съ Польшею, о которомъ сейчасъ. На русскомъ языкѣ написаны статуты литовскіе или собранія литовскихъ законовъ и въ послѣднемъ по времени изъ статутовъ, изданномъ въ 1588-мъ году, который оставался въ силѣ до новѣйшаго времени, есть нарочитое предписаніе о томъ, чтобы административно-судебнымъ языкомъ былъ русскій, а не какой другой: «писарь земскій долженъ писать всѣ бумаги, выписи и позывы по-русски, словомъ и буквами русскими, и не на иномъ какомъ либо языкѣ и не иными словами». См. изслѣдованіе *Боричевскаго* Православіе и русская народность въ Литвѣ. Спб. 1851, стр. 68.

[2]) Ольгердъ, бывъ при отцѣ удѣльнымъ княземъ и женившись на русской княжнѣ подобно другимъ сыновьямъ Гедимина, принялъ было православное христіан-

герда всѣ крещены были въ христіанскую православную вѣру; безпрепятственно распространяемое въ странѣ русское православное христіанство сдѣлало въ ней очень значительные успѣхи [1]), и оставалось уже весьма немногое, чтобы оно стало общею и исключительною вѣрою народа... Но въ 1386-мъ году случилось событіе, которое сразу повернуло литовскую исторію въ другую сторону. Польскій король Людовикъ († 1382) [2]) оставилъ послѣ себя наслѣдницей престола 13-ти лѣтнюю дочь Ядвигу (Гедвигу) и Полякамъ нужно было найти своей королевѣ мужа; литовскаго великаго князя Ягайла, сына и преемника Ольгердова, и литовскихъ бояръ крайне прельстила открывавшаяся возможность соединить Литву съ Польшей и они употребили всѣ усилія, чтобы этого достигнуть, вслѣдствіе чего 15-го Февраля сейчасъ указаннаго года и состоялся бракъ Ягайла съ Ядвигой. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что этотъ неожиданный поворотъ исторіи Литвы въ другую сторону былъ обстоятельствомъ счастливымъ для Москвы, которая въ Литвѣ, превратившейся изъ литовско-русскаго въ русско-литовское государство, могла бы встрѣтить очень опасную себѣ соперницу въ собираніи Руси. Но для русской церкви въ Литвѣ, а съ нею и для литовской митрополіи, наше событіе было обстоятельствомъ въ высшей степени прискорбнымъ. Ягайло, добиваясь получить руку Ядвиги, не только самъ изъявилъ готовность перекреститься въ латинство изъ православія, къ которому дотолѣ принадлежалъ [3]), но и обѣщалъ Полякамъ обратить въ католичество весь свой народъ. Въ отношеніи къ литовско-языческой части населенія княжества Ягайло со всею ревностію принялся за выполненіе обѣщанія тотчасъ послѣ занятія польскаго престола, въ чемъ, употребляя отчасти мѣры кротости, отчасти мѣры строгости, и имѣлъ скорый успѣхъ (разумѣется, обративъ массу Литовцевъ-язычниковъ изъ язычества въ христіанство на первый разъ

ство; но, занявъ великокняжескій престолъ, онъ опять возвратился къ язычеству; умеръ впрочемъ снова христіаниномъ и даже монахомъ-схимникомъ (дважды крестившись!),—у *Боричевскаго*, стр. 15.

[1]) См. сейчасъ указанную книгу *Боричевскаго*.

[2]) Людовикъ былъ собственно венгерскій король и наслѣдовалъ польскій престолъ отъ дяди своего Казимира Великаго.

[3]) Въ православіи онъ назывался Іаковомъ, въ латинствѣ названъ былъ Владиславомъ и извѣстенъ въ Польской исторіи подъ именемъ Владислава II-го. Онъ былъ перекрещенъ (*Длугошъ*, lib. X, изд. 1711-го года p. 104 sub fin.), такъ какъ католики въ то время принимали православныхъ черезъ перекрещиваніе, какъ наоборотъ и православные—католиковъ.

только совершенно внѣшнимъ образомъ). Что касается до православныхъ,—природныхъ ли Русскихъ или обращенныхъ Литовцевъ, то Ягайло не отваживался сдѣлать попытки—такъ же быстро превратить ихъ въ католиковъ, какъ быстро превратилъ язычниковъ; но тѣмъ не менѣе по отношенію къ нимъ усерднѣйшимъ желаніемъ какъ его самого, такъ и его преемниковъ, стало отселѣ то, чтобы подъ властью римскаго первосвященника они составили одно церковное стадо съ прочими подданными польско-литовской короны. Такимъ образомъ, съ 1386-го года, со времени брака Ягайла съ Ядвигою, положеніе православія въ Литвѣ совершенно измѣнилось. Дотолѣ оно было въ ней вѣрою если не господствующею, то терпимою совершенно столько же, сколько господствующая; оно быстро и свободно распространялось въ литовскомъ народѣ и имѣло всѣ надежды стать вѣрою господствующею; самъ великій князь былъ уже православнымъ христіаниномъ, ибо таковымъ былъ послѣ Ольгерда Ягайло. Отселѣ, съ водвореніемъ въ Литвѣ господства католичества, православіе стало въ ней вѣрою схизматическою, ненавистною для правительства, которое поставило своею цѣлью по отношенію къ ней то, чтобы угнетать и подавлять ее и стремиться къ ея искорененію.

Впрочемъ, лично для Кипріана, какъ митрополита литовско-русскаго, чрезвычайно важное событіе, случившееся въ Литвѣ, не имѣло особеннаго значенія: онъ былъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Ягайломъ и съ посаженнымъ отъ послѣдняго на великомъ княжествѣ литовскомъ его двоюроднымъ братомъ, вмѣстѣ съ нимъ перекрестившимся изъ православія въ католичество, Витовтомъ [1]) и лично не испыталъ никакого ущерба отъ того, что совершенно измѣнилось въ Литвѣ положеніе православія.

Для перваго посѣщенія Кипріанъ отправился изъ Москвы въ Литву въ великомъ постѣ 1396-го года, за двѣ недѣли до Пасхи, которая была въ семъ году 2-го Апрѣля. Онъ пошелъ съ Москвы вмѣстѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, который хотѣлъ видѣться съ тестемъ своимъ Витовтомъ [2]), такъ какъ этотъ послѣдній нахо-

---

[1]) Литва соединена была съ Польшею черезъ бракъ Ягайла съ Ядвигою такимъ образомъ, чтобы имѣть подъ королемъ своего особаго князя. Витовтъ, сынъ Кейстутія, брата Ольгердова, послѣ продолжительной ссоры съ Ягайломъ, былъ посаженъ послѣднимъ на литовскій великокняжескій престолъ въ 1392-мъ году.

[2]) Василій Дмитріевичъ женился на дочери Витовта Софьѣ въ началѣ 1391-го года (Любопытное замѣчаніе о нравахъ этой Софьи, какъ-то совсѣмъ неожиданно встрѣчаемое у благонравныхъ нашихъ лѣтописцевъ, см. въ Тверской лѣтописи подъ 1390-мъ годомъ,—Собр. лѣтт. XV, 445, col. 1 fin.).

дился не далеко отъ Москвы, въ только-что передъ тѣмъ взятомъ имъ Смоленскѣ. Пробывъ съ великимъ княземъ у Витовта праздникъ Пасхи, Кипріанъ отправился въ Кіевъ и прожилъ въ немъ и вообще въ Литвѣ полтора года [1]).

Не задолго до его прибытія въ Литву случилось въ Кіевѣ происшествіе, которое, какъ нужно думать, причинило ему бóльшія или меньшія непріятности. Въ Январѣ мѣсяцѣ 1396-го года умеръ въ Кіевѣ подозрительною скоропостижною смертью тамошній князь Скиригайло Ольгердовичъ, и молва обвиняла въ его смерти кіевскаго митрополичьяго намѣстника чернца Ѳому Изуфова святогорца, утверждая, что онъ поднесъ князю зеліе отравное на устроенномъ для него пиру [2]). Вѣроятно, молва считала Ѳому орудіемъ кого нибудь изъ враговъ Скиригайловыхъ въ многочисленномъ семействѣ князей литовскихъ [3]). Такъ какъ передъ своей смертью Скиригайло находился въ мирѣ съ королемъ и съ великимъ княземъ [4]), то слѣдуетъ думать, что Ягайло и Витовтъ преслѣдовали Ѳому своимъ гнѣвомъ или по крайней мѣрѣ требовали отъ митрополита, чтобы этотъ смѣстилъ его съ намѣстничества.

Что дѣлалъ Кипріанъ во время своего полутарагодичнаго пребыванія въ Литвѣ по отношенію къ церковному управленію, остается намъ неизвѣстнымъ. Но мы имѣемъ неожиданныя свѣдѣнія объ его дѣлахъ тамъ, не относящихся къ церковному управленію. Ягайло, какъ оказывается, или самъ по себѣ или, чтò гораздо вѣроятнѣе, вдохнов-

---

[1]) Возвратился въ Москву 7-го Октября 1397-го года.

[2]) См. литовскую лѣтопись неизвѣстнаго, написанную въ первой половинѣ XV-го вѣка, по ученому, открывшему ее, называемую Даниловичевой, въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Акад. Наукъ, кн. I, отд. 3, стр. 40; также Густинскую лѣтопись подъ 1396-мъ годомъ.

[3]) Гедиминъ оставилъ 7 сыновей, Ольгердъ 12, Кейстутій 6.

[4]) Въ 1392-мъ году Ягайло помирилъ поссорившихся передъ тѣмъ Витовта и Скиригайла и Витовтъ, выгнавъ изъ Кіева Владимира Ольгердовича, отдалъ его Скиригайлу. Вѣроятно, что Ѳома считаемъ былъ за орудіе этого Владимира Ольгердовича. Если послѣднее правда, то можетъ быть, что былъ приплетаемъ къ дѣлу и самъ Кипріанъ, такъ какъ Владимиръ былъ человѣкъ къ нему благорасположенный (захватилъ въ Кіевѣ Діонисія, см. выше) и оставался вѣрнымъ православію (вмѣстѣ съ Ягайломъ въ 1386-мъ году перекрестились въ латинство Витовтъ, Скиригайло и Свитригайло, а относительно прочихъ князей Длугошъ говоритъ: reliqui Lithuaniae duces, fratres ducis Iagellonis, cum dudum ante Graecorum ritu baptisma sortiti fuerint, ad iterandum, vel, ut significatiori verbo utar, ad supplendum baptisma non poterant induci.—lib. X, изд. 1711-го года p. 104 fin.).

ляемый латинскимъ духовенствомъ, мечталъ о томъ, чтобы православное население Литвы соединить съ католическимъ населеніемъ Польши и Литвы въ одинъ церковный союзъ посредствомъ уніи его съ папой. При этомъ онъ хотѣлъ сдѣлать дѣло не такъ, чтобы устроить унію непосредственно между папою и своими православными подданными,— до чего онъ еще не додумался, а такъ, чтобы устроить унію между папой и Греками. Но чтò неожиданно, такъ это есть то, что Кипріанъ, какъ узнаемъ, вполнѣ сочувствовалъ мысли Ягайла объ уніи. Послѣдній вмѣстѣ съ своимъ латинскимъ духовенствомъ, конечно, мечталъ о такой уніи, при которой Греки подчинились бы папѣ; но такъ какъ невозможно и вовсе нѣтъ основаній думать того же о Кипріанѣ, то должно полагать, что митрополитъ находилъ возможнымъ мечтать объ уніи настоящей, при которой Греки не подчинились бы папѣ, а дѣйствительно возсоединились съ нимъ. Весьма вѣроятно, что легковѣрная мечта, отъ которой впрочемъ весьма несвободны были и сами Греки, имѣла своимъ источникомъ честолюбивый помыслъ стать великимъ благодѣтелемъ Греціи, именно—что по возсоединеніи Грековъ съ папою западные государи подали бы послѣднимъ помощь въ борьбѣ ихъ съ Турками и что такимъ образомъ онъ—митрополитъ, положившій этому начало, сталъ бы главнымъ виновникомъ такого знаменитаго дѣла, какъ спасеніе византійской имперіи отъ варваровъ. Какъ бы то ни было, только Ягайло и Кипріанъ, во время пребыванія митрополита въ Литвѣ, рѣшили писать къ патріарху константинопольскому о созваніи собора для устроенія соединенія церквей, при чемъ мѣстомъ собора назначали Россію, т.-е. вѣроятно—именно Литву. До насъ сохранились отвѣтныя посланія патріарха королю и митрополиту, датированныя Январемъ 1397-го года, въ которыхъ патріархъ высказывается противъ благовременности созванія собора по причинѣ несчастныхъ государственныхъ обстоятельствъ византійской имперіи. «Ты пишешь,—отвѣчаетъ патріархъ королю,—о соединеніи церквей: и мы усердно желаемъ этого, только сіе не есть дѣло настоящаго времени, ибо идетъ (у насъ) брань съ нечестивыми (т.-е. съ Турками), пути (намъ) заперты, дѣла наши находятся въ стѣсненномъ положеніи: при такихъ обстоятельствахъ возможно ли, чтобы пошелъ кто-нибудь отъ насъ на составленіе тамъ (т.-е. у васъ въ Россіи) собора? если Богъ пошлетъ миръ и пути станутъ свободными, мы готовы къ этому и по собственному побужденію; а чтобы это случилось, усердно просимъ твое благородіе, соединиться весной съ благороднѣйшимъ королемъ венгерскимъ и выступить съ твоимъ войскомъ на сокрушеніе нечестивыхъ; тогда, по освобожденіи путей, удобно можетъ состояться и соединеніе церквей, какъ желаетъ

этого твое благородіе и какъ желаемъ этого и мы; благороднѣйшій король венгерскій, если Богъ дастъ, двинется (противъ Турокъ) съ Марта мѣсяца,—съ такими словами и намѣреніями онъ ушелъ отъ насъ и ты въ этомъ не сомнѣвайся»[1]). Несчастныя обстоятельства, какъ видно, дѣлали Грековъ до послѣдней степени легковѣрными. Венгерскій король, о которомъ говоритъ патріархъ, былъ шуринъ Ягайловъ, мужъ старшей сестры Ядвигиной Маріи, Сигизмундъ. 28-го Сентября 1396-го года въ битвѣ при Никополѣ на Дунаѣ онъ потерпѣлъ такое совершенное и страшное пораженіе отъ Турокъ (султана Баязида), что не смѣлъ сразу показаться на глаза своему народу (для котораго былъ чуждый пришелецъ, ибо былъ Нѣмецъ) и съ поля битвы бѣжалъ на время въ Константинополь, подъ предлогомъ заключенія союза съ императоромъ[2]). И на слова и обѣщанія человѣка, находившагося въ такомъ положеніи, возлагали упованіе Греки! Въ своемъ отвѣтномъ посланіи митрополиту патріархъ тоже самое пишетъ о неблаговременности созванія собора, чтò и королю, прибавляя, что дѣло требуетъ не помѣстнаго какого-нибудь собора, а вселенскаго. За симъ, онъ настоятельно проситъ митрополита употребить всѣ старанія о томъ, чтобы побудить короля подать помощь Грекамъ противъ Турокъ въ соединеніи съ королемъ венгерскимъ, «ибо—говоритъ патріархъ,—какъ самъ ты пишешь, король—великій тебѣ другъ». Относительно назначенія королемъ и митрополитомъ мѣста собора въ Россіи, патріархъ говоритъ, что она, по своей отдаленности отъ Греціи, не представляется удобнымъ мѣстомъ не только при теперешнихъ обстоятельствахъ, но и въ мирное время[3]).

Во второй разъ Кипріанъ ѣздилъ въ литовскую Русь, какъ мы сказали, въ 1404-мъ году. Онъ отправился изъ Москвы въ Іюнѣ или въ Іюлѣ мѣсяцѣ[4]) и держалъ путь на Вильну къ Витовту. Пробывъ нѣкоторое время у Витовта, при чемъ, по словамъ Никоновской лѣтописи (которыя, очень можетъ, принадлежатъ самому Кипріану), видѣлъ честь великую отъ самого великаго князя и отъ всѣхъ князей и отъ пановъ и отъ всей земли[5]), отправился въ Кіевъ. Всего пробылъ онъ въ литовской Руси почти столько же, сколько въ первый пріѣздъ,—

---

[1]) Въ Памятникахъ *Павлова*, № 44, col. 299.

[2]) Geschichte von Ungarn *Фесслера*, въ обработкѣ *Клейна*, II, 274.

[3]) Въ Памятникахъ *Павлова*, № 45, col. 305.

[4]) По Никоновской лѣтописи, IV, 312, Іюля 8-го, по лѣтописи у *Карамзина* (вѣроятно—Троицкой), т. V, примѣч. 254. col. 103, Іюня 22-го, въ недѣлю.

[5]) Ibidd..

годъ и пять мѣсяцевъ, и возвратился въ Москву 1-го Января 1406-го года [1]). Первымъ дѣломъ его по пріѣздѣ въ Кіевъ было то, чтобы поймать, т.-е. арестовать, и отослать въ Москву своего тамошняго намѣстника архимандрита Тимоѳея и всѣхъ бывшихъ при намѣстникѣ своихъ слугъ, которымъ приказано было въ Кіевѣ всякія дѣла и вещи хранить и управлять, и поставить новаго намѣстника (архимандрита Спасскаго Ѳеодосія) и новыхъ слугъ [2]). Чѣмъ вызвана была эта рѣшительная и крутая мѣра митрополита по отношенію къ его чиновникамъ [3]), лѣтопись не говоритъ; но, какъ само собою необходимо предполагать,— тѣмъ, что они исполняли свои обязанности вопіюще неудовлетворительнымъ образомъ. Одновременные аресты и отставки всѣхъ даютъ знать, что эти кіевскіе чиновники митрополита, съ намѣстникомъ во главѣ, представляли изъ себя одну шайку грабителей, расхищавшихъ доходы митрополичьи или обиравшихъ подвѣдомое духовенство, а что гораздо вѣроятнѣе – и первое и второе вмѣстѣ. Изъ другихъ дѣлъ Кипріана въ Литвѣ въ эту его поѣздку въ нее мы знаемъ еще объ одной подобной же отставкѣ, только имѣвшей мѣсто не по собственной иниціативѣ митрополита, а по стороннему требованію. Во время пребыванія Кипріана въ Кіевѣ и вообще въ Литвѣ передъ великимъ княземъ Витовтомъ былъ чрезвычайно сильно оклеветанъ епископъ Туровскій Антоній, обвинявшійся между прочимъ въ томъ, будто онъ посылалъ грамоты къ ордынскому хану Шадибеку (занявшему престолъ вмѣсто умершаго Темиръ-Кутлуя въ 1401-мъ году) и призывалъ хана на Кіевъ и на Волынь и прочіе литовско-русскіе области и города, такъ что Витовтъ настоятельно требовалъ отъ митрополита низложенія епископа [4]). Татищевъ, неизвѣстно—откуда заимствуя извѣстіе, утверждаетъ, что Антоній былъ оклеветанъ передъ Витовтомъ латинцами, которымъ онъ былъ ненавистенъ тѣмъ, что обличалъ твердо ересь ихъ и всю Литву и Волынь укрѣплялъ ученіемъ и падшихъ возставлялъ, а колеблющихся въ сознаніи истины утверждалъ, и что его не могли удержать ни дарами, ни угрозами [5]). Если бы дать вѣру сло-

---

[1]) Лѣтоп. у *Карамзина,* V, прим. 254. col. 104; въ Никоновской лѣтописи, IV, 316, сказано: годъ 11 мѣсяцевъ, очевидно, ошибочнымъ образомъ.

[2]) Никон. лѣт. и лѣт. у *Карамзина.*

[3]) Подъ слугами митрополичьими и вообще архіерейскими, какъ мы уже говорили прежде, не должно разумѣть служителей или лакеевъ, а нужно разумѣть чиновниковъ.

[4]) Никон. лѣт. IV, 315.

[5]) Ист. IV, 419.

вамъ Татищева, то можно было бы до нѣкоторой степени подозрѣвать, что и клевета на епископа передъ Витовтомъ не была клеветой или по крайней мѣрѣ имѣла поводы: епископъ, ревностно боровшійся съ латинянами за православіе, если и не доходилъ до того, чтобы вступать въ сношенія съ ханомъ, могъ открыто высказывать, что власть Татаръ, отличающихся полною вѣротерпимостью, для Русскихъ предпочтительнѣе власти великихъ князей литовскихъ, которые въ лицѣ Витовта стали гонителями ихъ вѣры [1]). Какъ бы то ни было, только исполняя требованіе Витовта, Кипріанъ снялъ епископскій санъ съ Антонія и послалъ его въ Москву, въ Симоновъ монастырь. При этомъ одна лѣтопись, какъ будто давая знать, что митрополитъ не считалъ епископа виновнымъ и снялъ съ него санъ, только не находя возможнымъ отказать Витовту въ его требованіи, говоритъ, что Кипріанъ, пославъ Антонія въ Москву и повелѣвъ ему жить въ Симоновомъ монастырѣ, «приказа его покоити всѣмъ и никакожъ ни въ чемъ не оскорбляти, точію изъ монастыря не исходити» [2]). Во время пребыванія Кипріана въ Литвѣ въ 1405-мъ году имѣлъ мѣсто съѣздъ Ягайла и Витовта въ городѣ Милолюбнѣ или Милолюбѣ (находившемся неизвѣстно намъ гдѣ [3]). На съѣздъ государей являлся и митрополитъ и, по словамъ нашихъ лѣтописей, прожилъ у нихъ въ великой чести двѣ недѣли, «и дариша его и бояръ его и слугъ его». Какъ видно, Кипріанъ дѣйствительно былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Ягайломъ и Витовтомъ, но искалъ ли онъ этихъ очень хорошихъ отношеній для пользы православія въ Литвѣ или наоборотъ потому имѣлъ ихъ, что не слишкомъ заботился о православіи, рѣшить это трудно и мудрено...

---

[1]) Боричевскій въ своей указанной книгѣ, стр. 39, ссылаясь на Нарбутта,— т. VI, стр. 87, говоритъ, что Антоній обращалъ и крестилъ въ Литвѣ народъ въ православную вѣру съ дозволенія Витовта. Нарбуттъ ссылается въ семъ случаѣ на сочиненіе А. Коцебу: Свитригайло, великій князь Литовскій, S. 31 (нѣмецкаго оригинала, 58 прим. fin. русскаго перевода). Но Коцебу, говоря, что въ 1405-мъ году Антоній проповѣдывалъ въ Литвѣ греческую вѣру, ссылается на наше мѣсто Татищева.

[2]) Никоновская лѣтопись, IV, 315. Но лѣтопись Троицкая передаетъ дѣло такъ что какъ будто Кипріанъ считалъ Антонія виновнымъ; она говоритъ подъ 1404-мъ годомъ: «того же лѣта Кипріанъ митрополитъ Антонья, епискова туровьскаго, сведе со владычества его по повелѣнью Витовтову и отъя отъ него санъ епископскій и ризницу его и клобукъ его бѣлый, а источники и скрижали его спороти повелѣ, и приведе отъ Турова на Москву и посади его въ кельи въ монастырѣ, иже на Симоновѣ», у *Карамз.* т. V, прим. 232, col. 92.

[3]) Милолюбнѣ—по Никоновск. лѣт., IV, 315 нач., Милолюбѣ—по Троицкой лѣтописи,—у *Карамз.* V, прим. 254, col. 103 fin..

Мы говорили выше, что до 1371-го года, если былъ поставляемъ особый отъ Москвы митрополитъ для юго-западной Руси, то поставляемъ былъ вмѣстѣ для литовской Руси и для Галиціи, такъ что литовская Русь и Галиція составляли одно церковное цѣлое, и что въ 1371-мъ году былъ поставленъ для Галиціи отдѣльный митрополитъ отъ Литвы, которая осталась за митрополитомъ московскимъ (св. Алексіемъ) и которая вскорѣ потомъ получила своего отдѣльнаго митрополита, т. е. отдѣльнаго отъ Москвы и Галиціи, въ лицѣ Кипріана. Когда Кипріанъ въ 1390-мъ году занялъ каѳедру митрополіи всея Россіи, то онъ соединилъ подъ собой каѳедры Москвы и литовской Руси, но каѳедра Галиціи осталась внѣ этого соединенія особой митрополіей. Поставленный въ 1371-мъ году въ митрополиты галицкіе епископъ Антоній жилъ далѣе 1390-го года, когда Кипріанъ занялъ въ Москвѣ каѳедру митрополіи всея Россіи, т. е. собственно Москвы и Литвы, и умеръ или въ концѣ 1391-го или въ началѣ 1392-го года [1]). Послѣ смерти Антонія Галиція не была присоединена къ митрополіи всея Россіи или московско-литовской, а по прежнему осталась отдѣльною митрополіей. Немедленно по смерти Антонія, съ соизволенія короля польскаго, т. е. Ягайла, вступилъ въ завѣдываніе митрополіей луцкій епископъ Іоаннъ, съ тѣмъ, чтобы стать потомъ дѣйствительнымъ митрополитомъ. Послѣ около полуторогодичнаго завѣдыванія митрополіей, во второй половинѣ 1393-го года, онъ отправился въ Константинополь искать поставленія въ дѣйствительные митрополиты. Но незадолго до его прибытія въ Константинополь пришелъ къ патріарху посолъ Кипріана съ грамотою послѣдняго, въ которой онъ—Іоаннъ былъ обвиняемъ въ какихъ-то очень важныхъ винахъ по отношенію къ епископу владимиро-волынскому. Патріархъ предположилъ было вызвать въ Константинополь епископа владимирскаго, чтобы между нимъ и обвиняемымъ произвести судъ. Тогда Іоаннъ, несмотря на всѣ убѣжденія патріарха дождаться прибытія епископа владимирскаго, бѣжалъ назадъ въ Галицію, съ намѣреніемъ выдавать себя тамъ за митрополита, поставленнаго патріархомъ [2]). За такой невѣроятно наглый поступокъ

---

[1]) Въ Августѣ 1391-го года онъ былъ еще живъ; въ Октябрѣ 1393-го года говорится о немъ, что онъ умеръ около двухъ лѣтъ тому назадъ, см. въ Памятникахъ *Павлова*, coll. 231 нач. и 263.

[2]) Патріархъ пишетъ Кипріану, что когда собравшагося бѣжать Іоанна призывали на соборъ его—патріаршіе послы, этотъ говорилъ: «Галичь данъ мнѣ королемъ, который есть мѣстный государь и властитель; мнѣ не доставало только благословенія патріарха, но я получилъ его и больше ни въ чемъ не нуждаюсь: что

патріархъ подвергъ Іоанна отлученію и писалъ о немъ Кипріану, чтобы этотъ—съ одной стороны писалъ о немъ королю,—какъ, говоритъ патріархъ, и я самъ писалъ ему,—дабы онъ (король) изгналъ его и изъ епископіи луцкой и послалъ къ нему—Кипріану, а съ другой стороны—канонически низвергъ его и поставилъ въ епископы луцкіе, на его мѣсто, другого [1]). Однако Іоаннъ пользовался покровительствомъ Ягайла и не только не былъ низложенъ Кипріаномъ съ епископіи луцкой, но и попрежнему остался завѣдующимъ митрополіей галицкой. Въ 1397-мъ году, одновременно съ тѣмъ, какъ посылать королю отвѣтъ на его предложеніе о соединеніи церквей, патріархъ отправилъ въ Галицію, для временнаго завѣдыванія ею, своего екзарха, архіепископа виѳлеемскаго Михаила, и писалъ королю объ Іоаннѣ: «епископъ луцкій, если хочетъ быть прощеннымъ и снискать отъ насъ любовь и честь, пусть какъ только увидитъ архіепископа виѳлеемскаго, оставитъ Галицію, которую твое благородіе со всѣми ея правами пусть отдастъ архіепископу, а онъ—епископъ пусть идетъ къ своему митрополиту и припадетъ передъ нимъ и если тотъ благословитъ его и разрѣшитъ, то и мы сдѣлаемъ для него желательное твоему благородію». Въ послѣднихъ словахъ патріархъ разумѣетъ то, что поставитъ Іоанна въ митрополиты галицкіе; на тотъ случай, если митрополитъ не разрѣшитъ епископа, патріархъ предлагаетъ Ягайлу избрать другого достойнаго кандидата для замѣщенія каѳедры митрополіи, а въ случаѣ неимѣнія государемъ таковаго, вызывается найти его самъ между своими [2]). Одновремено съ Ягайломъ патріархъ писалъ объ епископѣ Іоаннѣ и о митрополіи галицкой и Кипріану. Относительно епископа патріархъ пишетъ митрополиту, что о немъ не сдѣлано и не будетъ сдѣлано ничего болѣе, кромѣ того, что ему—митрополиту извѣстно, пока епископъ не очистится отъ взведенныхъ на него обвиненій и пока онъ—митрополитъ не напишетъ о немъ ему—патріарху, при чемъ поручаетъ митрополиту произвести объ епископѣ, въ присутствіи епископа владимирскаго, болѣе строгое разслѣдованіе, чѣмъ прежде. Относительно митрополіи галицкой патріархъ дѣлаетъ легкій выговоръ Кип-

---

мнѣ дѣлать на соборѣ? пойду въ Галичь, въ свою церковь». Но, по словамъ патріарха, благословеніемъ въ смыслѣ назначенія и перемѣщенія онъ называлъ то благословеніе, которое въ первый приходъ свой къ нему (патріарху) получилъ какъ христіанинъ наравнѣ съ сопровождавшими его подручниками, — въ Памятникахъ *Павлова*, № 39, col. 263.

[1]) У *Павлова*. № 39.

[2]) Ibid. № 44, col. 299.

ріану за то, что онъ по отношенію къ ней посягнулъ на его—патріаршія права, поставивъ, какъ самъ извѣщаетъ, на одну изъ ея каѳедръ епископа. Патріархъ говоритъ, что при поставленіи Антонія въ 1371-мъ году рѣшено, чтобы церковь галицкая составляла особую митрополію и что такимъ образомъ попеченія о ней принадлежатъ ему—патріарху [1]). Что сдѣлалъ архіепископъ виѳлеемскій по отношенію къ митрополіи галицкой, остается неизвѣстнымъ [2]). Отъ Февраля 1398-го года сохранилась запись епископа луцкаго Іоанна королю Владиславу, т. е. Ягайлу, въ томъ, что если король поможетъ ему—епископу поставиться на митрополію галичскую, то онъ—епископъ обязуется дать королю двѣсти гривенъ русскихъ и тридцать коней [3]). Удалось или не удалось Іоанну стать митрополитомъ галицкимъ, остается также неизвѣстнымъ; такъ какъ подъ 1401-мъ годомъ упоминается епископомъ луцкимъ другой, а не онъ [4]), то въ семъ году или уже не было его въ живыхъ или же былъ онъ митрополитомъ галицкимъ (если впрочемъ не было такъ, что онъ былъ удаленъ Кипріаномъ съ каѳедры и не былъ поставленъ въ митрополиты).

Въ 1371-мъ году былъ поставленъ отдѣльный галицкій митрополитъ, по просьбѣ короля польскаго, съ тѣмъ, чтобы Русь, подвластная Польшѣ, имѣла своего особаго митрополита. А такъ какъ въ 1371-мъ году была подвластна Польшѣ не только Галиція, но и часть Волыни, то и митрополія галицкая, тогда открытая, обнимала не только Галицію, но и часть Волыни, именно—изъ этой послѣдней къ ней принадлежали тогда епископіи владимирская и холмская. Послѣ 1371-го года, съ гражданскимъ переходомъ этихъ епархій подъ власть Литвы, и въ церковномъ отношеніи онѣ перешли подъ власть митрополита московско-литовскаго: епископъ владимирскій были подвѣдомымъ Кипріану въ 1393-мъ году [5]); епископъ холмскій былъ подвѣдомъ ему по крайней мѣрѣ въ 1405-мъ году [6]).

---

[1]) Въ Памятникахъ *Павлова* № 45, col. 307.

[2]) Долго ли былъ въ Галиціи епископъ виѳлеемскій, неизвѣстно; но въ 1400-мъ году патріархъ уже посылалъ его въ Москву, см. у *Павлова* № 46.

[3]) Акты Западной Россіи, т. I, № 12, стр. 27.

[4]) Савва, см. выше.

[5]) Какъ видно изъ донесенія Кипріанова отъ сего года патріарху на виновность епископа луцкаго по отношенію къ епископу владимирскому.

[6]) Въ семъ году Кипріанъ посвятилъ въ Луцкѣ въ епископы владимирскіе попа Гоголя при сослуженіи ему епископовъ луцкаго и холмскаго.—Троицк. лѣт. у *Карамз.* V, прим. 254, col. 103 fin..

Изъ наказа, даннаго патріархомъ архіепископу виѳлеемскому при его отправленіи екзархомъ въ Галицію въ 1397-мъ году, видно, что церковныя дѣла этой послѣдней, вслѣдствіе долговременной незамѣщенности ея митрополичьей каѳедры, находились въ крайне печальномъ состояніи. Съ одной стороны—католики вели дѣятельную и успѣшную пропаганду; съ другой стороны—въ православномъ духовенствѣ дошло до того, что явились священники-самозванцы. Давая знать, что дѣла находились не только въ крайне печальномъ, но и нестерпимо худомъ положеніи, патріархъ говоритъ, что ему писали о нихъ многіе изъ Галиціи [1]).

Мы говорили выше, что Греки напрасно воображали и надѣялись, будто такое вопіющее дѣло, какъ поставленіе въ митрополиты Пимина, пройдетъ имъ даромъ и будто все отлично уладится ихъ краснорѣчиво-лживыми посланіями,—что напротивъ Русскіе, и дотолѣ не особенно ихъ уважавшіе, со времени поставленія Пиминова и прискорбнѣйшихъ замѣшательствъ, къ которымъ оно подало поводъ, рѣшительно начали смотрѣть на нихъ какъ на людей нравственно несостоятельныхъ и глубоко падшихъ и что этотъ взглядъ на нихъ отдался и сказался въ явившемся у Русскихъ странно-неожиданномъ мнѣніи, будто они—позднѣйшіе Греки измѣнили чистотѣ православія своихъ древнихъ отцовъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что Дмитрій Ивановичъ Донской, которому пришлось стать такою жалкою игрушкою и такою печальною жертвою въ рукахъ Грековъ, питалъ къ нимъ и выражалъ самыя нехорошія чувства. Но объ этомъ мы ничего не знаемъ [2]). Объ его сынѣ Василіи Дмитріевичѣ мы положительно знаемъ, что онъ открыто и не стѣсняясь выражалъ свое пренебреженіе къ патріарху константинопольскому и что онъ ни во что не ставилъ императора и требовалъ отъ митрополита, чтобы имя императора не было поминаемо въ диптихахъ на богослуженіи. Въ 1392-мъ году, какъ сказано выше, митрополитъ посылалъ въ Константинополь съ жалобою на Новгородцевъ своего посла—боярина своего Дмитрія аѳинянина, прозваніе котораго показываетъ, что онъ былъ родомъ Грекъ. Можетъ быть, самъ

---

[1]) У *Павлова* № 43.

[2]) Знаемъ впрочемъ, что Дмитрій Ивановичъ, вообще съ московскими Русскими или съ своими приближенными, крайне поносилъ (ругалъ) Грековъ по поводу поставленія Кипріана на мѣсто живаго св. Алексія. Въ посланіи къ преп. Сергію отъ 23-го Іюня 1378-го года Кипріанъ пишетъ, что по сему поводу на Москвѣ «хуляху на патріарха и на царя и на сборъ великій: патріарха литвиномъ назвали, царя такоже, и всечестный сборъ вселенскій»,—въ Памятн. *Павл.* col. 185.

митрополитъ донесъ патріарху черезъ своего посла, что̀ думаютъ и говорятъ въ Россіи о немъ и объ императорѣ, во всякомъ же случаѣ довелъ это до его свѣдѣнія посолъ митрополичій, какъ Грекъ, и мы узнаѐмъ о чувствахъ къ патріарху и императору Василія Дмитріевича и объ его рѣчахъ о нихъ изъ посланія патріарха къ великому князю отъ 1393-го года. Обличая великаго князя за его греконенавидѣніе, патріархъ пишетъ ему: «за что пренебрегаешь ты (περιφρονεῖς) меня — патріарха и вовсе не воздаешь (мнѣ) чести, которую воздавали предки твои, великіе князья,—презираешь и меня и людей, которыхъ я посылаю къ вамъ, такъ что они совсѣмъ не имѣютъ (у васъ) чести и мѣста, которыя всегда имѣли люди патріаршіе?.. Со скорбію слышу еще, что и о державнѣйшемъ и святомъ моемъ самодержцѣ позволяешь себѣ нѣкоторыя (предосудительныя) рѣчи; доносятъ мнѣ, что препятствуешь митрополиту,—что̀ есть дѣло совершенно невозможное,—поминать имя царя въ диптихахъ и что говоришь: ‹‹церковь-де имѣемъ, а царя не имѣемъ и нисколько (о немъ) не помышляемъ››... Патріархъ поучаетъ государя въ посланіи, что великій грѣхъ презирать его—патріарха, который представляетъ собою Христа, и что императоръ греческій имѣетъ великое право на уваженіе по своему исключительному положенію въ церкви и по своимъ исключительнымъ заслугамъ для нея [1]).

Не смотря на свои крайне нехорошія чувства къ Грекамъ, Русскіе имѣли великодушіе, чтобы оказывать имъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи свою денежную помощь. Впрочемъ, со всею вѣроятностію должно думать, что Греки обязаны были въ семъ случаѣ не столько великодушію Русскихъ (каковую оговорку въ особенности должно разумѣть о Москвѣ и великомъ князѣ), сколько усердному, на ихъ счастье), филоромеизму (греколюбію) митр. Кипріана. Въ то время уже весь Балканскій полуостровъ былъ завоеванъ Турками и имперія византійская почти что ограничивалась стѣнами одного Константинополя [2]). Завоевывая имперію, Турки долгое время не рѣшались подступить къ самому Константинополю, въ виду неприступности его стѣнъ для тогдашней артиллеріи и для тогдашняго осаднаго искусства. Но, наконецъ, дошла очередь и до него. Султанъ Баязидъ, разгнѣванный тѣмъ, что въ минуту смерти императора Іоанна Палеолога въ 1390-мъ

---

[1]) Въ Памятни *Павлова*, № 40, coll. 269 и 271.

[2]) Именно—она состояла тогда: изъ Константинополя, изъ двухъ городовъ на Черномъ морѣ (Анхіала и Месембріи), изъ городовъ трехъ-четырехъ на Мраморномъ морѣ, изъ Солуни, изъ нѣсколькихъ крѣпостей на рѣкѣ Стримонѣ, изъ небольшихъ владѣній въ Пелопоннесѣ и изъ нѣсколькихъ островов.

году успѣлъ убѣжать отъ него находившійся у него въ заложникахъ сынъ Іоанновъ Мануилъ, дабы занять мѣсто отца [1]), послалъ войско для блокады Константинополя, которое и стояло подъ его стѣнами въ продолженіе семи лѣтъ. Во время этой-то блокады, въ 1395—96-мъ году, императоръ съ патріархомъ и прислали въ Россію просить денежной помощи. Митр. Кипріанъ, къ которому была адресована просьба и которымъ она была получена во время пребыванія въ Литвѣ, послалъ просить о милостынѣ «въ такой нужи и бѣдѣ сущимъ» къ великому князю Василію Дмитріевичу, къ великимъ князьямъ тверскому и рязанскому, къ другимъ князьямъ русскимъ, также къ боярамъ и купцамъ, обратился къ Витовту, у котораго находился, а кромѣ всего этого приказалъ произвести по всей митрополіи сборъ съ церквей и монастырей, и такимъ образомъ успѣлъ собрать милостыню многую: по словамъ нѣкоторыхъ лѣтописей всего собрано было 20-ть тысячъ рублей. Собранныя деньги отправлены были въ Константинополь въ 1398-мъ году [2]). Въ 1400-мъ году, во время вторичной блокады Константинополя Баязидомъ, патріархъ обращался къ митрополиту Кипріану съ новой настоятельнѣйшей просьбой о помощи [3]). Послана ли была на этотъ разъ помощь, остается неизвѣстнымъ, ибо наши лѣтописи ничего не говорятъ объ этомъ.

Митр. Кипріанъ принадлежитъ къ числу нашихъ писателей. Но составляетъ не совсѣмъ рѣшенный вопросъ то, что именно было имъ написано. Мы положительно знаемъ, что онъ написалъ житіе св. митрополита Петра; если причислять къ литературнымъ произведеніямъ его

---

[1]) Коронацію Мануила, происходившую 11-го Февраля 1391-го года, описалъ діаконъ Михаила, епископа смоленскаго. Игнатій,— Никон. лѣт. IV, 132, и у Сахарова.

[2]) Никон. лѣт. IV, 271 fin., Троицкая лѣтопись и другія у *Карамз.* V, прим. 230 fin.; Типографск. лѣт. стр. 209 fin.; въ частности о милостынѣ отъ тверскаго вел. кн. Михаила Александровича въ повѣсти о семъ князѣ—Никон. лѣт. IV, 288 (изъ Москвы посыланъ былъ съ милостыней Троицкій инокъ Ослябя—Иродіонъ, тотъ, что вмѣстѣ съ Пересвѣтомъ—Александромъ данъ былъ преп. Сергіемъ Дмитрію Ивановичу для Донской битвы съ Мамаемъ). Греки отблагодарили Русскихъ присылкой имъ святыни: московскому великому князю прислана была икона чудная, на которой написанъ «Спасъ и ангели и апостоли и праведници, а вси въ бѣлыхъ ризахъ» (Троицк. лѣт.; въ Никон. лѣт.: прислали «икону чудну бѣлоризцы»; въ Типографск.: «икону Спасъ въ бѣлоризцѣхъ»); тверскому великому князю — икона страшнаго суда.

[3]) Посланіе патріарха къ Кипріану въ Памятнн. *Павлова*, № 46, col. 311.

обширное посланіе къ игумену Аѳанасію, то въ семъ посланіи мы будемъ имѣть второй литературный его трудъ; есть данныя полагать, что или имъ самимъ или подъ его смотрѣніемъ другими была ведена лѣтопись его времени. Но свидѣтельство о литературной дѣятельности Кипріана, читаемое у Татищева, усвояетъ ему еще написаніе многихъ житій русскихъ святыхъ, сочиненіе Степенной книги и относительно лѣтописи утверждаетъ, что была составлена имъ таковая отъ начала русскія земли. Въ подлинномъ видѣ это свидѣтельство читается: «(митр. Кипріанъ) книги своею рукою писаше, яко въ наставленіе душевное преписа соборы бывшіе на Руси, много (—и) житія святыхъ рускихъ и степени великихъ князей рускихъ, иныя же въ наставленіе плотское, яко правды и суды и лѣтопись рускую отъ начала земли рускія вся по ряду, и многи книги къ тому собравъ повелѣлъ архимандриту Игнатію Спаскому докончати, яже и соблюдохъ» [1]). Въ этомъ, не совсѣмъ толково изложенномъ, свидѣтельствѣ слова «писаше» и «преписа» употребляются не въ одномъ только смыслѣ настоящаго сочиненія, но и въ смыслѣ простого списыванія и можетъ быть еще—перевода, ибо соборы бывшіе въ Руси, т.-е. дѣянія соборовъ, Кипріанъ, конечно, не сочинялъ, но только списывалъ, а правды и суды, если разумѣть тутъ русское,—списывалъ, если же греческое,—переводилъ; такимъ образомъ, собственными сочиненіями Кипріанъ въ свидѣтельствѣ остаются: многія житія русскихъ святыхъ, степени великихъ князей русскихъ и лѣтопись русская отъ начала земли русскія. Слова свидѣтельства: «повелѣлъ архимандриту Игнатію Спаскому докончати, яже и соблюдохъ», можно понимать двояко: или такъ, что при словѣ «повелѣлъ» пропущено «мнѣ» и что тутъ говоритъ самъ Игнатій, или такъ, что Игнатій, передалъ дѣло, возложенное Кипріаномъ на него, неизвѣстному третьему и что говоритъ этотъ третій. Такъ или иначе понимать, но во всякомъ случаѣ намъ представляется говорящимъ тутъ непосредственный современникъ Кипріана. Очень можетъ быть, что этотъ непосредственный современникъ не выдумывается Татищевымъ или его источникомъ [2]), но чтобы въ свидѣтельствѣ приводились его

---

[1]) IV, 424 fin..

[2]) При епископѣ смоленскомъ Михаилѣ, сопровождавшемъ Пимина въ его третье путешествіе въ Константинополь (1389-го года) находился монахъ Игнатій, который составилъ описаніе путешествія (см. выше). Можно предполагать, что онъ былъ изъ московскаго Симонова монастыря, изъ іеромонаховъ котораго былъ поставленъ Михаилъ въ епископы смоленскіе, и онъ-то и могъ быть потомъ архимандритомъ Спасскимъ (послѣ Ѳеодосія, который въ 1404-мъ году былъ сдѣланъ Кипріаномъ изъ

(современника) подлинныя рѣчи, это до крайности сомнительно. Говорится въ свидѣтельствѣ, что Кипріанъ «преписа соборы, бывшіе на Руси», что онъ «преписа правды и суды». Такъ какъ Кипріанъ вообще любилъ заниматься и много занимался списываніемъ книгъ, то очевидно, что особое указаніе на преписаніе имъ соборовъ и правдъ и судовъ должно понимать такъ, что онъ не только списалъ ихъ (ибо онъ списывалъ и многое другое), но сдѣлалъ какъ бы свои ихъ изданія, съ тѣмъ, чтобы придать имъ значеніе изданій или редакцій авторизованныхъ церковною властію. Но русскихъ соборовъ, оставившихъ свои письменныя дѣянія, до Кипріана и всего былъ одинъ, это—владимірскій соборъ 1274-го года: если были дѣянія одного собора, то Кипріанъ не могъ преписать дѣяній соборовъ, а затѣмъ, чтобы онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать изданіе, т.-е. какъ необходимо подразумѣвать въ данномъ случаѣ—изданіе въ отдѣльномъ видѣ, одного существовавшаго собора, это совершенно неправдоподобно: дѣяніе собора, представляя изъ себя по своему объему не цѣлую книгу, а небольшую статью, никогда не писалось въ отдѣльномъ видѣ (особой маленькой тетрадкой), а всегда помѣщалось въ Кормчихъ. Что касается до правдъ и судовъ, то, не подразумѣвая подъ ними Кормчей, мы не придумаемъ, что̀ бы такое разумѣть [1]), а подразумѣвая Кормчую мы не объяснимъ, съ какой стати вмѣсто собственнаго названія употреблено это названіе описательное. Между сочиненіями усвояется Кипріану написаніе многихъ житій русскихъ святыхъ. Но это совершенная неправда: послѣ житія св. митр. Петра не только нѣтъ и неизвѣстно многихъ житій, которыя могли бы быть съ какою нибудь вѣротностью усвояемы Кипріану, но и совсѣмъ ни одного [2]). Такимъ образомъ, до крайности

архимандритовъ Спасскихъ митрополичьимъ кіевскимъ намѣстникомъ). — Источникъ, изъ котораго беретъ Татищевъ свои рѣчи о Кипріанѣ, содержащія приведенное свидѣтельство, есть Степенная книга. Но въ общеизвѣстной напечатанной Степенной книгѣ приводимаго Татищевымъ не читается, и дѣло нужно понимать или такъ, что онъ передѣлываетъ по своему свидѣтельство Степенной книги о литературной дѣятельности Кипріана (I, 558),—или такъ, что онъ имѣлъ у себя Степенную книгу особой, остающейся неизвѣстною, редакціи. Что̀ именно говоритъ о литературной дѣятельности Кипріана Степенная книга, сейчасъ ниже.

[1]) Понимая «преписа» въ смыслѣ изданія, нельзя разумѣть свѣтской Правды Ярославовой, ибо изданіе свѣтскаго законодательнаго акта Кипріанъ вовсе не могъ взять на себя.

[2]) По поводу Татищевскаго извѣстія о многихъ житіяхъ русскихъ святыхъ, написанныхъ Кипріаномъ, покойный А. В. Горскій говоритъ: «изъ житій русскихъ

сомнительно, чтобы читаемое у Татищева свидѣтельство о литературныхъ трудахъ Кипріана принадлежало современнику послѣдняго. Слѣдовательно, въ Татищевскомъ свидѣтельствѣ мы имѣемъ позднѣйшее свидѣтельство о двухъ литературныхъ трудахъ Кипріана—Степенной книгѣ и русской лѣтописи отъ начала русской земли. Что касается до насъ лично, то мы весьма сомнѣваемся въ достовѣрности свидѣтельства по отношенію какъ къ одному, такъ и къ другому труду. Чтобы человѣкъ имѣлъ охоту заниматься русской исторіей, нужно было, чтобы онъ любилъ самую Россію; но Кипріанъ былъ чуждый пришелецъ. Правда, онъ былъ Славянинъ, а не Грекъ, но представлять его славянофиломъ, какъ обыкновенно представляютъ, нѣтъ никакого основанія: принятый Греками въ число своихъ и какъ таковой достигшій каѳедры митрополіи русской, онъ былъ и старался показывать себя филоромеемъ, поставляя въ этомъ свою честь и славу, но чтобы его одушевляла особенная любовь къ Россіи, этого ни откуда не видно и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ почти что положительныя доказательства противнаго, какъ укажемъ нѣсколько ниже. Если онъ писалъ лѣтопись своего времени, если онъ написалъ житіе св. Петра; то въ первомъ случаѣ онъ заботился не о Россіи, а о самомъ себѣ, а что касается до второго случая, то и здѣсь могло бы быть предполагаемо тоже личное побужденіе—связать свое имя съ именемъ св. Петра, но, какъ со всею вѣроятностью слѣдуетъ думать, онъ былъ здѣсь только исполнителемъ просьбы Русскихъ, желавшихъ имѣть болѣе удовлетворительное житіе св. Петра, нежели какое они имѣли. Степенная книга послѣ погодныхъ лѣтописей представляетъ собою опытъ систематической исторіи Россіи; русская лѣтопись отъ начала русской земли, усвояемая Кипріану, должна бы быть представляема какъ сводная лѣтопись изъ всѣхъ или многихъ существовавшихъ дотолѣ лѣтописей (какъ это и представляется у Татищева [1]), ибо писать свою лѣтопись отъ начала русской

святыхъ, составленныхъ Кипріаномъ, намъ извѣстно только житіе св. Петра митрополита всероссійскаго; но къ нему могли быть приложены и другія, исправленныя Кипріаномъ въ слогѣ» (статья о Кипріанѣ въ Прибавлл. къ творр. свв. отцц., ч. VI, стр. 354). Но если бы достопочтеннаго ученаго спросить: какія житія онъ прямо нашелъ бы возможнымъ указать въ послѣднемъ случаѣ, то, конечно, онъ весьма затруднился бы отвѣтомъ (Не мѣшаетъ замѣтить, что въ святцахъ при Слѣдованной псалтири Кипріана, находящейся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, № 142, русскихъ святыхъ только одинъ—св. Петръ, и нѣтъ даже Бориса и Глѣба и преп. Ѳеодосія Печерскаго).

[1]) «Лѣтопись рускую отъ начала земли рускія вся по ряду, *и многи книги къ тому собравъ*»...

земли Кипріанъ, очевидно, не могъ). Но, чтобы предпринять эти новые противъ прежнихъ историческіе труды, нужно было не только отличаться особенною любовью къ Россіи, но и имѣть особенные взгляды на нее, какъ побужденіе къ трудамъ. Во времена митр. Макарія, которому сполна должна быть усвояема Степенная книга (т.-е. собственно мысли котораго, исполненной другими) и къ правленію котораго должно быть отнесено появленіе сводныхъ лѣтописей, такіе особые взгляды существовали (Россія стала великою землей, третьимъ римскимъ царствомъ, заступившимъ второе римское царство—Византію); но во времена митр. Кипріана ихъ еще не было. А думать, чтобы Кипріанъ, возвышаясь надъ самими Русскими и опережая ходъ событій, составилъ себѣ особые взгляды на Россію, совершенно неосновательно и невозможно (невозможно между другимъ потому, что онъ долженъ бы былъ считать, какъ дѣло рѣшенное, что имперія византійская будетъ взята Турками). Противъ усвоенія Кипріану сводной лѣтописи мы не можемъ сказать ничего положительнаго, потому что не указывается такой сводной лѣтописи, которая могла бы быть принимаема за Кипріанову [1]). Что касается до того, чтобы усвоять Кипріану Степенную книгу, т.-е. ея первую часть, обнимающую время до Кипріана, то—во-первыхъ, въ началѣ житія Владимирова, составляю-

---

[1]) Покойный А. В. Горскій находилъ вѣроятнымъ принимать за лѣтопись Кипріанову не дошедшую до насъ Троицкую лѣтопись Карамзина (лѣтопись, взятую Карамзинымъ изъ библіотеки Троицкой Лавры, послѣ, къ сожалѣнію, отданную имъ въ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ и погибшую въ 1812-мъ году); но основываясь единственно на томъ случайномъ обстоятельствѣ, что лѣтопись эта кончалась около смерти Кипріана 1408-мъ годомъ (тоже преосв. Филаретъ въ Обзорѣ,— § 82). А что касается до того, чтобы можно было принимать ее за сводную лѣтопись, то «лѣтописецъ великій русскій», на который она ссылается, есть не она сама, а другая лѣтопись и названія «великій» нѣтъ непремѣннаго основанія понимать въ смыслѣ сводный.—Архимандритъ Спасскій Игнатій, которому, по Татищевскому свидѣтельству, Кипріанъ поручилъ докончить лѣтопись, можетъ быть принимаемъ, какъ мы сказали, и принимается за того Игнатія, который вмѣстѣ съ епископомъ смоленскимъ Михаиломъ сопровождалъ Пимина въ его третье путешествіе въ Константинополь и который описалъ это путешествіе. По свидѣтельству митр. Евгенія въ Словарѣ о писателяхъ духовнаго чина (I, 194) «въ библіотекѣ Академіи Наукъ между рукописями въ листъ есть симъ Игнатіемъ писанный полууставный сокращенный лѣтописецъ съ 1254 по 1423-й годъ». Желательно было бы знать, не представляетъ ли этотъ лѣтописецъ какихъ-нибудь данныхъ по отношенію къ нашему вопросу (преосв. Филаретъ въ Обзорѣ усвояетъ лѣтописецъ сначала Игнатію, а потомъ Мисаилу, епископу смоленскому,— §§ 82 и 101).

щаго первую степень, говорится, что оно собрано по благословенію и повелѣнію митрополита Макарія (I, 76), а если первая степень книги составлена при Макаріи, то и всю книгу нужно относить къ его времени; во-вторыхъ—Макарьевскіе составители, говоря о литературныхъ трудахъ Кипріана, ничего не говорятъ о томъ, чтобы онъ писалъ Степенную книгу и чтобы они—составители были его продолжателями, тогда какъ у нихъ не было въ обычаѣ присвоять себѣ чужихъ трудовъ; втретьихъ—изложеніе дѣятельности Кипріана въ Степенной книгѣ вовсе не представляетъ ничего такого, чтобы давало знать, что описателемъ дѣятельности былъ онъ самъ [1]). Послѣ Татищевскаго свидѣтельства о литературной дѣятельности Кипріана мы имѣемъ еще свидѣтельство о ней Степенной книги. Это послѣднее читается: «(митр. Кипріанъ) книги своею рукою писаше, и многія святыя книги съ греческаго языка на русскій языкъ преложи и довольно (а)[2]) писанія къ пользѣ намъ остави, и великаго чудотворца Петра, митрополита всея Русіи, житіе написа и похвалами украси»[3]). Подъ переводами съ греческаго Степенная книга, какъ должно думать, разумѣетъ переводы Кипріана, относящіеся къ богослуженію; если подъ довольными писаніями къ пользѣ она не разумѣетъ тѣхъ же переводовъ, то или нужно предполагать писанія, остающіяся намъ неизвѣстными, или понимать подъ ними грамоты и посланія Кипріана или же наконецъ принимать слова за простую хвалебную ему фразу, въ которой возможное отъ него, какъ отъ мужа вельми книжнаго, каковымъ онъ былъ по отзыву лѣтописей [4]), повторяемому Степенною книгой, выдается за дѣйствительное.

Итакъ, относительно Татищевскаго свидѣтельства, усвояющаго Кипріану написаніе житій многихъ русскихъ святыхъ и составленіе Степенной книги и лѣтописи русской отъ начала русскія земли, должно быть сказано, что въ первомъ случаѣ,—о написаніи многихъ житій, его показаніе несомнѣнно ложно, что во второмъ и третьемъ случаѣ оно крайне сомнительно. Затѣмъ, извѣстными намъ сочиненіями Кипріана остаются: 1) житіе св. Петра, 2) посланіе къ игумену Аѳанасію,

---

[1]) Почти общепринятое мнѣніе, что первая часть Степенной книги принадлежитъ Кипріану (главное исключеніе—Карамзинъ) основывается единственно на мнѣніи Татищева (I, 59 и 63) и на читаемомъ у него свидѣтельствѣ, которое приведено нами.

[2]) Подобнымъ образомъ у Татищева: «много» вмѣсто многи.

[3]) I, 558.

[4]) Никон. лѣт, V, 2.

если только ставить его въ рядъ литературныхъ произведеній, и 3) лѣтописныя записи о своемъ времени, можетъ быть, писанныя и не имъ самимъ, а только подъ его надзоромъ. Житіе св. Петра, какъ мы говорили выше, представляетъ собою не что иное, какъ ораторскую или литературную обработку существовавшаго прежде житія, написаннаго неизвѣстнымъ, съ нѣкоторыми, немногими дополненіями этого перваго житія въ отношеніи фактическомъ. Историческія достоинства житія, какъ мы тоже говорили, болѣе отрицательныя, чѣмъ положительныя; впрочемъ, въ семъ случаѣ вина не на Кипріанѣ, а на авторѣ перваго житія, котораго онъ воспроизводитъ. Что касается до литературныхъ достоинствъ житія, то въ этомъ отношеніи оно не можетъ быть признано за работу тщательную и серьёзную, которую бы человѣкъ совершилъ со всѣмъ возможнымъ усердіемъ и насколько его хватало, а напротивъ должно быть считаемо за работу легкую и поспѣшную, на которую потрачено очень не много труда. Въ предисловіи къ житію Кипріанъ хочетъ дать знать, будто онъ предпринялъ свой трудъ по собственной инициативѣ; но гораздо вѣроятнѣе, что онъ совершилъ его по просьбѣ и совершилъ никакъ не съ особеннымъ стараніемъ. Современные Кипріану писатели сербскіе, къ школѣ которыхъ онъ принадлежалъ, отличались необыкновеннымъ ораторскимъ многословіемъ и успѣвали составлять весьма пространныя житія и при отсутствіи фактическаго матеріала. Этого сербскаго многословія, которое не заключаетъ въ себѣ ничего хорошаго, но которое принималось за нѣчто очень хорошее, въ житіи Кипріановомъ вовсе нѣтъ, хотя и могъ бы найтись для него матеріалъ. Если бы видна была бо̀льшая тщательность работы, то можно было бы подумать, что Кипріанъ возвышался въ семъ отношеніи надъ совре̇менными ему писателями сербскими; но не находя въ его трудѣ того, что̀ принималось этими послѣдними за достоинство, мы не находимъ въ немъ и того, что̀ могло бы быть принято за достоинство дѣйствительное. Вообще, житіе св. Петра Кипріаново представляетъ собою только легкую обработку житія, принадлежащаго неизвѣстному.—Игуменъ Аѳанасій, къ которому Кипріанъ написалъ свое посланіе, былъ ученикъ преп. Сергія Радонежскаго и настоятель серпуховскаго Высотскаго монастыря, построеннаго имъ по просьбѣ тамошняго князя Владимира Андреевича. Онъ обратился къ Кипріану съ посланіемъ, въ которомъ, во-первыхъ, просилъ митрополита написать ему наставленіе, какъ ему подвизаться и управлять братіей, во-вторыхъ— предложилъ рядъ вопросовъ, съ цѣлію получить отвѣты, о разныхъ предметахъ церковно-богослужебной и церковно-бытовой, общей и частной монашеской, практики. Отлагая исполненіе перваго прошенія до

другаго времени, Кипріанъ написалъ Аѳанасію обширное отвѣтное посланіе, въ которомъ разрѣшаетъ предложенные послѣднимъ вопросы и которое оканчиваетъ небольшимъ нравственнымъ наставленіемъ [1]). Величайшая готовность, съ которою Кипріанъ написалъ Аѳанасію отвѣты на его вопросы и съ которою онъ вызывается отвѣчать ему и впередъ (см. выше) и то не особенное стараніе, съ которымъ онъ обработалъ житіе св. Петра, невольно располагаютъ насъ думать, что, писавъ отвѣты Аѳанасію въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Россіи [2]), онъ хотѣлъ зарекомендовать себя ими со стороны архипастырской ревности, и что, писавъ житіе св. Петра, когда уже твердо сѣлъ на каѳедрѣ митрополіи всея Россіи [3]), онъ не заботился о томъ, чтобы зарекомендовывать себя съ какой нибудь стороны.—Что касается до лѣтописныхъ записей Кипріана о своемъ времени, писанныхъ имъ ли самимъ или по его порученію и подъ его надзоромъ другими, то мы не имѣемъ ихъ въ отдѣльномъ видѣ, но въ разсказѣ Никоновской лѣтописи о времени Кипріановомъ иное несомнѣнно взято изъ этихъ записей, другое должно быть принимаемо за взятое изъ нихъ со всею вѣроятностію [4]).

О Кипріановыхъ переводахъ съ греческаго, которые относятся къ богослуженію, скажемъ ниже, въ общемъ обозрѣніи богослуженія.

По извѣстію Никоновской лѣтописи и Степенной книги, Кипріанъ между прочимъ любилъ заниматься собственноручнымъ списываніемъ книгъ [5]), каковое извѣстіе подтверждается и другими свидѣтельствами и сохранившимися до настоящаго времени его автографами [6]) Это за-

---

[1]) Посланіе напечатано въ Акт. Ист., т. I, № 233, стр. 474, и перепечатано (въ болѣе полномъ видѣ) въ Памятникахъ *Павлова*, № 32, col. 244.

[2]) Отвѣты Аѳанасію писаны Кипріаномъ во время первой его бытности митрополитомъ кіевско-литовскимъ до перваго занятія каѳедры митрополіи всея Россіи въ Москвѣ при Дмитріи Ивановичѣ (Аѳанасій ушелъ съ Кипріаномъ въ Грецію, когда этотъ былъ отосланъ изъ Москвы въ 1382-мъ году; что отвѣты были писаны, когда Кипріанъ былъ еще въ Литвѣ, а не въ Москвѣ, видно изъ его словъ Аѳанасію: «далече отъ насъ отстоиши и немощно усты ко устомъ въпрошати»).

[3]) Житіе св. Петра написано Кипріаномъ послѣ 1390-го года.

[4]) Въ выпискахъ изъ лѣтописей у Карамзина читается выписка, не знаемъ— изъ какой, лѣтописи: «Генв. въ 1 день 1406-го года въ пятокъ Кипріанъ митр. пріѣхалъ изъ Кіева въ Москву, а потомъ со двѣ недѣли минуло—преставися архимандритъ Дороѳей печатникъ, добрый нашъ старецъ» (къ т. V, прим. 254, col. 104): это, очевидно, говоритъ лѣтописецъ, живущій во дворѣ митрополита.

[5]) Никон. лѣт. V, 2 fin.; свидѣтельство Степенной книги приведено выше.

[6]) Имѣемъ свидѣтельство о служебникѣ, собственноручно написанномъ Кипріаномъ, см. Опис. Сунодд. ркпп. *Горск.* и *Новостр.* № 344; въ библіотекѣ Москов-

нятіе, на нашъ взглядъ странное для митрополита, тогда имѣло весь свой смыслъ. Въ то время не было для книгъ печатанія, а было рукописаніе. Чтобы рукописи не переполнились ошибками писцовъ, нужно было, чтобы существовали списки книгъ по возможности исправные, по которымъ могли бы быть повѣряемы другіе списки, а для такой важной роли и имѣли служить списки, писанные Кипріаномъ. Любовь къ списыванію книгъ предполагаетъ хорошій почеркъ, безъ котораго она была бы странна: Кипріанъ дѣйствительно писалъ очень хорошимъ полууставомъ тогдашней сербской формы.

Избѣгая городского шума Москвы, Кипріанъ любилъ жить внѣ ея,—или въ своемъ подмосковномъ селѣ Голенищевѣ или въ своемъ владимирскомъ имѣніи на Святомъ озерѣ [1]). Въ Голенищевѣ онъ и скончался 16-го Сентября 1406-го года, послѣ 30-ти лѣтняго безъ полуторыхъ мѣсяцевъ пребыванія въ санѣ митрополита. За четыре дня до своей смерти онъ написалъ прощальную грамоту, въ которой всѣмъ преподавалъ прощеніе и благословеніе и отъ всѣхъ взаимно просилъ того же и которую приказалъ прочитать надъ своимъ гробомъ при отпѣваніи тѣла [2]).

ской Духовной Академіи три автографа Кипріановы: Слѣдованная Псалтирь,—№ 142, Творенія Діонисія Ареопагита,—№ 144, и Лѣствица Іоанна Лѣствичника,—№ 152.

[1]) Никон. лѣт. V, 2 и 37, Степ. кн. I, 558. Село Голенищево (въ настоящее время Троицкое-Голенищево) находится верстахъ въ 3-хъ отъ Москвы, за Воробьевыми горами, по дорогомиловской или смоленской дорогѣ, на рѣчкѣ Сѣтуни, впадающей въ Москву. Степенная книга говоритъ: «Любяше же (Кипріанъ) и безмятежно жити и время безмолвія улучити, и того ради часто пребывая въ своемъ селѣ митрополстемъ на Голенищевѣ, иже бяше мѣсто безплищно и безмятежно, безмолвно же и покойно отъ всякаго смущенія, между двою рѣкъ Сѣтуни и Раменки (Никон. лѣт.: «на стрѣлищѣ и надъ прудомъ»), идѣже тогда бысть обаполы лѣсъ многъ, идѣже есть церковь во имя тріехъ святителей, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго» (нынѣ во имя св. Троицы. См. еще о Голенищевѣ у Строева въ Спискахъ іерарховъ, col. 262). Святое озеро находится верстахъ въ двухъ стахъ на востокъ отъ Москвы, въ рязанской губерніи, въ егорьевскомъ уѣздѣ, на смежьи рязанской губерніи съ владимирскою. Кипріанъ поставилъ здѣсь церковь во имя Преображенія Господня.

[2]) Грамота въ Никон. лѣт. V, 3, Воскресенск. лѣт.,—Собр. лѣтт. VIII, 79, Степ. кн. I, 559, также въ Актахъ, относящ. до юридич. быта древн. Россіи *Калачова*, т. I (1857), стр. 544.— Никоновская лѣтопись и Степенная книга говорятъ, что и послѣдующіе за Кипріаномъ до ихъ времени или до XVI-го вѣка митрополиты приказывали переписывать его грамоту, съ тѣмъ, чтобы читать ее при ихъ отпѣваніи и потомъ полагать въ ихъ гробы (это должно разумѣть о послѣдующихъ ми-

Никоновская лѣтопись, повторяемая Степенной книгой, дѣлаетъ общій отзывъ о митр. Кипріанѣ: «Сей Кипріанъ митрополитъ всякаго любомудрія и разума божественнаго исполнь (бяше), и вельми книженъ и духовенъ зѣло, добродѣтельнымъ житіемъ подвизася, и ученіемъ и наказаніемъ наслажаше всѣхъ, много бо тщанія ему и подвигъ бяше учити всѣхъ слову Божію, нежъ праздная вѣщати и суетная глаголати и смѣхливыхъ человѣкъ уши наполняти» [1]). Сколько въ этомъ общемъ отзывѣ дѣйствительной правды и сколько той простой некрологической реторики, съ которою мы такъ знакомы въ настоящее время, сказать не можемъ [2]).

трополитахъ за исключеніемъ преемника Кипріанова Фотія, который написалъ свою прощальную грамоту.— О философской приписи Кипріана къ грамотѣ cfr Опис. Сунодд. ркпп. № 131, л. 364, и № 204 л. 293).

[1]) Никон. лѣт. V, 2, Степенн. кн. I, 558.

[2]) Племянникъ Кипріановъ Григорій Цамблакъ, вызванный было имъ въ Россію, получивъ вѣсть объ его смерти, когда на дорогѣ къ нему находился около Вильны, не поѣхалъ въ Москву, а остался въ Литвѣ. Очень вѣроятно понимать это такъ, что онъ не надѣялся встрѣтить въ Москвѣ хорошаго пріема; а если такъ, то будетъ слѣдовать, что Кипріанъ не оставилъ въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ — въ высшемъ ея кругу, особенно почитаемой памяти.

МИТРОПОЛИТЪ ФОТІЙ.

Надлежало ожидать, что вел. кн. Василій Дмитріевичъ, послѣдуя бывшимъ примѣрамъ, изберетъ кандидата въ митрополиты на мѣсто Кипріана у себя въ Москвѣ изъ природныхъ Русскихъ. Если въ предшествующее послѣ нашествія Монголовъ время Греки не отказывались поставлять кандидатовъ, избранныхъ въ самой Россіи, то тѣмъ менѣе можно было ожидать этого отказа теперь. Политическія обстоятельства Грековъ, давно уже весьма несчастныя, ко времени смерти Кипріана достигли, если позволительно такъ выразиться, крайней степени несчастности: они до чрезвычайности нуждались въ денежныхъ поминкахъ, которые могли получить отъ великаго князя за поставленіе кандидата изъ природныхъ Русскихъ. Но Василій Дмитріевичъ, не смотря на свои враждебныя чувства къ Грекамъ, не поступилъ такъ, какъ бы надлежало ожидать; послѣ смерти Кипріана онъ послалъ въ Константинополь къ патріарху съ его соборомъ и къ императору своихъ пословъ, черезъ которыхъ просилъ, чтобы патріархъ и императоръ избрали и прислали въ Москву митрополита «по старой пошлинѣ», т. е. прислали митрополита, избравъ его по старому обычаю изъ Грековъ [1]). Съ немалою вѣроятностію можно думать, что не благословилъ великаго князя поступить по новому обычаю, вопреки старой пошлинѣ, митр. Кипріанъ, который хотя былъ родомъ Славянинъ, но по своимъ чувствамъ былъ не славянофилъ, а грекофилъ: чрезвычайно благодарный Грекамъ за то, что они приняли его въ свою среду и какъ таковаго натурализованнаго Грека поставили въ митрополиты русскіе, онъ

---

[1]) Въ окружномъ посланіи къ литовскимъ епископамъ, написанномъ послѣ поставленія въ литовскіе митрополиты Григорія Цамблака, Фотій пишетъ: «посла (Василій Дмитріевичъ послѣ смерти Кипріана) къ святому патріарху и къ священному собору и къ святому царю, яко да его же по Божію хотѣнію изберутъ и пришлютъ, той есть намъ и святый (читай: той и есть намъ святый) святитель кіевскій и всея Руси по старой пошлинѣ»,—Акт. Ист. т. I, № 19, стр. 32 col. 2, и въ Памятнн. *Павлова* col. 329 fin..

усерднѣйше преданъ былъ патріарху константинопольскому и долженъ былъ заботиться объ его правахъ и пошлинахъ [1]).

Въ годъ смерти митр. Кипріана открылась вражда, приведшая къ войнѣ, между литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ и между его зятемъ великимъ княземъ московскимъ. Находясь въ ссорѣ съ Москвой, Витовтъ не хотѣлъ имѣть одного съ нею митрополита. Поэтому, одновременно съ посольствомъ въ Константинополь Василія Дмитріевича онъ отправилъ туда свое посольство съ прошеніемъ, чтобы ему поставили особаго митрополита; вмѣстѣ съ симъ онъ послалъ къ патріарху и кандидата, котораго желалъ видѣть литовскимъ митрополитомъ, именно—епископа или архіепископа полоцкаго Ѳеодосія, родомъ Грека [2]). Но въ Константинополѣ по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, между которыми главнымъ съ вѣроятностію нужно считать нежеланіе оскорбить Москву, дружбой съ которой тогда очень дорожили и на которую, можетъ быть, уже въ то время имѣлись весьма важные виды (брачный союзъ, о чемъ ниже), отказали Витовту въ его просьбѣ и поставили одного митрополита на каѳедры московскую и литовскую или на каѳедру митрополіи всея Россіи. Этотъ новый митрополитъ всея Россіи, поставленный не изъ Русскихъ, а изъ Грековъ, былъ Фотій.

Фотій былъ родомъ пелопоннесецъ или мореецъ, изъ города Монемвасіи или Мальвазіи [3]). Какъ самъ онъ сообщаетъ о себѣ, онъ по-

---

[1]) Возможно еще, что великій князь не избралъ и не послалъ въ Константинополь своего кандидата въ виду того, что Витовтъ, о чемъ сейчасъ ниже, просилъ себѣ отдѣльнаго митрополита. Если бы въ митрополиты всея Россіи поставленъ былъ природный Русскій, то императору и патріарху труднѣе было бы отказать Витовту въ его просьбѣ.

[2]) См. указанное посланіе Фотія, въ Акт. стр. 32 col. 2 нач., у *Павл.* col. 329, и окружную грамоту Витовта о поставленіи Цамблака,—въ Актахъ Западн. Росс. т. I, № 24, стр. 36 col. 1. Утверждаютъ, что титулъ архіепископа, съ которымъ Ѳеодосій является позднѣе, подъ 1415-мъ годомъ (Акт. Западн. Росс. т. I, № 24, стр. 33 и у *Павл.* col. 309), данъ былъ ему Витовтомъ предъ отправленіемъ въ Константинополь для поставленія въ митрополиты (см. Вѣстникъ Западной и Юго-Западной Россіи *Говорскаго*, 1862-го года Сентябрь, кн. 3, стр. 143, прим. 7): но насколько справедливо, не знаемъ. Грекомъ называетъ его литовская лѣтопись Даниловича, напечатанная въ I кн. Ученыхъ Записокъ II Отд. Акад. Наукъ, стр. 43, и въ IV кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. за 1898-й годъ, стр. 65.

[3]) Въ нашихъ лѣтописяхъ его родина называется Амморейскою землей, т.-е. наши лѣтописцы принимаютъ Морею за одно и тоже съ фригійскимъ Амореемъ или Амморіемъ (Amorium), въ которомъ пострадали 42 мученика, празднуемые 6-го

ступилъ въ монастырь въ самые ранніе отроческіе годы и имѣлъ своимъ руководителемъ въ монашествѣ или своимъ «старцемъ» знаменитаго, по его словамъ, подвижника своего времени Акакія, который поставленъ былъ потомъ въ митрополиты монемвасійскіе. Живя при Акакіи, уже поставленномъ въ митрополиты [1]), вѣроятно—въ качествѣ какого-нибудь епархіальнаго чиновника, Фотій однажды былъ посланъ своимъ старцемъ въ Константинополь къ императору и патріарху. Онъ пришелъ въ столицу въ то время, какъ тамъ находились послы русскаго великаго князя, прибывшіе просить себѣ новаго митрополита, и императоръ съ патріархомъ поставили въ митрополиты русскіе его—Фотія. Онъ посвященъ былъ патріархомъ въ митрополиты 1-го Сентября 1408-го года (по тогдашнему—въ новый годъ [2]). Неожиданное

Марта. Монемвасія, въ позднѣйшее время и теперь—Мальвазія (въ просторѣчіи—Наполи ди-Мальвазія) есть приморскій городъ въ южномъ Пелопоннесѣ, извѣстный своимъ виномъ, которое называется мальвазіей. Сохранилась выписка изъ синодика недѣли православія монемвасійской каѳедрально-митрополичьей церкви; здѣсь читается возглашеніе вѣчной памяти Фотію, какъ благодѣтелю церкви, и здѣсь онъ называется монемвасіотомъ: Φωτίου, τοῦ ἐν μακαρίᾳ τῇ λήξῃ γενομένου ἁγιωτάτου καὶ ἀοιδίμου ἀρχιεπισκόπου 'Ρωσίας, τοῦ τὴν καθ' ἡμᾶς ταύτην ἐκκλησίαν καὶ πόνοις οἰκείοις αὐξήσαντος καὶ πολλοῖς ἱεροῖς ἀναθέμασι κεκοσμηκότος, τοῦ Μονεμβασιώτου, αἰωνία ἡ μνήμη. Выписка изъ сүнодика читается въ одной изъ рукописей Туринской королевской библіотеки, см. *Ios. Pasini* Codices manuscripti Bibliothecae regii Taurinensis, t. I, p. 422.

[1]) Акакій поставленъ былъ въ митрополиты монемвасійскіе въ Январѣ мѣсяцѣ 1397-го года, см. Acta Patriarhat. Constantinop. *Миклошича*, II, 273, № DIX.

[2]) Біографическія свѣдѣнія о себѣ Фотій сообщаетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, которое читается: въ Софійскомъ Временникѣ *Строева*, ч. II, стр. 3, въ Софійской 2-й лѣтописи,—Собр. лѣтт. VI, 144, въ Никоновской лѣтописи, V, 10, и въ Собраніи госудд. грамм. и договв. II, 18 (въ двухъ редакціяхъ, между которыми первоначальною должна быть считаема кратчайшая, находящаяся во Временникѣ и въ Софійской лѣтописи). Сохранилась на славянскомъ языкѣ настольная грамота, данная Фотію патріархомъ,—въ Акт. Ист. т. I, № 254, стр. 482; но страннымъ образомъ патріархъ, ставившій Фотія, называется въ ней Антоніемъ, тогда какъ онъ былъ второй по Антоніи Матөей, и дата въ ней вмѣсто 1-го Сентября 1408-го года—11-го Марта 1393-го года. Какъ объяснять происхожденіе этихъ неправильныхъ показаній грамоты (или самой грамоты съ этими неправильными показаніями), не совсѣмъ ясно; но несомнѣнно то, что онѣ суть показанія вовсе неправильныя или ложныя. Что Фотій былъ поставленъ патр. Матөеемъ (занявшимъ престолъ послѣ Каллиста II, Ксанфопула, позднѣе Ноября 1397-го года

избраніе Фотія, случайнымъ образомъ прибывшаго въ столицу,—если только дѣло было дѣйствительно такъ, какъ оно представляется имъ,—даетъ знать, что онъ избранъ былъ не по какимъ либо стороннимъ побужденіямъ и соображеніямъ, а по тому прямому побужденію, что былъ признаваемъ за кандидата, достойнаго мѣста. Имѣемъ и еще свидѣтельство объ его достоинствѣ—въ томъ, что онъ находился въ дружбѣ съ людьми, высоко стоявшими въ тогдашнемъ греческомъ церковномъ мірѣ: сохранилось до насъ посланіе къ нему монаха Іосифа Вріеннія, который пользовался въ свое время великою славою за свою ученость и строгую жизнь и который называетъ его въ посланіи своимъ другомъ истиннѣйшимъ (φίλος γνησιώτατος [1]).

и до Декабря 1398-го года, см. у *Миклош.* въ Acta Patriarchat. Constantinop. II, 581, XII—XIII) и именно 1-го Сентября 1408-го года, это онъ самъ говоритъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, и такъ какъ завѣщаніе мы имѣемъ въ нѣсколькихъ спискахъ (и изданіяхъ) и во всѣхъ спискахъ его наши показанія читаются одинаково, то нѣтъ совершенно никакого основанія подозрѣвать, чтобы въ извѣстныхъ намъ спискахъ завѣщанія мы имѣли показанія въ поврежденномъ видѣ (Фотій говоритъ, что онъ пришелъ въ Константинополь передъ своимъ посвященіемъ въ русскіе митрополиты, когда Акакій былъ уже святителемъ, но послѣдній посвященъ въ митрополиты Монемвасійскіе въ Январѣ 1397-го года, см. предъидущ. примѣч.. Кипріанъ послѣ утвержденія своего на каѳедрѣ митрополіи всея Россіи въ 1389-мъ году до самаго конца своей жизни находился съ патріархомъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, которыя совершенно исключаютъ всякую возможность предположенія, чтобы преемникъ ему былъ поставленъ при его жизни, не только въ 1393-мъ году, что почти тотчасъ послѣ его отправленія изъ Константинополя въ Россію въ санѣ митрополита всей ея, но и когда бы то ни было послѣ).

[1]) Посланіе, написанное вскорѣ послѣ отбытія Фотіева изъ Константинополя въ Россію для занятія каѳедры митрополіи, читается въ 3-мъ томѣ сочиненій Вріеннія, изданномъ *Ѳомою Мандаказомъ* въ Лейпцигѣ въ 1784-мъ году подъ названіемъ Ἰωσὴφ μοναχοῦ τοῦ Βρυεννίου Τὰ παραλειπόμενα (къ двумъ первымъ томамъ, изданнымъ *Евгеніемъ Булгарисомъ* тамъ же въ 1768-мъ году, подъ заглавіемъ: Ἰωσὴφ μοναχοῦ τοῦ Βρυεννίου Τὰ εὑρεθέντα), стр. 168. Наполненное греческими комплиментами Фотію, посланіе замѣчательно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ тогда смотрѣли въ Греціи на митрополита русскаго. Καὶ ἄλλοι μὲν—пишетъ Вріенній—σου τῇ τῆς ἀξίας μεγαλειότητι καὶ τῇ τοῦ πλούτου βριθοσύνῃ, τῇ τε τῆς παρρησίας χώρᾳ καὶ τῷ μεγέθει τοῦ ἔθνους, οὗ τὴν ἐπιστασίαν ἐπιστεύθης, συνήδοναι... Διὸ σε καὶ εὐδαίμονα ἡγούμεθα οὐχ ἐπειδὴ πλούτῳ κομᾶς ἀμυθήτῳ, ἀλλ' ἐπειδὴ δαψιλεστέραν ἔλαβες ὕλην εἰς (τὸ) τὴν φιλάνθρωπόν σου γνώμην καὶ τὴν φιλοφροσύνην ἐνδείξασθαι.. Τὸν ὄλβιον καὶ πεπαρρησιασμένον μητροπολίτην Ῥωσσίας φιλοῦμεν ἡμεῖς ἱερώτατον Φώτιον (и другіе,—подразумѣвается: изъ нашихъ, изъ Грековъ, радуются величію твоего сана и изобилію богатства и широтѣ власти и многочи-

Ровно черезъ годъ послѣ посвященія, 1-го Сентября 1409-го года, Фотій прибылъ изъ Константинополя въ Кіевъ, сопровождаемый послами императора и патріарха [1]). Такъ какъ Витовтъ посылалъ ставиться въ особые митрополиты литовскіе своего кандидата, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ встрѣтилъ прибывшаго къ нему не ожиданнаго и не прошеннаго митрополита всея Россіи не съ особеннымъ радушіемъ. Однако, Фотію какъ-никакъ удалось примирить его съ собою: князь призналъ его за своего митрополита и онъ прожилъ въ Литвѣ съ сопровождавшими его послами около шести мѣсяцевъ. Впослѣдствіи времени, поссорившись съ Фотіемъ, Витовтъ утверждалъ, будто митрополитъ, пришедъ изъ Константинополя, обѣщался ему—князю имѣть пребываніе у него въ Литвѣ и будто только на этомъ условіи онъ—князь и согласился принять его—митрополита [2]). Но чтобы Фотій обѣщалъ

сленности народа, предстоятельство надъ которымъ тебѣ ввѣрено... Не потому считаемъ тебя блаженнымъ, что распологаешь несказаннымъ богатствомъ, но потому, что получилъ изобильное средство показать твою человѣколюбивую настроенность и благоволительность... Привѣтствуемъ блаженнаго и властительнѣйшаго митрополита Россіи священнѣйшаго Фотія...). Объ Іосифѣ Вріенніѣ см. въ статьѣ о немъ *архим. Арсенія*, помѣщенной въ Православн. Обозрѣніи 1879-го года, т. II стрр. 85 и 403.—О другомъ греческомъ посланіи къ митр. Фотію,—іеромонаха Исидора, послѣдующаго русскаго митрополита, см. ниже.

[1]) Что Фотій прибылъ въ Россію въ сопровожденіи пословъ императора и патріарха, объ этомъ говоритъ онъ самъ въ грамотѣ къ епископу тверскому Иліѣ,—въ Памятнн. *Павлова* № 50, col. 422. См. о семъ еще ниже.—Слишкомъ не скоро послѣ посвященія прибылъ Фотій въ Россію или по той общей причинѣ, что вообще митрополиты—Греки, кажется, не спѣшили прибывать въ Россію (можетъ быть, требовавъ, чтобы слѣдовавшіе имъ съ минуты посвященія доходы присылаемы были въ Константинополь, и можетъ быть—черезъ это медленіе накоплявъ денегъ на подъемъ и на отъѣздные поминки, кому слѣдуетъ: объ этой общей причинѣ поведемъ нѣкоторыя рѣчи во второй половинѣ тома), или же по какой нибудь особой причинѣ. Если послѣднее, то не можемъ сдѣлать никакого предположенія относительно причины. (Предполагать, чтобы вели переговоры съ Витовтомъ, которому отказано было въ особомъ митрополитѣ, не представляется основательнымъ, потому что Фотію легче было примирить его съ собой при личномъ свиданіи и личныхъ переговорахъ, такъ что въ этомъ случаѣ онъ наоборотъ долженъ былъ бы спѣшить прибытіемъ въ Россію).—Послѣ войны съ своимъ зятемъ Василіемъ Дмитріевичемъ Витовтъ заключилъ съ нимъ миръ въ Септябрѣ мѣсяцѣ 1408-го года.

[2]) Окружная грамота о поставленіи Цамблака: «и мы не хотѣли были того приняти Фотія митрополита, и онъ нялся паки здѣ у насъ быти, церковь строити, и приняли было есьмо его на митрополью кіевскую»,—Акт. Зап. Росс. т. I, № 25, стр. 36 col. 1.

Витовту возвратить каѳедру митрополіи всея Россіи изъ Москвы въ Кіевъ, это вовсе невѣроятно. Должно думать, что если онъ дѣйствительно давалъ Витовту какое-нибудь обѣщаніе, то обѣщаніе было— посѣщать Литву не изрѣдка только, а по возможности чаще.

Въ Москву изъ литовской Руси, въ сопровожденіи тѣхъ же пословъ императорскаго и патріаршаго, Фотій прибылъ 22-го Марта 1410-го года, наканунѣ свѣтлаго Христова Воскресенія [1]).

Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ говоритъ, что время его 20-лѣтняго управленія русской митрополіей было для него временемъ непрерывныхъ скорбей, слезъ и рыданій. И слова эти едва ли содержатъ преувеличеніе. Онъ пришолъ въ Москву почти тотчасъ послѣ того, какъ ея область была страшно опустошена Татарами; первая половина его правленія была наполнена для него скорбями личными; во вторую половину его правленія почти непрерывно свирѣпствовали въ Россіи страшные моры, къ которымъ присоединялись столько же страшные голода.

Прибывъ въ Москву, Фотій нашолъ въ печальнѣйшемъ состояніи свое церковное митрополичье хозяйство и свои митрополичьи вотчины: въ московскомъ дому митрополичьемъ и въ митрополичьихъ селахъ или усадьбахъ все было расхищено, такъ что одинъ и другія онъ нашолъ пустыми; митрополичьими вотчинами завладѣли князья, бояре и иные лихоимцы [2]). Въ концѣ 1408-го года сдѣлалъ свой страшный набѣгъ на Москву Едигей; опустошивъ область московскую, онъ не взялъ самой Москвы и только держалъ ее нѣкоторое время въ осадѣ; но когда оставленную великимъ княземъ столицу обложили Татары и когда настало въ ней смятеніе, такъ что люди начали бѣгать, «не брегуще о имѣніи ни о иномъ ни о чемъ же», то явились въ ней, разбойницы и

---

[1]) Въ Никоновской лѣтописи сказано, что Фотій прибылъ на Москву «мѣсяца Апрѣля на самъ великъ день Воскресенія Христова»; въ Воскресенской и Типографской лѣтописяхъ и приводимой Карамзинымъ (V, прим. 254, col. 106) сказано, что онъ прибылъ «Апрѣля 22-го на Великъ день». Такъ какъ въ 1410-мъ году Пасха была 23-го Марта, то мы думаемъ, что въ лѣтописяхъ ошибка въ мѣсяцѣ (которая дѣйствительно и поправлена въ позднѣйшей Тверской лѣтописи,— Собр. лѣтт. XV, 485).

[2]) Фотій въ духовномъ завѣщаніи: «какъ есми пришелъ на Москву на митрополію послѣ своего брата святого Кипреана, митрополита кіевскаго (и) всея Руси, не обрѣтохъ въ дому церковномъ ничтоже...; а что какъ есми пришелъ на свою митрополью, и домъ церковный и села нашелъ есми пуста». О вотчинахъ—Никон. лѣт. V, 33.

тати и хищники, которые наполнили руки свои богатствомъ и грабленіемъ» [1]). Весьма вѣроятно, что бояре и слуги митрополичьи, пользуясь сейчасъ указаннымъ обстоятельствомъ, т. е. видя возможность свалить разграбленіе дома митрополичьяго на этихъ разбойниковъ и татей, и поспѣшили расхитить его имущество. Что касается до селъ митрополичьихъ, то въ нихъ могли поступить точно также съ ихъ хозяйственнымъ заведеніемъ и съ ихъ хозяйственными запасами ихъ управители и волостели. Въ чемъ могли найдти для себя поводъ и предлогъ князья и бояре, чтобы расхищать и осваивать митрополичьи недвижимыя имѣнія, не видно; можетъ быть въ томъ, что «рука руку моетъ», именно—что митрополичьи бояре, расхищая движимое, попускали и содѣйствовали князьямъ и боярамъ расхищать недвижимое, затѣмъ, чтобы потомъ стать подъ защиту этихъ большихъ хищниковъ. Митр. Фотій, нашедъ по прибытіи въ Москву московскій домъ свой и села пустыми, а вотчины расхищенными, принялъ твердое намѣреніе не давать себя въ посмѣхъ безцеремоннымъ грабителямъ и достигнуть того, чтобы изыскать и возвратить себѣ все погибшее [2]). Наклонный къ слезамъ и рыданію, о которыхъ онъ почти непрестанно говоритъ въ своихъ писаніяхъ, онъ не былъ однако характера слабаго, какъ бы можно было предполагать, а напротивъ былъ характера сильнаго и небоязненнаго, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись [3]); при этомъ, чтò не противно слезамъ и рыданію и какъ показываетъ его ссора съ Витовтомъ и литовскимъ духовенствомъ изъ-за поставленія Цамблакова, онъ былъ человѣкъ очень горячій: и онъ повелъ розыски расхищеннаго и борьбу съ хищниками—по отношенію къ однимъ, каковы князья и бояре княжескіе, съ непреклонною настойчивостію, по отношенію къ другимъ, каковы его собственные бояре и слуги, съ безпощадною суровостію. Мы не знаемъ вполнѣ исторіи этой борьбы и имѣемъ относительно ея только отрывочныя извѣстія. Подъ 1414-мъ годомъ читается въ Никоновской лѣтописи, что въ семъ году пришла вѣсть митрополиту Фотію изъ Кіева на Москву, «еже клеветы многи сотвориша на него лукавіи человѣцы, иже бѣжаша отъ него съ Москвы, свои его суще, къ черниговскому владыцѣ, а оттуду въ Литву къ Витовту» и что «тако (со)-ссориша его съ Витовтомъ и брань велію воздвигоша и святѣй Божіей церкви смущеніе и мятежь велій бысть» [4]). Бѣгство отъ Фотія его

---

[1]) Никон. лѣт. V, 23 fin..

[2]) Никон. лѣт. V, 33.

[3]) «Бѣ же Фотѣй митрополитъ смысленъ зѣло и добродѣтеленъ и мужественъ»,—Никон. лѣт. V, 34 нач..

[4]) V, 53.

людей, т. е. его бояръ и слугъ, и крайняя степень ихъ вражды къ нему ясно даютъ знать, что онъ взыскивалъ съ нихъ расхищенное ими съ неумолимою и безпощадною строгостію. Объ его настойчивости, съ которою онъ старался возвратить свои вотчины отъ князей и бояръ государевыхъ, даетъ знать таже Никоновская лѣтопись, когда подъ предшествующимъ 1413-мъ годомъ говоритъ, что осенью сего года «восташа неблазіи человѣцы на Фотѣя митрополита кіевскаго и всея Русіи и сотвориша на него клеветы къ сыну его великому князю Василью Дмитрѣевичу, многожъ клеветъ нанесоша и Фотѣю митрополиту на великаго князя и (со)ссориша (ихъ) и сотвориша (между ними) нелюбіе» [1]). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что клеветали великому князю на митрополита и поссорили его съ послѣднимъ тѣ князья и бояре, которые были виновны въ хищеніи вотчинъ церковныхъ и отъ которыхъ митрополитъ старался возвратить собственность своей каѳедры. Сохранилось до настоящаго времени посланіе Фотія къ Василію Дмитріевичу, которое относится къ настоящему дѣлу и въ которомъ митрополитъ проситъ государя, чтобы все, что́ отдано церкви Божіей его прародителями и утверждено за ней, и онъ съ своей стороны утвердилъ посредствомъ своего благочестиваго списанія, т. е. проситъ государя о выдачѣ ему утвержденныхъ или утвердительныхъ грамотъ на принадлежащія митрополичьей каѳедрѣ вотчины [2]). Не знаемъ, когда митрополитъ обращался съ своею просьбою къ великому князю,—передъ тѣмъ ли, какъ приступилъ къ стараніямъ о возвращеніи митрополіи разхищенныхъ у нея имѣній, или послѣ того, какъ старанія увѣнчались бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ [3]). Если первое, то нужно понимать дѣло такъ, что митрополитъ желалъ получить грамоты не только на тѣ имѣнія, которыя въ данную минуту фактически принадлежали митрополіи, но и на всѣ, которыя были освоены или присвоены у ней князьями и боярами, дабы съ грамотою великаго князя въ ру-

---

[1]) V, 51.

[2]) Посланіе напечатано въ Памятникахъ *Павлова*, № 35, I, col. 295 fin.. Подлинныя его слова: «да вся, елика суть церкви Божіей отдана отъ твоихъ прародителей и утверждена и наречена, и ты такоже да сотвориши, якоже они...; такоже и ты, сыну мой, благочестивымъ списаніемъ церкви Божіей нареченнаа да утвердиши, да устроиши вся пошлины»...

[3]) Посланіе, не имѣющее даты, какъ видно изъ его конца, гдѣ выражается митрополитомъ желаніе государю, чтобы Господь подалъ ему отъ чреслъ его въ роды родовъ наслѣдіе, писано до рожденія Василія Васильевича, а послѣдній родился 1-го Марта 1415-го года.

кахъ скорѣе возвратить себѣ свою собственность. Если послѣднее, то нужно понимать дѣло такъ, что, возвращая митрополіи похищенныя у нея вотчины, митрополитъ хотѣлъ посредствомъ грамотъ великаго князя прочно утвердить ихъ за нею на будущее время. Что касается до успѣха, который имѣлъ Фотій въ своихъ стараніяхъ возвратить каѳедрѣ митрополіи ея расхищенныя имѣнія, то относительно недвижимыхъ имѣній Никоновская лѣтопись даетъ знать, что онъ имѣлъ успѣхъ болѣе или менѣе полный; при этомъ лѣтопись даетъ знать, что посланіе митрополита къ великому князю должно понимать въ послѣднемъ изъ указанныхъ смысловъ; въ ней читается: «стяжанья митропольи своея церковная и доходы Фотѣй митрополитъ нача обновляти, и что гдѣ изгибло начатъ изыскивати, или отъ князей и бояръ изобижено или отъ иныхъ нѣкихъ лихоимцевъ что̀ восхищено, се́ла и власти и доходы и пошлины Христова дому и пречистыя Богородицы и святыхъ великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя: онъ же *вся* сія отъ нихъ взимаше и *утвержаше крѣпко* въ дому Христовѣ и пречистыя Богородицы» [1]). Движимыя имѣнія, которыя могутъ быть укрываемы и выдаваемы за собственность, не такъ легко возвращать, какъ недвижимыя, и вѣроятно, что здѣсь успѣхъ митрополита былъ далеко не полный,—что онъ успѣлъ возвратить только то, что̀ могъ захватить на̀ рукахъ хищниковъ какъ бы съ поличнымъ.

Мы сказали, Фотій прибылъ въ Москву почти тотчасъ послѣ того, какъ ея область была опустошена Татарами. На другой годъ послѣ прибытія ему самому довелось бѣгать отъ Татаръ. Лѣтомъ 1411-го года онъ пришолъ во Владиміръ, чтобы посѣтить свой старшій каѳедральный городъ; въ это время одинъ изъ нижегородскихъ князей, которыхъ Василій Дмитріевичъ въ началѣ своего княженія согналъ съ ихъ удѣла, наслалъ на послѣдній «изгономъ», т. е. скрытно и внезапно, пятисотенный отрядъ, состоявшій на половину изъ Русскихъ и на половину изъ Татаръ (подъ предводительствомъ царевича Талыча). Татары разсчитывали захватить митрополита во Владимірѣ, чтобы ограбить его и весьма вѣроятно—чтобы взять его въ плѣнъ, съ цѣлію полученія за него съ великаго князя и съ церкви или духовенства возможно хорошаго выкупа; однако это имъ не удалось: ничего не зная и не подозрѣвая опасности, Фотій ушелъ изъ города въ свое имѣніе на Святомъ озерѣ наканунѣ того, какъ изгонникамъ сдѣлать на него нападеніе. Тогда Татары бросились было за митрополитомъ въ погоню; но послѣдній, во время извѣщенный изъ Владиміра объ угрожавшей

---

[1]) V, 33.

бѣдѣ, укрылся отъ нихъ въ своемъ сосѣднемъ имѣніи—на озерахъ Сенежскихъ, гдѣ были лѣса и мѣста крѣпкія, т. е. болота [1]). Въ благодарность Богу за избавленіе отъ опасности Фотій поставилъ на берегу озера Сеньги церковь Рождества Богородицы,—если не обыденную, то во всякомъ случаѣ срубленную дни въ два—въ три, и прожилъ при церкви, плачась о томъ, что оставилъ любезное молчаніе и тишину пустыннаго монастыря и съ принятіемъ сана митрополичьяго въ таковую пучину страстей устремился, четыре слишкомъ недѣли [2]).

Въ это время клеветники еще не успѣли поссорить великаго князя съ митрополитомъ и первый вызвалъ Фотія изъ его Сенежской пустыни въ Москву, чтобы совѣтоваться съ нимъ о своемъ весьма важномъ семейномъ дѣлѣ, именно—о бракѣ своей дочери съ старшимъ сыномъ константинопольскаго императора Мануила Іоанномъ. У Грековъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не вошло въ обычай брать замужъ нашихъ княжонъ: въ періодъ домонгольскій это еще бывало изрѣдка [3]), но съ нашествія Монголовъ до нашего случая неизвѣстно ни одного подобнаго примѣра. Импер. Мануилъ, какъ необходимо думать, рѣшилъ женить своего старшаго сына и наслѣдника на дочери московскаго ве-

---

[1]) О Святомъ озерѣ и о Сенежскомъ имѣніи митрополичьей каѳедры см. выше въ разсказѣ о Кипріанѣ (волость Сенежская находится или въ непосредственномъ или весьма близкомъ сосѣдствѣ съ Святымъ озеромъ, на сѣверо-западъ отъ него между рѣками Сеньгой и Ушмой, впадающими въ Клязьму, изъ коихъ на устьи первой стоитъ село Сеньга, а вторая вытекаетъ изъ Святаго озера).

[2]) Никон. лѣт. V, 37 sqq. Татары, не настигнувъ Фотія, возвратились во Владимиръ и страшнымъ образомъ его ограбили. При этомъ ознаменовалъ себя величайшею доблестью ключарь Успенскаго каѳедральнаго собора священникъ Патрикій, родомъ Грекъ, пришедшій въ Россію съ Фотіемъ, который для спасенія сокровищъ соборной ризницы рѣшился принять отъ Татаръ страшную мученическую смерть. Укрывъ сосуды церковные и утварь, сколько успѣлъ, на сводахъ собора подъ кровлей (но не въ самомъ соборѣ на полатяхъ или хорахъ, ибо лѣстницы приставлены и отброшены, тогда какъ на полати были постоянные, а не приставные «всходы», да и прямо говорится: «вознесе на церковь»), онъ не указалъ Татарамъ, куда дѣвалъ сокровища, несмотря ни на какія мученія: его ставили на сковородѣ огненной, вбивали ему щепы за ногти, одрали съ него кожу, прорѣзавъ ему ноги вздѣли въ прорѣзы веревки и привязали къ хвосту коня, съ тѣмъ, чтобы послѣдній заволочилъ его до смерти,—ibid. стр. 38.

[3]) Извѣстно за это время пять случаевъ выхода нашихъ княжонъ за греческихъ царевичей: дочери и внуки Владимира Мономаха, дочерей Всеслава полоцкаго и Володаря галицкаго, внуки Всеволода Чермнаго черниговскаго, см. Родословныя росписи *Карамзина*.

ликаго князя потому, что находилъ этотъ бракъ весьма желательнымъ для себя при своихъ обстоятельствахъ. Московскій великій князь вовсе не могъ оказать императору военной помощи противъ Турокъ [1]), но онъ могъ оказывать ему денежную помощь, а это послѣднее было не менѣе важно, чѣмъ первое, ибо деньги нужны были не только для борьбы съ Турками, но и для простого существованія. Весьма вѣроятно, что Фотію, когда онъ отправлялся въ Россію, поручено было отъ императора разузнать, можетъ ли состояться бракъ и обѣщаетъ ли онъ желаемыхъ отъ него выгодъ, и что митрополитъ послалъ въ Константинополь утвердительный отвѣтъ. Какъ бы то ни было, но въ 1411-мъ году, съ совѣта и благословенія митрополита, Василій Дмитріевичъ рѣшился выдать дочь за греческаго царевича и послалъ ее въ Константинополь. Мы видѣли выше, какого невысокаго мнѣнія былъ Василій Дмитріевичъ объ императорахъ константинопольскихъ; нѣтъ сомнѣнія, онъ очень хорошо зналъ и то, что тронъ ихъ находился наканунѣ своего паденія: но имѣть своимъ зятемъ наслѣдника императорскаго, удалось ли бы видѣть его дѣйствительнымъ императоромъ или же наоборотъ послѣ утраты имъ престола пришлось взять его вмѣстѣ съ дочерію на свои хлѣбы, была такая честь, которая не могла не льстить московскому великому князю. Дочери Василія Дмитріевича, по имени Аннѣ, въ минуту ея отправленія въ Константинополь было и всего 10-ть лѣтъ: это показываетъ, какъ торопился императоръ вступить въ родство съ московскимъ великимъ княземъ, чтобы извлекать изъ родства съ нимъ желаемыя выгоды. Впрочемъ, ему недолго пришлось быть сватомъ Василія Дмитріевича: Анна жила греческой царевной и всего три года, бывъ похищена моровымъ повѣтріемъ, свирѣпствовавшимъ въ Константинополѣ [2]).

---

[1]) Правда, что дочь Василія Дмитріевича была не только дочерью московскаго великаго князя, но и внукой великаго князя литовскаго Витовта. Но по отношенію къ надеждамъ на военную помощь это не имѣло никакого значенія.

[2]) Наша Никоновская лѣтопись съ другими нашими лѣтописями съ одной стороны и греческіе лѣтописцы Франтца и Дука съ другой стороны разнорѣчатъ относительно года, въ которомъ Анна была выдана замужъ за Іоанна: по Никоновской лѣтописи и другимъ нашимъ лѣтописямъ—въ 1411-мъ году, по Франтцѣ и Дукѣ (собственно—по второму, сносимому съ первымъ)—въ 1414-мъ году. Между свидѣтелями, одинаково современными, мы отдаемъ предпочтеніе нашей лѣтописи потому, что говорящій въ ней какъ будто писалъ тотчасъ и непосредственно послѣ событія (читай разсказъ о нападеніи Татаръ на Владимиръ, въ связи съ которымъ извѣстіе о замужествѣ Анны). Въ Никоновской лѣтописи подъ 1411-мъ годомъ:

Кромѣ посланія митр. Фотія къ Василію Дмитріевичу, о которомъ сказали мы выше, сохранилось еще другое посланіе его къ великому князю, изъ котораго оказывается, что и къ самому государю онъ имѣлъ и предъявлялъ претензіи относительно посягательства на доходы его каѳедры. Въ этомъ второмъ посланіи митрополитъ настоятельно убѣждаетъ великаго князя возвратить церкви какія-то отнятыя или присвоенныя имъ у нея пошлины. «Свѣдомо же ти буди, сыну мой,—пишетъ митрополитъ государю,—и се, яко церковь Божію уничижилъ еси, насильствуя, взимая неподобающая ти, и собѣ не пособилъ еси; провѣщай, сыну мой, къ церкви Христовѣй и ко мнѣ, отцу своему: «согрѣшихъ, прости мя, и имаши, о отче, во всемъ благопослушна и

«тогожъ лѣта князь великій Василей Дмитріевичъ отдаде дщерь свою княжну Анну въ Царьградъ за царевича Ивана Мануиловича,—V, 41 (тутъ же о совѣтованіи съ митр. Фотіемъ). Франтца въ Chronicon majus, lib. 1, § 35 fin., послѣ 6914-го года (отъ С. М.): «той же весной и лѣтомъ (не указаннаго года) была въ Константинополѣ повальная болѣзнь и скончалась отъ повальной болѣзни императрица (ибо Іоаннъ былъ младшій императоръ) госпожа Анна, родомъ изъ Россіи, и погребена въ монастырѣ Ливовомъ (τοῦ Λιβός); въ Chronicon minus подъ 1417-мъ годомъ fin.: «весной и лѣтомъ была въ Константинополѣ (повальная) болѣзнь и въ Августѣ мѣсяцѣ скончалась императрица»... и пр.. Дука, гл. XX: «императоръ Мануилъ, не будучи связанъ обстоятельствами и не имѣя препятствій, надумалъ устроить бракъ сына своего Іоанна и, пославъ къ великому князю русскому, привелъ невѣсту—его дочь и, устроивъ бракъ и по перемѣнѣ имени назвавъ ее Анной (но княжна называлась Анной и въ Россіи?), не хотѣлъ вѣнчать ее императорскимъ вѣнцомъ, потому что она была дитя, имѣвшее 11-й годъ; по прошествіи трехъ лѣтъ, когда свирѣпствовала въ Константинополѣ повальная болѣзнь и умирало великое множество народа отъ опухоли (διὰ τοῦ βωμβόνος) скончалась и царица Анна, оставивъ крайнее сожалѣніе въ гражданахъ». Вѣроятнѣйшее средство примиренія нашей лѣтописи съ Франтцею и Дукой, какъ намъ думается, состоитъ въ томъ, чтобы предполагать, что послѣдній ошибается въ числѣ лѣтъ жизни Анны въ Константинополѣ, т.-е. что она жила тамъ не три года, а шесть лѣтъ. Женскій монастырь Богородицы Ливовъ, въ которомъ погребена была Анна, получившій названіе отъ строителя (ὁ Λίψ; въ просторѣчіи монастырь назывался ἡ Λειψή, τοῦ Λίψη.—*Визант.* Κωνσταντινούπ. I, 376, отъ того у нашего паломника Зосимы—Липеси) и бывшій мѣстомъ погребенія для нѣкоторыхъ изъ Палеологовъ, существуетъ до настоящаго времени; теперь онъ есть турецкая мечеть Зерекъ—джамиси, находящаяся недалеко отъ мечети Магомета, стоящей на мѣстѣ храма апостоловъ (и весьма близко отъ бывшаго монастыря Пантократора, нынѣ мечети Килисе—джами). О монастырѣ см. *Дюканжа* Constantinop. Christ. lib. IV, p. 92. Помянутый выше Іосифъ Вріенній говорилъ по случаю смерти Анны утѣшительное слово императору.

покорена мене; елика въ законѣ и въ церкви Христовѣй пошлины злѣ растлѣнны бывшаа испълню и исправлю, воображенаа и даная и утвержденаа исперва отъ прародителей моихъ и яже по многихъ лѣтѣхъ отставленнаа, яже и растлѣнна быша»»[1])... Къ сожалѣнію, Фотій вовсе не говоритъ прямо и не даетъ знать, какія онъ разумѣетъ пошлины; какъ будто намекаетъ онъ только, что—какія-то пошлины, собиравшіяся въ самой Москвѣ, потому что дѣлаетъ укоризну: «и сице (творится,—отнимаются пошлины) въ таковѣмъ градѣ велицѣмъ, въ великомъ княженіи»[2]). А когда онъ говоритъ: «по многихъ лѣтѣхъ», то какъ будто даетъ знать, что пошлины отняты были у церкви великимъ княземъ еще при Кипріанѣ и что онѣ не были внесены въ тотъ договоръ, который заключилъ Василій Дмитріевичъ съ послѣднимъ и о которомъ мы говорили выше. Какой успѣхъ имѣлъ митрополитъ съ своими стараніями о возвращеніи себѣ пошлинъ, отнятыхъ у церкви великимъ княземъ, остается неизвѣстнымъ. Можно думать, что—никакого, и не безъ вѣроятности можно предполагать, что эти старанія и были главной причиной вражды къ нему великаго князя, которую успѣли разжечь его (митрополита) клеветники. Не могъ остаться доволенъ великій князь уже и самою формою просьбы, адресованной къ нему митрополитомъ: посланіе написано въ выраженіяхъ совершенно приличныхъ, но тонъ его настоятельный и звучащій властительно, такъ что митрополитъ не столько проситъ, сколько требуетъ[3]).

Своими настойчивыми стараніями о возвращеніи расхищенныхъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній каѳедры митрополіи Фотій создалъ себѣ враговъ между своими боярами и слугами и между боярами великаго князя. Послѣдніе, пользуясь или не пользуясь поводами, постарались и успѣли поссорить его съ Василіемъ Дмитріевичемъ. Но первые, въ соединеніи съ послѣдними, постарались и успѣли устроить ему еще иное, весьма жестокое, отмщеніе. Бояре и слуги Фотіевы, бѣжавшіе отъ него въ Литву, задались мыслью, какъ можно сильнѣе поссорить его съ Витовтомъ и всевозможнымъ образомъ клеветали на него великому князю литовскому; бояре государевы, т. е. бояре государевы московскіе, черезъ своихъ агентовъ, усердно помогали имъ въ этомъ:[4]

---

[1]) Въ Памятнн. *Павлова*, № 35, II. col. 303 fin..

[2]) Ibid. стр. 302.

[3]) Тонъ посланія невольно напоминаетъ ту τῆς παῤῥησίας χώραν, о которой говоритъ Вріенній въ своемъ посланіи къ Фотію.

[4]) Что старались возбудить ненависть Витовта противъ Фотія не только бояре и слуги митрополита, бѣжавшіе въ Литву, но и бояре великокняжескіе, т.-е. мос-

и совокупныя усилія однихъ и другихъ привели къ тому, что Витовтъ воспылалъ ненавистью къ Фотію и рѣшилъ отнять у него митрополію литовскую, съ тѣмъ, чтобы поставить на подвѣдомую ему каѳедру другаго митрополита. По Никоновской лѣтописи, враги Фотія представляли Витовту: «отъ начала митрополиты всеа Русіи столъ имѣяху Кіевъ, нынѣ жъ Кіевъ ни во чтоже положиша и вся изъ него преносятъ въ Москву, и се нынѣ Фотѣй митрополитъ все узорочіе церковное и сосуды преноситъ на Москву и весь Кіевъ и всю землю пусто сотвори тяжкими пошлинами и даньми великими и неудобь носимыми»[1]). Самъ Витовтъ въ своей извѣстительной грамотѣ, написанной послѣ поставленія отдѣльнаго митрополита литовскаго, говоритъ о побужденіяхъ, которыя заставили его сдѣлать это: «(насъ побудило къ сему) то, что мы давно видѣли, какъ церковь митрополіи кіевской не поддерживается надлежащимъ образомъ («не строится,—польск. stroic'), но оскудѣваетъ; сколько ни было митрополитовъ на нашей памяти, о церкви не заботились, какъ было въ давнее время, но, собирая церковные доходы, всѣ ихъ уносили для тратъ въ другія мѣста; сокровища церковныя и святыню,—дски великихъ страстей Христовыхъ, скипетръ Богородицы и хламиду и сандаліи Ея[2]), честныя иконы, окованныя золотомъ и другія многія дорогія и всю честь церковную кіевской митрополіи переносили въ другое мѣсто; кто можетъ исчислить все то, что̀ древніе князья устроили для своей чести и на память по себѣ, кромѣ золота и серебра и церковныхъ украшеній, и что̀ все митрополиты перенесли въ другое мѣсто?».. Видя это,—говоритъ Витовтъ,—я было посылалъ въ Константинополь по смерти Кипріана для посвященія въ митрополиты литовскіе владыку полоцкаго Ѳеодосія, но тамъ не исполнили нашей просьбы и прислали на Москву и Литву Фотія; я не хотѣлъ было принимать Фотія, но онъ обѣщался у насъ пребывать и о церкви какъ слѣдуетъ заботиться; однако онъ здѣсь въ Кіевѣ не сталъ жить и еще болѣе опустошилъ его; поэтому мы, не будучи въ состояніи терпѣть сего и не желая видѣть оскуденія церкви митрополіи кіев-

---

ковскіе,—Никон. лѣт. V, 51. Въ лѣтописи, ibid., стр. 54, можетъ быть указывается одинъ изъ агентовъ великокняжескихъ бояръ.

[1]) V, 51.

[2]) Въ напечатанномъ подлинникѣ въ данномъ мѣстѣ чтеніе повреждено: «великіа страсти Христовы, скатетъ святѣй Богородицы у ступенкы»... Въ латинскомъ переводѣ у Кульчинскаго, изд. *Мартынова* p. 211: tabulas passionis Christi sceptrumque Deiparae, chlamydem ac sandalia ejusdem («скатетъ» изъ скипетръ? «ступенки»—сандаліи, а «у» вмѣсто и?).

ской, и поставили особаго митрополита [1]). Необходимо думать, что враги Фотія клеветали Витовту не то, что указывается, а другое, и что Витовтъ съ своей стороны вдругъ захотѣлъ и возъимѣлъ рѣшительное намѣреніе отнять у Фотія митрополію не по тѣмъ побужденіямъ, которыя выставляетъ, какъ легальныя, а по инымъ, которыя не имѣли этого характера легальности. Правда или неправда, что митрополиты пустошили Кіевъ [2]), но Витовтъ терпѣлъ Кипріана, принялъ Фотія и весьма скоро послѣ того, какъ отнялъ было у послѣдняго митрополію литовскую, снова согласился возвратить ее ему; хотя, бывъ католикомъ весьма неусерднымъ, Витовтъ и не былъ гонителемъ православной церкви, но чтобы онъ заботился объ ея благѣ, это болѣе чѣмъ сомнительно [3]). Данями и пошлинами, которыя собирали митрополиты

---

[1]) Акты Западн. Росс. т. I, № 25, стр. 35.

[2]) Съ большою вѣроятностію должно думать, что неправда. Все, что приложили драгоцѣннаго въ кіевскій Софійскій соборъ князья домонгольскаго періода, было разграблено Татарами при взятіи Кіева; а послѣ сего Кіевъ (до временъ литовскихъ) не имѣлъ своихъ князей, которые бы снова могли надѣлать драгоцѣнныхъ вкладовъ въ соборъ. Если бы митрополиты переносили изъ Кіева въ Москву святыню, то московскія лѣтописи непремѣнно бы записывали это, нисколько не стѣсняясь литовскимъ взглядомъ (если бы таковъ онъ былъ), что со стороны митрополитовъ это было хищеніемъ. Изъ церковныхъ вещей, находящихся въ настоящее время въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, могутъ быть принимаемы за кіевскія (съ нѣкоторою вѣроятностію и нисколько не съ совершенною увѣренностью) только такъ называемые Корсунскіе (греческой формы и работы) запрестольные или выносные кресты (см. о нихъ и рисунокъ ихъ у *Снегирева* въ Памятникахъ московской древности, стр. 18 col. 2). Отъ самого Витовта въ 1399-мъ года его дочь Софья принесла въ Москву иконы, обложенныя златомъ и сребромъ, чудны зѣло, и часть страстей Спасовыхъ (Никон. лѣт. IV, 278): и очень можетъ быть, что это была святыня, взятая изъ церквей (Вел. кн. Василій Дмитріевичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи благословляетъ своего старшаго сына, будущаго вел. князя, Василія между прочимъ «страстьми большими».—Собр. государ. грамм. и договв. I, 81 fin., и у *Карамз.* V, прим. 227. Подъ этими страстьми большими со всею вѣроятностью должно разумѣть тѣ «великіа страсти Христовы», о которыхъ говоритъ Витовтъ въ своей грамотѣ. Но такъ какъ онѣ находились не въ московскомъ Успенскомъ соборѣ и не въ казнѣ митрополичьей, а въ казнѣ великокняжеской: то вѣроятно думать, что онѣ не принесены были митрополитами изъ Кіева, а откуда-то пріобрѣтены или получены были великими князьями).

[3]) Витовтъ, какъ необходимо думать, былъ человѣкъ крайне равнодушный къ вѣрѣ и совершенный индифферентистъ по отношенію къ ней. Онъ четыре раза крестился: до 1386-го года онъ былъ православнымъ; въ этомъ году вмѣстѣ съ Ягайломъ онъ крестился въ латинство; поссорившись вскорѣ за симъ съ Ягайломъ онъ

въ Литвѣ, такъ какъ онѣ были (т.-е. считались) законными, Витовтъ вовсе не могъ возмущаться; а чтобы митр. Фотій съ своей стороны могъ вывести его изъ терпѣнія своими поборами въ тѣ три съ половиною года, которые прошли отъ прибытія митрополита въ Россію до его (Витовтова) рѣшенія поставить для Литвы особаго митрополита, это совсѣмъ невѣроятно. Совершенная неправда и то, будто Фотій не хотѣлъ надлежащимъ образомъ заботиться о литовской части своей митрополіи; мы уже говорили выше, что нельзя вѣрить Витовту, будто Фотій обѣщался ему перенесть или возвратить каѳедру митрополіи изъ Москвы въ Кіевъ, и что онъ могъ обѣщать ему, только чаще прежняго посѣщать Литву; но что касается до этого послѣдняго обѣщанія, то митрополитъ показалъ намѣреніе на самомъ дѣлѣ его исполнять: черезъ два года по прибытіи на Русь онъ ходилъ изъ Москвы въ Литву и прожилъ тамъ около цѣлаго года, если не болѣе [1]). Вообще, необходимо думать, что враги Фотія старались и успѣли возбудить въ Витовтѣ личную сильную ненависть къ митрополиту и что изъ личнаго мщенія князь и рѣшилъ отнять у послѣдняго свою литовскую часть митрополіи. Что именно клеветали Витовту на Фотія его враги, мы не знаемъ; но должно полагать, что представляли ему митрополита его поносителемъ, оскорбителемъ, его врагомъ и ненавистникомъ и пр. Что дѣло было дѣйствительно такъ, это показываетъ и самая исторія отнятія у Фотія литовской части его митрополіи.

Побуждаемый личной враждой и личнымъ мщеніемъ, Витовтъ хотѣлъ однако дѣйствовать съ легальною или законною видимостію. Вовсе нельзя думать, чтобы епископы литовскіе слишкомъ желали видѣть у себя отдѣльнаго митрополита; въ этомъ случаѣ поборы съ нихъ въ пользу митрополита были бы никакъ не меньшими, а развѣ только бо́льшими, между тѣмъ надзоръ былъ бы сильнѣе и для нихъ гораздо тягостнѣе. На семъ основаніи вполнѣ заслуживаетъ вѣры свидѣтельство Никоновской лѣтописи, что Витовтъ силою принудилъ ихъ дѣйствовать сообразно своему желанію. Онъ началъ съ того, что заставилъ епископовъ подать себѣ грамоту, въ которой послѣдніе заявляютъ,

изъ политическихъ видовъ снова крестился въ православіе; помирившись съ Ягайломъ и посаженный на великое княжество литовское онъ опять перекрестился въ латинство!

[1]) См. помянутую выше литовскую лѣтопись Даниловича,—въ Ученыхъ Запискахъ стр. 43 fin., въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. стр. 63: 8-го Сентября 1411-го года Фотій поставилъ въ Луцкѣ епископа туровскаго Евѳимія, 1-го Августа 1412-года онъ отправился изъ Галича въ Москву.

будто видятъ великую церковь кіевскую отнюдь запустѣваему и презираему отъ Фотѣя митрополита московскаго и стадо Христово небрегомо и гиблемо,—будто митрополитъ не хощетъ видѣти великія соборныя церкви митропольскія кіевскія, т. е. будто онъ не хочетъ посѣщать литовской части своей митрополіи,—будто митрополитъ не хощетъ правити люди Божія, якожъ достоитъ и якожъ подобаетъ митрополиту, но паче точію приходы и прибытки церковныя собираетъ и всякое узорочіе—старое устроеніе и вещи драгія и всю честь великія кіевскія церкви на ино мѣсто преноситъ, идѣжъ живетъ, еже есть во глаголемый тамо градъ Москву, и въ которой они—епископы, побуждаемые, какъ говорятъ, скорбію и великою печалію о соборной церкви кіевской и о людяхъ Божіихъ, молятъ государя потщиться Господа ради подать имъ руку помощи [1]). Получивъ отъ епископовъ эту грамоту, болѣе чѣмъ вѣроятно—имъ же самимъ и продиктованную, Витовтъ прогналъ изъ Кіева намѣстника и чиновниковъ Фотіевыхъ, предварительно ограбивъ ихъ, приказалъ описать кіевскую митрополичью каѳедральную церковь со всѣмъ ея движимымъ имуществомъ, также описать принадлежавшіе каѳедрѣ города и волости съ селами или недвижимыя имѣнія и раздалъ послѣднія (очевидно, управляемый въ своей дѣятельности нисколько не заботами о митрополичьей каѳедрѣ) во владѣніе своимъ панамъ [2]). Фотій, узнавъ, до какой степени его враги успѣли вооружить противъ него Витовта [3]) и чтȯ удумалъ послѣдній въ своемъ гнѣвѣ на него, тотчасъ же рѣшилъ отправиться въ Литву, чтобы сдѣлать попытку примиренія съ государемъ, предъ которымъ его оклеветали, а въ случаѣ неуспѣха попытки пройдти въ Констинтинополь и стараться у патріарха о возбраненіи Витовту ставить особаго митрополита. Но когда онъ явился въ Литвѣ, то по приказанію Витовта былъ схваченъ, ограбленъ и не пропущенный въ Константинополь возвращенъ въ Москву [4]). Два ограбленія или грабежа—сначала чиновниковъ митрополита, потомъ его самого, даютъ знать, что Витовтъ дѣйствовалъ водимый личнымъ гнѣвомъ противъ Фотія (чтȯ было плодомъ усилій клеветниковъ послѣдняго), а не тѣми побужденіями, которыя выставляетъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ грабежи, хотя и имѣвшіе мѣсто въ XV вѣкѣ, были бы позорными дѣяніями вовсе необъяснимыми.

---

[1]) Никон. лѣт. V, 52.

[2]) Никон. лѣт. V, 53.

[3]) Напомнимъ, что это прямо говоритъ Никоновская лѣтопись,—Ibidd..

[4]) Ibidd..

Приступая къ избранію своего особаго митрополита, Витовтъ заставилъ епископовъ написать отреченную грамоту отъ Фотія, которою этотъ былъ предаваемъ крайнему позору и которая должна была оскорбить его до такой степени, до какой только степени можетъ оскорбиться человѣкъ, совсѣмъ не лишенный способности оскорбляться. Эта грамота есть слѣдующая: «Бывшему до сихъ поръ митрополиту кіевскому и всея Россіи Фотію мы епископы кіевской митрополіи пишемъ по благодати Св. Духа: съ тѣхъ поръ, какъ ты пришелъ (въ Россію), видѣли мы, что многое дѣлаешь ты не по правиламъ апостольскимъ и отеческимъ, и мы, по правиламъ, терпѣли (тебя), какъ своего митрополита и ждали отъ тебя исправленія; но мы услышали относительно тебя и истинно увѣрились о нѣкоторой вещи, которая не только не по правиламъ, но и подвергаетъ тебя изверженію и проклятію,—ты и самъ сознаешься въ этомъ, испытавъ свою совѣсть, а мы не пишемъ о ней, не желая срамить тебя; итакъ, объявляемъ тебѣ, что по правиламъ не признаемъ тебя за епископа,—и это есть наше конечное къ тебѣ слово»[1]). Фотій торжественно, предъ лицомъ всей своей церкви и всѣхъ людей, обвиняется литовскими епископами въ срамнѣйшемъ порокѣ или грѣхѣ, за который онъ подлежитъ изверженію изъ сана и проклятію, за который епископы не признаютъ его истиннымъ епископомъ и разрываютъ съ нимъ церковный союзъ! Къ такой невѣроятной и невѣроятно возмутительной выходкѣ епископы могли быть принуждены только личной, незнавшей границъ, злобой Витовта противъ Фотія. Такъ какъ и со стороны Витовта она не совсѣмъ понятна, то должно думать, что Фотій, ограбленный въ Литвѣ и насильно возвращенный въ Москву, далъ всю волю своему рѣзкому языку, который былъ выразителемъ крайне горячаго нрава.

Кандидатомъ, котораго хотѣлъ поставить Витовтъ въ особые митрополиты литовскіе, былъ игуменъ Григорій Цамблакъ.

Цамблакъ, какъ мы говорили выше, былъ Болгаринъ, изъ города Тернова, изъ тамошней боярской фамиліи Цамблаковъ, родной племянникъ митрополита Кипріана. Объ его жизни до прибытія въ Россію знаемъ—не совершенно достовѣрнымъ образомъ, что, перешедъ изъ Тернова въ Константинополь постриженнымъ въ монахи или чтобы быть пострижену въ монахи, онъ состоялъ нѣкоторое время въ клирѣ патріарха константинопольскаго,—и совершенно достовѣрнымъ образомъ, что онъ былъ преемственно, только неизвѣстно—въ какомъ по-

---

[1]) Акты Зап. Росс. т. I, № 23, стр. 33. Мы передали грамоту въ переводѣ съ славяно-бѣлорусскаго языка на русскій языкъ.

рядкѣ, игуменомъ Дечанскаго монастыря въ Сербіи и пресвитеромъ великія церкви молдовлахійскія или чиновникомъ (клирошаниномъ) при молдавскомъ митрополитѣ, и наконецъ—что былъ игуменомъ греческаго монастыря Плинаирскаго, находившагося или въ самомъ Константинополѣ или гдѣ-то въ его окрестности [1]). Онъ прибылъ въ Россію, по

[1]) Въ приступѣ къ слову о божественныхъ тайнахъ и о блаженномъ Филогоніи, архіепископѣ антіохійскомъ, Цамблакъ, похваляя неизвѣстнаго мѣста слушателей своихъ за ихъ теплое усердіе къ церкви, говоритъ: «яко и вѣстници блази будемъ пославшему насъ отцу и учителю вселенскому вашей добродѣтели» (слово въ декабрьской домакарьевской Четь-Минеѣ Моск. Дух. Акад., № 90, л. 349 fin.). Сопоставляя эти слова Цамблака съ читаемымъ въ грамотѣ константинопольскаго патріарха Матѳея отъ 26-го Іюля 1401-го года, что онъ—патріархъ посылаетъ въ Молдавію для разслѣдованія о тамошнихъ церковныхъ дѣлахъ честнѣйшаго въ іеромонахахъ и отца духовнаго и старца своего Григорія (въ Acta Patriarchat. Constantinop. II, 529; о церковныхъ дѣлахъ молдавскихъ см. нашъ Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, стр. 372 sqq), съ вѣроятностью можно предполагать, что неизвѣстнаго мѣста слушатели, къ которымъ говорилъ свое слово Цамблакъ (за пять дней до Рождества Христова неизвѣстнаго года) были именно Румыны Молдавіи и что именно онъ есть іеромонахъ Григорій патріаршей грамоты. Въ объясненіе того, какъ онъ могъ быть принятъ въ клиръ константинопольскаго патріарха, во-первыхъ, должно быть сказано то, что выше мы сказали о принятіи въ этотъ клиръ его дяди Кипріана (стр. 299); во-вторыхъ, могло имѣть великую силу ходатайство за него передъ патріархомъ и самого Кипріана, такъ какъ этотъ послѣдній былъ, можно сказать, благодѣтелемъ императора и патріарха (выше стр. 330). Что потомъ Цамблакъ былъ игуменомъ Дечанскаго монастыря въ Сербіи, пресвитеромъ великой церкви молдовлахійской или чиновникомъ при молдавскомъ митрополитѣ и игуменомъ монастыря Плинаирскаго, это извѣстно изъ надписанія надъ принадлежащимъ ему житіемъ Стефана Дечанскаго (напечатано въ Гласникѣ, XI, 43) и изъ надписаній надъ его словами (Дечанскій монастырь называется въ надписаніяхъ надъ словами обителью не Дечанскою, а Пантократоровою, какъ онъ еще, въ смыслѣ почетномъ, назывался по своему храму Преображенія Господня). Монастырь Плинаирскій, игуменомъ котораго называетъ себя Цамблакъ въ надписаніи похвальнаго слова Кипріану, сказаннаго уже въ Россіи, и который долженъ быть считаемъ послѣднимъ мѣстомъ его служенія передъ Россіей, какъ показываетъ его названіе, былъ монастырь греческій. Очень вѣроятно считать его за одинъ и тотъ же съ монастыремъ Плинарійскимъ, который упоминается въ актахъ патріархіи константинопольской и относительно котораго дается знать, что онъ былъ или въ самомъ Константинополѣ или по близости сего послѣдняго (Acta Patriarchat. Constantinop., I, 194 и 423). Ссылаясь на похвальное слово Григорія Кипріану, утверждаютъ, что Цамблакъ воспитывался подъ руководствомъ патріарха терновскаго Евѳимія (который имѣлъ учениковъ нѣсколько на подобіе константинопольскаго патріарха Фотія и о которомъ см. въ нашемъ упомянутомъ Краткомъ

письму Кипріана, въ самый годъ смерти послѣдняго и уже не засталъ его въ живыхъ [1]). Конечно, онъ шелъ къ Кипріану въ Москву; но

очеркѣ стрр. 84 и 172): но читаемое у Цамблака въ нашемъ словѣ, что̀ хотятъ понимать какъ свидѣтельство объ указанномъ, крайне невразумительно («и яко уже близъ [Тернова] бысть [митр. Кипріанъ, шедшій изъ Россіи въ Константинополь и по пути посѣтившій свой родной городъ] къ намъ грядыи, тогда церкви, яже насъ воспитавшіа и наказавши, съ рождешимъ насъ отцемъ и учителемъ зѣлнымъ срѣте, воспріемлющи многою свѣтлостію блаженнаго, цѣлующи, объемлющи»...), а между тѣмъ въ похвальномъ словѣ Евѳимію Цамблакъ не дѣлаетъ никакого намека на то, чтобы Евѳимій былъ его учителемъ и чтобы онъ былъ ученикомъ патріарха. Точно также и родство Кипріана съ Евѳиміемъ, а слѣдовательно—родство съ послѣднимъ и Цамблака, какъ мы говорили выше, предполагаютъ безъ достаточнаго основанія (а предполагаемое нѣкоторыми на основаніи сѵнодика царя Бориса, что онъ былъ великимъ примикиріемъ при патр. Евѳиміи, есть просто нелѣпость: въ сѵнодикѣ записанъ не нашъ Григорій, а совсѣмъ другой Цамблакъ, бывшій великимъ примикиріемъ при царѣ, а не при патріархѣ, у котораго не было чиновниковъ, называвшихся примикиріями,—можетъ быть, близкій родственникъ Григорія, можетъ быть даже, какъ и принимаютъ иные, его отецъ). Полагаютъ, что Цамблакъ жилъ нѣкоторое время на Аѳонѣ; но если на основаніи словъ его въ словѣ похвальномъ отцемъ преподобнымъ въ недѣлю сырную: «азъ вѣмъ горы аѳонскіа»: то онъ говоритъ вовсе не въ томъ смыслѣ, что жилъ на Аѳонѣ, а въ томъ лишь и именно смыслѣ, что знаетъ про него. Подъ обителью Пантократоровою, игуменомъ которой называется Цамблакъ въ надписаніяхъ словъ, нѣкоторые разумѣютъ не только сербскій монастырь Дечанскій, но еще молдавскій монастырь Нямецкій (главный храмъ котораго въ честь Вознесенія Господня): но Нямецкій монастырь, только въ 1392-мъ году начавшійся поселеніемъ въ пустынѣ трехъ отшельниковъ, едва ли уже до пріѣзда Цамблакова въ Россію представляетъ изъ себя такую обитель, мѣсто игумена въ которой могло быть привлекательнымъ для человѣка сторонняго. Если Цамблакъ дѣйствительно состоялъ нѣкоторое время въ клирѣ патріарха константинопольскаго, то онъ пришелъ въ Константинополь послѣ Сентября 1390-го года (какъ это слѣдуетъ изъ похвальнаго слова его Кипріану, въ которомъ онъ говоритъ, что послѣ 1379-го не видалъ болѣе Кипріана), между тѣмъ какъ онъ и еще видѣлъ бы его въ Константинополѣ, если бы пришелъ въ послѣдній до Октября 1390-го года,— выше стр. 300: наиболѣе вѣроятно, что Цамблакъ перешелъ изъ Тернова въ Константинополь послѣ взятія перваго Турками въ 1394-мъ году. Въ 1379-мъ году онъ имѣлъ возрастъ отроческій (какъ говоритъ въ томъ же похвальномъ словѣ Кипріану), т.-е. былъ лѣтъ около 15-ти; слѣдовательно, рожденіе его должно быть относимо приблизительно къ году 1365-му. Нарочитая статья о Цамблакѣ, озаглавленная: «Кіевскій митрополитъ Григорій Цамблакъ (Очеркъ его жизни и дѣятельности)» и подписанная буквой S., напечатана въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1895-го года, въ іюльской и августовской книжкахъ.

[1]) Получивъ вѣсть о смерти Кипріана на рѣкѣ Нѣманѣ, когда приближался къ Вильнѣ, какъ говоритъ въ похвальномъ словѣ Кипріану.

какъ вѣсть о смерти дяди встрѣтила его въ Литвѣ, то онъ и остался здѣсь, не дошедъ до Москвы (въ которой послѣ смерти дяди, вѣроятно, не ожидалъ особенно благосклоннаго пріема). Не невозможно, что Кипріанъ имѣлъ въ виду оставить его своимъ преемникомъ на каѳедрѣ митрополіи всея Россіи, надѣясь склонить къ этому великаго князя и исходатайствовать согласіе на это у патріарха. Чѣмъ былъ Цамблакъ въ Литвѣ до избранія въ митрополиты, остается неизвѣстнымъ. Въ минуту рѣшенія Витовтова избрать особаго для Литвы митрополита, о которомъ говоримъ, былъ еще живъ епископъ полоцкій Ѳеодосій (называемый въ актахъ нашего времени архіепископомъ), котораго прежде князь хотѣлъ поставить въ тѣ же особые митрополиты; поэтому нужно понимать дѣло такимъ образомъ, что или Цамблакъ успѣлъ пріобрѣсти бóльшее расположеніе Витовта, нежели какимъ пользовался Ѳеодосій, или—что на сей разъ послѣдній самъ отказался отъ желанія занять каѳедру митрополичью.

Во второй половинѣ 1414-го года Витовтъ послалъ Григорія въ Константинополь посвящаться въ митрополиты, при чемъ, становясь за епископовъ и желая придать дѣлу такой видъ, будто тутъ шло не объ удовлетвореніи его личнаго мщенія, а о нуждахъ и пользахъ церкви и объ удовлетвореніи требованія ея предстоятелей, заставилъ епископовъ написать къ патріарху грамоты, въ которыхъ они излагали вины Фотія и просили о поставленіи себѣ въ особые митрополиты Григорія [1]). Но если Витовтъ не пропустилъ въ Константинополь самого Фотія, то удалось пробраться туда его посламъ, и черезъ этихъ послѣднихъ митрополитъ успѣлъ достигнуть у патріарха того, чтобы Григорій не только не былъ поставленъ, но за великое смущеніе, которое производилъ въ церкви, и былъ еще извергнутъ изъ священническаго сана и преданъ отлученію [2]). Когда Григорій возвратился изъ Константинополя съ отказомъ, то Витовтъ, какъ онъ самъ разсказываетъ, со-

[1]) Когда отправился Григорій въ Константинополь, точнымъ образомъ неизвѣстно. Никоновская лѣтопись даетъ знать, что послѣ Іюня 1414-го года,—V, 54. Остальное въ ней же ibidd..

[2]) Окружное посланіе Фотія въ Акт. Ист. т. I, № 19, стрр. 29 col. 2 fin., 30 col. 1 и 32 col. 2: «Понеже яже о немъ (Григоріи) явлена быша на сборѣ (въ Константинополѣ, когда Григорій прибылъ туда для посвященія и гдѣ онъ нашелъ пословъ Фотія, которыхъ, нѣтъ сомнѣнія, и должно разумѣть подъ явившими), елико смущеніе створи на Христову церкву, отъ святѣйшаго вселенскаго патріарха Евѳимія и отъ божественнаго и священнаго сбора изверженъ бысть сану и проклятъ... и едва убѣжа казни».

бралъ епископовъ и приговорилъ съ ними, чтобы они поставили Григорія въ митрополиты сами, вопреки патріарху [1]). Не знаемъ, Григорій ли скрылъ отъ Витовта объ его изверженіи патріархомъ изъ сана священническаго и отлученіи, или скрылъ это отъ епископовъ Витовтъ, или же никто ничего не скрывалъ, и епископы принуждены были дѣлать, чего хотѣлъ князь, несмотря ни на что. Послѣ постановленія приговора Витовтъ, какъ нужно думать, исполняя настоятельное прошеніе епископовъ, въ Мартѣ 1415-го года еще послалъ въ Константинополь съ просьбою къ патріарху, чтобы Литвѣ данъ былъ особый митрополитъ, при чемъ назначалъ срокомъ для отвѣта Ильинъ день и крайнимъ—Успеніе Богородицы. Когда прошелъ послѣдній срокъ, а отвѣта изъ Константинополя не было получено, Витовтъ намѣревался привести постановленный приговоръ въ исполненіе; но въ это время проходили черезъ Литву возвращавшіеся изъ Москвы въ Константинополь послы императорскій и патріаршій: они уговорили Витовта отложить срокъ до апостола Филиппа или до 14-го Ноября, обѣщаясь говорить о дѣлѣ императору и патріарху [2]). Когда не было получено отвѣта отъ патріарха и 14-го Ноября, на другой день, 15-го Ноября,—слѣдовательно у Витовта, сгоравшаго нетерпѣніемъ мщенія, уже все давно было готово,—епископы посвятили Григорія въ митрополиты литовскіе (въ Новомъ градѣ литовскомъ или въ Новогродкѣ [3]).

Поставивъ Григорія въ митрополиты, епископы отъ того же 15-го Ноября обнародовали окружную грамоту, въ которой объясняютъ и оправдываютъ свой поступокъ. Они говорятъ, что скорбѣли и были въ печали, видя презираемою отъ митрополита Фотія церковь кіевскую и стадо Христово небрегомымъ и готовымъ къ погибели, поелику для стада митрополитъ былъ пастыремъ только по имени, но не на дѣлѣ, только собиралъ съ него доходы, живя въ другомъ мѣстѣ, и поелику въ отношеніи къ церкви онъ дѣлалъ только то, что все ея старое устроеніе и всю ея святыню переносилъ въ то другое мѣсто, гдѣ жилъ [4]),—что при этой скорби ихъ о церкви и о людяхъ Божіихъ милостивый Богъ подвигъ сердце государя литовскаго изгнать Фотія и поставить для Литвы особаго митрополита,—что Витовтъ посылалъ было

---

[1]) Акты Зап. Росс. т. I, № 25, стр. 30 col. 2 нач..

[2]) Ibidd..

[3]) Грамота епископовъ ibid., № 24, стр. 33.

[4]) Эти рѣчи епископовъ почти дословно тѣ, которыя читаются въ предварительной ихъ грамотѣ Витовту, какъ послѣдняя читается въ Никоновской лѣтописи, см. выше.

съ просьбою о семъ въ Константинополь, но что императоръ Мануилъ отказалъ ему въ его прошеніи праведномъ ради своихъ неправедныхъ прибытковъ, и что они, собравшись на соборъ, съ совѣтомъ и волею представителей отъ всего православнаго христіанства литовскаго, по данной имъ благодати Св. Духа и поставили Григорія въ митрополиты. Оправдывая самовольное поставленіе Григорія, вопреки патріарху, епископы ссылаются на правило апостольское, которое будто бы говоритъ, что два или три епископа рукополагаютъ митрополита, т. е. которое двумъ или тремъ епископамъ предоставляетъ поставлять епископа,— на примѣръ, бывшій въ Россіи при Изяславѣ, на примѣръ Болгаръ и Сербовъ и наконецъ и болѣе всего на то, что благодать Св. Духа равно дѣйствуетъ во всѣхъ православныхъ епископахъ. Отстраняя отъ себя ту возможную со стороны нѣкоторыхъ неразумныхъ укоризну, что они-де епископы, поставляя сами митрополита, отрицаются отъ вѣры, епископы объявляютъ, что сего да не будетъ,—что преданное церкви отъ апостоловъ и святыхъ отецъ они держатъ и благочестиво исповѣдуютъ,—что всякую ересь симонитскую, продающую благодать Св. Духа на златѣ и сребрѣ, проклинаютъ и анаѳемѣ отсылаютъ,—что святѣйшихъ всѣхъ патріарховъ и ихъ митрополитовъ и епископовъ имѣютъ за отцовъ и братій и согласно съ ними держатъ исповѣданіе вѣры, но что отвращаются и не хотятъ терпѣть насилія на церковь Божію со стороны царя; святый вселенскій патріархъ и божественный соборъ Константинограда,—говорятъ епископы,—не могутъ ставить митрополита по правиламъ, но кого царь повелитъ, и отселѣ покупается и продается даръ Св. Духа: «сего ради—провозглашаютъ они, заключая свою грамоту,—смотряхомъ и разсудихомъ, яко неправедно есть пріимати намъ таковыа митрополиты, иже куплею поставлены бываютъ отъ царя, мірянина будуща человѣка, а не по воли патріарховѣ и (не) по преданію сущаго собора апостольскаго» [1]). Представляя императора единственнымъ виновникомъ того, что Витовту отказано было въ особомъ митрополитѣ, епископы конечно, хорошо сознавали, что лгутъ; но если бы они стали обвинять и патріарха, то имъ нечѣмъ было бы оправдывать самихъ себя. Когда епископы провозглашаютъ, что находятъ неправеднымъ принимать митрополитовъ, поставляемыхъ въ Константинополѣ, по причинѣ ихъ поставленія на мздѣ, между тѣмъ какъ добивались было получить оттуда митрополита, при чемъ и времени послѣ несбывшихся ожиданій прошло не болѣе, какъ только одинъ день: то подобная рѣчь, конечно, смѣшна; но, не отваживаясь и не

---

[1]) Въ Актахъ Зап. Росс. указанный № 24.

желая говорить смѣшнаго, епископы не имѣли возможности заключить своей грамоты такъ, какъ они ее заключаютъ.

Съ своей стороны Витовтъ также обнародовалъ окружную грамоту (не имѣющую числовой даты), въ которой, высказывая противъ митрополитовъ и въ частности противъ Фотія свои обвиненія, приведенныя нами выше, старается представить дѣло о поставленіи особаго митрополита для Литвы въ такомъ видѣ, что будто бы побудили его къ этому заботы о православной церкви своего государства и желаніе отвратить отъ себя укоризну, что онъ, какъ государь неправославный, не хочетъ имѣть о ней попеченія [1]).

Совершенно понятно то, какъ отнесся Фотій къ этому поставленію Григорія, которое было плодомъ устроенной противъ него злостной интриги и при чемъ онъ не только былъ всевозможнымъ образомъ оскорбленъ, но и возмутительнѣйше опозоренъ. Всякій на его мѣстѣ долженъ бы былъ выходить изъ себя отъ гнѣва и озлобленія, и онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ выходить изъ себя отъ этихъ чувствъ, что былъ по натурѣ своей человѣкъ очень впечатлительный (чувствительный) и весьма горячій. Немедленно онъ отправилъ посольство въ Константинополь съ просьбою къ патріарху, чтобы этотъ провозгласилъ Григорія незаконнымъ митрополитомъ и произнесъ на него отлученіе и проклятіе, и въ тоже время, предавъ его изверженію, отлученію и проклятію на своемъ собственномъ соборѣ [2]), онъ обнародовалъ противъ совершоннаго въ Литвѣ дѣла, каково это поставленіе Григоріево, обширное окружное посланіе, адресованное къ епископамъ и ко всякому священническому и иноческому чину и къ благочестивымъ князьямъ и властелямъ и ко всѣмъ христоименитымъ Господнимъ людямъ, въ которомъ, ставя своею задачею показать крайнюю беззаконность поступка литовскихъ епископовъ, даетъ всю полную волю своимъ чувствамъ [3]). Если бы поставленіе Григорія совершено было дѣйствительно

---

[1]) Грамота въ Акт. Зап. Росс. т. I, № 25.

[2]) Объ этомъ соборѣ говоритъ Новгородская 4-я лѣтопись въ воспроизведеніи нижеслѣдующаго окружнаго посланія Фотія,—Собр. лѣтт. IV, 116 («митрополиты» нужно читать митрополитъ).

[3]) Первое отлученіе и проклятіе на Григорія уже поставленнаго въ митрополиты произнесъ тотъ же патріархъ Евѳимій, который отказалъ ему въ поставленіи въ митрополиты (см. посланіе къ Фотію преемника Евѳиміева Іосифа въ Памятн. *Павлова* № 40, col. 359). Фотій въ своемъ посланіи не говоритъ объ этомъ отлученіи (онъ говоритъ объ отлученіи, произнесенномъ на Григорія до поставленія); слѣдовательно, какъ необходимо думать, еще не знаетъ о немъ. Но Евѳимій скон-

по благословнымъ причинамъ, вслѣдствіе истинныхъ заботъ о благѣ церкви, то нельзя было бы не находить посланія Фотіева весьма и чрезмѣрно рѣзкимъ и должно было бы со всею справедливостію подвергать его строгому осужденію. Литовская Русь имѣла неоспоримое законное право на своего особаго митрополита; если бы не было дано ей законнымъ образомъ того, на что имѣла она законное право, и она взяла это сама незаконнымъ образомъ: то въ случаѣ благословности и уважительности побужденій мы должны были бы скорѣе винить тѣхъ, кто незаконно отказывалъ въ законномъ, нежели тѣхъ, кто незаконно пріобрѣталъ законное, ибо незаконность была бы одинаково на обѣихъ сторонахъ и тогда какъ сторона произвольно берущая имѣла бы для себя всѣ оправданія, сторона произвольно отказывающая не имѣла бы за себя никакихъ оправданій. Но въ данномъ случаѣ благо церкви было простымъ прикрытіемъ совсѣмъ другихъ, чисто личныхъ, побужденій, и зная эти побужденія, по которымъ незаконнымъ образомъ было посягнуто на права митрополита, т. е. зная, что въ нихъ не было ничего извиняющаго, мы не можемъ не находить его правымъ въ томъ случаѣ, когда онъ трактуетъ беззаконіе литовскихъ епископовъ, на которыхъ обрушивается въ своемъ посланіи, какъ таковое не только по формѣ, но и по существу. Онъ представляетъ это беззаконіе епископовъ, какъ самое вопіющее и говоритъ имъ, что «никакоже нигдѣже обрѣтеся кто таковое сотворити беззаконіе, якоже вы сотвористе»; ихъ самихъ онъ называетъ гнусными, скверными, смрадными, окаянными, несвященными, помраченниками, волками, а не пастырями, богоненавистными, безбожными, предтечами антихриста; ихъ пасомыхъ настоятельно убѣждаетъ, не только не сходиться съ ними ни въ какомъ церковномъ дѣйствіи, такъ какъ вмѣняетъ ихъ изриновенными, но и не имѣть съ ними никакого житейскаго общенія до самаго общенія въ пищѣ и питіи. Вообще, посланіе отличается самымъ рѣзкимъ тономъ, какой только можно себѣ представить. Но если мы припомнимъ невѣроятный поступокъ епископовъ, позволившихъ себѣ публично обвинить Фотія въ срамнѣйшемъ грѣхѣ, за который онъ будто бы подлежитъ изверженію изъ сана и проклятію,—если мы припомнимъ, что они представляютъ его и называютъ грабителемъ: то не найдемъ возможнымъ строго обвинять митрополита за какую бы то ни было рѣзкость и только должны будемъ искренно пожалѣть, что онъ доведенъ былъ до того, чтобы явиться въ такой крайнѣйшей степени рѣзкимъ. На увѣреніе

чался 31 Марта 1416-го года (см. указаніе времени его смерти у *Дюканжа* въ Gloss. Graecit. подъ сл. ποιεῖν).

епископовъ, что въ Константинополѣ митрополиты поставляются на мздѣ императоромъ, Фотій отвѣчаетъ указаніемъ на примѣры ихъ собственные: «рци ми ты—обращается онъ къ архіепископу полоцкому—прельщенный не-епископе полочьскы Θеодосіе: по преставленіи святаго почившаго митрополита Кипріана не ты ли былъ, погыбелище, шелъ на митрополію? и ты самъ, окаянне, вѣси, елика еси пореклъ (обѣщалъ) сребра и злата о томъ ставленіи; аще бы еже по мьздѣ дѣемое было се, и тебе же бы не отослали бездѣльна, но съ уничиженіемъ великимъ и студомъ отослаша, глаголюще ти сице: злато твое и сребро твое съ тобою въ пагубу да будетъ»!.. «Да и еще поискалъ такоже митрополію—говоритъ онъ, указывая на примѣръ Цамблака,—прельщенный Григорьи и порицая многа имѣнія, и не послуша его, но и еще изъ сану священничьства изверже его вселенскы патріархъ и прокля, и едва убѣжа казни»...

Наибольшая часть писаній митр. Фотія, особенно раннихъ, отличается однимъ очень важнымъ недостаткомъ: пока не освоился онъ съ русскимъ языкомъ, что̀ случилось весьма не скоро, онъ писалъ погречески и заставлялъ переводить; но переводы дѣлались почему то весьма неискусно и неудовлетворительно, отъ чего въ писаніяхъ—темнота, затрудняющая ихъ чтеніе и, если онѣ съ характеромъ ораторскимъ, уничтожающая въ нихъ ораторскую силу и выразительность. Для нашего посланія Фотій какъ будто нашелъ особаго переводчика, который почти совсѣмъ избѣжалъ указаннаго недостатка и вслѣдствіе этого оно читается легко, производя все то сильное впечатлѣніе, на которое было разсчитано [1]). Обрушаясь своимъ гнѣвомъ единственно на епископовъ, Фотій ведетъ себя далеко не совсѣмъ право, ибо собственнымъ виновникомъ дѣла былъ Витовтъ, а епископы были только орудіемъ въ рукахъ князя. Это значитъ, что и въ крайнемъ раздраженіи гнѣва митрополитъ не терялъ благоразумія: онъ надѣялся примириться съ Витовтомъ, а поэтому и оставляетъ его совершенно въ сторонѣ, вымѣщая себя на епископахъ, которые хотѣли быть слишкомъ послушными слугами князя и черезъ угодническое посредство которыхъ онъ былъ послѣднимъ столько оскорбляемъ и до такой степени опозоренъ.

---

[1]) Посланіе напечатано въ Акт. Ист. т. I, № 19, стр. 27, и въ Памятникахъ *Павлова* № 39, col. 315. Оно состоитъ изъ двухъ частей: въ первой части доказывается беззаконность поступка литовскихъ епископовъ отъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта; во второй части (начинается—въ Акт. стр. 36, col. 1 sub fin., у *Павл.* col. 340 fin.)—отъ правилъ апостольскихъ, соборныхъ и отеческихъ. Вторая часть посланія представляетъ выписку изъ Кормчей весьма длиннаго ряда правилъ церковныхъ или каноновъ.

Въ своемъ посланіи Фотій выражаетъ увѣренность, что брань, воздвигнутая въ церкви поставленіемъ Григорія, скоро прекратится: «надѣюсь на человѣколюбіе Божіе, еже быти тому вскорѣ». Это должно понимать такъ, что Фотій былъ увѣренъ въ помощи себѣ со стороны патріарха и что съ сею помощію онъ и надѣялся низвергнуть Григорія. Увѣренность въ помощи патріарха не обманула Фотія: патр. Евѳимій, къ которому онъ обратился тотчасъ послѣ поставленія Григорія, предалъ незаконно поставленнаго митрополита изверженію и произнесъ на него отлученіе и проклятіе; когда въ Мартѣ 1416-го года скончался Евѳимій и его мѣсто заступилъ Іосифъ, Фотій тотчасъ же обратился и къ сему второму, и этотъ съ своей стороны сдѣлалъ тоже что̀ и Евѳимій [1]). Однако помощь патріарха, т. е. патріарховъ одного за другимъ, оказывалась недѣйствительною и Цамблакъ продолжалъ оставаться на своемъ престолѣ. Но надежда Фотія на человѣколюбіе Божіе относительно скораго прекращенія брани въ церкви исполнилась инымъ образомъ. Послѣ четырехлѣтняго пребыванія на каѳедрѣ Цамблакъ умеръ неизвѣстно точнымъ образомъ когда въ зимній промежутокъ времени между концомъ 1419-го—началомъ 1420-го года [2]). Фотій или черезъ посредство московскаго великаго князя или самъ непосредственно успѣлъ примириться съ Витовтомъ, и послѣдній вовсе забылъ думать объ особомъ митрополитѣ для Литвы, которая такимъ образомъ и соединилась снова въ церковномъ отношеніи съ Москвой [3]).

---

[1]) См. посланіе Іосифа къ Фотію, въ которомъ и объ Евѳиміи, у *Павлова* № 40, col. 359—60.

[2]) См. лѣтописи—Новгородскую 1-ю (писанную современниками) и 4-ю въ Собр. лѣтт. III, 109 нач., и IV, 119, Воскресенскую,—ibid. VIII, 90, Никоновскую,—V, 73, и Типографскую, стр. 246 нач.. Новгородская 1-я лѣтопись говоритъ о смерти Цамблака передъ событіемъ, имѣвшимъ мѣсто 25-го Февраля 1420-го года. На одномъ славянскомъ евангеліи аѳонскаго Павловскаго монастыря читается, какъ можно думать—современная, запись, относящая смерть Цамблака къ 1420-му году: «лѣта 6928, индикта 13, престависе митрополитъ россійской Григоріе Цамблакъ» (см. статью *архим. Леонида*: «Кипріанъ до восшествія на московскую митрополію», помѣщенную въ Чт. Общ. Ист. и Древн., 1867 г. кн. 2, стр. 14 fin.. Митр. Евгеній въ Описаніи Кіевософійскаго собора, стр. 104, не знаемъ—на чемъ именно основываясь, говоритъ, что Цамблакъ скончался въ Вильнѣ, въ которой онъ основалъ свою каѳедру при Богородицкой церкви).

[3]) Въ I томѣ Актовъ Историческихъ, № 18, напечатана настольная грамота митр. Фотія епископу владимирскому Герасиму отъ 1414-го года, которая представляетъ собой нѣчто очень недоумѣнное. Но въ подлинникѣ грамоты, съ котораго она напечатана, нѣтъ имени Герасима и оно внесено въ ея текстъ издателями по

Григорій Цамблакъ занимаетъ очень почетное мѣсто въ исторіи нашей русской и вообще восточно-славянской церковной литературы въ качествѣ знаменитаго проповѣдника. Какъ о таковомъ проповѣдникѣ мы скажемъ о немъ послѣ. Что касается до его нравственнаго характера, который, какъ извѣстно, нисколько не соотвѣтствуетъ у проповѣдниковъ непремѣннымъ образомъ ихъ талантамъ, то мы не знаемъ положительныхъ о немъ отзывовъ въ семъ отношеніи, но тѣ фактическія данныя, которыя имѣемъ, не располагаютъ думать о немъ сколько нибудь высоко. Посланный Витовтомъ въ Константинополь для посвященія въ отдѣльные митрополиты литовскіе, онъ подвергся отъ патріарха изверженію изъ священническаго сана и отлученію, и несмотря на то нашелъ возможнымъ не отказаться отъ своей кандидатуры. Поставленный въ митрополиты, онъ два раза провозглашаемъ былъ отъ патріарховъ незаконнымъ митрополитомъ, съ подтвержденіемъ изверженія изъ священническаго сана и отлученія, и не смотря на то оставался на каѳедрѣ. Конечно, онъ могъ оправдываться, что патріархи поступаютъ въ отношеніи къ нему незаконно: но насколько эти оправданія могутъ быть признаны основательными, когда мы знаемъ мотивы, вызвавшіе его поставленіе въ митрополиты? Въ виду нашихъ фактовъ является весьма подозрительнымъ и то, что до прибытія въ Россію онъ перемѣнилъ нѣсколько мѣстъ. Вообще, какъ будто есть достаточныя основанія подозрѣвать, что онъ былъ то, что на свѣтскомъ языкѣ называется карьеристомъ и авантюристомъ [1].

совершенно неосновательной догадкѣ (см. туже грамоту въ Памятникахъ *Павлова*, № 49). А что касается до 1414-го года, то онъ несомнѣнно выставленъ подъ ней (въ самомъ подлинникѣ) неправильнымъ образомъ. Вѣроятнѣе, что грамота принадлежитъ именно Фотію (имени котораго въ ней также нѣтъ и которому она усвояется на основаніи выставленнаго подъ ней года), а не Кипріану, ибо послѣдній въ настольной грамотѣ епископу владимирскому, равно какъ и всякому другому епископу южной Руси, которою владѣлъ онъ дотолѣ, не имѣлъ побужденій говорить о возсоединеніи митрополіи. Если грамота дѣйствительно принадлежитъ Фотію, то она дана неизвѣстному по имени преемнику Герасима и послѣ смерти Григорія Цамблака.

[1]) Въ одномъ спискѣ съ рукописи, написанной Цамблакомъ въ бытность его митрополитомъ, воспроизводится подпись, сдѣланная имъ на рукописи. Если подпись воспроизводится точно, то онъ величаетъ себя въ ней: «смиренный Григорій Цамблака, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всеа Россіи», см. статью *П. А. Сырку*: «Новый взглядъ на жизнь и дѣятельность Григорія Цамблака», напечатанную въ ноябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1884-й годъ, Критики и библіографіи стр. 122. Въ другой извѣстной его подписи онъ назы-

Эпизодъ отдѣльнаго существованія митрополіи литовской подъ управленіемъ Григорія Цамблака ознаменовался нѣкоторой попыткой или—что вѣроятнѣе—видомъ попытки со стороны Витовта соединить православныхъ литовской Руси съ католиками.

Никоновская лѣтопись разсказываетъ, что Цамблакъ спрашивалъ Витовта: почему онъ держится латинской вѣры, а не греческой,—что Витовтъ отвѣчалъ Цамблаку: если хочешь видѣть въ греческомъ законѣ не только меня, но и всѣхъ людей моей земли, то иди въ Римъ и препирайся съ папой и его мудрецами,—если переспоришь ихъ, мы всѣ примемъ греческую вѣру, а если не переспоришь, всѣхъ людей моей земли, держащихся греческой вѣры, заставлю принять вѣру латинскую, и что князь послалъ митрополита съ своими панами въ Римъ къ папѣ [1]). Разсказъ этотъ представляетъ легендарное воспроизведеніе дѣйствительнаго факта. Не посылавъ Григорія въ Римъ, Витовтъ дѣйствительно посылалъ его на константскій соборъ, который продолжался съ 5-го Ноября 1414-го года по 22-е Апрѣля 1418-го года. На соборъ Григорій прибылъ, когда онъ уже оканчивался, 19-го Февраля 1418-го года; вмѣстѣ съ послами константинопольскаго императора, съ которыми пришолъ онъ одновременно, онъ былъ принятъ папою (Мартиномъ V) торжественнымъ образомъ; въ недолгое время его пребыванія въ Констанцѣ ему, такъ же какъ и посламъ греческимъ, не было оказываемо стѣсненія въ вѣрѣ и было предоставлено совершать богослуженіе по своему обряду; онъ заявилъ папѣ черезъ присутствовавшихъ на соборѣ польскихъ епископовъ, что рѣшительно не желаетъ приступать къ соединенію съ римскою церковію,—и тѣмъ дѣло и кончилось [2]). Какими побужденіями руководился Витовтъ, посылая Григорія на со-

---

ваетъ себя болѣе скромнымъ образомъ митрополитомъ «Кіеву и всеа дръжавы литовскыа», см. въ Опис. сунодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 235, л. 236, стр. 139 нач. (подпись подъ словомъ, которое написано Григоріемъ до поставленія въ митрополиты, сдѣлана имъ, когда онъ былъ митрополитомъ; «бывый митрополитъ» не значитъ: прежде бывшій митрополитъ, а значитъ состоящій митрополитомъ).

[1]) V, 70.

[2]) См. современныхъ писателей: Рейхенталя у *Wessenberg'a* въ Die grossen Kirchenversammlungen des 15-ten und 16-ten Iahrhund., II, 225, и Линденблатта у *митр. Евгенія* въ Описаніи Кіевософійск. собора, стр. 103 fin..—Никоновская лѣтопись говоритъ подъ 1318-мъ годомъ (V, 71 fin.), что Григорій возвратился въ Литву, бывъ въ Римѣ и Костянтиноградѣ: подъ Костянтиноградомъ должно разумѣть Констанцъ или Констанцію (по Архангелогородской лѣтописи, стр. 110 fin., Григорій и преставился въ Римѣ).

боръ, остается неизвѣстнымъ. Но гораздо вѣроятнѣе думать, что онъ не помышлялъ серьёзно объ уніи или иномъ соединеніи своихъ православныхъ подданныхъ съ латинянами, а что приказалъ своему православному митрополиту отправиться на соборъ для того только, чтобы сдѣлать угодное папѣ (можетъ быть вынужденный при семъ подражать Ягайлу, который былъ ревностнымъ католикомъ). Нисколько ни будучи подобно Ягайлѣ этимъ ревностнымъ католикомъ, Витовтъ, конечно, не могъ не находить желательнымъ соединенія или объединенія своихъ подданныхъ въ вѣрѣ изъ видовъ политическихъ; но если бы онъ намѣренъ и наклоненъ былъ осуществлять это желаніе, то ничто не мѣшало бы ему дѣйствовать болѣе рѣшительно, а между тѣмъ такихъ болѣе рѣшительныхъ дѣйствій съ его стороны мы вовсе не видимъ [1]).

---

[1]) Не имѣя никакихъ свидѣтельствъ, чтобы Григорій склонялся къ уніи съ папой и имѣя положительное свидѣтельство, что онъ рѣшительно отказался отъ нея, мы не сомнѣваемся въ его твердой преданности православію. Но то обстоятельство, что въ одномъ изъ своихъ словъ онъ сильно возстаетъ противъ латинянъ за употребленіе опрѣсноковъ и что каталогъ или списокъ латинскихъ заблужденій, усвояемый надписаніемъ митрополиту Григорію, по всей вѣроятности, принадлежитъ ему (*А. Н. Попова* Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 316 sqq), само по себѣ не служило бы доказательствомъ, что онъ пребылъ твердымъ въ православіи до конца. Сегодня онъ могъ писать противъ латинянъ, а завтра предаться имъ: это явленіе нисколько не невозможное.—Новый взглядъ на Григорія Цамблака, принадлежащій румынскому церковному писателю, епископу романскому въ Молдавіи Мелхиседеку, по которому онъ, представлявъ собою родившагося въ Болгаріи задунайскаго Румына (!), не умеръ «на Кіевѣ» въ 1419—1420-мъ году, а ушелъ въ Молдавію, чтобы занять мѣсто митрополита молдавскаго и чтобы ознаменовать себя на каѳедрѣ молдавской не малою дѣятельностью, и о которомъ см. въ указанной выше статьѣ *г. Сыркуу*, напечатанной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, мы признаемъ вовсе несостоятельнымъ: между Григоріемъ Цамблакомъ и Григоріемъ, загадочнымъ митрополитомъ молдавскимъ (о которомъ см. въ нашемъ Краткомъ очеркѣ, стр. 377), общаго только одно имя (новый взглядъ преосв. Мелхиседека есть собственно старый, неудачно возобновляемый, взглядъ молдавскаго лѣтописца конца XVI—начала XVII вѣка Мирона Костина). О загадочномъ митрополитѣ молдавскомъ Григоріи едва ли не слѣдуетъ думать, что это былъ очень ловкій самозванецъ, въ родѣ Грека Павла Тагариса, который лѣтъ за 40 до него былъ принятъ молдавскими Румынами за патріарха константинопольскаго (и о которомъ въ нашемъ Краткомъ очеркѣ стр. 373),—что онъ обманулъ сначала молдавскихъ Румынъ, выдавъ имъ себя за Григорія Цамблака, присланнаго къ нимъ на митрополичью каѳедру патріархомъ константинопольскимъ, а потомъ обманулъ даже папу Евгенія IV, и что у Румыновъ молдавскихъ потомъ составились о немъ легенды, усвояющія ему такія

Митр. Фотій, получивъ обратно въ свою власть митрополію литовскую, которой лишился было по интригамъ враговъ, поспѣшилъ посѣтить Литву, при чемъ привѣтствовалъ снова возвращенную ему паству обширнымъ учительнымъ посланіемъ [1]): онъ ѣздилъ въ Литву съ послами патріарха и императора, у которыхъ, какъ должно думать, онъ просилъ помощи въ примиреніи съ Витовтомъ, въ 1420-мъ году, т. е. или въ самый годъ смерти Григорія или на другой годъ [2]). Съ сего

дѣла, которыхъ онъ вовсе не дѣлалъ (см. сочиненіе *Палаузова*: Румынскія господарства Валахія и Молдавія, стрр. 67—69). Но если бы признаваемое нами за совершенно несостоятельное оказалось на самомъ дѣлѣ дѣйствительнымъ (по крайней мѣрѣ въ лѣтахъ возраста Цамблакова, который, какъ мы сказали, родился около 1365-го года, нѣтъ препятстія къ сему): то знаменитый племянникъ митр. Кипріана, который кончилъ тѣмъ, что принялъ католичество (ибо что загадочный митрополитъ молдавскій Григорій принялъ въ 1434—1435-мъ году католичество, это составляетъ несомнѣнный фактъ, о которомъ свидѣтельствуютъ,—съ совершенною и такъ сказать съ намѣренною ясностью, двѣ грамоты папы, указываемыя въ Краткомъ очеркѣ, стр. 377 fin.), представлялъ бы изъ себя истинное и истинно возмутительное безобразіе.—Въ одномъ изъ сборниковъ виленской Публичной библіотеки есть «Григория архиепископа Киевъскаго и всея Руси слово похвалное иже у Флорентіи и у Костентіи собору Галатомъ, Италомъ и Римляномъ и всѣмъ Галатомъ», см. Описаніе рукописей библіотеки, составленное *Ф. Добрянскимъ,* № 105, л. 364, стр. 226. Къ сожалѣнію, описатель не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній о словѣ, ограничиваясь только тѣмъ, что приводитъ сдѣланную на полѣ противъ него старую замѣтку: «Мнится, сіе слово есть Ісидора митрополита Кіевскаго, бо бѣ на семь съборѣ во Флорентіи». Не принадлежитъ ли слово вмѣсто Григорія кіевскаго загадочному Григорію молдавскому? Игнатій Кульчинскій въ своемъ сочиненіи Specimen Ecclesiae Ruthenicae, можетъ быть, разумѣетъ наше «слово похвальное», когда говоритъ, что extat Gregorii, cognomento Cemivlaci, epistola ad concilium Constantiense, in qua petit Patres congregatos, ut Graecos unire Latinis studeant,—новаго изданія, сдѣланнаго Мартыновымъ, р. 121.

[1]) Оно въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 183, стр. 338.

[2]) Объ этой поѣздкѣ Фотія въ Литву такъ же не говорятъ наши лѣтописи, какъ и о поѣздкѣ 1411—1412-го года. О ней читается въ литовской лѣтописи Даниловича и именно слѣдующее: «Въ 1420-мъ году поѣхалъ митрополитъ Фотій въ Литву Іюня 1-го, а съ нимъ владыка Амвросій (посолъ патріаршій), и нашелъ великаго князя Витовта въ Новогродкѣ,—тогда былъ (у Витовта) посолъ императоровъ Филантропенъ Грекъ (отправившійся въ Литву, можетъ быть, напередъ Фотія); того же лѣта пошелъ митрополитъ въ Кіевъ и въ Слуцкѣ крестилъ князя Семена Александровича (сына князя Александра или Олелька Владимировича, котораго митр. Іона называетъ кумомъ Фотія,—Акт. Ист. т. I, № 47, стр. 94 col. 1 fin.) и изъ Мозыри позвалъ назадъ митрополита великій князь (Витовтъ); того же

времени онъ сохранялъ дружбу Витовта, не безпокоимый болѣе въ своихъ правахъ на митрополію литовскую, до самой смерти послѣдняго въ концѣ 1430-го года.

Мы говорили выше, что Галиція, которой въ 1371-мъ году при св. Алексіѣ данъ былъ особый митрополитъ, продолжала оставаться отдѣльною митрополіею и при Кипріанѣ. При Фотіи она является восприсоединенною къ митрополіи всея Россіи: въ 1412-мъ году, въ свою поѣздку въ Литву, о которой не говорятъ наши лѣтописи, но о которой говоритъ лѣтопись литовская, онъ былъ въ Галичѣ [1]); въ 1413-мъ году завѣдывалъ галицкой епархіей митрополичій намѣстникъ [2]); подъ 1414-мъ и 1415-мъ годами находимъ въ Галичѣ епископа [3]); въ поѣздку 1420-го года Фотій былъ въ Галичѣ и Львовѣ [4]). Должно думать, что патріархъ восприсоединилъ митрополію галичскую къ митрополіи всея Россіи при поставленіи Фотія въ митрополиты. Что могло побудить его къ этому, тогда какъ прежде онъ желалъ сохранить ея отдѣльность, ясно не видно; представляется вѣроятнымъ догадываться, что Ягайло (которому, какъ королю польскому, подвѣдома была Галиція) не дозволялъ ставить въ Галицію особыхъ митрополитовъ въ видахъ латинской пропаганды и что патріархъ нашелъ наконецъ невозможнымъ и неполезнымъ завѣдывать ею черезъ своихъ екзарховъ. При

лѣта былъ митрополитъ въ Галичѣ; въ 1421-мъ году (былъ митрополитъ) и во Львовѣ и во Владимирѣ, (изъ которыхъ въ послѣдній) пріѣхалъ во вторникъ наканунѣ Рождества Христова, а въ Вильнѣ былъ о Крещеніи, и оттуда поѣхалъ къ Друтску и Тетерину, и былъ въ Мстиславлѣ у князя Семена Лыгвенія, и въ Смоленскѣ соборовалъ (въ недѣлю православія) при князѣ Семенѣ Ивановичѣ, и пріѣхалъ въ Москву въ великомъ постѣ».—въ Ученыхъ Запискахъ стр. 56, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. стр. 67. Если помянутую выше настольную грамоту неизвѣстному епископу владимирскому признавать за Фотіеву, то въ ней говорится, что патріархъ съ своимъ соборомъ и императоръ прислали,—должно будетъ подразумѣвать: съ нашими послами, соборную грамоту, которою «оправдали» митрополиту его митрополью—всю русійскую землю.

[1]) См. выше.

[2]) См. указаніе акта отъ Іюля 1413-го года въ статьѣ *А. С. Петрушевича*: «О соборной Богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ», помѣщенной въ Галицкомъ Историческомъ Сборникѣ, вып. III (Львовъ, 1860) примѣч. 48 fin., стр. 117.

[3]) Никон. лѣт. V, 51 fin. и 58.

[4]) См. четвертое примѣчаніе выше.

отнятіи Витовтомъ у Фотія Литвы отходила отъ него вмѣстѣ съ последнею и Галиція [1]).

Митр. Фотій управлялъ русскою церковію, считая со дня его прибытія въ Россію, 21 годъ и 10 мѣсяцевъ: прибывъ въ Россію 1-го Сентября 1409-го года, ровно черезъ годъ послѣ поставленія, онъ скончался 1-го или 2-го Іюля 1431-го года.

Въ ряду митрополитовъ нашихъ онъ занимаетъ выдающееся положеніе, какъ пастырь усердно учительный. Очень можетъ быть, что митрополиты наши изъ природныхъ Русскихъ, каковые начались съ Кирилла III, имѣли бы желаніе быть усердно учительными; но они не имѣли къ тому полной и надлежащей возможности. Не обладая настоящимъ образованіемъ (а будучи только людьми болѣе или менѣе книжно-начитанными), они не въ состояніи были слагать церковныхъ словъ или поученій и должны были ограничивать свою ревность въ семъ отношеніи, какъ это видимъ на примѣрѣ свв. Петра и Алексія, немногими пастырскими посланіями къ своимъ пасомымъ. Мы не знаемъ, многіе ли изъ митрополитовъ Грековъ способны были слагать церковныя слова, но знаемъ, что весьма немногіе изъ нихъ проявляли свою ревность посредствомъ этого рода учительства, а именно—такихъ митрополитовъ положительно извѣстенъ и всего одинъ — Никифоръ I (1104—1121) и съ вѣроятностію могутъ быть за такихъ принимаемы двое: Іоаннъ II († 1089) и Кириллъ II (1224—1233), такъ какъ лѣтописи говорятъ о нихъ, что они были учительны зѣло. Митр. Фотій усердно подвизался на поприщѣ учительства посредствомъ церковнаго проповѣдыванія. Правда, до насъ сохранилось очень немного его церковныхъ словъ, всего—восемь. Но должно съ вѣроятностію думать, что это есть малая часть изъ многаго [2]). Въ словахъ своихъ онъ

[1]) Въ предварительныхъ совѣщаніяхъ и приговорахъ о поставленіи въ Литву особаго митрополита участвовалъ вмѣстѣ съ другими епископами Іоаннъ галицкій,—Никон. лѣт. V, 51 fin. и 58; на поставленіи въ митрополиты Григорія Цамблака не присутствовалъ этотъ Іоаннъ, но вмѣсто него присутствовалъ другой епископъ Галиціи—Геласій перемышльскій,—Акты Зап. Росс., т. I, № 24.

[2]) Въ настоящее время извѣстны церковныя слова Фотія: 1) на освященіе походной церкви въ честь Воздвиженія креста, устроенной Витовтомъ для православныхъ его солдатъ, сказанное въ день Благовѣщенія,—въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 182, стр. 331 fin., 2) на Срѣтеніе Господне,—въ Правосл. Собесѣдн. 1860-го года ч. II, стр. 457, 3—5) въ недѣли—о блудномъ сынѣ, мясопустную и православія, ibid. 1860-го года ч. III, стрр. 97, 222 и 481, 6—8) три слова о казняхъ Божіихъ по случаю современныхъ физическихъ бѣдствій,—два напечатаны

не одинъ разъ говоритъ, что часто и многократно обращается къ способу ученія путемъ проповѣди [1]). Являясь усерднымъ учителемъ на поприщѣ церковнаго проповѣдыванія, Фотій является столько же усерднымъ учителемъ и черезъ посредство пастырскихъ учительныхъ посланій. При своемъ вступленіи на каѳедру онъ адресовалъ учительное пастырское посланіе ко всему священническому и иноческому чину, въ которомъ говоритъ о высотѣ священства и о важности соединенныхъ съ нимъ обязанностей [2]); при вторичномъ вступленіи въ завѣдываніе литовскою митрополіею послѣ смерти Цамблака онъ обратился съ учительнымъ посланіемъ ко всему населенію этой митрополіи—къ благороднымъ и благовѣрнымъ князьямъ и вельможамъ, къ священническому всему и иноческому чину и ко всѣмъ христоименитымъ людямъ [3]); по указаніямъ въ библіографическихъ каталогахъ можно думать, что существуютъ и еще два общія учительныя его посланія [4]); затѣмъ, извѣстны его учительныя посланія въ частныя мѣста и къ частнымъ лицамъ: два посланія священникамъ, монахамъ и всѣмъ мірянамъ не-

---

въ Правосл. Собесѣдн. 1861-го года, ч. II стрр. 181 и 303, третіе въ томъ же Собесѣдникѣ 1875-го года, ч. III стр. 70. У Строева въ Библіологическомъ Словарѣ указывается какъ будто еще церковное поученіе, судя по приводимому началу—о молитвѣ въ храмѣ,—подъ сл. Фотій, № II. Затѣмъ, есть еще съ вѣроятностію усвояемое Фотію сочиненіе «Объ исхожденіи Святаго Духа»,—Дополнн. къ Акт. Ист. т. I, примѣчч.. стр. 13 (л. 63 обор.); но остается неизвѣстнымъ,—что оно такое, церковное обличительное слово или не нецерковный полемическій трактатъ.

[1]) Въ словѣ по случаю освященія Витовтовой церкви (Дополнн. къ Акт. Ист. т. I стр. 335 нач.) и въ словѣ на недѣлю о блудномъ сынѣ (Правосл. Собесѣдн. 1860-го года, ч. III стр. 499 fin.) онъ говоритъ, что часто слово возводитъ и часто глаголетъ любви своихъ пасомыхъ. Третье поученіе о казняхъ Божіихъ въ нѣкоторыхъ спискахъ его надписывается: «Поученіе о еже много кратъ реченное и глаголанное и нынѣ паче ко всѣмъ рыданное о еже находящихъ на ны всяческихъ праведныхъ Владычнихъ прещеній» (см. Дополнн. къ Акт. Ист. т. I, примм. стр. 14, л. 198 об.), т.-е. надписаніе поученія хочетъ сказать, что матерія, о которой ведется рѣчь въ немъ, много кратъ была предметомъ собесѣдованія.

[2]) Въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 181, стр. 325, и въ Памятникахъ *Павлова*, № 60, col. 501. Посланіе не имѣетъ даты и изъ него самого не видно, когда оно написано; но со всею вѣроятностью должно считать его вступительнымъ посланіемъ: послѣ оно могло быть написано только по какому нибудь особому случаю и по какому нибудь особому поводу; но ни на какой особый случай и ни на какой особый поводъ въ немъ не указывается.

[3]) Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 183, стр. 338.

[4]) У *Строева* въ Словарѣ, №№ XVI и XXI.

извѣстныхъ какихъ-то мѣстностей [1]); три посланія во Псковъ также къ священникамъ, монахамъ и всѣмъ мірянамъ [2]); три посланія въ кіевскій Печерскій монастырь [3]); посланіе въ псковскій Снѣтогорскій монастырь [4]); посланіе къ преп. Павлу Обнорскому [5]). Послѣднее посланіе представляетъ собою нарочитое доказательство того, что Фотій имѣлъ усердную готовность къ учительству: преп. Павелъ приходилъ къ митрополиту для испрошенія благословенія составить монастырь; когда, получивъ благословеніе, онъ построилъ церковь въ новооснованномъ монастырѣ и послалъ къ митрополиту просить антиминса, Фотій, несмотря на то, что много поучалъ преподобнаго относительно игуменскихъ обязанностей устно при личномъ свиданіи, написалъ ему при второмъ случаѣ еще и посланіе о томъ же, именно—наше.

Находятъ, что церковныя слова и учительныя посланія митр. Фотія имѣютъ весьма мало ораторскаго достоинства. Если бы это было и совершенной правдой, то нисколько не говорило бы противъ его усердія къ учительству или, лучше сказать, именно говорило бы въ пользу этого его усердія, потому что тогда онъ представлялъ бы изъ себя человѣка, который, не смотря на то, что не имѣлъ дара учительства, заботясь объ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, усердно старался быть учителемъ. Но оцѣнивая ораторское достоинство церковныхъ словъ и учительныхъ посланій Фотія не по нашей нынѣшней мѣркѣ, а по мѣркѣ ему современной и къ нему приложимой, никакъ нельзя отказывать имъ въ этомъ достоинствѣ. Находятъ; что слова и посланія слишкомъ растянуты и многорѣчивы и не отличаются послѣ-

---

[1]) Отрывокъ одного въ Сvнодальн. ркп. по Опис. *Горск.* и *Невостр.* № 330, л. 347, указаніе другого у *Строева* ibid., № I (въ приводимомъ началѣ втораго посланія говорится: «прежде убо многажды писахъ вашеа ради ползы душевныя». Если оно не во Псковъ, то нужно будетъ предполагать еще другую мѣстность, куда Фотій многократно писалъ учительныя посланія).

[2]) Въ Псковъ Фотій писалъ не три посланія, а гораздо болѣе; но мы разумѣемъ здѣсь собственно посланія учительныя. Онѣ суть: 1) отъ 23-го Сентября 1416-го года,—въ Акт. Ист., т. I, № 21, стр. 42, въ Памятнн. *Павлова* № 42, col. 365, 2) отъ 2-го Февраля 1426-го года по случаю моровой язвы,—въ Акт. Ист. ibid., № 30, стр. 58, въ Памятнн. *Павлова* № 53, col. 465, 3) отъ 4-го Января неизвѣстнаго года,—въ Акт. Ист. ibid., № 35, стр. 67, у *Павлова* № 58, col. 492.

[3]) Два посланія напечатаны въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 180, стрр. 315 и 322, о третьемъ, не напечатанномъ, см. ibid., примм. стр. 15 (л. 221).

[4]) Въ Акт. Ист. т. I. № 26, стр. 52, у *Павлова* № 46, col. 392.

[5]) Въ Акт. Ист. ibid., № 257, стр. 485, у *Павл.* № 57, стр. 488.

довательностію въ изложеніи мыслей. Но этотъ недостатокъ на нашъ взглядъ есть свойство всѣхъ ораторовъ греческихъ не только позднѣйшаго худшаго времени, но и древнѣйшаго лучшаго; на нашъ теперешній взглядъ и вкусъ растянутъ и многорѣчивъ и не отличается строгой послѣдовательностію въ изложеніи мыслей и самъ Златоустый,—страдаютъ этими недостатками и Исократъ съ Демосѳеномъ. Находятъ, что слова и посланія Фотія лишены силы и жизни, вялы и скучны. Но съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Онѣ дѣйствительно производятъ такое въ общемъ впечатлѣніе; но это не по винѣ Фотія. Какъ мы говорили выше, онъ долгое время не могъ освоиться съ русскимъ языкомъ [1]), писалъ по гречески и заставлялъ переводить съ греческаго на русскій. Но на его несчастіе переводы дѣлались весьма неудовлетворительно, съ буквальнымъ воспроизведеніемъ подлинника, вслѣдствіе чего должны были являться въ нихъ темнота и неудобопонятность и при томъ темнота и неудобопонятность тѣмъ бо́льшія, чѣмъ болѣе ораторскимъ былъ подлинникъ, ибо чѣмъ искусственнѣе языкъ, каковъ ораторскій, тѣмъ темнѣе и неудобопонятнѣе долженъ выходить переводъ при буквальномъ воспроизведеніи подлинника; къ этому переводчикъ, которымъ, какъ не безъ вѣроятности догадываются, былъ пришедшій вмѣстѣ съ нимъ въ Россію болгаринъ Пахомій [2]), вообще владѣлъ очень плохо русскимъ языкомъ, такъ что языкъ его переводовъ какой-то неудачно дѣланный и искусственный, какой-то полурусскій, а не настоящій русскій. Естественно, что при такихъ недостаткахъ перевода слова́ и посланія Фотія производятъ указанное общее впечатлѣніе, ибо темнота и непонятность и вообще монструозность языка уничтожаютъ силу и жизнь содержанія и нагоняютъ на читающаго скуку. Но изъ-подъ этой весьма неудовлетворительной оболочки перевода вездѣ сквозитъ, а по мѣстамъ и совершенно ясно выступаетъ, ораторская сила и живость оригинала, и что касается до дѣйствительнаго Фотія, какъ оратора, то несомнѣнно, что не только не страдалъ онъ отсутствіемъ силы и живости, какъ недостаткомъ, а напротивъ отличался ими, какъ достоинствомъ (По поводу Фотія невольно припоминается Максимъ Грекъ: Максимъ былъ писатель остроумнѣйшій и въ своихъ обличені-

---

[1]) Въ посланіи въ Печерскій монастырь, писанномъ во время пребыванія въ Литвѣ въ 1420—1421-мъ году, Фотій говоритъ: «не зазрите убо смиренію моему, яко неискусну ми сущу писанію вашему и языку»,—Дополнн. къ Акт. Ист. т. I, стр. 323 col. 1.

[2]) См. о немъ Никон. лѣт. V, 39 fin. (его вовсе не слѣдуетъ смѣшивать съ Пахоміемъ Сербиномъ).

яхъ ядовитѣйшій, и однако соль его остроумія и ядовитость обличеній не рѣдко въ значительной степени уничтожаются неудовлетворительнымъ русскимъ языкомъ его переводчика или его самого). Въ замѣнъ всего, сейчасъ сказаннаго о церковныхъ словахъ и учительныхъ посланіяхъ Фотія, должно быть сказано о нихъ другое, а именно—что едва ли онѣ много отличаются самостоятельностію и едва ли не представляютъ собою болѣе простыя компиляціи, выбранныя изъ отцовъ, чѣмъ его настоящія собственныя ораторскія произведенія. Какъ къ произведеніямъ литературнымъ, мы нарочито возвратимся къ словамъ и посланіямъ ниже, во второй половинѣ тома.

О церковно-правительственной дѣятельности Фотія, какъ дѣятельности, мы имѣемъ свѣдѣнія очень немногія.

Изъ одного посланія его во Псковъ узнае́мъ объ его распоряженіяхъ относительно вдовыхъ священниковъ, именно—что по прибытіи на каѳедру онъ подтвердилъ узаконеніе св. Петра, чтобы священники эти стриглись въ монахи и не оставались служить въ мірскихъ церквахъ,—что потомъ во время мора «нужи ради», т. е. по причинѣ недостатка священниковъ невдовыхъ, онъ разрѣшилъ на нѣкоторое время служить имъ въ міру и что по миновании нужды снова настаивалъ на соблюденіи узаконенія [1]). О своемъ воспрещеніи вдовымъ священникамъ оставаться въ міру Фотій говоритъ, что возложилъ его на нихъ «по божественныхъ отець преданію»: но что́ онъ разумѣетъ подъ этимъ божественныхъ отецъ преданіемъ, котораго, думаемъ, не сочиняетъ, пока остается вовсе неизвѣстнымъ для насъ и возбуждающимъ наше недоумѣніе. Мы уже говорили выше, что въ Греціи не было (и не могло быть) нашего узаконенія относительно вдовыхъ священниковъ; но не бывъ (и не могли быть) общимъ узаконеніемъ всей греческой церкви, не было ли оно тамъ частнымъ узаконеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстъ, которыя и имѣлъ митрополитъ въ виду, когда ссылался на преданіе божественныхъ отецъ? Ссылаясь на это преданіе, Фотій приводитъ и теоретическое оправданіе узаконенія: «священникомъ мірскимъ,—говоритъ онъ, докогда Богу благоволившю во временной ихъ жизни съ ихъ подружіи быти, и тогда и священьство ихъ бысть; а егда Богу вземшу ихъ подружія и полъ ихъ тѣлесъ то (во, въ?) мертвыхъ суть и земля своего тѣла естественнаго въ растлѣніе червемъ пріятъ: (то) и должни суть таковіи, благодаря Божьи судбы и Его повелѣніе, въ манастыри отходити и во иноческая одѣаніа отъ

[1]) У *Павлова* col. 434—435.

настоятеля духовнаго игумена острищи собе» и пр... Эта теорія, что со смертію жены, которая составляетъ съ мужемъ одно тѣло, вдовый священникъ представляетъ изъ себя полумертвеца, которому не должно оставаться въ міру, если она принадлежитъ самому Фотію, свидѣтельствуетъ объ его способности къ изобрѣтенію благовидныхъ, хотя и несостоятельныхъ, теорій... Впрочемъ, такъ или иначе оправдывалъ Фотій подтвержденное имъ узаконеніе св. Петра о вдовыхъ священникахъ, но если онъ считалъ нужнымъ подтвердить его и настаивалъ на его соблюденіи: то очевидно, что онъ, подобно св. Петру, признавалъ его необходимымъ для отвращенія соблазна, который причиняли своимъ поведеніемъ вдовые священники.

Мы говорили выше, что митр. Кипріану не удалось достигнуть того, чтобы новгородцы возвратили ему право такъ называемаго мѣсячнаго аппеляціоннаго суда и соединенныя съ симъ судомъ пошлины. О томъ же старался послѣ Кипріана и Фотій, и его старанія остались также безуспѣшными. Сохранилась до настоящаго времени грамота Фотія къ тверскому епископу Иліи, которая писана послѣ смерти новгородскаго архіепископа Евѳимія Брадатаго или 1-го, имѣвшей мѣсто 1-го Ноября 1429-го года, и которою митрополитъ, по случаю незамѣщенности новгородской каѳедры, дозволяетъ епископу поставлять діаконовъ и священниковъ въ области новгородской епархіи, сосѣднія съ его епархіей (Бѣжецкій Верхъ и въ Волокъ Ламскій [1]). Въ этой грамотѣ митрополитъ и сообщаетъ о своихъ неудачныхъ стараніяхъ возвратить отъ новгородцевъ свой мѣсячный аппелляціонный судъ. Онъ пишетъ въ грамотѣ слѣдующее: «когда я пришолъ (изъ Константинополя) на митрополію русскую, то меня сопровождали послы святаго царя и святаго патріарха и всего вселенскаго (т. е. патріаршаго) собора, и они принесли патріаршія грамоты (новгородцамъ) о церковной старинѣ и были у нихъ (въ Новгородѣ) съ предъявленіемъ требованія, чтобы они—новгородцы старины церковныя, суда позывнаго, отступились церкви Божіей и мнѣ—святителю по старинѣ, и они старины не отступились; потомъ пріѣзжалъ ко мнѣ владыка Иванъ (зимой 1412-го года [2]) и обѣщался мнѣ старину церковную оправить, и не оправилъ;

---

[1]) Грамота въ Памятнн. *Павлова,* № 50, col. 421. Дата подъ ней: 8-го Августа 1422-го; должно быть 8-го Августа (если правильно показаніе мѣсяца) 1430-го года, ибо послѣ 1-го Ноября 1429-го года, когда умеръ Евѳимій, и до 1-го или 2-го Іюля 1431-го года, когда умеръ самъ Фотій, имѣется 8-го Августа только одного этого года.

[2]) Никон. лѣт. V, 47.

а потомъ присылали ко мнѣ новгородцы ставить въ архіепископы Сумеона (поставл. 22-го Марта 1416-го года), а послѣ него Евѳимія (поставл. въ Сентябрѣ 1424-го года), и я обоихъ посвятилъ въ архіепископы, и эти архіепископы также обѣщались мнѣ старину церковную оправить [1]), а равно и всѣ послы новгородскіе (приходившіе съ архіепископами) давали твердое слово, чтобы старины имъ отступиться церкви Божіей и мнѣ, и какъ владыки не оправили (мнѣ) старины церковной, такъ и новгородцы не отступились отъ этой старины и до настоящаго времени». Наши лѣтописи совершенно ничего не говорятъ о ссорѣ и тяжбѣ Фотія съ новгородцами изъ-за мѣсячнаго суда; и самъ митрополитъ даетъ знать въ нашей грамотѣ, что онъ велъ тяжбу такъ сказать совершенно пассивнымъ образомъ,—предъявляя требованія и не принимая никакихъ мѣръ къ тому, чтобы побудить и принудить новгородцевъ къ ихъ исполненію. Такъ какъ Фотій несомнѣнно обладалъ нравомъ очень горячимъ, то его поведеніе въ нашемъ случаѣ представляется не совсѣмъ ожиданнымъ и понятнымъ. Эту неожиданность и непонятность нужно объяснять однимъ изъ двухъ,—или тѣмъ, что, вовлеченный въ ссору съ Витовтовъ, митрополитъ не хотѣлъ имѣть другой ссоры, дабы не казаться человѣкомъ ссорливымъ, или же тѣмъ, что за свои пошлины онъ не находилъ дѣломъ благословнымъ и хорошимъ подвергать новгородцевъ церковному отлученію, которымъ однимъ можно было бы на нихъ подѣйствовать. Представляется вѣроятнѣйшимъ послѣднее, потому что если бы онъ намѣревался вести борьбу крутыми мѣрами, то онъ прибѣгъ бы къ нимъ прежде, чѣмъ поссоренъ былъ съ Витовтомъ. Какъ бы то ни было,— одно или другое, во всякомъ случаѣ поведеніе Фотія по отношенію къ новгородцамъ весьма говоритъ въ пользу его пастырскихъ качествъ и нравовъ. Грамотой епископу Иліи дается знать, что послѣ смерти архіепископа Евѳимія Фотій не намѣревался поставить новгородцамъ новаго архіепископа, пока они не возвратятъ ему старины—мѣсячнаго суда [2]). Вопросъ, чѣмъ бы кончилось на сей разъ дѣло, остался не рѣшоннымъ по причинѣ собственной скорой смерти митрополита.

---

[1]) Архіепископъ Евѳимій въ своемъ исповѣданіи вѣры, данномъ имъ митрополиту предъ посвященіемъ, пишетъ: «Къ симъ же исповѣдую, яже имать пошлины митрополичьскый престолъ въ всемъ предѣлѣ моемъ съблюдати непреложно»,—Акт. Эксп. т. I № 370, стр. 463.

[2]) Свое дозволеніе епископу ставить священниковъ и діаконовъ въ новгородскую епархію Фотій даетъ спустя 8 съ половиной мѣсяцевъ послѣ того, какъ избранъ былъ новгородцами преемникъ Евѳимію (Евѳимій 2-й, избр. 13-го Ноября

Въ правленіе Фотія и при его участіи и содѣйствіи прекратила свое существованіе во Псковѣ явившаяся тамъ секта Стригольниковъ, о которой мы теперь и скажемъ.

Стригольники, представлявшіе изъ себя раскольническое общество, отдѣлились отъ церкви вслѣдствіе того, что не хотѣли признавать истинными пастырями современныхъ имъ епископовъ и священниковъ, какъ поставляющихъ и поставляемыхъ на мздѣ и какъ ведущихъ жизнь недостойную пастырей. Наши историческія свѣдѣнія о возникновеніи секты и ея существованіи крайне скудны. Подъ 1375-мъ годомъ, что̀ относится къ правленію св. Алексія и составляетъ четвертый годъ до его смерти, лѣтописи сообщаютъ, что въ Новгородѣ предали казни трехъ развратниковъ христіанскія вѣры: Никиту діакона, Карпа—по однимъ лѣтописямъ—простца, по другимъ лѣтописямъ и по сказаніямъ—также діакона, и третьяго—неизвѣстнаго по имени и простца [1]). Это были основатели секты, главнымъ между которыми представляется Карпъ [2]); будучи простцомъ или діакономъ, онъ имѣлъ ремесло стригольника, т. е. цырульника, отъ чего и получила свое названіе секта [3]).

1429-го года): ясно, что онъ не торопился ставить этого преемника (котораго и не поставилъ до своей смерти, случившейся 1-го или 2-го Іюля 1431-го года).

[1]) Событіе относятъ къ 1375-му году всѣ лѣтописи, за исключеніемъ Новгородской 3-й, которая относитъ его къ 1376-му году. Карпа называютъ простцомъ лѣтописи Новгородская 3-я, Софійская 1-я и Воскресенская, діакономъ—Новгородская 4-я лѣтопись и списаніе на Стригольниковъ св. Стефана Пермскаго, о которомъ ниже. По Никоновской лѣтописи, казнь состояла въ томъ, что еретики брошены были въ воду (съ моста въ Волховъ, что̀ у новгородцевъ соотвѣтствовало римскому сбрасыванію съ Тарпейской скалы).

[2]) Въ списаніи Стефана Пермскаго.

[3]) Въ старое время не брили у насъ бородъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ людей, служившихъ разврату педорастіи, т. е. собственно андрорастіи, мужеложства), но цырульники нужны были для подстриганія волосъ на головѣ и для подбриванія затылковъ (какъ у щеголей въ простомъ народѣ это дѣлается и до настоящаго времени). Въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ былъ въ торговыхъ рядахъ особый стригольничій (стрига́чій) рядъ,—*Забѣлина* Домашній бытъ русскихъ царей, I, 434 и 496. Въ концѣ XVI вѣка упоминается придворный стригальникъ,—Дополн. къ Акт. Ист. т. I № 131, стр. 195 col. 1 (Въ Азбуковникѣ, помѣщенномъ у *Калайдовича* въ Іо. Экзархѣ, стр. 193: жидовское слово «бритва» по русски значитъ «стригольникъ».—Названіе Вшивыхъ горокъ, существующихъ у насъ по городамъ, какъ даетъ знать Олеарій, происходитъ отъ того, что лѣтомъ цырульники занимались на нихъ своимъ ремесломъ и что онѣ устилались толстымъ слоемъ волосъ, въ которыхъ скрывались давшія названіе горкамъ насѣкомыя,—Чтен. Общ. Ист. и

Извѣстія, читаемыя въ обличительныхъ сочиненіяхъ на Стригольниковъ, даютъ знать, что помянутые три основателя секты прежде чѣмъ подвергнуться гражданской казни, были преданы церковному отлученію [1]), слѣдовательно,—что они казнены были не тотчасъ, какъ явились, а послѣ болѣе или менѣе продолжительной проповѣди [2]). Позднѣйшій свидѣтель, преп. Іосифъ Волоколамскій, называетъ Карпа жителемъ Пскова [3]); такъ какъ при митр. Фотіи мы находимъ секту въ томъ же Псковѣ, то новые изслѣдователи обыкновенно принимаютъ, что она возникла именно во Псковѣ. Но лѣтописи не говорятъ, откуда былъ Карпъ съ товарищами и гдѣ возникла секта; очень можетъ быть, что первоначально она возникла въ Новгородѣ и что только послѣ, истребленная въ семъ послѣднемъ, сосредоточилась во Псковѣ, гдѣ мы видимъ ее при Фотіи. Какъ бы то ни было, но казнь, постигшая основателей секты, не положила конца существованію самой секты. Возвратившійся въ 1383-мъ году изъ Константинополя архіепископъ суздальскій Діонисій, вѣроятно, исполняя просьбу архіепископа новгородскаго (Алексѣя), принесъ новгородцамъ и псковичамъ отъ патр. Нила обличительную грамоту на Стригольниковъ [4]); въ 1386-мъ году былъ

Древн. 1868-го года кн. 3, стр. 111). Какъ мы сказали, Карпъ могъ заниматься ремесломъ стригольничества, и будучи діакономъ, ибо въ то время взглядъ на занятія приличныя и неприличныя для лицъ духовныхъ былъ иной, чѣмъ теперь и далеко не столько строгій; а могло быть и такъ, что онъ поставленъ былъ въ діаконы изъ стригольниковъ и что послѣ того онъ удержалъ названіе стригольника, какъ прозваніе (а наконецъ, могло быть, какъ это принимается иными за вѣроятнѣйшее, что онъ былъ стригольникомъ или цырульникомъ только духовнымъ, для выстрижки у лицъ духовныхъ темени, о чемъ см. I т. 1-ю полов., стр. 476).

[1]) Въ списаніи Стефана Пермскаго.

[2]) Если бы дать вѣру позднѣйшему житію архіепископа новгородскаго Моисея (о которомъ у *Ключевскаго* въ Житіяхъ стр. 149), то слѣдовало бы, что Стригольники явились не менѣе, какъ лѣтъ за 16—17-ть до 1375-го года, ибо въ житіи говорится, что Моисей во время своего вторичнаго пребыванія на каѳедрѣ архіепископской въ продолженіе 1352—59-го годовъ подвизался противъ нихъ—Стригольниковъ,—въ Памятникахъ старинной русской литературы *Кушелева-Безбородко*, IV, 11 (и также 14).

[3]) Въ Просвѣтителѣ,—Казанск. изд. стр. 596.

[4]) Греческій сохранившійся оригиналъ грамоты адресуется новгородцамъ,—въ Acta Patriarchat. Constantinop., II, 31, славянскій сохранившійся переводъ—псковичамъ,—въ Акт. Ист. т. I № 4, стр. 5 и въ Памятн. *Павлова* № 22, стр. 191; это нужно понимать такъ, что грамота, въ двухъ спискахъ, была одновременно адресована и новгородцамъ и псковичамъ.

въ Новгородѣ, по нуждамъ своей каѳедры, св. Стефанъ Пермскій и по просьбѣ того же архіепископа новгородскаго составилъ обличительное на нихъ списаніе [1]). Послѣ этого мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о нихъ до времени митр. Фотія.

Стригольники представляли изъ себя, какъ мы сказали, собственно не еретиковъ, а раскольниковъ. Они отпали отъ церкви и образовали свое особое общество не потому, чтобы отвергали тѣ или другіе пункты содержимаго церковію вѣроученія, а потому, что не хотѣли быть въ общеніи съ современными имъ русскими епископами и священниками. Утверждая, что всѣ епископы и всѣ священники поставляются на mздѣ или святокупствомъ, т. е. чрезъ симонію, что одни и другіе мздоимствуютъ и ведутъ жизнь недостойную, Стригольники утверждали за симъ, что всѣ русскіе епископы и священники не суть истинные епископы и священники,—что первые не преподаютъ послѣднимъ истинной благодати священства и что отъ послѣднихъ напрасно принимать христіанамъ таинства, потому что все преподаваемое ими не есть дѣйствительное. Не по причинѣ, а по свойству своего отдѣленія отъ церкви Стригольники представляютъ весьма близкое сходство съ нынѣшними раскольниками—безпоповцами. Обстоятельнаго изложенія ученія Стригольниковъ мы не имѣемъ. По словамъ св. Стефана Пермскаго, главный въ числѣ основателей секты діаконъ Карпъ «списалъ писаніе книжное на помощь ереси своей»; но это писаніе не дошло до насъ. Источникомъ свѣдѣній объ ученіи Стригольниковъ для насъ служатъ грамота противъ нихъ патр. Нила и списаніе св. Стефана, въ которыхъ въ обоихъ (преимущественно въ послѣднемъ) оно излагается весьма кратко и отрывочно. Стригольники клеветали на весь вселенскій соборъ,—на патріарховъ, митрополитовъ и епископовъ,

---

[1]) Въ единственномъ, извѣстномъ въ настоящее время, спискѣ списанія, въ которомъ оно сохранилось въ своемъ подлинномъ видѣ (сvнодалн. по Опис. Горск. и Невостр. № 268, л. 280) авторъ его владыка Стефанъ называется Перемыскимъ, но, какъ уже мы говорили выше, со всею вѣроятностью долженъ быть разумѣемъ Пермскій; въ подлинномъ видѣ списаніе напечатано въ Памятнн. *Павлова* № 25, col. 211. Впослѣдствіи времени, вѣроятно—для приданія большого авторитета, списаніе было передѣлано въ грамоту архіепископу Новгородскому съ Новгородцами и Псковичами отъ патріарха Константинопольскаго Антонія (который дѣйствительно посылалъ въ Новгородъ свои грамоты «о проторѣхъ и исторѣхъ, иже на поставленіяхъ священныхъ», какъ говорятъ лѣтописи,—Ник. IV, 255, только не по поводу Стригольниковъ, см. выше въ главѣ о митр. Кипріанѣ); въ этомъ передѣланномъ видѣ оно напечатано въ Акт. Ист. т. I № 6, стр. 9.

на игуменовъ и поповъ и на весь священный чинъ, говоря, что не по достоянію поставляются, поелику патріархи, митрополиты и епископы духопродавчествуютъ, взимая мзду отъ поставленія [1]). Считая святителей и священниковъ и всѣхъ клириковъ, какъ поставляющихъ и поставляемыхъ на мздѣ, за еретиковъ, они и отдѣлились отъ церкви подъ предлогомъ благочестія и мняся хранить божественныя писанія и строгость каноновъ, дабы чрезъ общеніе съ епископами и священниками еретиками и самимъ не стать таковыми же [2]). Вмѣстѣ съ этимъ Стригольники указывали на поведеніе и жизнь епископовъ и священниковъ и находя, что пастыри ведутъ себя и живутъ не по пастырски, они объявляли ихъ за неистинныхъ пастырей, службы которыхъ не дѣйствительны и отъ которыхъ напрасно и не должно взимать таинства. Уловляя христіанъ словами Спасителя, сказанными апостоламъ: «не имѣйте влагалищь, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ» и, какъ должно подразумѣвать, указывая на то, чѣмъ должны быть епископы по ап. Павлу, Стригольники говорили о современныхъ имъ епископахъ и священникахъ: «недостойны ихъ службы, яко не не стяжаша (потому что они не суть нестяжатели), но имѣнія взимаютъ у хрестьянъ, подаваемое имъ приношеніе за живыя и за мертвыя»... «многа собираютъ имѣнія»...«сіи учители пьяницы суть, ядятъ и пьютъ съ пьяницами и взимаютъ отъ нихъ злато и сребро и порты, отъ живыхъ и отъ мертвыхъ»... [3]). Отдѣлившись въ особое общество отъ епископовъ и отъ священниковъ, какъ отъ еретиковъ, Стригольники поставляли въ свои учители и въ свои молитвосовершители людей простыхъ, не посвященныхъ, ссылаясь на ап. Павла, который повелѣлъ учить и простому человѣку [4]), и, нѣтъ сомнѣнія, подобно раскольникамъ безпоповцамъ оправдывая себя своимъ исключительнымъ положеніемъ. Что касается до совершенія таинствъ, то относительно причащенія св. Стефанъ говоритъ только, что они не принимали его отъ священниковъ, и не говоритъ,—замѣняли ли чѣмъ нибудь. Исповѣдь къ священнику Стригольники, по его словамъ, замѣняли покаяніемъ къ землѣ, при чемъ, можетъ быть, они руководствовались тѣмъ указаніемъ, что въ старое время при чтеніи молитвъ на Троицкой вечернѣ не стояли только на колѣняхъ, но преклонялись головами къ полу и что во время сего «лежанія» читали молитву, въ которой между прочимъ содержится воз-

---

[1]) Стефанъ въ списаніи.

[2]) Патр. Нилъ въ грамотѣ.

[3]) Стефанъ въ списаніи.

[4]) Стефанъ въ списаніи.

званіе отъ лица читающаго: «и тебѣ, земля мати, согрѣшилъ есми душею и тѣломъ». Относительно того, какъ поступали Стригольники съ прочими таинствами, св. Стефанъ ничего не говоритъ, т. е. его молчаніе со всею вѣроятностію должно понимать такъ, что въ отношеніи къ прочимъ таинствамъ онъ не имѣлъ поводовъ укорять Стригольниковъ. За симъ, онъ увѣряетъ, что Стригольники отвергали пѣніе надъ умершими и ихъ поминовеніе посредствомъ молитвъ и приношеній: «не достоитъ де—говорили, по его словамъ, Стригольники—надъ мертвыми пѣти ни поминати (ихъ), ни службы творити, ни приноса за умершаго приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыни давать за душу умершаго». Намъ думается, что св. Стефанъ въ нашемъ случаѣ представляетъ ученіе Стригольниковъ не совсѣмъ правильно,—что они не отвергали вообще молитвъ за души умершихъ, а только признавали недѣйствительными молитвы современныхъ имъ священниковъ, и что не отвергая пользы милостыни, они, можетъ быть, только отвергали пользу пировъ,—этой своеобразной милостыни, при чемъ благотворящій и благотворимые (нищіе) напивались за душу умершаго, почему возставалъ противъ заупокойныхъ пировъ еще преп. Ѳеодосій Печерскій. Но, съ другой стороны, не невозможно и то, что Стригольники, увлекаясь суровою человѣческою справедливостію, которая ограничиваетъ милосердіе Божіе, и опираясь на законѣ и требованіяхъ ограниченной человѣческой правды, вдавались въ семъ случаѣ въ ересь и учили, что для человѣка, который жилъ грѣшно, не можетъ быть полезнымъ то, что̀ сдѣлаютъ для его души послѣ его смерти другіе,—что милосердіе Божіе не покупается,—что надежда посмертнаго искупленія грѣховъ отнимаетъ побужденія къ жизни праведной и пр..

Какимъ образомъ могъ возникнуть у насъ расколъ Стригольниковъ, мы уже говорили прежде. Въ греческой церкви съ весьма древняго времени явился обычай, скоро ставшій всеобщимъ, чтобы поставляющіе во всякія священныя степени взимали плату съ поставляемыхъ. Противъ обычая были сдѣланы самыя строгія и рѣшительныя предписанія каноническія, и не смотря на то онъ остался во всей своей силѣ, пріобрѣтши значеніе настоящаго закона, каковымъ и дѣйствительно былъ признанъ со стороны императоровъ византійскихъ. У насъ въ Россіи въ началѣ XIII вѣка нашлись ревнители чистоты уставовъ церкви и строгости каноновъ церковныхъ, которые возстали противъ обычая, какъ противъ беззаконія. Расколъ Стригольниковъ и былъ ни чѣмъ инымъ, какъ крайнимъ выраженіемъ проповѣди этихъ ревнителей, какъ протестомъ, смѣло доведеннымъ до его послѣдняго конца. Мы видѣли выше, что говоритъ о платѣ за поставленія и объ

епископахъ, ее взимающихъ, тверской монахъ Акиндинъ, современникъ св. Петра. Онъ пишетъ въ посланіи къ своему тверскому князю: «молчанія ради осужденія боюся, видя ересь растущу и множащуся и непокровенными усты износиму, наченшуся обычаемъ богоненавистнымъ отъ старѣйшихъ святитель нашихъ и до меньшихъ, непродаемую благодать Духа Святаго въ куплю вводити и взимати отъ поставленія..., апостольскому и богоносныхъ отецъ соборному преданію поставленнаго на мздѣ и съ поставльшимъ его измещущу и отнюдь ктому непричастнома быти своего степени (повелѣвающу) и въ проклятіе вводящу»... «Послѣдствующихъ (Симону волхву) святыхъ отецъ собори вселенстѣи съ инѣми помѣстными вездѣ прокляша и отвергоша..., ставя бо и взимая ставленое, то уже изверженъ, а (поставляющійся) отъ изверженнаго никояже не имать пользы отъ поставленія и пріобщаяся пречистыхъ Таинъ отъ него (поставленнаго), вѣдая, съ нимъ осудится... По великому Аѳанасію, всякъ человѣкъ, пріимъ отъ Бога разумъ разсужати, послѣдовавъ невѣжи пастуху, муку пріиметъ, по реченному: слѣпъ слѣпа ведя, оба въ яму впадетася, рекше въ бездну... Възметъ хотя и мало что отъ поставленія, то уже епископъ не епископъ и пріобщающіися отъ него съ нимъ осудятся»... Акиндинъ говоритъ, что епископы, взимающіе плату за поставленіе не суть епископы,—что они суть еретики, послѣдователи Симона волхва, проклятые и отверженные всѣми вселенскими и помѣстными соборами,—что должно разорвать съ ними общеніе, ибо находящіеся съ ними въ общеніи съ ними осудятся и съ ними муку пріимутъ. Чтȏ провозглашаетъ Акиндинъ какъ должное, то и сдѣлали Стригольники на самомъ дѣлѣ.

Отдѣлившись отъ епископовъ и отъ священниковъ, какъ отъ поставляющихъ и поставляемыхъ на мздѣ и вслѣдствіе того неистинныхъ, Стригольники указывали и на то, что епископы и священники суть стяжатели и мздоимцы, что первые собираютъ имѣнія, а вторые вымогаютъ (извѣстное простонародное «дерутъ») съ живыхъ и мертвыхъ,—что тѣ и другіе ведутъ жизнь недостойную истинныхъ пастырей. Это показываетъ, что протестъ противъ епископовъ и священниковъ, начавшійся съ платы за поставленіе, пошелъ потомъ и далѣе,—что пробудился въ умахъ людей идеалъ священства, представляемый примѣромъ временъ апостольскихъ и вообще отдаленной древности и что Стригольники протестовали противъ современныхъ себѣ епископовъ и священниковъ не только по частной причинѣ,—изъ-за поставленія на мздѣ, но вообще съ точки зрѣнія этого идеала, который носился предъ ихъ умами,—что вообще находили они священство упавшимъ и желали

видѣть его обновленнымъ [1]). Если справедливо то, что Стригольники отрицали дѣйствительность и пользу молитвъ и приношеній за умершихъ, то ихъ нравственный идеалъ составляла неумолимая строгость (суровый пуританизмъ), и естественно, что они прилагали этотъ идеалъ какъ мѣрку прежде всего къ тѣмъ, которые долженствуютъ быть на его стражѣ, каковы пастыри, т. е. епископы и священники. Мы не знаемъ, насколько собственная жизнь Стригольниковъ соотвѣтствовала ихъ ученію и ихъ идеаламъ; но св. Стефанъ даетъ знать, что рѣчь идетъ о людяхъ искреннихъ, которые на дѣлѣ стремились къ тому, въ чемъ полагали свои нравственныя требованія. Не укоряя Стригольниковъ въ фальшивости или въ томъ, чтобы они были нравственно-требовательными только на словахъ, онъ лишь хочетъ обезцѣнить ихъ дѣла, когда говоритъ: «таковыи же бѣша еретицы,—постницы, молебницы, книжницы, лицемѣрницы, предъ людьми чисти творящеся: аще бо бы не чисто житье ихъ видѣли люди, то кто бы вѣровалъ ереси ихъ?»

Противъ Стригольниковъ написаны были два обличительныя сочиненія,—грамота патр. Нила и списаніе св. Стефана [2]). Ни то ни другое не могло имѣть на нихъ ни малѣйшаго вліянія, потому что ни то ни другое не могло представлять для нихъ ни малѣйшей убѣдительности. Фактъ взиманія платы за поставленія не подлежалъ никакому сомнѣнію; а коль скоро онъ существовалъ, то не было дѣйствительныхъ доводовъ, которыми бы можно было ихъ опровергать, а доводы только кажущіеся были по отношенію къ нимъ безсильны, потому что они вовсе не были изъ числа людей темныхъ, а напротивъ изъ числа людей сравнительно образованныхъ, изучившихъ словеса книжная [3]).

---

[1]) И въ оправданіе своей рѣшимости отдѣлиться отъ недостойныхъ епископовъ и священниковъ, можетъ быть, ссылались на читаемое у Никона Черногорца (въ 7-мъ словѣ Пандектъ) изъ Аѳанасія Великаго: «Аще епископъ или пресвитеръ, сущеи очи церковныя, неподобно живутъ и соблазняютъ люди, подобаетъ извреши ихъ: уне есть имъ безъ нихъ собиратися во храмъ молитвенный, неже съ ними ввврещися, яко съ Анною и Каіафою, въ геенну огненную» (мѣсто приведено нами съ легкимъ отступленіемъ отъ печатаннаго Никона,—л. 48, какъ читается у преп. Іосифа Волоколамскаго въ Просвѣтителѣ,—Казанск. изд. стр. 522 fin.).

[2]) Что касается до существованія дѣйствительной грамоты патр. Антонія, то оно сомнительно (преп. Іосифъ Волоколамскій въ Просвѣтителѣ,—стр. 596 fin., подъ грамотой Антоніевой, очевидно, разумѣетъ Нилову, а Зиновій Отенскій въ Истины показаніи,—стр. 968 fin., какъ можно думать, просто повторяетъ Іосифа).

[3]) «Изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати хрестьяномъ»,—св. Стефанъ въ списаніи.

Патріархъ пишетъ въ своей грамотѣ: «соборная и апостольская Христова церковь, простирающаяся отъ конецъ и до конецъ (земли), благодатію и силою самого Христа какъ въ догматахъ стоитъ несокрушимою, твердою и непоколебимою, такъ и въ точномъ соблюденіи священныхъ каноновъ, и (посему) рукополагающихъ за деньги, какъ продающихъ непродаваемую благодать всесвятаго Духа, мы полагаемъ въ одинъ рядъ съ Симономъ и Македоніемъ и прочими духоборцами...; но если рукополагаемые сами отъ себя, никѣмъ не будучи принуждаемы, часто дѣлаютъ благословные расходы на свѣчи, на вино (церковное), на обѣды и на подобныя издержки, то сіи траты не могутъ быть поставляемы ни въ какую укоризну, потому что рукоположеніе бываетъ даромъ..., ибо иное есть взять за рукоположеніе и иное суть издержки на необходимыя потребности». На это Стригольники могли отвѣчать патріарху: во первыхъ, что онъ говоритъ совершенную неправду, будто рукополагаемые производили расходы только часто, а не всегда, и будто они производили ихъ сами отъ себя, не будучи никѣмъ нудимы; во вторыхъ, относительно благословности расходовъ, что—это, по Василію Великому, тѣмъ хуже, ибо кто дѣлаетъ зло подъ прикрытіемъ добра, тотъ достоинъ двойнаго наказанія—и за то, что творитъ недоброе, и за то, что употребляетъ доброе такъ сказать споспѣшникомъ себѣ въ совершеніи грѣха (пр. 90), и что Геннадій константинопольскій въ своемъ посланіи, безусловно запрещая плату за хиротонію, какъ нѣчто гнусное и симонію, не допускаетъ въ семъ случаѣ никакого измышленія и перетолкованія, никакого предлога и никакого софизма. Св. Стефанъ не отрицаетъ факта всеобщаго взиманія платы за поставленіе, и можетъ сказать въ опроверженіе Стригольниковъ только нѣчто совершенно неубѣдительное для нихъ и совершенно несостоятельное. Если плата за поставленіе, спрашиваетъ онъ Стригольниковъ, есть по вашему мзда, запрещенная канонами, а всѣ священники поставляются за плату, то значитъ по вашему, что на всей землѣ нѣтъ ни одного истиннаго священника? Но отвѣтъ на этотъ вопросъ составляло самое существованіе секты Стригольниковъ,—они потому и отдѣлились отъ церкви, что всѣ священники поставляются на мздѣ и слѣдовательно—что всѣ священники, по ихъ мнѣнію, не суть истинные священники. Всеобщее существованіе платы выставляется Стефаномъ, какъ признакъ того, что она не есть мзда, запрещенная канонами, какъ будто всеобщее существованіе въ людяхъ грѣха составляетъ признакъ того, что онъ не есть грѣхъ. Если всѣ священники, поставляемые за плату, суть священники поставляемые на мздѣ, то гдѣ, спрашиваетъ онъ Стригольниковъ, взять истинныхъ свя-

щенниковъ,—не придетъ Христосъ во второй разъ воплотиться на землю, не сойдетъ ангелъ посвятить вамъ священника? Т. е. спрашивая объ этомъ невозможномъ (не имѣющемъ послѣдовать) отъ Бога, онъ наивно забываетъ о томъ весьма возможномъ для самихъ людей, чтобы отмѣнено и уничтожено было взиманіе платы, иначе сказать—указывая на невозможность поправленія дѣла чрезъ непосредственное вмѣшательство Божіе, онъ забываетъ о совершенной возможности его поправленія собственными силами людей... Наконецъ, онъ утверждаетъ, будто доходы отъ поставленій составляютъ для епископовъ тѣ уроки церковные, про которые сказано апостоломъ, что «церковники церковью питаются и олтарницы со олтаремъ раздѣляются»...

Должно думать, что секта Стригольниковъ, несмотря на то, что она представляла собою протестъ противъ дѣйствительнаго злоупотребленія, существовавшаго въ церкви, и что невозможно было доказывать неправоту ихъ обвиненій, не была многочисленна и вовсе не имѣла широкой распространенности. Всякаго рода взиманіе до такой степени было въ духѣ времени и до такой степени составляло его законъ и норму и его основу и «устои», что могли находиться только отдѣльные люди,—такъ сказать, чрезмѣрно строгіе и чрезмѣрно чувствительные и щекотливые законники, которые бы видѣли въ платѣ за поставленія незаконную мзду и симонію, но что большинство и массы и вообще все «людство», употребляя выраженіе митр. Фотія, вовсе не обладали такою нравственною чувствительностію, чтобы протестъ противъ злоупотребленія могъ находить въ нихъ сколько нибудь сильный откликъ и могъ быть ими сколько нибудь горячо принимаемъ. Вообще, представляется вѣроятнымъ думать, что секта Стригольниковъ въ отношеніи къ своей численности была не столько настоящею сектою, которая бы считала своихъ послѣдователей сотнями и тысячами, сколько маленькимъ кружкомъ исключительно строгихъ людей, который считалъ своихъ адептовъ единицами и десятками. Если въ первое время послѣ появленія секты архіепископъ новгородскій поспѣшилъ донести о ней патріарху и просилъ у послѣдняго обличительной грамоты противъ раскольниковъ; если онъ воспользовался пріѣздомъ въ Новгородъ св. Стефана Пермскаго, чтобы получить отъ него обличительное списаніе на послѣднихъ: то эти тревоги и заботы архіепископа могутъ означать не то, чтобы расколъ при своемъ появленіи нашелъ многочисленныхъ послѣдователей, а то, что архіепископъ опасался сего въ будущемъ и что онъ боялся за свои доходы—ставленническія пошлины. Наконецъ, и посланія митр. Фотія во Псковъ даютъ знать, что дѣло

идетъ не о многочисленномъ обществѣ сектантовъ, а о «нѣкоторыхъ» помраченныхъ и отпадшихъ отъ христіанства [1]).

Фотій узналъ о существованіи во Псковѣ секты Стригольниковъ не въ самое первое время своего пребыванія на каѳедрѣ, а спустя лѣтъ пять-шесть по прибытіи на каѳедру, изъ донесенія псковскаго духовенства. Отъ 23-го Сентября 1416-го года онъ написалъ во Псковъ посланіе къ тамошнимъ властямъ, священникамъ и всѣмъ христіанамъ, въ которомъ, обличивъ зломысліе Стригольниковъ [2]), убѣждаетъ псковичей увѣрять ихъ и наказывать на истинный путь, а въ случаѣ ихъ нераскаянности и упорства повелѣваетъ отженуть ихъ отъ своей православной вѣры, да не будутъ они посреди ихъ—православныхъ какъ въ пшеницѣ плевелъ [3]). Что значитъ слово «отженуть», это въ посланіи не совсѣмъ ясно, но слѣдующія посланія Фотія даютъ знать, что онъ разумѣетъ не то, чтобы выгнать Стригольниковъ изъ Пскова и изъ псковской области, а то, чтобы извергнуть и совершенно отлучить ихъ отъ общества православной церкви. Такъ какъ это наказаніе не могло подѣйствовать на Стригольниковъ, потому что они и сами отлучали себя отъ общества церкви, то или настоящее посланіе Фотія не имѣло никакихъ слѣдствій для раскольниковъ или Псковичи, получивъ его, приняли противъ нихъ какія либо мѣры гражданской строгости. Должно думать, что послѣднее, при чемъ Псковичи могли руководствоваться каноническими правилами, которыя приводитъ Фотій и изъ которыхъ одно,—Антіохійскаго собора 5-е, повелѣваетъ предавать возмутителей мира церкви мірскимъ властелямъ, чтобы, подразумѣвается, смирять ихъ гражданскими казнями, а другое—двукратнаго собора 13-е,

---

[1]) Во времена Фотія нѣкоторые монахи нѣкоторыхъ псковскихъ монастырей не ходили на исповѣдь и не приступали къ таинству причащенія: но вовсе не дается основаній предполагать, чтобы они были Стригольники или полустригольники,—у *Павлова* coll. 389 и 399.

[2]) Митрополитъ 1) приводитъ правила каноническія, опредѣляющія наказанія пресвитерамъ и мірянамъ, самовольно отдѣляющимся отъ своихъ православныхъ и не осужденныхъ законнымъ судомъ епископовъ, 2) указываетъ на то, что взиманіе платы за поставленіе утверждено новеллой имп. Исаака Комнина и соборными приговорами патріарховъ Михаила и Николая (I т. I-я полов., стр. 430), 3) утверждаетъ, будто доходы отъ поставленій составляютъ одно изъ законныхъ средствъ содержанія епископовъ.

[3]) Посланіе въ Акт. Ист. т. I, № 21, стр. 42, и у *Павлова* № 42, col. 365.

какъ оно читается въ посланіи митрополита [1]), повелѣваетъ отнюдь (непремѣнно) заточать ихъ. И должно именно думать, что была употреблена казнь, указываемая двукратнымъ соборомъ, и что при этомъ одна часть Стригольниковъ была схвачена и посажена въ заключеніе, а другая часть успѣла скрыться и разбѣжаться. Черезъ 11-ть лѣтъ послѣ перваго посланія, отъ 22-го Іюня 1427-го года, Фотій писалъ во Псковъ второе посланіе противъ Стригольниковъ [2]). Здѣсь онъ называетъ ихъ нововозмущенными отъ пропинаемыхъ (разставляемыхъ) діавольскихъ сѣтей, и это со всею вѣроятностію нужно понимать такъ, что при употребленіи Псковичами мѣръ противъ нихъ послѣ его перваго посланія, часть ихъ, какъ мы сказали, успѣла избѣжать заключенія и скрыться и что потомъ они вновь явились. Мѣры, которыя предписываетъ Фотій противъ Стригольниковъ въ нашемъ второмъ посланіи, суть тѣ же самыя, что̀ и въ первомъ. Но Псковичи, какъ и въ первый разъ, употребили противъ нихъ свои мѣры, а именно—гражданскія казни, вѣроятно—тѣлесное наказаніе и заключеніе. Когда послѣ этого Псковичи извѣстили митрополита, что не успѣвшіе скрыться и захваченные еретики обнаруживаютъ упорство и нераскаянность и что они «на небо взирающе тамо Отца себѣ нарицаютъ», отвергая, подразумѣвается, духовныхъ отцовъ земныхъ, каковы епископы и священники, то посланіемъ отъ 23-го Сентября того же 1427-го года [3]) Фотій подтверждаетъ свои прежнія духовныя мѣры противъ упорныхъ и вмѣстѣ дозволяетъ употребленіе противъ нихъ и гражданскихъ наказаній, но только не смертной казни, а «внѣшнихъ» казней и заточеній. Наконецъ, посланіемъ отъ 24-го Сентября 1429-го года, какъ должно думать—въ виду крайняго упорства раскольниковъ, митрополитъ подтверждаетъ свое дозволеніе употреблять гражданскія казни, при чемъ, снова запрещая смертную казнь, относительно другихъ казней выражается сильнѣе, чѣмъ въ предшествующемъ посланіи: «но инако (послѣ смертной казни) всяко и заточеньми приводите ихъ въ познаніе» [4]).

---

[1]) Въ подлинникѣ: ὑποκεῖσθαι καθαιρέσει κελεύομεν; въ посланіи Фотія: «отнюдь заточити повелѣваемъ».

[2]) Въ Акт. Ист. ib. № 33, стр. 63, у *Павлова*. № 55, col. 475.

[3]) Въ Акт. Ист. ib. № 34, стр. 65, у *Павлова* № 56, col. 482.

[4]) У *Павлова* № 51, стр. 427. Издатель относитъ посланіе, подъ которымъ выставленъ мѣсяцъ, но не выставлено года, къ 1422-му или 1425-му годамъ; но изъ его сличенія съ посланіемъ отъ 23-го Сентября 1427-го года несомнѣнно слѣ-

Изъ сказаннаго нами видно, что отношенія Фотія къ Стригольникамъ представляютъ нѣчто не совершенно обыкновенное: онъ два раза предписываетъ Псковичамъ употребленіе противъ нихъ мѣръ исключительно духовныхъ и церковныхъ, и только уже послѣ сего, когда Псковичи помимо его разрѣшенія дважды обращались къ мѣрамъ гражданскимъ, дозволяетъ имъ и эти послѣднія, съ оговоркой, что во всякомъ случаѣ не должна быть употребляема смертная казнь, которой преданы были основатели секты и предать которой, вѣроятно, изъявляли Псковичи наклонность и ея упорныхъ послѣдователей. Не знаемъ, удалось ли Псковичамъ переловить всѣхъ Стригольниковъ [1]), но во всякомъ случаѣ нужно думать, что вслѣдствіе преслѣдованія, воздвигнутаго на нихъ въ 1427-мъ году, ихъ маленькое противуцерковное общество разсѣялось такъ, что болѣе уже не собиралось и не возстановлялось; по крайней мѣрѣ послѣ 1427-го года вовсе не встрѣчается упоминаній о Стригольникахъ, какъ объ особомъ обществѣ или кружкѣ.

Въ житіи преп. Павла Обнорскаго находимъ извѣстіе о митр. Фотіи, которое даетъ черту къ характеристикѣ его, какъ пастыря. Преп. Павелъ послѣ долговременнаго уединеннаго подвижничества вознамѣрился основать монастырь; когда онъ пришелъ къ митрополиту просить его благословенія на сіе, то Фотій не только не далъ ему благословенія, «но и жестока нѣкая глагола ему», пока не былъ вразумленъ о преподобномъ чудеснымъ откровеніемъ [2]). Необходимо думать, что митрополитъ принялъ было преп. Павла за одного изъ тѣхъ основателей монастырей, которые стремились быть основателями вовсе не по искреннему усердію къ монашеству, а по разнымъ стороннимъ побужде-

---

дуетъ, что оно писано позднѣе послѣдняго (между прочимъ частность: въ посланіи 1427-го года Фотій пишетъ: «тіи Стригольници, отпадающіи отъ Бога и на небо взирающіи, тамо Отца себѣ нарицаютъ», въ нашемъ посланіи: «егда держаще себе будутъ въ преданіихъ евангельскихъ и апостольскихъ и отеческихъ, и тогда могутъ Бога и Отца себѣ нарицати»). Мы относимъ посланіе къ 1429-му году потому, что изъ остальныхъ послѣ 1427-го года трехъ лѣтъ жизни Фотія, въ которыхъ былъ Сентябрь, въ 1428-мъ и 1430-мъ годахъ онъ отсутствовалъ въ Сентябрѣ изъ Москвы, ѣздивъ въ Литву.

[1]) Преп. Іосифъ Волоколамскій въ Просвѣтителѣ утверждаетъ, что удалось и что этимъ путемъ Псковичи успѣли вполнѣ искоренить и упразднить прелестную ересь Стригольниковъ. Но его свидѣтельство, какъ сторонника гражданскихъ казней противъ еретиковъ и какъ дѣлаемое именно въ доказательство пользы казней не представляется совершенно надежнымъ.

[2]) Ркп. Моск. Дух. Акад. изъ Волоколамскк. № 659, л. 186.

ніямъ, и которыхъ въ то время было чрезвычайно много. Такимъ образомъ, извѣстіе даетъ знать, что митр. Фотій былъ врагъ и преслѣдователь ханженства и пустосвятства. Перемѣнивъ свое мнѣніе о Павлѣ вслѣдствіе чудеснаго о немъ видѣнія (и, можетъ быть, естественнымъ путемъ полученныхъ точнѣйшихъ свѣдѣній), Фотій показалъ себя съ другой стороны,—со стороны своей ревности къ пастырскому учительству: онъ не только устно преподалъ истинному ревнителю монашества пространное наставленіе о монашескихъ обязанностяхъ, но потомъ еще послалъ ему и нарочитое о семъ писаніе [1]).

Мы сказали выше, что сохранились три учительныя посланія митр. Фотія во Псковъ. Кромѣ этихъ трехъ учительныхъ посланій и кромѣ сейчасъ указанныхъ посланій о Стригольникахъ, мы имѣемъ еще длинный рядъ его посланій въ тотъ же Псковъ, восходящій до числа 7-ми, содержаніе которыхъ составляютъ наставленія и правила относительно богослуженія и относительно церковной дисциплины и жизни. Псковичи находились въ особыхъ отношеніяхъ къ митр. Фотію: черезъ своихъ посадниковъ, ѣздившихъ въ Москву къ великому князю и черезъ своихъ священниковъ, которыхъ нарочно посылали къ митрополиту, они обращались къ послѣднему съ вопросами относительно недоумѣнныхъ для нихъ предметовъ въ области богослуженія и дисциплины и извѣщали его о недостаткахъ своей церковной жизни. Въ отвѣтъ на вопросы и донесенія Псковичей митрополитъ и писалъ свои сейчасъ указанныя посланія во Псковъ [2]). Къ содержанію этой категоріи посланій мы возвратимся послѣ, когда будемъ обозрѣвать наше богослуженіе и нашу церковную жизнь за данное время. Посланія свидѣтельствуютъ,

---

[1]) Преп. Іосифъ Волоколамскій свидѣтельствуетъ, что митр. Фотій, будучи врагомъ ханженства и пустосвятства въ монахахъ, глубоко чтилъ истинныхъ подвижниковъ; въ своемъ Отвѣщаніи любозазорнымъ онъ сообщаетъ о тверскомъ подвижникѣ Варсонофіи, «яко и самому архіерею Фотію, митрополиту всеа Русіи, къ тому присылати, яко да иже отъ божественныхъ писаній недовѣдомыя глаголы разрѣшитъ, о нихже любопреніе ему бываше съ нѣкими». Извѣстна рукопись, написанная по благословенію Фотія, для какого-то священноинока Саввы (Описаніе рукописей гр. Толстого, отд. II, № 4, стр. 212): можетъ быть, дѣло нужно понимать такъ, что митрополитъ благословилъ рукописью уважаемаго имъ инока.

[2]) Изъ-за мѣсячнаго суда, какъ должно думать, Фотій находился не въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ архіепископами новгородскими: возможно, что въ такихъ же не особенно хорошихъ отношеніяхъ съ архіепископами находились и Псковичи: а это могло быть отчасти причиной ихъ взаимной особенной симпатіи (если можно такъ выразиться).

что Фотій съ величайшею готовностію отвѣчалъ на вопросы Псковичей и что онъ съ такою же заботливостію относился къ ихъ донесеніямъ.

Послѣ нашествія Монголовъ у предковъ нашихъ явилась и постепенно болѣе и болѣе укрѣплялась мысль о томъ, чтобы ставить имъ своихъ митрополитовъ не изъ Грековъ, а изъ ихъ собственной среды— природныхъ Русскихъ, на каковую мысль, какъ мы говорили выше, первоначально навели предковъ нашихъ сами же Греки. Нѣкоторые акты времени митр. Фотія даютъ знать, что въ слѣдъ за одною мыслію возникла у предковъ нашихъ и другая, по отношенію къ ней— дальнѣйшая, мысль, именно—чтобы не только избирать митрополитовъ изъ природныхъ Русскихъ, но чтобы и ставить ихъ въ самой Россіи. Въ двухъ спискахъ чина поставленія въ епископы, относящихся къ 1423-му и 1424-му годамъ, находимъ, что новопоставляемый епископъ въ своемъ исповѣданіи вѣры между прочимъ даетъ обѣщаніе: «еще же и на томъ обѣщаваюся: не хотѣти ми пріимати иного митрополита, развѣ кого поставятъ изъ Царяграда, какъ есмы то изначала пріяли» [1]). Въ обѣщаніи подъ инымъ митрополитомъ нельзя разумѣть митрополита, присланнаго отъ папы, ибо во время Фотія и прежде него не было ни малѣйшаго основанія опасаться, чтобы Русскіе приняли митрополита отъ папы, и необходимо разумѣть митрополита, поставленнаго въ самой Россіи, т. е. необходимо понимать дѣло такъ, что обѣщаніе внесено въ исповѣданіе вѣры новопоставляемыхъ епископовъ въ виду опасенія, что Русскіе примутъ рѣшеніе ставить своихъ митрополитовъ у себя дома. Можетъ быть, опасеніе возникло при самомъ Фотіи, ко второй половинѣ правленія котораго относятся списки чина поставленія, а можетъ быть—что еще при его предшественникѣ Кипріанѣ. Въ лѣтописяхъ, въ офиціальныхъ актахъ и вообще въ письменныхъ памятникахъ времени Кипріана и Фотія нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы помянутая мысль при одномъ или при другомъ изъ нихъ явилась у Русскихъ. Но такъ какъ нельзя предполагать, чтобы наше обѣщаніе первымъ или вторымъ внесено было въ исповѣданіе вѣры новопоставляемыхъ епископовъ безъ всякаго основанія: то слѣдуетъ думать, что помянутая мысль, не бывъ заявляема Русскими письменно, при томъ или другомъ изъ митрополитовъ начала ходить между ними устно. Очень вѣроятно, что сами по себѣ Русскіе болѣе или менѣе долго питали бы мысль, не рѣшаясь на ея осуществленіе; но случившіяся довольно скоро послѣ

---

[1]) Одинъ списокъ въ Памятнн. *Павлова* № 52, col. 454, другой списокъ въ Акт. Экспед., т. I, № 370, стр. 463, col. 2.

Фотія особыя обстоятельства поставили ихъ въ необходимость и вынудили ихъ рѣшиться на то, чтобы привести мысль въ исполненіе...

Въ 1425-мъ году, по смерти вел. кн. Василія Дмитріевича (скончавшагося 27-го Февраля сего года), потребовалась государственная служба отъ митр. Фотія, и онъ явился усерднымъ слугой сына умершаго великаго князя—Василія Васильевича (оставшагося послѣ отца десятилѣтнимъ мальчикомъ). По существовавшему праву престолонаслѣдія, послѣ Василія Дмитріевича долженъ былъ занять столъ великокняжескій старшій изъ троихъ, состоявшихъ на лицо, его братьевъ—князь звенигородскій и галичскій Юрій Дмитріевичъ [1]). Но Василій Дмитріевичъ, вводя новый порядокъ престолонаслѣдія, оставилъ преемникомъ по себѣ своего сына. Однако Юрій Дмитріевичъ не хотѣлъ уступить своего права племяннику, и вслѣдствіе этого между двумя соперниками тотчасъ же начались враждебныя дѣйствія. Въ самую ночь смерти Василія Дмитріевича Фотій послалъ въ Звенигородъ своего боярина звать Юрія въ Москву; но этотъ отказался ѣхать въ Москву, удалился изъ Звенигорода въ Галичъ и отсюда прислалъ къ Василію посольство, черезъ которое высказалъ ему свои угрозы и взялъ съ нимъ кратковременное перемиріе. Перемиріемъ Юрій воспользовался, чтобы собрать противъ племянника войско; то же сдѣлалъ и Василій съ своими боярами и предупреждая нападеніе самъ первый выступилъ противъ дяди. Увидѣвъ рѣшимость Василіеву и сознавая свое безсиліе бороться съ нимъ, Юрій началъ бѣгать отъ его войскъ и требовалъ, чтобы племянникъ заключилъ съ нимъ перемиріе на годъ. Тогда въ Москвѣ рѣшено было отправить къ Юрію въ Галичъ митрополита, съ тѣмъ, чтобы онъ убѣдилъ князя къ заключенію мира. Фотій съ готовностію принялъ на себя порученіе и успѣлъ достигнуть цѣли, при чемъ, по словамъ лѣтописей, онъ обязанъ былъ успѣхомъ сверхъестественной помощи. Сначала Юрій рѣшительно отказался было отъ мира и соглашался только на перемиріе; но когда митрополитъ, въ гнѣвѣ на его упорство, оставилъ Галичъ, не преподавъ благословенія ему и городу, то въ послѣднемъ открылся великій моръ, и князь поспѣшилъ съ дороги воротить митрополита, прося его молитвъ и соглашаясь исполнить его требованіе. По молитвамъ возвратившагося Фотія моръ прекратился, а князь съ свою очередь сдержалъ слово и прислалъ въ Москву пословъ для заключенія мира [2]).

---

[1]) Cfr *Соловьева* Ист. т. IV, 4-го изд. стр. 51.

[2]) Никон. лѣт. V, 82 sqq. Митрополитъ, посланный изъ Москвы, такъ торопился придти въ Галичъ, что, прибывъ въ Ярославль наканунѣ праздника Ро-

Помирившись съ Витовтомъ послѣ смерти Григорія Цамблака, Фотій посѣтилъ литовскую часть своей митрополіи тотчасъ послѣ сего,—въ 1420-мъ году. Въ концѣ 1422-го года онъ опять ѣздилъ къ Витовту [1]). Нѣкоторыя, не знаемъ—насколько достовѣрныя, свидѣтельства говорятъ, что онъ былъ потомъ въ Литвѣ и въ Галиціи въ 1428-мъ году [2]). Въ послѣдній разъ Фотій ѣздилъ въ Литву во второй половинѣ 1430-го года. Въ концѣ этого года предполагалось коронованіе Витовта королевскимъ вѣнцомъ, который жаловалъ ему императоръ нѣмецкій Сигизмундъ; къ предстоявшему торжеству Витовтъ собралъ многочисленныхъ гостей изъ коронованныхъ особъ; въ числѣ гостей былъ и его внукъ Василій Васильевичъ московскій, а съ великимъ княземъ, по всей вѣроятности—также въ качествѣ приглашеннаго гостя, и митр. Фотій. Если вѣрить нашимъ лѣтописямъ, то на сей разъ,—наканунѣ смерти своей и такъ сказать на канунѣ кануна смерти митрополита, Витовтъ показалъ къ послѣднему необыкновенное дружество. Когда торжество коронаціи не состоялось, такъ какъ Поляки не пропустили въ Литву несшихъ корону императорскихъ пословъ, и когда гости разъѣхались, то Витовтъ, по словамъ нашихъ лѣтописей, оста-

---

ждества Предтечи (24-го Іюня), не остался тамъ слушать на другой день обѣдню, какъ просили его ярославскіе князья.—Къ пріѣзду митрополита въ Галичъ Юрій Дмитріевичъ собралъ въ городъ со всего галицкаго княжества многое множество народа, чтобы показать митрополиту многочисленность своихъ подданныхъ и слѣдовательно—свои великія средства для борьбы. Но митрополитъ, посмотрѣвъ на собранный народъ, одѣтый въ сермяги, со смѣхомъ сказалъ князю: «сыне князь Юрій! не видахъ столько народа во овчихъ шерстяхъ», т.-е что не видалъ я столько народа, способнаго пахать землю и негоднаго на то, чтобы воевать.—Выше мы упомянули о посланіи къ Фотію іеромонаха Исидора, послѣдующаго русскаго митрополита. Въ посланіи этомъ, которое открыто *г. Регелемъ* въ одной Ватиканской рукописи и напечатано имъ въ Analecta Byzantino-russica, Petropoli, 1891, p. 69, послѣ общаго комплимента Фотію, что онъ, нѣтъ сомнѣнія, окажетъ великія услуги государству русскому, прославляется одинъ частный случай, въ которомъ Фотій будто бы явилъ себя самоотверженнымъ слугою государства. Но молва, совершившая длинный путь отъ Россіи до Греціи, при участіи греческой великой наклонности къ льстивому сочинительству, создала Фотію славное государственное дѣяніе изъ его бѣгства отъ Татаръ въ 1411-мъ году, о которомъ говорили мы выше (стр. 365).

[1]) Никон. лѣт. V, 80 fin..

[2]) Шараневичъ въ своей Исторіи Галицко-Володимирской Руси, стр. 336 fin., не указывая источника, говоритъ, что въ 1428-мъ году на Рождество Богородицы Фотій пріѣхалъ въ Судомиръ (Сендомиръ), гдѣ видѣлся съ Ягайломъ.

вилъ при себѣ Фотія и держалъ его у себя въ великой чести еще въ продолженіе 11-ти дней [1]). Горько обманутый въ своихъ честолюбивыхъ мечтахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жестоко опозоренный Поляками, Витовтъ, можетъ быть, искалъ себѣ утѣшенія въ бесѣдахъ съ митрополитомъ. Фотій оставилъ его за три дня до его смерти, которая послѣдовала 24-го Октября [2]).

Пришедъ въ Москву на каѳедру, Фотій нашелъ свой московскій митрополичій домъ и свои митрополичьи села или усадьбы ограбленными и пустыми. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ говоритъ, что домъ и села, колику Богъ далъ силу, строилъ и исполнилъ всѣмъ. Вотчины митрополичьи умножились при немъ, какъ свидѣтельствуетъ онъ въ томъ же завѣщаніи, не только въ московской Руси,—въ великомъ княженіи и въ удѣльныхъ, но и въ Литвѣ: иное онъ прикупилъ самъ, иное получилъ какъ душевный или задушный вкладъ отъ благородныхъ и благовѣрныхъ князей и отъ всѣхъ православныхъ христіанъ. Объ одномъ изъ вкладовъ, имѣвшемъ мѣсто тотчасъ по прибытіи Фотіевомъ въ Россію и очень значительномъ, записано въ Никоновской лѣтописи. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1410-го года скончался знаменитый князь Владимиръ Андреевичъ, по прозванію Храбрый или Донской, двоюродный братъ Дмитрія Ивановича Донскаго (внукъ Калиты). При своей смерти онъ отказалъ по себѣ и по своему роду въ домъ Богородицы и чудотворцевъ Петра и Алексѣя свое подмосковное село Кудрино съ 13-ю деревнями и съ селищами и со всякими угодьями, что принадлежало къ селу изъ старины [3]).

Ничего не говорятъ наши лѣтописи о благотвореніяхъ Фотія бѣдствовавшимъ императору и патріарху константинопольскимъ. Но необходимо думать, что онъ—природный Грекъ благотворилъ имъ еще болѣе усердно, чѣмъ Кипріанъ, и вообще—въ такой мѣрѣ, въ какой только могъ [4]).

---

[1]) Никон. лѣт. V, 97.

[2]) Если Фотій не воротился на погребеніе Витовта, то нужно припомнить, что послѣдній былъ не православный, а католикъ.

[3]) Никон. лѣт. V, 34 (О части Кудринской земли спорилъ было почему-то съ митрополитомъ архіепископъ ростовскій, но потомъ отступился,—ibid. стр. 45 нач.).

[4]) Свидѣтельство синодика недѣли православія, принадлежавшаго монемвасійской митрополичьей церкви, о томъ, что онъ своими трудами увеличилъ (расширилъ) эту церковь и украсилъ ее многими священными приношеніями (прикладами), мы привели выше. Помянутое посланіе Игнатія къ Фотію даетъ знать, что не были

Мы сказали выше, что митр. Кипріанъ или самъ непосредственно или черезъ другихъ велъ лѣтопись своего времени. Съ вѣроятностію тоже должно думать и о митр. Фотіи: въ повѣствованіи Никоновской лѣтописи за его время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ясно даютъ видѣть себя люди современные ему и близкіе къ нему.

Фотій скончался 1-го или 2-го Іюля 1431-го года [1]). Передъ своей смертью онъ написалъ, подобно Кипріану, духовное завѣщаніе, въ которомъ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о себѣ до поставленія въ митрополиты и въ которомъ увѣряетъ, что время пребыванія на каѳедрѣ митрополіи было для него временемъ непрерывныхъ скорбей, слезъ и рыданій [1]).

забываемы отъ него хорошими дарами и всѣ его знакомые изъ земляковъ монемвасіотовъ.

[1]) Чудесно предъизвѣщенный о своей смерти 20-го Апрѣля 1430-го года, за семь семидесятидневныхъ седмицъ,—Никон. лѣт. V, 98 fin. sqq (Относительно дня смерти Фотія лѣтописи разногласятъ, какъ нужно думать, потому, что при вычисленіи этихъ седмицъ онѣ расходились между собою на день).

[1]) Въ Московской сѵнодальной ризницѣ сохраняются до настоящаго времени два великолѣпнѣйшіе саккоса митр. Фотія (вполнѣ соотвѣтствующіе той τῆς ἀξίας μεγαλειότητι и ясно свидѣтельствующіе о той τοῦ πλούτου βριθωσύνῃ, о которыхъ говоритъ Вріенній,—выше стр. 360 прим.), сплошь украшенные изображеніями праздниковъ и святыхъ, которые вышиты на нихъ шелками и золотомъ «съ самымъ высокимъ искусствомъ греческой работы» (на обоихъ саккосахъ, кромѣ того, вышитъ по полямъ сѵмволъ вѣры). Описаніе обоихъ саккосовъ и изображеніе одного изъ нихъ, называемаго большимъ, съ обѣихъ сторонъ, см. въ Указателѣ для обозрѣнія Московской патріаршей (нынѣ сѵнодальной) ризницы *преосв. Саввы* по 4-му изданію (къ которому въ первый разъ приложены фотографическіе снимки) и по слѣдующимъ изданіямъ, а описаніе одного большого саккоса, съ изображеніемъ одной передней его стороны, см. въ статьѣ *Г. Д. Филимонова* «Иконные портреты русскихъ царей», напечатанной въ Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ на 1875-й годъ, № 6—10, изслѣдованій стр. 45. Очень важнымъ наслѣдіемъ послѣ Фотія для науки каноническаго права была бы его греческая Кормчая, болѣе или менѣе долгое время хранившаяся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, но въ настоящее время ея въ соборѣ нѣтъ и она или погибла, что̀ вѣроятнѣе (и что̀ могло случиться еще въ великій пожаръ 1547-го года), или скрывается гдѣ нибудь въ неизвѣстности.

МИТРОПОЛИТЪ ИСИДОРЪ.

Вел. кн. Василій Дмитріевичъ послѣ смерти митр. Кипріана не хотѣлъ, послѣдуя бывшимъ прежде него примѣрамъ, ставить митрополита изъ природныхъ Русскихъ и взялъ его отъ патріарха, по старой пошлинѣ, изъ Грековъ. Напротивъ, сынъ его Василій Васильевичъ послѣ смерти митр. Фотія или, что́ вѣроятнѣе, совѣтники его сына, такъ какъ самому послѣднему въ минуту смерти Фотія было только 16-ть лѣтъ, опять хотѣли возвратиться къ новому начавшемуся обычаю и поставить митрополита изъ природныхъ Русскихъ. Одно довольно современное сказаніе увѣряетъ, что было при этомъ поступлено совершенно такъ, какъ при избраніи св. Алексія, именно—что еще при жизни Фотія и слѣдовательно, какъ должно подразумѣвать, съ его согласія и при его содѣйствіи, испрошено было будущему его преемнику изъ природныхъ Русскихъ благословеніе патріаршее[1]). Но очень сомнительно, чтобы увѣреніе сказанія было справедливо, ибо въ случаѣ его справедливости надлежало бы ожидать, что Василій Васильевичъ и избранный было имъ въ преемники Фотію св. Іона будутъ впослѣдствіи говорить объ этомъ; а между тѣмъ они ничего не говорятъ.

Должно думать, что принятое рѣшеніе избрать митрополита изъ природныхъ Русскихъ было бы приведено въ исполненіе тотчасъ послѣ смерти Фотія. Но этому воспрепятствовали случившіяся обстоятельства великаго князя. Мы сказали выше, что братъ Василія Дмитріевича Юрій Дмитріевичъ звенигородско-галичскій заключилъ въ 1425-мъ году миръ съ Василіемъ Васильевичемъ, признавъ его великимъ княземъ и

---

[1]) Сказаніе есть «воспоминаніе» о житія новгородскаго архіепископа Іоны, написанное въ 1472-мъ году (см. *Ключевск.* Житія, стр. 185 fin.), напеч. въ Памятникахъ *Кушелева-Безбородко*, IV, 27 (Іонѣ епископу рязанскому, нареченному въ преемники Фотія, «и благословеніе патріарше прежъ принесено (бысть) о семъ, еще живу сущу митрополитскому архіепископу», т.-е. Фотію,—стр. 29 col. 2).

отказавшись отъ своихъ правъ на великокняжескій престолъ, которыя было предъявлялъ. Въ 1431-мъ году Юрій Дмитріевичъ возвратилъ племяннику свои крестоцѣловальныя грамоты къ нему, принявъ намѣреніе ѣхать въ Орду, чтобы добиваться подъ нимъ у хана великаго княженія. Съ совершенною вѣроятностію предполагаютъ, что Юрій Дмитріевичъ рѣшился возобновить свои исканія въ виду смерти дѣда и сильнаго защитника Василія-Васильевичева Витовта, которая имѣла мѣсто въ концѣ 1430-го года [1]). Съ неменьшею вѣроятностію нужно предполагать, что имѣла вліяніе на рѣшимость Юрія смерть и другаго защитника Василіева—митр. Фотія, который въ 1425-мъ году принудилъ его къ миру грозою церковнаго отлученія и который могъ прибѣгнуть къ послѣднему и во всякое другое время. Какъ бы то ни было, но спустя полтора мѣсяца послѣ смерти Фотія, въ Успеньевъ день 1431-го года, Василій Васильевичъ долженъ былъ отправиться въ Орду и возвратился отъ хана въ Москву побѣдителемъ дяди не ранѣе Петрова дня слѣдующаго 1432-го года. Только послѣ этого возвращенія и могло быть приступлено къ избранію кандидата въ митрополиты.

Когда именно совершено было избраніе, остается неизвѣстнымъ. Но вообще его нужно относить къ пространству времени второй половины нашего 1432-го года. Избранъ былъ, какъ мы отчасти дали знать выше, епископъ рязанскій и муромскій св. Іона [2]). Въ одномъ изъ позднѣйшихъ посланій въ Константинополь Василій Васильевичъ увѣряетъ относительно избранія Іоны, что онъ совершилъ его, сгадавши съ своею братьею съ русскими великими князьями и съ помѣстными князьями и съ литовской земли господаремъ—великимъ княземъ и съ святителями своей земли и со всѣми священниками и духовными людьми и общежителями (иноками) и пустынными отшельниками—съ святыми старцами и съ своими боярами и со всею своею землей—со всѣмъ православнымъ христіанствомъ [3]). Если великій князь говоритъ правду, то эту необыкновенную и торжественнѣйшую всеобщность избранія

---

[1]) *Соловьев*. IV, 4 изд. стр. 54.

[2]) Извѣстна одна грамота Іоны «нареченнаго въ святѣйшую митрополью рускую» отъ 11-го Марта 1433-го года,—Акт. Ист. т. I № 37, стр. 70, и въ Памятни. *Павлова* № 61, col. 521. Но такъ какъ 8-го Февраля того же года была свадьба великаго князя, то нельзя думать, чтобы избраніе имѣло мѣсто тотчасъ послѣ свадьбы или непосредственно передъ нею (въ первомъ случаѣ—веселье, во второмъ—приготовленія); слѣдовательно, нужно полагать его не позднѣе конца 1432-го года.

[3]) Въ Акт. Ист. т. I, № 41, стр. 48 col. 1, у *Павл.* № 71, col. 578.

Іоны нужно будетъ понимать двояко—или такъ, что въ Москвѣ опасались отказа со стороны патріарха поставить въ митрополиты природнаго Русскаго и торжественною всеобщностію приговора хотѣли на него подѣйствовать; или такъ, что приняли намѣреніе избирать на будущее время митрополитовъ непремѣнно изъ природныхъ Русскихъ (только съ поставленіемъ ихъ отъ патріарха) и что поэтому хотѣли сдѣлать изъ нашего избранія какъ бы эпоху въ семъ отношеніи [1]).

Такъ или иначе, но епископу Іонѣ, избранному въ митрополиты спустя непродолжительное время послѣ смерти Фотія, удалось занять каѳедру митрополіи весьма не скоро и только послѣ того, какъ ее занимали другіе.

Въ томъ же 1432-мъ году, какъ на Москвѣ избранъ былъ Іона, великій князь литовскій Свидригайло, преемникъ Витовтовъ (братъ Ягайлы), послалъ въ Константинополь ставиться въ митрополиты епископа смоленскаго Герасима, который и былъ поставленъ патріархомъ [2]). Въ какіе митрополиты былъ поставленъ Герасимъ—всея ли Россіи или только литовскіе, остается достовѣрно неизвѣстнымъ. Само по себѣ представлялось бы вѣроятнѣйшимъ послѣднее; но есть свидѣтельства, которыя выдаютъ его за митрополита всея Россіи, и знаемъ его дѣла, которыхъ онъ не вправѣ былъ совершать, будучи митрополитомъ литовскимъ. Псковская 2-я лѣтопись, которая говоритъ о путешествіи Герасима въ Константинополь для поставленія въ митрополиты, утверждаетъ, что онъ возвратился отъ патріарха, будучи поставленъ «митрополитомъ на русскую землю», и что если онъ не поѣхалъ въ Москву, а остановился въ своемъ Смоленскѣ, то потому только, что въ Москвѣ происходили тогда замѣшательства въ князьяхъ [3]); Новгородская 3-я

---

[1]) Но могъ впрочемъ великій князь говорить и не совсѣмъ правду, имѣя для этого свои побужденія въ то время, какъ говорилъ (и что касается до великаго князя литовскаго, съ которымъ тоже будто бы сгадалъ, то—сейчасъ ниже).

[2]) Наша Псковская 2-я лѣтопись относитъ путешествіе Герасима въ Константинополь къ 1433-му году (Собр. лѣтт. V, 27). Но должно быть признано заслуживающимъ большей вѣры свидѣтельство Литовской лѣтописи, по которой Свидригайло послалъ Герасима въ Константинополь въ 1432-мъ году и которая къ 1433-му году относитъ возвращеніе послѣдняго изъ Константинополя,—въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Акад. Наукъ, кн. I, стрр. 50 и 56 прим., и въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1898-го года кн. IV, отд. I, стр. 75 (По Псковской лѣтописи, Герасимъ возвратился изъ Константинополя осенью 1344-го года; но весной этого года онъ поставилъ архіепископа новгородскаго Евѳимія,—Новгорр. 1-я и 3-я лѣтт. и Никон. лѣт.).

[3]) Подъ 1434-мъ годомъ, въ Собр. лѣтт. V, 27.

лѣтопись, говоря о посвященіи Герасимомъ новгородскаго архіепископа Евѳимія, называетъ его два раза митрополитомъ московскимъ и одинъ разъ митрополитомъ всея Россіи [1]); житіе Евѳимія, посвященнаго Герасимомъ, говоритъ, что онъ—Евѳимій «отходитъ (для посвященія) въ градъ Смоленскъ, митрополиту тамо тогда сущу, и тамо съвершенный санъ архіепископства пріемлетъ рукою преосвященнаго Герасима, митрополита кіевскаго и всея Росіи» [2]). Затѣмъ, это посвященіе Герасимомъ архіепископа Евѳимія, которое совершено было имъ весной 1434-го года, было дѣломъ митрополита не литовскаго, а московскаго или всея Россіи, такъ какъ архіепископія новгородская принадлежала къ каѳедрѣ второй, а не первой митрополіи. Не смотря однако на все сейчасъ указанное, должно быть принимаемо за гораздо и самымъ рѣшительнымъ образомъ болѣе вѣроятное, что Герасимъ былъ поставленъ въ митрополиты только литовскіе, а не всея Россіи. Уже и то чрезвычайно трудно объяснять, что императоръ и патріархъ константинопольскіе при тогдашнемъ значеніи для нихъ московскаго великаго князя, т. е. при тогдашней нуждѣ своей, которую имѣли въ немъ, поставили отдѣльнаго митрополита для Литвы; но чтобы они рѣшились поставить въ митрополиты всея Россіи кандидата, присланнаго литовскимъ великимъ княземъ, это совсѣмъ невѣроятно (и случаи, которые имѣли мѣсто много времени тому назадъ,—поставленіе Кирилла III-го и св. Петра, по причинѣ произшедшаго измѣненія обстоятельствъ, нисколько не служили бы къ объясненію нашего случая). Между тѣмъ это недоумѣнное, что Евѳимій новгородскій искалъ себѣ посвященія у митрополита литовскаго и что лѣтописи Новгородская и Псковская и житіе Евѳиміево имѣютъ желаніе выдавать сего митрополита за митрополита всея Россіи, легко можетъ быть объяснено. Мы говорили выше, что митр. Фотій, напрасно старавшійся послѣ Кипріана добиться отъ Новгородцевъ, чтобы они возвратили ему «мѣсячный судъ» и соединенныя съ послѣднимъ пошлины, поставилъ имъ двухъ архіепископовъ—Сумеона и Евѳимія 1-го (Брадатаго) и отказался поставить третьяго—нашего Евѳимія 2-го (Вяжицкаго), который, бывъ избранъ 13-го Ноября 1428-го или 1429-го года за два съ половиной или полтора года до смерти Фотія, такъ и остался непосвященнымъ при немъ. Естественно было опасаться Евѳимію и Новгородцамъ, что и преемникъ Фотіевъ поставитъ посвященіе перваго изъ нихъ въ зависимость отъ того, чтобы отказались отъ своего упорства въ отношеніи къ мѣсяч-

---

[1]) Въ Собр. лѣтт. III, 238.

[2]) Въ Памятникахъ *Кушелева-Безбородко*, IV, 18 fin..

ному суду вторые; а поэтому, естественно было одному и другимъ воспользоваться небытіемъ митрополита на Москвѣ и бытіемъ особаго митрополита въ Литвѣ, чтобы получить отъ послѣдняго—одному посвященіе въ архіепископы, другимъ—посвященнаго архіепископа. Но кольскоро Евѳимій и Новгородцы позволили себѣ достигнуть своихъ желаній незаконнымъ образомъ,—каково посвященіе перваго митрополитомъ литовскимъ, то совершенно естественно было, чтобы лѣтописцы новгородскіе и псковскіе и авторъ житія Евѳиміева, желая представить незаконное законнымъ, выдавали Герасима за митрополита всея Россіи. Имѣемъ и положительное, впрочемъ позднѣйшее и нисколько недостовѣрное, свидѣтельство, что Евѳимій принятіемъ посвященія отъ Герасима привлекъ на себя гнѣвъ московскаго великаго князя [1]).

Такимъ образомъ, со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что Герасимъ былъ поставленъ въ митрополиты не всея Руси, а только литовскіе, и что его поставленіе не служило препятствіемъ къ тому, чтобы Іона шолъ въ Константинополь искать себѣ посвященія въ митрополиты всея Россіи или московскіе [2]). Но если сейчасъ указаннаго нельзя считать причиной, по которой Іона могъ бы замедлить своимъ путешествіемъ въ Константинополь для посвященія, то тѣмъ не менѣе

---

[1]) Свидѣтельство, читаемое въ житіи Михаила Клопскаго, которое составлено московскимъ литераторомъ половины XVI вѣка и, очевидно, представляющее его собственную догадку,—въ Памятникахъ *Кушелева-Безбородко*, IV, 43, col. 2, cfr новгородскія редакціи житія въ изслѣдованіи *И. Некрасова*: «Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси», часть I, Одесса, 1870, приложж. стрр. 7 fin. и 34 fin..

[2]) Герасимъ, занявъ каѳедру митрополіи литовской въ 1433-мъ году (когда возвратился изъ Константинополя), сидѣлъ на ней весьма недолго: 26-го Іюля 1435-го года онъ сожженъ былъ Свидригайломъ по подозрѣнію въ политической измѣнѣ (въ сообщничествѣ съ его—Свидригайловымъ соперникомъ, братомъ Витовтовымъ Сигизмундомъ, который въ Сентябрѣ 1432-го года согналъ его съ великаго княженія изъ Вильны, послѣ чего онъ, добиваясь возвратить себѣ Вильну, сталъ великимъ княземъ русской Литвы, именно—нѣкоторой части изъ принадлежавшей Литвѣ Руси,—Литовск. и Псковск. 2-я лѣтопп.; дата сожженія во второй). Существуютъ два посланія папы Евгенія IV—одно къ Свидригайлу, другое къ Герасиму, оба отъ 13-го Ноября 1434-го года, изъ которыхъ оказывается, что первый имѣлъ или по крайней мѣрѣ выражалъ желаніе подчинить своихъ православныхъ подданныхъ папѣ и что будто бы послѣдній для сей цѣли изъявлялъ готовность предпринять путешествіе въ Римъ. Посланія напечатаны въ приложеніяхъ къ сочиненію *А. Коцебу*: Свидригайло, великій князь Литовскій, Спб., 1835. Мы возвратимся къ нимъ послѣ.

это замедленіе имѣло мѣсто и его дѣйствительною причиной должно считать государственныя неблагопріятныя обстоятельства самой Москвы. Къ Петрову дню 1432-го года Василій Васильевичъ возвратился изъ Орды, принесши отъ хана ярлыкъ на великое княженіе, и въ продолженіе второй половины года Іона избранъ былъ на каѳедру митрополіи; но или онъ задержанъ былъ въ Москвѣ свадьбой великаго князя, которая имѣла мѣсто 8-го Февраля 1433-го года, или ничѣмъ не задерживаемый занимался сборами въ Константинополь, которые не могли быть слишкомъ скорыми, поелику нужно было приготовить возможно достаточное количество денегъ, какъ на престолѣ великокняжескомъ пошли замятія. Спустя весьма непродолжительное время послѣ свадьбы Василья Васильевича поднялся на него Юрій Дмитріевичъ и въ продолженіе двухъ годовъ,—1433-го и 1434-го, дважды ссаживалъ его съ великокняжескаго престола, чтобы занимать послѣдній самому [1]. При такихъ обстоятельствахъ Іона, очевидно, не могъ рѣшиться пойти въ Константинополь: отправившись въ Грецію отъ одного великаго князя, онъ могъ придти назадъ при другомъ и этимъ другимъ могъ быть не принятъ. Возможность думать о путешествіи настала со второй половины 1434-го года. Юрій Дмитріевичъ, занявъ во второй разъ престолъ великокняжескій 31-го Марта этого года, умеръ на немъ спустя два съ небольшимъ мѣсяца,—6-го Іюня [2]; изъ трехъ оставшихся послѣ него сыновей двое младшихъ (Дмитрій Шемяка и Дмитрій Красный) хотѣли видѣть великимъ княземъ лучше Василья Васильевича, чѣмъ своего старшаго брата (Василія Косаго), отъ котораго отказались. Вслѣдствіе всего этого Василій Васильевичъ не только возвратился на престолъ великокняжескій, но и сѣлъ на немъ твердо [3].

Послѣ половины 1434-го года и былъ наконецъ Іона посланъ Василіемъ Васильевичемъ въ Константинополь ставиться въ митрополиты. Когда именно отправился онъ изъ Москвы въ Константинополь, остается неизвѣстнымъ; приблизительно должно полагать, что не позд-

---

[1]) Въ первый разъ Юрій Дмитріевичъ занялъ великокняжескій престолъ послѣ того, какъ 25-го Апрѣля 1433-го года разбилъ Василія Василіевича и успѣлъ захватить его въ плѣнъ; во второй разъ онъ взялъ Москву и сѣлъ въ ней 31-го Марта 1434-го года.

[2]) Мѣсяцъ и число въ Архангелогородск. лѣтоп., стр. 119 fin., cfr *Карамз.* V. прим. 276 fin..

[3]) А Василій Косой, пытавшійся было бороться съ Василіемъ Василіевичемъ одинъ, безъ братьевъ, въ 1436-мъ году былъ взятъ послѣднимъ въ плѣнъ и ослѣпленъ.

нѣе конца 1435-го, начала 1436-го года [1]). Однако долго откладыванное и наконецъ состоявшееся было путешествіе оказалось напраснымъ: не за много времени до прибытія Іоны въ Константинополь тамъ поставленъ былъ митрополитъ русскій изъ мѣстныхъ греческихъ кандидатовъ, въ качествѣ простаго спутника которому онъ—Іона и долженъ былъ возвратиться въ Россію. Не совсѣмъ понятно то, что сколько Русскіе медлили отправленіемъ въ Константинополь для посвященія своего кандидата, столько же Греки съ своей стороны медлили замѣщеніемъ каѳедры русской митрополіи независимо отъ самихъ Русскихъ. Можетъ быть, занятые своими тогдашними переговорами съ Западомъ по дѣлу о соединеніи церквей, они не находили времени позаботиться о замѣщеніи каѳедры русской митрополіи; можетъ быть, они медлили назначать митрополита въ Россію въ виду смутъ, происходившихъ на московскомъ великокняжескомъ престолѣ; можетъ быть, наконецъ, причиной медленія было и единственно то, что они вообще не очень торопились съ поставленіемъ русскихъ митрополитовъ. Въ концѣ концовъ, причина медленія Грековъ остается для насъ вовсе неясною и неизвѣстною [2]). По той или другой причинѣ слишкомъ долго они медлили, но затѣмъ собственныя ихъ обстоятельства потребовали, чтобы

[1]) Наши лѣтописи вовсе не говорятъ ни объ избраніи Іоны въ митрополиты, ни объ его путешествіи въ Константинополь, и о послѣднемъ мы узнаемъ изъ посланій великаго князя къ императору и патріарху константинопольскимъ,—Акт. Ист. т. I, № 39 и 41, стрр. 73 и 84, у *Павл.* coll. 529 и 579. Исидоръ былъ поставленъ въ митрополиты русскіе до прибытія Іоны въ Константинополь и именно,—какъ говоритъ самъ Іона, не задолго до прибытія,—Акт. Ист. ib. № 47, стр. 95, col. 2 и у *Павл.* col. 561. Когда поставленъ былъ Исидоръ, остается неизвѣстнымъ; но такъ какъ онъ прибылъ въ Москву 2-го Апрѣля 1437-го года, то его поставленіе должно быть относимо не къ болѣе позднему времени, какъ середина 1436-го года.—Іону сопровождалъ въ Константинополь посолъ великаго князя, бояринъ Василій,—Акт. Ист. т. I, № 39, стр. 73, у *Павлова* col. 529 (который есть тотъ Полуектъ Море, что̀ позднѣе былъ посыланъ въ Константинополь.—Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 162 нач.).

[2]) Если бы принимать, что передъ смертію Фотія дѣйствительно было посылано къ нимъ съ просьбою о поставленіи кандидата, имѣющаго быть присланнымъ изъ самой Россіи, то можно было бы полагать, что они все ждали прибытія кандидата; но принимать это, какъ мы сказали, весьма сомнительно. Если бы принимать, что Герасимъ въ 1432—33-мъ году былъ поставленъ въ митрополиты не литовскіе только, а всея Россіи, то совсѣмъ не являлось бы вопроса о причинѣ медленія Грековъ. Но, какъ опять мы сказали, намъ представляется совершенно невѣроятнымъ допускать, чтобы Герасимъ поставленъ былъ въ митрополиты всея Россіи.

каөедра русской митрополіи была ими замѣщена. Мы сейчасъ упомянули, что они вели тогда переговоры съ Западомъ относительно соединенія церквей. Къ концу 1435-го года эти переговоры дошли до того, что рѣшено было созвать для устроенія дѣла соединенія церквей нарочитый соборъ, мѣстомъ котораго была потомъ назначена Феррара въ Италіи и относительно котораго въ этомъ концѣ 1435-го года они начали дѣлать приготовленія [1]). Такъ какъ Греки непремѣнно желали, чтобы на соборѣ присутствовалъ между прочимъ и митрополитъ русскій, то и нужно было позаботиться о замѣщеніи каөедры русской митрополіи, остававшейся дотолѣ праздною. Не задолго до прибытія въ Константинополь Іонина [2]), около половины 1436-го года, тамъ поставленъ былъ въ митрополиты русскіе пріобрѣтшій печальную извѣстность въ исторіи нашей церкви своей попыткой ввести у насъ флорентійскую унію Грекъ Исидоръ.

Исидоръ, по свидѣтельствамъ современнымъ—природный Грекъ, по свидѣтельствамъ позднѣйшимъ и неизвѣстно откуда взятымъ—огречившійся Болгаринъ и, какъ необходимо принимать, именно Грекъ, а не Болгаринъ [3]), въ отношеніи къ своимъ достоинствамъ—человѣкъ,

---

[1]) О приготовленіяхъ Грековъ къ Ферраро-флорентійскому собору и о самомъ этомъ соборѣ см. напечатанную въ Москвѣ, въ 1847-мъ году, «Исторію Флорентійскаго собора», которая обыкновенно усвояется *А. В. Горскому* и которая на самомъ дѣлѣ представляетъ собою магистерскую диссертацію студента 15-го курса Московск. Дух. Академіи *Ивана Остроумова* (Исторія Академіи *С. К. Смирнова*, стр. 241), только написанную подъ руководствомъ А. В—ча (о приготовленіяхъ стр. 31). Со времени возвращенія Константинополя отъ крестоносцевъ импер. Михаиломъ Палеологомъ въ 1261-мъ году и до его завоеванія Турками Греки по своимъ политическимъ обстоятельствамъ почти непрестанно вели переговоры съ папами о соединеніи церквей.

[2]) Что именно до прибытія, относительно чего намъ приходилось встрѣчать сомнѣнія, объ этомъ кромѣ указаннаго выше свидѣтельства самого Іоны см. еще свидѣтельство великаго князя,—Акт. Ист. №№ 41 и 262, стрр. 84 и 493, у *Павлова* col. 579.

[3]) Исидора называютъ Грекомъ: современные греческіе лѣтописцы Дука,—cap. XXXVI, ed. Paris, p. 142 (Ῥωμαῖος τὸ γένος), и Халкондила,—lib. VI, въ Патрол. Миня t. 159 col. 292 (φιλόπατρις въ отношеніи къ Греціи), почти современный польскій лѣтописецъ Длугошъ,—lib. XII, Лейпцигск. изд. 1711-го года стр. 727 (natione Graecus), наше современное Слово и сказаніе о составленіи осьмаго собора латинскаго,—у *А. Н. Попова* въ Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 362 нач., наши Новгородская 1-я и Никоновская лѣтописи,—подъ 1437-мъ годомъ, и наконецъ

выдававшійся изъ ряда другихъ блестящими талантами и отличнымъ

современный, лично и близко знавшій Исидора, писатель западный—Эней Сильвій Пикколомини, съ 1458-го по 1464-й годъ бывшій папой подъ именемъ Пія II (въ Запискахъ о своей жизни, которыя выдалъ подъ именемъ своего домашняго секретаря Іоанна Гобеллина—Pii II Pontificis, Maximi Commentarii rerum memorabilium, quae temporibus ejus contigerunt libri XII a Ioanne Gobellino. Если бы Эней Сильвій называлъ Исидора просто Грекомъ, тогда его свидѣтельство было бы не совершенно надежно: и бывъ огреченнымъ Болгариномъ, Исидоръ выдавалъ бы себя въ Италіи за Грека, а Сильвій, конечно, не доискивался досконально, что̀ онъ такое—настоящій Грекъ или огреченный Славянинъ; но Сильвій указываетъ національность Исидора съ указаніемъ его родины, именно—говоритъ, что онъ былъ Грекъ изъ Пелопоннеса,—fuisse Graecum ex Peloponneso. Если изъ Пелопоннеса, то, конечно, настоящій Грекъ, а не огреченный Болгаринъ, хотя, можетъ быть, и огреченный Славянинъ въ томъ отдаленномъ смыслѣ, въ которомъ бо̀льшая часть нынѣшнихъ Пруссаковъ представляютъ собой онѣмеченныхъ Славянъ, о чемъ, т.-е. о каковомъ возможномъ отдаленномъ славянствѣ Исидора, см. въ нашемъ Краткомъ очеркѣ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской стрр. 1 и 214. Не цитуемъ обстоятельно Комментаріевъ Энея Сильвія потому, что не могли ихъ найдти и что свидѣтельство ихъ беремъ изъ вторыхъ, собственно—изъ третьихъ, рукъ,—изъ Νεοελληνιχὴ φιλολογία *Саѳы*, стр. 36 прим., который беретъ изъ книги Годія (Hodii) De Graecis illustribus, также и по той же причинѣ не видѣнной нами). Болгариномъ называютъ Исидора: наша Густинская лѣтопись,—въ Собр. лѣтт. II, 354 fin., Игнатій Кульчинскій въ своемъ Specimen Ecclesiae Ruthenicae,—изд. Мартынова, Paris, 1859, p. 122, Михаилъ Le Quien въ Oriens Christianus,—I, 1269 нач. (Густинская лѣтопись называетъ Исидора Болгариномъ или на основаніи польскихъ историковъ Бѣльскаго и Кромера, которые выставлены въ ней въ данно́мъ мѣстѣ на полѣ и которыхъ мы не имѣемъ подъ руками, или, можетъ быть, основываясь на томъ, что его протодіаконъ, позднѣйшій литовскій митрополитъ, Григорій былъ Болгаринъ; Кульчинскій и Лекень называютъ Исидора Болгариномъ или на основаніи тѣхъ же польскихъ историковъ или—первый на основаніи Густинской лѣтописи, второй—на основаніи перваго. Преосв. Филаретъ въ Обзорѣ, § 90, говоритъ еще: «вполнѣ вѣроятно то древнее извѣстіе, которое называетъ Исидора Словакомъ: онъ хорошо зналъ славянскій языкъ»: но какое онъ разумѣетъ древнее извѣстіе, а также откуда знаетъ, что Исидоръ хорошо зналъ славянскій языкъ, остается неизвѣстнымъ.—Что касается до отечества Исидорова, то одни называютъ его византійцемъ, т.-е. константинопольцемъ, другіе солунцемъ, третьи пелопонезцемъ; па основаніи свидѣтельства Энея Сильвія, дѣйствительной его родиной долженъ быть считаемъ Пелопоннезъ (а на основаніи его письма къ митр. Фотію, о которомъ упоминали мы выше, очень вѣроятно считать его землякомъ Фотія, т.-е. монемвасіотомъ или мальвазійцемъ).—Если бы и не имѣли мы положительныхъ свидѣтельствъ, что Исидоръ былъ природный Грекъ, а не огреченный Болгаринъ, то рѣшительнымъ образомъ доказывали

образованіемъ [1]), до поставленія въ митрополиты русскіе былъ игуменомъ константинопольскаго монастыря св. Димитрія [2]). Въ санѣ игумена монастыря онъ посыланъ былъ въ 1433-мъ году императоромъ Іоанномъ Палеологомъ въ числѣ другихъ пословъ на соборъ Базельскій для переговоровъ о соединеніи церквей, приведшихъ къ устроенію

бы намъ эту его греческую природность—во-первыхъ, тотъ авторитетъ, которымъ онъ пользовался между Греками и о которомъ ниже, во-вторыхъ—его греческій патріотизмъ, который извѣстенъ и о которомъ отчасти также ниже.

[1]) Наша Никоновская лѣтопись говоритъ о немъ, что онъ былъ «многимъ языкомъ сказатель и книжникъ»,—V, 123; нашъ Симеонъ суздалецъ, ѣздившій съ нимъ на Флорентійскій соборъ и написавшій повѣсть о послѣднемъ, говоритъ о немъ, что «болѣ всѣхъ Грекове мнѣли его великимъ философомъ», см. у *А. С. Павлова* въ Критическихъ опытахъ по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, стр. 200; Халкондила называетъ его человѣкомъ ученымъ (ἐλλόγιμος),—lib. VI, въ Патрол. Миня t. 159 col. 292, а Дука говоритъ, что изъ присутствовавшихъ на соборѣ греческихъ архіереевъ Виссаріонъ никейскій и Исидоръ русскій были образованнѣйшіе (λογιώτεροι),—гл. XXXI, ed. Paris. p. 119; папа Евгеній IV въ своей грамотѣ, которою возводитъ Исидора въ званіе апостолическаго легата, говоритъ, что Dei benignitas plurimum exornavit (его) magnitudine consilii, rerum agendarum experientia, prudentia quoque et sacrarum litterarum doctrina,—въ Historica Russiae Monimenta *Тургенева*, I, 120, также въ Monumenta Poloniae *Тейнера*, II, 41. О дипломатическихъ способностяхъ Исидора свидѣтельствуетъ то, что онъ посылаемъ былъ императоромъ въ числѣ пословъ на Базельскій соборъ, о чемъ сейчасъ ниже. Нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ предполагаютъ, что онъ получилъ образованіе вмѣстѣ съ Виссаріономъ у знаменитаго въ свое время философа (и полигистора) Гемиста Плетона (Годій,—у Саты ibidd.). Такъ какъ Плетонъ училъ въ Пелопоннесѣ, а Исидоръ былъ родомъ изъ Пелопоннеса, и такъ какъ по лѣтамъ возраста второй, кажется, могъ быть ученикомъ перваго: то нельзя не признать предположенія довольно вѣроятнымъ; но затѣмъ однако въ подкрѣпленіе его не можетъ быть указано совершенно ничего положительнаго.

[2]) Въ Константинополѣ были два святые Димитрія—одинъ, находившійся на мысу Акрополя, что̀ нынѣ Сарай-Бурну, другой—сзади дворца императорскаго къ Мраморному морю, недалеко отъ церкви свв. Сергія и Вакха, что̀ нынѣ Кучукъ-айя—Софія, и близь Жидовскихъ воротъ городской стѣны, которые въ настоящее время называются Кумъ-капуси. Такъ какъ первый не былъ, кажется, монастыремъ, а приходскою церковью, а второй былъ именно монастыремъ, то, вѣроятно, втораго и должно разумѣть. Монастырь былъ построенъ Палеологами, почему, какъ ихъ ктиторія, и назывался ихъ именемъ—μονὴ τῶν Παλαιολόγων (ктиторскій уставъ ему его возобновителя импер. Михаила Палеолога—въ Христ. Чт. 1885-го года, Ноябрь—Декабрь, стр. 529; у нашего Стефана Новгородца: «монастырь царевъ»). О первомъ

собора Ферраро-флорентійскаго [1]). Выборъ Исидора въ русскіе митрополиты обыкновенно представляется такъ, что императоръ и патріархъ константинопольскіе, собираясь отправиться на Ферраро-флорентійскій соборъ, желали видѣть на каѳедрѣ русской митрополіи человѣка, который бы былъ преданъ дѣлу соединенія церквей и что онъ—Исидоръ вполнѣ отвѣчалъ этому требованію, при чемъ подъ преданностію дѣлу соединенія церквей разумѣютъ готовность пожертвовать православіемъ латинству, каковую Исидоръ показалъ на самомъ соборѣ. Но подобное представленіе дѣла совершенно несправедливо въ отношеніи къ императору и патріарху. Отправляясь на Ферраро-флорентійскій соборъ, императоръ и патріархъ вовсе не имѣли въ виду того, чтобы купить союзъ съ папою цѣною пожертвованія православіемъ латинству, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ; вмѣстѣ со всѣми Греками они питали твердую, хотя и странно легкомысленную, увѣренность, что истинѣ православія удастся восторжествовать надъ упорствомъ латинянъ, и поэтому они отправлялись на соборъ вовсе не съ предрѣшоннымъ намѣреніемъ уступить, а напротивъ съ полною надеждою достигнуть того, чтобы сдѣлала это противная сторона [1]). А такимъ образомъ, завѣдо-

---

св. Димитріи см. Никифора Григору, lib. XVII, cap. 6, ed. Bonn. p. 860, и у *Унгера* въ Quellen d. Byzant. Kunstgeschichte, I. 219; о второмъ—Константина Порфирог. въ De ceremm. lib. I, cap. 21. Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича,* I, 42, II. 325 нач., и нашего Стефана Новгородца въ Сказаніяхъ русскаго народа Сахарова, кн. VIII, стр. 43 col. 1 fin. (точно указывается мѣсто).

[1]) Соборъ Базельскій начался 14-го Декабря 1431-го года и продолжался до 16-го Мая 1444-го года. О сношеніяхъ съ нимъ императора константинопольскаго см. въ Исторіи Флорентійскаго собора *Остроумова* (*Горскаго*). Грамоту императора къ собору отъ 11-го Ноября 1433-го года см. въ Monumenta, spectantia ac unionem ecclesiarum Graecae et Romanae, *Тейнера* и *Миклошича,* p. 44. Въ грамотѣ духовный посолъ при двухъ свѣтскихъ безъименно называется καθηγούμενος τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ ἁγίου Δημητρίου, но у *Сиропула* въ его Исторіи Флорентійскаго собора (Historia vera unionis non verae): ὁ τότε τιμιώτατος ἐν ἱερομονάχοις καὶ καθηγούμενος τῆς σεβασμίας μονῆς τοῦ ἁγίου Δημητρίου κύριος Ἰσίδωρος, ὁ μετὰ ταῦτα Ῥωσίας γεγαώς,—τμημ. 2, κεφ. 21.

[1]) Cfr Исторію Флорентійск. собора, стр. 176 (Іосифъ Вріенній, о которомъ мы упоминали выше, въ разсказѣ о митрополитѣ Фотіи, немного не дожившій до Ферраро-флорентійскаго собора, увѣрялъ, что онъ знаетъ нѣкое слово, которое будто бы бывъ сказано, несомнѣнно имѣло произвести соединеніе,—Православн. Обозр. 1879-го года т. II. стр. 445. Никакого подобнаго слова Вріенній, конечно, не зналъ; но его примѣръ показываетъ фанатическую увѣренность въ себѣ греческихъ богослововъ. Въ одной изъ нашихъ повѣстей о осьмомъ, т.-е. Флорентійскомъ, соборѣ

мая готовность Исидора пожертвовать православіемъ латинству не только не снискала бы ему особеннаго благоволенія императора и патріарха, но напротивъ была бы для нихъ очень плохою его рекомендаціей. Что касается до самого Исидора, то мы не можемъ сказать когда онъ сталъ тайнымъ сторонникомъ латинства; но несомнѣнно, что онъ сталъ явнымъ его сторонникомъ не ранѣе какъ уже на самомъ соборѣ Ферраро-флорентійскомъ. И въ нашихъ русскихъ сказаніяхъ и актахъ есть свидѣтельства, что Греки ожидали видѣть въ немъ на соборѣ не измѣнника православію, а одного изъ самыхъ твердыхъ и надежныхъ его защитниковъ, и что когда онъ пришелъ въ Россію и пока оставался въ ней до путешествія на соборъ, никто не зналъ и не подозрѣвалъ въ немъ того латинника, которымъ онъ явился. Одинъ изъ спутниковъ Исидора на соборъ,—суздальскій іеромонахъ Сѵмеонъ (находившійся при сопровождавшемъ митрополита суздальскомъ епископѣ Авраміи) составилъ описаніе собора и здѣсь говоритъ, что когда русскій митрополитъ замедлилъ своимъ прибытіемъ въ Феррару, то Греки отлагали пренія, ожидая (будто бы) его прибытія, «болѣ (бо) всѣхъ,—поясняетъ Сѵмеонъ,—Грекове мнѣли Исидора великимъ философомъ, да того ради и ждали его» [1]). Вел. кн. Василій Васильевичъ въ одномъ изъ своихъ посланій въ Константинополь говоритъ, что онъ принялъ Исидора «якоже преднихъ святѣйшихъ митрополитовъ, мняще, яко да и сей единъ отъ нихъ есть, не вѣдуще, еже напреди хощетъ отъ него кое дѣло быти» [2]). Митр. Іона въ своемъ посланіи къ одному русскому епископу говоритъ, что пока былъ Исидоръ до собора въ Россіи, «никто еще тогда того не вѣдалъ», чтобы онъ намѣревался поддать все великое наше православіе въ римскія законоположенія и ученія [3]). Такимъ образомъ, относительно поставленія Исидора на ка-

---

говорится, что Греки ходили въ Италію къ папѣ Евгенію, «еже обратити латынъ въ православную вѣру»,—*Восток.* Опис. Румянц. Муз. стр. 778 col. нач.).

[1]) У *Павлова* въ Критичч. опытахъ, стр. 200.

[2]) Акт. Ист. т. I № 39, стр. 73, въ Памятнн. *Павлова* col. 531 нач..

[3]) Посланіе къ Мисаилу, епископу смоленскому,—въ Акт. Ист. т. I № 62, стр. 110 col. 2, у *Павлова* col. 660. Въ нашихъ сказаніяхъ объ Исидорѣ читается разсказъ о немъ, который хочетъ дать знать, что, прибывъ въ Россію и бывъ въ ней до отправленія на соборъ тайнымъ латинникомъ, онъ сталъ явнымъ тотчасъ же, какъ, отправившись на соборъ, переступилъ предѣлы Россіи, именно—что когда въ Юрьевѣ ливонскомъ или въ бывшемъ Дерптѣ вышли встрѣчать его съ крестами священники латинскіе и тамошніе священники православные, то кресту или крыжу латинскому онъ отдалъ всю подобающую честь, а къ крестамъ

ѳедру русской митрополіи представляется необходимымъ думать не то, чтобы онъ былъ возведенъ на нее по причинѣ своей извѣстной преданности латинству, а то, что онъ былъ признаваемъ достойнымъ ея занятія по своимъ качествамъ и что, ставя его на высокое мѣсто, съ цѣлію придать ему бо̀льшій внѣшній авторитетъ (подобно тому, какъ Виссаріонъ никейскій и Маркъ ефесскій были поставлены изъ іеромонаховъ въ митрополиты передъ самымъ отправленіемъ на соборъ), ожидали видѣть въ немъ на соборѣ одного изъ надежнѣйшихъ борцовъ за православіе [1]).

православнымъ показалъ явное пренебреженіе (самый разсказъ см. ниже): но должно быть принимаемо болѣе чѣмъ за вѣроятное, что разсказъ этотъ есть позднѣйшее сочиненіе объ Исидорѣ. Разсказъ читается въ описаніи его путешествія на Ферраро-флорентійскій соборъ, которое составлено кѣмъ-то неизвѣстнымъ изъ числа его спутниковъ (но не Симеономъ суздальскимъ, которому обыкновенно усвояется, cfr *Павлова* Критичч. опыты, стр. 92 sqq). Описаніе извѣстно въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна напечатана въ Вивліоѳикѣ *Новикова*, VI, 27, другая въ Сказаніяхъ русскаго народа *Сахарова*, т. II, кн. 8. Разсказъ читается въ редакціи Сахаровской, несомнѣнно позднѣйшей (cfr *Павл.* ib. 95), и не читается въ редакціи Новиковской. Митр. Іона, говоря въ одномъ изъ своихъ посланій о нашемъ поступкѣ Исидора съ крестами, вмѣсто Юрьева ливонскаго называетъ Ригу (Акт. Ист. т. I № 66, стр. 118 col. 2), чѣмъ даетъ знать, что дѣло съ исторіей было не твердо...

[1]) И Сиропулъ, какъ мы видѣли, говоря объ Исидорѣ до поставленія въ русскіе митрополиты, употребляетъ о немъ выраженіе: ὁ τότε τιμιώτατος ἐν ἱερομονάχοις.— Читаются позднѣйшіе разсказы, не знаемъ и не можемъ въ настоящее время указать—изъ какого первоначальнаго источника заимствованные, въ которыхъ утверждается, будто Исидоръ былъ присланъ въ Константинополь папою и будто онъ получилъ каѳедру русской митрополіи посредствомъ коварства. Степенная книга говоритъ: «Въ лѣта же она нѣкто Исидоръ пріиде отъ Рима въ Царствующій градъ и усмотрѣвъ си время и увѣда, яко на Русіи Фотій митрополитъ къ Богу отъиде и тако нѣкоимъ богопротивнымъ коварствомъ увѣща царя и патріарха и поставленъ бысть въ митрополиты», II, 8 fin., также 71 fin.. Татищевъ, не знаемъ—распространяя ли только вольнымъ образомъ и на свой татищевскій манеръ Степенную книгу или же пользуясь еще какимъ другимъ источникомъ, говоритъ, что Исидоръ былъ родомъ земли Далматинскія благочестивыхъ, т.-е. православныхъ, родителей, но тайно держался ереси латинскія,—что онъ поставленъ былъ папою епископомъ во Иллиріи,—что, когда рѣшено было быть осьмому собору о соединеніи церквей, папа послалъ его въ Константинополь съ дарами многими доставать себѣ митрополію русскую, для того, чтобы потомъ явиться на соборъ и помогать ему—папѣ,—IV, 518 (Татищева повторяетъ митр. Евгеній въ Словарѣ духовныхъ писателей,—I, 213, а увѣренію, что Исидоръ домогался власти надъ россійскою церковью по согласію съ

Хотя Іона нѣсколько опоздалъ прибыть въ Константинополь, но тамъ могли бы, если бы хотѣли, уладить дѣло, а именно—Исидоръ, чтобы очистить каѳедру русской митрополіи для кандидата, присланнаго изъ самой Россіи, могъ быть переведенъ на одну изъ мѣстныхъ,—дѣйствительныхъ или титулярныхъ, каѳедръ. Но въ Константинополѣ въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ не могли желать этого сдѣлать и напротивъ, какъ необходимо думать, были очень довольны, что оказалось возможнымъ поставить митрополита русскаго не изъ природныхъ Русскихъ, а изъ Грековъ. По весьма важнымъ причинамъ Греки должны были желать, чтобы митрополитъ русскій непремѣнно присутствовалъ на соборѣ о соединеніи церквей, а между тѣмъ на митрополита этого изъ природныхъ Русскихъ никакъ нельзя было положиться, чтобы онъ захотѣлъ прибыть на соборъ. Помышляя серьёзнымъ образомъ о соединеніи и мечтая устроить его прочнымъ образомъ, Греки хотѣли, чтобы соборъ, на которомъ оно совершится, былъ настоящій вселенскій и чтобы со стороны православной присутствовали не одни только они сами, но представители и всѣхъ другихъ частныхъ церквей, а въ числѣ другихъ частныхъ церквей русская церковь занимала первое мѣсто [1]). Во-вторыхъ, и если не главное, то житейски чрезвычайно важное, для Грековъ необходимы были деньги русскаго митрополита. Дошедшіе до убогой нищеты, они имѣли отправиться на соборъ и быть содержимыми во время пребыванія на немъ на счетъ папы. Но, помышляя о неизвѣстномъ будущемъ, не

папой, даетъ вѣру и *Карамзинъ*,—V, 161 fin.). Досиѳей іерусалимскій въ Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ говоритъ, что въ Россіи по смерти Фотія избрали было архіепископа (т.-е. епископа) рязанскаго Іону, но что «между тѣмъ нѣкто Исидоръ злохитрый человѣкъ, употребивъ коварства, поставленъ въ митрополиты русскіе, прежде чѣмъ Іона успѣлъ придти въ Константинополь» и что «патріархъ константинопольскій сказалъ Исидору: ««Исидоре! поелику получилъ ты рукоположеніе при помощи козней, то не будешь благоуспѣшенъ»»,—кн. 10, гл. 6, стр. 909 fin. (Сата въ Νεοελληνική Φιλολογία, стр. 36, не указывая источника, говоритъ, что Исидоръ, пришедъ около 1435-го года въ Римъ, былъ благосклонно принятъ папою Евгеніемъ IV и что, рекомендованный имъ императору Іоанну Палеологу и патріарху Константинопольскому Іосифу, рукоположенъ въ архіепископы кіевскіе и въ митрополиты русской церкви. Позднѣйшія сказанія объ Исидорѣ какъ будто находятся въ связи съ темной исторіей митрополита молдовлахійскаго Григорія, о которомъ см. въ нашей книгѣ «Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской», стр. 377, и о которомъ мы говорили выше).

[1]) Греки приглашали на соборъ Иверовъ, Сербовъ, Молдовалаховъ, и отъ первыхъ и отъ послѣднихъ дѣйствительно были на немъ представители.

могли они совершенно отрицать возможности того, что соборъ вмѣсто соединенія окончится бо́льшимъ раздѣленіемъ: въ этомъ случаѣ, съ прекращеніемъ папскаго жалованья, единственнымъ средствомъ спасенія для нихъ въ ихъ отчаянномъ положеніи могли быть только деньги русскаго митрополита [1]).

Сопровождаемый Іоною, епископомъ рязанскимъ и посломъ великаго князя, ходившимъ съ Іоною въ Константинополь, также своимъ посломъ императорскимъ, Исидоръ прибылъ въ Москву во вторникъ на святой недѣлѣ 1437-го года (2-го Апрѣля [2]).

Чрезвычайно сильно долженъ былъ оскорбиться вел. кн. Василій Васильевичъ на то, что въ Константинополѣ не поставили ему въ митрополиты Іоны и что вмѣсто Іоны прислали ему оттуда митрополита Грека. Уже нѣсколько разъ избираемы были кандидаты въ митрополиты въ самой Россіи и до тѣхъ поръ не было отказа въ ихъ поставленіи со стороны императора и патріарха: насколько онъ—Василій Васильевичъ долженъ былъ сознавать бо́льшимъ свой авторитетъ, какъ государя, противъ своихъ предшественниковъ, ибо этотъ авторитетъ и его сознаніе съ каждымъ правленіемъ все возрастали, настолько менѣе онъ долженъ былъ ожидать отказа и настолько болѣе неожиданный отказъ долженъ былъ показаться ему оскорбительнымъ. Впослѣдствіи великій князь увѣрялъ, что сначала онъ рѣшительно не хотѣлъ было принимать неожиданно присланнаго ему Исидора и что наконецъ согласился принять его, только не желая ссориться съ Греками и только умоленный посломъ императорскимъ и имъ самимъ—митрополитомъ. Въ посланіи, писанномъ въ Константинополь послѣ собора Ферраро-флорентійскаго, великій князь говоритъ о приходѣ къ нему и о пріемѣ имъ Исидора: «и о комъ не посылахомъ, ни паки кого просихомъ, ни требовахомъ, того къ намъ послаша, а реку—сего Исидора: и Богу вѣдомо, аще не быхомъ того нашего изначалнаго православнаго христіанства соблюдали и страха Божія аще не быхомъ въ сердци имѣли.

---

[1]) Что деньги русскаго митрополита не были въ какомъ нибудь забвеніи, на это мы имѣемъ прямыя указанія. Когда Греки склонялись было къ мысли устроить соборъ въ Константинополѣ и когда заходила при этомъ рѣчь о необходимыхъ деньгахъ, патріархъ константинопольскій говорилъ: «если бы потребовалось и до ста тысячъ аспровъ, можно собрать съ епископовъ: митрополитъ русскій одинъ привезетъ такую сумму»,—Исторія Флорентійскаго собора, стр. 23 fin..

[2]) Странно, что Исидоръ не поспѣлъ въ Москву къ самому Свѣтлому Воскресенію; но вѣроятно, что онъ задержанъ былъ на пути нашими невозможными въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ дорогами.

то никакоже не хотѣхомъ его (Исидора) пріяти отъинудь; но за царскаго посла моленіе и за святѣйшаго патріарха благословеніе и за онаго (Исидора) сокрушеніе и многое покореніе и челобитіе едва-едва пріяхомъ его». Согласившись наконецъ принять Исидора, великій князь принялъ его, какъ самъ говоритъ въ томъ же посланіи, со всею подобающею честію и со всѣмъ подобающимъ усердіемъ: «егда же понуди насъ покореніе его (Исидора) многое и челобитіе, и пріахомъ его яко отца и учителя со многою честію и благимъ усердіемъ, по прежнему, якоже и онѣхъ преднихъ митрополитовъ нашихъ русскихъ, мняще, яко да и сей единъ отъ нихъ есть, не вѣдуще, еже напреди хощетъ отъ него кое дѣло быти» [1]. Никоновская лѣтопись, ничего не говоря о первоначальномъ нехотѣніи великаго князя принять Исидора, говоритъ только о томъ, что прибывшій митрополитъ былъ принятъ государемъ со всѣмъ возможнымъ почетомъ и со всею возможною благосклонностію: «тояжъ (1437-го года) весны во вторникъ свѣтлыя недѣли по Велицѣ дни пріиде на Москву изъ Царяграда отъ патріарха Іосифа на митрополью Исидоръ митрополитъ Гречинъ, многимъ языкомъ сказатель и книжникъ, и пріятъ его великій князь Василей Васильевичъ честнѣ и молебныя пѣвше въ святѣй и соборной церкви пречистыя Богородицы и сотвори нань (для него) пированіе веліе князь великій Василей Васильевичъ и дары свѣтлыми и многими одари его» [2]. Соображая показаніе самого великаго князя съ показаніемъ Никоновской лѣтописи, весьма вѣроятно представлять дѣло такъ, что сначала Василій Васильевичъ рѣшительно не хотѣлъ было принимать Исидора, а потомъ, перемѣнивъ гнѣвъ на милость, принялъ его чрезвычайно любезно. Исидоръ былъ человѣкъ очень умный и надѣленный отличными способностями дипломата, слѣдовательно—между прочимъ исключительною способностію обходиться съ людьми и пріобрѣтать ихъ расположеніе; очень можетъ быть, что, будучи «многимъ языкомъ сказатель», онъ зналъ славянскій языкъ и что такимъ образомъ для бесѣды съ нимъ устранялась нужда въ переводчикахъ, каковое обстоятельство дѣлало для государей особенно неудобными митрополитовъ—Грековъ: могло поэтому быть такъ, что великій князь сначала рѣшительно не хотѣлъ было принять Иси-

---

[1]) Посланіе къ патр. Митрофану въ Акт. Ист., т. I, № 39, стр. 73, въ Памятнн. *Павлова* col. 530.—Первоначальное рѣшительное нежеланіе Василія Васильевича принять Исидора нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что великій князь подозрѣвалъ въ присланномъ митрополитѣ латинника; но для такого объясненія дѣла нѣтъ ни малѣйшаго основанія ни apriori, ни въ положительныхъ свидѣтельствахъ.

[2]) V, 123.

дора, а потомъ присланный митрополитъ весьма ему понравился. Когда Василій Васильевичъ говоритъ о сокрушеніи и многомъ покореніи и челобитіи Исидора, то весьма вѣроятно понимать его слова не только въ прямомъ ихъ смыслѣ, но и въ болѣе обширномъ смыслѣ усиленныхъ стараній митрополита пріобрѣсти его—государя расположеніе.

Исидоръ пошелъ въ Россію изъ Константинополя, когда тамъ дѣло о соборѣ было уже окончательно рѣшено и когда императоръ и патріархъ уже начали приготовляться къ предстоявшему путешествію въ Италію. Вслѣдствіе этого и онъ съ своей стороны немедленно по прибытіи въ Москву началъ тѣ же приготовленія къ путешествію на соборъ. Наши сказанія увѣряютъ, что вел. кн. Василій Васильевичъ заявилъ было рѣшительный протестъ противъ того, чтобы идти Исидору на этотъ соборъ о соединеніи церквей и что онъ далъ наконецъ свое согласіе только весьма неохотно или что собственно онъ не далъ своего согласія, а только не воспрепятствовалъ митрополиту идти, когда этотъ хотѣлъ идти, не слушая его—государя [1]). Великій князь, по нашимъ сказаніямъ, будто бы говорилъ Исидору, что святые отцы, запечатлѣвъ святую вѣру православія на седми вселенскихъ соборахъ, «о осмомъ соборѣ составляющихъ (*вар.* составляющихся) проклятію предаша и анаѳема ихъ нарекоша и съ еретики ихъ отлучиша, единогласно Богу сопротивная дѣлающихъ» [2]), и еще: «при нашихъ прародителѣхъ и родителѣхъ соединеніе закона не бывало съ Римляны, и азъ не хощу, понеже не пріяхомъ мы отъ Грекъ въ соединеніи закона быти съ ними» [3]). Съ совершенною вѣроятностію слѣдуетъ думать, что читаемое въ нашихъ сказаніяхъ написано (и сочинено) уже послѣ того, какъ имѣлъ мѣсто Ферраро-флорентійскій соборъ и послѣ того, какъ Греки и въ частности Исидоръ предали на немъ свое древне-отеческое православіе. Не могъ предвидѣть великій князь, чтобы соборъ окончился тѣмъ, чѣмъ онъ окончился; равнымъ образомъ не могъ предвидѣть великій князь, какъ самъ говоритъ, и того, чтобы Исидоръ явился на немъ измѣнникомъ православію. Греки отправлялись на соборъ въ полной увѣренности, что они успѣютъ восторжествоват надъ

---

[1]) Никон. лѣт. V, 125 нач.

[2]) Повѣсть Сумеона суздальскаго о осьмомъ соборѣ по редакціи, читаемой въ Воскресенской лѣтописи,—Собр. лѣтт. VIII, 100, въ Софійской 2-й лѣтописи.—ibid. VI, 152, и въ изданіи Новикова въ Ввлiоѳикѣ VI, 48, и Слово и сказаніе о составленіи осмаго собора.—у *А. Н. Попова* въ Историко-литературномъ обзорѣ, стр. 362 fin..

[3]) Никон. лѣт. V, 124 fin..

латинянами и что соединенie состоится на условiи отреченiя послѣднихъ отъ ихъ новыхъ ученiй и обычаевъ; предполагать, чтобы великiй князь зналъ латинянъ гораздо лучше Грековъ и чтобы онъ считалъ надежды послѣднихъ смѣшными иллюзiями, было бы безъ всякаго основанiя. Но съ какой стати великiй князь захотѣлъ бы противиться путешествiю своего митрополита на соборъ, результатомъ отъ котораго ожидалось возсоединенie латинянъ съ православною церковiю на условiи ихъ отреченiя отъ своихъ новшествъ? Вѣдь это именно есть то, о чемъ православная церковь непрестанно молится и чего она постоянно ожидаетъ и надѣется! Влагаемыя сказанiями въ уста великаго князя слова: «азъ не хощу соединенiя съ Римляны, понеже не прiяхомъ мы отъ Грекъ въ соединенiи закона съ ними быти», имѣютъ весь свой смыслъ по отношенiю къ тому соединенiю, которое дѣйствительно состоялось, и представляютъ изъ себя совершенную безсмыслицу по отношенiю къ тому соединенiю, которое ожидалось. Равнымъ образомъ, и это ученiе, будто святые отцы «о осмомъ соборѣ составляющихъ проклятiю предаша» могло явиться у насъ только послѣ того, какъ осьмой соборъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто и такъ печально окончился для православiя [1]). Положительныя данныя, которыя мы имѣемъ, нисколько не подтверждаютъ того, чтобы Исидоръ отправился на соборъ противъ воли великаго князя и къ его неудовольствiю, и напротивъ говорятъ совсѣмъ другое; онѣ заставляютъ предполагать, что не только митрополитъ отправился на соборъ съ полнаго согласiя государя, но что послѣднiй съ своей стороны весьма позаботился о томъ, чтобы русская церковь и русское государство были представлены митрополитомъ на соборѣ по возможности достойнымъ образомъ. Если бы митрополитъ пошелъ на соборъ противъ воли великаго князя, то, конечно, государь устроилъ бы такъ, чтобы онъ предпринялъ свое путешествiе самымъ скромнымъ образомъ. Между тѣмъ Исидоръ отправился въ путь въ сопровожденiи такой исключительно блестящей свиты, что она состояла не менѣе какъ изо ста человѣкъ. Состояла ли эта свита только изъ собственныхъ людей митрополита или и изъ людей великаго князя, но во всякомъ случаѣ безъ нарочитой воли государя она не могла быть такою многочисленною. Сvмеонъ суздальскiй въ своей повѣсти о Флорентiйскомъ соборѣ, говоря объ этой свитѣ, ясно даетъ знать, что ея многочисленность требовалась и условливалась достоинствомъ русской

[1]) Находимъ его въ одномъ изъ позднѣйшихъ посланiй и самого Iоны: именно—въ посланiи къ литовскимъ епископамъ отъ 1460-го года.—въ Памятнн. *Павлова* col. 650.

земли, а о семъ достоинствѣ, конечно, позаботился великій князь: «а людей,—пишетъ Сгмеонъ,—много было, 100 (человѣкъ), съ митрополитомъ Исидоромъ, болѣе всѣхъ (другихъ архіереевъ), занеже славна бѣ земля та и Фрязове зовутъ ее Великая Русь» [1]). Съ Исидоромъ между прочимъ отправился на соборъ одинъ изъ епископовъ русскихъ; но чтобы епископъ пошелъ съ митрополитомъ противъ воли вел. князя, этого совершенно невозможно предполагать и одно это сопутствіе епископа митрополиту служитъ достаточнымъ и рѣшительнымъ доказательствомъ того, что первымъ предпринято было путешествіе на соборъ нисколько не вопреки волѣ государя. Затѣмъ, Исидоръ повезъ съ собою такое огромное количество товаровъ или «рухляди», которую по мѣрѣ нужды имѣлъ превращать въ деньги, какъ это дѣлали всѣ наши старые путешественники, отправлявшіеся въ западную Европу, что обозъ или поѣздъ его состоялъ изъ двухъ сотъ коней [2]). Невозможно думать, чтобы тутъ были только собственныя средства митрополита, и необходимо напротивъ предполагать, что тутъ была чрезвычайно значительная помощь со стороны великаго князя: вопервыхъ, Исидоръ, отправившійся на соборъ спустя пять мѣсяцевъ послѣ прибытія въ Москву, не имѣлъ времени накопить денегъ; вовторыхъ, полагать, чтобы онъ нашелъ деньги накопленными и готовыми въ митрополіи совсѣмъ невѣроятно: онъ пришелъ на каѳедру спустя шесть лѣтъ по смерти его предшественника Фотія и не можетъ быть сомнительнымъ, что за это время бояре и чиновники митрополіи успѣли расхитить все, что было накоплено послѣднимъ, какъ они расхитили все послѣ смерти Кипріана. Далѣе, мы знаемъ о такихъ дѣйствіяхъ Исидора, употребленныхъ имъ для пополненія своихъ денежныхъ средствъ, которыхъ онъ никакъ не могъ дозволить себѣ безъ согласія великаго князя (причисленіе къ митрополіи Пскова, о чемъ сейчасъ ниже). Наконецъ, если бы Исидоръ пошелъ на соборъ противъ воли великаго князя, то и вся Россія провожала бы его въ путь не съ особенною любезностію; а между тѣмъ мы видимъ совершенно противное: онъ провожаемъ былъ

---

[1]) У *Павлова* въ Критическихъ опытахъ, стр. 199 fin..

[2]) Густинская лѣтопись подъ 1438-мъ годомъ (заимствующая свѣдѣніе, какъ нужно думать, изъ какого нибудь польскаго историка, cfr митр. Іону въ посланіи къ литовскихъ епископамъ,—въ Памятнн. *Павл.* col. 649 fin., который представляетъ дѣло такъ, будто Исидоръ добылъ безчисленное множество злата, татьствомъ пограбивъ святую церковь Пречистыя Богородицы).

какъ бы съ тріумфомъ и съ явнымъ выраженіемъ сочувствія со стороны Русскихъ къ предпринятому имъ путешествію [1]).

Исидоръ отправился изъ Москвы въ путешествіе на соборъ въ Рождество Богородицы (8-го Сентября) 1437-го года [2]), пробывъ въ Россіи послѣ пріѣзда изъ Константинополя пять мѣсяцевъ [3]). Объ его многочисленной свитѣ и объ его огромномъ товарномъ обозѣ мы сказали выше. Составъ свиты остается въ подробности неизвѣстнымъ; знаемъ только, что изъ духовныхъ къ ней принадлежали епископъ суздальскій Аврамій (которому сопутствовалъ священникъ Сѵмеонъ, составившій повѣсть о Флорентійскомъ соборѣ) и архимандритъ неизвѣстнаго монастыря Вассіанъ, а изъ свѣтскихъ, кромѣ собственныхъ бояръ митрополита, княжескій посолъ, по имени Ѳома, который въ описаніи путешествія Исидорова на соборъ называется посломъ тверскимъ, а въ повѣсти о соборѣ Сѵмеона суздальскаго посломъ великаго князя, и который, какъ нужно думать, былъ именно посолъ великаго князя, но взятый изъ бояръ тверскихъ. Въ Константинополѣ было поручено Исидору, чтобы онъ привелъ съ собою на соборъ епископовъ

---

[1]) Въ виду сейчасъ сказаннаго мы вовсе не находимъ возможнымъ дать вѣры позднѣйшему увѣренію и самаго Василья Васильевича, будто онъ много возбранялъ Исидору ходить на соборъ (въ посланіи къ константинопольскому патріарху отъ 1441-го года,—въ Акт. Ист. т. № 39, стр. 73, у *Павлова* col. 531). Въ описаніи путешествія Исидорова на соборъ, принадлежащемъ неизвѣстному, княжескій посолъ Ѳома, сопровождавшій митрополита, называется посломъ тверскимъ. Но если бы было и несомнѣнно, что Ѳома былъ посолъ тверской, а не московскій, то въ виду сказаннаго нельзя было бы понимать этого такъ, что великій князь, желая выразить Исидору неудовольствіе на его путешествіе, не далъ ему своего посла, а должно было бы объяснять это другими, неизвѣстными намъ причинами. Между тѣмъ Сѵмеонъ суздальскій въ своей повѣсти о соборѣ называетъ Ѳому посломъ московскаго великаго князя Василія Васильевича,—у *Павлова* въ Критичч. опытахъ, стр. 199 fin. (по всей вѣроятности, дѣло нужно понимать такъ, что великій князь, желая оказать любезность тверскому князю и сдѣлать его соучастникомъ въ представительствѣ передъ папою, распорядился, чтобы его—великаго князя посолъ назначенъ былъ изъ бояръ тверскихъ и чтобы такимъ образомъ онъ былъ одновременно посломъ и его—великаго князя и князя тверскаго).

[2]) Описаніе путешествія, составленное неизвѣстнымъ. Въ Никоновской лѣтописи, V, 125, говорится, что 15-го Сентября Исидоръ хоронилъ княгиню Евпраксію (вѣроятно въ мірѣ Елену Ольгердовну, вдову Владиміра Андреевича Донскаго). Но должно думать, что въ мѣсяцѣ и числѣ ошибка; по Софійской 2-й лѣтописи,—Собр. лѣтт. VI, 152, княгиня похоронена митрополитомъ 15-го Августа.

[3]) Степенная книга,—II, 72, почему-то считаетъ четыре мѣсяца.

русскихъ [1]); если Исидоръ взялъ съ собою одного только епископа, то, по всей вѣроятности, это нужно понимать такъ, что между епископами русскими не нашлось болѣе охотниковъ предпринять путешествіе въ Италію. Бывъ честно провоженъ изъ Москвы собравшимися епископами [2]), Исидоръ держалъ путь на Тверь, Новгородъ, Псковъ и оттуда на Ригу. Изъ Москвы въ Ригу черезъ Новгородъ и Псковъ—не совсѣмъ прямая дорога; но митрополиту нужно было быть въ этихъ двухъ городахъ, чтобы пополнить свои денежныя средства. Въ Тверь Исидоръ прибылъ въ Воздвиженьевъ день (14-го Сентября). О встрѣчѣ, которая была учинена ему здѣсь, неизвѣстный описатель его путешествія на соборъ, говоритъ: «и встрѣтилъ его князь Борисъ тверскій со своими бояры съ великою честью, а владыка Илья со кресты со всѣми священники и весь народъ града того». Проживъ въ Твери девять дней, Исидоръ прибылъ въ Новгородъ 7-го Октября [3]). Встрѣченный на далекомъ разстояніи отъ города съ великою честью архіепископомъ и посадниками новгородскими, митрополитъ имѣлъ послѣдвій ночлегъ передъ городомъ въ Юрьевомъ монастырѣ, который находится въ 3-хъ верстахъ отъ него [4]). На другой день онъ торжественно вошелъ въ городъ, бывъ встрѣченъ владыкою со крестами, съ священниками и діаконами и всѣмъ народомъ «въ тѣснотѣ велицѣ». Въ церкви, находившейся надъ воротами Кремля, митрополитъ облачился въ ризы и священъ воду, которою кропили народъ; затѣмъ онъ пошелъ къ святой Софіи и въ ней разоблачился; послѣ встрѣчи онъ пировалъ у архіепископа новгородскаго, и «далъ ему (послѣдній) честь велію». По увѣренію Никоновской лѣтописи, посѣщеніе Исидоромъ Новгорода имѣло для него тотъ результатъ, что Новгородцы «даша ему судъ по старинѣ и всѣ пошлины его даша ему по старинѣ» [5]). Если мы примемъ извѣстіе лѣтописи за достовѣрное,—а отказать ему въ вѣрѣ не видится особеннаго побужденія (ибо рѣчь, какъ не забываетъ чита-

---

[1]) Ист. Флорент. соб. стр. 32 нач..

[2]) Никон. лѣт. V, 127.

[3]) До Вышняго Волочка Исидоръ ѣхалъ на лошадяхъ, а въ Волочкѣ сѣлъ въ лодьи, чтобы плыть далѣе въ Новгородъ водою. 7-го Октября Исидоръ прибылъ въ Новгородъ по описанію путешествія; по Новгородской 1-й лѣтописи—9-го Октября.

[4]) И который лежитъ на водяномъ пути въ Новгородъ (Цна, на которой Вышній Волочекъ, Мстино озеро, Мста, озеро Ильмень,—весьма небольшой его край, и Волховъ, на берегу котораго монастырь).

[5]) V, 127.

тель, объ Исидорѣ [1]), то результатъ этотъ будетъ представлять нѣчто весьма замѣчательное: мы знаемъ, что судъ и пошлины, которые съ такою легкостію дали Новгородцы Исидору, напрасно добивались получить отъ нихъ митрр. Кипріанъ и Фотій. Во время пребыванія въ Москвѣ Исидоръ вызывалъ къ себѣ новгородскаго архіепископа Евѳимія, который отправился къ нему 7-го Іюля [2]) и который прожилъ при немъ до самаго его выѣзда изъ Москвы [3]): вѣроятно, онъ и успѣлъ расположить архіепископа въ свою пользу. Но недостаточно было расположить архіепископа, а нужно было получить согласіе и всѣхъ гражданъ; притомъ же и архіепископа нужно было расположить чѣмъ нибудь,—Кипріанъ и Фотій не могли этого сдѣлать по отношенію къ тремъ предшествующимъ архіепископамъ (Іоанну, Сѵмеону и Евѳимію 1-му). Единственно вѣроятнымъ представляется намъ думать, что архіепископъ Евѳимій и новгородскіе граждане были подвигнуты къ неожиданной уступчивости тѣмъ обстоятельствомъ, что митрополиту нужны были деньги для столь важной цѣли, какъ путешествіе на соборъ и вспоможеніе на соборѣ греческимъ архіереямъ, т. е. что вполнѣ сочувствуя, какъ дѣлу чрезвычайно важному, этому собору, отъ котораго ожидали вовсе не того, что онъ далъ на самомъ дѣлѣ, Новгородцы не хотѣли стоять за деньгами и по отношенію къ благому общецерковному начинанію желали показать себя дѣятельными помощниками. Если бы великій князь былъ противъ путешествія митрополита на соборъ, то и архіепископъ новгородскій не могъ бы имѣть охоты явиться дѣятельнымъ его—митрополита помощникомъ въ семъ случаѣ: а это даетъ знать и служитъ свидѣтельствомъ, что дѣло должно быть представляемо не такъ. Пробывъ въ Новгородѣ недѣлю, Исидоръ пріѣхалъ во Псковъ въ Николинъ день (6-го Декабря). Встрѣченный Псковичами на рубежѣ ихъ области и въѣхавъ въ ихъ городъ съ такою же торжественностію, какъ въ Тверь и Новгородъ, митрополитъ прожилъ у нихъ очень долгое время—семь недѣль. Его пребываніе во Псковѣ ознаме-

---

[1]) Новгородская 1-я лѣтопись, согласно съ Никоновскою, говоритъ, что почтили митрополита владыка и посадники и бояре и купцы и весь Великій Новгородъ, и не говоритъ, чтобы дали митрополиту судъ и пошлины. Но молчаніе въ семъ случаѣ новгородскаго лѣтописца можетъ быть объяснено именно тѣмъ, что онъ былъ Новгородецъ, который могъ находить умолчаніе полезнымъ на всякій случай.

[2]) Новгор. 1-я лѣт. (по Никон. лѣт. V, 124,—7-го Іюня).

[3]) Выѣхавъ вмѣстѣ съ нимъ,—Никон. лѣт. V, 127, и потомъ опередивъ его на пути для встрѣчи въ Новгородѣ.

новалось чрезвычайно важнымъ дѣяніемъ съ его собственной стороны. Онъ изъялъ Псковъ съ его областію изъ-подъ вѣдѣнія архіепископа новгородскаго и подчинилъ его своей собственной власти, поставивъ въ немъ своего намѣстника, и, если вѣрить псковской лѣтописи, то даже взялъ за себя и всѣ вотчины архіепископа, которыя находились въ псковской области [1]). Невозможно допустить, чтобы митрополитъ сдѣлалъ это безъ согласія архіепископа новгородскаго, ибо, вопервыхъ, его поведеніе по отношенію къ архіепископу было бы крайне вѣроломно, а во вторыхъ и главное—архіепископъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ бы, тогда какъ ни о какомъ протестѣ послѣдняго совершенно ничего не говорятъ лѣтописи, въ томъ числѣ и новгородская; невозможно равнымъ образомъ допустить и того, чтобы митрополитъ сдѣлалъ сейчасъ указанное безъ великаго князя, ибо это было такое дѣяніе, которое вовсе не принадлежало къ единственной компетенціи митрополита. Такъ какъ Псковъ въ политическомъ отношеніи началъ рѣшительно тянуть тогда вмѣсто Новгорода къ Москвѣ [2]) и Псковичи находились въ то самое время въ немирьи съ Новгородцами [3]), то данное митрополиту великимъ княземъ дозволеніе перечислить Псковъ съ его областью изъ епархіи Новгородской въ его собственную епархію можетъ быть понимаемо такъ, что великій князь удовлетворялъ при семъ желанію Псковичей, которое вполнѣ совпадало съ его собственными политическими видами. Но если это и такъ, то дозволеніе, данное именно Исидору, не можетъ служить свидѣтельствомъ того, чтобы великій князь былъ противъ его путешествія на соборъ. Что касается до архіепископа, то единственно вѣроятнымъ представляется намъ думать, что митрополитъ испросилъ у него Псковъ со всѣми отъ послѣдняго доходами, въ томъ числѣ и отъ архіепископскихъ вотчинъ, находившихся въ его области, во временное пользованіе, чтобы такимъ обра-

---

[1]) Псковская 2-я лѣтопись въ Собр. лѣтт. V, 29: «отъя (у архіепископа новгородскаго) судъ и печать, *и воды и землю* и вся пошлины владычни и на тѣхъ оброцѣхъ посади намѣстника своего Геласія архимандрита». О перечисленіи Исидоромъ Пскова съ его областью изъ епархіи новгородской въ свою епархію митрополичью—Новгор. 1-я лѣтоп. подъ 1437-мъ годомъ fin. и Никон. лѣт. V, 127 (въ послѣдней: «и даша ему судъ по старинѣ» нужно понимать: и дали ему судъ, какой слѣдовалъ по старинѣ архіепископу новгородскому).

[2]) См. *Соловьева* Ист. IV, 4 изд. стр. 97 sqq, и *Бѣляева* Разсказы изъ Русской исторіи, III, 291 sqq.

[3]) См. Псковскую 2-ю лѣтопись въ Собр. лѣтт. т. V, подъ 1432-мъ, 1434-мъ и 1436-мъ годами.

зомъ усилить свои денежныя средства. Въ концѣ концовъ, какъ бы мы не понимали это перечисленіе Пскова митрополитомъ изъ епархіи архіепископа въ свою епархію, оно остается такимъ дѣяніемъ, которое со стороны митрополита, не пользовавшагося расположеніемъ великаго князя и находившагося подъ его гнѣвомъ, будетъ необъяснимымъ. Такъ какъ освобожденіе изъ-подъ власти архіепископа новгородскаго (навсегда-ли, что̀, можетъ быть, предполагалось, или на время) совпадало, по сказанному сейчасъ, съ собственными желаніями Псковичей: то они принимали митрополита со всѣмъ усердіемъ и пополнили его денежныя средства, сколько могли; описатель путешествія Исидорова говоритъ, что «ту (во Псковѣ) быша (ему) пирове мнози и дары велици»[1]), а Никоновская лѣтопись увѣряетъ, что Псковичи дали ему пошлины мѣсячнаго архіепископскаго суда[2]). Изъ Пскова въ Ригу Исидоръ опять шелъ почему-то не совсѣмъ прямымъ путемъ,—на Костеръ (Вербекъ на рѣкѣ Эмбахѣ, между Чудскимъ озеромъ и Дерптомъ[3]), и Юрьевъ Ливонскій (Дерптъ[4]), и прибылъ 4-го Февраля 1438-го года. Имѣвъ

---

[1]) Эти великіе дары, показывающіе до какой степени съ той поры подешевѣли деньги, по тому же описателю путешествія, состояли въ 120 рубляхъ, изъ которыхъ 20-ть Псковичи дали митрополиту послѣ его служенія въ ихъ главномъ соборѣ, а 100 при его отъѣздѣ отъ нихъ.

[2]) V, 127.

[3]) Т.-е. нужно думать, что Исидоръ плылъ водой,—Псковско-Чудскимъ озеромъ и потомъ Эмбахомъ.

[4]) Въ описаніи путешествія Исидорова, по его позднѣйшей редакціи, какъ мы говорили выше, разсказывается, будто въ Юрьевѣ Ливонскомъ Исидоръ оказалъ пренебреженіе къ крестамъ православнымъ. Вотъ этотъ разсказъ: «И пріѣхалъ владыка (Исидоръ) къ Юрьеву, и срѣтоша его посадники и ратманы далече и священники со кресты и живущіе въ немъ людіе православніи (въ Дерптѣ, какъ говорится далѣе, были тогда двѣ православныя церкви—св. Николая и св. Юрія), латыни же и Нѣмцы крыжъ изнесоша противу его почести ради; онъ же, преступивъ тяжкую клятву свою, ею же клятся о благочестіи великому князю Василью Васильевичу всея Русіи, по реченнному пророкомъ: яко забы Бога, спасающаго і, прежъ бо возрѣ и поклонися и притече и любезно цѣлова и знаменася на крыжъ латинскій, а по сихъ пріиде ко святымъ крестамъ православнымъ, послѣдоваше же и провожаше и чтяше крыжъ латинскій и иде съ нимъ до костела, сирѣчь до церкви ихъ, а о святыхъ крестѣхъ православія не брежаше ни провожаше; видѣвъ же сія боголюбивый Авраамій, владыка суздальскій, и вси на томъ пути бывшіе съ нимъ православные христіане, еже таковая нечестія отъ него святымъ крестамъ бываема, въ томъ часѣ ужасомъ одержима быша, зане бо, не дошедъ Рима, таковая богоотступная дѣяша». Въ первоначальной редакціи читается: «И пріѣхалъ госпо-

почему-то очень продолжительную, восьми-недѣльную, остановку въ Ригѣ [1]), онъ отправился изъ нея 5-го Мая моремъ на Любекъ, въ которомъ и высадился 19-го Мая. Изъ Любека онъ ѣхалъ въ Феррару черезъ всю Германію на города: Люнебургъ, Брауншвейгъ, Лейпцигъ, Бамбергъ, Нюренбергъ, Аугсбургъ, Иннсбрукъ и Падую, и прибылъ на мѣсто собора 18-го Августа 1438-го года, проведши въ дорогѣ годъ безъ двадцати дней.

Путешествіе Исидора на Ферраро-флорентійскій соборъ, какъ мы неоднократно упоминали выше, описано однимъ изъ его спутниковъ, остающимся неизвѣстнымъ по имени (но не Сѵмеономъ суздальскимъ, которому описаніе несправедливо усвояется). По своему плану описаніе представляетъ дневникъ пути отъ Москвы до Флоренціи и обратно отъ Флоренціи до Офена или Пешта въ Венгріи [2]); въ дневникѣ поименовываются главнѣйшіе города, черезъ которые шелъ Исидоръ, съ указаніемъ разстояній между ними, и кратко описываются они сами, съ обозначеніемъ ихъ особенностей противъ нашихъ городовъ и съ описаніемъ ихъ достопримѣчательностей; дошедъ до Феррары и изъ нея переходя во Флоренцію, авторъ сообщаетъ краткую исторію Ферраро-флорентійскаго собора. Описаніе замѣчательно въ томъ отношеніи, что

динъ (т.-е. митрополитъ) къ Юрьеву и срѣтоша его посадники тутъ и ратманы далече и священницы со кресты и множество народа града того и даша ему честь велію», т. въ первоначальной редакціи говорится, что его встрѣчали со крестами только православные священники (пискупъ юрьевскій католическій встрѣтилъ Исидора по своему нѣмецкому праву, со всѣми строи нѣмецкими, съ трубами и со свирѣльми, въ Костерѣ).

[1]) Извѣстно письмо къ Исидору великаго магистра нѣмецкаго ордена, изъ котораго какъ будто слѣдуетъ, что митрополитъ намѣревался ѣхать изъ Риги сухимъ путемъ и добивался получить отъ великаго князя литовскаго охраны для проѣзда черезъ Самогитію (часть Литвы—нынѣшнюю нашу ковенскую губернію), чѣмъ могла бы быть объясняема остановка (письмо напечатано у Карамзина—V, прим. 296). Но если отдавать предпочтеніе напечатанному списку первоначальной редакціи описанія путешествія Исидорова передъ напечатаннымъ спискомъ редакціи позднѣйшей, то обозъ свой Исидоръ отправилъ въ Любекъ берегомъ моря за шесть недѣль до своего выѣзда изъ Риги (въ напечатанномъ спискѣ позднѣйшей редакціи вмѣсто сего говорится, что изъ Любека онъ отправилъ свою свиту за шесть недѣль до собственнаго выѣзда).

[2]) Но есть списки, въ которыхъ дневникъ доводится до Суздаля, причемъ записи въ этой лишней его части отличаются сравнительною краткостью и изъ чего видно, что онъ веденъ былъ также однимъ изъ спутниковъ епископа Авраамія; см. *Павлова* Критическіе опыты, стр. 91 fin..

представляетъ собою первыя по времени записки русскаго человѣка о западной Европѣ. Какъ къ памятнику литературному мы возвратимся къ нему послѣ, когда будемъ говорить о нашей литературѣ за данное время [1]).

Исидоръ прибылъ въ Феррару спустя 5-ть съ половиною мѣсяцевъ послѣ Грековъ (которые пріѣхали туда 4-го Марта 1438-го года). Однако, онъ засталъ соборъ не только не конченнымъ, но почти что и не начинавшимся. Сvмеонъ суздальскій въ своей повѣсти о соборѣ говоритъ, будто замедленіе произошло отъ того, что Греки ждали именно Исидора, котораго «мнѣли болѣ всѣхъ великимъ философомъ»; но дѣйствительною причиною этого было другое. Императоръ константинопольскій разсчитывалъ чрезъ соединеніе церквей получить отъ государей западныхъ военную помощь противъ Турокъ; для сей цѣли ему нужно было, чтобы присутствовали на соборѣ или сами государи, или ихъ уполномоченные; между тѣмъ на соборъ вовсе не явились ни одни ни другіе. Одновременно съ тѣмъ, какъ папа устроилъ нашъ соборъ, происходилъ въ католической церкви антипапскій соборъ Базельскій (1431—1443), служившій продолженіемъ собора Констанскаго (1414—1418), который, поставивъ соборную власть выше папской, предположилъ было преобразовать церковь въ главѣ и членахъ; всѣ государи западные находились на сторонѣ сего послѣдняго собора и поэтому, присутствуя или не присутствуя на немъ, не хотѣли являться на соборъ папскій. Прибывъ въ Феррару и вовсе не найдя въ ней ни государей ни ихъ уполномоченныхъ, императоръ константинопольскій потребовалъ отъ папы, чтобы онъ вызвалъ на соборъ однихъ или другихъ, а до того времени рѣшительно отказывался приступить къ соборованію; тогда папа, обѣщавъ императору послать легатовъ за государями, положилъ, чтобы, открывъ соборъ немедленно,—что̀ и сдѣлано было 9-го Апрѣля 1438-го года, отсрочить торжественныя соборныя дѣянія до прибытія государей или уполномоченныхъ, а пока, въ ожиданіи ихъ, заняться частными разсужденіями о предметахъ споровъ между

---

[1]) Какъ говорили мы выше, Описаніе извѣстно въ настоящее время въ двухъ редакціяхъ—въ первоначальной, напечатанной въ Вивліоѳикѣ, VI, 27, и въ позднѣйшей, напечатанной въ Сказаніяхъ русскаго народа Сахарова, т. II, кн. 8, стр. 79. Вторая редакція, передѣланная на имя суздальскаго инока Сvмеона, отчасти сокращаетъ первую, а главнымъ образомъ, распространяетъ ее вставками изъ повѣсти Сvмеона о Ферраро-флорентійскомъ соборѣ по одной изъ позднѣйшихъ редакцій сей послѣдней (именно—той редакціи, въ которой повѣсть читается въ Словѣ и сказаніи о составленіи осмаго собора, какъ первая часть послѣдняго).

обѣими церквами [1]). Такъ какъ вовсе не явились въ Феррару ни государи ни ихъ уполномоченные до самаго времени прибытія Исидорова, то это и было причиной, что до самаго времени его прибытія еще не было начинаемо торжественныхъ соборныхъ преній. Напрасно весьма долгое время ждавъ государей или уполномоченныхъ, рѣшили наконецъ начать торжественное соборованіе безъ тѣхъ и другихъ, что̀ и сдѣлано было 8-го Октября 1438-го года, черезъ мѣсяцъ и 22 дня послѣ прибытія Исидорова. До начала 1439-го года торжественныя пренія происходили въ Феррарѣ, затѣмъ въ Январѣ этого года соборъ перенесенъ былъ папой во Флоренцію (папская булла, объявлявшая перенесеніе, прочитана была 10-го числа) и здѣсь они продолжались до 24-го Марта 1439-го года. Пренія не привели совершенно ни къ чему: относительно спорныхъ пунктовъ вѣроученія и практики (Filioque, чистилище, опрѣсноки) Греки осталися при своемъ, а латиняне рѣшительно при своемъ. Послѣ такого результата преній Грекамъ было объявлено, что они должны или изъявить согласіе на ученіе римской церкви, или же возвратиться въ отечество [2]). Возвратиться въ отечество ни съ чѣмъ, т.-е. безъ всякой надежды на помощь западныхъ народовъ противъ Турокъ, для Грековъ было ужасно, и вотъ они задались мудреною задачею: нельзя ли достигнуть соглашенія и устроить соединеніе помимо богословскихъ преній. Разумѣется, это оказалось возможнымъ только такимъ образомъ, чтобы Греки совершенно уступили латинянамъ, что̀ въ концѣ концовъ и случилось. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, Апрѣля—Іюня, Греки являли тщетную твердость, надѣясь побудить папу къ уступчивости, и затѣмъ должны были подписать актъ соединенія на всей его волѣ: этотъ актъ флорентійскаго соединенія или флорентійской уніи былъ подписанъ 5-го Іюля 1439-го года, а 6-го Іюля былъ торжественно провозглашенъ въ флорентинскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Пока происходили торжественныя богословскія пренія, нашъ митрополитъ русскій не принималъ въ дѣяніяхъ соборныхъ совершенно никакого участія, предоставляя собесѣдовать съ латинянами Марку Ефескому и краснорѣчиво-неудержимому болтуну Виссаріону Никейскому [3]).

---

[1]) См. Исторію Флорентійскаго собора, стрр. 49 и 68.

[2]) Ист. Флорент. соб. стр. 133.

[3]) Когда всѣ уже находили относительно какого нибудь предмета спора, что онъ совершенно исчерпанъ, Виссаріонъ все-таки настаивалъ на продолженіи преній, утверждая, что еще можетъ быть сказано πολλὰ καὶ καλά.

Но когда пренія были закончены и поднялся вопросъ о томъ, какъ бы устроить соглашеніе помимо ихъ, Исидоръ выступилъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Онъ объявилъ себя рѣшительнымъ защитникомъ соединенія съ папою на условіи требуемыхъ послѣднимъ уступокъ, и не можетъ подлежать сомнѣнію, что онъ именно былъ главнымъ творцомъ и виновникомъ этой флорентійской уніи (а краснорѣчивый Виссаріонъ, успѣвшій полюбить Западъ, какъ болѣе привлекательную арену для его краснорѣчія, чѣмъ Востокъ, только охотно послѣдовалъ за нимъ [1]): онъ успѣлъ подѣйствовать на постоянно колебавшагося императора, рѣшительно объявивъ ему, что если онъ не хочетъ соединенія, то дѣло можетъ быть устроено и безъ него [2]); своимъ несомнѣнно очень большимъ авторитетомъ между епископами онъ успѣлъ побѣдить упорство и страшливыя сомнѣнія послѣднихъ [3]).

Что заставило Исидора стать горячимъ сторонникомъ уніи съ папой, т.-е. этой предательской уніи, при которой союзъ съ папою покупался измѣною православію, мы не можемъ сказать, потому что онъ не сдѣлалъ относительно этого никакой исповѣди и не оставилъ никакого объясненія. Можно съ увѣренностью только утверждать, что причиною были не папскія деньги, потому что въ деньгахъ онъ вовсе не нуждался и потому что не особенно богатый тогда папа вовсе не въ состояніи былъ бы подкупить человѣка, получавшаго доходы рус-

---

[1]) Симеонъ суздальскій, давая знать, какую роль игралъ Исидоръ, говоритъ о немъ, что «ни единаго возлюби папа митрополита, якоже Исидора»,—у *Павлова* въ Критичч. опытахъ стр. 204 нач.; Слово и сказаніе о составленіи осмаго собора обращается къ нему съ укоризнами: «царя обольстилъ еси, патріарха смутилъ еси и Царствующій градъ погибели исполнилъ еси»,—у *Попова* стр. 384 (cfr митр. Іону въ посланіи къ литовскимъ епископамъ 1460-го года, у *Павлова* col. 648 sub fin.); самъ папа въ своей грамотѣ Исидору, которою возводитъ его въ званіе легата, говоритъ ему: te, cujus virtus et diligentia in hac sancta unione admodum cognovimus profuisse,—у *Тейнера* въ Monumenta Poloniae, II, 41 (см. еще ниже грамоту папы объ Исидорѣ къ великому князю).—Что именно Исидоръ заговорилъ первый о необходимости уніи на предложенныхъ папою условіяхъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ присутствовавшій на соборѣ Іосифъ, епископъ Меѳонскій, въ апологіи противъ Марка Ефесскаго,—Патрологіи *Миня* t. 159, col. 1072.

[2]) Ист. Флорент. соб. стр. 150 fin..

[3]) Что Исидоръ пользовался очень большимъ авторитетомъ между епископами, видно изъ того, что когда умеръ на соборѣ патр. Іосифъ (не задолго до его окончанія 10-го Іюня 1439-го года), то между епископами кандидатомъ въ патріархи считался Исидоръ,—Ист. Флорент. соб. стр. 178.

скаго митрополита [1]). Намъ извѣстны слова, говоренныя Исидоромъ на соборѣ, которыя съ весьма большою вѣроятностію могутъ быть принимаемы за отвѣтъ на нашъ вопросъ. Когда пренія не привели совершенно ни къ чему и когда папа далъ Грекамъ срокъ или изыскать способы къ соединенію, или отвѣчать ему положительнымъ отказомъ, то на первомъ совѣщаніи по сему случаю Грековъ Исидоръ, подавая первымъ свой голосъ, сказалъ: «лучше душою и сердцемъ соединиться съ латинянами, нежели не кончивъ дѣла возвратиться; возвратиться, конечно, можно, но какъ возвратиться, куда, когда?» [2]) Т.-е. слова эти значатъ: возвратиться назадъ, не устроивъ соединенія съ папою, конечно, можно, но тогда не будетъ совершенно никакой надежды на спасеніе отечества. Со всею вѣроятностью нужно думать, что желаніе и надежда спасти отечество при помощи папы и западныхъ государей и составляли причину, побудившую Исидора къ тому, чтобы онъ рѣшился измѣнить отеческой вѣрѣ. Не невозможно, что къ этому присоединялось и личное честолюбіе,—желаніе занять то блестящее и высокое положеніе въ римской іерархіи или въ латинскомъ духовномъ царствѣ, которое онъ потомъ дѣйствительно занялъ; однако, справедливость и безпристрастіе обязываютъ насъ сказать, что мы не знаемъ никакихъ положительныхъ указаній въ этомъ отношеніи [3]). Исидоръ

---

[1]) Если папа могъ дѣйствовать посредствомъ подкупа на другихъ епископовъ, то потому, что другіе епископы были совсѣмъ нищіе. Симеонъ суздальскій въ своей Повѣсти о соборѣ увѣряетъ, что передъ отправленіемъ Исидора въ обратный путь папа далъ ему «много злата» (у *Павл.* стр. 207). Если это правда, то тутъ необходимо разумѣть не взятку, данную папою Исидору, а заемъ денегъ у банкировъ, заключенный Исидоромъ при посредствѣ и при содѣйствіи папы.

[2]) Ист. Флорент. соб. стр. 137 fin..

[3]) Г. Регель, напечатавшій въ своихъ Analecta Byzantino-Russica (Petropoli, 1891) шесть писемъ Исидора и въ числѣ ихъ два письма къ извѣстному итальянскому гуманисту XV вѣка Гуарино Гуарини, на томъ основаніи, что онъ (Исидоръ) коротко знакомъ былъ съ сейчасъ названнымъ гуманистомъ, заключаетъ, что и самъ онъ былъ гуманистъ, т.-е. иначе сказать—человѣкъ по образу своихъ мыслей если не совершенный язычникъ, то во всякомъ случаѣ такой христіанинъ, для котораго не существовало различія между частными христіанскими исповѣданіями, между православіемъ и латинствомъ,—Prooem. p. XLIV fin. sqq. Но Исидоръ могъ быть коротко знакомъ съ Гуарино, вовсе и не будучи самъ гуманистомъ, а будучи только человѣкомъ образованнымъ, между тѣмъ въ письмахъ его къ Гуарино нѣтъ совершенно никакихъ указаній на его образъ мыслей: не невѣроятное предположеніе можетъ оказаться справедливымъ, чтобы содѣйствовать разрѣшенію вопроса о поведеніи Исидора, но пока оно—лишь простое предположеніе.

былъ главнѣйшимъ устроителемъ уніи; онъ приступилъ къ ней, какъ предлагалъ другимъ, душою и сердцемъ: и онъ постарался выразить это въ самой своей подписи подъ актомъ уніи, которая отличается отъ всѣхъ другихъ подписей своею выразительностью и которая гласитъ: στέργων καὶ συναινῶν ὑπέγραψα, т.-е. съ любовію соглашаясь и соодобряя подписую [1]). Вмѣстѣ съ собою Исидоръ заставилъ подписаться подъ актомъ и епископа суздальскаго Авраамія, подпись котораго читается: «Сміреный епископъ Аврааміо (вѣроятно ошибка въ напечатанномъ вмѣсто: Аврааміе) суждальскый подписую» [2]).

Епископы греческіе начали уѣзжать изъ Флоренціи послѣ подписанія соборнаго акта; императоръ отбылъ изъ нея 26-го Августа [3]). Пріобрѣтшій величайшую благосклонность папы своими стараніями объ устроеніи уніи нашъ русскій митрополитъ оставался при немъ всѣхъ долѣе и отправился въ обратный путь 6-го Сентября. Еще прежде папа возвелъ его въ санъ кардинала пресвитера [4]); при его отъѣздѣ папа облекъ его званіемъ своего апостолическаго полномочнаго легата de latere на провинціи Литвы, Ливоніи и всей Россіи и на города, діоцезы, земли и мѣста Лехіи, т.-е. Польши (вѣроятно, должно подразумѣвать русскую Польшу или составлявшую русскую часть Польши Галицію [5]).

---

[1]) Первый изъ подписавшихся митрополитъ ираклійскій подписался: ὁρίσας ὑπέγραψα,—утверждая подписуюсь; изъ остальныхъ архіереевъ половина и въ томъ числѣ Виссаріонъ никейскій подписались: στοιχήσας ὑπέγραψα,—соглашаясь подписую, другая просто: ὑπέγραψα.—Оригиналъ соборнаго акта хранится во флорентинской публичной (Медицейской, Лаврентиніанской) библіотекѣ; съ оригинала онъ напечатанъ въ изданіи *Тейнера* и *Миклошича* Monumenta, spectantia ad unionem Ecclesiarum Graecae et Romanae, Vindob. 1872, p. 46.

[2]) Симеонъ суздальскій увѣряетъ, что Авраамій не хотѣлъ было подписываться, но что Исидоръ принудилъ его силою: «ему же не хотящу (подписываться), митрополитъ же Исидоръ я его и всади въ темницу и сѣдѣ недѣлю полну,—и (тако) тому подписавшуся не хотѣніемъ, но нужею».

[3]) Епископы сождались другъ друга и императора, чтобы ѣхать домой всѣмъ вмѣстѣ, въ Венеціи.

[4]) По Vitae et gesta summorum Pontificum *Альфонса Чіаконія*, Romae, 1601, p. 894, папа возвелъ Исидора съ Виссаріономъ въ кардиналы—пресвитеры будто бы еще въ публичной консисторіи 15-го Января 1439-го года.

[5]) Но грамота о семъ папы Исидору вмѣстѣ съ подорожнымъ ему листомъ (salvus conductus) подписана 16-го Сентября (одна первая у *Тургенева* въ Historica Russiae Monimenta, I, 120, первая со вторымъ у *Тейнера* въ Monu-

Въ обратный путь Исидоръ отправился не тою дорогой, которой пріѣхалъ. Изъ Флоренціи онъ пошелъ въ Венецію, въ которой пробылъ съ находившимися здѣсь императоромъ и прочими Греками слишкомъ три мѣсяца (съ 15-го Сентября по 22-е Декабря) и изъ которой бѣжалъ отъ него или, можетъ быть, просто напередъ ушелъ посолъ великаго князя бояринъ Ѳома[1]). Въ Венеціи онъ сѣлъ въ корабль и плылъ Адріатическимъ моремъ мимо Полы (въ Истріи) на Сѣнь (Zengg, Segna) въ Кроаціи или Хорватіи. Изъ Сѣни, высадившись въ ней на берегъ 7-го Января 1440-го года, онъ шелъ на Загребъ или Аграмъ въ той же Кроаціи, на Будимъ или Офенъ-Пештъ въ Венгріи, на Краковъ въ Польшѣ и далѣе въ Россію.

Изъ Будима въ Венгріи, куда прибылъ 5-го Марта 1440-го года, Исидоръ отправилъ во всю область своего легатства,—въ Польшу, Литву, Ливонію и Россію, пастырское посланіе, въ которомъ извѣщалъ свою паству о великомъ совершившемся событіи—соединеніи церквей.

«Возрадуйтеся—пишетъ Исидоръ въ посланіи—и возвеселитеся вси нынѣ сущіи о Господѣ, яко церковь восточная съ римскою церковію коликое время раздѣлени быша и едина къ единѣй враждебни быша, а нынѣ истиннымъ соединеніемъ соединишася въ первоначальное соединеніе и въ миръ и въ тишину и въ любовь и въ единоначальство древнее (т.-е. папино) безъ всякаго раздѣленія... Пріимите сіе святое и пресвятое соединеніе и единоначальство съ великою духовною радостью и честію; молю васъ всѣхъ въ (имени,—о имени) Господа нашего Іисуса Христа, съ нами милость сотворшаго, чтобы никакова раздѣленія съ латыною у васъ не было, поне вси раби есте

menta Poloniae, II, 41): это нужно понимать такъ, что грамота была выслана Исидору, когда уже онъ былъ въ дорогѣ (въ Венеціи: Сумеонъ суздальскій говоритъ, что находясь въ Венеціи Исидоръ посылался къ папѣ).

[1]) Сумеонъ суздальскій, бѣжавшій отъ Исидора изъ Венеціи въ слѣдствіе ссоры своей съ нимъ, въ которой, какъ есть всѣ основанія подозрѣвать, и самъ былъ далеко не правъ, утверждаетъ, что и Ѳома также бѣжалъ отъ митрополита (у *Павлова* въ Критичч. опытахъ стр. 206 fin.); но утверждаетъ, можетъ быть, только изъ желанія оправдать нѣсколько самого себя. Впрочемъ, такъ какъ извѣстенъ охранный листъ или паспортъ, выданный папою Ѳомѣ во Флоренціи въ Мартѣ мѣсяцѣ 1439-го года (*Карамз.* V, прим. 296, Опис. ркпп. Толстова, отд. II № 341, стр. 486), изъ чего видно, что онъ еще тогда хотѣлъ возвратиться въ Россію: то есть основанія подозрѣвать, что у него было съ митрополитомъ не совсѣмъ ладно.

Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и во имя его крещени: единъ Богъ, едина вѣра и едино крещеніе, ино бы (поэтому бы) въ васъ было едино согласіе и тишина и миръ о Христѣ Іисусѣ. Вы же, латинстіи роди, тѣхъ всѣхъ, иже въ гречестѣй вѣрѣ суть, истинно вѣруйте, безъ всякаго размышленія, суть бо вси крещени и крещеніе ихъ свято есть и испытно (признано) отъ римскія церкви». Далѣе Исидоръ убѣждаетъ Грековъ и латинянъ, чтобы первые безъ всякаго сомнѣнія ходили въ церкви латинскія, а вторые—въ греческія, и чтобы первые принимали Тѣло Христово, совершенное на прѣсномъ хлѣбѣ, а вторые—на кисломъ хлѣбѣ. Свое посланіе Исидоръ заключаетъ: «Тако бо вселенскій великій соборъ кончалъ есть въ явленномъ посидѣніи (въ торжественномъ засѣданіи,—ἐν δημοσίᾳ συνελεύσει, in sessione publica), по многомъ совопрошаніи и испытаніи божественныхъ писаній, въ честнѣй и въ большой церкви служивше во градѣ Флоренстіи (sic) подъ лѣты воплощенія Господня 1439-го лѣта, мѣсяца Іюля въ 6-й день»[1]).

Изъ Будима въ Венгріи, послѣ 10-ти дневнаго въ немъ пребыванія [2]), Исидоръ направился въ Краковъ, столицу короля польскаго. Въ первомъ на дорогѣ польскомъ городѣ Сандечѣ, находящемся въ Карпатахъ, на рѣкѣ Дунайцѣ (впадающей въ Вислу) онъ встрѣченъ былъ (25-го Марта, въ великую пятницу) епископомъ краковскимъ Збигнѣвомъ Олесницкимъ, которымъ былъ принятъ гостепріимно и предупредительно [1]). Въ Краковъ къ королю Исидоръ, нѣтъ сомнѣнія, шелъ за тѣмъ, чтобы обрадовать его вѣстію о такомъ важномъ и такомъ вожделѣнномъ для него событіи, какъ соединеніе въ одно его

---

[1]) Никон. лѣт. V, 148. Въ лѣтописи не 6-го Іюля, когда провозглашенъ актъ уніи, а 6-го Іюня. 6-е Іюня вмѣсто 6-го Іюля и во всѣхъ нашихъ сказаніяхъ. Дѣло нужно понимать такъ, что ошибка была допущена въ которомъ нибудь одномъ изъ нихъ и изъ одного перешла во всѣ.

[2]) Выѣхалъ изъ Будима 14-го Марта,—ненапечатанная часть описанія путешествія, о которой сказали мы выше, на стр. 438, по рукописи, которую указываетъ Павловъ, именно—Румянцевск. № 939.

[1]) Длугошъ, lib. XII, ed Lipsiae 1711 p. 727: Intravit (въ Польшу) Isidorus cardinalis et legatus primum in Sandecz, feria sexta Parasceve, ubi per Sbigneum episcopum Cracoviensem fuit hospicio exceptus et omnibus in curia episcopali procuratus et ornatus expensis et ad celebrandum divina in ecclesia parochiali S. Mariae admissus. Въ Сандечѣ, по описанію путешествія (которое называетъ его Сувечомъ и Судочомъ), Исидоръ провелъ день св. Пасхи, бывшій въ 1440-мъ году 27-го Марта.

подданныхъ по отношенію къ вѣрѣ, и чтобы испросить у него соотвѣтствующихъ государственныхъ распоряженій относительно Русскихъ и вообще православныхъ его государства, ставшихъ теперь однимъ духовнымъ стадомъ съ католиками. Но, какъ должно думать, первое свиданіе Исидора съ королемъ вовсе не было въ отношеніи къ изліяніямъ взаимной радости такимъ, какимъ онъ его ожидалъ. Польскій король Владиславъ III (сынъ и преемникъ Ягайловъ) передъ самымъ прибытіемъ Исидора въ Польшу, 6-го Марта 1440 года, былъ избранъ въ короли венгерскіе и присланные къ нему венгерскіе депутаты настоятельнѣйшимъ образомъ побуждали его поторопиться путешествіемъ въ Венгрію [1]. Соображая вѣроятное время пріѣзда Исидорова въ Краковъ и время отъѣзда изъ него короля, получимъ, что митрополитъ успѣлъ захватить въ немъ Владислава не болѣе, какъ дней за 5-ть до отъѣзда [2]) и вообще когда онъ ни о чемъ другомъ не могъ думать, кромѣ предстоявшей поѣздки. Что касается до отношеній къ Исидору католическаго духовенства въ Краковѣ, то Длугошъ говоритъ, что онъ, какъ возсоединенный съ римскою церковію и вѣрный, допущенъ былъ къ служенію по своему греческому обычаю въ каѳедральномъ краковскомъ соборѣ [3]).

Изъ Кракова Исидоръ пошелъ явить себя въ своемъ новомъ званіи папскаго кардинала и легата de latere и возвѣстить о принесенной имъ уніи своей русской паствѣ. Однако онъ не поспѣшилъ въ Москву, но весьма на долгое время остался въ Литвѣ. Изъ Кракова онъ направился въ Перемышль, при чемъ на пути въ него въ городкѣ Тарновѣ (находящемся почти прямо на востокъ отъ Кракова, на рѣкѣ Дунайцѣ [4]) освятилъ католическій костёлъ совмѣстно съ однимъ поль-

---

[1]) Geschichte von Ungarn *Фесслера*, въ обработкѣ *Клейна*. II, 454 fin. sqq.

[2]) Исидоръ, какъ мы сказали, прибылъ въ Сандечъ 25-го Марта и пробылъ въ немъ 27-го Марта; король имѣлъ отправиться въ Венгрію 10-го Апрѣля,— Длугошъ, lib. XII, р. 727, и былъ на пути въ послѣднюю въ томъ же Сандечѣ 22-го Апрѣля,—*Фесслеръ—Клейнъ* ib. S. 456. Въ описаніи путешествія не сказано, когда Исидоръ прибылъ въ Краковъ и насколько захватилъ въ немъ короля, а сказано только, что «ту (въ Краковѣ) видѣхомъ короля Владислава и брата его Казимира».

[3]) Cracoviae in ecclesia Cathedrali more suo Graeco, tamquam Ecclesiae Romanae reunitus et fidelis, ad celebrandum divina fuit admissus,— Lib. XII, p. 727.

[4]) Во времена Исидора Тарновъ, можетъ быть, находился не на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ, ибо въ описаніи путешествія сказано: «а отъ Дунайца до града Тернова миля».

скимъ епископомъ [1]). Какимъ порядкомъ и съ какою церемоніей провозгласилъ онъ унію въ этомъ первомъ мѣстѣ русскомъ,—каковымъ былъ Перемышль, свѣдѣній не имѣемъ; равно не имѣемъ свѣдѣній и о томъ, какъ приняли его и принесенную имъ унію здѣшніе первые Русскіе. Изъ Перемышля Исидоръ пошелъ въ стольный городъ Галиціи Львовъ (Лембергъ), въ который прибылъ не позднѣе 15-го Мая и въ которомъ съ посѣщеніемъ Галича оставался до 10-го Іюля [2]). Изо Львова Исидоръ отправился въ столицу великаго княжества литовскаго Вильну, въ которую, державъ путь на Бельзъ, Грубешовъ, Холмъ, Влодаву, Брестъ-Литовскій, Волковыйскъ и Троки, прибылъ 13-го или 14-го Августа [3]). Послѣ 14-го Августа 1440-го года Исидоръ оставался въ юго-западной, польско-литовской, Руси, еще въ продолженіе шести мѣсяцевъ: гдѣ именно въ продолженіи этого времени онъ имѣлъ пребываніе или какія совершалъ путешествія, не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Псковская 2-я лѣтопись говоритъ, что на Покровъ Богородицы (1-го Октября) 1440-го года онъ пріѣхалъ въ Литву [4]):

---

[1]) См. въ 3-мъ выпускѣ Галицкаго Историческаго сборника (Львовъ, 1860) статью *Петрушевича*: «О соборной Богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ», прим. 52, стр. 126.

[2]) Въ описаніи путешествія не обозначено дня пріѣзда во Львовъ, а затѣмъ говорится: «а отъ Лвова до Галича 14 миль и пріидохомъ въ Галичъ мѣсяца Маія въ 21-й день; а оттолѣ опять пріидохомъ во Лвовъ по Петровѣ дни назавтрее, и поѣхали есмя изо Лвова Іюля въ 10-й день».

[3]) Въ описаніи путешествія не сказано, когда прибыли въ Вильну, но сказано, что изъ Трокъ, отъ которыхъ до Вильны 26 верстъ, отправились 13-го Августа. Наше описаніе путешествія, какъ мы сказали, по нѣкоторымъ спискамъ его (собственно пока одному извѣстному) доводится до Москвы и до Суздаля. Но авторъ описанія не оставался при Исидорѣ до прибытія этого послѣдняго въ Москву, а отдѣлившись отъ него, съ большей или меньшей частью его свиты, гдѣ-то въ Литвѣ, воротился домой, въ Москву—Суздаль, значительно ранѣе его (въ Москву 19-го Сентября, въ Суздаль 29-го). Гдѣ онъ отдѣлился отъ Исидора, и слѣдовательно—откуда въ описаніи говоритъ о пути только своемъ собственномъ, къ сожалѣнію, онъ у себя вовсе не отмѣчаетъ; но мы полагаемъ, что отдѣлился не ранѣе, какъ именно въ Вильнѣ, потому что—если бы ранѣе, то онъ не имѣлъ бы нужды доходить до Вильны и долженъ бы былъ повернуть на востокъ къ Москвѣ гдѣ нибудь прежде. А что во всякомъ случаѣ отдѣлился не ранѣе Холма, это мы знаемъ положительнымъ образомъ: существуетъ грамота Исидора (см. о ней ниже), изъ которой видно, что онъ—митрополитъ и описатель путешествія были въ Холмѣ въ одинъ и тотъ же день, слѣдовательно—вмѣстѣ.

[4]) Въ Собр. лѣтт. V, 29 (изъ лѣтописи въ Описаніи путешествія по изданію Сахарова).

изъ этого показанія лѣтописи, если оно справедливо, будетъ слѣдовать что послѣ 14-го Августа онъ ѣздилъ или опять въ Галицію или же въ кіевскую Русь. Отъ 5-го Февраля 1441-го года есть грамота Исидору кіевскаго князя Александра Владимировича, въ которой дается знать, что во время ея написанія митрополитъ находился въ Кіевѣ [1]); а безъ обозначенія времени говорятъ объ его пребываніи въ Кіевѣ и Сумеонъ суздальскій и Густинская лѣтопись [2]). Затѣмъ, Сумеонъ суздальскій, также безъ обозначенія времени говоритъ объ его пребываніи въ Смоленскѣ (который присоединенъ былъ къ Литвѣ Витовтомъ въ 1395-мъ году [3]). Въ Москву изъ Литвы Исидоръ пріѣхалъ въ воскресенье 3-й недѣли великаго поста 1441-го года, которое было въ семъ году 19-го Марта; слѣдовательно, если считать его пребываніе въ галицко-литовской Руси съ половины Апрѣля 1440-го года, всего онъ пробылъ въ ней годъ безъ мѣсяца.

Церковная унія съ папою православныхъ жителей Галиціи и литовской Руси была для короля польскаго и для великаго князя литовскаго, въ видахъ политическихъ, дѣломъ въ высшей степени желаемымъ. И однако, эта унія, бывъ устроена на соборѣ Флорентійскомъ и бывъ принесена Исидоромъ въ Польшу и Литву, вовсе не была введена и вводима здѣсь между Русскими, такъ что передъ нами весьма странное явленіе: съ одной стороны, люди весьма усердно желали уніи, а съ другой стороны—когда эта унія, дѣйствительно устроенная, была принесена къ нимъ, они какъ будто не обратили на нее никакого вниманія. Такимъ, на первый взглядъ загадочнымъ фіаско, постигшимъ флорентійскую унію въ Польшѣ и Литвѣ, здѣшніе Русскіе обязаны были весьма счастливымъ для нихъ обстоятельствамъ.

Предварительно должно быть впрочемъ замѣчено, что если бы унія и была вводима и введена, то, какъ со всею вѣроятностію нужно думать, она вовсе не была бы тѣмъ кровавымъ дѣломъ, какимъ явилась въ концѣ XVI—въ началѣ XVII вѣка. Въ первой половинѣ XV вѣка польскіе короли, польское католическое духовенство и вообще всѣ Поляки еще вовсе не были такими крайними фанатиками, какими они стали къ концу XVI вѣка, ибо они еще не прошли воспитательной

---

[1]) Грамота дана митрополиту въ Кіевѣ и въ ней говорится: «а коли отецъ нашъ... митрополитъ *отъѣдетъ далѣ* въ свою митрополію, оправляя церкви Божіи»... Грамота въ Акт. Ист. т. I. № 259, стр. 488.

[2]) Первый—у *Павлова* въ Критичч. опытахъ, стрр. 207 и 208, вторая—въ Собр. лѣтт. II. 355.

[3]) У *Павлова* ibidd..

школы іезуитовъ и не стояли еще подъ руководствомъ людей, подобныхъ симъ послѣднимъ. Что касается до счастливыхъ для Русскихъ Польши и Литвы обстоятельствъ, которыя устранили даже попытку введенія уніи, принесенной Исидоромъ, то онѣ состояли въ томъ, что ни король польскій ни великій князь литовскій не могли взять дѣла введенія уніи на себя и должны были предоставить ее собственной ея судьбѣ. Прежде всего, въ минуту прибытія Исидорова съ уніею Поляки находились въ такомъ церковномъ положеніи, что не признавали папы, отъ котораго она была принесена. Въ то время были два папы: Евгеній IV, устроившій унію на Флорентійскомъ соборѣ, и Феликсъ V, избранный соборомъ Базельскимъ, и Поляки, не находя удобнымъ признавать котораго нибудь одного папу, не признавали ни того ни другого [1]). А такимъ образомъ, унія, хотя и представлявшая собою нѣчто весьма желаемое, бывъ принесена отъ непризнаваемаго папы, являлась такимъ желаемымъ, которымъ неудобно было воспользоваться. Затѣмъ, король польскій Владиславъ III, какъ мы сказали, передъ самымъ прибытіемъ Исидора въ Польшу, 6-го Марта 1440-го года, былъ избранъ въ короли венгерскіе. Отправившись въ Венгрію въ слѣдующемъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, онъ не возвращался болѣе въ Польшу, которая была поручена управленію намѣстниковъ, и 10-го Ноября 1444-го года погибъ въ битвѣ съ Турками при Варнѣ (отъ чего называется Варнскимъ). Отсутствуя изъ Польши и занятый отчасти дѣлами венгерскими (борьбою съ Елизаветой, вдовой своего предшественника на венгерскомъ престолѣ Альбрехта), отчасти войною съ Турками, которую началъ тотчасъ послѣ того, какъ былъ избранъ въ венгерскіе короли, Владиславъ не имѣлъ возможности заняться въ своихъ польскихъ земляхъ принесенной отъ папы уніей. Правда, находясь въ Венгріи, онъ издалъ въ Мартѣ 1444-го года, послѣ того какъ призналъ Евгенія и— какъ должно думать—побуждаемый бывшимъ у него легатомъ послѣдняго (кардиналомъ Юліаномъ, погибшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ варнской битвѣ) свою грамоту, въ которой, послѣ выраженія своей великой радости о давно желанной и наконецъ состоявшейся уніи, совершенно сравниваетъ православное духовенство во всѣхъ правахъ и привиллегіяхъ съ духовенствомъ католическимъ [2]). Но одною этою грамотой, которая при томъ дана была уже послѣ бѣгства изъ Москвы Исидорова, немногое можно было сдѣлать, а между тѣмъ вся дѣятельность короля по отношенію къ уніи и ограничилась только ею одной.

---

[1]) Длугошъ. lib. XII. p. 768.

[2]) Грамота въ Актахъ Западн. Россіи, т. I № 42. стр. 56.

Въ Литвѣ находился на лицо великій князь, но онъ былъ въ такомъ положеніи, что не могъ отважиться на попытки введенія уніи, хотя бы и имѣлъ къ тому желаніе. За пять дней до въѣзда Исидорова изъ Венгріи въ Польшу, 20-го Марта 1440-го года, былъ убитъ великій князь литовскій Сигизмундъ Кейстутьевичъ, согнавшій съ престола Свитригайла, и на его мѣсто избранъ былъ въ князья братъ Владиславовъ Казиміръ. Но этотъ новый великій князь, и по своему личному характеру и по своимъ личнымъ качествамъ далеко не бывшій ни ревнителемъ вѣры ни человѣкомъ государственнымъ, въ виду опаснаго соперника себѣ въ лицѣ сына Сигизмундова Михаила и въ виду ссоръ въ Литвѣ между боярскими партіями, чувствовалъ себя на престолѣ великокняжескомъ слишкомъ не твердо, чтобы рѣшиться на такое дѣло, какъ попытка введенія уніи. Такимъ образомъ, унія въ Польшѣ и Литвѣ была предоставлена самой себѣ и тѣмъ духовнымъ мѣрамъ, которыя могъ употребить къ ея введенію самъ Исидоръ. Но православные вовсе не хотѣли принимать уніи [1]) и духовныя мѣры Исидора оказались совершенно безсильными.

Однако, православные князья литовскіе вовсе и не прогоняли отъ себя Исидора, а признавали его за своего митрополита: на это мы имѣемъ положительныя доказательства. Выше мы упоминали о грамотѣ кіевскаго удѣльнаго князя Александра Владимировича [2]), данной Исидору 5-го Февраля 1441-го года. Этой грамотой князь подтверждаетъ «отцу своему Сидору, митрополиту кіевскому и всея Руси» обладаніе митрополичьими вотчинами въ области кіевской, его митрополичьи доходы и судъ и всѣ его духовно—или—церковно-правительственныя митрополичьи права. Затѣмъ, знаемъ и другое положительное доказательство: смоленскій князь Юрій Семеновичъ-Лугвеньевичъ [3]) выдалъ Исидору враждебнаго ему спутника его на Флорентійскій соборъ—

---

[1]) Длугошъ lib. XII, p. 727: Unio illa brevisculo duravit tempore, Graecis et Ruthenis, qui circa illam praesentes non erant, irridentibus et contemnentibus.

[2]) Александръ или Олелько былъ внукъ Ольгерда; отецъ его Владиміръ не перекрестился въ латинство вмѣстѣ съ Ягайломъ и Витовтомъ. Онъ (Александръ) былъ свойкомъ московскому Василію Васильевичу, имѣвъ въ замужествѣ его сестру Анастасію.

[3]) Лугвеній, по христіанскому православному имени Сумеонъ, братъ Владиміровъ (т.-е. также сынъ Ольгердовъ), не переходилъ подобно ему изъ православія въ латинство.

Сумеона суздальскаго [1]). Грамота Александра Владимировича даетъ знать, что православные князья литовскіе, не признавая въ Исидорѣ папскаго кардинала и легата, хотѣли видѣть въ немъ только то, чѣмъ онъ былъ и до Флорентійскаго собора,—православнаго митрополита. Что касается до того, какъ принималъ Исидора въ Галиціи и Литвѣ простой православный народъ, то относительно этого мы имѣемъ свѣдѣнія только весьма ненадёжныя. Существуетъ свидѣтельство, что во Львовѣ народъ не хотѣлъ ходить за службы, которыя онъ совершалъ; но свидѣтельство это принадлежитъ писателю уже XVII вѣка [2]). Густинская лѣтопись увѣряетъ, что изъ Кіева народъ прогналъ его [3]); но судя по грамотѣ ему Александра Владимировича весьма трудно допустить, чтобы князь позволилъ сдѣлать это народу. Существуетъ грамота Исидора, данная имъ въ Холмѣ 27-го Іюля 1440-го года и обращенная къ холмскимъ старостамъ, воеводамъ, заказникамъ и всѣмъ православнымъ, съ увѣщаніемъ, не отнимать у одного подгороднаго священника (у попа св. Спаса отъ Столпа [4]) церковнаго сада [5]). Такъ какъ на концѣ грамоты читается: «намъ сущимъ православнымъ хрестіяномъ Ляхомъ и Руси»..., се бо нынѣ далъ Богъ—одина братья хрестіяне латинники и Русь»: то предполагаютъ, что граждане холмскіе отнимали у священника церковную землю за то, что онъ признавалъ Исидора и унію; но, очевидно, что предположеніе далеко не твердое, ибо если бы дѣло было бы въ этомъ, то гражданамъ естественно было бы совсѣмъ прогнать священника отъ церкви [6]).

---

[1]) Сумеонъ суздальскій убѣжалъ отъ Исидора вмѣстѣ съ княжескимъ посломъ Ѳомой изъ Венеціи 9-го Декабря 1439-го года и въ Россіи прибѣжалъ къ новгородскому архіепископу Евѳимію (можетъ быть, потому, что бѣжалъ съ купеческимъ караваномъ, шедшимъ въ Новгородъ, а можетъ быть—и потому, что не находилъ удобнымъ являться въ Москву). Когда Исидоръ прибылъ въ Литву, Юрій Лугвеньевичъ зазвалъ Сумеона къ себѣ въ Смоленскъ и здѣсь выдалъ его черницамъ митрополичьимъ, которые и посадили его въ желѣза (Повѣсть Сумеонова у *Павлова* въ Критичч. опытахъ, стр. 206 fin.).

[2]) Нѣкоему Зиморовичу, см. у *А. С. Петрушевича* въ статьѣ: «О соборной Богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ», помѣщенной въ 3-мъ выпускѣ Галицкаго Историческаго сборника, прим. 52, стр. 126.

[3]) Собр. лѣтт. II, 355.

[4]) Селеніе Столпье, получившеее названіе отъ находящагося въ немъ древняго столпа или башни,—въ 9 верстахъ отъ Холма.

[5]) Грамота напеч. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1846-го года № 1.

[6]) Какъ узнаёмъ изъ описанія путешествія или дневника, принадлежащаго неизвѣстному, Исидоръ былъ въ Холмѣ и всего одинъ день, именно—наше 27-е Іюля.

Послѣ почти годичнаго пребыванія въ Литвѣ Исидоръ пришелъ въ Москву, какъ мы сказали, въ третіе воскресеніе великаго поста, 19-го Марта 1441 года. Здѣсь ожидало его иное, чѣмъ въ Литвѣ: тамъ не приняли уніи, принесенной имъ отъ папы, но приняли его самого, находя какимъ-то образомъ возможнымъ не признавать его за папскаго кардинала и легата и въ тоже время признавать за «господина и отца своего митрополита кіевскаго и всея Руси»; здѣсь не подвергли его подобному разоблаченію отъ новаго, имъ принесеннаго, но затѣмъ, чтобы подвергнуть его осужденію за это принесенное.

Московскій лѣтописецъ слѣдующимъ образомъ представляетъ приходъ Исидора въ Москву и случившееся послѣ прихода. Какъ папскій кардиналъ и легатъ, митрополитъ вошелъ въ городъ въ преднесеніи латинскаго креста [1]) и трехъ палицъ или жезловъ [2]). Пришедъ въ Кремль, онъ прошолъ прямо въ Успенскій соборъ и здѣсь сначала пѣлъ молебенъ за великаго князя и за все православное христіанство, а потомъ совершалъ литургію, на которой велѣлъ поминать «вопер-

---

Слѣдовательно, предъ самимъ митрополитомъ священникъ во всякомъ случаѣ не имѣлъ времени заявить своей преданности уніи.

[1]) Латинскій крестъ отличается отъ православнаго тѣмъ, что на немъ ноги Спасителя, положенныя одна на другую, прибиты однимъ гвоздемъ, а не двумя, и что руки Спасителя не протянуты прямо, но Онъ виситъ на нихъ, нѣсколько или значительно опустившись книзу. О крестѣ, который носили предъ Исидоромъ, великій князь Василій Васильевичъ говоритъ, что онъ былъ «высоко въдруженъ латыньскимъ именованіемъ», т.-е. что онъ, по обычаю латинскому, былъ водруженъ на длинномъ древкѣ (см. Лѣтописи занятій Археогр. Комм. вып. 3, приложж. стр. 35; а относительно формы креста: «повелѣваше распятіе, латыньски изваанно, носити,—обѣ нозѣ единымъ гвоздемъ пригвоздѣнѣ», у *Павл.* въ Памм. col. 533). Православные укоризненно называли латинскій крестъ крыжомъ, что есть польское названіе креста—krzyż, отъ латинскаго crux.

[2]) Никоновская лѣтопись, которую разумѣемъ въ данномъ случаѣ,—V, 154, Воскресенская лѣтопись,—въ Собр. лѣтт. VIII, 109, Софійская 2-я лѣтопись ibid. VI, 161, и Слово и сказаніе о составленіи осмаго собора—у *Попова* въ Историко-литерат. обзорѣ стр. 376, говорятъ, что Исидоръ повелѣвалъ носить передъ собою «крыжъ латинскій да три палицы сребряны про честь фряжскаго права». Но Сумеонъ суздальскій въ своей повѣсти говоритъ, что онъ носилъ крыжъ во креста мѣсто и палицу сребряну,—у *Павлова* въ Критичч. опытахъ стр. 207 и у Попова ibid. стр. 355 fin.. Относительно палицы Сумеонъ дѣлаетъ поясненіе: «палицу нося—гордость и буйство латинское (являя): аще кто не приклякнетъ (приклякать—польское przyklękać: стать на колѣна) ко крыжу, то палицею ударивши приклякнути велитъ, яко же у папы тако творятъ».

выхъ» [1]) вмѣсто имени патріарха константинопольскаго имя папы римскаго Евгенія [2]); по окончаніи литургіи онъ велѣлъ выйдти своему протодіакону въ стихарѣ съ ораремъ на амвонъ и велегласно прочесть грамоту осьмаго собора или актъ соединенія, подписанный 5-го Іюля 1439-го года; по окончаніи всего онъ представилъ великому князю грамоту къ послѣднему отъ папы [3]), въ которой этотъ, извѣщая государя о состоявшемся единеніи церквей, настоятельно проситъ его, да будетъ онъ помощникъ Исидору усердно всею своею мышцею въ дѣлѣ введенія уніи въ Россіи [4]). Поведеніе Исидорово, смѣло провозгласившаго унію и поминовеніемъ имени папы вмѣсто имени патріарха какъ бы самымъ дѣломъ введшаго ее, привело въ крайнее смущеніе и замѣшательство великаго князя, всѣхъ епископовъ, собравшихся въ Москву встрѣчать митрополита, и всѣхъ бояръ великаго князя; епископы и бояре до такой степени растерялись, что совершенно отказывались подавать государю какіе нибудь совѣты относительно того, что̀ дѣлать: «вси князи умолчаша и бояре и иніи мнози, еще же паче и́ епискупы рускіа вси умолчаша и воздремаша и уснуша»... Великій князь, такъ сказать—оставленный всѣми, началъ думать одинъ самъ съ собой и, думавъ три дни, на четвертый день отдалъ приказъ взять Исидора подъ стражу, объявивъ его еретикомъ, подлежащимъ суду соборному. Тогда «вси епискупы рустіи возбудишася, князи и бояре и вельможи и множество христіанъ тогда воспомянуша и разумѣша законы греческія прежнія и начаша глаголати святыми писаніи и звати Исидора еретикомъ» [5])...

Эта рисуемая лѣтописцемъ картина всеобщаго крайняго смущенія въ Москвѣ, произведеннаго прибытіемъ Исидора, и скоро послѣдовавшаго затѣмъ, благодаря твердости духа великаго князя, всеобщаго рѣшительнаго воспрянутія и пробужденія, есть ни что иное, какъ картина, сочиненная въ позднѣйшее время. Прежде чѣмъ явиться въ Мо-

---

[1]) «Во-первыхъ помяни Господи»...

[2]) По Тверской лѣтописи. Собр. лѣтт. XV, 491 col. I. будто бы еще—напередъ имени великаго князя имя императора западнаго («кесаря»).

[3]) По Длугошу,—lib. XII, p. 727—и отъ императора константинопольскаго.

[4]) И въ которой говоритъ о роли Исидора на соборѣ въ дѣлѣ устроенія уніи: «къ сему единачеству и согласію многое поможеніе и поспѣшеніе честнѣйшаго брата нашего Исидора, митрополита твоего кіевскаго и всея Русіи и отъ апостольскаго престола посла (легата), ижъ за свое благое потрудился о соединеніи, крѣпчайшій (*вар.* крѣпшайшее) имѣлъ».

[5]) Никон. лѣт. V. 153 fin. sqq.

скву, Исидоръ прожилъ въ Литвѣ, по возвращеніи съ Флорентійскаго собора, почти цѣлый годъ: слѣдовательно—весьма ясно, что ни о какой неожиданности, которая бы должна была произвести великое смущеніе, вовсе не могло быть рѣчи.

Необходимо думать, что рѣшеніе поступить съ Исидоромъ такъ, какъ поступлено, было принято еще до его прибытія въ Москву. Необходимо думать, что это принятое рѣшеніе или принятіе этого рѣшенія имѣетъ свою исторію; но, къ сожалѣнію, послѣдняя остается намъ неизвѣстною.

Когда дошли до Москвы первые слухи о томъ, чѣмъ кончился Флорентійскій соборъ, т. е. неожиданные слухи, что Греки не только не возвратили на немъ латинянъ къ своему древнему православію, какъ надѣялись и были увѣрены, а напротивъ сами предали латинянамъ это православіе и признали ихъ ереси,—какъ тогда у насъ безъ всякихъ оговорокъ, а совершенно положительно, смотрѣли на отступленія латинъ: то, нѣтъ сомнѣнія, слухи повергли всѣхъ въ величайшее смущеніе и въ болѣзненное недоумѣніе относительно того, какъ быть и что дѣлать въ виду этого неожиданнаго поступка Грековъ. О величайшемъ смущеніи, которое господствовало нѣкоторое первое время въ Москвѣ, свидѣтельствуетъ самъ великій князь Василій Васильевичъ въ своемъ посланіи къ аѳонскимъ монахамъ [1]). Но затѣмъ мракъ недоумѣнія долженъ былъ для московскихъ Русскихъ постепенно разсѣяться и ихъ смущеніе должно было смѣниться горячей и твердой рѣшимостью выступить защитниками и охранителями православія. Какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, Исидоръ, возвратившись съ собора, весьма не спѣшилъ въ Москву по тому нарочитому побужденію, чтобы дать здѣшнимъ Русскимъ время привыкнуть къ мысли встрѣтить его папскимъ кардиналомъ и легатомъ; совершенно вѣроятно, что время, проведенное въ Литвѣ, онъ употребилъ на то, чтобы постараться приготовить и расположить здѣшнихъ Русскихъ къ принятію принесенной имъ уніи: но на самомъ дѣлѣ онъ далъ время московскимъ людямъ совершенно придти въ себя и твердымъ образомъ принять относительно

---

[1]) Это посланіе великаго князя вмѣстѣ съ посланіемъ аѳонскихъ монаховъ «къ княземъ и властелемъ, святителемъ и священникомъ и прочимъ Господнимъ людемъ христоименитымъ» не названной страны, подъ которою должно разумѣть Россію, напечатано изъ сборника новгородской Софійской библіотеки XVI вѣка въ Лѣтописи занятій Археографич. Коммиссіи, выпускъ 3, приложж. стр. 28 sqq (мѣсто, на которое ссылаемся, стр. 33 fin.). Извлеченіе изъ второго посланія еще—въ Описаніи Синодд. рукпп., № 339 л. 343 (стр. 827).

него рѣшеніе, котораго онъ вовсе не желалъ. Посолъ великаго князя бояринъ Ѳома, прибѣжавшій (пришедшій) отъ него изъ Венеціи, епископъ Аврамій и та или другая часть его спутниковъ, пришедшіе отъ него въ Москву, когда онъ остался въ Литвѣ [1]), должны были разсказать въ Москвѣ, какъ состоялась эта неожиданная унія, т. е. разсказать, что искренно приступили къ ней только весьма немногіе изъ архіереевъ греческихъ,—что большинство согласилось на нее или купленное золотомъ или принужденное нравственнымъ гнетомъ и что нѣкоторые, каковъ Маркъ ефесскій, не только не приняли ея, но и рѣшительнымъ образомъ и изо всѣхъ силъ протестовали противъ нея. Не имѣемъ прямыхъ указаній, но со всею вѣроятностію нужно предполагать, что великій князь, получивъ принесенныя извѣстія о Флорентійскомъ соборѣ, поспѣшилъ навести въ Константинополѣ справки, какъ тамъ принята унія. А если онъ сдѣлалъ это, то долженъ былъ узнать, что рѣшительное большинство какъ архіереевъ, такъ и мірянъ, встрѣтило унію съ величайшимъ негодованіемъ и вовсе не хотѣло ее знать,—что поспѣшили раскаяться въ своей измѣнѣ православію и бо́льшая часть архіереевъ, ѣздившихъ на соборъ,—что одни и другіе архіереи протестовали противъ уніи предъ императоромъ формальнымъ образомъ посредствомъ соборнаго опредѣленія [2]) и что держится уніи только императоръ съ весьма немногими. Мы находились въ то время въ живыхъ сношеніяхъ съ Аѳономъ, такъ что великій князь не могъ тотчасъ же не узнать того, какъ приняли унію монахи аѳонскіе, пользовавшіеся исключительно—великимъ уваженіемъ въ православномъ мірѣ: и онъ долженъ былъ узнать, что монахи эти не только отвергли унію съ такимъ же негодованіемъ, какъ большинство прочихъ Грековъ, но и выступили противъ нея нарочитыми противниками между греческимъ народомъ [3]). Такимъ образомъ, прежде прибытія въ Москву Иси-

---

[1]) Епископъ Авраамій съ частью спутниковъ Исидора, оставивъ митрополита въ Литвѣ, прибылъ въ Москву, какъ мы сказали выше, 19-го Сентября 1440-го года.

[2]) См. Исторію Флорентійскаго собора, стр. 183 sqq. Архим. Димитракопулъ въ своей Ὀρθόδοξος Ἑλλάς, стр. 107, ссылаясь на Ἀντίῤῥησις патр. іерусал. Нектарія и на Τόμος καταλλαγῆς патр. іерусал .Досиѳея, которыхъ мы не имѣемъ подъ руками, говоритъ о константинопольскомъ соборѣ 1440-го года, протестовавшемъ противъ уніи.

[3]) Посланіе аѳонскихъ монаховъ въ Россію противъ уніи, о которомъ въ третьемъ примѣчаніи выше, писано уже послѣ изгнанія изъ Москвы Исидора (стр. 29 нач.) и изъ него не видно, чтобы монахи писали въ Россію еще до изгнанія послѣдняго (и до его прихода въ Москву изъ Литвы). Подъ актомъ уніи подписались

дорова великій князь долженъ былъ узнать, что эта унія, устроенная всякими неправдами, встрѣчена Греками съ величайшимъ негодованіемъ,—что она отвергнута у нихъ рѣшительнымъ большинствомъ духовенства и мірянъ и что ея держится въ Константинополѣ только императоръ съ нѣкоторыми немногими, бывъ вынужденъ своими несчастными обстоятельствами. Въ виду сейчасъ указанныхъ свѣдѣній великій князь не могъ смущаться вопросомъ: какъ ему быть съ этой принесенной Исидоромъ уніей. Если Греки, которымъ унія столько нужна бы была въ ихъ ужасномъ государственномъ положеніи, съ негодованіемъ отвергли ее: то что̀ другое могъ сдѣлать онъ, которому не было нужды покупать чего нибудь цѣною измѣны православію? Очень можетъ быть, что мысль о провозглашеніи Исидора незаконнымъ митрополитомъ и измѣнникомъ православію приходила и нѣкоторымъ православнымъ князьямъ литовскимъ и что только они не могли осуществить ее при своихъ государственныхъ обстоятельствахъ: великій князь московскій былъ въ полной возможности отвергнуть не только унію, но и принесшаго ее отступника—митрополита, противъ котораго онъ долженъ былъ исполниться тѣмъ бо̀льшаго негодованія, что именно ни кто другой, какъ онъ—митрополитъ былъ главнымъ виновникомъ и устроителемъ уніи.

Черезъ три дня на четвертый послѣ прибытія въ Москву, въ середу на крестопоклонной недѣлѣ, Исидоръ взятъ былъ подъ стражу, именно—помѣщенъ на житье за сторожами (подъ домовый арестъ) въ Чудовомъ митрополичьемъ монастырѣ [1]). Послѣ того великій князь созвалъ соборъ изъ епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ и всего

присутствовавшіе на соборѣ представители трехъ или четырехъ аѳонскихъ монастырей: Лавры, Ватопеда, св. Павла и Пандократора—неизвѣстно аѳонскаго или константинопольскаго, но что тотчасъ по возвращеніи съ собора представителей монахи выступили нарочитыми противниками отвергнутой ими уніи, это они даютъ знать въ посланіи (ibid. Protъ Аѳонскій Пахомій, которому адресуетъ великій князь посланіе, можетъ быть, есть тотъ Пахомій, который подписался подъ актомъ уніи, какъ игуменъ св. Павла).

[1]) По словамъ Длугоша: in carcerem includitur et omnibus therauris, quos jam notabiles conquisiverat, spoliatur (вѣроятно, разумѣются сокровища, которыя успѣлъ собрать Исидоръ во время пребыванія въ Литвѣ, при чемъ могъ получать доходы и съ московской половины митрополіи, хотя, быть можетъ, и не со всей),—lib. XII p. 728 нач..

священства [1]) и поручилъ собору, обличивъ ересь Исидора истиннымъ судомъ правды, стараться о томъ, чтобы онъ—митрополитъ усрамился и отложилъ латинскія ересныя соединенія и согласія и повинился и покаялся, дабы такимъ образомъ могъ получить милость. Когда Исидоръ остался непреклонно твердымъ въ своей вѣрности уніи и нимало не восхотѣлъ повинутися священному собору, его по прежнему оставили за сторожами въ Чудовомъ монастырѣ, рѣшившись и еще ждать отъ него обращенія и покаянія [2]); при этомъ, какъ даютъ знать наши акты, лѣтописи и сказанія, на него старались подѣйствовать путемъ угрозъ, а именно — что въ случаѣ его нераскаянности на него будетъ созванъ новый великій соборъ [3]) и что онъ можетъ быть приговоренъ къ смертной казни черезъ сожженіе или черезъ засыпаніе живымъ въ землю [4]). Какъ бы въ концѣ концовъ поступилъ великій князь съ Исидоромъ, остается неизвѣстнымъ. Просидѣвъ въ Чудовомъ монастырѣ за сторожами весну и лѣто, ночью 15-го Сентября 1441-го года онъ бѣжалъ изъ Москвы [5]). Великій князь, бывъ, нѣтъ сомнѣнія, чрезвычайно доволенъ, что этимъ бѣгствомъ Исидоръ самъ разрѣшилъ и покончилъ трудный вопросъ: какъ съ нимъ быть, строго запретилъ догонять его и предоставилъ ему полную свободу исчезать изъ Россіи, куда онъ знаетъ [6]). Изъ Москвы Исидоръ побѣжалъ въ Тверь. Здѣшній князь Борисъ Александровичъ снова посадилъ было его за приставовъ; но великій князь, давъ ему и здѣсь посидѣть нѣкоторое время, въ великомъ постѣ 1442-го года приказалъ выпустить его, и онъ бѣ-

---

[1]) См. посланіе великаго князя въ Константинополь въ Акт. Ист. т. I, № 39, стр. 74 col. 2, въ Памятнн. *Павлова* col. 534, и посланіе митр. Іоны къ епископу смоленскому Мисаилу—въ Акт. № 62, стр. 111 col. I, *Павлова* col. 661.

[2]) Никон. лѣт. V, 156—7.

[3]) Степ. кн. II, 75 sub fin..

[4]) Посланіе митр. Іоны къ литовскимъ епископамъ 1460-го года—въ Памятнн. *Павлова* № 87, col. 654 fin.; Софійская 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, стр. 161 col. 1 fin. и стр. 163 col. 2 нач., Воскресенск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 109, Слово и сказаніе о составленія осьмого собора у *Попова* стр. 379 нач..

[5]) Описаніе путешествія Исидорова на соборъ по изд. Сахарова,—конецъ. Симеоново сказаніе о соборѣ по изд. въ Вивліоѳ.,—VI. 70.

[6]) «*Никакоже* посла по немъ возвратити его», см. цитаты во второмъ примѣчаніи выше (очень можетъ быть, что и грозили ему смертью за тѣмъ, чтобы заставить его бѣжать, при чемъ, конечно, ослабили и надзоръ такъ, чтобы дать полную возможность бѣжать).

жалъ въ Новогродокъ къ литовскому великому князю Казимиру [1]). Не знаемъ, было ли такъ, что послѣ осужденія и низложенія московскаго не хотѣли признавать его своимъ митрополитомъ и православные князья литовскіе, или такъ, что послѣ сего онъ вообще чувствовалъ себя среди православныхъ весьма неловко и фальшиво: только, недолго побывъ у Казимира въ Новогродкѣ, онъ побѣжалъ въ Римъ къ папѣ [2]).

Этимъ кончилось пребываніе Исидора на каѳедрѣ русской митрополіи и таковъ былъ исходъ его попытки ввести флорентійскую унію въ московской Руси... Должно думать, что онъ прибѣжалъ къ папѣ до чрезвычайности смущенный и пристыженный. По словамъ Сvмеона суздальскаго, отправляясь съ собора Флорентійскаго въ Россію, онъ обнадеживалъ папу увѣреніями, что ему непремѣнно удастся ввести унію въ Москвѣ,—что великій князь московскій молодъ [3]) и не посмѣетъ воспротивиться его волѣ,—что епископы московскіе некнижны и не съумѣютъ говорить что нибудь вопреки ему по поводу уніи [4]); и вдругъ, послѣ такихъ увѣреній, немедленный арестъ, какъ только явился въ Москву, увѣщанія отъ некнижныхъ епископовъ—отложивъ латинскія ереси, принести покаяніе, и позорное бѣгство!...

Мы кончили наши рѣчи о митр. Исидорѣ, насколько онъ подлежитъ нашему повѣствованію [5]), но не кончили рѣчей о флорентійской уніи, которой онъ былъ главнѣйшимъ виновникомъ. Въ человѣческой исторіи, какъ извѣстно, очень не мало совершенно неожиданнаго. Флорентійская унія имѣетъ весьма неожиданное и въ тоже время весьма важное значеніе въ исторіи русской церкви: отъ нея ведетъ свое начало новое мнѣніе Русскихъ о православіи Грековъ,—мнѣніе столько же съ перваго взгляда невѣроятное, сколько невѣроятно то, что именно отъ нея ведетъ начало. Греческіе архіереи, присутствовавшіе на Флорентійскомъ соборѣ, имѣли слабость предать православіе латинянамъ, но наибо́льшая часть ихъ тотчасъ же послѣ возвращенія съ собора

---

[1]) Цитаты третьяго примѣчанія выше и Псковск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. V, 30. Не говорится, чтобы Борисъ Александровичъ выпустилъ Исидора по приказанію великаго князя, но это необходимо подразумѣвать: какъ скоро онъ схватилъ его, то не рѣшился бы выпустить безъ дозволенія великаго князя.

[2]) См. цитаты, указанныя въ предъидущемъ примѣчаніи.

[3]) Василій Васильевичъ родился 10-го Марта 1415-го года.

[4]) У *Павлова* въ Критичч. опытахъ, стр. 208.

[5]) Дальнѣйшую исторію Исидора до его смерти, послѣдовавшей 27-го Апрѣля 1463-го года, см. въ сочиненіи *Пирлинга* La Russie et le Saint-Siège, t. I, Paris, 1896, pp. 60—107.

искреннимъ образомъ въ этомъ раскаялась, и во всякомъ случаѣ греческое духовенство и греческій народъ, не присутствовавшіе на соборѣ, встрѣтили унію съ величайшимъ негодованіемъ, рѣшительно отвергли ее и вовсе не хотѣли о ней слышать. Правда, что импер. Іоаннъ Палеологъ, устроившій соборъ и рѣшившійся принести на немъ православіе въ жертву своимъ политическимъ нуждамъ, оставался вѣренъ уніи, побуждаемый тѣми же нуждами, до самой своей смерти, послѣдовавшей 31-го Октября 1448-го года; правда, что преемникъ Іоанновъ Константинъ, сначала показавшій было себя ревнителемъ православія и врагомъ уніи, потомъ, въ виду рѣшительныхъ приготовленій Турокъ къ овладѣнію Константинополемъ, прибѣгая къ этой уніи, какъ къ единственному средству спасенія, которое могъ находить, снова призналъ ее въ концѣ 1452-го года [1]): но все это нисколько не касалось духовенства и народа и наоборотъ все это возбуждало въ духовенствѣ и народѣ только величайшее негодованіе [2]). 29-го Мая 1453-го года Константинополь былъ взятъ Турками, имперія византійская прекратила свое существованіе и у Грековъ совершенно не осталось никакого и помина объ уніи, а осталась одна крайняя вражда къ латинянамъ, усиленная уніей еще болѣе прежняго. Никому, кто хоть сколько нибудь знаетъ, какъ принята была унія Греками, не придетъ въ голову подумать, чтобы она повредила у Грековъ чистоту православія (ибо въ дѣйствительности, вовсе не бывъ ими принимаема, она напротивъ рѣшительнымъ образомъ укрѣпила ихъ въ преданности православію), и однако у насъ вскорѣ послѣ Флорентійскаго собора было провозглашено, будто унія повредила у Грековъ чистоту православія, такъ что будто бы оттолѣ истинное чистое православіе осталось у насъ однихъ—Русскихъ, каковой взглядъ на поврежденность православія у Грековъ, впервые высказанный вскорѣ послѣ Флорен-

---

[1]) Провозглашена въ Софійскомъ соборѣ присланнымъ отъ папы нашимъ Исидоромъ 12-го Декабря 1452-го года.

[2]) О томъ, съ какою величайшею ненавистью встрѣчено было духовенствомъ и народомъ греческимъ (который представляли тогда собою жители Константинополя) возстановленіе уніи Константиномъ, см. въ статьѣ *М. М. Стасюлевича*: Осада и взятіе Византіи Турками, помѣщенной въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Акад. Наукъ, кн. I, разд. 2, стр. 99 sqq (императоры видѣли въ уніи единственное средство спасенія, а народъ напротивъ смотрѣлъ на нее, какъ на вѣрное средство привлечь на себя окончательный гнѣвъ Божій). Также см. въ нашей статьѣ: «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами», напечатанной въ I кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. за 1896-й годъ.

тійскаго собора, былъ сохраняемъ нашими предками вплоть до патр. Никона, и именно онъ былъ причиной, произведшей при немъ у насъ расколъ старообрядчества [1]). Совершенно непонятная съ перваго взгляда загадка объясняется тѣмъ, что новый взглядъ Русскихъ на Грековъ только ведетъ свое начало отъ уніи Флорентійской и не ее имѣетъ своей истинной причиной,—что эта унія случайнымъ образомъ явилась для Русскихъ такимъ событіемъ, на которое они могли указывать и ссылаться, какъ на причину.

Истинную причину нашего новаго взгляда на Грековъ, представляющагося столько неожиданныхъ и непонятнымъ, составляло то, что мы—Русскіе, бывъ народомъ безъ дѣйствительнаго просвѣщенія, образовали себѣ своеобразные взгляды на чистоту истиннаго православія, которые, во-первыхъ, привели насъ къ такой компликаціи, что мы должны были обвинить въ отступленіи отъ чистоты православія или Грековъ или самихъ себя, и которые, во-вторыхъ, давали намъ право видѣть отступниковъ отъ чистоты православія именно въ Грекахъ. Дѣло тутъ въ образовавшихся у насъ взглядахъ на церковные обряды и вообще на церковно обрядовую внѣшность.

Мы приняли отъ Грековъ христіанство въ то время, когда у нихъ далеко еще не прекратилось разнообразіе церковно-богослужебныхъ обрядовъ (съ котораго началось богослуженіе и о которомъ см. во 2-й половинѣ I тома Исторіи стр. 297 sqq). Это разнообразіе отъ Грековъ перешло и къ намъ. При отсутствіи у насъ дѣйствительнаго просвѣщенія мы должны были вдаться въ ту крайность, чтобы усвоить обрядамъ преувеличенное значеніе, приравнявъ ихъ къ догматамъ вѣры. Но такъ какъ, во-первыхъ, крайніе взгляды не являются вдругъ, а развиваются постепенно,—такъ какъ, во-вторыхъ, въ періодъ кіевскій мы находились подъ вліяніемъ Грековъ, а отчасти и другими вліяніями, препятствовавшими быстрому развитію крайнихъ взглядовъ (cfr ibid. стр. 765 sqq): то въ этотъ первый періодъ мы еще не доходили до

---

[1]) До времени Никона Русскіе были не согласны съ Греками въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ и понимали это несогласіе такъ, что Греки, отступивъ отъ чистоты древняго православія, привнесли въ свою обрядность чуждыя новшества. Никонъ, отказавшійся отъ прежняго взгляда на Грековъ, какъ будто бы на утратившихъ чистоту православія (*но не отказавшійся при этомъ отъ московскаго взгляда на важность обрядовъ*) рѣшилъ согласовать русскую церковь съ греческою въ помянутыхъ обрядахъ (въ чемъ собственно и существенно состояло его такъ называемое исправленіе книгъ); но нашлись люди, которые, не послѣдуя за патріархомъ, остались при старомъ взглядѣ на Грековъ,—и отсюда расколъ.

той крайности, чтобы смотрѣть на обряды, какъ на догматы и чтобы съ этой точки зрѣнія смотрѣть на разнообразіе ихъ формъ. Вслѣдствіе сего въ этотъ періодъ и перешедшее къ намъ отъ Грековъ разнообразіе обрядовъ существовало у насъ, никого нисколько не смущая. Послѣ нашествія Монголовъ, когда ослабѣло вліяніе Грековъ и всякія другія вліянія, когда на московскомъ сѣверѣ мы стали народомъ какъ бы удалившимся за горы и за стѣну отъ всѣхъ другихъ народовъ и настолько обособились сами въ себѣ, что стали представлять изъ себя какъ бы европейскій Китай, развитіе крайнихъ взглядовъ должно было пойдти незадержанно и быстро и дойти до своего конца. Но когда обряды были приравнены нами къ догматамъ вѣры, то естественно, что мы начали находить существованіе одного и того же обряда въ нѣсколькихъ формахъ столько же невозможнымъ, сколько это невозможно по отношенію къ догматамъ, и вслѣдствіе сего должны были употребить нарочитыя старанія о томъ, чтобы привести обряды къ единообразію, а во всякомъ случаѣ сдѣлать то, чтобы между нѣсколькими формами обрядовъ, существовавшихъ не въ одной формѣ, одну форму признать за правильную и православную, другія за неправильныя и неправославныя. Но при этомъ случайнымъ образомъ случилось такъ, что относительно нѣкоторыхъ многоформенныхъ или многообразныхъ обрядовъ у насъ признаны были за правильныя и православныя не тѣ формы, которыя вошли въ господствующее употребленіе у Грековъ (у которыхъ также вводилось съ теченіемъ времени единообразіе, хотя и не по тѣмъ побужденіямъ, чтобы на обряды смотрѣли какъ на догматы): мы приняли отъ Грековъ сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія двоеперстное и троеперстное [1]), и тогда какъ у Грековъ въ позднѣйшее время стало господствующимъ троеперстіе, у насъ напротивъ признано было правильнымъ и православнымъ двоеперстіе; мы приняли отъ Грековъ обычай возглашать пѣснь аллилуія сугубо и трегубо [2]), и тогда какъ у Грековъ въ позднѣйшее время сталъ господствующимъ обычай трегубленія, у насъ былъ признанъ правильнымъ и православнымъ обычай сугубленія. Если бы предки наши знали нѣсколько археологію, то они знали бы, что въ обоихъ случаяхъ оба обычая по своему происхожденію одинаково православны; если бы они

[1]) См. обстоятельныя о семъ рѣчи въ одной изъ нашихъ статей, носящихъ общее заглавіе: «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами», напечатанныхъ въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1892-го года.

[2]) Сугубленіе оставалось у Грековъ вмѣстѣ съ трегубленіемъ даже до временъ Арсенія Суханова, какъ онъ свидѣтельствуетъ въ Проскинитаріи. См. тамъ же.

имѣли нѣкоторое просвѣщеніе, то они не могли бы находить ту или другую форму неправославною: но если бы это было, то не образовались бы и ихъ своеобразные взгляды на обряды. Замѣчая между Греками и собою различіе въ обрядахъ, которымъ усвояли значеніе догматовъ, Русскіе естественно должны были задавать вопросъ: кто же при этомъ отступилъ отъ чистоты православія (ибо одна изъ двухъ въ обоихъ случаяхъ формъ признавалась за православную, другая за неправославную)? Чтобы Русскіе признали самихъ себя и своихъ отцовъ отступниками, это, конечно, было бы совершенно неожиданно; при томъ же они видѣли дѣйствительное основаніе считать отступниками не себя, а Грековъ: они относились къ обрядамъ и ко всей церковно-обрядовой внѣшности несравненно съ бо́льшимъ уваженіемъ, нежели какое замѣчали въ Грекахъ. И вотъ, такимъ образомъ Греки и стали въ глазахъ нашихъ предковъ отступниками отъ чистоты истинно-древняго православія. Но они должны были задавать себѣ вопросъ: когда и какимъ образомъ могли отступить Греки отъ чистоты истиннаго православія? Впервые пришлось имъ задать себѣ этотъ вопросъ тотчасъ послѣ Флорентійскаго собора, и они отвѣчали, что повредилъ чистоту православія у Грековъ нашъ соборъ. Но что соборъ не составляетъ дѣйствительной причины, которая заставила предковъ нашихъ думать, будто у Грековъ повредилась чистота православія, видно изъ того, что они скоро оставили его въ покоѣ и начали объяснять дѣло разными другими причинами, именно—будто повредили у Грековъ ихъ богослужебныя книги поработившіе ихъ Турки, будто повредили у нихъ эти книги латиняне—или тогда какъ они бросились съ рукописями на Западъ послѣ паденія Константинополя или когда начали печатать книги въ латинскихъ земляхъ. Обстоятельнѣе скажемъ объ этомъ ниже.

Такимъ образомъ, Флорентійскій соборъ явился первымъ случаемъ, на которой Русскимъ оказалось возможнымъ сослаться, чтобы провозгласить, будто у Грековъ повреждена чистота истиннаго православія. Первое представляетъ собою самое главное, ибо мнѣніе, разъ пущенное на достаточномъ повидимому основаніи, послѣ можетъ уже и не нуждаться въ особенно достаточныхъ основаніяхъ. И случилось такъ, что первая ссылка на Флорентійскій соборъ являлась какъ будто на самомъ дѣлѣ основательною. Ссылка сдѣлана была не тогда, когда уже ввелось у насъ единообразіе обрядовъ и когда мы должны были защищать принятыя у насъ формы противъ формъ, ставшихъ господствующими въ Греціи, а когда еще вводилось единообразіе и когда еще однѣ формы боролись за право на правильность и православіе съ другими. Въ первой половинѣ XV вѣка въ одной изъ русскихъ областей,

именно—псковской, господствующимъ обычаемъ относительно пѣсни аллилуія было троеніе; но были защитники и двоенія. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ передъ самымъ соборомъ Флорентійскимъ, желая узнать истину, отправился въ Грецію и здѣсь, какъ утверждалъ возвратившись во Псковъ, будто бы слышалъ отъ патр. Іосифа и на Аѳонѣ, что нужно двоить, а не троить пѣснь аллилуія [1]). Но большинство, стоявшее за троеніе, отвѣчало защитнику двоенія, что патр. Іосифъ съ русскимъ митрополитомъ Исидоромъ и съ папою римскимъ учинили 8-й соборъ во градѣ Флорензѣ фряжскомъ, ему же вправду не достояше быти, почему патріархъ праведнымъ судомъ Божіимъ вскорѣ отмщеніе пріятъ,—не дойде стола своего, и что по семъ соборѣ начало пагубы бысть гречестѣй земли..., что на соборѣ этомъ (который былъ «на сихъ лѣтѣхъ») Греки къ своей погибели отвергнулися отъ истины..., что напрасно онъ—защитникъ приводитъ слова Писанія: яко отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима, ибо это относится къ апостоламъ и ихъ преемникамъ—святымъ патріархамъ, а нынѣ нужно ожидать изъ Іерусалима только антихриста съ его пагубнымъ ученіемъ..., что по всему сему не подобаетъ намъ принимать отъ Грековъ новаго ученія и развращаться отъ греческой земли [2])... Говорившіе сейчасъ приведенное, конечно, затруднились бы отвѣчать, какимъ образомъ патр. Іосифъ могъ заразиться новымъ латинскимъ ученіемъ прежде путешествія на Флорентійскій соборъ; но у нихъ были доказательства, что это непонятное какимъ-то образомъ имѣло мѣсто. Въ первый разъ споры о пѣсни аллилуія начались во Псковѣ въ правленіе митр. Фотія; псковское духовенство обращалось по сему поводу съ вопросомъ къ митрополиту и въ отвѣтъ получило отъ него наставленіе троить пѣснь [3]). Стоя на такой точкѣ зрѣнія, которая уже вовсе

---

[1]) Патріархъ не могъ отвѣчать этого, но онъ долженъ былъ отвѣчать, что одинаково благочестиво и пріемлемо какъ троить, такъ и двоить. Въ св. Софіи константинопольской въ то время, какъ показываетъ примѣръ нашихъ митрополитовъ Кипріана и Фотія, одинаково употреблялось и троеніе и двоеніе: Фотій въ своемъ посланіи во Псковъ предписываетъ троить пѣснь аллилуія, но его предшественникъ Кипріанъ, несомнѣнно—ревностный подражатель примѣра св. Софіи, въ своей Слѣдованной Псалтири употребляетъ двоеніе (ркп. Моск. Дух. Акад № 142, см. лл. 146 об., 155 и об., 156, 393 об.).

[2]) Въ Макарьевск. Минеѣ за мѣсяцъ Іюнь, Сvнод. ркп. № 995 л. 998 sqq (см. той же Минеи Августъ, № 183, л. 804 об., указъ о трегубой аллилуіи къ Аѳанасію).

[3]) Митрополитъ пишетъ: «А еже о аллилуіи на Славахъ сице глаголи (—те): Слава Отцю и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ, аминь.

не допускала двухъ одинаково правильныхъ формъ или обычаевъ и совершенно не имѣя, чѣмъ объяснить отступленіе отъ правильности со стороны митр. Фотія, и въ тоже время имѣя этотъ Флорентійскій соборъ, чтобы объяснить отступленіе со стороны патр. Іосифа, защитники троенія пѣсни и рѣшили, что причиною въ послѣднемъ случаѣ былъ именно соборъ (хотя и непонятно—какимъ образомъ прежде чѣмъ состоялся). Поэтому они и пишутъ защитнику двоенія, ссылавшему на патріарха и на Аѳонъ: «подобаше ти, отче, паче патріарха и Аѳона (подразумѣвается—уже отступившихъ отъ истины православія) послушати аки самаго Христа кѵръ митрополита кіевскаго и всея Русіи Фотія, иже и вписа намъ въ домъ святыя Троицы во Псковъ».

Вслѣдъ за Флорентійскимъ соборомъ у насъ провозглашено было не только то, что соборъ этотъ повредилъ у Грековъ чистоту православія, но и то, что вообще у насъ—въ Россіи большее православіе и высшее христіанство, чѣмъ въ Греціи, или что мы—Русскіе лучшій и болѣе благочестивый православный народъ, чѣмъ Греки. По строгой логической послѣдовательности этому заявленію, можетъ быть, надлежало бы быть сдѣлану прежде, чѣмъ первому; но въ исторіи не все всегда идетъ въ строгой послѣдовательности. Заявленіе, такъ же какъ и первое, было вызвано особеннымъ случаемъ, а случай имѣлъ мѣсто послѣ Флорентійскаго собора. Но здѣсь, такъ же какъ и тамъ, случай былъ только поводомъ, вызвавшимъ заявленіе, а не причиною, которая произвела заявленное мнѣніе, заявленные взгляды. Усвоивъ преувеличенное значеніе обрядамъ и приравнявъ ихъ къ догматамъ, наши предки въ тоже самое время и по той же самой причинѣ въ дѣлѣ христіанскаго благочестія придали преувеличенное значеніе наружной набожности или наружному богопочтенію и увлеклись въ крайность того мнимаго благочестія, представителями котораго у іудеевъ были фарисеи и которое осуждено Спасителемъ въ лицѣ сихъ послѣднихъ. Наше направленіе выразилось великимъ усердіемъ нашимъ къ внѣшней молитвѣ и къ мѣстамъ внѣшней общественной молитвы—храмамъ или церквамъ, такъ что въ семъ отношеніи мы стали выше Грековъ и въ этомъ смыслѣ начали безспорно представлять изъ себя людей болѣе благочестивыхъ, чѣмъ они [1]). Но мы, конечно, не понимали нашего

аллугіа, аллугія, аллугія, слава Тобѣ, Боже, аллугіа, аллугія, аллугія, слава Тобѣ, Боже, аллугіа, аллугія, аллугія, слава Тобѣ, Боже».—посланіе во Псковъ, отъ 12-го Августа 1419-го года, у *Павлова* въ Памятникахъ № 48, col. 408.

[1]) Такъ что въ семъ отношеніи уступаютъ намъ первенство и сами Греки, называя нашу Москву «благочестивою» Москвой.

благочестія такъ, чтобы видѣть въ немъ, самомъ по себѣ, то простое ничто, о которомъ говоритъ пророкъ Исаія (глл. 1 и 58), не дающее намъ никакого права мнить о себѣ что нибудь, а видѣли въ немъ дѣйствительное благочестіе и, послѣдуя евангельскому фарисею, который думалъ о себѣ, «яко нѣсмь якоже прочіи человѣцы», начали воображать о себѣ, будто мы—православный народъ, превосходящій своимъ благочестіемъ Грековъ. Особеннымъ поводомъ, вызвавшимъ со стороны предковъ нашихъ это заявленіе, послужило взятіе Турками Константинополя и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное паденіе византійской имперіи. На основаніи извѣстнаго видѣнія пророка Даніила о четырехъ царствахъ (гл. 7-я), въ христіанскомъ мірѣ существовало мнѣніе, что римское царство будетъ существовать до скончанія міра, имѣя своимъ назначеніемъ стражбу и охрану христіанства и православія [1]). Но дѣйствительность показала, что этому вѣчному православно-римскому царству не назначено было постоянно пребывать въ собственномъ или дѣйствительномъ Римѣ, но переходить съ мѣста на мѣсто: ветхій или собственный Римъ черезъ семь вѣковъ отъ Рождества Христова впалъ въ Аполлинаріеву ересь (чрезъ усвоеніе опрѣсноковъ, которые будто бы ввелъ Аполлинарій, потому что не признавалъ человѣческой плоти во Христѣ), бывъ прельщенъ Каруломъ царемъ, т. е. Карломъ Великимъ [2]), и его мѣсто въ качествѣ православнаго

---

[1]) Въ славянскихъ хронографахъ переведенное съ греческаго: «Ассирійское царство разорися Вавилоняны; Вавилонское царство разорися Персяны; Персское царство разорися Македоняны; Македонское царство разорися Римляны; Римское царство разорится антихристомъ» (Хронографъ библіотеки Виѳанск. Дух. Семинаріи № 2215, л. 12 об.). «Ромейское царство неразрушимо, яко Господь въ римскую власть написася», т. е. потому что Господь по своему плотскому рожденію записанъ въ ревизскихъ сказкахъ римской имперіи (и что слѣдовательно въ этихъ ея сказкахъ должна числиться и христіанская церковь: инокъ Филоѳей въ посланіи къ дьяку Мисюрю-Мунехину).

[2]) На Западѣ напротивъ возложеніе папою императорскаго вѣнца на Карла Великаго понималось какъ перенесеніе императорскаго сана съ государей константинопольскихъ, оказавшихся недостойными его, на государей франкскихъ, см. *Гельмольда* Chronic. Slavor. lib. I c. 3. По этой, вѣроятно, причинѣ въ греческихъ сказаніяхъ объ отпаденіи латинянъ Карлъ Великій и фигурируетъ, какъ его виновникъ (императоры константинопольскіе не хотѣли признавать титула царей или императоровъ за императорскими западными, называя ихъ королями—reges: подобнымъ образомъ папы со времени Карла В. не хотѣли признавать того же титула за императорами константинопольскими и также называли ихъ только королями—reges).

Рима заступилъ Константинополь; но затѣмъ и Константинополь взятъ былъ Турками, такъ что долженъ былъ явиться третій православный Римъ. Поелику ко времени взятія Константинополя Турками «вся христіанская (православная) царства пріидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего (русскаго) государя»: то Русскіе пришли къ убѣжденію, что третьимъ православнымъ Римомъ предназначено быть нашей Москвѣ, каковое притязаніе они и заявили почти тотчасъ послѣ взятія Константинополя Турками. При семъ случаѣ Русскіе, доказывая свои права на великую роль, которая была имъ суждена, и то, что они ея достойны, и заявили, что они суть лучшіе христіане, нежели Греки. Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ взятія Константинополя Турками, въ 1461—1462 году, по поводу посвященія въ митрополиты Ѳеодосія на мѣсто св. Іоны, у насъ было выдано посвященное Флорентійскому собору повѣствовательное собраніе подъ заглавіемъ: «Слово избрано отъ святыхъ Писаній, еже на латыню, и сказаніе о съставленіи осмаго сбора латыньскаго и о изверженіи Сидора прелестнаго и о поставленіи въ рустей земли митрополитовъ, по сихъ же похвала благовѣрному великому князю Василью Васильевичу всея Руси» [1]), которое содержитъ въ себѣ: 1) Сумеонову повѣсть о Флорентійскомъ соборѣ (въ новой обработкѣ той ея вторичной редакціи, которая читается въ лѣтописяхъ и у Новикова) съ дополненіемъ о поставленіи Василіемъ Васильевичемъ на мѣсто Исидора св. Іоны и о поставленіи папою по просьбѣ Исидора лжемитрополита Григорія; 2) разсказъ объ отпаденіи латинянъ отъ православія съ указаніемъ ихъ ересей [2]), 3) похвалу великому князю Василію Васильевичу, какъ твердому поборнику и охранителю православія, съ извѣщеніемъ о поставленіи на мѣсто Іоны въ митрополиты избраннаго при его жизни Ѳеодосія [3]). Наше повѣствовательное собраніе, происхожденія болѣе чѣмъ вѣроятно—оффиціальнаго или оффиціознаго, написано съ цѣлію оправдать поставленіе въ самой Россіи митрополитовъ Іоны и Ѳеодосія и вообще показать, что съ перваго изъ нихъ русская церковь

---

[1]) Напечатано у *Попова* въ Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 360. Выдано послѣ поставленія въ митрополиты Ѳеодосія, которое имѣло мѣсто въ первой половинѣ Мая 1461-го года, и до смерти Василія Васильевича, которая случилась 17-го Марта 1462-го года.

[2]) Начинается у *Попова* на стр. 385: «Вѣсте ли пакъ сіа, зломысленіи, како преждебывшіи ваши учители»...

[3]) Начинается у *Попова* на стр. 392 нач.: «И нынѣ же егда бысть въ лѣта и во дни боговѣнчаннаго Василья царя всея Руси»...

законно и по уважительнымъ причинамъ вступила на путь самостоятельности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ собраніи высказывается, хотя еще и не съ совершенною ясностію, что русскій государь призванъ заступить мѣсто императора константинопольскаго и что русскіе люди, призванные занять первенствующее мѣсто среди православныхъ народовъ вмѣсто Грековъ, суть лучшіе христіане, чѣмъ сіи послѣдніе. Въ первомъ отношеніи еще не говорится, что Москва заступила мѣсто Константинополя и стала третьимъ Римомъ, но великій князь Василій Васильевичъ постоянно называется царемъ [1]) (благовѣрнымъ и боговѣнчаннымъ) и какъ таковому ему усвояются эпитеты, указывающіе на присвояемую ему роль защитника православія: «споспѣшникъ благочестію истиннаго православія, высочайшій исходатай благовѣрія» [1]). Во второмъ отношеніи говорится о просіявшемъ въ русской землѣ благочестіи и что ей—русской землѣ подобаетъ во вселеннѣй и подъ солнечнымъ сіяніемъ радоватися, поелику она одѣялась свѣтомъ благочестія, имѣетъ покровъ Божій на себѣ многосвѣтлую благодать Господню и исполнилась цвѣтовъ благообразнѣ цвѣтущихъ—Божіихъ храмовъ, якоже звѣздъ сіяющихъ святыхъ церквей, якоже солнечныхъ лучь блестящихся, благолѣпіемъ украшаемыхъ и сборомъ святаго пѣнія величаемыхъ [1]), и наконецъ что въ Россіи—«большее православіе и высшее христіанство», хотя и не добавляется прямо: нежели въ Греціи [2]).

Мы провозгласили Грековъ отступниками отъ чистоты истиннаго православія совершенно безъ всякой съ ихъ стороны вины (между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они ни малѣйше не отступили отъ чистоты

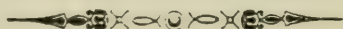
[1]) Какъ иногда называетъ его и митр. Іона,—у *Павл.* № 90, col. 673.

[1]) У *Попова* стр. 395.—Въ объясненіе того, почему Василій Васильевичъ, занявъ мѣсто царя, не назывался его именемъ, составитель собранія, дѣлая нѣкоторую антиципацію, заставляетъ императора константинопольскаго говорить о немъ папѣ на соборѣ Флорентійскомъ: «государь великій, братъ мой Василей Васильевичъ, ему же восточные царіе (татарскіе) прислухаютъ (повинуются) и велици князи съ землями служатъ ему, смиренія ради благочестія и величествомъ разума благовѣрія, не зовется царемъ, но княземъ великимъ русскимъ своихъ земель православія,—ibid. стр 364 fin..

[1]) Ibid. стрр. 381, 384 и 394 fin..

[2]) Составитель собранія заставляетъ императора константинопольскаго извѣщать папу, что есть восточныя земли русскія и что «бóльшее (есть) православіе и вышьшее христіаньство Бѣлые Руси»,—ib. 364 fin..—Кто былъ составителемъ собранія, остается неизвѣстнымъ; но должно думать, что имъ не былъ извѣстный Пахомій Сербинъ, которому усвояется собраніе нѣкоторыми, см. во второй половинѣ тома. въ главѣ о просвѣщеніи.

истиннаго православія). Но съ большею вѣроятностію должно думать, что они жестоко поплатились въ семъ случаѣ за свою другую вину передъ нами. Мы дошли въ своихъ воззрѣніяхъ до того, что смѣшали обряды съ догматами, приравнявъ первые къ послѣднимъ; случайнымъ образомъ произошло такъ, что мы разрознились въ обрядахъ съ Греками, и для насъ возникалъ вопросъ: кто изъ насъ двоихъ—мы или они уклонились съ пути истины? Если бы они сохраняли все свое нравственное вліяніе на насъ и весь свой нравственный авторитетъ въ нашихъ глазахъ; то могло бы дѣло кончиться не такъ, какъ оно кончилось: будучи учениками, а не учителями Грековъ, мы могли бы, при нашемъ превратномъ пониманіи своего разногласія съ ними въ обрядахъ, не обвинять ихъ въ отступленіи отъ чистоты истиннаго православія, а самихъ себя признать допустившими погрѣшенія. Но какъ разъ именно въ то самое время, когда наши своеобразныя воззрѣнія на обряды вступили въ фазисъ (достигли предѣла) своего окончательнаго образованія, Греки дозволили себѣ по отношенію къ намъ такія дѣла, которыя до основанія потрясли ихъ нравственное на насъ вліяніе: разумѣемъ поставленіе въ митрополиты Кипріана при жизни св. Алексія и особенно это вопіющее дѣяніе—поставленіе въ митрополиты самозваннаго кандидата Пимина. Мы приводили выше свидѣтельства самихъ Грековъ, до какой крайней степени эти два подъ рядъ дѣла возбудили и вооружили противъ нихъ Русскихъ и какія они привлекли на нихъ со стороны послѣднихъ брань, ненависть и презрѣніе. Въ періодъ времени совершенія этихъ дѣяній Греки вовсе не стали хуже, чѣмъ были прежде; но Русскимъ, которые дотолѣ не знали ихъ хорошо съ худой ихъ стороны, легко могло показаться, что они вдругъ нравственно упали. Эта мысль о внезапномъ нравственномъ паденіи Грековъ, поводъ къ которой подали они сами, бывъ перенесена изъ области нравственной въ сферу вѣроученія, давала Русскимъ простой способъ объяснить то, какимъ образомъ могло случиться, чтобы Греки отступили отъ чистоты истиннаго православія: объясненіе заключалось въ томъ, что Греки внезапно пали. И вотъ, предки наши, легко объясняя себѣ дѣло, и начали учить, что были древніе Греки, которые твердо держались чистоты истиннаго православія, и что потомъ заступили мѣсто ихъ новые Греки, которые пали и измѣнили чистотѣ истиннаго православія...

МИТРОПОЛИТЫ МОСКОВСКІЕ И ВСЕЯ РОССІИ.

МИТРОПОЛИТЪ СВ. ІОНА.

Митр. Исидоръ, пытавшійся ввести на Москвѣ флорентійскую унію, былъ осужденъ соборомъ московскихъ русскихъ епископовъ и низложенъ ими съ митрополичьей каѳедры. Но что̀ оставалось дѣлать московскимъ Русскимъ съ этою каѳедрой, послѣ того какъ былъ низверженъ съ нея отступникъ отъ православія? Мы говорили выше, что унія съ папою, принятая греческими епископами, присутствовавшими на флорентійскомъ соборѣ, была рѣшительно отвергнута большинствомъ греческаго духовенства и греческаго народа тотчасъ послѣ того, какъ возвратившіеся съ собора епископы сообщили духовенству и народу, на какихъ условіяхъ она состоялась. Однако, если это было такъ съ большинствомъ духовенства и народа, при чемъ въ первомъ случаѣ должно разумѣть большинство и самихъ епископовъ, бывшихъ на соборѣ: то императоръ Іоаннъ Палеологъ, видѣвшій въ союзѣ съ папою единственное средство спасенія для своего государства въ его бѣдственномъ положеніи, оставался твердо вѣренъ обязательствамъ, которыя онъ далъ папѣ на соборѣ, и для занятія каѳедры патріаршей, ставшей праздною послѣ смерти во Флоренціи Іосифа, ему удалось найти между епископами человѣка, который изъявилъ готовность быть такимъ же поборникомъ уніи, какъ и онъ самъ,—это былъ Митрофанъ, поставленный въ патріархи изъ митрополитовъ кизическихъ 4-го Мая 1440-го года. Такимъ образомъ, въ Константинополѣ въ минуту низложенія въ Москвѣ Исидорова, не смотря на большинство духовенства и народа, императоръ и патріархъ были уніатами. Какимъ же образомъ московскіе Русскіе послѣ низложенія Исидора могли поступить далѣе въ виду этого обстоятельства, что верховный глава русской митрополичьей каѳедры—патріархъ и верховный мірской ея распорядитель—императоръ были такими же уніатами, какъ и низложенный ими Исидоръ?

Если русскіе провозгласили отступникомъ отъ православія и низложили Исидора, то ясно, что они должны были провозгласить отступникомъ отъ православія и патріарха, съ тѣмъ, чтобы разорвать церковный союзъ съ нимъ и объявить свою церковь независимою отъ него: находя митрополита-уніата подлежащимъ осужденію и низложенію, они, очевидно, и въ отношеніи къ власти надъ ними патріарха-уніата долженствовали находить, что она подлежала сверженію. Но этого послѣдняго Русскіе вовсе не сдѣлали и даже о томъ, чтобы сдѣлать это, вовсе не поднимали никакихъ рѣчей. Разрывъ церковнаго союза съ патріархомъ константинопольскимъ, хотя бы то и уніатомъ, казался имъ дѣломъ такимъ неудобоисполнимымъ, что у нихъ совершенно не было на это мужества и рѣшимости. Какимъ же образомъ Русскіе могли достигнуть того, чтобы, не свергая съ себя власти патріарха-уніата, получить себѣ православнаго митрополита, и чтобы, не разрывая церковнаго союза съ этимъ патріархомъ, самимъ остаться православными? Они нашли исходъ для себя въ томъ, чтобы самимъ поставить себѣ своего митрополита и чтобы, не разрывая формальнымъ образомъ церковнаго союза съ патріархомъ-уніатомъ, находиться въ фактическомъ съ нимъ разъединеніи или необщеніи. Митрополитъ, поставленный ими самими, а не патріархомъ, былъ бы православнымъ по всему,—не только по своимъ мыслямъ, но и по своему посвященію; признавая надъ собою власть патріарха-отступника, онъ собственно пріобщался бы его отступничеству, но такъ какъ онъ фактически не сообщался бы съ нимъ, то Русскіе и находили это достаточнымъ, чтобы считать его—митрополита совершенно православнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, желая такимъ образомъ устроить дѣло, они хорошо понимали, что желаютъ устроить его не совсѣмъ чисто. Но нехотѣніе открытаго разрыва съ Греками заставляло ихъ соглашаться на то, чтобы допускать номинальную и фиктивную власть надъ собою патріарха-уніата. Взглядъ тогдашнихъ Русскихъ на духовное былъ уже взглядъ, такъ сказать, овеществленный: они не могли допустить, чтобы православный митрополитъ былъ посвященъ для нихъ руками патріарха-уніата, потому что чрезъ это онъ заразился бы отъ него его неправославіемъ; но ихъ православный митрополитъ, хотя и признававшій власть патріарха-уніата, только не приходившій въ непосредственное соприкосновеніе съ послѣднимъ, могъ, по ихъ мнѣнію, оставаться совершенно православнымъ, тѣмъ болѣе, что признаніе власти патріарха было бы со стороны митрополита лишь притворнымъ и неискреннимъ.

Но не рѣшаясь на то, чтобы формальнымъ образомъ свергнуть съ себя власть патріарха-уніата, и желая только находиться въ факти-

ческомъ съ нимъ необщеніи, Русскіе, чтобы достигнуть этого послѣдняго, у того же патріарха должны были испросить себѣ дозволеніе поставить своего митрополита самимъ. Какъ же было имъ обращаться къ патріарху-уніату съ просьбою о томъ, чтобы онъ дозволилъ имъ вмѣсто низверженнаго ими митрополита-уніата самимъ поставить митрополита православнаго? Этотъ вопросъ они разрѣшаютъ простымъ образомъ: они обращаются къ патріарху, какъ будто бы онъ былъ православный, и донося ему объ Исидорѣ,—о дѣяніяхъ этого послѣдняго и объ его осужденіи русскими епископами, они мотивируютъ свою просьбу не тѣмъ, что они не хотятъ отъ него—патріарха получить митрополита, а другими побужденіями [1]).

Обращаясь къ патріарху-уніату съ странною просьбою о дозволеніи самимъ поставить митрополита православнаго, Русскіе, конечно, должны были расчитывать на что нибудь. Какъ необходимо думать, они разсчитывали на то, что къ исполненію странной просьбы принудитъ патріарха желаніе сохранить свою власть надъ русскою церковію,—что патріархъ лучше согласиться видѣть на каѳедрѣ русской митрополіи православнаго митрополита, чѣмъ потерять свою церковную власть надъ ними—Русскими.

Великій князь Василій Васильевичъ рѣшился обратиться къ патріарху съ просьбой о томъ, чтобы ему дозволено было избрать и поставить преемника Исидору своими русскими епископами, или въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ бѣгства Исидорова изъ Москвы, которое имѣло мѣсто въ ночь съ 14-го на 15-е Сентября 1441-го году, или, что̀ какъ будто болѣе вѣроятно, даже еще въ то время, какъ Исидоръ оставался въ Москвѣ и низложенный съ престола жилъ подъ арестомъ въ Чудовомъ монастырѣ. Посланіе великаго князя патріарху, въ которомъ онъ адресуется къ послѣднему съ своей просьбой, въ извѣстныхъ въ настоящее время спискахъ его не имѣетъ даты;

---

[1]) Дѣлать предположеніе, будто Русскіе на самомъ дѣлѣ принимали патр. Митрофана, къ которому они адресовались съ своей просьбой, за православнаго и будто они не знали объ его уніатствѣ, совершенно невозможно. Не говоримъ о томъ, что къ патріарху православному они не имѣли бы побужденій обращаться съ просьбою о дозволеніи поставить митрополита самимъ, но—если не они сами тотчасъ же послѣ занятія патріархомъ каѳедры постарались обстоятельно узнать—православный онъ или уніатъ, что̀ они *необходимо* должны были сдѣлать, то во всякомъ случаѣ Исидоръ, когда его судили на Москвѣ, конечно, представлялъ своимъ судьямъ, что патріархъ такой же уніатъ, какъ и онъ.

но въ его текстѣ дается знать, что оно писано въ 1441-мъ году [1]). Слѣдовательно, оно писано въ самый годъ бѣгства Исидорова изъ Москвы. Но въ немъ какъ будто дается знать, что оно писано, когда Исидоръ оставался еще въ Москвѣ. Во-первыхъ, ничего не говорится въ немъ о бѣгствѣ измѣнившаго православію и осужденнаго соборомъ русскихъ епископовъ митрополита и употребляются о немъ такія выраженія, что какъ будто онъ находился еще на лицо: «сей Исидоръ»—два раза, «предиреченный сей Исидоръ»... Во-вторыхъ, великій князь, выражаясь не совсѣмъ опредѣленно и точно, какъ будто говоритъ въ немъ, что онъ рѣшилъ обратиться къ императору и патріарху тотчасъ послѣ того, какъ «все дѣло и прихоженіе Исидорово» явилось собору русскихъ епископовъ и всему русскому православному христіанству чужимъ и страннымъ отъ божественныхъ и священныхъ правилъ, т. е. тотчасъ послѣ того, какъ Исидоръ осужденъ былъ соборомъ епископовъ. Наконецъ, кромѣ самаго посланія есть и стороннія указанія, что какъ будто оно было писано еще прежде бѣгства Исидорова изъ Москвы. Поставленный на мѣсто Исидора митр. Іона въ своихъ позднѣйшихъ грамотахъ въ Литву по случаю появленія тамъ митрополита-уніата Григорія говоритъ, что Исидору, послѣ его осужденія епископами, повелѣно было побыти въ монастырѣ святаго архангела Михаила, «доколѣ господинъ и сынъ мой князь великій обошлется съ великимъ соборомъ Царяграда» [2]). Подъ этою обсылкою какъ будто должно разумѣть ту обсылку, которую великій князь сдѣлалъ или намѣревался сдѣлать чрезъ наше посланіе, ибо о другой, болѣе ранней, обсылкѣ ничего неизвѣстно и нѣтъ основаній и вѣроятности предполагать ее.

Мы сказали, что великій князь адресуется въ своемъ посланіи къ патріарху-уніату какъ бы онъ—патріархъ былъ православный. Воображаемаго представителя православія великій князь съ самою нарочи-

---

[1]) Посланіе съ обращеніемъ его къ лицу патріарха и съ указаніемъ въ его текстѣ 1441-го года (объ этомъ же посланіи, съ обращеніемъ къ лицу императора и съ указаніемъ въ текстѣ позднѣйшаго года, см. ниже) сохранилось или извѣстно въ двухъ спискахъ: по одному изъ нихъ оно напечатано въ Акт. Ист. т. I № 39 и перепечатано въ Памятникахъ *Павлова* № 62; о другомъ спискѣ см. Собр. лѣтт. т. VI. стр. 162, примѣч. Въ посланіи говорится, что отъ крещенія Россіи Владиміромъ «имѣемъ нынѣ четыреста и пятьдесятъ лѣтъ и три лѣта»; а сейчасъ указанное событіе случилось, по лѣтописи, въ 988-мъ году.

[2]) Одна грамота въ Акт. Ист., т. I, стр. 119 col. 1, и у *Павлова* въ Памятни., col. 638 нач., другая грамота у *преосв. Макарія* въ Ист., VI, 367 нач. и у *Павлова* ib., col. 654.

тою настойчивостію старается увѣрить въ своей твердой и непоколебимой привязанности къ православію. Обращенныя къ патріарху-уніату увѣренія смотрятъ какъ бы намѣренной злой насмѣшкой; но должно думать, что великій князь имѣлъ при этомъ особенную цѣль, именно—ту, чтобы отнять у патріарха всякую надежду привлечь Русскихъ къ уніи и чтобы такимъ образомъ склонить его къ мысли, что при желаніи сохранить власть надъ русскою церковію ему ничего не остается болѣе дѣлать, какъ согласиться на просьбу Русскихъ о дозволеніи имъ поставить себѣ митрополита православнаго. По своему объему посланіе довольно обширно и принадлежа перу неизвѣстнаго, сравнительно искуснаго, грамотника, представляетъ изъ себя литературное произведеніе очень нехудое. Великій князь говоритъ въ посланіи, что православная христіанская вѣра первоначально возсіяла и возрасла въ землѣ греческой, которой Богъ воздвигъ для сего святаго царя Константина,—что изъ Греціи она перенесена была въ Россію святымъ Владиміромъ равноапостольнымъ, который рѣшился принять ее послѣ тщательнаго испытанія всѣхъ вѣръ,—что отъ св. Владимира и до смерти митр. Фотія Русскіе твердо и неизмѣнно содержали заимствованную ими отъ Грековъ православную вѣру и что по смерти Фотія былъ присланъ въ Россію не прошенный и не жданный митрополитъ Исидоръ, который, оказавшись измѣнникомъ православію, пытался было поддать отступнику-папѣ и русскую церковь; обращаясь къ Исидору, великій князь говоритъ, какъ онъ первоначально не хотѣлъ было принять его, какъ онъ (будто бы) увѣщевалъ его не ходить на флорентійскій соборъ, какъ, не успѣвъ въ этомъ, онъ заклиналъ его не приносить съ собора ничего чуждаго православію и какъ митрополитъ, возвратившійся съ собора легатомъ папы, былъ подвергнутъ соборному суду русскихъ епископовъ и какъ всѣмъ русскимъ епископамъ и архимандритамъ и игуменамъ и прочимъ священноинокамъ и всему русскому православному христіанству явилось, что «Исидорово все дѣло и прихоженіе чюже єсть и странно отъ божественныхъ и священныхъ правилъ». Поэтому, говоритъ великій князь, мы посылаемъ нашихъ пословъ къ святому царю и къ святѣйшему твоему владычеству и ко всему божественному и священному собору и обращаемся къ вамъ съ просьбою,—и за симъ излагаетъ свою просьбу. Эта просьба буквально читается такъ: «И просимъ святѣйшее ти владычьство, да съ святымъ царемъ и со всѣмъ божественнымъ и освященнымъ сборомъ, возрѣвше въ святаа ваша и божественнаа правила гречьскаа и разсудивше и за нужу далечнаго и непроходимаго путюшествіа и за нахоженіе на наше христіаньство безбожныхъ агарянъ и за неустроеніе и мятежи, еже въ

окрестныхъ насъ странахъ и господарей умноженіа, свободно намъ сътворите въ нашей земли поставленіе митрополита, еще же и за сію нужу, яко и духовная дѣла вся каждому православному христіанину и наша скровенаа, а господьскаа потребнаа, словеса и дѣла нужно намъ дѣлати съ митрополитомъ толкованно младыми человѣки, отъ нихже лѣпо есть что таити и тіи преже инѣхъ увѣдають (т. е. и наши тайныя, а между тѣмъ государственныя и важныя, рѣчи и дѣла нужно вести съ митрополитомъ—Грекомъ, не знающимъ русскаго языка, при посредствѣ переводчиковъ — незначительныхъ людей, отъ которыхъ нужно бы иное таить, тогда какъ они узнаютъ первые); и того ради просимъ святое ти владычьство, послѣте къ намъ честнѣйшее ваше писаніе, яко да помощію Божіею и благодатію Святаго Духа и поспѣшеніемъ святаго царя и съ благословеніемъ святаго ти владычьства и божественнаго и священнаго сбора, по святымъ правиломъ, събравше въ отечьствіи нашемъ, въ рустѣй земли, боголюбивыя епископы отечьства нашего и по благодати Святаго Духа избравше кого человѣка добра, мужа духовна, вѣрою православна, да поставять намъ митрополитомъ на Русь: понеже и преже сего за нужу поставленіе въ Руси митрополита бывало».

Великій князь доноситъ патріарху, что митр. Исидоръ оказался измѣнникомъ православію. Надлежало бы ожидать, что онъ будетъ просить патріарха—вмѣсто измѣнника православію прислать другого митрополита, твердаго въ православіи, и однако его просьба совсѣмъ иная. Истинной причиной просьбы было то, что патріархъ былъ уніатъ и что Русскіе, не прерывая съ нимъ церковнаго союза формальнымъ образомъ, хотѣли объособиться отъ него и разобщиться съ нимъ фактическимъ образомъ: но великій князь выставляетъ совсѣмъ другія побужденія къ своей просьбѣ. Одно вмѣсто другого и одно вмѣсто другого: великій князь, конечно, очень хорошо понималъ, что его просьба представляетъ изъ себя нѣчто очень странное. Но просьба не могла быть менѣе странною, какъ скоро онъ, не прерывая церковнаго союза съ патріархомъ-уніатомъ, хотѣлъ испросить себѣ у послѣдняго дозволеніе поставить митрополита православнаго. Кромѣ того, что патріархъ былъ уніатъ, не было въ данное время иныхъ побужденій просить о дозволеніи поставить митрополита въ самой Россіи, и великому князю дѣйствительно не удается придумать этихъ временныхъ побужденій. Онъ ссылается на далекость и крайнюю трудность путешествій въ Константинополь, на незнаніе митрополитами-Греками русскаго языка,—это было совершенно основательно; но это не были затрудненія, явившіяся только въ данное время, а существовавшія съ того

самого времени, какъ начала существовать русская митрополія. Когда затѣмъ великій князь выставляетъ нашествія на Россію агарянъ, неустроенія и мятежи въ окрестныхъ странахъ и господарей умноженія, то, нѣтъ сомнѣнія, и самъ онъ понимаетъ, что на вопросъ: какъ все это составляло побужденіе къ его просьбѣ или даже просто: чтó это значило, каково—«господарей умноженія», онъ былъ бы не въ состояніи что нибудь отвѣчать.

Великій князь проситъ у патріарха дозволенія поставить своими русскими епископами преемника низверженному Исидору. Но когда онъ писалъ патріарху свою просьбу, онъ не могъ предвидѣть того, что случилось, именно—что на каѳедрѣ патріаршей не долго останутся патріархи-уніаты и что снова возвратятся на нее патріархи православные. Не предвидя этого и имѣя своимъ желаніемъ и намѣреніемъ—фактически разъединить своихъ православныхъ митрополитовъ съ патріархами-уніатами, онъ, очевидно, долженъ былъ имѣть въ виду не только то, чтобы одного преемника Исидору поставить своими епископами, но чтобы вообще начать ставить русскихъ митрополитовъ своими епископами. Это ограниченіе великимъ княземъ своей просьбы необходимо понимать такъ, что онъ не сознавалъ права и не видѣлъ возможности обращаться къ патріарху съ общею просьбою о дозволеніи начать поставленіе русскихъ митрополитовъ въ самой Россіи. Приводя указанныя выше мнимыя временныя обстоятельства, великій князь могъ ссылаться въ своей просьбѣ о дозволеніи поставить въ самой Россіи преемника Исидору на то, что единичные примѣры поставленія митрополитовъ въ самой Россіи бывали и прежде, какъ это онъ и дѣлаетъ [1]), но на какой прецедентъ или вообще на что бы уважительное—не въ субъективномъ смыслѣ по отношенію къ нему самому, а въ объективномъ по отношенію къ патріарху, онъ могъ сослаться съ своей общей просьбой? Видя себя вынужденнымъ ограничиться просьбою о поставленіи въ Россіи только преемника Исидору, великій князь, какъ нужно думать, имѣлъ въ виду для будущаго времени то, чтобы нѣсколько последующихъ поставленій совершилось на основаніи тѣхъ же частныхъ дозволеній и чтобы на рядѣ частныхъ случаевъ и было потомъ основано общее требованіе.

Истиннымъ побужденіемъ для великаго князя просить у патріарха дозволенія поставить преемника Исидору своими русскими епископами

---

[1]) Cfr посланіе св. Іоны къ кіевскому князю Александру Владимировичу, въ которомъ онъ оправдываетъ свое поставленіе бывшими прежде примѣрами,—Акт. Ист. т. I, стр. 95 col. 2 нач., Памятнн. *Павлова* col. 560.

было то, чтобы, не разрывая формальнымъ образомъ церковнаго союза съ этимъ патріархомъ-уніатомъ, фактически отдѣлиться отъ него и стать внѣ общенія съ нимъ. Но, желая достигнуть своей цѣли, великій князь видитъ себя принужденнымъ дѣйствовать согласно съ правиломъ: цѣль оправдываетъ средства, и къ своей просьбѣ, которую мы передали выше, присоединяетъ увѣреніе патріарху: «а мы о семъ хочемъ Божіею благодатію, по изначяльству нашего православнаго христіаньства, посыланіе и сопрошаніе и любовь имѣти съ святымъ царемъ и святѣйшаго ти благословеніа и молитвы требовати и желати хощемъ, донелѣже Богъ благоизволитъ и земля наша доколѣ иметъ стояти, и никакоже разлучно отъ васъ имать быти наше православное христіаньство до вѣка».

Русскіе, непоколебимо преданные и вѣрные православію, не хотѣли имѣть общенія съ константинопольскимъ патріархомъ-уніатомъ. Но у нихъ не хватало мужества открыто и формально разорвать церковный союзъ съ патріархомъ, что́ они должны были сдѣлать, и они рѣшились достигнуть своей цѣли инымъ путемъ. Достигая цѣли инымъ путемъ, они должны были прибѣгать къ небезъукоризненнымъ средствамъ. И такимъ образомъ вышло, что похвальной цѣли они старались достигнуть не вполнѣ похвальными средствами...

Сохранилось до настоящаго времени посланіе вел. кн. Василья Васильевича, написанное имъ константинопольскому патріарху въ 1441-мъ году и содержащее въ себѣ просьбу къ патріарху съ императоромъ о дозволеніи поставить преемника низверженному Исидору въ самой Россіи. Но какая была судьба этого посланія, остается намъ совершенно неизвѣстнымъ, потому что въ лѣтописяхъ нашихъ подъ 1441-мъ годомъ нѣтъ о посланіи великаго князя къ патріарху ни единаго слова. Изъ послѣдующаго мы знаемъ, что великій князь не получилъ отъ патріарха дозволенія поставить преемника Исидору своими русскими епископами. Слѣдовательно, нужно предполагать одно изъ двухъ—или что посланіе было написано, но не было отправлено, или что оно было написано и отправлено, но въ Константинополѣ былъ полученъ отказъ. Позднѣйшія показанія великаго князя и поставленнаго на Исидорово мѣсто митр. Іоны заставляютъ предполагать первый случай; однако, эти показанія, какъ идущія отъ людей, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, не могутъ быть принимаемы за совершенно достовѣрныя [1]). Если мы предположимъ первый случай, то со всею вѣроятно-

---

[1]) Великій князь въ посланіи къ импер. Константину съ извѣщеніемъ о поставленіи Іоны (Акт. Ист. т. I, стр. 84 col. 1 fin., и въ Памятнн. *Павлова* col.

стію дѣло нужно будетъ понимать такъ, что прежде чѣмъ великій князь отправилъ свое посланіе, онъ получилъ изъ Константинополя такія свѣдѣнія о патріархѣ и императорѣ, на основаніи которыхъ убѣдился, что ему напрасно бы было обращаться къ нимъ съ своей просьбой. Если мы предположимъ второй случай, то отказъ, полученный великимъ княземъ въ Константинополѣ, будетъ для насъ совершенно понятнымъ. Императору и патріарху уніатамъ доносятъ, что свергнутъ съ престола митрополитъ-уніатъ, и просятъ у нихъ дозволенія на мѣсто уніата поставить митрополита православнаго: ясно, что удовлетвореніе просьбы было бы со стороны императора и патріарха дѣйствіемъ такого самоотрицанія и такой насмѣшки надъ самими собой, какихъ, при нѣкоторомъ чувствѣ самихъ себя, невозможно было имъ допустить. И если никакъ не могли они удовлетворить просьбы сами по себѣ, то еще болѣе и во всякомъ случаѣ не могли удовлетворить ея по своимъ отношеніямъ къ папѣ: что́ сказалъ бы этотъ послѣдній, если бы они— съ одной стороны выдавали себя за поборниковъ уніи, а съ другой стороны вели себя какъ ея враги? Предполагая второй случай, нужно только предполагать, что отказъ данъ былъ патріархомъ не совершенно въ рѣшительной, а въ какой нибудь уклончивой формѣ, потому что въ первомъ случаѣ патріархъ долженъ бы быль опасаться за свою церковную власть надъ Русскими.

Посланіе великаго князя въ Константинополь съ просьбою о дозволеніи поставить преемника Исидору въ самой Россіи и своими русскими епископами дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: по одной редакціи оно адресуется патріарху и въ текстѣ его дается знать, что оно писано въ 1441-мъ году; по другой редакціи оно адресуется императору и въ текстѣ его дается знать, что оно писано въ 1443-мъ году [1]. Эту двойственность редакціи необходимо понимать такъ, что

---

582), и Іона въ посланіи къ кіевскому князю Александру Владимировичу—съ извѣщеніемъ о своемъ поставленіи (Акт. Ист. ib. стр. 95 col. 1 и Памм. col. 559) говорятъ, что до этого послѣдняго событія не было посылокъ въ Константинополь относительно замѣщенія митрополичьей каѳедры по причинѣ уніатства императора и патріарха. Но великій князь и митрополитъ могли имѣть желаніе умалчивать о посылкахъ неудачныхъ (и предъ импер. Константиномъ можно было это дѣлать, потому что въ правленіе брата онъ жилъ не въ Константинополѣ, а на своемъ удѣлѣ).

[1]) Во второй редакціи посланіе читается во 2-й Софійской лѣтописи. — Собр. лѣтт. VI, 162. напечатано у *преосв. Платона* въ Исторіи, I, 302, и извѣстно намъ еще по одной рукописи библіотеки Моск. Дух. Академіи,—№ 235.

послѣ попытки 1441-го года, приведенной ли въ исполненіе и окончившейся неудачею или оставшейся только въ намѣреніи, въ 1443-мъ году имѣла мѣсто новая попытка, при чемъ употреблено было прежнее посланіе.

Исходомъ этой второй попытки была та же неудача, чтó и первой. Одна изъ Софійскихъ лѣтописей, приведши посланіе въ его второй редакціи, далѣе сообщаетъ, что великій князь отправилъ было своихъ пословъ въ Константинополь, но что къ нему пришла вѣсть, будто императоръ ушолъ въ Римъ на царство и сталъ въ латинскую вѣру, и что поэтому великій князь приказалъ съ дороги воротить пословъ назадъ [1]). Чтобы до великаго князя могла дойти нелѣпая вѣсть, будто императоръ ушелъ въ Римъ на царство и сталъ въ латинскую вѣру, это совсѣмъ невѣроятно, и лѣтопись, какъ нужно думать, воспроизводитъ тутъ одинъ изъ ходившихъ въ народѣ толковъ. Могла дойти до великаго князя ошибочная вѣсть, будто императоръ отправился на Западъ искать помощи у западныхъ государей противъ Турокъ. Но трудно допустить, будто дѣло было такъ, что великій князь, получивъ вѣсть, воротилъ пословъ назадъ и на томъ кончилъ попытку: ему ничто не мѣшало удостовѣриться въ справедливости вѣсти и по полученіи извѣстія объ ея ложности снова отправить пословъ въ Константинополь. Вѣроятно думать, что послы доходили до Константинополя,—что они получили тамъ отказъ и что тѣми сказками, которыя передаетъ Софійская лѣтопись, объяснялась только неудача посольства. Во второй редакціи посланіе адресуется не патріарху, а императору, можетъ быть, потому, что оно было послано или его предполагали послать послѣ смерти патріарха Митрофана, который скончался 1-го Августа 1443-го года. Если бы это было такъ, то слѣдовало бы думать, что Русскіе имѣли бóльшія надежды на уступчивость одного императора-уніата и что послѣ смерти патріарха, находя возможнымъ удовольствоваться разрѣшеніемъ и одного перваго, они поспѣшили было попытать удачи.

Итакъ, московскіе Русскіе не желали формальнымъ образомъ разрывать церковнаго союза съ константинопольскимъ патріархомъ-уніатомъ и въ то же время они не получили отъ него дозволенія поставить себѣ православнаго митрополита самимъ, чтобы такимъ образомъ фактически обособить себя отъ него. Имъ ничего не оставалось далѣе дѣлать, какъ—или рѣшиться наконецъ на то, чтобы формально разорвать союзъ съ патріархомъ, или чтобы самимъ поставить себѣ

---

[1]) Указанная 2-я Софійская,—Собр. лѣтт. VI, 167.

православнаго митрополита самовольно, помимо дозволенія патріарха. На первое у нихъ и теперь не хватило мужества, и они рѣшились на второе. Рѣшились однако весьма не скоро. Правда, что съ самимъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ повстрѣчались несчастія, которыя должны были замедлить его рѣшеніе: въ Іюлѣ 1445-го года онъ захваченъ былъ въ плѣнъ Татарами, у которыхъ пробылъ около 3-хъ мѣсяцевъ; въ Февралѣ 1446-го года онъ былъ захваченъ и лишенъ великаго княженія своимъ двоюроднымъ братомъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякой, у котораго успѣлъ снова отнять великокняжескій престолъ только спустя 10-ть мѣсяцевъ. Но и возвратившись въ Москву онъ принялъ свое рѣшеніе далеко не вдругъ: онъ возвратился въ Москву (взятую у Димитрія его приверженцами въ Рождество Христово 1446-го года) 17-го Февраля 1447-го года, а рѣшеніе поставить митрополита самимъ, безъ дозволенія императора и патріарха, было приведено въ исполненіе только въ Декабрѣ слѣдующаго 1448-го года.

Съ весьма большою вѣроятностію слѣдуетъ полагать, что великій князь послѣ долгихъ колебаній былъ наконецъ подвигнутъ къ своей рѣшимости явившеюся опасностію, что Исидоръ снова явится въ Россію. Обыкновенно принято думать, что Исидоръ послѣ своего бѣгства изъ Москвы не дѣлалъ болѣе попытокъ возвратиться въ Россію. Но это оказывается неправдой. Сохранилось до настоящаго времени посланіе константинопольскаго патріарха Григорія Маммы къ кіевскому князю Александру Владимировичу, которое извѣстно было давно, но которое въ подлинномъ и полномъ видѣ напечатано только недавно [1]). Посланіе составляетъ отвѣтъ патріарха на обращенный къ нему черезъ посла вопросъ князя: на какихъ условіяхъ у нихъ—Грековъ состоялось соединеніе съ латинянами. Изъ этого-то посланія и оказывается, что Исидоръ имѣлъ намѣреніе возвратиться въ Россію: кратко извѣщая князя объ условіяхъ, на которыхъ состоялось соединеніе, патріархъ пишетъ: «а коли пріидетъ къ вамъ преосвященный митрополитъ кіевскій и всея Русіи и всечестный кардиналъ киръ Исидоръ, о Святѣмъ Дусѣ возлюбленный братъ и сослужитель нашего смиренія,

---

[1]) О посланіи сообщается свѣдѣніе въ Акт. Ист. т. I, примѣч. къ № 63 (а у Сахарова въ предисловіи къ Путешествію Сумеона суздальскаго въ Италію дѣлается указаніе). Въ полномъ видѣ оно напечатано покойнымъ *А. Н. Поповымъ* въ Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 332 (намъ оно извѣстно было по рукописи Московской Дух. Академіи № 81 изъ фундаментт.).

научитъ и накажетъ васъ о всемъ словомъ и дѣломъ». Подъ посланіемъ въ сохранившихся его спискахъ нѣтъ годовой даты [1]), такъ что неизвѣстно положительнымъ образомъ, къ какому времени оно относится. Но, во-первыхъ, по соображеніямъ со всею вѣроятностію должно относить его ко времени до смерти императора Іоанна Палеолога, который умеръ 31-го Октября 1448-го года; во-вторыхъ, и въ немъ самомъ отрицательно дается знать, что оно писано до поставленія св. Іоны въ митрополиты. Принимается, что Исидоръ послѣ своего бѣгства изъ Москвы былъ въ Константинополѣ только одинъ разъ, это— когда въ концѣ 1452-го года былъ посланъ туда папою для возстановленія уніи (первоначально отвергнутой было преемникомъ Іоанна Палеолога его братомъ Константиномъ). Но изъ исторіи поставленія Исидоромъ въ Константинополѣ епископа владимирскаго и берестейскаго Даніила [2]) оказывается, что онъ былъ въ Константинополѣ прежде того. Это первое посѣщеніе Исидоромъ Константинополя необходимо относить ко времени, предшествующему поставленію Іоны въ митрополиты, ибо Даніилъ могъ отправиться для посвященія въ Константинополь только прежде сего поставленія, а между тѣмъ весьма вѣроятно, что посланіе къ Александру Владимировичу писано патріархомъ Григоріемъ, когда Исидоръ находился въ Константинополѣ. Что касается до отрицательнаго свидѣтельства самаго посланія, то въ немъ говорится о митрополитахъ и епископахъ греческихъ, враждебныхъ уніи, которые приходили въ Литву, чтобы смущать тамошнихъ Русскихъ, но не говорится, чтобы во главѣ смущающихъ былъ митрополитъ, поставленный въ Москвѣ. Само собою разумѣется, что Исидоръ имѣлъ намѣреніе возвратиться въ Русь только литовскую, потому что никакъ не могъ имѣть охоты снова показаться въ Москвѣ (въ которую во всякомъ случаѣ и не былъ бы пущенъ). Но для каѳедры митрополіи всея Россіи, находившейся въ Москвѣ, была та опасность, что отъ нея могла быть такимъ образомъ отторгнута ея половина литовская. И опасность тутъ была далеко не совсѣмъ воображаемая. Въ Литвѣ на унію и на Исидора смотрѣли значительно иными глазами, нежели на Москвѣ: когда Исидоръ возвратился съ собора уніатомъ и папскимъ кардиналомъ и легатомъ, его приняли тамъ за такого же своего дѣйствительнаго митрополита, какимъ онъ былъ и до собора; послѣ осуж-

---

[1]) Есть только мѣсячная дата: «писано въ Цариградѣ мѣсяца Іюня въ 26-й день».

[2]) См. рукописаніе Даніила съ отреченіемъ отъ Исидора, данное митр. Іонѣ, у *преосв. Макарія* въ Ист., VI, 369, и въ Памятнн. *Павлова*, № 72.

денія и низложенія его на Москвѣ, можетъ быть, нѣсколько начали тамъ сомнѣваться въ немъ, но вовсе не усвоили твердаго московскаго на него взгляда какъ на отступника и еретика. Доказательствомъ этого служатъ указанное выше обращеніе въ Константинополь съ спросомъ объ уніи князя Александра Владимировича и указанный выше случай поставленія Исидоромъ епископа владимирскаго и берестейскаго Даніила. Александръ Владимировичъ, обращающійся въ Константинополь къ патріарху-уніату съ спросомъ объ уніи, очевидно, еще не смотритъ на нее глазами Москвы [1]). Если епископъ Даніилъ рѣшился искать себѣ посвященія у Исидора, то слѣдуетъ, что это было сдѣлано имъ или съ положительнаго согласія собора литовскихъ епископовъ, или по крайней мѣрѣ не въ совершенное вопреки ихъ мнѣнію о митрополитѣ-уніатѣ, потому что иначе онъ не былъ бы признанъ ими за дѣйствительнаго епископа.

Продолжительное медленіе великаго князя въ принятіи рѣшенія поставить митрополита своими епископами безъ дозволенія патріарха, очевидно, указываетъ на то, что онъ долго думалъ и колебался надъ вопросомъ: имѣетъ ли онъ право при неправославіи патріарха поставить себѣ православнаго митрополита своими собственными епископами. Что это было дѣйствительно такъ, о семъ и положительно свидѣтельствуетъ св. Іона въ одномъ изъ своихъ посланій, говоря, что великій князь «доволнѣ въ многыя времена» совѣтовался о вопросѣ съ своимъ духовенствомъ [2]). Въ каноническихъ правилахъ церкви Русскіе не могли найти на свой вопросъ никакого отвѣта, потому что дѣло было поставлено ими такимъ образомъ, что каноны не только не предвидѣли подобнаго случая, но вовсе и не допускаютъ его. Константинопольскаго патріарха, державшагося уніи съ папой, Русскіе признавали за еретика; несмотря на это, они не отрицали его власти надъ собою, а только не хотѣли имѣть фактическаго общенія съ нимъ и получить себѣ митрополита изъ его нечистыхъ рукъ. Но по канонамъ церкви

[1]) Въ одной изъ рукописей Сvнодальной библіотеки читается форма возношенія именъ восточныхъ патріарховъ на литургіи, совершаемой нашимъ митрополитомъ.—Опис. *Горск.* и *Невостр.* № 331, л. 237 об., стр. 771. Эта форма, не дѣйствительно употреблявшаяся, а составляющая частное произведеніе южно-русскаго писца, даетъ знать, что нѣкоторые въ южной Руси признавали патріарха Григорія Мамму за своего дѣйствительнаго патріарха.

[2]) Въ посланіи къ кіевскому князю Александру Владимировичу, въ которомъ извѣщаетъ князя о своемъ поставленіи.—Акт. Ист. т. I, стр. 95 col. 1 fin., Памм. *Павлова* col. 560.

православные вовсе не могутъ и не должны признавать надъ собою власти еретиковъ, потому что между православными и еретиками не должно быть совершенно никакого общенія,—потому что послѣдніе должны быть просто отсѣчены отъ всякаго союза съ православною церковію. И должно думать, что Русскіе рѣшились наконецъ поступить такъ, какъ они поступили, не потому, чтобы они нашли каноны, которые показались имъ оправдывающими ихъ поступокъ, а потому просто, что ихъ принудила къ тому необходимость, такъ какъ necessitas non habet legem. Отъ патріарха-еретика они не хотѣли брать себѣ митрополита; но патріархъ не давалъ имъ дозволенія поставить митрополита самимъ: имъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ поставить митрополита самимъ своею собственною властію. Однако, послѣ совершенія дѣянія Русскіе хотѣли оправдывать себя канонами. Великій князь Василій Васильевичъ въ своемъ посланіи къ императору Константину, въ которомъ извѣщаетъ послѣдняго о совершонномъ въ Россіи поставленіи митрополита безъ дозволенія Грековъ, пишетъ: «възрѣвше въ божественая и священная правила святыхъ апостолъ и святыхъ богоносныхъ отецъ, нужди ради обрѣтохомъ не бронящихъ, но повелѣвающихъ епископы поставити болшаго святителя митрополита». Самъ митрополитъ, поставленный безъ дозволенія Грековъ, св. Іона въ одномъ изъ своихъ посланій утверждаетъ, что онъ поставленъ на основаніи 1-го правила свв. апостоловъ, которое онъ приводитъ въ такомъ видѣ: «тріе епископи должни суть безо всякаго извѣта поставляти большаго святителя», и потомъ ссылается на 4-е правило 1-го вселенскаго собора, которое повелѣваетъ поставлять епископа всѣмъ епископамъ области, а въ случаѣ нужды по крайней мѣрѣ троимъ, и глухо ссылается и на «иныя многія правильныя главизны» [1]). Помимо каноновъ великій князь и митрополитъ приводили еще одинъ аргументъ въ оправданіе самовольнаго поступка: они утверждали, что будто когда второй изъ нихъ послѣ смерти Фотія прибылъ въ Константинополь и нашелъ тамъ уже посвященнымъ въ митрополиты русскіе Исидора, то императоръ и патріархъ назначили и утвердили его быть преемникомъ послѣдняго; по ихъ увѣренію, императоръ и патріархъ будто бы говорили Іонѣ, не успѣвшему придти прежде поставленія Исидорова: «что теперь дѣлать намъ? ты не успѣлъ придти къ намъ и мы другаго поставили на ту святѣйшую митрополію и уже не мо-

---

[1]) Въ окружномъ посланіи литовскимъ епископамъ по случаю появленія въ Литвѣ митрополита-уніата Григорія,—Акт. Ист., т. I. стр. 113 col. 2. Памятни. *Павлова* col. 622.

жетъ перемѣнить сдѣланнаго,—Исидоръ уже долженъ быть митрополитомъ русскимъ; (но пусть будетъ вотъ что): иди ты Іона опять на свой столъ, на рязанскую епископію, а что устроитъ воля Божія объ Исидорѣ—умретъ ли смертію или иное что случится съ нимъ, и ты—Іона да будешь послѣ него митрополитомъ русскимъ» [1]). Сейчасъ приведенный аргументъ, какъ нужно думать, предназначался удовлетворять двумъ цѣлямъ: съ одной стороны, служить оправданіемъ самовольнаго посвященія митрополита, а съ другой стороны—доказывать, что этотъ митрополитъ, хотя и оставался въ номинальной зависимости отъ патріарха-уніата, былъ совершенно православный, ибо получилъ благословеніе на митрополію отъ патріарха еще православнаго.

Поставленіе митрополита своими епископами безъ дозволенія патріарха было дѣломъ совершенно исключительнымъ и крайне щекотливымъ. А поэтому ничего нѣтъ неестественнаго въ томъ, что у великаго князя не хватало мужества и рѣшимости принять всю отвѣтственность за него на одного самого себя. По свидѣтельству св. Іоны, онъ рѣшился на поставленіе только послѣ продолжительныхъ совѣтованій со всѣми своими епископами и съ архимандритами и игуменами и со многими духовными мужами разсудными и со всѣмъ священствомъ и послѣ обсылокъ съ православными князьями литовскими [1]).

---

[1]) Сейчасъ приведенное читается въ посланіи великаго князя къ импер. Константину, содержащемъ извѣщеніе о поставленіи Іоны въ митрополиты,—Акт. Ист. т. I, стр. 84 col. 2, Памм. *Павлова* col. 579. Самъ Іона утверждаетъ это въ нѣсколькихъ своихъ посланіяхъ въ Литву, см. у *Павлова* ib. coll. 539 fin., 561, 646. Никоновская лѣтопись, V, 215, увѣряетъ даже, что патріархъ не только благословилъ Іону быть преемникомъ Исидора, но и «грамоту ему далъ». Чтобы дѣло было дѣствительно такъ, какъ утверждаютъ князь и митрополитъ, это очень сомнительно. Во-первыхъ, само по себѣ невѣроятно, чтобы патріархъ съ императоромъ назначили Іонѣ быть преемникомъ Исидора: подобное назначеніе представляло бы изъ себя нѣчто совсѣмъ необычное и они—патріархъ съ императоромъ вовсе не могли и не желали предвидѣть, чтобы Исидоръ такъ скоро оставилъ Россію, какъ это на самомъ дѣлѣ случилось. Во-вторыхъ, и на основаніи положительныхъ данныхъ дѣло представляется весьма сомнительнымъ: императора Іоанна, при которомъ приходилъ Іона въ Константинополь, великій князь проситъ о поставленіи въ митрополиты не Іоны, а кого нибудь; императору Константину, который могъ не знать дѣла, онъ говоритъ, что Іона назначенъ былъ въ преемники Исидора, однако говоритъ вовсе не утверждая, какъ нѣчто достовѣрное, а страннымъ и подозрительнымъ по отношенію къ нему—князю образомъ ссылаясь на слухи: «и слышахомъ о семъ отъ многыхъ».

[1]) Въ посланіи къ кіевскому князю Александру Владимировичу,—Акт. Ист. т. I, стр. 95, у *Павл.* въ Памятн. col. 560.

По приказанію великаго князя, безъ дозволенія патріарха константинопольскаго, былъ поставленъ въ митрополиты русскіе своими русскими епископами, какъ мы нѣсколько разъ давали знать выше, св. Іона, епископъ рязанскій, тотъ самый, который былъ было посыланъ въ Константинополь для поставленія въ митрополиты послѣ смерти Фотія. Какъ предварительно великій князь долгія времена совѣтовался о поставленіи со всѣмъ духовенствомъ, такъ, по свидѣтельству св. Іоны, и самое поставленіе было приговорено великимъ соборомъ изъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и изъ всего священства [1]). Поставленъ былъ св. Іона 15-го Декабря 1448-го года [2]). Относительно самаго поставленія 2-я Софійская лѣтопись говоритъ: «совершается приношеніе божественыя службы и возлагается на плещо его честный амфоръ и посохъ великій митрополичь дается въ руцѣ его, и тако съ благобоязнествомъ свершаетъ святую службу (и) благословляетъ народы» [3]).

Послѣ долгаго медленія Русскіе рѣшились наконецъ на то, чтобы поставить себѣ православнаго митрополита своими епископами, безъ дозволенія патріарха-уніата. Но послѣ того, какъ они сдѣлали дѣло, для нихъ являлся вопросъ: какъ же имъ быть съ этимъ патріархомъ, на права котораго они увидѣли себя вынужденными посягнуть? Что именно они думали и придумали относительно этого труднаго и весьма щекотливаго вопроса, который долженъ былъ занимать ихъ прежде всего, положительнымъ образомъ мы не знаемъ; но ихъ поведеніе показываетъ, что они остановились на томъ, чтобы не извѣщать самимъ патріарха о совершонномъ ими нарушеніи его правъ, а ждать отъ него запроса, дабы такимъ образомъ, избѣгая непріятной обязанности

---

[1]) Акт. Ист. т. I, стр. 86 col. 2, и у *преосв. Макарія* въ Ист. VI, 362 fin., Памм. *Павл.* coll. 539 и 647 sub fin..

[2]) Никон. лѣт. V, 215, Степ. кн. II, 78 (годъ въ послѣдней—1447-й неправильно). У *преосв. Макарія*,—VI 15: 5-го Декабря; если это не описка или не опечатка, а поправка, то не знаемъ—на какомъ основаніи сдѣланная.

[3]) Собр. лѣтт. VI, 167. Самъ Іона въ своихъ посланіяхъ въ Литву говоритъ, что онъ былъ поставленъ всѣми московскими русскими епископами.—Акт. Ист. т. I, стр. 113 col. 2 и у *преосв. Макарія* VI, 362, у *Павл.* въ Памм. col. 623 нач. и 647. Но должно понимать его не въ совершенно точномъ смыслѣ. По свидѣтельству Воскресенской и Типографской лѣтописей (первая—въ Собр. лѣтт. VIII, 122 нач., вторая—стр. 256) онъ былъ поставленъ четырьмя епископами: ростовскимъ, суздальскимъ, коломенскимъ и пермскимъ, а два епископа—новгородской и тверской прислали повольныя грамоты.

быть доносителями на самихъ себя, просто оправдываться, когда потребуетъ этого запросъ патріарха. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло лежало самымъ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ у Русскихъ и причиняло имъ крайнія безпокойства... Въ дѣйствительности ихъ ожидало то, что— все обойдется благополучно и что фактическую независимость своей церкви они получатъ несравненно скорѣе и легче, нежели какъ они ожидали. Св. Iона поставленъ на Москвѣ въ митрополиты спустя полтора мѣсяца послѣ смерти въ Константинополѣ императора Iоанна Палеолога (31-го Октября 1448-го года), когда престолъ императорскій былъ предметомъ спора между его тремя братьями. Остается неизвѣстнымъ, не имѣло ли это обстоятельство вліянія на рѣшимость Русскихъ; по всей вѣроятности, нѣтъ, ибо они едва ли могли предвидѣть, что перемѣна государя будетъ для нихъ благопріятною. Но это оказалось на самомъ дѣлѣ такъ. Занявшій престолъ императорскій въ началѣ 1449-го года старшій братъ Iоанновъ Константинъ [1]) тотчасъ по вступленіи на него объявилъ себя, вопреки брату, сторонникомъ православія и противникомъ уніи. Правда, что формальнымъ образомъ онъ возстановилъ православіе очень не скоро и терпѣлъ на престолѣ патріаршемъ патріарха-уніата, оставшагося ему отъ брата, около двухъ лѣтъ или даже нѣсколько болѣе (патріарха Григорія Мамму, который почти черезъ трехлѣтній промежутокъ послѣ смерти Митрофана, скончавшагося 1-го Августа 1443-го года, былъ поставленъ 7-го Iюля 1446-го года; онъ бѣжалъ изъ Константинополя въ Римъ въ Августѣ 1451-го года [2]), но за сколько до этого онъ былъ низведенъ съ каѳедры, остается неизвѣстнымъ). Но будучи противникомъ уніи у себя дома, императоръ, очевидно, не могъ требовать отвѣта у Русскихъ: какъ смѣли они поставить себѣ православнаго митрополита безъ спроса у патріарха-уніата. Когда императоръ наконецъ формальнымъ образомъ возстановилъ въ Константинополѣ православіе и низложилъ патріарха-уніата, Русскіе не только не боялись болѣе запроса, но сами рѣшились извѣстить императора о совершонномъ ими самовольномъ поставленіи митрополита и просить у него извиненія въ своемъ дѣяніи.

Посланіе вел. кн. Василія Васильевича, написанное имъ съ сейчасъ указанною цѣлію къ императору Константину въ Iюлѣ мѣсяцѣ

---

[1]) На Константина былъ возложенъ императорскій вѣнецъ въ Пелопоннесѣ, гдѣ онъ былъ деспотомъ, 6-го Января 1449-го года; онъ прибылъ въ Константинополь 12-го Марта. *Франтца*, lib. III. cap. 1 нач..

[2]) *Франтца*, lib. III, cap. 1 fin..

1452-го года, сохранилось до настоящаго времени [1]). Поздравивъ императора съ возшествіемъ на прародительскій престолъ и выразивъ свою радость по тому поводу, что онъ воспріялъ скипетръ «въ утверженіе всему православному христіяньству греческихъ державъ и владѣтельствамъ рускія земли», великій князь говоритъ: «вописуемъ же пакы святому ти царьству и о нашея земли положеніи». За симъ онъ разсказываетъ, какъ послѣ смерти митр. Фотія былъ было посыланъ въ Константинополь для поставленія въ митрополиты русскіе епископъ рязанскій Іона и какъ вмѣсто него былъ присланъ Исидоръ [2]),—какъ этотъ Исидоръ оказался отступникомъ отъ православія и какъ онъ—великій князь, будучи наставляемъ Богомъ, отвергъ и его самого и его злочестіе; послѣ этого,—говоритъ великій князь императору,—мы многолѣтно и постоянно желали послать своихъ пословъ въ Константинополь о поставленіи митрополита [3]), но не могли этого сдѣлать—отчасти потому, что, «якоже слышахомъ, въ вашихъ благочестивыхъ державахъ въ церкви Божіей разгласье бысть», отчасти по причинѣ крайней трудности пути въ Константинополь отъ разбойниковъ и грабителей, отчасти по причинѣ нашествій на насъ агарянъ и междуусобныхъ у насъ ратей и браней (Шемяка); по всему сему,—заключаетъ князь свое донесеніе,—воззрѣвъ въ святыя и божественныя правила святыхъ апостоловъ и святыхъ богоносныхъ отцевъ, которыя нужды ради не возбраняютъ, но повелѣваютъ епископамъ поставить бо́льшаго святителя—митрополита, ради великой нашей нужды мы поставили прежде помянутаго епископа Іону, въ митрополиты своими русскими епископами. За этимъ слѣдуютъ составляющія цѣль посланія—просьба объ извиненіи за самовольный вынужденный поступокъ и увѣреніе въ своемъ неизмѣнномъ признаніи власти патріарха; это, составляющее

---

[1]) Посланіе напечатано въ т. I Акт. Ист. два раза, №№ 41 и 262, и у *Павл.* въ Памм. № 71. Въ извѣстныхъ спискахъ посланія нѣтъ подъ ними даты года, а только дата мѣсяца, и такъ какъ въ текстѣ его говорится, что течетъ 21-е лѣто отъ смерти Фотія, который скончался 1-го или 2-го Іюля 1431-го года, то его нужно относить или къ 1451-му или къ 1452-му году. Но въ немъ дается знать, что оно писано послѣ низложенія Григоріева, во время небытности въ Константинополѣ патріарха, слѣдовательно—въ 1452-мъ году.

[2]) Тутъ говоритъ, будто импер. Іоаннъ Палеологъ и патр. Іосифъ назначили быть Іонѣ преемникомъ Исидора.

[3]) «Како бы послати намъ къ Царьскому граду пословъ своихъ о извѣщеніи съединенія святѣйшая Божія вселенская церкве и о православіи и о поставленіи митрополита».

цѣль посланія, читается: «и просимъ святое ти царьство, да не помолвиши о томъ на насъ, яко дерзостнѣ сіе сътворихомъ, еже сътворихомъ, не обославъ великого вашего господьства, но сіе за великую нужду сътворихомъ, а не киченіемъ, ни дерзостію; а сами есмы въ всемъ благочестьи по древнему намъ преданному православію, и въ томъ есмы, якоже преже быхомъ, тако и будемъ до каждаго насъ временнаго живота и до скончанія вѣку; и церковь наша руская—святѣйшая митрополія руская отъ святыя Божія вселенскыя съборныя и апостольскыя церкви Премудрости Божія святыя Софѣя царигрaдскыя благословеніе требуеть и ищеть, въ всемъ по древнему благочестью повинуется ей, и тотъ нашъ отець, кіевскый и всея Руси митрополитъ кирь Іона, по томужъ всяческы требуеть оттолѣ и благословенія и съединенія развіе нынѣшнихъ новоявлешихся разгласій». Настоящій отдѣлъ посланія великій князь заключаетъ: «молимъ святое ти царьство, да будеши о всемъ къ тому нашему отцу Іонѣ митрополиту добрыя воли и то намъ отъ васъ велми любо, а мы есмо, якоже и пишемъ, о всемъ съ вами съединени по изначальству любовію и всякою пріязнію». Въ заключеніе посланія великій князь говоритъ, что хотѣлъ было писать къ патріарху, но не знаетъ, есть ли въ Константинополѣ патріархъ, такъ какъ ни отъ кого о немъ не слыхалъ, и если есть, то не знаетъ, какъ его зовутъ.

Сейчасъ приведенное нами посланіе великаго князя, какъ открывается изъ помѣты, сдѣланной на одномъ изъ сохранившихся его списковъ, бывъ написано, не было отправлено въ Константинополь [1]). Что было причиной, что въ Москвѣ написали посланіе и потомъ раздумали отправлять его, положительнымъ образомъ не знаемъ; но необходимо думать, что причиной сего были измѣнившіяся въ Константинополѣ церковныя обстоятельства. Императоръ Константинъ Палеологъ, послѣдній изъ византійскихъ императоромъ, въ бóльшую часть своего недолговременнаго правленія бывшій противникомъ уніи съ папой, подъ конецъ увидѣлъ себя вынужденнымъ обратиться къ той же уніи. Турки, уже давно владѣвшіе почти всей греческой частью Балканскаго полуострова и оставлявшіе Грекамъ почти одинъ Константинополь, дѣлали уже неоднократныя попытки овладѣть и симъ послѣднимъ. Въ началѣ 1451-го года у нихъ на престолѣ султанскомъ произошла перемѣна—

---

[1]) Въ одномъ изъ списковъ въ заглавіи посланія отмѣчено: «посылная (грамота) великаго князя Василья Васильевича къ царьградскому царю Костянтину о Іонѣ митрополитѣ, да не пошла», см. Акт. Ист. т. I, № 263, примѣчаніе на концѣ.

умеръ Мурадъ II и его мѣсто занялъ сынъ его Магометъ II. Этотъ послѣдній почти тотчасъ же по своемъ возшествіи на престолъ началъ готовиться къ осадѣ Константинополя: и тогда-то императоръ Константинъ, ни отъ кого не надѣясь получить помощи, кромѣ папы, рѣшился возобновить съ нимъ переговоры объ уніи, которые и начаты были въ началѣ 1452-го года [1]). Необходимо думать, что дошедшая до Москвы вѣсть объ измѣнѣ императора православію и была причиной, почему Русскіе, написавъ ему посланіе, не отправили посланія по назначенію. Но на этотъ разъ они могли быть спокойными и имѣли всѣ основанія не опасаться, чтобы изъ Константинополя сдѣланъ былъ имъ запросъ относительно ихъ самовольнаго поступка, ибо императоръ, самъ первоначально объявившій было себя противъ уніи, какъ могъ спрашивать съ нихъ за то, что они были ея противниками, что̀ вынудило ихъ къ самовольному поступку? Вскорѣ за этимъ должны были прекратиться и всякія опасенія Русскихъ въ семъ отношеніи: 29-го Мая 1453-го года Константинополь былъ взятъ Турками и въ немъ навсегда исчезла флорентійская унія, оставивъ только одну самую крайнюю ненависть къ своей памяти. Это обстоятельство—взятіе Константинополя Турками дало Русскимъ поводы сдѣлать своихъ митрополитовъ фактически независимыми отъ патріарховъ и несмотря на то, что послѣдніе снова начали быть православными. Къ рѣчамъ объ этомъ мы возвратимся ниже.

Прежде чѣмъ говорить о св. Іонѣ, какъ митрополитѣ, сообщимъ предварительныя біографическія свѣдѣнія о немъ, какія имѣемъ [2]).

Онъ родился въ древней галичской области, близь города Солигалича нынѣшней костромской губерніи, отъ мѣстнаго большаго или малаго вотчинника Ѳеодора Одноуша, слѣдовательно—былъ по своему происхожденію изъ людей болѣе или менѣе благородныхъ [3]). Будучи

---

[1]) См. статью *Стасюлевича*: «Осада и взятіе Византіи Турками» въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Акад. Наукъ, кн. 1, стрр. 99 прим. и 121 fin..

[2]) Такъ какъ Іона причисленъ къ лику святыхъ, то написано было его житіе. Но оно написано очень много спустя времени послѣ его смерти,—при митр. Макаріи, и не отличается обиліемъ свѣдѣній, см. о немъ у *Ключевскаго* въ Древнерусскихъ житіяхъ, стр. 240. Одна изъ трехъ его редакцій читается въ Степенной книгѣ,—II, 69 (о написаніи въ 1547-мъ году см. Опис. сунодд. ркпп. № 261 л. 237, стр. 259).

[3]) По житію, Ѳеодоръ Одноушъ отдалъ погостъ Одноушево, въ которомъ имѣлъ жительство, въ домъ Пречистой Богородицы московской или въ митрополію; но по актамъ, пустошь Одноушево пожаловалъ вел. кн. Василій Ивановичъ митр.

12-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ поступилъ, съ цѣлію принять монашество, въ одинъ неизвѣстный монастырь галичской области, изъ котораго потомъ перешелъ въ московскій Симоновъ монастырь. Въ послѣднемъ монастырѣ, по увѣренію преп. Іосифа Волоколамскаго, св. Іона, еще бывъ молодымъ монахомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми старшими его ревнителями строгой монашеской жизни изъ братій, когда увидѣлъ, что старые обычаи монастыря измѣняются и благочиніе въ немъ отметается, не молчалъ и не полагалъ сего въ небреженіе, но возбранялъ, не попущая безчинію и мятежу бывать, за что вмѣстѣ съ другими ревнителями принялъ многую скорбь и печаль отъ тогда бывшихъ въ монастырѣ архимандритовъ [1]). По свидѣтельству житія, нарочитое занятіе св. Іоны въ монастырѣ составляло божественныхъ книгъ писаніе [2]). Затѣмъ, житіе передаетъ слѣдующее пророчество о немъ митр. Фотія: «Пріиде нѣкогда пресвященный Фотій митрополитъ всеа Русіи во обитель Пречистыя Богородицы на Симоново, якоже обычай имяше, помолитися и сущаго архимандрита и братію благословити и духовнѣ пользовати себе же и инѣхъ, и въ церкви молитвоваше и поиде видѣти и благословити тружающихся братію во святыхъ службахъ страны монастырскія; пріиде же въ пекольницу, иже есть хлѣбня, и видѣ сего блаженнаго Іону уснувша отъ великаго воздержанія и отъ прилежнаго труда и молитвы непрестанныя и десную руку на главѣ своей держаше согбену, яко благословляше ею; святитель же со удивленіемъ зряше нань и не повелѣ никому разбудити его и пророчествуя о немъ глаголаше: ««разумѣйте, о чада, яко инокъ сей Іона будетъ великъ святитель во странахъ рускія земли и многи отъ невѣрныхъ обратитъ къ Богу и просвѣтитъ святымъ крещеніемъ и въ разумъ истинный приведетъ, наипаче же и сему царствующему граду Москвѣ и прочимъ градомъ многимъ и всѣмъ (весѣмъ?) истинный пастырь и учитель будетъ»». Такъ какъ св. Іона поставленъ въ епископы именно Фотіемъ и слѣдовательно—этотъ второй представляется пророчествующимъ о самомъ себѣ (о томъ, что́ самъ намѣревался сдѣлать), то

Даніилу въ 1527-мъ году, см. у *Горчакова* О земельныхъ владѣніяхъ. приложж. стр. 27 fin. (въ настоящее время мѣстомъ рожденія св. Іоны считается деревня Одноушево, находящаяся отъ Солигалича въ 9-ти верстахъ и отъ своего села, которое называется также Одноушевымъ и еще Вершками, въ одной верстѣ).

[1]) Въ «Отвѣщаніи любозазорнымъ», составляющемъ 10-ю главу духовной грамоты или монастырскаго устава.

[2]) Если только мы правильно понимаемъ житіе, въ которомъ сказано: «внимаше же божественныхъ книгъ писанію».

можно нѣсколько сомнѣваться въ достовѣрности пророчества [1]); равнымъ образомъ, можно сомнѣваться въ его достовѣрности и потому, что вмѣсто простаго предреченія св. Іонѣ митрополіи Фотій прямо могъ благословить его въ свои преемники. Тенденція сомнительнаго пророчества есть та, будто Іона, не получившій себѣ благословенія на митрополію отъ современнаго патріарха, имѣлъ нѣсколько предварительныхъ благословеній (патр. Іосифа и наше—Фотіево). Когда онъ поставленъ былъ митр. Фотіемъ въ епископы рязанскіе, остается неизвѣстнымъ; нѣкоторые утверждаютъ, что въ 1430-мъ году, но не указывая основаній [2]). Во время бытности епископомъ рязанскимъ, какъ свидѣтельствуетъ житіе, онъ обратилъ въ христіанство и крестилъ многихъ изъ инородцевъ, находившихся въ епархіи.

Поставленіе св. Іоны въ митрополиты своими русскими епископами, безъ дозволенія патріарха-уніата, несомнѣнно было такимъ дѣломъ, которому вполнѣ сочувствовало рѣшительное большинство русскаго духовенства и вообще всего русскаго общества. Однако, находились въ духовенствѣ и среди мірянъ отдѣльныя лица, которыя протестовали противъ этого посягательства на права патріарха. Преп. Іосифъ Волоколамскій сообщаетъ о своемъ учителѣ преп Пафнутіи Боровскомъ, что у него была брань съ Іоною митрополитомъ: сказали Іонѣ, что онъ — Пафнутій не велитъ звать его митрополитомъ, и что по жалобѣ Іоны великому князю «доспѣли тому дѣлу на Москвѣ по свидѣтельству священныхъ правилъ» [3]). Въ чудесахъ св. Іоны разсказывается, что нѣкій бояринъ, именемъ Василій, зовомый Кутузъ, невѣріе имѣлъ къ нему—митрополиту и не приходилъ къ нему и благословенія отъ него пріимать не требовалъ [4]). Наконецъ, и сказанія о благословеніи св. Іоны на митрополію патр. Іосифомъ и о пророчествѣ ему Фотіевомъ, можетъ быть, направлены отчасти противъ тѣхъ, которые не хотѣли признавать его митрополитомъ. Къ сожалѣнію, наши положительныя извѣстія о непризнаваніи

---

[1]) Авторъ житія, въ виду сейчасъ нами сказаннаго, дѣйствительно утверждаетъ, будто Іона поставленъ въ епископы послѣ смерти Фотія.

[2]) *Архим. Макарій* въ Сборникѣ церковно-историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о рязанской епархіи. М. 1863, стр. 104 fin..

[3]) Въ помянутомъ сейчасъ выше Отвѣщаніи любозазорнымъ и въ посланіи къ Ивану Ивановичу Третьякову (содержаніе котораго см. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-й года. № 8, Смѣси стр. 7).

[4]) Степенн. кн. II, 82. О бояринѣ Василѣ Өеодоровичѣ Кутузовѣ см. въ Никоновск. лѣт.—V, 213, и въ Софійскомъ Временникѣ Строева — II. 59.

его митрополитомъ весьма кратки и состоятъ только въ сейчасъ нами приведенномъ; между тѣмъ, очень любопытно было бы знать, какъ непризнававшіе, являя собою своеобразныхъ консерваторовъ или наоборотъ—своеобразныхъ либераловъ, доказывали обязанность Русскихъ не посягать на права патріарха-уніата или вообще что они имѣли и заявляли противъ признанія [1]).

Первою заботою св. Іоны послѣ занятія имъ каѳедры митрополіи было то, чтобы распространить свою власть на епископіи митрополіи, находившіяся во владѣніяхъ короля польскаго и вмѣстѣ великаго князя литовскаго Казимира [2]). Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ посланій литовскимъ епископамъ Іона говоритъ, что великій князь Василій Васильевичъ, собираясь ставить его въ митрополиты, обсылался съ Казимиромъ и что получилъ отъ послѣдняго грамоты съ изъявленіемъ его согласія [3]). Такъ какъ въ 1448-мъ году, когда поставленъ Іона, король польскій и великій князь московскій находились въ размирьѣ, то слова митрополита съ перваго взгляда возбуждаютъ сомнѣніе. Но, съ другой стороны, трудно допустить, чтобы онъ рѣшился говорить неправду епископамъ литовскимъ, которые точнымъ образомъ должны были знать дѣло, хотя посланіе писано и довольно много спустя времени послѣ событія (въ 1459—60 году). По извѣстію Никоновской лѣтописи, весной

---

[1]) Позднѣйшее похвальное слово св. Іонѣ, написанное при митр. Макаріи, говоритъ о причинѣ его гнѣва на Пафнутія иначе, а именно—что одинъ разъ онъ сдѣлалъ съ епископами какое-то церковное распоряженіе и что Пафнутій поступилъ въ своемъ монастырѣ вопреки распоряженію. По разсказу слова, когда Пафнутій, вызванный въ Москву митрополитомъ для объясненій, отвѣчалъ ему «негладостне и неподобательне, якоже подобаетъ гладостно и подобательно великовластнымъ глаголати», то митрополитъ «би его жезломъ своимъ»,—прибилъ его своимъ посохомъ, и приказалъ посадить въ темницу, изъ которой Пафнутій былъ освобожденъ, когда принесъ раскаяніе и испросилъ прощеніе,—ркп. Моск. Дух. Акад. изъ Волоколл. № 632. л. 180, см. также Опис. Сvнодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 261 л. 237, стр. 260 (печатн. кромѣ Розенкампфа, который указанъ въ Описаніи, еще у *Калачова* въ статьѣ «О значеніи Кормчей», приложж. стр. 4, п. 8).

[2]) При Ягеллѣ, который былъ выбранъ изъ великихъ князей литовскихъ въ короли польскіе въ 1386-мъ году, и при его преемникѣ Владиславѣ Варнскомъ великіе князья литовскіе были отдѣльные отъ королей (Скиргайло, Витовтъ, Свитригайло, Сигизмундъ и нашъ Казимиръ); но Казимиръ, преемникъ Владислава, выбранный изъ великихъ князей литовскихъ, ставъ королемъ, остался вмѣстѣ и великимъ княземъ.

[3]) У *преосв. Макарія* VI, 362, у *Павл.* въ Памм. col. 647.

1448-го года былъ въ Москвѣ посолъ Казимировъ [1]), приходившій, какъ нужно думать, для переговоровъ о мирѣ. А это обстоятельство указываетъ на возможность того, чтобы Казимиръ дѣйствительно изъявилъ свое согласіе на поставленіе Іоны въ митрополиты. Какъ бы то ни было, но епархіи русскія, находившіяся во владѣніяхъ Казимира, не были отданы въ завѣдываніе Іоны тотчасъ же, какъ онъ былъ поставленъ, и онъ долженъ былъ хлопотать объ этомъ и успѣлъ достигнуть этого не совсѣмъ сполна. Спустя 8-мь съ половиною мѣсяцевъ послѣ его поставленія въ митрополиты, 31-го Августа 1449-го года, между королемъ польскимъ и великимъ княземъ московскимъ состоялся мирный договоръ, при чемъ онъ съ своей стороны, какъ кажется, принималъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе [2]). Вскорѣ послѣ заключенія договора король присылалъ въ Москву своего посла, вѣроятно, по поводу исполненія договорныхъ статей и обращался съ просьбою къ нему—митрополиту, чтобы онъ содѣйствовалъ укрѣпленію прочной дружбы между нимъ—королемъ и великимъ княземъ [3]). Пользуясь своимъ вліяніемъ на государственныя дѣла, митрополитъ и старался вести себя такъ, чтобы заслужить благоволеніе Казимира [4]) (подразумѣвается: насколько это было возможно безъ вреда интересамъ московскаго великаго князя). Въ тоже время онъ писалъ посланія къ православнымъ, находящимся во владѣніяхъ Казимира, въ которыхъ убѣждалъ ихъ содѣйствовать возсоединенію всей русской митрополіи подъ властью одного главы—его митрополита; такъ, извѣстны его посланія: 1) ко всѣмъ князьямъ и панамъ и боярамъ и намѣстникамъ и воеводамъ и всему купно литовско-галицкому христоименитому людству, дошедшее до насъ въ отрывкѣ [5]), и 2) къ кіевскому князю Александру Владимировичу, который, какъ мы говорили, былъ женатъ на сестрѣ вел. кн. Василья Васильевича и былъ между литовскими православными князьями чело-

---

[1]) V, 215.

[2]) Договорная грамота въ Актахъ Западн. Россіи, т. I, № 50. Въ ней между прочимъ постановляется, чтобы въ случаѣ споровъ между подручниками короля и великаго князя митрополитъ былъ третейскимъ судьей,—стр. 64, col. 1.

[3]) См. посланіе Іоны къ Казимиру въ Акт. Экспед., т. I, № 49.

[4]) См. ibid.

[5]) Въ Акт. Ист., т. I № 43, и у *Павл.* въ Памм. № 64 (Разъединеніе двухъ слитыхъ въ одно мѣсто посланій—у послѣдняго. Бояринъ, съ которымъ было отправлено посланіе, вѣроятно, есть тотъ митрополичій дьякъ Василій Карло, который посланъ былъ къ королю).

вѣкъ весьма влiятельный [1]). Въ непродолжительномъ времени св. Іона, вѣроятно—благодаря главнымъ образомъ содѣйствiю сейчасъ названнаго князя Александра Владимировича, успѣлъ достигнуть своихъ старанiй, однако, какъ мы сказали, не совершенно сполна. Грамотой отъ 31-го Января 1451-го года, данной въ Вильнѣ, Казимиръ вручаетъ Іонѣ «столецъ митрополичь кiевскый и всея Руси, какъ первiе было по установленiю и обычаю рускаго христiаньства», но разумѣя подъ стольцомъ кiевскимъ и всея Руси часть митрополiи литовскую безъ части галицкой [2]). Власть короля польскаго въ Литвѣ и Галицiи была совершенно различная: Литва была особое отъ Польши государство съ своими особыми правами, только династически соединенное съ нею въ лицѣ государя; напротивъ Галицiя была собственная и настоящая часть Польши, поелику была завоевана Поляками. Нужно думать, что какъ великiй князь литовскiй Казимиръ не нашелъ возможнымъ противиться желанiю православнаго населенiя княжества быть подъ однимъ церковнымъ главою съ Москвой и отдалъ княжество Іонѣ; но въ Галицiи для него ничего не могло значить желанiе населенiя послѣдней и нужно думать, что онъ не отдалъ ея Іонѣ по настоянiямъ своего латинскаго духовенства, которое хотѣло оставить ее за Исидоромъ, какъ номинальную каѳедру послѣдняго, и во всякомъ случаѣ свободною отъ церковной власти Москвы. Получивъ отъ короля въ свою власть Литву, Іона старался получить отъ него и Галицiю; но въ этомъ случаѣ его старанiя оказались напрасными [3]).

Получивъ въ свою власть литовско-русскiя епархiи, св. Іона увидѣлъ себя обязаннымъ произвести здѣсь нѣкоторое очищенiе отъ за-

---

[1]) Посланiе въ Акт. Ист, т. I № 47, и у *Павлова* № 66. Митрополитъ сообщаетъ князю, что король писалъ до него свой листъ съ великимъ своимъ жалованiемъ и что хочетъ Божьей церкви церковная оправданiя вся учинити по старинѣ. Но вѣроятно, что обѣщанiе короля, сопровождавшее его просьбу къ митрополиту, было не особенно рѣшительно; иначе онъ—митрополитъ не имѣлъ бы нужды писать своихъ сейчасъ указанныхъ посланiй.

[2]) Грамота въ Акт. Ист., т. I № 42, и у *Павлова* № 67. Князь Александръ Владимировичъ присутствовалъ при написанiи грамоты и упоминается въ числѣ свидѣтелей (вторымъ послѣ Свидригайла, который, вѣроятно, также стоялъ за подчиненiе православной Литвы въ церковномъ отношенiи Москвѣ).

[3]) Просьба Іоны къ Казимиру о Галицiи въ Акт. Ист. т. I, № 260, и у *Павлова* № 68. Что она не была отдана ему, видно изъ того, что—когда съ 1459-го года явился въ Польшѣ митрополитъ—унiатъ Григорiй, то изъ Москвы обращаемы были убѣжденiя хранить вѣрность ему—Іонѣ только къ епископамъ литовскимъ безъ галицкихъ.—Акт. Ист., т. I № 272, и у *Павлова* № 84.

разы исидоризма и вообще уніатизма. Мы говорили выше, что во время небытности на Москвѣ митрополита одинъ изъ литовскихъ епископовъ, именно—Даніилъ владимірскій и берестейскій, ходилъ для посвященія въ Константинополь къ патріарху-уніату Григорію Маммѣ и что въ Константинополѣ онъ посвященъ былъ находившимся въ то время тамъ Исидоромъ. Этого-то епископа, который при своемъ посвященіи далъ Исидору исповѣданіе по его волѣ, и заставилъ св. Іона, вскорѣ послѣ того, какъ сталъ его начальникомъ, совершить передъ собою формальное отреченіе отъ своего посвятителя, отъ исповѣданія даннаго ему при посвященіи, отъ самаго посвященія и вообще отъ собора Флорентійскаго и отъ уніи. Для сей цѣли Даніилъ былъ вызванъ въ Москву и здѣсь, совершивъ передъ митрополитомъ отреченіе и утвердивъ его своимъ поданнымъ рукописаніемъ [1]), получилъ отъ него прощеніе и благословеніе (Митрополитъ дозволяетъ Даніилу сказать въ рукописаніи въ свое оправданіе, будто онъ не разумѣлъ, «что тотъ Исидоръ митрополитъ сходатай и споспѣшникъ былъ оному латинскому, еже во Флоренціи бывшему, осмому собору». За трудъ пріѣзда въ Москву св. Іона предоставляетъ епископу, по его просьбѣ, посвященіе ставленниковъ изъ своихъ намѣстничествъ кіевскаго и новогродскаго или литовскаго, что̀ составляло тогда одну изъ статей архіерейскихъ доходовъ).

Св. Іона занималъ каѳедру митрополіи въ продолженіе 12-ти лѣтъ и 3-хъ съ половиной мѣсяцевъ [2]).

Первымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единственно извѣстнымъ намъ, церковно-правительственнымъ его дѣломъ было торжественное причтеніе къ лику святыхъ или торжественная канонизація митр. Алексія. Въ началѣ 1431-го года, составлявшаго послѣдній годъ правленія митр. Фотія, въ Чудовомъ монастырѣ обвалился верхъ церкви, которая была построена митр. Алексіемъ и въ которой было погребено его тѣло. Когда по разобраніи старой церкви начали копать ровъ для фундамента новой, обрѣли нетлѣннымъ тѣло святителя, почему и изнесли его на поверхность земли [3]). Торжественное празднованіе памяти вновь прославленнаго Богомъ Его угодника и поспѣшилъ установить митр.

---

[1]) Рукописаніе Даніила отъ 28-го Октября 1451-го года и прощальная ему грамота Іоны у *преосв. Макарія* VI, 369, въ Акт. Ист. т. I № 52, въ Памм. *Павлова* № 72.

[2]) Въ Степенной книгѣ, II. 87 fin., ошибочно—пяти съ половиной мѣсяцевъ.

[3]) Никон. лѣт. IV, 65 fin.

Іона, чтобы имѣть его нарочитыя молитвы за себя и за русскую церковь при не совсѣмъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ какъ своихъ собственныхъ, такъ и вообще церковныхъ. Епископу пермскому Питириму, который до епископства былъ архимандритомъ чудовскимъ и который присутствовалъ въ Москвѣ на соборѣ, избиравшемъ и ставившемъ Іону въ митрополиты, поручено было написать житіе св. Алексія и службу ему и послѣ соборнаго одобренія послѣдней было установлено ему двукратное въ году празднованіе—12-го Февраля, въ день преставленія, и 20-го Мая, въ день обрѣтенія мощей [1]).

Памятниками церковно-правительственныхъ заботъ св. Іоны служатъ сохранившіяся до настоящаго времени его учительныя грамоты, которыхъ извѣстно въ печати: двѣ на Вятку, двѣ въ Новгородъ и одна во Псковъ.

Вятка, новгородская колонія въ землѣ Вотяковъ, основанная во второй половинѣ XII вѣка, до тридцатыхъ годовъ XV вѣка представляла изъ себя маленькую республиканскую общину, которая была совершенно ни отъ кого не зависима, въ томъ числѣ и отъ своей метрополіи—Новгорода. Передъ 1434-мъ годомъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, Вятчане признали надъ собой бóльшее или меньшее сюзеренство галичскаго князя Юрья Дмитріевича, которому они помогали въ его борьбѣ съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Васильевичемъ [2]). Въ 1458—59 году посылалъ на нихъ свои войска этотъ послѣдній и они признали себя до нѣкоторой степени данниками Москвы [3]). Въ отношеніи церковномъ Вятка представляетъ изъ себя то чрезвычайно любопытное явленіе, что въ смыслѣ административномъ она находилась такъ сказать внѣ русской церкви: вольная община имѣла у себя священниковъ, которыхъ получала и доставала изъ сосѣдней Руси, но не состояла подъ властію никакого русскаго епископа. Такое исключительное церковное положеніе имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что Вятчане были христіанами болѣе по имени, чѣмъ на дѣлѣ. Въ

---

[1]) См. у *Ключевскаго* въ Древне-русскихъ житіяхъ, стр. 134, также въ Опис. сѵнодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 410 л. 410 об., стр. 442 fin..

[2]) Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Юрій Дмитріевичъ († 19-го Августа 1434-го года) оставляетъ Вятку съ городами и съ волостьми въ общее владѣніе своихъ сыновей,—Собр. грамм. и договв. I. 106 col. 1.

[3]) Софійск. 2-я лѣтоп. въ Собр. лѣтт. VI, 181. Говорится, что Вятчане добили челомъ великому князю на всей его воли, какъ ему надобѣ. Можетъ быть, на словахъ Вятчане и дѣйствительно отдались во всю волю великаго князя, но этого вовсе не было на дѣлѣ.

то время священники въ своемъ огромномъ большинствѣ были очень плохими пастырями даже и тамъ, гдѣ они находились подъ надзоромъ епископовъ, тѣмъ болѣе они долженствовали быть крайне плохими пастырями на Вяткѣ, гдѣ не было надъ ними никакого надзора и гдѣ они были совершенно сами о себѣ. И это тѣмъ болѣе, что самый составъ священства, какъ необходимо думать, былъ здѣсь крайне недоброкачественный,—что вмѣстѣ со священниками законными приходили сюда изъ Россіи священники запрещенные и даже священники-самозванцы [1]). Крайне плохая христіанская жизнь Вятчанъ и была поводомъ, по которому Іона писалъ свои грамоты на Вятку, сохранившіяся до настоящаго времени. Впрочемъ, одна изъ двухъ сохранившихся грамотъ написана не столько по поводу прямо церковному, сколько государственному. Прежде чѣмъ признать себя данниками великаго князя, Вятчане, несмотря на многократныя къ нему крестныя цѣлованія о мирѣ, дѣлали непрестанные набѣги на ближайшія къ себѣ его владѣнія съ цѣлію грабежей; въ неизвѣстномъ году они сдѣлали набѣгъ на Сысолу, Вымь и Вычегду, при чемъ множество жителей самымъ варварскимъ образомъ избили, а до полуторыхъ тысячъ увели въ плѣнъ: этотъ случай и былъ поводомъ къ написанію грамоты. На Вятку, тогда еще не состоявшую ни подъ чьей церковно-административной властью, митрополитъ отправилъ грамоту къ тамошнимъ воеводамъ земскимъ, ватаманамъ и всѣмъ жителямъ съ своимъ игуменомъ и въ грамотѣ убѣждалъ ихъ перестать отъ ихъ грабительскихъ набѣговъ и возвратить плѣнныхъ и церковныя вещи, захваченныхъ и награбленныя ими въ послѣдній набѣгъ, грозя имъ въ противномъ случаѣ отлученіемъ отъ милости Божіей и своего благословенія въ сей вѣкъ и будущій. Вмѣстѣ съ грамотой ко всѣмъ жителямъ, митрополитъ послалъ частную грамоту къ священникамъ, въ которой убѣждаетъ послѣднихъ отвращать гражданъ отъ клятвопреступленія и отъ помянутыхъ набѣговъ, а также и вообще укоряетъ и обличаетъ ихъ за крайне плохое пастырство. «Не знаю,—говоритъ св. Іона священникамъ,—какъ назвать васъ священниками, (ибо не извѣстно) отъ кого вы имѣете поставленіе и рукоположеніе...; евангельскихъ и апостольскихъ поученій сами не требуете и живя небрежливо сами идете въ погибель..., и души христіанскія препущаете въ вѣчную муку, не наказуя ихъ и не

[1]) Кажется, не только на первое, но и на второе намекаетъ Іона, когда говоритъ: «а нынѣ слышахомъ, что недостойни суще великаго Божія священства, да оболкъшеся въ безстудіе священствуютъ, и таковіи суть горши еретиковъ»,—Акт. Ист. т. I, стр. 498 col. 2, у *Павлова* col. 606.

унимая отъ злаго житія»... Помимо того, что̀ послужило собственнымъ поводомъ къ написанію грамоты, митрополитъ прямо укоряетъ вятское духовенство за одинъ недостатокъ христіанской жизни Вятчанъ, это: «тамошніе ваши духовные дѣти живутъ незаконно, женясь по пяти разъ, по шести и по семи, а вы ихъ благословляете и приношенія отъ нихъ принимаете, что̀ есть Богу мерзко»... [1]). Другая сохранившаяся грамота на Вятку писана св. Іоною, когда Вятчане признали надъ собою власть великаго князя, когда въ церковно-административномъ отношеніи они стали подчинены ему—митрополиту и когда онъ для завѣдыванія ими послалъ къ нимъ своего десятинника. Бывъ адресована къ боярамъ, воеводамъ, ватаманамъ и всѣмъ христіанамъ вятскимъ, грамота раздѣляется на двѣ половины, изъ которыхъ первая обращена къ мірянамъ, вторая—къ духовенству. Въ первой половинѣ митрополитъ укоряетъ Вятчанъ за ихъ плохую христіанскую жизнь, при чемъ въ частности указываетъ на брачныя сожитія безъ церковнаго вѣнчанія, на вступленіе въ бракъ въ четвертый, пятый разъ и до десятаго, и на то, что иные чернцы разстригаются и вступаютъ въ браки,—увѣщеваетъ исправиться отъ ихъ пороковъ и не препятствовать, но содѣйствовать посланному десятиннику въ искорененіи этихъ послѣднихъ; дѣлая общій отзывъ о христіанской жизни Вятчанъ митрополитъ говоритъ: «се слышаніе мое, сынове, что деи тамъ въ вотчинѣ сына моего великаго князя у васъ на Вяткѣ чинится Богу сопротивныхъ и ненавистныхъ дѣлъ велми много къ крестьянской погибели»... Во второй половинѣ грамоты митрополитъ обращается къ вятскимъ священникамъ съ своимъ увѣщаніемъ и моленіемъ, чтобы они смотрѣніе великое имѣли преже о себѣ, такоже и о Христовѣ паствѣ, т. е. чтобы они были пастырями сколько нибудь достойными своего званія [2]).

Двѣ сохранившіяся грамоты въ Новгородъ, писанныя одновременно, адресованы: одна архіепископу Евѳимію, другая всѣмъ тамошнимъ христіанамъ или гражданамъ. Предметъ обѣихъ грамотъ—чрезмѣрная страсть Новгородцевъ къ кулачнымъ или то́чнѣе—палочнымъ боямъ, имѣвшая своимъ слѣдствіемъ вражду между гражданами и приводившая къ кровопролитіямъ и убійствамъ, о чемъ мы говорили выше, излагая дѣянія владимирскаго собора 1274-го года. Архіепископа, учительно и довольно пространно напоминая ему объ обязанности пастырей пещися о пасомыхъ, митрополитъ убѣждаетъ—и самому лично и

---

[1]) Грамота въ Акт. Ист. т. 1, № 261, и въ Памм. *Павл.* № 73.

[2]) Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 267, и въ Памм. *Павл.* № 77.

черезъ священниковъ стараться о совершенномъ «истребленіи» между его духовными дѣтьми ихъ пагубной страсти; самихъ Новгородцевъ митрополитъ непосредственно увѣщеваетъ къ тому же, простирая къ нимъ учительную рѣчь о ярости, блаженномъ покаяніи, послушаніи и преслушаніи. Такъ какъ архіепископъ новгородскій и новгородскіе граждане представляли изъ себя людей исключительныхъ въ русскомъ христіанскомъ обществѣ, людей особенно и щекотливо гонорныхъ, то въ обѣихъ грамотахъ митрополитъ старается говорить съ нарочитою мягкостію, явно заботясь о томъ, чтобы уча людей не произвести въ нихъ раздраженія. По своему складу грамоты должны быть признаны очень хорошо составленными; только во второй изъ нихъ поученіе объ ярости и пр. не совсѣмъ ясно связывается съ главнымъ предметомъ рѣчи [1]).

Сохранившаяся грамота св. Іоны во Псковъ главнымъ образомъ касается дѣлъ земскихъ и только отчасти есть писаніе въ собственномъ смыслѣ пастырски-учительное. Псковичи присылали своихъ пословъ къ великому князю и просили митрополита быть за нихъ ходатаемъ предъ послѣднимъ. Митрополитъ, извѣщая Псковичей, что онъ по своему святительскому долгу говорилъ за нихъ государю «колико мощно», и изъявляя имъ свою готовность дѣлать тоже и впредь, убѣждаетъ ихъ твердо стоять на всемъ томъ, въ чемъ они уреклись съ великимъ княземъ. За симъ онъ простираетъ къ нимъ и рѣчи собственно церковныя: убѣждаетъ ихъ, чтобы у нихъ никакоже не было разногласія въ церквахъ Божіихъ и въ православной христіанской вѣрѣ и дѣлаетъ общее воспоминаніе священникамъ, дабы о своемъ священствѣ, колико мощно, и о своей паствѣ всегдашнее попеченіе имѣли [2]). Что разумѣть

---

[1]) Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 44, въ Памм. *Павл.* № 65.

[2]) Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 60, и въ Памм. *Павл.* № 90. Г. Павловъ относитъ грамоту къ 1461-му году; но на томъ же самомъ основаніи, которое у него, ее можно относить ко времени до 1453-го года, см. Акт. Ист. т. I, № 53. Къ нашему разряду грамотъ могутъ быть отнесены еще двѣ извѣстныя грамоты Іоны: 1) въ нижегородскій Печерскій монастырь о соблюденіи иноческихъ обѣтовъ и съ извѣстіемъ о поставленіи іеромонаха Павла въ архимандриты монастыря, отъ 11-го Марта 1433-го года, когда Іона былъ нареченнымъ на митрополію.—Акт. Ист. т. I, № 37, у *Павл.* № 61: 2) въ Боголюбовъ монастырь о послушаніи братіи игумену и о соблюденіи иноческихъ обѣтовъ.—Акт. Ист. т. I, № 265, у *Павлова* 75; а также отчасти и еще три грамоты: 1) дѣтямъ не повинующимся своей матери (какимъ-то княгьямъ),—Дополн. къ Акт. Ист. т. I. № 11, 2) князю Юрію Семеновичу—Лугвеневичу по случаю смерти его княгини.—Акт. Ист. т. I. № 46, и 3) прихожанамъ какой-то церкви о повиновеніи духовному отцу.—у *Павл.* № 130.

подъ разногласіемъ въ церквахъ Божіихъ и въ православной вѣрѣ, прекратить которое убѣждаетъ митрополитъ Псковичей, остается положительно неизвѣстнымъ; но, по всей вѣроятности,—споры о пѣсни аллилуія, которые происходили тогда во Псковѣ и о которыхъ мы скажемъ ниже.

(Въ рукописяхъ бывшихъ Царскаго читается остающееся ненапечатаннымъ и, можетъ быть, сюда относящееся краткое посланіе «ко княземъ, коли пойдутъ на поганыхъ за святыя Божіи церкви и за все православное христіанство» [1]).

Объ отношеніяхъ св. Іоны къ литовской части его митрополіи мы знаемъ только то, что онъ нѣсколько разъ посѣщалъ ее. Въ первый разъ онъ былъ въ Литвѣ въ началѣ 1451-го года, чробы принять отъ короля польскаго власть надъ здѣшними епископіями [2]); о времени послѣдующихъ его путешествій ничего неизвѣстно. Въ своемъ посланіи къ литовско-русскимъ епископамъ по случаю появленія у нихъ митрополита-уніата Григорія онъ говоритъ о своихъ посѣщеніяхъ Литвы: «и бывалъ паки есмь (послѣ 1451-го года) не одинова тамо, управленія ради святыя церкви, а не богатства дѣля злата, ни сребра, ни возмездія ради почести, якоже онъ прежде бывшій Сидоръ, грабитель и врагъ церковный» [3])...

Въ правленіе св. Іоны имѣлъ мѣсто одинъ случай нарушенія однимъ епископомъ принятаго у насъ тогда устава о постѣ, который показываетъ, какую необыкновенную важность придавали у насъ тогда соблюденію уставныхъ правилъ о постѣ. Въ 1455-мъ году навечеріе Богоявленія Господня случилось въ воскресенье, и архіепископъ ростовскій Θеодосій распорядился, чтобы по отпѣтіи литургіи и вечерни монахи ѣли сыръ, молоко и рыбу, а міряне—мясо, между тѣмъ какъ принятой тогда у насъ уставъ о постахъ гласилъ: «аще прилучится навечеріе Рождества Христова или Богоявленія Господня въ суботу или въ недѣлю, то не повелѣнно вамъ инокомъ разрѣшити на сыръ и

---

[1]) № 412, л. 25—26, Опис. стр. 500.

[2]) Въ посланіи къ князю Александру Владимировичу, которое указано выше, св. Іона даетъ знать, что это первое путешествіе онъ предпринялъ по желанію короля. 9-го Февраля 1451-го года имъ дана одна грамота въ Новогродкѣ литовскомъ.—Акт. Ист. т. I, № 48, у *Павл.* № 69. Изъ словъ самого Іоны знаемъ, что онъ былъ этотъ разъ въ Кіевѣ и здѣсь въ своемъ каѳедральномъ Софійскомъ храмѣ совершалъ торжественное «соборованіе»,—см. посланіе, цитуемое въ слѣдующемъ примѣчаніи.

[3]) *У преосв. Макарія* VI, 364, *у Павл.* col. 649.

рыбу, а мірьскимъ на мясо, но повелѣнно по отпущеніи литургія нѣчто мало причаститися скудно отъ пища, по вечернѣмъ же отпущеніи ясти совершенно, но постное ядеіне, а не сыръ, ни рыбу, ни мірьстіи человѣци—мясо» [1]). Нарушеніе принятаго устава, допущенное архіепископомъ, который руководился тѣмъ, что въ день недѣльный не полагается поста (апост. пр. 64 и Гангрск. соб. пр. 18), [2] митрополитъ нашелъ столько важнымъ, что хотѣлъ было снять съ него санъ, и не сдѣлалъ этого только уступая печалованію за него великой княгини [3]). На архіепископа былъ созванъ митрополитомъ соборъ, на которомъ присутствовалъ и великій князь съ своимъ синклитомъ, и на соборѣ Ѳеодосій принесъ смиреннѣйшее и слёзное покаяніе въ своемъ зломъ грѣхѣ и своемъ преступленіи, проклиная сотворенное имъ новоначальство и давъ обѣщаніе твердо содержать преданныя церкви правила и узаконоположенныя писанія [4]).

Сохранилась одна грамота св. Іоны, касающаяся обереженія имъ своихъ преимуществъ, какъ митрополита. Полоцкій епископъ Сумеонъ прислалъ ему свой листъ о чемъ-то и назвалъ его въ послѣднемъ не отцомъ своимъ, какъ надлежало, а своимъ братомъ. Св. Іона не пропустилъ этого даромъ и безъ вниманія, но написалъ епископу нашу грамоту, въ которой дѣлаетъ ему достаточно строгій выговоръ за нарушеніе долга подчиненности [5]). Намъ, впрочемъ, не думается, чтобы на основаніи этого случая должно было дѣлать какія нибудь заключенія о личномъ характерѣ св. Іоны. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и всякій другой митрополитъ поступилъ бы также, какъ поступилъ онъ.

---

[1]) Въ покаянной грамотѣ Ѳеодосія, которую указываемъ сейчасъ (cfr въ Собр. лѣтт. VI. 234, дѣло архим. Геннадія).

[2]) Очень можетъ быть, что Ѳеодосій руководился еще посланіемъ митр. Фотія во Псковъ отъ 12-го Августа 1419-го года, въ которомъ пишется: «аще случится навечеріе Рождества Христова или Богоявленія въ суботу или въ недѣлю, постъ не бываетъ» (въ Памм. *Павл.* col. 414), но что объ его ссылкѣ на это руководство, признававшееся Іоною неуважительнымъ, намѣреннымъ образомъ умолчено. Къ рѣчамъ о тѣхъ выводахъ, которые могутъ быть дѣлаемы изъ этого предположенія, возвратимся послѣ.

[3]) Которая, по весьма неожиданному и весьма любопытному сообщенію 2-й Софійской лѣтописи, взяла на себя предстательство вовсе не даромъ: «митрополитъ хотѣ сняти санъ съ него, княгини же великая отпечаловала его у митрополита, а взя у него село Петровское отъ печалованія»,—Собр. лѣтт. VI, 181.

[4]) Покаянная грамота Ѳеодосія въ Акт. Ист. т. I, № 57, и у *Павл.* въ Памм. № 74.

[5]) Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 268, и у *Павл.* въ Памм. № 78.

Участіе св. Іоны въ дѣлахъ государственныхъ началось еще прежде занятія имъ каѳедры митрополіи съ того времени, какъ на престолъ великокняжескій сѣлъ Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, отнявъ его у Василья Васильевича. 13-го Февраля 1446-го года Шемяка съ своимъ союзникомъ Иваномъ Можайскимъ захватилъ Василія въ плѣнъ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ и ослѣпивъ послалъ въ заточеніе въ Угличъ; но при этомъ сыновья Василіевы были спасены преданными ему боярами и увезены въ Муромъ. Желая получить въ свои руки спасшихся княжичей, Шемяка призвалъ изъ Рязани въ Москву св. Іону и обѣщая ему митрополію началъ просить его, чтобы онъ шелъ въ свою епископію—въ Муромъ и взялъ бы тамъ у бояръ сыновей Василіевыхъ на свою епитрахиль, при чемъ увѣрялъ, что онъ радъ ихъ жаловать,—что и отца ихъ выпуститъ на волю и всѣмъ имъ дастъ вотчину довольную. Когда св. Іона дѣйствительно привезъ въ Москву изъ Мурома сыновей Василіевыхъ, отданныхъ ему боярами въ соборной церкви изъ пелены Божіей Матери на епитрахиль, Шемяка измѣнилъ своему слову и съ самимъ же посредникомъ отправилъ княжичей въ заточеніе къ ихъ отцу въ Угличъ. Тогда св. Іона, сильно и непрестанно укоряя Шемяку, что онъ учинилъ неправду и его—епископа ввелъ въ грѣхъ, убѣждалъ его выпустить Василія съ дѣтьми на свободу, а чтобы обезопасить себя отъ него, предлагалъ укрѣпить его крестомъ честнымъ и владыками [1]). Сейчасъ представленное нами поведеніе св. Іоны можетъ показаться небезъукоризненнымъ. Но, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ преосв. Платонъ въ своей Исторіи русской церкви [2]), лучшимъ оправданіемъ для него служитъ то, что самъ Василій Васильевичъ, компетентнѣйшій судья въ дѣлѣ, не питалъ на него ни малѣйшаго гнѣва, не находя въ его поведеніи по отношенію къ себѣ ничего предосудительнаго. Чтобы нисколько не удивляться этому, мы должны припомнить себѣ, что Шемяка, отнявшій великокняжескій престолъ у Василія, вовсе не былъ человѣкъ, не имѣвшій на престолъ никакого права,—что тутъ между двумя соперниками шла тяжба о правахъ спорныхъ [3]), которую могли рѣшить только сила и перевѣсъ симпатій жителей великаго княженія (собственно московскихъ бояръ и людей служилыхъ). Поставленный Васильемъ Васильевичемъ въ митрополиты, св. Іона, сколько знаемъ, принималъ дѣятель-

---

[1]) Никон. лѣт. V, 207 sqq.

[2]) Т. I, стр. 313—314.

[3]) Cfr *Соловьева* Ист. т. IV, изд. 4 стр. 51 (т. III того же изд. стр. 371).

ное участіе въ дѣлахъ государственныхъ и былъ такимъ же совѣтникомъ великаго князя, какъ и его предшественники на каѳедрѣ митрополіи. Такъ, король польскій, приславъ въ Москву своихъ пословъ для докончанія мирнаго договора, просилъ митрополита, чтобы онъ своимъ участіемъ содѣйствовалъ успѣху посольства [1]; Псковичи, присылавшіе къ великому князю пословъ, били челомъ митрополиту, чтобы онъ былъ ходатаемъ за нихъ предъ государемъ [2]. Что государственное значеніе и государственный авторитетъ митрополита еще сохраняли при Іонѣ всю свою силу, видно изъ того, что Шемяка и Иванъ Можайскій въ своемъ договорѣ съ Василіемъ Васильевичемъ 1447-го года просятъ его, чтобы онъ не вызывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ ней митрополита, который одинъ могъ дать имъ ручательство въ безопасности [3], и что въ договорахъ Василья Васильевича съ королемъ польскимъ и съ великимъ княземъ рязанскимъ нѣкоторыя спорныя дѣла предоставляются третейскому суду митрополита [4]. Послѣ того, какъ Василій Васильевичъ согналъ Шемяку съ захваченнаго было имъ великокняжескаго престола, св. Іона принималъ самое дѣятельное участіе въ его дальнѣйшей семилѣтней борьбѣ съ послѣднимъ [5]. Когда еще онъ былъ нареченнымъ митрополитомъ, въ Декабрѣ 1447-го года была написана къ Шемякѣ увѣщательная грамота отъ лица всѣхъ епископовъ и всего духовенства, чтобы онъ исправился во всемъ къ великому князю по своимъ договорнымъ съ нимъ грамотамъ и чтобы, переставъ карамолить противъ него, искренно къ нему покаялся, съ угрозою—быть подвергнутымъ въ противномъ случаѣ церковному отлученію [6]. Когда сталъ митополитомъ, св. Іона писалъ увѣщательную грамоту къ какимъ-то неизвѣстнымъ доброжелателямъ Шемяки, можетъ быть—къ Новгородцамъ, которые были съ Шемякой въ союзѣ и давали ему у себя убѣжище, а можетъ быть—къ Вятчанамъ или Устюжанамъ, грозя имъ, въ случаѣ ихъ нераскаянности къ великому князю, тѣмъ же церковнымъ отлученіемъ и затвореніемъ въ ихъ землѣ всѣхъ

---

[1]) Акт. Эксп. т. I, № 49.

[2]) См. выше.

[3]) *Соловьева* Ист. т. IV, 4-го изд. стр. 76 sub fin. (Новгородскіе послы просили опасныхъ грамотъ у великаго князя и у митрополита,—Акт. Ист. т. I, № 53).

[4]) Акты Западн. Росс. т. I, стр. 64 col. 1, Собр. грамм. и договв. I, 144.

[5]) Москва отнята была у Шемяки въ Рождество Христово 1446-го года; умеръ онъ въ Новгородѣ въ Іюлѣ 1453-го года.

[6]) Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 40.

храмовъ [1]). За симъ, въ одной сохранившейся грамотѣ къ новгородскому архіепископу Евѳимію о Шемякѣ онъ свидѣтельствуетъ, что имѣлъ съ Новгородцами по дѣлу послѣдняго многократнѣйшія сношенія [2]). Писалъ онъ грамоты и противъ союзника Шемяки князя Ивана Можайскаго [3]).

Въ продолженіе десяти лѣтъ св. Іона управлялъ русской митрополіей въ составѣ епархій московскихъ и. литовскихъ. Но въ половинѣ 1458-го года была отторгнута отъ его власти литовская половина митрополіи, каковое отторженіе не было на сей разъ кратковременнымъ, а повело къ тому, что московская и кіевская половины Руси весьма на долгія времена раздѣлились между собою въ церковно-административномъ отношеніи.

Исидоръ былъ осужденъ и низложенъ въ Москвѣ и бѣжалъ въ Римъ къ папѣ. Но понятно, что въ Римѣ не признавали московскаго приговора и что для папы онъ—Исидоръ былъ незаконно лишенный своей каѳедры митрополитъ русскій. Не могъ папа помышлять о томъ, чтобы возстановить его на московской части его митрополіи, но очень могъ помышлять о томъ, чтобы возстановить на литовско-галицкой части, находившейся подъ властью короля польскаго. Однако и здѣсь обстоятельства довольно долгое время не благопріятствовали папамъ. Въ правленіе короля Казимира Поляки и Литовцы были въ постоянной сильной враждѣ между собою, такъ что доходило даже до мысли прервать династическую связь между обоими государствами, и Казимиръ съ своей стороны тянулъ болѣе къ Литвѣ (изъ великихъ князей которой онъ выбранъ былъ въ короли), чѣмъ къ Польшѣ [4]). Вслѣдствіе этого католическое польское вліяніе было въ Литвѣ очень слабо. Мы видѣли выше, что передъ поставленіемъ Іоны въ митрополиты Исидоръ имѣлъ было намѣреніе возвратиться въ литовскую Русь; но московскимъ стараніямъ въ Литвѣ удалось достигнуть не только того, чтобы онъ отложилъ свое намѣреніе, а чтобы и поставленный въ Москвѣ Іона былъ признанъ литовскими Русскими за своего митрополита. Папы по своему обычаю все

---

[1]) Грамота сохранилась безъ начала, бывъ слита съ другою грамотою.—Акт. Ист. т. I, № 43 (начинается на стр. 87. col. 1 нач.: «Вѣдаете, сынове, что какъ ся стало»...), и у *Павлова* № 64 (гдѣ начинается—отмѣчено).

[2]) Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 53. (Еще другая, не напечатанная. грамота къ Евѳимію о Шемякѣ.—Царск. № 366. л. 198. Опис. стр. 366).

[3]) Грамота объ Иванѣ Можайскомъ къ смоленскому епископу Мисаилу въ Акт. Ист. т. I. № 56.

[4]) Исторія государства Польскаго *Бандтке* въ русск. перев., II. 42 sqq.

таки не унывали и успѣли наконецъ добиться своего. Третьему послѣ Евгенія IV папѣ Каллисту III удалось въ 1458-мъ году достигнуть, чтобы Казиміръ согласился отнять у Іоны литовскія русскія епископіи и принять на нихъ митрополита-уніата. Такъ какъ Исидоръ въ 1458-мъ году находился, вѣроятно, уже въ преклонной старости (умеръ 27-го Апрѣля 1463-го года), то онъ на этотъ разъ не захотѣлъ ѣхать въ Литву и отказался папѣ отъ своихъ на нее правъ. Въ своей воображаемой власти надъ русской митрополіей папа раздѣлилъ ее на двѣ половины—московскую и литовско-галицкую и, оставивъ первую, занимаемую будто бы узурпаторомъ Іоною, въ номинальной власти Исидора, 21-го Іюля 1458-го года поставилъ въ митрополиты на вторую ученика и бывшаго протодіакона Исидорова Григорія, числившагося тогда игуменомъ константинопольскаго монастыря св. Димитрія, посвященіе котораго совершено было жившимъ въ Римѣ константинопольскимъ патріархомъ-уніатомъ Григоріемъ Маммою [1]).

Въ Москвѣ, едва только было узнано о поставленіи въ Римѣ Григорія, приняты были самыя рѣшительныя старанія, чтобы не дать ему сѣсть на митрополіи литовской. Вел. кн. Василій Васильевичъ, лишь только услышалъ, что идетъ отъ папы на Литву этотъ Григорій, отправилъ къ королю польскому посольство, чрезъ которое настоятельно убѣждалъ послѣдняго не принимать митрополита-уніата [2]). Съ своей

[1]) Каллистъ III, поставивъ Григорія 21-го Іюля 1458-го года, умеръ весьма вскорѣ за симъ 6-го Августа того же года, такъ что не успѣлъ написать Григорію ставленной грамоты. Эта грамота послѣднему, данная преемникомъ Каллиста Піемъ II (Энеемъ Сильвіемъ Пикколомини) 11-го Сентября того же 1458-го года,—въ прибавл. къ VI т. Собр. лѣтт., стр. 319; посланіе Пія о Григоріи къ Казиміру польскому въ славянскомъ переводѣ—во 2-й Софійской лѣтописи,—Собр. лѣтт. т. id., стр. 167.—Не совсѣмъ понятное нѣчто представляетъ собою титулярный игуменъ монастыря; но папа Пій въ грамотѣ къ Казиміру именно говоритъ, что до поставленія въ митрополиты Григорій былъ «опатомъ монастыря святаго Димитрея констянтинополитаньскаго» (монастырь, конечно, разумѣется тотъ, въ которомъ былъ игуменомъ самъ Исидоръ,—выше стр. 423).

[2]) Великій князь говорилъ черезъ посла королю: «чтобы еси, брате, того Григоріа отъ Рима къ собѣ не пріималъ на нашего отца на общаго на Іону митрополита, а новины бы еси не чинилъ, а нашіе бы еси старины не рушилъ, занежъ, брате, старина наша отъ нашего прародителя великаго князя Володимера, крестившаго землю рускую,—выбраніе и онѣ (?) взысканіе митропольское нашихъ прародителей великихъ князей рускихъ и наше и до сихъ мѣстъ, а не великихъ князей литовскихъ: кто будетъ намъ любъ, тотъ будетъ у насъ на всей Руси, а отъ Рима митрополиту у насъ не быть, мнѣ не надобенъ»,—Акт. Эксп. т. I, стр. 58 col. 2.

стороны Іона отправилъ въ Литву двухъ своихъ игуменовъ (троицкаго Вассіана и кирилловскаго Кассіана), съ порученіемъ, убѣждать здѣшнихъ русскихъ князей, бояръ и пановъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, чтобы они, обсылаясь другъ съ другомъ, твердо стояли за православную Христову вѣру [1]); а вслѣдъ за симъ писалъ посланіе ко всему русскому населенію литовскаго княжества, убѣждая всѣхъ стоять даже и до смерти противъ имѣющаго придти Исидорова ученика [2]). Когда Григорій прибылъ въ Литву и былъ принятъ королемъ, Іона и отъ собственнаго лица и отъ собора московскихъ русскихъ епископовъ писалъ противъ него посланія литовско-русскимъ епископамъ, и всѣмъ вмѣстѣ окружныя и каждому или по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ отдѣльныя. Но всѣ его старанія остались напрасными: Григорій не только былъ посаженъ королемъ на литовскую каѳедру, но послѣдній черезъ нарочное посольство въ Москву предлагалъ было и самому Василью Васильевичу принять его вмѣсто Іоны, ссылаясь на то, что этотъ находился уже въ глубокой старости. Съ очень большею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что причиною неуспѣха стараній Іоны было не столько желаніе короля исполнить волю папы, сколько явившееся у самихъ литовско-русскихъ епископовъ желаніе состоять подъ своимъ особымъ митрополитомъ отъ Москвы (которая, вѣроятно, уже начала по своему духу становиться для нихъ не особенно сочувственною),—къ рѣчамъ объ этомъ мы возвратимся послѣ [3]).

---

[1]) Вручительное или рекомендательное посланіе съ игуменами,—въ Акт. Ист. т. I, № 45, и у *Павл.* № 80. Что оно писано до прибытія въ Литву Григоріева, видно изъ того, что послѣдній еще не называется въ немъ по имени и что Іона, какъ онъ говоритъ, самъ было хотѣлъ ѣхать къ здѣшнимъ православнымъ, но былъ удержанъ болѣзнію. О Вассіанѣ троицкомъ изъ другихъ посланій Іоны въ Литву знаемъ, что онъ посыланъ былъ въ частности къ вдовѣ князя Александра Владимировича († 1455) Настасьѣ съ ея сыновьями Семеномъ и Михаиломъ и къ князю Юрію Семеновичу Гольшанскому,—Акт. Ист. т. I, №№ 62 и 273, у *Павл.* № 88.

[2]) Посланіе въ Акт. Ист. т. I, № 66, и у *Павл.* 85. Изъ его содержанія видно, что оно писано до прибытія въ Литву Григоріева и что находится въ близкой временной связи съ посольствомъ туда игуменовъ Вассіана и Кассіана (рѣчи о болѣзни и обѣщаніе пріѣхать). Слова о Григоріи: «которой-то нынѣча, какъ слышимъ, на митрополію вышелъ», должно понимать или такъ, что онъ отправился изъ Рима или что онъ прибылъ въ Галицію. Посланіе писано, какъ нужно думать, 20-го Декабря не 1459-го, а 1458-го года.

[3]) Два окружныя посланія Іоны къ литовскимъ епископамъ—Акт. Ист. т. I. № 63, у *преосв. Макарія* VI, 361. у *Павл.* №№ 81 и 87 (первое по времени есть то, которое у Павлова на второмъ мѣстѣ); посланіе собора московскихъ епи-

Не опасенъ былъ Григорій для самой Москвы; однако и здѣсь св. Іона нашелъ благоразумнымъ, на всякій случай и для полной несомнѣнности, принять противъ него свои мѣры. Въ концѣ 1459-го года онъ позвалъ епископовъ московскаго великаго княженія къ себѣ на соборъ и на соборѣ заставилъ ихъ дать себѣ общее рукописательное или письменное обѣщаніе въ томъ, что они останутся неизмѣнно вѣрными ему и его преемникамъ и что не будутъ не имѣть никакого сообщенія и никакихъ сношеній съ митрополитомъ-уніатомъ [1]). На соборѣ не присутствовали новгородскій архіепископъ Іона и тверской епископъ Моусей. Къ первому, который не пріѣзжалъ, можетъ быть, потому, что не задолго передъ тѣмъ далъ свои обѣщанія на своемъ поставленіи (въ Февралѣ 1459-го года), митрополитъ счелъ за нужное написать особое напоминательное посланіе [2]) Въ 1456-мъ году Василій Васильевичъ ходилъ войной на Новгородъ въ отмщеніе за Шемяку и, одержавъ надъ Новгородцами рѣшительный верхъ, заключилъ съ ними такой миръ, въ условіяхъ котораго были сдѣланы первые ясные шаги къ тому совершенному ихъ покоренію, которое ждало ихъ въ неособенно далекомъ будущемъ [3]). Съ этого же времени и Новгородцы, почувствовавъ непримиримую ненависть къ Москвѣ, принялись изо всѣхъ силъ отстаивать себя отъ нея. Можетъ быть, на Москвѣ было уже предвидѣно то, что потомъ на самомъ дѣлѣ случилось, именно—что Новгородцы отдадутся подъ покровительство польскаго короля. А такъ какъ вмѣстѣ съ симъ являлась бы и та опасность, что, измѣняя православію, они отпадутъ къ Литвѣ въ церковномъ отношеніи: то, предусмотрительно заботясь объ отвращеніи возможной въ будущемъ опасности, митропо-

---

скоповъ къ епископамъ литовскимъ—Акт. Ист. т. I, № 61, и у *Павл.* № 83; посланіе Іоны къ епископу смоленскому Мисаилу—Акт. Ист. т. I, № 62, и у *Павл.* № 88, I; посланіе Іоны къ епископу черниговскому Евѳимію—Акт. Ист. т. I, № 273, и у *Павл.* № 88, II.—Что Казиміръ черезъ нарочное посольство предлагалъ Василью Васильевичу принять Григорія вмѣсто Іоны, объ этомъ говоритъ самъ Іона въ окружной грамотѣ къ епископамъ, которая напечатана у преосв. Макарія и которая у Павл. № 87, и въ грамотахъ къ Мисаилу и Евѳимію, см. также Софійск. 2-ю лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 169.

[1]) Рукописаніе въ Акт. Ист. т. I, № 65, и у *Павл.* № 86. Подъ нимъ нѣтъ даты; но епископы московскіе, отправившіе съ нашего собора посланіе епископамъ литовскимъ, писали послѣднее 13-го Декабря 1459-го года,—въ Акт. Ист. т. I, № 272, и у *Павл.* № 84.

[2]) Оно въ Акт. Ист. № 65 и у *Павл.* № 86.

[3]) *Соловьева* Ист. т. IV, изд. 4-го стр. 95 fin. sqq.

литъ и приглашаетъ архіепископа наставлять и укрѣплять въ православіи своихъ дѣтей, православное христіанство, по своему святительскому долгу, съ великою крѣпостію. Неприбытіе на соборъ тверскаго епископа Моусея составляетъ вопросъ: онъ не явился на него, не смотря на троекратное приглашеніе митрополита, при чемъ въ послѣдній разъ былъ приглашаемъ самымъ строго-настойчивымъ образомъ [1]). Но намъ думается, что въ отвѣтъ на вопросъ должно быть предполагаемо то, что есть наиболѣе простое. Вовсе не представляется вѣроятнымъ думать, чтобы епископъ тверской былъ за митрополита-уніата; а поэтому—самое вѣроятное, что онъ не прибылъ на соборъ по болѣзни (такъ какъ Моусей умеръ неизвѣстно когда вскорѣ послѣ конца 1459-го года, то можетъ быть, что послѣднее приглашеніе митрополита застало его уже на смертномъ одрѣ).

Принятіе литовскими русскими митр. Григорія не имѣло своимъ слѣдствіемъ того, чтобы между ними водворилась флорентійская унія, но оно имѣло своимъ слѣдствіемъ другое, а именно—что русская церковь весьма на долгія времена раздѣлилась въ церковно-административномъ отношеніи на двѣ особыя половины московскую и кіевскую, ибо съ этого митрополита-уніата начался въ литовской Руси непрерывный рядъ отдѣльныхъ православныхъ митрополитовъ. Ниже мы будемъ вести о нихъ особыя рѣчи.

Св. Іона былъ поставленъ въ митрополиты въ самой Москвѣ, своими русскими епископами и безъ дозволенія патріарха, по той причинѣ, что патріархи константинопольскіе со времени собора Флорентійскаго были уніатами. Но вскорѣ послѣ его поставленія въ митрополиты на каѳедру патріаршую снова и навсегда возвратились патріархи православные, и однако его преемники начали быть ставимы, какъ поставленъ былъ онъ,—въ самой Москвѣ, своими русскими епископами и безъ дозволенія патріарховъ, такъ что съ его поставленія начинается новый періодъ въ исторіи отношеній нашихъ митрополитовъ къ патріархамъ,—періодъ полной фактической независимости первыхъ отъ послѣднихъ.

Бывъ вынуждены поставить св. Іону у себя дома по причинѣ уніатства патріарха, Русскіе, конечно, имѣли въ виду, чтобы въ случаѣ продолженія такого порядка дѣлъ въ Константинополѣ подобнымъ же

---

[1]) Послѣднее приглашеніе—въ Акт. Ист. т. I, № 271, и у *Павл.* № 82 (Повольная грамота, напечатанная безъ имени епископа въ I т. Дополн. къ Акт. Ист., № 12, принадлежитъ не сему Моусею, какъ предполагалъ преосв. Макарій.—VI, 41, а его преемнику Геннадію, см. у *Павлова* № 92).

образомъ ставить и преемниковъ Іоны, къ какимъ бы результатамъ не привело это своеволіе въ ихъ отношеніяхъ къ патріархамъ; но у нихъ при поставленіи Іоны вовсе не было предрѣшено, чтобы такимъ же образомъ ставить его преемниковъ и въ томъ случаѣ, если бы на каѳедрѣ патріаршей вмѣсто патріарховъ-уніатовъ снова явились патріархи православные. Это рѣшеніе было принято ими уже послѣ поставленія св. Іоны и было вызвано новымъ случившимся обстоятельствомъ, именно—взятіемъ Константинополя Турками. Смѣшивая мотивы, по которому въ самой Россіи поставленъ былъ св. Іона и по которому начали быть въ ней же ставимы его преемники, и видя, съ какою настойчивостію Русскіе хотѣли, чтобы Іона былъ поставленъ въ самой Россіи, изслѣдователи наши полагаютъ, что тогда вполнѣ созрѣли у Русскихъ мысль и желаніе доставить своимъ митрополитамъ фактическую независимость отъ патріарховъ. Но св. Іону Русскіе непремѣнно хотѣли поставить въ самой Россіи потому, что патріархи были уніаты, а дѣйствительно ли созрѣли у нихъ указанныя мысль и желаніе, это остается вовсе неизвѣстнымъ, хотя и несомнѣнно то, что созрѣло другое желаніе, это—чтобы патріархи ставили митрополитовъ русскихъ изъ природныхъ Русскихъ, уступивъ выборъ кандидатовъ въ митрополиты самому русскому великому князю съ епископами. Если бы Константинополь не былъ взятъ Турками и если бы въ тоже время на мѣсто патріарховъ-уніатовъ снова явились въ немъ патріархи православные, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что прежній порядокъ поставленія нашихъ митрополитовъ снова возстановился бы на неопредѣленныя времена. Но спустя четыре года и пять съ половиной мѣсяцевъ послѣ поставленія св. Іоны (29-го Мая 1453-го года) Константинополь былъ взятъ Турками,—и какъ послѣ собора Флорентійскаго Русскіе хотѣли доставить фактическую независимость своему митрополиту отъ патріарха-уніата, такъ теперь, послѣ этого взятія, они приняли рѣшеніе поставить его въ фактическую независимость и отъ патріарха православнаго.

Въ Константинополѣ послѣ его взятія Турками мѣсто православнаго императора греческаго занялъ мусульманскій или бусурманскій султанъ турецкій. Какъ императоръ былъ мірскимъ главою патріарха константинопольскаго, утверждалъ его въ его званіи и возлагалъ на него отличія (инсигніи) этого послѣдняго, такъ тѣмъ же сталъ по отношенію къ нему и тоже началъ дѣлать и султанъ [1]), вслѣдствіе чего

---

[1]) Магометъ II нарочно спрашивалъ, какъ поступали императоры при утвержденіи патріарховъ, дабы самому поступать совершенно такимъ же образомъ, см. у *Крузія* въ Туркогреціи Πατριαρχικὴν ἱστορίαν, стр. 108.

патріархъ превратился теперь въ раба христоненавистнаго бусурмана. Но у Русскихъ не могло быть желанія, чтобы ихъ митрополитъ получалъ посвященіе отъ этого раба бусурмана, — чтобы бусурманская скверна, которую султанъ сообщалъ своими руками патріарху, переходила и на митрополита и чтобы черезъ рабство патріарха султану и они до нѣкоторой степени становились рабами этого ненавистника креста Христова. И дѣло шло тутъ не объ однихъ только отвлеченныхъ понятіяхъ и мнѣніяхъ, но и объ осязаемой дѣйствительности, ибо митрополитъ русскій, имѣвшій отправляться—предполагая, что онъ былъ бы избираемъ дома—для посвященія въ Константинополь, обладаемый Турками, долженъ былъ бы имѣть непосредственныя сношенія съ чиновниками турецкими, въ вѣдѣніи которыхъ находился патріархъ съ церковію,—могъ бы быть требуемъ для непосредственныхъ представленій самому султану, который могъ видимымъ образомъ поставить дѣло такъ, чтобы онъ—митрополитъ казался бы такимъ же рабомъ его, какъ и самъ патріархъ, черезъ что могли быть изъявляемы султаномъ нѣкоторыя притязанія на верховенство и надъ самимъ великимъ княземъ. Такимъ образомъ, Русскіе должны были гнушаться мыслью, чтобы ихъ митрополитъ ходилъ для посвященія въ Константинополь, послѣ того какъ послѣдній достался въ невѣрныя и скверныя руки мусульманъ-Турокъ, и должны были находить это невозможнымъ по весьма важнымъ соображеніямъ и осязаемо практическимъ. Но было для Русскихъ и другое и противоположнаго свойства побужденіе желать, чтобы послѣ взятія Константинополя Турками митрополиты наши стали фактически независимыми отъ патріарховъ константинопольскихъ. Мы говорили выше, какъ, по тогдашнимъ представленіямъ, римское царство, долженствовавшее охранять Христову церковь, имѣло существовать неразрушимо до скончанія вѣка и какъ Русскіе послѣ паденія Константинополя начали думать, что мѣсто этого втораго Рима занялъ третій Римъ—наша Москва. Но если послѣ паденія Константинополя перешла съ него на Москву такая высокая роль, то ея митрополиты могли ли оставаться при этомъ зависимыми отвнѣ и получать себѣ посвященіе именно тамъ, гдѣ водворился врагъ креста Христова? При сейчасъ указанномъ мнѣніи Русскихъ о новой высокой роли ихъ государства они должны были бы желать совершенной независимости своей церкви съ учрежденіемъ въ ней самостоятельнаго патріаршества. Но это желаніе было еще совершенно внѣ помысловъ тогдашнихъ Русскихъ и вовсе не приходило имъ на умъ. Единственная свобода ихъ церкви, о которой они находили возможнымъ тогда мечтать, это — свобода фактическая: и вотъ послѣ взятія Константинополя Турками,

по указаннымъ сейчасъ побужденіямъ, они и рѣшили доставить своимъ митрополитамъ фактическую независимость и отъ патріарховъ православныхъ, какъ во времена господства въ Константинополѣ уніи флорентійской рѣшили доставить эту независимость своимъ митрополитамъ отъ патріарховъ-уніатовъ.

Сейчасъ указанныя побужденія, заставлявшія Русскихъ послѣ взятія Константинополя Турками, желать, чтобы ихъ митрополиты были фактически независимыми отъ патріарховъ константинопольскихъ, хотя эти послѣдніе и отвергли унію, имѣли для нихъ всю свою обязательную силу. Но эти побужденія отчасти были, отчасти казались имъ, слишкомъ субъективными и они не находили возможнымъ прямо и именно ссылаться на нихъ. Побужденіе, на которое они ссылались, было то, что будто бы порабощеніе Константинополя Турками повредило у Грековъ чистоту истиннаго православія и что намъ истинно-православнымъ—подразумѣвалось далѣе—не должно имѣть общенія съ ними, которые перестали быть истинно-православными. Трудно рѣшить, было ли это просто придумано Русскими съ цѣлію оправдать себя, т. е. свое желаніе поставить своего митрополита въ фактическую независимость отъ патріарха, подпавшаго власти Турокъ, или тутъ примѣшивалось и искреннее мнѣніе. Мы говорили выше, что у Русскихъ еще до собора флорентійскаго начало слагаться убѣжденіе о Грекахъ, будто у нихъ повредилась чистота православія. Убѣжденіе имѣло своимъ источникомъ своеобразный взглядъ Русскихъ на церковные обряды и на церковную внѣшность. Но, разумѣется, они искали объясненія принимаемаго ими факта не въ своихъ взглядахъ, а во внѣшнихъ причинахъ, которыми бы онъ могъ быть объясненъ: пришелся ко времени флорентійскій соборъ,—и они поспѣшили провозгласить, что этотъ именно соборъ повредилъ чистоту православія у Грековъ. Очень можетъ быть поэтому, что правительство, пользуясь сообразно своимъ видамъ уже начавшимъ слагаться убѣжденіемъ о поврежденности православія у Грековъ, намѣренно объявило его причиной вмѣсто собора флорентійскаго порабощеніе Грековъ Турками. Но не невозможно и то, что Русскіе на самомъ дѣлѣ до нѣкоторой степени принимали, будто порабощеніе турецкое повредило чистоту православія у Грековъ. Эту чистоту православія они понимали тогда весьма своеобразно, считая непремѣннымъ ея условіемъ возможно бо́льшее внѣшнее благолѣпіе храмовъ и богослуженія, а взятіе Константинополя Турками дѣйствительно имѣло своимъ слѣдствіемъ совершенное исчезновеніе въ послѣднемъ внѣшняго церковнаго благолѣпія. Когда великій князь Иванъ Васильевичъ говоритъ въ одной изъ своихъ грамотъ, о которой бу-

детъ у насъ рѣчь ниже, что «болшіе церкви Божьи соборные (въ Константинополѣ) турецкій царь въ мизгити (мечети) починилъ (обратилъ), а которые церкви оставилъ патреярху, на тѣхъ крестовъ нѣтъ, ни звону нѣтъ—поютъ безъ звону», и когда онъ дѣлаетъ отсюда выводъ: «православіе Грековъ уже изрушилося» [1]): то можетъ быть, что до нѣкоторой степени онъ говоритъ и искренно.

Итакъ, въ правленіе св. Іоны, послѣ взятія Константинополя Турками и по случаю этого взятія, у насъ принято было рѣшеніе, чтобы на будущее время ставить митрополитовъ нашихъ въ самой Москвѣ и своими русскими епископами, такъ чтобы митрополиты могли быть на будущее время фактически независимыми отъ патріарховъ.

Когда рѣшено было поставить въ самой Москвѣ самого св. Іону по причинѣ уніатства патріарха, то сначала пытались было испросить у патріарха дозволеніе на это. Какъ состоялось дѣло въ сей второй разъ,—обращались ли къ патріарху съ просьбой о дозволеніи и получили его или нѣтъ, это остается нерѣшоннымъ вопросомъ. Позднѣйшія наши сказанія увѣряютъ, что получено было дозволеніе отъ всѣхъ четырехъ согласившихся между собою патріарховъ, которые почтили при этомъ русскаго митрополита честію первенства между всѣми митрополитами [2]). Но противъ этихъ сказаній, подозрительныхъ и само по себѣ [3]), мы знаемъ очень рѣшительныя возраженія. Седьмой послѣ взятія Константинополя Турками патріархъ, Діонисій I, говорилъ въ 1469-мъ году, что цареградская церковь не признавала и не признаетъ московскихъ митрополитовъ, какъ ставимыхъ безъ ея благословенія (см. ниже въ рѣчахъ о митр. Филиппѣ). Преп. Максимъ Грекъ

---

[1]) Въ Памятнн. *Павлова* col. 711 нач. (Послѣднія слова: «православіе изрушилося» Иванъ Васильевичъ влагаетъ въ уста константинопольскаго патріарха). Что касается до времени митр. Іоны, то—соборъ московскихъ епископовъ въ своемъ посланіи къ собору литовскихъ епископовъ отъ 13-го Декабря 1459-го года говоритъ: «по грѣхомъ нашимъ и попущенію Божію, нынѣ царяградская церковь поколебалася, отъ нашего православія отступила и обладаема языки»... ibid. col. 633 fin.; самъ митр. Іона въ своемъ посланіи къ тѣмъ же епископамъ отъ того же года говоритъ о своемъ путешествіи въ Константинополь послѣ смерти Фотія: «и достигохъ Царствующаго града, цвѣтущаго въ *прежнемъ* благочестіи греческаго православія»... ibid. col. 646.

[2]) Извѣстіе о началѣ патріаршества въ Россіи,—Дополн. къ Акт. Ист. т. 2, № 76, стр. 189 col. 2, О увѣреніи и о крещеніи Русіи въ Никон. Корич., л. 10.

[3]) Дѣло касалось одного константинопольскаго патріарха, а не всѣхъ четверыхъ.

укорялъ Русскихъ за то, что у нихъ вопреки правилъ митрополитъ поставляется своими епископами на Москвѣ, а не въ Царѣградѣ отъ патріарха: если бы патріархами дано было дозволеніе, то у Русскихъ была бы грамота; а если бы была грамота, то ею были бы заграждены уста Максима и онъ не сталъ бы дѣлать своихъ укоризнъ. Сохранился до настоящаго времени отрывокъ посланія неизвѣстнаго митрополита къ неизвѣстному патріарху, который съ вѣроятностію принимается за отрывокъ посланія митр. Іоны къ патріарху Геннадію, первому послѣ взятія Константинополя Турками [1]. Митрополитъ пишетъ патріарху, что великій князь посылаетъ къ нему своего посла по его къ нимъ—князю и митрополиту приказу и писанію [2],—что онъ—митрополитъ посылаетъ ему съ посломъ денежные поминки, какіе въ состояніи послать, и затѣмъ обращается къ патріарху съ просьбою: «да пожалуй, господине, еще покажи къ намъ свершенную свою духовную любовь: обошли сына моего, великаго князя посломъ, честнымъ твоимъ писаніемъ о всемъ и укрѣпленіи и въ душевную пользу великому нашему православію и за Божію церковь и за святительскую намъ честь»... Приказъ и писаніе патріарха къ великому князю и митрополиту о присылкѣ посла должно понимать такъ, что патріархъ желалъ переговорить съ княземъ и митрополитомъ о церковныхъ дѣлахъ, но о какихъ дѣлахъ—нашихъ ли русскихъ или своихъ греческихъ, изъ сохранившагося отрывка посланія нисколько этого не видно. Просьба митрополита къ патріарху обослать великаго князя писаніемъ о всемъ и (объ) укрѣпленіи съ полною вѣроятностію должна быть разумѣема о дѣлѣ поставленія нашихъ митрополитовъ, но о признаніи ли законности поставленія самого Іоны, если посланіе его, или о дозволеніи ставить въ Москвѣ его преемниковъ, изъ посланія этого также не видно. Паисій Ярославовъ въ своемъ сказаніи о Спасо-каменскомъ монастырѣ говоритъ, что постриженника этого монастыря, игумена Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, Кассіана, вел. кн. Василій Васильевичъ и митр. Іона два раза посылали въ Константинополь къ патріарху «за нѣкую потребу, о церковномъ исправленіи» [3]. Если Паисій не смѣшиваетъ тутъ и не разумѣетъ посольствъ Кассіана въ Литву, то намъ остается

---

[1]) Акт. Ист. т. I, № 263.

[2]) Лѣтомъ 1454-го года былъ въ Россіи за милостыней цареградскій митрополитъ Игнатій, см. Псковскія 1-ю и 2-ю лѣтописи подъ симъ годомъ. Можетъ быть, съ нимъ патріархъ и прислалъ приказъ и писаніе.

[3]) См. въ Правосл. Собесѣдн. 1861-го года, кн. I, стр. 210.

только пожалѣть, что онъ не сообщаетъ ничего опредѣленнаго о цѣли посольствъ и объ ихъ результатѣ [1]).

Какъ бы то ни было, дали или не дали патріархи свое формальное дозволеніе Русскимъ на то, чтобы ставить имъ своихъ митрополитовъ въ самой Москвѣ, но во всякомъ случаѣ положительно извѣстно, что они не протестовали открытымъ образомъ противъ самаго ставленія. Слѣдовательно, если они и не давали на него формальнаго дозволенія, то съ охотой или неохотой допустили и признавали его какъ фактъ.

Такимъ образомъ, со времени св. Іоны началось избраніе русскихъ или точнѣе говоря—московско-русскихъ митрополитовъ непремѣнно въ самой Россіи и исключительно изъ природныхъ Русскихъ,—ихъ поставленіе въ самой Москвѣ и своими русскими епископами; вообще, со времени св. Іоны московско-русскіе митрополиты стали фактически независимыми отъ константинопольскихъ патріарховъ. Мы уже говорили, что должно различать побужденія, по которымъ поставленъ былъ въ самой Россіи самъ св. Іона и по которымъ рѣшено было ставить въ Россіи его преемниковъ: самъ св. Іона былъ поставленъ въ Россіи потому, что константинопольскіе патріархи были уніатами; его преемниковъ рѣшено было ставить въ Россіи потому, что Константинополь взятъ былъ Турками.

Что касается до юридической стороны дѣла, то въ первомъ случаѣ, при поставленіи св. Іоны, Русскіе сдѣлали менѣе, нежели что должны были сдѣлать, ибо съ патріархомъ-уніатомъ они должны были прервать церковный союзъ; во второмъ случаѣ они сдѣлали менѣе, нежели что могли сдѣлать, ибо они имѣли право объявить свою церковь независимою, каковое право принадлежало имъ съ самаго начала у нихъ христіанства. Несознаніе Русскими своихъ обязанностей и правъ и отсутствіе у нихъ мужества дѣйствовать такъ, какъ предписывали однѣ и дозволяли другія, имѣло своимъ страннымъ слѣдствіемъ то, что ихъ поведеніе является далеко не совсѣмъ безукоризненнымъ тамъ, гдѣ бы оно могло быть совершенно безукоризненнымъ... О значеніи

[1]) Нѣсколько подозрительно въ показаніи Паисія то, что, по его словамъ, пришедши во второй разъ изъ Константинополя, Кассіанъ былъ отпущенъ великимъ княземъ въ свое постриженіе на Каменной, между тѣмъ какъ онъ возвратился въ Каменскій монастырь изъ Кириллова въ 1468—69-мъ году, что было уже послѣ смерти Василія Васильевича.

новаго порядка ставленія нашихъ митрополитовъ для нашей церкви мы скажемъ ниже.

Въ лицѣ св. Іоны, поставленнаго въ самой Россіи, митрополиты наши заняли высшее положеніе, нежели какое имѣли они прежде,—стали (фактически) митрополитами автокефальными, въ соотвѣтствіе автокефальнымъ архіепископамъ греческимъ. Какъ первый таковой митрополитъ, св. Іона позаботился о внѣшней своей представительности. На своемъ дворѣ онъ поставилъ палату каменную съ домовою или крестовою въ ней церковію Ризположенія Пречистыя Богородицы [1]; свой каѳедральный Успенскій соборъ онъ украсилъ иконами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ съ драгоцѣнными каменьями, дорогими паникадилами, амвономъ и позолоченными входными вратами (корсунскими), а богослуженіе въ немъ сдѣлалъ болѣе торжественнымъ чрезъ умноженіе хора его пѣвцовъ (пѣвчихъ) и числа чтецовъ [2].

Послѣ 12-лѣтняго съ мѣсяцами управленія митрополіей св. Іона скончался 31-го Марта 1461-го года [3] въ глубокой старости, ибо всего въ санѣ епископскомъ пребывалъ болѣе 30-ти лѣтъ. Въ 1-й Софійской лѣтописи читаемъ запись объ его преставленіи: «въ лѣто 6969, мѣсяца Марта въ 31, преставися пресвященный Іона митрополитъ кіевскій и всея Руси; бѣ же тогда зрѣти лице его не яко же бѣ обычай мертвымъ, но яко спящу показуяся за великое и преславное его житіе, якоже слышахомъ о немъ, еже отъ юности,якоже древніи святіи отци» [4]. Въ самый годъ смерти св. Іоны архіепископъ новгородскій Іона возревновалъ прославить его память канономъ, который и написалъ по его порученію жившій тогда въ Новгородѣ извѣстный творецъ каноновъ и житій Пахомій Сербинъ, «вѣдяше бо,—говорится въ житіи его—Іоны новгородскаго,—его добродѣтели, сего ради и память его каноны почте равно со святыми» [5]. Въ 1472-мъ году, по случаю перестройки московскаго Успенскаго собора, были обрѣтены нетлѣн-

---

[1]) Никон. лѣт. V, 217, Софійск. 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. V, 270.

[2]) «Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню», у *Попова* въ Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 382.

[3]) У *Татищева*, IV, 593, ошибочно или неправильно—17-го Марта.

[4]) Собр. лѣтт. V, 273 нач..

[5]) Въ Памятникахъ *Кушелева-Безбородко*, IV, 33 col. 2 (cfr у *Ключевск.* въ Житіяхъ стр. 121).

ными мощи св. Іоны, и вел. кн. Иванъ Васильевичъ съ митр. Филиппомъ поручили тому же Пахомію Сербину написать канонъ на это обрѣтеніе его мощей [1]) и установили мѣстное ему празднованіе въ соборѣ. Торжественное общецерковное празднованіе его памяти было установлено при митр. Макаріи въ 1547-мъ году.

[1]) Собр. лѣтт. VI, 196. Говорится не совсѣмъ ясно, что̀ изъ двухъ—канонъ или похвальное слово: cfr *Востокъ*. Румянц. Муз. № 397 л. 161, стр. 595.

МИТРОПОЛИТЪ ѲЕОДОСІЙ.

На мѣсто св. Іоны поставленъ былъ въ митрополиты архіепископъ ростовскій Ѳеодосій,—тотъ самый, который въ 1455-мъ году былъ судимъ за нарушеніе устава о постѣ [1]).

Необычнымъ образомъ совершено было избраніе этого втораго митрополита, имѣвшаго быть поставленнымъ въ самой Россіи: его избралъ самъ св. Іона еще при своей жизни. Когда великій князь Василій Васильевичъ позналъ немощь Іоны, т. е. увидѣлъ, что приближается его смертный часъ, то позвалъ въ Москву нѣкоторыхъ епископовъ, и умиравшій митрополитъ, разсудивъ и обговоривъ съ нимъ—великимъ княземъ и призванными епископами, избралъ и благословилъ своего будущаго преемника—нашего Ѳеодосія; онъ написалъ на его имя свою благословенную грамоту, которую, утвердивъ своею подписью и печатью, положилъ на престолъ въ Успенскомъ каѳедральномъ соборѣ [2]).

Въ объясненіе этого необычнаго избранія предполагаютъ, что всего вѣроятнѣе было поступлено такимъ образомъ съ цѣлію предотвратить между русскими (московскими) епископами всякія колебанія въ выборѣ преемника Іонѣ и чрезъ то лишить польскаго короля Казимира единственнаго благовиднаго случая вновь ходатайствовать о принятіи лжемитрополита Григорія на каѳедру московской митрополіи. Но такихъ колебаній между епископами, которые бы дали Казимиру предлогъ вмѣшаться въ дѣло, вовсе не могли ожидать и опасаться; подъ

---

[1]) Ѳеодосій, по фамиліи Бывальцевъ (1-я Соф. лѣт. подъ 1454-мъ и 1466-мъ годами), былъ поставленъ въ архіепископы ростовскіе изъ архимандритовъ московскаго Чудова монастыря въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1454-го года (Типогр. лѣт. стр. 258); въ Чудовомъ монастырѣ онъ былъ архимандритомъ въ продолженіе 10-ти лѣтъ (его собственное сказаніе о чудеси при гробѣ св. Алексѣя.—Собр. лѣтт. VI, 326 fin.).

[2]) См. грамоту епископовъ, бывшихъ въ Москвѣ при избраніи Іоною Ѳеодосія, къ тверскому епископу Геннадію, въ Акт. Ист. т. I, № 69, и у *Павл.* въ Пами. № 93.

какими бы предлогами онъ не попытался снова предложить Григорія, въ Москвѣ вовсе не нуждались для отказа ему въ томъ предлогѣ, что уже имѣютъ митрополита, ибо безъ всякихъ предлоговъ ему былъ отказъ тотъ, что не хотятъ и слышать о митрополитѣ-уніатѣ, присланномъ папою [1]). Съ бо̀льшею вѣроятностію можно было бы предполагать, что опасались патріарха константинопольскаго, какъ бы онъ не попытался съ поспѣшностію навязать намъ своего кандидата. Но при нѣсколько ближайшемъ вниманіи къ дѣлу и это не оказывается состоятельнымъ: весьма не скоро патріархъ могъ узнать о смерти въ Москвѣ митрополита, а между тѣмъ здѣсь имѣли возможность избрать преемника ему тотчасъ же послѣ его смерти. Обращаясь къ предшествующей нашей исторіи, мы находимъ тамъ объясненіе необычнаго избранія Ѳеодосія въ митрополиты. Въ предшествующее послѣмонгольское время было такъ, что если кандидата въ митрополиты избирали въ самой Россіи, то онъ избираемъ и благословляемъ былъ самимъ прежнимъ митрополитомъ заживо или при своей жизни: св. Петръ избралъ было и благословилъ въ свое мѣсто нѣкоего архимандрита Ѳеодора; Ѳеогностъ избралъ и благословилъ св. Алексія; св. Алексій (хотя, можетъ быть, и не съ особенной охотой)—архимандрита Михаила (Митяя). Въ первые два раза это было сдѣлано по нуждѣ: великому князю Ивану Даниловичу Калитѣ, въ видахъ государственныхъ, весьма желательно было, чтобы преемникомъ св. Петра былъ человѣкъ столько же ему преданный, какъ и этотъ послѣдній,—и онъ рѣшилъ избрать преемника въ самой Россіи; но такъ какъ онъ въ свое время вовсе не могъ надѣяться, чтобы епископы русскіе избрали именно человѣка ему угоднаго, то Петръ вмѣстѣ съ нимъ и назначилъ своего преемника самъ при своей жизни; руководясь подобными же побужденіями, Ѳеогностъ избралъ своимъ преемникомъ св. Алексія. Въ третій разъ, при назначеніи преемника св. Алексію, не было особенной нужды, чтобы благословилъ его самъ Алексій, и однако Дмитрій Ивановичъ Донской, какъ увѣряютъ свидѣтельства, настоятельно добивался отъ Алексія этого благословенія: ясно, что послѣ двухъ предшествующихъ примѣровъ Дмитрій Ивановичъ считалъ для себя уже обязательнымъ поступить такъ, а не иначе,—что эти два примѣра онъ считалъ

---

[1]) Въ непосредственно современномъ сказаніи: «Слово избрано отъ святыхъ писаній еже на латыню» говорится,—у *Попова* въ Историко-литературномъ обзорѣ стр. 393, не то, чтобы Ѳеодосія избрали при жизни Іоны ради Григорія, а то, что ради послѣдняго поспѣшили съ его—Ѳеодосія поставленіемъ.

уже за правило для себя. А такимъ образомъ, сейчасъ указаннымъ и дается намъ объясненіе того, почему Ѳеодосій избранъ былъ необычнымъ образомъ. И его преемникъ, о чемъ скажемъ ниже, былъ избранъ такъ же, какъ и онъ. Могло бы казаться исключительною особенностію то, что св. Іона написалъ свою благословенную грамоту на его имя; но на самомъ дѣлѣ и это не составляло исключительной особенности: мы знаемъ, что св. Алексій далъ свою грамоту на имя архимандрита Михаила (см. выше стр. 231); слѣдовательно, есть основанія предполагать, что и въ остальныхъ предшествующихъ случаяхъ было такъ же [1]).

Избранный самимъ св. Іоною при своей жизни, Ѳеодосій былъ облеченъ саномъ митрополита, чтобы занять его мѣсто, въ весьма непродолжительномъ времени послѣ его кончины,—или въ самый 40-й день по немъ (сорочины) или еще нѣсколько ранѣе, 9-го или 3-го Мая 1461-го года [2]).

Особенность поставленія Ѳеодосіева, зависѣвшую отъ обстоятельствъ времени, составляло то, что епископы митрополіи, каковою она осталась по отпаденіи или по отторженіи отъ Москвы литовской Руси, должны были повторить при семъ новому митрополиту данныя ими св. Іонѣ обязательства не приступать къ явившемуся въ Литвѣ митрополиту-уніату Григорію и не вступать съ нимъ ни въ какія сношенія. Какъ уже мы говорили выше, не было основаній опасаться Григорія ни за одного изъ епископовъ митрополіи, за исключеніемъ новгородскаго (и въ послѣднемъ случаѣ не за самого епископа, а за его паству); но въ Москвѣ любили возможную осторожность и осмотрительность и поэтому вовсе не сочли излишнею формальность повторенія со стороны епископовъ ихъ обязательствъ. Епископы, лично присутствовавшіе при посвященіи Ѳеодосія, повторили обязательства, можетъ быть, устно, а гораздо вѣроятнѣе—въ нарочитой, не дошедшей до насъ, грамотѣ; епископы, не присутствовавшіе при посвященіи и изъявившіе свое согласіе на поставленіе посредствомъ повольныхъ грамотъ, повторили его или дважды—въ этихъ повольныхъ грамотахъ

[1]) Помянутое «Слово избрано» ради эффекта представляетъ дѣло съ грамотой Іоны на имя Ѳеодосія не совсѣмъ такъ, какъ оно было, а именно—утверждаетъ, будто грамота была написана Іоной тайно и будто она была обрѣтена послѣ его смерти,—у *Попова* стр. 393.

[2]) 9-го Мая по Типографск. лѣт., 3-го Мая по Софійскк. 1-й и 2-й лѣтт.; представляется болѣе вѣроятнымъ первое число потому, что 9-е Мая было 40-мъ днемъ по Іонѣ.

и потомъ въ нарочитыхъ присяжныхъ грамотахъ, данныхъ самому новому митрополиту, или же по крайней мѣрѣ однажды—въ первыхъ грамотахъ [1]).

Говоря выше о поставленіи въ митрополиты въ самой Россіи св. Іоны и за нимъ Ѳеодосія, мы говорили, что по однимъ причинамъ поставленъ былъ первый и по другимъ—второй. Св. Іона поставленъ былъ въ самой Россіи потому, что въ Константинополѣ патріархи были уніаты. Если бы возвратились на каѳедру патріархи православные и въ тоже время Константинополь не былъ взятъ Турками, то перестали бы существовать и причины, по которымъ онъ былъ поставленъ. Но въ его правленіе Константинополь былъ взятъ Турками, и Русскіе рѣшили, чтобы ихъ митрополиты были поставляемы дома и стали фактически независимыми отъ патріарховъ и несмотря на то, что послѣдніе снова стали православными: съ одной стороны они не хотѣли, чтобы ихъ митрополиты были поставляемы патріархами, которые сдѣлались рабами турецкихъ султановъ, а съ другой стороны—новая высокая роль въ христіанскомъ православномъ мірѣ, которую, по ихъ представленіямъ, наслѣдовали ихъ великіе князья отъ исчезнувшихъ императоровъ греческихъ, требовала, по ихъ мнѣнію, на будущее время самостоятельности и ихъ митрополитовъ. Такимъ образомъ, новый періодъ отношеній русскихъ митрополитовъ къ константинопольскимъ патріархамъ,—періодъ фактической независимости ихъ отъ послѣднихъ и фактической автокефаліи начинается собственно съ Ѳеодосія. А такимъ образомъ, поставленіе Ѳеодосія въ митрополиты было весьма важнымъ событіемъ русской церковной исторіи, начинавшимъ въ отношеніи къ положенію митрополитовъ новый ея періодъ. Но оно было вмѣстѣ весьма важнымъ событіемъ и исторіи гражданской: Ѳеодосій былъ первый митрополитъ, котораго великій князь утвердилъ (инвестировалъ и инсталлировалъ) самъ непосредственно и единственно въ своемъ качествѣ преемника императоровъ греческихъ. Правительство чувствовало потребность обратиться по поводу важнаго событія съ своими рѣчами къ обществу, чтобы направить его пониманіе извѣст-

---

[1]) Не присутствовали при посвященіи и изъявили свое согласіе на поставленіе посредствомъ повольныхъ грамотъ Іона новгородскій и Геннадій тверской,—Никон. лѣт. V, 288. Повольная и присяжная грамоты втораго, съ прописаніемъ нашего обязательства, у *Павл.* въ Памм. №№ 92 и 94 (первая безъ конца и въ Акт. Ист. т. I, № 274). О повольной грамотѣ перваго, съ тѣмъ же прописаніемъ обязательства, въ посланіи къ нему митрополита отъ 8-го Іюля 1461-го года,—Акт. Ист. т. I, № 275, и у *Павл.* № 95.

нымъ образомъ, и оно сдѣлало это посредствомъ изданія своего рода политической брошюры: «Слово избрано отъ святыхъ писаній еже на латыню», о которомъ мы говорили выше (стр. 475). Въ словѣ по отношенію къ событію, въ его изъясненіе и оправданіе, проводятся, хотя далеко и не съ полной ясностью и открытостію, двѣ мысли: во-первыхъ, что великій князь есть преемникъ императоровъ греческихъ; во-вторыхъ, что у насъ въ Россіи благочестіе выше, нежели въ порабощенной Турками Греціи.

Имя митр. Ѳеодосія вовсе не принадлежитъ къ числу особенно извѣстныхъ именъ нашей русской церковной исторіи. Взглядъ современниковъ и ближайшихъ потомковъ отнесъ его къ категоріи обыкновенныхъ, рядовыхъ, нашихъ митрополитовъ. А такъ какъ онъ занималъ каѳедру митрополіи весьма недолгое время, такъ сказать—только мелькнулъ на ней, то по сей причинѣ и въ ряду обыкновенныхъ нашихъ митрополитовъ ему нужно было бы давать мѣсто самое невысокое. На самомъ дѣлѣ митр. Ѳеодосій принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся изъ обыкновеннаго ряда и наиболѣе замѣчательныхъ нашихъ митрополитовъ, такъ что ему безспорно должно быть усвояемо въ ихъ средѣ одно изъ наиболѣе высокихъ и одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ. Во все время нашей старой Руси приходское духовенство наше было очень недоброкачественно: но много ли было у насъ митрополитовъ, которые бы помышляли объ улучшеніи этого духовенства со всею серьёзностію,—которые бы хотѣли ставить подобное улучшеніе одною изъ своихъ нарочитыхъ задачъ? А митр. Ѳеодосій принадлежалъ именно къ небольшому числу этихъ нашихъ митрополитовъ.

Въ «Актахъ историческихъ» напечатана грамота безъименнаго ростовскаго архіепископа, которая усвоена издателями нашему Ѳеодосію и которою архіепископъ призываетъ духовенство бѣлозерской области на мѣстный соборъ въ городъ Бѣлозерскъ [1]). Грамота усвоена издателями Ѳеодосію безъ всякаго основанія [2]); но есть дѣйствительныя нѣкоторыя основанія усвоять ее ему: въ ней даетъ видѣть себѣ такой же ревностный пастырь, какимъ показалъ себя Ѳеодосій на каѳедрѣ митро-

---

[1]) Т. I, № 64. Съ возстановленіемъ безъименности подлинника перепечатана въ Памятнн. *Павлова*, № 125, col. 873.

[2]) Поступая до послѣдней степени непохвально, издатели внесли въ грамоту имя Ѳеодосія безъ всякихъ оговорокъ, чѣмъ вводили изслѣдователей въ грубое заблужденіе (и къ великому прискорбію, поступаютъ такъ вовсе не одинъ разъ).

поличьей [1]). Въ древнее и старое время епархія ростовская состояла изъ двухъ частей: изъ области собственно ростовской и изъ обширнаго Бѣлозерья или области бѣлозерской (см. I т. 1-ю полов., стр. 559). Нѣтъ сомнѣнія, что было далеко не весьма доброкачественно духовенство и собственной ростовской области; но уже прямо было таковымъ духовенство глухаго Бѣлозерья: будучи удалено отъ архіерейскаго надзора, духовенство это по своимъ качествамъ приближалось къ духовенству вятскому, о которомъ мы говорили не много выше. Въ древней и старой Руси средство для архіереевъ дѣлать поученія и преподавать наставленія приходскимъ священникамъ представляли ежегодные епархіальные соборы, составлявшіеся при архіерейскихъ каѳедральныхъ церквахъ въ такъ называемое отъ нихъ сборное воскресенье (ибо въ древнемъ языкѣ соборъ—съборъ, ibid. стр. 399). На этихъ соборахъ неизвѣстный архіепископъ и хотѣлъ обличать и учить бѣлозерскихъ священниковъ, желая искоренить между ними хотя такое злоупотребленіе, какъ вѣнчаніе четвертыхъ браковъ; но священники бѣлозерскіе не хотѣли пріѣзжать на соборы. Четыре года пробылъ архіепископъ на ростовской каѳедрѣ и не могъ добиться того, чтобы заставить являться къ себѣ этихъ священниковъ. Тогда онъ самъ рѣшился поѣхать въ Бѣлозерскъ, чтобы тамъ составить нарочитый соборъ изъ мѣстнаго духовенства. Нашею сохранившеюся грамотою онъ и приглашаетъ бѣлозерское духовенство на соборъ въ Бѣлозерскъ, угрожая ослушникамъ приглашенія изверженіемъ съ священнаго сана и всею строгостію церковныхъ казней.

Принадлежитъ или не принадлежитъ грамота Ѳеодосію и слѣдовательно—имѣемъ или не имѣемъ мы доказательство, что онъ показалъ себя ревностнымъ пастыремъ, будучи архіепископомъ ростовскимъ: но во всякомъ случаѣ, ставъ митрополитомъ, онъ рѣшилъ настоятельнымъ и энергическимъ образомъ приступить къ исправленію духовенства своей митрополичьей епархіи, въ томъ, какъ нужно думать, намѣреніи, чтобы потомъ простереть свои заботы въ семъ отношеніи и на всю митрополію. Тогдашнее духовенство наше было очень неудовлетворительно и требовало исправленія; Ѳеодосій былъ человѣкъ нерядовой, сознававшій нужду и исполненный желанія предпринять это

---

[1]) На основаніи выраженія архіепископа въ грамотѣ: «поставленъ есмь *въ Руси* архіепископомъ», Павловъ предполагаетъ, что онъ былъ пришлецъ на Руси, слѣдовательно—бывшій ростовскимъ архіепископомъ съ 1418-го по 1425-й годъ Грекъ Діонисій. Но подобнымъ образомъ могъ выразиться и природный Русскій.

исправленіе: вотъ собственная и простая причина принятаго имъ рѣшенія. Но со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что на его волю и энергію имѣла немалое вліяніе и сознавашаяся имъ особенность его положенія. Съ его поставленія въ митрополиты начался новый, такъ сказать—высшій, періодъ исторіи русской церкви. Совершенно естественно было, чтобы онъ, будучи человѣкомъ нерядовымъ, сознавалъ лежавшую на немъ обязанность позаботиться объ улучшеніи русской церкви въ лицѣ ея духовенства, такъ чтобы церковь стала по возможности достойною своего новаго высшаго положенія. Впослѣдствіи времени мы видимъ, что подобное сознаніе особенности положенія имѣло чрезвычайно сильное вліяніе на дѣятельность другого митрополита, принадлежавшаго къ числу людей нерядовыхъ, это—митр. Макарія, при которомъ Россія заняла высшее государственное положеніе, формально сдѣлавшись изъ великаго княжества царствомъ.

Подъ исправленіемъ духовенства, которое задумалъ митр. Ѳеодосій, вовсе не должно разумѣть исправленія въ какомъ нибудь слишкомъ обширномъ смыслѣ. Ѳеодосій вовсе не могъ помышлять о томъ, чтобы заставить нашихъ священниковъ стать сколько нибудь настоящими пастырями-учителями народа, ибо отъ людей едва грамотныхъ, полуграмотныхъ и совсѣмъ безграмотныхъ, какъ можно было требовать, чтобы они были учителями? Единственное исправленіе духовенства, о которомъ могъ помышлять митр. Ѳеодосій, это—чтобы оно не слишкомъ худо было по своей жизни,—чтобы священники, вовсе не помышляя о какомъ нибудь учительствѣ и оставаясь простыми механическими совершителями для народа церковныхъ службъ, таинствъ и требъ, не слишкомъ соблазняли народъ своею плохою жизнію; однимъ словомъ—исправленіе духовенства, предпринятое митр. Ѳеодосіемъ, имѣло состоять единственно въ исправленіи собственной порочной жизни духовенства.

Митрополитъ повелъ дѣло такимъ образомъ, что началъ каждое воскресенье призывать и вызывать къ себѣ по извѣстному количеству священниковъ, т. е. особенно худыхъ между ними, и началъ ихъ учить по святымъ правиламъ, т. е. началъ бранить ихъ и увѣщевать, угрожая имъ строгостью наказаній (выражаясь нѣсколько вульгарнымъ языкомъ—началъ чинить священникамъ гонки и переборы). Въ отношеніи къ священникамъ и діаконамъ вдовымъ, которые производили тогда своею жизнію истинный и великій соблазнъ, онъ употребилъ рѣшительныя мѣры: тѣмъ изъ нихъ, которые не имѣли открытыхъ наложницъ, онъ, согласно узаконенію св. Петра, подтвержденному Фотіемъ, приказалъ стричься въ монахи, а тѣхъ, которые имѣли этихъ откры-

тыхъ наложницъ, онъ нещадно наказывалъ и штрафовалъ и потомъ лишалъ священства.

Но увы! эта попытка митр. Ѳеодосія исправить духовенство своей митрополичьей епархіи, имѣвшая, какъ должно думать, простереться потомъ и на всю митрополію, была весьма непродолжительна и окончилась полной неудачей, доказавъ ту печальную истину, что человѣкъ, выступающій на борьбу съ какимъ нибудь общественнымъ зломъ одиноко и вопреки обществу, или падаетъ въ борьбѣ или долженъ бываетъ отказаться отъ нея и положить оружіе. Въ то время, по причинѣ совершенной безпрепятственности открывать приходы и по причинѣ крайней легкости доставать священниковъ, о чемъ мы говорили прежде (I т. 1-я полов., стр. 410) и о чемъ будемъ говорить послѣ, у насъ было приходовъ великое множество. Когда митрополитъ началъ свой строгій переборъ священниковъ и многихъ изъ нихъ запретилъ и лишилъ священства, то многіе приходы оказались безъ священниковъ. Совершенно довольный своими плохими священниками и нисколько не сочувствуя цѣли, съ которою митрополитъ поднялъ на нихъ свое гоненіе, темный народъ видѣлъ только результатъ, къ которому приводило для него гоненіе, и за этотъ результатъ, т. е. за то, что многія церкви остались безъ священниковъ и безъ пѣнія, народъ началъ проклинать митрополита. Тогда митрополитъ съ своей стороны, увидѣвъ, что его благая ревность вмѣсто благословеній народныхъ привлекла на него безумныя проклятія, поспѣшилъ оставить каѳедру, пробывъ на ней и всего три года и четыре мѣсяца (13-го Сентября 1464-го года). Вотъ разсказъ лѣтописи о неудавшейся попыткѣ Ѳеодосія, заставившей его оставить каѳедру: «(ставъ митрополитомъ) восхотѣ поповъ и дьяконовъ нужею навести на Божій путь: нача ихъ на всяку недѣлю сзывати и учити по святымъ правиломъ, и вдовцомъ діакономъ и попомъ повелѣ стричися, а иже у кого наложницы будутъ, тѣхъ мучити безъ милости и священьство съимая съ нихъ и продаваше ихъ; а церквей много наставлено, а кто толико не хотяше [1]) дѣлати рукодѣлія—всякой въ попы, тѣмъ ся и кормяху и послѣдоваху плотьскымъ похотѣмъ, зане бо не Богу служити изволиша, но лготу (искаху) тѣлу своему; и востужиша людіе, многы бо церкви безъ поповъ, и начаша его (митрополита) проклинати» [2])...

---

[1]) Тутъ мы поправляемъ напечатанное чтеніе лѣтописи, въ которой: «а попы не хотяше».

[2]) Софійск. 2-я лѣт. подъ 1465-мъ годомъ,—Собр. лѣтт. VI, 186.

Неожиданныя проклятія народныя такъ поразили митрополита, что онъ впалъ въ болѣзнь. Выздоровѣвъ и отказавшись отъ каѳедры, онъ удалился въ Чудовъ монастырь, въ которомъ былъ архимандритомъ до поставленія въ архіепископы ростовскіе, и здѣсь, можетъ быть—желая загладить невольную вину причиненнаго народу соблазна, взялъ въ свою келью разслабленнаго старца, съ тѣмъ, чтобы служить ему и омывать его струпы [1]).

Сообщимъ замѣчательное недолговременнаго правленія Θеодосіева.

Митрополитъ два раза посредствомъ своихъ грамотъ напоминалъ архіепископу новгородскому Іонѣ объ его обѣтѣ не признавать Григорія литовскаго и не имѣть съ нимъ никакого общенія,—въ первый разъ въ самомъ началѣ своего правленія, во второй разъ—подъ конецъ его, когда принялъ намѣреніе оставить каѳедру [2]). Въ правленіе Θеодосія, такъ же какъ и св. Іоны, у Новгородцевъ, кажется, еще не заходило рѣчей о томъ, чтобы отдаться подъ покровительство короля польскаго; но въ Москвѣ, какъ говорили мы выше, имѣли нѣкоторыя основанія предвидѣть эту опасность. Затѣмъ, какъ нужно думать, здѣсь опасались стараній со стороны самого Григорія, т. е. чтобы онъ собственными своими предложеніями, подкрѣпляемыми указаніемъ политическихъ выгодъ, не увлекъ Новгородцевъ. Наконецъ, здѣсь, какъ мы тоже говорили, вообще были весьма осторожны и были ревностными послѣдователями того правила, что лучше предотвращать опасности,

---

[1]) Митр. Θеодосію принадлежатъ два церковныя слова: на Рождество Богородицы, извѣстное только по указаніямъ, см. Прибавлл. къ творр. свв. отцц. ч. 16, стр. 213, и похвальное апостоламъ Петру и Павлу, извлеченія изъ котораго напечатаны въ Извѣстіяхъ Акад. Н., т. II, стрр. 325—328. Но если неизвѣстное его слово столько же мало есть его собственное произведеніе, какъ и извѣстное: то его права́ быть полагаему въ числѣ нашихъ церковныхъ ораторовъ очень не велики. Это извѣстное его слово, насколько оно извѣстно по напечатанному, представляетъ буквальное заимствованіе изъ Григорія Цамблака (за исключеніемъ начала: «Хощу—помыслъ»). Еще принадлежатъ митр. Θеодосію письменныя произведенія: сказаніе о чудѣ, бывшемъ при гробѣ св. Алексѣя,—Собр. лѣтт. VI, 325 fin., и кондаки и икосы на Успеніе Богородицы, см. у *Ключевскаго* въ Житіяхъ, стр. 169 прим. 1. И еще сохранился отрывокъ его учительнаго посланія въ Пѣсношскій монастырь,—Акт. Ист. т. I, № 276, и въ Памятин. *Павлова* № 96 (при чемъ одна половина сохранившагося какъ будто представляетъ что-то апокрифическое, а другая есть буквальное заимствованіе изъ посланія св. Іоны въ Боголюбовъ монастырь).

[2]) Первая грамота въ Акт. Ист. т. I, № 275, и у *Павл.* въ Памм. № 95; о второй—въ отвѣтной грамотѣ Іоны Θеодосію,—у *Павл.* № 99.

чѣмъ отвращать ихъ. Первая грамота Ѳеодосія Іонѣ съ указаннымъ напоминаніемъ—отъ 8-го Іюля 1461-го года, т. е. написана и всего спустя два мѣсяца послѣ его поставленія въ митрополиты. Какъ кажется, къ ея написанію былъ особенный поводъ. Іона вмѣстѣ съ другимъ епископомъ—Геннадіемъ тверскимъ не присутствовалъ лично при его поставленіи и прислалъ относительно сего свою повольную грамоту. Но тогда какъ епископъ тверской повторилъ свой обѣтъ не признавать Григорія и не сообщаться съ нимъ не только въ повольной грамотѣ на его—Ѳеодосія избраніе, но и въ присяжной грамотѣ ему самому, Іона не присылалъ ему послѣдней грамоты [1]), вѣроятно—находя ее излишнею. Поэтому, на нашу грамоту митрополита къ архіепископу съ вѣроятностію можно смотрѣть какъ на косвенный и деликатный укоръ послѣднему за несоблюденіе имъ должной, не знаемъ—нарочито требованной или не требованной отъ него, формальности. Во второй разъ митрополитъ напоминалъ архіепископу объ его обѣтѣ въ своей грамотѣ къ нему, въ которой извѣщалъ его о своемъ рѣшеніи оставить каѳедру, и можетъ быть, что напоминаніе не составляло главной цѣли грамоты, а сдѣлано было только кстати. Отвѣтъ архіепископа митрополиту какъ будто звучитъ такъ, что онъ наконецъ обидился на слишкомъ частыя напоминанія; Іона отвѣчаетъ Ѳеодосію: «а еже пишешь къ намъ, господинъ и отецъ нашъ, о Григоріи, Исидорову ученику и ревнителю, еже не примѣшатися, якоже тогда, тако и нынѣ къ нему: ино, господине и отче, не обыче домъ Премудрости Божія святыя Софія волка вмѣсто пастыря пріимати, ни горкаго вмѣсто сладкыхъ, ниже каменію причащатися, хлѣбу предлежащу, но дръжатися истиннаго пастыря, иже дверми въ ограду овчю приходящаго и душю за овця полагающа, а не отъ Рима прелазящаго».

Въ Новгородѣ, такъ же какъ и въ пригородѣ его Псковѣ, міряне принимали очень большое участіе въ церковныхъ дѣлахъ, такъ что имѣли съ ихъ стороны мѣсто—и посягательство на завѣдываніе епархіальной властью низшимъ бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ и вмѣшательство въ пользованіе духовенствомъ недвижимыми церковными имѣніями: обстоятельно будемъ говорить объ этомъ во второй половинѣ тома, въ главѣ объ управленіи. Послѣ грамоты о семъ, т. е. собственно—противъ сего, митр. Кипріана, адресованной къ Новгородцамъ по просьбѣ архіепископа Іоанна, существуетъ грамота къ нимъ нашего митр. Ѳеодосія, написанная, вѣроятно, по просьбѣ архіепископа

[1]) Что Іона не присылалъ присяжной грамоты самому Ѳеодосію, это видно изъ нашей грамоты къ нему послѣдняго.

Іоны. Въ грамотѣ, отъ 26-го Января 1463-го года, митрополитъ увѣщеваетъ новгородскія мірскія власти—во-первыхъ, не посягать на права архіепископа надъ духовенствомъ, во-вторыхъ—не посягать на недвижимыя церковныя имѣнія [1]).

Въ концѣ 1463-го года Псковичи обращались къ вел. кн. Ивану Васильевичу (смѣнившему своего отца Василья Васильевича 27-го Марта предшествующаго 1462-го года), съ просьбою о томъ, чтобы онъ приказалъ митрополиту поставить для нихъ особаго отъ Новгорода епископа, родомъ своего Псковитина. Это была вторая попытка Псковичей пріобрѣсти себѣ особаго епископа послѣ попытки, сдѣланной въ 1331-мъ году при великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ и митр. Ѳеогностѣ. Въ тотъ разъ они льстились надеждой начать независимое отъ Новгорода политическое существованіе. На этотъ разъ побужденіемъ къ просьбѣ было другое, а именно—что ихъ ссоры съ Новгородцами, при которыхъ архіепископъ новгородскій, само собой разумѣется, становился на сторону послѣднихъ, производили вражду между ними и ихъ пастыремъ, каковое обстоятельство было для нихъ въ высшей степени неудобно и въ отношеніи церковно-духовномъ и въ отношеніи политическомъ. Въ 1463-мъ году у Псковичей была война съ Нѣмцами, при чемъ Новгородцы вовсе не хотѣли пособить имъ. Поссорившись по этому поводу съ Новгородцами и съ владыкой и по всей вѣроятности—разсчитывая на то, что у великаго князя начались большіе нелады съ первыми съ самаго вступленія на престолъ, они и обратились къ государю съ своей просьбой. Но и на этотъ разъ они потерпѣли неудачу. Прежде вовсе не соотвѣтствовали видамъ Москвы ихъ мечты о независимости отъ Новгорода; теперь причиной отказа были именно натянутыя отношенія великаго князя къ Новгороду: онъ не хотѣлъ первый подавать повода къ открытой ссорѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ для Псковичей было то, что отказъ былъ данъ имъ не въ рѣзкой формѣ, такъ какъ великій князь, избѣгая открытой ссоры съ Новгородцами, не хотѣлъ ссориться и съ ними. Сначала Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ Псковичамъ: «то̑ есть дѣло велико, хотимъ съ своимъ отцемъ (митрополитомъ) гораздо мыслити, и отецъ нашъ пошлетъ по наши богомольци, а по свои дѣти—по архіепископы и по епископы, и будетъ ли подобно тому быти, и мы вамъ откажемъ (отвѣтимъ), какъ будетъ пригоже». Потомъ, черезъ мѣсяцъ съ 10-ю днями, онъ отвѣчалъ: «язъ князь великой хощю о томъ слати своихъ пословъ въ Ве-

[1]) Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 77, и у *Павл.* въ Памм. № 97.

ликой Новгородъ, такоже и къ вамъ во Псковъ моей отчинѣ изъ Новагорода будутъ мои послы, и все за ними вамъ будетъ явлено: язъ князь великой Иванъ Васильевичъ радъ печаловатися вами, своею отчиною, съ своимъ отцомъ Ѳеодосіемъ всеа Русіи митрополитомъ». Наконецъ, послѣ многаго гораздаго мышленія съ митрополитомъ, великій князь положительно отказалъ Псковичамъ въ ихъ просьбѣ, сказавъ: «что не мочно быти во Псковѣ владыцѣ, занеже искони не бывалъ, а не столъ во Псковѣ», т. е. такъ какъ Псковъ не составляетъ особаго удѣла [1]). По поводу войны съ Нѣмцами и своего гнѣва на Новгородцевъ и архіепископа Псковичи въ продолженіе двухъ лѣтъ держали подъ секвестромъ недвижимыя имѣнія послѣдняго, находившіяся въ псковской области, употребляя доходы съ нихъ на свои общественныя надобности [2]). На этотъ захватъ Псковичей архіепископъ жаловался митрополиту, а митрополитъ послалъ свою грамоту во Псковъ, настоятельно убѣждая Псковичей церкви Божіей не обидѣть и во всемъ исправиться къ архіепископу и предостерегая ихъ, да не будетъ имъ въ противномъ случаѣ нѣчто печально по указанію святыхъ правилъ) [3].

Въ правленіе митр. Ѳеодосія русская церковь расширила свою духовную территорію среди инородцевъ, принадлежавшихъ къ государственной территоріи нашего отечества, именно—Іона, епископъ пермскій, докончилъ крещеніе Пермянъ или Пермяковъ, начатое св. Стефаномъ пермскимъ. Мы говорили выше, что народъ финнскаго племени Пермяне или Пермяки раздѣлялся на двѣ половины—на половину сѣверную, обитавшую въ восточной половинѣ нынѣшней вологодской губерніи и отчасти въ губерніи архангельской, которая носила у насъ названіе Зырянъ, и на половину южную, обитавшую въ нынѣшней пермской губерніи, которая носила собственное названіе Пермянъ или Пермяковъ. Первую половину Пермянъ или Зырянъ крестилъ св. Стефанъ пермскій, скончавшійся въ 1396-мъ году; вторую половину Пермянъ, называвшихся именно этимъ послѣднимъ именемъ и страна которыхъ называлась у Русскихъ Великою Пермью, крестилъ четвертый

---

[1]) Псковск. 1-я лѣт. подъ 1464-мъ годомъ.—Собр. лѣтт. IV, 227 и 228. Вѣроятно, чтобы утѣшить Псковичей, великій князь подарилъ ихъ послу такую диковинную вещь, какъ верблюдъ!

[2]) Таже лѣт. подъ 1465-мъ годомъ.—въ Собр. лѣтт. стр. 229.

[3]) Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 277, и у *Павл.* въ Памм. № 98.

преемникъ Стефана на каѳедрѣ пермской, помянутый Іона [1]). Къ сожалѣнію, объ апостольскомъ дѣяніи Іоны мы не имѣемъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній; одна изъ лѣтописей говоритъ кратко подъ 1462-мъ годомъ: «того же лѣта Іона епископъ пермскій крести Великую Пермь и князя ихъ и церкви постави и игумены и попы» [2]). Такъ какъ поставленіе Іоны въ епископы, неизвѣстно—когда имѣвшее мѣсто послѣ 1455-го года, со всею вѣроятностію должно относить къ 1459-му году [3]) и такъ мы находимъ его въ Москвѣ съ самомъ концѣ сего года [4]), то изъ этого слѣдуетъ, что онъ употребилъ на трудъ обращенія Пермяковъ, которыхъ крестилъ въ 1462-мъ году, весьма непродолжительное время. А это приводитъ къ заключенію, что обращеніе язычниковъ въ христіанство было подготовлено его предшественниками и

---

[1]) Первымъ преемникомъ св. Стефана былъ Исаакій, поставленный—по одной лѣтописи 8-го Сентября 1397-го года (Соф. Времен. I, 418, или что то же 2-я Софійск. лѣтоп.—въ Собр. лѣтт. VI, 138), по другой лѣтописи—20-го Января 1398-го года (у *Карамз.* къ т. V прим. 254, col. 101), упоминаемый въ числѣ участвовавшихъ при поставленіи новгородскаго архіепископа Сүмеона (Сампсона) 22-го Марта 1416-го года и потомъ, какъ полагаютъ, вѣроятно, на основаніи мѣстныхъ преданій, оставившій каѳедру (*свящ. Іо. Верюжскаго* Историческія сказанія о жизни святыхъ, подвизающихся въ Вологодской епархіи, стр. 328); вторымъ преемникомъ былъ Герасимъ, неизвѣстно когда поставленный, упоминаемый подъ 1441-мъ годомъ (Акт. Ист. т. I, № 39, стр. 74 col. 2, Соф. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 161 col. 1) и въ неизвѣстномъ году до 1447-го года скончавшійся насильственной смертью,—по одному мѣстному преданію удушенный за нѣчто отъ своихъ домочадцевъ, по другому—удавленный омофоромъ отъ своего слуги Вогулича (*Верюжск.* ibid. стр. 331 fin.); третьимъ преемникомъ былъ Питиримъ, поставленный изъ архимандритовъ московскаго Чудова или неизвѣстнаго монастыря, упоминаемый съ конца 1447-го года (Акт. Ист. т. I, № 40), убитый Вогуличами 19-го Августа 1456-го года; четвертымъ преемникомъ былъ нашъ Іона, поставленный, вѣроятно, въ 1459-мъ году и скончавшійся въ 1571-мъ году.

[2]) Типографск. лѣт. стр. 260; у *Карамзина* подъ 1463-мъ годомъ (къ т. VI прим. 629, col. 88) приводится она же.

[3]) Въ 1459-мъ году Іона былъ въ Москвѣ,—въ Акт. Ист. т. I, №№ 61 и 272, у *Павл.* въ Памм. №№ 83 и 84. А такъ какъ послѣ 19-го Августа 1456-го года, когда убитъ Питиримъ, онъ не могъ быть посвященъ ранѣе 1457-го года, то невѣроятно предполагать, чтобы онъ только что былъ отправленъ въ Пермь и потомъ опять вызванъ въ Москву, а слѣдовательно представляется вѣроятнымъ предполагать, что 1459-й годъ, въ которомъ онъ былъ въ Москвѣ, былъ годомъ его посвященія.

[4]) Въ Акт. Ист. и у *Павл.* второй актъ.

что ему удалось только увѣнчать концомъ усилія послѣднихъ. Дѣйствительно, о непосредственномъ, по крайней мѣрѣ, предшественникѣ Іоны св. Питиримѣ есть основанія предполагать, что онъ проповѣдывалъ христіанство въ Великой Перми [1]). Относительно средствъ, употребленныхъ Іоною для утвержденія христіанства въ Великой Перми, намъ извѣстно только то, что имъ основанъ былъ монастырь въ городѣ Чердыни, который былъ стольнымъ или главнымъ городомъ земли [2]).

Въ правленіе митр. Ѳеодосія имѣло мѣсто очень неважное само по себѣ, но очень важное для Русскихъ относительнымъ образомъ событіе посвященія нашимъ митрополитомъ одного изъ митрополитовъ греческихъ. Въ Іерусалимѣ въ правленіе патр. Іоакима, какъ было разсказываемо Русскимъ, случилось большое землетрясеніе, отъ котораго палъ куполъ храма Воскресенія Христова. Когда узналъ объ этомъ султанъ египетскій, владѣвшій тогда Палестиной, то рѣшилъ уничтожить христіанскую церковь до основанія и на ея мѣстѣ надъ гробомъ Господнимъ поставить свою магометанскую мечеть. Будучи молимъ патріархомъ объ отмѣнѣ рѣшенія, султанъ потребовалъ 10-ть тысячъ венеціанскихъ золотыхъ и окончательно сталъ на 5-ти съ половиной тысячахъ золотыхъ. Для сбора денегъ на возобновленіе купола и на внесеніе окупа султану, нужно было отправиться въ христіанскія православныя земли; но всѣ эти земли за исключеніемъ Россіи находились во власти невѣрныхъ, и патріархъ вознамѣрился идти въ сію послѣднюю. Доѣхавъ до Кафы онъ заболѣлъ и скончался. Передъ смертью онъ рѣшилъ отправить въ Россію вмѣсто себя своего протосинкелла и вмѣстѣ племянника Іосифа, который пошелъ съ нимъ изъ Палестины, бывъ нареченнымъ митрополитомъ Кесаріи Филипповой или котораго онъ самъ передъ смертью нарекъ въ эти митрополиты и относительно котораго просилъ нашего митрополита своими грамотами, чтобы послѣдній совершилъ посвященіе согласно нареченію [3]). Этого-то Іосифа, на основаніи протропи патріарховой, и по-

[1]) По мѣстнымъ преданіямъ (у *Верюжск.* ibid. стр. 338) и по нѣкоторымъ лѣтописямъ (напр. Архангелогородской, стр. 136), св. Питиримъ убитъ Вогуличами въ своемъ каѳедральномъ городѣ Усть-Выми; но лѣтописи 1-я и 2-я Софійскія говорятъ (подъ 1455-мъ годомъ): «воеваша окаяніи Гогуличи Великую Пермь (и) тогда убили епископа пермьскаго Питирима». Неизвѣстная намъ лѣтопись, на которую ссылается *преосв. Макарій* (безъ цитаты,—VI, 320) говоритъ, что Іона «добавне кр(е)сти» Великую Пермь.

[2]) См. Акт. Ист. т. I, № 207 (о Чердыни—Вивліоѳ. XVIII. 220).

[3]) См. разсказъ о причинахъ прихода въ Россію Іосифова въ просительной

святилъ Θеодосій въ митрополиты 4-го Апрѣля 1464-го года [1]). Все ли было такъ, какъ разсказывалъ Іосифъ, и зачѣмъ ему нужно было посвятиться въ митрополиты въ Россіи, а не дома, объ этомъ Русскіе не справлялись [2]); они чрезвычайно рады были, что патріархъ греческій проситъ нашего митрополита о посвященіи одного изъ его митрополитовъ: это значило, что патріархъ формальнымъ образомъ признаетъ законность нашего митрополита, поставленнаго въ самой Россіи. Весьма довольный Іосифомъ, что онъ послужилъ такъ сказать орудіемъ къ такому важному акту, Θеодосій употребилъ свои усердныя старанія, чтобы онъ могъ собрать въ Россіи возможно обильную милостыню [3]).

грамотѣ за него митр. Θеодосія къ Новгородцамъ и Псковичамъ,—Акт. Ист. т. I, № 78, также извлеченіе изъ посланія патр. Іоакима къ вел. кн. Василію Васильевичу, читаемаго въ одной изъ новгородскихъ Софійскихъ рукописей,—въ Лѣтописи занятій Археогр. Комм., выпускъ III, отд. 3 стр. 40. По словамъ патріарха въ посланіи, «церковь Воскресенія разсѣдеся отъ верху до долу и тако разсѣдеся, яко видѣти солнце и звѣзды сквозѣ ея».

[1]) Настольная ему грамота Θеодосія въ Памятнн. *Павл.* № 135 (лѣтописи Никоновская, Софійская 2-я, Архангелогородская и Типографская ошибочно относятъ посвященіе къ 4-му Марта 1464-го года, а Софійская 1-я ошибочно—къ 4-му Апрѣля 1462-го года).

[2]) Наводя справки въ Исторіи Іерусалима *Григорія Паламы* (Ἱεροσολυμιὰς ἤτοι ἐπίτομος ἱστορία τῆς ἁγίας πόλεως Ἱερουσαλήμ, ἐν Ἱεροσολύμοις, 1862) мы находимъ, что Іоакимъ занималъ каθедру патріаршую съ 1442-го года только по 1453-й годъ, когда онъ смѣненъ былъ другимъ, и что ни о какомъ землетрясеніи въ Іерусалимѣ во время его бытности на каθедрѣ ничего не говорится,—стр. 469. Былъ ли Іосифъ нареченнымъ митрополитомъ предъ отправленіемъ въ Россію или его нарекъ самъ Іоакимъ, изъ грамоты митр. Θеодосія и изъ посланія патріарха ясно не видно (есть грамота іерусалимскаго патріарха Іоакима къ нашему митр. Геронтію отъ Іюля мѣсяца 1480-го года.—Акт. Ист. т. I, № 89; а такъ какъ другаго Іоакима въ данное время неизвѣстно, то этотъ Іоакимъ не одинъ ли и тотъ же съ нашимъ Іоакимомъ и смерть послѣдняго въ Кафѣ не составляетъ ли миθа?).

[3]) Онъ писалъ настоятельную просительную о немъ грамоту къ Новгородцамъ и Псковичамъ (цитата въ третьемъ примѣчаніи выше) и, какъ со всею вѣроятностію должно думать, писалъ таковыя же грамоты и къ епископамъ митрополіи (о посѣщеніи Іосифомъ Новгорода—въ Акт. Эксп. т. I № 80, стр. 59 col. 1, и у *Павлова* въ Памм. col. 710).—Что митрополитъ собралъ въ Россіи многую милостыню,—Никон. лѣт. VI, 2.—Онъ продавалъ въ Россіи разрѣшительныя грамоты, представляющія своего рода индульгенціи, какія и до сихъ поръ продаются въ Іерусалимѣ поклонникамъ (см. посланіе патр. Іоакима къ великому князю въ Лѣтоп. занятт. Археогр. Комм., а таковая разрѣшительная его грамота самому великому

Послѣ удаленія съ каѳедры митр. Ѳеодосій жилъ 11-ть лѣтъ и скончался въ исходѣ 1475-го года, въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, въ который онъ переселился изъ Чудова или въ которомъ, можетъ быть, застигнутъ былъ смертію во время бытности на богомоліи. Въ Троицкомъ монастырѣ онъ и былъ погребенъ [1]).

князю—въ Акт. Ист. т. I, № 72).—По словамъ Никоновской лѣтописи, VI, 2, съ собранной въ Россіи милостыней онъ не дошелъ до своей земли, т.-е. вѣроятно—нашелъ неудобнымъ являться въ Іерусалимъ и предпочелъ остаться съ деньгами въ Константинополѣ. Живя въ этомъ послѣднемъ, онъ служилъ нашему правительству сообщеніемъ вѣстей, о чемъ ниже.—Митр. Ѳеодосій въ своей грамотѣ Новгородцамъ и Псковичамъ высказываетъ сложившіеся тогда на Москвѣ взгляды на себя: «онъ же патріархъ Іерусалимскій—пишетъ митрополитъ—пойде въ землю нашу, слышавъ *истинную* нашу святую вѣру *непорушную*, юже отъ богопросвѣщеннаго Владимера въ русскихъ земляхъ отъ многихъ лѣтъ провозсіявшю и въ Божіей воли исполнену и благочестіемъ цвѣтущю, якоже и свѣтъ солнечный...; послахомъ сію свою грамоту къ вамъ—говоритъ митрополитъ Новгородцамъ и Псковичамъ—прославляя и възвеличая имя Господне, иже въ рускыхъ нашихъ земляхъ *провозіявшаго* благочестьа»...

[1]) У *Карамз.* къ т. VI, прим. 629, годъ 1475-й, и Типогр. лѣт. стр. 286 нач. (такъ какъ Ѳеодосій скончался между 1-мъ и 4-мъ Октября, то, можетъ быть, онъ пріѣхалъ къ Троицѣ на богомоліе къ 25-му Сентября,—празднику преставленія преп. Сергія).

МИТРОПОЛИТЪ ФИЛИППЪ I.

Преемникомъ Θеодосія на каθедрѣ митрополіи былъ Филиппъ I, поставленный изъ епископовъ суздальскихъ [1]).

Какъ Θеодосія избралъ самъ св. Іона еще при своей жизни, такъ въ свою очередь Филиппа избралъ самъ Θеодосій прежде своего удаленія съ каθедры. Объ этомъ избраніи Филиппа самимъ Θеодосіемъ читаемъ въ посланіи къ послѣднему архіепископа новгородскаго Іоны, составляющемъ отвѣтъ на извѣстительное посланіе митрополита объ удаленіи съ каθедры: «Пишешь къ намъ, нашь господинъ, что еси, поговоривши съ своимъ сыномъ, а съ нашимъ господиномъ, съ великимъ княземъ, и съ его матерью великою княгинею и съ нашею братіею—архіепископомъ и епископы, и съборнѣ благословилъ еси въ свое мѣсто на митрополію господина нашего епископа Филиппа ради тяжкаго своего недуга» [2]). Избранный самимъ Θеодосіемъ, Филиппъ былъ возведенъ на каθедру митрополіи спустя два мѣсяца послѣ его отреченія—11-го Ноября 1464-го года.

О дѣлахъ митр. Филиппа за время его 10-лѣтняго управленія русской митрополіей намъ извѣстно слѣдующее: вопервыхъ, онъ употреблялъ старанія вмѣстѣ съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ отвратить Новгородцевъ отъ литовскаго митрополита Григорія; вовторыхъ, онъ предпринялъ постройку новаго Успенскаго собора въ Москвѣ на мѣсто стараго; втретьихъ, онъ показалъ стойко-ревностную заботливость объ охраненіи уваженія къ православію по поводу пріѣзда въ Москву изъ Рима второй супруги Ивана Васильевича греческой царевны Софіи.

Митрр. св. Іона и Θеодосій напоминали архіепископу новгородскому Іонѣ объ его обѣтѣ, данномъ при поставленіи, не признавать

---

[1]) Когда и откуда поставленъ былъ въ епископы суздальскіе, остается неизвѣстнымъ; упоминается какъ таковой подъ 1455-мъ годомъ,—Акт. Ист. т. I, № 57, и у *Павл.* № 74.

[2]) У *Павл.* col. 705 fin..

Григорія и отвращать отъ него свою паству, какъ вѣроятно думать, еще безъ дѣйствительныхъ основаній, изъ одной предусмотрительной заботливости о будущемъ. Но скоро въ отношеніи къ паствѣ явились и дѣйствительныя основанія. Вел. кн. Василій Васильевичъ въ своемъ мирномъ договорѣ съ Новгородцами 1456-го года навязалъ имъ такія условія, которыми сильно урѣзывалась ихъ свобода и которыми очевиднымъ образомъ начиналось ихъ совершенное порабощеніе Москвѣ. Пользуясь молодостью преемника Василіева, Новгородцы рѣшились было возвратить себѣ прежнее положеніе по отношенію къ великимъ князьямъ; но оказалось, что этотъ преемникъ, несмотря на свою молодость, имѣетъ твердое намѣреніе защищать свои пріобрѣтенные права. Тогда-то въ виду московскаго порабощенія, какъ несомнѣнной дѣйствительности, предстоявшей въ близкомъ будущемъ, Новгородцы задались вопросомъ: не лучше ли имъ признать покровительство короля польскаго. Но при возникшей у нихъ мысли отдаться подъ покровительство короля польскаго, совершенно естественно было опасаться отъ нихъ и того, чтобы они рѣшились поддаться церковной власти Григорія. При этомъ, къ тому самому времени, какъ явилась наша опасность, и Григорій самъ по себѣ сталъ несравненно опаснѣе прежняго. Въ продолженіе 12-ти лѣтъ своего пребыванія на каѳедрѣ митрополичьей онъ оставался уніатомъ, но въ 1470-мъ году онъ рѣшился возвратиться къ православію и отправилъ своего посла въ Константинополь къ патріарху съ изъявленіемъ своего желанія и съ просьбою, чтобы патріархъ призналъ и утвердилъ его въ санѣ митрополита русскаго. Патріархъ Сумеонъ трапезунтскій, къ которому былъ отправленъ посолъ, или отказалъ въ просьбѣ или, можетъ быть, не успѣлъ исполнить ея, такъ какъ занималъ каѳедру патріаршую весьма недолгое время [1]). Но преемникъ Су-

[1]) Когда именно отправлено было Григоріемъ посольство въ Константинополь. положительнымъ образомъ остается неизвѣстнымъ и время его должно быть опредѣляемо тѣмъ, что оно было отправлено къ патріарху Сумеону (посланіе въ Новгородъ Ивана Васильевича. который называетъ Сумеона Сумономъ,—Акт. Эксп. т. I, № 80, у *Павл.* въ Памм. № 100). Сумеонъ занималъ каѳедру патріаршую въ первый разъ, при жизни Григорія, весьма недолгое время, менѣе года; но этотъ годъ, который долженъ быть 1468—69—70, точнымъ образомъ не можетъ быть опредѣленъ. Мы останавливаемся на 1470-мъ годѣ, какъ на наиболѣе вѣроятномъ (замѣтимъ здѣсь кстати и на всякій случай, что посломъ отъ митрополита къ патріарху ходилъ нѣкій Мануилъ,—указанное посланіе Ивана Васильевича, и что есть посыльная грамота отъ Грека Мануила къ митр. Іонѣ: Царск. № 366, л. 228 об., Опис. стр. 367).

меона Діонисій, склоненный, какъ увѣряютъ наши извѣстія, великими дарами Григорія [1]), возсоединилъ его къ православію, утвердилъ въ санѣ митрополита не только литовскаго, но и всея Руси, и отправилъ за него своего посла не только въ Литву, но и въ Москву и въ Новгородъ, повелѣвая и въ этихъ двухъ послѣднихъ мѣстахъ, чтобы его признали своимъ митрополитомъ, а чтобы митрополита, поставленнаго въ самой Москвѣ, отстранили, какъ незаконнаго и не признаваемаго константинопольскою церковію [2]).

Когда было узнано въ Москвѣ о дѣяніи патр. Діонисія и о томъ, что его посолъ вмѣстѣ съ посломъ Григоріевымъ идетъ въ нашу московскую Русь [3]), то великій князь Иванъ Васильевичъ и поспѣшилъ предупредить опасность, грозившую въ отношеніи къ Новгороду, а именно—онъ поспѣшилъ написать посланіе къ архіепископу новгородскому Іонѣ [4]). Великій князь говоритъ Іонѣ въ своемъ посланіи, какъ Казимиръ польскій присылалъ съ просьбами о принятіи этого незаконно поставленнаго уніата Григорія къ его—великаго князя отцу Василью Васильевичу и послѣ смерти отца не одинъ разъ къ нему самому, и какъ Казимиру постоянно даваемъ былъ рѣшительный отказъ и самъ онъ наоборотъ былъ убѣждаемъ признать митрополита московскаго,—напоминаетъ Іонѣ, какъ онъ далъ обѣтъ не приступать къ Григорію при своемъ поставленіи св. Іонѣ и какъ онъ подтвердилъ его потомъ своимъ писаніемъ митр. Ѳеодосію и нынѣшнему митр. Филиппу. Но такъ какъ послѣ признанія и утвержденія Григорія патріархомъ константинопольскимъ нужны были новыя противъ него доказательства, то великій князь и представляетъ эти доказательства. Мы говорили выше, что у насъ послѣ взятія Константинополя Турками было пущено въ народъ или образовалось у народа мнѣніе, будто порабощеніе турецкое повредило у Грековъ чистоту православія. Великій князь увѣряетъ архіепископа, будто этотъ фактъ поврежденія у Гре-

---

[1]) Указанное посланіе въ Новгородъ Ивана Васильевича.

[2]) У *преосв. Макарія* въ Ист., IX, 37 sqq, на основаніи источниковъ, которыхъ мы не имѣемъ подъ руками.

[3]) Извѣстіе сообщилъ изъ Константинополя тотъ Іосифъ, митрополитъ Кесаріи Филипповой, который посвященъ былъ въ митрополиты Ѳеодосіемъ,—указ. посланіе Ивана Васильевича.

[4]) То, на которое мы ссылаемся выше. Нужно читать его у Павлова, а не въ Актахъ Экспедиціи, ибо въ послѣднихъ оно напечатано съ пропускомъ (сдѣланнымъ Богъ знаетъ для чего, ибо опущенное читается уже у Карамзина, - къ т. VI прим. 35).

ковъ Турками чистоты православія признается самими патріархами константинопольскими. Онъ разсказываетъ ему, что когда Григорій послалъ въ Константинополь своего посла искать у патріарха благословенія и подтвержденія себѣ, то патріархъ Сумеонъ, при которомъ пришелъ посолъ въ Константинополь и котораго великій князь называетъ Симономъ, несмотря на обѣщаніе великихъ даровъ, отказалъ въ просьбѣ, сославшись на то, что онъ не можетъ дать благословенія, такъ какъ у нихъ—Грековъ православіе уже изрушилось. «Посылалъ онъ (Григорій),—пишетъ великій князь, передавая, какъ онъ увѣряетъ извѣстіе, сообщенное ему изъ Константинополя, — до Царягорода посла своего Мануила, ищучи собѣ благословенія и подтверженія отъ царьградскаго патріарха, да отъ того деи много пореклъ злата и портъ патреярху, да подавалъ великіе же поминки; и въ то деи время патреярхъ былъ, Симономъ звали, надъ нѣкоторымъ монастыремъ надъ убогимъ, а большіе церкви Божьи соборные турецкій царь въ мизгиты починилъ, а которые церкви оставилъ патреарху, на тѣхъ крестовъ нѣтъ, ни звону у нихъ нѣтъ, поютъ безъ звону; и тотъ деи патреярхъ Симонъ, человѣкъ деи разсудителенъ [1]), да у того Мануила у Григорьева посла, поминковъ и обѣщаннаго злата ни портъ не принялъ и благословенья не далъ, а отрекъ деи ему такъ: ««азъ самъ живу въ убожествѣ, въ бесерменскихъ рукахъ, въ чюжой неволѣ, а наше ся уже православіе изрушило»». Преемникъ Сумеоновъ Діонисій, не смотря на то, что по сейчасъ указанной причинѣ не могъ дать Григорію своего благословенія и подтвержденія, будучи соблазненъ великими дарами, далъ ему ихъ [2]). Но,—сообщаетъ великій князь архіепископу далѣе,—противъ этого незаконнаго дѣйствія патріарха произнесъ свой протестъ собранный мною въ Москвѣ соборъ всѣхъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ и всего священства, приговорившій имѣть патріарховъ константинопольскихъ чуждыми и отреченными (отъ нашего истиннаго православія). «И мы нынѣ умыслили собѣ,—пишетъ великій князь архіепископу,—съ своимъ отцомъ съ митрополитомъ и съ своею матерью съ великою княгинею и съ своею братьею и съ своими богомолцы—со архіепискупомъ и съ епискупы и со владыками и со архимандриты и съ честными игумены и со всѣмъ священьствомъ, да того ми посла патреарша ни Григорьева и въ свою

---

[1]) Этотъ мнимо-разсудительный человѣкъ имѣетъ ту позорную славу, что былъ виновникомъ наложенія султанами дани на патріарховъ.

[2]) Въ посланіи великаго князя тутъ пропускъ, срв. *преосв. Макарія* въ указанномъ выше мѣстѣ.

землю впущать не велѣть: не требую его, ни его благословенья, ни его неблагословенья, имѣемъ его отъ себя, самаго того патреарха, чюжа и отречена»...

Такимъ образомъ, противъ благословенія и подтвержденія, полученнаго Григоріемъ въ Константинополѣ, великій князь представляетъ архіепископу: во-первыхъ, что патріархъ, какъ переставшій быть истинно православнымъ, не имѣлъ права этого сдѣлать; во-вторыхъ, что на Москвѣ соборомъ всего священства произнесено противъ него или отъ него—патріарха отреченіе.

Весьма вѣроятно, что одновременно съ великимъ княземъ писалъ архіепископу свою грамоту и митр. Филиппъ. Но его грамоты не сохранилось до настоящаго времени. До насъ дошли двѣ его грамоты въ Новгородъ, писанныя уже послѣ смерти архіепископа Іоны, случившейся 5-го Ноября 1470-го года. Мысль о томъ, чтобы противъ поработительныхъ стремленій Москвы отдаться подъ покровительство короля польскаго пріобрѣла себѣ между высшими новгородскими гражданами партію приверженцевъ еще при жизни Іоны; эта партія въ видѣ демонстраціи противъ Москвы и въ видѣ угрозы ей выпросила себѣ на кормленіе у короля польскаго одного изъ его литовскихъ князей (Михаила Александровича или Олельковича кіевскаго), который прибылъ въ Новгородъ на третій день послѣ смерти Іоны. Въ преемники Іонѣ на 10-й день послѣ его смерти былъ выбранъ по жеребью изъ трехъ предложенныхъ кандидатовъ его бывшій протодіаконъ и ризничій Ѳеофилъ. Такъ какъ въ это время еще не состоялось окончательнымъ образомъ рѣшенія отдаться подъ покровительство короля, то по настоянію самаго Ѳеофила, принадлежавшаго къ числу приверженцевъ Москвы, тотчасъ же отправлено было посольство къ великому князю и митрополиту съ просьбою о высылкѣ избранному кандидату опасныхъ грамотъ на пріѣздъ его въ Москву для поставленія [1]). Но партіи короля удалось одержать рѣшительный верхъ въ то самое время, какъ посольство ѣздило въ Москву, и она остановила дѣло о поѣздкѣ Ѳеофила къ митрополиту на поставленіе. Тогда митрополитъ послалъ Новгородцамъ свою грамоту, въ которой убѣждаетъ ихъ не измѣнять своей доброй старинѣ, не отступать отъ своего изначальнаго дѣдича и отчича, отъ христіанскаго господаря—великаго князя московскаго, и не приступать къ чужому, къ латинскому господарю—королю [2]). Эта первая грамота, ничего не говорящая о Григоріи, написана митрополитомъ съ тою одною государственною цѣлію, чтобы отвратить Новго-

---

[1]) Опасная грамота митрополита въ Акт. Ист. т. I, № 279.

[2]) Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 280.

родцевъ отъ рѣшенія предаться королю. Но скоро онъ нашелъ необходимымъ отправить въ Новгородъ другую грамоту, чтобы писать именно уже противъ литовскаго митрополита. Новгородцы, рѣшивъ предаться королю, не намѣрены были вмѣстѣ съ этимъ измѣнять своему православію и отдаваться подъ власть Григорія. Но были между ними отдѣльные люди, которые по своимъ личнымъ побужденіямъ проповѣдывали эту послѣднюю мысль. Въ числѣ трехъ кандидатовъ, избранныхъ для жеребьеванія въ архіепископы, былъ ключникъ покойнаго архіепископа Пиминъ. Когда жеребій вынулся не ему, онъ, мечтая получить каѳедру путемъ открытаго избранія, чтобы привлечь на свою сторону партію короля, заявилъ, что готовъ пойти на посвященіе, куда бы его ни послали, хотя бы въ Литву къ тамошнему митрополиту. Правда, слѣдствіемъ этого заявленія было то, что отчасти по приговору вѣча, отчасти, кажется, по свободной расправѣ народа онъ подвергся страшно жестокой карѣ [1]). Но его мысль о подчиненіи Григорію, бывъ проповѣдуема послѣ сего имъ ли самимъ, или другими, дѣйствительно пріобрѣла нѣкоторыхъ приверженцевъ въ радикальнѣйшей такъ сказать части королевской партіи. Это обстоятельство, что въ Новгородѣ образовался кружокъ людей, которые стали за подчиненіе Григорію, и побудило митрополита написать его вторую грамоту въ Новгородъ, которая уже направлена собственно противъ литовскаго митрополита [2]). Извѣщая Новгородцевъ, какъ доходитъ до него слухъ, что у нихъ многіе молодые несмысленные люди, которые не навыкли доброй старинѣ, чтобы стоять и поборать по благочестіи, собираются на сходбища и поостряются на многія стремленія и на великое земли неустроеніе, хотя ввести мятежъ и великій расколъ въ святой Божіей церкви,—оставя православіе и великую старину, приступить къ латынянамъ, митрополитъ обращается къ Новгородцамъ съ своимъ увѣщаніемъ престать отъ ихъ злаго начинанія. Онъ убѣждаетъ старыхъ посадниковъ, тысяцкихъ, бояръ и купцовъ и всѣхъ старыхъ людей, твердыхъ въ православіи, чтобы они старались вразумить молодыхъ людей и обуздать лихомыслящихъ; онъ убѣждаетъ нареченнаго архіепископа,

---

[1]) «Великой Новградъ ключника владычня Пимина великимъ сильнымъ избезчествовавъ безчестіемъ, на крѣпости издержавъ, самого измучивъ и казну всю у него разграбили и кончѣе самого на 1000 рублевъ продали»,—Псковск. 1-я лѣт. подъ 1471-мъ годомъ, въ Собр. лѣтт. IV, 236 нач..

[2]) Грамота, писанная 22-го Марта 1471-го года, въ Акт. Ист. т. I. № 181, и у *Павл.* въ Памм. № 102.

архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ, чтобы они всѣхъ своихъ духовныхъ дѣтей отъ велика и до мала наказывали духовнымъ ученіемъ, укрѣпляя ихъ въ вѣрѣ православія и оберегая ихъ единородныя и безсмертныя души отъ сѣтей ловца,—многоглаваго змія діавола. Отпаденіе отъ свѣта православія ко тьмѣ латинской прелести и латинскихъ ересей митрополитъ старается представить Новгородцамъ такимъ богоотметнымъ и богоотступнымъ дѣломъ, за которое ихъ ожидаетъ тяжкій гнѣвъ Божій и въ сей вѣкъ и въ будущій.

Новгородцы остались вѣрными православію и не отложились къ тьмѣ латинской прелести въ лицѣ литовскаго митрополита Григорія. Но, оставаясь вѣрными православію, они скоро формальнымъ образомъ отдались въ покровительство короля, заключивъ съ нимъ договоръ [1]. Слѣдствіемъ сего было то, что въ Маѣ 1471-го года великій князь Иванъ Васильевичъ рѣшилъ предпринять походъ на Новгородъ,—что въ Іюнѣ онъ выступилъ въ походъ и что въ Августѣ (послѣ Шелонской битвы 14-го Іюля [2]) Новгородъ сталъ уже изъ вольнаго подневольнымъ, хотя на нѣсколько лѣтъ еще и не совсѣмъ окончательно.

Первый московскій Успенскій соборъ, составлявшій каѳедральную церковь митрополитовъ, былъ заложенъ 4-го Августа 1326-го года незадолго до смерти св. Петра, о чемъ мы говорили выше. Такъ какъ въ то время Москва еще только робкимъ и неувѣреннымъ образомъ помышляла о своемъ возвышеніи, такъ какъ она вовсе не предвидѣла тогда своего будущаго величія, котораго достигла въ дѣйствительности, и такъ какъ и съ своими какими бы то ни было мечтами тогда она должна была еще таиться: то этотъ первый соборъ, хотя и пред-

---

[1]) Въ договорной грамотѣ Новгородцевъ съ королемъ находимъ: во-первыхъ, что они прежде всего обязуютъ короля: «а держати тобѣ, честному королю, намѣстника на Городищѣ (въ Новгородѣ) отъ нашей вѣры отъ греческой, отъ православнаго хрестьянства»; во-вторыхъ, что они дѣлаютъ нарочитое постановленіе: «а у насъ тебѣ, честны король, вѣры греческіе православные нашей не отъимати, а гдѣ будетъ намъ Великому Новугороду любо въ своемъ православномъ хрестьянствѣ, ту мы владыку поставимъ по своей воли; а римскихъ церквей тебѣ, честны король, въ Великомъ Новѣгородѣ не ставити, ни по пригородомъ новгородцкимъ, ни по всей земли новгородцкой»,—Акт. Эксп. т. I, № 87.

[2]) Во время похода великаго князя на Новгородъ митрополитъ писалъ ему грамоту за Новгородцевъ, прося, чтобы онъ помиловалъ ихъ, если они принесутъ повинную (Акт. Ист. т. I, № 282). Но, какъ кажется, эта грамота есть только формальное исполненіе святительскаго долга предстательствовать, нежели что либо другое.

назначавшійся быть фактическою каѳедрою митрополитовъ, былъ построенъ въ очень скромнымъ размѣрахъ, такъ что представлялъ изъ себя церковь по своей величинѣ или совсѣмъ заурядную или развѣ только не много бо̀льшую заурядной. Отъ того ли, что стройка собора производилась съ поспѣшностію, бывъ начата въ необычное время—осенью, или отъ того, что онъ былъ строенъ плохими мастерами; только спустя неполныя полтораста лѣтъ отъ построенія, ко времени митр. Филиппа, онъ пришелъ въ такую ветхость, что двинувшіеся своды его были подперты толстыми бревнами. Обоими ли сейчасъ указанными обстоятельствами или только однимъ послѣднимъ, но митр. Филиппъ былъ подвигнутъ къ рѣшимости построить новый соборъ, и по своимъ размѣрамъ такой, который бы уже отвѣчалъ своему достоинству каѳедры митрополичьей [1]). Представляется недоумѣннымъ то, что предпринялъ постройку новаго собора не великій князь, а самъ митрополитъ на свои собственныя средства. Въ объясненіе этого недоумѣнія мы не можемъ сказать ничего удовлетворительнаго. Въ періодъ домонгольскій архіерейскіе каѳедральные соборы строены были князьями [2]). Изъ времени послѣ-монгольскаго мы знаемъ два примѣра построенія этихъ соборовъ: коломенскаго въ 1382-мъ году и ростовскаго послѣ 1408-го года. Первый былъ построенъ великимъ княземъ, къ области котораго принадлежала Коломна [3]), второй былъ построенъ (собственно возобновленъ) епископомъ [4]), но тутъ дѣло можетъ быть изъясняемо исключительными политическими обстоятельствами Ростова: собственныя

---

[1]) За годъ и 8 мѣсяцевъ до приступа къ постройкѣ новаго собора былъ въ московскомъ Кремлѣ пожаръ, отъ котораго одинъ изъ придѣловъ стараго собора изгорѣлъ такъ, что разсыпался,—Софійск. 2-я лѣтоп. подъ 1470-мъ годомъ fin., въ Собр. лѣтт. VI, 190 fin.. Но сказанія о построеніи новаго собора не указываютъ на это обстоятельство, какъ на одну изъ причинъ, по которымъ митрополитъ рѣшилъ построить новый соборъ. Эти сказанія о построеніи собора читаются: въ Никоновской лѣтописи,—VI, 37 sqq и 56 sqq, и въ Софійской 2-й лѣтописи подъ 1472-мъ и 1474-мъ годами,—въ Собр. лѣтт. VI, 194 и 198. Въ первой лѣтописи помѣщено сказаніе оффиціальное, во второй—частное (историку представляется тутъ рѣдкій случай сличить оффиціальное съ частнымъ...).

[2]) За исключеніемъ, можетъ быть, одного случая, именно—что въ Ростовѣ въ 1160-мъ году построенъ былъ каменный соборъ на мѣсто сгорѣвшаго деревяннаго не Андреемъ Боголюбскимъ, къ столу котораго принадлежалъ городъ, а самими гражданами послѣдняго.

[3]) У *Карамз.* къ т. V прим. 254, col. 98.

[4]) См. *гр. Толстаго* Древнія святыни Ростова—Великаго, изд. 2 стр. 28.

князья его были тогда полными данниками Москвы и поэтому могли не имѣть охоты строить соборъ, а великій князь въ свою очередь могъ не имѣть этой охоты потому, что въ Ростовѣ все-таки были собственныя князья. Знаемъ одно указаніе изъ послѣ-монгольскаго времени и именно изъ правленія Ивана Васильевича, что епископу вмѣнено было въ обязанность построить уѣздный соборъ [1]); но если и принять, что это было правиломъ, то во всякомъ случаѣ это правило относилось бы къ городамъ, въ которыхъ не было князей. Можетъ быть, дѣло нужно объяснять такъ, что великій князь желалъ поберечи свои деньги на свои многочисленныя церковныя и гражданскія постройки (о первыхъ между ними скажемъ во второй половинѣ тома, въ главѣ о богослуженіи), а митрополитъ съ своей стороны вызвался избавить великаго князя отъ издержекъ, надѣясь управиться съ постройкой самъ собою. Какъ бы то ни было, митрополитъ предпринялъ постройку на свой собственный счетъ: вѣроятно, онъ имѣлъ весьма немалый запасъ прежде скопленнаго (ибо при непосредственной смѣнѣ трехъ сряду митрополитовъ чиновники митрополичьи не имѣли возможности разворовывать митрополичьей казны); должно думать, что значительный рессурсъ представляли его ежегодные доходы [2]); недостающее онъ собралъ такимъ образомъ, что, во-первыхъ, наложилъ на приходскія церкви и на монастыри своей митрополичьей епархіи весьма высокій принудительный сборъ, который, по словамъ лѣтописца, былъ крайне тягостенъ для духовенства [3]), и что, во-вторыхъ, обратился къ добровольной благотворительности бояръ и купцовъ. Новый соборъ митрополитъ рѣшилъ построить по образцу владимирскаго Успенскаго собора Боголюбскаго, но съ прибавкой противъ послѣдняго полуторыхъ саженъ въ длину, ширину и въ вышину. Москва не славилась мастерами каменнаго дѣла, которое было въ ней до тѣхъ поръ весьма незначительно, а митрополитъ, несмотря на то, что предполагалось построить церковь исключительную по размѣрамъ, почему-то (можетъ быть, изъ побужденій москофильства) не поискалъ мастеровъ въ дру-

[1]) Епископу Ростовскому соборъ въ Устюгѣ, см. I т. 2 полов., стр. 113.

[2]) А что митр. Филиппъ былъ хорошій хозяинъ, см. его грамоту своему слугѣ, посланному торговать добромъ Пречистыя Богородицы,—въ Акт. Ист. т. I, № 79 (въ словахъ: «пи бы что прибыло церкви Божіей въ подможеніе», можетъ быть, разумѣется именно стройка новаго собора).

[3]) «Сотвори же митрополитъ тягину велику, со всѣхъ поповъ и монастырей сбирати сребро на церковное созданіе силно, и собра много сребра»,—Софійск. 2-я лѣт. подъ 1472-мъ годомъ.

гихъ мѣстахъ, и нашелъ въ Москвѣ двухъ подрядчиковъ, которые взялись ему построить соборъ, но которые, какъ показали послѣдствія, были плохими знатоками своего дѣла, единственно надѣявшимися на русскія знаменитыя: «авось и не бойсь». Для заготовленія и подвозки матеріала и вообще для всѣхъ побочныхъ работъ при стройкѣ (а можетъ быть—отчасти и непобочныхъ) митрополитъ накупилъ холоповъ, такъ чтобы работа въ значительной степени производилась своими собственными людьми [1]). Новый соборъ предположено было поставить на мѣстѣ стараго, и такъ какъ онъ имѣлъ быть значительно болѣе послѣдняго, поставить такимъ образомъ, чтобы онъ равномѣрно со всѣхъ сторонъ облегалъ его. Къ постройкѣ собора приступлено весной 1472-го года. Кругомъ стараго собора выкопали рвы для фундамента новому собору и, когда фундаментъ былъ сдѣланъ, разобрали олтарь стараго собора и меньшіе притворы къ нему, но оставили до времени нетронутыми его стѣны, такъ какъ подлѣ нихъ находились раки погребенныхъ въ немъ митрополитовъ, которыя должны были оставаться на своихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока не приготовятъ для нихъ мѣстъ у стѣнъ новаго собора; надъ ракой съ мощами св. Петра, находившейся у сѣверной олтарной стѣны, по ея разобраніи, поставили временную деревянную церковь. Послѣ этого 30-го числа Апрѣля мѣсяца совершена была торжественная закладка новаго собора. Когда его стѣны выведены были въ высоту человѣка, старый соборъ разобрали весь до основанія и раки митрополитовъ перенесли на новыя, приготовленныя для нихъ у новыхъ стѣнъ, мѣста (по Никоновской лѣтописи—23 го Мая, по Софійской—29-го Мая). Рака съ мощами св. Петра имѣла остаться въ новомъ соборѣ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ она находилась въ старомъ. Но такъ какъ полъ новаго собора былъ сдѣланъ выше противъ пола стараго собора на ростъ человѣка, а рака съ мощами должна была находиться въ немъ на полу, какъ находилась въ старомъ соборѣ: то на новомъ полу сдѣлали новую раку, въ которую и переложили мощи по уничтоженіи прежней раки [2]). Это по-

---

[1]) Передъ своей смертью онъ завѣщалъ дать волю этимъ, накупленнымъ для стройки собора, холопамъ,—Никон. лѣт. VI, 53, Слѣдовательно, онъ накупилъ было ихъ въ собственность не каѳедрѣ, а лично самому себѣ.

[2]) Пока на мѣстѣ старой раки была дѣлаема новая рака, мощи сохранялись во временной ракѣ, бывъ выложены въ самомъ строившемся соборѣ для поклоненія.—Софійская лѣтопись относитъ перенесеніе ракъ митрополитовъ ко второму лѣту стройки собора. Но въ такомъ случаѣ его закладку нужно было бы относить къ 1471-му году, ибо въ 1473-мъ году митр. Филиппъ, совершавшій перенесеніе,

ложеніе мощей въ новую раку или это ихъ перенесеніе совершено было торжественнымъ образомъ и день перенесенія (1-го Іюля [1]) установлено было праздновать на будущее время какъ праздникъ.

Дальнѣйшая исторія стройки собора относится къ правленію преемника Филиппова Геронтія, гдѣ мы ее и доскажемъ.

Въ концѣ 1472-го года вел. кн. Иванъ Васильевичъ вступилъ во второй бракъ съ греческой царевной Софіей Палеологъ, дочерью бывшаго морейскаго деспота Ѳомы, брата двухъ послѣднихъ константинопольскихъ императоровъ Іоанна и Константина. Принужденный въ 1460-мъ году бѣжать изъ своихъ владѣній отъ султана Магомета, Ѳома нашелъ себѣ убѣжище у папы въ Римѣ, гдѣ и умеръ въ 1465-мъ году, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей и дочь—нашу Софью [1]). Въ 1469-мъ году папа (Павелъ II) предложилъ ее въ замужество Ивану Васильевичу черезъ извѣстнаго кардинала Виссаріона, и великій князь, какъ многозначительно выражается наша лѣтопись, взявъ предложеніе папы въ мысль себѣ, послѣ совѣта съ митрополитомъ, съ матерію и боярами, не замедлилъ принять его [2]). Едва ли можно думать, чтобы папа и Виссаріонъ серьёзнымъ образомъ мечтали при устроеніи этого

умеръ ранѣе, нежели оно имѣло мѣсто (5-го Апрѣля). И сама же лѣтопись говоритъ, что соборъ упалъ въ 1474-мъ году на третіе лѣто стройки (а Пахомій Сербинъ въ словѣ на перенесеніе мощей св. митрополита Петра говоритъ, что онъ упалъ во второе лѣто по преставленіи митрополита Филиппа).

[1]) Которой собственное имя было Зоя и которая получила имя Софьи (переименована) уже у насъ въ Россіи (2-я Софійская лѣтопись,—Собр. лѣтт. VI, 196, называетъ ее Зинаидой). Другая дочь Ѳомы Елена была прежде выдана замужъ за послѣдняго сербскаго деспота Лазаря Бранковича.

[2]) Никон. лѣт. VI, 8.—Пирлингъ въ своемъ сочиненіи La Russie et le Saint-Siège,—I, 133 sqq. утверждаетъ, что инниціатива переговоровъ о бракѣ шла не изъ Рима, а изъ самой Москвы, именно—что Грекъ Юрій, который, по нашимъ лѣтописямъ, 11-го Февраля 1469-го года пришолъ изъ Рима отъ кардинала Виссаріона съ предложеніемъ руки Софьи, не былъ посланъ въ Москву Виссаріономъ, а, бывъ посланъ изъ Москвы въ Римъ, принесъ отъ Виссаріона отвѣтъ на предложеніе. Хотя это и не совсѣмъ ожиданно, не можетъ быть однако рѣшительнымъ образомъ отрицаемо (и если слова Псковской 1-й лѣтописи объ Юріи Грекѣ понимать такъ, что онъ былъ бояриномъ не Софьи, а великаго князя,—Собр. лѣтт. IV, 244: то онѣ будутъ служить къ подкрѣпленію утверждаемаго Пирлингомъ). Въ этомъ случаѣ о побужденіяхъ, заставившихъ вел. кн. Ивана Васильевича сдѣлать предложеніе, должно думать то же, что о побужденіяхъ, заставившихъ его безъ замедленія принять его, какъ представляютъ дѣло наши лѣтописи (а тщательное изслѣдованіе вопроса объ инниціативѣ принадлежитъ гражданской исторіи).

брака о новомъ привлеченіи московской Руси къ флорентійской уніи, ибо убѣдительный примѣръ Исидора былъ еще въ слишкомъ живой памяти [1]). Но они самымъ дѣятельнымъ образомъ занимались устроеніемъ крестоваго похода противъ Турокъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ семъ отношеніи они и возлагали большія надежды на бракъ царевны съ великимъ княземъ. Что касается до этого послѣдняго, то онъ чрезъ бракъ съ царевной пріобрѣталъ формальныя и положительно юридическія права на то, чтобы считаться преемникомъ императоровъ византійскихъ, и должно думать, что именно это главнымъ образомъ онъ внялъ въ мысль себѣ. Для препровожденія Софьи въ Москву папа (преемникъ Павловъ Сикстъ IV) послалъ съ ней легатомъ своего кардинала, по имени Антонія [2]). Этотъ кардиналъ велъ себя въ предѣлахъ Россіи до самой Москвы такъ же, какъ и въ земляхъ католическихъ: совершалъ путь въ преднесеніи водруженнаго на высокое древко крыжа или креста [3]). Когда поѣздъ съ царевной приближался къ Москвѣ и когда донесли великому князю, что кардиналъ идетъ въ преднесеніи крыжа, то онъ началъ совѣтоваться съ своей матерью, своими братьями и боярами: какъ быть съ папскимъ посломъ,—дозволить ему или нѣтъ вступить въ Москву въ преднесеніи крыжа. На совѣтѣ голоса раздвоились: одни говорили, что не должно возбранять ему этого,

---

[1]) И легатъ папы, приходившій съ Софьей, сколько видно изъ нашихъ лѣтописей, не заводилъ въ Москвѣ рѣчей о вѣрѣ. Впрочемъ, такъ какъ Софья была воспитана въ приверженности къ католичеству, то могли питать нѣкоторую надежду, что она успѣетъ расположить своего мужа въ пользу соединенія съ Римомъ, или что по крайней мѣрѣ въ дѣтяхъ своихъ приготовитъ людей склонныхъ къ этому соединенію. Возвратимся къ нѣкоторымъ рѣчамъ о семъ ниже, въ главѣ о митр. Макаріи, когда будемъ говорить о попыткахъ папъ привлечь насъ къ союзу съ римскою церковью, имѣвшихъ мѣсто послѣ женитьбы вел. кн. Ивана Васильевича на Софьѣ до названнаго митрополита включительно.

[2]) Посолъ папа Антоній Bonumbre, епископъ города d'Accia, по Пирлингу, вовсе не былъ кардиналомъ.—ibid. p. 155 sub fin..

[3]) О преднесеніи послу креста Пирлингъ говоритъ, что on la portait devant lui comme en triomphe, en vertu d'un privilège accordé au légat par le Pape (несли его передъ нимъ какъ бы въ тріумфѣ, въ силу привилегіи, данной легату папою),—ibid. p. 170. Описывая пребываніе Софьи съ легатомъ во Псковѣ 1-я Псковская лѣтопись говоритъ: «бѣ свой владыка съ нею, не по чину нашему оболченъ бѣ весь червленымъ платьемъ, имѣя на собѣ куколь червленъ же (это одѣяніе кардинальское?),.. да такоже и крестъ предъ нимъ и распятіе осязаему (?), якоже всѣмъ человѣкомъ видѣти, вылитое носятъ предъ нимъ, на высокое древо воткнуто горѣ»,—Собр. лѣтт. IV, 245.

другіе говорили: не бывало въ нашей землѣ того, чтобы чинить почесть латинской вѣрѣ; сдѣлалъ это одинъ Исидоръ, который и погибъ. Тогда великій князь послалъ донести о дѣлѣ митрополиту, отъ котораго и былъ полученъ отвѣтъ: «невозможно допустить не только того, чтобы кардиналъ въ преднесеніи крыжа вошелъ въ городъ, но чтобы онъ такимъ образомъ и приблизился къ нему; если дозволить ему это, желая его почтить, то—онъ въ ворота города, а я—отецъ твой другими воротами вонъ изъ города; недостойно намъ не только видѣть этого, но и слышать, потому что—кто окажетъ почтеніе чужой вѣрѣ, тотъ поругался своей»[1]). Вслѣдствіе такого отвѣта митрополита великій князь выслалъ къ кардиналу за 15-ть верстъ отъ Москвы своего боярина, который и заставилъ его распорядиться, чтобы крыжъ былъ спрятанъ.

Кардиналъ былъ присланъ въ Москву не для того, чтобы сдѣлать попытку вторичнаго привлеченія здѣшнихъ Русскихъ къ флорентійской уніи. Но митр. Филиппъ почему-то весьма желалъ имѣть съ нимъ богословское преніе. Въ ожиданіи его прибытія онъ старательно изучалъ книги и призвалъ себѣ на помощь какого-то, должно быть—знаменитаго въ то время на Москвѣ, книжника Никиту поповича. Когда кардиналъ явился въ Москву, митрополитъ устроилъ было съ нимъ сходку, на которой, вспомоществуемый Никитою поповичемъ, засыпалъ было его вопросами; но кардиналъ изъ благоразумной осторожности (которая, конечно, понята была Русскими, какъ его сознаніе въ своей слабости) совершенно уклонился отъ преній, выставивъ предлогомъ то, что нѣтъ съ нимъ книгъ[2]).

Кромѣ грамотъ митр. Филиппа, упомянутыхъ выше, сохранились отъ него до настоящаго времени двѣ церковно-правительственныя грамоты въ собственномъ смыслѣ этого слова, писанныя—одна въ Новгородъ, другая—во Псковъ. Въ грамотѣ въ Новгородъ отъ 8-го Апрѣля 1467-го года, адресованной къ архіепископу Іонѣ и всѣмъ гражданамъ,

---

[1]) Никон. лѣт. VI, 50.

[2]) «Тогда же убояся легатосъ, много было митрополитъ Филиппъ изучилъ, отъ книгъ словеса емлючи и книжника Никиту поповича призва, ово самъ емля у него рѣчи глаголаше легатосу, иное же повелѣ самому съ нимъ глаголати; онъ же ни единому слову отвѣта не дасть, но рѣче: нѣтъ книгъ со мною».—Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 197.—Никита поповичъ, можетъ быть, есть тотъ священноинокъ Никита Сѣмешковъ, сынъ протопопа московскаго Архангельскаго собора, который въ 1474-мъ г. поставленъ былъ въ епископы коломенскіе,—Никон. лѣт. VI, 55 нач.

митрополитъ, подобно своему предшественнику Ѳеодосію, увѣщаваетъ гражданъ новгородскихъ не посягать на церковныя недвижимыя имѣнія, сопровождая свои увѣщанія пространнымъ поученіемъ о неприкосновенности этихъ имѣній. Со всею вѣроятностію нужно думать, что грамота была послана, такъ же какъ и митр. Ѳеодосіемъ, по просьбѣ архіепископа Іоны; но она написана такъ, что какъ будто слухъ о безчиніяхъ, творящихся въ Новгородѣ, дошелъ до митрополита вовсе не отъ архіепископа, а отъ другихъ [1]). Грамотой во Псковъ отъ 22-го Сентября 1471-го года митрополитъ дозволяетъ Псковичамъ учредить у себя шестой соборъ для повседневнаго служенія [2]),—объ этихъ соборахъ мы будемъ говорить во второй половинѣ тома. Митрополитъ вмѣшивается своей грамотой въ дѣла архіепископа новгородскаго, отчасти, вѣроятно, потому, что тогда былъ въ Новгородѣ владыка только нареченный, но не посвященный, отчасти же, можетъ быть, потому, что у Псковичей, находившихся въ ненормальныхъ отношеніяхъ къ архіепископамъ по ихъ гражданской зависимости отъ Новгорода, вообще было въ обычаѣ обращаться къ митрополитамъ помимо архіепископовъ. Къ двумъ сохранившимся грамотамъ можетъ быть присоединено посланіе Филиппа къ игумену Троицкаго Сергіева монастыря Спиридону съ просьбою о прощеніи одного старца монастыря, впавшаго передъ братіей въ какую-то укоризну и великую нужу своего грѣха и за это лишеннаго монастырскими властями его имѣнія. Посланіе, рекомендующее игумену кротость вмѣсто жестокости, какъ кажется, есть собственно частное письмо за человѣка близкаго митрополиту, ибо онъ проситъ простить согрѣшившаго и возвратить ему его рухлядку и лошадокъ «мене дѣля» [3]).

(Объ еврейскомъ молитвенникѣ, выдающемъ себя за псалтырь Давидову, переведенную съ еврейскаго языка по приказанію будто бы митрополита Филиппа, см. ниже въ исторіи ереси Жидовствующихъ).

Въ правленіе митр. Филиппа имѣлъ мѣсто замѣчательный инцидентъ въ нашей церковной жизни, состоявшій въ томъ, что псковское духовенство, отстраняя власть своего архіепископа, рѣшилось было присвоить себѣ самосудъ. Невдовые псковскіе священники находили, что поведеніе ихъ вдовыхъ собратьевъ совершенно невозможно и совершенно нетерпимо, т. е. что послѣдніе или открыто жили съ наложницами или предавались открытому разврату. Неизвѣстно, какъ объ-

[1]) Грамота въ Акт. Ист. т. I. № 82, и у *Павл.* въ Памм. № 101.

[2]) Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 283, и у *Павл.* № 103.

[3]) Посланіе въ Акт. Ист. т. I, № 278, и у *Павл.* № 104.

яснять себѣ эту чувствительность невдовыхъ псковскихъ священниковъ, —тѣмъ ли, что здѣсь сравнительно живо было въ духовенствѣ нравственное чувство, или тѣмъ, что здѣсь вдовые священники вели себя до невозможности зазорнымъ образомъ. Если первое, то, можетъ быть, должно объяснять явленіе бо̀льшею свободой, которою пользовалось здѣшнее духовенство противъ другихъ мѣстъ и которая нравственно воспитываетъ людей (посредствомъ самоотвѣтственности, которую на нихъ возлагаетъ). Если второе, то, можетъ быть, нужно объяснять дѣло близкимъ сосѣдствомъ безжоннаго католическаго духовенства Ливоніи, примѣръ распущенности котораго, какъ и всего католическаго духовенства, вліялъ на псковскихъ вдовыхъ священниковъ. Какъ бы то ни было, осенью 1468-го года невдовые псковскіе священники приняли намѣреніе положить конецъ соблазну, который причиняли собой священники вдовые, и рѣшились сдѣлать это посредствомъ самосуда. Относительно вдовыхъ священниковъ было постановлено у насъ св. Петромъ узаконеніе, чтобы они, если хотятъ сохранить священство, стриглись въ монахи, а если хотятъ оставаться въ міру, слагали съ себя санъ. Но это узаконеніе св. Петра, подтвержденное потомъ митр. Фотіемъ, не соблюдалось у насъ строго. Въ частности оно не соблюдалось въ правленіе митр. Филиппа, при чемъ спеціальной причиной послабленія вдовымъ священникамъ, можетъ быть, было то, что крутыя мѣры противъ нихъ предшественника Филиппова Θеодосія навлекли на послѣдняго проклятія народныя [1]. Невдовые псковскіе священники хотѣли употребить противъ вдовыхъ узаконеніе св. Петра, подтвержденное Фотіемъ, и такъ какъ они не надѣялись, чтобы архіепископъ новгородскій Іона согласился на примѣненіе этого, въ то время бездѣйствовавшаго, узаконенія, то, обходя архіепископа, они и рѣшили прибѣгнуть къ самосуду. Митр. Фотій подтвердилъ узаконеніе св. Петра именно въ своемъ посланіи во Псковъ; посланіе внесено было у Псковичей въ ихъ списки Кормчей книги, и на этомъ основаніи они придавали ему такое значеніе, что какъ будто бы оно было однимъ изъ каноническихъ узаконеній этой послѣдней. Думая сдѣлать примѣненіе мнимаго канона, псковскіе священники полагали, что они могутъ сдѣ-

---

[1]) Что въ правленіе митр. Филиппа вдовые священники оставались въ міру священниками, это видно изъ разсказа лѣтописи о вѣнчаніи Ивана Васильевича съ Софьей Θоминичной: «вѣнча (великаго князя) протопопъ коломенскій Осѣя. занеже здѣшнимъ (московскимъ) протопопомъ и духовнику своему не повелѣ. занеже вдовцы»,— Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. VI, 197.

лать это и вопреки архіепископу, и что послѣдній долженъ будетъ преклониться предъ совершившимся фактомъ, послѣ того какъ ими будетъ сдѣлано дѣло. Священники собрали городъ на вѣче и съ согласія и одобренія вѣча своимъ единогласнымъ приговоромъ написали крѣпостную грамоту, выписавъ ее изъ Номоканона, т. е. изъ посланія Фотіева, читавшагося въ псковскихъ номоканонахъ, которою отлучили вдовыхъ священниковъ и діаконовъ отъ службы во всей псковской области [1]). Грамота была написана священниками съ согласія вѣча, во-первыхъ, потому, что въ Псковѣ міряне принимали большое участіе въ дѣлахъ церковныхъ и ничто важное церковное не могло быть сдѣлано безъ ихъ согласія, — во-вторыхъ, потому, что безъ согласія мірянъ сдѣланное священниками постановленіе могло остаться безъ дѣйствія, такъ какъ міряне, не смотря на постановленіе, могли бы держать у себя на приходахъ вдовыхъ священниковъ. Ожиданія псковскихъ священниковъ, чтобы архіепископъ Іона подчинился ихъ самовольному приговору, поставленному будто бы на основаніи Номоканона, не оправдалось. Послѣ напрасной собственной попытки заставить священниковъ подрать или уничтожить ихъ крѣпостную грамоту, архіепископъ обратился съ жалобой на нихъ къ великому князю и митрополиту, и вмѣшательство въ дѣло сихъ послѣднихъ имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что священники, продержавшись за свою грамоту годъ и два съ половиной мѣсяца, наконецъ принуждены были подрать ее, уступивъ дѣло о вдовыхъ священникахъ и діаконахъ въ руки архіепископа. По увѣренію псковскаго лѣтописца, архіепископъ показалъ себя въ семъ случаѣ далеко не особенно достойнымъ образомъ. Лѣтописецъ говоритъ, что, убѣждая псковскихъ священниковъ подрать ихъ грамоту, онъ обѣщалъ имъ, что если то святительское дѣло о вдовыхъ священникахъ и діаконахъ они положатъ на немъ, то онъ покажетъ къ недостойнымъ между этими священниками и діаконами бо́льшую строгость, нежели какую хотѣли показать они, но что на самомъ дѣлѣ онъ показалъ совсѣмъ иное. Когда священники подрали свою грамоту и когда вдовымъ священникамъ и діаконамъ приказано было отъ архіепископа явиться къ нему на управленіе, то дальнѣйшее, по увѣренію лѣтописца, было: «и начаша къ нему священницы и діакони вдовіи ѣздити,

---

[1]) Псковск. 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 232, Псковск. 2-я лѣт. ibid. V, 35. Въ первой какъ будто неяснымъ образомъ дается знать, что рѣчь шла не объ однихъ вдовыхъ священникахъ; но тутъ только нѣкоторое широковѣщаніе лѣтописца.

а онъ у нихъ нача имати мзду—у коего по рублю, у коего полтора, а ихъ всѣхъ посполу (подъ рядъ) безъ востягновенія (испытанія) нача благословляти пѣти и грамоты другія изъ тоя мзды за печатями давати»[1]).

Митрополитъ Филиппъ скончался 5-го Апрѣля 1473-го года[2]).

---

[1]) Псковск. 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 234 (затѣмъ лѣтописецъ и прикровенно и прямо обличаетъ Іону въ страсти сребролюбія).

[2]) Онъ погребенъ въ Успенскомъ соборѣ и его гробъ есть тотъ гробъ, который въ настоящее время ошибочнымъ образомъ выдается за гробъ митр. Аѳанасія, погребеннаго въ Новоспасскомъ монастырѣ, см. *Снегирева* Памятники московской древности, стр. 24, col. 1, § 3 fin..

МИТРОПОЛИТЪ ГЕРОНТІЙ.

На мѣсто Филиппа I былъ поставленъ въ митрополиты Геронтій, епископъ коломенскій [1]).

Весьма вѣроятно, что новый митрополитъ былъ бы избранъ такъ же, какъ избранъ былъ самъ Филиппъ и какъ избранъ былъ его предшественникъ Ѳеодосій, т. е. что великій князь предоставилъ бы избрать новаго митрополита самому старому; но Филиппъ былъ постигнутъ смертію неожиданнымъ образомъ: 4-го Апрѣля 1473-го года онъ внезапно заболѣлъ, а на другой день, 5-го Апрѣля, скончался [2]). Для избранія новаго митрополита великій князь приказалъ быть у себя на Москвѣ своимъ братьямъ и всѣмъ епископамъ въ срокъ черезъ 18-ть дней послѣ смерти стараго, къ 23-му Апрѣля или къ Георгіеву дню. Избранный соборомъ епископовъ, при участіи, какъ должно подразумѣвать, хотѣнія великаго князя, Геронтій возведенъ былъ на митрополичій дворъ 4-го Іюня 1473-го года, а «поставленъ» въ митрополиты 29-го того же Іюня, въ Петровъ день [3]).

Онъ занималъ каѳедру митрополіи въ продолженіе 16-ти лѣтъ и скончался 28-го Мая 1489-го года.

Важнѣйшимъ событіемъ его правленія, въ смыслѣ важности впрочемъ отрицательнаго свойства, а не положительнаго, было открытіе въ Новгородѣ ереси Жидовствующихъ. Рѣчи объ ереси Жидовствующихъ, представляющей въ своемъ родѣ важнѣйшее, мы отнесемъ на конецъ, а сначала скажемъ обо всемъ менѣе важномъ.

---

[1]) Въ епископы коломенскіе Геронтій былъ поставленъ изъ архимандритовъ симоновскихъ неизвѣстно когда до 1455-го года, подъ которымъ упоминается какъ таковой (Акт. Ист. т. I, № 57 и Памятнн. *Павл.* № 74); архимандритомъ симоновскимъ онъ упоминается въ концѣ 1447-го года (Акт. Ист. т. I, № 40).

[2]) 4-го Апрѣля былъ въ московскомъ Кремлѣ пожаръ, при чемъ сгорѣлъ митрополичій дворъ. Потрясеніе, причиненное митрополиту пожаромъ, кажется, и было причиной его внезапной болѣзни (которою какъ будто былъ ударъ),—Никон. лѣт. VI, 52 sqq.

[3]) Ibidd. стр. 54.

На другой или на третій годъ послѣ поставленія Геронтія въ митрополиты, въ 1474-мъ или 1475-году, султанъ турецкій и патріархъ константинопольскій сдѣлали такое дѣло, которое возбудило опасенія московскихъ Русскихъ и заставило ихъ принять свои мѣры. Въ Константинополь явился самозваннымъ кандидатомъ на каѳедру митрополіи литовской, ставшей праздною въ концѣ 1472-го года за смертію Григорія Болгарина [1]), тверской монахъ, по имени Спиридонъ, прозванный, какъ говорятъ извѣстія, за свою рѣзвость Сатаной, и успѣлъ достигнуть того, что султанъ (Магометъ II, завоеватель Константинополя), несмотря на отсутствіе просьбъ о немъ со стороны литовскаго гражданскаго правительства или со стороны тамошняго православнаго духовенства, приказалъ патріарху Рафаилу посвятить его на искомое имъ мѣсто. Это самовольное поставленіе султаномъ и патріархомъ митрополита литовскаго возбудило въ московскихъ Русскихъ опасеніе, вѣроятно впрочемъ—только нѣкоторое и не особенно большое, чтобы не сдѣлали султанъ съ патріархомъ того же самого и въ приложеніи къ Москвѣ, и они приняли противъ сего ту мѣру, что въ обѣщательныя грамоты, которыя были даваемы митрополиту новопоставленными епископами, внесли обязательство не принимать митрополитовъ, посвященныхъ въ Константинополѣ. Спиридонъ прибылъ въ Литву, облеченный отъ патріарха саномъ ея митрополита, въ 1476-мъ году, а въ грамотѣ митр. Геронтію тверскаго епископа Вассіана, поставленнаго 6-го Декабря 1477-го года, читается: «а къ митрополиту Спиридону, нарицаемому Сатанѣ, взыскавшаго (читай: взыскавшему) въ Цареградѣ поставленія во области безбожныхъ Турокъ отъ поганаго царя, или кто будеть иной митрополитъ поставленъ отъ латыни или отъ турскаго области, не приступати мнѣ къ нему» [2]).

---

[1]) Григорій умеръ въ Сентябрѣ—началѣ Декабря 1472-го года.—Псковск. 1-я лѣтоп. въ Собр. лѣтт. IV, 246.

[2]) Макарьевскихъ Четь-Миней мѣсяцъ Августъ, сѵнодальн. № 183, л. 765. Собственное показаніе Спиридона, что онъ поставленъ въ митрополиты патр. Рафаиломъ въ Сентябрѣ 1474-го или 1475-го года—въ его «Изложеніи о православной вѣрѣ», о которомъ см. у *преосв. Макарія* IX, 64 sqq (именно показаніе—стр. 66 прим.. Патріаршество Рафаила, знаменитаго своей безграмотностью, а также извѣстнаго своею преданностью вину и своей крайне жалкой судьбой, нѣкоторыя греческія лѣтописи относятъ ко времени, уже слѣдующему за прибытіемъ Спиридона въ Литву,—къ 1477-му—1480-му годамъ или къ 1481-му году: но то неправильно). О приходѣ Спиридона въ Литву Типографская лѣтопись подъ 1476-мъ годомъ (стр. 286): «тогожъ лѣта пріиде изъ Царяграда въ литовскую

Геронтію осталась послѣ Филиппа стройка Московскаго Успенскаго собора, который къ 5-му Апрѣля 1473-го года, когда умеръ послѣдній, былъ складенъ приблизительно до половины своихъ стѣнъ [1]. Въ продолженіе лѣта 1473-го года и начала весны слѣдующаго 1474-го года складены были стѣны собора и сведены были его своды. Но когда

землю митрополитъ, именемъ же Спиридонъ, а родомъ тверитинъ, поставленъ по издѣ патріархомъ, а повелѣніемъ турскаго царя» (у *Карамз.* къ т. VI прим. 629, col. 93,—то же самое). Посаженный въ Литвѣ въ заключеніе, Спиридонъ въ 1482-мъ году присылалъ посольство къ московскому великому князю, о чемъ въ Софійской 2-й лѣтописи подъ нашимъ годомъ (Собр. лѣтт. VI, 233) читается: «того же лѣта пріѣздилъ панъ изъ Литвы отъ митрополита, иже здѣ чернець бывалъ, его же Сотоною зовутъ за рѣзвость его, и шедъ въ Царьградъ ста въ митрополиты на Русь и пріѣха въ Литву, король же ятъ его и посади въ заточеніи, и сказа отъ него (панъ) князю великому: ««яко много, рече, мощей отъ патріарха везохъ къ тебѣ, король же все то поима къ себѣ»», князь же велики держа долго пана того (можетъ быть, пытавшись получить мощи отъ короля) и отпусти, рекъ: ««не подымати рати, ни воевати съ королемъ про се»». Освобожденный въ Литвѣ изъ заключенія или бѣжавъ изъ него, Спиридонъ послѣ является въ такомъ же заключеніи на Москвѣ,—въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, въ которомъ умеръ послѣ 1503-го года. Въ своемъ упомянутомъ выше Изложеніи о православной вѣрѣ, написанномъ тотчасъ по прибытіи въ Литву, онъ называетъ себя митрополитомъ (архіепископомъ) «Кіевскимъ (и) всея Руси», изъ чего какъ будто слѣдовало бы, что онъ былъ поставленъ въ митрополиты не литовскіе, а московскіе. Но невозможно предполагать, чтобы онъ поставился въ Константинополѣ на мѣсто живого Геронтія или чтобы вообще онъ могъ имѣть надежду, поставившись въ Константинополѣ, быть принятымъ въ Москвѣ; а поэтому относительно нашего титула, употребляемаго имъ въ качествѣ митрополита литовскаго, должно думать, что онъ пользовался имъ какъ наслѣдіемъ отъ Григорія Болгарина, т.-е. что его присвоилъ себѣ этотъ послѣдній (и на Москвѣ подъ конецъ жизни Спиридонъ величалъ себя митрополитомъ всея Руси,—послѣсловіе къ житію Соловецкихъ чудотворцевъ, которое написано, собственно—редактировано, имъ въ 1503-мъ году, напеч. въ Библіографич. разысканіяхъ *Ундольскаго*, стр. 58). Современники съ великими похвалами отзываются объ его учености (въ тогдашнемъ смыслѣ) и объ его писательскомъ талантѣ и даже называютъ его столпомъ церковнымъ своего времени (Досиѳей соловецкій у *Ундольск.* ibid. стр. 59 и Геннадій архіепископъ новгородскій у *Ключевск.* въ Житіяхъ стр. 200 прим.). Какъ о писателѣ, каковымъ онъ былъ, мы скажемъ о немъ во второй половинѣ тома.

[1]) Никоновская лѣтопись, выражаясь не совсѣмъ понятнымъ для насъ въ настоящее время образомъ говоритъ: «тогда бо (въ минуту смерти Филипповой) бяше еще воздѣлано ея (церкви) до большого пояса до половины, идѣже кивоты святымъ дѣлати начаты на всѣхъ трехъ стѣнахъ».—VI, 53.

приступили къ кладкѣ большаго верха или главнаго купола, 20-го Мая 1474-го года соборъ обрушился. Неискусные мастера, выводившіе стѣны собора гладко, но непрочно [1]), сдѣлали нѣкоторую часть его сѣверной стѣны полою, проведши въ стѣнѣ лѣстницу на полати или хоры, прикладенные къ западной стѣнѣ. На нѣкоторую часть полая стѣна, бывъ дурно складена, не въ состояніи была выдерживать тяжести сводовъ и вся рухнула; съ нею упала половина западной стѣны и полати, которыя находились у послѣдней, также столбы и всѣ своды. Послѣ этого дѣло строенія собора взялъ на себя уже самъ великій князь. Не надѣясь болѣе на своихъ московскихъ мастеровъ, онъ поручилъ своему послу, отправленному въ томъ же 1474-мъ году въ Венецію, найти и нанять тамъ хорошаго архитектора, а за простыми каменщиками послалъ во Псковъ, такъ какъ здѣшніе каменщики, бывъ учениками Нѣмцевъ, славились своимъ искусствомъ [2]). 25-го Марта слѣдующаго 1475-го года прибылъ изъ Венеціи знаменитый архитекторъ Аристотель Фіоравенти, которому великій князь и поручилъ строеніе собора [3]). Аристотель не нашелъ возможнымъ возстановлять полуразрушившееся зданіе московскихъ мастеровъ, но рѣшилъ, по совершенномъ его разобраніи, класть совсѣмъ новое. 16-го Апрѣля 1475-го года перенесены были изъ полуразвалившагося собора въ церковь св. Іоанна Лѣствичника, чтó подъ колоколами, рака съ мощами св. Петра и раки съ тѣлами прочихъ митрополитовъ, а на слѣдующій день, 17-го Апрѣля, начали разрушеніе уцѣлѣвшихъ отъ паденія стѣнъ собора, послѣ чего съ Іюня мѣсяца были копаны рвы для фундамента новаго собора и

---

[1]) Софійская лѣтопись говоритъ о мастерахъ: «не разумѣша силы въ томъ (каменностроительномъ) дѣлѣ, известь жидко растворяху съ пескомъ, ино не клеевито, а внутрь (между облицовкой внутренней и наружной) того же малаго каменія сбираху, да внутрь стѣны сыплюще да известію поливаху, якоже растворомъ тѣстенымъ. потому же не крѣпко дѣло: якоже тягина того каменія погнететъ въ мѣсто и правило стѣны извихляется». Собр. лѣтт. VI, 195 нач.. По словамъ той же лѣтописи, псковскіе каменщики, вызванные великимъ княземъ послѣ паденія собора, осматривая неудачную работу московскихъ мастеровъ, «дѣла ихъ похвалиша, что гладко дѣлали, да похулиша дѣло извести, занеже жидко растворяху, ино не клеевито».—ibid. стр. 198 fin..

[2]) Никон. лѣт. VI, 58 нач..

[3]) Объ Аристотелѣ (фамилія или прозваніе котораго правильно не Фіоравенти, какъ у насъ принято его звать, а Фіораванти) подробно въ Софійск. 2-й лѣтописи,—Собр. лѣтт. VI, 199; нѣкоторыя дополненія въ Типогр. лѣт. стр. 292. Cfr у *Пирлинга* въ La Russie et le Saint-Siège, I, 200.

былъ дѣлаемъ самый фундаментъ. Собственную кладку собора поверхъ фундамента Аристотель началъ въ слѣдующемъ 1476-мъ году,—22-го Апрѣля было приступлено къ работамъ, а 12-го Мая совершено было митрополитомъ молитвословіе основанія храма. Второй новый соборъ былъ строенъ, считая отъ начала работъ поверхъ земли, въ продолженіе четырехъ лѣтъ и оконченъ къ Августу 1479-го года. Этотъ второй новый соборъ, существующій до настоящаго времени, торжественно освященъ былъ митрополитомъ съ тремя епископами и со всѣмъ московскимъ духовенствомъ (всѣхъ семи соборовъ) за три дня до его храмового праздника—12-го Августа 1479-го года [1]). День перенесенія въ соборъ изъ церкви Іоанна Лѣствичника мощей св. Петра,—24-го Августа, было установлено праздновать на будущее время подобно тому, какъ и день перваго перенесенія или переложенія [2]). Объ архитектурѣ собора и его значеніи въ исторіи нашей церковной архитектуры мы скажемъ послѣ (во второй половинѣ тома).

Освященіе московскаго Успенскаго собора подало поводъ къ горячимъ спорамъ между великимъ княземъ и митрополитомъ о томъ, какъ ходить съ крестнымъ ходомъ при освященіи церкви—противъ солнца или по солнцу. Послѣ освященія собора какіе-то прелестники наклеветали великому князю на митрополита, что послѣдній неправильно поступилъ, ходивъ около церкви со крестами не по солнечному всходу. Великій князь, убѣжденный неизвѣстными прелестниками въ томъ, что митрополитъ дѣйствительно поступилъ неправильно, разгнѣвался на него, говоря, что того ради, т. е. такихъ погрѣшностей, гнѣвъ Божій приходитъ. Для разрѣшенія возникшаго вопроса обратились къ розыскамъ въ книгахъ и, много искавъ въ нихъ, ничего въ нихъ не нашли—какъ ходить при освященіи церквей, по солнцу или не по солнцу; но рѣчей и споровъ было много. Выступили архимандриты и игумены, которые хотѣли защищать митрополита; одинъ изъ этихъ послѣднихъ говорилъ: во Святой горѣ я видѣлъ освященіе церкви, и тамъ также ходили со крестами противъ солнца. Великій князь призвалъ для спора съ митрополитомъ ростовскаго архіепископа Вассіана и чудовскаго архимандрита Геннадія, которые держались одного съ нимъ мнѣнія и изъ которыхъ первый былъ въ то же время и личнымъ врагомъ митрополита. Вассіану и Геннадію митрополитъ приводилъ свидѣтельство, что когда діаконъ кадитъ въ олтарѣ, то ходитъ съ кадиломъ вокругъ

[1]) Подробности въ Типографск. лѣт. стр. 293 sqq.

[2]) А тѣла прочихъ митрополитовъ перенесены были въ соборъ 27-го Августа.

престола противъ солнца; а они съ своей стороны, не приводя никакого свидѣтельства, говорили: «солнце праведное Христосъ на ада наступи и смерть связа и души свободи, и того ради, рече, исходять на Пасху, тоже прообразують на утрени». Много споривъ, ни къ чему не пришли. Однако великій князь остался твердо при своемъ мнѣніи и, надѣясь побороть митрополита, не приказалъ освящать церквей, которыхъ въ то время было въ Москвѣ много готовыхъ къ освященію. Вслѣдствіе нашествія Ахмата, имѣвшаго мѣсто во второй половинѣ 1480-го года, на годъ или болѣе произошла остановка; а затѣмъ во второй половинѣ 1481-го года великій князь снова возобновилъ споръ [1]). Вѣроятно, на этотъ разъ споръ былъ соборный и открытый; какъ бы то ни было, но теперь на сторонѣ митрополита были всѣ священники и книжные начетчики («книжники»), монахи и міряне, а на сторонѣ великаго князя попрежнему были только двое—новый ростовскій архіепископъ Іоасафъ, заступившій мѣсто Вассіана 22-го Іюля 1481-го года, и тотъ же чудовскій Геннадій. Въ виду крайняго упорства великаго князя митрополитъ рѣшился наконецъ на то, чтобы, оставивъ митрополію, съѣхать въ Симоновъ монастырь и чтобы объявить, что онъ и совсѣмъ сложитъ съ себя санъ митрополичій, если великій князь не добьетъ ему челомъ и не перестанетъ настаивать на своемъ требованіи ходить посолонь. Имѣя противъ себя всѣхъ, а на своей сторонѣ только двоихъ, великій князь увидѣлъ себя вынужденнымъ смириться передъ митрополитомъ: онъ послалъ къ нему своего сына съ просьбою возвратиться на оставленный престолъ; когда митрополитъ не послушалъ просьбы, обращенной къ нему черезъ посла, великій князь поѣхалъ къ нему самъ и, объявляя во всемъ виноватымъ самого себя, обѣщалъ слушать его—митрополита во всемъ, а относительно хожденія со крестами отдавалъ въ его волю, какъ онъ прикажетъ и какъ было въ старину. Митрополитъ возвратился на свой престолъ, и этимъ окончился споръ. Покончивъ споръ, формальнаго устава для будущаго времени относительно спорнаго вопроса не положили.

---

[1]) Успенскій соборъ освященъ былъ 12-го Августа 1479-го года, а 26-го Октября того же года великій князь отправился въ Новгородъ, изъ котораго возвратился 13-го Февраля слѣдующаго 1480-го года.—Никон. лѣт. VI, 109. Лѣтопись, передающая исторію спора, даетъ знать, что прелестники наговорили великому князю на митрополита до его поѣздки въ Новгородъ, а что первый споръ происходилъ послѣ его возвращенія изъ послѣдняго.—Первыя войска противъ Ахмата были высланы изъ Москвы 8-го Іюня 1480-го года: бѣжалъ онъ 11-го Ноября того же года.

Мы передали разсказъ о спорѣ, какъ онъ читается въ лѣтописи [1]). Не совсѣмъ понятнымъ остается поведеніе великаго князя. Дается знать въ разсказѣ, что хожденіе противъ солнца составляло въ Москвѣ старину и было въ ней всеобщимъ обычаемъ, и слѣдовательно—что великому князю была внушена новина. Но когда онъ упорно стоялъ за новину, то, нѣтъ сомнѣнія, имѣлъ какія нибудь побужденія, которыя представлялись ему основательными. Эти-то побужденія ни прямо ни намеками вовсе и не указываются у лѣтописца. Когда послѣдній говоритъ въ заключеніе своего разсказа, что «устава же не учинили», то это необходимо понимать такъ, что хотя великій князь и увидѣлъ себя вынужденнымъ смириться передъ митрополитомъ, но что отъ своего мнѣнія не отказался, а поэтому и воспрепятствовалъ положить для будущаго времени формальный уставъ. Для рѣшенія спора естественно было бы обратиться съ вопросомъ къ Грекамъ, какъ у нихъ имѣетъ себя обычай; но великій князь, пропустивъ мимо ушей ссылку какого-то архимандрита или игумена на примѣръ Аѳона, вовсе этого не сдѣлалъ: какъ мы говорили выше, Русскіе уже перестали считать тогда Грековъ хранителями чистоты истиннаго православія и въ вопросахъ церковной обрядности уже вовсе не признавали болѣе ихъ авторитета [2]).

Мы сказали выше, что архіепископъ ростовскій Вассіанъ былъ личный врагъ митр. Геронтія. Въ 1478-мъ году у нихъ была бравь, доходившая до соборнаго суда, изъ-за Кириллова Бѣлозерскаго монастыря. Монахи кирилло-бѣлозерскіе, превозносясь, какъ говоритъ лѣ-

---

[1]) Софійской 2-й.—Собр. лѣтт. VI, стрр. 221 и 233.

[2]) Недавно стало извѣстнымъ посланіе къ митр. Геронтію о нашемъ спорѣ епископа Романова Торга. что̀ въ Молдавіи, Василія, писанное 2-го Февраля 1484-го года и принесенное въ Москву какимъ-то Михаиломъ Яковлевичемъ, см. Описаніе рукописныхъ сборниковъ Публичной Библіотеки *Бычкова*, I, 507, sub fin.. Дѣло, по всей вѣроятности, должно понимать такъ, что епископу сообщили о ведшемся въ Москвѣ спорѣ русскіе послы, приходившіе къ свату нашего великаго князя (съ 1482-го года) молдавскому воеводѣ Стефану, и что онъ—епископъ написалъ посланіе, не будучи прошенъ митрополитомъ, но возъимѣвъ собственное усердіе подтвердить (засвидѣтельствовать) послѣднему, что дѣйствительно надлежитъ ходить противъ солнца. Онъ пишетъ въ посланіи: «въ гречстѣмъ законѣ нищожно (ничто) дѣйствуетъ (не дѣйствуется) въ святой церкви по солну, али, господине, усе (все) по кадилу (т.-е. какъ діаконъ ходитъ, совершая кажденіе): а кто иметь дѣйствовати по солну у грецскомъ законии, а тотъ есть проклякъ (—тъ) отъ перваго собора 318 богоносныхъ отецъ, иже въ Никеи; у насъ латини тако творятъ»...

тописецъ, своимъ высокоуміемъ суетнымъ и богатствомъ, умыслили создать себѣ исключительное юридическое положеніе, а именно—чтобы, не состоя въ зависимости отъ епархіальнаго архіерея, каковымъ былъ архіепископъ ростовскій, находиться только въ подчиненіи у своего удѣльнаго князя. Они подговорили своего удѣльнаго князя Михаила Андреевича верейско-бѣлозерскаго [1]), чтобы онъ выпросилъ себѣ у митрополита грамоту, которою монастырь отдавался бы въ завѣдываніе его—князя и изъимался бы изъ-подъ власти ростовскаго архіепископа. Митрополитъ, слушая князя и вѣроятно—руководясь и какими нибудь личными побужденіями, далъ ему просимую грамоту. Архіепископъ ростовскій Вассіанъ, при такомъ посягательствѣ на его права, сначала билъ челомъ митрополиту, чтобы онъ не вступался въ его предѣлъ вопреки правиламъ. Когда митрополитъ не уважилъ его челобитья, онъ обратился съ жалобою къ великому князю и началъ просить себѣ у государя суда съ митрополитомъ по правиламъ. Великій князь сначала частнымъ образомъ обратился къ митрополиту; а когда этотъ не послушалъ его, послалъ взять его грамоту у Михаила Андреевича и повелѣлъ быть на Москвѣ собору всѣхъ епископовъ и архимандритовъ, чтобы дать на него судъ архіепископу. Послѣ многаго взысканія, бывшаго на соборѣ, митрополитъ убоялся соборнаго суда и обратился съ мольбой къ великому князю, чтобы онъ помирилъ его съ архіепископомъ и прекратилъ разбирательство. Великій князь это и сдѣлалъ, изодравъ грамоту митрополичью и указавъ съ соборомъ по прежнему находиться Кириллову монастырю въ полной власти архіепископа. Сказаніе о брани Геронтія съ Вассіаномъ, читаемое въ лѣтописяхъ [2]), увѣряетъ, что все это зло было отъ тогда бывшаго кирилловскаго игумена новоначальнаго (въ немъ или пришлаго) Нифонта (послѣ епископа суздальскаго) и отъ новоначальныхъ монаховъ и отъ прихожихъ смутовъ и что старые старцы монастыря (и тутошные) постриженники молились со слезами Богу, чтобы Онъ укротилъ брань, а имъ бы жить въ повиновеніи у своего святителя—ростовскаго архіепископа, какъ жилъ ихъ преподобный старецъ Кириллъ.

Съ другимъ защитникомъ хожденія посолонь, архимандритомъ чудовскимъ Геннадіемъ, митрополиту наоборотъ удалось разсчитаться самому. Въ 1482-мъ году навечеріе Богоявленія случилось въ воскре-

---

[1]) Михаилъ Андреевичъ былъ двоюродный дядя Ивана Васильевича, внукъ Дмитрія Ивановича Донскаго.

[2]) Никон. лѣт. VI, 106, и Типогр. лѣт. стр. 290; также Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 33 fin..

сенье, и Геннадій, вѣроятно—руководствуясь уставомъ, въ которомъ ничего прямо не говорилось о томъ, когда пить воду, но въ которомъ предписывалось: «литургію отпѣвъ вкусити по укруху хлѣба во церкви и по чаши вина, и вечерню начинати и воду святати», приказалъ своей братіи пить богоявленскую воду послѣ ѣды. Митрополитъ объявилъ это за тяжкое преступленіе и послалъ силой изымать архимандрита и привести къ себѣ. Геннадій убѣжалъ было къ великому князю; но митрополитъ самъ пошелъ къ послѣднему и говорилъ противъ него, требуя его выдачи: «самовластно первіе учинилъ, что мене не спросился; другое, что такую священную воду обезчестилъ, юже святіи отци оглашенымъ (покаяльникамъ или находящимся подъ епитиміей) въ причастія мѣсто повелѣша единою въ году на Пасху испивати, а непокаяльникомъ тогда на Богоявленіе (въ самое Богоявленіе) пити преже доры, а онъ и ѣдши велѣлъ пити». Великій князь выдалъ Геннадія митрополиту, а послѣдній приказалъ сковать его и посадить подъ палатою въ ледникъ. Наконецъ, государь съ своими боярами отпечаловалъ его у митрополита, ссылаясь на то, что митр. Ѳеодосій, бывъ ростовскимъ архіепископомъ, допустилъ подобное же преступленіе, но что Іона митрополитъ, теперь чудотворецъ, потязалъ его, но послѣ принесеннаго имъ покаянія преподалъ ему прощеніе [1]).

Въ 1478-мъ году послѣ окончательнаго покоренія Новгорода вел. кн. Иванъ Васильевичъ взялъ или отобралъ на себя въ послѣднемъ довольно значительную часть недвижимыхъ церковныхъ имѣній,—десять волостей у самого владыки новгородскаго и по половинѣ волостей у шести наиболѣе богатыхъ имѣніями монастырей. Эта частная секуляризація недвижимыхъ церковныхъ имѣній считается прологомъ къ той общей секуляризаціи, рѣчи о которой были подняты при самомъ же Иванѣ Васильевичѣ. Мы возвратимся къ нашему случаю послѣ, когда будемъ говорить о поднятіи сейчасъ указанныхъ рѣчей.

Въ концѣ 1483-го года митр. Геронтій, бывъ боленъ, съѣхалъ въ Симоновъ монастырь, въ намѣреніи оставить митрополію; но потомъ оздоровѣлъ и снова захотѣлъ возвратиться на свой столъ. Тогда великій князь, слишкомъ непріятно и унизительно для себя окончившій споръ съ митрополитомъ о хожденіи со крестами вокругъ церквей, употребилъ было сильныя старанія, чтобы не дать ему исполнить своего намѣренія и чтобы получить такимъ образомъ возможность замѣнить его другимъ. Вотъ любопытный разсказъ объ этомъ лѣтописи:

---

[1]) Софійск. 2-я лѣтоп. въ Собр. лѣтт. VI, 234 (въ которой и о томъ, что предписывалось въ тогдашнемъ Уставѣ относительно нашего случая).

«того же лѣта (въ Ноябрѣ 1483-го года) Геронтей митрополитъ хотѣлъ оставить митрополію и съѣха въ монастырь на Симоново и съ собою ризницу и посохъ взя, понеже боленъ; и оздравѣ и хотѣ опять на митрополію; князь же великій не восхотѣ его, (но митрополитъ) и неволею не остави митрополіи; и посла къ нему (князь) Пасею (старца Паисія Ярославова, о которомъ будемъ говорить ниже), и не може ввести его въ то (т. е. чтобы согласился оставить митрополію): многажды убѣгалъ изъ монастыря и имаша его, и тужи много по митрополіи; князь же великій поча думати съ Пасеею: пригоже ли его опять на митрополію, хотяше бо его самого (Паисія) на митрополію, онъ же (Паисій) не хотяше» [1]... Дѣло кончилось тѣмъ, что ровно черезъ годъ по удаленіи Геронтія въ монастырь «въ тотъ же день по Кузмѣ-Демьновѣ дни по осеннемъ возведе князь великій того же митрополита Геронтія на столъ [2]).

Сохранились до настоящаго времени двѣ грамоты митр. Геронтія на Вятку, писанныя — одна къ тамошнему духовенству, другая ко всѣмъ тамошнимъ мірянамъ [3]). Грамоты эти, содержаніе которыхъ—обличенія священникамъ за плохую христіанскую жизнь ихъ собственную и ихъ пасомыхъ и укоризны мірянамъ за ихъ непокореніе великому князю и грабленія, показываютъ, что митр. Геронтій ни самъ не обладалъ способностію писать грамоты и не имѣлъ у себя хорошаго дьяка, который бы дѣлалъ это за него. Наши грамоты представляютъ собою не что иное, какъ буквальное въ цѣломъ воспроизведеніе грамотъ на Вятку св. Іоны [4]) съ весьма незначительными и не особенно искусно сдѣланными частными измѣненіями. Одно изъ этихъ измѣненій можетъ быть признано за существенное и состоитъ въ томъ, что мірянамъ въ случаѣ ихъ нераскаянности св. Іона грозитъ своимъ неблагословеніемъ въ общихъ выраженіяхъ, а Геронтій грозитъ имъ прямо, что вышлетъ изъ ихъ земли священниковъ и затворитъ у нихъ церкви.

Во второй половинѣ 1480-го года имѣло мѣсто нашествіе на Москву хана Ахмата, которымъ окончилось владычество Татаръ надъ нашимъ отечествомъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ, какъ извѣстно, велъ себя при этомъ случаѣ далеко не блистательнымъ образомъ и настоя-

---

[1]) Софійск. 2-я лѣтоп. въ Собр. лѣтт. VI, 236; тоже въ Типогр. лѣтоп. стр. 307.

[2]) Соф. лѣт. ibidd..

[3]) Акт. Ист. т. I, №№ 97 и 98.

[4]) Тѣхъ грамотъ, которыя въ Акт. Ист. т. I, № 261, и у *Павл.* № 73.

тельнѣйше нуждался въ томъ, чтобы истинные сыны отечества употребили къ его воодушевленію всѣ свои усильнѣйшія старанія. [1]) Наше высшее духовенство показало себя въ эти, истинно рѣшительныя для отечества, минуты самымъ достойнымъ образомъ, но не въ лицѣ нелюбимаго великимъ княземъ и какъ разъ въ то время находившагося въ ссорѣ съ нимъ митрополита, а въ лицѣ его—государева духовника,—архіепископа ростовскаго Вассіана. Митрополитъ писалъ великому князю соборное посланіе въ лагерь на Угру, возбуждая его къ мужественному стоянію противъ христоненавистнаго врага [2]). Но въ этомъ посланіи, краткомъ и офиціально-блѣдномъ, нѣтъ ничего похожаго на ту смѣлость и прямоту, съ которыми увѣщаваетъ великаго князя Вассіанъ въ своемъ къ нему посланіи [3]).

Лѣтомъ 1481-го года были поставлены митр. Геронтіемъ одинъ за другимъ три епископа: Іоасафъ ростовскій, Герасимъ коломенскій и Сумеонъ рязанскій, и одна изъ лѣтописей сопровождаетъ извѣстіе объ этихъ поставленіяхъ неожиданнымъ и загадочнымъ плачемъ Іереміинымъ: «увы, увы,—восклицаетъ она,—погибе благовѣрный отъ земли грѣхъ ради нашихъ, по Давиду: спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный, яко умалишася истины отъ сыновъ человѣческихъ, суетная глагола кождо ко искреннему своему» [4]). Этотъ загадочный плачъ можетъ быть понимаемъ двояко: или что въ епископы были поставлены люди недостойные, или что они достигли епископства путями недостойными. То или другое, но дается намъ знать, что правленіе митр. Геронтія не было однимъ изъ лучшихъ правленій...

Обращаемся къ ереси Жидовствующихъ [5]).

---

[1]) Трусость Ивана Васильевича Карамзинъ старается превратить въ мудрую осмотрительность: но далеко не особенно удачно.

[2]) Въ Акт. Ист. т. I, № 90.

[3]) О посланіи Вассіана см. во второй половинѣ тома, въ главѣ о просвѣщеніи.

[4]) Типографск. лѣт. стр. 304 fin..—4-го Апрѣля 1473-го въ московскомъ Кремлѣ былъ большой пожаръ, при чемъ сгорѣлъ митрополичій дворъ.—Никон. лѣт. VI. 52. Вмѣсто сгорѣвшаго двора митр. Геронтій поставилъ новый дворъ, изъ построекъ котораго упоминаются: кирпичные у него—двора ворота, складенные въ томъ же 1473-мъ году: палата каменная, заложенная въ 1473-мъ году и оконченная къ осени 1474-го года: домовая церковь Ризположенія, заложенная въ 1484-мъ году и освященная 21-го Августа 1486-го года.—Никон. лѣт. VI, стрр. 55, 59, 119 и 121.

[5]) Главный источникъ свѣдѣній объ ереси составляетъ такъ называемый Просвѣтитель преп. Іосифа Волоколамскаго, непосредственно современное историческо-

Ересь Жидовствующихъ, представлявшая въ своемъ подлинномъ видѣ чисто жидовство, съ совершеннымъ отрицаніемъ христіанства, такъ что одно принимаемо было вмѣсто другаго, а въ своемъ неподлинномъ видѣ — бо́льшее или меньшее христіанское вольномысліе, о чемъ скажемъ ниже, возникла въ Новгородѣ, въ 1470—71-мъ году, въ правленіе митр. Филиппа. Мы говорили выше, что въ 1470-мъ году Новгородцы выпросили себѣ у короля польскаго на кормленіе кіевскаго князя Михаила Александровича или Олельковича, который прибылъ къ нимъ 8-го Ноября нашего года. Князя сопровождала большая свита. Въ свитѣ этой между другими находился жидъ, по имени Схарія, который, бывъ знакомъ князю, присоединился къ числу его спутниковъ или для торговли или, можетъ быть, только подъ видомъ торговли. Этотъ-то жидъ Схарія и былъ основателемъ въ Новгородѣ секты Жидовствующихъ. Болѣе или менѣе въ непродолжительномъ времени послѣ своего прибытія въ Новгородъ онъ совратилъ въ жидовство одного изъ здѣшнихъ священниковъ, по имени Діонисія (Дениса); священникъ Діонисій привелъ къ нему другаго священника—Алексѣя [1]), который также сталъ его прозелитомъ: два священника и были первоначальниками секты. Послѣ ихъ обращенія въ жидовство пришло изъ Литвы на помощь Схаріи нѣсколько другихъ жидовъ [2]), и они—совращенные, будучи исполнены величайшей ревности къ своей новой вѣрѣ, для изученія этой послѣдней, непрестанно пребывали въ обществѣ своихъ новыхъ единовѣрцевъ; послѣ самихъ себя они совратили въ жидовство своихъ женъ и дѣтей. Оба священника хотѣли было и обрѣзаться, но до этого не допустили ихъ жиды, говоря, что въ случаѣ подозрѣній на нихъ они могутъ быть чрезъ это обличены и что жидовства они должны держаться тайно, а явно должны оставаться христіанами. Священнику Алексѣю, который преимуществовалъ предъ Діонисіемъ, съ его женой жиды перемѣнили имена, его самого назвавъ Авраамомъ, а жену его—Саррой [3]).

полемическое сочиненіе, о которомъ будемъ говорить ниже. Цитовать его мы будемъ по Казанскому изданію 1855-го года.

[1]) Съ Михайловской улицы (что́ на Софійской сторонѣ, вѣроятно—отъ церкви архангела Михаила): Просвѣтит. стр. 44.

[2]) Преп. Іосифъ въ Просвѣтителѣ, стр. 44: «пріидоша изъ Литвы инін жидове, имже имена: Осифъ Шмойло Скарявей Мосей Ханушъ». Что́ тутъ имена, что́ прозванія, рѣшить трудно. Пришло не болѣе пяти человѣкъ, но менѣе ли, и если менѣе, то сколько именно, остается неизвѣстнымъ.

[3]) Просвѣтит. стр. 43 sqq.

Послѣ сейчасъ сказаннаго нами жидъ Схарія и другіе пришедшіе было на помощь ему жиды совершенно исчезаютъ изъ исторіи секты Жидовствующихъ, такъ что болѣе о нихъ вовсе не упоминается, а дальнѣйшими распространителями ереси и настоящими основателями секты являются наши священники Алексѣй и Діонисій. Что сталось съ жидами, остается неизвѣстнымъ. Но во всякомъ случаѣ, было ли такъ, что они удалились изъ Новгорода вскорѣ послѣ того, какъ достаточно научили жидовству нашихъ двухъ священниковъ, или оставались въ немъ и послѣ сего,—на это обстоятельство, что по совращеніи двоихъ они не вели дальнѣйшей пропаганды сами, а предоставили ее этимъ двоимъ, едва ли должно смотрѣть какъ на обстоятельство случайное. Пропаганда самихъ жидовъ, бывъ поведена въ цѣломъ обществѣ, могла бы скоро обратить на себя вниманіе и быть открытою; а поэтому они, въ видахъ лучшаго сохраненія тайны, и могли поставить дѣло такъ, чтобы въ двухъ совращенныхъ ими священникахъ приготовить пропагандистовъ изъ самихъ Русскихъ и чтобы потомъ дальнѣйшую проповѣдь повести черезъ нихъ [1].

Какъ бы то ни было, но послѣ небольшаго начала, положеннаго самими жидами въ совращеніи двухъ священниковъ, дальнѣйшими распространителями ереси и настоящими основателями секты были эти два священника—Алексѣй и Діонисій. Пропаганда новой вѣры, бывъ поведена ими ревностно, увѣнчалась успѣхомъ: имъ удалось совратить въ нее многихъ изъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ и многихъ изъ простыхъ людей; между священниками былъ совращенъ даже самъ протопопъ Софійскаго собора Гавріилъ [2]. Ересь существовала въ Нов-

---

[1]) Князь Михаилъ Александровичъ пробылъ въ Новгородѣ весьма недолго, и всего 4 мѣсяца и 8 дней, оставивъ его 15-го Марта 1471-го года. Но чтобы жиды удалились изъ Новгорода вмѣстѣ съ нимъ, это не представляется вѣроятнымъ, потому что въ семъ случаѣ они не успѣли бы достаточно научить жидовству священниковъ Алексѣя и Діонисія. По этой же причинѣ не представляется слишкомъ вѣроятнымъ думать и того, чтобы они удалились передъ нашествіемъ на Новгородъ великаго князя Ивана Васильевича, которое имѣло мѣсто въ Іюнѣ—Іюлѣ 1471-го года (а извѣстіе Татищева, будто Схарія вмѣстѣ съ иными казненъ былъ Иваномъ Васильевичемъ въ Новгородѣ,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847, IV, 109, есть настоящій и притомъ безсмысленный апокрифъ: невозможно, чтобы умолчали объ этомъ Геннадій и преп. Іосифъ, и тогда первый не открывалъ бы ереси случайнымъ образомъ только въ 1487-мъ году).

[2]) Преп. Іосифомъ называются по именамъ, кромѣ протопопа Гавріила: Ивашка Максимовъ, зять священника Алексѣя, отецъ его попъ Максимъ, Гридя Клочъ, Гри-

городѣ, оставаясь неизвѣстною правительству и не бывъ открыта имъ, въ теченіе 17-ти лѣтъ: въ это продолжительное время, бывъ пропагандируема какъ самими ея первоначальниками, такъ и многими другими изъ числа совращенныхъ, она не умножала числа своихъ послѣдователей въ однихъ только стѣнахъ самаго города, но успѣла распространиться и по селамъ области новгородской. Какъ специальное средство къ распространенію своего ученія еретики употребляли священство. Они нарочно искали поставленія во священники, чтобы потомъ совращать своихъ духовныхъ дѣтей [1]).

Послѣ десятилѣтняго существованія въ Новгородѣ жидовство перешло изъ него въ Москву. Въ концѣ 1479-го года вел. кн. Иванъ Васильевичъ ходилъ въ Новгородъ; ему очень понравились наши священники Алексѣй и Діонисій, тайные главные прозелиты и пропагандисты или какъ бы патріархи жидовства, и онъ перевелъ ихъ изъ Новгорода въ Москву, съ тѣмъ, чтобы перваго изъ нихъ сдѣлать протопопомъ Успенскаго собора, а втораго священникомъ Архангельскаго собора. И въ Москвѣ такъ же, какъ въ Новгородѣ, Алексѣй и Діонисій успѣли совратить въ жидовство многихъ, въ числѣ которыхъ главными были: архимандритъ Симоновскаго монастыря Зосима и думный (посольскій) дьякъ великаго князя Өедоръ (Васильевичъ) Курицынъ. Въ Курицынѣ и нѣкоторыхъ другихъ совращенныхъ (крестовыхъ дьякахъ или дьячкахъ великаго князя Истомѣ и Сверчкѣ и въ купцѣ

горій Тучинъ, «его же отецъ бяше въ Новѣградѣ велику власть имѣя» (если по имени Григорій же, то былъ посадникомъ), попъ Григорій, сынъ его Самсонка, Гридя дьякъ Борисоглѣбскій, Лаврешъ, Мишукъ Собака, Васюкъ Сухой, зять священника Діонисія, попы Өеодоръ и Василій Покровскіе, попъ Яковъ Апостольскій (отъ церкви апостоловъ), Юрька Семеновъ сынъ Долгаго, Авдей да Степанъ крилошане, попъ Иванъ Воскресенскій, Авдокимка Люлишь, діаконъ Макаръ, дьякъ Самуха, попъ Наумъ, стр. 44 fin..

[1]) Геннадій, архіепископъ новгородскій, въ посланіи къ Іоасафу, бывшему архіепископу ростовскому отъ Февраля 1489-го года (Чтеній Общ. Ист. и Древн. 1847-го года № 8): «Та прелесть здѣся распростерлася не только во градѣ, но и по селомъ: а все отъ поповъ, которые еретики становили(ся) въ попы ..; да того ради и въ попы ся ставятъ, чтобы кого, какъ мощно, въ свою ересь привести, занежъ уже дѣти духовныя имутъ держати». То же преп. Іосифъ Волоколамскій въ Просвѣтителѣ, стр. 600 нач.. См. также посланіе Геннадія къ Нифонту суздальскому у *Хрущова* въ Изслѣдованіи о сочиненіяхъ Іосифа Санина, источнн. стр. XXIII (зараженные ересью попъ да дьякъ съ Ояти;—опущенное о нихъ у Хрущова см. отчасти у *Карамзина*, къ т. VI прим. 324, col. 51).

Кленовѣ) Алексѣй съ Діонисіемъ нашли себѣ и ревностныхъ помощниковъ въ распространеніи ихъ новой вѣры [1]).

Въ продолженіе 17-ти лѣтъ секта Жидовствующихъ существовала въ Новгородѣ и Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ, куда успѣла распространиться изъ Новгорода и Москвы, оставаясь, какъ сказали мы, совершенно неизвѣстною правительству. Наконецъ, во второй половинѣ 1487-го года она случайнымъ образомъ открыта была въ Новгородѣ [2]). Пьяные еретики, затѣявъ ссору между собой, начали урекаться и своими уреканіями выдали тайну существованія секты, о чемъ доведено было до свѣдѣнія архіепископа [3]). Новгородскимъ архіепископомъ былъ тогда Геннадій, о которомъ мы говорили выше, какъ объ архимандритѣ Чудовскомъ, и который былъ поставленъ изъ архимандритовъ въ архіепископы 12-го Декабря 1484-го года [4]). Геннадій и возбудилъ правительственное преслѣдованіе секты.

Получивъ неожиданныя свѣдѣнія о существованіи въ Новгородѣ какого-то противоцерковнаго общества,—ибо сначала было узнано только это, Геннадій тотчасъ же донесъ о своемъ открытіи великому князю и митрополиту. Отъ великаго князя полученъ былъ отвѣтъ: «того беречи, чтобъ то лихо въ земли не распростерлося». Тогда Геннадій приступилъ къ формальному обыску еретиковъ [5]). Послѣ общихъ неопредѣленныхъ свѣдѣній, вѣроятно, не скоро узналъ бы онъ что нибудь положительное о сектѣ, такъ какъ самое упорное запирательство и употребленіе при этомъ всевозможныхъ клятвъ составляло одинъ изъ сектанскихъ догматовъ [6]); но ему помогло то, что одинъ изъ совра-

---

[1]) Іосифъ въ Просвѣтит. стр. 50 sqq.

[2]) Геннадій новгородскій въ посланіи къ митр. Зосимѣ, писанномъ въ Октябрѣ 1490-го года, говоритъ, что «три годы минуло, а ужъ четвертый насталъ» послѣ того, какъ сдѣлано первое открытіе секты,—Акт. Эксп. т. I, № 380, стр. 482 col. 1 sub fin., въ Памятнн. *Павл.* col. 776 sub fin..

[3]) Геннадій ibid., Акт. стр. 479 col. 1 нач., Памм col. 767 нач.: «отъ жидовина распростерлась ересь въ Ноугородской землѣ, а держали ее тайно, да потомъ почали урекатись вопьянѣ, и азъ послышавъ то»...

[4]) Ѳеофилъ, о которомъ говорили мы выше, бывъ поставленъ въ архіепископы 15-го Декабря 1471-го года, низведенъ былъ съ каѳедры 24-го Января 1480-го года: ему наслѣдовалъ Сергій,—первый не изъ Новгородцевъ, занимавшій каѳедру весьма недолго,—съ 4-го Сентября 1483-го года по 27-е Іюня слѣдующаго 1484-го года; преемникомъ Сергія былъ Геннадій.

[5]) Геннадій въ сейчасъ выше указанномъ посланіи къ Зосимѣ.

[6]) О запирательствѣ, какъ объ одномъ изъ сектанскихъ догматовъ, имѣвшемъ немаловажное значеніе въ исторіи сектантовъ, нарочито говорятъ Геннадій въ сво-

щенныхъ священниковъ, по имени Наумъ, отрекся отъ жидовства и снова возвратился къ церкви: священникъ этотъ сообщилъ ему свѣдѣнія о существѣ и ученіи секты и доставилъ ему книги, по которымъ они совершали свои молитвы [1]. Обыскъ, вслѣдствіе рѣшительнаго запирательства сектантовъ, привелъ Геннадія къ немногому: онъ нашелъ четырехъ только человѣкъ, которые могли быть обвинены въ принадлежности къ сектѣ (двухъ священниковъ и двухъ дьяковъ [2]) и которыхъ онъ поэтому арестовалъ и отдалъ на поруки. Обвиненные, выдавъ своихъ поручителей, убѣжали изъ Новгорода въ Москву [3]), въ надеждѣ, какъ должно думать, найти тамъ защиту у протопопа Алексѣя и Ѳедора Курицына, которые пользовались величайшимъ и исключительнымъ расположеніемъ великаго князя [4]). Геннадій послалъ къ великому князю и къ митрополиту свое обыскное дѣло о бѣжавшихъ, съ присоединеніемъ показаній объ ереси отрекшагося отъ нея священника Наума, и тетради, по которой молились Жидовствующіе, [5]) и продолжалъ свой обыскъ. Но такъ какъ въ Москвѣ нѣсколько замедлили

ихъ посланіяхъ (особенно къ Іоасафу ростовскому) и преп. Іосифъ въ Просвѣтителѣ (особенно стр. 600).

[1]) Геннадій въ посланіи къ епископу сарскому Прохору (цитата сейчасъ ниже): «послалъ (есмя) грамоту, да и подлинникъ къ митрополиту, что попъ Наумъ сказывалъ, да и тетрадь, по чему они молились по-жидовски, и ты тамо узришь все, что ся какъ чинило и (какъ) превращены псалмы на ихъ обычаи: и только бы попъ Наумъ не положилъ покаянія да и въ христіанство опять не захотѣлъ, ино какъ бы мощно увѣдати?» Онъ же въ посланіи къ Іоасафу, бывшему ростовскому (питата выше): «(обо всемъ ученіи Жидовствующихъ) ми накрѣпко высказалъ ихъ товарищъ попъ Наумъ, да и псалмы ко мнѣ принесъ, по чему они себѣ правили по-жидовски».

[2]) Попа Григорія съ сыномъ Самсонкомъ, попа Ересима (Герасима?) и Гридю, дьяка Борисоглѣбскаго.

[3]) Геннадій въ указанномъ выше посланіи къ Зосимѣ, Акт. стр. 479 col. 1, Памм. col. 767, cfr грамоты великаго князя и митрополита къ Геннадію отъ 1488-го года, которыя цитуются сейчасъ ниже.

[4]) Преп. Іосифъ въ Просвѣтителѣ, стр. 52: «Толико же дерзновеніе тогда имяху къ державному протопопъ Алексѣй и Ѳеодоръ Курипынъ, яко никто же инъ».

[5]) Геннадій въ посланіи къ Зосимѣ ibidd., и въ посланіи къ Прохору, что̀ приведено выше. Къ Прохору онъ писалъ одновременно съ тѣмъ, какъ послалъ обыскъ къ великому князю и митрополиту. О содержаніи посланія, съ выдержками изъ него,—у *Хрущова* ibid., источнн. стр. XVI fin. (а о времени написанія—въ посланіи его—Геннадія къ Нифонту Суздальскому,—ibid. стр. XXII).

произнесеніемъ приговора о четверыхъ бѣжавшихъ сюда, что̀ вѣроятно было понято сектантами въ томъ смыслѣ, что вліяніе Алексѣя и Курицына оказываетъ свое дѣйствіе: то обыскъ, какъ выражается самъ Геннадій, чинился не крѣпко [1]), т. е. какъ нужно понимать, въ виду наглаго и рѣшительнаго запирательства сектантовъ не приводилъ ни къ чему. Великій князь съ митрополитомъ, съ епископами и со всѣмъ соборомъ судилъ бѣжавшихъ въ Москву изъ Новгорода въ Январѣ—началѣ Февраля 1488-го года; обвиненные во всемъ заперлись; но относительно троихъ изъ числа четверыхъ (двухъ священниковъ и одного изъ двухъ дьяковъ [2]), поелику на нихъ были свидѣтельства въ обыскѣ Геннадіевомъ, признано было доказаннымъ по крайней мѣрѣ то, что они въ пьяномъ видѣ поругались святымъ иконамъ. Государь приказалъ этихъ троихъ подвергнуть градской казни,—бить по торгу кнутьемъ [3]), а архіепископу Геннадію отъ 13-го Февраля 1488-го года написалъ грамоту, въ которой приказывалъ: во-первыхъ, на троихъ подвергнутыхъ въ Москвѣ градской казни собрать архіепископу соборъ у себя и если они и передъ нимъ не покаются въ своей ереси, предать ихъ новгородскимъ великокняжескимъ намѣстникамъ для новой таковой же казни; во-вторыхъ, продолжать розыски еретиковъ съ сейчасъ помянутыми намѣстниками, и кто изъ обличенныхъ въ ней будетъ достоинъ церковной казни, тѣхъ казнить ему—архіепископу сею казнію по своему разсужденію, а кто будетъ достоинъ по правиламъ градской казни, тѣхъ посылать ему къ намѣстникамъ для паказанія ихъ градскою казнію по разсужденію послѣднихъ [4]).

Получивъ грамоту великаго князя, Геннадій ревностно принялся за розыскъ еретиковъ [5]). Тѣхъ изъ нихъ, которые каялись и «свои

---

[1]) Въ посланіи къ епископу Нифонту суздальскому, которое указано сейчасъ выше и которое было отправлено въ Январѣ 1488-го года. Списокъ посланія къ Нифонту былъ отправленъ еще Геннадіемъ къ Филоѳею пермскому,—см. у *Хрущ.* ibidd. XXIII fin..

[2]) Сына Григорьева Самсонки.

[3]) Софійская 2-я лѣтопись подъ 1488-мъ годомъ,—въ Собр. лѣтт. VI, 238: «тое же зимы биша поповъ Новугородскихъ по торгу кнутьемъ, присла бо ихъ изъ Новагорода къ великому князю владыка Генадей, что пьяни поругалися святымъ иконамъ, и посла ихъ (великій князь) опять ко владыцѣ».

[4]) Грамота великаго князя къ Геннадію, вмѣстѣ съ повторяющею ее грамотою къ нему митрополита, въ Акт. Ист. т. I, № 585, и въ Памятнн. *Павлова* № 114.

[5]) Въ посланіи къ Іосафу ростовскому онъ пишетъ: «и молитвами Пречистыя

дѣйства писали на себя сами своими руками», онъ принималъ въ покаяніе или возсоединялъ съ церковію, приказывая имъ приходить къ храмамъ и не входя въ послѣдніе молиться внѣ ихъ; а которые не каялись и продолжали хвалить жидовскую вѣру, тѣхъ онъ предавалъ намѣстникамъ, чтобы эти послѣдніе подвергали ихъ градской казни. Свои розыски объ еретикахъ не покаявшихся Геннадій послалъ къ великому князю и къ митрополиту, чтобы на Москвѣ они окончательно были осуждены посредствомъ соборнаго проклятія и чтобы окончательно были подвергнуты гражданскимъ казнямъ. Но на Москвѣ этого исканнаго архіепископомъ конца еретикамъ не учинили [1]). Митр. Геронтій, продолжавшій, какъ нужно думать, свою вражду къ Геннадію и въ то же время находившійся въ весьма плохихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ, по словамъ современнаго историка и обличителя ереси Жидовствующихъ, преп. Іосифа Волоколамскаго, не показалъ о дѣлѣ ни малаго попеченія [2]); съ своей стороны великій князь, вѣроятно—по вліянію протопопа Алексѣя и Өеодора Курицына, не далъ ему никакого движенія: «положили, говоритъ Геннадій,—то дѣло (въ Москвѣ) ни за что, какъ бы Новгородъ съ Москвою—не едино православіе» [3]), т. е. какъ будто бы Москвѣ не было никакихъ заботъ до Новгорода. Совершенное невниманіе государя и митрополита къ представленіямъ архіепископа имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что и тѣ новгородскіе еретики, которые покаялись было, снова обратились къ жидовству. Услышавъ, что въ Москвѣ ихъ братья, вслѣдствіе вліянія Өеодора Курицына, живутъ въ ослабѣ, еретики эти сбѣжали изъ Новгорода сюда [4]).

Въ такомъ положеніи оставалось правительственное преслѣдованіе ереси Жидовствующихъ до смерти митр. Геронтія, которая послѣдовала 28-го Мая 1489-го года.

Послѣ очень продолжительнаго медленія, которое, вѣроятно, было не безъ какого либо значенія, но въ объясненіе котораго мы ничего

Богородицы и его (великаго князя) государскою грозою съ его бояры (намѣстниками) того есьмя обыскали накрѣпко»...

[1]) Геннадій въ посланіи къ Зосимѣ отъ Октября 1490-го года,—Акт. Эксп. т. I, № 380. стр. 479. и Памятни. *Павл.* col. 768.

[2]) Въ Просвѣтит. стр. 53.

[3]) Въ посланіи къ Іоасафу бывшему Ростовскому.

[4]) «Та бѣда стала, по словамъ Геннадія, съ тѣхъ мѣстъ, какъ Курицынъ изъ Угорскія земли пріѣхалъ»—въ указанномъ посланіи къ Зосимѣ стр. 480 col. 2 fin. (Посланный въ Венгрію въ 1482-мъ году,—Никон. лѣт. VI, 117. Курицынъ возвратился изъ нея неизвѣстно когда до 1488-го года. — *Карамз.* къ т. VI прим. 273. Ср. Сборникъ Моск. Гл. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. в. V. М. 1893 г., стр. 291 и 296).

не можемъ сказать, 26-го Сентября 1490-го года поставленъ былъ въ митрополиты архимандритъ Симоновскій Зосима, тайный послѣдователь нашей ереси [1]). Преп. Іосифъ Волоколамскій говоритъ, что протопопъ Алексѣй передъ своею смертію, которая случилась спустя непродолжительное время послѣ смерти митр. Геронтія, «своимъ волхвованіемъ подойде державнаго, да поставитъ на престолѣ святительскомъ сквернаго сосуда сатанина, его же онъ напои яда жидовскаго» [2]).

Но соборное осужденіе еретиковъ, котораго не было произнесено при православномъ Геронтіи, было произнесено при тайномъ еретикѣ Зосимѣ тотчасъ послѣ его вступленія на митрополичью каѳедру. Геннадію счастливо помогли въ этомъ случаѣ обстоятельства въ соединеніи съ его отважной смѣлостью. Ко времени поставленія Зосимы оставалась праздною епископская каѳедра коломенская [3]). Великій князь хотѣлъ, чтобы епископъ былъ избранъ тѣмъ же соборомъ, который совершилъ избраніе митрополита, и поэтому послѣдній обратился къ Геннадію, который не былъ вызываемъ въ Москву для его избранія, а посылалъ свою повольную грамоту, съ предложеніемъ прислать таковую же грамоту и для избранія епископа. Этимъ и воспользовался Геннадій, чтобы вынудить у новаго митрополита и у государя произнесеніе соборнаго суда на еретиковъ. Обратившись къ митрополиту съ настоятельнѣйшимъ представленіемъ о необходимости этого суда, онъ не далъ своей повольной грамоты на томъ основаніи, что если избраніе епископа будетъ совершено прежде осужденія еретиковъ, то можетъ быть избранъ или прямой еретикъ или человѣкъ, находившійся въ общеніи съ ними. Одновременно съ посланіемъ къ митрополиту Геннадій адресовалъ свое посланіе къ собору епископовъ, присутствовавшихъ въ Москвѣ, въ которомъ обращается къ епископамъ съ тѣмъ же настоятельнѣйшимъ представленіемъ о необходимости соборнаго осужденія еретиковъ и въ которомъ извѣщаетъ ихъ, что онъ не далъ своей грамоты на избраніе епископа коломенскаго [4]). Хотя Геннадій,

---

[1]) Зосима былъ по прозванію Брадатый. Въ 1471-мъ году вел. кн. Иванъ Васильевичъ, отправляясь на Новгородъ, взялъ съ собой дьяка своей матери Стефана Бородатаго, умѣвшаго говорить по русскимъ лѣтописямъ, чтобы онъ могъ вычислить Новгородцамъ ихъ измѣны прежнимъ великимъ князьямъ. Ученый дьякъ, можетъ быть, былъ братъ или вообще родственникъ Зосимы.

[2]) Въ Просвѣтит., стр. 54.

[3]) Епископъ коломенскій Герасимъ Смердковъ умеръ за 12 дней до Геронтія 16-го Мая 1489-го года.

[4]) Посланіе Геннадія къ Зосимѣ въ Акт. Эксп. т. I, № 380 и у *Павл.* въ

отказавъ въ своей повольной грамотѣ, поступилъ не совершенно законно [1]); но этотъ смѣлый его отказъ, вѣроятно—подкрѣпляемый общимъ голосомъ епископовъ въ пользу его требованія [2]), имѣлъ своимъ слѣдствіемъ то, что великій князь, прежде чѣмъ избирать епископа коломенскаго, приказалъ собору произнести осужденіе на еретиковъ. Однако, если Геннадій успѣлъ наконецъ добиться своего, то «своего» только въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Не ограничиваясь одними тѣми новгородскими еретиками, относительно которыхъ были произведены имъ розыски, представленные имъ въ Москву и не получившіе здѣсь дальнѣйшаго движенія, теперь въ посланіяхъ къ Зосимѣ и епископамъ онъ требовалъ розысканія и осужденія всѣхъ вообще еретиковъ, такъ чтобы совсѣмъ могла быть подавлена ересь. Но великій князь, дѣйствуя, какъ необходимо думать, подъ вліяніемъ Зосимы и Курицына, приказалъ именно только окончить дѣло о тѣхъ новгородскихъ еретикахъ, о которыхъ были представлены Геннадіемъ розыски. Къ обвинявшимся розысками Новгородцамъ были присоединены въ качествѣ подсудимыхъ только два человѣка, это—остававшійся въ живыхъ одинъ изъ двухъ ересіарховъ, архангельскій священникъ Діонисій и

Памятнн. № 115, I, посланіе къ собору епископовъ у *Павл.* № тотъ же, II. Онѣ писаны послѣ поставленія Зосимы въ митрополиты, что̀ было 26-го Сентября 1490-го года, и до собора на еретиковъ, который имѣлъ мѣсто 17-го Октября того же года.—Митрополитъ предлагалъ Геннадію прислать повольную грамоту не на одно только поставленіе епископа коломенскаго, но вообще съ изъявленіемъ своего согласія на всѣ дѣла, имѣющія быть совершаемыми имъ—митрополитомъ соборно, такъ чтобы эта общая повольная грамота, бывъ дана однажды, устраняла нужду въ частныхъ повольныхъ грамотахъ на каждый отдѣльный случай. Такая грамота дана была Геннадіемъ митр. Геронтію и Зосима предлагалъ архіепископу только возобновить ее на его—митрополита собственное лицо. Въ посланіи къ епископамъ Геннадій увѣряетъ, что при Геронтіи онъ не самъ далъ эту общую грамоту, а что она была взята съ него; можетъ быть, онъ говоритъ и правду, но мы знаемъ, что и другіе тогдашніе епископы давали такія грамоты (не зная впрочемъ—по собственному желанію или по требованію),—у *Павл.* №№ 106 и 109 (архіепископъ новгородскій, послѣ митрополитъ, Макарій далъ такую грамоту митр. Іоасафу въ 1539-мъ году,—Акт. Эксп. т. I, № 184, IV, стр. 162).

[1]) Если бы Геннадій не присутствовалъ въ Москвѣ по своей собственной волѣ, то онъ поступилъ бы совсѣмъ незаконно; то онъ даетъ знать, что его неприсутствіе зависѣло не отъ него, а отъ воли великаго князя.

[2]) Къ троимъ изъ шести епископовъ, присутствовавшихъ въ Москвѣ, Прохору сарскому, Нифонту суздальскому и Филоѳею пермскому Геннадій писалъ объ еретикахъ уже прежде.

нѣкій чернецъ Захарія или, какъ онъ называется Геннадіемъ, Захаръ. Какимъ образомъ привлеченъ былъ къ суду первый, это не совсѣмъ понятно. Изъ еретиковъ московскихъ, каковымъ былъ по своему жительству Діонисій, Геннадій указываетъ въ своихъ посланіяхъ къ Зосимѣ и къ епископамъ не на одного его, и однако изъ этихъ еретиковъ былъ осужденъ соборомъ одинъ только онъ. Вѣроятно, нужно понимать дѣло такъ, что въ розыскахъ Геннадіевыхъ, по которымъ собственно рѣшено было произнести окончательный приговоръ, еще не оговаривался никто изъ другихъ московскихъ еретиковъ, и что напротивъ онъ—Діонисій оговаривался въ нихъ до такой степени, что, несмотря на все желаніе и всѣ старанія митрополита и Курицына, не могъ быть избавленъ отъ суда [1]). Что касается до чернца Захаріи или Захара, то онъ осужденъ былъ вслѣдствіе нарочитаго требованія Геннадія, обращеннаго имъ къ митрополиту и епископамъ въ посланіяхъ къ одному и къ другимъ, и очень можетъ быть, что осужденъ былъ не какъ Жидовствующій, а только одновременно съ послѣдними. Геннадій обвинялъ Захара въ стригольничествѣ и требовалъ у митрополита и епископовъ суда на него въ томъ, что онъ его самого—архіепископа позорилъ на всю Россію, всюду разсылая противъ него грамоты и называя его въ грамотахъ еретикомъ [2]).

---

[1]) Что Діонисій осужденъ былъ соборомъ вслѣдствіе того, что фигурировалъ какъ обвиняемый въ розыскахъ Геннадіевыхъ, это подтверждаетъ одна лѣтописная запись. Въ записи говорится, что когда епископы, находившіеся въ Москвѣ, пришли разъ въ Архангельскій соборъ для совершенія поминовенной службы о погребенныхъ въ соборѣ князьяхъ и увидѣли Діонисія стоящаго въ алтарѣ одѣтымъ въ ризу, то сказали ему: «изыди, человѣче, изъ святаго алтаря, недостоинъ еси саборнѣ служити со святыми епископами; пришли на васъ рѣчи неподобныя еще при Геронтіи, митраполитѣ всея Руси, и не на однаго убо тобя, да и *списки вашихъ дѣлъ* и грамоты Геннадія, архіепископа ноугородскаго на васъ пришли». См. запись у *Павл.* въ Памм. col. 786 fin. (гдѣ она присоединена къ поученію Зосимы съ соборомъ).

[2]) Захарія или Захаръ былъ настоятелемъ одного изъ монастырей псковской области (Нѣмчинова, находившагося въ холмскомъ уѣздѣ,—*митр. Евгенія* Исторія княжества Псковскаго, III, 129). Не признавая дѣйствительности священства, онъ три года не причащался самъ и не давалъ причастія своимъ монахамъ. Когда Геннадій узналъ объ этомъ послѣднемъ, то послалъ его подъ начало въ другой монастырь. Освобожденный архіепископомъ изъ-подъ начала по грамотѣ къ послѣднему великаго князя, онъ вмѣсто того, чтобы возвратиться въ свой монастырь, ушелъ въ Москву. Здѣсь онъ, можетъ быть, перешелъ изъ стригольничества въ жидовство (грамота за него великаго князя, какъ указывалъ на это обстоятельство и Генна-

Нарочитый соборъ для торжественнаго осужденія еретиковъ въ сейчасъ указанномъ составѣ послѣднихъ имѣлъ мѣсто спустя 21 день послѣ поставленія Зосимы въ митрополиты, 17-го Октября 1490-го года. Кромѣ епископовъ въ полномъ ихъ числѣ, за исключеніемъ Геннадія, на немъ присутствовали московскіе архимандриты и игумены, игуменъ Троицкаго монастыря Аѳанасій, нѣкоторые уважаемые великимъ княземъ старцы (Паисій Ярославовъ и Нилъ Сорскій, о которыхъ будемъ говорить ниже), протопопы, священники и діаконы и весь—какъ говоритъ лѣтопись—священническій соборъ русской митрополіи [1]). Бывъ позваны на соборъ, еретики заперлись во всѣхъ своихъ ересяхъ «и быша, по словамъ той же лѣтописи, яко во изступленіи ума»; не сдѣлавъ собственнаго признанія, они осуждены были на основаніи Геннадіевыхъ розысковъ и на основаніи московскихъ свидѣтельствъ, т. е. свидѣтельствъ противъ нихъ за время ихъ проживанія въ Москвѣ. Осужденіе соборное состояло въ томъ, что еретики были отлучены отъ церкви и преданы проклятію. Сколько именно еретиковъ подверглось осужденію, остается неизвѣстнымъ: лѣтопись называетъ по именамъ девять человѣкъ, со включеніемъ чернца Захарія или Захара, и потомъ прибавляетъ, что вмѣстѣ съ названными осуждены и ихъ единомышленники [2]).

Послѣ церковнаго осужденія еретики долженствовали быть подвергнуты гражданской казни. Архіепископъ Геннадій, имѣя въ виду то, что бóльшая часть ихъ возвращались было отъ ереси къ церкви и вторично отпали въ нее, въ своемъ посланіи къ собору епископовъ требуетъ безпощадной казни виновныхъ, именно—чтобы они были со-

дій, заставляетъ подозрѣвать, что онъ состоялъ подъ чьимъ-то покровительствомъ въ родѣ покровительства дьяка Курицына, и преп. Іосифъ Волоколамскій прямо говоритъ, что Жидовствующіе привлекоша его къ своей ереси.—Просвѣтит., стр. 52); можетъ быть, только соединился съ Жидовствующими по одинаковой съ ними враждѣ къ церкви, а можетъ быть—ни то, ни другое. Изъ Москвы онъ разсылалъ по всѣмъ городамъ множество грамотъ противъ Геннадія (почему противъ одного Геннадія, а не противъ всѣхъ епископовъ, не видно и не ясно) въ которыхъ называлъ его еретикомъ (посланія Геннадія къ Зосимѣ и къ собору епископовъ).

[1]) Новгородская 4-я, въ Собр. лѣтт. IV, 158 (также Іосифъ Волоколамскій въ Просвѣтит. стр. 55).

[2]) Называетъ по именамъ: новгородскаго протопопа Гавріила, Дениса попа Архангельскаго, Максима попа Иванскаго, Василія попа Покровскаго, Макарія діакона Никольскаго, Гридку діака Борисоглѣбскаго, Васюка зятя Денисьева, Самуху діакона (дьяка?) Никольскаго,—Новгор. 4-я, ibid. (Іосифъ въ Просвѣтит. стр. 55).

жжены или перевѣшаны. Геннадій знакомъ былъ съ способами борьбы противъ еретиковъ со стороны католической инквизиціи и его не особенно мягкую душу прельщала мысль о той неумолимой суровости, съ которой дѣйствовала эта послѣдняя [1]). Но великій князь приговорилъ осужденныхъ соборомъ не къ смертной казни, а отчасти къ заточенію, отчасти къ другимъ наказаніямъ болѣе легкимъ и остающимся для насъ точно неизвѣстными. У Татищева въ выпискахъ изъ лѣтописей читается извѣстіе, что когда на соборѣ зашла рѣчь о гражданской казни еретиковъ, то—«вси рѣша, яко вся сожжещи достоитъ, егда же дойде до Зосимы митрополита, той рече: достоитъ я проклятію предати и сослати въ Новгородъ на покаяніе подъ стражу, занеже мы отъ Бога не поставлены на смерть осужати, но грѣшныя обращати къ покаянію» [2]). Что Зосима высказывался противъ осужденія еретиковъ на смерть, это совершенно вѣроятно; но нужно полагать, что читаемое у Татищева есть не болѣе, какъ его собственное предположеніе, только передаваемое имъ въ видѣ положительнаго извѣстія, взятаго изъ лѣтописей, что̀ у него очень не рѣдко, ибо необходимо думать, что не всѣ присутствовавшіе на соборѣ, за исключеніемъ Зосимы, т. е. не всѣ присутствовавшіе на немъ истинно православные, были за смертную казнь еретиковъ. Ничего мы не можемъ сказать ни о комъ изъ епископовъ; но на соборѣ присутствовали старцы Паисій Ярославовъ и Нилъ Сорскій, а объ этихъ старцахъ положительно извѣстно, что они были противниками смертной казни. Что касается до великаго князя, которому принадлежало послѣднее рѣшающее слово, то, можетъ быть, что онъ и самъ по себѣ былъ противъ этой смертной казни еретиковъ, такъ какъ они были осуждены не вслѣдствіе собственнаго сознанія, а только на основаніи стороннихъ свидѣтельствъ; если же нѣтъ, то должно будетъ думать, что на него подѣйствовали кромѣ митрополита сейчасъ помянутые старцы, которые пользовались отъ него глубокимъ уваженіемъ, и что во всякомъ случаѣ на него подѣйствовалъ всесильный надъ его умомъ и волею дьякъ Ѳедоръ Курицынъ.

---

[1]) Въ посланіи къ Зосимѣ 1490-го года онъ пишетъ: «Ано Фрязове по своей вѣрѣ какову крѣпость держатъ! Сказывалъ ми посолъ цесаревъ (Николай Поппель, пріѣзжавшій въ Москву, путемъ на Псковъ и Новгородъ, въ 1486-мъ году,—*Карамз.* къ т. VI прим. 339, подробнѣе о немъ у *Аделунга* въ Обозрѣніи путешественниковъ) про шпанскаго короля, какъ онъ свою землю очистилъ, и азъ съ тѣхъ рѣчей и списокъ къ тебѣ послалъ».

[2]) Въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-го года № 4, стр. 110.

Тѣ еретики, которые приговорены были къ заточенію, были посланы въ заточеніе великимъ княземъ. Другіе же еретики, приговоренные къ наказаніямъ болѣе легкимъ, возвращены были въ Новгородъ [1]). Этимъ послѣднимъ еретикамъ Геннадій учинилъ торжественно—позорную встрѣчу. Когда они были въ 40 верстахъ (? «за четыридесять поприщь») отъ Новгорода, онъ приказалъ посадить ихъ верхомъ на лошадей на ючныхъ (вьючныхъ) сѣдлахъ, оборотивъ ихъ одежду передомъ назадъ и самихъ посадивъ задомъ къ конскимъ головамъ, «яко да зрятъ на западъ въ уготованный имъ огнь»; на головы имъ приказалъ надѣть берестяные острые шлемы, на подобіе бѣсовскихъ, съ мочальными гребнями (съ «еловци мочальны») и съ положенными на нихъ вѣнцами или ободами, свитыми изъ соломы съ сѣномъ, и пришить къ шлемамъ ярлыки («мишени») съ надписью: «се есть сатанино воинство». Въ такомъ видѣ онъ приказалъ водить ихъ по городу и всѣмъ плевать на нихъ съ приговоромъ: «се врази Божіи и христіанстіи хульницы»; въ заключеніе онъ велѣлъ сжечь бѣсовскіе шлемы [2]). Какимъ болѣе легкимъ наказаніямъ имѣли быть подвергнуты еретики, отосланные въ Новгородъ къ Геннадію, остается неизвѣстнымъ. Что касается до дѣйствительности, то одна Новгородская лѣтопись говоритъ, что «Генадей владыка однихъ (еретиковъ) велѣлъ жечи на Духовскомъ полѣ, иныхъ торговой казни преда, а иныхъ въ заточеніе посла, а иные въ Литву сбѣжали, а иные въ Нѣмцы» [3]). Подъ «жечи на Духовскомъ полѣ» не должно разумѣть того, чтобы Генна-

---

[1]) Наше различеніе однихъ и другихъ еретиковъ основываемъ на преп. Іосифѣ Волоколамскомъ, который говоритъ, что *инѣи* посланы отъ державнаго въ Новгородъ къ Геннадію, а *инѣи* осуждаются имъ въ заточенія, — Просвѣтит. стрр. 55, 56 и 570.—Въ одной лѣтописной записи сообщается, что чернецъ Захаръ посланъ въ заточеніе къ епископу суздальскому (помянутому выше Нифонту, который поставленъ въ епископы 9-го Декабря 1484-го года), а попъ Денисъ въ Галичъ (костромской губерніи), см. у *Павл.* въ Памм. col. 788, примѣч..

[2]) Просвѣтит., стр. 55. Относительно того, какъ сожжены были шлемы, на самыхъ головахъ или снятые съ головъ, Іосифъ выражается неопредѣленно: «потомъ же повелѣ пожещи шлемы, иже на главахъ ихъ». Мы считаемъ вѣроятнѣйшимъ предполагать послѣднее. Можно думать, что мысль объ этихъ шлемахъ подала Геннадію знакомая ему практика инквизиціи католической. У католиковъ надѣвались на еретиковъ особые цилиндрическіе колпаки, похожіе формою на наши монашескія камилавки, съ изображеніемъ на нихъ дьяволовъ, см. въ нѣмецкомъ археологическомъ Словарѣ *Мюллера и Мотеса* II, 579, Fig. 821.

[3]) Новгородская 2-я лѣтоп., въ Собр. лѣтт. III, 143 fin.

дій приказалъ сжечь нѣкоторыхъ еретиковъ: самъ собою онъ, конечно, не осмѣлился бы этого сдѣлать, а великій князь не предалъ казни сожженія и тѣхъ еретиковъ, которые были признаны отъ собора тягчайшими; подъ жженіемъ, вѣроятно, должно разумѣть то, что шлемы нѣкоторыхъ еретиковъ, желая предать ихъ пыткѣ, онъ приказалъ сжечь на самыхъ ихъ головахъ. Что нѣкоторыхъ еретиковъ Геннадій дѣйствительно послалъ въ заточеніе, это подтверждаетъ и преп. Іосифъ Волоколамскій, когда говоритъ, что послѣ собора 1490-го года великій князь послалъ иныхъ еретиковъ въ Новгородъ, «они же убояшася казни и начаша каятися вси, архіепископъ же Генадій ятъ вѣру покаянію ихъ и *дасть имъ ослабу*, *и яко пріаша ослабу* и абіе вси на бѣгство устремишася, иніи въ Литву и иніи въ Нѣмцы и во иныя грады» [1]. Нужно думать, что, не довольствуясь торговою казнію, которая, вѣроятно, назначалась какъ высшая мѣра наказанія еретикамъ, присланнымъ въ Новгородъ, Геннадій входилъ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ съ новыми представленіями къ великому князю, доказывая ихъ бо́льшую виновность, нежели какую призналъ за ними соборъ, и что онъ получилъ отъ великаго князя дозволеніе послать этихъ нѣкоторыхъ въ заточеніе.

Соборъ 1490-го года, какъ мы сказали, и не имѣлъ въ виду того общаго, чтобы розыскать и осудить всѣхъ еретиковъ; его ограниченная задача состояла только въ томъ, чтобы произнести судъ на нѣкоторыхъ новгородскихъ еретиковъ, розысканныхъ архіепископомъ Геннадіемъ. Но если бы онъ имѣлъ своею цѣлію и первое, то очевидно, что онъ вовсе не могъ бы положить конца ереси при существовавшихъ обстоятельствахъ, которыя состояли въ томъ, что въ лицѣ Зосимы былъ тайный еретикъ на престолѣ митрополичьемъ и что въ лицѣ Курицына былъ тайный еретикъ, имѣвшій величайшее вліяніе на великаго князя. Принужденные допустить, чтобы произнесено было осужденіе на нѣкоторыхъ изъ еретиковъ, Зосима и Курицынъ, имѣя главныхъ помощниковъ себѣ въ братѣ послѣдняго дьякѣ Иванѣ Волкѣ и въ зятѣ умершаго протопопа Алексѣя Иванѣ Максимовѣ, со всею ревностію предались пропагандѣ ереси. По свидѣтельству преп. Іосифа Волоколамскаго, пропаганда имѣла такой же успѣхъ, какой имѣла она въ Новгородѣ въ первое время послѣ возникновенія секты, когда про-

---

[1]) Посланіе къ любопрепирательнымъ или о повиновеніи соборному опредѣленію,—ркп. Моск. Дух. Акад. № 171 л. 252 об. (*У Карамз.* къ т. VI, прим. 565). То же въ Просвѣтит., стр. 571.

изводима была священниками Алексѣемъ и Діонисіемъ [1]). Въ числѣ совращенныхъ въ ересь, если вѣрить позднѣйшему показанію великаго князя Ивана Васильевича, была даже сноха послѣдняго, вдова его старшаго сына Ивана Младшаго († 1490 года) Елена Стефановна Волошанка [2]). Строгости къ еретикамъ Геннадія новгородскаго, какъ мы видѣли, имѣли своимъ слѣдстіемъ то, что нѣкоторые изъ нихъ бѣжали въ Литву и къ Нѣмцамъ. Но не всѣ бѣжали за границу; многіе разбѣжались по Россіи, чтобы проповѣдывать ересь по городамъ и селамъ [3]). Впрочемъ, не былъ оставленъ ими безъ надлежащихъ попеченій и самый Новгородъ: нѣкоторые изъ нихъ укрылись и тайно проживали въ немъ самомъ, чтобы вести въ немъ ту же проповѣдь [4]).

Особыя обстоятельства времени дали Жидовствующимъ аргументъ противъ истинности христіанства, чтобы содѣйствовать успѣху ихъ пропаганды. Къ намъ перешло изъ Греціи и весьма сильно было укоренено у насъ вѣрованіе, что съ окончаніемъ семи тысячъ лѣтъ отъ сотворенія міра настанетъ его кончина. Этого вѣрованія держались и сами Жидовствующіе. Но тогда какъ по принятому ими еврейскому лѣтосчисленію было еще весьма далеко до этого времени [5]), по нашему греко-русскому лѣтосчисленію семь тысячъ лѣтъ оканчивались въ 1492-мъ году (по употреблявшемуся тогда счисленію сентябрьскому Августомъ мѣсяцемъ этого года). Когда роковой годъ прошелъ, а кончины міра не послѣдовало, Жидовствующіе начали указывать православнымъ на ложность ихъ бывшаго вѣрованія, какъ на доказательство ложности всей ихъ вѣры.

Зосима успѣлъ продержаться на митрополичьей каѳедрѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ (съ полною точностію—семи мѣсяцевъ и 21-го дня). Не тотчасъ было узнано его еретичество; когда

---

[1]) Просвѣтит., стр. 575.

[2]) Въ 1505-мъ году великій князь говорилъ преп. Іосифу Волоколамскому: «а Иванъ деи Максимовъ и сноху мою у мене въ жидовство свелъ» (Посланіе преп. Іосифа къ Андрониковскому архимандриту Митрофану въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-го года № 1: неправильное печатное чтеніе исправлено по оригиналу, съ котораго печатано,—ркп. Моск. Дух. Акад. № 171 л. 10 обор. нач.). Увѣреніе Зиновія Отенскаго въ его «Истины показанія», что мнози вельможи и отъ чиновныхъ великаго князя въ ересь поползошася, по всей вѣроятности, главнымъ образомъ должно разумѣть именно о нашемъ времени,—Казанск. изд. стр. 964 fin.

[3]) Просвѣтит., стр. 571.

[4]) Ibidd.

[5]) Посланіе Геннадія къ Іоасафу, бывшему архіепископу ростовскому.

оно было узнано и когда поборники православія начали борьбу противъ него, ему удавалось вести послѣднюю такъ, чтобы оставаться побѣдителемъ. По словамъ преп. Іосифа, когда открылось еретичество митрополита и когда поборники православія начали обличать его и начали всѣмъ проповѣдывать объ его отступничествѣ, онъ повелъ борьбу съ ними оружіемъ духовнымъ и мірскимъ: однихъ онъ отлучалъ отъ божественнаго причастія и, если то были священники, лишалъ священства; на другихъ онъ клеветалъ великому князю, достигая того, чтобы обличители подверглись гражданскимъ наказаніямъ (узамъ и темницамъ и разграбленію имѣній), какъ клеветники на высокое лицо святителя. Проповѣдуя ученіе, что проклятіе святителя сохраняетъ свою силу и въ томъ случаѣ, если онъ будетъ еретикъ и что не смотря и на его еретичество божественный судъ послѣдуетъ его суду, онъ успѣвалъ удерживать отъ донесеній на него великому князю тѣхъ людей, свидѣтельства которыхъ могли бы быть приняты послѣднимъ [1]). На счастіе православныхъ митрополитъ-еретикъ самъ помогъ имъ свергнуть себя съ каѳедры. Зосима былъ человѣкъ вовсе не святительской частной жизни: онъ преданъ былъ пьянству и содомитизму. И великій князь, котораго, можетъ быть, и не успѣли убѣдить въ его еретичествѣ [2]), нашелся вынужденнымъ удалить его съ

---

[1]) Просвѣтит., стр. 61 и все слово 12-е. Cfr въ посланіи преп Іосифа къ Нифонту суздальскому отвѣтъ на вопросъ: «аще прокленетъ еретикъ христіанина, то послѣдуетъ ли ему божественный судъ», — въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1871-го года № 1, и въ Памятнн. *Павл.* col. 827.

[2]) Не задолго до низведенія Зосимы преп. Іосифъ Волоколамскій писалъ посланіе къ Нифонту суздальскому (цитата въ предъидущ. примѣчаніи), усиленнѣйше убѣждая его, вѣроятно—какъ наиболѣе авторитетнаго и сильнаго между епископами передъ великимъ княземъ, возстать противъ митрополита-еретика. Можетъ быть, что Нифонтъ и дѣйствительно содѣйствовалъ низведенію Зосимы, но едва ли тѣмъ путемъ, чтобы доказывать его еретичество, ибо доказать это было бы очень трудно, между тѣмъ какъ доказывать—очень опасно.—Недавно открыто краткое поученіе противъ Жидовствующихъ, выданное митр. Зосимою съ соборомъ 1490-го года (*Павловымъ*,—въ его Памятнн. № 116), и нѣкоторые изслѣдователи на основаніи сего поученія съ рѣшительностью принимаютъ, что Зосима обвиненъ былъ въ еретичествѣ несправедливымъ образомъ. Но если въ нашемъ поученіи видѣть доказательство православія Зосимы, то давно всѣмъ извѣстно было еще болѣе сильное доказательство, это—самый соборъ 1490-го года. Если Зосима нашелся вынужденнымъ соборно осудить еретиковъ, то ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ выдалъ съ соборомъ и наше поученіе. Зосиму обвиняетъ въ жидовствѣ одинъ преп. Іосифъ Волоколамскій (въ посланіи къ Нифонту суздальскому и въ Просвѣтителѣ,—стр. 54 sqq), но думать, чтобы Іосифъ обвинялъ его безъ достаточныхъ основаній, хотѣвъ

каѳедры за сейчасъ указанные его пороки (по свидѣтельству лѣтописей, собственно—за первый изъ нихъ [1]).

вѣрить однимъ пустымъ и вздорнымъ слухамъ или сплетнямъ, представляется нравственно невозможнымъ: настойчивымъ и аподиктически-рѣшительнымъ образомъ (какъ это у Іосифа) взводить на кого-нибудь, а тѣмъ болѣе на самого главу церкви, такое страшное обвиненіе, какъ принадлежность къ самой злой ереси, на основаніи однихъ только схваченныхъ въ воздухѣ слуховъ и сплетенъ, значитъ быть человѣкомъ истинно ужаснымъ (и нравственно безобразнымъ); а такимъ человѣкомъ мы совершенно не можемъ признавать преп. Іосифа, какого бы мнѣнія мы ни были объ его недостаткахъ. Онъ ссылается вовсе не на одного только своего брата Вассіана, архіепископа ростовскаго (въ посл. къ Нифонту), о которомъ, можетъ быть, до нѣкоторой степени и справедливо отзывались недоброжелатели обоихъ братьевъ, что онъ былъ человѣкъ «легкій убо умомъ, легчайшій же и разумомъ», а и на другихъ достовѣрныхъ свидѣтелей, при чемъ, ссылаясь на этихъ послѣднихъ свидѣтелей Нифонту, позывается и на него самого: «ино то какъ и сами вы слышали», и при чемъ, прямо отстраняя предположеніе, будто основывался только на слухахъ и сплетняхъ, вызывается доказать этими свидѣтелями справедливость своего обвиненія на митрополита передъ тѣми изъ людей, обязанныхъ стоять на стражѣ православія, которые, выгораживая себя, говорили: «мы у него (Зосимы) не слыхали ничего». Заподозривая преп. Іосифа, мы должны были бы предполагать, что онъ не только основывается на слухахъ и сплетняхъ, но и самъ отъ себя выдумываетъ факты, при чемъ не стѣсняется говорить о своихъ выдумкахъ не только въ частномъ письмѣ, каково—посланіе къ Нифонту, но и въ публичномъ сочиненіи, каковъ Просвѣтитель: въ посланіи къ Нифонту онъ говоритъ, что дѣти умершаго протопопа Алексѣя и его зять не выходятъ отъ митрополита и спятъ у него, а въ Просвѣтителѣ говоритъ о жестокомъ гоненіи митрополита на тѣхъ ревнителей православія, которые дерзали обличать его. Если бы Зосима былъ православный, то какія поводы могъ бы онъ имѣть, чтобы проповѣдывать ученіе, будто «аще прокленетъ еретикъ христіанина, то послѣдуетъ ему божественный судъ»? А что онъ дѣйствительно проповѣдывалъ это ученіе, видно изъ того, что Нифонтъ спрашивалъ о немъ Іосифа (какъ свидѣтельствуетъ послѣдній въ посланіи къ первому). Послѣ преп. Іосифа рѣчей объ еретичествѣ Зосимы слѣдовало бы ожидать отъ лѣтописцевъ. Почему лѣтописцы не говорятъ о немъ, мы не можемъ сказать. Но во всякомъ случаѣ ихъ молчаніе не составляетъ такой загадки, въ объясненіе которой ничего не могло бы быть пригадано: еретичество Зосимы не было изъ числа тѣхъ тайнъ, которыя извѣстны рѣшительно всѣмъ; лѣтописцы могли не знать о немъ, а поэтому ничего о немъ и не говорить. Но можетъ быть предполагаемо въ объясненіе ихъ молчанія и другое, а именно—что они не хотѣли заносить на страницы русской исторіи того грустнаго факта, что каѳедру русской митрополіи (ставшую, по ихъ представленіямъ, такою высокою послѣ взятія Константинополя Турками) занималъ и осквернилъ злой еретикъ.

[1]) Никон. лѣт. VI, 140: «Тояжъ весны Маія 17-го митрополитъ Зосима оставилъ митрополію не своею волею, но непомѣрнаго питія держашесь, и тако сниде

Зосима удаленъ былъ съ каѳедры 17-го Мая 1494 го года. На его мѣсто, послѣ такого же значительнаго промежутка времени, какъ между смертію Геронтія и избраніемъ его самого, 20-го Сентября 1495-го года былъ поставленъ въ митрополиты Симонъ, избранный изъ игуменовъ Троицкаго-Сергіева монастыря.

Курицыну не удалось замѣнить одного еретика другимъ и новый митрополитъ былъ православный и врагъ ереси. Однако съ восшествіемъ новаго митрополита на престолъ еще далеко не пробилъ послѣдній часъ жидовства. Этотъ Курицынъ пользовался такимъ необыкновенно большимъ расположеніемъ великаго князя, что новый митрополитъ вовсе не началъ своей дѣятельности съ того, чтобы придти къ государю и потребовать розыска и осужденія еретиковъ. Напротивъ, при новомъ митрополитѣ нисколько не остановилась и не сократилась даже и пропаганда ереси. Курицынъ находилъ, что въ Новгородѣ послѣ заточенія въ 1490-мъ году всѣхъ тамошнихъ главныхъ прозелитовъ ереси, послѣдняя не имѣла достойныхъ представителей и способныхъ пропагандистовъ, и онъ рѣшилъ послать туда такого представителя и пропагандиста изъ Москвы. Онъ упросилъ великаго князя, чтобы этотъ назначилъ въ архимандриты новгородскаго Юрьева монастыря нѣкоего Кассіана, который, бывъ совращенъ въ ересь имъ самимъ и его братомъ Иваномъ Волкомъ, былъ признаваемъ имъ за

въ келію на Симоновъ, а оттолѣ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь». То же въ Воскресенской лѣтописи,—Собр. лѣтт. VIII, 228, въ Новгородской 4-й.—ibid IV, 164, въ Типографской,—стр. 335 fin., и въ нѣкоторыхъ хронографахъ (въ Степенной книгѣ глухо говорится, что Зосима лишенъ престола русскія митрополіи «за нѣкое преткновеніе»,—I, 477 и II, 155.—Въ содомитизмѣ обвиняетъ его преп. Іосифъ Волоколамскій).—Въ то время епископы наши, добровольно или поневолѣ оставлявшіе каѳедры, нисходили въ монашеское житіе, съ тѣмъ, чтобы не именоваться архіереями и ничего не дѣйствовать архіерейскаго (см. о семъ ниже), и объ отреченіи самого Зосимы Геннадій новгородскій въ повольной грамотѣ на избраніе его преемника Симона говоритъ: «отецъ Зосима митрополитъ ради немощи оставилъ столъ русскіа митрополіа и пришедъ въ святую великую соборную церковь предъ всѣми омфоръ свой на престолѣ положилъ и свидѣтеля на то Господа Бога нарицая, яко невозможно ему къ тому святительская дѣйствовати ни митрополитомъ нарицатися, и отойде въ монастырь въ смирено иноческое жителство» (у *Павл.* въ Памятнн. col. 834 fin.). Между тѣмъ въ лѣтописяхъ читаемъ подъ 1496-мъ годомъ: «тогда же бывшу митрополиту Зосимѣ у Троицы въ Сергѣевѣ монастырѣ причащался божественныхъ таинъ на орлецѣ въ всемъ святительскомъ чину». Относительно того, какъ понимать это восхищеніе на себя Зосимою чина святительскаго, ничего не можемъ сказать.

человѣка, какого онъ желалъ. Юрьевская келья Кассіана, который привелъ съ собой своего брата Ивашку Чернаго, ревностнѣйшаго прозелита ереси, одного изъ немногихъ даже обрѣзавшихся, сбѣгавшаго для изученія жидовства, какъ кажется, въ самую Литву, и который, надѣясь на своего всесильнаго патрона, не боялся Геннадія, стала открытымъ сборнымъ мѣстомъ для еретиковъ и изъ нея поведена была самая дѣятельная пропаганда ереси [1]).

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что митр. Симонъ зналъ о тайномъ существованіи ереси, ибо въ Москвѣ это было извѣстно многимъ и въ церковномъ и въ нецерковномъ кругу [2]). Если онъ не обращался къ великому князю съ своими представленіями о принятіи мѣръ къ ея искорененію, то необходимо понимать это такимъ образомъ, что онъ не считалъ подобныхъ представленій возможными. Эту невозможность представленій въ свою очередь необходимо понимать такъ, что Курицынъ успѣвалъ держать великаго князя въ убѣжденіи, будто никакой ереси нѣтъ. Но какимъ образомъ удавалось это послѣднее Курицыну? Въ 1490-мъ году великій князь осудилъ новгородскихъ еретиковъ, обвиненныхъ Геннадіемъ; кромѣ тѣхъ лицъ, которые были въ розыскахъ Геннадіевыхъ, онъ не привлекъ никого болѣе къ суду, считая обвиненія на всѣхъ другихъ, вслѣдствіе представленій Зосимы и Курицына, напрасною клеветой. Но теперь митрополитъ былъ не съ Курицынымъ, а противъ него: какимъ же образомъ великій князь могъ продолжать вѣрить Курицыну, будто никакой ереси нѣтъ? На этотъ вопросъ, за отсутствіемъ указаній, отвѣчать не легко и можно отвѣчать, разумѣется, только съ бо̀льшею или меньшею вѣроятностію. Намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ слѣдующее: жидовство, какъ ересь, состояло изъ

---

[1]) Просвѣтит.. стр. 571 sqq. Что Кассіанъ поставленъ въ архимандриты Юрьева монастыря уже послѣ низведенія съ каѳедры митрополичьей Зосимы, объ этомъ необходимо заключать изъ того, что ничего не говорится объ участіи митрополита въ дѣлѣ его поставленія. Что Ивашко обрѣзался, объ этомъ Іосифъ въ Просвѣтителѣ, стр. 51. По свидѣтельству Іосифа,—ibid., и Геннадія въ посланіи къ Зосимѣ, онъ куда-то сбѣгалъ (отбѣгалъ), и мы предполагаемъ, что—именно въ Литву. Какъ сообщаетъ второй въ томъ же посланіи, онъ былъ ремесломъ книжный писецъ и намъ дѣйствительно извѣстны двѣ написанныя имъ рукописи,—собранія Пискарева по каталогу, составленному Викторовымъ, № 162, хронографъ, и Царскаго № 181. Лѣствица Іоанна Лѣствичника (первая ркп. написана въ 1485-мъ году въ Москвѣ, вторая—въ 1487-мъ году, неизвѣстно гдѣ).

[2]) Какъ это видно изъ разсказа преп. Іосифа Волоколамскаго о борьбѣ православныхъ противъ Зосимы,—Просвѣтит., стр. 60 sqq.

двухъ элементовъ,—изъ собственной вѣры жидовской и изъ астрологическаго знанія, такъ что люди, съ одной стороны, принимали вѣру жидовскую, а съ другой стороны—посвящались въ тайны астрологіи, при чемъ послѣднее принималось у еретиковъ за возможное только подъ условіемъ перваго (какъ скажемъ о семъ ниже); на основаніи такой двойственности жидовства Курицынъ могъ увѣрять великаго князя, что дѣйствительно были въ Новгородѣ немногія лица, которыя отъ приходившихъ туда изъ Литвы жидовъ заимствовали не только знаніе астрологіи, а и самую жидовскую вѣру, но что всѣ эти лица казнены соборомъ 1490-го года,—что болѣе такихъ людей вовсе нѣтъ, а есть только люди, занимающіеся исключительно астрологіею, въ которой жидовскаго единственно лишь то, что она заимствована отъ жидовъ. Съ церковной точки зрѣнія была весьма предосудительна и астрологія, и если бы великій князь, стоя на этой точкѣ зрѣнія, хотѣлъ розыскивать о ней, то онъ могъ добраться и до собственнаго за нею жидовства; но великій князь могъ стоять въ семъ случаѣ не на точкѣ зрѣнія церковной, а на точкѣ зрѣнія тѣхъ людей, которые, вѣруя въ астрологію и ея силу, питали къ ней величайшее уваженіе. Стоя на этой послѣдней точкѣ зрѣнія и принадлежа къ числу усердныхъ почитателей астрологіи, онъ не только не могъ имѣть охоты разыскивать, не скрывается ли чего за астрологіею, но, напротивъ, могъ имѣть весьма нарочитую охоту препятствовать сему, чтобы вслѣдствіе разоблаченій не пришлось ему отказаться отъ самой астрологіи. Что протопопъ Алексѣй и Ѳедоръ Курицынъ имѣли величайшее вліяніе на великаго князя потому именно, что они были астрологи, на это довольно ясно намекаетъ преп. Іосифъ Волоколамскій [1]). Указывая государю на себя, Курицынъ могъ увѣрять его и держать въ увѣренности, что какъ въ немъ самомъ жидовскаго только то, что онъ занимается астрологіею, дѣйствительно ведущею свое начало отъ приходившихъ въ Новгородъ жидовъ, такъ и во всѣхъ другихъ, принимаемыхъ за еретиковъ, жидовскаго—только это же самое.

Были люди, спеціально знакомые съ жидовствомъ, которые могли доказать великому князю, что въ жидовствѣ не одна только почитаемая имъ астрологія. Но вліяніе Курицына на государя, какъ должно думать, превозмогало надъ этими людьми. Въ Новгородѣ послѣ 1490-го года ересь Жидовствующихъ вовсе не прекратилась; нѣтъ сомнѣнія, что

---

[1]) «Толико же дерзновеніе имѣяху къ державному протопопъ Алексѣй и Ѳеодоръ Курицынъ, якоже никто же инъ: звѣздозанію бо прилежаху и многымъ баснотвореніемъ и астрологы и чародѣйству и чернокнижію»—Просвѣтит. стр. 52.

Геннадій зналъ это очень хорошо, и однако мы вовсе не видимъ, чтобы послѣ сего года онъ входилъ къ государю съ новыми представленіями объ еретикахъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно понимать это такимъ образомъ, что Курицыну удалось наложить печать молчанія на уста архіепископа,—что онъ успѣлъ вооружить противъ него государя до такой степени, чтобы онъ—архіепископъ видѣлъ свои представленія невозможными и безполезными. Послѣ Геннадія явился въ средѣ православныхъ другой нарочитый борецъ противъ ереси Жидовствующихъ—преп. Іосифъ Волоколамскій. Но если Іосифъ былъ борецъ, на уста котораго невозможно было наложить печати молчанія; то по своему общественному положенію и авторитету онъ не вдругъ могъ сдѣлаться борцомъ, опаснымъ для ереси практическимъ образомъ, по отношенію къ взглядамъ на нее великаго князя. Преп. Іосифъ не былъ епископъ, среди паствы котораго гнѣздилась бы ересь, производя въ ней совращенія; онъ былъ игуменъ монастыря, не имѣвшій личныхъ отношеній къ ереси, которыми бы могли оправдываться его старанія противъ нея передъ великимъ княземъ. Онъ могъ бы сдѣлать это послѣднее, если бы пользовался личнымъ авторитетомъ у государя. Но выступая на борьбу противъ ереси, онъ не имѣлъ этого авторитета и пріобрѣлъ его только уже позднѣе [1]. Единственно возможный для него способъ борьбы противъ ереси былъ способъ литературный. Къ нему Іосифъ и обратился, предпринявъ писаніе обширнаго полемическаго сочиненія противъ Жидовствующихъ (своего такъ называемаго Просвѣтителя).

Ѳедоръ Курицынъ былъ живъ въ 1497-мъ году [2]. Когда онъ умеръ послѣ сего до 1504-го года, въ которомъ его уже не было въ живыхъ, къ сожалѣнію, остается намъ неизвѣстнымъ. Необходимо думать, что его вожделѣнная для православныхъ смерть была рѣшающимъ событіемъ по отношенію къ судьбѣ ереси. Послѣ того какъ умеръ этотъ астрологъ, державшій судьбу великаго князя въ своихъ рукахъ, поборники православія, съ митрополитомъ во главѣ, получили доступъ къ государю, чтобы начать свои усилія раскрыть ему глаза на то, что онъ отчасти зналъ, но зачѣмъ не было подозрѣваемо имъ ереси. И

---

[1]) Безъименный авторъ житія преп. Іосифа Волоколамскаго увѣряетъ, будто онъ присутствовалъ на соборѣ 1490-го года (изд. Невостр. стр. 33). Но это увѣреніе должно быть считаемо несправедливымъ: 4-я Новгородская лѣтопись, подробно перечисляющая присутствовавшихъ на соборѣ и называющая старцевъ Паисія и Нила, не называетъ Іосифа,—Собр. лѣтт. IV, 158.

[2]) Въ Іюлѣ 1497-го года онъ писалъ одну мѣновую грамоту великаго князя,—Собр. грам. и догов. I, 333.

усилія привели наконецъ къ тому, что государь, приближавшійся къ смерти и начинавшій ожидать того часа, когда долженъ будетъ дать отчетъ Богу въ своихъ заботахъ объ охраненіи церкви, рѣшился очистить церковь отъ ереси. Въ 1503-мъ году былъ въ Москвѣ соборъ о невзиманіи платы за поставленіе въ церковныя степени, о вдовыхъ священникахъ и о монахахъ съ монахинями, о чемъ скажемъ ниже. На этотъ соборъ вмѣстѣ съ другими лучшими игуменами монастырей былъ вызываемъ и преп. Іосифъ Волоколамскій, уже пріобрѣтшій тогда особенное уваженіе великаго князя. Когда Іосифъ былъ въ Москвѣ, государь не одинъ разъ призывалъ его къ себѣ, чтобы говорить съ нимъ объ еретикахъ: онъ просилъ у Іосифа прощенія въ томъ, что такъ долго терпѣлъ ихъ,—говорилъ, что уже просилъ прощенія въ этомъ у владыкъ, и что владыки уже дали ему свое прощеніе [1]). Такимъ образомъ, вел. кн. Ивану Васильевичу было доказано, что за астрологіею, которая была ему извѣстна, скрывается злая ересь, остававшаяся для него неизвѣстною, когда-то непосредственно передъ 1503-мъ годомъ.

Бывъ приведенъ къ убѣжденію въ существованіи ереси, великій князь рѣшился казнить еретиковъ. Но послѣ того, какъ онъ принялъ это рѣшеніе, для него составляло предметъ довольно продолжительныхъ колебаній то, какъ казнить [2]). Митрополитъ съ епископами и вѣроятно—съ огромнымъ большинствомъ всего духовенства требовалъ смертныхъ казней [3]); но были весьма уважаемые великимъ княземъ

---

[1]) Посланіе Іосифа къ Митрофану, архимандриту андрониковскому.—Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-го года № 1 (а какъ понимать сдѣланное великимъ княземъ Іосифу признаніе, что онъ зналъ про еретиковъ, см. ниже).

[2]) Объ этихъ колебаніяхъ—въ посланіи Іосифа къ Митрофану.

[3]) Преп. Іосифъ Волоколамскій былъ рѣшительнымъ образомъ за смертную казнь еретиковъ. Но вовсе не слѣдуетъ представлять себѣ дѣла такъ, что онъ первый подалъ мысль объ этой казни и чтобы еретики были преданы ей исключительно по его настоянію. Когда въ 1503-мъ году великій князь въ первый разъ говорилъ съ нимъ объ еретикахъ, то уже рѣшалъ для себя вопросъ казнить или не казнить ихъ (смертною казнью, ибо противъ казни несмертной не было никого изъ православныхъ,—посланіе Іосифа къ Митрофану); слѣдовательно, впервые она предложена была вовсе не Іосифомъ, а—какъ нужно подразумѣвать—митрополитомъ съ епископами (архіепископъ, напримѣръ, Геннадій самымъ энергическимъ образомъ высказывался за смертную казнь еще въ 1490-мъ году.—посланія къ митр. Зосимѣ и къ собору епископовъ). Паисій и Нилъ, возставашіе противъ смертной казни еретиковъ, были люди исключительные; о людяхъ же неисключительныхъ совершенно вѣроятно думать, что они всѣ были за смертную казнь.

старцы (Паисій Ярославовъ и Нилъ Сорскій), которые были противъ смертной казни еретиковъ: между мнѣніями сторонъ и колебался престарѣлый государь, желавшій очистить церковь отъ еретиковъ, но и боявшійся впасть при семъ въ грѣхъ запрещенной жестокости. Наконецъ, мнѣніе большинства, доказанное примѣрами императоровъ византійскихъ и ихъ указами противъ еретиковъ, внесенными—какъ тогда понималось—въ Кормчую книгу святыми отцами, одержало верхъ [1]), и великій князь рѣшился казнить еретиковъ со всею строгостію.

Государь приказалъ учинить обыскъ по всѣмъ городамъ [2]) и свести ихъ въ Москву. Въ Ноябрѣ—Декабрѣ 1504-го года былъ составленъ на нихъ церковный соборъ, который, послѣ того какъ, по словамъ преп. Іосифа, стали на нихъ многіе истинные свидѣтели, обличившіе ихъ о ихъ жидовскихъ и скверныхъ дѣлахъ [3]), предалъ ихъ проклятію. Послѣ церковнаго осужденія они были подвергнуты гражданскимъ казнямъ: многіе еретики, и во главѣ ихъ—братъ умершаго Ѳедора Курицына Иванъ Волкъ, зять протопопа Алексѣя Иванъ Максимовъ и архимандритъ юрьевскій Кассіанъ были казнены смертью черезъ сожженіе; всѣ прочіе захваченные еретики разосланы были въ заточеніе и по монастырямъ [4]).

---

[1]) Заслуга сего указанія должна быть усвояема главнымъ, если не исключительнымъ образомъ, Іосифу.

[2]) Само собою должно быть предполагаемо сдѣланнымъ то, что̀ великій князь обѣщался преп. Іосифу сдѣлать (посланіе Іосифа къ Митрофану).

[3]) Просвѣтит., стр. 576 fin..

[4]) Софійская 1-я и Воскресенская лѣтописи подъ 1505-мъ (сентябрьскимъ) годомъ,—Собр. лѣтт. VI, 49 и VIII, 244: «Тояже зимы князь великій Иванъ Васильевичъ и сынъ его князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи со отцомъ своимъ съ Симономъ митрополитомъ и съ епископы и съ всѣмъ соборомъ обыскаша еретиковъ и велѣша лихихъ смертною казнью казнити: и сожгоша въ клѣткѣ діака Волка Курицына да Митю Коноплева да Ивашка Максимова Декабря 27-го, а Некрасу Рукавову повелѣша языка урѣзати и въ Новѣгородѣ въ Великомъ сожгоша его; тое же зимы архимандрита Кассіана юрьевскаго сожгоша и брата его (Ивашку Чернаго) и иныхъ многихъ еретиковъ сожгоша; а иныхъ въ заточеніе послаша, а иныхъ по монастыремъ». Кратче въ лѣтопп. Никоновск., Псковск. 1-й и Софійск. 2-й. Когда именно былъ соборъ, лѣтописи не сообщаютъ, но онѣ говорятъ о казняхъ еретиковъ вслѣдъ за извѣстіемъ отъ Ноября мѣсяца. По Іосифу Волоколамскому, нѣкоторымъ, оставленнымъ въ живыхъ, были урѣзаны языки: «повелѣ державный овѣхъ огню предати, овѣхже языки урѣзати и инѣми казньми казнити»,—Просвѣт. 577 нач..

Казни 1504-го года положили конецъ существованію секты Жидовствующихъ, какъ таковой. Бо́льшее или меньшее количество отдѣльныхъ еретиковъ успѣло спастись, и эти спасшіеся отъ смерти и отъ заточенія, глубоко затаившись, поодиночно или въ маленькихъ тѣсныхъ кружкахъ продолжали хранить ересь и находить преемниковъ себѣ въ ея храненіи; но секта, какъ секта, прекратила свое существованіе. Вмѣстѣ съ остатками самой ереси въ ея подлинномъ видѣ сохранились остатки и того христіанскаго вольномыслія, которое было ею произведено. Къ остаткамъ ереси, спустя нѣкоторое время отрыгнувшимся въ новой ереси, и къ остаткамъ вольномыслія, спустя нѣкоторое время снова выступившимъ на свѣтъ, мы возвратимся нѣсколько ниже.

Сейчасъ сказанное нами однако еще не совершенный конецъ рѣчей о внѣшней исторіи секты Жидовствующихъ. Не исторія самой секты, а исторія тѣхъ еретиковъ, которые посланы были великимъ княземъ послѣ собора въ заточеніе и въ монастыри, имѣетъ еще свой эпилогъ. Въ вопросѣ о казняхъ, которымъ долженствовали быть подвергнуты Жидовствующіе, какъ мы сказали, представители нашего духовенства, раздѣлились на двѣ половины: большинство, имѣя ученымъ адвокатомъ своего мнѣнія преп. Іосифа Волоколамскаго, требовало для тягчайшихъ между ними казни смертной, а старцы Паисій Ярославовъ и Нилъ Сорскій съ своими учениками были противъ этой казни. Подобнымъ образомъ, обѣ стороны были несогласны между собой и относительно пріемлемости покаянія тѣхъ изъ нашихъ еретиковъ, которые, бывъ оставлены въ живыхъ и бывъ посланы въ заточеніе и по монастырямъ, изъявляли желаніе каяться. Большинство, съ тѣмъ же преп. Іосифомъ во главѣ, было противъ принятія ихъ покаянія и за оставленіе ихъ въ неисходномъ или пожизненномъ заключеніи, такъ какъ находило—съ одной стороны, что ихъ покаяніе притворно, а съ другой—что они собственно не еретики, а отступники, почему и неприложимы къ нимъ правила о принятіи еретиковъ кающихся; старцы же Паисій и Нилъ съ учениками были за то, чтобы принимать ихъ покаяніе, какъ и всѣхъ другихъ еретиковъ. Борьба двухъ сторонъ изъ-за нашего вопроса, отражавшаяся и на судьбѣ еретиковъ, и составляетъ эпилогъ исторіи послѣднихъ. Такъ какъ Паисій и Нилъ съ учениками назывались отъ мѣстности, въ которой жили, заволжскими старцами,—они жили въ Бѣлозерьи, которое называлось тогда Заволжьемъ потому, что приходилось отъ Москвы за Волгой: то борьба извѣстна подъ именемъ борьбы Заволжцевъ съ Іосифлянами, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ несправедливо предполагается, будто противниками Паисія и

Нила были только Іосифъ и его немногіе ученики. Нѣкоторые изъ Жидовствующихъ, оставленныхъ въ живыхъ, начали каяться тотчасъ же, какъ посланы были въ заточеніе, а поэтому и борьба началась тотчасъ же. На первый разъ одолѣли Заволжцы. Дѣло было наканунѣ смерти вел. кн. Ивана Васильевича, который, можетъ быть, даже чувствовалъ ея приближеніе,—и государь, желая явить предсмертное милосердіе (на подобіе того, какъ передъ смертію отпускали на волю рабовъ), рѣшилъ, чтобы было принимаемо покаяніе каявшихся и чтобы они были освобождаемы изъ заключенія [1]). Но когда вел. кн. Иванъ Васильевичъ скончался 27-го Октября 1505-го года, то тотчасъ или вскорѣ по занятіи великокняжескаго престола его сыномъ Василіемъ Ивановичемъ одержали побѣду противники еретиковъ,—обратившись къ новому государю съ своими представленіями относительно неискренности ихъ покаянія и относительно вреда, который они причиняютъ церкви, бывъ выпускаемы на свободу и послѣ сего обращаясь снова къ своей пропагандѣ, они—противники успѣли достигнуть, что Василій Ивановичъ «обыскалъ и управилъ» объ еретикахъ, т. е., какъ необходимо подразумѣвать,—тѣхъ изъ нихъ, которые были было выпущены на свободу, снова отправилъ въ заточеніе [2]). Спустя то или другое нѣкоторое время по занятіи престола Василій Ивановичъ приблизилъ къ себѣ ученика Нилова, старца Вассіана Патрикѣева Косаго, о которомъ мы будемъ говорить ниже [3]),—и Вассіану удалось было преклонить великаго князя къ рѣшенію давать свободу кающимся еретикамъ [4]). Но тогда противники послѣднихъ, все съ тѣмъ же преп. Іосифомъ во главѣ, обратились съ новыми настоятельными представ-

---

[1]) Преп. Іосифъ въ Просвѣтит., стр. 597 sub fin. и въ позднѣйшемъ посланіи къ вел. кн. Василію Ивановичу, выдержки изъ котораго у *преосв. Макарія*.—VI, 156 нач.. Посланіе Іосифа къ Заволжцамъ въ отвѣтъ на недошедшее до насъ посланіе ихъ къ нему, о повиновеніи соборному опредѣленію (ркп. Моск. Дух. Акад. № 171 л. 250, cfr у *Хрущова* въ Изслѣдованіи о сочиненіяхъ Іосифа стр. 194), какъ видно изъ содержащихся въ немъ указаній, писано въ это время.

[2]) Помянутое позднѣйшее посланіе преп. Іосифа къ Василію Ивановичу.—у *преосв. Макарія* ibid. стр. 155 sub fin.. Отрывокъ изъ посланія Іосифа къ Василію Ивановичу и отвѣтъ на это посланіе Заволжцевъ, напечатанные въ Вивліоѳикѣ *Новикова* XVI, 423 и 424, относятся къ нашему времени.

[3]) Приблизилъ къ себѣ, вѣроятно, послѣ смерти Нила, которая имѣла мѣсто 7-го Мая 1508-го года. А мнѣніе, будто Вассіанъ присутствовалъ на соборѣ 1503-го года и послѣ него оставленъ былъ въ Москвѣ, ни на чемъ не основано.

[4]) О печалованіи Вассіана за еретиковъ великому князю см. Письмо о нелюбкахъ между Заволжцами и Іосифлянами въ Прибавл. къ творр. св отцц., ч. 10

леніями къ государю [1]), и окончательный конецъ былъ тотъ, что государь повелѣлъ всѣхъ освобожденныхъ было еретиковъ пометать въ темницу и быть имъ неисходнымъ въ ней и до кончины живота ихъ [2]).

Обращаемся къ рѣчамъ о существѣ ереси Жидовствующихъ.

Непосредственный современникъ нашихъ еретиковъ, преп. Іосифъ Волоколамскій, написавшій нарочитое обличительное сочиненіе противъ нихъ, прямо и ясно говоритъ, что ересь, будучи собственно не ересью, а совершеннымъ отступленіемъ отъ христіанства, «отступничествомъ», представляла изъ себя жидовство или іудейство,—іудейскую вѣру, принимавшуюся вмѣсто христіанства, которое было отвергаемо какъ ложь. По его словамъ, Жидовствующіе учили, что Іисусъ Христосъ былъ не Богъ, а простой человѣкъ, распятый Іудеями и истлѣвшій во гробѣ,—что Онъ не былъ и Мессія или тотъ пророкъ, который предвозвѣщается въ Писаніяхъ подъ именемъ сына Божія, ибо этотъ еще не приходилъ, а только придетъ, и что посему должно держать законъ Моусеевъ [3]). Но когда было приступлено у насъ къ ученой обработкѣ исторіи нашихъ ересей, то было найдено, что вопреки прямымъ и яснымъ словамъ преп. Іосифа ересь Жидовствующихъ должна быть принимаема не за жидовство или іудейство, а за нѣчто другое. Въ 1838-мъ году было напечатано «Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской церкви со времени Владиміра Великаго до Іоанна Грознаго», написанное студентомъ Московской Духовной Академіи Николаемъ Рудневымъ [4]), вслѣдствіе предложенія графа Румянцева. Въ этомъ-то Разсужденіи, составляющемъ для своего времени изслѣдованіе о нашихъ ересяхъ замѣчательно хорошее, и доказывается,

---

стр. 506, и въ собственныхъ сочиненіяхъ Вассіана,—Правосл. Собесѣдн., 1863, III, 198 sqq. Что печалованіе имѣло успѣхъ, видно изъ того, что освобожденные было еретики потомъ снова отправлены въ заключеніе.

[1]) Помянутое во второмъ и третьемъ примѣчаніи выше посланіе преп. Іосифа къ Василію Ивановичу, относящееся къ 1511-му—1512-му годамъ,—у *преосв. Макарія.*

[2]) Житіе преп. Іосифа, принадлежащее епископу крутицкому Саввѣ по изд. *Невостр.* стр. 38 (cfr посланіе новгородскаго архіепископа, послѣ митрополита, Макарія къ вел. кн. Василію Ивановичу въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I. № 25, стр. 23 col. 1).

[3]) Просвѣтит. стр. 46 и потомъ слова 1-е, 2-е и 3-е.

[4]) Николаемъ Андреевичемъ, умершимъ въ санѣ протоіерея московской церкви св. Георгія въ Грузинахъ («любопытный ходъ дѣла» по изданію изслѣдованія см. въ Исторіи Московской Духовной Академіи *С. К. Смирнова*).

что ересь Жидовствующихъ была не жидовство, а нѣчто другое, именно—что она, не бывъ чистымъ жидовствомъ, представляла изъ себя смѣсь жидовства съ христіанскимъ раціонализмомъ. Мнѣніе Руднева объ ереси Жидовствующихъ оставалось господствующимъ мнѣніемъ до недавняго времени. Преосв. Макарій въ своей Исторіи русской церкви (въ VI томѣ, напечатанномъ въ 1870-мъ году), отвергая мнѣніе Руднева, высказываетъ свое мнѣніе, состоящее въ томъ, что ересь Жидовствующихъ, согласно съ прямымъ и яснымъ свидѣтельствомъ преп. Іосифа Волоколамскаго, должна быть принимаема за чистое жидовство или іудейство. Такимъ образомъ, въ наукѣ русской церковной исторіи въ настоящее время существуютъ два мнѣнія объ ереси Жидовствующихъ—Руднева и преосв. Макарія (собственно—мнѣнія главныя, потому что есть еще не главныя, о которыхъ мы не считаемъ нужнымъ говорить). Мы съ своей стороны рѣшительнымъ образомъ присоединяемся къ мнѣнію преосв. Макарія, находя, что прежнее мнѣніе должно быть отвергнуто какъ неосновательное.

Г. Рудневъ не признаетъ возможнымъ видѣть въ ереси Жидовствующихъ чистаго жидовства на основаніи слѣдующаго: 1) и по изложенію самого Іосифа Волоколамскаго ересь Жидовствующихъ не представляется ученіемъ чисто жидовскимъ и его обличительныя слова такъ составлены и направлены, что дается видѣть въ нихъ опроверженіе не одного іудейства; 2) по другимъ памятникамъ ученіе нашихъ еретиковъ излагается не такъ, чтобы въ немъ ничего не видно было кромѣ жидовства, и 3) что историческія обстоятельства ереси не подтверждаютъ вполнѣ мнѣнія о ней, какъ о чистомъ жидовствѣ [1]).

Но, вопервыхъ, если преп. Іосифъ, постоянно говорящій въ своей книгѣ отъ ея начала до ея конца, что ересь Жидовствующихъ была настоящимъ жидовствомъ и собственно не ересью христіанскою, а полнымъ отступленіемъ отъ христіанства, въ то же время ведетъ себя въ своей полемикѣ такъ, что усвояетъ еретикамъ и опровергаетъ не только мнѣнія чисто жидовскія, но и мнѣнія вольномысленно-христіанскія, то это видимое его противорѣчіе самому себѣ имъ же самимъ вполнѣ намъ и объясняется. Преп. Іосифъ говоритъ, что ересь Жидовствующихъ проявила себя у насъ въ двухъ видахъ: въ видѣ чистаго жидовства и въ видѣ христіанскаго вольномыслія,—что одни вполнѣ принимали жидовство, совершенно отвергая христіанство, и что другіе, не отвергая вполнѣ христіанства и не принимая жидовства.

[1]) Стр. 113 sqq.

только заражались отъ еретиковъ бо̀льшимъ или меньшимъ вольномысліемъ [1]). Соединяя въ своемъ изложеніи и въ своемъ опроверженіи ученія еретиковъ ту и другую ихъ категорію въ одно мѣсто преп. Іосифъ и впадаетъ въ видимое себѣ противорѣчіе.

Вовторыхъ, что касается до изложенія ученія Жидовствующихъ по другимъ памятникамъ, то изъ трехъ другихъ памятниковъ, на которые указывается, въ двухъ [2]) не дается знать ясно, чтобы жидовство было смѣсью іудейства съ христіанствомъ, а только недостаточно опредѣленно говорится, что оно было чистымъ іудействомъ, а въ третьемъ памятникѣ [3]) говорится это послѣднее достаточно опредѣленно.

Втретьихъ, подъ историческими обстоятельствами, которыя будто бы препятствуютъ признать въ ереси Жидовствующихъ чистое жидовство, г. Рудневъ разумѣетъ слѣдующее. Первое: «Въ жизни послѣдователей Схаріи мы не видимъ ничего особенно жидовскаго,—не видимъ особенной привязанности къ іудейству; болѣе нежели двадцать лѣтъ мы не замѣчаемъ у жидовствующихъ ни синагоги ни особыхъ обрядовъ и праздниковъ по обычаю іудейскому; поэтому и свидѣтельство Іосифа о томъ, что еретики и жертвы приносили и пасху по обычаю іудейскому совершали и праздники іудейскіе творили, можетъ быть, составлено по однимъ дошедшимъ до него слухамъ, которые въ такихъ случаяхъ бываютъ часто очень невѣрны, преувеличены, иногда передаютъ то, чего совсѣмъ не было» [4]). Но на какомъ основаніи авторъ утверждаетъ, что мы не видимъ у Жидовствующихъ особенной привязанности къ іудейству, болѣе двадцати лѣтъ не замѣчаемъ у нихъ ни особыхъ обрядовъ ни праздниковъ по обычаю іудейскому? Единственный свидѣтель, благодаря показанію котораго мы можемъ тутъ что нибудь видѣть и замѣчать, есть преп. Іосифъ; а онъ именно говоритъ намъ, что Жидовствующіе, «всегда собирающеся тайно на всѣхъ мѣстахъ, идѣже кто обрѣташеся, и жертвы жидовскія жряху и пасху жидовскую и праздники жидовскія творяху» [5]).

---

[1]) Просвѣтит. стр. 59.

[2]) Эти памятники суть: во-первыхъ, одновременныя и тождественныя посланія къ Геннадію великаго князя и митр. Геронтія (Акт. Ист. т. I. № 285. и у *Павл.* № 114), въ которыхъ говорится объ ереси со словъ самого Геннадія, и во-вторыхъ—посланіе Геннадія къ Зосимѣ (Акт. Эксп. т. I № 380 и у *Павл.* № 115).

[3]) Новгородской 4-й лѣтописи подъ 1491-мъ годомъ,—въ Собр. лѣтт. IV, 158.

[4]) Стр. 122.

[5]) Просвѣтит. 576.

Предполагать, чтобы Іосифъ говорилъ это на основаніи однихъ слуховъ, нѣтъ никакого и нималѣйшаго основанія. Онъ былъ въ полной возможности знать о Жидовствующихъ точную истину: и какъ же бы онъ не позаботился узнать ее, предпринявъ писать противъ нихъ нарочитое полемическое сочиненіе? Преп. Іосифъ былъ ожесточеннѣйшимъ врагомъ Жидовствующихъ, и на этомъ основаніи ученые наклонны подозрѣвать, что онъ вдается относительно ихъ въ преувеличенія: но не столько ли наоборотъ удовлетворительно эта ожесточенность можетъ быть объясняема именно тѣмъ, что они были совершенными отступниками отъ христіанства? Преп. Іосифъ говоритъ, что хотя у Жидовствующихъ не было принято обрѣзываться, дабы не быть чрезъ это уличаемыми, но что нѣкоторые все таки обрѣзывались: и это извѣстіе Іосифа подтверждаетъ и Геннадій [1]). Что Жидовствующіе совершали все жидовское тайно, что въ продолженіе болѣе нежели двадцати лѣтъ они не имѣли открытой синагоги, это совершенно понятно. Они должны были самымъ старательнымъ образомъ таиться и существованіе секты возможно было только подъ условіемъ этой тайны [2]).

Второе указаніе на историческія обстоятельства есть слѣдующее: «Общество жидовъ, старающихся распространить ученіе іудейской религіи есть явленіе необычайное въ исторіи позднихъ Евреевъ,—Евреи всюду о томъ только заботились, какъ бы защитить себя отъ гоненія христіанъ, какъ бы самимъ только безопасно исповѣдывать свою вѣру; этого мало: было бы еще понятно, если бы настоящее жидовство было

---

[1]) Іосифъ въ Просвѣтит. стр. 51, Геннадій въ посланіи къ Зосимѣ.—Акт. Эксп. т. I стр. 480 col. 1 sub fin. и въ Памм. *Павл.* col. 771 нач. (Ивашко Черный, братъ архимандрита Кассіана. и Игнатъ Зубовъ).—Если бы понимать Іосифа въ буквальномъ смыслѣ, что Жидовствующіе «жертвы жидовскія жряху», то онъ, конечно, говорилъ бы неправду, потому что Евреи не приносятъ жертвъ въ собственномъ смыслѣ съ тѣхъ поръ, какъ не имѣютъ храма. Но не будетъ никакой натяжки понимать его слова о жертвахъ въ несобственномъ смыслѣ,—о субботнемъ благословеніи хлѣба. вина и пряностей (раввиномъ въ синагогѣ или мѣстѣ, замѣняющемъ ее, для всѣхъ молящихся и каждымъ хозяиномъ дома для всѣхъ домочадцевъ) и о закаланіи нѣкоторыхъ животныхъ въ нѣкоторые праздники (агнца въ праздникъ пасхи и пѣтуха съ курицей въ день очищенія).

[2]) А когда, въ противоположность этой тайнѣ, Рудневъ указываетъ на то, что Жидовствующіе не страшились явно ни Христа хулить, ни Божію Матерь, ни иконами ругаться (стр. 123 нач.); то онъ понимаетъ свидѣтельства о послѣднемъ неправильно: Жидовствующіе Христа и Божію Матерь хулили и иконамъ ругались не публично, а между собой и въ своихъ собраніяхъ, и только не успѣвали сохранять относительно сего полной тайны.

распространено у насъ только въ простомъ грубомъ народѣ; но если Жидовствующіе еретики были точно вѣрные послѣдователи своей жидовской вѣры, то какъ они осмѣлились религію отверженную Богомъ, всѣмъ ненавистнаго, всюду гонимаго народа предложить у насъ сначала не простому народу, но тѣмъ, которые болѣе другихъ свѣдущи были въ истинахъ христіанскихъ, болѣе другихъ могли и должны были поддерживать православіе—духовенству? Какъ осмѣлились предложить ее людямъ высокимъ, выставлять даже предъ самимъ великимъ княземъ,—такимъ княземъ, каковъ былъ Іоаннъ? Какъ могли духовныя и другія лица такъ скоро, такъ охотно предаться жидовству при томъ низкомъ понятіи о жидовствѣ, какое всегда имѣли у насъ объ немъ?» [1]). Сейчасъ приведенное нами, несомнѣнно, составляетъ главное, почему г. Рудневъ не находитъ возможнымъ видѣть въ ереси Жидовствующихъ чистаго и настоящаго жидовства; въ заключеніе и прямо говорится: «здѣсь есть что - то непонятное, неудоборазрѣшимое и останется такимъ, если въ этомъ жидовствѣ не предположить чего нибудь христіанскаго». Начнемъ съ того, что въ указанномъ не все такъ непонятно, какъ представляется автору. Когда онъ говоритъ, что общество жидовъ, старающихся распространить ученіе іудейской религіи есть явленіе необычайное въ исторіи позднихъ Евреевъ, то говоритъ совершенную неправду. Евреямъ въ средніе вѣка, вообще говоря, жилось въ Европѣ чрезвычайно бѣдственно. Но временами и по мѣстамъ, вслѣдствіе своего денежнаго вліянія, которое тогда было еще несравненно сильнѣе, нежели теперь, имъ удавалось пріобрѣтать положеніе болѣе или менѣе удовлетворительное, и тогда они весьма помышляли о томъ, чтобы распространять свою вѣру между христіанами; мы имѣемъ свидѣтельства изъ второй половины XII и изъ второй половины XIII вѣка, которыя говорятъ, что въ западной Европѣ очень многіе христіане (quamplurimi) принимали іудейство [2]). Сравнительно хорошо жилось Евреямъ въ Польшѣ и Литвѣ, которыя они называли своимъ раемъ въ Европѣ; и особенно хорошо жилось имъ здѣсь въ правленіе короля Казимира IV, который занималъ престолъ съ 1447-го года по 1492-й годъ и который далъ имъ большія привиллегіи [3]). Изъ начала XVI вѣка мы имѣемъ свидѣтельства, что въ обѣихъ этихъ странахъ

---

[1]) Стр. 119 fin. sqq.

[2]) См. у *Hahn'a* въ Geschichte der Ketzer im Mittelalter, III, 25.

[3]) См. *Graetz'a* Geschichte der Iuden von der ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. VIII, 208 и 444 нач..

весьма нерѣдки были обращенія изъ христіанства въ іудейство [1]). Такимъ образомъ, прибытіе въ Новгородъ въ 1470-мъ году жида изъ Литвы, который намѣренъ былъ вести здѣсь свою іудейскую пропаганду не представляетъ совершенно ничего необычайнаго.

Вопросъ автора: какъ осмѣлились бы Жидовствующіе, если бы вѣра ихъ была настоящимъ жидовствомъ, выставлять ее даже передъ самимъ великимъ княземъ и такимъ княземъ, каковъ былъ Іоаннъ, указываетъ на крайнее съ его стороны недоразумѣніе. Въ 1503-мъ году Иванъ Васильевичъ дѣйствительно каялся преп. Іосифу Волоколамскому, что и онъ-де зналъ про ересь Жидовствующихъ [2]): но можно ли понимать это покаяніе въ буквальномъ смыслѣ? Предположимъ, что ересь Жидовствующихъ была не чистымъ жидовствомъ, а смѣсью жидовства съ христіанскимъ раціонализмомъ: возможно ли допустить, чтобы великій князь зналъ ересь и терпѣлъ ее,—онъ—великій князь, твердая преданность котораго церкви не подлежитъ никакому сомнѣнію, который горячо препирался съ митр. Геронтіемъ изъ-за того, какъ ходить съ крестами вокругъ церквей, ибо «того ради гнѣвъ Божій приходитъ?» Очевидно, что покаяніе великаго князя нужно понимать въ особенномъ смыслѣ. Какъ именно, объ этомъ мы говорили выше. Передъ государемъ обвиняли Ѳедора Курицына съ товарищами въ еретичествѣ; но Курицынъ, пользовавшійся его величайшимъ расположеніемъ, успѣвалъ увѣрять его, что у него самого и другихъ обвиняемыхъ ничего еретическаго нѣтъ и что они только занимаются особыми науками, которымъ дѣйствительно научились отъ приходившихъ въ Новгородъ жидовъ; и вотъ государь и каялся Іосифу, что имѣлъ всѣ основанія подозрѣвать еретиковъ въ еретичествѣ и не хотѣлъ произвести настоящаго дознанія или иначе—каялся въ томъ, что сдѣлалъ оплошку и дозволялъ еретикамъ проводить себя и обманывать. А собственно говоря, онъ каялся и не въ этомъ. Протопопъ Алексѣй и Ѳедоръ Курицынъ занимались астрологіею и другими науками, состав-

---

[1]) *Graetz* ibid. IX, 68 прим., 70 нач..

[2]) Преп. Іосифъ къ Митрофану Андрониковскому: «Коли, господине, былъ есми на Москвѣ (на соборѣ 1503-го года), ино, господине, государь нашъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси говорилъ со мною наединѣ о церковныхъ дѣлахъ, да послѣ того почалъ говорити о Новгородскихъ еретикѣхъ да молвилъ такъ: ««и язъ деи вѣдалъ Новгородскихъ еретиковъ и ты меня прости въ томъ»». Въ другой разъ, по словамъ Іосифа, великій князь молвилъ ему: «и азъ деи вѣдалъ ихъ ересь ихъ» (sic), да и сказалъ ему, которую держалъ Алексѣй протопопъ ересь и котору держалъ Ѳеодоръ Курицынъ.

ляющими чернокнижіе; великій князь, не подозрѣвая за этими занятіями какой-нибудь ереси въ собственномъ смыслѣ этого слова, не смотрѣлъ на эти самыя ихъ занятія какъ на ересь, а напротивъ относился къ нимъ такъ, чтобы самому извлекать изъ нихъ пользу, и вотъ онъ и каялся въ томъ, что по слабости человѣческой онъ самъ былъ причастенъ тому, на что долженъ былъ бы смотрѣть, какъ на ересь [1].

Такимъ образомъ, далеко не все то непонятно, что представляется таковымъ нашему автору. Но дѣйствительно есть въ исторіи секты Жидовствующихъ и нѣчто весьма для насъ непонятное. Московскіе Русскіе второй половины XV вѣка, какъ и всегда прежде и послѣ, до крайности ненавидѣли и презирали жидовъ,—это составляетъ положительный фактъ; вдругъ приходитъ къ нимъ жидъ съ проповѣдію своей вѣры; они слушаютъ его проповѣдь и принимаютъ его вѣру: это на самомъ дѣлѣ чрезвычайно для насъ непонятно. Но непонятное для насъ не всегда есть непремѣнно невозможное, и то средство, при помощи котораго авторъ хочетъ непонятное сдѣлать понятнымъ, достигаетъ ли сколько нибудь своей цѣли? Положимъ, что ересь Жидовствующихъ была смѣсью жидовства съ христіанскимъ раціонализмомъ; но ее проповѣдывалъ жидъ, каковаго факта нисколько не думаетъ отрицать и авторъ: слѣдовательно, трудность постигнуть то, какъ Русскіе хотѣли слушать проповѣдь жида остается во всей своей силѣ и при его мнѣніи объ ереси. Но положимъ, что этотъ жидъ выдавалъ себя болѣе за христіанина, чѣмъ за жида: не явится ли или не останется ли тогда другая равносильная непонятность? Русскіе 1470—71-го года, когда начала быть проповѣдуема въ Новгородѣ ересь Жидовствующихъ, дошли уже до совершенной крайности въ своей привязанности къ церковно-обрядовой внѣшности; къ нимъ является проповѣдникъ діаметрально противоположнаго сему раціонализма,—и они слушаютъ его и принимаютъ его проповѣдь! Такимъ образомъ, это желаніе уяснить непонятное, изъ-за чего авторъ хочетъ видѣть въ ереси Жидовствующихъ смѣсь жидовства съ христіанскимъ раціонализмомъ, нисколько не достигаетъ своей цѣли и непонятное и при его способѣ представленія столько же остается непонятнымъ.

Произвольное пониманіе, вопреки Іосифу Волоколамскому, ереси Жидовствующихъ ни къ чему не приводитъ и ничего не достигаетъ.

---

[1]) Когда великій князь сказалъ Іосифу, которую ересь держалъ протопопъ Алексѣй и которую Ѳедоръ Курицынъ, то необходимо понимать это такимъ образомъ, что онъ сказалъ ему,—въ какихъ видахъ чернокнижія былъ особенно силенъ протопопъ Алексѣй и въ какихъ Курицынъ.

Между тѣмъ, есть другія обстоятельства, историческія и неисторическія, которыя не только являются рѣшительными противъ него возраженіями, но и показываютъ его совершенную несостоятельность.

Если Схарія проповѣдывалъ въ Новгородѣ ересь, которая представляла собою смѣсь жидовства и христіанскаго раціонализма, то необходимо предполагать, что такая ересь существовала въ Литвѣ и что Схарія явился въ Новгородѣ ея представителемъ, каковое предположеніе и дѣлаетъ Рудневъ. Но ни спеціальнымъ историкамъ Литвы, ни спеціальнымъ историкамъ Евреевъ въ Литвѣ вовсе неизвѣстно никакой подобной ереси [1]).

Рудневъ не отрицаетъ того, что Жидовствующіе отвергали божество Іисуса Христа, принимая его за простаго человѣка, ибо это говоритъ не только Іосифъ Волоколамскій, но и лѣтопись въ своемъ изложеніи ученія еретиковъ [2]). Но если Жидовствующіе отвергали божество Іисуса Христа, то что̀ же могло оставаться у нихъ отъ христіанства, чтобы остатокъ могъ быть соединенъ съ іудействомъ? Если еретики отвергали божество Іисуса Христа, то ересь могла быть или жидовскимъ или просто раціональнымъ деизмомъ безъ какой либо части и какого либо остатка въ немъ христіанства. А такъ какъ мы положительно знаемъ, что въ ереси было жидовское (какъ это признаетъ и Рудневъ,—стр. 140), то отсюда слѣдуетъ, что должно быть принимаемо первое, а не второе.

Итакъ, необходимо принимать, что ересь Жидовствующихъ въ ея собственномъ видѣ, — ибо она была еще въ видѣ несобственномъ,— представляла собою не что иное, какъ полное и настоящее іудейство или жидовство съ совершеннымъ отрицаніемъ христіанства.

Какъ мы сказали сейчасъ выше, очень трудно понять, что между Русскими второй половины XV вѣка, которые крайне ненавидѣли и презирали жидовъ, водворилось жидовство въ видѣ секты. Но если это должно быть признаваемо за фактъ, то остается только высказывать предположенія, которыми бы болѣе или менѣе могъ быть объясненъ трудно понимаемый фактъ.

---

[1]) См. *Нарбутта* Dzieje narodu Litewskieho, VIII, 490, и *Graetz'a* Geschichte der Iuden, IX, 464 (Гретцъ, имѣющій своимъ источникомъ для исторіи Евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ спеціальнаго историка здѣшнихъ Евреевъ Чацкаго, знаетъ про нашу секту Жидовствующихъ и ничего не говоритъ о существованіи въ Польшѣ и Литвѣ какой нибудь секты, представлявшей изъ себя смѣсь жидовства съ христіанствомъ).

[2]) Новгородск. 4-я, въ Собр. лѣтт. IV, 158.

Преп. Іосифъ Волоколамскій говоритъ о Схаріи, проповѣдникѣ жидовства въ Новгородѣ: «сей бяше діаволовъ сосудъ и изученъ всякому злодѣйства изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію, звѣздозаконію же и астрологы» [1]. Если слова: «сей бяше діаволовъ сосудъ и изученъ всякому злодѣйства изобрѣтенію» мы поймемъ такъ, что Схарія былъ человѣкъ очень умный и очень образованный,—что онъ надѣленъ былъ талантами пропагандиста, то мы и поймемъ до нѣкоторой степени невѣроятное чудо, что ему удалось обратить въ жидовство двухъ новгородскихъ священниковъ. Жиды были до крайней степени ненавистны тогдашнимъ Русскимъ; но Схарія могъ быть изъ числа такихъ выдающихся людей, чтобы побороть эту ненависть и чтобы антипатію превращать въ симпатію. Преп. Іосифъ Волоколамскій даетъ знать, что его доказательства противъ христіанства и въ пользу іудейства были: какъ возможно представить и допустить, чтобы самъ Богъ сошелъ на землю и воплотился? Въ Священномъ Писаніи Ветхаго Завѣта Богъ говоритъ, что Онъ есть Богъ единъ: какъ же можно принимать Новый Завѣтъ, который говоритъ, что Онъ троиченъ? Апостолы писали, что Христосъ родился въ послѣдняя лѣта, а между тѣмъ втораго пришествія и до сихъ поръ нѣтъ: не ясно ли, что ихъ писанія ложны? Ефремъ Сиринъ говоритъ въ своихъ писаніяхъ: се уже Господь нашъ Іисусъ Христосъ грядетъ судити живымъ и мертвымъ и се конецъ приспѣ, а между тѣмъ послѣ его смерти прошло уже около тысячи лѣтъ: не ясно ли, что этотъ уважаемый христіанами ихъ писатель, отъ котораго можно заключать и къ другимъ ихъ писателямъ, ошибался и говорилъ неправду? Представимъ себѣ, что все это было аргументировано и развиваемо съ искусною и убѣдительною діалектикою, и мы поймемъ до нѣкоторой степени, какъ два священника, которые не въ состояніи были отвѣчать пропагандисту на его доводы, но которые не хотѣли и бѣжать отъ него, затыкая уши, а желали его слушать, были наконецъ имъ покорены и убѣждены. Такимъ образомъ, повторяемъ, весьма непонятный фактъ принятія русскими людьми іудейства или жидовства можетъ быть до нѣкоторой степени объясняемъ. Но мы рѣшительнымъ образомъ думаемъ, что его объясненіе главнымъ образомъ должно быть полагаемо въ тѣхъ словахъ преп. Іосифа о Схаріи, что онъ былъ изученъ чародѣйству же и чернокнижію, звѣздозаконію же и астрологы. Въ тайныя науки чародѣйства и чернокнижія и звѣздозаконія или астрологіи вѣрили въ средніе

[1] Просвѣтит., стр. 43.

вѣка не только люди невѣжественные, но и самые просвѣщенные, а люди невѣжественные вѣрять имъ во всѣ времена. Но коль скоро люди вѣрятъ въ нихъ, то онѣ имѣютъ для нихъ величайшую привлекательность, ибо эти науки выдаютъ себя за науки творить чудеса и предузнавать будущее. Когда одинъ иностранецъ началъ распространять у насъ астрологію непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ прекратила свое существованіе секта Жидовствующихъ, то нашелъ себѣ въ высшей части нашего общества многочисленныхъ и горячихъ адептовъ (Николай Нѣмчинъ, о которомъ ниже въ исторіи Максима Грека). И мы съ увѣренностію думаемъ, что именно эти тайныя науки и должны быть принимаемы главнымъ образомъ за то средство, при помощи котораго удалось Схаріи совершить столько трудно изъяснимое дѣло совращенія въ іудейство или жидовство двухъ новгородскихъ священниковъ. Схарія легко могъ возбудить въ священникахъ желаніе быть посвященными въ эти привлекательнѣйшія науки. Но предлагая имъ одновременно науки и жидовство, онъ могъ представлять имъ, что одно отъ другаго неотдѣлимо и что посвященіе въ науки возможно только подъ условіемъ принятія жидовства. И въ этомъ случаѣ онъ могъ поступать не какъ чистый обманщикъ, а, напротивъ, какъ человѣкъ убѣжденный. У Евреевъ есть такъ называемая каббала: каббала эта есть собственно фантастическое ученіе о Богѣ, о мірѣ духовномъ и о твореніи Богомъ міра вещественнаго, которое утверждаетъ, что Богъ, какъ неограниченный и безконечный, не могъ непосредственно сотворить міра вещественнаго и что для сей цѣли онъ извелъ изъ себя десять духовныхъ существъ (Зефироты); но въ то же время она есть и священная магія или священная тайная наука. Евреямъ, какъ избранному народу, будто бы ввѣрена Богомъ тайна чудотвореній и вообще тайна низведенія отъ Него благодѣяній на людей для споспѣшествованія благоденствію міра, каковая тайна и содержится въ каббалѣ. Всю совокупность многочисленныхъ обрядовъ и обрядовыхъ дѣйствій іудейской вѣры Богъ будто бы поставилъ въ такое соотношеніе къ помянутымъ духовнымъ существамъ, которымъ ввѣрено отъ Него управленіе міромъ, что при извѣстномъ употребленіи этихъ обрядовъ, чему учитъ каббала и что составляетъ ея тайну, названные Его помощники вынуждаются (sic) творить людямъ чудеса или вообще низпосылать на нихъ благодѣянія [1]. Въ кругъ своей каббалы Евреи включили и астрологію, сдѣлавъ ее также исключительно своимъ достояніемъ, т. е. утверждая,

[1]) О кабалѣ см. у *Graetz'a*, VII. 73 sqq; сейчасъ сказанное—82.

что только именно они обладаютъ тайною такъ повелѣвать свѣтилами небесными, чтобы эти послѣднія служили благополучію людей. На основаніи сейчасъ сказаннаго Схарія и могъ представлять священникамъ тайныя науки и іудейство или жидовство неотдѣлимыми однѣ отъ другого, а такимъ образомъ, увлекая ихъ въ первыя, успѣть достигнуть того, чтобы увлечь и въ послѣднее.

Совративъ въ жидовство двухъ священниковъ, Схарія, какъ мы сказали выше, не велъ болѣе пропаганды самъ непосредственно, а предоставилъ ее этимъ совращеннымъ. Мы указали тамъ побужденіе, по которому онъ могъ это сдѣлать. Но можетъ быть указано еще и другое побужденіе, а именно—что проповѣдь его—жида отталкивала бы отъ него Русскихъ, и что, бывъ поведена настоящими Русскими, она обѣщала быть болѣе надежною и успѣшною. Какъ бы то ни было, но въ лицѣ двухъ священниковъ Схарія, на счастье жидовства, пріобрѣлъ такихъ пропагандистовъ своей вѣры, какихъ только могъ желать. Что оба священника выдавались своими качествами изъ обыкновеннаго ряда людей, видно изъ того, что Иванъ Васильевичъ взялъ ихъ изъ Новгорода и перевелъ къ себѣ въ Москву; а что одинъ изъ нихъ—Алексѣй возвышался надъ обыкновеннымъ рядомъ людей замѣчательнымъ образомъ, видно изъ того, что онъ успѣлъ пріобрѣсти величайшее расположеніе великаго князя. Послѣ талантовъ и способностей необходимое условіе для успѣха пропаганды есть возможно сильный и горячій энтусіазмъ къ тому, что пропагандируется. И преп. Іосифъ Волоколамскій изображаетъ намъ священниковъ Діонисія и Алексѣя неофитами жидовства, исполненными къ нему самаго горячаго энтусіазма [1]). Два священника, вполнѣ способные къ тому, чтобы съ успѣхомъ вести пропаганду, повели ее въ средѣ своихъ собратій—новгородскихъ священниковъ и создали секту. Для нихъ уже несравненно легче было вербовать новыхъ отступниковъ, нежели для Схаріи совратить ихъ самихъ. Они выступили проповѣдниками ненавистнаго Русскимъ жидовства; но они были не жиды, а свои, и слѣдовательно—отъ нихъ уже не отталкивала слушателей предвзятая ненависть. Если они—священники передовые являлись проповѣдниками жидовства, то такая величайшая неожиданность, такъ сказать—ошеломляя людей, невольно должна была располагать къ вопросу: уже на самомъ дѣлѣ не скрывается ли въ этомъ жидовствѣ истина, и такимъ образомъ должна была не только не отталкивать отъ нихъ слушателей, но,

---

[1]) Просвѣтит., стр. 44.

крайне возбуждая любопытство, такъ сказать невольно влечь ихъ къ нимъ. Несомнѣнно, что священники приступили къ своей пропагандѣ во всеоружіи тѣхъ доводовъ противъ христіанства, которые имѣлъ противъ него тогдашній іудейскій и неіудейскій раціонализмъ и которыми снабдилъ ихъ Схарія: что же могли отвѣчать имъ тѣ изъ новгородскихъ, вовсе неготовыхъ и неспособныхъ къ отпору, священниковъ, которые хотѣли ихъ слушать? Но если относительно самихъ священниковъ Діонисія и Алексѣя весьма вѣроятно предполагать, что главнымъ образомъ увлекли ихъ въ жидовство тайныя науки, представлявшіяся, какъ нѣчто неразрывно-соединенное съ нимъ: то еще гораздо болѣе нужно думать это о тѣхъ адептахъ ихъ новой вѣры, которыхъ вербовали они сами. Люди такъ страстно желаютъ обладать даромъ сводить себѣ съ неба исключительное счастье,—обладать даромъ чудотвореній и предвѣдѣнія будущаго, что готовы покупать его цѣною отреченія отъ всякой вѣры (черезъ продажу своихъ душъ дьяволу): какою же привлекательною и заманчивою должна была казаться имъ вѣра, которая и выдавала себя за истинную и обѣщала имъ обладаніе страстно ими желаемаго? Но люди тѣмъ болѣе вѣрятъ въ возможность этого обладанія, чѣмъ болѣе они невѣжественны; а должно быть принимаемо за несомнѣнное, что большинство адептовъ жидовства послѣ самихъ Алексѣя и Діонисія было значительно ниже ихъ въ отношеніи ума и умственнаго развитія. Что тайныя науки, которыя жидовство выдавало какъ за нѣчто соединенное съ нимъ, дѣйствительно составляли то главное, чѣмъ люди увлекаемы были къ отпаденію въ него, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ преп. Іосифъ Волоколамскій; онъ говоритъ о протопопѣ Алексѣѣ и о Ѳедорѣ Курицынѣ: «звѣздозаконію бо прилежаху и многимъ баснотвореніемъ и астрологы и чародѣйству и чернокнижію; *сего ради* мнози къ нимъ уклонишася и погрязоша въ глубинѣ отступленія» [1]).

На соборѣ 1490-го года былъ осужденъ чернецъ Захарія или Захаръ, который былъ собственно Стригольникъ и о присоединеніи котораго отъ стригольничества къ жидовству неизвѣстно достовѣрнымъ образомъ [2]). Во всякомъ случаѣ переходъ отъ перваго къ послѣднему былъ гораздо болѣе легокъ, чѣмъ отпаденіе къ нему отъ православія.

---

[1]) Просвѣтит., стр. 52.

[2]) Преп. Іосифъ Волоколамскій, какъ мы сказали выше, утверждаетъ это положительнымъ образомъ. Но Іосифъ не былъ на соборѣ 1490-го года и могъ считать Захарію присоединившимся къ жидовству на основаніи одного того заключенія, что онъ осужденъ былъ вмѣстѣ съ Жидовствующими.

Провозглашая за догматъ, что въ церкви нѣтъ истиннаго священства, что дѣлали Стригольники, не слишкомъ трудно было соглашаться на то отсюда заключеніе, что самая церковь есть ложь. Такимъ образомъ, Стригольники представляли ли бы изъ себя контингентъ людей, которыхъ пропагандистамъ жидовства было бы гораздо легче вербовать къ себѣ, чѣмъ православныхъ. Но съ большею вѣроятностію нужно думать, что къ тому времени, какъ возникла секта Жидовствующихъ, остатки секты Стригольниковъ были очень незначительны и что она, исчезнувъ какъ общество, продолжала свое существованіе только въ отдѣльныхъ немногихъ людяхъ. Свидѣтельство преп. Іосифа Волоколамскаго, что Псковичи при митр. Фотіи совершенно искоренили прелестную ересь Стригольниковъ [1]), правда, тенденціозно, потому что Іосифъ хочетъ подтвердить этимъ свидѣтельствомъ дѣйствительность и полезность строгихъ мѣръ противъ еретиковъ. Но во всякомъ случаѣ оно сохраняетъ свое значеніе въ томъ смыслѣ, что секта перестала существовать какъ секта, ибо противное живой дѣйствительности Іосифъ, конечно, не рѣшился бы утверждать.

Мы уже говорили выше, что жидовство существовало у насъ въ двухъ видахъ—собственномъ и несобственномъ. Священники Алексѣй и Діонисій были обращены Схаріею въ настоящее жидовство. Затѣмъ, эти священники и новые, пошедшіе отъ нихъ пропагандисты отступничества, однихъ успѣвали обращать въ то же жидовство, т. е. полное и настоящее, а съ другими не успѣвали этого дѣлать и достигали по отношенію къ этимъ другимъ только того, чтобы возбуждать въ нихъ бо̀льшія или меньшія сомнѣнія въ истинахъ и вѣрованіяхъ христіански-православныхъ. Преп. Іосифъ Волоколамскій говоритъ объ этомъ слѣдующее: «(проповѣдники ереси) ихже видяху благоразумныхъ и писанія божественная вѣдящихъ, тѣхъ еще въ жидовство не смѣюще приводити, но нѣкыя главизны божественнаго писанія, ветхаго же завѣта и новаго, накриво сказующе и къ своей ереси прехыщряюще, и баснословіа нѣкаа и звѣздозаконіа учаху и по звѣздамъ смотрити и строити роженіе и житіе человѣческое, а писаніе божественное презирати, яко ничто же суще и непотребно суще человѣкомъ, простѣйшихъ же на жидовство учаху: аще кто и не отступи въ жидовство, то мнози научишася отъ нихъ писаніа божественнаа укаряти» [2]). Необходимо понимать дѣло такимъ образомъ, что Жидовствующіе вообще

---

[1]) Просвѣтит., стр. 597.

[2]) Просвѣтит., стр. 59.

начинали свою проповѣдь съ малыхъ сомнѣній по отношенію къ христіанству, чтобы вести ее къ сомнѣніямъ все къ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ и наконецъ доводить до совершеннаго отрицанія его истинности, и что при такомъ поступаніи они и имѣли разный успѣхъ: однихъ доводили до жидовства, другихъ, не будучи въ состояніи довести до послѣдняго, оставляли христіанами болѣе или менѣе сомнѣвающимися. Сомнѣнія по отношенію къ христіанству, не доходящія до отрицанія его истинности, состоятъ въ томъ, чтобы представлять позднѣйшее христіанство, какъ нѣчто иное, чѣмъ христіанство древнѣйшее,—чтобы находить въ послѣднемъ многое привнесенное противъ перваго уже послѣ Христа и апостоловъ. Въ этой-то области сомнѣній Жидовствующіе и успѣвали достигать того, чтобы дѣлать болѣе или менѣе сомнѣвающимися тѣхъ, кого не въ состояніи были доводить до настоящаго жидовства. Какъ мы говорили выше, есть основанія принимать, что Схарія былъ человѣкъ очень умный и очень образованный, нарочито способный и приготовленный къ пропагандѣ. Но если онъ былъ человѣкъ образованный и приготовленный къ пропагандѣ: то нужно думать, что и по отношенію къ нашей области сомнѣній въ истинности христіанства позднѣйшаго въ сравненіи съ древнѣйшимъ, какъ по отношенію къ области сомнѣній въ истинности христіанства древнѣйшаго въ сравненіи съ іудействомъ, онъ такъ въ свою очередь приготовилъ пропагандистовъ жидовства въ лицѣ двухъ совращенныхъ имъ священниковъ, что эти послѣдніе находились въ обладаніи очень немалымъ запасомъ оружія [1]). Во времена Схаріи у Евреевъ уже существовали многочисленныя полемическія сочиненія противъ христіанъ; въ этихъ полемическихъ сочиненіяхъ уже собранъ былъ весь, какой можно было собрать, арсеналъ оружія противъ христіанства въ примѣненіи какъ къ одной, такъ и другой области. Для собранія доказательствъ противъ истинности христіанства позднѣйшаго въ сравненіи съ древнѣйшимъ полемисты должны были изучить Священное Писаніе Новаго Завѣта и писанія отцовъ: и это дѣйствительно было сдѣлано ими со всевозможнымъ стараніемъ [2]). Проповѣдь Жидовствующихъ про-

[1]) Геннадій новгородскій въ посланіи къ собору епископовъ 1490-го года настоятельно совѣтуетъ, чтобы на соборѣ никакихъ рѣчей съ еретиками не плодили и въ объясненіе своего настоянія откровенно говоритъ, что отцы собора пожалуй не въ состояніи будутъ препираться съ ними,—въ Памм. *Павл.* col. 784. А въ посланіи къ Іоасафу, бывшему архіепископу ростовскому, даетъ знать, что у еретиковъ были лучшія собранія христіанскихъ писателей, чѣмъ у православныхъ (и чѣмъ у него самого—Геннадія).

[2]) См. у *Graetz'а* VIII, 158 sqq.

тивъ истинности позднѣйшаго христіанства въ сравненіи съ древнѣйшимъ, составляя часть всей ихъ проповѣди, представляла изъ себя совершенно то, что на Западѣ проповѣдь Лютерова; тѣ слушатели пропагандистовъ жидовства, которыхъ не удавалось послѣднимъ совращать въ настоящее жидовство и которыхъ они успѣвали только приводить къ бо́льшимъ или меньшимъ сомнѣніямъ относительно истинности христіанства въ его позднѣйшемъ видѣ, представляли изъ себя совершенно то, что на Западѣ увлеченные Лютеромъ въ его протестантизмъ. Такимъ образомъ, судьбѣ угодно было, чтобы у насъ, гдѣ не было никакой приготовленной почвы для протестантизма, онъ явился ранѣе, нежели на Западѣ, гдѣ почва для него подготовлялась очень долгое время.

Собственное жидовство состояло въ совершенномъ отрицаніи христіанства, съ принятіемъ на его мѣсто іудейства въ томъ видѣ послѣдняго, какъ оно исповѣдуется Евреями со времени отвергнутаго ими Іисуса Христа. Ученіемъ этого собственнаго жидовства было: Іисусъ Христосъ есть не Богъ, а простой человѣкъ; будучи простымъ человѣкомъ, Онъ не есть и Мессія, обѣщанный Богомъ, который долженъ быть также простымъ человѣкомъ,—пророкомъ, подобнымъ Моvсею, но который не приходилъ еще, а только придетъ: поэтому, христіанство есть ложь и должно быть отвергнуто, а вмѣсто него должно быть содержимо іудейство или законъ Моvсеевъ [1]).

Что касается до жидовства несобственнаго или до христіанскаго вольномыслія, то относительно его преп. Іосифъ Волоколамскій не сообщаетъ ничего опредѣленнаго. Необходимо думать, что у однихъ это вольномысліе было больше, у другихъ меньше, и что здѣсь каждый имѣлъ свою собственную мѣру. Пункты вольномыслія христіанскаго, которые обличаетъ и опровергаетъ преп. Іосифъ въ своемъ Просвѣтителѣ, суть: отрицаніе необходимости внѣшней, видимой, церкви [2]); отрицаніе иконопочитанія и поклоненія мощамъ; отрицаніе монашества.

---

[1]) О митр. Зосимѣ преп. Іосифъ утверждаетъ, что онъ говорилъ: «а что то царство небесное, а что то второе пришествіе, а что то воскресеніе мертвыхъ, ничего того нѣсть: умеръ кто, инъ то умеръ, по та мѣста и былъ».—Просвѣтит. стр. 58 fin. (также посланіе къ Нифонту суздальскому, у *Павл.* col. 821 нач.). Такъ какъ Евреи вѣрили и вѣрятъ въ воскресеніе мертвыхъ, послѣдній судъ и будущую жизнь: то мы не знаемъ, что думать объ этомъ матеріалистическомъ невѣріи Зосимы (не было ли такъ, что наше невѣріе нападало на него только въ пьяномъ видѣ и что приведенными словами онъ утѣшалъ себя въ пьяномъ отчаяніи спасенія?)

[2]) Просвѣтит.. стр. 315 fin..

Мы сказали, что тайныя науки, которыя предлагались пропагандистами жидовства вмѣстѣ съ вѣрою іудейскою и которыя выдавались ими за составную и существенную часть іудейства, должны быть признаваемы за ту особенность жидовства, которою оно наиболѣе должно было привлекать къ себѣ людей. И жидовство изображается намъ преп. Іосифомъ Волоколамскимъ въ такомъ видѣ, что на половину оно является вѣрою, на половину занятіемъ тайными науками [1]). Эти тайныя науки, долженствовавшія составлять привлекательнѣйшую сторону жидовства, сближаютъ его съ нашимъ язычествомъ, но только ставя его въ своемъ родѣ несравненно выше послѣдняго. У язычниковъ было особое сословіе людей, такъ называемые волхвы, которымъ усвоялся даръ творить чудеса и предъузнавать будущее. Въ жидовствѣ каждый адептъ его становился волхвомъ, получавшимъ въ обладаніе этотъ даръ, такъ что оно составляло какъ бы религію волхвовъ.

По свидѣтельству архіепископа Геннадія и преп. Іосифа Волоколамскаго, Жидовствующіе возмутительнымъ образомъ наругались надъ христіанско-православной внѣшней святыней,—иконами и крестами, позволяя себѣ по отношенію къ нимъ дѣйствія всевозможнаго кощунственнаго оскорбленія. Можно предполагать и есть прямыя основанія [2]) думать, что причиной этого наругательства была не одна только прямая и простая ненависть къ христіанству, какъ къ вѣрѣ, но и тотъ языческій взглядъ, существовавшій у волхвовъ (и доселѣ остающійся у колдуновъ), что—чѣмъ сильнѣе будутъ оскорбленія христіанской святыни, тѣмъ дѣйственнѣе будутъ волхвованія.

О нравственномъ поведеніи Жидовствующихъ преп. Іосифъ Волоколамскій отзывается укоризненнымъ образомъ, говоря, что они упивались и объѣдались и сквернились блудомъ [3]). Но намъ съ большою увѣренностію думается, что эти укоризны преп. Іосифа нужно понимать особеннымъ образомъ. Когда онъ говоритъ, что еретики упивались и объѣдались, то, по всей вѣроятности, разумѣетъ что въ дни

---

[1]) Просвѣтит., стрр. 52, 59 (мѣста приведены выше). Неизвѣстный авторъ житія преп. Іосифа Волоколамскаго, писавшій передъ 1566-мъ годомъ, сообщая тѣ представленія о Жидовствующихъ, которыя оставались о нихъ въ его время, говоритъ: «глаголютъ ихъ священнаго христіанскаго правила отвергшихся и безбожіемъ обноситися, лжа божественныя книгы учащимъ вмѣняти и злобѣснымъ обычаемъ водитися, звѣздозаконію, влъхванію упражняющеся»,—изд. *Невостр.* стр. 32.

[2]) См. у *Карамз.* къ т. VI прим. 324, col. 51, и у *Хрущова* въ Источни. стр. XXIII (попъ съ Ояти).

[3]) Просвѣтит., стр. 49 fin..

недѣли и времена года постные дни они упивались и объѣдались такъ же, какъ въ дни и времена непостные, т. е. что они не соблюдали христіанскихъ постовъ (а между собою они, конечно, не соблюдали постовъ и въ томъ смыслѣ, чтобы ѣсть вмѣсто постнаго скоромное), и что тѣ изъ нихъ, которые были священниками, ѣли и пили до совершенія литургіи: укоризна «объѣдались», бывъ понимаема въ общемъ смыслѣ, была бы очень странна, ибо что̀ бы такое значило, что еретики ѣли болѣе обыкновеннаго и какъ бы Іосифъ могъ знать и утверждать это? Когда онъ говоритъ, что Жидовствующіе сквернились блудомъ, то, вѣроятно, онъ разумѣетъ тѣхъ между ними, которые были изъ монаховъ. А такъ какъ Жидовствующіе изъ монаховъ не считали себя за монаховъ и были таковыми только по наружности, то они могли жить съ своими тайными женами и такимъ образомъ и казаться православнымъ предающими блуду. Вообще, думать о нравственности Жидовствующихъ что нибудь нарочито худое мы не видимъ совершенно никакихъ дѣйствительныхъ основаній: она долженствовала быть просто таковою, какова нравственность настоящихъ жидовъ. А если Зосима былъ преданъ содомитизму и пьянству или одному послѣднему, то это зависѣло не отъ вѣры, а отъ лица,—таковымъ онъ могъ быть и не отступая въ жидовство.

Какъ секта, жидовство существовало у насъ, считая съ 1471-го года по 1504-й годъ, въ продолженіе 33-хъ лѣтъ. До какой же степени успѣвало оно распространяться въ нашемъ обществѣ или до какой степени многочисленною должна быть представляема секта? Преп. Іосифъ Волоколамскій, многократно отвѣчающій на этотъ вопросъ въ своемъ Просвѣтителѣ, наибольшею частію говоритъ, что пропагандисты жидовства успѣли совратить въ него многихъ, но нѣсколько разъ онъ выражается и такимъ образомъ, что они толики души погубиша, ихже и исчести немощно (что они отведоша отъ церкви множество несвѣдомо [1]). Разумѣя подъ сектантами не всѣхъ, кто заражался бо́льшимъ или меньшимъ вольномысліемъ, а только тѣхъ, которые принимали настоящее жидовство, необходимо думать, что послѣднее выраженіе преп. Іосифа есть чистая гипербола, имѣющая своимъ источникомъ его горячее рвеніе противъ еретиковъ, и что подъ многими совращенными разумѣются не многія тысячи ихъ, а только многія единицы, восходящія не болѣе, какъ до немногихъ сотенъ. Когда въ 1503-мъ году именно преп. Іосифъ ходатайствовалъ передъ великимъ княземъ, чтобы онъ подвигся на Жидовствующихъ, то государь обѣщалъ ему,

---

[1]) Стрр. 533 fin., 576, 587 fin., 599.

что одночно пошлетъ по всѣмъ городамъ да велитъ обыскать еретиковъ да искоренить ихъ [1]). Изъ словъ великаго князя Іосифу ясно, что онъ надѣялся искоренить еретиковъ за одинъ пріемъ и однимъ разомъ; но если такъ, то очевидно, что дѣло шло о сотняхъ, а не о тысячахъ людей, ибо въ послѣднемъ случаѣ надѣяться искоренить ересь однимъ разомъ было бы невозможно. На соборѣ 1504-го года дѣйствительно сразу были преданы казнямъ всѣ еретики, за исключеніемъ немногихъ спасшихся единицъ; но если это возможно было сразу, то выводъ опять тотъ же, что сейчасъ выше. Здѣсь мы находимъ и другое подтвержденіе справедливости нашего мнѣнія. Послѣ преданныхъ смертной казни главнѣйшихъ еретиковъ, прочіе еретики, оставленные въ живыхъ, разосланы были—отчасти въ заточеніе, отчасти по монастырямъ; если бы еретиковъ были тысячи, то монастыри были бы наводнены ссыльными; между тѣмъ мы знаемъ, что напримѣръ въ собственный Іосифовъ монастырь присланъ былъ и всего одинъ еретикъ [2]). Но самое рѣшительное свидѣтельство о томъ, что еретиковъ были не тысячи, а не болѣе, какъ сотни, мы находимъ въ одномъ непрямомъ указаніи самого же преп. Іосифа. Въ посланіи къ духовнику великаго князя андрониковскому архимандриту Митрофану, убѣждая этого послѣдняго подвигнуть государя противъ Жидовствующихъ, онъ говоритъ: «и только бы государь восхотѣлъ ихъ искоренити, ино бы вскорѣ искоренилъ,—поймалъ двухъ или трехъ еретиковъ, и онѣ всѣхъ скажутъ». Если еретиковъ можно было вскорѣ искоренить, если каждый изъ нихъ зналъ всѣхъ другихъ по именамъ: то ясно, что еретиковъ были не тысячи, а не болѣе, какъ сотни. Существованіе секты жидовствующихъ возможно было только подъ условіемъ самой глубокой тайны. На этомъ основаніи нужно думать, что съ одной стороны—проповѣдники ереси вели свою пропаганду не такъ, чтобы обращаться къ цѣлымъ толпамъ людей, а такъ чтобы обращаться только къ отдѣльнымъ людямъ (дабы дѣло было съ глазу на глазъ), каковое обстоятельство естественно должно было весьма замедлять успѣхи пропаганды, а съ другой стороны—что они сами не находили возможнымъ помышлять о широкомъ распространеніи своей ереси, потому что при этомъ широкомъ распространеніи невозможно было бы сохраненіе тайны и оно

---

[1]) См. посланіе преп. Іосифа къ Митрофану андрониковскому. «А одночно—обѣщался великій князь Іосифу—пошлю по всѣмъ городомъ, да велю обыскати еретиковъ да искоренити».

[2]) См. посланіе преп. Іосифа къ великому князю Ивану Васильевичу объ еретикѣ Клёновѣ,—у *Хрущова* стр. 263.

послужило бы средствомъ къ открытію секты. Какъ бы то ни было, но надлежитъ думать, что секта Жидовствующихъ, какъ таковая въ собственномъ смыслѣ послѣдняго слова, далеко не была очень немногочисленна и что она представляла собою не столько настоящую секту, сколько небольшое тайное общество.

Для заключеній о количествѣ людей, которые, не принимая самаго жидовства, только заражены были отъ проповѣдниковъ послѣдняго бо́льшимъ или меньшимъ вольномысліемъ; мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Но представляется намъ вѣроятнѣйшимъ думать, что и оно было не особенно велико, хотя, можетъ быть, и было значительно бо́льшее, чѣмъ количество самыхъ или настоящихъ еретиковъ. Когда преп. Іосифъ говоритъ: «аще кто и не отступи въ жидовство, то мнози научишася отъ нихъ (проповѣдниковъ ереси) писанія божественнаа укаряти, и на торжищѣхъ и въ домѣхъ о вѣрѣ любопреніе творяху и съмнѣніе имѣяху» [1]): то можно съ перваго взгляда подумать, что онъ рисуетъ картину съ живой дѣйствительности. На самомъ же дѣлѣ очень можно подозрѣвать, что онъ не списываетъ картину съ дѣйствительности, а выписываетъ ее изъ греческихъ книгъ: у Грековъ въ подобныхъ случаяхъ это дѣйствительно бывало такъ; но чтобы такъ это было и у насъ, представляется немало сомнительнымъ. Кромѣ совращенныхъ въ самую ересь и кромѣ заразившихся вольномысліемъ, со всею вѣроятностію должна быть предполагаема еще третья категорія людей, на чистоту православія которыхъ посягнуло жидовство, это именно—тѣхъ, которые, не отпадая въ ересь и не заражаясь вольномысліемъ, стали почитателями и адептами лишь предлагавшихся жидовствомъ чернокнижія и астрологіи.

Начавшись съ двухъ выдававшихся по уму и по образованію священниковъ, жидовство распространялось у насъ главнымъ образомъ въ образованнѣйшей части общества (въ тогдашнемъ смыслѣ),—между тѣми же священниками съ прочими клириками (діаконами и дьяками) и между боярами [2]). Въ той же средѣ общества распространялось главнымъ образомъ и вольномысліе, что̀ уже само собою предполагается.

---

[1]) Просвѣтит., стр. 59 fin.

[2]) Что въ Новгородѣ и новгородской области жидовство распространялось главнымъ образомъ между священниками, это говорятъ архіепископъ Геннадій и преп. Іосифъ и это подтверждаютъ митр. Зосима и соборъ 1490-го года въ своемъ поученіи противъ Жидовствующихъ,—въ Памятни. *Павл.* col. 785. Зиновій Отенскій, какъ мы указывали выше, въ своемъ «Истины показаніи» говоритъ, что мнози

Въ нашихъ рукописяхъ сохранились до настоящаго времени нѣкоторые письменные памятники, которые со всею вѣроятностію должны быть принимаемы за памятники, оставленные послѣ себя Жидовствующими. Эти памятники суть: переводъ пятокнижія Моѵсеева, правленный по еврейскому подлиннику, и сборникъ еврейскихъ молитвъ.

Пятокнижіе Моѵсеево, какъ и всѣ книги Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, написанныя на еврейскомъ языкѣ, были переведены у насъ на славянскій языкъ съ греческаго перевода семидесяти. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ нашихъ читается этотъ славянскій переводъ съ довольно значительнымъ количествомъ частныхъ поправокъ текста, сдѣланныхъ по еврейскому подлиннику. Кѣмъ и когда произведены были поправки, положительнымъ образомъ остается неизвѣстнымъ. Но ихъ языкъ есть великорусскій языкъ позднѣйшаго времени, XV—XVI вѣка, съ нѣкоторой примѣсью бѣлорусскаго языка того же времени, а разумѣніе текста Священнаго Писанія, которое въ нихъ обнаруживается, даетъ видѣть въ себѣ разумѣніе не христіанское, а еврейское. Изъ перваго съ вѣроятностію можетъ быть заключаемо, что поправки сдѣланы въ Великороссіи, но человѣкомъ пришедшимъ изъ Бѣлоруссіи или изъ литовской Руси; а изъ второго прямо слѣдуетъ, что поправщикъ былъ по вѣрѣ не христіанинъ, а Еврей. Оба эти признака идутъ къ основателю секты Жидовствующихъ Схаріи, и со всею, а по крайней мѣрѣ—съ весьма большою вѣроятностію слѣдуетъ думать, что поправки принадлежатъ именно ему [1]).

Сборнику еврейскихъ молитвъ въ славянскомъ переводѣ, читаемыхъ въ нашихъ рукописяхъ, дано названіе псалтири и внѣшняя форма этой послѣдней, именно—молитвы называются псалмами и раздѣлены на каѳизмы и славы, только вслѣдствіе значительно меньшаго количества молитвъ, чѣмъ псалмовъ въ дѣйствительной псалтыри (74 молитвы), нѣтъ соотвѣтствія съ дѣйствительной псалтирью въ каѳизмахъ и славахъ по количеству мнимыхъ псалмовъ. На концѣ сборника читается послѣсловіе, въ которомъ утверждается, будто мнимая псалтырь переведена съ еврейскаго языка на русскій «благословеніемъ и приказаніемъ святаго Филиппа митрополита всея Руси».

вельможи и отъ чиновныхъ великихъ князей (т.-е. Ивана Васильевича и сына его Василія Ивановича) поползошася въ жидовскую ересь,—стр. 964 fin..

[1]) См. въ 19-й части Прибавленій къ изданію твореній святыхъ отцевъ статью: «О славянскомъ переводѣ пятокнижія Моѵ... ...ъ. исправленномъ въ XV вѣкѣ по еврейскому тексту».

Этотъ обманъ въ приданіи сборнику молитвъ вида псалтыри и въ усвоеніи перевода благословенію и приказанію митр. Филиппа, при которомъ Схарія пришелъ въ Новгородъ, необходимо понимать такъ, что Жидовствующіе имѣли въ виду распространять его между православными или что по крайней мѣрѣ они хотѣли отводить отъ него глаза православныхъ [1]).

Борьба противъ Жидовствующихъ со стороны православной состояло не только въ принятіи противъ нихъ правительственныхъ мѣръ—церковныхъ и гражданскихъ, но и въ обличеніи ихъ ереси посредствомъ полемическихъ сочиненій. Въ этомъ случаѣ заслуга принадлежитъ отчасти архіепископу новгородскому Геннадію, главнымъ же образомъ преп. Іосифу Волоколамскому.

Архіепископъ Геннадій не чувствовалъ себя способнымъ къ тому, чтобы на самого себя взять письменную полемику съ Жидовствующими, и онъ приказалъ перевести на славянскій языкъ съ латинскаго два полемическія сочиненія противъ Іудеевъ, заимствованныя у католиковъ. Эти сочиненія суть: 1) «Магистра Николая Делира прекраснѣйшии стязанія, іудейское безвѣріе въ православнѣй вѣрѣ похуляющи», переведенное въ 1501-мъ году посольскимъ толмачемъ или переводчикомъ Дмитріемъ Герасимовымъ, по прозванію Малымъ. Сочиненіе Делира или Де-Лиры пользовалось на Западѣ весьма большою славою, какъ одно изъ главныхъ полемическихъ сочиненій противъ іудейства [2]).

---

[1]) См. о сборникѣ въ V кн. Ученыхъ Записокъ II Отдѣленія Академіи Наукъ, въ статьѣ *архим. Варлаама:* Описаніе сборника XV столѣтія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, стр. 43 sqq.—Не безъ нѣкоторой вѣроятности можно думать, что первыя девять главъ книги Есѳирь, внесенной архіепископомъ Геннадіемъ въ его полную библію, читаемыя въ переводѣ съ еврейскаго подлинника, взяты Геннадіемъ изъ библіи Жидовствующихъ, къ чему содержаніе не представляло препятствія,—Опис. сунодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.*, № 1—3, стр. 53 («переводъ сдѣланъ,—говорятъ описатели,—близъ Польши или выходцемъ изъ тѣхъ странъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ выраженіямъ и оборотамъ рѣчи, приближающимся къ польскому языку»,—стр. 55). Въ поученіи противъ Жидовствующихъ митр. Зосимы и собора 1490-го года говорится, что они тайно писали какія-то писанія (конечно, апологетическо-полемическія или наоборотъ,—у *Павл.* col. 785); но мудрено ожидать, чтобы эти писанія какъ нибудь сохранились и могли быть открыты.

[2]) Николай Де-Лира, урожденецъ городка или мѣстечка Лиры (Lyra, Lyre) въ сѣверной Франціи (Николай Де Лира—т.-е. Николай изъ Лиры), по своему происхожденію, какъ полагаютъ, Еврей, а по своему званію—францисканскій монахъ, былъ профессоромъ парижскаго университета и прославился своими толкованіями Ветхаго Завѣта, изложенными въ видѣ бесѣдъ (postillae.—Postillator); † 1340.

2) «Учителя Самоила Евреина на богоотметные жидове обличительно пророческими рѣчми», переведенное въ 1504-мъ году однимъ иностранцемъ, жившимъ въ Россіи [1]).

Преп. Іосифъ Волоколамскій написалъ противъ Жидовствующихъ и противъ посѣяннаго ими вольномыслія обширное полемическое сочиненіе, которое по своей внѣшней формѣ состоитъ изъ 16-ти словъ, предваряемыхъ историческимъ введеніемъ, и которому послѣ Іосифа дано названіе Просвѣтителя. Этотъ Просвѣтитель преп. Іосифа, представляя собою для конца XV—начала XVI вѣка произведеніе нашей письменности замѣчательнѣйшее, былъ такимъ для своего времени блистательнымъ обличительнымъ сочиненіемъ противъ Жидовствующихъ и противъ порожденнаго ими вольномыслія, лучше котораго требовать было бы невозможно. Надѣленный блестящимъ умомъ и выдающимся литературнымъ талантомъ, преп. Іосифъ исключительнымъ образомъ былъ начитанъ въ Священномъ Писаніи и въ твореніяхъ отеческихъ, насколько послѣднія существовали тогда въ славянскомъ переводѣ, такъ что по этой начитанности имѣетъ полное право на титулъ ученнѣйшаго человѣка своего времени. При такомъ обладаніи всѣми потребными качествами онъ написалъ обличительное сочиненіе, которое отличается внутреннимъ достоинствомъ возможной ученой основательности и внѣшнимъ достоинствомъ возможной удовлетворительности изложенія; въ послѣднемъ случаѣ на первомъ мѣстѣ—ясность, которая всего болѣе нужна была для нашихъ старыхъ книжныхъ людей. По отношенію къ Жидовствующимъ въ строгомъ смыслѣ этого слова Про-

---

Его полемическое сочиненіе противъ іудейства въ подлинникѣ надписывается: De Messia ejusque adventu praeterito tractatus, una cum responsione ad Iudaei argumenta XIV contra veritatem evangeliorum. Напечатано было въ первый разъ въ Венеціи въ 1481-мъ году, и потомъ много разъ. Славянскій переводъ—въ рукописи Царскаго № 461 и въ одной рукописи Вологодской Духовной Семинаріи (*Строева* Библіологич. Словарь, стр. 86).

[1]) Николаемъ Нѣмчиномъ, о которомъ скажемъ ниже, когда будемъ говорить о преп. Максимѣ Грекѣ. Самуилъ былъ марокккій Еврей, обратившійся въ христіанство въ 1085-мъ году; его сочиненіе, написанное имъ на арабскомъ языкѣ и съ арабскаго переведенное на латинскій въ 1339-мъ году, надписывается по латынѣ: Rabbi Samuelis Marochiani de adventu Messiae, quem Iudaei temere expectant. liber scriptus post annos 1000 ab ultima eversione Hierosolymae sub Tito imp., id est post annum 1072 a Natali Domini. Оно—въ Патрологіи *Миня*, t. 149 p. 337. Славянскій переводъ тамъ же, гдѣ переводъ Де-Лиры.

свѣтитель преп. Іосифа не могъ имѣть слишкомъ большаго значенія, потому что онъ ратуетъ противъ нихъ (доказывая троичность лицъ Божества и то, что Іисусъ Христосъ есть пришедшій Мессія) Священнымъ Писаніемъ Ветхаго Завѣта по переводу семидесяти, а Жидовствующіе вмѣстѣ съ самими жидами, какъ необходимо предполагать, вовсе не признавали обязательнымъ для себя этого перевода. Но по отношенію къ вольномыслію и какъ средство предохраненія для православныхъ и отъ жидовства и отъ этого вольномыслія Просвѣтитель несомнѣнно имѣлъ все то значеніе, какое могло имѣть обличительное сочиненіе вполнѣ удовлетворительное. Мы возвратимся къ Просвѣтителю послѣ, когда будемъ говорить о нашей оригинальной письменности взятаго нами отдѣла времени.

Архіепископу Геннадію ересь Жидовствующихъ подала поводъ къ весьма важному книжному предпріятію, именно — къ собранію всѣхъ книгъ Священнаго Писанія въ одинъ составъ, чего у насъ дотолѣ не было. Объ этомъ также мы скажемъ послѣ.

МИТРОПОЛИТЫ ЗОСИМА И СИМОНЪ.

Возвращаемся къ митр. Зосимѣ, чтобы досказать о немъ и о времени его недолгаго правленія [1]) то очень немногое, что̀ можетъ быть сказано помимо его жидовства.

По увѣренію преп. Іосифа Волоколамскаго, какъ передавали мы выше, его поставилъ въ митрополиты вел. кн. Иванъ Васильевичъ, бывъ «подойденъ» протопопомъ Алексѣемъ. Если увѣреніе справедливо, то нужно будетъ понимать дѣло такъ, что великій князь назначилъ его своею собственною властію или безъ соборнаго избранія епископовъ, или же,—что̀ вѣроятнѣе, при совершеніи ими избранія только формальнымъ образомъ. А если это такъ, то нашъ случай поставленія митрополита будетъ первымъ случаемъ, при которомъ вмѣсто избранія, хотя и не совсѣмъ независимаго, имѣло мѣсто уже настоящее (по существу) назначеніе. Мы обращали вниманіе на то, что онъ—Зосима поставленъ былъ на мѣсто Геронтія послѣ очень продолжительнаго медленія, вмѣстѣ съ чѣмъ замѣчали, что причины этого медленія остаются для насъ неясными. Можетъ быть, великій князь съ поспѣшнымъ избраніемъ Геронтія считалъ себя очень ошибшимся. Предполагая это, нужно будетъ только сказать, что на сей разъ медленіе оказалось хуже поспѣшности.

Какъ мы говорили выше, у насъ вслѣдъ за Греціею распространено было вѣрованіе, что съ окончаніемъ семи тысячъ лѣтъ настанетъ кончина міра. По этой причинѣ богослужебная пасхалія, состоящая въ указаніи мѣсяца и числа праздника Пасхи и подвижныхъ праздниковъ, зависящихъ отъ послѣдней, доведена была у насъ до семитысячнаго года и на немъ останавливалась. Когда семитысячный годъ прошелъ (онъ окончился Августомъ мѣсяцемъ 1492-го года отъ Р. Х.), а кончины міра не послѣдовало, нужно было продолжить роспись пасхаліи на дальнѣйшее время. Это и сдѣлалъ Зосима послѣ совѣтованія съ архіепископами, епископами, архимандритами и всемъ

---

[1]) Съ 26-го Сентября 1490-го года по 19-е Мая 1494-го года.

соборомъ митрополіи. Разсчисливъ Пасхалію на 20 слѣдующихъ лѣтъ, митрополитъ посылалъ свое разчисленіе для повѣрки къ архіепископу новгородскому Геннадію и къ епископу пермскому Филоѳею, а можетъ быть—и къ другимъ епископамъ, и затѣмъ не позднѣе Декабря 7001-го года (1492-го года отъ Р. Х.) обнародовалъ его во всей митрополіи [1].

Въ 1492-мъ году, по приказанію великаго князя, митрополитъ и архіепископъ Геннадій отдали городъ Вологду, который находился дотолѣ въ церковномъ завѣдываніи ихъ обоихъ, епископу пермскому [2].

Въ 1494-мъ году, не знаемъ—прежде или уже послѣ сведенія Зосимы съ каѳедры митрополичьей, въ Псковѣ были отставлены отъ

---

[1]) Извѣщеніе Зосимы о пасхаліи на осьмую тысячу лѣтъ—въ Правосл. Собесѣдн. 1860-го года ч. II, стр. 334 и у *Павлова* въ Памм. № 118. Что онъ разослалъ пасхалію по митрополіи до Декабря 7001-го года, это видно изъ грамоты архіепископа Геннадія духовенству своей епархіи, при которой послѣдній разсылалъ по епархіи пасхальное разчисленіе его—митрополитово и свое собственное, сдѣланное на 70 лѣтъ: грамота писана 21-го Декабря 7001-го года, а въ ней говорится, что митрополитъ разослалъ пасхалію по митрополіи,—грамота у *преосв. Макарія* т. VI, стр. 380, и у *Павл.* ibid. № 119. Совѣтованіе о пасхаліи съ архіепископами, епископами и со всѣмъ соборомъ, о которомъ пишетъ Зосима въ своемъ извѣщеніи, должно было имѣть мѣсто въ 7000-мъ (сентябрьскомъ) году. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, приводимыхъ Карамзинымъ, дѣйствительно читается, что «въ лѣто 7000 сирѣчь начало осьмыя тысячи, мѣсяца Сентября», митрополитъ собиралъ соборъ изъ архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, на которомъ «начаша святый міротворный кругъ» (не міротворный кругъ, а пасхалію на восьмую тысячу: ибо міротворный 532-лѣтній кругъ начался съ 6917-го года отъ С. М. или въ 1409-мъ году отъ Р. Х.,—къ т. VI прим. 618). О посыланіи митрополитомъ сдѣланнаго имъ пасхальнаго разсчисленія къ Геннадію новгородскому см. въ помянутой выше грамотѣ послѣдняго; о посыланіи къ Филоѳею пермскому—у *Карамзина*. къ т. VI прим. 620.

[2]) Никон. лѣт. VI, 131, Новгор. 4-я лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 160 fin., Типогр. лѣт. стр. 325. До Василья Васильевича Темнаго († 1462) Вологда принадлежала Новгородцамъ, а съ сего великаго князя стала принадлежать Москвѣ (собственно городъ, а что касается до волости, то не вся, а только бо́льшая или меньшая часть.—Собр. грамм. и договв. I. 204, cfr Акт. Эксп. т. I, № 57). Относительно совмѣстной церковной власти надъ нею митрополита и архіепископа дѣло, вѣроятно, нужно понимать такъ, что церкви, существовавшія въ городѣ до его перехода въ государственную власть Москвы, остались за архіепископомъ, а церкви послѣ сего строившіяся были митрополичьи.—Въ 1493-мъ году, послѣ бывшаго въ Москвѣ пожара, въ который выгорѣлъ митрополичій дворъ, Зосима поставилъ на дворѣ три кельи каменныя съ подклѣтами.—Никон. лѣт. VI, 137—138.

службы вдовые священники. Объ исторіи этого отставленія, было ли оно съ согласія архіепископа или вопреки его воли, лѣтописецъ не сообщаетъ совершенно ничего, ограничиваясь только голымъ и краткимъ извѣстіемъ, что «того же лѣта отставиша вдовыхъ поповъ отъ службы» [1]).

Обращаемся къ митр. Симону [2]), медленность поставленія котораго на мѣсто Зосимы столько же для насъ неясна, какъ и медленность поставленія этого послѣдняго на мѣсто Геронтія.

Говоря о предшествующихъ митрополитахъ, ставленныхъ въ самой Россіи, лѣтописи не сообщаютъ никакихъ подробностей чина, какой наблюдался при ихъ поставленіяхъ. Относительно поставленія Симонова лѣтописи сообщаютъ нѣкоторыя подробности этого чина. Когда онъ былъ избранъ епископами, какъ кажется,—только формальнымъ образомъ, бывъ прямо указанъ великимъ княземъ [3]), то ходилъ

---

[1]) Псковск. 1-я лѣтоп. въ Собр. лѣтт. IV, 268 fin..—Мы упоминали выше, что митр. Зосима вмѣстѣ съ соборомъ епископовъ 1490-го года выдалъ краткое поученіе противъ Жидовствующихъ. Къ поученію онъ приложилъ указъ объ отреченныхъ книгахъ, т.-е. о такихъ книгахъ, которыхъ не должно читать православнымъ христіанамъ (отреченный—запрещенный), взятый имъ, какъ замѣчается на концѣ самаго указа, изъ Молитвенника или Требника митр. Кипріана. Имѣя надписаніе: «Сказаніе Изосимы, митрополита русьскаго, о отреченныхъ книгахъ», указъ напечатанъ въ Памятникахъ *Павлова*,—№ 117.—Низведенный съ каѳедры митрополіи, Зосима, по словамъ лѣтописей, отошелъ въ келью въ Симоновомъ монастырѣ, а изъ Симонова монастыря въ Троицкій Сергіевъ монастырь,—Воскресенская и 4 я Новгородская лѣтописи въ Собр. лѣтт. IV, 164, и VI, 228, Типографская лѣт. стр. 335 fin.. Замѣчаніе лѣтописей объ одномъ его необычайномъ поступкѣ, изъ котораго видно, что въ 1496-мъ году онъ находился въ Троицкомъ монастырѣ, мы привели выше,—стр. 595. Описатель рукописей Троицкой Лавры, говоря о рукописи лаврской библіотеки, принадлежавшей митр. Зосимѣ (№ 122, Апокалипсисъ толковый Андрея Кесарійскаго) утверждаетъ на основаніи будто бы Исторіи іерархіи, что Зосима скончался въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Но ссылка на Исторію іерархіи («Ист. росс. іер., изд. 2-е, стр. 100 и 101» не указываемаго тома, подъ которымъ, очевидно, долженъ быть разумѣемъ I томъ) ошибочна, и авторъ Исторіи, перечисляя въ описаніи Кириллова монастыря погребенныхъ въ немъ замѣчательныхъ людей,—т. IV, стр. 402, не называетъ Зосимы.

[2]) По нѣкоторымъ каталогамъ, онъ имѣлъ прозваніе Чижа, см. *Бычкова* Описаніе сборниковъ Публичн. Библіотеки, I, 68 fin..

[3]) Онъ былъ избранъ въ митрополиты 6-го Сентября 1495-го года, а гораздо ранѣе—въ Январѣ того же года онъ дѣйствуетъ въ Москвѣ, за небытностію митрополита, какъ старшій въ духовенствѣ, хотя не былъ старшимъ (благословлялъ

во дворецъ, для представленія государю. Изъ дворца великій князь вмѣстѣ съ епископами, бывъ сопровождаемъ своимъ наслѣдникомъ (внукомъ Димитріемъ), своими дѣтьми и своими боярами и дьяками, провожалъ его до Успенскаго собора, въ которомъ онъ прикладывался къ иконѣ (Божіей Матери Владимирской) и кланялся гробамъ своихъ предшественниковъ, и потомъ до митрополичьяго двора. Въ дверяхъ послѣдняго великій князь передалъ его епископамъ [1]). Въ самый день посвященія, когда была окончена литургія и когда приспѣло время возвести новаго митрополита на митрополичье мѣсто, великій князь, вручая ему жезлъ пастырскій, привѣтствовалъ его краткой рѣчью, которая начиналась словами: «Всемогущая и животворящая святая Троица, дарующая намъ всея Русіи государство, подаетъ тебѣ сіи святыи великіи престолъ архіерейства»..., а митрополитъ отвѣчалъ великому князю своей краткой рѣчью [2]). Послѣ посвященія митрополитъ ѣздилъ верхомъ на осляти кругомъ города, при чемъ осля водилъ подъ нимъ бояринъ великаго князя [3]).

На эти подробности, сообщаемыя лѣтописцами, съ весьма большою вѣроятностію должно смотрѣть, какъ на нововведеніе противъ предшествующаго времени, чего прежде не было. Съ минуты взятія Константинополя Турками отецъ Ивана Васильевича Василій Васильевичъ Темный началъ смотрѣть на себя какъ на преемника императоровъ византійскихъ или царей греческихъ. Но если его положеніе какъ государя еще далеко не соотвѣтствовало идеѣ царя и если онъ основывалъ свой взглядъ на себя только на томъ, что въ христіанскомъ православномъ мірѣ долженъ быть государь, который бы былъ оберегателемъ христіанской православной церкви: то Иванъ Васильевичъ, окончательно водворившій въ Россіи единодержавіе, свергнувшій иго Монголовъ и наконецъ вступившій въ бракъ съ греческою царевной, имѣлъ уже слишкомъ достаточныя положительныя права на то, чтобы считать

въ Успенскомъ соборѣ дочь великаго князя Елену, отправлявшуюся въ Литву замужъ за Александра,—Никон. лѣт. VI, 142, 4-я Новгородск. лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 165). Изъ этого слѣдуетъ заключать, что онъ уже предназначенъ былъ великимъ княземъ въ митрополиты.

[1]) Типогр. лѣт. стр. 337 (у *Карамз.* къ т. VI прим. 326—она же).

[2]) Никон. лѣт. VI, 144, Софійская 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 39.

[3]) Типогр. лѣт. стр. 338 (у *Карамз.* ibidd. Не говорится прямо, что ѣздилъ кругомъ города, а говорится только и неопредѣленно, что «осля тогда водилъ подъ митрополитомъ Михайло Русалка»; но подъ этимъ «тогда», заключая отъ послѣдующаго времени, нужно разумѣть ѣзду кругомъ города).

себя преемникомъ царей греческихъ. И онъ дѣйствительно началъ смотрѣть на себя, какъ на таковаго, уже совсѣмъ увѣреннымъ образомъ, хотя еще и не отважился на послѣдній шагъ—открыто и формально принять самый титулъ царя. Вслѣдствіе этого одну изъ его заботъ составляло то, чтобы ввести въ нашу высшую общественную жизнь новыя внѣшнія формы, отчасти прямо византійскія, отчасти вообще болѣе обрядныя и такъ сказать церемоніальныя, такъ чтобы въ жизни этой на мѣсто прежней простоты водворился тотъ «украшенный и благообразный царскій чинъ» (какъ выражается Константинъ Порфирогенитъ), которымъ такъ крайне дорожили Греки и которымъ потомъ не менѣе ихъ дорожили и мы. Подробности поставленія Симонова въ митрополиты, сообщаемыя лѣтописцами, ясно указываютъ на то, что Иванъ Васильевичъ хотѣлъ придать чину поставленія митрополитовъ тотъ видъ, какъ въ Константинополѣ совершалось поставленіе патріарховъ. А когда великій князь передалъ будущаго митрополита епископамъ и когда онъ говорилъ посвященному митрополиту, что «всемогущая и животворящая святая Троица, дарующая намъ всея Русіи государство, подаетъ тебѣ сіи святыи и великіи престолъ»: то здѣсь уже и не одна обрядность царская, а весьма важная новость существенная—показаніе и заявленіе царскихъ правъ государя по отношенію къ митрополиту...

Кромѣ собора на Жидовствующихъ 1504-го года, о которомъ мы говорили, правленіе митр. Симона ознаменовалось другимъ чрезвычайно важнымъ соборомъ, имѣвшимъ мѣсто за годъ до этого послѣдняго.

Соборъ 1503-го года, созыванный не противъ враговъ церкви, а для благоустроенія ея самой, сдѣлалъ опредѣленія: о невзиманіи епископами платы за поставленіе въ церковныя степени; о неслуженіи въ міру вдовымъ священникамъ и діаконамъ; о несовершеніи священниками и діаконами невдовыми литургіи на другой день послѣ того, какъ напьются до пьяна, и о не житіи монахамъ и монахинямъ въ однихъ и тѣхъ же монастыряхъ. За симъ, на соборѣ былъ поднимаемъ еще вопросъ объ отобраніи у монастырей недвижимыхъ имѣній или вотчинъ.

Къ сожалѣнію, мы вовсе не имѣемъ историческихъ свѣдѣній о соборѣ, чтобы отвѣчать на вопросы: по чьей инициативѣ онъ былъ созванъ и какія были ближайшія поводы къ его созванію. Во всякомъ случаѣ должно быть принимаемо за несомнѣнное, что онъ принадлежалъ инициативѣ не одного только митрополита, но и великаго князя. Желаніе сдѣлать постановленія относительно священниковъ вдовыхъ и невдовыхъ и относительно монаховъ съ монахинями могъ имѣть и митрополитъ; но чтобы онъ имѣлъ желаніе сдѣлать постановленіе о не-

взиманіи платы епископами и чтобы такимъ образомъ онъ хотѣлъ поднять руки на самого себя, а главное—хотѣлъ возбудить противъ себя величайшую общую ненависть епископовъ и ихъ чиновниковъ, это вовсе невѣроятно; чтобы это было возможно, мы должны были бы представлять себѣ Симона человѣкомъ исключительныхъ нравственныхъ качествъ и исключительнѣйше твердаго характера, для каковыхъ представленій мы вовсе не имѣемъ основаній. Соборъ написалъ свои постановленія въ двухъ особыхъ приговорахъ: одинъ приговоръ о невзиманіи платы епископами, другой—о священникахъ вдовыхъ и невдовыхъ и о монахахъ съ монахинями. Судя по образу выраженія этихъ приговоровъ можно думать, что постановленіе, содержащееся въ первомъ изъ нихъ, принадлежало инціативѣ великаго князя и что постановленія, содержащіяся во второмъ, принадлежали инціативѣ митрополита. Оба приговора написаны отъ лица великаго князя съ соборомъ; но въ первомъ изъ нихъ пишется, что великій князь, поговоривъ съ митрополитомъ и съ епископами, уложилъ и укрѣпилъ быть тому-то, а во второмъ,—что митрополитъ и епископы, поговоривъ съ нимъ—великимъ княземъ уложили и укрѣпили быть тому-то. За этимъ, основываясь на времени написанія приговоровъ, именно—что первый изъ нихъ былъ написанъ ранѣе втораго (одинъ 6-го Августа, другой—1 Сентября), представляется не невѣроятнымъ думать, что соборъ собственно былъ созванъ великимъ княземъ для постановленія приговора о невзиманіи платы епископами, но что потомъ, когда онъ уже происходилъ, было предложено митрополитомъ и епископами сдѣлать и остальныя постановленія.

Взиманіе платы епископами за поставленіе въ церковныя степени, перешедшее къ намъ изъ Греціи, было дѣломъ собственно противуканоническимъ. Но если въ Греціи, гдѣ писались каноны, оно составляло общій обычай, державшійся тверже всякихъ каноновъ, то тѣмъ болѣе твердо оно должно было держаться у насъ, гдѣ оправданіемъ служила простая ссылка на примѣръ церкви греческой. Въ началѣ XIV вѣка у насъ былъ поднятъ противъ этого взиманія платы, какъ противъ беззаконной мзды и симоніи, самый горячій протестъ, породившій потомъ секту Стригольниковъ, которые провозгласили за это взиманіе платы все наше священство неистиннымъ и недѣйствительнымъ священствомъ. Но обычай съ непоколебимою твердостію выдержалъ себя противъ протеста и православныхъ и Стригольниковъ. Какимъ же образомъ могло случиться, чтобы на этотъ обычай, имѣвшій слишкомъ большую давность или точнѣе—древность и такую, пережившую всѣ испытанія, твердость, вдругъ поднялъ свою руку Иванъ

Васильевичъ? Не представляется вѣроятнымъ думать, чтобы онъ сдѣлалъ это по своему собственному непосредственному намѣренію, и оказывается необходимымъ предполагать стороннія на него вліянія. Иванъ Васильевичъ, во-первыхъ, былъ такой человѣкъ, относительно котораго очень сомнительно думать, чтобы онъ могъ возмущаться поборами епископовъ съ низшаго духовенства: онъ самъ былъ надѣленъ слишкомъ большою наклонностію брать; во-вторыхъ и главное—это взиманіе платы было дѣло церковное и чтобы считать его дѣломъ незаконнымъ и беззаконнымъ нужно было твердое знаніе каноновъ церковныхъ. Что касается до стороннихъ вліяній, то можно до нѣкоторой степени предполагать укоризны нашимъ епископамъ отъ Жидовствующихъ и положительно извѣстно, объ укоризнахъ имъ отъ нѣкоторыхъ остававшихся представителей стригольничества, но главнымъ и собственнымъ образомъ, какъ намъ думается, должно предполагать внушенія и представленія великому князю, шедшія изъ среды самихъ православныхъ. Преп. Іосифъ Волоколамскій не говоритъ въ своемъ Просвѣтителѣ, чтобы Жидовствующіе укоряли нашихъ епископовъ за взиманіе платы или мзды отъ поставленій; но это само по себѣ очень вѣроятно; изъ оставшихся представителей стригольничества мы знаемъ по крайней мѣрѣ одного, который открыто укорялъ епископовъ за взиманіе платы, это—чернецъ Захарія или Захаръ, который, принявъ или не принявъ жидовство, былъ осужденъ съ новгородскими Жидовствующими на соборѣ 1490-го года. Однако, представляется вовсе невѣроятнымъ думать, чтобы великій князь могъ склонить слухъ къ укоризнамъ враговъ церкви, если бы общимъ голосомъ самихъ представителей послѣдней онѣ объявлялись за укоризны несправедливыя и неосновательныя [1]). Считая необходимымъ объяснять дѣло внушеніями, шедшими изъ среды самихъ православныхъ, мы думаемъ, что эти внушенія должны быть усвояемы знаменитымъ старцамъ того времени Паисію Ярославову и Нилу Сорскому, которые пользовались великимъ уваженіемъ Ивана Васильевича и которые присутствовали какъ на соборѣ 1490-го года, такъ и на нашемъ соборѣ 1503-го года. Чтобы Паисій Ярославовъ и Нилъ Сорскій были противъ взиманія платы

[1]) А представлять дѣло такъ, чтобы протопопъ Алексѣй и Ѳедоръ Курицынъ, имѣвшіе чрезвычайно большое вліяніе на великаго князя, притворяясь ревнителями православія, побуждали его къ искорененію злоупотребленія, существовавшаго въ церкви, очевидно, невозможно: это было бы вовсе не въ ихъ интересѣ. Жидовствующіе могли укорять епископовъ за взиманіе платы, но никакъ не могли имѣть охоты объявлять этотъ обычай, къ извиненію церкви, за злоупотребленіе.

епископами за поставленіе, на это мы не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ [1]). Но съ совершенною вѣроятностію можетъ быть это предполагаемо: представляя изъ себя людей особыхъ въ современномъ имъ обществѣ и именно—представляя изъ себя либераловъ въ томъ смыслѣ, чтобы быть горячими противниками всего незаконнаго и противуканоническаго, они весьма могли быть противниками и нашего взиманія платы и возобновить противъ него протестъ, раздавшійся было у насъ въ XIV вѣкѣ. Для Паисія и Нила не особенно трудно было доказать великому князю канонами, что взиманіе платы есть дѣло незаконное и что правила свв. апостоловъ и святыхъ отецъ—какъ это читается въ соборномъ приговорѣ,—предписываютъ не брать за ставленіе ничего: но составляетъ предметъ немалаго недоумѣнія, какъ великій князь могъ быть подвигнутъ къ своей рѣшимости уничтожить плату въ виду того, что она столь продолжительное время существовала въ русской церкви и что такимъ образомъ она имѣла за себя слишкомъ прочную давность. Въ объясненіе этого необходимо предполагать, что искуснымъ образомъ было затронуто честолюбіе государя, которому могло быть поставлено на видъ, что его предшественники не чувствовали въ себѣ достаточно силы, чтобы рѣшиться на искорененіе великаго злоупотребленія,—что онъ имѣетъ эту силу и потому долженъ сдѣлать это,—что, сдѣлавъ это, онъ превзойдетъ царей греческихъ, которые терпѣли зло,—что, начавъ свое преемствованіе царямъ греческимъ такимъ знаменитымъ дѣяніемъ, онъ начнетъ его самымъ достойнымъ и славнымъ образомъ... Настоятельная заботливость, которую обнаруживаетъ великій князь въ приговорѣ, чтобы этотъ послѣдній остался нерушимымъ на будущее время, дѣйствительно даетъ знать, что государь смотрѣлъ на совершонную имъ отмѣну платы за поставленія какъ на одно изъ своихъ важныхъ дѣяній.

Соборный приговоръ былъ написанъ 6-го Августа 1503-го года. Между тѣмъ мы имѣемъ нѣкоторыя указанія, что какъ будто соборъ начался не позднѣе Пасхи этого года, которая была 16-го Апрѣля, такъ что отъ начала собора и до написанія приговора должно бы быть полагаемо продолженіе времени большее трехъ съ половиной мѣ-

---

[1]) Издатели сочиненій Вассіана Косаго, ученика Нилова, утверждаютъ, что онъ былъ противъ взиманія епископами нашей платы,—Православный Собесѣдникъ 1863-го года, ч. 3, стр. 98. Но на какомъ основаніи утверждаютъ они это, остается намъ неизвѣстнымъ (если на основаніи словъ, которыя на стр. 110, то въ нихъ не объ обычной платѣ за поставленія, а о полученіи мѣстъ посредствомъ подкупа).

сацевъ [1]). Если бы принять указанія, то эту медленность не невѣроятно бы было объяснять тѣмъ, что не сразу и не скоро побѣждено было сопротивленіе епископовъ.

Въ соборномъ приговорѣ великій князь вмѣстѣ съ митрополитомъ и епископами улогаетъ и укрѣпляетъ на будущее время слѣдующее:

1) митрополиту ничего не брать ни въ видѣ прямой платы ни въ видѣ подарковъ отъ поставленія архіепископовъ и епископовъ;

2) митрополиту и епископамъ ничего не брать отъ поставленія архимандритовъ и игуменовъ, священниковъ и діаконовъ и отъ всего священническаго чина;

3) печатникамъ архіерейскимъ ничего не брать отъ печатанія ставленныхъ грамотъ, а дьякамъ отъ ихъ подписи;

4) всѣмъ пошлинникамъ архіерейскимъ или ихъ чиновникамъ, имѣющимъ право на доходы, не брать никакихъ пошлинъ, т. е. введенныхъ обычаемъ подачъ;

5) архіереямъ не брать ничего у архимандритовъ и игуменовъ, у священниковъ и діаконовъ отъ священныхъ мѣстъ и отъ церквей, но какъ поставлять, такъ и отпущать поставляемыхъ на ихъ мѣста безъ мзды и безъ всякаго дара.

Въ заключеніе соборъ подтверждаетъ неоднократно прежде подтверждавшееся каноническое правило, чтобы «ни которыми дѣлы» (ни подъ какимъ видомъ) въ священники не ставили моложе 30-ти лѣтъ, а въ діаконы—25-ти лѣтъ, и чтобы въ иподіаконы ставили не моложе 20 лѣтъ.

Нарушителямъ своего постановленія соборъ, будучи руководимъ великимъ княземъ, опредѣляетъ наказаніе—изверженіе изъ сана: «а который святитель изъ насъ и послѣ насъ—митрополитъ, архіепискупъ или епискупъ во всѣхъ русскихъ земляхъ, отъ сего дни впередъ нѣкоторымъ нерадѣніемъ дерьзнетъ уложеніе и укрѣпленіе преступити да възметъ что отъ ставленія или отъ мѣста священническаго, (то) да лишенъ будетъ сана своего, по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ,—да извержется самъ и поставленный отъ него безъ всякаго отвѣта».

---

[1]) Преп. Іосифъ Волоколамскій, призыванный великимъ княземъ на соборъ 1503-го года, въ посланіи къ Митрофану андрониковскому даетъ знать, что онъ находился въ Москвѣ въ Пасху этого года (хотя впрочемъ изъ письма преп. Іосифа ясно не видно, чтобы уже тогда начался соборъ, который могъ начаться значительно позднѣе).

Приговорная грамота собора, «на бо́льшее утвержденіе его уложенія» и чтобы «то дѣло впередъ нерушимо было», скрѣплена была печатями и подписями, именно—великій князь привѣсилъ къ ней свою печать, митрополитъ привѣсилъ печать и приложилъ руку, епископы приложили руки [1]).

Нашему соборному постановленію, въ которомъ Иванъ Васильевичъ показалъ свою рѣшительную власть надъ епископами, по всей справедливости приличествуетъ епитетъ знаменитаго, и оно было бы чрезвычайно благодѣтельно для низшаго духовенства (вплоть до нашихъ теперешнихъ временъ...), если бы сохранило свою силу. Но, увы! оно сохраняло свою силу не далѣе, какъ только до смерти Ивана Васильевича, а смерть эта случилась и всего черезъ два года и три мѣсяца послѣ собора—27-го Октября 1505-го года. Нашелся однако епископъ, который не хотѣлъ даже подождать и смерти престарѣлаго Ивана Васильевича и который и поплатился за свое чрезмѣрное поспѣшеніе. Этотъ епископъ былъ старѣйшій изъ русскихъ епископовъ и знаменитый самъ по себѣ человѣкъ—Геннадій новгородскій. Возвратившись съ собора домой и поддаваясь, по словамъ лѣтописей, вліянію своего дьяка, который былъ его любимцемъ [2]), а можетъ быть—оправдывая себя и тѣмъ, что его каѳедра была обираема великимъ княземъ, о чемъ ниже, онъ по прежнему началъ брать плату за поставленія, какъ будто бы собора вовсе не было. Но Иванъ Васильевичъ, постановляя соборный приговоръ и грозя въ немъ его нарушителямъ изверженіемъ изъ сана, вовсе не хотѣлъ шутить: по его приказанію произведено было дознаніе и когда дѣйствительно оказалось, что архіепископъ виновенъ въ нарушеніи приговора, въ Іюнѣ слѣдующаго 1504-го года онъ низведенъ былъ съ каѳедры [3]).

---

[1]) Приговоръ собора въ Акт. Эксп. т. I, № 382.

[2]) Михайла Иванова, сына Алексѣева, Гостенка.

[3]) Софійск. 1-я и 2-я лѣтт. въ Собр. лѣтт. VI, 49 и 244, Никон. лѣт. VI, 170 (мѣсяцъ въ двухъ первыхъ лѣтописяхъ; по Псковской 1-й лѣтописи, въ Собр. лѣтт. IV. 278, Геннадію присланъ былъ великимъ княземъ приказъ ѣхать въ Москву на Онуфріевъ день, т.-е. 12-го Іюня; а что 16-го Мая онъ былъ еще въ Новгородѣ, см. Акт. Юридич. 1838-го года № 387.—Предполагать, чтобы обвиненіе на Геннадія было клеветой со стороны Жидовствующихъ, на которыхъ приготовлялся соборъ, нѣтъ никакого основанія, ибо отъ клеветы архіепископу не трудно было бы оправдаться. Но что именно они донесли или постарались, чтобы было донесено, на него великому князю, это весьма возможно).

Второй соборный приговоръ, содержащій постановленія: о неслуженіи въ міру вдовымъ священникамъ и діаконамъ, о несовершеніи литургіи священниками и діаконами невдовыми на другой день послѣ того, какъ напьются допьяна, и о нежитіи монахамъ и монахинямъ въ однихъ и тѣхъ монастыряхъ, какъ мы сказали, можетъ быть усвояемъ иниціативѣ самого митрополита. Изъ постороннихъ вліяній въ семъ случаѣ на митрополита можетъ быть съ нѣкоторою вѣроятностію предполагаемо вліяніе преп. Іосифа Волоколамскаго [1]).

У нашихъ вдовыхъ священниковъ древняго времени, какъ говорили мы выше, до такой степени вошло въ обычай жить открыто съ наложницами или не слагая священства вступать во второй бракъ, что св. Петръ нашелся вынужденнымъ сдѣлать противуканоническое постановленіе, чтобы эти священники или слагали съ себя священство, если хотять оставаться въ міру, или шли въ монастыри. Постановленіе св. Петра подтвердилъ митр. Фотій и хотѣлъ прилагать къ дѣлу митр. Ѳеодосій. Псковичи отставляли у себя вдовыхъ священниковъ отъ службы въ 1468-мъ и въ 1494-мъ годахъ. Соборъ 1503-го года съ своимъ постановленіемъ о вдовыхъ священникахъ сдѣлалъ то, что возстановилъ и подтвердилъ постановленіе о нихъ св. Петра. Пьянство нашихъ священниковъ и вдовыхъ и невдовыхъ было такимъ сильнымъ ихъ порокомъ во все древнее и старое время, что принятіе соборомъ хотя нѣкоторыхъ мѣръ противъ него, т. е. собственно—только противъ злоупотребленія имъ, представляетъ нѣчто совершенно понятное. Противъ такого безобразія монашеской жизни, какъ купножитіе монаховъ и монахинь въ однихъ и тѣхъ же монастыряхъ у насъ, не было сдѣлано общихъ предписаній высшею церковною властію до нашего собора 1503-го года. Но во всякомъ случаѣ безобразіе было такъ крупно и такъ видно, т. е. такъ бросающееся въ глаза, что не требуетъ отвѣта вопросъ: какъ на него могло быть наконецъ обращено вниманіе, ибо тутъ скорѣе другой недоумѣнный вопросъ: какъ до тѣхъ поръ не было обращаемо на него вниманія [2]).

---

[1]) Вассіанъ Косой прямо усвояетъ Іосифу соборный приговоръ о вдовыхъ священникахъ (Правосл. Собесѣдн. 1863-го года, ч. 3, стр. 207 нач.). Но очень можетъ быть, что Вассіанъ приписываетъ Іосифу приговоръ на томъ только основаніи, что послѣ Іосифъ защищалъ его въ особомъ писаніи. Между тѣмъ, Іосифъ могъ защищать не потому, что приговоръ былъ его, а потому что онъ былъ человѣкъ способный защищать и что это было поручено ему.

[2]) До нашего собора было сдѣлано предписаніе противъ купножитія монаховъ съ монахинями митр. Фотіемъ, но предписаніе только частное, въ посланіяхъ въ

Второй соборный приговоръ былъ написанъ послѣ перваго спустя 26-ть дней—1-го Сентября 1503-го года [1]).

О вдовыхъ священникахъ и діаконахъ, основываясь будто бы на правилахъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и на поученіи святаго и великаго чудотворца Петра митрополита и на писаніи Фотія митрополита всея Россіи, соборъ постановляетъ слѣдующее: всѣмъ вообще вдовымъ священникамъ и діаконамъ съ сего времени въ міру не служить; тѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, на которыхъ будетъ доказано или которые сами про себя скажутъ, что держали наложницъ, слагать съ себя священство и быть мірянами съ подчиненіемъ обязанности давать дань съ мірскими людьми; если такіе священники, не отдавъ архіереямъ своихъ ставленныхъ грамотъ, сойдутъ куда нибудь въ дальнія мѣста и держа жонокъ или наложницъ подъ видомъ законныхъ жонъ, будутъ священствовать, то предавать ихъ градскимъ судьямъ; тѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, на которыхъ не будетъ слова о паденіи блудномъ и которые сами про себя скажутъ, что послѣ своихъ женъ живутъ чисто, стоять въ церквахъ—на крылосахъ, т. е. исполнять обязанности дьячковъ, а причащаться имъ—священникамъ въ олтаряхъ въ епитрахиляхъ (которыя дозволяется имъ держать и у себя на домахъ), а діаконамъ въ олтаряхъ же въ стихаряхъ съ ораремъ; новые священники и діаконы, которые займутъ мѣста этихъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, не имѣютъ права отсылать ихъ отъ церквей, если они захотятъ стоять на клиросѣ, т. е. исполнять обязанности дьячковъ, но обязаны давать имъ—священники священникамъ, а діаконы діаконамъ, четвертую часть всѣхъ своихъ доходовъ; если вдовые священники второй категоріи, т. е. живущіе послѣ смерти женъ житіемъ чистымъ, захотятъ постричься въ монахи, то, «обновивъ себя о всемъ чистымъ покаяніемъ къ своему духовному отцу и по достоинству, если достойны, съ благословеніемъ святительскимъ да священствуютъ въ монастыряхъ, а не въ мірскихъ (церквахъ)».

Новгородъ и Псковъ. Въ одновременныхъ и тождественныхъ посланіяхъ въ оба города отъ 1410-го года онъ приказываетъ: «а въ которомъ монастырѣ чернцы, туто бы черницы не были, но чернцы бы жили себѣ одины въ монастыри безъ черницъ, а черницы бы жили себѣ особно въ опришнемъ монастыри»,—въ Памятнн. *Павл.* coll. 275 fin. и 284.

[1]) Онъ въ Акт. Эксп. т. I, № 383. Въ немъ самомъ выставленъ только мѣсяцъ, но нѣтъ числа; это послѣднее во 2-й Новгородск. лѣт..—Собр. лѣтт. III, 144 нач..

Постановленіе о священникахъ и діаконахъ невдовыхъ, упившихся до пьяна, читается: «а которой попъ и діаконъ которого дни упіется до піана, и ему на завтрее обѣдни никакоже не служити».

Постановленіе о нежитіи въ однихъ монастыряхъ монахамъ и монахынямъ читается: «а что въ монастырѣхъ жили въ одномъ мѣстѣ черньцы и черници, а служили у нихъ игумены, и (мы) уложили, что отъ сего дни впередъ черньцомъ и черницамъ въ одномъ монастырѣ не жити; а въ которомъ монастыри учнутъ жити черньци, ино ту служити игумену, а черницамъ въ томъ монастырѣ не жити; а въ которомъ монастыри учнутъ жити черницы, ино у нихъ служити попомъ бѣлцомъ, а черньцомъ въ томъ монастырѣ не жити».

Соборъ мотивируетъ свой приговоръ о вдовыхъ священникахъ единственно тѣмъ, что многіе изъ этихъ священниковъ держали наложницъ, и ничего не говоритъ о такихъ между ними, которые бы сохраняя священство вступали во второй бракъ: «въ нашей православной вѣрѣ христіанской греческаго закона — пишетъ онъ—многіе священники—попы и діаконы вдовцы заблудили отъ истины и забывъ страхъ Божій дѣлали безчиніе, опослѣ своихъ жонъ держали у собя наложницъ, а вся священническая дѣйствовали, егожъ недостоитъ имъ творити ихъ ради безчиніа и скверныхъ дѣлъ». Но изъ другаго источника мы знаемъ, что и въ это время, какъ во времена митрр. Кипріана и Фотія [1]), были вдовые священники, которые, сохраняя священство, вступали во второй бракъ. Этотъ второй источникъ,—житіе преп. Іосифа Волоколамскаго, написанное неизвѣстнымъ, ничего даже не говоритъ о священникахъ, державшихъ наложницъ, а единственно только о священникахъ, вступавшихъ во второй бракъ. О соборѣ 1503-го года въ житіи читается: «и пакы стеченіе бысть епископомъ и иже о нихъ презвитерства: нѣкоимъ бо священнымъ мужемъ отъ препростія, повнегда умрети по закону женамъ ихъ, ко второму симъ безъ сомнѣнія приходити браку, священства же и по второбрачіи не отричющимся, еже церкви неоправдано сіе и не удобрено непщевашеся» [2]). Эта исключительная рѣчь только о священникахъ второбрачныхъ наводитъ на мысль, что и соборъ разумѣетъ подъ наложницами не только наложницъ въ собственномъ смыслѣ, но и вторыхъ законныхъ, т. е. беззаконно-законныхъ, жонъ.

---

[1]) О временахъ сихъ митрополитовъ см. въ Памятнн. *Павл.* coll. 231 fin., 430 и 433.

[2]) Изд. *Невостр.* стр. 36 fin..

Противъ постановленія собора о вдовыхъ священникахъ написалъ протестъ одинъ изъ этихъ послѣднихъ священниковъ, именно—ростовскій священникъ Георгій Скрипица. Церковная власть со времени св. Петра, вмѣстѣ съ самымъ обществомъ (Псковичи), не видѣла иного средства избавиться отъ соблазна, который причиняло своей жизнью большинство вдовыхъ священниковъ, кромѣ того, чтобы всѣмъ безъ изъятія симъ священникамъ запрещать служеніе въ міру. Но это противуканоническое средство, имѣвшее въ виду общее благо церкви, приносило въ жертву послѣднему отдѣльныхъ людей, ибо не всѣ безъ изъятія вдовые священники были порочны. Противъ несостоятельности постановленія соборнаго съ этой его стороны, противъ его несправедливости и жестокости къ невиннымъ вдовымъ священникамъ изъ-за виновныхъ, энергически и протестуетъ Георгій Скрипица. Запрещая всѣмъ вдовымъ священникамъ служеніе въ міру соборъ лишаетъ священства тѣхъ вдовыхъ священниковъ, которые живутъ чисто, за то только, что Господь посѣтилъ ихъ несчастіемъ,—отнявъ у нихъ жонъ: всю несообразность и несправедливость карать людей за одно это и старается представить Скрипица, не боящійся воскликнуть: «что сего немилосердѣе и жестокосердѣе»! Указывая епископамъ на то, что они учинили свое постановленіе вопреки канонамъ всѣхъ седми вселенскихъ соборовъ, Скрипица говоритъ имъ: «дерзнули есте сотворити дѣло велико, каково не бывало, какъ и стала православная вѣра»! Подвергаетъ онъ своей критикѣ постановленіе собора и съ той его стороны, что вдовый священникъ, оставаясь въ міру, лишается священства, а если пострижется въ монахи, то сохраняетъ его и можетъ священствовать не только въ монастыряхъ, но—какъ допускалъ тогдашній обычай—и въ тѣхъ же приходскихъ церквахъ. На оправданіе епископовъ, что постановленіе сдѣлано для блага церкви, Скрипица отвѣчаетъ имъ укоризною, что въ плохой жизни большинства вдовыхъ священниковъ виновны они сами съ своимъ нерадивымъ дозпраніемъ подвѣдомаго имъ духовенства. «А что глаголете, господа мои,—говоритъ онъ епископамъ: мы то сотворили—тѣхъ отлучили благочестія дѣля, очищая церковь, что попы въ жонъ мѣсто наложницы держатъ, ино, господа мои, разсудите, отъ кого то зло сталось въ нашей земли? Не отъ вашего ли нерадѣнія и небреженія, что злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства? Господа—священноначальницы! Благословно (надлежащимъ образомъ) ни сами ни священники избранными не дозпраете священниковъ, а во грады и въ села не посылаете опытовати, како кто пасетъ церковь Божію: назираете священниковъ по царскому чину земнаго царя—боляры и дворецкими, недѣльщики, тіуны и довод-

чики своихъ дѣля прибытковъ, а не по достоянію святительскому; апостолъ глаголетъ: служащій олтарю со олтаремъ содѣлаются [1]), и вамъ бы, господіѣ нашей, достоитъ пасти церковь священники богобоязнивыми, а не мірскимъ воинствомъ». Скрипица оканчиваетъ свой протестъ моленіемъ къ священноначальникамъ, чтобы они сотворили любовь и смирились съ чистыми вдовыми священниками и діаконами, вражду которыхъ они возбудили противъ себя своимъ несправедливымъ постановленіемъ, и чтобы, изыскавъ ихъ и благословивъ служить, отлучали отъ священства Божіимъ судомъ и запрещеніемъ нечистыхъ и законопреступныхъ. Протестъ Скрипицы вообще очень смѣлъ и очень ѣдокъ; но онъ былъ бы еще несравненно болѣе ѣдкимъ, если бы протестующій въ такой же степени обладалъ способностію литературнаго изложенія, въ какой онъ обладаетъ талантомъ критики, хотя впрочемъ объ изложеніи и нельзя сказать, чтобы оно было совершенно неудовлетворительно [2]).

Вмѣстѣ съ протестомъ Скрипицы противъ постановленія собора о вдовыхъ священникахъ имѣемъ мы и нарочитое списаніе или записку въ защиту нашего постановленія. Списаніе принадлежитъ преп. Іосифу Волоколамскому и, не будучи встрѣчаемо въ отдѣльномъ видѣ между его сочиненіями, читается внесеннымъ въ дѣянія собора 1551-го года или такъ называемый Стоглавникъ [3]). Что побудило Іосифа писать въ защиту постановленія собора, остается неизвѣстнымъ: можетъ быть именно онъ главнымъ образомъ подалъ мысль собору сдѣлать постановленіе, и поэтому считалъ нужнымъ оправдать себя; но можетъ быть было и такъ, что митрополитъ поручилъ ему составить защитительную записку, какъ человѣку, наиболѣе къ тому способному. Служитъ ли списаніе Іосифа именно отвѣтомъ Скрипицѣ, этого также не видно. Давая знать, что постановленіе собора возбудило ропотъ въ обществѣ,— а этотъ ропотъ, припоминая примѣръ митр. Θеодосія, необходимо пред-

---

[1]) Сдѣлаются—сдѣляются, дѣлятся, συμμερίζονται: 1 Коринѳ. 9, 13.

[2]) Протестъ Скрипицы, имѣющій заглавіе: «Написаніе вдоваго попа Георгія Скрипицы изъ Ростова града о вдоствующихъ попѣхъ» напечатанъ въ Чт. Общ. Ист. и Древн. 1848-го года № 6, Смѣсь. Обыкновенно принимается, что Скрипица подалъ свой протестъ самому собору; но этого ни откуда не видно и само по себѣ это вовсе невѣроятно: онъ представляетъ собою просто литературное произведеніе, написанное противъ опредѣленія собора (и въ немъ самомъ говорится объ опредѣленіи, какъ уже состоявшемся, хотя и не съ совершенною ясностью, что состоявшемся нѣкоторое время тому назадъ).

[3]) Гл. 79, Казанск. изд. стр. 349.

полагать,—онъ говоритъ, что отвѣчаетъ многимъ порицающимъ принятую противъ вдовыхъ священниковъ мѣру. Преп. Іосифъ или тѣ, кто поручилъ ему составить записку, не особенно заботились защищаться противъ укоризны собору, что, запретивъ служеніе въ міру всѣмъ вдовымъ священникамъ, онъ поступилъ несправедливо и жестоко по отношенію къ чистымъ между послѣдними; но они желали оправдаться отъ того обвиненія, что соборъ поступилъ вопреки канововъ или правилъ церковныхъ. Оправданіе противъ этого послѣдняго обвиненія и составляетъ главную и собственную цѣль записки Іосифа. Такъ какъ соборъ дѣйствительно поступилъ вопреки канововъ, то разумѣется, что и Іосифъ, несмотря на все свое искусство доказывать, не могъ доказать, чтобы дважды два было не четыре, а пять. Но его попытка оправдать соборъ представляетъ собою нѣчто очень замѣчательное въ своемъ особомъ родѣ. На укоризну послѣднему, что онъ поступилъ несправедливо и жестоко по отношенію къ вдовымъ священникамъ чистымъ Іосифъ отвѣчаетъ кратко, что иначе «немощно злое то прелюбодѣйство искоренити». За тѣмъ, его отвѣтъ на обвиненіе собору, что этотъ поступилъ вопреки канововъ церковныхъ, состоитъ въ слѣдующемъ: онъ высказываетъ положеніе, что «мнози святіи отцы изъ правилъ апостольскихъ и отеческихъ оставиша, что есть на вредъ церкви и на соблажненіе христіанству»; подтвердивъ это свое положеніе указаніемъ многочисленныхъ примѣровъ того, что позднѣйшіе соборы отмѣняли постановленія сдѣланныя соборами, болѣе ранними, онъ выводитъ отсюда заключеніе, что священныхъ канонъ соблюденіе состоитъ въ томъ, чтобы сохранять догматы вѣры. Такимъ образомъ, отвѣтъ преп. Іосифа, совершенно прямо имъ не высказываемый, состоитъ въ томъ, будто частныя церкви имѣютъ право отмѣнять каноны соборовъ, относящіяся не къ догматамъ вѣры, а къ благоустройству жизни церковной. Иными словами сказать: человѣкъ консервативнѣйшій, каковъ Іосифъ, изъ желанія оправдать соборъ, впадаетъ въ самый крайній радикализмъ! Отношеніе соборовъ болѣе позднихъ къ соборамъ болѣе раннимъ и отношеніе частныхъ церквей къ канонамъ соборовъ, утвержденнымъ вселенскою церковію, суть двѣ вещи совершенно розныя. Для своей цѣли Іосифъ не затрудняется отождествить эти двѣ совершенно розныя вещи, и вотъ—получается имъ то, что желательно ему получить. Очень многіе консерваторы поступаютъ такимъ образомъ, что для нихъ не существуетъ противорѣчій и что все то для нихъ хорошо, что̀ въ данную минуту ихъ доказываетъ: въ нашемъ случаѣ преп. Іосифъ является принадлежащимъ именно къ числу этихъ консерваторовъ...

На соборѣ 1503-го года, какъ мы сказали, былъ поднимаемъ вопросъ объ отобраніи у монастырей недвижимыхъ имѣній или вотчинъ.

Неожиданный для насъ вопросъ возбужденъ былъ на соборѣ не со стороны власти государственной и не въ интересахъ государства, а представителями монашества и именно въ интересахъ монашеской жизни. Его возбудили присутствовавшіе на соборѣ старцы Паисій Ярославовъ и преп. Нилъ Сорскій, о которомъ мы нѣсколько разъ упоминали выше.

Паисій Ярославовъ былъ постриженникъ неизвѣстно какого монастыря изъ такъ называвшихся тогда монастырей заволжскихъ. Заволжьемъ, о чемъ замѣчали мы выше, называлось тогда Бѣлозерье, какъ приходившееся отъ Москвы за Волгой, а монастырями заволжскими назывались монастыри Кирилловъ Бѣлозерскій и Ѳерапонтовъ, основанные одновременно и неподалеку одинъ отъ другого въ концѣ XIV вѣка преподобными Кирилломъ и Ѳерапонтомъ, и съ этими двумя большими монастырями малые монастыри и пустыни, находившіеся въ ихъ окружности между озерами Бѣлымъ и Кубенскимъ [1]). Въ 1479-мъ году вел. кн. Иванъ Васильевичъ заставилъ было Паисія взять на себя игуменство, въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ; но онъ находился на игуменствѣ весьма не долго и въ 1482-мъ году увидѣлъ себя вынужденнымъ удалиться съ него, о чемъ лѣтопись сообщаетъ: «принуди его (Паисія) князь великій у Троици въ Сергѣевѣ монастырѣ игуменомъ быти, и не може чернцовъ превратити на Божій путь—на молитву и на постъ и на воздержаніе, и хотѣша его убити, бяху бо тамо бояре и князи постригшеися, не хотяху повинутися, и остави игуменство» [2]). Въ 1484-мъ году, какъ мы говорили выше, великій князь хотѣлъ было поставить его въ митрополиты на мѣсто Геронтія. Преп. Нилъ Сорскій, ученикъ Паисіевъ, получившій свое прозваніе отъ своего монастырька или скита, который онъ поставилъ на рѣкѣ Сорѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Кириллова монастыря, былъ постриженникъ этого послѣдняго. Онъ путешествовалъ на Востокъ—въ страны

---

[1]) Статья «О сочетаніи второго брака великаго князя Василія Ивановича всея Русіи», усвояемая ея надписаніемъ Паисію, старцу Ѳерапонтова монастыря, если дѣйствительно принадлежитъ Паисію, то не нашему, а другому, позднѣйшему.— Кирилловъ монастырь находится въ настоящее время въ уѣздномъ городѣ новгородской губерніи Кириловѣ, получившемъ свое названіе отъ него—монастыря, а Ѳерапонтовъ монастырь, нынѣ не существующій, находился въ 14 верстахъ къ сѣверу отъ Кириллова.

[2]) Софійск. 2-я лѣт. подъ 1484-мъ годомъ въ Собр. лѣтт. VI, 236.

цареградскія, на Аѳонѣ возлюбилъ образъ монашеской жизни такъ называемый скитскій и видъ монашескаго подвижничества, называвшійся умнымъ дѣланіемъ, и былъ у насъ въ Россіи насадителемъ этого образа жизни и этого вида подвижничества, о чемъ обстоятельно скажемъ ниже. Оба старца, учитель и ученикъ, пользовались глубокимъ уваженіемъ великаго князя Ивана Васильевича и были у него, какъ говорятъ современныя свидѣтельства, въ чести велицѣ [1]). Они-то двое и возбудили на соборѣ вопросъ объ отобраніи вотчинъ у монастырей.

Взгляды Паисія и Нила на неприличіе монахамъ владѣть вотчинами ведутъ свое начало отъ преп. Кирилла Бѣлозерскаго, который, основавъ свой монастырь въ 1397-мъ году, скончался въ 1427-мъ году. По истинной идеѣ монашества монахи должны кормить себя трудами рукъ своихъ (и даже стараться о томъ, чтобы, по мѣрѣ своихъ силъ, благотворить отъ сихъ трудовъ мірянамъ). Эта истинная идея монашества никогда не умирала между монахами въ Греціи и, бывъ перенесена къ намъ въ Россію, никогда не умирала совершенно и у насъ. Мы говорили прежде, что преп. Ѳеодосій Печерскій, хотя принималъ отъ усердствовавшихъ мірянъ приложеніе его монастырю недвижимыхъ имѣній, но былъ противъ такого обезпеченія монастыря въ своихъ мысляхъ, и что если онъ дѣлалъ въ семъ случаѣ не такъ, какъ думалъ и желалъ, то потому, что видѣлъ себя вынужденнымъ уступить маловѣрію и малодушію собраннаго имъ въ свой монастырь братства монаховъ [2]). Преп. Кириллъ Бѣлозерскій представлялъ изъ себя въ этомъ отношеніи второго Ѳеодосія: онъ принималъ дѣлавшіеся монастырю вклады вотчинъ и куплею пріобрѣталъ послѣднія, и также былъ въ мысляхъ своихъ противъ вотчиновладѣнія монастырей. Послѣ Кирилла продолжали смотрѣть на вотчиновладѣніе его глазами и нѣкоторые изъ его учениковъ, и этотъ его взглядъ на вотчиновладѣніе оставался и сохранялся въ его монастырѣ до времени Паисія и Нила [3]).

---

[1]) Письмо о причинахъ нелюбія между старцами Кириллова и Іосифова монастырей, напечатанное въ Прибавлл. къ творр. свв. отцц. ч. 10, стр. 505. Въ 1479-мъ году Паисій вмѣстѣ съ ростовскимъ архіепископомъ Вассіаномъ крестилъ въ Троицкомъ монастырѣ сына великаго князя и будущаго преемника Василія. А въ 1480-мъ году, подобно Вассіану, писалъ великому князю посланіе на Угру.

[2]) I т. 2-я полов., стр. 596.

[3]) Въ житіи преп. Кирилла Бѣлозерскаго, написанномъ Пахоміемъ Сербиномъ между 1462-мъ—1470-мъ годами, утверждается, будто Кириллъ не только въ мысляхъ своихъ былъ противъ вотчиновладѣнія, но и на самомъ дѣлѣ не хотѣлъ допускать, чтобы его монастырь владѣлъ вотчинами. Такъ какъ это послѣднее—

И вотъ они двое, не знаемъ—учитель ли дѣйствуя въ семъ случаѣ на ученика или наоборотъ—ученикъ на учителя, и одушевились рѣшимостію на то, чтобы, не уступая малодушію людей, а ополчившись на него войною, попытаться осуществить на дѣлѣ то, что Кириллъ имѣлъ только въ своихъ мысляхъ, и именно—осуществить въ приложеніи ко всему русскому монашеству, иначе сказать—одушевились рѣшимостію на то, чтобы, предпринявъ попытку совершить великое преобразованіе нашего русскаго монашества, возвратить его къ первоначальной и настоящей идеѣ монашества. Въ ихъ время всѣ печальныя послѣдствія вотчиновладѣнія монастырей по отношенію къ монашеству какъ къ таковому или какъ къ подвигу успѣли обнаружиться во всемъ своемъ ярко-прискорбномъ блескѣ: монахами обуяла страсть пріобрѣтенія селъ и деревень и они только о томъ и помышляли, чтобы со всевозможнымъ ласкательствомъ выпрашивать ихъ у богатыхъ людей; приравнявшись къ обыкновеннымъ вотчинникамъ, заботившимся единственно объ извлеченіи изъ своихъ вотчинъ возможно бо́льшихъ доходовъ, они эксплоатировали крестьянъ, жившихъ на ихъ земляхъ, нисколько не милосердѣе мірскихъ вотчиновладѣльцевъ; пріобрѣтши наклонность не уступать своего, а захватывать чужое, они только и знали таскаться по судамъ, чтобы тягаться и судиться съ сосѣдями о межахъ и о границахъ. Этимъ-то крайне печальнымъ зрѣлищемъ, при чемъ монашество, какъ совершенное отреченіе отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ, обращалось въ такой величайшій посмѣхъ, и возбуждены были исключительные люди, каковы были Паисій и Нилъ, къ ихъ рѣшимости возвысить голосъ противъ вотчиновладѣнія. Первый изъ нихъ не оставилъ писаній, въ которыхъ бы выразилъ, до какой степени былъ онъ противъ вотчиновладѣнія монастырей; но второй былъ противъ него до самой глубины души и говоритъ о немъ, какъ объ ядѣ монашества смертоносномъ, утверждая, что монашеская жизнь, нѣкогда превожделѣнная, благодаря вотчиновладѣнію стала жизнію мерзостною [1]).

неправда, ибо документальнымъ образомъ извѣстно, что Кириллъ принималъ вклады вотчинъ и покупкою пріобрѣталъ ихъ: то и слѣдуетъ думать, что ученики Кирилловы, со словъ которыхъ писалъ Пахомій, превращаютъ въ дѣйствительный фактъ то, что было только въ мысляхъ Кирилла. Что взглядъ Кирилла на вотчиновладѣніе оставался въ его монастырѣ между нѣкоторыми его учениками до времени Паисія и Нила, объ этомъ свидѣтельствуетъ именно житіе Кирилла Пахоміево.

[1]) Преданіе о жительствѣ скитскомъ и «О монахахъ, кружающихъ стяжаній ради» (выписка изъ послѣдняго у *Павлова* въ Историческомъ очеркѣ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, стр. 64 прим.).

На соборѣ 1503-го года, когда кончены были рѣчи и было сдѣлано постановленіе о вдовыхъ священникахъ и діаконахъ, преп. Нилъ, поддерживаемый Паисіемъ и имѣя на своей сторонѣ кромѣ него и другихъ, присутствовавшихъ тутъ же, бѣлозерскихъ пустынниковъ, и выступилъ съ своимъ предложеніемъ о преобразованіи нашего монашества. Указывая на то, чѣмъ монашество должно быть и что̀ оно есть, онъ началъ говорить, чтобы у монастырей не было вотчинъ, населенныхъ крестьянами, чтобы монахи жили трудами рукъ своихъ, занимаясь или рукодѣліями или собственной обработкой земли, и чтобы въ случаѣ недостаточности этихъ способовъ содержанія, по какимъ либо винамъ благословнымъ, прибѣгали къ благотворительности усердствующихъ, взимая мало милостыни отъ христолюбцевъ—нужная, а не излишняя [1]). Мы не знаемъ, до какой степени преп. Нилъ обладалъ ораторскимъ талантомъ; очень можетъ быть, что предложеніе было сдѣлано имъ съ величайшею убѣдительностію,—что онъ говорилъ о томъ, чѣмъ должно быть монашество и что̀ оно есть, съ силою необыкновенною... Но мечта двухъ пустынниковъ радикально преобразовать наше монашество, возвративъ его къ первоначальному его идеалу, была черезъ чуръ отважною мечтой... Противъ предложенія Нилова рѣшительнымъ образомъ былъ весь соборъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что—не будь невидимымъ слушателемъ рѣчей о предметѣ самъ великій князь, о чемъ ниже,—не только не было бы дано надлежащаго отвѣта на предложеніе, но и оно само не было бы выслушано, а просто устранено. По сейчасъ указанной необходимости дать отвѣтъ, спеціальнымъ отвѣтчикомъ Нилу былъ выставленъ соборомъ преп. Іосифъ Волоколамскій [2]). Преп Іосифъ, такъ же какъ Паисій и Нилъ, былъ горя-

[1]) Современый свидѣтель, сообщающій намъ о предложеніи преп. Нила со бору,—авторъ указаннаго выше письма о причинахъ нелюбія, ibid. стр. 505, говоритъ, что «егда совершися соборъ о вдовыхъ попѣхъ и діаконѣхъ, нача старецъ Нилъ глаголати, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ». Но преп. Нилъ былъ только противъ вотчиновладѣнія, а не за то, чтобы всѣ монахи жили по скитски, какъ жилъ онъ самъ и въ каковомъ значеніи нужно понимать въ данномъ случаѣ слово «пустыня». Что̀ долженъ былъ предлагать Нилъ собору и чѣмъ онъ долженъ былъ мотивировать свое предложеніе, это мы указываемъ на основаніи читаемаго о монашеской жизни въ его Преданіи о жительствѣ скитскомъ и вообще на основаніи того, что̀ извѣстно объ его мысляхъ касательно предмета.

[2]) Безъименный авторъ житія преп. Іосифа увѣряетъ, что послѣдній удалился было съ собора прежде чѣмъ сдѣлано было Ниломъ его предложеніе и что по сему

чимъ ревнителемъ истиннаго монашества, но въ вопросѣ о монашеской нестяжательности онъ расходился съ ними и понималъ эту последнюю въ другой формѣ, низшей и такъ сказать вторичной противъ той, въ которой понимали ее они. Истинная монашеская нестяжательность состоитъ въ томъ, чтобы монахи, отрекшись отъ всего, что было у нихъ въ мірѣ и не пріемля отъ міра никакихъ стяжаній послѣ отреченія, содержали себя трудами рукъ своихъ. Но такъ какъ этотъ видъ собственной нестяжательности очень тяжекъ, то изобрѣтенъ былъ другой видъ нестяжательности несобственной. Монастырь можетъ быть стяжателемъ и можетъ быть обезпеченъ въ средствахъ содержанія недвижимыми, дающими доходъ, имѣніями; но монахи монастыря должны быть нестяжателями: въ немъ должно быть строгое общежитіе, такъ чтобы никакой монахъ не имѣлъ совершенно ничего своего и все получалъ изъ монастырской казны и чтобы при этомъ въ отношеніи къ получаемому всѣ монахи были совершенно равны отъ перваго и до послѣдняго. Этой нестяжательности общежительной, но въ монастыряхъ обезпеченныхъ относительно средствъ своего содержанія готовыми доходами, и былъ Іосифъ горячимъ ревнителемъ. Относительно того, что́ отвѣчалъ Іосифъ на предложеніе Нила, мы имѣемъ два свидѣтельства. По словамъ сказателя современнаго, онъ, во-первыхъ, указалъ на примѣръ Ѳеодосія Великаго, общаго житія начальника, Аѳанасія Аѳонскаго, Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ и на другіе многіе примѣры, изъ которыхъ видно, что древніе святые отцы владѣли селами,—во-вторыхъ, сдѣлалъ такое представленіе: «аще у монастырей селъ не будетъ, како честному и благородному человѣку постричися? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію или архіепископа или епископа и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцовъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ поколебаніе» [1]). По словамъ сказателя позднѣйшаго, отвѣтъ Іосифа состоялъ въ слѣдующемъ: многіе русскіе монастыри основаны въ началѣ христіанства въ Россіи епископами и князьями съ тою цѣлію, чтобы въ храмахъ монастырей совершалась божественная служба по ихъ душахъ, а такъ какъ на поддержаніе храмовъ, на совершеніе службъ и на содержаніе служащихъ потребны средства, то они и обезпечили мона-

случаю онъ снова былъ вызванъ въ Москву, изд. *Невостр.* стр. 39. Можетъ быть, это было и дѣйствительно такъ; но дать показанію совершенной вѣры мы не имѣемъ расположенія (намѣренно выжидать удаленія Іосифова было напрасно, ибо возвратиться ему, по близости его монастыря отъ Москвы, ничего не стоило).

[1]) Письмо о причинахъ нелюбія, ibid. стр. 505.

стыри вкладами селъ и прочихъ имѣній; кромѣ сего, ктиторы монастырей, обогащая ихъ этими вкладами, имѣли въ виду и то, чтобы монахи, сами сообразно своимъ обѣтамъ терпя скудость и пріобрѣтая себѣ хлѣбъ собственными трудами, употребляли богатства монастырей на благотворенія мірянамъ, требующимъ сихъ послѣднихъ, а что если нѣкоторые монахи, поддавшись недугу лихоимства, не поступаютъ такъ, какъ должно, то изъ-за нѣкоторыхъ несправедливо отнимать недвижимыя имѣнія у всѣхъ [1]). Чтобы передаваемое вторымъ сказателемъ все сполна принадлежало Іосифу, въ этомъ можно сомнѣваться. Высокій отеческій взглядъ на богатства монастырей, какъ на средство благотворенія нуждающимся мірянамъ, могъ быть его собственнымъ взглядомъ; но чтобы онъ совершенно вопреки дѣйствительности рѣшился утверждать, будто такъ именно и поступаетъ большинство русскихъ монаховъ, это не совсѣмъ вѣроятно. Что касается до представленія Іосифа, что «аще у монастырей селъ не будетъ, како благородному человѣку пострищися» и пр., то онъ хочетъ сказать: въ митрополиты, епископы, архимандриты и игумены ставятся монахи, постригшіеся изъ благородныхъ людей, какъ обладающіе бо́льшимъ или меньшимъ образованіемъ, а не изъ простолюдиновъ, которые невѣжественны; но если у монастырей не будетъ имѣній, дающихъ доходы и монахи принуждены будутъ пріобрѣтать средства содержанія своими трудами, то какъ пострищься благородному человѣку? Это оригинальное представленіе Іосифа, которое совершенно напрасно называютъ «по тому времени въ высшей степени практическимъ», дѣйствительно было очень убѣдительно какъ доказательство ad hominem. Несомнѣнно, что стали бы стричься въ монахи благородные люди и въ томъ случаѣ, если бы монастыри перестали имѣть села, и люди лучшіе чѣмъ прежде, но для тѣхъ, кто обладалъ способностію видѣть только то, что́ было и не обладалъ способностію представлять себѣ того, что́ могло бы быть, дѣйствительно долженствовало казаться невѣроятнымъ, чтобы благородные люди стали стричься въ монахи для собственноручнаго труда.

Нилу и Паисію данъ былъ отвѣтъ, тотъ или другой. Но главную заботу собора долженъ былъ составлять не этотъ отвѣтъ, а то, что за пустынниками-нестяжателями, желавшими преобразовать наше монашество, стоялъ самъ великій князь съ своими собственными разсчетами и видами. Нилъ и Паисій желали, чтобы монахи перестали владѣть вотчинами, потому что при семъ вотчиновладѣніи являлось суетнымъ ихъ

---

[1]) Житіе препод. Іосифа, принадлежащее неизвѣстному, изд. *Невостр.* стр. 40 sqq.

отреченіе отъ міра или что монашество переставало быть настоящимъ монашествомъ. Для великаго князя исполненіе желанія Нилова и Паисіева представляло необыкновенно большую важность съ точки зрѣнія интересовъ государственныхъ и съ точки зрѣнія интересовъ его личныхъ. Во-первыхъ, при Иванѣ Васильевичѣ III до такой степени развилась такъ называемая помѣстная служба, состоявшая въ томъ, чтобы служилые люди получали отъ государя во временное пользованіе земельные, населенные или не населенные крестьянами, участки, что при немъ оказалась очень большая нужда въ земляхъ, которыя бы могли быть употребляемы съ сею цѣлію; во-вторыхъ, Иванъ Васильевичъ III былъ такой государь, у котораго наклонность къ своему собственному, личному, обогащенію составляла одну изъ господствующихъ страстей. Предложеніе Паисія и Нила, если бы оно осуществилось, доставило бы великому князю обильное количество земель, которыя онъ могъ раздавать въ помѣстья, а съ другой стороны—весьма содѣйствовало бы и его собственному обогащенію, давъ ему возможность то или другое количество полученныхъ земель обратить въ села дворцовыя. Если бы случилось такъ, что монастыри отказались отъ владѣнія вотчинами, то едва ли бы все досталось государству и государю: боярскіе роды, прилагавшіе монастырямъ вотчины, конечно, изъявили бы притязаніе на то, чтобы въ нашемъ случаѣ получить свои вотчины обратно въ свою собственность; но и послѣ сего на долю государства и государя осталось бы весьма не малое. По обѣимъ указаннымъ причинамъ Иванъ Васильевичъ и отнесся къ мысли Паисія и Нила о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами съ своимъ величайшимъ сочувствіемъ. Нѣкоторые наши изслѣдователи думаютъ, что одновременно съ тѣмъ, какъ у Паисія и Нила созрѣла ихъ мысль объ этомъ неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами, у великаго князя въ свою очередь созрѣла мысль о секуляризаціи церковныхъ имѣній, именно—о секуляризаціи имѣній, принадлежавшихъ не только монастырямъ, но и епископскимъ каѳедрамъ и вообще церкви и духовенству, и что онъ собственно не примкнулъ или не присталъ къ мысли Паисія и Нила, а воспользовался ими съ ихъ мыслью, чтобы заявить собору свою собственную мысль. Мы съ своей стороны не находимъ вѣроятнымъ думать такимъ образомъ. Исключительные люди въ средѣ нашего монашества могли во имя этого послѣдняго требовать въ началѣ XVI вѣка, чтобы монастыри отказались отъ владѣнія вотчинами: въ этомъ не было ничего слишкомъ необыкновеннаго, ибо мысль о противорѣчіи подобнаго владѣнія идеѣ монашества никогда совсѣмъ не умирала между монахами съ того времени, какъ оно началось. Но чтобы наша

государственная власть въ томъ же началѣ XVI вѣка, въ лицѣ Ивана Васильевича, сознала свое право во имя государственнаго блага произвести секуляризацію недвижимыхъ имѣній церкви, это не представляется намъ вѣроятнымъ. Сознаніе подобныхъ чрезвычайной важности правъ не возникаетъ сразу, а болѣе или менѣе медленно выростаетъ; между тѣмъ до Ивана Васильевича мы не видимъ никакихъ признаковъ пробужденія этого сознанія. По отношенію къ своимъ предшественникамъ онъ занялъ высшее положеніе, твердо сознавъ себя de facto царемъ и преемникомъ царей греческихъ; но изъ этого ничего не слѣдовало по отношенію къ мысли о секуляризаціи церковныхъ имѣній или наоборотъ слѣдовало то, чтобы онъ сознавалъ себя нарочито обязаннымъ хранить законы царей греческихъ, которыми утверждалось за церковію право владѣть недвижимыми имѣніями. Думаютъ, что въ умѣ Ивана Васильевича созрѣла мысль о секуляризаціи недвижимыхъ имѣній церкви, т. е. имѣній принадлежавшихъ какъ монастырямъ, такъ и епископскимъ каѳедрамъ, на томъ основаніи, что, во первыхъ, послѣ окончательнаго покоренія Новгорода въ 1478-мъ году онъ въ два пріема,—при самомъ покореніи и потомъ въ 1500-мъ году, взялъ себѣ значительное количество вотчинъ у новгородской архіепископской каѳедры и у новгородскихъ монастырей, и что, во-вторыхъ, нашъ соборъ 1503-го года въ своемъ отвѣтѣ государю по поводу предложенія Паисіева и Нилова, о которомъ сейчасъ ниже, говоритъ о вотчинахъ не однихъ только монастырскихъ, но и святительскихъ или архіерейскихъ. Но какъ одно, такъ и другое сейчасъ указанное можетъ быть объяснено и безъ невѣроятнаго само по себѣ предположенія, чтобы Иванъ Васильевичъ имѣлъ собственную мысль о секуляризаціи церковныхъ имѣній. Въ Новгородѣ по причинѣ тѣсной связи, которая существовала здѣсь между церковію и государствомъ, первая давно считалась обязанною помогать нуждамъ послѣдняго какъ своимъ собственнымъ; Иванъ Васильевичъ, покоривъ Новгородъ, потребовалъ себѣ у Новгородцевъ земель, потому что, какъ онъ говорилъ—«намъ великимъ княземъ государство свое держати на отчинѣ Великомъ Новгородѣ безъ того нельзя» [1]), т. е. что онъ нуждался въ земляхъ для раздачи ихъ въ помѣстья имѣющимъ служить въ Новгородѣ своимъ служилымъ людямъ: и Новгородцы, какъ прежде распоряжались казной своихъ владыкъ, такъ теперь предложили великому князю земли вла-

---

[1]) Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 216 (cfr у *Карамз.* къ т. VI прим. 201).

дычни и монастырскія. Съ своей стороны великій князь только не протестовалъ противъ того, что Новгородцы распоряжались землями церковными, какъ государственными; но этотъ взглядъ Новгородцевъ на отношеніе ихъ церкви къ ихъ государству соотвѣтствовалъ его интересамъ. Ставъ въ семъ случаѣ на собственную точку зрѣнія Новгородцевъ, Иванъ Васильевичъ постарался обобрать ихъ архіепископскую каѳедру и ихъ монастыри, сколько могъ: въ 1478-мъ году онъ взялъ гораздо болѣе, нежели сколько ему предлагалось, и потомъ, въ 1500-мъ году произвелъ дополнительное обобраніе [1]); но уже таковъ былъ этотъ Иванъ Васильевичъ, чтобы извлекать свою выгоду, когда это оказывалось возможнымъ, до самой послѣдней степени. Если соборъ въ своемъ отвѣтѣ великому князю говоритъ вмѣстѣ о вотчинахъ святительскихъ и монастырскихъ, соединяя ихъ въ одно нераздѣльное цѣлое, то онъ могъ сдѣлать это для того, чтобы вѣрнѣе отстоять неприкосновенность вотчинъ монастырскихъ. Въ защиту неприкосновенности вотчинъ архіерейскихъ, соборъ могъ привести очень многое неоспоримое; но объединяя вотчины архіерейскія и монастырскія онъ распространялъ это многое и на послѣднія.

Итакъ, великій князь Иванъ Васильевичъ, побуждаемый интересами государственными и своими личными, отнесся съ величайшимъ сочувствіемъ къ намѣренію Нила и Паисія сдѣлать собору заявленіе о неприличіи монастырямъ владѣть недвижимыми имѣніями или вотчинами. Очень можетъ быть, что, зная напередъ ихъ мысли, онъ поощрилъ ихъ къ тому, чтобы они сдѣлали свое заявленіе, какъ наоборотъ весьма вѣроятно и то, что они съ своей стороны доказывали ему—государю, что онъ имѣетъ право взять у монастырей вотчины [2]). Не

---

[1]) Въ 1478-мъ году великій князь взялъ десять волостей у архіепископа и по половинѣ волостей у шести наиболѣе богатыхъ вотчинами монастырей,—Софійск. 2-я лѣт. ibidd. Сколько взялъ въ 1500-мъ году, остается неизвѣстнымъ. Въ Никоновской лѣтописи подъ послѣднимъ годомъ,—VI, 157 fin., читается: «того же лѣта по благословенію Симона митрополита поималъ князь великій Иванъ Васильевичъ въ Новѣгородѣ Великомъ церковные земли за себя владычни и монастырскіе и роздалъ дѣтемъ боярскимъ въ помѣстье». Въ Псковской 1-й лѣтописи,—Собр. лѣтт. IV, 271 нач.: «Генваря (1500-го года) поималъ князь великой въ Новѣгородѣ вотчины церковные и роздалъ дѣтемъ боярскимъ въ помѣстье—монастырскіе и церковные, по благословенію Симона митрополита».

[2]) Свидѣтель нѣсколько позднѣйшій, митр. Іоасафъ въ своихъ замѣчаніяхъ на постановленія Стоглаваго собора даетъ знать, что великимъ княземъ были вызываемы на соборъ многіе пустынники заволжскіе (Стогл. гл. 100, Казанск. изд.

смотря на всю пріятность мечты—послѣ отказа монастырей отъ вотчинъ получить въ свои руки такое большое количество послѣднихъ, Иванъ Васильевичъ, конечно, очень хорошо понималъ, что мечта эта слишкомъ близка къ химерѣ. Но бываетъ, что неожиданнымъ образомъ осуществляются и самыя химерическія мечты: должно думать, что надежда, основанная на этомъ правилѣ житейской мудрости, и одушевляла Ивана Васильевича, какъ она одушевляетъ всѣхъ людей, надѣленныхъ подобно ему слишкомъ большою наклонностію пріобрѣтать и получать. Что Паисію и Нилу на ихъ заявленіе о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами соборъ отвѣтитъ рѣшительнымъ устраненіемъ ихъ рѣчей, какъ несостоятельныхъ и неподобательныхъ, въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Но у великаго князя было еще средство попытаться подѣйствовать на соборъ въ желаемомъ для него смыслѣ: это—потребовать, чтобы соборъ далъ отвѣтъ на предложеніе Паисія и Нила ему самому—великому князю; средство это и попытался онъ испробовать. Кончилось тѣмъ, что надежда великаго князя и на это средство оказалась совершенно напрасною: вопросъ шелъ о предметѣ такой величайшей важности, что у членовъ собора нашлось мужество, чтобы и ему самому съ рѣшительною твердостію отвѣчать тоже, что̀ было отвѣчено Нилу и Паисію. Если, можетъ быть, великій князь ожидалъ и разсчитывалъ, что архіереи выдадутъ монаховъ, то онъ совершенно ошибался. Архіереи были изъ тѣхъ же монаховъ и принимали къ сердцу интересы послѣднихъ, какъ свои собственные. Монахи имѣли за себя на соборѣ такого адвоката, какъ преп. Іосифъ Волоколамскій,—человѣкъ, въ высшей степени надѣленный способностію и искусствомъ убѣжденія; нѣтъ сомнѣнія, онъ успѣлъ доказать архіереямъ, что опасность тутъ общая и одинаковая для монаховъ и для нихъ—архіереевъ,—что по отобраніи вотчинъ у монастырей тотчасъ же настанетъ очередь вотчинъ архіерейскихъ. И соборъ отвѣчалъ великому князю: «по божественныхъ веленіихъ уставленная святыми отцы и равноапостольными христолюбивыми цари и всѣми святыми священными соборы въ греческихъ, такожъ и въ нашихъ русскыхъ, странахъ дажъ и донынѣ, святители и монастыри земли держали и держатъ, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ, понеже вся таковая стяжанія церковная—Божія суть стяжанія, возложена и нареченна и данна Богу и не продаема ни отдаема ни емлема никимъ

стр. 429). Если это правда, то не невѣроятно думать, что—съ цѣлью имѣть на соборѣ какъ можно болѣе голосовъ противъ вотчиновладѣнія.

никогдажъ въ вѣки вѣка и нерушима быти и соблюдатися, яко освященна Господеви и благопріятна и похвальна: и мы смиреннія сія ублажаемъ и похваляемъ и съдержимъ» [1]). Замѣчательно, что великій князь не удовольствовался единократнымъ отвѣтомъ ему собора, но заставлялъ послѣдній давать себѣ этотъ отвѣтъ цѣлые три раза. Сначала былъ посланъ отъ собора къ великому князю митрополичій дьякъ Левашъ съ краткимъ отвѣтомъ, что право святителей и монастырей владѣть городами, волостями, селами и землями постоянно признавалось въ христіанскомъ мірѣ отъ Константина Великаго и «до сихъ мѣстъ» и что «на всѣхъ соборѣхъ святыхъ отецъ запрещено святителемъ и монастыремъ недвижимыхъ стяжаній церковныхъ ни продати ни отдати и великими клятвами о томъ утверждено» [2]). Потомъ соборъ ходилъ къ великому князю въ полномъ своемъ составѣ и читалъ ему подробную выпись номоканоническихъ и историческихъ свидѣтельствъ, которыми утверждалась неприкосновенность правъ церкви на недвижимыя имѣнія [3]). Наконецъ, въ другой разъ ходилъ отъ собора къ вели-

---

[1]) У *Павлова* «О секуляризаціи», стр. 47.

[2]) У *Павл.* ibid. 42.

[3]) Соборъ приводитъ въ своей выписи слѣдующія свидѣтельства: *отъ книги Бытія*, гл. 47, гдѣ говорится, что жрецы египетскіе имѣли свои земли, неприкосновенныя для Фараона и что самъ Фараонъ платилъ имъ дань; *отъ книги Левитъ*, глл. 22 и 27, гдѣ говорится, что Евреи приносили въ даръ Богу, по заповѣди Моусея, дома и нивы, и что левиты еврейскіе имѣли города, волости и села, которые не могли быть продаваемы и отдаваемы и имѣли оставаться ихъ одержаніемъ вѣчнымъ; отъ *житія равноапостольнаго Константина Великаго*, въ которомъ говорится, что мать Константинова Елена и онъ самъ дали церквамъ содержанія ради города, села, винограды и озера и что государь крѣпко заповѣдалъ, чтобы церковныя имѣнія навсегда оставались совершенно неприкосновенными; *свидѣтельства изъ Кормчей книги*: Карѳагенскаго собора правила 32 и 33, четвертаго собора правило 24, пятаго собора правило на обидящихъ святыя Божія церкви (подложное—напечатано въ Памятнн. *Павл.*, № 15), Сардикійскаго собора правило 14, седьмого собора правила 12 и 18, Іустиніановы правила 14, 15 и 30; *житія святыхъ*, въ которыхъ говорится о владѣніи селами: Спиридона Тримифунтскаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Саввы епископа и чудотворца, и *отеческія книги*: Бесѣдовникъ, Сумеонъ новый богословъ; *свидѣтельства о святыхъ*, что владѣли селами: о Геласіи чудотворцѣ, Аѳанасіи Аѳонскомъ, Ѳеодорѣ Студитѣ; *русскія свидѣтельства*: святые Антоній и Ѳеодосій Печерскіе, Варлаамъ Новгородскій, Діонисій и Димитрій Вологодскіе владѣли селами, также и святители—Петръ, Ѳеогностъ и Алексѣй; при великихъ князьяхъ Владимирѣ и Ярославѣ и при всѣхъ послѣдующихъ великихъ князьяхъ святители и монастыри держали города, волости,

кому князю дьякъ Левашъ, чтобы повторить передъ нимъ выпись свидѣтельствъ, представленную самимъ соборомъ, съ нѣкоторыми дополненіями. Какъ понимать это «тязаніе» собора великимъ княземъ, положительно сказать не можемъ. Чтобы онъ надѣялся сломить упорство членовъ собора и заставить ихъ наконецъ отступиться отъ монастырскихъ вотчинъ, это — весьма невѣроятно; гораздо вѣроятнѣе, что онъ надѣялся что нибудь выторговать у собора, т. е. надѣялся, что соборъ придумаетъ избавиться отъ его притязаній такимъ образомъ, чтобы поклониться ему тою или другою частью монастырскихъ вотчинъ.

Привлекательная мечта Ивана Васильевича обогатить государство и самого себя на счетъ монастырей нисколько не исполнилась. Но такъ какъ и онъ самъ долженъ былъ хорошо сознавать, что это была мечта слишкомъ химерическая; то онъ нисколько не обидился на тѣхъ, кто воспрепятствовалъ ея осуществленію: въ отношеніи къ главѣ собора митр. Симону и въ отношеніи къ главному дѣйствовавшему на немъ лицу по вопросу о монастырскихъ вотчинахъ—преп. Іосифу Волоколамскому мы видимъ его послѣ собора не только не враждующимъ, но и благоволящимъ, какъ бы совершенно ничего непріятнаго между ними не случилось [1]).

села и земли и воды и рыбныя ловли. Выпись сполна напечатана у *Павлова* «О секуляризаціи», стр. 42 sqq.

[1]) Въ Мартѣ 1504-го года великій князь далъ Симону двѣ несудимыя грамоты на его митрополичьи вотчины,—Акт. Эксп. т. I, № 139. Что касается до Іосифа, то послѣ собора 1503-го года онъ является дѣйствующимъ съ полнымъ вліяніемъ на соборѣ слѣдующаго 1504-го года.—О проклятіи на обидящихъ церкви Божіи и монастыри, читаемомъ въ новгородскомъ синодикѣ (*Павл.* ibid. стр. 51 нач.), должно думать, что оно внесено не архіепископомъ Геннадіемъ послѣ 1500-го года, а ранѣе, бывъ направлено противъ наклонности Новгородцевъ обирать церкви и монастыри.—Въ одной синодальной рукописи читается пространное Слово (въ надписаніи названное краткимъ) «противу тѣхъ, иже въ вещи священные, подвижные и недвижные, съборные церкви вступаются», написанное по порученію какого-то архіепископа какимъ-то жившимъ въ Россіи западнымъ ученымъ, въ Февралѣ мѣсяцѣ 1505-го года,—Опис. синодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 320. л. 196 об., стр. 609 fin.. Считаемъ за совершенно вѣроятное принимать, что Слово написано для нашего архіепископа Геннадія тѣмъ доминиканцемъ Веніаминомъ, который перевелъ для его полной Библіи нѣкоторыя книги Священнаго Писанія съ латинской Вульгаты (и о которомъ въ Опис. ркпп. I. 128 прим.. А касается до 1505-го года, то въ Февралѣ мѣсяцѣ сего года Геннадій былъ еще на каѳедрѣ). Но очень можетъ быть, что оно написано не по поводу собора 1503-го года, а противъ тѣхъ же Новгородцевъ.

Не представляется намъ вѣроятнымъ думать, что вел. кн. Иванъ Васильевичъ совершенно неожиданнымъ для него образомъ имѣлъ мысль о секуляризаціи недвижимыхъ имѣній церкви. Но къ его времени эти недвижимыя имѣнія церкви, представлявшія собою земли, вышедшія изъ государевой службы, такъ какъ онѣ уходили въ церковь отъ вотчинниковъ, несшихъ съ нихъ государеву службу, были такъ многочисленны, что должны были наконецъ пробудиться опасенія за «убытокъ» нашей службы,—и онъ предпринялъ первыя нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы остановить и ограничить переходъ недвижимыхъ имѣній отъ мірскихъ вотчинниковъ во владѣніе епископскихъ каѳедръ и монастырей. Съ сею цѣлію, не знаемъ—послѣ или еще собора 1503-го года, были изданы имъ два узаконенія: 1) если вотчинникъ отдастъ въ монастырь землю по своей душѣ съ тѣмъ условіемъ, что наслѣдникамъ его предоставляется выкупить ее у монастыря по назначенной имъ цѣнѣ, имѣющей быть прописанною въ духовной грамотѣ: то за наслѣдниками признается право производить таковые выкупы; 2) въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ—Твери, Микулинѣ, Торжкѣ, Оболенскѣ, Бѣлоозерѣ и Рязани, также князьямъ суздальскимъ, ярославскимъ и стародубскимъ, запрещается отдавать въ монастыри вотчины по душамъ и продавать ихъ имъ безъ доклада государю [1]).

Въ правленіе митр. Симона имѣлъ мѣсто исключительный случай соборнаго низложенія съ каѳедры и отлученія одного епископа за неправое отлученіе послѣднимъ одного подвѣдомаго ему игумена и вмѣстѣ съ тѣмъ за возстаніе противъ приговора великаго князя; этотъ случай—низложеніе и отлученіе архіепископа новгородскаго, преемника Геннадіева, Серапіона за отлученіе имъ преп. Іосифа Волоколамскаго и за возстаніе противъ приговора вел. кн. Василія Ивановича (преемника Ивана Васильевича съ 27-го Октября 1505-го года), взявшаго Іосифовъ монастырь изъ-подъ власти удѣльнаго волоколамскаго князя въ свою собственную власть [2]).

---

[1]) Оба узаконенія, неизвѣстныя въ подлинномъ видѣ, упоминаются въ соборномъ приговорѣ о вотчинахъ 1551-го года,—Акт. Эксп. т. I, № 227, и Стоглавъ по Казанск. изд. глава 101, стр. 430. При этомъ второе узаконеніе усвояется Ивану Васильевичу только нѣкоторыми списками приговора.

[2]) Въ нижеслѣдующемъ изложеніи, насколько оно не снабжено цитатами, должны быть подразумѣваемы источниками: житіе преп. Іосифа, написанное Саввою, епископомъ крутицкимъ, изд. *Невостр.* стр. 38 sqq, и посланія преп. Іосифа къ Борису Васильевичу Кутузову и къ Ивану Ивановичу Третьякову,—первое въ Вивліоѳ., XIV, 177, содержаніе второго въ Чтен. Общ. Ист. Древн. 1847-го года, № 8, Смѣсь, и у *Хрущова* стр. 219.

Преп. Іосифъ основалъ свой монастырь, находящійся въ 18-ти верстахъ отъ Волоколамска, въ 1479-мъ году, при удѣльномъ волоколамскомъ князѣ Борисѣ Васильевичѣ, братѣ великаго князя Ивана Васильевича. Борисъ Васильевичъ былъ усерднымъ покровителемъ и благотворителемъ монастыря. Но его сынъ Ѳедоръ Борисовичъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ князей, которые, вмѣсто того, чтобы благотворить монастырямъ, сами наоборотъ хотѣли быть, такъ сказать, благотворимыми отъ нихъ,—которые возлагали на монастыри своихъ областей обязанность быть гобзителями ихъ—князей. Онъ началъ занимать у монастыря деньги, съ тѣмъ, чтобы не отдавать ихъ,—выпрашивать себѣ у монастыря цѣнныя вещи, какія видѣлъ и про какія узнавалъ, началъ требовать, чтобы для него устрояемы были въ монастырѣ хорошіе пиры и чтобы были подносимы ему отъ монастыря хорошіе дары. Весьма немалочисленны были у насъ въ старое время игумены, которые видѣли назначеніе богатствъ монастырскихъ въ томъ, чтобы они—игумены проживали ихъ съ князьями и боярами, употребляя ихъ на пиры съ послѣдними и на щедрое подношеніе имъ даровъ. Но вовсе не принадлежалъ къ числу подобныхъ игуменовъ преп. Іосифъ Волоколамскій; не принадлежалъ онъ къ числу и тѣхъ людей, которые съ безмолвною покорностію судьбѣ готовы стать предметомъ беззастѣнчивой эксплоатаціи другихъ: онъ самымъ энергическимъ образомъ протестовалъ противъ наклонности князя Ѳедора Борисовича относиться къ его монастырю такъ, какъ относились къ своимъ монастырямъ иные князья и какъ онъ самъ относился къ другимъ монастырямъ своей области [1]). Это возбудило непримиримую ненависть противъ Іосифа князя и его бояръ, такъ что для него наконецъ стало совершенно нестерпимымъ житье въ своемъ монастырѣ. Тогда, сдѣлавъ неудавшіяся попытки уладиться съ княземъ, Іосифъ, на основаніи прежде бывшихъ примѣровъ, рѣшился на то, чтобы просить великаго князя Василія Ивановича—изъять его монастырь изъ-подъ власти князя волоколамскаго и принять въ свою собственную власть. Намѣреваясь сдѣлать это, онъ послалъ просить благословенія на сіе у своего епархіальнаго епископа, каковымъ былъ архіепископъ новгородскій Серапіонъ [2]); но

---

[1]) По словамъ Іосифа, Ѳедоръ Борисовичъ, прежде чѣмъ пытаться обирать его монастырь, обобралъ уже три монастыря своей области,—посланіе къ Борису Васильевичу Кутузову.

[2]) Серапіонъ поставленъ въ архіепископы новгородскіе изъ игуменовъ Троицкихъ 15-го Января 1506-го года. По свидѣтельству житія преп. Іосифа, принадлежащаго неизвѣстному (собственно—нѣкоторыхъ списковъ послѣдняго), на соборѣ

въ то время въ новгородской области свирѣпствовала сильная моровая язва [1]), на дорогахъ въ нее поставлены были кордоны, съ тѣмъ, чтобы никого не пропускать въ нее, и посланный къ архіепископу монахъ долженъ былъ изъ Торжка воротиться назадъ. Преп. Іосифъ послалъ въ Москву къ митрополиту бить челомъ, чтобы онъ ходатайствовалъ у великаго князя о принятіи монастыря подъ свою власть, а относительно архіепископа говорилъ, что будетъ просить у него прощенія въ самовольномъ вынужденномъ поступкѣ, когда прекратится въ Новгородѣ болѣзнь. Великій князь, уважая ходатайство митрополита и—какъ должно подразумѣвать—будучи побуждаемъ своимъ величайшимъ расположеніемъ къ самому Іосифу, ибо Василій Ивановичъ питалъ къ Іосифу именно таковое расположеніе, немедленно исполнилъ просьбу: въ 1507-мъ году,[2]) по благословенію митрополита съ соборомъ и по приговору бояръ, взялъ монастырь подъ свою власть, а относительно архіепископа сказалъ посланнымъ Іосифа, что испросить ему прощеніе у перваго беретъ на самого себя. Перешедъ изъ-подъ власти своего удѣльнаго князя подъ власть великаго князя, Іосифъ вмѣстѣ съ тѣмъ не перешелъ изъ-подъ власти архіепископа подъ власть митрополита и по прежнему остался за первымъ: его вина передъ архіепископомъ состояла въ томъ, что онъ безъ его благословенія перемѣнилъ мірскую надъ собою власть [3]). По своемъ переходѣ

1503-го года онъ былъ помощникомъ Іосифа въ веденіи защиты монастырскаго вотчиновладѣнія.—изд. *Невостр.* стр. 44 нач..

[1]) Объ этой моровой язвѣ, начавшейся осенью 1505-го года и продолжавшейся три года, см. Новгорр. 3-ю и 4-ю лѣтт.. въ Собр. лѣтт. III, 244. и IV, 136.

[2]) Годъ указывается во второй разрѣшительной грамотѣ Іосифу. о которой и цитату которой см. ниже. По 2-й Софійской лѣтописи, Іосифъ началъ бить челомъ великому князю на Θедора Борисовича зимой 1507-го года,—Собр. лѣтт. VI, 249.

[3]) Что Іосифъ, перешедъ изъ-подъ власти волоколамскаго князя подъ власть великаго князя, не переходилъ изъ-подъ власти архіепископа подъ власть митрополита, это видно изъ слѣдующаго: 1) въ житіи преп. Іосифа, принадлежащемъ Саввѣ, епископу Крутицкому, читается, что великій князь сказалъ помянутымъ посланнымъ Іосифа относительно того, что переходъ совершился безъ благословенія архіепископа: «о семъ попеченіа ни мало имѣйте, игумену же Іосифу рците: изъ предѣла еси отъ новгородскіа архіепископьи не отшелъ, азъ взяхъ монастырь отъ насиліа удѣльнаго»,—изд *Невостр.* стр. 43; 2) митр. Симонъ въ разрѣшительной (второй) грамотѣ Іосифу говоритъ объ его переходѣ изъ-подъ власти одного князя подъ власть другаго и ничего не говоритъ о переходѣ изъ подъ власти архіепископа подъ свою митрополичью власть,—цитата ниже: 3) Серапіонъ въ своей отлу-

изъ-подъ власти удѣльнаго волоколамскаго князя подъ власть великаго князя, Іосифъ, надѣясь на обѣщаніе послѣдняго испросить ему прощеніе у архіепископа и самъ будучи препятствуемъ сдѣлать это все продолжавшеюся моровою язвою, замедлилъ испрошеніемъ прощенія. Медленіемъ Іосифа воспользовался князь Ѳедоръ Борисовичъ, чтобы во-

---

чительной грамотѣ на Іосифа выставляетъ виною его то, что онъ отказался отъ своего государя въ великое государство, и ничего не говоритъ объ отказѣ отъ него—архіепископа, см. посланіе Іосифа къ митрополиту въ Памятникахъ старинн. русск. литерат. *Кушелева-Безбородко*, IV, 209; 4) Серапіонъ предалъ Іосифа отлученію какъ своего чернца уже черезъ два года послѣ его перехода изъ-подъ власти одного князя подъ власть другаго (совершенно ясно говорится, что въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ Іосифъ оставался подъ властью архіепископа: посланія Іосифа къ Кутузову и Третьякову); 5) въ посланіи Серапіона къ митр. Симону, которое читается въ житіи Серапіона и которое на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ ему, а сочинено самимъ авторомъ житія, ясно представляется дѣло такимъ образомъ, что Іосифъ, перешедъ въ гражданскомъ отношеніи изъ-подъ власти волоколамскаго князя, въ церковномъ отношеніи остался подъ властью новгородскаго архіепископа,—посланіе въ отдѣльномъ видѣ напечатано въ IV томѣ Памятниковъ *Кушелева-Безбородко*, см. стр. 211, col. 1 fin.—2 нач.; наконецъ 6) извѣстно, что и послѣ Іосифа Волоколамскій монастырь находился подъ властью новгородскихъ архіепископовъ, см. напр. Опис. синодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 389, подпись на рукописи, написанной въ 1553-мъ году. Если князь Ѳедоръ Борисовичъ, узнавъ о переходѣ Іосифа изъ-подъ его власти подъ власть великаго князя, доносилъ Серапіону, «яко безъ твоего вѣдома и благословеніа Іосифъ монастырь отъ тобя отказа», какъ говоритъ епископъ Савва въ житіи Іосифа,—изд. *Невостр.* стр. 44: то князь или не зналъ еще дѣла точнымъ образомъ или, намѣренно увеличивая вину Іосифа въ глазахъ Серапіона, хотѣлъ возбудить бо́льшій гнѣвъ послѣдняго противъ перваго. Когда лѣтописи новгородскія и псковскія говорятъ, что Іосифъ изъ архіепископіи изъ новгородской отказался съ монастыремъ въ митрополію,—Собр. лѣтт. III, 147, 184 и 247, IV, 136 и 282, VI, 24: то или по незнанію дѣла, или изъ намѣреннаго желанія увеличить вину Іосифа (при чемъ сказанное одной лѣтописью повторяется всѣми другими), или наконецъ, что̀ представляется намъ наиболѣе вѣроятнымъ, онѣ, такъ сказать, разумѣютъ архіепископію и митрополію съ гражданской ихъ стороны и хотятъ сказать, что Іосифъ ушелъ изъ княжества волоколамскаго, которое въ новгородской архіепископіи, и перешелъ въ великое княженіе, которое въ митрополіи (Типографская лѣтопись, разумѣя архіепископію именно съ гражданской стороны, выражается: «Іосифъ отказался изъ его,—Серапіона, архіепископьи отъ князя Ѳедора и съ монастыремъ къ великому князю безъ его вѣдома»,—стр. 352). Наконецъ, когда то же, что̀ лѣтописи, говоритъ авторъ житія Серапіонова, то противорѣча имъ самимъ сочиненному посланію Серапіона къ митр. Симону (см. выше), дѣлаетъ это изъ желанія увеличить вину Іосифа.

оружить противъ него Серапіона. Князь нашелъ себѣ союзника въ архимандритѣ волоколамскаго Возмицкаго монастыря Алексѣѣ Пиліемовѣ, который неизвѣстно намъ—за что враждовалъ противъ Іосифа [1]), и вдвоемъ при посредствѣ и содѣйствіи подкупленныхъ новгородскихъ архіерейскихъ чиновниковъ [2]), они успѣли вооружить Серапіона противъ Іосифа, представляя медленіе игумена, надѣявшагося на расположеніе къ себѣ великаго князя, презорствомъ власти его—архіепископа, до самой крайней степени. Когда кончилось въ Новгородѣ повѣтріе и сняты были кордоны съ дорогъ въ него, Іосифъ, уже знавшій о гнѣвѣ на него архіепископа, поспѣшилъ было послать къ нему монаха для объясненій; но Серапіонъ не принялъ посланнаго и на глаза. Между тѣмъ великій князь, который взялся самъ извинить Іосифа у Серапіона, не сдѣлалъ этого. Впослѣдствіи государь говорилъ, что онъ учинилъ сіе въ забвеніе, т. е. забылъ исполнить обѣщаніе; можетъ быть, это и дѣйствительно такъ, но едва ли не гораздо вѣроятнѣе, что онъ находилъ это неумѣстнымъ: въ дѣлѣ чисто земскомъ, которое сдѣлано было по его волѣ, испрашивая Іосифу прощеніе, онъ—великій князь оказался бы въ такомъ положеніи, что какъ бы испрашивалъ прощеніе и самому себѣ. До крайности возстановленный противъ Іосифа Серапіонъ черезъ два года послѣ его перехода изъ-подъ власти своего удѣльнаго князя подъ власть великаго князя выразилъ свой гнѣвъ на него тѣмъ, что произнесъ на него свое неблагословеніе и отлученіе, приславъ ему свою неблагословенную грамоту [3]). Монахи Іосифова монастыря, бывъ поражены столько тяжкою, обрушившеюся на него—Іосифа, карою, умоляли было его просить у архіепископа прощенія. Но Іосифъ былъ человѣкъ твердаго духа, не имѣвшій наклонности уступать тамъ, гдѣ видѣлъ себя только жертвою властолюбія и интриги,

---

[1]) По житію неизвѣстнаго, архіепископъ Геннадій сдѣлалъ Іосифа своимъ намѣстникомъ надъ волоколамскими церквами,—стр. 47. Такъ какъ Іосифовъ монастырь былъ новый, а Возмицкій—старый или по крайней мѣрѣ старшій (Іосифъ нѣкоторое время жилъ въ немъ, будучи юношей), а во всякомъ случаѣ—архимандритія: то весьма вѣроятно, что восхищеніе Іосифомъ власти, которую архимандритъ Возмицкій считалъ принадлежащею себѣ, и было причиной вражды его противъ перваго.

[2]) Главнымъ между ними Іосифъ называетъ нѣкоего Кривоборскаго (великаго, какъ нужно думать, консисторскаго дѣльца).

[3]) Въ великомъ постѣ 1509-го года, см. посланіе Іосифа къ митрополиту въ Памятникахъ *Кушелева-Безбородко* IV, 209. Что черезъ два года—посланія Іосифа къ Кутузову и Третьякову.

и человѣкъ хорошо знавшій каноны: его не смутило отлученіе архіепископа, а возмутило то, что этотъ произнесъ на него отлученіе, не изслѣдовавъ его винъ, которыхъ, по его сознанію, за нимъ вовсе не было. Отвѣчавъ монахамъ, что они говорятъ, не знаючи божественныхъ правилъ, и что архіепископъ или епископъ аще отлучитъ не по правиломъ, самъ да отлученъ есть [1]), Іосифъ подождалъ нѣсколько, не одумается ли архіепископъ и не сниметъ ли съ него отлученія, и послѣ напраснаго ожиданія послалъ съ жалобой на него къ митрополиту и великому князю [2]). Естественно, что великій князь долженъ былъ понять и принять поступокъ Серапіона съ Іосифомъ какъ личное тяжкое оскорбленіе ему самому, ибо дѣло сдѣлалъ именно онъ. А такъ какъ Василій Ивановичъ смотрѣлъ на себя какъ уже на настоящаго самодержца и былъ самодержцемъ до послѣдней степени щекотливымъ къ личнымъ себѣ оскорбленіямъ и такъ какъ еще при этомъ Серапіонъ и въ самой своей отлучительной грамотѣ Іосифу намѣренно или только неразумно крайнимъ образомъ оскорбилъ его [3]): то онъ—великій князь воспылалъ противъ архіепископа самымъ страшнымъ гнѣвомъ. По его приказанію, немедленно былъ созванъ митрополитомъ соборъ и было послано за Серапіономъ въ Новгородъ, и по его же,—какъ необходимо подразумѣвать,—приказанію или равносильному съ симъ послѣднимъ настоянію—поспѣшно собравшимся соборомъ, вопреки каноновъ, снято было съ Іосифа наложенное на него отлученіе еще до прибытія архіепископа (до выслушанія его объясненій [4]). При-

---

[1]) Это говорило 134 правило Карѳагенскаго собора, какъ оно читалось въ Кормчихъ Іосифова времени: еще это говоритъ 4 правило седьмаго вселенскаго собора.

[2]) Посланіе къ митрополиту съ нашей жалобой въ Памятни. *Кушелева-Безбородко*, IV, 208.

[3]) Переходъ Іосифа изъ-подъ власти князя волоколамскаго подъ власть великаго князя Серапіонъ называетъ въ своей отлучительной грамотѣ, смѣшивая ли свою власть съ властью князя или разумѣя то, что Іосифъ не поискалъ защиты у него—архіепископа, а обратился къ защитѣ великаго князя, отступленіемъ отъ небеснаго и приходомъ къ земному, и великій князь понялъ Серапіона такъ, что волоколамскаго князя онъ назвалъ небеснымъ, а его—великаго князя—земнымъ (посланіе Іосифа къ Кутузову).

[4]) Первая разрѣшительная грамота собора Іосифу, данная еще до прибытія Серапіона въ Москву, въ ркп. Моск. Дух. Акад. изъ Волоколамскк. № 535, л. 381 об.; см. о ней и выписку изъ нея у *Хрущова* стр. 214 fin.. Авторъ житія Серапіонова въ сочиненномъ имъ отъ лица архіепископа посланіи къ митрополиту заставляетъ

бывъ въ Москву и явившись на соборъ, Серапіонъ ничего не могъ отвѣчать о причинѣ наложеннаго имъ отлученія, кромѣ того, смѣло выражавшаго его взглядъ на архіерейскую власть, что—«азъ въ своемъ чернцѣ воленъ вязати и разрѣшати»; вмѣстѣ съ симъ и по отношенію къ великому князю онъ поступилъ не такъ, чтобы смиренно просить прощенія, а чтобы отвѣчать съ стойкостью, доходившей до дерзости [1]),—и съ нимъ поступлено было безъ милосердія: за вину противъ Іосифа, а главнымъ образомъ за ту вину, что онъ дерзнулъ возстать противъ приговора великаго князя, взявшаго монастырь послѣдняго въ свою власть, тогда какъ «царское суженіе суду не подлежитъ и не пересужается», митрополитъ съ соборомъ епископовъ произнесъ ему приговоръ: на основаніи 134-го правила Карѳагенскаго собора, которое говоритъ, что «необличеннаго о грѣсѣ общенія лишивъ епископъ лишенъ и самъ такожде общенія къ другимъ» [2]), низвести его съ каѳедры, лишить архіерейства и предать отлученію [3]). Приго-

---

говорить перваго: «ино, господине, вѣдомо тебѣ, что есми къ тебѣ послы посылахъ и грамоты многія, билъ есми челомъ, чтобы ты самъ жаловалъ, а государю великому князю печаловался, чтобы велѣли на Москвѣ быть мнѣ; и вы, господине, моего посла, зиму изволочивъ, отпустили ни съ чѣмъ»,—Памятни. *Кушелева-Безбородко*, IV, 211. Что разумѣетъ тутъ авторъ житія, не совсѣмъ ясно; но такъ какъ его словъ нельзя относить ко времени послѣ отлученія Серапіономъ Іосифа, ибо въ великомъ постѣ 1509-го года Серапіонъ отлучилъ Іосифа, а спустя три недѣли послѣ Пасхи въ томъ же году потребованъ былъ въ Москву на соборъ (Новгородск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. III, 184; Типогр. лѣт. стр. 352: «въ Маѣ мѣсяцѣ», а Пасха въ 1509-мъ году была 8-го Апрѣля): то, если онъ говоритъ правду, нужно понимать его такъ, что прежде, чѣмъ подвергать Іосифа отлученію, Серапіонъ желалъ было лично принести на него жалобу митрополиту и великому князю, но что это было отстранено.

[1]) Онъ отвѣчалъ великому князю: «азъ тобѣ не билъ челомъ, чтобы мя еси послалъ въ Новгородъ архіепископомъ» (Саввино житіе преп. Іосифа, стр. 48), и вообще «сварился» съ нимъ на соборѣ (посланіе Іосифа къ Кутузову).

[2]) Такъ читалось это правило въ Кормчей Симонова времени по сокращенію каноновъ Аристинову (греческій подлинникъ: τὸν μὴ ἐλεγχθέντα, κοινωνίας στερήσας ἐπίσκοπος, στερεῖται καὶ αὐτὸς τῆς ἑτέρων ὁμοίως,—у *Ралли* и *П.* III, 608). Въ нынѣшней Книгѣ правилъ по полному тексту послѣднихъ, оно, сохраняя тотъ же смыслъ, читается нѣсколько иначе (и есть не 134-е, а 147-е).

[3]) Соборнаго приговора Серапіону мы не имѣемъ. Что касается до осужденія, то авторъ житія Серапіонова въ сочиненномъ имъ отъ лица архіепископа посланіи къ митрополиту говоритъ: «мене грѣшнаго отъ церкви отлучили и санъ сняли»,—въ Памятникахъ *Кушелева-Безбородко*, IV, 211, fin., а Іосифъ въ посланіи къ

воръ собора немедленно былъ приведенъ въ исполненіе: лишенный архіерейства и преданный отлученію Серапіонъ былъ посланъ на покаяніе въ Андрониковъ монастырь. Что же касается до Іосифа, то соборъ вторично разрѣшилъ его отъ несправедливо наложеннаго на него отлученія [1]).

Наша ссора Серапіона съ Іосифомъ, окончившаяся такъ печально для архіепископа, произвела въ Москвѣ величайшее волненіе. Несомнѣнно, что Серапіонъ былъ далеко неправъ: при своихъ чрезвычайно преувеличенныхъ представленіяхъ объ архіерейской власти и при своемъ крайне горячемъ нравѣ онъ допустилъ то, чтобы стать жалкой игрушкой въ рукахъ своихъ подкупленныхъ консисторскихъ чиновниковъ [2]); но общественное мнѣніе было рѣшительнымъ образомъ на его

Кутузову говоритъ, что митрополитъ и епископы «не благословили (его) и отъ священства отлучили и изъ сана извергли»,—Вивліоѳ. XIV, 198. Что онъ осужденъ былъ на основаніи 134 правила Карѳагенскаго собора и главнымъ образомъ за вину противъ государя, это ясно дается знать во второй разрѣшительной грамотѣ собора Іосифу,—Акт. Ист. т. I. № 290 (съ довольно большимъ и важнымъ пропускомъ) и въ Вивліоѳ. XIV, 198—201 (гдѣ она читается, какъ помѣщенная Іосифомъ въ посланіе къ Кутузову,—безъ пропуска), а первое прямо говорится въ Саввиномъ житіи преп. Іосифа,—изд. *Невостр.* стр. 49 нач..—Въ посланіи, сочиненномъ отъ лица Серапіона митр. Симону авторомъ его житія, дается знать, что вмѣстѣ съ нимъ подверглись жестокимъ наказаніямъ отъ великаго князя и замѣшанные въ интригу его архіерейскіе чиновники: Памятни. *Кушелева-Безбородко*, IV, 211, col. 1 нач., cfr ниже о поставленіи въ архіепископы новгородскіе послѣдующаго митрополита Макарія.

[1]) Грамота отъ 8-го Іюля 1509-го года, см. въ Акт. Ист..

[2]) Мы изложили дѣло главнымъ образомъ по оправдательнымъ посланіямъ самого преп. Іосифа; но чтобы Іосифъ искажалъ фактическую сторону дѣла, этого нельзя допустить, ибо онъ писалъ къ людямъ, которые очень хорошо знали дѣло сами по себѣ. Нѣсколько разъ ссылались мы на посланіе Серапіона къ митр. Симону, которое читается въ житіи перваго и которое должно быть считаемо произведеніемъ самого автора житія. Это мнимое посланіе Серапіона рѣшительнымъ образомъ служитъ къ тому, чтобы убѣждать въ его виновности, ибо авторъ житія, сочиняющій посланіе съ цѣлью показать тяжкую виновность Іосифа предъ Серапіономъ, вовсе не доказываетъ послѣдней. «Что, господине, сказываете,—пишетъ мнимый Серапіонъ митрополиту, что азъ не назнаменовахъ вины прехвальному вашему Іосифу? Ино ему се первая вина, что изъ моего предѣла святыя церкви Божія Премудрости выскочилъ, яко вторый Іуда изъ лика апостольска, сдался съ монастыремъ, а мнѣ того дѣла не сказалъ и своихъ обидъ ни малымъ писаніемъ къ намъ не возвѣстилъ, нашего благословенія ни мала отъ насъ пріялъ». Но это пер-

сторонѣ, видя въ немъ невиннаго небоязненнаго страдальца. Кара, его постигшая, была очень жестока, и ее объясняли не его виновностью, а тѣмъ, что Іосифъ былъ любимецъ великаго князя и временный у него человѣкъ, «прехвальный Іосифъ», какъ насмѣшливо выражается о немъ авторъ житія Серапіонова,—что и помимо великаго князя онъ имѣлъ сильныхъ покровителей [1]),—что онъ былъ слишкомъ способенъ «доказывать», при чемъ совершенно справедливое въ смыслѣ хорошемъ понималось въ смыслѣ дурномъ. Жестокая кара постигла Серапіона собственно и не за Іосифа, а за прогнѣваннаго имъ государя, прогнѣвлять котораго по его характеру было страшно. Но этого или не знали или не хотѣли знать, обвиняя Іосифа, что онъ своею гордостію привлекъ гнѣвъ государя на архіепископа вмѣсто того, чтобы смиренно вымаливать у него прощенія [2]). Даже друзья Іосифа склоня-

---

вая вина есть и единственная, которую указываетъ Серапіонъ, а до какой степени она была тяжка, видно изъ того, что говорено нами выше. Обвиняя Іосифа въ томъ, что онъ своими ложными словесы произвелъ ненависть между ними—архіепископомъ и митрополитомъ, мнимый Серапіонъ пишетъ: «слыши, господине, и вонми разумно иже въ Кареагенѣ святого собора правило 17 (нужно: 11): ««прозвитеръ, аще будетъ епископомъ своимъ отлученъ, отъ области тоя митрополиту (и) епископомъ припадати не возбраняется: аще же къ тѣмъ не припадетъ, не смирится, но расколъ творяй, гордяся, святыня Богови принесетъ, рекше — паки начнетъ служити, да будетъ проклятъ»»: что убо онъ (Іосифъ) таковому правилу не повиненъ ли бысть? не расколъ ли сотвори? не гордыню ли вознесе?» и пр. Между тѣмъ Іосифъ поступилъ именно такъ, какъ повелѣваетъ правило собора (что посланіе не принадлежитъ самому Серапіону, а сочинено съ указанною цѣлью авторомъ житія, ясно изъ того, что мнимый Серапіонъ говоритъ въ немъ то какъ находящійся еще на каѳедрѣ, то какъ уже осужденный и заточенный. Что касается до автора житія, то описатель рукописей Троицкой Лавры съ весьма большею вѣроятностью предполагаетъ, что онъ есть митр. Іоасафъ, см. Описанія №№ 636 и 783). А выдача Серапіономъ фальшивой отлучительной грамоты на Алексѣя Пильемова для закрытія его участія въ интригѣ противъ Іосифа, чего послѣдній, конечно, не выдумываетъ (въ посланіи къ Кутузову), принадлежитъ къ разряду такихъ дѣяній, относительно которыхъ не можетъ быть двухъ мнѣній... Давая, хотя и не совсѣмъ полную вѣру тому, что говоритъ Іосифъ о Серапіонѣ, нужно будетъ представлять его себѣ по его горяче—неладному характеру малыхъ размѣровъ Никономъ.

[1]) Какъ людей стоявшихъ за Іосифа въ дѣлѣ съ Серапіономъ, лѣтописи называютъ: его—Іосифова брата, архіепископа ростовскаго, Вассіана, епископовъ: суздальскаго, рязанскаго и пермскаго, и изъ бояръ Василья и Ивана Андреевичей Челядниныхъ.—Собр. лѣтт. III, 148 нач. и 184 fin..

[2]) Въ одномъ сказаніи о ссорѣ Серапіона съ Іосифомъ, которое имѣетъ своею цѣлью оправдать перваго, читается: «Серапіонъ архіепископъ посла на Іосифа не-

лись къ тому, чтобы осуждать его, такъ что онъ долженъ былъ писать къ нимъ пространныя оправдательныя посланія [1]).

Ссора Серапіона съ Іосифомъ, съ одной стороны, нѣсколько иллюстрируетъ намъ наше тогдашнее епархіальное управленіе и доставляетъ намъ относительно него нѣкоторыя небезъинтересныя и не неважныя сообщенія (въ посланіяхъ Іосифа къ Кутузову и Третьякову); съ другой стороны—настолько обнаруживаетъ намъ характеръ или нравъ вел. кн. Василія Ивановича, что мы оказываемся въ возможности понимать дальнѣйшіе трагическіе случаи его правленія, относящіеся къ нашей области церковной [2]).

Отъ митр. Симона сохранились два учительныя посланія въ Великую Пермь, одно—къ тамошнимъ игуменамъ, священникамъ и діаконамъ, другое—ко всѣмъ тамошнимъ христіанамъ, писанныя 22-го Августа 1501-го года. Въ минуту написанія посланій пермская епископская каѳедра была праздною, ибо бывшій епископъ Филоѳей отошелъ на покой въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ нашего 1501-го года, а новый епископъ еще не былъ поставленъ. Такимъ образомъ, Симонъ писалъ Пермичамъ, какъ остававшимся безъ пастыря; какія однако были особыя по-

---

благословеніе и отлученіе. хотя Іосифа симъ на исправленіе привести и устрашити: Іосифъ же наипаче на Серапіона, на своего архіепископа, начать негодовати и поносити и гордостью восхитився подходитъ убо братомъ своимъ, легка (sic) убо умомъ легчайша же и разумомъ. Васьяномъ ростовскимъ архіепископомъ Симона митрополита, мужа кротка и тиха, и обходятъ его ласканми и лестми, и сводятъ архіепископа святаго преподобнаго Серапіона со престола и въ монастырѣ затворяютъ въ Ондрониковѣ»,—*Бычкова* Описаніе сборниковъ Публичн. Библіот. I, 93 sub fin.. Знавшіе дѣло, обвиняя Іосифа, обвиняли и митрополита съ соборомъ епископовъ, что они, убоявшись великаго князя, сошли на слабость и неправо судили см. въ 10-й части Прибавленій къ творр. свв. отцевъ статью: «Отношенія иноковъ Кириллова Бѣлозерскаго и Іосифова Волоколамскаго монастырей, въ XVI в.», стр. 525.

[1]) Посланія къ Кутузову и Третьякову суть именно таковыя оправдательныя посланія. Cfr посланіе къ Іосифу Ивана Ивановича Головнина, напечатанное въ изслѣдованіи *А. С. Архангельскаго*: «Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ», I, приложж. стр. 18 fin..

[2]) Изъ Андроникова монастыря Серапіонъ скоро переведенъ былъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, въ которомъ и скончался 16-го Марта 1516-го года. Объ его примиреніи съ митр. Симономъ см. сейчасъ ниже. Примирились ли между собою лично, а не заочно, онъ и Іосифъ, это составляетъ нерѣшенный вопросъ: житія Іосифовы отвѣчаютъ на вопросъ утвердительно, а житіе Серапіоново—отрицательно, cfr у *Хрущова* стр. 237 fin..

бужденія къ написанію посланій, когда эта безпастырность Пермичей была совершенно обычная и имѣвшая продолжаться весьма не долго, такъ какъ новый епископъ поставленъ имъ 5-го Мая слѣдующаго 1502-го года, этого ясно не видно. Пермичи Великой Перми были христіане новокрещенные и вѣроятно, что своими заботами о нихъ Симонъ хотѣлъ показать свою особую пастырскую ревность. Въ посланіи къ игуменамъ и священникамъ митрополитъ укоряетъ послѣднихъ за то, что они о церковномъ исправленіи и о своемъ спасеніи не радятъ и о своихъ дѣтяхъ духовныхъ не брегутъ, и обращается къ нимъ съ увѣщаніемъ о надлежащемъ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей. Но нѣсколько странно и не совсѣмъ понятно въ посланіи то, что порокъ игуменовъ и священниковъ, который митрополитъ считаетъ за нужное обличать нарочитымъ образомъ есть ѣда и питье въ неподобное время до обѣда, т. е. странно и непонятно, что, обходя другіе болѣе важные пороки, которые несомнѣнно имѣли пермскіе священники, или же обличая ихъ только какъ бы мимоходомъ (безмѣрное пьянство), митрополитъ нарочито обличаетъ именно этотъ порокъ. Увеличивая для насъ непонятность, онъ говоритъ, что бывшій ихъ епископъ Филофей не одинъ разъ посылалъ къ нимъ грамоты о томъ, чтобы они воздерживались отъ ранояденья и отъ ранопитья. Можетъ быть, дѣло нужно понимать такъ, что при своеобразномъ пониманіи новокрещенными Пермичами христіанства, этотъ порокъ ихъ священниковъ наиболѣе соблазнялъ ихъ [1]). Въ посланіи ко всѣмъ христіанамъ пермскимъ митрополитъ увѣщеваетъ этихъ новокрещенныхъ христіанъ, чтобы они держали принятую ими истинную христіанскую вѣру честно и твердо и неподвижно, съ неупустительнымъ усердіемъ исполняя всѣ христіанскія обязанности, и чтобы они въ конецъ и совершенно отстали отъ всего языческаго. Въ послѣднемъ случаѣ митрополитъ увѣщеваетъ Пермичей: кумирамъ не служить и требъ ихъ не пріимать, Воипелю болвану не молиться по древнему обычаю, браковъ

[1]) Обличеніе порока ранопитья прежде Симона встрѣчаемъ мы въ посланіяхъ митр. Фотія въ Новгородъ и Псковъ. Въ одновременныхъ посланіяхъ въ оба города отъ 1410-го года митрополитъ пишетъ: «а на пиру, коли лучится, которые имуть до обѣда пити, не давайте имъ Богородицина хлѣба»,—въ Памятни. *Павл.* coll. 273 и 279; въ посланіи во Псковъ отъ неизвѣстнаго позднѣйшаго года пишетъ: «а что ми пишете, что суть въ васъ нѣкоторіи попове, до обѣда піють въ праздники и въ иныи дни: ино который священникъ до обѣда піеть, и таковый первое и второе и третіе да накажется, яко да престанеть; а по семъ того аще нерадити начнеть, ино воздержаніе отъ священьства таковому 40 дній»,—ibid. col. 434.

по ветхому и по татарскому обычаю, такъ чтобы жена умершаго брата переходила послѣ него ко второму брату, а послѣ втораго къ третьему, не совершать, мяснаго и скоромнаго въ посты и въ среды съ пятницами не есть, женщинамъ ихъ не ходить простоволосыми, съ непокрытыми головами [1]).

Послѣ 16-лѣтняго управленія митрополіей Симонъ скончался 30-го Апрѣля 1511-го года [2]).

[1]) Посланія въ Акт. Ист. т. I, № 112.

[2]) Передъ смертью, по приказанію великаго князя, онъ призывалъ къ себѣ отъ Троицы Серапіона, чтобы взять съ нимъ прощеніе,—Никон. лѣт. VI. 190, Софійск. 2-я лѣт. въ Сбор. лѣтт. VI, 252 нач. (въ описаніи царскаго архива второй половины XVI вѣка значится «запись прощальная Симона митрополита въ преставленье его»,—Акт. Экспед. т. I, стр. 346, ящикъ 150.—Типографская лѣтопись. стрр. 354 нач. и 355, на какомъ-то основаніи утверждаетъ, что весной 1511-го года Симонъ оставилъ митрополію и съѣхалъ къ Троицѣ и что онъ скончался 28-го Января 1512-го года. По сей лѣтописи, стр. 355, и Серапіонъ отпущенъ великимъ княземъ къ Троицѣ въ послѣднемъ году 15-го Мая. Показаніе Типографской лѣтописи принимаетъ *Строевъ* въ Спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей).

МИТРОПОЛИТЪ ВАРЛААМЪ.

На мѣсто Симона поставленъ былъ въ митрополиты Варлаамъ, архимандритъ московскаго Симонова монастыря [1]).

Два случая избранія митрополитовъ, имѣвшіе мѣсто во вторую половину правленія Ивана Васильевича, когда онъ началъ сознавать себя самодержавнымъ царемъ, именно—митрополитовъ Зосимы и Симона, какъ мы говорили, по всей вѣроятности были избраніями болѣе только видимыми, чѣмъ дѣйствительными: епископы не избирали на самомъ дѣлѣ, а совершали простой обрядъ избранія кандидатовъ, которыхъ указывалъ имъ великій князь. Относительно Василія Ивановича, который сознавалъ себя царемъ въ болѣе сильной степени противъ своего отца, ибо сознаніе это быстро возрастало, и который лично надѣленъ былъ властолюбіемъ нисколько ни въ меньшей, если только не въ значительно бо́льшей степени, чѣмъ послѣдній, мы имѣемъ положительное свидѣтельство, что при немъ митрополиты не избираемы были соборомъ епископовъ, а были назначаемы имъ самимъ. Свидѣтельство принадлежитъ извѣстному барону Герберштейну, который въ правленіе Василья Ивановича два раза пріѣзжалъ въ Россію и который написалъ знаменитые Комментаріи или извѣстія о нашемъ отечествѣ [2]). Правда, свидѣтельство Герберштейна, что Василій Ивано-

---

[1]) Архимандритомъ симоновскимъ Варлаамъ былъ съ 1506-го года (см. Продолж. Вивліоѳ. V, 100).

[2]) Герберштейнъ пріѣзжалъ въ Россію въ 1517-мъ и въ 1526-мъ годахъ; въ первый разъ пробылъ въ Москвѣ съ 14-го Апрѣля по 21-е Ноября, во второй разъ—съ 26-го Апрѣля по 11-е Ноября. Мы пользуемся его комментаріями по изданію *Старчевскаго* въ Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, vol. I. Наше мѣсто читается у Герберштейна: «митрополиты и также архіепископы (и епископы) избирались нѣкогда соборомъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ монастырей: изыскивали по монастырямъ и пустынямъ мужа наиболѣе святой жизни и избирали; но объ этомъ (нынѣшнемъ) государѣ говорятъ, что онъ имѣетъ обычай призывать къ себѣ нѣкоторыхъ (немногихъ) и изъ числа ихъ назначать одного по своему усмотрѣнію», p. 20, col. 1.

вичъ назначалъ кандидатовъ въ митрополиты и епископы исключительно собственною властію, должно быть принимаемо за воспроизведеніе рѣчей тѣхъ Русскихъ, которые возбуждены были противъ слишкомъ царскаго властолюбія государя въ сферѣ государственной; но оно вполнѣ согласно со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ прямо и косвенно о Василіи Ивановичѣ. При немъ были два случая избранія митрополитовъ—нашего Варлаама и преемника Варлаамова Даніила. Ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ лѣтописи не говорятъ, было ли совершаемо избраніе кандидатовъ, назначенныхъ великимъ княземъ, хотя бы то формальное, а прямо и единственно говорятъ объ ихъ возведеніи на каѳедру и о посвященіи. Какъ кажется, вѣроятнѣе предполагать то, что формальнымъ образомъ избраніе было совершаемо.

Варлаамъ былъ возведенъ на митрополичій дворъ и нареченъ митрополитомъ всея Русіи спустя три мѣсяца безъ четырехъ дней послѣ смерти Симона, 27-го Іюля 1511-го года; посвященъ былъ спустя недѣлю послѣ возведенія и нареченія, 3-го Августа [1]).

О дѣятельности митр. Варлаама за время его 10-лѣтняго пребыванія на каѳедрѣ мы не имѣемъ совершенно никакихъ свѣдѣній.

Можетъ быть, къ его времени должно быть относимо появленіе въ Россіи втораго Схаріи,—жида, по имени Исаака, который пытался вновь проповѣдывать у насъ жидовство и относительно котораго мы имѣемъ совершенно неопредѣленныя указанія въ сочиненіяхъ преп. Максима Грека. Между сочиненіями Максима есть одно, которое представляетъ собою неизвѣстно когда поданную записку собору русскихъ архіереевъ и которое надписывается: «Инока Максима Грека совѣтъ къ собору православному на Исака жидовина, волхва, чародѣя и прелестника» [2]). Давая знать, что Исаакъ пытался проповѣдывать у насъ жидовство [3]) и что имѣлъ по крайней мѣрѣ тотъ успѣхъ, чтобы произвести смущеніе въ нашемъ православномъ обществѣ [4]), Максимъ убѣждаетъ соборъ архіереевъ показать свою возможно крѣпкую ревность и предать жидовина внѣшней или гражданской власти въ казнь. «да и ины накажутся не приложити имъ смущати овцы Спасовы ни приложити (приходити?) въ землю нашу православную». Максимъ при-

---

[1]) Никон. лѣт. VI, 190. Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 252.

[2]) Казанск. изд. сочиненій Максима, I, 51, № III.

[3]) Развратити словомъ же и дѣломъ тщился благовѣрніе и питомыя его въ свою прелесть преложити,—стр. 52 нач.

[4]) «Смутившаго убо паству Спасову предадите»..., стр. 54.

былъ въ Россію при митр. Варлаамѣ въ 1518-мъ году и остался у насъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1556-мъ году, живъ при четырехъ митрополитахъ: Варлаамѣ, Даніилѣ, Іоасафѣ и Макаріи. Такъ какъ подача Максимомъ записки собору съ одинаковою вѣроятностію можетъ быть относима къ правленію всѣхъ четырехъ митрополитовъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что при Даніилѣ она могла быть подана не во все время правленія, а лишь въ очень небольшую его часть, какъ это видно будетъ далѣе изъ разсказа о жизни и судьбѣ у насъ Максима: то для нашего, постановленнаго въ началѣ, «можетъ быть» собственное и единственное основаніе пока есть то, что Варлаамъ былъ первый митрополитъ, при которомъ писалъ Максимъ [1]).

Не имѣя свѣдѣній о собственной дѣятельности митр. Варлаама, мы должны говорить о другихъ дѣятеляхъ, бывшихъ въ его время.

Эти дѣятели суть: ученикъ преп. Нила Сорскаго старецъ Вассіанъ Патрикѣевъ Косой и преп. Максимъ Грекъ.

Паисій Ярославовъ и преп. Нилъ Сорскій, возрастившіе въ себѣ мысль преп. Кирилла Бѣлозерскаго о неприличіи и неподобаемости монастырямъ владѣть вотчинами, по собственной ли инициативѣ или бывъ возбуждаемы великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, сдѣлали представленіе о семъ собору 1503-го года. Когда предложеніе рѣшительно отвергнуто было соборомъ, ни тотъ ни другой изъ нихъ не обращались къ литературной пропагандѣ своей мысли посредствомъ списаній, ибо не имѣли къ этому наклонности, а также ни тотъ ни другой не пытались стараться и о томъ, чтобы привести свою мысль въ дѣло насильственнымъ способомъ при помощи великаго князя. Какъ велъ себя по отношенію къ мысли, послѣ неудачи постигшей предложеніе о ней на соборѣ 1503-го года, Паисій Ярославовъ, совершенно ничего неизвѣстно; вѣроятно, что онъ дожилъ свой вѣкъ въ Кирилловомъ монастырѣ или скитѣ Ниловѣ въ исключительныхъ заботахъ о самомъ себѣ и о своей душѣ. Что касается до преп. Нила, то, оставивъ безнадежное помышленіе о томъ, чтобы преобразовать все наше монашество и предоставляя это монашество самому себѣ, онъ сосредо-

[1]) Преосв. Макарій полагаетъ, что соборъ на Исака, къ которому писалъ Максимъ, составился около 1520-го года.—Ист. VI, 156: но на какомъ основаніи, не видно. Приведенное въ нашей выпискѣ выраженіе Максима: «въ землю нашу» скорѣе бы говорило за то, что онъ писалъ уже достаточно поживъ въ Россіи, когда волей или неволей принималъ ее за свое второе отечество; но и на этомъ выраженіи не представляется надежнымъ основываться по той причинѣ, что «нашу» легко могло быть поставлено вмѣсто «вашу» позднѣйшими переписчиками.

точилъ свои заботы единственно на томъ, чтобы внѣдрять свои мысли въ своихъ немногочисленныхъ учениковъ, собравшихся къ нему въ его скитъ и желавшихъ подвизаться его собственнымъ (скитскимъ) образомъ подвижничества. Однако, исторія протеста противъ вотчиновладѣнія монастырей не ограничилась однимъ только представленіемъ Паисія и Нила, которое они сдѣлали собору 1503-го года. Между учениками Нила нашелся одинъ, который выступилъ послѣ него съ литературной пропагандой протеста и который вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, употреблялъ старанія насильственнымъ образомъ произвести реформу монашества при содѣйствіи власти великаго князя. Этотъ ученикъ Ниловъ былъ старецъ Вассіанъ, по мірскому имени—князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ—Косой.

Фамилія князей Патрикѣевыхъ, принадлежавшая къ числу исключительно знатныхъ боярскихъ фамилій и состоявшая въ близкомъ родствѣ съ великокняжескимъ домомъ, была выѣзжая изъ Литвы и имѣла своимъ родоначальникомъ Нариманта, одного изъ сыновей литовскаго великаго князя Гедимина. Сынъ Наримантовъ, князь звенигородскій (въ литовской Руси), Патрикій, отъ котораго прозваніе, пріѣхалъ на службу въ Москву къ великому князю Василію Дмитріевичу въ 1408-мъ году, въ свитѣ согнаннаго съ литовскаго великокняжескаго престола своего двоюроднаго брата Свидригайла Ольгердовича, и остался на Москвѣ послѣ удаленія изъ нея послѣдняго. Сынъ Патрикіевъ Юрій, женившійся на дочери великаго князя Василія Дмитріевича, былъ самымъ первымъ бояриномъ при его сынѣ, а при своемъ братѣ по женѣ, Василіѣ Васильевичѣ Темномъ. Сынъ Юріевъ Иванъ Юрьевичъ, отецъ нашего Василья Ивановича, былъ таковымъ же бояриномъ при своемъ двоюродномъ братѣ Иванѣ Васильевичѣ. Нашего Василья Ивановича, который былъ старшимъ сыномъ Ивана Юрьевича и который имѣлъ частное прозваніе Косаго, вѣроятно,—отъ физическаго недостатка косоглазія, ожидало если не мѣсто дѣда и отца, то во всякомъ случаѣ одно изъ самыхъ ближайшихъ мѣстъ къ великому князю. Но въ 1499-мъ году съ знаменитыми Патрикѣевыми случилась неожиданная катастрофа. Въ семейномъ спорѣ великаго князя Ивана Васильевича, кому быть послѣ него наслѣдникомъ престола—внуку ли Димитрію, сыну его старшаго сына Ивана Младшаго, рожденнаго отъ первой жены Марьи Борисовны Тверянки и умершаго въ 1490-мъ году, или сыну Василію, рожденному отъ второй жены Софьи Ѳомиинишны, Патрикѣевы были сторонниками Димитрія. 4-го Февраля 1498-го года этотъ несчастный юноша, умершій потомъ въ жестокой темницѣ

неизвѣстною смертію, торжественно коронованъ былъ по приказанію дѣда великокняжескимъ вѣнцомъ, а менѣе чѣмъ черезъ годъ великій князь перемѣнился, рѣшилъ оставить своимъ преемникомъ сына Василія и страшно опалился,—осталось не совсѣмъ яснымъ: за чтó,—на сторонниковъ внука. Одинъ изъ этихъ сторонниковъ (князь Семенъ Ивановичъ Ряполовскій) казненъ былъ смертью, а Патрикѣевымъ, вслѣдствіе ходатайства за нихъ митрополита и епископовъ, была пощажена жизнь, но двое старшіе изъ нихъ — Иванъ Юрьевичъ и его старшій сынъ Василій Ивановичъ Косой были пострижены въ монахи— первый въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, второй, съ именемъ Вассіана, въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Изъ Кириллова монастыря Вассіанъ, бывшій Василій Ивановичъ, перешелъ къ преп. Нилу въ его скитъ, находившійся отъ монастыря въ 12-ти верстахъ, сдѣлался приверженцемъ ученія Нилова о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами и послѣ смерти Нила и при измѣнившихся его личныхъ обстоятельствахъ и повелъ настойчивую борьбу словомъ и дѣломъ противъ этого вотчиновладѣнія монастырей.

Какъ думать о новомъ, случайно явившемся въ лицѣ Вассіана, проповѣдникѣ возвращенія монашества къ его первоначальному совершенству, остается нерѣшеннымъ вопросомъ. Какъ будто вѣроятнѣйшее есть то, чтобы не видѣть въ немъ проповѣдника совсѣмъ истиннаго, подобнаго Нилу, у котораго слово было бы выраженіемъ глубоко искреннихъ помысловъ,—что онъ сталъ проповѣдникомъ не столько вслѣдствіе прямаго, дѣйствительно охватившаго его душу, желанія этого совершенства, сколько вслѣдствіе побочнаго честолюбиваго желанія быть проповѣдникомъ. Существующія свидѣтельства увѣряютъ, что Вассіанъ не имѣлъ наклонности вести собственную жизнь такъ, какъ проповѣдывалъ, и что онъ не имѣлъ наклонности дѣлать того, чтȯ вмѣнялъ въ обязанность другимъ [1]). Свидѣтельства эти располагаютъ

---

[1]) Едва ли есть основанія сомнѣваться въ справедливости извѣстнаго увѣренія Зиновія Отенскаго, что Вассіанъ, живъ, по волѣ великаго князя, въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ, не хотѣлъ питаться столомъ монастырскимъ, наравнѣ съ прочими монахами, но получалъ себѣ великокняжескій столъ съ кухни государя,— Истины показаніе, Казанск. изд стр. 899 fin. sqq. Посланіе Максима Грека: «къ нѣкоему другу его, сѣдящему въ темницѣ», по всей вѣроятности писано къ Вассіану, когда онъ находился въ заключеніи въ Іосифовомъ монастырѣ, но въ этомъ посланіи дается знать, что Вассіанъ не пріучилъ и не хотѣлъ принудить себя къ ручному труду, который вмѣнялъ въ обязанность, какъ средство содержанія, другимъ монахамъ,—Казанск. изд II, 250 («копати не могу»). Общій весьма похваль-

до нѣкоторой степени подозрѣвать относительно принятія имъ на себя роли проповѣдника, что вырванный изъ среды дѣятельности государственной и обреченный чрезъ постриженіе въ монахи на бездѣятельно-ничтожное существованіе онъ ухватился за проповѣдь о реформѣ монашества какъ за новый родъ дѣятельности и какъ за новый путь для себя къ славѣ. Не представляется Вассіанъ человѣкомъ безукоризненно свѣтлымъ и на основаніи другихъ данныхъ, которыя мы имѣемъ для сужденія объ его нравственномъ характерѣ [1]). Какъ бы то ни было, видѣть ли въ Вассіанѣ подобнаго Нилу проповѣдника настоящаго, который проповѣдывалъ сколько для другихъ, столько же и для себя, или не совсѣмъ настоящаго, который проповѣдывалъ только для другихъ, но не для себя: во всякомъ случаѣ онъ выступилъ проповѣдникомъ весьма настойчивымъ. Онъ поставилъ проповѣдь цѣлію и призваніемъ своей монашеской жизни и велъ ее до тѣхъ поръ, пока не былъ осиленъ своими противниками.

Вассіанъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ привлекъ на себя опалу великаго князя Ивана Васильевича тѣмъ, что былъ на сторонѣ его внука Димитрія противъ его сына Василія. Но этотъ его сынъ, изъ-за котораго пострадалъ Вассіанъ, занявъ его мѣсто, вызвалъ послѣдняго на жительство въ Москву и сдѣлалъ его приближеннѣйшимъ къ себѣ человѣкомъ. Какъ объяснять это неожиданное благоволеніе Василія Ивановича къ Вассіану, въ современныхъ извѣстіяхъ не дѣлается никакихъ указаній. Предполагать, чтобы милостію къ Вассіану великій князь хотѣлъ искупить свою вину предъ нимъ въ томъ, что онъ—Вассіанъ изъ-за него—великаго князя сталъ монахомъ, не представляется вѣроятнымъ, ибо Василій Ивановичъ вовсе не отличался такими рыцарскими качествами характера, которыя бы давали возможность предполагать это. Не невѣроятнымъ представляется думать, что, прибли-

---

ный отзывъ о Вассіанѣ князя Курбскаго, что онъ «жестоко и свято житіе препровождалъ во мнишествѣ, подобно великому и славному древнему Антонію» (Сказанія Курбскаго, изд. 2 стр. 4 fin.), какъ принадлежащій весьма пристрастному человѣку партіи не заслуживаетъ особенной вѣры.

[1]) Когда Вассіанъ жилъ въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ. великому князю было донесено, что у монаховъ его пустыни замѣчена ересь: онъ потребовалъ на пытку свидѣтеля и. чтобы свести обвиненіе съ монаховъ. не затруднился допустить. чтобы свидѣтель умеръ подъ пыткой,—см. письмо о нелюбіи старцевъ кирилловскихъ съ іосифовскими въ Прибавлл. къ твор. свв. отцц. ч. 10 стр. 507. Какъ онъ отрекался, когда находилъ нужнымъ для себя, отъ своего искреннѣйшаго друга Максима Грека. это увидимъ ниже.

жая къ себѣ Вассіана, великій князь руководствовался важнымъ государственнымъ расчетомъ. Человѣкъ до крайности властолюбивый, онъ хотѣлъ всѣхъ крѣпко взять въ свои руки, а въ томъ числѣ и духовенство. Лучшимъ средствомъ въ семъ случаѣ по отношенію къ духовенству было то, чтобы держать его въ постоянномъ страхѣ за его вотчины, вопросъ о которыхъ былъ поднятъ на соборѣ 1503-го года: это и сдѣлалъ Василій Ивановичъ, приблизивъ къ себѣ Вассіана, настойчиваго противника вотчиновладѣнія. Видя любимцемъ государевымъ этого противника вотчиновладѣнія (собственно—вотчиновладѣнія монастырскаго), духовенство ежеминутно должно было опасаться, что великій князь, поддаваясь его внушеніямъ, рѣшится наконецъ осуществить по отношенію къ церковнымъ вотчинамъ мечту своего отца, и такимъ образомъ должно было стараться отвращать отъ себя бѣду усиленной покорностью государю [1]). Такъ или иначе, но Вассіанъ былъ весьма приближеннымъ человѣкомъ у Василія Ивановича, хотя, по всей вѣроятности, приближеннымъ и не до такой необыкновенной степени, какъ это казалось инымъ или какъ это хотѣли представлять иные. Пользуясь своимъ положеніемъ, Вассіанъ энергически добивался того, чтобы мысль Нила о реформѣ нашихъ монастырей стала дѣломъ при участіи власти государственной: какъ говорятъ о немъ другіе и какъ самъ онъ признаетъ, онъ настоятельнѣйшимъ образомъ внушалъ великому князю и проповѣдывалъ въ средѣ бояръ, что у монастырей, для ихъ собственнаго блага и для возвращенія монашеской жизни въ ея

[1]) Когда переселенъ былъ Вассіанъ изъ Нилова скита въ Москву, это остается неизвѣстнымъ. Мнѣніе, что онъ присутствовалъ на соборѣ 1503-го года и съ тѣхъ поръ остался въ Москвѣ, вовсе не можетъ быть принято. Положимъ, что еще Иванъ Васильевичъ, при которомъ былъ соборъ 1503-го года, возвратилъ свое благословеніе Вассіану, но на соборы обыкновенно вызываемы были старцы, прославившіеся своею жизнью, а такимъ старцемъ во всякомъ случаѣ еще не могъ быть Вассіанъ въ 1503-мъ году. Преп. Іосифъ Волоколамскій даетъ знать, что Вассіанъ пришелъ въ Москву послѣ собора 1503-го года (см. Іосифа у самого Вассіана въ «Собраніи отъ святыхъ правилъ и отъ многихъ книгъ»,—Правосл. Собесѣдн. 1863-го года ч. III, стрр. 206 и 207, §§ 11 и 12), а авторъ письма о причинахъ нелюбія между старцами кирилловскими и іосифовскими довольно ясно даетъ знать, что онъ былъ вызванъ въ Москву уже Васильемъ Ивановичемъ и послѣ смерти Нила, которая случилась 7-го Мая 1508-го года (Прибавлл. къ творр. свв. отцц. X, 505 fin.). Можно думать, что Вассіанъ вызванъ былъ Василіемъ Ивановичемъ въ Москву только уже послѣ смерти Димитрія Ивановича, за котораго онъ пострадалъ, а эта послѣдняя имѣла мѣсто 14-го Февраля 1509-го года.

первоначальное совершенство, должны быть отобраны недвижимыя имѣнія или вотчины [1]).

Одновременно съ тѣмъ, какъ вести противъ вотчиновладѣнія монастырей устную проповѣдь передъ великимъ княземъ и въ средѣ бояръ, Вассіанъ предпринялъ вести противъ него пропаганду письменную. Ученикъ и продолжатель Нила былъ человѣкъ, несомнѣнно, очень умный, надѣленъ былъ весьма важнымъ для публициста и пропагандиста талантомъ остроумія и ѣдкости; но онъ не могъ вести своей письменной пропаганды слишкомъ блистательно потому, что у него не было выработано способности литературнаго изложенія, которое страдаетъ у него отсутствіемъ ясности, отчетливости, складности и послѣдовательности въ изложеніи мыслей, и что какъ большой баринъ онъ не могъ имѣть охоты къ усидчивости въ письменномъ трудѣ. Вассіанъ написалъ три небольшихъ трактата противъ вотчиновладѣнія монастырей [2]). Общія мысли, которыя онъ излагаетъ въ своихъ трактатахъ суть слѣдующія: 1) иноческая жизнь есть та совершенная евангельская жизнь, о которой Спаситель сказалъ: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ...* (Матѳ. 19, 21): она есть всецѣлое отреченіе отъ міра; слѣдовательно, притяжаніе монахами недвижимыхъ имѣній есть нарушеніе ими евангельской заповѣди о совершенной нестяжательности, соблюдать которую они дали добро-

---

[1]) См. въ сочиненіяхъ Вассіана по печатному ихъ изданію, которое указывается въ слѣдующемъ ниже примѣчаніи, стрр. 188 нач., 197, 198, 207 fin..

[2]) Эти трактаты суть: 1) «Слово отвѣтно противъ клевущихъ истину евангельскую и о иноческомъ житіи и о устроеніи церковнѣмъ», 2) «Собраніе Васьяна, ученика Нила Сорскаго, на Іосифа Волоцкаго отъ правилъ святыхъ Никанскихъ отъ многихъ главъ», 3) «Собраніе нѣкоего старца на въспоминаніе своего обѣщанія о отверженіи міра». Послѣдній трактатъ не имѣетъ самостоятельнаго происхожденія, написанъ Вассіаномъ по поводу его Кормчей, о которой сейчасъ ниже, и помѣщенъ въ этой Кормчей. Два первые трактата, имѣющіе самостоятельное происхожденіе, Вассіанъ соединилъ въ одно мѣсто, съ тѣмъ чтобы сдѣлать такъ сказать полное изданіе своихъ сочиненій; онъ предпослалъ этому полному изданію предисловіе и присоединилъ къ нему послѣсловіе или заключительное резюме. Своеобразное полное изданіе сочиненій Вассіана напечатано въ Православномъ Собесѣдникѣ 1863-го года, ч. III, стрр. 102 и 180. Разсужденіе о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами, напечатанное въ Чтеніяхъ Общества Ист. и Древн. 1859-го года кн. 3, котораго собственное названіе: «Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ», вовсе не можетъ быть усвояемо Вассіану, ибо онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы прибѣгать къ подлогу и чтобы ссылаться на какія-то бесѣды Іосифа прекраснаго.

вольный обѣтъ; но «иже не хранятъ своего обѣщанія, симъ святое писаніе муками претитъ, и огню вѣчному (ихъ) предаетъ и отступники ихъ именуетъ и проклятію предаетъ»; 2) обладаніе недвижимыми имѣніями заражаетъ монаховъ страстью сребролюбія, а сребролюбіе, по апостолу (1 Тим. 6, 10), корень всѣмъ злымъ; доказывая, что на монахахъ дѣйствительно сбывается слово апостольское, Вассіанъ изображаетъ, что̀ такое суть наши монахи стяжатели: давъ обѣтъ нестяжательности, они безпрестанно объѣзжаютъ города, чтобы со всевозможнымъ ласкательствомъ и раболѣпствомъ выпрашивать у богатыхъ людей селъ и деревень; въ лицѣ своихъ крестьянъ они обидятъ, грабятъ и бичомъ истязуютъ безъ милости христіанъ—своихъ братій; лихоимствуя по язычески, они отдаютъ въ ростъ за огромные проценты свои деньги и потомъ безъ всякаго милосердія и пощады производятъ взыски съ должниковъ, оказывающихся несостоятельными; они таскаются по судамъ, чтобы тягаться съ бѣдными людьми, которыхъ ссудили деньгами изъ ростовщическихъ побужденій, или чтобы судиться съ сосѣдями о границахъ своихъ селъ и деревень; 3) древніе святые отцы какъ греческіе, такъ и русскіе селъ у монастырей не держали, но жили по евангелію безъ имѣній; если кто давалъ имъ села, то не брали и учили своихъ учениковъ жить по евангелію и по иноческому обѣщанію. Въ своихъ трактатахъ Вассіанъ даетъ отвѣтъ защитникамъ вотчиновладѣнія на то ихъ оправданіе, что вотчины приложили монастырямъ благовѣрные князья о спасеніи своихъ душъ, а также отвѣтъ на то ихъ увѣреніе, что если бы власти послушали его—Вассіановыхъ словъ, то запустѣли бы церкви и монастыри. Въ первомъ случаѣ онъ отвѣчаетъ, что принятіе монахами вотчинъ отъ князей было съ ихъ стороны нарушеніемъ заповѣдей, евангельскихъ, апостольскихъ и отеческихъ,—что благочестивою мыслью князей, прилагавшихъ монастырямъ вотчины было то, чтобы монахи, бывъ обезпечены во всемъ потребномъ и имѣя возможность всецѣло предаваться молитвѣ и безмолвію, избытки доходовъ употребляли на благотворенія нуждающимся, но что монахи, совсѣмъ забывъ благочестивое намѣреніе князей и обративъ его въ посмѣхъ, употребляютъ доходы съ вотчинъ единственно на тучное питаніе самихъ себя и не только не благотворятъ нуждающимся, но и всячески угнетаютъ крестьянъ, живущихъ въ ихъ вотчинахъ. Во второмъ случаѣ онъ отвѣчаетъ, что хочетъ не запустѣнія монастырей, а ихъ возвращенія на первую духовную красоту,—что древніе святые отцы не имѣли вотчинъ, питаясь трудами рукъ своихъ и живя единственно упованіемъ на Бога, и что монашество при нихъ процвѣтало, сіяя всѣмъ своимъ блескомъ.

Вслѣдствіе недостаточнаго раскрытія доказательствъ и неудовлетворительнаго литературнаго ихъ изложенія аргументація Вассіана не дѣйствуетъ на читателя неотразимо убѣдительнымъ образомъ. Но когда онъ изображаетъ монаховъ-вотчинниковъ, съ такимъ же усердіемъ предающихся угнетенію и эксплоатаціи своихъ крестьянъ, какъ это дѣлали худшіе между мірянами, то, грѣша или не грѣша противъ дѣйствительности, онъ рисуетъ своими ѣдкими красками картину, полную отталкивающей яркости.

Основная мысль полемики противъ вотчиновладѣнія монастырей преп. Нила Сорскаго, воспроизводимаго Вассіаномъ, была та, что монашество есть совершенное отреченіе отъ міра и что слѣдовательно притяжаніе монахами вотчинъ есть нарушеніе съ ихъ стороны обѣта этого совершеннаго отреченія. Говоря отвлеченно и, такъ сказать, идеально, это было справедливо. Но дѣйствительность представляла другое: вскорѣ послѣ появленія монашества какъ совершеннаго отреченія отъ міра немощь природы человѣческой заставила допустить такой компромиссъ, чтобы обязательство совершеннаго отреченія, оставаясь во всей силѣ по отношенію къ отдѣльнымъ монахамъ, было отмѣнено въ отношеніи къ монастырямъ, какъ монашескимъ общинамъ. Монастырямъ дозволено было владѣть недвижимыми имѣніями, но съ тѣмъ, чтобы въ нихъ было строгое общежитіе и чтобы монахи не имѣли ничего собственнаго. Это случилось весьма рано, а поэтому и въ житіяхъ древнихъ святыхъ отцовъ говорится, что при нихъ монастыри владѣли вотчинами. Не входя въ полемику съ Ниломъ и Вассіаномъ насчетъ ихъ общаго положенія, что монашество есть совершенное отреченіе отъ міра, защитники вотчиновладѣнія ссылались, какъ на одно изъ положительныхъ доказательствъ въ пользу этого послѣдняго, на то, что древніе святые отцы, какъ свидѣтельствуютъ ихъ житія, владѣли вотчинами. Преп. Нилъ, руководясь заключеніями a priori, нашолъ возможнымъ отвергнуть это доказательство. Разсуждая, что монашество есть обѣтъ совершеннаго отреченія отъ міра и что невозможно допустить, чтобы древніе святые отцы дозволили себѣ нарушеніе этого обѣта, онъ пришелъ къ убѣжденію, что читаемое въ житіяхъ древнихъ отцовъ, будто они владѣли вотчинами, несправедливо написано на нихъ позднѣйшими вотчинолюбцами; а такимъ образомъ и отвѣтъ его на наше доказательство былъ тотъ, что житія лгутъ на древнихъ святыхъ отцовъ. Употребляя это смѣлое опроверженіе, преп. Нилъ говорилъ неправду; однако трудно было и доказать, чтобы онъ говорилъ неправду, ибо у защитниковъ вотчиновладѣнія не достало бы на это научныхъ средствъ. Но если преп. Нилъ, разрубая, такъ сказать, гор-

діевъ узелъ, находилъ возможнымъ дать отвѣтъ на одно положительное доказательство защитниковъ вотчиновладѣнія, то у этихъ послѣднихъ было другое положительное доказательство, на которое отвѣчать было не такъ легко. Книга законовъ церковныхъ или Кормчая въ каноническихъ правилахъ соборовъ и въ помѣщенныхъ въ ней законахъ греческихъ императоровъ, относящихся къ церкви, ясно говорила, что владѣніе недвижимыми имѣніями есть дѣло дозволенное монахамъ: на эту Кормчую и ссылались защитники вотчиновладѣнія послѣ житій древнихъ святыхъ отцовъ. Изслѣдовать Кормчую книгу въ отношеніи къ вопросу о вотчиновладѣніи монастырей и взялъ на себя Вассіанъ. Ему казалось, что нѣкоторыя правила каноническія запрещаютъ монахамъ владѣть вотчинами [1]); на этомъ основаніи онъ долженъ былъ придти къ заключенію, что другія каноническія правила, которыя дозволяютъ монахамъ владѣть селами, суть позднѣйшія и поддѣльныя. Предполагая это, Вассіанъ рѣшился составить свою редакцію Кормчей, или, такъ сказать, свое ея изданіе, въ которомъ бы правила каноническія были очищены отъ позднѣйшихъ вставокъ и поддѣлокъ. Однако, предположеніе Вассіана, что правила каноническія, дозволяющія монахамъ владѣть вотчинами, суть позднѣйшія и поддѣльныя, вовсе не оправдалось. Древнѣйшая славянская Кормчая, которую онъ могъ найти, была Кормчая новгородской св. Софіи, писанная въ концѣ XIII вѣка и находившаяся въ то время въ Москвѣ, въ казнѣ великаго князя [2]). Принимая эту Кормчую еще за неповрежденную и неподдѣланную защитниками вотчиновладѣнія, Вассіанъ и взялъ ее, чтобы воспроизвести изъ ней правила каноническія въ своей редакціи или въ своемъ изданіи Кормчей [3]). Результатъ, который получился отъ воспроизведенія

---

[1]) Въ «Собраніи нѣкоего старца», которое, какъ мы сказали выше, написано Вассіаномъ по поводу Кормчей и помѣщено имъ въ своемъ изданіи этой послѣдней, онъ утверждаетъ, что въ 3 и 4 правилахъ четвертаго вселенскаго собора, 11 и 17 правилахъ седьмаго вселенскаго собора и во 2 правилѣ Кирилла Александрійскаго не велѣно монахамъ вступать въ мірскія дѣла ни въ села ни во что подобное, см. у *Павлова* въ Историческомъ очеркѣ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, стр. 17 fin..

[2]) Она принесена была Иваномъ Васильевичемъ изъ Новгорода въ Москву при покореніи перваго, см. *Ундольскаго* Описаніе славянскихъ рукописей патріаршей библіотеки въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1867-го года, кн. 2, стр. 56 col. 2.

[3]) Воспроизводя въ своей Кормчей правила каноническія изъ софійской Кормчей, Вассіанъ говоритъ, что писалъ первую съ Кормчей Симонова монастыря и еще съ другой Кормчей, принесенной съ Аѳона (приписка на концѣ Кормчей, см. у

былъ тотъ, что въ древней Кормчей правила каноническія читались въ томъ же самомъ видѣ, какъ и въ Кормчихъ позднѣйшихъ, и что въ ней, также какъ и въ этихъ послѣднихъ, находились и тѣ правила, которыми дозволяется монастырямъ владѣть вотчинами. Вассіану удалось въ семъ случаѣ сдѣлать только одно открытіе, которое было не безъ значенія, но которое нисколько не было достаточно для его цѣли. Въ позднѣйшихъ нашихъ Кормчихъ читалось «правило святыхъ отецъ 165-ти 5-го (вселенскаго) собора на обидящихъ церкви Божіи и священныя власти ихъ», въ которомъ угрожается строгими гражданскими наказаніями тѣмъ, кто дерзнулъ бы посягнуть на имущества церковныя и на всякія права и преимущества церкви и духовенства [1]). На это правило ссылался между другими соборъ 1503-го года въ своей выписи, читанной великому князю Ивану Васильевичу. Такъ какъ этого правила не читалось въ софійской Кормчей, то и Вассіанъ не внесъ его въ свою Кормчую, какъ подложное, каковымъ оно и на самомъ дѣлѣ было. Съ другою частью Кормчей книги,—законами греческихъ императоровъ, относящимися къ церкви, Вассіанъ поступилъ очень просто: онъ не признавалъ ихъ обязательнаго авторитета и, считая эту ихъ неавторитетность за нѣчто доказанное или не требующее доказательствъ, онъ безъ всякихъ оговорокъ не далъ имъ мѣста въ своей Кормчей. Такимъ образомъ, предпринятое Вассіаномъ изданіе собственной Кормчей, вопреки надеждамъ, которыя онъ питалъ, привело его только къ печальному убѣжденію, что правы были защитники вотчиновладѣнія, когда ссылались на правила каноническія [2]).

преосв. Макарія, VIII, 150 прим.). Это нужно понимать такъ, что изъ двухъ называемыхъ имъ Кормчихъ онъ взялъ планъ изложенія правилъ, которыя приводятся у него не въ хронологическомъ порядкѣ соборовъ, какъ въ софійской Кормчей, а въ систематическомъ порядкѣ ихъ содержанія по титламъ и главамъ титлъ Фотіевымъ.

[1]) См. его у *Павл.* въ Памм. № 15.

[2]) Кормчая, составленная Вассіаномъ, возбуждаетъ весьма недоумѣнный вопросъ. Ему нужно было дознаться, читаются или не читаются въ древнихъ нашихъ Кормчихъ извѣстныя правила каноническія, и вмѣсто того, чтобы сдѣлать простую справку въ Кормчихъ, онъ предпринимаетъ составленіе своей Кормчей: для чего это? На вопросъ пока мы не въ состояніи ничего отвѣчать, кромѣ того, что иные люди имѣютъ обычай дѣлать не такъ, какъ бы сдѣлали всѣ другіе, и что вмѣсто того, чтобы пройти версту прямо, дѣлаютъ десять верстъ обходу (Думать, чтобы помимо преслѣдованія своей спеціальной цѣли, Вассіанъ считалъ желательною замѣну хронологическаго изложенія правилъ соборныхъ систематическимъ вообще для удобства

Если бы Вассіанъ долженъ былъ остаться при этомъ убѣжденіи, то ему оставалось бы ухитряться объяснять правила такъ, чтобы онѣ не служили въ защиту нашего русскаго вотчиновладѣнія. Попытку онъ и сдѣлалъ было [1]). Но случилось такъ, что онъ приведенъ былъ къ убѣжденію въ поврежденности и древнихъ нашихъ, т.-е. существовавшихъ у насъ въ славянскомъ переводѣ, правилъ. Онъ окончилъ свой, напрасный по отношенію къ его цѣли, трудъ составленія своей новой Кормчей въ 1517-мъ году. Черезъ годъ прибылъ въ Россію знаменитый Максимъ Грекъ, съ которымъ нашъ противникъ вотчиновладѣнія монастырей тотчасъ же завязалъ знакомство, скоро перешедшее въ тѣсное дружество. Къ многоученому Греку Вассіанъ поспѣшилъ обратиться съ справкою о каноническихъ правилахъ, дозволяющихъ владѣть монастырямъ недвижимыми имѣніями, именно—о 24 правилѣ четвертаго вселенскаго собора и о 12 и 18 правилахъ седьмаго вселенскаго собора. Изъ справки оказалось, что существовавшій у насъ славянскій переводъ правилъ былъ невѣренъ: въ 12 правилѣ седьмаго вселенскаго собора принадлежащія епископамъ и монастырямъ недвижимыя имѣнія обозначаются по гречески словомъ ἀγρός, что значитъ поле, тогда какъ у насъ оно переведено было словомъ: село, что́ въ

пользованія Кормчей, вовсе не представляется вѣроятнымъ, ибо нѣтъ никакихъ основаній усвоять ему общихъ заботъ объ удобствѣ пользованія Кормчей, а если взятъ имъ новый планъ расположенія правилъ, то, нужно предполагать, потому, что онъ какимъ-то образомъ находилъ послѣдній предпочтительнымъ для его спеціальной цѣли).—Оглавленіе Вассіановой Кормчей, которой извѣстно въ настоящее время пять списковъ, не совершенно между собою согласныхъ: по списку Румянцевскаго Музея—у *Восток.* въ Опис. Музея, №. CCXXXVI, стр. 313; по списку Публичной Библіотеки—у *преосв. Макарія* въ Ист., т. VIII, стр. 150, прим. 185; по списку суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря—въ Описаніи рукописей монастыря, составленномъ г. *Шляпкинымъ* и напечатанномъ въ IV-мъ выпускѣ Памятниковъ древней письменности (Спб. 1880), № 16, стр. 53 fin. (Остальные два списка находятся: въ московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ московскомъ Публичномъ Музеѣ, въ собраніи Пискарева).

[1]) Окончивъ въ своей Кормчей оглавленіе граней (титлъ) номоканона Фотіева, Вассіанъ сдѣлалъ замѣчаніе относительно 11-й грани (титла), въ которой о монастыряхъ и монахахъ: «по сей грани 11-й аще именуются села монастырскіе въ правилѣхъ, но не инокомъ повелѣваетъ ими владѣти, но данныа имъ села отъ съборныя церкви епископомъ ихъ хранятся отъ съборныя церкви икономомъ и окормляются отъ него всякими потребами повелѣніемъ отъ епископа ихъ или милостынею отъ христолюбцовъ, аще не довлѣется своимъ рукодѣліемъ» (у *преосв. Макарія*, VIII, 154, прим.).

Вассіаново время было понимаемо въ смыслѣ селенія, населеннаго мѣста, деревни (тутъ была не неправильность перевода, а двусмысліе, произведенное временемъ: когда переводимы были правила, слово «село» значило поле, а потомъ оно начало быть употребляемо въ смыслѣ селенія); въ 18 правилѣ того же собора помянутыя имѣнія обозначены по гречески словомъ προάστεια, что̀ Максимъ перевелъ словами: «приградіе сельное», каковыя слова по толкованію Вассіана означали пашни и винограды, а не села съ житейскими христіанами, тогда какъ у насъ въ переводѣ опять стояло слово: се́ла, понимавшееся въ сейчасъ указанномъ смыслѣ [1]). Открытіе Вассіана, что въ греческомъ подлинникѣ занимавшихъ его правилъ говорится не о селахъ, населенныхъ крестьянами, было собственно мнимое, ибо Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на 12 правило седьмаго вселенскаго собора, которое переведено было для него Максимомъ вмѣстѣ съ правиломъ, ясно говоритъ, что подъ проастіями должно разумѣть не только пашни и виноградники, которые бы обработывали монахи собственными руками, но и сельскія усадьбы съ поселенными на нихъ крестьянами (холопами [2]): но Вассіанъ поспѣшилъ провозгласить, что въ греческой Кормчей, находящейся въ московской соборной церкви и привезенной митр. Фотіемъ, съ которой Максимъ переводилъ для него правила, селъ у монастырей не велѣно держать и что въ нашей русской Кормчей вѣроятно кто нибудь приписалъ къ правиламъ, что монастырямъ держать села [3]). Впрочемъ, Вассіанъ не отважился на то, чтобы исправить пе-

---

[1]) См. у *Павлова* О секуляризаціи, стр. 74 sqq, и у *преосв. Макарія*. VIII, 154 sqq.

[2]) «Приградіе сельное, аще насельникы обитаемо вновѣ, доброприходно будетъ, сего убо ради доброприходіа да не продается»,—у *преосв Макарія*. VIII. 155 fin.; въ подлинникѣ: τὸ ἐξώχωρον προάστειον, ἐὰν εὐπρόσοδον καταστῇ, ὡς διὰ παροίκων οἰκισθὲν ἐκ νέου, τοῦτο μὲν τὸ ἐξώχωρον, διὰ τὸ εὐπρόσοδον, οὐκ ἐκποιηθήσεται,—у *Ралли* и *П.* II, 595 (сельское имѣніе, если станетъ доходнымъ, бывъ изнова населено крестьянами [холопами], то таковое сельское имѣніе, ради его доходности, да не отчуждается, т. е. если сельское имѣніе, дотолѣ не населенное и не обработыванное, а поэтому и бездоходное, будетъ населено и будетъ обработываться и такимъ образомъ станетъ доходнымъ, то...).

[3]) Вассіанъ провозглашаетъ это въ «Собраніи нѣкоего старца», которое, какъ говорили мы, помѣщено имъ въ его Кормчей, см. у *Павлова* О секуляризаціи стр. 74.—И въ современной Вассіану греческой Кормчей было тоже самое, что̀ въ Фотіевой: но онъ не ссылается вообще на греческую Кормчую, при чемъ разумѣлась бы современная, а именно на Фотіеву, потому что современная Вассіану греческая Кормчая не имѣла авторитета въ глазахъ Русскихъ.

реводъ спорныхъ правилъ въ самомъ текстѣ своей Кормчей сообразно съ тѣмъ, какъ перевелъ ихъ Максимъ. Онъ только сдѣлалъ относительно сего на концѣ своей Кормчей оговорку, которая читается: «есть въ святыхъ правилѣхъ (подразумѣвается—по славянскому ихъ переводу) супротивно святому евангелію и апостолу и всѣхъ святыхъ отецъ жительству, но не смѣхъ сего (исправленія супротивнаго) на своей души положити». Далѣе онъ говоритъ, что возвѣщалъ о семъ митрополиту Варлааму и всему священному собору и что митрополитъ съ соборомъ не велѣли ему ничего выставливати (выкидывать изъ правилъ), сказавъ: «кто цѣломудръ разумъ имѣетъ, лучшаго держится, еже есть по Бозѣ, такоже и мы хотимъ и благословляемъ» [1]).

Счастіе защитниковъ монастырскаго вотчиновладѣнія, что Вассіанъ не зналъ посланія митр. Кипріана къ Аѳанасію Высотскому, въ которомъ этотъ говоритъ, что «еже села и люди держати инокомъ, не предано есть святыми отци», и съ настоятельностію представляетъ Аѳанасію, что «пагуба черньцемъ селы владѣти и тамо частая происхожденіа творити» [2]). Иначе онъ—Вассіанъ, такъ сказать, носился бы съ этимъ посланіемъ, и защитникомъ монастырскаго вотчиновладѣнія далеко не легко было бы отстранить неожиданнаго, въ одно и то же время и позднѣйшаго и весьма авторитетнаго, ихъ противника.

О преп. Нилѣ извѣстія говорятъ, что онъ сдѣлалъ собору 1503-го года предложеніе, чтобы у монастырей не было вотчинъ, но не говорятъ того, что его требованіе, ограничиваясь именно только монастырями, не простиралось на вотчины епископскихъ каѳедръ и вообще мірскихъ церквей. Вассіанъ прямо заявляетъ это о себѣ, называя клеветой его противниковъ то, будто онъ велитъ государю отнимать села не только у монастырей, но и у мірскихъ церквей. Однако, и по отношенію къ вотчинамъ епископскихъ каѳедръ онъ предъявляетъ очень важныя требованія. Онъ говоритъ, что вотчины эти (согласно канонамъ церковнымъ) должны быть «благоугоднѣ» вѣдаемы нарочито поставленными на сіе икономами,—что изъ доходовъ, которые получаются съ нихъ, епископы должны употреблять на себя только возможно скромную часть и что все излишнее за тѣмъ, «съ епископля доклада и съ всего освященнаго собора поповъ его», употреблять иконому на вспоможеніе нуждающимся причетникамъ и на благотворенія нищимъ и убогимъ, вдовамъ и сиротамъ и приходящимъ странникамъ и на искупленіе плѣнныхъ. При этомъ Вассіанъ рѣзко обличаетъ современныхъ

---

[1]) У *преосв. Макарія*, VIII, 156.

[2]) Акт. Ист. т. I, стр. 479 fin., въ Памятнн. *Павл.* col. 263.

ему епископовъ русскихъ, которые, по его словамъ, вовсе не помышляя о благотвореніяхъ, иждивали всѣ доходы своихъ каѳедръ на то, что умышляли себѣ несытно безчисленные образы одеждъ и пищь, и которые для умноженія своихъ доходовъ занимались ростовщичествомъ, столько же не милостиво поступая съ должниками, какъ и всякіе другіе ростовщики [1]).

Одновременно съ полемикой письменной, какъ мы говорили, Вассіанъ велъ устную пропаганду среди боярства. Такъ какъ въ живой рѣчи онъ былъ невоздерженъ на языкъ до самой крайней степени и до совершенной необузданности и такъ какъ этотъ языкъ его былъ очень острый и при его наклонности къ вульгарной прямотѣ въ выраженіяхъ очень сильный: то нѣтъ сомнѣнія, что въ устной пропагандѣ онъ разилъ и бичевалъ своихъ противниковъ и язвительными обличеніями и площадною бранью столько, сколько могли это сносить человѣческіе слухи. Понятно, что и противники его должны были питать къ нему самую ожесточенную ненависть. Но они ничего не могли ему сдѣлать, потому что онъ находился подъ защитой великаго князя, который видѣлъ свой расчетъ въ томъ, чтобы предоставлять свободу его перу и языку. Во главѣ противниковъ нашего пропагандиста нестяжательности оставался до 1515-го года противникъНиловъ преп. Іосифъ Волоколамскій († 9-го Сентября 1515-го года), и Вассіанъ нещадно поносилъ его личнымъ образомъ, такъ какъ ненавидѣлъ его не только какъ противника, но въ своемъ оскорбленномъ самолюбіи и какъ человѣка, который одержалъ верхъ надъ нимъ передъ великимъ княземъ по дѣлу объ еретикахъ каявшихся. Іосифъ былъ бы въ состояніи отвѣчать и на полемику и на брань Вассіана, и что касается до полемики, то онъ былъ способенъ къ ней въ безконечной степени болѣе, чѣмъ послѣдній. Нѣтъ сомнѣнія, что Іосифъ имѣлъ и величайшее желаніе писать въ защиту вотчиновладѣнія, чтобы побороть и уничтожить Вассіана положительными доказательствами. И однако онъ былъ связанъ. Вассіанъ упоминаетъ о какомъ-то писаніи противъ него Іосифа по вопросу о вотчиновладѣніи [2]); но вѣроятно, это было частное письмо къ кому нибудь въ Москву; что же касается до писаній публичныхъ, то, какъ оказывается изъ одного письма Іосифа, воля великаго князя (хотя онъ былъ столько же приближенный къ послѣднему человѣкъ, только съ другой стороны) налагала на его

---

[1]) Православн. Собесѣдн. 1863 г., ч. III, стрр. 192 sqq, 207.

[2]) Ibid. стр. 188

уста печать молчанія [1]). Такимъ образомъ, государственныя соображенія великаго князя предоставляли Вассіану полную свободу писать и говорить. Такъ какъ ни онъ не былъ посвященъ въ эти соображенія, ни его противники: то весьма вѣроятно думать, что онъ питался надеждой побороть нерѣшительность великаго князя и заставить его отобрать у монастырей вотчины, а противники въ свою очередь опасались возможности такого дѣянія со стороны великаго князя.

Если великій князь предоставилъ Вассіану свободу писать и говорить противъ вотчиновладѣнія монастырей по своимъ государственнымъ разсчетамъ, то относительно митр. Варлаама есть нѣкоторыя основанія думать, что онъ былъ въ семъ случаѣ сторонникомъ Вассіана по своимъ убѣжденіямъ. Послѣдній говоритъ, что предпринялъ составленіе своей новой редакціи Кормчей по благословенію митрополита Варлаама [2]), и потомъ, что встрѣтивъ недоумѣніе относительно нѣкоторыхъ каноническихъ правилъ дѣлалъ докладъ о нихъ митрополиту и всему священному собору [3]). Чтобы Вассіанъ говорилъ неправду, это нельзя допустить: сейчасъ указанное онъ утверждаетъ и сообщаетъ въ записяхъ, читаемыхъ въ самой его Кормчей, а Кормчая была не только начата, но и окончена имъ въ бытность Варлаама на каѳедрѣ митрополичьей, тако что онъ лгалъ бы на митрополита такъ сказать въ присутствіи его самого [4]). Но въ новой редакціи Кормчей, которую

---

[1]) См. письмо преп. Іосифа къ Василію Андреевичу Челяднину (у *Хрущова* стр. 260), котораго Іосифъ проситъ исходатайствовать ему у государя дозволеніе говорить и писать противъ Вассіана. Іосифъ желалъ получить дозволеніе писать противъ Вассіана затѣмъ, чтобы отвѣчать на укоризну послѣдняго, будто онъ—Іосифъ, запрещая принимать кающихся еретиковъ, уподоблялся еретику Новату. Но изъ письма видно, что онъ и вообще не могъ писать противъ Вассіана.—Есть статья преп. Іосифа, носящая заглавіе: «Яко не подобаетъ святымъ Божіимъ церквамъ и монастырямъ обиды и насиліе творити и въсхыщати именіа и стяжаніа ихъ», которая читается въ Волоколамск. ркп. Моск. Дух. Академіи № 659, лл. 532—566, и содержаніе которой передается въ Историческомъ очеркѣ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи *А. С. Павлова*, стрр. 55—59. Но статья направлена не противъ Вассіана, который отрицалъ право монастырей владѣть вотчинами, а противъ волоколамскаго князя Ѳедора Борисовича и подобныхъ ему, которые, не отрицая права монастырей владѣть вотчинами, только посягали (и присвояли себѣ право посягать) на монастырскія имущества.

[2]) У *преосв. Макарія*, VIII, 150 прим.

[3]) См. выше.

[4]) Что Кормчая дѣйствительно окончена Вассіаномъ въ 1517-мъ году, какъ онъ говоритъ въ приписи къ ней, это подтверждаютъ свидѣтельства, сдѣланныя

предпринялъ составить Вассіанъ, не было никакой общецерковной нужды и единственнымъ побужденіемъ, которымъ онъ водился въ семъ случаѣ, должна быть считаема его надежда открыть и доказать, что читавшіяся въ позднѣйшихъ нашихъ Кормчихъ каноническія правила, которыми дозволяется монахамъ владѣніе вотчинами, суть поддѣльныя. Трудно допустить, чтобы для митрополита могло составлять секретъ это побужденіе; но если онъ благословилъ трудъ, предпринятый по такому побужденію, то можно подозрѣвать, что онъ сочувственно относился къ самому побужденію, ибо иначе, не будучи въ состояніи остановить Вассіана своимъ неблагословеніемъ и запрещеніемъ, онъ могъ отказать ему въ благословеніи. Далѣе мы знаемъ, что къ числу главныхъ друзей и совѣтниковъ Вассіана принадлежалъ старецъ митрополита Варлаама по имени тоже Вассіанъ [1]). Если бы митрополитъ былъ врагомъ Вассіана, то едва ли бы онъ сталъ терпѣть при себѣ старца, который былъ однимъ изъ главныхъ его друзей. Наконецъ, и характеръ митр. Варлаама, насколько мы его знаемъ и о чемъ ниже, даетъ нѣкоторыя основанія предполагать въ немъ человѣка, близкаго по образу мыслей къ преп. Нилу Сорскому.

Обращаемся къ другому дѣятелю времени митр. Варлаама преп. Максиму Греку.

Преп. Максимъ есть въ нашей церковной исторіи лицо — съ одной стороны, совершенно случайное, а съ другой стороны—сколько знаменитое въ ней самой, столько же важное и по отношенію къ ея наукѣ. Великій князь Василій Ивановичъ и митр. Варлаамъ пожелали имѣть въ славянскомъ переводѣ одну греческую книгу. У насъ на Москвѣ вовсе не было въ то время людей, способныхъ совершить желаемый переводъ; поэтому обратились за переводчикомъ на Аѳонъ, вслѣдствіе чего и былъ присланъ оттуда Максимъ. Если бы, совершивъ переводъ, Максимъ тотчасъ же возвратился назадъ, какъ предполагалось, то онъ не имѣлъ бы ровно никакого значенія въ исторіи нашей церкви. Въ предисловіи или въ послѣсловіи къ переведенной имъ книгѣ читалось бы, что книга переведена въ такомъ-то году такимъ-то аѳонскимъ монахомъ, и этимъ бы кончилось все дѣло. Но послѣ перевода книги Максимъ оставленъ былъ въ Москвѣ и потомъ остался у насъ на всегда,—и онъ сталъ нашимъ церковно-историче-

противъ него на соборѣ 1531-го года,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-го года. № 9, Преніе Даніила съ Вассіаномъ, стр. 2 col. 2.

[1]) Сейчасъ указанное преніе, стр. 2, col. 2 sub fin..

скимъ дѣятелемъ. Человѣкъ блестяще талантливый и высоко-образованный въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, онъ имѣлъ спеціальную врожденную наклонность къ дѣятельности пророка или публициста—обличителя, и его знаменитость какъ нашего дѣятеля состоитъ въ томъ, что онъ, среди многообразной учительности, выступилъ небоязненнымъ и горячимъ обличителемъ и бичевателемъ религіозно-нравственныхъ пороковъ современнаго ему русскаго общества,—что онъ явился у насъ проповѣдникомъ истиннаго христіанства противъ фарисейства внѣшней набожности, которое онъ у насъ нашелъ. Для науки русской церковной исторіи Максимъ весьма важенъ тѣмъ, что въ своихъ обличительныхъ писаніяхъ онъ далъ ей такое яркое изображеніе нравственной физіономіи современнаго ему русскаго общества, какого мы напрасно искали бы у писателей природно-русскихъ. Никто самъ въ себѣ не замѣчаетъ своихъ особенностей, по каковой причинѣ и эти послѣдніе писатели не въ состояніи были видѣть особенностей нравственнаго облика современнаго имъ русскаго общества. Для этого нуженъ былъ сторонній способный наблюдатель,—и таковъ именно былъ преп. Максимъ, наблюдатель въ высшей степени способный.

Наши біографическія свѣдѣнія о Максимѣ за время его жизни до прибытія въ Россію очень скудны. Составлено у насъ нѣсколько сказаній о немъ, но уже послѣ, или даже много послѣ его смерти и людьми, которые ничего не знали о домосковскомъ періодѣ его жизни [1]). Читается въ нашихъ рукописяхъ замѣтка о родинѣ и родителяхъ его, сдѣланная неизвѣстнымъ современникомъ и внесенная и въ сказанія о немъ, которая есть слѣдующая: «Максимово Греково рожденіе отъ града Арты, отца Мануила и Ирины, христіанѣхъ Грекахъ философѣхъ» [1]). Затѣмъ, другой, извѣстный, современникъ Максима и близкій его знакомый, именно—монахъ Троицкаго Сергіева монастыря Нилъ Курля-

---

[1]) Тщательный розыскъ сказаній и извѣстій о Максимѣ предпринятъ въ последнее время С. А. Бѣлокуровымъ, и всѣ сказанія (съ прежними одно вновь найденное), вмѣстѣ со всѣми извѣстіями о Максимѣ, напечатаны имъ въ приложеніяхъ къ его изслѣдованію, которое носитъ заглавіе: «О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи» (Москва, 1898).

[1]) Замѣтка неизвѣстнаго современника въ отдѣльномъ видѣ читается въ Троицкой Лаврской ркп. № 200, л. 14, въ ркп. Моск. Дух. Академіи № 153, передній бѣлый листъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ рукописяхъ, см. у *Бѣлокурова*, idid., приложж. стр. CCXXXVIII.

тевъ, называетъ его сыномъ воеводскимъ [1]). Названіе: философы, усвояемое родителямъ Максима, нужно понимать или такъ, что они были люди образованные, или такъ, что они были люди благочестивые, или же то и другое вмѣстѣ. Вслѣдъ за порабощеніемъ турецкимъ, когда родился Максимъ [2]), у Грековъ не стало воеводъ въ собственномъ смыслѣ, а поэтому и названіе воеводы, усвояемое его отцу, должно быть понимаемо въ томъ несобственномъ смыслѣ, что онъ принадлежалъ къ классу людей благородныхъ. Рожденіе Максима приблизительно должно быть относимо къ году 1475-му [3]). Послѣ немногихъ свѣдѣній о немъ, которыя сообщаютъ наши современныя записи, мы узнаемъ изъ собственныхъ его сочиненій, что юность свою онъ провелъ въ Италіи для изученія наукъ. Надѣленный исключительно блестящими способностями, Максимъ не въ состояніи былъ довольствоваться тѣмъ обученіемъ, которое могъ получить въ домѣ родительскомъ, и долженъ былъ чувствовать потребность въ настоящемъ и высшемъ образованіи. Очень возможно, что его отецъ былъ человѣкъ богатый и былъ въ состояніи доставить ему средства искать высшаго образованія; но не невозможно и то, что онъ принадлежалъ къ числу искателей просвѣщенія, которыхъ не останавливаетъ никакая бѣдность. Максимъ желалъ себѣ высшаго образованія не западно-европейскаго схоластическаго, а своего греческаго филологическо-философскаго, но онъ долженъ былъ отправиться не въ Константинополь или какое нибудь другое мѣсто собственной Греціи, а въ Италію, потому, что въ то время представители греческаго образованія находились именно въ

---

[1]) Нилъ Курлятевъ называетъ Максима сыномъ воеводскимъ («сей убо Максимъ сынъ воеводскый былъ») въ послѣсловіи къ исправленному для него Максимомъ переводу псалтыри. см. это послѣсловіе въ Описаніи рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи, ч. I, стр. 19. № 13, л. 299.

[2]) Максимъ родился около 1475-го года, о чемъ сейчасъ, а его родина— городъ Арта, принадлежавшій не къ имперіи константинопольской, а къ особому княжеству эпирскому, взятъ былъ Турками 24-го Марта 1449-го года.

[3]) Максимъ засталъ во Флоренціи живымъ Іеронима Саванаролу, который сожженъ былъ 23-го Мая 1498-го года. Судя по тому глубокому впечатлѣнію, которое произвелъ на него послѣдній (см. ниже), должно думать, что онъ видѣлъ его болѣе чѣмъ 20-лѣтнимъ юношей. Максимъ умеръ у Троицы въ 1556-мъ году, и князь Курбскій, видѣвшій его здѣсь въ 1553-мъ году, говоритъ, что онъ былъ «ужъ въ лѣтѣхъ превосходныя старости умащенъ» (Сказанія Курбск., 2 изд. стр. 39 fin.), т.-е. даетъ основаніе предполагать, что онъ приблизительно находился въ 80-лѣтней старости.

послѣдней. Въ Италіи, начиная съ первой половины XIV вѣка, пробудилась горячая страсть къ изученію остававшейся дотолѣ совершенно забытою на Западѣ греческой классической литературы, имѣвшая своимъ великимъ слѣдствіемъ для этого Запада такъ называемое возрожденіе наукъ. Въ страну, возгорѣвшуюся энтусіазмомъ къ эллинизму, греческіе ученые начали переселяться изъ своего несчастнаго отечества еще до взятія Константинополя Турками, а когда случилось это послѣднее событіе, и когда насталъ день ужаснаго бѣгства для всѣхъ Грековъ, то развѣ только весьма немногіе изъ нихъ не захотѣли бѣжать въ Италію, чтобы спасаться отъ меча и деспотизма варваровъ. Но если и можно было находить въ самой Греціи одинокихъ немногихъ ученыхъ, которые хотѣли оставаться въ отечествѣ и сполна порабощенномъ Турками, то всякій Грекъ, желавшій возможно хорошаго греческаго образованія, долженъ былъ стремиться не къ нимъ, а въ Италію. Необходимое условіе образованія составляли библіотеки рукописей; но тогда какъ одинокіе ученые, оставшіеся въ самой Греціи, могли обладать только ничтожными библіотеками, главнѣйшіе города Италіи, въ которыхъ сосредоточивалось образованіе, устрояли общественныя библіотеки греческихъ рукописей, ревностнѣйшимъ образомъ собирая ихъ отовсюду, не щадя для этого никакихъ средствъ и усилій и разсылая для ихъ пріобрѣтенія и собиранія нарочныхъ агентовъ по всей Греціи. Наконецъ, Италія была страна европейски-свободная, а надъ Греціей отяготѣлъ деспотизмъ страшнаго варвара: какой же искатель науки не предпочелъ бы того, чтобы пріобрѣтать ее, пользуясь благословеннымъ воздухомъ свободы, а не задыхаясь въ удушающей атмосѳерѣ деспотизма?

Совершенно обстоятельныхъ свѣдѣній о пребываніи Максима въ Италіи, съ цѣлію изученія греческой науки, мы не имѣемъ. Онъ говоритъ, что прожилъ въ ней «время довольно» [1]): не безъ вѣроятности можно простирать это довольное время до 10-ти лѣтъ, полагая крайними предѣлами 1495 и 1505-й годы [2]). Онъ говоритъ, что учился у знаменитыхъ учителей [3]); но у какихъ именно, это остается неиз-

---

[1]) Сочиненій Максима Грека Казанск. изд. III, 123.

[2]) Что Максимъ началъ учиться наукамъ «отъ младыя юности», это говорятъ Ватопедскіе монахи въ посланіи о немъ къ митр. Варлааму.—Акт. Ист. т. 1, № 123, стр. 176 col. 1 fin..

[3]) Въ посвятительномъ посланіи великому князю Василію Ивановичу, при которомъ представилъ ему переводъ Толковой псалтыри, см. Прибавл. къ творр. свв. отцц. XVIII, 184.

вѣстнымъ. Онъ упоминаетъ города Италіи, въ которыхъ жилъ во время пребыванія въ ней: Венецію [1]), Падую [2]), Флоренцію [3]), Феррару [4]) и Миланъ [5]). Можно съ нѣкоторою вѣроятностію предполагать, что Максимъ главнымъ образомъ учился въ Падуѣ, ибо здѣшній университетъ былъ обычнымъ мѣстомъ ученія для послѣдующихъ Грековъ. Во время бытности Максима въ Италіи каѳедру греческой филологіи и философіи занималъ въ Падуанскомъ университетѣ его соотечественникъ—эпиротъ по происхожденію Николай (Лаоникъ) Томей (Τομαῖος), который извѣстенъ тѣмъ, что въ философіи не былъ другомъ Платона противъ Аристотеля или на оборотъ, какъ это было тогда обычно, но одинаково уважалъ обоихъ великихъ философовъ, и которому усвояется та слава, что онъ первый преподавалъ на Западѣ Аристотеля въ его подлинномъ видѣ, освобожденнаго отъ искаженій, которыя онъ потерпѣлъ въ обработкѣ Арабовъ и схоластиковъ [6]). Миланъ въ Ломбардіи могъ посѣтить Максимъ за тѣмъ, чтобы слушать уроки у знаменитаго Димитрія Халкондила, который былъ профессоромъ греческаго языка при дворѣ миланскаго герцога Людовика Сфорцы и о которомъ современники отзываются такъ, что онъ былъ Graecorum (eruditorum) suae aetatis и Atticae eloquentiae facile princeps [7]). Во Флоренціи Максимъ долженъ былъ прожить болѣе или менѣе продолжительное время, во-первыхъ, потому, что здѣсь былъ центръ греческаго классицизма, ибо здѣсь впервые пробудилась любовь къ нему и здѣсь подъ покровительствомъ знаменитыхъ Медичисовъ, сдѣлавшихъ изъ Флоренціи вторыя Аѳины, его изученіе достигло болѣе высокой степени совершенства, чѣмъ гдѣ либо въ Италіи [8]); во-вторыхъ, для того, чтобы пользо-

---

[1]) См. сейчасъ ниже.

[2]) Сочиненій Казанск. изд. I, 463 fin..

[3]) Ibid. III, 194 sqq..

[4]) Ibid. I, 463.

[5]) Ibid. I, 427 и 463 (Лонгобардія).

[6]) См. *Саѳы* Νεοελλην. Φιλολογίαν, стр. 92.

[7]) У *Саѳы* ibid. стр. 64.

[8]) Въ знаменитой Платоновой Академіи, основанной съ цѣлью изученія греческой филологіи и философіи Козмою Медичисомъ около 1440-го года, въ Максимово время, какъ кажется, не было знаменитыхъ профессоровъ изъ Грековъ: но были знаменитые профессора изъ самихъ итальянцевъ: Ангелъ Поліціанъ, о которомъ говоритъ Максимъ (Казанск. изд. I, 463 fin.), но котораго, вѣроятно, онъ уже не захватилъ въ живыхъ († 1494), и Марсилій Фицинъ, котораго онъ еще могъ застать живымъ († 1499).

ваться здѣшнею библіотекою греческихъ рукописей, которая, бывъ собрана усерднѣйшими стараніями тѣхъ же Медичисовъ, не только относительнымъ образомъ была лучшею, чѣмъ гдѣ либо въ Италіи, но и безъотносительно представляла изъ себя настоящую сокровищницу. Въ Венеціи, подъ конецъ своего пребыванія въ Италіи, Максимъ долженъ былъ слушать уроки у знаменитаго Яна Ласкариса, который въ 1503-мъ году прибылъ сюда въ качествѣ посла французскаго короля Людовика XII [1]. По одному поводу Максимъ говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ, что во время своего пребыванія въ Венеціи онъ зналъ тамошняго знаменитаго типографа Альда Мануччи (1494—1515) и «къ нему часто хаживалъ книжнымъ дѣломъ» [2]. Извѣстно, что Альдъ Мануччи не только печаталъ греческихъ классиковъ, но и тщательно исправлялъ ихъ текстъ посредствомъ сличенія рукописей и посредствомъ употребленія въ дѣло филологическаго знанія, для каковой работы при его типографіи состояло цѣлое общество ученыхъ. Очень можетъ быть, что слова Максима: «часто хаживалъ къ нему книжнымъ дѣломъ» нужно понимать въ томъ смыслѣ, что онъ принималъ нѣкоторое участіе въ трудахъ помянутаго общества. Нигдѣ не говоритъ Максимъ въ своихъ сочиненіяхъ, чтобы онъ былъ въ Римѣ; и со всею вѣроятностію нужно думать, что онъ не былъ въ немъ. Въ бóльшую часть времени его пребыванія въ Италіи сидѣлъ на папскомъ престолѣ Александръ VI, Борджія (1492—1503), наихудшій и безнравственнѣйшій изъ всѣхъ папъ, незаконный отецъ пятерыхъ дѣтей и въ томъ числѣ знаменитыхъ Цезаря и Лукреціи Борджіевъ. Не могло быть у Максима охоты видѣть этого папу, о которомъ онъ отзывается, что «всякимъ неправдованіемъ и злобою (онъ) превзыде всякаго законопреступника» [3].

---

[1]) Курбскій, по его увѣреніямъ—со словъ Максима, говоритъ, что послѣдній учился философіи у славнаго Іоанна Ласкаря въ Паризіи,—Сказанн. 2 изд. стр. 296. Но такъ какъ самъ Максимъ ясно даетъ знать, что онъ не былъ въ Парижѣ и знаетъ о немъ только по слуху,—Казанск. изд. III, 179 sub fin.: то необходимо думать, что Курбскій не совсѣмъ понялъ Максима и что у парижскаго профессора онъ учился не въ самомъ Парижѣ, а именно въ Венеціи.

[2]) Въ письмѣ къ князю Василію Михайловичу (вѣроятно Верейскому, который женатъ былъ на племянницѣ вел. княгини Софьи Ѳоминишны, дочери ея брата Андрея) съ объясненіемъ лицевой виньетки на книгахъ, печатанныхъ Мануччіемъ, состоявшей изъ якоря и рыбы,—см. *Востокъ*. Опис. Румянц. Муз. № 254 л. 99, стр. 369, и у *Строева* въ Библіолог. Словарѣ. стр. 206.

[3]) Казанск. изд. III, 201 fin.. Ibid. I, 239: говоря прямо о Римѣ, не говоритъ, чтобы былъ въ немъ.

Чему именно учился Максимъ въ Италіи у греческихъ учителей, объ этомъ онъ не говоритъ обстоятельно въ своихъ сочиненіяхъ, потому что говорить объ этомъ у насъ въ Россіи ему не представлялось поводовъ. А priori необходимо думать, что онъ учился греческой классической филологіи, разумѣя подъ этимъ словомъ изученіе классическаго языка и классической литературы, и греческой классической платоново-аристотелевой философіи. Можетъ быть, уже во время пребыванія въ Италіи Максимъ изучалъ отчасти и богословіе, но во всякомъ случаѣ частнымъ образомъ, посредствомъ собственнаго чтенія отцовъ, ибо въ Италіи греческое богословіе не преподавалось съ каѳедръ. До какой степени онъ сталъ совершеннымъ ученымъ въ томъ, чему онъ учился, мы не можемъ сказать ничего положительнаго, такъ какъ у насъ въ Россіи его филологическо-философская ученость осталась подъ спудомъ и безъ всякаго приложенія. Но заключая отъ того, что мы знаемъ о немъ, необходимо думать, что, при своихъ талантахъ и своемъ прилежаніи, онъ образовалъ изъ себя такого ученаго, который занялъ бы одно изъ наипочтеннѣйшихъ мѣстъ среди тогдашнихъ греческихъ филолого-философовъ, если бы послѣ ученія вступилъ въ рядъ послѣднихъ въ качествѣ учителя.

Современная Максиму ученая и неученая Италія была страной ужаснаго безвѣрія и вмѣстѣ съ тѣмъ страшнаго суевѣрія. Римскіе папы съ своими священными коллегіями кардиналовъ, въ теченіе вѣковъ являвшіе изъ себя зрѣлище самое позорное, вѣроятно—дѣлая заключеніе отъ самихъ себя, что если бы христіанство было вѣрою истинною, то Богъ не терпѣлъ бы на ихъ мѣстахъ людей столько недостойныхъ, первые были представителями безвѣрія. Высшее общество, погруженное подобно высшему духовенству въ развратъ, искало утѣшать себя среди своихъ пороковъ тѣмъ, чтобы крѣпче укоренять въ себѣ убѣжденіе, что нѣтъ никакого будущаго воздаянія за добродѣтели и никакого наказанія за грѣхи и что все это христіанство есть обманъ и выдумка человѣческая. Философы произносили такой судъ о христіанствѣ, что оно есть вѣра годная развѣ только для старыхъ женщинъ и для невѣждъ [1]). Когда пробудилась въ Италіи любовь къ изученію греческой классической литературы, то вмѣстѣ съ симъ въ такой же мѣрѣ пробудилась любовь къ классическому язычеству съ отвращеніемъ отъ христіанства, такъ что наибольшая часть почитателей классическаго эллинизма были отъявленными язычниками, и чѣмъ въ бо́льшей мѣрѣ были почитателями, тѣмъ въ бо́льшей мѣрѣ были врагами хри-

---

[1]) См. въ Прибавл. къ творр. свв. отцц. XVIII, 156.

стіанства. Максимъ, имѣвшій поводы говорить объ этомъ безвѣріи современной себѣ Италіи, изображаетъ его съ такою же яркостію, какъ и писатели западные [1]). Вмѣстѣ съ безвѣріемъ Италія погружена была въ суевѣріе: въ весьма значительной части ея образованнаго общества, какъ это было тогда и во всей западной Европѣ, господствовала чрезвычайно сильная страсть къ астрологіи, такъ что люди, отвергая божественный промыслъ, хотѣли твердо вѣрить, будто все въ мірѣ управляется движеніемъ и вліяніемъ звѣздъ. Максимъ сознается, что и онъ самъ болѣе или менѣе увлекался господствовавшимъ въ Италіи вольномысліемъ и что только Господь, пекущійся о спасеніи всѣхъ, скоро посѣтилъ его своею благодатію и озарилъ своимъ свѣтомъ его мысль, не давъ ему погибнуть съ тамошними проповѣдниками нечестія [2]). Однако, если наука и внѣшняя философія временно увлекала было Максима на путь вольномыслія, то истинный и величайшій плодъ отъ нея былъ для него тотъ, что она очистила, возвысила и просвѣтила его вѣру, такъ чтобы послѣ онъ могъ явиться у насъ горячимъ проповѣдникомъ заповѣдей Божіихъ противъ преданій человѣческихъ, каковая проповѣдь требовалась характеромъ нашего тогдашняго благочестія.

Максимъ принадлежалъ къ числу тѣхъ избранныхъ людей, которыхъ Богъ посылаетъ въ міръ пророками проповѣдывать людямъ Его истины. Въ Италіи суждено было видѣть ему подобнаго пророка, чтобы послѣ у насъ въ Россіи онъ имѣлъ передъ глазами примѣръ для своего воодушевленія. Это былъ знаменитый Іеронимъ Савонарола. Готовившись быть врачемъ, Савонарола на 23-мъ году жизни почувствовалъ влеченіе къ монашеской жизни и вступилъ въ орденъ доминиканцевъ. Въ продолженіе 14-ти лѣтъ онъ употребляемъ былъ начальствомъ въ качествѣ то проповѣдника, то профессора въ разныхъ городахъ Италіи, и наконецъ назначенъ былъ аббатомъ флорентинскаго монастыря св. Марка. Въ развратной тогда Италіи прекрасная Фло-

---

[1]) Казанск. изд. I, 463.

[2]) Казанск. изд. I, 463. Максимъ говоритъ и о своемъ отношеніи къ астрологіи, но выражается весьма неопредѣленно. Имѣвъ поводы бороться противъ нея въ Россіи, о чемъ ниже, онъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ противъ нея посланій: «искусствомъ многолѣтнимъ блазненное звѣздотеченія познахомъ...; искусствомъ бо сіе разумѣхомъ: ни единаго, сицевымъ (астрологическимъ) ученіемъ внемлюща, чисту вѣру въ Бога сохранивша».—Казанск. изд. I, 374 и 375. Какъ понимать тутъ слово: искусствомъ, въ смыслѣ ли—собственнымъ опытомъ или—собственнымъ наблюденіемъ, не видно; вѣроятнѣе, какъ кажется, послѣднее.

ренція была городомъ развратнѣйшимъ, такъ что уступала въ семъ отношеніи развѣ только Риму. Возгорѣвшись ревностію спасти утопавшій въ нечестіи городъ и въ особенности, какъ говоритъ Максимъ, истребить въ немъ два грѣха, которыми онъ злѣйше былъ порабощенъ,— богомерзкій содомитизмъ и безчеловѣчное рѣзоиманіе или ростовщичество, Савонарола выступилъ пламеннымъ проповѣдникомъ покаянія. Исполненная неотразимой силы и убѣдительности проповѣдь имѣла необычайный успѣхъ. Тогда проповѣдникъ, одушевленный успѣхомъ, рѣшился на то, лежавшее въ глубинѣ его души, чтобы обратить свой покаянный призывъ отъ малой частицы церкви, каковую представляла Флоренція, ко всей этой послѣдней,—чтобы заговорить о необходимости ея преобразованія во всемъ ея объемѣ и чтобы съ такимъ же громовымъ словомъ обличенія, съ какимъ обращался онъ къ жителямъ Флоренціи, обратиться къ самому папѣ и ко всѣмъ книжникамъ и фарисеямъ, сидѣвшимъ на Моvсеевомъ сѣдалищѣ. Папа, тотъ Александръ VI, о которомъ мы упоминали, послѣ напрасныхъ попытокъ принудить Савонаролу къ молчанію, привелъ дѣло къ такому концу, что, послѣ пятилѣтней проповѣди, 23-го Мая 1498-го года онъ преданъ былъ сожженію. Преп. Максимъ, жившій во Флоренціи въ то время, какъ проповѣдывалъ въ ней Савонарола, видѣвшій успѣхъ его проповѣди и тотъ конецъ, къ которому она привела его, разсказываетъ о немъ съ величайшимъ энтусіазмомъ [1]). Въ одномъ замѣчаніи о непреоборимой ревности Савонаролы Максимъ ясно высказываетъ самого себя и свою душу. Когда папа съ кардиналами прислалъ Савонаролѣ запрещеніе проповѣдывать, то послѣдній, по словамъ Максима, «не точію не послушалъ беззаконныхъ совѣтъ сицевый, но паче разжежеся божественною ревностію и соборное ихъ посланіе (аки) неправедно и Богу неугодно обличаше... и сего ради множае пребываше обличая ихъ беззаконія, уже бо—прибавляетъ Максимъ—яко лѣпо есть мыслити мнѣ, судивъ себѣ и умрети за благочестіе и Божію славу, аще потребно будетъ: въ нихъ же бо аще возгорится огнь ревности, яже по Бозѣ, не точію имѣній и стяжаній, но и самое житіе презрѣти творятъ»...

Если бы Максимъ остался въ Италіи и занялъ тамъ одну изъ каѳедръ, то, какъ мы увѣрены, въ числѣ прославившихся тогда въ Италіи греческихъ ученыхъ и профессоровъ онъ занялъ бы одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ. Но, старательно обогативъ себя внѣшней

---

[1]) Казанск изд. III, 194 sqq.

эллинской мудростью, Максимъ почувствовалъ себя предназначеннымъ не для ней. Его влекла къ себѣ мудрость христіанская, теоретически состоявшая въ изученіи отцовъ и практически въ монашескомъ аскетизмѣ: послѣ долговременнаго ученія въ Италіи онъ отправился на Аѳонъ и тамъ постригся въ монахи. Со всею вѣроятностію должно предполагать, что Максимъ рѣшился постричься въ монахи на Аѳонѣ, а не гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, по той причинѣ, что Аѳонъ представлялъ изъ себя единственную сокровищницу книжной мудрости христіанской. На Аѳонѣ было тогда 18 большихъ монастырей [1]); всѣ они имѣли болѣе или менѣе хорошія библіотеки: а это было такое богатство, какого нигдѣ въ другомъ мѣстѣ невозможно было найти. Монастырь, въ которомъ Максимъ постригся, былъ однимъ изъ столповыхъ, такъ сказать, аѳонскихъ монастырей—Благовѣщенскій Ватопедскій.

На Аѳонѣ, до вызова въ Россію, Максимъ провелъ, по его собственнымъ словамъ, лѣтъ десять [2]). Необходимо думать, что первымъ его занятіемъ здѣсь, вмѣстѣ съ подвигами монашескими, было прилежное чтеніе отцовъ церкви, чтобы, какъ мы сказали, послѣ пріобрѣтенія мудрости внѣшней и эллинской пріобрѣсти мудрость христіанскую, т. е. стать въ возможной мѣрѣ широко и основательно начитаннымъ христіанскимъ богословомъ. Сообщая нѣчто положительное о себѣ за время своего пребыванія на Аѳонѣ, Максимъ говоритъ, что онъ неоднократно посылаемъ былъ монастыремъ для сбора милостыни и что этими своими путешествіями онъ пользовался, чтобы проповѣдывать и защищать христіанскую православную вѣру. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «идѣже ни посланъ быхъ отъ священныя обители Ватопедскія, по повелѣнію преподобныхъ отецъ моихъ, по милостыню, вездѣ, благодатію святаго Параклита просвѣщаемъ, православную вѣру проповѣдахъ» [3]); въ другомъ мѣстѣ: «сподобихся за благовѣріе многажды во многихъ мѣстахъ подвизатися и не посрамленъ бѣхъ, и наипаче противу латынѣхъ противуополчахся, сильныхъ сущихъ во священныхъ писаніихъ и во внѣшнихъ» [4]). Слова Максима, по всей вѣ-

---

[1]) См. грамоту вел. кн. Василія Ивановича на Аѳонъ, вслѣдствіе которой прибылъ въ Россію Максимъ, во Временн. Общ. Ист. и Древн., кн. V, Смѣсь, стр. 32.

[2]) Казанск. изд. II, 377 fin..

[3]) Казанск. изд. II, 365 нач..

[4]) Ibid. II, 370 fin. (Въ словахъ посланія къ митр. Макарію: «еще и предъ самѣми вельможами» и пр.,—Казанск. изд. II, 364 fin., Максимъ разумѣетъ русскихъ вельможъ, составлявшихъ боярскую думу, къ которымъ онъ писалъ до митрополита).

роятности, должно понимать такъ, что онъ посылаемъ былъ монастыремъ за милостыней на острова греческихъ морей, находившіеся подъ властію Венеціанцевъ, и что здѣсь онъ укрѣплялъ православныхъ въ отеческой вѣрѣ, противодѣйствуя пропагандѣ латинянъ и вступая съ латинскими нарочитыми миссіонерами въ открытыя пренія [1]).

Послѣ 10-лѣтняго пребыванія на Аѳонѣ Максимъ долженъ былъ предпринять то путешествіе къ намъ въ Россію, которое сдѣлало его нашимъ русскимъ историческимъ дѣятелемъ.

Мы уже говорили выше, что Максимъ предпринялъ путешествіе не съ тѣмъ, чтобы навсегда остаться у насъ, какъ это случилось, а съ тѣмъ, чтобы исполнить въ Москвѣ одно временное порученіе по книжной части. Въ библіотекѣ великаго князя Василія Ивановича между другими греческими рукописями находилась большая толковая псалтырь, представлявшая изъ себя сводъ толкованій (catena) очень многихъ толковниковъ [2]). Неизвѣстно кто и какими представленіями возбудилъ въ великомъ князѣ и митр. Варлаамѣ желаніе, чтобы псалтырь эта была переведена на славянскій языкъ [3]). Такъ какъ въ Москвѣ вовсе не было тогда людей, способныхъ совершить желаемый переводъ, то рѣшились обратиться за переводчиками въ Грецію. Изъ разспросовъ у аѳонскихъ монаховъ, приходившихъ въ Москву за милостыней, узнали, что такой «переводчикъ книжный» есть въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей, именно—въ монастырѣ Ватопедскомъ старецъ Савва [4]). Въ 1515-мъ году великій князь отправилъ своихъ пословъ

---

[1]) Чтобы Максимъ проповѣдывалъ православную вѣру въ какихъ нибудь другихъ православныхъ странахъ, кромѣ самой Греціи (территорій, населенныхъ Греками), этого нельзя предполагать, потому что онъ зналъ только языкъ греческій и латинскій (и итальянскій).

[2]) О библіотекѣ великаго князя см. въ указанномъ выше изслѣдованіи *С. А. Бѣлокурова*: «О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи».

[3]) Что касается до «кто», то, по всей вѣроятности, это были Греки, служившіе при дворѣ великаго князя и остававшіеся отъ тѣхъ многихъ Грековъ, которые прибыли въ Москву съ Софьей Ѳоминишной. Относительно представленій, если онѣ состояли въ указаніи какихъ нибудь особенныхъ нуждъ времени, а не въ простомъ указаніи общей важности псалтыри, какъ книги богослужебной и четіей, мы не находимъ возможнымъ сказать что нибудь (самъ Максимъ въ своемъ посланіи къ великому князю, составляющемъ предисловіе къ переводу,—см. ниже, не указываетъ ни на какія особенныя нужды времени,—Опис. Сунодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 71. л. 1, стр. 84).

[4]) Передъ тѣмъ какъ посылать великому князю на Аѳонъ за Саввой, былъ

на Аѳонъ съ богатой милостыней во всѣ тамошніе монастыри [1]) и съ просьбой къ проту съ соборомъ прочихъ настоятелей, чтобы они прислали въ Москву на время для послуженія помянутаго старца Савву [2]). Но Савва по причинѣ старости и болѣзни ногъ отказался ѣхать въ Россію. Тогда протъ аѳонскій и монахи ватопедскіе, не желая оставить прошенія великаго князя неисполненнымъ, рѣшили послать въ Москву вмѣсто Саввы Максима, какъ человѣка способнаго исполнить то, на что нуженъ былъ государю первый: «преподобнѣйшій отецъ нашъ протъ,—пишутъ монахи ватопедскіе въ Москву,—яко да не останется прошеніе великаго князя бездѣльно и безконечно (не окончено, не исполнено), избравъ честнѣйшаго брата нашего Максима, еже изъ нашія священныя обители Ватопеди, аки искусна божественному Писанію и пригожа на сказаніе (способнаго къ переводу) всякихъ книгъ—и церковныхъ и глаголемыхъ елиньскихъ (эллинскихъ,—свѣтскихъ или классическихъ): понеже отъ младыя юности въ сихъ возрасте и симъ наказася добродѣтельнѣ (основательно), и не яко иный нѣкій многими почитаньми токмо (т. е. не начитанъ только въ книгахъ, какъ иные а получилъ настоящее основательное образованіе)». Максимъ, зная языки греческій и латинскій, не зналъ русскаго: «но—говорятъ монахи—надѣемъ же ся, яко и русскому языку борзо навыкнетъ» [3]). Отзывъ монаховъ ватопедскихъ о Максимѣ показываетъ, что они были

въ Москвѣ за милостыней ватопедскій монахъ (*Муравьева* Сношенія России съ Востокомъ, I, 22 sub fin.): онъ-то, какъ нужно думать, и указалъ на Савву.

[1]) Великій князь послалъ двѣ тысячи рублей на поминовеніе родителей и съ просьбой молиться о чадородіи его неплодной супруги Соломоніи,—у *Муравьева* ibid. стр. 23.

[2]) Грамота великаго князя проту съ соборомъ о Саввѣ, отъ 15-го Марта 1515-го года, во Временникѣ Общ. Ист. и Древн. кн. V. Смѣсь, стр. 31. Просьба въ ней: «чтобы есте къ намъ прислали вмѣстѣ съ нашими людьми (посланными на Аѳонъ) изъ Ватопета монастыря старца Савву переводчика книжново на время, а тѣмъ бы есте намъ послужили, а мы, ожъ дастъ Богъ, его пожаловавъ, опять къ вамъ отпустимъ». По Никоновской лѣтописи, VI, 203 fin., и по Софійской 2-й лѣтописи, въ Собр. лѣтт. VI, 257, послы на Аѳонъ—Василій Копылъ Спячій и Иванъ Варавинъ были отправлены вмѣстѣ съ посломъ турецкаго султана и съ нашимъ посломъ къ султану Василіемъ Андреевымъ Коробовымъ, того же 15-го Марта, которымъ подписана грамота. Ходилъ на Аѳонъ одинъ Копылъ, а Варавинъ для потребъ великаго князя оставался въ Константинополѣ,—Никон. лѣт. стр. 205.

[3]) Посланіе монаховъ ватопедскихъ къ митр. Варлааму,—въ Акт. Ист. т. I, № 122. Ихъ же посланіе къ великому князю, но безъ конца,—во Временн. ibid. стр. 32.

весьма высокаго о немъ мнѣнія и твердо были увѣрены, что онъ не посрамитъ ихъ передъ великимъ княземъ. Ихъ увѣренность не обманула ихъ, но если бы они могли предвидѣть то, какая судьба ожидала у насъ ихъ многоученаго собрата, котораго они слали къ намъ съ гордостію за него! Максимъ отправленъ былъ въ Россію изъ Ватопеда въ сопровожденіи двухъ монаховъ, которые имѣли оставаться съ нимъ въ Москвѣ, пока онъ не исполнитъ порученія, для котораго былъ посылаемъ: одинъ изъ монаховъ былъ Болгаринъ и, можетъ быть, предназначался помогать ему въ изученіи русскаго языка [1]). На пути съ Аѳона въ Россію въ Іюнѣ-Іюлѣ мѣсяцѣ 1516-го года Максимъ былъ въ Константинополѣ [2]), а за тѣмъ, послѣ продолжительной остановки въ Крыму, что̀, вѣроятно, требовалось государевыми дѣлами сопровождавшихъ его пословъ [3]), онъ прибылъ въ Москву 4-го Марта 1518-го года [4]).

---

[1]) Указанное посланіе къ митрополиту, Никон. лѣт. VI, 212 и Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 261. Для чего именно посланы были съ Максимомъ два монаха, ясно не видно: вѣроятно, затѣмъ, чтобы черезъ приданіе его посольству возможно бо̀льшей торжественности расположить великаго князя къ возможному увеличенію того «пожалованія», которое онъ обѣщалъ за трудъ перевода, и чтобы контролировать Максима относительно сего послѣдняго. Одинъ изъ спутниковъ Максима былъ въ Москвѣ передъ тѣмъ, какъ посылать великому князю посольство на Аѳонъ, и можетъ быть—онъ прямо приглашенъ былъ сопровождать имѣющаго придти въ Москву переводчика.

[2]) Грамота великому князю патріарха константинопольскаго Ѳеолипта, присланная съ митрополитомъ зихнійскимъ, который прибылъ вмѣстѣ съ Максимомъ (Никон. лѣт. VI, 212), отъ Іюля 1516-го года,—Акт. Ист. т. I, № 121.

[3]) О житіи или остановкѣ въ Перекопѣ упоминаетъ самъ Максимъ.—Казанск. изд. III, 174 нач..

[4]) Никон. лѣт. VI, 212, Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 260.—Въ указанныхъ выше актахъ (посланныхъ на Аѳонъ и съ Аѳона) говорится, что Савва, переводчикъ книжный, вызываемъ былъ въ Москву и Максимъ шелъ въ нее на время, но не говорится прямо, что именно для перевода толковой псалтыри. Что это именно такъ, видно: 1) изъ того, что тотчасъ по прибытіи въ Москву Максимъ приступилъ къ переводу псалтыри и что по окончаніи перевода началъ проситься на Аѳонъ, какъ совершившій то дѣло, для котораго приходилъ; 2) изъ прямыхъ свидѣтельствъ Максима, что этотъ именно переводъ былъ цѣлью его прихода въ Москву: въ предисловіи къ переводу,—Опис. Синодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 71, л. 1, стр. 84, и позднѣйшаго,—Казанск. изд. II, 378. Совершенно возможно, что Максимъ привелъ въ извѣстность библіотеку греческихъ книгъ великаго князя, сдѣлавъ имъ опись, что̀ слѣдуетъ изъ рѣчей одного сказанія о немъ (и если книгъ

Не представляло чрезвычайной важности то дѣло, для котораго прибылъ Максимъ и которое имѣло состоять въ переводѣ одной книги съ греческаго языка на славянскій; но государь, какъ нужно думать, былъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что на Аѳонѣ не отказались исполнить его просьбы и что Максимъ съ своей стороны не отказался предпринять далекое и трудное путешествіе: онъ встрѣтилъ послѣдняго и его спутниковъ съ великою честью, помѣстилъ ихъ на жительство въ митрополичьемъ Чудовомъ монастырѣ и приказалъ питать и доволить ихъ всякими потребами отъ своей царской трапезы [1]). Митрополитъ съ своей стороны принялъ Максима и его спутниковъ съ великою любовію и честію [2]).

Немедленно приступилъ Максимъ къ переводу толковой псалтыри, для чего онъ прибылъ въ Москву. Такъ какъ онъ не зналъ по-русски, то ему даны были два посольскіе толмача или переводчика, съ тѣмъ, чтобы онъ переводилъ съ греческаго на латинскій, а они съ латинскаго на славянскій [3]); для письма даны ему два каллиграфа, которые

этихъ находилось въ библіотекѣ столько, что было что̀ приводить въ порядокъ); очень можетъ быть, что онъ составилъ списокъ греческихъ книгъ, не переведенныхъ на славянскій языкъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, основываясь на неизвѣстныхъ намъ свидѣтельствахъ (едва ли не представляющихъ простаго недоразумѣнія). Но онъ былъ вызванъ въ Россію ни для того, ни для другаго.

[1]) Изъ Ватопеда сопровождали Максима два монаха: но къ нему присоединились для путешествія въ Москву за милостыней еще два спутника: съ Аѳона проигуменъ Пантелеймонова монастыря и изъ Константинополя отъ патріарха митрополитъ зихнійскій. Великій князь показалъ одинаковую благосклонность ко всему товариществу Максима: Никон. лѣт. VI, 212, Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 260 fin..

[2]) Лѣтописи ibidd..

[3]) Посольскіе латинскіе толмачи, назначенные къ Максиму, были: Димитрій Герасимовъ, прозывавшійся Малымъ, а потомъ, когда достигъ глубокой старости,—Старымъ, и Власій. Первый изъ нихъ, употреблявшійся не только какъ толмачъ въ Москвѣ и въ посольствахъ, но и для самостоятельныхъ посольствъ, извѣстенъ переводами съ латинскаго и нѣмецкаго для архіепископовъ новгородскихъ—Геннадія (съ латинскаго книги Де-Лиры, о которой упоминали мы выше, и съ нѣмецкаго надписаній псалмовъ) и Макарія (послѣ митрополита—съ латинскаго Бруноновой толковой псалтыри) и письмами къ первому (объ аллилуіи и о бѣломъ клобукѣ). Второй, сверстникъ перваго, участвовалъ съ первымъ въ переводахъ, дѣланныхъ для Геннадія (переводъ надписаній псалмовъ). Со словъ Герасимова Павелъ Іовій написалъ въ Римѣ въ 1523-мъ году свое Сказаніе о Россіи, а отчасти со словъ Власія Іоаннъ Фабръ написалъ таковое же Сказаніе въ Тюбингенѣ въ 1525-мъ году. Письмо Ге-

были: извѣстный московскій каллиграфъ своего времени, родомъ Новгородецъ, Михаилъ Яковлевъ Медоварцевъ [1]) и монахъ Троицкаго Сергіева монастыря Силуанъ, или, какъ онъ обыкновенно называется, Селиванъ, ставшій потомъ ученикомъ Максима и раздѣлившій его судьбу [2]). Толковая псалтырь, которую долженъ былъ перевести Максимъ и которая, какъ мы сказали, представляла сводъ толкованій очень многихъ отцовъ и писателей (всѣхъ отцовъ и писателей до четырнадцати или до пятнадцати) была по своему объему книгой чрезвычайно большой или совсѣмъ огромной [3]); переводъ ея былъ трудомъ весьма не легкимъ по той причинѣ, что каждый толкователь писалъ своимъ языкомъ. Но Максимъ занимался дѣломъ перевода съ величайшею ревностью и прилежаніемъ, такъ чтобы, по его собственнымъ словамъ, ниже дыхати имѣть праздность [4]), и успѣлъ окончить его сравнительно въ недолгое время—въ годъ и пять мѣсяцевъ [5]). Въ то же время, въ видѣ побочной работы, онъ успѣлъ сдѣлать, по просьбѣ мптр. Варлаама, еще другой небольшой переводъ, это именно—переводъ толко-

---

расимова къ дьяку Мисюрю-Мунехину во Псковъ, писанное въ то время, какъ онъ и Власій переводили съ Максимомъ псалтырь, и въ которомъ онъ говоритъ объ этомъ переводѣ,—см. въ Прибавлл. къ творр. свв. отцц. XVIII, 190 sqq. Самъ Максимъ говоритъ о своихъ сотрудникахъ при переводѣ въ посвятительномъ посланіи великому князю,—Опис. Сvнодд. ркпп. № 71, стр. 87.

[1]) О Медоварцевѣ см. у *Ключевскаго* въ Житіяхъ, стр. 163 прим., и у *Строева* въ Библіологич. Словарѣ, стр. 93.

[2]) Что касается до Селивана, то въ записи на одномъ спискѣ переведенныхъ имъ Бесѣдъ Іоанна Златоустаго на евангеліе отъ Матѳея сообщается относительно того, что онъ сталъ ученикомъ Максима: «Вѣдомо же и о семъ буди, яко сей инокъ Селиванъ (родомъ старорусецъ) не бѣ отъ постриженія ученикъ Максима, но ученія ради вдася ему въ послушаніе, еже навыкнути ему художества сего отъ него—преводити книги съ еллиногреческаго діалекта на русскій, еще же и повелѣніемъ благочестиваго самодержца русскія земля принужденъ бысть учитися», см. Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи, ч. I, № 138, стр. 163—164.

[3]) Въ славянскомъ переводѣ она—огромный листовой томъ тысячи въ полторы листовъ (обыкновенно писалась въ двухъ половинахъ,—по десяти каѳизмъ въ той и другой).

[4]) Казанск. изд. I, 237. Толмачи Димитрій и Власій переводили перемѣняясь или чередуясь одинъ съ другимъ,—сейчасъ выше указанное письмо перваго къ Мисюрю—Мунехину.

[5]) Самъ Максимъ въ посланіи къ великому князю, о которомъ сейчасъ ниже.

ванія на нѣкоторую часть книги Дѣяній апостольскихъ, толкованія на которую не было у насъ дотолѣ на славянскомъ [1]).

Представляя свой трудъ великому князю Василію Ивановичу, Максимъ предварилъ его обширнымъ посланіемъ къ государю, въ которомъ, послѣ вступительной рѣчи о томъ, какъ онъ—государь отъ пребывающей въ немъ благодати и божественныя ревности пожелалъ имѣть переводъ книги и какъ онъ поискалъ для сего переводчика на Аѳонѣ, Максимъ обстоятельно говоритъ объ отцахъ и писателяхъ, толкованія которыхъ вошли въ составъ свода псалтыри. Раздѣляя всѣхъ этихъ отцовъ и писателей на три класса, на державшихся объясненія анагогическаго (таинственнаго, усматривающаго въ событіяхъ и лицахъ историческихъ тайны міра духовнаго), аллегорическаго (иносказательнаго, подъ которымъ у Максима разумѣется правильное изъясненіе псалмовъ пророчественныхъ) и буквальнаго, онъ характеризуетъ эти классы толкованій и дѣлаетъ замѣчанія историческія и критическія о большей части отцовъ и писателей въ отдѣльности [2]).

Исполнивъ порученіе, для котораго былъ вызываемъ въ Россію, Максимъ настоятельно просилъ великаго князя, чтобы онъ отпустилъ его обратно на Аѳонъ [3]). Какъ ни хорошо было ему житье въ Москвѣ при довольствѣ всякими потребами отъ царскія трапезы государя, но необходимо думать, что полуторогодичное пребываніе между Русскими вовсе не расположило его въ пользу своихъ единовѣрцевъ. Человѣкъ высоко-образованный онъ долженъ былъ чувствовать себя совершенно чуждымъ и лишнимъ въ нашемъ крайне невѣжественномъ обществѣ. Онъ провелъ свою юность въ странѣ свободы и былъ по своей на-

---

[1]) У насъ было на славянскомъ сводное толкованіе на книгу Дѣяній апостольскихъ не полное, кончавшееся 12-й главой или 30-мъ зачаломъ (это толкованіе въ ркп. Моск. Дух. Академіи № 17, которая дана была въ 1501-мъ году митр. Симономъ въ Троицкій монастырь, а послѣ принадлежала митр. Варлааму, т.-е. вѣроятно, взята была послѣднимъ отъ Троицы именно по случаю перевода Максимова). Максимъ перевелъ толкованіе неизвѣстнаго съ 13 главы или съ 31 зачала до конца, см. Прибавлл. къ творр. свв. отцц. ч. 18, стр. 187 sqq (совершилъ переводъ съ Власіемъ, толмачемъ латинскимъ и нѣмецкимъ, и окончилъ его въ Мартѣ 1519-го года, см. припись на Троицкой лаврской ркп. № 118, писанной въ 1520-мъ году).

[2]) См. Опис. синодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 71, стр. 83 fin. sqq. и Прибавлл. къ творр. свв. отцц. ч. 18, стр. 177 нач. sqq.

[3]) Этою настоятельною просьбою Максимъ оканчиваетъ свое посланіе, приложенное къ переводу псалтыри,—Опис. синодд. ркпп. стр. 87, Прибавлл. стр. 185.

строенности человѣкъ свободолюбивый (изъ числа тѣхъ людей, которые живо сознають человѣческое достоинство и человѣческія права), а у насъ господствовала суровая власть, чрезвычайно близкая къ настоящему деспотизму. Правда, что въ Турціи былъ и совсѣмъ настоящій деспотизмъ; но Аѳонъ въ семъ случаѣ представлялъ счастливое исключеніе, умѣвъ поставить себя такъ, чтобы его отношенія къ Турку ограничивались платой дани. Оставшись у насъ, Максимъ не могъ заключиться въ самомъ себѣ, а долженъ былъ стать человѣкомъ общественнымъ; но будучи таковымъ, онъ не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только порицателемъ всего нашего: а такое положеніе, какъ хорошо онъ могъ понимать, было самое неудобное и вовсе не обѣщавшее ничего хорошаго, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ сознавать свою неудержимую наклонность къ критикѣ. Но, несмотря на свои усиленныя просьбы, Максимъ не былъ отпущенъ великимъ княземъ. У насъ въ то время обыкновенно обѣщали иностранцамъ, пріѣзжавшимъ къ намъ на службу, что они свободно будутъ отпускаемы изъ Россіи, когда пожелаютъ, и на самомъ дѣлѣ вовсе не исполняли этого обѣщанія: хотѣли — отпускали, не хотѣли не отпускали [1]). Великій князь, вызывая съ Аѳона Савву, считалъ нужнымъ прямо обѣщать тамошнему начальству, что по минованіи въ немъ надобности онъ опять будетъ отпущенъ назадъ; но въ Максимѣ онъ увидѣлъ человѣка нужнаго себѣ и, совсѣмъ забывая про свое обѣщаніе, рѣшился не отпускать его, хотя послѣдній съ своей стороны и не желалъ оставаться. Усиленная просьба Максима даетъ знать, что ему уже извѣстно было о принятомъ у великаго князя относительно сего рѣшеніи и что онъ питался только надеждой вымолить отпускъ. Увы! напрасная надежда: спутники его были отпущены [2]), а онъ, несмотря на всѣ его мольбы, былъ оставленъ въ Россіи.

Но на что былъ надобенъ Максимъ великому князю послѣ перевода толковой псалтыри?

---

[1]) «Иноземцамъ съ умомъ и съ дарованіемъ легче было тогда въѣхать въ Россію, нежели выѣхать изъ нее», какъ выражается Карамзинъ своимъ искуснымъ языкомъ,—VII, 112 fin..

[2]) Когда Максимъ молилъ великаго князя о себѣ, спутники его еще находились въ Россіи (какъ это видно изъ его мольбы); когда они были отпущены, остается неизвѣстнымъ, ибо въ лѣтописяхъ этого не записано (а подъ 11-мъ Сентября 1519-го года записано объ отпускѣ зихнійскаго митрополита и проигумена пантелеймоновскаго, но не ватопедскихъ монаховъ, присланныхъ съ Максимомъ).

Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ намъ не дается. Но оффиціальное, правительствомъ порученное дѣло, за которымъ мы видимъ Максима тотчасъ послѣ того, какъ онъ былъ оставленъ въ Россіи, есть исправленіе нашихъ богослужебныхъ книгъ: и необходимо думать, что для этого именно исправленія онъ былъ удержанъ великимъ княземъ [1]). Не особенно задолго до пріѣзда въ Россію Максима нѣкоторые Греки, остававшіеся при великомъ князѣ послѣ его матери Софьи Ѳоминишны, сдѣлали открытіе, что славянскія богослужебныя книги исполнены еретическихъ погрѣшностей, о каковомъ открытіи и довели до свѣдѣнія государя. Василій Ивановичъ вовсе не могъ допустить мысли, чтобы наши книги были исполнены погрѣшностей еретическихъ, ибо, во-первыхъ, по его представленіямъ, какъ и всѣхъ тогдашнихъ Русскихъ, нужно было бы въ семъ случаѣ допустить, что наши чудотворцы, которые употребляли эти книги, не суть чудотворцы [2]); во-вторыхъ, тогда у насъ обратилось въ твердый церковно-политическій догматъ то мнѣніе, что при поврежденіи древняго православія у позднѣйшихъ Грековъ оно сохраняется во всей чистотѣ своей у насъ—Русскихъ, между тѣмъ какъ

---

[1]) Что Максимъ приступилъ къ исправленію нашихъ богослужебныхъ книгъ не по собственной иниціативѣ, какъ можно было бы подумать и какъ мы съ своей стороны думали и имѣли случай высказываться печатно, а именно по порученію великаго князя, это видно изъ того, что, приступивъ къ сему дѣлу, когда еще не зналъ русскаго языка, онъ пользовался помощью толмачей Димитрія и Власія (Казанск. изд. I, 33 sub fin.). Если Максиму помогали въ трудѣ государевы чиновники, то ясно, что онъ совершалъ трудъ съ вѣдома государя и по его порученію. Равнымъ образомъ мы знаемъ, что помогали Максиму въ исправленіи книгъ его бывшіе писцы Михаилъ-Медоварцевъ и старецъ Селиванъ (см. ниже судъ надъ Максимомъ). А это опять ясно показываетъ, что исправленіе производимо было по порученію великаго князя. Да, не зная русскаго языка, Максимъ и не приступилъ бы по собственной иниціативѣ и по собственной волѣ къ исправленію книгъ. Наконецъ, въ своемъ Исповѣданіи вѣры онъ прямо говоритъ, что исправлялъ книги, повинуясь повелѣніямъ великаго князя,—Казанск. изд. I, 37. Что Максимъ приступилъ къ исправленію книгъ тотчасъ послѣ перевода псалтыри, видно изъ того, что приступилъ къ нему еще нуждаясь въ толмачахъ, между тѣмъ какъ въ 1521-мъ году онъ уже не нуждался въ нихъ (въ семъ году онъ перевелъ безъ толмачей Метафрастово житіе Богородицы, см. ниже).

[2]) Максиму, когда онъ подтвердилъ открытіе, сдѣланное помянутыми Греками, Русскіе говорили: «велію, о человѣче, досаду тѣмъ дѣломъ прилагаешь возсіявшимъ въ нашей землѣ преподобнѣйшимъ чудотворцомъ, они бо сицевыми священными книгами благоугодиша Богови и живуще и по преставленіихъ отъ Него прославишася святынею и всякихъ чудесъ дѣйствомъ».—Казанск. изд. III, 88.

съ допущеніемъ мысли о присутствіи въ нашихъ книгахъ еретическихъ погрѣшностей необходимо было бы отказаться отъ этого догмата. Слѣдствіемъ сего было то, что помянутые Греки, сдѣлавшіе свое открытіе и сообщившіе о немъ великому князю, привлекли на себя крайній гнѣвъ послѣдняго [1]. Но государь, какъ нужно думать, допускалъ возможность погрѣшностей въ книгахъ неерѳтическихъ, и съ цѣлью очищенія книгъ отъ этихъ погрѣшностей и могъ онъ возложить на Максима порученіе сдѣлать ихъ пересмотръ. Относительно исторіи исправленія Максимомъ нашихъ богослужебныхъ книгъ мы имѣемъ чрезвычайно мало свѣдѣній. Послѣ того, что онъ приступилъ къ нему тотчасъ вслѣдъ за окончаніемъ перевода толковой псалтыри, знаемъ только, что онъ исправлялъ Тріодь Цвѣтную, съ которой и началъ, Часословецъ, Псалтырь, Евангеліе, Апостолъ. Такъ какъ Максимъ подтвердилъ открытіе, сдѣланное прежними Греками, что въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ находились еретическія погрѣшности; то онъ не только не заслужилъ за свой трудъ благодарности великаго князя, но, подобно тѣмъ же прежнимъ Грекамъ, и привлекъ на себя его гнѣвъ. Къ рѣчамъ объ этомъ мы возвратимся послѣ.

Будучи оставленъ въ Россіи насильственно, Максимъ, по видимому, долженъ былъ заботится только о томъ, чтобы поскорѣе окончить новое, возложенное на него, порученіе, съ тѣмъ, чтобы послѣ сего опять проситься домой. Но исправленіе богослужебныхъ книгъ было дѣло такое безконечное, что онъ волей-неволей долженъ былъ помириться съ мыслію оставаться въ Россіи неопредѣленно долгое время. Оставленный въ Россіи и принужденный помириться съ мыслію о самомъ себѣ какъ объ ея жителѣ на неопредѣленное время, Максимъ отчасти по внѣшнимъ вызовамъ, отчасти по внутреннимъ побужденіямъ, выступилъ дѣятелемъ въ качествѣ публициста.

Съ 1491-го года жилъ въ Москвѣ, въ должности врача при великомъ князѣ, любекскій нѣмецъ Николай, неизвѣстный по фамиліи и называемый у Максима Грека Николаемъ нѣмчиномъ и Николаемъ германомъ (германцемъ [2]). Этотъ Николай нѣмчинъ или германъ, по отзы-

---

[1]) Такимъ Грекомъ, по свидѣтельству Герберштейна (у *Старчевск.* p. 30, col. 1 fin.) былъ Юрій, по прозванію Малый, умершій въ 1513-мъ году (Вивліоѳ. XX, 16).

[2]) Николай любчанинъ, ученой степенью магистръ, прибылъ на службу въ Россію въ 1491-мъ году съ цесарскимъ посломъ Юріемъ Деляторомъ, см. Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ державами иностранными, I, 46, 416. cfr *Карамз.* VI. 133—138. Въ 1518-мъ году послы цесаря, по порученію маркграфа

вамъ иностранцевъ, видѣвшихъ его въ Россіи, не только хорошій докторъ, но и вообще человѣкъ очень ученый [1]), принадлежалъ къ числу тѣхъ свѣтскихъ людей, которые принимаютъ близко къ сердцу дѣла церковныя. Вошедши въ короткія связи съ нашимъ высшимъ церковнымъ обществомъ [2]), онъ возъимѣлъ фантастическую мечту устроить соединеніе русской церкви съ латинскою и повелъ въ этомъ смыслѣ пропаганду устную и письменную [3]). Онъ утверждалъ, будто латинская церковь, не смотря на свои разности съ греческою, столько же православна, сколько и послѣдняя, и будто она, такъ же какъ и эта, сохраняетъ вѣру въ неизмѣнной чистотѣ отъ временъ апостольскихъ [4]), т.-е. какъ, вѣроятно, нужно понимать дѣло, онъ старался доказать, будто разности латинской церкви съ греческою несущественны и не

Бранденбургскаго, просили было, чтобы онъ былъ отпущенъ на родину, но онъ не былъ отпущенъ,—Памм. стр. 416. Онъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ Николаемъ Люевымъ или Булевымъ, ибо умеръ гораздо ранѣе 1533-го года, въ которомъ живъ былъ послѣдній (см. ниже) и вовсе не долженъ быть принимаемъ за одно лицо съ Николаемъ Шомбергомъ или Самбиргомъ, который былъ въ Москвѣ папскимъ посломъ въ 1518-мъ году (см. Казанск. изд. сочиненій Максима, I, 214 fin.).

[1]) Цесаревъ посолъ Францискъ да-Колло, бывшій въ Россіи въ 1518-мъ году, одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ въ предъидущемъ примѣчаніи, отзывается о немъ: Maestro Nicolo Lubacense—professor di medicina et di astrologia et di tutte le scienze fondatissimo (магистръ Николай любекскій—профессоръ медицины и астрологіи и всѣхъ наукъ основательнѣйшій),—у *Карамз.* VII, прим. 358. Что Русскіе считали его человѣкомъ мудрымъ и удивлялись его мудрости, см. у Максима,—Казанск. изд. I, 236, 271.

[2]) Это видно изъ того, что для архіепископа новгородскаго Геннадія Николай перевелъ съ латинскаго книгу противъ жидовъ Самуила Евреина, о которой мы упоминали выше (см. сочиненій Максима Грека Казанск. изд. I, 55) и что для митрополита Даніила онъ перевелъ лѣчебникъ, подъ названіемъ «Доброхотный вертоградъ» (см. Журн. Мин. Нар. Просв. 1864-го года Апрѣль, отчетъ Румянц. Музея стр. 42).

[3]) Относительно письменной пропаганды Николая нужно думать, что онъ не выдавалъ публичныхъ сочиненій, которыя, конечно, не были бы ему дозволены, а писалъ частныя записки для представленія разнымъ авторитетнымъ лицамъ. Въ бывшей Волоколамской, нынѣ Моск. Дух. Академіи, рукописи № 551 читается пространный (лл. 262—295 об.) отвѣтъ неизвѣстнаго (но не Максимовъ) на «посланіе отъ нѣкоего дохтора и великаго риторьства (sic) именемъ Николая, отъ нѣмецкія области» къ Вассіану архіепископу ростовскому († 28-го Авг. 1515-го года) о соединеніи церквей.

[4]) Максима Казанск. изд. I, 215.

препятствуютъ соединенію. Полемикой противъ этой пропаганды Николая нѣмчина и началъ Максимъ свою публицистическую у насъ дѣятельность. На полемику онъ вызванъ былъ однимъ московскимъ бояриномъ, именно—Ѳедоромъ Ивановичемъ Карповымъ-Далматовымъ, адептомъ или единомысленникомъ Николая въ отношеніи къ другой его пропагандѣ, о которой скажемъ сейчасъ ниже [1]). Когда Максимъ прибылъ въ Москву, Ѳедоръ Ивановичъ, человѣкъ очень умный и почитатель учености [2]), тотчасъ же постарался познакомиться съ ученымъ Грекомъ, и онъ-то и пожелалъ, чтобы Максимъ высказался по поводу пропаганды Николая о соединеніи церквей, которою онъ, какъ и никто изъ Русскихъ, не былъ увлеченъ, но о степени основательности которой ему любопытно было слышать мнѣніе компетентнаго человѣка. Онъ предложилъ Николаю написать обстоятельную записку по вопросу и передалъ ее Максиму, съ тѣмъ, чтобы послѣдній высказалъ о ней свое сужденіе [3]). Это было еще въ то время, какъ Максимъ занимался переводомъ толковой псалтыри. Какъ ни крайне занятъ былъ онъ трудомъ перевода, но онъ нашелъ возможнымъ написать Карпову въ два пріема (въ двухъ одно за другимъ посланіяхъ) обширный трактатъ о главнѣйшей новинѣ латинянъ, дѣлающей невозможнымъ соединеніе церквей,—объ ихъ ученіи относительно исхожденія Св. Духа и отъ Сына [4]). По окончаніи перевода псалтыри Максимъ продолжилъ полемику противъ Николая отчасти вслѣдствіе собственныхъ вызововъ самого послѣдняго, отчасти безъ всякихъ вызововъ. Николай, получивъ отъ Карпова сейчасъ указанный трактатъ Максима, обращался къ нему съ епистоліями и устными спросами и прошеніями, и Максимъ въ отвѣтъ на обращенія Николая написалъ три ему посланія, въ которыхъ

---

[1]) Ѳедоръ Ивановичъ Карповъ-Далматовъ сдѣланъ окольничимъ въ 1517-мъ году и умеръ, оставаясь тѣмъ же окольничимъ, въ 1530-мъ году,—Вивліоѳ. XX. 19 и 24. Служилъ въ Посольскомъ Приказѣ, см. *Карамз.* къ т. VII примм. 42 и 306 и Памятниковъ дипломатическихъ сношеній съ державами иностранными т. 1-й, въ Index'ѣ Карповъ.

[2]) Весьма умное и замѣчательно литературное письмо его къ Максиму см. въ Казанск. изд. сочиненій послѣдняго, III, 274 прим. Изъ письма видно и то. что онъ былъ почитателемъ знанія и учености. Намеки Максима, что Карповъ стремился усвоить себѣ отъ иностранцевъ настоящее образованіе—Казанск. изд. I, 371, 375.

[3]) Казанск. изд. сочиненій Максима I, 236.

[4]) Этотъ трактатъ, написанный въ два пріема,—въ двухъ посланіяхъ къ Карпову, въ Казанск. изд. ч. I стрр. 235 и 267. №№ XII и XIII.

снова главнымъ образомъ ратуетъ противъ латинскаго догмата Filioque, но въ которыхъ опровергаетъ и другія ихъ неправыя новины: субботній постъ, безженство священниковъ, употребленіе опрѣсноковъ [1]). Въ одномъ изъ посланій Максимъ убѣждаетъ самого Николая присоединиться отъ латинства къ православію [2]), а въ двухъ есть указанія, что послѣдній намѣревался сдѣлать это [3]). Когда онъ умеръ, не исполнивъ своего намѣренія, или потому, что намѣреніе было притворнымъ или потому, что онъ былъ постигнутъ внезапною смертію, ибо дѣйствительно таковою смертію онъ умеръ: то Максимъ написалъ и еще одно обличительное слово противъ одного изъ его писаній о соединеніи церквей, вѣроятно—того, которое пользовалось наибольшею извѣстностію [4]). Въ этомъ словѣ Максимъ доказываетъ, что соединеніе церквей возможно будетъ только въ томъ случаѣ, если латиняне отвергнутъ свой догматъ Filioque, употребленіе опрѣсноковъ и ученіе о чистилищѣ [5]).

Полемика Максима противъ пропаганды Николая нѣмчина о соединеніи церквей, бывъ ведена имъ главнымъ образомъ по внѣшнимъ прямымъ вызовамъ (Карпова и самого Николая), собственно говоря, весьма мало касалась русскаго общества. Русскіе до такой степени были вооружены противъ латинянъ и до такой степени считали соединеніе невозможнымъ, что должны были слушать фантастическую проповѣдь Николая не иначе, какъ со смѣхомъ. Если Максимъ находилъ у латинянъ три-четыре ереси, препятствующія соединенію, то они напротивъ твердо вѣрили, что у латинянъ тридцать и двѣ ереси, если не болѣе [6]). Но послѣ этого начала публицистической дѣятельности Максима, которому не можетъ быть усвояемо особеннаго значенія для

---

[1]) Казанск. изд. ч. I, стрр. 323, 509 и 341, №№ XIV, XXV и XV.

[2]) № XV.

[3]) Стрр. 324 и 530 fin.

[4]) Казанск. изд. ч. I, стр. 213, № XI. Что слово писано послѣ смерти Николая—стр. 214 fin., а если далѣе Максимъ обращается къ нему, какъ къ живому, то—это простая реторическая просопопея (А слово похвальное апостоламъ Петру и Павлу, въ немже обличенія на три большія латинскія ереси,—Казанск. изд. I, 180, X, писано уже послѣ,—въ Твери, и безъ всякаго внѣшняго повода, а потому, что Максимъ предпринялъ написать рядъ обличительныхъ словъ на всѣхъ невѣрующихъ и неправо вѣрующихъ).

[5]) Это суть три большія ереси, о которыхъ говоритъ Максимъ въ похвальномъ словѣ апостоламъ Петру и Павлу.

[6]) Вѣрили на основаніи тѣхъ греческихъ полемическихъ сочиненій, о которыхъ—1-й полов. I тома стр. 691 sqq.

Русскихъ, все дальнѣйшее въ ней имѣло уже прямое отношеніе къ нимъ, болѣе или менѣе важное.

Нашa дѣятельность Максима раздѣляется на два періода: первый—отъ прибытія въ Россію до 1525-го года, когда случилась съ нимъ катастрофа, надолго лишившая его возможности писать; второй—съ того времени послѣ 1525-го года, когда онъ снова получилъ возможность писать и до конца жизни. Теперь у насъ рѣчь о первомъ періодѣ дѣятельности. Этотъ періодъ въ свою очередь простирается на правленія двухъ митрополитовъ,—Варлаама, при которомъ прибылъ Максимъ, и начало правленія преемника Варлаамова Даніила, при которомъ случилась съ нимъ катастрофа. Но такъ какъ здѣсь уже не представляется возможнымъ раздѣлять дѣятельность на части, то въ настоящей главѣ о митр. Варлаамѣ мы скажемъ о ней, поколику она обнимаетъ правленія обоихъ митрополитовъ.

Можетъ быть, не по строгому хронологическому порядку, но чтобы не прерывать рѣчи о Николаѣ нѣмчинѣ, мы должны сказать теперь о литературной борьбѣ Максима противъ распространенія въ русскомъ обществѣ страсти къ астрологіи.

Максимъ написалъ цѣлый рядъ сочиненій въ обличеніе астрологіи. Но, къ прискорбію, сочиненія эти, будучи прекрасными по отношенію къ ихъ цѣли обличенія, даютъ намъ весьма мало историческихъ указаній относительно распространенія у насъ страсти къ астрологіи. Именно остается для насъ нерѣшеннымъ вопросомъ: видѣть ли въ помянутомъ Николаѣ нѣмчинѣ насадителя у насъ астрологіи или же думать такъ, что онъ только старался поддерживать и распространять то, что уже нашелъ готовымъ?

Николай нѣмчинъ, какъ очень многіе изъ тогдашнихъ западныхъ ученыхъ, по свидѣтельствамъ о немъ иностранцевъ и преп. Максима, былъ ревностнѣйшимъ почитателемъ астрологіи [1]). Одно лицо, къ которому адресовано одно изъ посланій Максима противъ астрологіи, прямо называется ученикомъ прелестника Николая германа [2]). Имѣемъ и еще свидѣтельство о томъ, что Николай старался о распространеніи у насъ предвѣщаній западныхъ астрологовъ, о чемъ скажемъ ниже.

---

[1]) См. выше свидѣтельство Франциска да-Колло. Максимъ въ первомъ словѣ противъ астрологіи къ Карпову по чтенію нѣкоторыхъ списковъ его говоритъ о Николаѣ нѣмчинѣ, что астрологіи и упражненіямъ въ ней онъ несытно прилѣплялся.—Опис. Синодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 191 л. 174. стр. 537 (то же въ Троицк. Лаврск. ркпп. №№ 200 и 201).

[2]) Инокъ, бывшій во игуменѣхъ,—Казанск. изд. I, 447 fin..

Но въ сочиненіяхъ Максима противъ астрологіи, за исключеніемъ того, что одно лицо называется ученикомъ Николая, вовсе не говорится, чтобы онъ именно былъ насадителемъ у насъ астрологіи: кромѣ помянутаго о немъ ничего не говорится, а пишется безлично противъ астрологіи,относительно которой не сообщается, кѣмъ именно она была у насъ насаждена. Такое отношеніе Максима къ Николаю заставляетъ считать вѣроятнѣйшимъ то, чтобы не видѣть въ немъ перваго у насъ насадителя астрологіи, а видѣть только человѣка, который съ своей стороны старался лишь о поддержаніи и распространеніи у насъ уже найденнаго имъ готовымъ. Принимая это, необходимо будетъ представлять себѣ дѣло такъ, что вѣдѣніе астрологіи и страсть къ занятіямъ ею остались и сохранились въ нашемъ обществѣ отъ Жидовствующихъ, половину вѣры которыхъ, какъ мы говорили, составляли тайныя науки и въ томъ числѣ астрологія [1]).

Изъ сочиненій Максима не видно, до какой степени была распространена у насъ страсть къ астрологіи. Но принимая во вниманіе, что люди всегда и вездѣ питали величайшую страсть къ этой своеобразной наукѣ, открывавшей будто бы тайны предъузнавать будущее и предъотвращать несчастія, со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что въ книжномъ нашемъ обществѣ, которому она могла быть до нѣкоторой степени доступна, она пользовалась не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ было это на Западѣ. Какъ бы то ни было, но Максимъ, весьма близко познакомившійся съ астрологіей въ Италіи и отъ всей души возненавидѣвшій ее за ея вредъ для христіанской вѣры и христіанскихъ нравовъ людей, написалъ, какъ мы сказали, длинный рядъ обличительныхъ противъ нея сочиненій. Эти сочиненія суть: два посланія къ Ѳедору Ивановичу Карпову-Далматову, о которомъ упоминали мы выше и который принадлежалъ къ числу адептовъ астрологіи [2]), посланіе къ

---

[1]) Максимъ называетъ нашу астрологію наукою латинянъ и нѣмцевъ; но это не необходимо понимать такъ, чтобы онъ указывалъ на Николая, а можетъ быть понимаемо такъ, что, не зная настоящаго источника нашей астрологіи, онъ предположительно производилъ ее отъ латинянъ и нѣмцевъ на томъ основаніи, что у послѣднихъ она господствовала.

[2]) Казанск. изд. I, 399 и 347, №№ XVIII и XVI. Первое посланіе въ иныхъ рукописяхъ, какъ и напечатано, читается переработаннымъ изъ частнаго посланія въ публичное сочиненіе. Но его первоначальное происхожденіе открывается изъ указаній втораго посланія Максима къ Карпову, cfr стрр. 347, 357 и 375 съ стр. 427 и со всѣмъ содержаніемъ перваго, какъ мы принимаемъ, посланія. По свидѣтельству ркп. Царскаго № 242, лл. 290 и 322, посланія написаны: первое въ 1523-мъ году, второе въ 1524-мъ году.

неизвѣстному князю [1]), посланіе къ неизвѣстному иноку, бывшему во игуменѣхъ, который сталъ почитателемъ астрологіи, бывъ совращенъ къ ней Николаемъ нѣмчиномъ [2]) и два публичныя, ни къ кому не адресованныя, слова, изъ которыхъ одно противъ астрологіи, а другое въ частности противъ предсказаній западныхъ астрологовъ о всемірномъ потопѣ [3]).

Въ своихъ сочиненіяхъ Максимъ доказываетъ, что астрологія, при ея нелѣпости, есть наука нечестивѣйшая,—что, подчиняя все теченіе жизни въ мірѣ и всѣ дѣла людей вліянію звѣздъ, она отрицаетъ божественный промыслъ надъ міромъ и свободную волю человѣка, превращая послѣдняго съ его добрыми и злыми дѣлами въ простую безотвѣтную игрушку звѣздныхъ вліяній,—что такимъ образомъ она разрушаетъ все евангельское ученіе и все христіанство. «Если нашъ разумъ и воля,—пишетъ Максимъ о нечестивости ученія астрологіи въ отношеніи къ нравственной жизни людей,—управляются зодіакальными вліяніями, будучи движимы къ добру или ко злу, то суетна апостольская проповѣдь, суетны и (наши) вѣрованія, да будетъ отвергнутъ законъ, да будетъ отринуто евангеліе, да прекратятся молитвы, потому что все это излишне и безполезно: мы находимся подъ необоримой властью деспотическихъ владыкъ, которые насильственно влекутъ насъ ко злу, Афродита (планета) въ блудъ, Марсъ въ убійство и разбой, Меркурій въ кражу; пусть никто не старается прилежать добродѣтели и убѣгать отъ зла, но (тотъ или другой изъ насъ), узнавъ свой жребій, каковъ онъ есть (подъ властію какой планеты кто состоитъ), пусть считаетъ себя добрымъ, если ему выпалъ жребій быть подъ властію добраго господина, и пусть не трудится освободиться отъ власти своего господина, если ему выпалъ жребій быть подъ злымъ, потому что это совершенно напрасно; послѣдній пусть не боится страшныхъ оныхъ испытаній праведнаго Судіи, потому что имѣетъ дать тогда достаточный отвѣтъ, а именно—укажетъ на насиліе злаго своего владыки, которымъ противъ воли увлекаемъ былъ ко злу; пусть и тотъ, кто воз-

---

1) Ibid. I, 435.

2) Ibid. I, 446.

3) Ibid. I, 337 и 457, №№ XVII и XXII. Отчасти и мимоходомъ касается Максимъ астрологіи и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ; напримѣръ. въ Бесѣдѣ души и уму... и на звѣздочетцевъ.—ibid., II, 58 fin. sqq. и въ Словесахъ супротивныхъ ко Іоанну Лодовику.—Опис. Сунодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 191. л. 223, стр. 543.

сіялъ въ добродѣтеляхъ, не ждетъ себѣ воздаянія отъ праведнаго и истиннаго Судіи, потому что его добродѣтели не отъ его доброй воли, а отъ того случайнаго обстоятельства, что онъ достался въ жребій доброму владыкѣ, вслѣдствіе вліянія котораго шелъ по пути добра какъ нѣкое подъяремное животное»[1]). Противъ астрологіи съ ея ученіемъ о зависимости жизни міра и свободы людей отъ вліянія звѣздъ Максимъ приводитъ многочисленныя свидѣтельства Слова Божія, отцовъ церкви и лучшихъ греческихъ философовъ, разсказываетъ также примѣры, какъ государи, вѣровавшіе въ предсказанія астрологовъ, жалкимъ образомъ обманывались въ своихъ надеждахъ. Ѳедоръ Ивановичъ Карповъ представлялъ Максиму, будто астрологія нужна для христіанъ и очень потребна; онъ утверждалъ, будто никто изъ древнихъ царей и военачальниковъ не сдѣлалъ ничего доблестнаго безъ астрологическаго предъувѣденія и отвѣта, откуда выводимъ заключеніе, что астрологія есть наука нужнѣйшая для людей и заслуживающая наибольшаго уваженія, какъ служащая къ соблюденію и укрѣпленію царствъ. Отвѣчая на это представленіе Карпова, Максимъ послѣ ссылки на указанныя выше свидѣтельства противъ астрологіи, какъ противъ науки нечестивой, а слѣдовательно и не могущей быть полезною людямъ, говоритъ, что если и бывали цари и военачальники, которые вѣрили астрологамъ, то языческіе римскіе императоры повелѣли изгонять ихъ изъ Рима и изъ всей Италіи, а христіанскіе византійскіе императоры строго воспрещали изученіе ихъ нечестивой науки,—обращаясь къ примѣрамъ исторіи показываетъ, что великія дѣла совершаемы были безъ всякаго участія астрологовъ, которые суть только обманщики,—указывая на западную Европу, удостовѣряетъ, что единственный и вмѣстѣ несомнѣнный плодъ отъ нечестивой и нелѣпой науки, какова астрологія, есть тотъ, что она подрываетъ въ людяхъ чистую вѣру въ Бога и вводитъ между ними невѣріе. Въ 1520-мъ или 21-мъ году выданъ былъ въ Германіи астрологическій альманахъ, въ которомъ астрологъ Іоаннъ Штоффлеръ предсказывалъ, что въ 1524-мъ году міръ погибнетъ отъ новаго всеобщаго потопа, чѣмъ навелъ ужасъ на всю западную Европу; этотъ альманахъ былъ полученъ и у насъ въ Россіи и на основаніи его Николай нѣмчинъ предсказывалъ Русскимъ, что въ лѣто 7032-е по россійскому счету будетъ вселенныя странамъ и царствамъ и областемъ и градомъ и обычаемъ и достоинствамъ и скотомъ и бѣлугамъ морскимъ,—вкупѣ всѣмъ земнороднымъ, несумнѣнное измѣненіе и пре-

---

[1]) Казанск изд. I, 402.

мѣненіе» [1]). Противъ предсказанія альманаха о потопѣ и написалъ Максимъ свое указанное выше частное слово. Онъ доказываетъ, что нечестиво вѣрить въ возможность новаго всемірнаго потопа, когда Господь далъ Ною обѣщаніе, что таковаго потопа болѣе не будетъ [2]).

Сочиненія или списанія преп. Максима противъ астрологіи, по своему характеру, если можно такъ выразиться, страстно-убѣдительныя, со всею справедливостью должны быть названы прекрасными, и не можетъ подлежать сомнѣнію, что онѣ принесли величайшую пользу русскому обществу.

Максимъ прибылъ въ Россію въ то время, какъ Вассіанъ Косой велъ свою полемику и пропаганду противъ вотчиновладѣнія монастырей, и этотъ послѣдній для своихъ справокъ въ греческой Кормчей имѣлъ нужду завязать знакомство съ нимъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ познакомить его и съ предметомъ своей полемики, тотчасъ же, какъ онъ явился въ Москву. Когда Максимъ объявилъ себя въ полемикѣ рѣшительнымъ сторонникомъ Вассіана, этотъ, нѣтъ сомнѣнія, настоятельно убѣждалъ его подать свой компетентный голосъ относительно спорнаго предмета. Необходимо однако думать, что Максимъ не преминулъ бы подать свой голосъ и безъ всякихъ убѣжденій со стороны Вассіана. Вопросъ о томъ, должно или не должно владѣть монастырямъ вотчинами, представлялъ собою слишкомъ важный вопросъ изъ числа тѣхъ вопросовъ, которые входили въ кругъ компетенціи Максимовой. Но Максимъ былъ человѣкъ, который вмѣнялъ себѣ въ обязанность отзываться на все, входившее въ кругъ его компетенціи, хотя бы то и не важное. Онъ считалъ себя призваннымъ съ необиновеніемъ глаголать слово истины во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слово его могло имѣть мѣсто: «никтоже не зазритъ мнѣ,—говоритъ онъ въ одномъ своемъ списаніи, адресованномъ именно къ нашимъ русскимъ монахамъ, хотя и не по поводу вотчиновладѣнія,—аще, повинуяся божественнымъ поученіемъ (повелѣвающимъ предъ цари глаголати и не стыдитися) дерзостнѣе пишу и по ревности Божіей возстаю на обличеніе нѣкихъ братій моихъ безчинствующихъ и сопротивъ нашимъ обѣтомъ, яже къ

---

[1]) См. письмо Николая нѣмчина къ дьяку Мисюрю-Мунехину у *Щапова* въ Русскомъ расколѣ старообрядства. стр. 158.

[2]) Въ 1523-мъ или 24-мъ году Николай нѣмчинъ былъ постигнутъ внезапною смертью, и Максимъ написалъ на его смерть краткую эпиграмму: «Міру убо преставленіе предвозвѣщати спѣшилъ еси, о Николае, повинувся звѣздамъ, внезапное же житіа твоего разореніе предрещи не возмоглъ еси, ниже предъувѣдѣти: что твоего безуміа безумнѣйше!» и пр.,—Казанск. изд. I, 455, № XXI.

Богу, жительствующихъ и мыслящихъ» [1]). Совершенно вѣроятно, что Максимъ сознавалъ все неблагоразуміе принимать участіе въ полемикѣ крайне жгучаго свойства: но не напрасно онъ говорилъ о Савонаролѣ, что «въ нихже бо аще возгорится огнь ревности, яже по Бозѣ, не точію имѣній и стяжаній, но и самое житіе презрѣти творятъ»: онъ принадлежалъ къ числу людей, вовсе неспособныхъ повиноваться голосу благоразумія.

Вассіанъ, вслѣдъ за Ниломъ, возставая противъ вотчиновладѣнія монастырей, доказывалъ, что монахи должны питаться трудами рукъ своихъ, а въ случаѣ нужды обращаться къ милостынѣ. Максимъ, не освобождая монаховъ отъ обязанности трудиться самимъ, допускаетъ, чтобы главнымъ средствомъ ихъ содержанія была милостыня, какъ это было въ тогдашней Греціи, но подъ условіемъ инаго съ ихъ стороны поведенія въ отношеніи къ міршнамъ, нежели какъ это было въ послѣдней. Для рѣшенія вопроса: какой способъ содержанія монаховъ лучше и соотвѣтственнѣе монашеству,—сборъ ли милостыни по городамъ и селеніямъ чрезъ отряжаемыхъ монастырями братій, какъ это было въ Греціи, или наше вотчиновладѣніе, Максимъ написалъ трактатъ, который представляетъ изъ себя діалогъ между двоими препирающимися и который надписывается: «Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ, лица же стязующихся Филоктимонъ да Актимонъ, сирѣчь любостяжательный да нестяжательный» [2]). Объявляя себя рѣшительнымъ сторонникомъ греческаго сбора милостыни, Максимъ со всею силою возстаетъ противъ нашего вотчиновладѣнія. Его доводы противъ послѣдняго въ сущности тѣ же самые, что̀ доводы Вассіана, воспроизводящаго преп. Нила Сорскаго. Монашество есть совершенное отреченіе отъ міра для исполненія заповѣди Спасителя: аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ... Слѣдовательно, монахи, владѣющіе вотчинами, нарушаютъ свой обѣтъ и обращаютъ его во лжу и пустое слово, и слѣдовательно—они подлежатъ тѣмъ карамъ, которыми угрожается нарушителямъ обѣщаній, данныхъ Богу. Преподобные начальники иноческаго божественнаго житія Павелъ Ѳивейскій, Антоній и Пахомій, Евѳимій и Савва Освященный и прочіе всею душею и мыслію тщались убѣгать возвращенія къ міру чрезъ притяжаніе имѣній. Владѣя вотчинами, монахи погружаются въ житейскія попеченія, вовлекаются въ плищи и свары и брани и тяжбы

[1]) Казанск. изд. II. 220.

[2]) Казанск. изд. II. 89, № III.

часты селъ ради: а это ли есть истинное монашество? Владѣніе вотчинами порабощаетъ монаховъ страсти сребролюбія, а эта страсть есть корень всѣхъ золъ. Не монахамъ, отрекшимся отъ міра, обижать своихъ ближнихъ, а между тѣмъ ненасытная страсть сребролюбія монаховъ-вотчинниковъ дѣлаетъ то, что они нещадно угнетаютъ своихъ крестьянъ работами и что они безъ всякаго милосердія обираютъ ихъ какъ ихъ заимодавцы, являясь въ послѣднемъ случаѣ ростовщиками—жидами. Лишнее у Максима противъ Вассіана есть то, что онъ даетъ остроумно-язвительный отвѣтъ на оправданіе тѣхъ монаховъ-вотчинниковъ, въ монастыряхъ которыхъ было общежитіе. Любостяжательный въ заключеніе преній говоритъ нестяжательному: «прекрати свое продолжительное суесловіе; не заслуживаемъ мы никакого осужденія за то, что пріобрѣтаемъ имѣнія и владѣемъ землями и селами: ни у кого изъ насъ нѣтъ ничего своего и непозволительно никому (изъ насъ) что нибудь взять (но все принадлежитъ монастырю); а поэтому мы и справедливо называемся нестяжателями, такъ какъ никто изъ насъ не имѣетъ ничего своего, но все (у насъ) общее всѣмъ». На это нестяжатель отвѣчаетъ любостяжателю: «говоришь ты мнѣ нѣчто смѣшное; это нисколько не отличается отъ того, какъ если многіе живутъ съ одной блудницей и какъ въ случаѣ укоризнъ за сіе каждый изъ многихъ будетъ говорить: я вовсе не грѣшу, ибо она есть одинаково общее достояніе всѣхъ, или—подобно это тому, какъ если бы кто вышелъ на разбой въ шайкѣ разбойниковъ и совершилъ вмѣстѣ съ другими грабежъ, а потомъ, бывъ схваченъ и пытаемъ, сталъ бы говорить: я совершенно невиненъ, все награбленное осталось у другихъ, а я ничего не взялъ».

Свое мнѣніе въ спорѣ между стяжателемъ и нестяжателемъ Максимъ высказываетъ словами, которыя влагаетъ въ уста послѣдняго: «множае лучше и спасительнѣе нищенствующимъ за Христа обходити грады и страны, и аще нѣгдѣ случится поношеннымъ быти и обесчеститися, со благодареніемъ терпѣти, заповѣдь Спасову соблюдающимъ и уставы иноческаго житія, нежели обливатися сребромъ и златомъ и огражденымъ быти землями и селы кромѣ заповѣди Господня».

Но объявляя сборъ милостыни, что̀ служило средствомъ содержанія греческихъ монаховъ, за множае лучшее и спасительное, чѣмъ наше вотчиновладѣніе, и допуская его въ качествѣ главнаго средства содержанія монаховъ, Максимъ, какъ мы сказали, желаетъ видѣть иное отношеніе послѣднихъ къ мірянамъ, нежели какъ это было у монаховъ греческихъ. Собирая съ мірянъ милостыню, нужно чѣмъ нибудь пріобрѣтать право на это и чѣмъ нибудь воздавать за это. О монахахъ греческихъ ничего подобнаго нельзя было сказать, и вмѣсто нихъ Ма-

ксимъ указываетъ русскимъ монахамъ на примѣръ монаховъ западныхъ, латинскихъ. Для сей цѣли Максимъ написалъ сочиненіе, которое озаглавливается: «Повѣсть страшна и достопамятна и о совершенномъ иноческомъ жительствѣ» [1]). Разсказавъ о чудесномъ случаѣ, подавшемъ поводъ къ основанію ордена Картузіанскаго (въ чемъ состоитъ повѣсть страшна и что́ представляетъ собою собственно фабулу) Максимъ изображаетъ чрезвычайно строгій уставъ этого ордена, предписывавшій совершенную нестяжательность, и говоритъ, что монахи принадлежащіе къ нему, равно какъ и другіе (многіе?) западные монахи, единственнымъ средствомъ своего содержанія имѣютъ милостыню отъ доброхотствующихъ мірянъ, которая отчасти собирается ими самими чрезъ нарочно посылаемыхъ братій въ ближайшія къ монастырямъ города и селенія, отчасти присылается имъ въ самые монастыри. Міряне не только не тяготятся содержать монаховъ посредствомъ подаянія имъ милостыни, но и дѣлаютъ это съ величайшимъ усердіемъ. Почему же такъ? Потому, отвѣчаетъ Максимъ, что монахи западные «исполнены всякія философіи и разума богодохновенныхъ писаній»,—въ изученіи которыхъ они потружаются день и ночь,—что, поставляя своею главною добродѣтелію любовь къ ближнимъ, они проявляютъ ее въ томъ, чтобы непрестанно заниматься дѣломъ христіанскаго наставленія и ученія мірянъ; по сей-то причинѣ они глубоко и уважаются и чтутся послѣдними. «Таковыхъ убо (въ учительствѣ) себе дающе безпрестани людемъ—говоритъ Максимъ о монахахъ—и аки чадолюбивіи отцы пекущеся безпрестани о спасеніи многихъ, честни бываютъ всѣмъ вкупѣ и любими, его же ради со всякимъ благодареніемъ и добрымъ изволеніемъ прилагаютъ имъ вседневную пищу и прочая, елика къ житію потребна суть». Въ образецъ того, какіе ревностные и великіе бываютъ на Западѣ между монахами учители народа Максимъ предлагаетъ подробную повѣсть о Савонаролѣ.

Итакъ, милостыня отъ мірянъ, оплачиваемая трудомъ ихъ непрестаннаго христіанскаго ученія,—вотъ, по Максиму, средство содержанія монаховъ. Впрочемъ, какъ мы сказали, онъ не освобождаетъ монаховъ и отъ обязанности трудиться самимъ. Въ эпилогѣ къ Стязанію о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ онъ убѣждаетъ нестяжательнаго «жительствовати со всякою правдою и преподобіемъ, въ потѣ лица своего ядуще хлѣбъ свой»; въ другомъ мѣстѣ онъ увѣщаваетъ монаховъ «жити безстяжанно и преподобно своими труды, веліе богатство мнящимъ нищету» [2]).

---

[1]) Казанск. изд. III, 178, № XXVI.

[2]) Казанск. изд. II, 149.

Кромѣ Стязанія о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ Максимъ пространно высказывается противъ нашего вотчиновладѣнія монастырей и еще въ двухъ сочиненіяхъ. Эти сочиненія суть: «Слово о покаяніи (нелицемѣрномъ и о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ» [1]) и 2) прекрасное по своимъ учительнымъ качествамъ «Слово воспоминательно о исправленіи иноческаго житія къ нѣкимъ честнымъ инокинямъ» [2]). Доводы Максима противъ вотчиновладѣнія монастырей, какъ мы говорили, тѣ же самые, что̀ у Вассіана; но такъ какъ Максимъ былъ настоящій и блестящій ораторъ, то ихъ изложеніе, конечно, совсѣмъ иное, нежели у послѣдняго. Что касается до практическаго значенія убѣдительныхъ доводовъ Максимовыхъ, то весь смыслъ ихъ, увы! единственно тотъ, что онъ собиралъ угли огненные на свою голову.

Важнѣйшимъ видомъ публицистической или учительной дѣятельности Максима въ Россіи, какъ мы сказали выше, былъ тотъ, что онъ явился среди Русскихъ проповѣдникомъ истиннаго христіанства противъ ихъ крайней привязанности къ внѣшней набожности. Эту проповѣдь свою онъ велъ и въ первое время своего пребыванія въ Россіи, о которомъ говоримъ; но такъ какъ онъ велъ ее и во всю свою жизнь, то мы скажемъ о ней послѣ.

Къ первому времени пребыванія Максима въ Россіи относится его протестъ противъ поведенія Русскихъ въ отношеніи къ патріарху константинопольскому. Мы говорили выше, что послѣ взятія Константинополя Турками въ 1453-мъ году Русскіе нашли необходимымъ принять то рѣшеніе, чтобы прекратить фактическую связь съ патріархомъ, какъ съ начальникомъ, и чтобы ставить себѣ своихъ митрополитовъ самимъ. Вскорѣ затѣмъ они сочли нужнымъ и позволили себѣ сдѣлать и нѣчто бо́льшее. По случаю поставленія въ Константинополѣ въ 1475-мъ году на каѳедру литовскую Спиридона Сатаны, какъ мы тоже говорили выше, у насъ внесено было въ обѣщательныя грамоты новопоставляемыхъ архіереевъ, которыя они давали митрополиту, слѣдующее обѣщаніе: «а къ митрополиту Спиридону, нарицаемому Сатанѣ, взыскавшему поставленія во области безбожныхъ Турокъ отъ поганаго царя или кто будетъ иной митрополитъ, поставленъ отъ латыни или отъ турскаго области, не приступати мнѣ къ нему». Противъ присвое-

[1]) Казан. изд. II, 119, № IV. Слова оглавленія, поставленныя въ скобкахъ— по рукописямъ.

[2]) Ibid. II. 394. № XXXVI (слово предваряется посланіемъ). Отчасти направлены противъ вотчиновладѣнія краткія Слова о покаяніи и на несытное чрево и безчисленныхъ золъ виновно иночествующимъ,—ibid. II. 148 и 153.

нія Русскими права ставить себѣ своихъ митрополитовъ самимъ, помимо патріарха, и противъ сейчасъ указаннаго обѣщанія и считалъ своимъ долгомъ протестовать Максимъ. Онъ протестовалъ устно и письменно. Устный энергическій протестъ его прежде всего былъ направленъ на то, что Русскіе незаконно ставятъ себѣ своихъ митрополитовъ. Но письменно, въ виду крайне щекотливаго и такъ сказать совсѣмъ криминальнаго свойства матеріи, онъ не находилъ возможнымъ этого сдѣлать и ограничиваетъ свой протестъ только однимъ указаннымъ обѣщаніемъ. Притомъ онъ высказываетъ его не въ настоящемъ публичномъ сочиненіи, а или въ частномъ письмѣ къ неизвѣстному лицу или въ публичномъ сочиненіи, которому намѣренно дана форма частнаго письма. Весьма небольшое сочиненіе это имѣетъ слѣдующее пространное заглавіе: «Сказаніе ко отрицающимся на поставленіи и кленущимся своимъ рукописаніемъ русскому митрополиту и всему священному собору, еже не пріимати поставленія на митрополію и на владычество (епископство) отъ римскаго папы латынскія вѣры и отъ цареградскаго патріарха, аки во области безбожныхъ Турокъ поганаго царя, и поставленнаго отъ нихъ не пріимати»[1]. Сказавъ, что отвращаться и отметаться рукоположенія римскаго папы, какъ отпадшаго отъ лика православныхъ архіереевъ, достойно и праведно и необходимо, Максимъ спрашиваетъ неизвѣстное, дѣствительное или воображаемое, лицо, къ которому адресуется: «а рукоположенія константинопольскаго вселенскаго патріарха, который и до сихъ поръ, Божіей благодатію, пребываетъ во всякомъ православіи и благозаконіи, по какой причинѣ отметаешся, о пречудный»? Затѣмъ Максимъ представляетъ своему собесѣднику: священные каноны, къ соблюденію которыхъ архіереи обязуются своимъ рукописаніемъ, нигдѣ не учатъ тому, чтобы отлучаться имъ отъ своего патріарха, доколѣ этотъ православно предстоитъ святой Божіей церкви; если въ Константинополѣ вмѣсто православныхъ царей невѣрные мучители, то первенствующая церковь отъ вознесенія Спасителя и до Константина Великаго находилась въ такомъ же положеніи и не только не оскверняласъ властью нечестивыхъ, но и сіяла посредѣ нечестія какъ солнце; священство больше земного царства и если въ Константинополѣ не стало земныхъ христіански-православныхъ царей, то духовно-царствующій—патріархъ остается неотриновеннымъ отъ руки Божіей благодати и сохраняется этою благодатію среди нечестивыхъ во всякомъ православіи. Въ нашемъ сказаніи Максима содержится implicite его протестъ и противъ

[1] Казанск. изд. III, 154, № XXII.

того мнѣнія Русскихъ о Грекахъ, будто порабощеніе турецкое повредило у послѣднихъ чистоту истиннаго православія. Но въ отношеніи къ этому мнѣнію, которое едва ли могло оставаться ему неизвѣстнымъ, онъ и ограничивается только симъ протестомъ implicite. Другое, противъ чего онъ нарочито протестуетъ, это—мнѣніе, неизвѣстно насколько распространенное между тогдашними Русскими и высказанное ему однимъ лицомъ, будто старый Іерусалимъ (съ своей святыней), вслѣдствіе долговременнаго обладанія отъ Сарацинъ, сталъ непотребнымъ и будто его мѣсто заняла Москва. Въ опроверженіе этого мнѣнія относительно Іерусалима Максимъ написалъ: «Сказаніе о томъ, яко не оскверняются святая николиже, аще и многа лѣта обладаеми суть отъ поганыхъ»[1]). Возможно, впрочемъ, во второмъ случаѣ понимать Максима такъ, что, опровергая мнѣніе Русскихъ о непотребности будто бы стараго Іерусалима, онъ хотѣлъ и имѣлъ въ виду прикровенно опровергать ихъ мнѣніе и вообще о поврежденіи православія у Грековъ.

Оставленный великимъ княземъ въ Россіи для исправленія богослужебныхъ книгъ, Максимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, исполняя, какъ необходимо думать, дававшіяся ему порученія, занимался и переводами съ греческаго. О переводахъ мы скажемъ въ нарочитомъ обозрѣніи литературныхъ трудовъ Максима, а теперь замѣтимъ только, что одинъ изъ нихъ далъ матеріалъ для его обвиненія, когда при преемникѣ Варлаамовомъ Даніилѣ съ нимъ случилась бѣда и онъ подпалъ суду.

Прерывая на нѣкоторое время рѣчи о Максимѣ, мы должны теперь кончить о самомъ Варлаамѣ.

Варлаамъ не дожилъ на каѳедрѣ митрополичьей до своей смерти, а оставилъ ее при своей жизни, и именно—оставилъ такъ, какъ дотолѣ не оставлялъ ее еще ни одинъ изъ русскихъ митрополитовъ (за исключеніемъ исключительнаго Климента Смолятича): онъ былъ согнанъ съ нея государемъ. Мы видѣли выше, что великій князь Иванъ Васильевичъ весьма не расположенъ былъ къ митрополиту Геронтію и что, несмотря на все желаніе избавиться отъ него, не могъ свести его съ каѳедры. Но очень немного утекло времени и воды, и Василій Ивановичъ не только согналъ Варлаама, но и послалъ его въ заточеніе. Что было причиною гнѣва государя на митрополита, остается достовѣрнымъ образомъ неизвѣстнымъ. У Герберштейна читаемъ о нашемъ событіи слѣдующее: «въ то время, какъ я былъ въ Москвѣ посломъ императора Максимиліана (въ 1517-мъ году), митрополитомъ

[1]) Казанск. изд. III, 156, № XXIII.

былъ Варѳоломей (ошибка вмѣсто: Варлаамъ), мужъ святой жизни; когда государь нарушилъ клятву, данную Шемячичу имъ самимъ и митрополитомъ и предпринялъ нѣчто другое, казавшееся противнымъ (не подлежащимъ) его власти, то (митрополитъ) пришелъ къ государю и сказалъ: если ты восхищаешь себѣ всю власть, то я не могу оставаться на моемъ мѣстѣ, и, отдавая ему свой посохъ, отказался отъ должности; государь тотчасъ принялъ посохъ вмѣстѣ съ должностью, а бѣдняка, заковавъ въ желѣза, немедленно отправилъ на Бѣлоозеро; говорятъ, что нѣкоторое время онъ оставался тамъ въ желѣзахъ, а потомъ былъ освобожденъ и остальное время жизни прожилъ въ монастырѣ простымъ монахомъ» [1]. Шемячичъ (Василій Ивановичъ, внукъ Дмитрія Шемяки, князь новгород-сѣверскій), вопреки клятвеннымъ охраннымъ грамотамъ великаго князя и митрополита, былъ схваченъ въ Москвѣ не при Варлаамѣ, а при его преемникѣ Даніилѣ; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ Герберштейнъ говоритъ неправду. Можно однако подозрѣвать, что онъ говоритъ не совершенную неправду, а именно—могло быть такъ, что великій князь предлагалъ Варлааму вызвать обманнымъ образомъ Шемячича въ Москву и что этотъ не согласился. Въ остальныхъ неопредѣленныхъ словахъ Герберштейна о причинѣ удаленія митрополита съ каѳедры, очевидно, должно разумѣть то, что великій князь хотѣлъ въ какихъ-то отношеніяхъ присвоять себѣ власть послѣдняго. Если бы Варлаамъ, какъ говоритъ Герберштейнъ, самъ отказался отъ каѳедры, то великому князю не за что было бы ссылать его. Эта ссылка, о которой говоритъ и наша лѣтопись [2], даетъ знать, что митрополитъ пытался было протестовать противъ посягательства на его власть со стороны великаго князя и что государь, въ гнѣвѣ на стойкость митрополита, и не ограничился только тѣмъ, чтобы низвести его съ каѳедры, но и послалъ его въ заточеніе. Наложеніе на низведеннаго митрополита желѣзъ или оковъ какъ будто представляетъ нѣчто не совсѣмъ вѣроятное; однако съ рѣшительностію объявлять за невѣроятное мы не находимъ возможнымъ. Варлаамъ низведенъ былъ 17-го или 18-го Декабря 1521-го года [3]. По нашей

---

[1]) У *Старчевск.* p. 20, col. 1.

[2]) Софійская 2-я, въ Собр. лѣтт. VI, 264: митрополитъ, оставившій каѳедру, «сниде на Симоново, а съ Симонова сосланъ въ вологоцкій уѣздъ на Каменое».

[3]) По Никоновской и Воскресенской лѣтописямъ, Варлаамъ низведенъ былъ 17-го Декабря 1521-го года, а Даніилъ поставленъ 27-го Февраля 1522-го года; по Софійской 2-й лѣтописи,—первый низведенъ былъ 18-го Декабря 1522-го года;

лѣтописи онъ сосланъ былъ въ Каменный или Каменскій монастырь на Кубенскомъ озерѣ. Когда онъ скончался въ ссылкѣ, въ лѣтописяхъ не записано.

а второй поставленъ 27-го Февраля 1523-го года. Въ пользу Софійской лѣтописи, повидимому, говоритъ свидѣтельство писца и потомъ ученика Максимо-грекова монаха Селивана, который въ предисловіи къ своему переводу бесѣдъ Златоустаго на евангеліе отъ Іоанна пишетъ, что переводъ совершенъ въ лѣто 7032-е, во второе лѣто святительства Даніила (Троицк. Лаврск. ркп. № 200, л. 8). Но имѣемъ указанія, которыя заставляютъ считать вѣроятнѣйшимъ показаніе Никоновской и Воскресенской лѣтописей, а у Селивана въ его 7032-мъ сентябрьскомъ году разумѣть мѣсяцы Сентябрь—Декабрь 1523-го года. Даніилъ во второй мѣсяцъ своего пребыванія на каѳедрѣ—Мартъ посвятилъ двухъ архіереевъ 23 и 30 чиселъ (Никон. и Воскр. лѣтт.): посвященія архіереевъ обычно совершаются въ воскресенья, а сейчасъ указанныя числа были въ воскресенья въ 1522-мъ, а не 1523-мъ году.

МИТРОПОЛИТЪ ДАНІИЛЪ.

Варлаамъ былъ низведенъ Василіемъ Ивановичемъ съ митрополичьей каѳедры за то, что не хотѣлъ ходить во всей его—государя волѣ. Слѣдовательно, великому князю нуженъ былъ въ митрополиты на мѣсто Варлаама такой человѣкъ, который имѣлъ бы это желаніе ходить во всей его волѣ. Выборъ государя, какъ показали послѣдствія,—совершенно удачный, палъ на игумена Іосифова Волоколамскаго монастыря Даніила.

На игуменствѣ въ Волоколамскомъ монастырѣ Даніилъ непосредственно преемствовалъ его основателю преп. Іосифу. Однако сталъ онъ этимъ преемникомъ Іосифа не по назначенію самого послѣдняго и далеко не совсѣмъ ожиданнымъ образомъ. Преп. Іосифъ считалъ десять человѣкъ изъ старшей братіи монастыря способными занять послѣ него игуменское мѣсто, и въ числѣ этихъ десяти человѣкъ не называлъ Даніила [1]). Но когда онъ передъ смертью предоставилъ сдѣлать выборъ преемника себѣ самой братіи монастыря, то братія, обходя десятерыхъ, которыхъ считалъ онъ достойными, избрала именно Даніила. Одинъ изъ жизнеописателей преп. Іосифа говоритъ, что братія, послѣ предложенія тѣхъ и другихъ кандидатовъ, наконецъ остановилась на Даніилѣ въ своемъ совѣтѣ потому, что онъ былъ старецъ, «любяй нищету и пребывая въ трудѣхъ и въ постѣхъ и въ молит-

[1]) Такъ какъ великій князь Василій Ивановичъ присвоялъ самому себѣ право назначать игуменовъ въ монастыря, то преп. Іосифъ, находившійся съ своимъ монастыремъ подъ его особеннымъ и исключительнымъ патронатомъ, не задолго до своей смерти написалъ ему письмо на тотъ случай, если бы онъ—государь пожелалъ самъ назначить преемника ему Іосифу: убѣдительно прося великаго князя, не насылать новаго игумена изъ постриженниковъ другихъ монастырей, а назначить изъ собственной братіи его монастыря, преп. Іосифъ называетъ государю въ своемъ письмѣ десять человѣкъ большихъ братьевъ, которые, по его мнѣнію, достойны быть назначенными въ игумены и въ числѣ которыхъ нѣтъ Даніила. Письмо Іосифа къ великому князю въ его житіи, написанномъ Саввою Крутицкимъ, изд. *Невостр.* стр. 59.

вахъ», и что узнали о немъ, «яко хощетъ во инъ монастырь на игуменство»[1]). Откровенное извѣстіе жизнеописателя о Даніилѣ, что онъ хотѣлъ на игуменство въ другой монастырь, ясно даетъ знать, что онъ былъ человѣкъ честолюбивый, принадлежавшій къ числу тѣхъ, весьма немалочисленныхъ у насъ въ старое время монаховъ, которые искали себѣ игуменскихъ мѣстъ, чтобы потомъ стараться о дальнѣйшемъ движеніи къ архіерейству,—спеціальныя рѣчи объ этомъ мы будемъ вести послѣ. Игуменскія мѣста пріобрѣтались честолюбивыми монахами двоякимъ образомъ: если искатель былъ человѣкъ богатый, то онъ покупалъ себѣ мѣсто—или у архіерея или у архіерейскихъ чиновниковъ или у чиновниковъ свѣтскихъ, смотря по тому, у кого можно было купить и отъ кого зависѣло назначеніе; если искатель былъ человѣкъ бѣдный, то ему предстояло такъ выдвинуть себя изъ числа другихъ монаховъ, чтобы о немъ заговорили и чтобы монахи какого нибудь монастыря пожелали взять его себѣ на игуменство. Имѣемъ основанія думать, что Даніилъ принадлежалъ ко второму классу честолюбивыхъ монаховъ[2]). Слѣдовательно, для него путь къ игуменству былъ путь отличія, каковымъ, по словамъ жизнеописателя, онъ именно и шелъ. Но если Даніилъ такъ успѣлъ отличиться монашескими достоинствами, что имѣлъ надежду быть выбраннымъ на игуменство въ какой нибудь другой монастырь, то все таки непонятно, какъ онъ, помимо весьма многихъ достойнѣйшихъ, былъ выбранъ на игуменство въ самомъ Іосифовомъ монастырѣ. Въ объясненіе этого непонятнаго остается предполагать, что онъ былъ человѣкъ весьма ловкій, такъ что успѣлъ какимъ-то неизвѣстнымъ образомъ расположить въ свою пользу большинство монаховъ. На основаніи существующихъ свидѣтельствъ должно быть принимаемо, что Даніилъ избранъ былъ въ игумены необычайно молодымъ, лѣтъ 30-ти или немного старѣе[3]). А это еще болѣе заста-

[1]) Сейчасъ помянутый Савва. стр. 63.

[2]) Даніилъ по мѣсту рожденія прозывался рязанцемъ (Савва въ Житіи Іосифа) и не имѣлъ родовой фамиліи. На этомъ основаніи слѣдуетъ заключать, что онъ былъ не изъ бояръ, а изъ простыхъ.

[3]) Герберштейнъ утверждаетъ, будто Даніилъ поставленъ былъ въ митрополиты лѣтъ около 30-ти отъ роду (у *Старчевск.* p. 20, col. 1); но при этомъ выходило бы, что онъ избранъ въ игумены 24-хъ лѣтъ, что совершенно невѣроятно. Такъ какъ, съ другой стороны, Герберштейнъ самъ видѣлъ Даніила въ 1526-мъ году, то нельзя принимать его словъ и за показаніе совершенно вздорное: нужно думать, что онъ былъ обманутъ моложавостью Даніила лѣтъ на десять или нѣсколько болѣе.

вляетъ удивляться сейчасъ указанному его качеству. Бывъ неожиданно выбранъ братіею, Даніилъ не былъ отвергнутъ Іосифомъ, а слѣдовательно—и этотъ послѣдній, хотя вовсе не имѣлъ его въ виду самъ, все таки считалъ его достойнымъ.

Избранный въ игумены Волоколамскаго монастыря, Даніилъ, если не могъ мечтать о митрополіи, то вполнѣ могъ быть увѣренъ въ архіерействѣ. Волоколамскій монастырь былъ любимѣйшимъ монастыремъ великаго князя, а слѣдовательно и игуменъ его, въ случаѣ угодности государю,—однимъ изъ первыхъ кандидатовъ въ епископы. Даніилъ былъ человѣкъ спеціально способный угождать; но, какъ кажется, онъ не просто хотѣлъ угождать великому князю, но и увѣрить его, что былъ вполнѣ достойнымъ преемникомъ преп. Іосифа на игуменствѣ. Преп. Іосифъ былъ ревностнѣйшимъ поборникомъ строгаго общежитія, для чего и основалъ свой собственный монастырь. Передъ своей смертью онъ со слезами молилъ великаго князя позаботиться, чтобы послѣ него не были нарушены въ его монастырѣ заведенные имъ порядки. Великій князь, взявшійся быть нарочитымъ «прикащикомъ» монастыря, почасту навѣщалъ его послѣ Іосифа и убѣждалъ монаховъ хранить преданный имъ отъ послѣдняго законъ, а обычаевъ другихъ монастырей не перенимать, прибавляя, что если не станутъ хранить, то онъ самъ исправитъ ихъ и тогда имъ будетъ не зѣло любо [1]). Такимъ образомъ, заботы о поддержаніи въ монастырѣ строгаго общежитія составляли главное, чѣмъ Даніилъ могъ показать себя достойнымъ преемникомъ Іосифа въ глазахъ великаго князя. И мы имѣемъ отъ времени игуменства Даніила письменный его трудъ, который какъ будто нарочитымъ образомъ разсчитанъ именно на сейчасъ указанное. Этотъ письменный трудъ есть посланіе Даніила къ монахамъ своего монастыря съ обличеніями къ нимъ въ начавшемся между ними нарушеніи завѣта Іосифова о безусловной нестяжательности и съ увѣщаніями неизмѣнно хранить преданный имъ уставъ [2]). Въ виду того, что для собесѣдованія съ людьми, которые находились лицомъ къ лицу, не было нужды въ письмени, можно подозрѣвать, что главною цѣлію посланія было не то, чтобы простереть учительное слово къ монахамъ, а то, чтобы произвесть желаемое впечатлѣніе на великаго князя. Впрочемъ, могъ быть Даніилъ и искреннимъ ревнителемъ нестяжательности, ибо честолюбіе не исключаетъ всѣхъ безъ изъятія добродѣтелей.

---

[1]) У Саввы въ житіи Іосифа, стрр. 61 fin и 65.

[2]) См. изслѣдованіе *В. И. Жмакина*: «Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія», стр. 663 fin sqq.

До низведенія Варлаама съ каѳедры митрополичьей Даніилъ игуменствовалъ въ Волоколамскомъ монастырѣ въ продолженіе шести лѣтъ (преп. Іосифъ † 9-го Сентября 1515-го года). За это время великій князь успѣлъ узнать его настолько, чтобы найти вполнѣ угоднымъ себѣ, а онъ съ своей стороны сумѣлъ достигнуть того, чтобы пріобрѣсти себѣ все расположеніе государя. И Василій Ивановичъ, желая замѣнить на каѳедрѣ митрополіи человѣка строптиваго человѣкомъ безусловно—покорнымъ, поставилъ его на мѣсто Варлаама.

Поставленный въ митрополиты, Даніилъ не обманулъ надеждъ, которыя были возлагаемы на него великимъ княземъ: онъ показалъ себя настолько раболѣпнымъ и угодливымъ, насколько это могло быть желательно послѣднему.

Другое, чѣмъ онъ ознаменовалъ себя, это—его безпощадная и непримиримая ненависть къ врагамъ своихъ принциповъ и къ своимъ личнымъ.

Вообще, какъ дѣятеля и какъ нравственное лицо мы знаемъ Даніила только съ худыхъ и совсѣмъ отталкивающихъ его сторонъ. Однако, должны мы сдѣлать оговорку, что тотъ же самый Даніилъ представляетъ изъ себя нѣчто совсѣмъ иное въ области письменнаго пастырскаго ученія: ту или другую цѣну придавать этому ученію самому по себѣ и отдѣльно взятому, но здѣсь Даніилъ занимаетъ въ ряду нашихъ митрополитовъ не только одно изъ видныхъ мѣстъ, но и мѣсто совсѣмъ выдающееся и совсѣмъ исключительное, рѣшительно и необыкновенно возвышаясь въ этомъ отношеніи надъ всѣми прочими нашими митрополитами.

Варлаамъ, какъ мы говорили, низведенъ былъ съ митрополіи 17-го или 18-го Декабря 1521-го года; Даніилъ поставленъ въ митрополиты 27-го Февраля 1522-го года.

Онъ занималъ каѳедру въ продолженіе 17-ти лѣтъ, по тотъ же Февраль мѣсяцъ 1539-й годъ.

Не имѣя почти совершенно никакихъ свѣдѣній объ его церковно-правительственной дѣятельности, мы должны говорить отчасти объ услугахъ, оказанныхъ имъ великому князю, главнымъ же образомъ объ его торжествѣ надъ людьми, представлявшими враждебное ему направленіе.

Не знаемъ, дѣлалъ или не дѣлалъ великій князь предложеніе Варлааму о томъ, чтобы вѣроломнымъ образомъ достать въ Москву Шемячича, но съ Даніиломъ они весьма скоро устроили это дѣло. Шемячичъ, Василій Ивановичъ, былъ внукъ Дмитрія Шемяки, который послѣ отца Юрія Дмитріевича и брата Василія Косаго оспаривалъ великокняжескій престолъ у Василія Васильевича Темнаго и который

умеръ отъ отравы въ Новгородѣ въ 1453-мъ году. Сынъ Дмитрія Иванъ бѣжалъ изъ Новгорода въ Литву, гдѣ король польскій и великій князь литовскій Казимиръ († 1492) далъ ему въ наслѣдственное владѣніе Рыльскъ и Новгородъ-Сѣверскій. Въ 1500-мъ году, когда король польскій и великій князь литовскій Александръ, зять Ивана Васильевича III, поднялъ въ Литвѣ гоненіе на православныхъ, сынъ и преемникъ Ивановъ на полученномъ удѣлѣ—нашъ Василій рѣшился передаться Москвѣ и въ качествѣ присяжника этой послѣдней ознаменовалъ себя какъ блестящій воитель противъ Литвы и Крыма. Но онъ имѣлъ непримиримаго врага себѣ въ сосѣднемъ удѣльномъ князѣ Василіи Сүмеоновичѣ стародубскомъ (внукѣ союзника его дѣду Ивана Андреевича Можайскаго, который бѣжалъ въ Литву вмѣстѣ съ Иваномъ Шемячичемъ и вмѣстѣ съ нимъ получилъ отъ короля наслѣдственный удѣлъ). Этотъ Василій Сүмеоновичъ непрестанно клеветалъ на него великому князю, будто онъ замышляетъ снова передаться Литвѣ. Въ 1517-мъ году Шемячичъ былъ призываемъ въ Москву и успѣлъ оправдаться отъ взведенныхъ на него врагомъ обвиненій. Но Василій Сүмеоновичъ продолжалъ свои доносы и успѣлъ достигнуть того, что великій князь, освобождая себя отъ сомнѣній и предупреждая ту опасность, чтобы оружіе воинственнаго князя не обратилось противъ него, рѣшился избавиться отъ Шемячича посредствомъ его заключенія. Онъ вторично былъ потребованъ въ Москву. Такъ какъ на сей разъ, вѣроятно, онъ подозрѣвалъ умышленіе противъ него и не хотѣлъ являться, если великій князь и митрополитъ не вышлютъ ему охранныхъ крестоцѣловальныхъ грамотъ, то великій князь и митр. Даніилъ послали ему желаемыя грамоты [1]). Полагаясь на письменныя клятвы, Шемячичъ явился въ Москву 18-го Апрѣля 1523-го года, а спустя 23 дня, 11-го Мая, онъ былъ схваченъ и посаженъ подъ стражу [2]). Митрополитъ не только не стыдился своего вѣроломнаго поступка, но и находилъ возможнымъ говорить объ его удачѣ съ благодарностію къ Богу [3]).

Даніилъ принадлежалъ къ числу ревностнѣйшихъ учениковъ и сторонниковъ преп. Іосифа по вопросу о вотчиновладѣніи монастырей.

---

[1]) Герберштейнъ у *Старчевск.* p. 45. col. 2. Враги Даніила говорили о немъ послѣ захвата Шемячича: «а того митрополитъ не помнитъ, что къ Шемячичу грамоту писалъ и руку свою къ той грамотѣ приложилъ, а взялъ его на образъ Пречистые да на чюдотворцевъ да на свою душу»,—Акт. Эксп. т. I, № 172, стр. 144 col. 2.

[2]) Герберштейнъ. p. id., Типографск. лѣт. 318 fin..

[3]) Акт. Эксп. ibidd..

Слѣдовательно, какъ таковой, онъ долженъ былъ видѣть своихъ враговъ въ Вассіанѣ Косомъ и преп. Максимѣ Грекѣ. Полное и безпощадное торжество надъ этими врагами и составляетъ главное, чѣмъ Даніилъ ознаменовалъ свое правленіе.

Защитники вотчиновладѣнія монастырей, съ преп. Іосифомъ во главѣ, нѣтъ сомнѣнія, не питали чувства любви къ преп. Нилу Сорскому, послѣ того, какъ онъ поднялъ вопросъ объ отобраніи у монастырей вотчинъ. Но преп. Нилъ, сдѣлавъ свое предложеніе на соборѣ 1503-го года и потерпѣвъ неудачу, не хотѣлъ вести полемики противъ вотчиновладѣнія и не хотѣлъ обращаться къ пропагандѣ противъ него, а оставилъ вотчиновладѣтелей въ покоѣ. Смѣнившій Нила въ качествѣ противника вотчиновладѣнія Вассіанъ Косой повелъ дѣло совершенно иначе. Онъ задался мыслью, путемъ полемики письменной, вооружить противъ вотчиновладѣнія монастырей общественное мнѣніе, а путемъ личныхъ вліяній на великаго князя, что̀ дѣлало возможнымъ для него его исключительное положеніе, и путемъ устной пропаганды среди окружавшихъ государя бояръ, попытаться достигнуть того, чтобы отобраніе вотчинъ у монастырей совершено было насильственнымъ образомъ. Естественно, что защитники вотчиновладѣнія, съ преп. Іосифомъ во главѣ, должны были почувствовать къ Вассіану самую непримиримую ненависть. Отъ преп. Іосифа наслѣдовалъ эту ненависть Даніилъ и долженъ былъ чувствовать ее тѣмъ въ бо̀льшей степени, что она была для него наслѣдіемъ. Преп. Максимъ Грекъ, оказавшись единомысленникомъ Вассіана, выступилъ какъ его сотрудникъ: подобно послѣднему онъ предпринялъ противъ вотчиновладѣнія полемику письменную, и если, можетъ быть, не пытался лично вліять на великаго князя, не бывъ въ состояніи этого дѣлать, то, не подлежитъ сомнѣнію, велъ горячую пропаганду устную, насколько обращался въ средѣ Русскихъ. И онъ долженъ былъ привлечь на себя ненависть Даніила нисколько не меньшую, чѣмъ Вассіанъ, но и гораздо бо̀льшую, ибо если онъ не могъ непосредственно вліять на великаго князя, то его авторитетъ въ глазахъ общества былъ бо̀льшій, чѣмъ Вассіановъ, а его убѣдительность и искусство какъ полемиста и пропагандиста были несравненно бо̀льшія.

Но необходимо думать, что, будучи ненавистны Даніилу какъ противники вотчиновладѣнія, Вассіанъ и Максимъ постарались еще и о томъ, чтобы сдѣлать его своимъ личнымъ непримиримымъ врагомъ. Когда великій князь, низвергнувъ Варлаама, собирался назначить ему преемника, то, какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, Вассіанъ употребилъ всѣ свои старанія, чтобы воспрепятствовать избранію ненави-

стнаго ему іосифлянина, каковъ былъ Даніилъ. Великій князь, державшій Вассіана въ приближеніи къ себѣ вовсе не за тѣмъ, чтобы слушаться его, не обратилъ на его протесты никакого вниманія: но отъ этого ненависть къ нему Даніила не могла быть меньшею. Не воспрепятствовавъ назначенію Даніила, Вассіанъ долженъ былъ чувствовать наклонность вымещать себя тѣмъ болѣе безпощадною его критикой; а между тѣмъ митрополитъ былъ вовсе не такой человѣкъ, чтобы могъ оставаться неуязвимымъ для критики. Ради удовлетворенія честолюбія отдавшій себя въ волю великаго князя до пожертвованія правилами нравственными, онъ началъ свою дѣятельность такимъ поступкомъ, какъ вѣроломство по отношенію къ Шемячичу. Безмолвно-покорный слуга государя, забывшій о своемъ пастырскомъ долгѣ предстательства, онъ не являлся подобно прежнимъ независимымъ митрополитамъ ходатаемъ передъ государемъ за тѣхъ, кто подвергался его гнѣву, такъ что для подвергавшихся несчастію опалы вовсе не стало обычнаго прибѣжища. За поступокъ и за поведеніе митрополитъ осуждаемъ былъ въ обществѣ, и, конечно, первымъ въ числѣ самыхъ язвительныхъ судей, насколько можно было подвергать митрополита суду, выдѣляя великаго князя, былъ Вассіанъ. Проповѣдникъ идеаловъ, можетъ быть, не совсѣмъ безукоризненный, онъ имѣлъ тотъ идеалъ епископа, чтобы послѣдній, ограничивая по возможности собственныя потребности, главнымъ образомъ употреблялъ доходы своей каѳедры на вспомоществованіе бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ и на прокормленіе приходящихъ странниковъ. Нисколько не удовлетворяли этому идеалу и всѣ наши тогдашніе епископы, за что Вассіанъ и обличалъ ихъ, но въ особенности долженъ былъ подавать ему поводъ къ такимъ обличеніямъ ненавистный ему митрополитъ. Во время исканія игуменства и потомъ архіерейства Даніилъ, можетъ быть, велъ себя постникомъ и воздержникомъ; но, достигнувъ всего, онъ хотѣлъ жить хорошо и весело [1]). И если Вассіанъ обо всѣхъ современныхъ ему архіереяхъ говорилъ, что имъ надобно не что нибудь, а «пиры и села и скакати и смѣятися съ воры» [2]), то не могло быть пощады отъ него имѣвшему наклонность жить въ свое удовольствіе митрополиту.

---

[1]) Герберштейнъ говоритъ о Даніилѣ, что онъ былъ человѣкъ дюжій и тучный (robustus et obaesus), съ лицомъ краснымъ,—что, повидимому, онъ преданъ былъ болѣе чреву, чѣмъ посту и молитвеннымъ бдѣніямъ, и что, когда нужно было являться въ народѣ для служеній, онъ придавалъ лицу своему блѣдность посредствомъ окуриваній себя сѣрой,—у *Старчевск.* p. 20, col. 1 sub fin..

[2]) Запись о соборѣ на Максима 1531-го года,—въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-го года № 7, стр. 8 col. 1.

Преп. Максимъ, бывъ противникомъ Данiила по вопросу о вотчиновладѣнiи монастырей, не могъ питать къ нему той личной предвзятой ненависти, которую имѣлъ къ нему Вассiанъ. Но у него слишкомъ велика была наклонность къ критикѣ людей, и въ обществѣ Вассiана онъ не могъ не сдѣлаться столько же усерднымъ критикомъ митрополита, какъ и этотъ, съ тѣмъ только различiемъ, чтобы быть критикомъ несравненно болѣе тонкимъ и ядовитымъ.

Чрезмѣрную ненависть къ Вассiану и Максиму долженъ былъ питать Данiилъ въ качествѣ представителя защитниковъ вотчиновладѣнiя. Но ненависть личная, какъ извѣстно, превосходитъ всякую другую ненависть, въ особенности, когда ненавидящiй дѣйствительно сознаетъ за собою тѣ недостатки, за которые становится предметомъ злой критики. Слѣдовательно, Данiилъ долженъ былъ питать ненависть къ Вассiану и Максиму самую ожесточенную, къ какой только онъ былъ способенъ, а онъ способенъ былъ, какъ показали послѣдствiя, къ ненависти самой безпощадной и непримиримой.

Не вдругъ могъ добраться Данiилъ до Вассiана, но онъ скоро добрался до Максима, чтобы обрушиться на этого послѣдняго своей местью со всею ужасною силою.

Онъ поставленъ былъ въ митрополиты 27-го Февраля 1522-го года, а Максима онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ, какъ уничтоженнаго врага, въ началѣ 1525-го года, слѣдовательно—торжествовалъ свою побѣду надъ нимъ всего черезъ три года по вступленiи на митрополичью каѳедру.

За этотъ промежутокъ времени мы знаемъ о двухъ дѣйствiяхъ Данiила по отношенiю къ Максиму, изъ которыхъ одно имѣетъ тотъ смыслъ, что митрополитъ или пытался привлечь его на свою сторону или хотѣлъ усыпить его бдительность, а другое состояло въ томъ, чтобы руки врага употребить въ свою пользу. Въ 1523-мъ году писецъ Максима инокъ Селиванъ, выучившiйся у него греческому языку, совершилъ для митрополита подъ его редакцiей переводъ съ греческаго бесѣдъ Iоанна Златоустаго на евангелiе отъ Iоанна. Въ предисловiи къ переводу Селиванъ не одинъ разъ и съ ударенiемъ говоритъ, что онъ совершенъ проторы и попеченiемъ митрополита [1]), т.-е. даетъ знать, что какъ ему—переводчику, такъ и редактору заплачено было съ нарочитою щедростью. Щедрость могла имѣть ту или другую изъ сейчасъ выше указанныхъ цѣлей. Затѣмъ, Данiилъ настоятельно добивался

---

[1]) Предисловiе Селивана къ переводу въ Троицкой лаврской ркп. № 200, листъ 8.

было отъ Максима, чтобы этотъ перевелъ для него Церковную исторію блаженнаго Ѳеодорита. Максимъ рѣшительно отказался исполнить требованіе митрополита,—потому, какъ объяснялъ онъ послѣ, что опасался, какъ бы переводъ не послужилъ претыканіемъ и соблазномъ для нѣкоторыхъ православныхъ по причинѣ читаемыхъ въ Исторіи посланій Арія, Македонія и другихъ ересеначальниковъ [1]). Но что касается до митрополита, то, какъ необходимо думать, ему кѣмъ-нибудь было внушено, что Исторія блаженнаго Ѳеодорита содержитъ свидѣтельства о дозволеніи монахамъ въ древней греческой церкви владѣть вотчинами. Отказъ Максима совершить требуемый переводъ возбудилъ величайшій гнѣвъ митрополита, что не мало отдалось потомъ въ его мщеніи поверженному врагу; когда Максимъ очутился передъ нимъ въ положеніи подсудимаго передъ судіей, онъ не могъ воздержаться отъ злораднаго удовольствія сказать ему: «достигоша тебе, окаянне, грѣси твои, о немъ же отреклся превести ми священную книгу блаженнаго Ѳеодорита» [2]).

Какъ ни сильно Даніилъ ненавидѣлъ Максима, но самъ по себѣ, пока этотъ пользовался расположеніемъ великаго князя, онъ совершенно ничего не могъ ему сдѣлать. Чтобы уничтожить Максима, нужно было возбудить противъ него гнѣвъ и привлечь на него ненависть великаго князя. Послѣднее было сдѣлано,—и Максима постигла великая бѣда.

Чѣмъ Даніилъ успѣлъ возбудить противъ Максима гнѣвъ великаго князя, это составляетъ нѣкоторый вопросъ. Полагаютъ, что Максимъ самъ возбудилъ его противъ себя своимъ протестомъ противъ развода государя съ его неплодной супругой Соломоніей, каковой разводъ имѣлъ мѣсто въ одномъ и томъ же году съ постигшей его опалой (въ концѣ 1525-го года, тогда какъ опала—въ началѣ того же года). Но современныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ, чтобы Максимъ протестовалъ противъ развода вовсе нѣтъ. Позднѣйшія свидѣтельства говорятъ о протестѣ, но, какъ дѣло и должно было бы быть, они ставятъ первымъ протестующимъ Вассіана Косого и за нимъ Максима [3]). Между тѣмъ о

---

[1]) Посланіе Максима къ Даніилу уже изверженному.—Казанск. изд. II, 372 sqq.

[2]) Ibid. стр. 372 fin...

[3]) «О сочтаніи втораго брака, твореніе Паисѣино, старца Ѳерапонтова монастыря», о которомъ см. ниже, и за нимъ нѣкоторые хронографы,—у *Карамз.* къ т. VII прим. 279. Курбскій, изд. 2 стр. 5 fin. (говорящій прямо о Вассіанѣ, а о Максимѣ говорящій не прямо).

Вассіанѣ почти съ полною увѣренностью должно сказать, что онъ не протестовалъ: если бы онъ позволилъ себѣ сдѣлать это, то подвергся бы опалѣ великаго князя одновременно съ Максимомъ; но мы знаемъ, что онъ былъ выданъ государемъ митрополиту только уже гораздо позднѣе, и имѣемъ положительныя свидѣтельства, что сохранялъ благоволеніе къ себѣ государя послѣ его развода и втораго брака [1]). И безъ протеста, который могъ находить Максимъ невозможнымъ и безумнымъ, какихъ бы мыслей ни былъ о предметѣ, было чѣмъ привлечь на него тяжкій гнѣвъ государя. По своей натурѣ Максимъ былъ неудержимый критикъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Но онъ, человѣкъ высокообразованный и проведшій около десяти лѣтъ въ Италіи, вдругъ попалъ въ Россію; это—почти то же, что нынѣшній западный европеецъ съ его—Максима наклонностями попалъ въ Персію или въ Хиву, Бухарію, въ Афганистанъ. Чрезвычайно многое, если не все вообще, онъ долженъ былъ находить въ нашихъ государственныхъ порядкахъ и государственной жизни неудовлетворительнымъ и заслуживающимъ порицанія, и на все долженъ былъ простереть свою критику. Эта критика весьма многаго нашего, можетъ быть, и не разгнѣвала бы великаго князя на Максима до такой степени, какъ на самомъ дѣлѣ случилось, хотя и имѣла бы для него своимъ слѣдствіемъ то, что онъ не былъ бы отпущенъ изъ Россіи, чтобы, возвратившись домой, не сталъ глашатаемъ между Греками нашей худой славы [2]). Но Максимъ не могъ воздержаться отъ того, чтобы не простереть своей кри-

---

[1]) См. Акт. Ист. т. I, № 173: грамота по просьбѣ Вассіана отъ 14-го Сентября 1526-го года, а государь женился во второй разъ 21-го Января того же года.

[2]) Въ слѣдственномъ дѣлѣ о бояринѣ Иванѣ Никитичѣ Берсенѣ, который обвиненъ былъ какъ соучастникъ Максима въ хулахъ на великаго князя, читаемъ показаніе Максима: «да Максимъ же сказывалъ,—въспросилъ меня Берсень: «хочетъ ли тебя великій князь отпустити въ Святую гору?» и азъ молвилъ: «прошуся деи у великаго князя много и онъ мене не отпуститъ»; и Берсень мнѣ молвилъ: «а и не бывати тебѣ отъ насъ»; и азъ ему молвилъ: «за что ему меня не отпустить? взялъ государь насъ отъ нашіе братьи на томъ, что ему насъ и назадъ отпустити»; и Берсень молвилъ: «держимъ на тебя мнѣнья, пришолъ еси сюда. а человѣкъ еси разумной, и ты здѣсь увѣдалъ наше добрая и лихая, и тебѣ тамъ пришодъ все сказывати»,—Акт. Эксп. т. I, № 172, стр. 142 fin. Это до такой степени большое опасеніе пересказовъ Максима въ Греціи о нашихъ порядкахъ, что рѣшено было не отпускать его, очевидно, указываетъ на то, что Максимъ заявилъ себя какъ слишкомъ сильный порицатель нашихъ порядковъ.

тики и на представителя порядковъ—самого великаго князя, и именно—на специфическія свойства Василія Ивановича. Государь этотъ былъ самовластецъ, весьма близкій къ настоящему деспоту, а Максимъ съ своей стороны и по натурѣ и по воспитанію до такой степени мало чувствовалъ симпатіи къ деспотизму, что не могъ противъ него не высказываться. Между тѣмъ одну изъ страшныхъ людямъ особенностей деспотическихъ натуръ составляетъ то, чтобы не терпѣть ни мальшей себѣ критики,—и вотъ тутъ-то и была бѣда и погибель Максима: великому князю было наговорено на него, что онъ есть его—государя дерзкій поноситель, и великій князь, послѣ того какъ болѣе или менѣе былъ убѣжденъ въ справедливости наговоровъ, воспылалъ противъ него необузданнымъ гнѣвомъ. Неограниченное самовластіе Василія Ивановича, естественно, возбуждало противъ него всѣхъ тѣхъ, кому приходилось становиться жертвою самовластія; Максимъ принималъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ недовольныхъ, чтобы говорить съ ними о государѣ—осторожно или неосторожно, но не въ томъ смыслѣ, чтобы воздавать ему хвалы. А это могло быть представлено великому князю въ такомъ видѣ, что Максимъ съ своими нерусскими понятіями возстановляетъ Русскихъ противъ власти его—государя, при чемъ ненамѣренная неосторожность могла быть превращена въ намѣренный злой умыселъ. Одинъ изъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Максима говоритъ, что «великаго князя (онъ) называлъ гонителемъ и мучителемъ нечестивымъ, какъ и прежніе гонители и мучители нечестивые были», и не можетъ быть сомнительнымъ, что именно это обвиненіе составляло то средство, при помощи котораго возбуждена была въ государѣ нестерпимая ненависть къ Максиму. Невозможно думать, что въ своихъ неосторожныхъ рѣчахъ о государѣ Максимъ заходилъ слишкомъ далеко. Еще менѣе онѣ могли быть доказаны, ибо у тѣхъ, кто слышалъ ихъ отъ Максима въ качествѣ его собесѣдниковъ, не могло быть охоты выдавать себя. Но въ подобныхъ случаяхъ и малое идетъ за многое, ибо предполагается, что если сказалъ мало, то думаешь много.

Возстановленный противъ Максима до нестерпимой ненависти къ нему, великій князь, естественно, исполнился такой же жажды уничтожить и раздавить его, какою давно снѣдаемъ былъ митрополитъ. Но, вѣроятно, при всей своей ненависти къ Максиму Василій Ивановичъ находилъ, что карать человѣка за одни нескромные отзывы о немъ—государѣ, имѣвшіе характеръ не какой нибудь публичный, а частный, которые высказывались въ частныхъ бесѣдахъ и стали извѣстными путемъ доносовъ, значило бы сдѣлать не что иное, какъ именно по-

твердить отзывы о немъ Максима. Поэтому рѣшено было изобрѣсти на послѣдняго другія обвиненія, на основаніи которыхъ можно было бы осудить его. Имѣемъ указанія, что старались изобрѣтать обвиненія весьма усиленно, прибѣгая для сего и къ такому средству, какъ подговоръ нѣкоторыхъ его знакомыхъ взвести на него клеветы [1]. Такъ или иначе, но обвиненія, о степени основательности которыхъ сейчасъ ниже, были найдены, и государь рѣшилъ судить его съ тѣмъ, чтобы жестоко осудить.

Бѣда, устроенная митрополитомъ Максиму, какъ мы сказали, постигла его въ началѣ 1525-го года: онъ былъ взятъ подъ стражу съ тѣмъ, чтобы быть преданнымъ суду, въ первой половинѣ Февраля мѣсяца этого года [2]. Хотя обвиненія, имѣвшія быть представленными на судъ, были церковнаго характера только на наименьшую часть, но великій князь поручилъ судить Максима митрополиту съ соборомъ епископовъ, и только на первомъ засѣданіи собора присутствовалъ самъ съ своими братьями и боярами, для чего послѣдній собирался на этотъ первый разъ въ его государевыхъ палатахъ. Существующія извѣстія о соборѣ говорятъ, что онъ имѣлъ многочисленныя засѣданія и производилъ великій взыскъ о винахъ Максима [3]. Если это дѣйствительно такъ, то должно думать, что намѣреннымъ образомъ растянуто было производство суда, для того чтобы показать, будто вины Максима требуютъ многихъ изысканій и будто онъ—человѣкъ очень виновный.

Сейчасъ мы сослались на существующія извѣстія о соборѣ 1525-го года, и мы должны начать рѣчь о соборѣ именно съ этихъ

[1] По дѣлу Максима вмѣстѣ съ помянутымъ Иваномъ Никитичемъ Берсенемъ обвиненъ былъ крестовый дьякъ великаго князя (Типографск. лѣт. стр. 381) Ѳедоръ Жареный. Этотъ Жареный сообщалъ Берсеню, какъ показывалъ на него послѣдній, что великій князь присылалъ къ нему игумена Троицкаго (не Порфирія, который оставилъ игуменство въ Сентябрѣ 1524-го года, а Арсенія Сахарусова или Сухарусова, который поставленъ былъ въ Январѣ 1525-го года,—Типогр. лѣт. стр. 381) съ словами: «только мнѣ солжи на Максима, и азъ тебя пожалую». Правда, на очной ставкѣ съ Берсенемъ Жареный утверждалъ, что говорилъ ему совсѣмъ другое, а именно—что великій князь присылалъ къ нему—Жареному игумена съ тѣмъ, чтобы онъ сказалъ на Максима всю истинну: но бо́льшая вѣроятность на сторонѣ показанія о Жареномъ Берсеня.—Акт. Эксп. т. I, № 172 стр. 144 col. 2.

[2] Акт. Эксп. ibidd..

[3] Запись о соборѣ 1531-го года, см. что̀ говорится сейчасъ далѣе и слѣдующее примѣчаніе.

извѣстій. Максимъ судимъ былъ два раза, въ 1525-мъ году и потомъ въ 1531-мъ году. Объ обоихъ судившихъ его соборахъ мы имѣемъ записи. Но, къ сожалѣнію, эти записи—не оффиціальные протоколы производства суда на соборахъ, а чьи-то частныя историческія о нихъ записки, какъ будто всего вѣроятнѣе—принадлежащія самому митр. Даніилу. Первое, что̀ должно быть сказано противъ этихъ записей, есть то, что въ весьма значительной части случаевъ онѣ не приводятъ отвѣтовъ Максима на обвиненія и что и въ тѣхъ случаяхъ, когда приводятъ ихъ, мы вовсе не можемъ положиться на достовѣрность влагаемаго въ уста Максиму ихъ неизвѣстнымъ авторомъ. Второе есть то, что по записямъ нельзя съ совершенною увѣренностью опредѣлить, въ чемъ обвиняемъ былъ Максимъ на первомъ соборѣ и въ чемъ на второмъ. Запись о первомъ соборѣ весьма неполная, и какіе пункты обвиненія были предъявлены противъ Максима, это мы должны узнавать изъ записи о второмъ соборѣ. Но эта послѣдняя запись составлена такъ, что въ ней сливается рѣчь объ обоихъ соборахъ [1]).

По записи о самомъ соборѣ 1525-го года мы достовѣрно знаемъ, что Максимъ обвиняемъ былъ на немъ въ одной ереси; затѣмъ, насколько можно выдѣлить въ записи о соборѣ 1531-го года, относящееся къ нашему собору, онъ еще обвиняемъ былъ на немъ въ дерзкихъ рѣчахъ о нашихъ отношеніяхъ къ патріарху константинопольскому, въ преступленіяхъ политическихъ и рѣчахъ политически-преступныхъ и въ одномъ преступленіи уголовномъ.

Мнимая ересь Максима состояла въ слѣдующемъ. Приступивъ, по порученію великаго князя, къ исправленію нашихъ богослужебныхъ книгъ, когда не зналъ еще русскаго языка, и начавъ исправленіе Цвѣтной Тріоди, Максимъ допустилъ погрѣшности языка, привносившія еретическую мысль, въ исправленіи службы на Вознесеніе. Гдѣ прежде него въ службѣ читалось о Христѣ: взыде на небеса и сѣде одесную Отца,... сѣдяй одесную Отца, онъ поправилъ: сѣдѣлъ (сѣдѣлъ еси) одесную Отца, сѣдѣвъ..., сѣдѣвшій одесную Отца. Допустивъ погрѣшности, Максимъ воображалъ, что неправильное замѣнилъ правильнымъ, и хотѣлъ защищать свои поправки. На этомъ основаніи было представлено на него слѣдующее обвиненіе: «Максимъ инокъ святогорецъ говорилъ и училъ многихъ и писалъ о Христѣ, яко сѣдѣніе Христово одесную Отца мимошедшее и минувшее: якоже Адамово селеніе въ раи

---

[1]) Обѣ записи, носящія одно общее заглавіе: «Прѣніе Даніила митрополита Московскаго и всеа Руси со инокомъ Максимомъ святогорцемъ», напечатаны въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-го года, № 7.

и прямо рая сѣдѣніе, тако и Христово сѣдѣніе одесную Отца мимошедшее». Чтобы Максимъ принималъ и проповѣдывалъ ересь, что сѣдѣніе Христово одесную Отца есть мимошедшее, это, какъ само собою понятно, крайняя нелѣпость, но онъ дѣйствительно могъ защищать свою неправильную поправку, и пока совсѣмъ хорошо не узналъ русскаго языка, могъ защищать болѣе или менѣе упорно. По-русски переведено было: «сѣде»,—второе и третье лице, а въ греческомъ подлинникѣ аористъ: ἐκάθισας, ἐκάθισεν; по русски переведено было: «сѣдяй», а въ греческомъ подлинникѣ аористъ: καθίσας (т. е. возсѣдшій). При своемъ незнаніи русскаго языка Максимъ, очевидно, находилъ a priori, что греческій аористъ вѣрнѣе и правильнѣе передать порусски не прошедшимъ совершеннымъ и не настоящимъ временами, а прошедшимъ несовершеннымъ: на этомъ основаніи онъ сдѣлалъ свою неудачную поправку и на этомъ основаніи онъ могъ защищать ее, пока не ознакомился хорошо съ русскимъ языкомъ. Къ чему онъ ссылался на селеніе Адама въ раи и на сѣдѣніе прямо рая, мы не можемъ объяснить, но нѣтъ сомнѣнія не затѣмъ, чтобы доказывать, будто сѣдѣніе Христово одесную Отца и эти селеніе и сѣдѣніе суть одно и тоже. Запись о соборѣ 1525-го года, которая говоритъ объ одномъ нашемъ пунктѣ обвиненій, утверждаетъ, что когда Максиму прочтено было на соборѣ обвиненіе, онъ отвѣчалъ тоже, что̀ говорилъ и прежде: «въ томъ разньства ни котораго нѣсть, а то мимошедшее Адамово селеніе въ раи и сѣдѣніе прямо рая мимошедшее есть, такоже (и) Христово сѣдѣніе одесную Отца мимошедшее есть». Такъ какъ въ 1525-мъ году Максимъ настолько хорошо долженъ былъ знать русскій языкъ, чтобы понимать различіе между выраженіями сѣде и сѣдѣлъ, то довольно сомнительно, чтобы это была правда, которая, вѣроятно, состояла въ томъ, что онъ просилъ у собора прощенія въ своей ненамѣренной погрѣшности. Но если бы это и дѣйствительно было такъ, то ни для кого не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что Максимъ защищалъ не ересь, а неправильный переводъ, считая его за правильный. Такимъ образомъ, если бы и дѣйствительно было такъ, какъ представляетъ дѣло запись о соборѣ, вина Максима состояла бы не въ томъ, что онъ защищаетъ ересь, а въ томъ, что онъ защищаетъ неправильный переводъ, привносящій,—чего онъ не сознавалъ,—еретическую мысль, т. е. вина Максима состояла бы въ томъ, что онъ хотѣлъ воображать себя знающимъ русскій языкъ лучше самихъ Русскихъ. За свое упорство, если оно дѣйствительно имѣло мѣсто, Максимъ нисколько не заслуживалъ похвалы, хотя этимъ упорствомъ онъ и не причинялъ никому никакого вреда, такъ какъ его исправленія

прежде чѣмъ быть принятыми, должны были пройдти через цензуру церковной власти. Но ясно, что провозгласить его еретикомъ можно было только при помощи того средства, чтобы намѣренно принять qui pro quo,—одно за другое. Митрополитъ и воспользовался возможностію сдѣлать это: Максиму прочтено было обвиненіе; онъ настаивалъ на правильности перевода; это намѣреннымъ образомъ было понято такъ, будто онъ настаиваетъ на еретической мысли, заключающейся въ его мнимомъ правильномъ переводѣ,—и его провозгласили еретикомъ.

Дерзкія рѣчи Максима о Русскихъ касательно ихъ отношеній къ патріарху константинопольскому состояли въ томъ, что онъ укорялъ ихъ или за отрицаніе отъ патріарха, яко отъ сущаго во области безбожныхъ Турокъ, или за непоминовеніе его имени на богослуженіи, и потомъ—что укорялъ ихъ за поставленіе ими своихъ митрополитовъ въ самой Москвѣ, а не въ Константинополѣ. «Да ты же Максимъ—читается обвиненіе—говорилъ многимъ здѣсь на Москвѣ: великому князю и митрополиту кличутъ многолѣтіе и еретиковъ проклинаютъ, занеже творять ни по писанію ни по правиломъ, а митрополитъ поставляется своими епископы на Москвѣ, а не въ Цареградѣ отъ патріарха». Въ первой половинѣ обвиненія, представляющейся непонятною, должно отыскивать смыслъ такимъ образомъ, что или слова «еретиковъ проклинаютъ» относить къ патріарху и разумѣть отрицаніе отъ него, какъ отъ еретика, или, понимая эти слова въ обыкновенномъ смыслѣ, подразумѣвать пропускъ словъ: а патріарха не поминаютъ. Такъ или иначе, но относительно всего, что читается въ обвиненіи, вина Максима состояла единственно въ томъ, что онъ смѣлъ говорить Русскимъ непріятную для нихъ правду, на которую они не въ состояніи были отвѣчать ему что нибудь удовлетворительное. По поводу своего укора Русскимъ, что они ставятъ своихъ митрополитовъ въ Москвѣ, Максимъ говорилъ на соборѣ 1531-го года, когда ему повторено было обвиненіе: «дознавался я, почему не ставятся митрополиты русскіе по прежнему и по старому обычаю въ Константинополѣ, и мнѣ сказали, что патріархъ константинопольскій далъ благословенную грамоту русскимъ митрополитамъ ставиться своими епископами; и я много добивался видѣть эту грамоту, но и до сихъ поръ не видалъ ея»...

Политическія преступленія, въ которыхъ Максимъ обвиняемъ былъ на соборѣ 1525-го года, суть слѣдующія:

Во-первыхъ, онъ—Максимъ и его сообщникъ Савва (архимандритъ новоспасскій, который былъ родомъ также Грекъ) вмѣсто добра умышляли и совѣщали зло великому князю: посылали грамоты къ турецкимъ пашамъ и къ самому турецкому султану, поднимая султана на

государя; да они же—Максимъ и Савва говорили: великій князь ведетъ войну противъ Казани, но не придется ему владѣть ею, потому что для турецкаго султана (который считаетъ Казань вассальною себѣ) срамъ будетъ терпѣть это («ратуетъ князь великій Казань, да нѣколи ему будетъ, и соромъ Турскому,—ему не терпѣти»). Обвиненіе на Максима съ Саввой, будто они посылали грамоты къ турецкимъ пашамъ и къ самому султану, поднимая султана на великаго князя не только представляютъ pendant къ обвиненію Максима въ ереси, но нѣчто и еще гораздо болѣе удивительное и въ своемъ родѣ совершенное. Два греческіе монаха, живущіе въ Москвѣ, затѣваютъ такое дѣло, какъ посредствомъ своихъ писемъ къ пашамъ и султану возбудить послѣдняго къ войнѣ противъ великаго князя: похоже ли это на что нибудь сколько нибудь вѣроятное? И для чего монахи пожелали бы возбудить султана къ войнѣ? Чтобы онъ завоевалъ Россію? Но какая бы была монахамъ польза отъ этого и была ли хоть одна, не совершенно скотская, душа въ Европѣ, которая желала бы, чтобы какая нибудь страна была завоевана Турками? Но положимъ, что совершенно невозможное было возможно: султанъ, вовсе не помышлявшій о томъ, чтобы воевать противъ Россіи, о чемъ по географическимъ условіямъ помышлять ему было бы и совсѣмъ нелѣпо, находился тогда въ такихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ, что письма монаховъ тотчасъ же были бы доставлены въ Москву. И если бы до такой степени тяжкое обвиненіе имѣло хоть тѣнь правды, то вмѣсто заточенія въ монастыряхъ, которымъ подверглись Максимъ и Савва, не случилось ли бы того, чтобы они осуждены были на самую ужаснѣйшую и позорнѣйшую смертную казнь, какую только можно выдумать? Къ обвиненію, вѣроятно, подала поводъ какая нибудь нелѣпая клевета, и хотя ему не вѣрили, но такъ какъ нужны были обвиненія для комедіи суда, то поспѣшили сказать: давай и его сюда и чѣмъ страшнѣе тѣмъ лучше [1]). Что касается до рѣчей Максима и Саввы: ведетъ великій князь войну противъ Казани и пр., то очень могли они говорить что́ нибудь въ томъ родѣ, что великій князь можетъ поссориться этой войной съ султаномъ и что ссора съ послѣднимъ есть нѣчто не совсѣмъ пріятное; но и тутъ не

[1]) Въ описи царскаго архива второй половины XVI вѣка значится, что у бывшаго спасскаго архимандрита Саввы взяты были какія-то грамоты греческія посольныя,—Акт. Экспед. т. I, стр. 341, ящикъ 61. Слѣдовательно, онъ имѣлъ какое-то отношеніе къ посольствамъ вел. князя въ Константинополь: вѣроятно, что ему давано было переводить грамоты.

невозможно, что Максиму съ Саввой усвоены были рѣчи, которыя говорили не они [1]).

Во-вторыхъ, они же—Максимъ и Савва знали про умыслы и похвальбы турецкаго посла Искиндера, который похвалялся поднять султана противъ государя: Максимъ зналъ про это и не донесъ великому князю и его боярамъ. Турецкій посолъ или точнѣе—посланецъ Скиндеръ, родомъ Грекъ (князь Манкупскій), нѣсколько разъ пріѣзжавшій въ Москву при Василіи Ивановичѣ не столько для переговоровъ государственныхъ, сколько для закупокъ султану русскихъ товаровъ (мѣховъ), и между прочимъ находившійся въ Москвѣ передъ временемъ опалы Максима, велъ себя у насъ нехорошо и можетъ быть дѣйствительно хвалился поссорить султана съ великимъ княземъ [2]). Зналъ или не зналъ Максимъ что нибудь про похвальбы Скиндера, если онѣ имѣли мѣсто, мы не можетъ сказать [3]); но не подлежитъ сомнѣнію, что великій князь обстоятельно зналъ обо всемъ поведеніи Скиндера помимо Максима. Слѣдовательно, ему вмѣнялось въ вину только то, что онъ съ своей стороны не сдѣлалъ доноса.

Политически-преступныя рѣчи, въ которыхъ обвиняемъ былъ Максимъ на соборѣ 1525-го года и которыя представляли собою lèse-majesté или оскорбленіе величества, суть слѣдующія:

Во-первыхъ, онъ говорилъ многимъ людямъ: владѣть султану русской землей, потому что ему ненавистны родственники (бывшихъ) константинопольскихъ императоровъ, а великій князь Василій внукъ Ѳомы морейскаго. Грекъ и горячій греческій патріотъ будто бы говорилъ подобное, становясь на турецкую точку зрѣнія! Можетъ быть, что по поводу усиленныхъ стараній великаго князя Василія Ивановича завязать тѣсный союзъ съ султанами [4]) Максимъ высказывался совсѣмъ въ противномъ смыслѣ, а именно—что напрасно великій князь сейчасъ указанное дѣлаетъ,—что между нимъ, какъ родственникомъ прежнихъ константинопольскихъ императоровъ, имѣющимъ права на ихъ наслѣдіе, и между султаномъ не можетъ быть искренней дружбы.

---

[1]) Эти рѣчи дѣйствительно говорилъ Скиндеръ, о которомъ сейчасъ ниже,—*Карамз.* VII, 79 sub fin..

[2]) *Карамз.* VII, 90, *Соловьева* V, 4-го изд. 354 нач..

[3]) Если вѣрить показанію Максима, которое онъ далъ, бывъ допрашиваемъ съ Берсенемъ, то онъ и не видалъ Скиндера, а только слышалъ про него.—Акт. Эксп. т. I, № 172, стр. 143 col. 2.

[4]) См. *Солов.* т. V, 4-го изд. стр. 350 sqq.

Во-вторыхъ, Максимъ называлъ великаго князя гонителемъ и мучителемъ нечестивымъ, какъ были прежніе гонители и мучители нечестивые. Объ этомъ обвиненіи, которое должно быть считаемо истинной и единственной причиной того, что великій князь воспылалъ страшнымъ гнѣвомъ противъ Максима и почувствовалъ къ нему непримиримую ненависть, мы говорили выше.

Втретьихъ, Максимъ говорилъ: великій князь выдалъ землю крымскому хану, а самъ испугавшись побѣжалъ отъ турецкаго султана; а ему какъ не бѣжать: если пойдетъ султанъ, то онъ долженъ или харачъ (подать) платить или бѣжать. Обвиненіе это непонятно, а именно—не видно въ немъ, къ кому относится: а самъ испугавшись побѣжалъ,—къ великому князю или хану. Если къ великому князю, то мы вовсе не можемъ указать случая, который бы разумѣлся. Если къ хану, то обвиненіе нужно понимать такъ: Максимъ смѣялся надъ великимъ княземъ, что онъ выдалъ свою землю крымскому хану, а напротивъ послѣдняго, когда этотъ побѣжалъ отъ султана, старался оправдывать, говоря, что ему и нельзя было не бѣжать, потому что и пр. Что касается до выдачи великимъ княземъ своей земли хану, то тутъ, нѣтъ сомнѣнія, разумѣется внезапное и страшное нашествіе на Москву хана Магмедъ-Гирея въ 1521-мъ году, когда великій князь удалялся изъ Москвы въ Волоколамскъ и когда онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ купить у хана миръ цѣною обязательства платить ему дань. Что Максимъ могъ отзываться о поведеніи великаго князя въ семъ случаѣ съ бо́льшей или меньшей критикой, это совершенно возможно.

Преступленіе уголовное, въ которомъ обвиняемъ былъ Максимъ на соборѣ 1525-го года, было колдовство. «Да ты же Максимъ,—гласитъ обвиненіе,—волшебными хитростьми еллинскими писалъ еси водками на дланѣхъ своихъ и распростиралъ длани свои противъ великаго князя, также и противъ иныхъ многихъ поставлялъ, волхвуя». Это нелѣпое обвиненіе показываетъ, что̀ способенъ былъ митрополитъ Даніилъ, съ одобренія великаго князя, выдумать на Максима, и какой вѣры заслуживаютъ и другія обвиненія [1])...

---

[1]) По изложенію обвиненій на Максима въ записи о соборѣ 1531-го года, слѣдовало бы, повидимому, относить къ обвиненіямъ собора 1525-го года еще то, что Максимъ укорялъ наши монастыри и церкви за ихъ вотчиновладѣніе. Но такъ какъ въ 1525-мъ году еще не былъ выданъ митрополиту великимъ княземъ Вассіанъ, то должно думать, что въ этомъ году и полемика противъ вотчиновладѣнія монастырей еще не была предоставлена первому послѣднимъ какъ предметъ осужде-

Такимъ образомъ, на соборѣ 1525-го года Максимъ провозглашенъ былъ отъ Даніила и—что должно подразумѣвать—великаго князя церковнымъ еретикомъ и тяжкимъ политическимъ и уголовнымъ преступникомъ. Какъ таковой, онъ приговоренъ былъ соборомъ къ отлученію отъ церкви и къ пожизненному тюремному заключенію въ монастырѣ.

Для тюремнаго заключенія Максимъ отправленъ былъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, т. е. къ монахамъ, которые должны были питать къ нему такую же ненависть, какъ и самъ Даніилъ, и слѣдовательно—которые могли быть вполнѣ надежными и надлежаще суровыми его стражами. Не знаемъ, было ли приказано отъ великаго князя и митрополита подвергать Максима истязаніямъ въ темницѣ или монахи волоколамскіе хотѣли дѣлать это по собственной ненависти къ нему, но онъ самъ, разумѣя, какъ должно думать, свое пребываніе именно въ Волоколамскомъ монастырѣ, увѣряетъ, что въ темницахъ «мразы и дымы и глады уморенъ былъ» [1]).

Обвиненный вмѣстѣ съ Максимомъ въ преступленіяхъ государ-

нія. Затѣмъ, мы не приводимъ обвиненія, которое Герберштейнъ выставляетъ какъ единственную причину гнѣва государя на Максима, имѣвшаго своимъ слѣдствіемъ его заточеніе въ 1525-мъ году, именно—обвиненія въ томъ, что онъ порицалъ неисправность нашихъ богослужебныхъ книгъ. У Герберштейна читается о катастрофѣ, случившейся съ Максимомъ въ 1525-мъ году: «узнали мы въ Москвѣ, что по просьбѣ великаго князя патріархъ константинопольскій прислалъ одного монаха, по имени Максимиліана (т.-е. Максима), чтобы онъ привелъ въ порядокъ и исправилъ всѣ книги, каноны и частныя постановленія, относящіяся къ вѣрѣ; когда монахъ сдѣлалъ это и, нашедъ (въ книгахъ) многія и важныя погрѣшности, объявилъ государю, что онъ есть настоящій схизматикъ, не слѣдующій ни римскому, ни греческому обряду: то вскорѣ послѣ такого заявленія, хотя государь (дотолѣ) былъ къ нему весьма расположенъ, онъ, какъ говорятъ, исчезъ и по мнѣнію многихъ утопленъ»,—у *Старчевск.* p. 30, col. 1. Но именно относительно нашего пункта обвиненій въ записи о соборѣ 1531-го года прямо дается знать, что онъ не былъ приводимъ на соборѣ 1525-го года: на соборѣ 1531-го года митрополитъ укоряетъ Михаила Медоварцева за то, что онъ не донесъ о хулахъ Вассіана и Максима на наши книги передъ соборомъ 1525-го года,—записи стр. 10 col. 1 sub fin.. На этомъ основаніи слѣдуетъ думать, что о катастрофѣ, случившейся съ Максимомъ, Герберштейнъ получилъ свѣдѣнія отъ лицъ, которыя не знали дѣла обстоятельно и которыя сообщили ему въ видѣ положительныхъ извѣстій свои собственныя предположенія.

[1]) Казанск. изд. II, 365.

ственныхъ архимандритъ новоспасскій Савва сосланъ былъ въ волоколамскій Возмицкій монастырь [1]).

Въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ Максимъ пробылъ въ темничномъ заключеніи шесть лѣтъ. Затѣмъ, въ 1531-мъ году онъ позванъ былъ въ Москву на новый соборъ, чтобы выслушать новыя обвиненія и чтобы быть отправленнымъ въ темницу другаго монастыря.

Успѣвъ достигнуть, чтобы Максимъ осужденъ былъ на пожизненное темничное заключеніе, Даніилъ достигъ по отношенію къ нему своей цѣли, состоявшей въ томъ, чтобы уничтожить его, и повидимому долженъ былъ оставить его въ покоѣ. Но митрополитъ поступилъ иначе. Можетъ быть, онъ опасался, какъ бы доброжелатели Максима не сумѣли оправдать его въ глазахъ великаго князя и не возвратили ему благоволенія государя; можетъ быть, онъ вообще находилъ, что—чѣмъ болѣе будешь имѣть обвиненій противъ врага, тѣмъ дѣло вѣрнѣе и безопаснѣе. Какъ бы то ни было, но, засадивъ Максима въ заключеніе, Даніилъ вовсе не оставилъ его въ покоѣ: онъ предпринялъ старательные розыски новыхъ противъ него обвиненій. Когда старанія увѣнчались успѣхомъ, митрополитъ и счелъ за нужное подвергнуть своего врага вторичному соборному суду, чтобы сдѣлать его осужденіе возможно прочнымъ и безповоротнымъ. Къ 1531-му году Даніилъ успѣлъ достигнуть, чтобы великій князь выдалъ ему и другаго его врага—Вассіана, и именно на соборъ, который былъ созванъ для осужденія сего послѣдняго, и долженъ былъ предстать Максимъ для вторичнаго суда. Это обстоятельство даетъ знать, что въ 1531-мъ году митрополитъ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія опасаться, чтобы великій князь возвратилъ Максиму свое благоволеніе, и слѣдовательно—

---

[1]) Типографск. лѣт. стр. 386. Что касается до судьбы даннаго Максиму въ писцы и ставшаго его ученикомъ монаха троицкаго Селивана: то Курбскій, называя его мужемъ искуснымъ обоего любомудрія—внѣшняго и духовнаго, увѣряетъ, будто митр. Даніилъ «въ своемъ епископскомъ дому злою смертію за малые дни уморилъ его»,—Сказаній 2 изд. стр. 42, а запись на одномъ изъ списковъ переведенныхъ имъ съ греческаго Бесѣдъ Іоанна Златоустаго на евангеліе отъ Матѳея увѣряетъ, что онъ вмѣстѣ съ учителемъ своимъ Максимомъ заточенъ былъ въ Волоколамскій монастырь и въ монастырѣ, «въ дыму задушенъ, скончался».—Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи, ч. I, № 138, стр. 163—164. Но изъ одного сообщенія о немъ, читаемаго въ описи царскаго архива второй половины XVI вѣка слѣдуетъ, что онъ неизвѣстно когда (до собора 1531-го года, на которомъ уже не фигурируетъ) умеръ естественною смертью,—Акт. Экспед. т. I. № 289. ящикъ 27, стр. 337 col. 2.

даетъ знать, что главною причиною, по которой митрополитъ желалъ вторичнаго суда надъ Максимомъ, была вообще его непримиримая ненависть къ врагу. Запись о соборѣ 1531-го года дѣйствительно свидѣтельствуетъ, что ненависть эта была непримирима и неукротима. Необходимо думать, что и Максимъ своимъ поведеніемъ въ Волоколамскомъ монастырѣ весьма много содѣйствовалъ тому, чтобы она не только не ослабѣла, но и достигла до послѣдней степени своей силы и напряженности. На соборѣ 1531-го года Максимъ съ особеннымъ настояніемъ обвинялся между прочимъ въ томъ, что, бывъ заключенъ въ темницу въ Волоколамскомъ монастырѣ ради обращенія, онъ вовсе не показалъ покаянія и исправленія и утверждалъ, что-де его заключили безъ вины и что онъ-де не знаетъ за собой ни единаго грѣха. Уничтоженный врагъ вовсе не думалъ смиряться и имѣлъ смѣлость говорить о своей невинности, обвиняя такимъ образомъ своего судію: естественно, что ненависть къ нему судіи вовсе не могла ослабѣть.

Ошибка, допущенная Максимомъ при исправленіи службы на Вознесеніе и сдѣлавшаяся митрополиту извѣстною до собора 1525-го года, указала послѣднему, гдѣ искать новыхъ противъ него обвиненій. Обратились къ этому его исправленію богослужебныхъ книгъ и къ его переводамъ съ греческаго, и дѣйствительно нашли нѣсколько обвинительныхъ противъ него пунктовъ. Затѣмъ, открыли за нимъ еретическое мнѣніе помимо тѣхъ ересей, которыя онъ навносилъ въ книги и въ свои переводы. Измѣнившіяся обстоятельства времени дали митрополиту возможность предъявить противъ него обвиненіе, которое не могло быть предъявлено на соборѣ 1525-го года. Наконецъ, монахи волоколамскіе выступили противъ него обвинителями за время его жизни въ ихъ монастырѣ.

Первую группу обвиненій, которыя предъявлены были противъ Максима на соборѣ 1531-го года составляло слѣдующее:

1) Въ 1521-мъ году, еще не зная хорошо русскаго языка, Максимъ перевелъ, по порученію великаго князя или митр. Варлаама, Метафрастово житіе Богородицы и допустилъ въ переводѣ три ошибки языка, вводящія еретическія мысли [1]). На соборѣ Максимъ призналъ

---

[1]) Во-первыхъ, разсказъ Метафраста о томъ, что по совѣщанію священниковъ Пречистая Дѣва обручена была Іосифу, какъ могшему сохранить ненарушимымъ ея дѣвство, въ подлинникѣ оканчивается словами: ἡ δὲ συνάφεια μέχρι μνηστείας ἦν. Максимъ перевелъ эти слова: «совокупленіе же до обрученія бѣ». Переводъ былъ буквально точенъ; но отъ двусмыслія неудачно употребленнаго предлога: до и отъ не совсѣмъ удачной передачи слова: συνάφεια словомъ: совокупленіе получался тотъ

ошибки за ереси и съ клятвой отрицался отъ хульнаго ученія, которое онѣ давали. Но такъ какъ прежде онъ защищалъ правильность своего перевода, то соборъ хотѣлъ находить и рѣшилъ, что его покаяніе неискренно и что онъ дѣйствительно виновенъ въ тѣхъ еретическихъ мнѣніяхъ, которыя содержатся въ переводѣ.

2) Исправляя переводъ богослужебныхъ книгъ, Максимъ, во-первыхъ, сдѣлалъ нѣсколько выпусковъ частныхъ мѣстъ изъ существовавшаго славянскаго текста сообразно съ тѣмъ текстомъ греческимъ, который имѣлъ подъ руками; напр. въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ въ главѣ 8-й читалось въ прежнемъ славянскомъ текстѣ: *рече же Филиппъ* (каженику)*: аще вѣруеши отъ всего сердца твоего, мощно ти есть; отвѣщавъ же рече: вѣрую Сына Божія быти Іисуса Христа*, но слова эти не читались въ томъ греческомъ текстѣ, который былъ у Максима подъ руками и онъ ихъ загладилъ [1]); всѣхъ такихъ выпу-

хульный смыслъ, что плотское совокупленіе Іосифа съ Дѣвой имѣло мѣсто прежде обрученія. Дѣйствительный смыслъ,—думаемъ, что не особенно удачной фразы, есть тотъ, что сочетаніе Іосифа съ Дѣвой простиралось лишь до обрученія, состояло лишь въ обрученіи, не переходя въ бракъ, т.-е. что Іосифъ дѣйствительно сохранилъ дѣвство Дѣвы (Михаилъ Медоварцевъ, когда услышалъ, что носятся рѣчи о хульномъ словѣ: совокупленіе, замѣнилъ его въ своемъ спискѣ житія Богородицы словомъ: совѣщаніе!). Во-вторыхъ, слова Метафраста о Дѣвѣ: ὅτι σπέρματος ἀνδρὸς οὐδαμῶς ἐκοινώνει переведены были Максимомъ: «аки сѣмени мужеска никакоже причастившеся», т.-е. вмѣсто: яко, потому что, неудачно употреблено было: аки, которое значитъ: какъ бы, какъ будто. Втретьихъ, приводимыя Метафрастомъ слова евангелиста объ Іосифѣ: ἅτε οὕτω δίκαιος ὤν (Матѳ. I, 19) Максимомъ переведены были: «аки праведенъ сый», при чемъ опять вмѣсто: яко неудачнымъ образомъ употреблено было: аки.—Греческій подлинникъ Метафрастова житія Богородицы напечатанъ только въ отрывкахъ: Патрол. *Миня* t. 115, col. 532 sqq. Перваго изъ нашихъ трехъ мѣстъ нѣтъ на греческомъ въ печатномъ, но оно взято Метафрастомъ изъ слова на Рождество Христово, усвояемаго Григорію Нисскому (въ которомъ приводится разсказъ объ обрученіи изъ какого-то апокрифа.—ἀποκρύφου τινὸς ἱστορίας), а это слово въ Патрол. *Миня* t. 46 и наше мѣсто въ немъ col. 1140; второе и третье мѣста въ самыхъ отрывкахъ Метафраста—coll. 533 и 535.—Что житіе переведено было Максимомъ за десять лѣтъ до нашего на него собора, см. запись о соборѣ на Вассіана Косаго,—въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-го года. № 9, стр. 9 col. 2.

[1]) Слова эти и дѣйствительно читаются не во всѣхъ греческихъ спискахъ, см. ученыя изданія Новаго Завѣта съ показаніемъ разностей (въ евангеліи св. митр. Алексія слова эти написаны на полѣ).

сковъ указано было четыре [1]); во-вторыхъ—допустилъ нѣсколько неудачныхъ поправокъ въ языкѣ [2]). Выпуски частныхъ мѣстъ, которые позволилъ себѣ сдѣлать Максимъ, дѣйствительно представляли дѣло очень немаловажное; но, какъ онъ увѣрялъ, онъ дѣлалъ докладъ о нихъ митр. Варлааму [3]), и во всякомъ случаѣ самъ онъ непосредственно не вводилъ своего перевода въ употребленіе и допустить или не допустить выпуски зависѣло отъ церковной власти. Что касается неудачныхъ поправокъ въ языкѣ, то Максимъ нисколько не отстаивалъ ихъ и просилъ за нихъ прощенія [4]).

Изыскивая въ исправленныхъ Максимомъ книгахъ его мнимыя ереси, соборъ не затруднился поставить въ число этихъ ересей даже простую описку писца. Въ правилахъ (анаѳематствованіяхъ) Кирилла Александрійскаго читалось: «аще кто не нарицаетъ пречистую Богородицу Дѣву Марію, да будетъ проклятъ»; въ одномъ изъ списковъ Вассіановой Кормчей, въ окончательной редакціи которой принималъ нѣкоторое участіе Максимъ, оказалась пропущенною частица «не» и написаннымъ: «аще кто нарицаетъ». Соборъ и относительно этого очевиднаго пропуска писца допрашивалъ Максима почему они съ Вассіаномъ написали такъ въ своихъ правилахъ.

---

[1]) Сейчасъ указанный нами и еще три слѣдующіе: великаго отпуска на Троицкой вечернѣ; въ евангеліи отъ Луки, гл. 8, ст. 15, словъ: *сія Іисусъ глаголя возгласи: имѣяй уши слышати, да слышитъ* (о которыхъ должно быть сказано то же, что̀ о словахъ книги Дѣяній) и въ 8-мь членѣ Символа вѣры слова: истиннаго.

[2]) Этихъ поправокъ указывается двѣ: во-первыхъ, гдѣ въ нашихъ книгахъ было прежде: безстрастно божество, Максимъ индѣ поправилъ: нестрашно божество, а индѣ—безстрашно божество; во-вторыхъ—Максимъ съ Вассіаномъ написали въ своихъ книгахъ и правилахъ: «яже воистинѣ на то Бога разоряемаго вѣру и почесть презираема».

[3]) По записи о соборѣ 1531-го года Максимъ говорилъ, что дѣлалъ докладъ митр. Варлааму объ одномъ выпускѣ, именно—великаго отпуска на Троицкой вечернѣ. Но съ вѣроятностію нужно думать, что онъ тоже дѣлалъ и относительно другихъ выпусковъ.

[4]) По записи о соборѣ Максимъ пытался возложить вину за выпуски на писца своего Михаила Медоварцева. Если бы это было правда, то со стороны Максима это было бы не особенно хорошо и благовидно. Но выпуски не представляли ничего злоумышленнаго: Максиму не было никакихъ препятствій объяснить истинную причину, почему онъ ихъ сдѣлалъ и поэтому, не только имѣя въ виду нравственный характеръ Максима, но и сейчасъ сказанное, мы весьма сомнѣваемся въ справедливости показаній записи.

Исправляя наши богослужебныя книги, Максимъ по незнанію русскаго языка допустилъ въ поправкахъ нѣсколько погрѣшностей относительно этого послѣдняго. Въ свою очередь онъ нашелъ въ существовавшемъ переводѣ книгъ нѣсколько очень важныхъ ошибокъ. На послѣднемъ основаніи онъ порицалъ этотъ существовавшій переводъ какъ неудовлетворительный. Но, о чемъ говорили мы выше, Русскіе по своимъ тогдашнимъ взглядамъ на себя и на Грековъ (наше православіе выше чѣмъ православіе Грековъ) и по своему тогдашнему пониманію дѣла (по старымъ книгамъ спасались наши чудотворцы), не могли a priori допустить мысли объ этой неудовлетворительности стараго перевода и должны были видѣть въ его порицаніи Максимомъ преднамѣренно несправедливую хулу на русскую церковь. Такимъ образомъ, въ семъ случаѣ обвинилъ бы Максима не одинъ только митр. Даніилъ, но и всякій Русскій съ настоящими русскими того времени воззрѣніями. Однако, если это такъ не по отношеніи къ одному только Даніилу, а и всѣмъ тогдашнимъ Русскимъ, то сами же они дали Максиму право не считаться съ ихъ тогдашними взглядами, ибо сами же поручили ему исправленіе книгъ. Человѣку поручаютъ исправленіе книгъ; онъ находитъ въ книгахъ погрѣшности, и затѣмъ поручившіе не хотятъ, чтобы онъ говорилъ о присутствіи въ книгахъ погрѣшностей и ставятъ ему это послѣднее въ вину. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ есть та дѣйствительная вина Максима, что онъ преувеличивалъ неисправность нашихъ книгъ и что переводъ въ нихъ вовсе былъ не такъ неудовлетворителенъ, какъ хотѣлъ онъ представлять, что̀ самъ же онъ весьма ясно доказалъ, когда впослѣдствіи, въ видахъ своего оправданія, хотѣлъ доказать противное. Не совсѣмъ понятно то, что митрополиту оставалось неизвѣстнымъ о порицаніяхъ Максима существовавшему переводу книгъ передъ соборомъ 1525-го года. Какъ бы то ни было, но послѣ сего собора бывшій писецъ Максима Михаилъ Медоварцевъ и нѣкоторыя другія лица сдѣлали митрополиту заявленіе [1]), что Максимъ слишкомъ худо отзывался о прежнемъ переводѣ нашихъ богослужебныхъ, а съ ними и всѣхъ другихъ церковныхъ книгъ, говоря, что на Руси (сколько нибудь исправныхъ) книгъ никакихъ нѣтъ—ни евангелія, ни апостола, ни псалтыри, ни правилъ, ни уставовъ ни отеческихъ ни пророческихъ. Въ такомъ порицаніи нашихъ книгъ Максимъ и былъ обвиняемъ на соборѣ. Въ свое оправданіе онъ отвѣ-

---

[1]) Подали митрополиту запись на Максима относительно его крайнихъ укоризнъ старымъ русскимъ книгамъ московскаго Успенскаго собора протопопъ Аѳанасій, да протодіаконъ Иванъ Чюшка, да попъ Василій.

чалъ, что сейчасъ приведеннаго не говаривалъ, а говорилъ, что здѣсь на Руси книги не прямы, а иныя книги перепорчены переводчиками и что ихъ надобно вновь переводить. Если вѣрно передается намъ отвѣтъ Максима, то онъ въ значительной степени подтверждалъ сдѣланное на него обвиненіе.

Ересь, которую открыли за Максимомъ помимо найденныхъ въ его книгахъ, была слѣдующая: «Многажды многимъ людемъ Максимъ говорилъ такъ: Христосъ взыде на небеса, а тѣло свое на земли оставилъ и то-де тѣло промежъ нѣкихъ горъ ходитъ, по пустымъ мѣстомъ, а отъ солнца погорѣло и почернѣло аки главня». По увѣренію записи о соборѣ справедливость этого обвиненія подтверждали многіе свидѣтели. Если это и правда, то отсюда видно, чтó за свидѣтели взводили обвиненія на Максима и какимъ нелѣпостямъ о немъ расположенъ былъ вѣрить митрополитъ. Изъ объясненій Максима оказалось, что онъ говорилъ нѣчто подобное «къ нѣкоей рѣчи, что то говорятъ лихіе люди невѣрные»: т. е. онъ передавалъ чье-то чужое вранье, какъ вранье, а оно было усвоено ему самому [1]).

На соборѣ 1525-го года Даніилъ ничего не могъ говорить о той винѣ Максима, въ которой было все дѣло, т. е. объ его полемикѣ противъ вотчиновладѣнія монастырей, ибо въ этомъ году великій князь еще не хотѣлъ и не находилъ нужнымъ наложить на полемику своего veto и оставлялъ при себѣ ея представителемъ Вассіана. Но къ 1531-му году митрополитъ получилъ въ свои руки и Вассіана съ тѣмъ, чтобы судить его между прочимъ за полемику; слѣдовательно, теперь настало время открытымъ рѣчамъ и по отношенію къ Максиму. Наше обвиненіе противъ него читается въ записи о соборѣ въ такомъ видѣ: «Да ты же, Максимъ, святыя Божія соборныя и апостольскія церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжаніе и люди и доходы и села имѣютъ: а и въ вашихъ монастырѣхъ во Святой горѣ и въ иныхъ мѣстахъ въ вашей земли и у церквей и у монастырей села есть, да и въ писаніяхъ отеческихъ писано,—велѣно ихъ держати святымъ церквамъ и монастыремъ; да ты же, Максимъ, святыхъ чудотворцовъ Петра и Алексѣя и Іоны(у) митрополитовъ всея Русіи и преподобныхъ чудотворцовъ Сергія и Варлаама и Кирилла и Пафнотія и Ма-

---

[1]) Никита Хоніатъ въ своемъ «Сокровищѣ православной вѣры» говоритъ объ еретикахъ, которые держались мнѣнія, что Христосъ по воскресеніи Его покинулъ на землѣ Свое тѣло и вознесся на небо только божествомъ, см. *А. П. Лебедева* Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка, стр. 577 нач..

карія укоряеши и хулиши, а говоришь такъ: занеже они держали городы и волости и села и люди и судили и пошлины и оброки и дани имали и многое богатство имѣли, ино имъ нельзѣ быти чудотворцомъ». Что отвѣчалъ Максимъ въ свое оправданіе, въ записи о соборѣ ничего не сказано. Но во всякомъ случаѣ неправда то, будто онъ возставалъ противъ вотчиновладѣнія соборныхъ церквей и монастырей,— онъ также какъ и Вассіанъ, возставалъ противъ вотчиновладѣнія однихъ послѣднихъ. Затѣмъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что обвиненіе, будто Максимъ не признавалъ нашихъ чудотворцевъ за чудотворцевъ, есть или простой собственный выводъ митрополита изъ его полемики противъ вотчиновладѣнія монастырей или усвоеніе ему того, что въ значительной степени справедливо было по отношенію къ Вассіану: Максимъ былъ человѣкъ рѣзкій и горячій, но вовсе неспособный къ такимъ неосновательнымъ крайностямъ, къ какимъ способенъ былъ его русскій другъ. Преувеличеніе нужно было митрополиту для того, чтобы полемика Максима противъ вотчиновладѣнія получила смыслъ преступности и въ глазахъ чьихъ бы то ни было.

На основаніи донесеній волоколамскихъ монаховъ Максимъ обвиняемъ былъ на соборѣ: 1) въ томъ, что, бывъ посланъ въ монастырь исповѣдатися и каятися съ прилежнымъ плачемъ и слезами о своихъ еретическихъ хулахъ, онъ не показалъ ни малѣйшаго раскаянія и говорилъ о себѣ: не имѣю на себѣ вины никакія, напрасно заключили меня безъ вины; 2) въ томъ, будто продолжалъ хвалиться еллинскими и жидовскими волшебными хитростями и чернокнижными волхвованіями и будто продолжалъ губить многое христіанство.

Какой общій судъ о Максимѣ произнесъ Даніилъ послѣ собора 1531-го года въ записи о послѣднемъ этого не говорится, но это отчасти открывается изъ словъ митрополита, обращенныхъ къ Михаилу Медоварцову съ укоризною, что онъ долгое время таилъ извѣстныя ему вины Максима: «Столько много время (покрывалъ ты) Максима инока Грека, а невѣдомаго и незнаемаго человѣка, новопришедшаго изъ Турскіе земли, и книги переводяща и писанія составляюща хульная и еретическая и во многіе люди и народы сѣюща и распространяюща жидовская и еллинская ученія и аріанская и македонская (sic) и прочая пагубныя ереси». Слова эти показываютъ, что ненависть Даніила къ Максиму, нисколько не бывъ ослаблена шестилѣтними страданіями послѣдняго, сохраняла всю свою силу, какъ будто бы онъ только что успѣлъ достать врага въ свои руки [1]).

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ митрополитъ, забывая, какимъ образомъ Максимъ по-

На соборѣ 1531-го года Максимъ, измученный шестилѣтними тяжкими страданіями, искалъ у своихъ судей пощады себѣ, усерднѣйше прося прощенія въ тѣхъ своихъ винахъ, которыя могъ до нѣкоторой степени признавать винами, каковы погрѣшительныя поправки въ богослужебныхъ книгахъ [1]). Но, увы! вмѣстѣ съ непримиримо враждебнымъ ему митрополитомъ оставался столько же непримиримо враждебнымъ къ нему и великій князь, въ рукахъ котораго собственно была его судьба. И послѣ новаго собора, подтвердительно обвиненный, онъ снова долженъ былъ отправиться въ темничное заключеніе, только перемѣнивъ мѣсто послѣдняго: вмѣсто Волоколамскаго монастыря, который понадобился для Вассіана, онъ посланъ былъ въ тверской Отрочій монастырь, подъ надзоръ тверскаго епископа Акакія, который былъ также изъ постриженниковъ волоколамскихъ.

Послѣ 1531-го года Максимъ оставался въ живыхъ до 1556-го года, и 20-ть лѣтъ изъ этихъ 25-ти провелъ въ заключеніи—на половину темничномъ, на половину нетемничномъ. Всего онъ прожилъ въ Россіи 38-мь лѣтъ, а изъ нихъ—26-ть въ заключеніи, въ томъ числѣ—16-ть въ темничномъ.

Такова была судьба въ Россіи Максима, который шелъ къ намъ для исполненія одного временнаго книжнаго порученія, съ тѣмъ, чтобы потомъ щедро одареннымъ отъ великаго князя возвратиться домой! Чего нибудь болѣе трагическаго невозможно выдумать. Конечно, трагическое есть удѣлъ натуръ, подобныхъ Максимовой: имѣешь смѣлость, высказывая свои убѣжденія, создавать себѣ враговъ, имѣй готовность и страдать. Но создаваемые смѣлостью враги не всѣ бываютъ способны къ одинаковой ненависти: по волѣ Промысла, несчастіемъ Максима было то, что каѳедру митрополичью занялъ его врагъ, способный къ ненависти столько жестокой и непримиримой, какъ Даніилъ.

Въ 1531-мъ году, какъ мы говорили, Даніилъ торжествовалъ полную побѣду надъ своими врагами: онъ досталъ въ свои руки отъ великаго князя и Вассіана Косаго.

Какимъ образомъ удалось ему это послѣднее, мы совершенно ничего не можемъ сказать достовѣрнаго: Вассіанъ находился въ великомъ приближеніи къ государю, а затѣмъ мы видимъ его на церков-

палъ въ Россію, приравниваетъ его къ тѣмъ Грекамъ (и Гречишкамъ), которые таскались въ Россію за милостыней: «пошли естя—говоритъ онъ ему—отъ Святыя горы изъ Турскія державы къ благочестивому и христолюбивому государю... милостыни для»...

[1]) См. его самого,—Казанск. изд. II, 370.

номъ соборномъ судѣ въ такой же полной власти митрополита, какъ и Максимъ. Въ записи о соборѣ на Вассіана вовсе нѣтъ указаній, чтобы митрополитъ прибѣгалъ противъ него къ тому же средству, что и противъ Максима, т. е. къ его оговору передъ государемъ, какъ хулителя послѣдняго; слѣдовательно, митрополиту удалось достать его въ свои руки инымъ образомъ. Представляется вѣроятнымъ думать слѣдующее. Великій князь держалъ при себѣ Вассіана не столько по искреннему расположенію къ нему, сколько изъ того расчета, чтобы посредствомъ его страшить и держать въ возможной покорности себѣ защитниковъ вотчиновладѣнія; но Даніилъ во время своего десятилѣтняго пребыванія на каѳедрѣ до такой степени успѣлъ доказать великому князю свою безусловную покорность и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣлъ пріобрѣсти такое полное его расположеніе, что государь наконецъ почувствовалъ себя такъ сказать нравственно обязаннымъ и вмѣстѣ возъимѣлъ склонность къ тому, чтобы выразить свое довѣріе и благоволеніе къ нему посредствомъ такого рѣшительнаго знака, какъ выдача ему его врага. Великій князь могъ затрудняться тѣмъ, что самъ же нарочито покровительствовалъ Вассіану въ его полемикѣ противъ вотчиновладѣнія монастырей, пользуясь имъ какъ своимъ орудіемъ. Но Вассіанъ былъ человѣкъ небезукоризненный: и относительно своей полемики противъ вотчиновладѣнія и относительно другаго онъ могъ быть представленъ настолько виновнымъ, чтобы подлежать церковному суду и осужденію. Эта виновность Вассіана и давала великому князю извиненіе въ томъ, что онъ захотѣлъ выдать его митрополиту.

Преданный великимъ княземъ митрополиту и подвергнутый отъ послѣдняго соборному суду, Вассіанъ обвиняемъ былъ на соборѣ въ слѣдующемъ [1]):

1) Онъ—Вассіанъ дерзнулъ сдѣлать дѣло, котораго отъ вѣка не бывало: посягнулъ на великую книгу священныхъ правилъ апостольскихъ, соборныхъ и отеческихъ, малую нѣкую часть, угодную его малоумію, выписавъ изъ нея, а иное все разметавъ. Митрополитъ разумѣетъ то, что Вассіанъ исключилъ изъ своей Кормчей книги законы греческихъ императоровъ, относящіеся къ церкви, которые по его—митрополита представленіямъ внесены въ Кормчую святыми отцами и соборами и имѣютъ одинаковое значеніе авторитета и непорушимости съ самыми правилами каноническими. Вассіанъ въ свое оправданіе го-

---

[1]) Запись о соборѣ 1531-го года на Вассіана, принадлежащая одному и тому же неизвѣстному автору съ записями о соборахъ на Максима, въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1847-го года № 9.

ворилъ, будто составить новую Кормчую его понудилъ митр. Варлаамъ съ священнымъ соборомъ.

2) Онъ—Вассіанъ написалъ въ своей Кормчей: «есть въ святыхъ правилѣхъ супротивное евангелію и апостолу и святыхъ отецъ жительству», а также написалъ въ ней и много другаго блазненнаго,—говорилъ о правилахъ, что онѣ писаны отъ діавола, а не отъ Св. Духа, и называлъ ихъ кривилами, а не правилами. Признавая невѣрнымъ славянскій переводъ правилъ, Вассіанъ дѣйствительно написалъ въ своей Кормчей объ этомъ именно переводѣ: «есть въ святыхъ правилѣхъ» и пр., т. е. по нашему славянскому ихъ переводу. Касательно отзыва Вассіана о правилахъ, что онѣ суть не правила, а кривила, лица доносившія на него прямо показывали, что отзывъ относился къ славянскому переводу [1]). Объ этомъ послѣднемъ необузданный на языкъ Вассіанъ дѣйствительно могъ произносить подобный отзывъ, и, какъ увѣряетъ запись о судѣ надъ нимъ, онъ даже повторялъ его и передъ митрополитомъ съ епископами [2]). Справедливости обвиненія на себя, будто говорилъ о правилахъ, что онѣ писаны отъ діавола, а не отъ Св. Духа, Вассіанъ не признавалъ, и должно со всею вѣроятностію думать, что оно было клеветой на него: онъ полагалъ, что греческій подлинникъ правилъ не противорѣчитъ его образу мыслей, а подтверждаетъ его; а слѣдовательно, не имѣлъ и побужденій возставать противъ правилъ въ ихъ подлинникѣ.

3) Чудотворцевъ, владѣвшихъ селами и крестьянами, называлъ смутотворцами и въ частности не хотѣлъ почитать новыхъ, всѣми почитавшихся, чудотворцевъ: Макарія Колязинскаго и митр. Іоны. Вассіанъ далъ отвѣтъ въ такомъ смыслѣ, что то и другое справедливо [3]).

---

[1]) По свидѣтельству Михаила Медоварцева Вассіанъ говорилъ: «правила *здѣшніе* кривила, а не правила»,—запись о соборѣ на Максима 1531-го года, стр. 10 col. 1 нач..

[2]) Митрополитъ спрашивалъ, по записи, Вассіана на соборѣ: «передо мною—митрополитомъ и передъ владыки прежде нынѣшняго собора назвалъ еси божественное правило—кривило?»—стр. 11 col. 1.

[3]) Соборный допросъ Вассіану касательно Макарія и Іоны въ записи читается: «и митрополитъ спросилъ: да ты же, Васьянъ, говорилъ про чюдотворцовъ: Господи! что ся за чюдотворцы! сказываютъ, въ Колязинѣ Макаръ чюдеса творитъ, а мужикъ былъ сельской; и Васьянъ отвѣчалъ: азъ его зналъ (Макарій † 1483), простой былъ человѣкъ, а будетъ ся чюдотворецъ, ино какъ вамъ любо и съ нимъ; чюдотворецъ ли сей будетъ, не чюдотворецъ ли; и митрополитъ ему молвилъ: аще восхощешь судити святыхъ..., и Васьянъ рече: ино, господине, вѣдаетъ Богъ да ты

Почему онъ не хотѣлъ почитать митр. Іоны, когда этотъ былъ не монахъ, а епископъ, и когда по его собственному мнѣнію епископамъ дозволено было владѣть вотчинами, это въ записи о соборѣ не объясняется.

4) Въ своей Кормчей книгѣ вмѣсто полнаго исповѣданія православныя вѣры помѣстилъ неполное. Митрополитъ, если не ошибаемся, разумѣетъ то, что читавшееся въ рукописныхъ Кормчихъ «Истолкованіе изображенія святыя вѣры, еже есть: Вѣрую во единаго Бога»..., въ Вассіановой Кормчей помѣщено было въ сокращенномъ видѣ (при чемъ, какъ нужно думать, сокращеніе принадлежало не Вассіану съ его сотрудниками, а взято было ими какъ готовое, т. е. какъ готовая сокращенная редакція Истолкованія). Вассіанъ отвѣчалъ, что это мѣсто Кормчей писалъ и правилъ по его порученію другой и что пусть этого другаго и спросятъ [1]).

5) Защищалъ вмѣстѣ съ Максимомъ еретическія мысли, допущенныя послѣднимъ въ его переводѣ Метафрастова житія Богородицы, т. е. защищалъ вмѣстѣ съ Максимомъ правильность неправильныхъ мѣстъ въ этомъ его переводѣ. Совершенно вѣроятно, что это было такъ, и вину Вассіанову составляло тутъ его невѣжество. Онъ далъ отвѣтъ, который далеко его не рекомендуетъ, а именно: «мнѣ до Максима дѣла нѣтъ никакого и не говаривалъ есми съ нимъ ничево» [2]).

6) Говорилъ о русскихъ богослужебныхъ книгахъ: «здѣшніе книги всѣ лживые, а до Максима есмя по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили ни молили, а нынѣ есмя Бога познали Максимомъ и его ученіемъ» [3]). Что отвѣчалъ Вассіанъ на это обвиненіе, остается неизвѣ-

---

и съ своими чюдотворцы...; и митрополитъ его спросилъ: слышели есмя отъ многихъ достовѣрныхъ, яко вси православніи поклоняются честному гробу и святымъ мощемъ святого Іоны митрополита чюдотворца, да ты-де Васьянъ единъ токмо не покланяешися ему и не почитаеши его, якоже достоитъ честь святымъ приносити: и Васьянъ отвѣчалъ: язъ не вѣдаю, Іона чюдотворецъ ли»,—стр. 11 col. 2 нач..

[1]) Этотъ другой, болѣе или менѣе помогавшій Вассіану въ составленіи его Кормчей и бывшій у него писцомъ, есть монахъ Исаакъ Собака, принадлежавшій, какъ нужно думать, къ выдающимся профессіональнымъ каллиграфамъ своего времени (въ 1523-мъ году властями Троицкаго Сергіева монастыря ему поручено было изготовить роскошный списокъ евангелія учительнаго.—Лаврской библіотеки № 100), послѣ 1544-го года бывшій архимандритомъ Чудова монастыря (послѣ Іоны Собины, который въ 1544-мъ году былъ поставленъ въ епископы), Акт. Ист. т. I, № 204, стр. 380, col. 1.

[2]) Запись о соборѣ на Максима 1531-го года стр. 9 col. 1 fin.

[3]) Запись о соборѣ на Максима 1531-го года стр. 10 col. 1.

стнымъ; но непозволительно крайняя рѣзкость отзывовъ вообще была въ его натурѣ.

7) Въ правилахъ Кирилла патріарха Александрійскаго написано: «Аще кто не нарицаетъ пречистую Богородицу Дѣву Марію, да будетъ проклятъ», а онъ—Вассіанъ написалъ въ своей Кормчей: «аще кто нарицаеть Богородицею святую Дѣву Марію, да будетъ анаѳема». Т. е. митрополитъ не затруднялся создать тяжкую ересь Вассіану, какъ и Максиму, изъ простой описки писца. Вассіанъ отвѣчалъ, что онъ Госпожу Богородицу не хулитъ и что развѣ случилась описка.

8) Онъ—Вассіанъ называлъ и признавалъ Іисуса Христа тварію, а не Богомъ. Относительно этой ереси Вассіана былъ выставленъ противъ него свидѣтель, который обвинялъ его совершенно увѣрительно, какъ слышавшій отъ него хульныя рѣчи собственными ушами. Самъ Вассіанъ рѣшительно отрицалъ справедливость обвиненія, и съ полною увѣренностію должно думать, что оно было совершенно несправедливо, возникнувъ изъ намѣреннаго или ненамѣреннаго перетолкованія какихъ нибудь неосторожныхъ и необдуманныхъ его словъ, на которыя онъ былъ слишкомъ способенъ. Если бы онъ признавалъ Іисуса Христа тварію, т. е. простымъ человѣкомъ, то онъ не признавалъ бы и божественнаго происхожденія христіанской вѣры и долженъ былъ бы отрицать ее какъ таковую. А если бы это было такъ, то, во-первыхъ, не могъ бы утаиться полный образъ мыслей Вассіана о христіанствѣ и тогда онъ былъ бы еретикъ нисколько не шуточный, что̀ и не преминулъ бы доказать митрополитъ, а во-вторыхъ—онъ отрицалъ бы тогда монашество, а слѣдовательно—и вся его дѣятельность, состоявшая въ полемикѣ и пропагандѣ противъ монашества ложнаго за монашество истинное, представляла бы изъ себя совершенное безсмысліе. Что усвоеніе Вассіану нашей ереси было нелѣпой, намѣренной или ненамѣренной, напраслиной на него, это всего яснѣе видно изъ другой его ереси, отъ которой онъ не отказывался.

9) Эта другая ересь Вассіана, неизвѣстно какъ явившаяся—созданная имъ самимъ или отъ кого усвоенная, состояла въ томъ, что онъ признавалъ плоть Господню нетлѣнною до воскресенія. Относительно сего въ записи о соборѣ на него читаемъ: «И митрополитъ спросилъ Васьяна: самъ еси мудрствовалъ (и) иныхъ поучалъ своему мудрованію, глаголя тако: плоть Господня до воскресенія нетлѣнна: ино то супротивно евангелію и апостолу и святыхъ отецъ ученію, то ересь древняя нетлѣнно-мнимая, проклятая ото всѣхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ; и Васьянъ отвѣчалъ: азъ, господине, какъ дотолѣ говорилъ, такъ и нынѣ говорю: плоть Господня нетлѣнна; и митропо-

литъ ему молвилъ: гдѣ ты слыхалъ то и видалъ (написаннымъ), что ты говоришь—плоть Господня нетлѣнна отъ воплощенія Его и до воскресенія Его? и Васьянъ рекъ: и слыхалъ есми и видалъ (написаннымъ) такъ; и митрополитъ ему молвилъ: у кого еси слышалъ и гдѣ еси видѣлъ такъ написано; и Васьянъ рекъ: а то вѣдаетъ Богъ да ты, кто хощетъ искать, тотъ и найдетъ».

Изъ сейчасъ представленнаго нами видно, что Вассіанъ былъ не невиновенъ. Но если бы великій князь не хотѣлъ выдать его митрополиту, то не подпалъ бы онъ и соборному суду. А коль скоро великій князь захотѣлъ выдать его, то все равно—и въ случаѣ совершенной невинности онъ могъ бы быть представленъ крайне виновнымъ. Мы хотимъ сказать, что Вассіанъ подпалъ суду и осужденію не потому, чтобы онъ былъ виновенъ, а потому, что онъ былъ врагъ митрополита и что великій князь выдалъ его послѣднему какъ таковаго.

Послѣ соборнаго суда и осужденія Вассіанъ посланъ былъ въ заточеніе на Максимово мѣсто—въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, въ которомъ и умеръ неизвѣстно когда до 1545-го года [1]).

Кромѣ способствованія захвату Шемячича другая нарочитая услуга, которую долженъ былъ оказать митр. Даніилъ великому князю Василію Ивановичу, состояла въ томъ, чтобы дозволить государю развестись съ первой его супругой и вступить во второй бракъ.

Первой супругой Василія Ивановича была Соломонія или Соломонида Юрьевна Сабурова, на которой отецъ женилъ его незадолго до своей смерти 4-го Сентября 1505-го года. Проживъ съ женою 20-ть лѣтъ, Василій Ивановичъ не имѣлъ отъ нея дѣтей. Не желая оставлять престола великокняжескаго своимъ братьямъ и желая получить прямаго наслѣдника въ лицѣ сына, онъ рѣшился развестись съ нею и вступить во второй бракъ. Побужденіе къ разводу было такое, котораго вовсе не допускаютъ правила церковныя, но митр. Даніилъ нашелъ возможнымъ или нашелся вынужденнымъ дать это дозволеніе: 28-го Ноября 1525-го года Соломонія была насильственно [2]) пострижена въ монахини, а чрезъ два невступно мѣсяца, 21-го Января

---

[1]) См. въ изслѣдованіи *Жмакина:* Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія, стр. 232.

[2]) О насильственности постриженія: Курбскій.—не особенно достовѣрный, изд. 2, стр. 4, и Герберштейнъ, бывшій въ Россіи на другой годъ послѣ развода и слѣдовательно—заслуживающій полной вѣры,—у *Старчевск.* p. 18, col. 2 (лѣтописи: Никоновская, Софійская 2-я, Типографская, Псковская 1-я подъ 1523-мъ годомъ, не говорятъ о насиліи).

1526-го года, великій князь женился во второй разъ на Еленѣ Васильевнѣ Глинской.

Существуетъ позднѣйшее сказаніе о второмъ бракѣ Василія Ивановича, которое увѣряетъ, что великій князь писалъ посланіе къ четыремъ патріархамъ, прося у нихъ дозволенія на разводъ, и что по сему поводу аѳонскіе монахи добровольно, не бывъ прошены государемъ, держали у себя многочисленнѣйшій соборъ отъ всей Горы,—что патріархи рѣшительно отказали въ просьбѣ и что монахи постановили какой-то приговоръ (остающійся неизвѣстнымъ, такъ какъ въ напечатанномъ спискѣ сказанія посланіе монаховъ къ великому князю читается въ неоконченномъ видѣ),—что послѣ отказа патріарховъ митр. Даніилъ сказалъ великому князю: не имѣй печали, государь, возьмемъ сами на себя со всѣмъ соборомъ разрѣшить тебѣ желаемое тобою. На вопросъ: какъ думать о сказаніи, мы затрудняемся отвѣчать что нибудь положительное. Есть въ немъ несомнѣнно ложное, нелѣпо легендарное, и въ тоже время—нѣкоторыя фактическія указанія, которыя какъ будто заставляютъ предполагать источникомъ позднѣйшаго автора что-то современное [1]). А что отъ вел. кн. Василія Ивановича

---

[1]) Сказаніе, напечатанное въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1847-го года, № 8, надписывается: «Выпись изъ государевой грамоты, что прислана къ великому князю Василью Ивановичу о сочетаніи второго брака и о разлученіи перваго брака чадородія ради, твореніе Паисѣино, старца Ферапонтова монастыря». Въ сказаніи находимъ слѣдующее. Василій Ивановичъ, вознамѣрившись развестись съ первою супругою, началъ совѣтоваться о семъ съ старцемъ Вассіаномъ, т.-е. Косымъ, котораго имѣлъ въ величайшемъ къ себѣ приближеніи. Когда старецъ рѣшительно объявилъ государю, что это есть дѣло невозможное, послѣдній исполнился противъ него гнѣва и ярости и приказалъ посадить его подъ стражу въ Чудовъ монастырь. Послѣ этого государь съ митр. Даніиломъ научили чудовскаго архимандрита Іону (1518—1544) взвести обвиненія на жившихъ въ Чудовомъ монастырѣ Максима и Савву святогорцевъ и на учениковъ Максима Селивана и Михаила Медоварцева, а со всѣми этими и на Вассіана, дабы всѣхъ можно было осудить соборно, «заради того, чтобы изложенія и обличенія ихъ не было при совокупленія(и?) брака». Разославъ всѣхъ названныхъ въ заточеніе (Максима въ Тверь, Вассіана въ Іосифовъ монастырь, Савву въ Зосиминъ, Селивана въ Соловки, Михаила Медоварцева въ Коломну), великій князь послалъ епистолію къ четыремъ патріархамъ. Патріархи отвѣчали отказомъ, говоря: «не подобаетъ тако тебѣ—государю творити, понеже и мірской чади правила святыхъ отецъ запрещаютъ», а патріархъ Іерусалимскій Маркъ восписалъ великому князю свирѣпствомъ, пророчествуя ему, что если онъ вступитъ во второй бракъ, то наслѣдникъ его отъ этого брака будетъ великій тиранъ и мучитель всѣхъ своихъ подданныхъ (изъ этого видно, что сказаніе со-

не позднѣе 1520-го года дѣйствительно ходило, за чѣмъ-то неизвѣстнымъ, посольство къ патріарху константинопольскому, это мы знаемъ достовѣрнымъ образомъ, изъ источника оффиціальнаго: въ описи царскаго архива второй половины XVI вѣка значится, что въ архивѣ находились «списки владыки тверскаго Нила (родомъ Грека, занимавшаго каѳедру съ 24-го Августа 1509-го года по 3-е Апрѣля 1521-го года), что̀ посланъ былъ къ патріарху во Царьгородъ» [1]). Если дѣйствительно вел. кн. Василій Ивановичъ обращался было къ патріарху константинопольскому съ просьбою о дозволеніи вступить во второй бракъ: то онъ обращался послѣ того, какъ отецъ его провозгласилъ о патріархѣ, что Русскіе имѣютъ его—патріарха чюжа отъ себя и отречена, такъ что мы видѣли бы передъ собой въ одно и тоже время и признаніе и непризнаніе авторитета патріарха константинопольскаго. Впослѣдствіи времени, о чемъ скажемъ ниже, дѣйствительно въ такомъ именно положеніи дѣло и находилось.

Мы сказали выше, что не имѣемъ почти совершенно никакихъ свѣдѣній о церковно-правительственной дѣятельности митр. Даніила. Слово «почти» заключаетъ въ себѣ то ограниченіе, что намъ извѣстно одно дѣло. Въ началѣ своего правленія Даніилъ, съ согласія великаго князя, произвелъ новую перепись приходскихъ церквей своей митрополичьей епархіи, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать новую на нихъ раскладку податей,—церкви оскудѣвшія противъ прежняго прихожанами

ставлено не ранѣе второй половины правленія Грознаго). Въ это время былъ на Аѳонѣ монахъ Ѳерапонтова монастыря Гавріилъ. Монахъ этотъ предложилъ отъ себя аѳонцамъ вопросъ о разлученіи государева брака, а послѣдніе, бывъ исполнены великой благодарности къ государю за его къ нимъ благодѣянія, составили въ Ватопедскомъ монастырѣ соборъ отъ всей Горы, состоявшій изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Постановивъ на соборѣ приговоръ, аѳонцы послали великому князю епистолію съ помянутымъ Гавріиломъ, котораго вывезъ въ Россію посолъ великаго князя Иванъ Колычевъ, ходившій въ Крымъ (*Карамз.* VII. 78). Какой приговоръ постановили аѳонцы, это остается неизвѣстнымъ, потому что въ напечатанномъ спискѣ сказанія ихъ епистолія къ великому князю не имѣетъ конца.

Авторъ смѣшиваетъ соборы 1525-го и 1531-го годовъ; затѣмъ, у него есть какой-то племянникъ великаго князя Лаковричъ. Но дѣйствительно былъ въ то время патріархъ іерусалимскій Маркъ (см. *Le Quien'а* Oriens Christian.. III, 516) и не ошибается авторъ, называя (въ епистоліи аѳонцевъ) турецкихъ султановъ того времени Селима, † 1520, и Сулеймана, † 1566 (есть въ сказаніи неизвѣстно какого чужого языка слова: друкеле (дрюкеле), урдюкеле (юрдюкеле)—рекше православные христіане, ардарилъ—рекше шапка, келевдеріи).

[1]) Акт. Экспед. т. I. № 289, стр. 339. ящикъ 36 fin..

облегчить въ дани, а на церкви, у которыхъ прибавилось прихожанъ, возвысить эту дань [1]).

Митр. Даніиломъ установлено было мѣстное празднованіе двумъ святымъ: въ 1521-мъ году Макарію Колязинскому и въ 1531-мъ году Пафнутію Боровскому. Нарочитыя рѣчи о семъ будутъ во второй половинѣ тома, въ главѣ о богослуженіи.

Поставленный Даніиломъ въ 1526-мъ году на каѳедру новгородскую архіепископъ Макарій, впослѣдствіи знаменитый митрополитъ, предпринималъ заботы о томъ, чтобы во всѣхъ монастыряхъ своей епархіи ввести общежительный уставъ монашеской жизни. Есть указанія, что Макарій дѣлалъ это съ полнаго одобренія митрополита. Какъ ученикъ преп. Іосифа Даніилъ долженствовалъ быть горячимъ поборникомъ общежитія противъ своевольнаго «житьишка» особнаго, каковымъ онъ и дѣйствительно является въ своихъ сочиненіяхъ. Но чтобы онъ предпринималъ заботы о введеніи общежитія въ монастыряхъ всей митрополіи или по крайней мѣрѣ своей митрополичьей епархіи, на это мы не знаемъ указаній.

Въ правленіе митр. Даніила имѣла мѣсто успѣшная проповѣдь христіанства однимъ изъ инородцевъ, обитавшихъ въ предѣлахъ нашего отечества, именно—Лопарямъ, живущимъ на Кольскомъ полуостровѣ; но такъ какъ проповѣдь эта продолжалась еще и при митр. Макаріи, то въ главѣ о послѣднемъ мы о ней и скажемъ.

4-го Декабря 1533-го года скончался великій князь Василій Ивановичъ, оставивъ своего наслѣдника престола (послѣдующаго Ивана Васильевича Грознаго) трехлѣтнимъ ребенкомъ (родился 25-го Августа 1530-го года). На смертномъ одрѣ великій князь приказалъ свою княгиню съ дѣтьми (наслѣдникомъ Иваномъ и его братомъ Юріемъ) отцу своему Даниилу митрополиту. По смыслу этого приказа митрополитъ имѣлъ быть главою боярской думы, чтобы руководить дѣлами государственными, подобно тому, какъ св. Алексій стоялъ во главѣ бояръ въ малолѣтство Дмитрія Ивановича Донскаго. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не случилось. Митрополитъ не только не сталъ руководителемъ дѣлъ государственныхъ, хотя и употребляемъ былъ въ нихъ какъ орудіе, когда это было нужно (при поимкѣ брата покойнаго великаго князя, старицкаго князя Андрея Ивановича); но и по отношенію къ своей собственно церковной области долженъ былъ до-

---

[1]) См. Акт. Ист. т. I, № 129. Что дѣло было въ началѣ правленія митр. Даніила, видно изъ того, что нѣкоторые монастыри еще не являли митрополиту жалованныхъ грамотъ прежнихъ митрополитовъ (начало акта).

пустить со стороны великой княгини и боярской думы такія распоряженія и дѣйствія, которыми посягалось на права и преимущества духовенства и изъ которыхъ одно было направлено какъ бы лично противъ него самого.

Въ 1531-мъ году Василій Ивановичъ предоставилъ Даніилу Вассіана Косаго, а въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ его смерти великая княгиня и боярская дума, дѣлая нѣкоторый шагъ къ осуществленію проповѣди Вассіана противъ вотчиновладѣнія монастырей, выдали распоряженіе, чтобы на будущее время монастыри ни подъ какимъ видомъ не пріобрѣтали вотчинъ покупкою и не принимали какъ вкладъ по душамъ безъ дозволенія правительства [1]).

Въ 1534-мъ году была построена въ Москвѣ Китай-городская стѣна, а въ Новгородѣ городская окружная стѣна на Софійской сторонѣ. Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Новгородѣ, сборъ денегъ на строеніе стѣнъ произведенъ былъ со всѣхъ гражданъ, и какъ въ одной, такъ и въ другомъ, вмѣстѣ съ мірянами былъ положенъ урокъ и на все духовенство, въ Москвѣ—съ митрополитомъ, въ Новгородѣ—съ архіепископомъ во главѣ [2]). О Новгородѣ лѣтописецъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое совершенно вѣроятно относить и къ Москвѣ: «а (прежде) священнаго лика никакоже съ простою чадію ни въ какихъ дѣлѣхъ не совокупляли».

Въ 1535-мъ году съ архіепископа новгородскаго Макарія и съ монастырей новгородской епархіи взяты были деньги на выкупъ нашихъ плѣнныхъ у крымскихъ Татаръ [3]). Съ вѣроятностію можно думать, что сборъ произведенъ былъ съ архіереевъ и монастырей и во всѣхъ епархіяхъ.

Въ 1536-мъ году было сдѣлано правительствомъ частное посягательство на имущественныя права новгородскаго духовенства: присланы были изъ Москвы сынъ боярскій и подъячій съ приказаніемъ отписать пожни у всѣхъ окологородныхъ монастырей и у всѣхъ городскихъ церквей и давать ихъ въ бразгу или въ аренду тѣмъ же монастырямъ и духовенствамъ тѣхъ же церквей, чего которая пожня стоитъ [4]). Т. е. собственники поженъ сдѣланы были ихъ арендаторами, съ тѣмъ, чтобы

---

[1]) См. *Милютина* О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, стр. 439, и *Павлова* Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, стр. 102.

[2]) Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 292 и 293.

[3]) Ibid. стр. 294.

[4]) Idid. стр. 299 fin..

платили въ казну арендныя деньги. «Се учинилося, говоритъ лѣтописецъ, не особенно ясно объясняя дѣло, по оклеветанію нѣкоего лукава и безумна человѣка».

3-го Апрѣля 1538-го года скончалась вдова Василія Ивановича Елена, оставивъ управлять государствомъ за 8-лѣтняго сына боярскую думу, и это событіе имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что митр. Даніилъ долженъ былъ печальнымъ образомъ разстаться съ своей каѳедрой. Въ боярской думѣ тотчасъ же послѣ смерти княгини явился единоличный узурпаторъ, захватившій всю государственную власть въ свои руки; это былъ старшій между боярами думы князь Василій Васильевичъ Шуйскій. Спустя около полугода выступилъ соперникомъ ему князь Иванъ Ѳедоровичъ Бѣльскій, который въ правленіе Елены былъ посаженъ въ тюрьму и который былъ освобожденъ изъ заключенія именно имъ—Шуйскимъ. Между двумя соперниками митрополитъ, предпочитая ли лучшаго худшему или по другимъ соображеніямъ, присталъ къ сторонѣ Бѣльскаго. Однако, Шуйскій скоро успѣлъ одолѣть Бѣльскаго и снова посадить его въ тюрьму. Можно думать, что митрополиту удалось было послѣ сего помириться съ Шуйскимъ, ибо этотъ, отдѣлавшись отъ Бѣльскаго, оставилъ въ покоѣ его—митрополита. Но тутъ произошла нѣкоторая перемѣна: Василій Васильевичъ Шуйскій умеръ, передавъ послѣ себя власть своему брату Ивану. Второй братъ и поспѣшилъ согнать Даніила съ каѳедры, чтó имѣло мѣсто 2-го Февраля 1539-го года [1]. Согнанный съ каѳедры митрополитъ посланъ былъ или удалился въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, прожилъ еще 8-мь лѣтъ и окончилъ жизнь 22-го Мая 1547-го года [2].

Итакъ, митр. Даніилъ, какъ нравственная личность, представляетъ изъ себя человѣка далеко несвѣтлаго: честолюбивый, искательный, на

---

[1]) У *Карамз.* къ т. VIII прим. 80.

[2]) См. у *Жмакина* въ изслѣдованіи: Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія, стр. 247. Низведенный съ каѳедры 2-го Февраля Даніилъ далъ отреченную грамоту отъ ней только уже 26-го Марта. Это должно понимать такъ, что сначала не позаботились взять у него грамоты, а потомъ она оказалась нужна для его преемника, который не могъ считаться безъ того законнымъ. Онъ и дѣйствительно благословляетъ и прощаетъ въ грамотѣ заднимъ числомъ своего будущаго преемника, который уже давно былъ поставленъ. Что касается до самого себя, то причиной своего удаленія Даніилъ выставляетъ то, что «разсмотрихъ разумѣніа своа немощна къ таковому дѣлу и мысль свою погрѣшителну и недостаточна себя разумѣхъ въ такыхъ святительскыхъ начинаніихъ». Отрекается не только отъ каѳедры, но (какъ всегда бывало въ старое время и чтó само собою разумѣлось) и отъ всего архіерейскаго дѣйства и именованія: грамота въ Акт. Эксп. т. I. № 185, стр. 163.

мѣстѣ митрополита покорный слуга и рабъ великаго князя до забвенія своихъ обязанностей, способный къ такимъ дѣйствіямъ угодничества, при которыхъ требовалось вѣроломное клятвопреступленіе, исполненный безпощадной ненависти къ своимъ врагамъ и готовый на всякія средства для ихъ уничтоженія, наконецъ—въ частной своей жизни принадлежавшій къ числу тѣхъ людей, которые любятъ хорошо пожить (и, какъ кажется, еще и корыстолюбивый [1]).

Но тотъ же митрополитъ Даніилъ, какъ мы говорили, занимаетъ совершенно выдающееся положеніе среди другихъ нашихъ митрополитовъ въ качествѣ учителя не дѣломъ, а письменнымъ словомъ: онъ написалъ не два-три поученія, какъ другіе митрополиты, а цѣлую большую книгу учительныхъ словъ и цѣлую такую же книгу учительныхъ посланій.

Быть учителемъ посредствомъ письмени, не будучи учителемъ на дѣлѣ, совершенно возможно и это сплошь и рядомъ такъ въ учительной или учительской средѣ, ибо, во-первыхъ, есть истины ученія теоретическія, при которыхъ нравственность учителя остается въ сторонѣ, во-вторыхъ—и истинамъ практическимъ можно учить, существуетъ или не существуетъ собственная охота ихъ исполнять. Но, во всякомъ случаѣ, если человѣкъ посвящаетъ себя дѣлу учительства исключительнымъ образомъ нарочито, то не можетъ быть это не признано очень замѣчательнымъ. Два побужденія могутъ быть при семъ предполагаемы: простое славолюбіе и искреннее желаніе принести ближнему пользу хотя не дѣломъ, то словомъ. Предполагать въ отношеніи къ Даніилу одно послѣднее побужденіе едва ли было бы основательно, но мы не имѣемъ достаточныхъ основаній и на то, чтобы предполагать одно только первое побужденіе. Если мы предположимъ оба побужденія вмѣстѣ; если мы предположимъ, что Даніилъ отчасти водился славолюбіемъ, а отчасти искреннимъ желаніемъ возмѣстить свою неучительность посредствомъ дѣлъ учительностію посредствомъ слова: то во всякомъ случаѣ эта послѣдняя учительность должна быть вмѣнена ему какъ очень немалая заслуга, которая въ довольно значи-

---

[1]) Дьякъ Ѳедоръ Жареный между прочимъ показывалъ: «гнѣвенъ на меня митрополитъ про то, (что) не давалъ есми ему тѣхъ денегъ, коли онъ не служилъ» (Акт. Эксп. т. I, № 172, стр. 144, col. 2 нач и прим. 6), т.-е. не платилъ государевыхъ денегъ, когда митрополитъ не служилъ службъ, за которыя полагалась государева плата (cfr Дополн. къ Акт. Ист. т. I, стрр. 190, 195, 202, 204).

тельной степени должна искупать въ нашихъ глазахъ его нравственные недостатки.

Предметъ учительныхъ словъ и посланій митр. Даніила составляютъ: во-первыхъ, теоретическо-богословскія или вѣроучительныя истины, нарочитаго раскрытія которыхъ, по его мнѣнію, требовали обстоятельства времени; во-вторыхъ, нравственное христіанское ученіе, обращенное къ мірянамъ, съ рѣзкимъ обличеніемъ пороковъ современнаго общества, и втретьихъ,—спеціально нравственное и дисциплинарное ученіе, обращенное къ монахамъ. Къ обстоятельнымъ рѣчамъ о сочиненіяхъ митр. Даніила мы возвратимся послѣ, т. е. во второй половинѣ тома.

МИТРОПОЛИТЪ ІОАСАФЪ.

На мѣсто низверженнаго Шуйскимъ Даніила поставленъ былъ въ митрополиты игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Іоасафъ [1]).

Въ минуту низверженія Даніила находились въ Москвѣ шесть епископовъ. Какимъ образомъ оказались они здѣсь,—бывъ ли нарочито вызваны Шуйскимъ именно для того, чтобы низвесть Даніила и поставить преемника ему, или съѣхавшись для какого нибудь другаго дѣла, остается неизвѣстнымъ; вѣроятнѣе, какъ кажется, первое [2]). Какъ бы то ни было, но съ находившимися на лицо епископами поставленіе новаго митрополита могло быть совершено очень скоро. И оно дѣйствительно совершено было чрезвычайно скоро: Іоасафъ былъ избранъ въ митрополиты на третій день по низведеніи Даніила 5-го Февраля, а посвященъ былъ на седьмой день 9-го Февраля. Сохранившаяся запись объ избраніи Іоасафа увѣряетъ, что епископы не совершили только простой обрядъ избранія, провозгласивъ кандидата, который былъ имъ указанъ, но произвели его настоящимъ образомъ, именно—что были избраны ими три кандидата: архимандритъ Чудовскій Іона, нашъ Іоасафъ и игуменъ новгородскій Хутынскій Ѳеодосій и что потомъ изъ трехъ кандидатовъ избранъ одинъ дѣйствительный посредствомъ жеребьеванія [3]). Если это правда, то съ вѣроятностію нужно

---

[1]) По фамиліи Скрипицынъ, поставленный въ игумены изъ старцевъ того же Троицкаго монастыря въ 1529-мъ году.

[2]) Запись объ избраніи Іоасафа говоритъ, что находившіеся въ Москвѣ шесть епископовъ совершили избраніе, «имѣюще съ собою волю и хотѣніе боголюбивыхъ епископовъ руськихъ» (остальныхъ, не находившихся въ Москвѣ,—Акт. Эксп. т. I, № 184, II, стр. 161 col. 2). Если запись говоритъ въ семъ случаѣ правду, то не бывшіе въ Москвѣ епископы, бывъ приглашены въ нее для избранія новаго митрополита послѣ низведенія Даніила, не успѣли бы прислать своихъ повольныхъ грамотъ въ тѣ три дни, которые прошли отъ его низведенія до избранія Іоасафа. Слѣдовательно, вмѣстѣ съ находившимися въ Москвѣ епископами они приглашены были ранѣе и, не явившись лично, прислали помянутыя грамоты.

[3]) Сохранилась не одна запись объ избраніи Іоасафа, а двѣ: въ первой говорится, что онъ избранъ сейчасъ указаннымъ образомъ 5-го Февраля; во второй,

думать, что три кандидата всѣ одинаково были угодны Шуйскому и прямо были имъ указаны.

Въ сохранившемся чинѣ поставленія Іоасафа въ митрополиты замѣчательно исповѣданіе вѣры, которое онъ произнесъ при семъ поставленіи. Въ исповѣданіи этомъ онъ не отрицается отъ патріарха константинопольскаго, аки во области безбожныхъ Турокъ сущаго, но говоритъ: «во всѣмъ послѣдую и по изначальству согласуя(ю) всесвятѣйшимъ вселеньскимъ патріархомъ, иже православнѣ дръжащимъ истинную и непорочную христіаньскую вѣру, отъ святыхъ апостолъ уставленную и отъ богоносныхъ отецъ преданную, а не тако, якоже Исидоръ принесе отъ новозлочестивнѣ процвѣтшаго несвященнаго латиньскаго собора» [1]). Чѣмъ объяснить это признаніе со стороны Іоасафа неповрежденности православія у современныхъ ему Грековъ,— вліяніемъ ли представленій Максима Грека или инымъ чѣмъ, сказать не можемъ. Такъ или иначе, но и послѣ него Русскіе остались при своемъ прежнемъ мнѣніи, что у позднѣйшихъ Грековъ повреждена чистота истиннаго православія и что хранителями этой чистоты православія остаются они—Русскіе [2]).

Іоасафъ занималъ каѳедру митрополичью весьма недолгое время, всего три года безъ мѣсяца, и былъ низведенъ съ нея тѣмъ самымъ Шуйскимъ, которымъ былъ поставленъ.

Бывъ поставленъ Шуйскимъ, онъ объявилъ себя, подобно Даніилу, сторонникомъ Бѣльскаго. Что побудило его къ этому, положительнымъ образомъ не знаемъ; но съ большою вѣроятностію нужно думать, что не какіе нибудь расчеты личные, а заботы о благѣ государственномъ,— что въ Шуйскомъ онъ видѣлъ правителя недостойнаго, каковымъ этотъ и дѣйствительно былъ, и что въ Бѣльскомъ онъ надѣялся видѣть правителя лучшаго. Соединившись съ нѣсколькими боярами, Іоасафъ успѣлъ

что онъ избранъ 6-го Февраля «по писанію книжному»,—Акт. Эксп. ibid. II, стр. 161, и I, стр. 158, col. 1 fin.. Это противорѣчіе, вѣроятно, нужно примирять такъ, чтобы во второмъ случаѣ разумѣть не избраніе, а возведеніе. cfr Царственную книгу, стр. 77.

[1]) Акт. Эксп. ibid., стр. 162 col. 1.

[2]) Можно думать, что въ чинъ поставленія Іоасафа вписано исповѣданіе вѣры старое, употреблявшееся у насъ до того времени, какъ было у насъ провозглашено новое мнѣніе о Грекахъ, и что только прибавлено въ немъ объ Исидорѣ, ибо въ этомъ исповѣданіи между прочимъ читается: «и ни сотворити ми ничтоже по нужди ни отъ *царя*, (т. е. императора константинопольскаго) или отъ князя велика»..., ibidd. стр. 162 col. 1 sub fin..

достигнуть того, чтобы Бѣльскій освобожденъ былъ изъ темницы и занялъ мѣсто Шуйскаго во главѣ правительства. Это было въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1540-го года [1]), т. е. спустя безъ мѣсяца полтора года послѣ занятія имъ—Іоасафомъ каѳедры митрополичьей. Шуйскій уступилъ. Но преданные ему бояре и дѣти боярскіе устроили настоящій вооруженный заговоръ о низверженіи Бѣльскаго, и еще спустя полтора года въ ночь со 2-го на 3-е Января 1542-го года послѣдняго захватили силою, чтобы отправить въ ссылку и потомъ умертвить. Вмѣстѣ и одновременно съ Бѣльскимъ былъ согнанъ съ каѳедры и Іоасафъ, котораго отправили въ заточеніе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь [2]).

Въ продолженіе полуторыхъ лѣтъ господства Бѣльскаго Іоасафъ, по свидѣтельству лѣтописей, былъ его помощникомъ въ дѣлѣ управленія государствомъ [3]). Карамзинъ отзывается о Бѣльскомъ и о времени его правленія съ великими похвалами [4]). Можетъ быть, онъ и правъ; однако, положительныя основанія, на которыя онъ въ семъ случаѣ опирается, какъ будто не могутъ быть признаны совершенно достаточными и съ увѣренностію какъ будто можетъ быть утверждаемо только то, что Бѣльскій дѣйствительно былъ лучше Шуйскаго. А такимъ образомъ, и объ Іоасафѣ, какъ о государственномъ дѣятелѣ, мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго и рѣшительнаго, кромѣ того, что замѣнивъ Шуйскаго Бѣльскимъ, онъ замѣнилъ было худшаго лучшимъ.

О церковно-правительственной дѣятельности Іоасафа за его кратковременное правленіе намъ извѣстно то, что въ 1540-мъ году по его благословенію и повелѣнію и вмѣстѣ по благословенію новгородскаго архіепископа Макарія священникъ новгородскаго Софійскаго собора Агаѳонъ составилъ Великій міротворный кругъ, содержащій пасхальныя расчисленія на полный 532-лѣтній индиктіонъ, и вмѣстѣ руководство къ этимъ расчисленіямъ или какъ бы учебникъ пасхаліи [5]).

---

[1]) См. *Соловьева* т. VI. изд. 3 стр. 36.

[2]) По разсказу Царственной книги, заговорщики, арестовавъ Бѣльскаго, приступили къ митрополичьему дому и начали осаждать его метаніемъ камней. Митрополитъ бѣжалъ на Троицкое подворье; но бояре послали за нимъ туда дѣтей боярскихъ, которые едва его не убили. Митрополитъ искалъ убѣжища во дворцѣ государевомъ, но бояре пришли за нимъ сюда и взяли его, чтобы отправить въ ссылку,—стр. 102. По свидѣтельству Грознаго, Іоасафъ былъ согнанъ съ митрополіи «съ великимъ безчестіемъ».—въ Сказаніяхъ Курбскаго, изд. 2 стр. 184.

[3]) Никон. лѣт. VII, 33, Царств. кн. стр. 100.

[4]) VIII. 36.

[5]) Экземпляръ Міротворнаго круга, написанный самимъ Агаѳономъ, находится въ библіотекѣ Троицкой Лавры,—№ 736; въ библіотекѣ Моск. Дух. Академіи есть

Если справедливо предположеніе, что митр. Іоасафу принадлежитъ житіе архіепископа новгородскаго Серапіона, изъ-за ссоры съ преп. Іосифомъ Волоколамскимъ низведеннаго съ каѳедры: то онъ весьма не жаловалъ этого послѣдняго. А что во всякомъ случаѣ до бо̀льшей или меньшей степени онъ не жаловалъ Іосифа, каковое обстоятельство служитъ къ нѣкоторой его характеристикѣ, это видно изъ его замѣчаній на дѣянія Стоглаваго собора [1]).

Съ значительною вѣроятностію нужно усвоять митр. Іоасафу освобожденіе отъ темничнаго заключенія преп. Максима Грека, что̀ также служитъ къ его характеристикѣ. Объ этомъ скажемъ ниже въ главѣ о митр. Макаріи.

Въ библіотекахъ Троицкой Сергіевой Лавры и Московской Духовной Академіи сохраняется до 23 №№ рукописей (кромѣ богослужебныхъ), принадлежавшихъ митр. Іоасафу. Это даетъ основанія предполагать, что онъ принадлежалъ къ числу нарочито книжныхъ людей своего времени. А прекрасное письмо бо̀льшей части рукописей даетъ знать, что онъ былъ любителемъ книгъ въ смыслѣ любителя изданій изящныхъ, роскошныхъ.

Если вѣрить свидѣтельству Іоанна Васильевича Грознаго, то по своей жизни Іоасафъ, подобно Даніилу, принадлежалъ къ числу людей, которые любятъ хорошо пожить [2]).

Сосланный въ Кирилловъ монастырь, Іоасафъ переведенъ былъ потомъ, послѣ 1547-го года, въ Троицкій Сергіевъ монастырь [3]). Въ 1551-мъ году ему присылаемы были сюда для просмора постановленія

списокъ,—фундамент. библіот. № 104 (историческія извѣстія см. въ нарочитомъ «историкѣ рекше лѣтописцѣ» книги,—Лаврск. ркп. л. 27, Академ. ркп. л. 29).

[1]) Казанск. изд. стр. 428 fin.,—придирчивое и неосновательное замѣчаніе къ тому, что̀ говорится объ Іосифѣ на концѣ главы 1-й,—стр. 20 fin..

[2]) Въ знаменитомъ учительномъ посланіи въ Кирилловъ монастырь Грозный пишетъ: «пригоже ли такъ въ Кириловѣ быти, какъ Іоасафъ митрополитъ у Троицы (см. сейчасъ ниже) съ крилошаны пировалъ?» и потомъ говоритъ, что въ самомъ Кирилловомъ монастырѣ Іоасафъ хлопоталъ было о прибавкѣ поваровъ,—Акт. Ист. т. I, № 204, стр. 383. Собственныя замѣчанія Іоасафа на постановленія Стоглава относительно монастырей даютъ видѣть въ немъ любителя хорошаго стола.—Стогл. гл. 100 («а въ великихъ обителѣхъ всякіе бы квасы были—и старые и черствые и выкислые и сладкіе и житные и сыченые и простые: чье каково естество подыметъ, такимъ бы и покоити по немощемъ»).

[3]) См. книжку: Списокъ погребенныхъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ отъ основанія оной до 1880-го года. Москва, 1880, № 66.

Стоглаваго собора. Въ одномъ изъ своихъ замѣчаній на постановленія собора онъ обнаруживаетъ достойную всякой похвалы заботливость о томъ, чтобы тяглые люди или крестьяне не были подавляемы бременемъ налоговъ [1]).

Въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ Іоасафъ скончался (какъ принимаютъ) 27-го Іюля 1555-го года [2]).

[1]) На постановленіе собора о собираніи денегъ для искупленія плѣнныхъ Іоасафъ сдѣлалъ замѣчаніе: «чтобы не съ сохъ (или тяголъ крестьянскихъ, какъ постановилъ соборъ) имати тотъ окупъ, имати бы окупы изъ митрополичи и изъ архіепископли и изо всѣхъ владычныхъ казнъ и съ монастырей со всѣхъ, кто чего достоинъ, какъ, государь, ты пожалуешь, положишь, на комъ что велишь взяти; а христіяномъ, государь—царь, и такъ твоей много тягли въ своихъ податѣхъ: государь, покажи имъ милость, какъ тебѣ—государю Богъ положитъ на сердце».

[2]) См. помянутую книжку: Списокъ погребенныхъ. ibid., и другую книжку: Надписи Троицкой Сергіевой Лавры, собранныя *архимандритомъ Леонидомъ*, Спб., 1881, № 134.

МИТРОПОЛИТЪ МАКАРІЙ.

На мѣсто согнаннаго съ каѳедры Іоасафа поставленъ былъ въ митрополиты новгородскій архіепископъ Макарій.

Съ Макаріемъ уже не случилось болѣе того, чтò съ двумя его предшественниками: онъ благополучно пережилъ смуту боярскаго самовластія и оставался на каѳедрѣ до самой своей смерти, правивъ русскою церковію сравнительнымъ образомъ очень продолжительное время,—двадцать два года безъ двухъ съ половиной мѣсяцевъ.

Когда выше приходилось намъ упоминать о Макаріи, мы прилагали къ его имени эпитеты: знаменитый и знаменитѣйшій. И дѣйствительно, онъ представляетъ собою высшаго пастыря русской церкви знаменитѣйшаго изъ всѣхъ, которые были прежде него и которые были послѣ него. Онъ знаменитъ въ области нашей письменности, хотя самъ и не былъ писателемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; но особенно онъ знаменитъ въ области верховно-пастырской дѣятельности. Въ области письменности, помимо многаго, чтó написано по его замышленію и порученію, онъ знаменитъ такимъ предпріятіемъ, какъ собраніе всѣхъ существовавшихъ у насъ памятниковъ отеческой письменности въ одно мѣсто, съ цѣлію изданія какъ бы всеобщей ея библіотеки; въ области пастырской дѣятельности онъ знаменитъ такимъ, небывалымъ ни прежде, ни послѣ него, дѣяніемъ, какъ созывъ собора для очищенія нашей церкви по возможности отъ всѣхъ ея недостатковъ и пороковъ и для полнаго ея обновленія. Въ своихъ великихъ помыслахъ и дѣлахъ, какъ скажемъ ниже, Макарій явился выразителемъ требованій своего времени; но, во-первыхъ, не всякій и не кто угодно можетъ быть такимъ выразителемъ, а почти столько же немногіе избранные люди, какъ и тѣ, чтó возвышаются надъ своимъ временемъ, а во-вторыхъ,—можно быть выразителемъ только плохимъ и фальшивымъ, тогда какъ онъ явился выразителемъ достойнѣйшимъ и искреннѣйшимъ.

Много выше мы говорили, что и о знаменитѣйшемъ изъ нашихъ пастырей, каковъ митр. Макарій, наши свѣдѣнія далеко не достаточны. Въ старое время у насъ не писали біографій знаменитыхъ людей, а

только житія святыхъ, почему мы и не имѣемъ нарочитаго о немъ сказанія. Есть сказаніе объ его немощи, преставленіи и погребеніи (написанное, какъ нужно думать, въ качествѣ матеріала для его будущаго житія, относительно необходимости появленія котораго авторъ сказанія питалъ надежду); но сказаніе это именно и ограничивается только его предсмертной болѣзнью и погребеніемъ и, сообщая два біографическія о немъ свѣдѣнія, совершенно ничего не говоритъ объ его дѣятельности [1]). Что касается до лѣтописей, то новгородско-псковскія лѣтописи, къ нашему счастію, говорятъ объ его дѣятельности въ санѣ архіепископа новгородскаго, а лѣтописи московскія совершенно ничего не говорятъ объ его дѣятельности въ санѣ митрополита, такъ что мы узнаемъ о послѣдней единственно изъ самыхъ сохранившихся ея памятниковъ.

Изъ какого сословія былъ Макарій по своему происхожденію и изъ какого мѣста по своему рожденію, остается неизвѣстнымъ [2]). Родился онъ, если вѣрить показанію нѣкоторыхъ списковъ его духовной грамоты, въ 1481—82-мъ году [3]). Принялъ онъ монашество и мона-

---

[1]) «О немощи и преставленіи и погребеніе (sic) Макарія, митрополита всея Руси»,—ркп. библіотеки Московской Духовной Академіи, новаго уставнаго письма. изъ числа рукописей, поступившихъ въ библіотеку изъ Московской Духовной Консисторіи, № 20/102 (30 четверточныхъ листовъ съ десятью строками на каждой страницѣ; другой экземпляръ нашего сказанія, также новаго письма,—въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, см. *Ключевскаго* Житія святыхъ, стр. 221).

[2]) Извѣстны имена неизвѣстнаго званія его родителей—Леонтій и инока Евфросинія, см. вкладную запись на евангеліи, которое было приложено имъ въ митрополичье село Голенищево,—въ Опис. сунодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 41. стр. 279.

[3]) Мѣсто духовной грамоты Макарія, которое въ Акт. Ист. т. I, № 172, стр. 329 col. 1 (и также въ отрывкѣ изъ лѣтописи о времени Грознаго, напечатанномъ въ III томѣ Русской Исторической Библіотеки, издаваемой Археографич. Коммиссіей, col. 199 fin.) читается: «и тамо (въ Новгородѣ) правящу ми престолъ святыя Софіи, неизреченныя премудрости Божія Слова, 16 лѣтъ, и въ лѣто 7050-е первопрестольникъ, великій господинъ, преосвященный Іоасафъ, митрополитъ всея Русіи, остави митрополію русскую и отойде въ Кирилловъ монастырь», въ помянутомъ сказаніи «О немощи и преставленіи» читается: «и тако правящю ми престолъ святыя Софіи и неизреченныя премудрости Божія Слова 16 лѣтъ, бывшу ми возрастомъ 60 (славянская цыфра—буква кси) лѣтъ, и первопрестольникъ, великій господинъ», и пр.,—л. 151 fin. (академическая рукопись представляетъ собою тетрадь, вынутую изъ книги, и пагинація въ ней—листы 130—160).

шествовалъ въ Пафнутьевомъ Боровскомъ монастырѣ [1]). Поставленъ въ архіепископы новгородскіе изъ архимандритовъ можайскаго Лужецкаго или Лужковскаго монастыря [2]).

Одна изъ лѣтописей увѣряетъ, что Макарій, будучи архимандритомъ лужецкимъ, успѣлъ пріобрѣсти очень большую любовь великаго князя Василія Ивановича [3]). Въ можайскомъ Никольскомъ соборѣ неизвѣстно—съ какого времени до XVI вѣка находится чудотворный образъ святителя Николая, на поклоненіе которому имѣли обычай ѣздить государи [4]): во время своихъ поѣздокъ въ Можайскъ и могъ познако-

---

[1]) Въ сказаніи о немощи и преставленіи говорится, что когда заболѣлъ Макарій предсмертною болѣзнью, то «повелѣ послати въ Пафнутіевъ монастырь, въ свое постриженіе, ко игумену съ братіею, и возвѣстити свою немощь, чтобъ прислали старца духовна для бережнія въ немощи»,—л. 131 fin.; и потомъ—что когда посѣтилъ его государь, то онъ говорилъ послѣднему: «обѣщался есми отъити въ молчальное житіе къ Рождеству пречистеи Богородицы въ Пафнутіевъ, въ свое постриженіе»,—л. 137 sub fin.. Одинъ неизвѣстный опальный, обращавшійся къ Макарію съ просьбою о ходатайствѣ передъ царемъ, между прочимъ пишетъ въ своемъ посланіи къ нему: «высокое бо истинное любомудріе иноческое, еже есть мнишеское, глаголю, житіе избравъ... и много лѣтъ пребывая во уставѣ преподобнаго Пафнотія, въ немже много лѣтъ пребывъ и достойно ходивъ, житіе жестокое искусивъ»..., см. въ Правосл. Собесѣдн. 1863-го года, ч. 3, стр. 412 fin.. Извѣстны двѣ рукописи, приложенныя Макаріемъ въ Пафнутьевъ монастырь: евангеліе тетръ (великолѣпное, о которомъ см. въ извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Археологическаго Общества, т. I, col. 180, и въ Обозрѣніи рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книгохранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи, напеч. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1865-го года, кн. IV, стр. 9 fin.) и сборникъ, содержащій Просвѣтитель преп. Іосифа Волоколамскаго и грамоты митрополитовъ (*Восток.* Румянц. Муз. № 204, стр. 274 нач.). Во вкладной записи къ первой рукописи Макарій называетъ себя постриженникомъ Пафнутьева монастыря.

[2]) Лужецкій или Лужковскій монастырь, находящійся въ одной верстѣ отъ Можайска, на берегу рѣки Москвы, основанъ въ 1408-мъ году преп. Ѳерапонтомъ Бѣлозерскимъ, сподвижникомъ преп. Кирилла Бѣлозерскаго, по просьбѣ можайско-бѣлозерскаго князя Андрея Дмитріевича, сына Дмитрія Ивановича Донскаго,—Ист. Іер. V, 25. У *Строева* въ Спискахъ іерарховъ показывается, что Макарій былъ архимандритомъ Лужецкаго монастыря съ 1506-го года,—col. 179. Но это выходило бы, что онъ поставленъ въ архимандриты 24-хъ или 25-ти лѣтъ, что̀ вовсе невѣроятно. Можетъ быть, у *Строева:* 1506-го года по опискѣ или по опечаткѣ вмѣсто: 1516-го.

[3]) «Князь же великій любляше его зѣло»,—Псковск. 1-я лѣт.. въ Собр. лѣтт. IV, 296.

[4]) Собственно не образъ, писанный на доскѣ, а рѣзная изъ дерева статуя

мится Василій Ивановичъ съ Макаріемъ, какъ съ первымъ лицомъ въ мѣстномъ городскомъ духовенствѣ, каковъ былъ архимандритъ лужецкій. Что касается до средствъ, которыми Макарій пріобрѣлъ любовь великаго князя, то общія наши представленія и свѣдѣнія объ его нравственномъ характерѣ вовсе не позволяютъ думать, чтобы на первомъ мѣстѣ между ними было льстивое угодничество, какъ это у митр. Даніила. Дѣятельность Макарія въ Новгородѣ показываетъ, что онъ былъ горячимъ ревнителемъ общежительной жизни монаховъ, и слѣдовательно—даетъ основанія предполагать, что онъ ввелъ или поддерживалъ въ своемъ Лужецкомъ монастырѣ строгое общежитіе. А это и могло быть начальнымъ, чѣмъ онъ привлекъ къ себѣ расположеніе государя, ибо Василій Ивановичъ, изъявившій готовность преп. Іосифу Волоколамскому остаться нарочитымъ приказчикомъ его монастыря съ заведенными имъ въ послѣднемъ порядками, смотрѣлъ на себя какъ бы на призваннаго и присяжнаго покровителя строгой общежительной жизни монаховъ. Затѣмъ, лѣтопись сообщаетъ намъ, что Макарій обладалъ особеннымъ даромъ учительнаго и назидательнаго собесѣдованія, что «дана ему бысть отъ Бога мудрость въ божественномъ писаніи (бесѣдовать) повѣстьми многими, (такъ что было) просто всѣмъ разумѣти» [1]). Но если всѣ наши князья стараго времени были искателями учительныхъ монашескихъ бесѣдъ, то въ особенности былъ имъ Василій Ивановичъ, который (при другихъ своихъ нравственныхъ недостаткахъ или вопреки этимъ другимъ недостаткамъ) до того чтилъ монашество, что хотѣлъ умереть не иначе, какъ въ монашескихъ одеждахъ.

Макарій поставленъ былъ въ архіепископы новгородскіе 4-го Марта 1526-го года [2]).

Передъ его поставленіемъ каѳедра новгородская оставалась не замѣщенною въ продолженіе цѣлыхъ 17-ти лѣтъ [3]), съ того самаго времени, какъ въ 1509-мъ году низверженъ былъ архіепископъ Серапіонъ, поссорившійся съ преп. Іосифомъ Волоколамскимъ. Что было

св. Николая, представляющая его во весь ростъ, держащимъ въ одной рукѣ церковь, а въ другой мечъ, и стоящая въ кіотѣ или храминѣ (будкообразной),—см. извѣстія объ иконѣ-статуѣ (о которой совершенно нѣтъ ничего историческаго) въ Душеполезн. Чтен. 1872-го года, ч. 3, стр. 408 (тутъ же и о богомольныхъ поѣздкахъ въ Можайскъ государей).

[1]) Псковск. 1-я лѣт., стр. 296 fin..

[2]) Лѣтт. Никоновск., Софійск. 2-я, Псковск. 1-я, Новгородск. 2-я.

[3]) 17-ти лѣтъ безъ 7 недѣль,—Новгородск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. III. 148, подъ 1516-мъ годомъ fin., и 184 fin..

причиной этого совсѣмъ необыкновенно продолжительнаго медленія со стороны великаго князя дать Новгородцамъ архіепископа, ясно не видно; но со всею вѣроятностію нужно думать, что причиной было то впечатлѣніе, которое осталось у государя отъ поведенія Серапіонова. Съ 1478-го года, когда Новгородъ окончательно покоренъ былъ Иваномъ Васильевичемъ, у Новгородцевъ отнято было право самимъ избирать себѣ архіепископовъ, и эти послѣдніе начали быть присылаемы имъ изъ Москвы. Но Серапіонъ, третій изъ московскихъ архіепископовъ, по поводу своей ссоры съ преп. Іосифомъ велъ себя по отношенію къ великому князю такъ высоко и самосознательно, что какъ будто былъ избранный самими Новгородцами владыка прежняго независимаго Новгорода. И со всею вѣроятностію нужно думать, что Василій Ивановичъ, щекотливѣйшій къ подобнымъ проявленіямъ высоты и самосознанія, хотѣлъ необычайно долгимъ образомъ медлить съ поставленіемъ въ Новгородъ новаго архіепископа для той цѣли, чтобы дать въ Москвѣ забыть, что этотъ Новгородъ былъ прежде знаменитымъ вольнымъ городомъ. Если это дѣйствительно такъ, то необходимо предполагать, что, рѣшившись наконецъ снова дать Новгороду архіепископа, великій князь остановилъ свой выборъ именно на Макаріи потому, что не опасался встрѣтить въ немъ по отношенію къ себѣ, подобно какъ въ Серапіонѣ, возрожденнаго вольнаго Новгородца. Въ этомъ смыслѣ выборъ государя былъ безошибоченъ: Макарій не былъ человѣкомъ строптиваго превозношенія и вовсе не имѣлъ такого взгляда на свою епископскую власть, что я-де въ своемъ чернцѣ воленъ вязати и рѣшити.

Василій Ивановичъ проводилъ Макарія въ Новгородъ съ выраженіями своего полнаго и нарочитаго къ нему благоволенія. Кромѣ того, что онъ весьма любилъ вновь поставленнаго имъ архіепископа, были еще личныя его обстоятельства, которыя должны были усугубить его благоволеніе къ послѣднему. Менѣе чѣмъ за полтора мѣсяца до посвященія Макарія въ архіепископы великій князь вступилъ во второй бракъ (21-го Января 1526-го года), въ надеждѣ имѣть отъ второй жены наслѣдника, котораго въ продолженіе 20-лѣтъ не имѣлъ отъ первой жены. Въ своемъ пламенномъ желаніи получить наслѣдника онъ долженъ былъ усердно искать и просить молитвъ у уважаемыхъ пастырей, а таковъ именно былъ Макарій, котораго онъ дѣйствительно усерднымъ образомъ просилъ объ этихъ молитвахъ, повелѣвъ ему возглашать въ ектеніяхъ нарочитое прошеніе о дарованіи великой княгинѣ плода чрева [1]). Свое благоволеніе къ Макарію великій князь вы-

[1]) Псковск. 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. т. IV, 296.

разилъ тѣмъ, что, отправляя его на каѳедру, возвратилъ ему всю казну старыхъ новгородскихъ архіепископовъ и что далъ ему своихъ бояръ [1]). Подъ казной старыхъ архіепископовъ, понимая это слово не объ однихъ только деньгахъ, но и обо всякомъ вещевомъ или вещномъ имуществѣ, должно разумѣть ту казну, которую Иванъ Васильевичъ увезъ изъ Новгорода при его покореніи въ 1478-мъ году (и которая, какъ слѣдуетъ изъ нашего о ней извѣстія, сохранялась въ казнѣ великаго князя въ отдѣльной и неприкосновенной цѣлости). Что касается до того, что передъ Макаріемъ новгородская каѳедра не имѣла достаточнаго количества бояръ, то должно думать, что значительная часть бояръ каѳедры лишилась боярства, подвергнувшись опалѣ великаго князя вмѣстѣ съ Серапіономъ [2]).

Чрезвычайно долговременное неимѣніе архіепископа, какъ само собою понятно, было обстоятельствомъ въ высшей степени непріятнымъ для Новгородцевъ. Не говоря о томъ, что подобнымъ состояніемъ безвладычности должна была до крайности оскорбляться ихъ гордость, слишкомъ неудобно было это въ отношеніи практическомъ, касательно полученія священниковъ (которыхъ они, вѣроятно, ставили у всѣхъ сосѣднихъ епископовъ, смотря по близости,—у смоленскаго, тверскаго, ростовскаго и вологодскаго), и также касательно архіерейскаго суда (который, вѣроятно, былъ для нихъ въ самой Москвѣ у митрополита). Изъ этого понятно, что Новгородцы должны были привѣтствовать поставленіе имъ архіепископа въ лицѣ Макарія съ величайшею и съ живѣйшею радостію. Радость эту они и заявили тѣмъ, что когда Макарій прибылъ къ нимъ, они вышли встрѣчать его буквально всѣмъ городомъ [3]). Но радость ихъ должна была исполниться и переполниться, когда они увидѣли, что послѣ безконечно долгаго ожиданія они получили въ Макаріи такого архіепископа, какихъ, начиная съ самыхъ древнихъ временъ, бывало у нихъ весьма немного.

---

[1]) Ibidd..

[2]) См. посланіе Серапіона къ митр. Симону (собственно принадлежащее, какъ мы сказали выше, автору Серапіонова житія) въ Памятникахъ *Кушелева-Безбородко*, IV, 211 нач..

[3]) «Изыдоша въ срѣтеніе его соборъ святѣй Софѣи со кресты, и всѣ священницы Великого Новагорода, и всѣ христоименитіи сановницы государя великого князя, и весь народъ Великого Новагорода отъ мала и до велика и съ женами и съ дѣтьми»,—Прибавл. ко 2-й Софійск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 282. Макарій прибылъ въ Новгородъ спустя пять мѣсяцевъ послѣ посвященія,—29-го Іюля 1526-го года,—ibidd..

Человѣкъ исключительный настолько, чтобы питать великій помыслъ объ уврачеваніи церкви отъ всѣхъ ея недостатковъ и пороковъ. Макарій не принадлежалъ къ числу тѣхъ, такъ сказать—только теоретически исключительныхъ людей, къ которымъ относятся слова Писанія: *врачу, исцѣлися самъ*. Онъ изъ самого себя являлъ пастыря по возможности достойнаго, и таковымъ онъ показалъ себя и на каѳедрѣ новгородской.

Лѣтописи новгородско-псковскія говорятъ о нѣкоторыхъ особенныхъ дѣлахъ Макарія въ санѣ архіепископа; онѣ несомнѣнно свидѣтельствуютъ намъ, что Макарій выступалъ изъ ряда обыкновенныхъ епископовъ, когда дѣлаютъ общіе отзывы о времени его правленія, какъ о времени благословенномъ [1]). Но лѣтописи не даютъ намъ обстоятельной характеристики его, какъ пастыря, ограничиваясь сверхъ повѣствованія объ его особенныхъ дѣлахъ краткими и отрывочными указаніями. На основаніи того, что лѣтописи сообщаютъ намъ о немъ пространно или кратко и на основаніи указаній, которыя мы находимъ въ сохранившихся отъ него самого актахъ за время его архіепископства, мы получаемъ такой образъ его какъ пастыря, который по всей справедливости долженъ быть названъ истинно свѣтлымъ. Свою ревность объ исполненіи пастырскихъ обязанностей онъ простиралъ такъ далеко, что, выступая иниціаторомъ, хотѣлъ вводить у себя въ епархіи лучшее помимо всей митрополіи [2]); въ отношеніи къ духовенству онъ былъ строгимъ блюстителемъ суровыхъ для послѣдняго, но сдѣланныхъ въ видахъ общаго блага церкви, прежнихъ соборныхъ о немъ постановленій [3]), и въ то же время не отягощалъ его податями, а облегчалъ его отъ нихъ, и не предавалъ грабительству своихъ чиновниковъ, а старался защищать отъ послѣдняго [4]); въ своемъ личномъ

---

[1]) Новгородск. 2-я лѣт.,—въ Собр. лѣтт. III, 148 (и 185), Псковск. 1-я лѣт. ibid. IV, 296 fin..

[2]) Реформа жизни монастырей, о которой сейчасъ ниже.

[3]) Въ Стоглавѣ свидѣтельствуется, что «въ Новѣградѣ и во Псковѣ при Макаріи архіепископѣ никакоже вдовые попы и дьяконы у церквей не были ни мало время»,—Казанск. изд. стр. 62 fin., см. также уставную грамоту Макарія, данную псковскому духовенству въ 1538-го года, въ Исторіи княжества Псковскаго *митр. Евгенія*. ч. II. стр. 83.

[4]) Лѣтопись говоритъ, что при Макаріи монастырямъ стало легче въ податяхъ.—Псковск. 1-я, въ Собр. лѣтт. IV, 296 fin. О стараніяхъ Макарія защищать духовенство отъ грабительства и поборовъ своихъ чиновниковъ см. сейчасъ выше помянутую уставную грамоту.

поведеніи относительно духовенства онъ былъ не грознымъ властителемъ, а настоящимъ, кроткимъ и благопривѣтливымъ, пастыремъ [1]); въ своихъ отношеніяхъ къ мірской своей паствѣ онъ былъ: общественно—горячимъ предстателемъ за опальный городъ и за опальныя въ немъ единицы лицъ передъ московскимъ правительствомъ; частно—благодѣтелемъ нуждающихся [2]); наконецъ, являясь одинако угоднымъ и священникамъ и мірянамъ, онъ былъ усерднѣйшимъ благоукрасителемъ общенародной святыни Новгородцевъ—каѳедральнаго архіепископскаго храма святой Софіи.

Не особенную, повидимому, похвалу Макарію составляетъ то, что онъ не отягощалъ духовенства податями и защищалъ его отъ грабительства своихъ чиновниковъ,—что въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ нему былъ не грознымъ властителемъ, а настоящимъ кроткимъ пастыремъ. Но для его времени это есть величайшая ему похвала. До какой степени архіереи наклонны были тогда угнетать духовенство податями и до какой степени они наклонны были смотрѣть на него властительски, это показываютъ примѣры ближайшихъ предшественниковъ Макарія на новгородской каѳедрѣ Геннадія и Серапіона. У перваго не обуздало наклонности къ поборамъ строжайшее соборное запрещеніе; а второй явно и откровенно высказалъ тотъ взглядъ на духовенство, что это—его холопы и рабы.

Что Макарій былъ горячимъ ходатаемъ за опальныхъ Новгородцевъ передъ московскимъ правительствомъ, объ этомъ лѣтописи говорятъ настоятельно. Одна изъ нихъ пишетъ, что онъ былъ «людемъ заступленіе веліе» [3]), другая пишетъ, что когда онъ былъ въ Москвѣ въ 1534-мъ году, то много печалованія творилъ о побѣдныхъ людехъ изъ своей архіепископьи, еже во опалѣ у государя великаго князя множество много [4]). Что касается до успѣха ходатайствъ, то о 1534-мъ годѣ лѣтопись говоритъ, что «государь князь великій (собственно—великая княгиня Елена за малолѣтняго Іоанна) архіепископова ради печалованія многимъ милость показа» [5]); а вообще этотъ успѣхъ лѣтописи пред-

---

[1]) Лѣтопись характеризуетъ отношенія Макарія къ духовенству такъ, что называетъ его тихимъ дателемъ, его же любитъ Богъ.—Прибавл. къ Софійск. 2-й лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 284 sub fin..

[2]) О первомъ сейчасъ ниже; о второмъ—Псковск. 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 297 нач. («сиротамъ кормитель бысть»).

[3]) Псковск. 1-я лѣт.. въ Собр. лѣтт. IV, 296 fin..

[4]) Прибавл. къ Софійск. 2-й, ibid.. VI. 295.

[5]) Сейчасъ указанн. Прибавл. ibidd..

ставляютъ такимъ, что называютъ его—Макаріевы времена временами тихими и прохладными для Новгорода [1]).

Макарій занималъ новгородскую архіепископскую каѳедру въ продолженіе 16-ти лѣтъ.

Скажемъ объ его особенныхъ дѣлахъ за время архіепископства, о которыхъ знаемъ изъ лѣтописей и изъ его собственныхъ актовъ, сохранившихся до настоящаго времени.

Въ самомъ непродолжительномъ времени по занятіи каѳедры Макарій предпринялъ произвести реформу образа жизни въ монастыряхъ епархіи. Въ нашихъ русскихъ монастыряхъ, вслѣдъ за монастырями греческими, были два вида жизни: общинножитіе или общежитіе, при чемъ монахи не имѣли или не должны были имѣть ничего собственнаго, и особножитіе, при чемъ наоборотъ монахи не имѣли ничего общаго, а каждый—все собственное. Истинный видъ монашеской жизни есть общинножитіе, а особножитіе есть жалкое злоупотребленіе, изобрѣтенное людьми, которые хотѣли быть монахами единственно по имени и по внѣшнему виду. Но у насъ, какъ и въ Греціи, общинножитіе было только въ нѣкоторыхъ лучшихъ монастыряхъ, а рѣшительно господствующимъ видомъ жизни монаховъ было особножитіе. Такъ это было во всей Россіи; такъ это было и въ епархіи новгородской. Предпринятая Макаріемъ реформа монашеской жизни въ новгородской епархіи состояла въ томъ, чтобы во всѣхъ по возможности монастыряхъ ея ввести общинножитіе. Что Макарій былъ ревнителемъ истинной монашеской жизни—общинножитія противъ не истинной жизни—особножитія, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: могъ онъ быть въ семъ случаѣ ученикомъ преп. Іосифа Волоколамскаго; могъ онъ быть и ничьимъ ученикомъ, а подобно Іосифу самостоятельнымъ поборникомъ истины и противникомъ лжи. Но когда онъ предпринялъ свою реформу, то онъ выступилъ тѣмъ замѣчательнѣйшимъ инициаторомъ, каковаго мы указали въ немъ выше. Митр. Даніилъ, при которомъ совершеніе реформы имѣло мѣсто, также былъ поборникомъ общинножитія, какъ ученикъ преп. Іосифа, и однако онъ вовсе не помышлялъ о томъ, чтобы вводить его во всѣхъ монастыряхъ русскихъ или по край-

[1]) Новгородск. 2-я. въ Собр. лѣтт. III, 148 (и 185). Преп. Максимъ Грекъ въ посланіи къ Макарію, писанномъ вскорѣ по занятіи послѣднимъ каѳедры митрополичьей, говоритъ ему, разумѣя время его архіепископства: «колико обидимыхъ изъ темницъ и отъ узъ разрѣшилъ еси? Заточенныя воззвалъ еси, присмертныя оживилъ еси» (то посланіе, которое напечатано преосв. Филаретомъ и о которомъ см. ниже,—по издан. преосв. Филарета стр. 95).

ней мѣрѣ во всѣхъ монастыряхъ своей митрополичьей епархіи. Лѣтопись даетъ знать, что, отправляясь изъ Москвы въ Новгородъ, Макарій испросилъ у митрополита благословеніе на свое предпріятіе [1]). Къ его осуществленію онъ приступилъ послѣ того, какъ нѣсколько осмотрѣлся на каѳедрѣ, во второе лѣто своего святительства, въ 1527—28-мъ году [2]). Вѣроятно, онъ опасался, что если будетъ дѣйствовать единственно отъ своего лица, то монахи новгородскіе будутъ возражать ему, что онъ требуетъ отъ нихъ того, чего не требуется отъ монаховъ во всей остальной Россіи, и онъ обратился съ просьбою къ великому князю, чтобы этотъ подкрѣпилъ его своимъ повелительнымъ писаніемъ [3]).

Не знаемъ, исполнилъ ли великій князь просьбу Макарія, но ему во всякомъ случаѣ удалось достигнуть блистательнаго результата. Въ Новгородѣ и его ближайшей окрестности находилось болѣе 22-хъ монастырей; изъ нихъ было общежитіе только въ четырехъ монастыряхъ [4]), а во всѣхъ остальныхъ—особножитіе. Макарій созвалъ къ себѣ игуменовъ особножитныхъ монастырей и началъ кротко увѣщавать ихъ, чтобы они ввели у себя общинножитіе, какъ повелѣваютъ святые отцы. Плодомъ кроткихъ и, какъ нужно подразумѣвать—убѣдительныхъ, увѣщаній было то, что изъ 18-ти городскихъ и окологородныхъ «именитыхъ» монастырей 16-ть ввели у себя общину и что только два упорно

---

[1]) Лѣтопись говоритъ, что Макарій, прощаясь съ Даніиломъ, «поклонився къ нему, глагола: молю тя, отче святый, да Бога молиши о мнѣ, да негли мощна мя сотворитъ скончати все, о немже ся есмь обѣщалъ», —Псковск. 1-я, въ Собр. лѣтт. IV, 296. Подъ обѣщаннымъ со всею вѣроятностью должно разумѣть реформу жизни монашеской, съ чего началъ Макарій свою дѣятельность въ Новгородѣ. Выраженіе «есмь обѣщалъ» какъ будто даетъ знать, что митрополитъ возложилъ на Макарія обязанность произвести нашу реформу. Но такъ какъ вовсе невѣроятно допустить, чтобы митрополитъ возложилъ на Макарія обязанность сдѣлать то, чего самъ не дѣлалъ: то выраженіе «есмь обѣщалъ» нужно понимать въ смыслѣ: вызвался, изъявилъ желаніе сдѣлать.

[2]) Прибавл. къ 2-й Софійск. лѣт.,—въ Собр. лѣтт. VI, 284 (второе лѣто отъ прибытія Макарія въ Новгородъ кончалось Іюлемъ 1528-го года).

[3]) Посланіе Макарія къ великому князю въ Дополнн. къ Акт. Ист. т. I, № 25. Такъ какъ посланіе намъ извѣстно безъ конца, то не видно, въ чемъ собственно состояла просьба (въ общихъ словахъ она выражается: «въ твоей отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ и Псковѣ упраздни нѣкое безчиніе своимъ царьскимъ повелѣніемъ»).

[4]) Юрьевомъ, Хутынскомъ, Вяжицкомъ и Отенскомъ,—см. сейчасъ указанное посланіе Макарія къ великому князю.—sub fin..

остались при прежнихъ порядкахъ. Вслѣдъ за городскими и окологородными монастырями начали вводить у себя общежитіе и прочіе монастыри епархіи. Изъ словъ лѣтописи какъ будто слѣдуетъ, что эти прочіе монастыри съ такою же готовностію вняли увѣщанію архіепископа, какъ и монастыри городскіе—окологородные; однако, числовыхъ данныхъ о нихъ она не сообщаетъ [1]).

Вмѣстѣ съ реформой жизни монастырей Макарій уничтожилъ въ нихъ одно злоупотребленіе, уже запрещенное прежде, но продолжавшее оставаться въ новгородской епархіи. Соборъ 1503-го года постановилъ, чтобы на будущее время монахини не жили въ однихъ монастыряхъ съ монахами; но въ Новгородѣ и до Макарія оставалось такъ, какъ было прежде собора 1503-го года. Онъ отвелъ монахинь въ особые монастыри и поставилъ надъ ними вмѣсто игуменовъ игуменій [2]).

Другимъ особымъ дѣломъ Макарія, о которомъ мы знаемъ, было то, что онъ употребилъ старанія утвердить христіанство между инородцами епархіи, которые, бывъ крещены давно, оставались болѣе язычниками, чѣмъ христіанами и до его времени. Инородцы эти были жители Водской пятины новгородской области, лежавшей отъ Новгорода на сѣверъ (часть нынѣшней губерніи санктпетербургской отъ рѣки Луги на востокъ и нѣкоторая часть губерніи новгородской отъ Волхова на западъ и потомъ восточная полоса Финляндіи до 64 градуса на сѣверѣ), состоявшіе изъ финскихъ народовъ—Води (отъ котораго названіе пятины, въ санктпетербургской губерніи), Кареловъ и другихъ мелкихъ. Большинство Кареловъ было крещено въ 1227-мъ году [3]), а Водь крещена была, вѣроятно, еще ранѣе; но и спустя три столѣтія послѣ крещенія ко времени Макарія, живя изолированно отъ настоящихъ Русскихъ, поселеній которыхъ между ними не было, и пользуясь нерадѣніемъ и потворствомъ священниковъ, а также незаботливостью и высшей церковной власти, тѣ и другіе со всѣми вообще инородцами мѣстности продолжали усердно держаться вѣры отцовъ.

---

[1]) Прибавл. къ Софійск. 2-й лѣт. въ Собр. лѣтт. VI. 284 sqq. Что касается до игуменовъ двухъ монастырей, не хотѣвшихъ ввести у себя общежитія, то, по словамъ лѣтописца, «(они) сказаша нужу себѣ, еже которой нѣсть, и архіепископъ рече имъ: по дѣломъ вашимъ мзду пріимете отъ Бога».—Уставную грамоту Макарія объ общежитіи одному изъ новгородскихъ монастырей, который не принадлежалъ къ числу 18-ти именитыхъ и принялъ общежитіе послѣ 16-ти, см. въ Акт. Ист. т. I. № 292.

[2]) Ibid., стр. 285.

[3]) См. I т. 1-ю половину, стр. 182 прим..

Макарію донесено было, что Водь и Карелы церквей для молитвы не посѣщаютъ и къ священникамъ на исповѣдь не ходятъ, а молятся по своимъ сквернымъ мольбищамъ деревамъ и камнямъ,—что они жрутъ жертвы и пьютъ питья мерзкимъ бѣсамъ, призывая на свои скверныя общественныя моленія чудскихъ арбуевъ (жрецовъ, волхвовъ),—что постовъ христіанскихъ не соблюдаютъ,—что мертвыхъ своихъ кладутъ съ своими арбуями по курганамъ и по коломищамъ, а не на погостахъ у церквей,—что къ новорожденнымъ сначала призываютъ арбуевъ для нареченія именъ и потомъ уже священниковъ,—что на свои кануны или домовые праздники призываютъ тѣхъ же арбуевъ, которые арбуятъ (колдуютъ, наговариваютъ) имъ надъ канонами (кутіями и сытами праздничными),—что многіе люди живутъ у нихъ брачною жизнью законопреступно, безъ церковнаго вѣнчанія. Узнавъ о такомъ религіозномъ состояніи инородцевъ Водской пятины, Макарій рѣшился истребить у нихъ язычество. Онъ испросилъ дозволеніе на сіе у великой княгини Елены съ боярами,—дѣло было въ 1534-мъ году, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Василія Ивановича,—и отправилъ въ Водскую пятину своего домоваго іеромонаха [1]) въ сопровожденіи двухъ своихъ боярскихъ дѣтей. Іеромонахъ, какъ читаемъ въ посланной съ нимъ къ духовенству Водской пятины грамотѣ Макарія [2]), долженъ былъ обойти всю пятину и дѣлать слѣдующее: во-первыхъ, во всѣхъ приходахъ созывать къ себѣ всѣхъ прихожанъ и заставлять ихъ въ своемъ присутствіи разорять и въ конецъ истреблять всѣ скверныя мольбища, находившіяся въ селахъ, въ деревняхъ и въ лѣсахъ; во-вторыхъ, пѣть по всѣмъ приходамъ молебны и посылать мѣстныхъ священниковъ съ святою водой по всѣмъ селеніямъ прихода, чтобы они кропили ею всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала и до велика и мѣста и жилища ихъ [3]). Въ случаѣ, если бы какіе прихожане изъявили ослушаніе и нераскаянность, Макарій приказываетъ своимъ дѣтямъ боярскимъ, имѣвшимъ сопровождать іеромонаха, отдавать ихъ на крѣпкія поруки, «сроча» къ его архіепископскому суду (назначая сроки явиться на судъ

---

[1]) Илію, который извѣстенъ какъ авторъ житія болгарскаго святого—Георгія мученика средечскаго или софійскаго, см. нашу книгу Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, стр. 666.

[2]) Она въ Дополнн. къ Акт. Ист. т. I, № 28.

[3]) Воду, которая имѣла быть освящаема въ каждомъ приходѣ, Макарій предписываетъ смѣшивать съ тою святою водой, которую онъ передъ отправленіемъ іеромонаха освятилъ самъ въ св. Софіи съ животворящихъ крестовъ и съ чудотворныхъ иконъ и съ святыхъ мощей и которую онъ послалъ съ іеромонахомъ.

къ нему—архіепископу) и грозить имъ великой опалой государя и своимъ конечнымъ изверженіемъ (sic) безъ милости. Іеромонаху вмѣнялось въ обязанность вездѣ призывать къ себѣ арбуевъ и ихъ учениковъ или помощниковъ, съ тѣмъ, чтобы накрѣпко поучать ихъ отречься отъ ихъ скверныхъ дѣлъ, и потомъ отдавать ихъ въ нарочитое поученіе и надзоръ мѣстнымъ священникамъ. Относительно будущаго времени Макарій предписываетъ въ своей грамотѣ: на тѣхъ арбуевъ, которые не перестанутъ арбуить, священники должны доносить дѣтямъ боярскимъ, въ помѣстьяхъ которыхъ арбуи будутъ обличены въ своей дѣятельности, а эти имѣютъ представлять ихъ къ нему—архіепископу; на тѣхъ прихожанъ, которые не перестанутъ язычествовать, священники должны доносить ему—архіепископу. Самимъ священникамъ, въ случаѣ если они не будутъ имѣть попеченія о заблудшихъ христіанахъ и не станутъ учить и наказывать ихъ, Макарій угрожаетъ въ грамотѣ, что быть имъ отъ него въ конечномъ изверженіи безъ милости.

Отряженный Макаріемъ іеромонахъ, исполняя возложенное на него порученіе, совершилъ два, одно за другимъ, путешествія по Водской пятинѣ.

Нельзя вѣрить свидѣтельству лѣтописей, чтобы попытка Макарія искоренить язычество между инородцами пятины и совершенно водворить между ними христіанство, имѣла полный успѣхъ, ибо однимъ искорененіемъ мольбищъ нельзя было искоренить язычества, а относительно способности и готовности къ учительству мѣстныхъ священниковъ можно быть представленій только до послѣдней степени скромныхъ. Вовсе не подтверждается свидѣтельство лѣтописей и показаніями документальными [1]). Но Макарій положилъ благое начало, безъ котораго ничего не бываетъ и послѣ котораго оставалось продолжать его

---

[1]) Преемникъ Макаріевъ на новгородской каѳедрѣ Ѳеодосій посылалъ подобно ему своего священника въ Водскую пятину и въ своей грамотѣ къ духовенству пятины пишетъ: «здѣ до насъ слухъ дошелъ отъ многихъ достовѣрныхъ свидѣтелей, что де и нынѣ (послѣ Макарія) въ вашихъ мѣстахъ многіе христіане заблудили отъ истинныя христіанскія православныя вѣры»...,—Вивліоѳ. XIV, 168, Дополн. къ Акт. Ист. т. I. стр. 57 col. 2 (самому духовенству Ѳеодосій говоритъ: «а вы, игумены и священницы, по заповѣди государя великаго князя и по архіепископлю Макарьеву духовному наказу отъ таковыхъ злочиній ихъ не унимаете и не наказываете ихъ ученіи по церковному преданію»,—Вивліоѳ. 169 fin., Дополн. 58, 1 sub fin.).

преемникамъ, какъ это послѣдніе и дѣлали, по крайней мѣрѣ, во время его бытности на каѳедрѣ митрополичьей [1]).

Мы сказали, что Макарій ознаменовалъ себя какъ усерднѣйшій благоукраситель общенародной святыни Новгородцевъ—храма св. Софіи.

Для благоукрашенія св. Софіи онъ сдѣлалъ слѣдующее:

1) Тринадцать иконъ главнаго яруса тогдашняго иконостаса («большіе деисусы»), соотвѣтствующаго второму верхнему ярусу нынѣшнихъ иконостасовъ, которыя были—икона Спасителя съ Божіей Матерью и Предтечею и иконы 12-ти апостоловъ, онъ обложилъ серебряными позолочеными ризами и снабдилъ позолочеными лампадами (не малыми для масла, а большими для свѣчъ [2]);

2) Нынѣшнія такъ называемыя мѣстныя иконы, которыя въ его время еще не стояли въ иконостасѣ, а внѣ его, онъ украсилъ богатыми ковровыми пеленами и двѣ изъ нихъ, наиболѣе чтимыя, какъ кажется, тоже обложилъ серебряными позолочеными ризами [3]);

3) Онъ устроилъ великолѣпныя царскія двери и великолѣпную отъ различныхъ тафтъ запону или завѣсу въ олтарную арку (которая тогда еще не была заслонена нынѣшними мѣстными иконами и вся была открыта [4]);

4) Онъ устроилъ великолѣпный амвонъ [5]) (въ той формѣ, какую имѣли амвоны въ его время и которая не имѣетъ ничего общаго съ теперешнею [6]);

5) Надъ главными входными дверями въ церковь съ наружной стороны онъ приказалъ сдѣлать новое и лучшее, чѣмъ какое было прежде, настѣнное письмо [7]);

---

[1]) Лѣтописи, говорящія о нашей попыткѣ Макарія, суть: Прибавл. къ Псковской 2-й лѣт. въ Собр. лѣтт. V, 73, B, и Прибавл. къ Софійск. 2-й лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 296 нач.. По свидѣтельству первой изъ лѣтописей, посланный іеромонахъ нашелъ между инородцами и некрещеныхъ, которыхъ и крестилъ, а по свидѣтельству второй лѣтописи—онъ искоренялъ у нихъ не только язычество, но и народные обычаи: «еже женамъ ихъ власовъ своихъ не постригати и ризъ яко мертвечьихъ на главахъ и рамѣхъ (бѣлыхъ платковъ?) не носити».

[2]) Прибавл. къ 2-й Софійск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VI. 301.

[3]) Софійск. 2-я лѣт. ibid. стр. 285. Самыя иконы Макарій поставилъ по чину, cfr о семъ ниже.

[4]) Ibidd..

[5]) Ibid., стр. 291.

[6]) См. I т. 2-ю полов. стр. 197 fin. sqq.

[7]) Софійск. 2-я лѣт. стр. 285 fin..

6) Онъ слилъ къ церкви огромный для своего времени колоколъ, «яко страшной трубѣ гласящей» [1]).

Давая знать о достоинствѣ украшеній, сдѣланныхъ Макаріемъ въ церкви, и о томъ впечатлѣніи, которое онѣ производили на Новгородцевъ, новгородскія лѣтописи выражаются о каждомъ изъ нихъ какъ о вельми чудномъ и лѣпомъ видѣти. Къ этимъ украшеніямъ съ ихъ стороны археологическо-технической мы возвратимся послѣ.

Помимо св. Софіи Макарій показалъ свою заботливость и о другой чтимой святынѣ Новгородцевъ. Такъ, онъ поновилъ и украсилъ кузнью и монистами чудотворную икону Знаменія Божіей Матери [2]). А по свидѣтельству лѣтописи, онъ и вообще показалъ великое тщаніе и прилежаніе о церквахъ Божіихъ [3]).

Хотѣлъ было Макарій оставить память о себѣ въ Новгородѣ не только въ великолѣпныхъ украшеніяхъ св. Софіи, но и въ монументальныхъ сооруженіяхъ нецерковныхъ. Однако, въ этомъ случаѣ за свое увлеченіе суетнымъ исканіемъ славы онъ наказанъ былъ неудачей. Въ Новгородъ явился изо Пскова самоучка-хитрецъ по инженерной части и глядя на Волховъ говорилъ: хотя рѣка эта и очень широка, но если бы кто-нибудь далъ мнѣ средства, то я поставилъ бы на ней мельницу. Когда о рѣчахъ донесено было Макарію, то его прельстила мысль о такомъ знаменитомъ дѣлѣ, какъ постановка мельницы на Волховѣ: «преже бо, говоритъ лѣтопись, начень еже о церквахъ Божіихъ тщаніе и великое прилежаніе, (восхотѣ) даже и до самыхъ вещей, еже бысть сія вещь, сдѣлати, еже изъ начала града не бывала, даже бы и та вещь была къ дому святѣи Софѣи». Хитрецъ, по приказанію Макарія, дѣйствительно поставилъ мельницу на Волховѣ, истративъ при этомъ огромныя, какъ нужно думать, деньги на устройство особаго рода плотины. Но первое же весеннее половодіе рѣки совершенно уничтожило все сооруженіе. Эта неудачная постройка мельницы между прочимъ показываетъ, какою любовью пользовался Макарій у Новгородцевъ: они весьма сомнѣвались, чтобы на Волховѣ могла быть поставлена мельница, и тѣмъ не менѣе, какъ бы тѣша архіепископа, помогали строить ему его мельницу всѣмъ городомъ [4]).

---

[1]) Ibid. стр. 287 и Прибавл. къ Новгор. 2-й лѣт. въ Собр. лѣтт. III, 185.

[2]) Прибавл. къ Софійск. 2-й лѣт., стр. 284.

[3]) Ibid. стр. 286.

[4]) О постройкѣ мельницы—Софійск. 2-я лѣт., стр. 286, и Псковск. 1-я лѣт., стр. 297 нач.. Болѣе или менѣе вскорѣ послѣ Макарія Новгородцы научились ставить мельницы и на Волховѣ, ибо въ описаніи путешествія въ Россію датскаго

Въ похвалу пастырской ревности Макарія говоритъ слѣдующее. Въ 1535-мъ году въ Новгородѣ и во Псковѣ побросаны были въ тюрьмы казанскіе Татары, составлявшіе людей (домово-служилыхъ) жившаго въ Россіи бывшаго казанскаго царя Шигъ-Алея, на которыхъ за что-то опалилось правительство. Мужчины, числомъ болѣе 150 человѣкъ, всѣ уморены были въ тюрьмахъ, а женщины оставлены въ живыхъ. Макарій выпросилъ Татарокъ у правительства «на свое бремя» (на свое попеченіе) и роздалъ ихъ священникамъ, чтобы послѣдніе крестили ихъ и выдавали замужъ [1]).

Противъ любви къ Макарію бѣлаго духовенства его епархіи, повидимому, говоритъ то, что когда въ 1535-мъ году строили во Псковѣ новый архіепископскій домъ, то, по словамъ лѣтописи, монастыри мшили горницы и повалушу склали, а приходскіе священники не пособили архіепископу ни въ чемъ [2]). Но съ наибольшею вѣроятностью это нужно объяснять не такъ, чтобы бѣлое псковское духовенство не любило Макарія, а такъ, что оно хотѣло злоупотреблять его добротою, надѣясь на безнаказанность.

Выше мы говорили, что въ 1535-мъ году съ Макарія и съ монастырей новгородской епархіи взяты были деньги на выкупъ нашихъ плѣнныхъ у крымскихъ Татаръ. О томъ, съ какими чувствами Макарій сдѣлалъ взносъ денегъ, лѣтопись говоритъ: «и боголюбивый архіепископъ Великого Новагорода и Пскова владыка Макарій и пастырь словеснаго Христова стада, слышавъ сія (приказъ о деньгахъ), и вскорѣ подвигся на се духовное дѣло и повелѣ взборзѣ собрати семь сотъ рублевъ: помяну слово Господне: аще злато предадимъ, въ то мѣсто обрящемъ другое, а за душу человѣческу нѣсть что измѣны дати» [3]).

Великій князь Василій Ивановичъ «зѣло любляше» Макарія, когда онъ былъ архимандритомъ Лужецкимъ. Эту любовь къ себѣ государя Макарій сохранялъ и въ санѣ архіепископа новгородскаго до самой его смерти, послѣдовавшей 4-го Декабря 1533-го года. Вызванный въ Москву вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими архіереями тотчасъ послѣ смерти Василія Ивановича (въ Январѣ 1534-го года), онъ, по

принца Іоанна, которое имѣло мѣсто въ 1602-мъ году, говорится, что въ Новгородѣ «много прекрасныхъ водяныхъ мельницъ, очень крѣпко построенныхъ на рѣкѣ».—русск. перев. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1867-го года, кн. IV, стр. 6.

[1]) Псковск. 1-я лѣт., въ Собр. лѣтт. IV, 300 и 301, Софійск. 2-я лѣт. ibid. VI, 297.

[2]) Псковск. 1-я лѣт. стр. 301 нач..

[3]) Прибавл. къ 2-й Софійск. лѣт., стр. 294.

свидѣтельству лѣтописи, былъ удостоиваемъ самаго благосклоннаго вниманія отъ великой княгини Елены [1]. Но въ 1536-мъ году, какъ говорили мы выше, по оклеветанію какого-то лукава и безумна человѣка были отобраны въ казну пожни у новгородскихъ городскихъ и около-городныхъ церквей и монастырей: это ясно показываетъ, что на Макарія привлечено было нелюбіе правительства. Въ какихъ отношеніяхъ находился онъ къ послѣднему во все остальное время своего пребыванія на новгородской каѳедрѣ, не имѣемъ свѣдѣній; но судя по тому, что лѣтописи представляютъ время его правленія временемъ для Новгорода по отношенію къ спокойствію со стороны Москвы тихимъ и прохладнымъ, должно думать, что послѣ непродолжительной опалы онъ снова пользовался въ Москвѣ прежнимъ благоволеніемъ.

Въ санѣ архіепископа новгородскаго началъ Макарій свою литературную дѣятельность. Какъ уже мы давали знать, дѣятельность эта состояла не въ томъ, что онъ самъ былъ писателемъ, а въ томъ, что онъ поручалъ писать и переводить другимъ и что онъ замыслилъ такое предпріятіе, какъ собраніе въ одно мѣсто всѣхъ чтомыхъ (отеческо-учительныхъ) книгъ, обрѣтавшихся въ русской землѣ. Изъ 16-ти лѣтъ, въ продолженіе которыхъ занималъ онъ новгородскую каѳедру, 12-ть лѣтъ онъ посвящалъ между прочимъ послѣднему труду, а также въ Новгородѣ, по его порученію, написаны были нѣкоторыя сочиненія и совершенны нѣкоторые переводы. Объ этомъ мы будемъ говорить послѣ.

Итакъ, на каѳедрѣ архіепископіи новгородской Макарій показалъ себя пастыремъ наивозможно и въ высшей степени достойнымъ. Чтеніе новгородско-псковскихъ лѣтописей несомнѣнно убѣждаетъ въ томъ, что онъ, бывъ архіепископомъ весьма исключительнымъ, пользовался величайшею любовію какъ самихъ Новгородцевъ, т. е. жителей Новгорода, такъ и всей своей паствы.

Говорится о немъ, что во время бытности его архіепископомъ новгородскимъ «многія ради его добродѣтели въ всей Россіи слава о немъ происхождаше» [2]. Имѣемъ свидѣтельство, что слава его выступала даже и за предѣлы Россіи. Въ 1541-мъ году патріархъ іерусалимскій Германъ присылалъ въ Москву двухъ своихъ іеромонаховъ для прошенія вспомоществованія на уплату великихъ долговъ, которые онъ долженъ былъ сдѣлать, спасая отъ невѣрныхъ возобновленный имъ

[1] Софійск. 2-я лѣт., стр. 294 sqq.

[2] Говоритъ это Василій Михайловичъ Тучковъ въ послѣсловіи къ житію преп. Михаила Клопскаго.

храмъ гроба Господня. Къ архіепископу Макарію патріархъ обращался съ особой просительной грамотой и прислалъ ему особые «поминки» (состоявшіе болѣе чѣмъ изъ 30-ти частицъ разной іерусалимской святыни [1]).

Изъ архіепископовъ новгородскихъ въ митрополиты всея Руси Макарій поставленъ былъ на мѣсто Іоасафа спустя два съ половиною мѣсяца по низверженіи Шуйскимъ послѣдняго.

Карамзинъ и, какъ кажется, Соловьевъ намѣрены заподозривать, что Макарій достигъ каѳедры митрополичьей не совсѣмъ прямымъ путемъ. Первый, указывая на то, что главными помощниками Шуйскаго въ низверженіи Бѣльскаго, а съ нимъ и Іоасафа, были новгородскія дѣти боярскія, говоритъ: «любя и мірскую честь, Макарій, можетъ быть, оказалъ Шуйскимъ услуги въ Новѣгородѣ и склонилъ жителей онаго на ихъ сторону, въ надеждѣ заступить мѣсто Іоасафа» [2]). А второй, не высказываясь прямо, какъ будто съ намѣреніемъ указываетъ на новое, послѣ Карамзина ставшее извѣстнымъ, обстоятельство, что Макарій имѣлъ связи съ Шуйскими до занятія каѳедры митрополичьей [3]). Мы съ своей стороны находимъ подозрѣнія совершенно неосновательными и несправедливыми. Если новгородскія дѣти боярскія, какъ и всѣ Новгородцы, были сторонниками Шуйскихъ, то удовлетворительное объясненіе этому дается безъ предположенія, что ихъ склонилъ на сторону послѣднихъ именно архіепископъ [4]). Чтó касается до связей Макарія съ Шуйскими, то о нихъ извѣстно только то, что одинъ изъ Шуйскихъ, подпавшій опалѣ, обращался къ нему съ просьбой о ходатайствѣ передъ великой княгиней Еленой [5]). Но въ то время

---

[1]) Запись о томъ, что 21-го Марта 1541-го года государь послалъ въ Новгородъ къ Макарію двухъ старцевъ іерусалимскаго патріарха Германа,—грамоту Германа къ Макарію и роспись поминковъ патріарха архіепископу, которые 29-го Мая 1541-го года явили второму старцы-іеромонахи перваго Арсеній и Досиѳей (съ присовокупленіемъ легендарнаго сказанія о іерусалимскихъ вратахъ, чтó отъ Святая Святыхъ къ потоку Кедрскому),—въ Волоколамской рукописи, находящейся теперь въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, № 571, лл. 104—110. Cfr въ 1-мъ выпускѣ XV тома Палестинскаго Сборника трудъ *Н. Ѳ. Каптерева*: Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ, стр. 8.

[2]) VIII, 46.

[3]) VI. 3-го изд. стр. 38.

[4]) См. у *Соловьева* ibid. стр. 37.

[5]) Андрей Михайловичъ (позднѣйшій правитель); его просительное посланіе къ Макарію (написанное съ реторикой, заимствованной изъ письмовника) въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 27.

было въ обычаѣ обращаться къ защитѣ архіереевъ и безъ связей съ ними, ибо «печалованіе» считалось ихъ обязанностію, и опальный Шуйскій, не имѣя связей съ Макаріемъ, а будучи только знакомъ съ нимъ, могъ просить его о ходатайствѣ просто потому, что зналъ его за архіерея, нарочито расположеннаго къ ходатайствамъ, и вмѣстѣ за архіерея, который пользовался весьма большимъ вліяніемъ у государыни. Очень можетъ быть, что новгородскія дѣти боярскія предлагали Макарія въ митрополиты; но это могли они сдѣлать не по пропскамъ послѣдняго, а потому, что безукоризненнымъ образомъ онъ пріобрѣлъ великую любовь своей новгородской паствы и что они—дѣти боярскія считали его кандидатомъ достойнѣйшимъ, каковымъ онъ былъ и на самомъ дѣлѣ. Если бы Макарій искалъ каѳедры митрополичьей, то онъ постарался бы получить ее отъ Шуйскаго по низверженіи Даніила. Самъ онъ въ своей духовной грамотѣ говоритъ о своемъ поставленіи: «въ лѣто 7050-е первопрестольникъ, великій господинъ, Іоасафъ митрополитъ всея Руссіи, остави митрополію русскую и отойде въ Кириловъ монастырь въ молчалное житіе, и не вѣмъ, которыми судбами Божіими избранъ и понуженъ быхъ азъ смиренный не токмо всѣмъ соборомъ руськія митрополія, но и самимъ благочестивымъ и христолюбивымъ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, всея Русіи самодержцемъ, мнѣ же смиренному намнозѣ отрицающуся, по свидѣтельству божественныхъ писаній, и не возмогохъ преслушатись, но понужденъ быхъ и поставленъ на превеликій престолъ руськія митрополія» [1]): не заподозривая Макарія во лжи, мы рѣшительно наклонны думать, что дѣло было дѣйствительно такъ, какъ онъ его представляетъ въ сейчасъ приведенныхъ словахъ, т. е. что онъ не только не искалъ каѳедры митрополіи, а напротивъ принужденъ былъ занять ее. Передъ тѣмъ, какъ быть ему поставлену, два митрополита были свергнуты съ каѳедры самымъ позорнымъ образомъ, и второй изъ нихъ такъ, что подвергалась опасности и самая его жизнь. При такомъ положеніи дѣла естественно было, чтобы всякія честолюбія смолкли и чтобы у всѣхъ пропала охота занять мѣсто митрополита. А въ подобныхъ случаяхъ, когда ни у кого не бываетъ охоты занять мѣсто, обыкновенно вспоминаютъ про достойнѣйшихъ, требуя, чтобы они принесли себя въ жертву. Такъ какъ достойнѣйшимъ былъ именно Макарій, то епископы и могли приступить къ нему съ просьбою, чтобы онъ согласился занять каѳедру, на что не было охоты ни у кого либо изъ нихъ ни вообще у кого нибудь другаго. Если предположимъ, что

---

[1]) Акт. Ист. т. I, № 172, стр. 329 col. 1 fin..

при избраніи преемника Іоасафу епископы водились не одними лишь своекорыстными побужденіями, то и въ семъ случаѣ выборъ ихъ долженъ былъ остановиться на Макаріи. При данныхъ обстоятельствахъ положеніе митрополита было въ высшей степени трудное и не всякій могъ съ нимъ справиться. Но если на кого можно было возлагать наибольшія надежды, такъ это именно на мудрѣйшаго между ними (нисколько впрочемъ не въ смыслѣ іезуитизма) архіепископа новгородскаго. Макарій говоритъ, что онъ намнозѣ отрицался «по свидѣтельству божественныхъ писаній»; повидимому, это — безъ смысла; но какъ необходимо думать, этимъ онъ указываетъ на то фактическое, что онъ искалъ было для себя предлоговъ къ отреченію отъ каѳедры митрополіи въ правилахъ каноническихъ, которыя запрещаютъ архіереямъ переходить съ одной каѳедры на другую.

Макарій нареченъ былъ въ митрополиты соборомъ 8-ми епископовъ 16-го Марта 1542-го года; поставленъ 19-го Марта. Въ минуту этого поставленія, если вѣрить указанному выше свидѣтельству, ему было 59—60 лѣтъ отъ роду.

Мы уже сказали выше, что съ Макаріемъ не случилось болѣе той бѣды, которая постигла двухъ его предшественниковъ,—что онъ оставался на каѳедрѣ до самой своей смерти и правилъ русскою церковію очень продолжительное время, увѣковѣчивъ свою память знаменитыми дѣлами.

Съ 19-го Марта 1542-го года, когда Макарій занялъ каѳедру и когда великому князю Ивану Васильевичу шелъ 12-й годъ, настоящее—самовластное боярское правленіе продолжалось до конца слѣдующаго 1543-го года. Князь Иванъ Шуйскій, низвергшій Бѣльскаго и митр. Іоасафа, вскорѣ послѣ сего исчезъ со сцены, бывъ постигнутъ смертью или по крайней мѣрѣ болѣзнью, и его мѣсто, въ качествѣ самоуправныхъ правителей государства, заняли трое его родственниковъ, съ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Шуйскимъ во главѣ (который, бывъ до 1541-го года псковскимъ намѣстникомъ, ознаменовалъ себя какъ возмутительнѣйшій грабитель [1]). Людямъ окружавшимъ государя-мальчика и ненавидѣвшимъ Шуйскихъ удалось достигнуть того, чтобы 29-го Декабря 1543-го года онъ неожиданно приказалъ схватить Андрея Шуйскаго и предать позорной смертной казни. Мѣсто Шуйскихъ не занимали болѣе новые формальные временщики, но теперь управленіе государствомъ перешло въ руки безъименной толпы близкихъ къ государю людей, между которыми наибольшее вліяніе имѣли дяди послѣд-

[1]) Псковск. 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 304.

няго по матери—князья Глинскіе. Такъ продолжалось до конца 1546-го года, когда 16-лѣтній государь началъ править самостоятельно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ, среди всевозможныхъ смутъ и интригъ въ боярствѣ и вообще при дворѣ, положеніе митрополита было въ высшей степени трудное и тягостное. Что касается до его дѣятельности въ это время, то мы о ней знаемъ, что при Шуйскихъ онъ спасъ жизнь одному государеву любимцу, отъ котораго хотѣли отдѣлаться послѣдніе, и что послѣ нихъ въ наставшую эпоху опалъ онъ старался по возможности ограничить обиліе этихъ опалъ и по возможности вносить миръ и тишину въ волновавшееся интригами придворное море. Шуйскіе замѣтили, что успѣлъ вкрасться въ особенную любовь государя бояринъ Өедоръ Семеновичъ Воронцовъ. Желая избавиться отъ любимца, они съ своими сторонниками и сообщниками внезапно схватили его во дворцѣ въ присутствіи самого великаго князя (9-го Сентября 1543-го года) и выволокли вонъ изъ дворца съ тѣмъ, чтобы убить. Посланный государемъ ходатайствовать за Воронцова передъ Шуйскими, митрополитъ успѣлъ достигнуть своей цѣли, но какимъ пріятнымъ временемъ были для него годы малолѣтства государя, видно изъ того, что буйствовавшіе сторонники Шуйскихъ надавали ему при этомъ толчковъ и что одинъ изъ нихъ изорвалъ сапогами подолъ его мантіи [1]). Цѣлая ватага правителей государства, смѣнившая Шуйскихъ, отдѣлываясь отъ сторонниковъ этихъ послѣднихъ и отъ всѣхъ своихъ враговъ и завистниковъ, употребляла государя, какъ свое орудіе, чтобы ознаменовать себя непрерывнымъ и длиннымъ рядомъ опалъ. Лѣтописи говорятъ только объ одной опалѣ, которая снята была стараніями митрополита [2]). Но преп. Максимъ Грекъ, писавшій къ Макарію тотчасъ послѣ того, какъ кончилась эта эпоха опалъ, говоритъ, что онъ предстательствовалъ за всякаго обидимаго и доблественно терпѣлъ противившихся безумно его по Бозѣ ревности [3]). Тотъ же Максимъ изображаетъ предшествующее состояніе государства какъ состояніе лютой бури, которую митрополитъ старался укрощать и прелагать въ тишину своею тихостію и кротостію [4]).

Совершенно несправедливо было бы обвинять Макарія за то, что Иванъ Васильевичъ получилъ слишкомъ дурное воспитаніе. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ съ величайшимъ сокрушеніемъ сердца смотрѣлъ, какъ

---

[1]) Царств. кн., стр. 112 fin., Грозный въ Сказаніяхъ Курбскаго, стр. 184.
[2]) Никон. лѣт. VII. 46, Царств. кн. стр. 119 fin..
[3]) Казанск. изд. II, 361 (посланіе писано въ 1547-мъ году, см. ниже).
[4]) Ibid. стр. 359.

бояре и всѣ любимцы намѣренно и ненамѣренно портили и развращали государя. Но онъ не имѣлъ возможности вырвать его изъ ихъ рукъ, чтобы самому стать его воспитателемъ.

Послѣ того, какъ въ лицѣ казненнаго Андрея Шуйскаго 13-лѣтній великій князь устранилъ временщиковъ—узурпаторовъ власти, его правленіе подъ руководствомъ любимцевъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ по конецъ 1546-го года, состояло въ томъ, что онъ разъѣзжалъ по своимъ селамъ для потѣхъ или подъ предлогомъ богомолій предпринималъ увеселительныя поѣздки по монастырямъ,—что, повинуясь внушеніямъ дѣйствительныхъ правителей, онъ изрекалъ приговоры опалъ или казней боярамъ. Съ Декабря 1546-го года, на 17-мъ году возраста, Иванъ Васильевичъ вдругъ началъ новое правленіе. 12-го Декабря онъ возвратился изъ продолжительной увеселительной поѣздки по своимъ селамъ и по монастырямъ. А на другой день, 13-го Декабря, на совѣтѣ съ митрополитомъ онъ принялъ рѣшеніе вступить въ бракъ и предварительно того вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, съ каковаго рѣшенія и начинается извѣстная славная эпоха его государствованія.

Съ самой минуты взятія Константинополя Турками московскіе великіе князья начали считать себя преемниками императоровъ или царей византійскихъ. О причинѣ такого ихъ мнѣнія о себѣ мы уже говорили выше. Римскому царству, въ которомъ родился Христосъ, предназначено существовать на землѣ до скончанія вѣка, чтобы быть охранителемъ Христовой церкви; но по судьбамъ Божіимъ царство это не имѣло постоянно оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ, но должно было совершить нѣсколько перемѣщеній: сначала оно было въ древнемъ и настоящемъ Римѣ; потомъ перемѣстилось во второй Римъ—Константинополь; наконецъ, послѣ взятія Константинополя Турками, оно перемѣстилось въ нашу Москву, которая стала третьимъ Римомъ и вторымъ Константинополемъ: таковы были представленія нашихъ предковъ. Какъ мы видѣли выше, уже Василій Васильевичъ Темный, при которомъ случилось взятіе Константинополя Турками, называется благовѣрнымъ и боговѣнчаннымъ царемъ. Но весьма не вдругъ рѣшились великіе князья московскіе на то, чтобы формально возложить на себя вѣнецъ царей византійскихъ и чтобы формально провозгласить себя царями: въ своихъ дѣйствіяхъ они были вообще весьма неспѣшны и осторожно-осмотрительны, имѣли обычай выжидать, чтобы всякіе взгляды достаточно назрѣли и созрѣли въ сознаніи общества. Спустя полстолѣтія послѣ взятія Константинополя Турками, въ правленіе Василія Ивановича, который былъ кровнымъ потомкомъ царей византійскихъ по своей матери, русскіе люди съ особенною настойчивостію

заговорили, что их Москва есть третий Рим и что их московский государь есть единый во всей поднебесной царь христианом [1]). Въ это время сочинены были и новыя права наших великих князей на венец царский, а именно—будто венец этот был дарован им еще императором греческим Константином Мономахом и будто они ведут свой род от Августа Кесаря [2]). И вот, сын Василья Ивановича Иван Васильевич и решился наконец формальным образом восприять сан царя чрез торжественное венчание на царство.

---

[1]) См. послание к Василию Ивановичу старца псковскаго Елизарова монастыря Филофея, напеч. въ Правосл. Собесѣдн. 1863-го года, ч. I, стр. 343 fin. sqq. и его же посланіе къ псковскому дьяку Мисюрю-Мунехину († 1528-го года) въ томъ же Правосл. Собесѣдн. 1861-го года, ч. II. стр. 84 sqq.

[2]) Сочинено было сказаніе, будто Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ, желая поискать себѣ славы прежнихъ русскихъ князей, послалъ свое войско на греческую имперію, чтобы оно плѣнило грады и веси,—будто императоръ греческій Константинъ Мономахъ (умершій за 60 лѣтъ до занятія Владимиромъ великокняжескаго престола), желая купить миръ у Владимира, прислалъ ему царскій вѣнецъ (съ другими регаліями), чтобы онъ былъ вѣнчанъ имъ отъ посланныхъ трехъ епископовъ,—будто Владимиръ Всеволодовичъ, самъ вѣнчавшійся царскимъ вѣнцомъ, заповѣдалъ не дѣлать этого послѣдующимъ великимъ князьямъ, дабы удѣльные князья не воевали съ ними изъ зависти и не погубили государства, и будто онъ передалъ вѣнецъ своему младшему сыну Юрію Долгорукому для храненія изъ рода въ родъ, пока Богъ не воздвигнетъ царя, истиннаго самодержца, въ государствѣ русскомъ. см. у *Карамз.* къ т. II прим. 220. Что касается до происхожденія нашихъ князей отъ Августа Кесаря, то воспользовались литовскимъ сказаніемъ, будто первый государь Пруссіи Прусъ, былъ братъ Августа Кесаря, и начали выводить Рюрика изъ Пруссіи, выдавая его за потомка Прусова (Степенн. кн. I, 7 и 78 fin.). Что сказаніе о Владимирѣ Мономахѣ и новая генеалогія Рюрика сочинены не позднѣе Василія Ивановича, см. редакцію сказанія о Владимирѣ, въ которой есть и о происхожденіи Рюрика отъ Пруса, въ Описаніи сборниковъ Публичной Библіотеки *А. Ѳ. Бычкова*, № 17, л. 95 (cfr у *Карамз.* ibid.). Девяносто-однолѣтній авторъ сказанія называетъ себя Спиридономъ—Саввой и не безъ вѣроятности можетъ быть принимаемъ за митрополита Спиридона Сатану, о которомъ говорили мы выше (такъ называемая шапка Мономаха извѣстна по духовнымъ завѣщаніямъ великихъ князей съ Ивана Даниловича Калиты. Иванъ Даниловичъ просто называетъ ее золотой шапкой, т.-е. безъ прибавленія, что она Мономахова.—Вавліоѳ. I, 50. На Дмитрія Ивановича при его вѣнчаніи на великое княженіе, 4-го Февраля 1498-го года, она возложена была уже какъ шапка Мономахова,—Собр. госуд. грамм. и договв. II. 27. Наконецъ, къ ней сочинено было и наше сказаніе. О прочихъ регаліяхъ, будто бы присланныхъ Константиномъ Мономахомъ Владимиру Мономаху, сравнивай духовныя завѣщанія великихъ князей въ томъ же томѣ Вивліоѳики и въ Собраніи Государств. Граммат, т. I.

Кому принадлежала иниціатива этого рѣшенія, положительнымъ образомъ не можетъ быть сказано. Но мы съ совершенною увѣренностію думаемъ, что она принадлежала не столько самому Ивану Васильевичу, сколько митр. Макарію. Въ Декабрѣ 1546-го года государь былъ и всего 16-ти лѣтнимъ юношей; правда, что этотъ юноша былъ далеко не изъ числа обыкновенныхъ, но во всякомъ случаѣ 16-ть лѣтъ слишкомъ невѣроятный возрастъ для такого важнаго рѣшенія, какъ восприятіе на себя сана царя. При томъ же онъ былъ воспитываемъ такъ, чтобы не помышлять о чемъ нибудь серьёзномъ, а предаваться единственно забавамъ и потѣхамъ. Что же касается до митр. Макарія, то, принадлежавъ къ числу тѣхъ людей, которые находили, что для Россіи наступило время стать дѣйствительнымъ царствомъ, онъ могъ ускорить возложеніемъ на государя царскаго вѣнца съ тѣмъ весьма важнымъ намѣреніемъ, чтобы попытаться произвести въ немъ благой переворотъ. Государь былъ воспитываемъ окружавшими его боярами такъ, что, совершенно забывая про свои обязанности, предавался единственно потѣхамъ и увеселеніямъ. И Макарій могъ одушевляться надеждою, что мысль о высокомъ санѣ царя подѣйствуетъ на него благодѣтельно,—что она нравственно пробудитъ его и заставитъ измѣниться и стать другимъ человѣкомъ. Намъ думается, что и фактическая исторія того, какъ принято было государемъ рѣшеніе возложить на себя царскій вѣнецъ, именно свидѣтельствуетъ, что иниціатива главнымъ образомъ принадлежала не ему самому, а митрополиту. Эту фактическую исторію мы уже отчасти передали выше. 15-го Сентября 1546-го года великій князь предпринялъ увеселительное путешествіе по своимъ селамъ и по монастырямъ и провелъ въ немъ до 12-го Декабря; возвратившись въ Москву этого послѣдняго числа, онъ на другой день, 13-го Декабря, видѣлся и совѣтовался съ митрополитомъ, слѣдствіемъ каковаго свиданія—совѣта и было принятіе имъ рѣшенія вѣнчаться царскимъ цѣнцомъ [1]). Если бы великій князь самъ принялъ рѣшеніе, то весьма странно было бы, что передъ тѣмъ какъ объявить боярамъ и народу это весьма важное рѣшеніе, онъ предпринялъ беззаботно-веселое путешествіе. Ясно, что во время этого путешествія, въ которое, по словамъ лѣтописи, великій князь только то и зналъ, что тѣшить себя съ своей свитой бѣшеной ѣздой на ямскихъ подводахъ, къ страшному отягощенію крестьянъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя проѣзжалъ [2]), у него не было ничего серьёзнаго на умѣ и слѣдо-

---

[1]) Царств. кн. стр. 126 fin..

[2]) Псковск. 1-я лѣт., въ Собр. лѣтт. IV, 307.

вательно—что рѣшеніе неожиданнымъ образомъ было принято имъ по возвращеніи въ Москву, на свиданіи съ митрополитомъ. Можетъ показаться страннымъ и не особенно вѣроятнымъ, что митрополитъ въ одно свиданіе и вдругъ убѣдилъ великаго князя къ такому важному рѣшенію, какъ то, о которомъ говоримъ. На самомъ дѣлѣ въ этомъ ничего не будетъ слишкомъ страннаго, если мы предположимъ, что свиданіе продолжалось не пять минутъ и не полчаса, а было нарочитое и продолжительное свиданіе для серьёзныхъ рѣчей, и что митрополитъ, принявшій свое намѣреніе сдѣлать попытку обращенія государя на путь добра, успѣлъ завладѣть имъ у его любимцевъ на цѣлый день: натура исключительнымъ образомъ впечатлительная и сильная, Иванъ Васильевичъ способенъ былъ къ тому, чтобы сразу переломить себя и чтобы отъ заботъ о потѣхахъ вдругъ обратиться къ помысламъ о царскомъ вѣнцѣ.

Торжественное вѣнчаніе государя царскимъ вѣнцомъ совершено было 16-го Января 1547-го года.

Послѣ сего вѣнчанія онъ вступилъ въ бракъ съ Анастасіею Романовною спустя двѣ недѣли съ половиной,—3-го Февраля.

Надежды Макарія на исправленіе государя дѣйствительно оправдались и, можетъ быть, даже въ болѣе значительной степени, нежели какъ онъ ожидалъ. Возлагая на себя царскій вѣнецъ, Иванъ Васильевичъ не только самъ рѣшилъ стать другимъ человѣкомъ, чѣмъ какимъ былъ прежде, но и государство свое до нѣкоторой степени сдѣлать новымъ и лучшимъ государствомъ, чѣмъ дотолѣ. Онъ рѣшилъ измѣниться самъ, потому что становясь изъ великаго князя царемъ онъ становился по сану другимъ,—высшимъ и какъ бы гораздо болѣе отвѣтственнымъ государемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ самъ сталъ изъ великаго князя царемъ, и его государство стало изъ великаго княжества царствомъ. Слѣдовательно, и оно должно было обновиться и стать лучшимъ соотвѣтственно своей новой высшей роли. По этой причинѣ, рѣшивъ собственное измѣненіе, государь сознавалъ необходимость и обновленія государства, такъ чтобы для послѣдняго, какъ занявшаго новую высшую степень сановную, начался новый лучшій періодъ существованія. Счастію людей Богъ содѣйствуетъ иногда чрезъ несчастія: чтобы государь окончательно укрѣпился въ своей рѣшимости, не особенно въ продолжительномъ времени послѣ его вѣнчанія царскимъ вѣнцомъ, 21-го Іюня того же 1547-го года въ Москвѣ случилось страшное несчастіе,—ужасный, не бывалый дотолѣ, пожаръ, который, какъ проявленіе грознаго гнѣва Божія, произвелъ на него потрясающее дѣйствіе. Въ 1550-мъ году государь совершилъ какъ бы торже-

ственное новолѣтіе послѣдующей лучшей жизни своей и послѣдующаго періода лучшей жизни для государства. Онъ созвалъ соборы церковный и земскій и испросивъ у перваго вмѣстѣ съ своими боярами прощенія въ своихъ прежнихъ винахъ и согрѣшеніяхъ, обращался черезъ посредство втораго ко всей землѣ съ моленіемъ оставить другъ другу вражды и тяготы свои; въ присутствіи обоихъ соборовъ онъ заповѣдалъ своимъ боярамъ и приказнымъ людямъ помириться на срокъ со всѣми, кого они обижали; далъ относительно будущаго времени торжественное обѣщаніе въ томъ, что самъ будетъ судьей и обороной, (чтобы) неправды разорять и хищенія возвращать, и наконецъ,—что̀ должно было относиться не къ одному только его правленію, но составлять обновленіе земли и на все послѣдующее время,—приказалъ исправить судебникъ своего дѣда и написать великія заповѣди (относительно устройства суда), чтобы этотъ послѣдній былъ праведенъ и безпосуленъ во всякихъ дѣлахъ [1]). Государь нѣсколько замедлилъ съ этимъ празднествомъ своего рода новолѣтія, какъ нужно думать, потому, что, съ одной стороны, предложеніе митрополита принять царскій вѣнецъ застало его врасплохъ, такъ что онъ не сразу могъ собрать свои силы, чтобы на дѣлѣ осуществить свое намѣреніе стать новымъ человѣкомъ, а съ другой стороны—потому, что онъ желалъ явиться передъ представителями народа окруженный ореоломъ военной славы, для чего предпринялъ два похода подъ Казань (съ 11-го Декабря 1547-го по 7-е Марта 1548-го года и съ 20-го Ноября 1549-го по 25-е Марта 1550-го года, оба окончившіеся впрочемъ неудачно).

Помышлялъ было государь и объ иномъ обновленіи Россіи, именно—о вещественномъ обновленіи ея промышленнаго быта черезъ вызовъ изъ западной Европы всякаго рода мастеровъ и ремесленниковъ. Но эти его помышленія остались не осуществленными [2]).

---

[1]) Рѣчь царя къ народу на Лобномъ мѣстѣ въ Собр. госудд. грамм. и договв. II, 45; рѣчь царя къ собору 1551-го года въ Стоглавѣ,—Казанск. изд. стр. 46 fin..

[2]) Въ концѣ 1547-го года отправленъ былъ въ западную Европу для приведенія всякихъ мастеровъ и ремесленниковъ (и будто бы художниковъ и ученыхъ и въ томъ числѣ даже богослововъ!) проживавшій въ Москвѣ и какъ-то вкравшійся въ довѣріе государя Нѣмецъ Гансъ Шлитте (Schlitte, называемый также Schlitt, Schlitten, Schleitte). Навербовавъ (будто бы) очень большое число требовавшихся людей, онъ отправился съ ними въ Россію, но въ Любекѣ, граждане котораго не хотѣли будто бы пропустить къ намъ мастеровъ, имѣвшихъ содѣйствовать водворенію у насъ ремеслъ и поднятію благосостоянія нашего отечества, онъ былъ подъ

Итакъ, митр. Макарій, не имѣвшій возможности быть воспитателемъ Ивана Васильевича, оказалъ государству величайшую услугу тѣмъ, что совершилъ нравственное исправленіе Ивана IV, подѣйствовавъ на его благородное честолюбіе. Что онъ возложилъ царскій вѣнецъ на Ивана Васильевича, само по себѣ это не составляетъ его особенной заслуги, ибо вѣнецъ этотъ государи наши возложили бы на себя и безъ него; но что онъ поспѣшилъ возложить его на Ивана Васильевича, въ намѣреніи благодѣтельно подѣйствовать на послѣдняго, въ чемъ и не обманулся, это должно быть признаваемо за несомнѣнную и очень важную заслугу [1]).

однимъ предлогомъ посаженъ въ тюрьму, а набранные имъ люди расѣялись. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ нашихъ оффиціальныхъ актовъ о Шлитте, а то, что извѣстно о немъ изъ иностранныхъ источниковъ на основаніи его собственныхъ показаній, заслуживаетъ чрезвычайно мало вѣры, потому что, какъ очевидно, онъ былъ величайшій авантюристъ, см. о немъ *Карамз.* VII, 70 и примм. 205—207, у *Тургенева* въ Historica Russiae Monimenta, t. I, p. 134 sqq, *Фидлера* Ein Versuch der Vereinigung der Russischen mit der Römischen Kirche im sechzehnten Jahrhundert (Wien, 1862), Ss. 22 fin. и 54 (напечатанъ открытый листъ, данный Шлитте, который называется Hans Schleitte, императоромъ Карломъ V въ Аугсбургѣ 30-го Января 1548-го года), и въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1893-го года, кн. I, Бумаги датскаго архива, стрр. 15 и 288 (напечатано письмо Шлитте къ датскому королю Христіану III отъ 25-го Января 1554-го года, въ которомъ онъ разсказываетъ о своей неудачной миссіи). Къ знаменитому авантюристу мы возвратимся еще ниже.

[1]) Что касается до священника Сильвестра, который, на основаніи Курбскаго, считается виновникомъ метаморфозы, произшедшей съ государемъ: то мы, не признавая его виновникомъ этой метаморфозы, принимаемъ только, что онъ вмѣстѣ съ Адашевымъ былъ (явился) помощникомъ митрополита въ томъ, чтобы удерживать и утверждать государя на пути добра (что касается до знаменитой картины Карамзина, какъ послѣ страшнаго пожара 21-го Іюня 1547-го года Сильвестръ «приближился къ Іоанну съ подъятымъ, угрожающимъ перстомъ, съ видомъ пророка»...,— VIII. 62 fin.: то какъ будто въ 1547-мъ году Сильвестръ еще и не былъ приближеннымъ къ государю. Сохранилась роспись подношеній, которыя по порученію архіепископа новгородскаго передъ Пасхой 1548-го года имѣли быть разнесены въ Москвѣ властямъ и вліятельнымъ лицамъ архіепископовымъ сыномъ боярскимъ: въ числѣ лицъ, которымъ назначены подношенія, нѣтъ священника Сильвестра, см. роспись въ Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Археологическаго Общества, т. III, col. 48 sqq.—Что посланіе къ царю Ивану Васильевичу объ искорененіи содомскаго блуда между высшими боярами и въ монашествующемъ духовенствѣ и объ отсутствіи у Русскихъ истиннаго крестнаго знаменія, написанное между 1547-мъ и 1551-мъ годами и напечатанное въ I кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. за 1874-й годъ, не при-

Возлагая царскій вѣнецъ на Ивана Васильевича, Макарій помышлялъ въ отношеніи къ государству о томъ, чтобы совершить нравственное исправленіе государя. Но вмѣстѣ съ симъ царскимъ вѣнцомъ у него соединены были и чрезвычайно важные помыслы церковные. Судьбами Божіими нашему русскому государству предназначена была высокая роль стать третьимъ православно-христіанскимъ царствомъ. Слѣдовательно, и нашей церкви вмѣстѣ съ государствомъ была предназначена высокая роль стать первенствующею между всѣми частными православными церквами. Съ минуты принятія великимъ княземъ царскаго вѣнца государство наше формальнымъ образомъ заняло мѣсто и вступило въ права третьяго римскаго царства. Вмѣстѣ съ симъ и церковь наша такимъ же образомъ заняла свое высокое положеніе. Но свѣтильникъ, поставленный на свѣщницѣ, долженъ свѣтить; возвышаемый принимаетъ на себя нравственный долгъ заботиться о томъ, чтобы внутренними качествами соотвѣтствовать своему внѣшнему положенію. И вотъ, Макарій, человѣкъ избранный, поставленный во главѣ русской церкви во время благопотребное, и былъ живѣйшимъ образомъ одушевленъ сознаніемъ этого нравственнаго долга. Русская церковь по своимъ внутреннимъ качествамъ должна была соотвѣтствовать внѣшнему высокому положенію, которое она заняла; но онъ находилъ, что этого соотвѣтствія церковь далеко не имѣла: и онъ рѣшилъ совершить ея обновленіе, подобно тому, какъ нововѣнчанный царь рѣшилъ подъ его вліяніемъ совершить обновленіе государства. На другой годъ послѣ того, какъ государь совершилъ помянутое празднество государственнаго новолѣтія, Макарій созвалъ великій соборъ для очищенія русской церкви отъ всѣхъ существовавшихъ въ ней пороковъ и недостатковъ и для такого исправленія и улучшенія ея жизни во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы оттолѣ эта послѣдняя стала истинно новою и по возможности безпорочною жизнію.

Этотъ соборъ, получившій названіе Стоглаваго (отъ раздѣленія книги его постановленій на 100 главъ) и сколько нибудь подобнаго которому не бывало ни прежде ни послѣ, и составляетъ то дѣяніе Макарія, которое даетъ ему неоспоримое право на почетнѣйшее мѣсто

надлежитъ Сильвестру,—объ этомъ во второй половинѣ тома, въ главѣ о письменности).—Думается намъ, что Сильвестръ, переведенный Макаріемъ въ Москву изъ Новгорода (какъ товарищъ его Сумсонъ переведенъ былъ изъ Пскова?), сталъ приближеннымъ къ государю при большемъ или меньшемъ посредствѣ и содѣйствіи митрополита, надѣявшагося, что эта приближенность будетъ на пользу государю.

между всѣми высшими пастырями русской церкви, какъ знаменитѣйшему изъ всего ихъ ряда [1]).

Но прежде чѣмъ предпринимать дѣло обновленія церкви, Макарій позаботился еще о другомъ. Стояніе и славу всякой церкви составляютъ ея святые. Являя свое благоволеніе къ русской церкви, которой сужденъ былъ высокій жребій, Богъ прославилъ ее немалочисленнымъ сонмомъ святыхъ. Но значительная часть этихъ ея свѣтильниковъ и этихъ молитвенниковъ за нее оставалась дотолѣ торжественно не прославленною, а другая значительная часть хотя была прославлена, но только мѣстно, такъ что святые, не бывъ святыми всей русской церкви и оставаясь для послѣдней въ смыслѣ цѣлаго какъ бы не существующими,—не украшающими собой ея общаго неба, разсѣянно почитаемы были только въ извѣстныхъ областяхъ, округахъ и городахъ. Новое положеніе церкви требовало, чтобы она, доказывая свои права на него, украшалась всею духовною красотой, которая была ей дана, и чтобы она сохранялась на высотѣ своего стоянія молитвами всего сонма своихъ чудотворцевъ. И Макарій, желая предпринять дѣло обновленія церкви уже съ готовою помощью себѣ всѣхъ русскихъ чудотворцевъ, началъ съ этого торжественнаго прославленія тѣхъ изъ нихъ, которые оставались дотолѣ не прославленными, или которые, бывъ частнымъ образомъ прославлены, составляли только мѣстныхъ святыхъ, для каковой цѣли собиралъ два собора,—въ 1547-мъ и въ 1549-мъ году. Изъ святыхъ, бывшихъ дотолѣ только мѣстными, Макарій провозгласилъ на своихъ соборахъ общецерковными святыми или общими святыми всей русской церкви двадцать—двухъ; изъ подвижниковъ, которые оставались дотолѣ совсѣмъ не прославленными, Макарій провозгласилъ таковыми же общецерковными святыми восьмерыхъ, или всего провозгласилъ на обоихъ соборахъ общецерковными святыми тридцатерыхъ; провозгласивъ всѣхъ или наибольшую часть прежнихъ мѣстныхъ святыхъ общецерковными святыми, Макарій провозгласилъ на ихъ мѣсто девять новыхъ мѣстныхъ святыхъ, такъ что на обоихъ соборахъ всего было провозглашено имъ 39-ть святыхъ. До Макарія общихъ святыхъ въ русской церкви было 22: провозгласивъ 30-ть новыхъ таковыхъ святыхъ Макарій увеличилъ число ихъ болѣе чѣмъ вдвое. О самомъ производствѣ Макаріемъ канонизаціи святыхъ на соборахъ мы будемъ обстоятельно говорить во второй половинѣ тома, въ главѣ о богослу-

---

[1]) И когда Карамзинъ говоритъ, что «сей достопамятный соборъ, по важности его предмета, знаменитѣе всѣхъ иныхъ, бывшихъ въ Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ» (VIII, 70 нач.): то говоритъ совершенную правду.

женіи, при чемъ дадимъ и списки какъ прежнихъ, такъ и новыхъ святыхъ (а пока укажемъ читателю на наше изслѣдованіе: «Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви», напечатанное въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за 1894-й годъ).

Обращаемся къ собору, который созванъ былъ Макаріемъ въ 1551-мъ году для обновленія русской церкви и который носитъ названіе Стоглаваго.

Не смотря на всю исключительную знаменитость Стоглаваго собора, современные ему лѣтописцы наши не сказали о немъ ни единаго слова, такъ что если бы не сохранилось самыхъ его дѣяній, то мы могли бы даже и не знать о немъ [1]). Нѣкоторыя историческія извѣстія о соборѣ находимъ въ самыхъ его дѣяніяхъ. Онъ созванъ былъ въ началѣ 1551 г., именно—торжественно открытъ былъ въ царскихъ палатахъ, въ которыхъ происходили и всѣ его засѣданія, 23-го числа Февраля мѣсяца. На немъ присутствовали всѣ епископы митрополіи въ числѣ 9-ти, многіе архимандриты, игумены и строители монастырей, пустынники и духовные старцы изъ простыхъ монаховъ, протопопы и священники «со всѣми—какъ говорится въ дѣяніяхъ—освященными соборы всего россійскаго царствія» [2]).

Царь открылъ соборъ двумя къ нему рѣчами,—краткою устною, которую сказалъ самъ, и пространною письменною, которая была подана имъ вслѣдъ за первою и была по его приказанію прочтена. Устная рѣчь царя есть слѣдующая: «Молю васъ, святѣйшіе отцы мои, аще обрѣтохъ благодать предъ вами, утвердите въ мя любовь, яко въ присняго вамъ сына, и не обленитеся изрещи слово къ благочестію единомысленно о православной нашей христіанской вѣрѣ и о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и о нашемъ благочестивомъ царствіи и о устроеніи всего православнаго хрестьянства, зѣло бо желаю и срадуюся и согласую сослужебенъ съ вами быти вѣрѣ поборникъ, въ славу святыя и животворящія и нераздѣльныя Троица, Отца и Сына и святаго Духа, въ хвалу же и славу благочестивыя нашія вѣры и церковныхъ

---

[1]) Найдены извѣстія о Стоглавомъ соборѣ у нѣкоторыхъ лѣтописцевъ XVII в. (см. въ I кн. Архива историко-юридическихъ свѣдѣній *Калачова*, отд. 6, III. стр. 30, сообщеніе *И. Бѣляева*: «Двѣ выписки изъ лѣтописнаго сборника» и въ газетѣ «День», 1863-го года № 11, статью *Безсонова*: «Изданіе Стоглава»,—стр. 17 col. 1). Но извѣстія не идутъ отъ лѣтописцевъ XVI в., а приписаны самими лѣтописцами XVII в. на основаніи Стоглавника (историческое сообщеніе котораго о соборѣ,—гл. 1 нач., они дословно и воспроизводятъ).

[2]) Стогл. глл. 1. 4. 52 и 100, Казанск. изд. стрр. 18, 46, 254 и 429.

уставовъ, тѣмъ же и всякому розгласію отнынѣ далече быти повелѣваемъ, всякому же согласію и единомыслію содержатися въ насъ» [1]). Въ пространной письменной рѣчи царь приноситъ публичное покаяніе во многихъ и тяжкихъ грѣхахъ своей прошлой первой юности, когда онъ, по его словамъ, согрѣшилъ предъ Богомъ и передъ человѣками всякимъ законопреступленіемъ, еже немощно писаніемъ исписати и человѣческимъ языкомъ изглаголати, и когда онъ, тояжде мудрствуя съ боярами, т. е. подчиняясь вліянію своихъ любимцевъ, допустилъ, чтобы многіе (изъ его подданныхъ) злѣ потреблены были междуусобною бѣдою и чтобы бѣднымъ крестьянамъ чинено было всякое насильство; воздавая благодареніе Богу, что Онъ обратилъ его на путь добра и пробудилъ въ немъ ненависть ко всѣмъ прежнимъ злымъ его дѣламъ, царь указываетъ на многія тяжкія бѣдствія, которымъ подвергалась тогда Россія и говоритъ о необходимости общаго покаянія и исправленія для всей земли, дабы наконецъ не прекратилось Божіе долготерпѣніе, призывавшее казнями къ покаянію, и дабы не запустѣло царство русское, какъ запустѣли за свои грѣхи многія царства въ древнія и новыя времена; увѣщавая пастырей къ тому, чтобы они первые подали примѣръ раскаянія и исправленія и вмѣстѣ молились объ отвращеніи бѣдствій, посылаемыхъ Богомъ, государь снова и усиленнымъ образомъ повторяетъ къ нимъ свои мольбы потружаться объ истинной и непорочной православной христіанской вѣрѣ и утвердить и изъяснить (ее), какъ предали святые отцы, по божественнымъ правиламъ, да не будетъ ни которое поползновеніе чрезъ божественныя правила во всяких нашихъ христіанскихъ законѣхъ безъ обличенія, т. е. да не останется не устраненнымъ совершенно никакое нарушеніе законовъ и никакое злоупотребленіе [2]).

Прежде чѣмъ пригласить соборъ обратиться къ его занятіямъ, царь представилъ ему свой земскій судебникъ и свои уставныя грамоты, изъ которыхъ первый онъ приказалъ исправить, а вторыя написать въ предшествующемъ 1550-мъ году также съ благословенія собора. Заявляя представителямъ церкви, что желаетъ имѣть ихъ совѣтниками въ земскихъ дѣлахъ и нуждахъ [3]), государь проситъ членовъ собора

1) Стогл. гл. 2 конецъ, Казанск. изд. стр. 25 fin..

2) Стогл. гл. 3, Казанск. изд. стр. 26 fin. sqq.

3) «А что наши нужи или которые земскіе нестроенія, и мы вамъ о семъ возвѣщаемъ, и вы, разсудя по правиламъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, утверждайте во общемъ согласіи вкупѣ, а язъ вамъ, отцемъ своимъ, и съ братіею и съ своими бояры челомъ бью».—Казанск. изд. стр. 49 нач..

прочесть судебникъ и грамоты и разсудить, все ли написанное въ нихъ согласно съ правилами святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ и съ прежними русскими законами, и затѣмъ для неподвижной крѣпости утвердить ихъ своими подписями [1]).

Задачу собора долженствовало составлять то, чтобы онъ, совершая обновленіе русской церкви, очистилъ ее отъ всѣхъ существовавшихъ въ ней недостатковъ. Подробный и раздѣльно обстоятельный списокъ этихъ послѣднихъ былъ составленъ заранѣе и представленъ собору уже готовымъ: царь подалъ ему 69 вопросовъ, въ которыхъ содержалось указаніе недостатковъ, имѣвшихъ подлежать его сужденію, и именно—37 вопросовъ подалъ при самомъ открытіи собора и 32 по нѣкоторомъ времени. Въ постановленіи приговоровъ относительно недостатковъ, указанныхъ въ вопросахъ царя, съ нѣкоторымъ прибавленіемъ недостатковъ и не указанныхъ въ вопросахъ, и состояла дѣятельность собора. Свои весьма обширныя занятія, плодомъ которыхъ была цѣлая большая книга постановленій, соборъ окончилъ чрезвычайно въ непродолжительное время: онъ торжественно открытъ былъ 23-го Февраля, а подъ 17-мъ Мая говорится о «новомъ соборномъ уложеніи», какъ уже о готовомъ и утвержденномъ кодексѣ законовъ русской церкви, по которому на будущее время долженъ быть совершаемъ судъ [2]). Но такъ какъ соборное уложеніе, прежде чѣмъ было утверждено, посылаемо было въ Троицкій Сергіевъ монастырь на разсмотрѣніе митр. Іоасафу и другимъ находившимся здѣсь на покоѣ властямъ, а также и всѣмъ здѣшнимъ соборнымъ старцамъ: то на этотъ посылъ должны быть вычтены недѣли двѣ-полторы [3]).

---

[1]) Стогл. гл. 4, Казанск. изд. стр. 46 fin. sqq.

[2]) См. Акт. Ист. т. I, № 125, стр. 185 col. 2 fin. (подтвердительная подпись на грамотѣ). 11-го Мая 1551-го года царь съ соборомъ епископовъ постановилъ приговоръ о томъ, чтобы впредь архіереямъ и монастырямъ ни у кого не покупать вотчинъ безъ доклада ему—государю,—въ Акт. Эксп. т. I, № 227, и въ Казанск. изд. Стоглава стр. 430. Такъ какъ этотъ приговоръ долженъ быть принимаемъ за актъ, отдѣльный отъ дѣяній Стоглаваго собора и особый (ибо его постановилъ царь съ соборомъ епископовъ, а не одинъ соборъ, и въ началѣ его стоитъ особая помѣта числа и года), то нужно думать, что послѣднія окончены были до 11-го Мая.

[3]) Уложеніе было посылаемо къ Троицѣ между прочимъ съ Троицкимъ игуменомъ Серапіономъ (Казанск. изд. стр. 415 fin.). Но Серапіонъ пересталъ быть Троицкимъ игуменомъ до 17-го Мая, ибо не позднѣе этого послѣдняго числа на его мѣсто назначенъ былъ другой—Артемій (о которомъ см. ниже).

Великая мысль совершить обновленіе церкви путемъ соборнаго законодательства принадлежала митр. Макарію. Между тѣмъ въ дѣяніяхъ Стоглаваго собора мы находимъ, что какъ будто вся инициатива его устроенія принадлежала не митрополиту, а царю. Въ предисловіи къ дѣяніямъ говорится, что «державный самодержецъ, прекроткій царь Иванъ, мноземъ разумомъ и мудростію вѣнчанъ и въ совершенномъ благочестіи царство содержа, (бывъ) осіяваемъ благодатію божественнаго Духа, зѣло воспалися утробою и съ теплымъ желаніемъ подвижеся не токмо о устроеніи земскомъ, но и о многоразличныхъ церковныхъ исправленіихъ, и возвѣщаетъ отцу своему преосвященному Макарію митрополиту всеа Русіи и соборъ Божіихъ слугъ совокупити повелѣ вскорѣ» [1]). Въ своихъ рѣчахъ, обращенныхъ къ собору при его открытіи, царь выражается такъ, что какъ будто онъ именно и единственно былъ виновникомъ его созыва [2]). Наконецъ, списокъ вопросовъ, содержавшихъ въ себѣ указаніе недостатковъ церковной жизни, противъ которыхъ долженъ былъ принять свои мѣры соборъ, составленъ не отъ лица митрополита, а отъ лица царя и поданъ собору послѣднимъ.

Относительно этого обстоятельства, что дѣйствующимъ лицомъ вмѣсто митрополита является царь, должно думать, что уступка первымъ мѣста послѣднему была отчасти невольная, отчасти намѣренно—добровольная. Юный царь, съ которымъ удалось митрополиту совершить неожиданную нравственную метаморфозу, обладалъ молодымъ честолюбіемъ и тщеславіемъ: поставленный на новый путь сторонними усиліями, онъ хотѣлъ усвоять это самому себѣ и желалъ принимать и выдавать себя за истиннаго и дѣйствительнаго виновника всего новаго, что̀ началось со времени случившейся съ нимъ нравственной перемѣны. Удовлетворяя такому желанію государя, митрополитъ и долженъ былъ уступить ему первенствующую внѣшнюю роль въ дѣлѣ устроенія собора и написать въ предисловіи къ Стоглавнику, будто онъ созвалъ соборъ по предложенію его—государя (и инициативу устроенія соборовъ 1547 и 1549 годовъ Иванъ Васильевичъ хочетъ усвоять также самому себѣ [3]). Но должно принимать, что невольная уступка вполнѣ совпадала и съ добровольнымъ желаніемъ митрополита. Если самъ онъ одушевлялся великимъ помысломъ о необходимости обновленія церкви, то

---

[1]) Казанск. изд. стр. 23 fin..

[2]) Ibid. стр. 25 fin. sqq.

[3]) Стогл. Казанск. изд. стр. 43 sqq.

нисколько не слѣдуетъ отсюда, чтобы одушевлялось тѣмъ же помысломъ и все высшее духовенство,—архіереи, архимандриты и игумены монастырей, или по крайней мѣрѣ большинство этого духовенства. Обновленіе церкви значило искорененіе въ ней всякихъ злоупотребленій, а всѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о тогдашнемъ нашемъ духовенствѣ, рѣшительно заставляютъ думать, что большинство его было за сохраненіе злоупотребленій, а не за ихъ искорененіе. Правда, въ предисловіи къ дѣяніямъ Стоглаваго собора говорится, что архіереи, получивъ приглашеніе на соборъ, радостію неизглаголанною объяты быша и яко небопарные орлы, легкія крыла имѣющіе, устремились въ Москву [1]): но или должно видѣть въ этихъ словахъ одно изъ реторическихъ мѣстъ, обыкновенныхъ въ офиціальныхъ писаніяхъ, или понимать ихъ не о внутреннихъ чувствахъ, съ которыми явилось большинство архіереевъ, равно какъ архимандритовъ и игуменовъ, а о внѣшней личинѣ, которую всѣ они нашли благоразумнымъ и необходимымъ принять на себя. Такимъ образомъ, если бы Макарій, созывая соборъ для обновленія церкви, дѣйствовалъ отъ своего лица, то онъ могъ бы возбудить противъ себя въ высшемъ духовенствѣ очень большой ропотъ. Но когда дѣйствующимъ вмѣсто него и за него выступилъ самъ царь, то этотъ ропотъ не могъ имѣть мѣста. Въ заключеніе своей устной рѣчи къ собору царь сказалъ: «всякому разгласію отнынѣ далече быти повелѣваемъ, всякому же согласію и единомыслію содержатися въ насъ» [2]). Словами этими государь, очевидно, повелѣваетъ присутствующимъ оставить всякое разгласіе съ митрополитомъ, т. е. оставить всякія попытки противорѣчій и противодѣйствія ему въ принятіи мѣръ къ искорененію злоупотребленій [3]).

---

[1]) Казанск. изд. стр. 24 fin..

[2]) Казанск. изд. стр. 26.

[3]) Въ своей письменной рѣчи къ собору, убѣждая архіереевъ потружаться объ утвержденіи и изъясненіи православной христіанской вѣры, государь напоминаетъ имъ, что каждый изъ нихъ обѣщался при своемъ поставленіи пожертвовать за вѣру даже и жизнію, и говоритъ, что имъ вовсе не предстоитъ подобной опасности, а только—поношеніе отъ безумныхъ человѣкъ (Казанск. изд. стр. 40 fin.). Подъ безумными человѣками должно разумѣть тѣхъ, противъ кого имѣли быть направлены мѣры собора: но мѣры эти въ весьма значительной своей части имѣли быть направлены противъ архіереевъ и архимандритовъ—игуменовъ монастырей. Называя безумными тѣхъ, кто сталъ бы возставать противъ усилій собора объ искорененіи злоупотребленій, государь даетъ знать архіереямъ и архимандритамъ—игуменамъ, какъ онъ посмотритъ на ихъ противодѣйствіе этимъ усиліямъ.

Вопросы, содержавшіе указаніе недостатковъ въ церковной жизни, относительно которыхъ долженъ былъ сдѣлать свои постановленія соборъ, написаны отъ лица царя и были переданы собору послѣднимъ; но въ составителѣ ихъ ясно даетъ видѣть себя митрополитъ. Во-первыхъ, они представляютъ такое знаніе недостатковъ церковной жизни, какое усвоять царю въ 1551-мъ году совершенно невѣроятно; во-вторыхъ, въ нихъ указываются недостатки жизни и особенности обычаевъ новгородско-псковской церкви [1]), знаніемъ которыхъ въ 1551-мъ году царь несомнѣннымъ образомъ вовсе не могъ обладать и которые выдаютъ Макарія, какъ бывшаго новгородскаго архіепископа [2]).

Но, отдавая справедливость и царю, должно сказать, что онъ отнесся къ мысли Макарія о необходимости обновленія церкви съ величайшимъ сочувствіемъ и что онъ явился въ семъ случаѣ ревностнѣйшимъ помощникомъ митрополита. Его представленія о себѣ какъ о царѣ вмѣняли ему заботы о церкви еще въ бо́льшую обязанность, чѣмъ заботы о государствѣ, ибо первую обязаннность его какъ царя составляли попеченія о церкви,—и онъ искренно проникнутъ былъ сознаніемъ этой обязанности. Когда онъ говоритъ присутствующимъ на соборѣ, что зѣло желаетъ и срадуется и согласуетъ сослужебенъ быти съ ними вѣрѣ поборникъ, то онъ высказывалъ именно тѣ чувства, которыми былъ дѣйствительно одушевленъ. Весьма замѣчательно и приноситъ величайшую честь царю и слѣдующее. Дѣянія собора должны были совершаться при его непосредственномъ участіи, что̀ онъ считалъ необходимымъ въ видахъ охраненія митрополита отъ какой либо оппозиціи; но чтобы это участіе не обратилось во вредъ правильности и вообще качеству постановленій собора, онъ заявляетъ присутствующимъ на немъ: «аще ли азъ буду вамъ супротивенъ кромѣ божественныхъ правилъ, вы о семъ не умолкните, аще преслушникъ буду, воспретите ми безъ всякаго страха, да жива будетъ душа моя и вси подлежащіи намъ, яко да непороченъ будетъ истинный православный хрестьянскій законъ» [3]).

(Вопросы собору, бывъ написаны митрополитомъ, были представлены имъ царю. Государь съ своими совѣтниками, между которыми

---

[1]) См. Казанск. изд. стрр. 73 fin., 75, 175, 176, 177 fin., 180 fin., 202.

[2]) Въ одномъ изъ вопросовъ, вѣроятно—по недосмотру, прямо оставляется говорящимъ писавшій ихъ митрополитъ: «а намъ пастыремъ о томъ небреженіи о всемъ отвѣтъ дати».—Казанск. изд. стр. 53, вопр. 6.

[3]) Стоглавн. Казанск. изд. стр. 42 нач..

спеціально компетентнымъ по церковнымъ дѣламъ былъ священникъ Сильвестръ, могъ болѣе или менѣе наложить на нихъ свою руку,— измѣнить и дополнить ихъ. Но что именно должно быть усвояемо въ вопросахъ государю, указать этого мы не имѣемъ никакой возможности [1]). Усвоять исключительно ему указаніе всѣхъ злоупотребленій въ высшемъ духовенствѣ мы считаемъ совершенно несправедливымъ, ибо мы имѣемъ всѣ основанія думать, что и самъ митрополитъ былъ искренно одушевленъ желаніемъ всѣ ихъ уничтожить. Равнымъ образомъ и рѣзкій тонъ рѣчи въ нѣкоторыхъ случаяхъ не указываетъ непремѣнно, по нашему мнѣнію, чтобы редакція рѣчи принадлежала царю: желавшій искоренить злоупотребленія митрополитъ, конечно, не питалъ къ нимъ чувства любви, а слѣдовательно и онъ могъ выражаться рѣзкимъ образомъ. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣзкость принимаетъ тонъ, такъ сказать, публицистическій, нужно видѣть руку государя, ибо при отсутствіи наклонности къ этому тону у Макарія, она очень сильна была у Ивана Васильевича).

Выше мы сказали, что соборъ окончилъ свои весьма обширныя занятія чрезвычайно въ непродолжительное время. Въ объясненіе этой чрезвычайной скорости необходимо предполагать, что у Макарія не только былъ составленъ списокъ вопросовъ съ указаніемъ неисправностей и недостатковъ въ области церковной жизни, подлежавшихъ исправленію и устраненію, но уже готовы были и отвѣты на вопросы, такъ что соборъ не столько дѣлалъ свои постановленія, сколько разсматривалъ и одобрялъ постановленія уже сдѣланныя. Во всякомъ случаѣ, какъ именно происходило на соборѣ дѣло относительно написанія постановленій, мы не имѣемъ совершенно никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

Постановленія собора, какъ мы сказали, составляютъ цѣлую большую книгу (большую въ рукописяхъ; въ печати по Казанскому изданію—429 осмушечныхъ страницъ). Книга эта, не имѣющая никакого собственнаго названія или титула [2]), въ оффиціальныхъ актахъ митр.

---

[1]) Что священникъ Сильвестръ принималъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ написаніи (утвержденіи) постановленій Стоглаваго собора, это необходимо было бы и само собою предполагать; во всякомъ случаѣ мы имѣемъ относительно этого положительное свидѣтельство: Сильвестръ былъ однимъ изъ троихъ, которые возили постановленія собора въ Троицкій монастырь. къ митр. Іоасафу,—Стоглавн. Казанск. изд. стр. 415 fin..

[2]) Предшествующее книгѣ ея оглавленіе надписывается: «Сказаніе главамъ въ настоящей сей книгѣ»; затѣмъ безъ всякаго оглавленія она начинается истори-

Макарія и царя Ивана Васильевича, равно какъ имъ современныхъ и и послѣдующихъ, называется «соборнымъ уложеніемъ» [1]), а отъ переписчиковъ названа была Стоглавникомъ, такъ какъ раздѣляется на сто главъ [2]); подъ вторымъ названіемъ, съ грамматическимъ измѣненіемъ слова въ: Стоглавъ, она и извѣстна въ ученой литературѣ. Общее содержаніе книги есть слѣдующее: краткое историческое извѣщеніе о времени открытія собора, о лицахъ, присутствовавшихъ на немъ и о предметахъ его занятій; предисловіе къ дѣяніямъ собора, въ которомъ говорится, какъ царь, осіяваемый благодатію божественнаго Духа, выразилъ митрополиту свое желаніе созвать соборъ для многоразличныхъ церковныхъ исправленій; двѣ рѣчи царя къ собору при его открытіи—краткая устная и пространная письменная; третья рѣчь царя къ собору, поданная на письмѣ (и отчасти устно произнесенная?) вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ представилъ на разсмотрѣніе послѣдняго земскій судебникъ и подалъ ему первые 37 вопросовъ о церковныхъ неисправностяхъ и недостаткахъ, имѣвшихъ подлежать его обсужденію; эти первые 37 вопросовъ; постановленія собора въ отвѣтъ на половину изъ этихъ вопросовъ; вторые 32 вопроса царя вмѣстѣ съ отвѣтами на нихъ, именно — такъ, что непосредственно послѣ каждаго вопроса дается и отвѣтъ на него; постановленія собора въ отвѣтъ на другую половину первыхъ вопросовъ царя вмѣстѣ съ нѣкоторымъ количествомъ постановленій о такихъ предметахъ, которые не указаны въ вопросахъ; наконецъ, замѣчанія на постановленія собора, сдѣланныя митр. Іоасафомъ.

Постановленія собора представляютъ собою отвѣты на 69 вопросовъ, поданные ему царемъ,—37 вопросовъ при самомъ его открытіи и 32 по нѣкоторомъ времени. Главное содержаніе Стоглавника составляютъ отвѣты на первые 37 вопросовъ, въ которыхъ заключается важнѣйшее, относительно чего долженъ былъ сдѣлать свои постановленія соборъ; а отвѣты на вторые 32 вопроса, менѣе важные по содержанію и краткіе по объему, всѣ вмѣстѣ составляютъ въ немъ только одну главу (41-ю).

ческимъ извѣщеніемъ о времени собора и лицахъ, присутствовавшихъ на немъ: «Въ лѣто 7059-е мѣсяца Февраля въ 23-й день быша сіи вопроси и отвѣты мнози о различныхъ церковныхъ чинѣхъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ» и пр.

[1]) См. акты сейчасъ ниже. Называется она сборнымъ уложеніемъ и въ самомъ ея текстѣ,—Казанск. изд. стрр. 238 и 415.

[2]) См. Казанск. изд. Стоглава, стр. 1 прим. 2.

Указанное нами расположеніе въ Стоглавникѣ отвѣтовъ на первые вопросы—не такое, какого бы слѣдовало ожидать, т. е. что отвѣты на вопросы не поставлены подъ одинъ рядъ, а распадаются на двѣ половины, отдѣленныя одна отъ другой вторыми вопросо-отвѣтами, по всей вѣроятности, нужно объяснять такъ, что именно въ указанномъ порядкѣ были постановляемы соборныя опредѣленія. Почему соборъ, давъ отвѣты на одну половину первыхъ вопросовъ, хотѣлъ медлить съ отвѣтами на вторую половину, на вопросъ объ этомъ можетъ быть отвѣчено не положительно, а только предположительно. Во второй половинѣ отвѣтовъ содержатся весьма важныя опредѣленія о святительскомъ или архіерейскомъ судѣ и о монастыряхъ съ монахами: можно думать, что соборъ желалъ обсудить эти опредѣленія возможно тщательнѣе, а поэтому и хотѣлъ имѣть для нихъ возможно продолжительное время. Частный порядокъ отвѣтовъ не соотвѣтствуетъ порядку вопросовъ, т. е. вопросы читаются въ одномъ порядкѣ, а отвѣты—въ другомъ и своемъ порядкѣ.

Относительно изложенія постановленій собора въ книгѣ его дѣяній или въ Стоглавникѣ должно быть сказано слѣдующее: во-первыхъ, постановленія излагаются безъ соблюденія строгаго систематическаго порядка; во-вторыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда по сложности предметовъ требовались многія постановленія, эти послѣднія соединяются въ одно мѣсто, чтобы представлять изъ себя группы (богослуженіе, святительскій судъ, монашество), однако соединяются не всѣ сполна, такъ что послѣ читаются дополнительныя къ нимъ постановленія; втретьихъ, постановленія о нѣкоторыхъ предметахъ читаются по нѣскольку разъ (надзоръ надъ духовенствомъ, вѣнечныя пошлины, иконописаніе). Вообще, должно думать, что, не заботясь о строгой систематизаціи, что̀ не принадлежало къ числу нарочитыхъ заботъ нашихъ законодателей древняго и стараго времени и было для нихъ дѣломъ неподсильнымъ, соборъ изложилъ письменно свои постановленія въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ на самомъ дѣлѣ были имъ произносимы или утверждаемы. Что̀ касается до повтореній, то онѣ, не составляя достоинства изложенія, указываютъ, что къ нѣкоторымъ матеріямъ соборъ возвращался по нѣскольку разъ.

Раздѣленіе книги дѣяній собора на главы, которыхъ, какъ мы говорили,—100, отъ чего названіе Стоглавникъ или Стоглавъ, требуетъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Въ этомъ раздѣленіи находимъ: во-первыхъ, что̀ поставлено подъ главами не относящееся къ существенному содержанію книги, именно—историческое извѣщеніе о соборѣ, предисловіе къ книгѣ и рѣчи царя (первыя четыре главы); во-вторыхъ, что въ

нѣкоторыхъ случаяхъ раздѣляется на нѣсколько главъ одно постановленіе собора, именно—что свидѣтельства, приводимыя послѣднимъ въ подтвержденіе себя изъ правилъ каноническихъ, изъ законовъ греческихъ императоровъ и нашихъ великихъ князей отдѣляются въ особыя главы отъ самыхъ постановленій; втретьихъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединяются въ одну главу по два совершенно розныхъ опредѣленія. Относительно перваго случая, т. е. что поставлено подъ главами указанное выше не составляющее самыхъ соборныхъ постановленій, со всею вѣроятностію нужно думать, что намѣреніемъ редактора книги было въ семъ случаѣ его желаніе предохранить книгу отъ произвола послѣдующихъ переписчиковъ: поставивъ указанное подъ главами, онъ какъ бы крѣпко занумеровывалъ его и такимъ образомъ отнималъ у переписчиковъ возможность опускать все это, какъ несущественное, что̀ въ противномъ случаѣ они легко могли дѣлать. Ставя подъ особыми отъ самыхъ постановленій главами свидѣтельства, приводимыя въ ихъ подтвержденіе, редакторъ книги, какъ съ вѣроятностію нужно думать, водился двумя побужденіями,—во-первыхъ, сейчасъ указаннымъ выше, чтобы отнять у переписчиковъ возможность опускать свидѣльства, и во-вторыхъ—чтобы съ особою силою выставить послѣднія на видъ. Неоднократно и съ особеннымъ настояніемъ соборъ говоритъ, что онъ поступалъ при своихъ рѣшеніяхъ не самочинно и не самовольно, а сообразуясь съ преданіемъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и съ священными правилами: слѣдовательно, свидѣтельствамъ, которыя онъ приводитъ, какъ pièces justicatives, онъ долженъ былъ придавать особо важное значеніе и желать того, чтобы, съ одной стороны, онѣ не могли быть опускаемы переписчиками, а съ другой стороны—чтобы читатели обращали на нихъ все свое вниманіе: чрезъ поставленіе свидѣтельствъ подъ особыми главами и достигались обѣ эти цѣли. Соединеніе въ одну главу двухъ розныхъ постановленій, конечно, не можетъ быть признано достоинствомъ редакціи, но редакторъ поступалъ такимъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда постановленія слишкомъ кратки, чтобы составить отдѣльныя главы.

Такъ какъ отвѣты на вторые 32 вопроса составляютъ въ Стоглавникѣ всѣ вмѣстѣ одну главу (41-ю), то понятно, что все сейчасъ сказанное о раздѣленіи на главы относится къ отвѣтамъ на первые 37 вопросовъ.

Въ видахъ полемики съ раскольниками, которые относительно нѣкоторыхъ спорныхъ съ нами пунктовъ имѣютъ Стоглавъ на своей сторонѣ, митр. Платонъ въ своей Исторіи русской церкви высказалъ предположеніе, что соборъ 1551-го года только написалъ было въ от-

вѣтъ на вопросы царя свои постановленія, но что заготовленныя постановленія по какимъ либо сумнительнымъ обстоятельствамъ не были утверждены или самимъ соборомъ или царемъ, и что такимъ образомъ постановленія эти, оставшіяся безъ утвержденія, не получали силы настоящихъ законовъ и не были обнародованы, какъ таковые [1]). Мнѣніе митр. Платона, съ цѣлію приведенія его въ ближайшее соотвѣтствіе интересамъ полемики видоизмѣненное такъ, что Стоглавъ представляетъ собою черновыя записки собора 1551-го года, передѣланныя послѣ него какимъ-то частнымъ лицомъ, нѣкоторыми изъ нашихъ ученыхъ настоятельно было защищаемо до не особенно давней поры [2]). Но въ настоящее время уже не можетъ подлежать никакому спору и сомнѣнію, что соборъ не только написалъ свои постановленія, но и утвердилъ и обнародовалъ ихъ собраніе какъ законодательный кодексъ и что мы имѣемъ собраніе постановленій, какъ таковой кодексъ, въ книгѣ называемой Стоглавникомъ или Стоглавомъ. Во-первыхъ, намъ извѣстенъ длинный рядъ современныхъ оффиціальныхъ свидѣтельствъ, что соборъ 1551-го года выдалъ свое «соборное уложеніе», по которому имѣли на будущее время производиться церковное управленіе и совершаться церковный судъ [3]). Во-вторыхъ, мы обладаемъ совершенно

---

[1]) Исторіи т. II, стр. 36 fin. sqq.

[2]) Мнѣніе митр. Платона видоизмѣнилъ преосв. Филаретъ (въ статьѣ: «Нѣсколько словъ о книгѣ Стоглавъ», помѣщенной въ Москвитянинѣ 1845-го года, ч. VI. № 12. отд. 1. см. также его Исторію періодъ 3-й, § 36, прим. 2. изд. 3-го стр. 138); поддерживали его въ измѣненномъ видѣ преосв. Макарій (въ Исторіи раскола, стр. 45 sqq) и казанскій издатель Стоглава г. Добротворскій (въ предисловіи къ послѣднему). Преосв. Макарій имѣлъ мужество отказаться отъ своего мнѣнія, когда убѣдился въ его несправедливости (Исторіи русской церкви т. VI, стр. 220 нач.), а г. Добротворскій, къ сожалѣнію, не имѣлъ этого мужества (хотя и заслуживаетъ полной благодарности за свои безпристрастныя старанія привесть въ извѣстность всѣ оффиціальныя свидѣтельства о Стоглавѣ, говорящія именно противъ него, см. его статьи: «Дополнительныя объясненія къ изданію Стоглава» въ Прав. Собесѣдн. 1862-го года. ч. 3. стр. 297, и «Каноническая книга «Стоглавъ» или неканоническая», ibid. 1863-го года ч. 1, стрр. 317 и 421, и ч. 2 стр. 76).

[3]) Въ подтвердительной приписи царя на грамотѣ Покровскому Чухломскому монастырю отъ 17-го Мая 1551-го года читается: «а кому будетъ чего искати на игуменѣ съ братіею, ино ихъ судитъ отецъ нашъ Макарей, митрополитъ всеа Русіи, по новому соборному уложенію».—Акт. Ист. т. I. № 125, стр. 185 col. 2 fin.. Въ грамотѣ митр. Макарія новгородскимъ священникамъ отъ 21-го Мая 1551-го года читается: «а судити (архіепископскимъ боярамъ) по соборному уложенію... и о всемъ по тому чинити, какъ въ соборномъ уложеніи писано».—напеч. въ Казанск. изд. Сто-

ясными оффиціальными свидѣтельствами, что это соборное уложеніе представляетъ собою именно тотъ кодексъ или та книга, которая носитъ названіе Стоглавника или Стоглава [1]).

глава. стр. 420 прим. Въ жалованной несудимой грамотѣ царя новгородскому Юрьеву монастырю отъ 29-го Мая 1551-го года читается: «а о архіепискуплѣ судѣ учинити бъ мнѣ (царю) имъ (архимандриту съ братіею) указъ по новому соборному уложенію»,—Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 46, стр. 63 fin.. Въ другой грамотѣ митр. Макарія новгородскимъ священникамъ отъ 26-го Іюня 1551-го читается: «а судити архіепископлимъ бояромъ и дьякомъ судъ впредь по соборному уложенію..., и о всемъ по тому учинити, какъ въ соборномъ уложеніи писано»,—Акт. Эксп. т. I, № 229, стр. 221 col. 1. Въ соборномъ приговорѣ объ учрежденіи въ Москвѣ поповскихъ старостъ, постановленномъ въ концѣ 1551-го года, читается: «и придастъ (митрополитъ) имъ (старостамъ) законъ божественныхъ писаній соборнаго уложенія»,—Акт. Эксп. т. I, № 232, стр. 227 fin.. Въ царскомъ наказѣ объ обязанностяхъ поповскихъ старостъ, посланномъ въ Заволочье въ Декабрѣ 1551-го года, читается: «о всѣхъ церковныхъ чинѣхъ и о вашемъ священническомъ пребываніи буди вамъ наказъ и соборное уложеніе отца нашего Макарьи, митрополита всея Русіи»,—ibid. № 231, стр. 226 sub fin.. Въ грамотѣ царя строителю Тотемскаго монастыря Ѳеодосію отъ 20-го Февраля 1554-го года читается: «а кому будетъ чего искать на строителѣ Ѳеодосіѣ съ братіею, ино ихъ судитъ во всемъ отецъ нашъ Макарій, митрополитъ всея Русіи, по новому соборному уложенію»,—Ист. Іер. VI. 416 fin.. Въ грамотѣ новгородскаго архіепископа Пимина во Псковъ отъ 20-го Августа 1556-го года предписывается псковскому духовенству поступать относительно избранія поповскихъ старостъ «по царскому совѣту и по соборному уложенію» и дается знать, что по этимъ «царскому совѣту и по соборному уложенію» духовенство и поступало, см. у *А. Н. Попова* въ Описаніи рукописей Хлудова, № 82, стр. 215. Таковыя же свидѣтельства представляютъ собою наказные списки, о которыхъ въ слѣдующемъ примѣчаніи. Еще см. Акт. Ист. т. I, № 154, II, стр. 252 col. 1 нач., Акт. Эксп. т. I. № 244, стр. 267 и Дополн. къ Акт. Ист. т. I, №№ 48 и 114, стрр. 68, col. 2 sub fin., и 161, col. 1 нач..—По описи казны царской Мастерской палаты 1720-го года, въ палатѣ этой между прочимъ находилась «Книга о вопросахъ и отвѣтахъ о различныхъ церковныхъ чинахъ великаго князя Іоанна Васильевича Макарію митрополиту, въ красномъ бархатѣ, съ бляхами и серебряными застежками, писана(я) полууставомъ въ полдесть», см. Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ Приказовъ, составленное *А. Е. Викторовымъ*, выпускъ первый, М. 1877, стр. 229, л. 197. Можно думать, что «Книга» представляла собою подлинный Стоглавъ, и можно питать нѣкоторую надежду, что она гдѣ нибудь еще и скрывается цѣлая и какъ нибудь еще и найдется.

[1]) Такъ какъ соборное уложеніе 1551-го года, по причинѣ его обширнаго объема, не могло быть разсылаемо всюду въ подлинномъ видѣ, потому что совер-

Мы не будемъ здѣсь излагать подробнымъ образомъ постановленій Стоглаваго собора. Постановленія эти такъ широко обнимаютъ церковную жизнь, что, излагая ихъ, нужно было бы предпринять нарочитое изображеніе сей послѣдней. Но нарочито изображать жизнь эпизодическимъ образомъ здѣсь было бы совершенно неудобно и неумѣстно; этому нарочитому изображенію жизни во всѣхъ ея видахъ будетъ посвящена вторая половина тома. Здѣсь мы ограничимся краткимъ и общимъ указаніемъ того, что̀ сдѣлано было Стоглавымъ соборомъ, чтобы можно было составить себѣ нѣкоторое общее представленіе объ его дѣятельности.

Митр. Макарій, какъ мы говорили выше, предположилъ задачею собора то, чтобы совершить чрезъ него полное обновленіе русской церкви, такъ чтобы церковь, бывъ очищена отъ всѣхъ недостатковъ

шенно невозможно было бы изготовить потребнаго количества его списковъ: то разсылаемы были сокращенныя выписи изъ него, въ современныхъ оффиціальныхъ актахъ называемыя наказами, а отъ нѣкоторыхъ ученыхъ получившія званіе наказныхъ списковъ. Въ настоящее время извѣстны таковые наказы или наказные списки: адресованный къ приходскому духовенству и посланный митрополитомъ въ 1551-мъ г. во Владиміръ и въ 1558-мъ г. въ Каргополь (напечатанъ *Ильею В. Бѣляевымъ* въ особомъ приложеніи къ 9 № газеты «День» за 1863-й годъ, подъ заглавіемъ: «Наказные списки соборнаго уложенія 1551-го года или Стоглава» и г. *Добротворскимъ* въ Правосл. Собесѣдн. 1863-го г., ч. I, стрр. 87 и 202); адресованный въ монастыри и посланный митрополитомъ въ Іюлѣ 1551-го г. въ московскій Симоновъ монастырь (грамота, при которой былъ посланъ наказъ, съ указаніемъ его содержанія, напечатана въ Казанск. изд. Стоглава, стр. 258 прим.) и неизвѣстно когда именно въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь (см. въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности *Тихонравова*, т. V, отд. III, стр. 128, прим.). Изъ сличенія этихъ наказовъ или наказныхъ списковъ съ Стоглавомъ ясно и видно, что соборное уложеніе 1551-го года по вопросамъ благочестиваго царя о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ есть именно то самое уложеніе, которое мы имѣемъ въ Стоглавѣ (въ грамотѣ, при которой наказъ былъ посланъ митрополитомъ въ Симоновъ монастырь, читается: «со всѣмъ священнымъ соборомъ русскія митрополія отнынѣ и впредъ съ Божіею помощію соборнѣ уложихомъ по вопросомъ благочестиваго царя о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ и о исправленіи, о монастырскихъ чинѣхъ, и общепредательномъ житіи, и о піянственномъ питіи, и о святительскомъ судѣ и о прочихъ священныхъ по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по священнымъ правиламъ и по божественному уставу, ничто же претворяюще»...)— Въ защиту подлинности Стоглава, какъ уложенія собора 1551-го утвержденнаго и обнародованнаго имъ, писали: *Илья В. Бѣляевъ* въ предисловіи къ изданію наказнаго списка, *Иванъ Д. Бѣляевъ*, въ статьѣ: «Стоглавъ и наказные списки со-

во всѣхъ сферахъ и частныхъ видахъ своей жизни, стала послѣ того какъ бы новою и возрожденною церковью и начала новый лучшій періодъ своего существованія. Попытку осуществленія этой обширной задачи и представляютъ собою постановленія Стоглаваго собора. Постановленія эти имѣютъ своими предметами: церковное богослуженіе, епархіальныя архіерейскія управленіе и судъ, жизнь духовенства высшаго и приходскаго низшаго, монашество и монастыри, христіанскую жизнь міранъ.

Въ отношеніи къ богослуженію соборъ стремится достигнуть въ своихъ предписаніяхъ: чтобы всѣ службы церковныя, общія и частныя, были совершаемы сполна и неопустительно по уставу; чтобы онѣ совершаемы были правильно; чтобы общественное богослуженіе происходило чинно въ смыслѣ чинности его совершенія поющими и въ

борнаго уложенія 1551-го г.», напечатанной въ Православномъ Обозрѣніи за 1863 г., т. XI, стр. 189, *Безсоновъ* въ статьяхъ: «Новость въ русской литературѣ—изданіе Стоглава» и «Еще о Стоглавѣ», напечатанныхъ въ газетѣ «День» за 1863-й годъ, №№ 10, 11 и 33, и *Кашинъ* въ статьѣ: «Какъ иногда дѣйствуютъ у насъ рецензенты», напечатанной тамъ же, № 30.—Стоглавъ извѣстенъ въ настоящее время въ трехъ редакціяхъ: раздѣленной на главы редакціи обширной (изданной Казанской Духовной Академіей въ 1862-мъ году и вторично г. Субботинымъ въ 1890-мъ году); раздѣленной на главы редакціи сокращенной (напечатанной Кожанчиковымъ въ Спб., въ 1863 г.) и редакціи отчасти сокращенной, отчасти обширнѣйшей, не раздѣленной на главы, представляющей собою въ томъ видѣ, какъ извѣстна въ печати, лишь нѣкоторую часть соборнаго уложенія противъ редакціи Стоглава обширной (напечатанной Калачевымъ въ издававшемся имъ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, кн. 5, Спб., 1863). Подлинное соборное уложеніе, утвержденное и выданное соборомъ, представляетъ собою раздѣленная на главы редакція обширная (которой извѣстны списки, относящіеся къ такому времени и принадлежавшіе такимъ мѣстамъ и лицамъ, когда и которыми неподлинное не могло быть принято за подлинное: таковы списки: Троицкій лаврскій № 215 — современный и фундамент. библіотеки Московск. Дух. Академіи № 194, принадлежавшій знаменитому старцу Троицкаго монастыря второй половины XVI вѣка Варсонофію Якимову). Сокращенная редакція, раздѣленная на главы, явилась когда то послѣ начала XVII вѣка, ибо въ ней дѣлается ссылка на печатные московскіе служебники,—стр. 66. Что касается до редакціи сокращенно-обширнѣйшей, не раздѣленной на главы, то Калачовъ и г. Добротворскій считаютъ вѣроятнымъ, а преосв. Макарій—весьма вѣроятнымъ, видѣть въ ней первоначальную, черновую, редакцію дѣяній Стоглаваго собора (Калачевъ въ предисловіи къ изданію рукописи; Добротворскій «въ Библіографической замѣткѣ о новомъ изданіи постановленій Стоглаваго собора 1551-го года», напечатанной въ III части Правосл. Обозр. за 1863-й годъ;

смыслѣ чинности присутствованія на немъ молящихся; чтобы текстъ богослужебныхъ книгъ былъ освобожденъ отъ находившихся въ немъ погрѣшностей; чтобы эти богослужебныя книги были по возможности исправны со стороны ихъ приготовленія переписчиками; чтобы въ церковныхъ обрядахъ водворены были однообразіе и правильность; чтобы иконы были пишемы иконописцами удовлетворительнымъ и надлежащимъ образомъ; наконецъ, чтобы устройство церквей (собственно— олтарей) было, въ соотвѣтствіе потребностямъ богослуженія, надлежащимъ.

Относительно епархіальнаго управленія мѣропріятія Стоглаваго Собора состоятъ: въ установленіи гораздо болѣе дѣятельнаго, чѣмъ прежде, надзора надъ низшимъ приходскимъ духовенствомъ чрезъ учреждение новыхъ органовъ надзора; въ ограниченіи произвола архіереевъ

преосв. Макарій въ Ист., V. 227, прим.). Мы съ своей стороны болѣе, и не только болѣе, а самымъ рѣшительнымъ образомъ склоняемся къ тому, чтобы видѣть въ редакціи принадлежащую позднѣйшему досужему юристу недоконченную переработку обширной, раздѣленной на главы и представляющей собою подлинное уложеніе Стоглаваго собора, редакціи. Что соборъ написалъ, утвердилъ и издалъ свои дѣянія въ качествѣ законодательнаго кодекса, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но при существованіи такого бѣловаго списка Стоглава съ какой стати и для какой цѣли стали бы списывать черновыя записки собора? Да и гдѣ взяли бы ихъ для списыванія, такъ какъ онѣ, конечно, составляли канцелярскую тайну? Вообще, при несомнѣнномъ существованіи бѣловаго Стоглава на имѣющіяся теперь нѣсколькія его редакціи необходимо смотрѣть такъ, что одна редакція представляетъ собою подлинный Стоглавъ (и такова есть редакція, напечатанная Казанской Духовной Академіей и г. Субботинымъ), а остальныя редакціи суть позднѣйшія частныя передѣлки подлинной (во всякомъ случаѣ не можетъ быть принято мнѣніе преосв. Макарія, чтобы редакція, о которой говоримъ, представляла соборную книгу въ томъ видѣ въ какомъ она была послана на разсмотрѣніе митрополита Іоасафа, ибо въ извѣстіи о посыланіи къ Іоасафу дѣяній собора ясно дается знать, что къ нему была посылаема книга этихъ дѣяній уже въ окончательномъ ея видѣ, — Казанск. изд. Стогл. стр. 414—415. «По совѣту благочестиваго царя, — говоритъ извѣщеніе, и митрополита и архіепископовъ и епископовъ царское предисловіе соборному совѣту и о всякихъ потребахъ вопроси и противу царского предложенія отвѣты святительскія *писанію преданы* по правилу святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по прежнихъ царскихъ великихъ князей православныхъ законовъ и *сія вся писанія* царскихъ вопросовъ и святительскихъ отвѣтовъ посыланы къ Живоначальной Троицѣ въ Сергіевъ монастырь къ бывшему Іасафу митрополиту»... Извѣщеніе между прочимъ представляетъ собою и ясное свидѣтельство, что соборомъ написаны были бѣловыя его дѣянія).

и ихъ чиновниковъ во взиманіи съ духовенства и мірянъ разныхъ пошлинъ; въ огражденіи низшаго духовенства отъ поборовъ уѣздныхъ епархіальныхъ чиновниковъ (десятинниковъ); въ распоряженіяхъ о приходскихъ церквахъ, клонившихся къ тому, чтобы церкви эти не стояли безъ пѣнія.

Относительно епархіальнаго суда постановленія Стоглаваго собора состоятъ: въ устраненіи такъ называемыхъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ отъ вторженія въ область архіерейскаго суда, составлявшую духовный судъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; въ поставленіи суда этихъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, насколько онъ былъ имъ предоставленъ, подъ такой контроль гласности и общественнаго надзора, чтобы онъ сталъ по возможности судомъ справедливымъ.

Въ отношеніи къ жизни высшаго и низшаго духовенства Стоглавый соборъ указываетъ недостатки этой жизни того и другаго класса духовенства, обращаясь въ первомъ случаѣ къ совѣсти самихъ епископовъ, а во второмъ случаѣ поручая искорененіе недостатковъ заботливости вновь учрежденныхъ имъ надзирателей Для приготовленія и избранія по возможности достойныхъ кандидатовъ во священники, которымъ преподаются подробныя наставленія относительно ихъ обязанностей, соборъ озаботился заведеніемъ лучшихъ училищъ грамотности, нежели какія существовали прежде, и предписалъ епископамъ бо́льшую противъ прежняго строгость избранія.

Въ отношеніи къ монастырямъ и монахамъ заботы Стоглаваго собора состояли: въ искорененіи злоупотребленій по завѣдыванію имуществами и доходами монастырей со стороны ихъ настоятелей и въ установленіи надъ этимъ завѣдываніемъ строгаго контроля; въ изгнаніи изъ монастырей пьянства и разврата; въ запрещеніи настоятелямъ особыхъ трапезъ въ своихъ кельяхъ и такъ называемыхъ объѣздовъ по вотчинамъ; въ запрещеніи монахамъ и монахинямъ жить въ однихъ монастыряхъ и въ монастыряхъ особножитныхъ жить мірянамъ; въ запрещеніи монахамъ и монахинямъ жить въ міру: первымъ—священниками, вторымъ—просфоропеками у приходскихъ церквей; въ запрещеніи монахамъ и монахинямъ волочиться по міру; въ принятіи мѣръ противъ строителей новыхъ монастырей, дѣлавшихъ сіе не для Бога, а для обмана людей и для своего чрева.

Относительно христіанской жизни мірянъ Стоглавый соборъ, послѣ общихъ въ семъ смыслѣ увѣщаній, дѣлаетъ предписанія: противъ нравственныхъ выдававшихся пороковъ времени (судебное цѣлованіе креста

на лживѣ и содомскій блудъ), противъ безнравственныхъ обычаевъ (стриженіе бородъ, имѣвшее безнравственную цѣль, и мытье въ баняхъ мужчинъ вмѣстѣ съ женщинами), противъ житейскихъ обычаевъ, противныхъ христіанскому закону (яденіе удавленины), противъ игры въ зернь, соотвѣтствовавшей нынѣшней игрѣ въ карты, противъ татароманіи въ одежѣ (ношеніе на головахъ тафей), противъ народныхъ увеселеній, представлявшихъ собою остатокъ еллинства или язычества, противъ волшебства или колдовства и противъ суевѣрій, противъ тогдашнихъ увеселителей народа—скомороховъ, противъ скитавшихся по міру пройдохъ, притворщиковъ и обманщиковъ.

Не знаемъ, видно или не видно изъ сейчасъ представленнаго общаго обозрѣнія мѣропріятій Стоглаваго собора, что митр. Макарій одушевленъ былъ искреннимъ желаніемъ совершить при его посредствѣ возможно полное и возможно дѣйствительное обновленіе русской церкви. Но въ этой благороднѣйшей искренности желанія несомнѣнно убѣждаетъ насъ чтеніе книги дѣяній Стоглаваго собора въ ея подлинномъ видѣ. Одновременно съ тѣмъ, какъ въ Москвѣ созванъ былъ нашъ соборъ, на Западѣ, въ римско-католической церкви, происходилъ Тридентскій соборъ, имѣвшій ту же самую цѣль, что̀ и нашъ. Съ полнымъ правомъ мы можемъ сказать, что въ отношеніи побужденій нашъ соборъ несравненно выше римско-католическаго: тогда какъ этотъ последній былъ дѣломъ вынужденнымъ со стороны папъ, нашъ былъ напротивъ со стороны представителя нашей церкви дѣломъ добровольнѣйшимъ.

Не всѣ мѣры, которыя были приняты Стоглавымъ соборомъ или митрополитомъ черезъ соборъ къ устраненію недостатковъ въ церковной жизни, могутъ быть признаны совершенно достаточными. Чтобы устранить изъ богослужебныхъ книгъ описки переписчиковъ, соборъ возложилъ обязанность на протопоповъ и на старѣйшихъ священниковъ дозирать всѣ книги, находившіяся какъ въ церквахъ, такъ и въ продажѣ, что̀, очевидно, было дѣломъ вовсе неисполнимымъ. Но помимо введенія книгопечатанія, о которомъ митрополитъ съ царемъ и начали потомъ заботиться; невозможно было придумать никакихъ настояще дѣйствительныхъ мѣръ. Сознавая неудовлетворительность училищъ, въ которыхъ обучались грамотѣ кандидаты во священники, соборъ предписалъ завести лучшія училища. Однако, эти лучшія училища имѣли быть тѣми же частными училищами, что̀ и прежде, и въ дѣйствительности не могли стать лучшими. Но нельзя винить митр. Макарія за то, что онъ въ семъ случаѣ не въ состояніи былъ возвыситься

надъ своимъ временемъ и не могъ додуматься до училищъ казенныхъ [1]).

Но если нѣкоторыя изъ мѣръ, принятыхъ митрополитомъ Макаріемъ, не могутъ быть признаны слишкомъ дѣйствительными, что̀ не должно быть ставимо ему въ вину, то о другихъ мѣрахъ должно сказать, что онѣ приносятъ ему истинную и истинновеличайшую честь. Таковы мѣры, принятыя имъ къ устраненію недостатковъ и злоупотребленій въ церковномъ управленіи и судѣ. Та откровенность, съ которою онъ признаетъ и высказываетъ эти недостатки и злоупотребленія, и тѣ ревность и рѣшительность, съ которыми онъ стремится къ ихъ искорененію, представляютъ нѣчто такое, что̀ настоятельнѣйше могло бы быть рекомендовано всему послѣдующему времени вплоть до нынѣшняго нашего. Если бы узаконенное Макаріемъ на Стоглавомъ соборѣ относительно церковнаго суда сохранилось послѣ него, то его узаконенія были бы величайшимъ благодѣяніемъ для низшаго духовенства и вмѣстѣ для мірянъ, насколько эти вторые подлежали церковному суду. А узаконенное имъ относительно надзора надъ низшимъ духовенствомъ могло бы до нѣкоторой степени служить примѣромъ и для нынѣшняго времени (разумѣемъ посылъ епископами по епархіямъ нарочитыхъ экзарховъ,—Казанск. изд. стр. 317).

Съ величайшею похвалой должно отозваться объ узаконеніяхъ Макарія и относительно монастырей съ монахами (Въ бытность архіепископомъ новгородскимъ поднявъ вопросъ и усердно старавшись о введеніи общежитія во всѣхъ монастыряхъ епархіи, Макарій въ постановленіяхъ собора не предписываетъ общежитія къ обязательному введенію во всѣхъ монастыряхъ митрополіи, а лишь усердно,—впрочемъ не нарочито и не пространно и какъ бы только мимоходомъ, рекомендуетъ его произволящимъ настоятелямъ и монахамъ особножитныхъ монастырей [2]): это необходимо понимать такъ, что въ данномъ случаѣ онъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе себѣ со стороны тѣхъ архимандритовъ и игуменовъ, которые засѣдали на соборѣ).

---

[1]) Архіепископъ новгородскій Геннадій не додумался ранѣе Макарія до казенныхъ училищъ, а разумѣетъ въ своемъ извѣстномъ посланіи къ митр. Симону, — Акт. Ист. т. I. № 104, тѣ же самыя училища, которыя предписываетъ завести Стоглавый соборъ.

[2]) Стоглав. гл. 52, Казанск. изд. стр. 256—257.—А если ранѣе собора Макарій не поднималъ вопроса о введеніи общежитія во всѣхъ монастыряхъ митрополіи: то можно думать, что онъ отлагалъ его поднятіе именно до собора.

Не только не возстановилъ Макарій приговора, постановленнаго было соборомъ 1503-го года, о невзиманіи епископами платы за поставленія въ церковныя степени, но и выступаетъ его прямымъ противникомъ. Это нужно объяснять не тѣмъ, чтобы онъ былъ человѣкъ корыстолюбивый,—таковымъ онъ вовсе не былъ, а тѣмъ, что на основаніи существовавшихъ въ пользу платы свидѣтельствъ (которыя и приводятся въ Стоглавникѣ,—глл. 87—89) онъ считалъ ее законно существующею, а постановленіе собора 1503-го года незаконно и несправедливо посягающимъ на права епископовъ. Т.-е. Макарій не возвышался до того, чтобы законное вопреки каноновъ находить, подобно Нилу Сорскому, незаконнымъ.

Есть въ узаконеніяхъ Стоглава еще одинъ пунктъ, который какъ будто бросаетъ нѣкоторую тѣнь на митрополита Макарія и о которомъ должно сказать. Въ царскихъ вопросахъ было предложено на разсужденіе собора: какъ быть съ тѣми Русскими, которые попадаютъ въ плѣнъ къ крымскимъ Татарамъ и которые оказываются въ невозможности сами выкупаться изъ плѣна (вопросъ 10-й изъ первыхъ 37-ми). Соборъ приговорилъ, что такихъ плѣнныхъ выкупать царской казной, «а сколько годомъ того плѣннаго окупу изъ царевой казны разойдется, и то роскинути на сохи (тягла) по всей земли, чей кто ни буди, всѣмъ ровно, занеже таковое искупленіе общая милостыня нарицается» (гл. 72). На этотъ приговоръ собора митр. Іоасафъ сдѣлалъ замѣчаніе, въ которомъ просилъ царя, чтобы крестьяне освобождены были отъ взноса денегъ на окупъ, такъ какъ имъ (и безъ того) много тягли въ своихъ податяхъ, и чтобы деньги на него были взимаемы съ митрополичьей и съ епископскихъ казенъ и по раскладкѣ со всѣхъ монастырей (Казанск. изд. стр. 427). Но предложеніе Іоасафа не было принято соборомъ и приговоръ его остался въ томъ видѣ, какъ онъ былъ первоначально постановленъ. Причиной непринятія предложенія Іоасафова должно быть предполагаемо одно изъ двухъ: или что Макарій самъ вмѣстѣ съ другими членами собора не хотѣлъ принять его, или что онъ вопреки своему желанію долженъ былъ уступить нежеланію остальныхъ членовъ собора. Мы не можемъ, т.-е. не имѣемъ данныхъ, высказаться положительнымъ образомъ; но на основаніи общихъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о Макаріи, съ совершенною увѣренностью думаемъ, что долженъ быть предполагаемъ не первый, а второй случай.

(Заботясь о введеніи правильности и единообразія формъ въ обрядахъ, Макарій предписалъ въ Стоглавѣ, чтобы персты для крестнаго знаменія и для священническаго благословенія слагаемы были двое-

перстно и чтобы пѣснь аллилуія была возглашаема не трегубо, а сугубо. Какъ понимать простоту и невѣжество, которыя, по словамъ собора 1667-го года, обнаружилъ Макарій въ семъ случаѣ, объ этомъ мы скажемъ ниже, въ нарочитыхъ рѣчахъ о нашихъ предписаніяхъ Макарія. Но когда нѣкоторые наши ученые распространяютъ эти простоту и невѣжество на все, что̀ написано Макаріемъ въ Стоглавѣ, и на всю вообще его дѣятельность, то они по невѣдѣнію или по преднамѣренности являются возмутительно несправедливыми къ знаменитѣйшему изъ нашихъ церковныхъ дѣятелей).

Постановленія собора 1551-го года, чтобы быть приведенными въ дѣйствіе, имѣли быть оффиціальнымъ образомъ обнародованы. Но это обнародованіе не могло совершиться такъ, чтобы всюду, куда надлежало, разослана была книга дѣяній собора въ ея подлинномъ видѣ. Въ то время у насъ еще не было книгопечатанія, а книга дѣяній собора настолько обширна, что изготовить потребное количество рукописныхъ ея экземпляровъ было бы дѣломъ совершенно невозможнымъ. Поэтому, вмѣсто подлинной книги дѣяній соборныхъ были обнародованы выписки или экстракты изъ нея, которые въ оффиціальныхъ актахъ называются наказами [1]) и которымъ нѣкоторые ученые дали названіе наказныхъ списковъ. Въ настоящее время намъ извѣстны двѣ такихъ выписки, изъ коихъ одна адресована къ приходскому духовенству съ его уѣздными властями, а другая къ монахамъ. Та и другая извѣстны намъ посланными митрополитомъ въ два мѣста его епархіи (первая—во Владиміръ и Каргополь, вторая—въ Симоновъ и въ Іосифовъ Волоколамскій монастыри), и такъ какъ та и другая изъ нихъ въ обоихъ случаяхъ есть одна и таже (т. е. одна и таже посланная во Владиміръ и Каргополь и одна и таже въ указанные монастыри), то слѣдуетъ думать, какъ это совершенно вѣроятно и само по себѣ, что была приготовлена одна выписка,—извѣстная намъ, для разсылки по всѣмъ приходскимъ духовенствамъ, и одна,—также намъ извѣстная, по всѣмъ монастырямъ, и что епископы и разсылали ихъ по своимъ епархіямъ. Въ первой изъ выписокъ, раздѣляющейся на 57 параграфовъ, сокращенно излагаются узаконенія Стоглаваго собора, преимущественно относящіяся къ приходскому духовенству (объ архіерейскомъ судѣ, объ архіерейскихъ пошлинахъ, о богослуженіи, о священ-

---

[1]) См. царскій наказъ въ Заволочье о поповскихъ старостахъ отъ Декабря 1551-го г. въ Акт. Эксп., т. I, № 231, стр. 226 fin: «о всѣхъ церковныхъ чинѣхъ и о вашемъ священническомъ пребываніи буди наказъ вамъ и соборное уложеніе отца нашего Макарьи, митрополита всея Руссіи».

никахъ и ихъ поведеніи и обязанностяхъ, о мірянахъ и ихъ порокахъ и поведеніи [1]); во второй выпискѣ буквально воспроизводятся изъ книги дѣяній собора главы (девять съ частью десятой), относящіяся къ монастырямъ и монахамъ [2]).

Какъ не скоро могла быть совершена разсылка выписокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—какъ не скоро могли быть повсюду введены въ дѣйствіе и новые законы, видно изъ того, что митрополитомъ въ его епархіи выписки разсылаемы были не менѣе какъ до 1558-го года (выписка въ Каргополь послана была митрополитомъ 2-го Февраля 1558-го года).

Имѣемъ извѣстія, что и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ постановленія собора были обнародованы скоро, онѣ вводимы были въ дѣйствіе не всѣ сразу, а постепенно, хотя, къ сожалѣнію, и не знаемъ, въ чемъ именно состояла эта постепенность. Въ концѣ 1553-го года былъ въ Москвѣ соборъ на еретика Матѳея Башкина, о которомъ скажемъ ниже. Въ записи объ этомъ соборѣ, подъ 25-мъ Октября мѣсяца, читается: «была рѣчь (у) царя и государя, великого князя, съ отцомъ своимъ Макаріемъ, митрополитомъ всея Русіи, и съ архіепископомъ,—новгородскимъ или ростовскимъ,—и съ епископы и съ боляры и съ всѣмъ священнымъ съборомъ о прежнемъ соборномъ уложеніи о многоразличныхъ дѣлѣхъ и чинѣхъ, (и по книгѣ соборной чьли),—которые дѣла исправилися и которые еще не исправилися; и царь государь богомольцемъ своимъ говорилъ: чтобъ Богъ далъ впередъ и прочіе дѣла исправлены были» [3]). Въ началѣ 1555-го года былъ въ Москвѣ соборъ для учреж-

---

[1]) Выписка, какъ указывали мы выше, напечатана Ильею В. Бѣляевымъ въ особомъ приложеніи къ газетѣ День за 1863-й г. и г. Добротворскимъ въ 1-й части Правосл. Собесѣдн. за 1863-го г. Сличеніе выписки съ Стоглавомъ, сдѣланное г. Добротворскимъ, см. въ Правосл. Собесѣд. 1862-го г., ч. 3-я стр. 313 sqq.—Въ концѣ 1551-го г. былъ выданъ соборный приговоръ объ учрежденіи въ Москвѣ, согласно постановленіямъ Стоглаваго собора, поповскихъ старостъ, въ которомъ прописывается инструкція поповскимъ старостамъ,—Акт. Эксп., т. 1, № 232, стр. 227. Очень можетъ быть и совершенно вѣроятно, что инструкція поповскимъ старостамъ была разсылаема и въ другія мѣста независимо отъ наказа.

[2]) Грамота, при которой препровождена была выписка, съ указаніемъ ея содержанія, напечатана въ Казанск. изд. Стоглава, стр. 258 прим. и см. еще въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности *Тихонравова*. т. V, отд. III, стр. 128 прим..

[3]) Сейчасъ приведенное читается въ Розыскѣ о дьякѣ Висковатомъ, который судимъ былъ соборомъ, созваннымъ на Башкина, вслѣдъ за этимъ послѣднимъ,—въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1858-го г. кн. II, отд. 3, стр. 1 fin. Слова, поставленныя въ скобкахъ, взяты у преосв. Филарета, — Ист. періодъ 3. § 36, на

денія епархіи въ новозавоеванной Казани. Никоновская лѣтопись въ своемъ извѣстіи объ этомъ соборѣ даетъ знать, что на немъ также было разсуждаемо о введеніи въ дѣйствіе постановленій Стоглаваго собора, именно—она выражается: «сыдошася вси рустіи архіепископы и епискупы и архимандриты и игумены о многоразличнѣхъ чинѣхъ церковныхъ и о многихъ дѣлѣхъ ко утверженію вѣры христіанской» [1]).

Мы сказали, что государь отнесся къ мысли Макарія о необходимости обновленія церкви съ величайшимъ сочувствіемъ и что онъ явился въ семъ случаѣ ревностнѣйшимъ его помощникомъ. Необходимо думать, что онъ употребилъ все свое самодержавное и безапелляціонносильное вліяніе, чтобы устранить оппозицію митрополиту со стороны членовъ собора при начертаніи новыхъ законовъ. Но онъ не ограничился этимъ и хотѣлъ дѣятельно помогать митрополиту не только въ начертаніи законовъ, но и въ томъ, чтобы законы были исполняемы. Еще на соборѣ онъ подалъ свое «написаніе», въ которомъ, подтверждая уложенія послѣдняго относительно монаховъ, объявляетъ, что если эти уложенія будутъ презрѣны отъ нѣкихъ безчинныхъ и непослушливыхъ, тѣмъ отъ святителей о семъ быти въ великомъ запрещеніи и во отлученіи, а отъ него—государя будутъ (они) во изгнаніи и въ мірскомъ наказаніи» [2]). Въ концѣ 1551-го года онъ выдалъ свой наказъ поповскимъ старостамъ, которые учреждены были для надзора надъ духовенствомъ и которымъ поручено было контролировать судъ архіерейскихъ десятинниковъ, и земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, которые имѣли помогать поповскимъ старостамъ въ послѣднемъ случаѣ, чтобы тѣ и другіе исполняли возложенныя на нихъ обязанности надлежащимъ образомъ [3]). Въ Апрѣлѣ 1552-го года государь поручилъ двумъ своимъ чиновникамъ смотрѣть въ Москвѣ, чтобы священники и монахи не ходили по корчмамъ и не упивались въ пьянство, и имъ же поручилъ кликать по торгамъ, чтобы православные христіане отъ мала и до велика не творили всего того, что запрещается предписаніями собора («именемъ Божіимъ во лжу не клялись, и на кривѣ креста не

концѣ прим. 2, который приводитъ наше мѣсто изъ Розыска по той же самой рукописи, что и въ Чтеніяхъ. Въ послѣднихъ слова опущены или по недосмотру или потому, что въ ветхой и поврежденной рукописи ихъ уже нельзя было прочесть. См. также «Сказаніе вкратцѣ о соборѣ на Матвѣя на Башкина» въ Чт. Общ. Ист. и Древн. 1847-го г., № 3, стр. 1 col. 1.

[1]) VII, 231 нач..

[2]) Стоглав. гл. 49, Казанск. изд. стр. 236 нач. sqq.

[3]) Акт. Эксп. т. I, № 231, стр. 226.

цѣловали, и иными неподобными клятвами не клялись, и матерны бы не лаялись, и отцемъ и матерью скверными рѣчми другъ друга не упрекали» и пр. [1]).

Рѣчи о Стоглавомъ соборѣ должны быть закончены вопросомъ: насколько въ дѣйствительности совершилось это обновленіе церкви, составлявшее великую цѣль и задачу митр. Макарія при его созваніи? Увы! грустный отвѣтъ на вопросъ есть тотъ, что обновленіе не совершилось почти нисколько. Макарій ввелъ было въ дѣйствіе постановленія собора, но тотчасъ же послѣ него почти все узаконенное имъ было забыто и все пошло по старому, какъ бы совсѣмъ и не бывало собора, дѣянія котораго превратились въ простой историческій памятникъ. Послѣ Макарія нуженъ былъ бы рядъ такихъ же Макаріевъ, чтобы старое не успѣло снова ожить, а этого не случилось... Въ результатѣ только то, что знаменитый дѣятель, трудившійся безплодно, все-таки остается знаменитымъ дѣятелемъ, а утѣшеніемъ служитъ то, что исторіи и другихъ странъ и церквей полны примѣрами подобныхъ дѣятелей...

Тотчасъ послѣ того, какъ Стоглавый соборъ окончилъ свои дѣянія, царь съ митрополитомъ и епископами постановилъ соборный приговоръ объ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ. Поэтому, мы скажемъ теперь обо всѣхъ узаконеніяхъ царя Ивана Васильевича относительно церковныхъ недвижимыхъ имѣній за время правленія митр. Макарія.

Начиная съ собора 1503-го года противники вотчиновладѣнія монастырей изъ среды самихъ монашествующихъ вели проповѣдь о томъ, что посягательство на право этого вотчиновладѣнія есть нѣчто допустимое съ точки зрѣнія нравственной и съ точки зрѣнія церковнаго права. Проповѣдь имѣла своимъ слѣдствіемъ то, что государи, бывъ возбуждаемы ею, рѣшились на посягательство въ интересахъ государственныхъ. Когда мысль о прямомъ отобраніи вотчинъ у монастырей встрѣтила на соборѣ 1503-го года рѣшительный отпоръ со стороны духовенства, государямъ осталось обратиться къ мѣрамъ ограниченія права вотчиновладѣнія. Это они и сдѣлали, при чемъ мѣры эти простерли вмѣстѣ съ вотчинами монастырскими и на вотчины архіерейскія. Иванъ Васильевичъ III постановилъ нѣкоторыя мѣры къ ограниченію права пріобрѣтенія архіереями и монастырями вотчинъ; послѣ Василія Ивановича, не постановившаго никакихъ новыхъ мѣръ ограниченія и только сохранявшаго и охранявшаго мѣры отца, вели-

---

[1]) Акт. Ист. т. I, № 154, II, стр. 252 col. 1 fin..

кая княгиня Елена съ боярами постановила эти новыя мѣры (выше стр. 735). Наконецъ, Иванъ Васильевичъ IV постановилъ и еще новыя и весьма рѣшительныя мѣры. Однако, принятіе этихъ новыхъ и рѣшительныхъ мѣръ относится уже ко времени послѣ смерти Макарія и къ концу собственнаго правленія государя. Что же касается до времени Макарія, то отчасти были приняты новыя мѣры не особенной важности, отчасти подтверждены были прежнія мѣры, а отчасти устранены были злоупотребленія, допущенныя при боярскомъ правленіи дѣтскихъ лѣтъ государевыхъ.

Первое извѣстное узаконеніе Ивана Васильевича нашей категоріи касается архіерейскихъ и монастырскихъ подгородныхъ слободъ. Когда-то до 1550-го года государь постановилъ, чтобы новыя архіерейскія и монастырскія подгородныя слободы тянули съ городскими людьми во всякое тягло и съ судомъ, т. е. чтобы онѣ платили всѣ городскія подати и исправляли всѣ городскія повинности и чтобы онѣ подсудны были не самимъ архіереямъ и монастырямъ, а городскимъ намѣстникамъ. Въ Сентябрѣ 1550-го года сдѣланы были государемъ вторичныя постановленія о слободахъ и именно слѣдующія: старыя слободы держать архіереямъ и монастырямъ по старинѣ по прежнимъ грамотамъ; новыхъ слободъ имъ не ставить; въ старыхъ слободахъ не прибавлять многихъ новыхъ дворовъ: если бы сынъ захотѣлъ отойти отъ отца или зять отъ тестя или братъ отъ братьевъ, то для такого ставить новый дворъ, но не ставить новыхъ дворовъ для вновь приходящихъ людей (которые,—подразумѣвается,—должны быть поселяемы только во дворы выбывающихъ); если по той или другой причинѣ освободятся старые дворы, то называть въ нихъ новыхъ слобожанъ изъ сельскихъ пашенныхъ и непашенныхъ людей, какъ было прежде, а не изъ городскихъ посадскихъ, за исключеніемъ въ послѣднемъ случаѣ нетяглыхъ казаковъ; слобожанамъ вольно оставлять слободы въ узаконенный срокъ (Юрьевъ день), чтобы переходить въ жители посадскіе или сельскіе [1]).

За сейчасъ приведеннымъ узаконеніемъ о слободахъ слѣдуетъ нашъ приговоръ о вотчинахъ, имѣвшій мѣсто тотчасъ по окончаніи Стоглаваго собора.

Передъ самымъ соборомъ или въ то время, какъ онъ происходилъ, нѣкоторые изъ монашествующихъ противниковъ вотчиновладѣнія монастырей имѣли бесѣды съ царемъ о монастырскихъ вотчинахъ, съ

---

[1]) Узаконеніе о слободахъ внесено въ Стоглавъ, въ 98-ю главу. — Казанск. изд. стр. 412.

цѣлію изложенія передъ нимъ своихъ взглядовъ (игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Артемій, о которомъ скажемъ ниже). Самъ царь очень хорошо зналъ, что въ монастыряхъ происходятъ съ вотчинами большія злоупотребленія и что онѣ нисколько не содѣйствуютъ къ поддержанію въ нихъ истинно-монашеской жизни, и выражался по этому поводу очерь рѣзко [1]). Сочиненія преп. Максима Грека противъ вотчиновладѣнія монастырей, такъ ярко изображающія все противорѣчіе между совершеннымъ отреченіемъ монаховъ отъ міра и этимъ вотчиновладѣніемъ, нѣтъ сомнѣнія, очень хорошо были ему извѣстны. Такимъ образомъ, царь Иваръ Васильевичъ не только могъ желать отобранія вотчинъ у монастырей въ интересахъ государственныхъ, но могъ быть и искренно убѣжденнымъ, что это отобраніе было бы полезнымъ для самаго монашества. Но такъ или иначе, однако въ виду непоборимо-твердаго стоянія за вотчины огромнаго большинства самихъ монаховъ онъ вовсе не отважился и заявить мысли объ отобраніи у монастырей вотчинъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не отважился бы на это и въ томъ случаѣ, если бы митрополитъ былъ противникомъ вотчиновладѣнія монастырей, ибо въ семъ случаѣ и митрополитъ держалъ бы свои убѣжденія только про себя, не отваживаясь заявлять ихъ и не помышляя о томъ, чтобы ихъ осуществлять. Но митрополитъ былъ искреннимъ и горячимъ защитникомъ вотчиновладѣнія монастырей, хотя и столько же горячимъ противникомъ злоупотребленій и зла, съ которыми соединено было это вотчиновладѣніе въ дѣйствительности. Это обстоятельство должно было имѣть своимъ слѣдствіемъ то, чтобы и о мѣрахъ къ ограниченію права вотчиновладѣнія монастырей государь не думалъ слишкомъ рѣшительныхъ. И послѣ Макарія онъ отважился на эти рѣшительныя мѣры весьма не скоро; тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ не имѣть наклонности думать о нихъ при немъ, ибо онъ питалъ къ нему—Макарію чувства самаго глубокаго уваженія.

Находя возможнымъ думать только о мѣрахъ ограниченія, Иванъ Васильевичъ простиралъ эти послѣднія мѣры, подобно своимъ предшественникамъ, сколько на вотчины монастырскія, столько же и архіерейскія.

---

[1]) См. въ Стоглавѣ вопросъ 15-й изъ числа первыхъ 37-ми, посланіе Грознаго къ Гурію Казанскому въ Татищевско-Миллеровскомъ изданіи его Судебника, изд. 2, стр. 231 нач., и дѣяніе собора 1580-го г. въ Собр. государств. грамм. и договв. I, 584 fin. (въ неполномъ видѣ и съ 1581-мъ годомъ — въ Акт. Экспед. т. I, № 308).

Онъ имѣлъ въ виду постановить свой приговоръ о вотчинахъ тотчасъ послѣ Стоглаваго собора, а поэтому и не дѣлалъ никакихъ предложеній въ этомъ смыслѣ на самомъ соборѣ. На семъ послѣднемъ были приняты мѣры къ тому, чтобы архіереи и настоятели монастырей не расхищали вотчинъ, принадлежащихъ каѳедрамъ и монастырямъ, и чтобы тѣ и другіе не злоупотребляли доходами съ вотчинъ, и затѣмъ, послѣ торжественнаго и нарочитаго подтвержденія самаго права вотчиновладѣнія, принята была только одна мѣра къ ограниченію этого права, которая въ собственномъ смыслѣ и не можетъ быть названа мѣрою. Она состояла въ предписаніи собора архимандритамъ и игуменамъ тѣхъ монастырей, у которыхъ земель и селъ довольно, чтобы они не стужали благочестивому царю и не просили у него излишняго [1]).

Въ соборномъ приговорѣ, имѣвшемъ мѣсто тотчасъ по окончаніи Стоглаваго собора, именно—11-го Мая 1551-го года, постановляется слѣдующее: 1) На будущее время архіереямъ и монастырямъ ни у кого не покупать вотчинъ безъ доклада государю и никому изъ бояръ не давать вотчинъ въ монастыри по душамъ безъ того же доклада; въ случаѣ нарушенія сего вотчина безденежно отбирается въ казну, и если она будетъ куплена, то покупатель лишился своихъ денегъ. Этотъ пунктъ приговора подтверждаетъ узаконеніе, сдѣланное великой княгиней Еленой съ боярами. 2) Если вотчина дана будетъ въ монастырь по душѣ безъ всякаго условія, то она не выкупается; если же она будетъ дана съ условіемъ, что роду или наслѣдникамъ оставляется право выкупить ее, то, согласно узаконеніямъ Ивана Васильевича и Василія Ивановича, этотъ выкупъ и на будущее время долженъ имѣть мѣсто, и именно, какъ говорится объ этомъ еще и въ Стоглавѣ (гл. 75, Казанск. изд. стр. 342), наслѣдники должны внести ту сумму, въ которую оцѣнена будетъ вотчина въ духовной или данной грамотѣ. 3) Узаконеніе двухъ предшествующихъ государей, чтобы въ нѣкоторыхъ новопріобрѣтенныхъ областяхъ вотчины не были продаваемы въ монастыри и не были даваемы по душамъ безъ доклада государю остается на будущее время въ своей полной силѣ; тѣ вотчины, которыя въ нарушеніе сего узаконенія отданы по душамъ безъ доклада, взять на государя и, заплативъ за нихъ деньги, отдавать ихъ въ помѣстья. Первая половина этого пункта сама собою подразумѣвается въ пунктѣ первомъ; но государь повторяетъ ее, какъ оправданіе второй половины пункта. 4) Помѣстныя и черныя земли, которыми архіереи и монастыри насильно завладѣли за долги или которыя несправедливо записаны за

---

[1]) Гл. 75. Казанск. изд. стр. 343.

ними описчиками земель, возвратить прежнимъ владѣльцамъ. 5) Произвести сыскъ о селахъ и волостяхъ и рыбныхъ ловляхъ и всякихъ угодьяхъ и оброчныхъ деревняхъ, которыя послѣ смерти Василія Ивановича, въ малолѣтство государя, подавали бояре архіереямъ и монастырямъ, и учинить такъ, какъ было при Василіи Ивановичѣ, т. е. все данное послѣ него архіереямъ и монастырямъ снова отобрать [1]).

На Стоглавомъ соборѣ, по предложенію царя, сдѣланъ былъ приговоръ объ его—царскихъ ругахъ монастырямъ и приходскимъ церквамъ (о дачѣ хлѣба и соли и денегъ и воска на свѣчи и меду на кутью и пшеницы на просфоры). Василій Ивановичъ и послѣ него Елена назначили инымъ монастырямъ и приходскимъ церквамъ руги не постоянныя или вѣчныя, а временныя, на извѣстные годы. Послѣ смерти Елены, въ малолѣтство государево, монастыри и церкви успѣли обратить эти руги изъ временныхъ въ постоянныя. За симъ, въ то же малолѣтство государево бояре подавали монастырямъ и приходскимъ церквамъ новыя руги (постоянныя и временныя). Объ этихъ ругахъ царь и дѣлалъ представленіе собору. Послѣдній отдалъ на волю царю обратить временныя руги отца и матери, сдѣланныя послѣ нихъ постоянными, снова во временныя, а руги, надаванныя послѣ нихъ, отмѣнить, но при этомъ ходатайствовалъ предъ государемъ за монастыри и церкви бѣдныя [2]). Постановленіе Стоглаваго собора о ругахъ было подтверждено и въ соборномъ приговорѣ о вотчинахъ, и при этомъ, если только въ приговорѣ не допущена неточность редакціи, съ распространеніемъ отмѣны и на время матери государевой, именно: 1) всѣ руги, данныя монастырямъ и церквамъ послѣ Василія Ивановича, отставить и выдавать только тѣ руги, которыя были при немъ и при Иванѣ Васильевичѣ; 2) всѣ руги, сдѣланныя послѣ Василія Ивановича изъ временныхъ постоянными, снова обратить во временныя.

Въ 1557-мъ году государь выдалъ дополнительное узаконеніе относительно выкупа вотчинъ, даваемыхъ въ монастыри по душамъ. Оно есть слѣдующее: Если человѣкъ, дающій въ монастырь вотчину по душѣ съ условіемъ, что она можетъ быть выкуплена наслѣдниками, назначитъ въ своей духовной грамотѣ слишкомъ высокую цѣну выкупа:

---

[1]) Соборный приговоръ въ Акт. Эксп. т. I, № 227, стр. 218, и въ Стоглавникѣ.—Казанск. изд. стр. 430.

[2]) Гл. 97; предложеніе царя въ вопросѣ 31-мъ. Замѣчательно, что Стоглавъ обвиняетъ въ полученіи новыхъ ругъ послѣ смерти Елены только приходскія церкви или священниковъ сихъ послѣднихъ безъ монастырей, тогда какъ царь въ своемъ предложеніи обвиняетъ столько же и монастыри, ставя ихъ на первомъ мѣстѣ.

то наслѣдники могутъ протестовать противъ этого и требовать оцѣнщиковъ («мѣрщиковъ»), но не иначе какъ въ то время, пока духовная еще не явлена и не утверждена. Если же они заявятъ протестъ уже послѣ сего, то должны заплатить за вотчину ту выкупную цѣну, которая назначена въ духовной [1]).

Существуетъ отвѣтъ митр. Макарія къ царю Ивану Васильевичу «о недвижимыхъ вещехъ, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ», въ которомъ митрополитъ самымъ энергическимъ образомъ и съ обширнымъ изложеніемъ доводовъ протестуетъ противъ желанія государя пріобрѣсти себѣ недвижимыя имѣнія митрополичьей каѳедры и который составляетъ весьма немалую загадку [2]). Какъ единственное вѣроятное объясненіе этой загадки намъ представляется слѣдующее: Въ концѣ 1550-го года царь приговорилъ съ боярами испомѣстить въ московскомъ уѣздѣ тысячу человѣкъ дѣтей боярскихъ, лучшихъ слугъ, и 28 человѣкъ бояръ и окольничихъ, которымъ быть готовымъ къ посылкѣ, т. е. всегда находиться въ Москвѣ, при дворѣ, и у которыхъ не было вотчинъ и помѣстій въ московскомъ уѣздѣ [3]). Такъ какъ для этого испомѣщенія требовалось огромное количество земли, то, вѣроятно, что государь, находившійся въ затрудненіи съ своими землями казенными, желалъ купить у митрополита вотчины его каѳедры, находившіяся именно въ московскомъ уѣздѣ. Если митрополитъ крайне энергическимъ образомъ протестуетъ противъ желанія государя, которое не заключало въ себѣ никакихъ видовъ хищничества, то, вѣроятно, потому, что онъ видѣлъ въ этомъ весьма опасный прецедентъ: купивъ у митрополита вотчины въ одномъ мѣстѣ, государь могъ потомъ изъявить желаніе купить и всѣ вообще церковныя вотчины.

Въ началѣ 1555-го года, какъ упоминали мы выше, была учреждена епархія въ новозавоеванной Казани (взятой 2-го Октября 1552-го года). Область епархіи была образована изъ города Казани съ окрестными улусами, изъ города Свіяги или Свіяжска съ горной (правой) стороной (Волги), изъ города Василя или Васильсурска и изъ всей вятской земли [4]). Епископу казанскому усвоено титло архіепископа и назначено мѣсто подъ архіепископомъ новгородскимъ и выше

---

[1]) Акт. Ист. т. I. № 154. VI. стр. 257 col. 2.

[2]) Отвѣтъ напечатанъ въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности *Тихонравова*, т. V, отд. III. стр. 129.

[3]) Вивліоѳ. VIII, 1, и Временн. Общ. Ист. и Древн. ч. 20, отд. III, стр. 41.

[4]) Никон. лѣт. VII, 231.

архіепископа ростовскаго [1]). Первымъ архіепископомъ казанскимъ поставленъ былъ 3-го Февраля 1555-го года Гурій, игуменъ Селижарова Троицкаго монастыря. На содержаніе архіепископа назначено было: десятина изъ казанскихъ, свіяжскихъ и чебоксарскихъ таможенныхъ пошлинъ, опредѣленное жалованье въ количествѣ 865 рублей и дача хлѣба и всѣхъ столовыхъ запасовъ натурой [2]). Въ первоначальномъ заведеніи помогали архіепископу деньгами и хлѣбомъ митрополитъ, всѣ епископы и монастыри [3]). Относительно обращенія въ христіанскую вѣру Татаръ архіепископу дано было наставленіе: «всякими обычаи, какъ возможно (т.-е. всякими способами, сколько возможно), пріучать ему Татаръ къ себѣ и приводити ихъ любовью на крещеніе, а страхомъ ихъ ко крещенію никакъ не приводити» [4]).

Учрежденіе епархіи казанской послужило для царя и для митрополита ближайшимъ поводомъ къ тому, чтобы они озаботились введеніемъ въ Москвѣ книгопечатанія.

Если вѣрить одному не особенно надежному свидѣтельству, то будто бы предположено было вызвать въ Москву типографщиковъ изъ-за границы еще въ 1547-мъ году [5]). Когда на Стоглавомъ соборѣ было разсуждаемо о томъ, что книжные писцы слишкомъ неудовлетворительно пишутъ богослужебныя книги, то не могло не приходить на мысль царю и митрополиту, что единственное дѣйствительное средство помочь въ семъ случаѣ злу состояло въ заведеніи книгопечатанія, которое уже давно было у другихъ и которое, какъ то знали на Москвѣ [6]), было уже употребляемо и Греками. Однако мысль оставалась мыслью. Когда открыта была епархія казанская и когда для снабженія

---

[1]) Ibid. стр. 232 sub fin..

[2]) Акт. Эксп. т. I, № 241, IV (по Никонов. лѣт. ibid.: десятина изъ всѣхъ казанскихъ доходовъ); деньги на жалованье архіепископу собирались съ монастырей. см. Акт. Юрид. 1838-го г. № 209, II.

[3]) Никон. лѣт. ibid..

[4]) Акт. Эксп. ibid., стр. 260 col. 1 fin.; тутъ же объ отпускѣ Гурія въ Казань. См. еще ниже въ подробныхъ извѣстіяхъ объ епархіяхъ выписку лѣтописной записи изъ Волоколамской рукописи.

[5]) Въ числѣ ремесленниковъ, набранныхъ будто бы Гансомъ Шлитте, о которомъ говорили мы выше, называется одинъ типографщикъ,—у *Карамз.* къ т. VIII прим. 206. Но если и дѣйствительно былъ этотъ типографщикъ (какъ и всѣ другіе ремесленники), то останется неизвѣстнымъ—былъ ли онъ приглашонъ по порученію царя или по собственной волѣ Шлитте.

[6]) Послѣсловіе къ первопечатному апостолу.

новопостроенныхъ ея церквей богослужебными книгами царь приказалъ накупить послѣднихъ на торгу, у книжныхъ писцовъ: то оказалось, что только немногія изъ книгъ были исправны и что бо́льшая часть была переполнена описками и ошибками («растлѣни отъ преписующихъ»). Это обстоятельство и побудило царя съ митрополитомъ рѣшительно озаботиться осуществленіемъ мысли о введеніи книгопечатанія [1]). Рѣшительно принятая мысль, по неизвѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, была осуществлена на дѣлѣ только спустя семь лѣтъ: уже подъ Февралемъ мѣсяцемъ 1556-го года упоминается «мастеръ печатныхъ книгъ» Маруша Нефедьевъ [2]), родомъ новгородецъ [3]), а къ печатанію первой книги приступлено было только 19-го Апрѣля 1563-го года. Въ одномъ извѣстномъ Сказаніи о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ говорится, что первые опыты печатанія въ ней до 1563-го года производились вмѣсто настоящихъ буквъ «малыми нѣкими и неискусными начертаніи» [4]). Очень можетъ быть, что Маруша Нефедьевъ обучился типографскому мастерству только по слуху и самоучкой и что онъ употребилъ цѣлые годы на то, чтобы научиться вырѣзыванію буквъ и потомъ чтобы наладить самое печатаніе. Могло произойти замедленіе и отъ того, что введенію книгопечатанія сильно противились многіе отъ тѣхъ невѣжественныхъ начальниковъ и учителей [1]), т.-е. епископовъ и архимандритовъ—игуменовъ, которые заставили дѣйствительныхъ первыхъ печатниковъ бѣжать изъ Москвы [5]). Этими дѣйствительными первыми печатниками, положившими у насъ начало книгопечатанія, были—діаконъ московскаго Гостунскаго собора (находившагося въ Кремлѣ, на дворцовой площади) Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ, родомъ мстиславецъ, научившіеся своему искусству неизвѣстно гдѣ и отъ кого. Какъ мы сказали, они начали печатать первую книгу, каковою былъ апостолъ, 19-го Апрѣля 1563-го года; это былъ послѣдній годъ жизни Макарія, и печатаніе книги было окончено уже послѣ его смерти, 1-го Марта 1564-го года [6]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 96.

[3]) Видно изъ того, что зналъ новгородскихъ ремесленниковъ,—ibid. стр. 148 col. 1 fin.: «Да Маруша же намъ сказывалъ, что есть въ Новѣгородѣ, Васюкомъ зовутъ»..., и см. у *Карамз.* къ т. VI прим. 201. п. 3 и fin..

[4]) См. въ Описаніи старопечатныхъ книгъ Царскаго, стр. 439.

[5]) См. Послѣсловіе перваго московскаго печатника діакона Ивана Ѳедорова къ его львовскому апостолу 1573-го года.

[6]) Въ послѣсловіи къ первопечатному апостолу говорится, что повелѣніемъ

При митр. Макаріи послѣ собора 1549-го года было канонизовано и еще нѣкоторое количество святыхъ. Объ этомъ мы скажемъ во второй половинѣ тома, въ главѣ о богослуженіи.

Итакъ, административная дѣятельность митр. Макарія, представляя собою дѣятельность знаменитую и изъ ряда вонъ выходящую, состояла главнымъ образомъ въ томъ, что въ 1551-мъ году онъ созвалъ соборъ для обновленія церкви и что потомъ онъ заботился о введеніи въ дѣйствіе постановленій собора.

При митр. Макаріи получилъ свободу преп. Максимъ Грекъ. Къ этому послѣднему мы теперь и обратимся, чтобы докончить наши о немъ рѣчи.

Выше мы остановились на томъ, что преп. Максимъ, послѣ вторичнаго соборнаго суда надъ нимъ, имѣвшаго мѣсто въ 1531-мъ году, посланъ былъ въ заключеніе вмѣсто Іосифова Волоколамскаго мона-

---

царя и благословеніемъ митрополита «начаша изыскивати мастерства печатныхъ книгъ въ лѣто 61 осмыя тысячи (1553), въ 30 лѣто государства его». Но 30-е лѣто государства Ивана Васильевича приходилось въ 7071-мъ (1563-мъ) г. и 61 есть тутъ опечатка вмѣсто 71 (которую и поправляетъ Иванъ Ѳедоровъ въ послѣсловіи къ своему львовскому апостолу 1573-го г., говоря, что «друкарня составися въ Москвѣ въ лѣто 7071, въ 30 лѣто государства его»).—Наше книгопечатаніе производятъ отъ датчанина Яна Миссенгейма (Бокбиндера, что̀, можетъ быть, есть не фамилія, а обозначеніе ремесла,—переплетчикъ), который приходилъ къ Ивану Васильевичу отъ датскаго короля Христіана Ш въ 1552 г.. Но Миссенгеймъ собствено присыланъ былъ въ Москву королемъ для совращенія царя въ лютеранство, котораго онъ—король былъ горячимъ поборникомъ, и чтобы миссіонеру лютеранства поручили у насъ заведеніе книгопечатанія, это есть дѣло совершенно невѣроятное. При томъ, вовсе и неизвѣстно положительнымъ образомъ, чтобы Миссенгеймъ былъ книгопечатникомъ. Король пишетъ въ посланіи къ царю, что посылаетъ съ Миссенгеймомъ библію (въ Лютеровомъ переводѣ) и другія двѣ книги, въ которыхъ содержится сущность нашей христіанской (лютеранской) вѣры (катихизисы) и что если книги въ Москвѣ будутъ приняты и одобрены, то онъ—Миссенгеймъ позаботится, чтобы онѣ переведены были на русскій языкъ и напечатаны во многихъ тысячахъ экземпляровъ». «Позаботится напечатать во многихъ тысячахъ экземпляровъ», ad multa exemplarium millia excudi curet, скорѣе должно быть понимаемо не такъ, что Миссенгеймъ заведетъ для напечатанія типографію въ Москвѣ, ибо это была бы очень длинная исторія, а такъ, что онъ закажетъ напечатать за границей. Письмо Христіана къ царю издано Снегиревымъ въ Русскомъ историческомъ сборникѣ Погодина, т. 4, стр. 117. См. нашу статейку: «Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ», помѣщенную въ февральской книжкѣ «Богословскаго Вѣстника» за 1895-й годъ.

стыря въ тверской Отрочь монастырь, съ тѣмъ, чтобы быть подъ надзоромъ тамошняго епископа Акакія. Въ Твери Максимъ пробылъ ровно 20 лѣтъ, до 1551-го года. Необходимо полагать, что все время, пока Даніилъ оставался на каѳедрѣ, что было до 2-го Февраля 1539-го года, онъ содержимъ былъ въ настоящемъ заключеніи, ибо послѣдній все это время сохранялъ свою непримиримую ненависть къ нему [1]). Должно однако думать, что въ Твери съ самаго начала заключеніе было не такъ жестоко и сурово, какъ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Акакій былъ изъ монаховъ волоколамскихъ [2]); но, какъ видно, онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ «презлыхъ» іосифлянъ, которые способны были ненавидѣть противниковъ вотчиновладѣнія съ такою безпощадною ненавистью, какую питалъ къ Максиму Даніилъ. Самъ Максимъ отзывается объ Акакіи, что онъ жаловалъ его,—упокоилъ всякимъ довольствомъ многа лѣта, что его—епископа многолѣтнее бреженіе и жалованіе ему—Максиму невозможно забыть. Правда, что Максимъ отзывается такъ объ Акакіи лицу, очень близкому къ послѣднему [3]). Но онъ былъ человѣкъ неспособный къ лести и если бы не имѣлъ причинъ быть благодарнымъ епископу, то вмѣсто того, чтобы говорить лесть, не говорилъ бы ничего. Какъ бы то ни было, но мы положительно знаемъ, что въ Твери, съ самаго начала пребыванія тамъ, Максиму даны были перо съ чернилами и бумага и дозволено было писать сочиненія. Существуетъ сборникъ сочиненій Максима, составленный имъ самимъ; въ предисловіи къ этому сборнику, онъ говоритъ, что началъ составлять его наставшу четыредесятому лѣту осмыя тысячи, т.-е. въ 1532-мъ году [4]): а это второй годъ пребыванія Максима въ Твери.

Выходили между Максимомъ и Акакіемъ недоразумѣнія и размолвки, но, кажется, что онѣ не отзывались вреднымъ образомъ на

---

[1]) Какъ это видно изъ посланія къ нему Максима, писаннаго послѣ низверженія его съ каѳедры,—Казанск. изд. II, 367. См. о посланіи ниже.

[2]) Но несправедливо отожествляется съ братомъ преп. Іосифа Акакіемъ, см. *К. И. Невоструева* Рецензію на книгу Хрущова: «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоколамскаго», стр. 13 fin..

[3]) Діакону Акакія Григорію,—Казанск. изд. II, 423.

[4]) Тотъ сборникъ, предисловіе котораго, «сказующе вкратцѣ силу книжку сея», начинается: «Настоящая новосъчиненая книжка даръ есть всесвятаго и покланяемаго Духа»,—ркпп. Московск. Духовн. Академіи №№ 42 и 153 (что составитель сборника, говорящій въ предисловіи о Максимѣ въ третьемъ лицѣ, есть самъ онъ, см. ниже, въ обзорѣ литературныхъ трудовъ Максима).

судьбѣ перваго. Въ Твери, какъ нужно думать, Максимъ занимался пересмотромъ перевода псалтыри; при этомъ пересмотрѣ онъ между прочимъ сдѣлалъ ту поправку, что 2-й стихъ 89-го псалма, который прежде читался: «Господи, прибѣжище бысть намъ», написалъ: «Господи, прибѣжище былъ еси намъ». Акакій, по нѣкоторымъ отзывамъ—человѣкъ, мало ученый грамотѣ [1]), смущался поправкой Максима и говорилъ: «восе—де Максимъ писаніемъ сицевымъ своимъ мудрствуетъ, что намъ ужъ нѣсть прибѣжище къ Богу». Максимъ писалъ по этому поводу оправдательное посланіе къ одному лицу, которое близко было къ нему и вмѣстѣ къ епископу [2]). 22-го Іюля 1537-го года случился въ тверскомъ Кремлѣ (городѣ) большой пожаръ, отъ котораго весь онъ выгорѣлъ; вмѣстѣ со всѣми другими строеніями сгорѣлъ и находившійся въ немъ архіерейскій каѳедральный соборъ, какъ кажется—только что обновленный Акакіемъ, и сгорѣлъ такъ, что не успѣли спасти изъ него совершенно ничего—ни иконъ, ни сосудовъ, ни книгъ [3]). Вмѣсто того, чтобы явиться по этому случаю утѣшителемъ до крайности огорченнаго епископа, Максимъ воспользовался имъ по своему: на мѣсто истиннаго христіанскаго благочестія ставя внѣшнюю набожность, предки наши отличались величайшей ревностью къ благоукрашенію храмовъ,—и Максимъ, изъясняя то, почему Господь не пощадилъ благоукрашеннѣйшаго храма, каковъ былъ соборъ, написалъ въ видѣ бесѣды между Акакіемъ и Господомъ безпощадное, какъ рѣчи древнихъ пророковъ, обличительное слово на наше фарисейски внѣшнее благочестіе. Но и эта жестокая выходка Максима противъ Акакія, которая находитъ свое извиненіе въ его неудержимо-горячей ревности по истинѣ и правдѣ Божіей и въ его благомъ намѣреніи, но которой онъ могъ бы и не позволять себѣ, достигая той же цѣли другими способами, не сдѣлала епископа непримиримымъ его врагомъ:

---

[1]) По отзыву, читаемому въ одномъ изъ сказаній о Максимѣ, см. Опис. Сунодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 192, л. 26 (стр. 580 нач.).

[2]) Именно къ помянутому діакону Акакіеву Григорію.—Казанск. изд. II, 421 (Григорій переписывалъ Максиму его сочиненія, — ibid. 424; Максимъ дружески обличалъ его за пьянство (запойное) и за безлѣпотное безчинствованіе въ пьяномъ видѣ,—ibidd., 386). Не совсѣмъ понятно, что Максимъ объясняется съ Акакіемъ черезъ посланіе, а не устно; вѣроятно, цѣль его—та, чтобы оправдаться не передъ однимъ епископомъ, но и передъ другими, которые смущались его поправкой: существуетъ посланіе къ Григорію и въ видѣ безличнаго словца, — ркпп. библіотеки Троицкой Лавры, № 200, л. 359 об., и № 201, л. 105.

[3]) Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI. 303 нач..

весьма вѣроятно, что Акакій посердился и посѣтовалъ на него, но потомъ имѣлъ великодушіе простить ему [1]). Вообще, этотъ мало ученый грамотѣ епископъ, являющійся доброжелательнымъ покровителемъ Максима въ то время, какъ большинство людей много ученыхъ грамотѣ относилось къ нему за его крайне рѣзкія обличенія съ сильною ненавистью, представляетъ собою очень замѣчательное явленіе и долженъ былъ помянутъ въ исторіи самымъ теплымъ словомъ.

Но истинно великой благодарности заслуживаетъ Акакій за то, что онъ дозволилъ Максиму писаніе сочиненій съ самаго перваго времени пребыванія послѣдняго въ Твери. Не дай Акакій этого дозволенія тотчасъ по прибытіи Максима въ Тверь и получи его Максимъ только послѣ низверженія Даніила съ каѳедры при Іоасафѣ или при Макаріи, мы могли бы лишиться значительной части сочиненій знаменитаго церковнаго публициста.

Въ Москвѣ до 1525-го года, какъ мы говорили выше, Максимъ писалъ противъ латинства, пропагандированнаго Николаемъ нѣмчиномъ, противъ астрологіи, противъ вотчиновладѣнія монастырей, въ защиту патріарха константинопольскаго и православія Грековъ. Писалъ ли онъ тогда еще что нибудь, остается неизвѣстнымъ. Но со всею вѣроятностью нужно думать, что наибольшая часть остальныхъ многочисленныхъ его сочиненій написана имъ въ Твери. Въ этихъ остальныхъ сочиненіяхъ, представляющихъ въ отношеніи къ содержанію весьма большое разнообразіе, выдаются по своей важности двѣ группы ихъ: во-первыхъ, рядъ словъ противъ вѣръ нехристіанскихъ (противъ язычества одно, іудейства одно и магометанства три) и христіанскихъ исповѣданій неправославныхъ (противъ латинства одно въ дополненіе къ прежнимъ, противъ армянства и вновь явившагося лютеранства по одному); во-вторыхъ, рядъ нравственно-обличительныхъ и учительныхъ словъ, обращенныхъ къ самимъ Русскимъ. Въ первой серіи словъ Максимъ хотѣлъ доставить Русскимъ какъ бы краткое руководство къ полемическому богословію для собесѣдованій со всѣми нехристіанами и христіанами неправославными. Во второй серіи словъ онъ является пророкомъ—обличителемъ самихъ Русскихъ.

---

[1]) Многіе или по крайней мѣрѣ иные изъ читателей Максимова слова о тверскомъ пожарѣ укоряли Максима за то, что онъ выводитъ въ немъ говорящимъ Господа, что находили неприличнымъ, см. его оправданіе относительно сего въ посланіи къ Грозному, которое почему то надписывается: «Отвѣтъ вкратцѣ къ святому събору о нихже оклеветанъ бываю» и которое напечатано *преосв. Филаретомъ* въ приложеніи къ статьѣ: Максимъ Грекъ, помѣщенной въ Москвитянинѣ 1842-го г., часть VI, № 11, стр. 84.

Тогдашніе предки наши непоколебимо тверды были въ своемъ православіи и никакая пропаганда, сколько бы ни вооруженная знаніемъ и искусствомъ, не могла быть для нихъ опасною. Но къ безотчетной непоколебимой твердости небезполезно было присоединеніе нѣкоторой сознательной отчетливости, такъ чтобы предки наши не только могли затыкать свои уши отъ всякихъ рѣчей, оглаголующихъ ихъ вѣру, но до нѣкоторой степени въ состояніи были давать и отвѣты противникамъ. А этого и хотѣлъ Максимъ достигнуть своими словами противъ вѣръ нехристіанскихъ и противъ христіанскихъ исповѣданій неправославныхъ. Онъ очень хорошо понималъ, что наибольшее практическое значеніе для Русскихъ имѣло опроверженіе магометанства, такъ какъ съ его представителями у нихъ были наиболѣе дѣятельныя и частыя сношенія [1]); а поэтому противъ него именно онъ и писалъ съ особенною нарочитостью.

Страшное бѣдствіе, постигшее Максима въ Россіи, повидимому, должно было побудить его къ тому, чтобы писать сочиненія, единственно угодныя Русскимъ, дабы возвратить себѣ ихъ благоволеніе и такимъ образомъ добиться свободы и отпуска на Аѳонъ. Но горѣвшій въ немъ «огнь ревности, яже по Бозѣ», былъ такъ силенъ, что заставлялъ его забывать о самомъ себѣ. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на пророка, котораго Божія благодать послала отъ Святыя горы, чтобы проповѣдывать Русскимъ людямъ Божію правду [2]): и заключенный въ темницу, онъ хотѣлъ, не помышляя о самомъ себѣ, исполнять свою пророческую миссію, какъ належащую ему нужду, т.-е. какъ возложенную на него Богомъ обязанность, со всѣмъ усердіемъ и со всею небоязненностію. Послѣ трактатовъ противъ вотчиновладѣнія монастырей наибольшая часть нравственно-обличительныхъ и учительныхъ словъ, обращенныхъ къ самимъ Русскимъ, написана Максимомъ въ тверскомъ заключеніи.

Между обличительно-учительными словами преп. Максима, адресованными къ самимъ Русскимъ, должны быть нарочитымъ образомъ названы два, это: «Слово пространнѣе излагающе съ жалостію нестроеніа и безчиніа царей и властелѣхъ(-лей) послѣдняго вѣка сего» [3])

---

[1]) Cfr посланіе Максима къ Грозному, напечатанное *преосв. Филаретомъ*, которое мы указали сейчасъ выше, стр. 85.

[2]) См. сейчасъ указанное посланіе Максима къ Грозному, стр. 84 sqq.

[3]) Казанск. изд. II, 319 (Оглавленіе приведено по рукописи Московской Духовной Академіи № 42, которая принадлежала митрополиту Іоасафу).

и «Главы поучительны къ начальствующимъ правовѣрно»[1]). Въ Словѣ Максимъ обличаетъ и оплакиваетъ грабительственное правленіе бояръ въ малолѣтство Ивана Васильевича Грознаго, а въ Главахъ, написанныхъ для сего послѣдняго вскорѣ послѣ его вѣнчанія царскимъ вѣнцомъ, поучаетъ нововѣнчаннаго царя относительно того, чѣмъ долженъ быть и въ чемъ долженъ полагать свои заботы настоящій хорошій государь. Слово отличается такой необыкновенной смѣлостью и такой безпощадной рѣзкостью обличенія и бичеванія, что невольно видишь въ Максимѣ древняго пророка,—тѣхъ Исаію и Амоса, примѣромъ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, онъ старался одушевляться[2]). А главы, при совершенной небоязненности и нестѣсняемости поученія, отличаются такимъ прекраснымъ качествомъ этого послѣдняго, что подъ ними съ удовольствіемъ подписался бы всякаго времени лучшій государственный человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Вообще, эти два сочиненія Максима суть двѣ такого значенія и такой важности политическія брошюры, что однѣ способы были бы составить самую почетную славу человѣка (Увѣрены мы, что послѣ Ивана Васильевича Грознаго ни одному изъ государей нашихъ не было подаваемо ничего подобнаго Главамъ поучительнымъ, которыя адресовалъ ему Максимъ).

Мы говорили выше, что Максимъ явился у насъ проповѣдникомъ истиннаго христіанства противъ христіанства лживаго и фарисействующаго. Эта проповѣдь составляетъ главное въ его обличительно-учительныхъ словахъ, обращенныхъ къ самимъ Русскимъ.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отсутствія у народа образованія должно быть такое извращеніе христіанской вѣры, чтобы внѣшняя набожность была поставлена на мѣсто истиннаго благочестія, чтобы первой, которая сама по себѣ, безъ послѣдняго, не имѣетъ ровно никакого значенія и есть совершенное ничто въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, была усвоена вся спасающая сила. Установляется взглядъ, будто молитва и постъ (въ смыслѣ неядѣнія въ извѣстные дни скоромнаго) составляютъ то, что̀ безъ всего другаго вводитъ человѣка въ царство небесное, и люди создаютъ себѣ такое понятіе о благочестіи, чтобы,

---

[1]) Ibid. II, 157. «Тетрадка, въ ней же главы 27, списана мудро добрѣ къ самому великому князю», о которой говоритъ Максимъ въ посланіи къ казначею митр. Макарія Алексѣю,—ibidd. стр. 383 fin., содержала именно наши главы, ибо въ сейчасъ помянутой Іоасафовской рукописи онѣ читаются съ прямо обозначеннымъ (на полѣ) ихъ раздѣленіемъ на 27.

[2]) См. указанное выше посланіе Максима къ Грозному, напечатанное *преосв. Филаретомъ*, стр. 84 sqq.

не заботясь о нравственно-добрыхъ дѣлахъ, усердно заботиться о частыхъ и продолжительныхъ молитвахъ и о строгомъ соблюденіи постовъ. Этотъ печальный случай извращенія христіанства имѣлъ мѣсто съ нашими предками.

Максимъ нашелъ у насъ величайшее усердіе къ молитвѣ вмѣстѣ съ таковымъ же усердіемъ къ ея мѣстамъ—храмамъ, величайшую строгость въ соблюденіи постовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ, что въ этомъ только и полагаемо было у насъ все благочестіе: и онъ, представлявшій собою олицетвореніе пламенной ревности противъ всякой лжи, возвысилъ свой пророческій голосъ для проповѣди объ истинномъ благочестіи. Что не молитва и постъ, а подобающая христіанская жизнь и особенно дѣла любви къ ближнимъ составляютъ это истинное благочестіе,—что въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ говорилъ устами пророковъ: *милости хощу, а не жертвы, разумъ Божій, а не всесожженій* (Осіи 6, 6),—что въ Новомъ Завѣтѣ Спаситель далъ двѣ заповѣди о любви къ Богу и ближнимъ, сказавъ: «*въ сію обою заповѣдію весь законъ и пророцы висятъ* (Матѳ. XXII, 40), и еще сказавъ: *не всякъ глаголяй Мя: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное: но творяй волю Отца Моего, иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. VII, 21),—это составляетъ предметъ непрестанной и неустанной и самой настоятельной проповѣди Максима въ его обличительно-учительныхъ словахъ, обращенныхъ къ самимъ Русскимъ. «Добро, говоритъ Максимъ, поистинѣ добро и весьма спасительно—молитва и постъ, ибо одинъ утишаетъ и умерщвляетъ плотскія скоктанія и очищаетъ помыслы, а другая соединяетъ съ Богомъ и одухотворяетъ и боговиднымъ творитъ молящагося трезвенно; но если мы не имѣемъ добродѣтелей, заповѣданныхъ намъ Спасителемъ нашимъ, то молитва и постъ ни во что вмѣняются передъ праведнымъ Судіей [1])... Кто забываетъ божественные уставы, предписывающіе намъ щедроты, милость, священную любовь, благозаконіе, правду, тихость, кротость и доброе цѣломудріе и преподобное смиренномудріе, и кто думаетъ быть благовѣрнымъ только отъ неядѣнія нѣкоторыхъ брашенъ и отъ слушанія своими ушами божественныхъ словесъ: тотъ ослѣпился душевными очами и далеко отпалъ отъ священнаго собора святыхъ, ибо Господу угодны не слышатели закона, а тѣ, которые всегда прилежно соблюдаютъ его; безъ сего соблюденія все прочее безъ пользы—и воздержаніе отъ брашенъ и долгое упражненіе въ молитвахъ [2]).... Не строгимъ ли постомъ и

---

[1]) Казанск. изд. II, 349.

[2]) Ibid. стр. 68.

бдѣніями и пѣснопѣніями думаемъ мы благоугодить Богу и наипаче избѣжать онаго страшнаго суда? Но Онъ увѣнчиваетъ (на Своемъ судѣ) стоящихъ одесную его за одно только человѣколюбіе и щедроты къ нищимъ, ибо говоритъ: елико сотвористе отъ меньшихъ сихъ братій Моихъ, Мнѣ сотворили; также и стоящихъ ошуюю Онъ поношаетъ не за то, что они не исправили постовъ великихъ и бдѣній и не воспѣли Его долгими пѣніями, а за то, что никогда не показали никакого человѣколюбія къ нищимъ, которыхъ не стыдится называть и Своею братьею. Ради добрыхъ дѣлъ, показанныхъ къ живущимъ въ бѣдахъ, увѣнчаетъ тогда праведныхъ Праведный и милостивыхъ Милостивый и Человѣколюбивый, а о прочихъ исправленіяхъ и подвигахъ духовныхъ Онъ умалчиваетъ, разумѣю—многіе посты и молитвы и всенощныя стоянія и отходы въ дальныя и необитаемыя пустыни, хотя показать намъ, что безъ человѣколюбія и милости къ живущимъ въ бѣдахъ все это безполезно и ни во что Имъ не вмѣняется, ибо Самъ говоритъ: милости хощу, а не жертвы, разумъ Божій, а не всесожженія [1].... Да будетъ вѣдомо намъ благочестивымъ, что доколѣ пребываемъ во грѣхѣ, т.-е. въ преступленіи божественныхъ заповѣдей Христа Бога, то хотя бы и всѣ молитвы преподобныхъ и тропари и молебные каноны читали мы по всѣ дни и часы, отнюдь ничего не пріобрѣтаемъ, ибо самъ Владыка Христосъ говоритъ намъ, какъ бы укоряя насъ: что Ми глаголете: Господи, Господи, и не творите, яже Азъ повелѣваю, т.-е. доколѣ продолжаете преступать заповѣди Мои, напрасно призываете Меня многими и продолжительными молитвами; одна молитва благопріятна Ему и благоугодна и для насъ спасительна, это—отступить всей душой отъ всякаго преступленія святыхъ Его заповѣдей и крѣпиться въ страхѣ Его, дѣлая всякую правду съ радостію духовною и любовію нелицемѣрною» [2]).

Есть у Максима три нарочитыя слова противъ фарисейской набожности Русскихъ,—два очень краткія и одно сравнительнымъ образомъ довольно пространное. Послѣднее приведенное нами мѣсто: «Да будетъ вѣдомо намъ благочестивымъ»..., читается въ одномъ изъ этихъ словъ. Сдѣлаемъ еще выписки и изъ остальныхъ двухъ. Въ «Словесахъ, аки отъ лица Богородицы, къ лихоимцомъ и сквернымъ, всякія

---

[1]) Ibid., стрр. 98. 407 fin..

[2]) Ibid. стр. 213 («Сказаніе живущимъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими и молитвами преподобныхъ молящимся Богу во вся дни, надѣющимся спасеніе получити»).

злобы исполненымъ, а каноны всякими и различными пѣсньми угожати чающимъ», Максимъ заставляетъ говорить Божію Матерь къ обличаемому имъ мнимому праведнику: «О тварь Божія премудрая! Тогда будетъ мнѣ пріятно часто воспѣваемое (мнѣ) тобой: «радуйся», когда увижу, что ты на дѣлѣ исполняешь заповѣди Родившагося отъ меня и отступаешь всякія злобы, блуда и лжи, гордости и льсти и неправеднаго хищенія чужихъ имѣній; а пока всего этого держишься и (во всемъ этомъ) со услажденіемъ сердца пребываешь, веселясь кровью бѣдствующихъ убогихъ (братій твоихъ) и несыто высасывая изъ нихъ мозгъ двойными процентами (на ссужоныя деньги) и страшнымъ обремененіемъ въ работахъ: то ничѣмъ для меня не отличаешься отъ иноплеменника—скиѳа и христоубійственныхъ людей, хотя и хвалишься крещеніемъ. Отнюдь не внимаю тебѣ, хотя и безчисленные каноны и стихиры красногласно поешь мнѣ, ибо услышь, что Господь хощетъ милости, а не жертвы, и разума Божія, а не всесожженій. Какъ свинья, ты несытно насыщаешься всякаго студодѣянія и какъ хищникъ—волкъ похищаешь чужія стяжанія и лихоимствуешь надъ бѣдными вдовицами и изобилуешь и обливаешься всякими дѣлами беззаконными, играя зернью какъ христоненавистникъ татаринъ и пьянствуя и наслаждаясь всегда гуслями и скверными блудными пѣснями и совершенно отринувъ отъ своей мысли страхъ Божій: и ты ли думаешь благоугодить мнѣ множествомъ каноновъ и стихиръ, которыя воспѣваешь мнѣ высокимъ воплемъ? Не слышишь ли проповѣдника, явственно говорящаго, что творящіе таковое наслѣдятъ не царство Божіе? А если (наслѣдятъ) не царство Божіе, то очевидно, что вѣчную горькую муку подъ землей. Итакъ, не прельщай себя, но если желаешь избѣжать мукъ и получить царство Божіе вмѣстѣ со всѣми праведными, то совершенно отступи отъ всякой своей беззаконной злобы, а противоположныя добродѣтели возлюби отъ всей души, сокрывъ въ своей мысли страхъ Божій, любовь и желаніе небесныхъ благъ, ибо иначе невозможно тебѣ и мукъ избавиться и угодить страшному Судіи»... [1]). Въ словѣ на пожаръ тверскаго соборнаго храма Максимъ заставляетъ Акакія спрашивать Господа: за что Онъ прогнѣвался на рабовъ своихъ, когда они безпрестанно совершали Ему духовные праздники красногласными пѣніями боголѣпныхъ священниковъ и шумомъ доброгласныхъ свѣтлошумныхъ колоколовъ и различными вонями благоуханными и когда Его и пречистой Его Матери иконы велелѣпно украшали золотомъ и сребромъ и драгоцѣнными каменьями,—и влагаетъ въ уста Господа от-

---

[1]) Казанск. изд. II, 241, XV.

вѣтъ епископу: вы (не только не угождаете Мнѣ), о люди! но и наипаче прогнѣвляете Мои утробы, предлагая Мнѣ шумъ доброгласныхъ пѣній и колоколовъ и многоцѣнное украшеніе иконъ и благоуханія различныхъ воней. Если все это вы приносите Мнѣ отъ законныхъ сниcканій и праведныхъ трудовъ вашихъ и правою мыслію, какъ древній Авель: то любезны Мнѣ ваши дары и призрю на нихъ и божественными дарованіями воздарю васъ, ибо Я—праведный воздарователь и не оставлю безъ мзды и чашу студеной воды. Если же приносите Мнѣ это, о люди! отъ неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ, отъ лихоиманія и хищенія чужихъ имѣній, то не только возненавидитъ ваши дары душа Моя, какъ смѣшанные съ слезами сиротъ и бѣдныхъ вдовицъ и кровями убогихъ, но еще и вознегодуетъ на васъ, какъ приносящихъ недостойно Моей правды и человѣколюбивой мысли, (и сдѣлаю съ вашими дарами то), что или истреблю ихъ страшнымъ огнемъ или отдамъ въ расхищеніе скиѳовъ... Бойтеся притчи, перестаньте беззаконновать, постарайтесь ниневитскимъ дѣятельнымъ покаяніемъ умолить праведную ярость Мою, потому что Я есмь Богъ, не хотящій беззаконія, ненавидящій всѣхъ дѣлателей его,—имя ихъ истреблю отъ земли, а праведныхъ люблю и въ настоящемъ (вѣкѣ) защищаю ихъ, а въ будущемъ прославляю. Какое Мнѣ отъ васъ угодное служеніе? То ли, что Я видимъ есмь написанный на иконѣ носящимъ золотой вѣнецъ, а живой совсѣмъ погибаю отъ голода и мороза, тогда какъ вы сами сладко питаетесь и всегда упиваетесь и украшаете себя различными одеждами? Удовлетвори Меня въ томъ, въ чемъ Я скуденъ, и не прошу Я у тебя золотого вѣнца: Мое украшеніе и Мой златокованный вѣнецъ есть нищихъ и сиротъ и вдовицъ посѣщеніе и довольное препитаніе, какъ наоборотъ скудость у нихъ въ потребномъ есть досада мнѣ отъ васъ и самое крайнее безчестіе, хотя бы и непрестанно гремѣли вы въ храмахъ Моихъ безчисленными гласами доброгласныхъ пѣній, ибо не жертвы Я хочу, а милости. Какое Мнѣ наслажденіе отъ вашихъ красногласныхъ пѣній [1]), (когда онѣ возносятся ко Мнѣ) вмѣстѣ съ рыданіями и воздыханіями Моего нищаго, вопіющаго ко Мнѣ отъ страшнаго голода? Я называюсь судіей вдовицъ и отцомъ сирыхъ и предстателемъ нищихъ умиленныхъ: будьте подобны Мнѣ и о нихъ прилежите и словомъ и дѣломъ. Такъ какъ вы хвалитесь вонями и доброшумными колоколами и говорите, что свѣтло по-

---

[1]) Въ Казанск. изд. напечатано: «Кое же наслажденіе мыслимое вашими»..., нужно: «Кое же наслажденіе мысли Моей вашими»...

читаете Меня: то прилежно и со вниманіемъ услышьте сіе спасительное Мое ученіе и въ сердцахъ вашихъ твердо напечатлѣйте его: не для того, чтобы искать доброшумныхъ колоколовъ и пѣснопѣній и многоцѣнныхъ воней сошелъ Я на землю, о люди! и въ вашъ зракъ облекся, но желая премного вашего спасенія, котораго нѣтъ для меня ничего болѣе драгоцѣннаго; поэтому и въ книгахъ повелѣлъ Я написать Мои спасительныя заповѣди, чтобы вы могли знать, какъ подобаетъ угождать Мнѣ. Вы же книгу Моихъ словесъ снаружи и внутри весьма обильно украшаете серебромъ и золотомъ, а силу написанныхъ въ ней повелѣній Моихъ ни принимаете, ни исполнять хотите, и напротивъ поступаете такъ, что какъ будто все написанное въ ней считаете за ложь и за тщету»... [1]).

Проповѣдуя Русскимъ истинное христіанство, преп. Максимъ въ тоже время со всевозможною силою бичевалъ важнѣйшіе пороки, которые господствовали въ ихъ средѣ. Къ рѣчамъ объ этомъ мы возвратимся послѣ, когда будемъ говорить о нравственномъ состояніи русскаго общества за наше время.

До низверженія митр. Даніила съ каѳедры, что̀ случилось 2-го Февраля 1539-го года, преп. Максимъ жилъ въ тверскомъ Отрочемъ монастырѣ какъ узникъ, въ темничномъ заключеніи. Когда и кѣмъ былъ онъ освобожденъ изъ темничнаго заключенія, чтобы жить въ монастырѣ въ качествѣ одного изъ его монаховъ и такъ сказать на свободѣ его четырехъ стѣнъ, положительнымъ образомъ остается неизвѣстнымъ; но представляется вѣроятнымъ думать, что эта свобода была дарована ему болѣе или менѣе вскорѣ по низверженіи Даніила его преемникомъ Іоасафомъ. Существуетъ посланіе преп. Максима къ князю Петру Ивановичу Шуйскому [2]), сыну помянутаго выше временщика, писанное въ 1542-мъ году и именно—какъ нужно думать, не позднѣе самыхъ первыхъ мѣсяцевъ правленія митр. Макарія [3]). Но въ посланіи этомъ Максимъ не проситъ объ освобожденіи изъ темницы, чѣмъ и даетъ знать, что онъ уже былъ освобожденъ изъ нея. Касательно образа мыслей и настроенія митр. Іоасафа мы не имѣемъ совсѣмъ обстоятель-

---

[1]) Казанск. изд. II, 260.

[2]) Казанск. изд. II, 415.

[3]) Необходимо думать, что Максимъ писалъ къ Петру Ивановичу въ то время, какъ отецъ послѣдняго находился еще у кормила власти: но Иванъ Шуйскій сошелъ со сцены въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ поставленія Макарія въ митрополиты (Что въ 1542-мъ году, это видно изъ словъ Максима въ посланіи, что онъ безпричастенъ пребываетъ лѣтъ уже 17: 1525+17=1542).

ныхъ свѣдѣній; но что онъ не принадлежалъ къ числу сторонниковъ іосифлянства и вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ принадлежалъ къ числу почитателей преп. Максима, на это мы имѣемъ нѣкоторыя указанія [1]).

Освободившись изъ темницы монастыря, преп. Максимъ, естественно, долженъ былъ устремиться своими помыслами къ тому, чтобы освободиться и изъ другой, обширнѣйшей, темницы, которую составляла для него вся Россія. Но на первыхъ порахъ онъ вовсе не находилъ возможнымъ и заявлять этихъ своихъ помысловъ. Въ сейчасъ помянутомъ посланіи къ князю Петру Ивановичу Шуйскому, писанномъ въ 1542-мъ году, онъ говоритъ: «не прошу оно, да отпущенъ буду въ ону честную и многожелаемую всѣмъ православнымъ Святую гору,— вѣмъ бо и самъ, яко таковое мое прошеніе нѣсть вамъ любезно ниже благопріятно» [2]). Не прося объ отпускѣ на Аѳонъ, сначала онъ просилъ о другомъ. Осужденный митр. Даніиломъ на темничное заключеніе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, бывъ провозглашенъ еретикомъ, подвергнутъ былъ церковному запрещенію и отлученію отъ причастія святыхъ таинъ. Допущенія къ причастію святыхъ таинъ и просилъ онъ сначала. Сейчасъ помянутое посланіе къ Петру Ивановичу Шуйскому представляетъ собою просительное писаніе къ боярской думѣ, содержащее нашу просьбу; весьма вѣроятно, что одновременно съ посланіемъ къ Шуйскому онъ посылалъ просительное посланіе — писаніе, адресованное и прямо самой думѣ, но это послѣднее остается неизвѣстнымъ намъ; въ посланіи же къ Шуйскому Максимъ высказываетъ свою просьбу: «прошу отъ вашея велелѣпныя свѣтлости, да мя сподобите причастія пречистыхъ и животворящихъ христовыхъ таинъ, ихже непричастенъ пребываю лѣтъ ужь 17-ть» [3]). Къ посланіямъ, адресованнымъ Шуйскому и думѣ (если второе посланіе было) Максимъ приложилъ оправдательное списаніе, подъ заглавіемъ: «Исповѣданіе православной вѣры Максима инока изъ Святыя горы, имже извѣщаетъ о Христѣ Іисусѣ всякаго православнаго же священника же и князя, что по всему истиннѣйши есть православенъ инокъ, всю православну вѣру

---

[1]) Что Іоасафъ не принадлежалъ къ числу сторонниковъ іосифлянства, объ этомъ см. выше стр. 742 нач. Что онъ принадлежалъ къ числу почитателей преп. Максима, объ этомъ, послѣ сказаннаго нами о немъ выше, можно еще заключать изъ того, что сохранился принадлежавшій ему сборникъ сочиненій Максима,—ркп. Московской Духовной Академіи фундамент. № 42.

[2]) Казанск. изд. стр. 418.

[3]) Казанск. изд. стр. 418.

соблюдая цѣлу и непремѣнну и непорочну» [1]), въ которомъ кромѣ извѣщенія о своемъ православіи, состоящемъ въ изложеніи православнаго ученія вѣры, оправдывается отъ обвиненій, взведенныхъ на него по поводу исправленія имъ нашихъ богослужебныхъ книгъ и имѣвшихъ значеніе не только въ глазахъ митр. Даніила, но и всего русскаго общества.

На первый разъ Максимъ не имѣлъ успѣха съ своей просьбой, но скоро онъ достигъ его, и это благодаря митр. Макарію, который питалъ къ нему величайшее уваженіе.

Съ посланіемъ къ Петру Ивановичу Шуйскому и съ прошеніемъ къ боярской думѣ, какъ мы сказали, Максимъ обращался не позднѣе самыхъ первыхъ мѣсяцевъ правленія Макарія. Вскорѣ послѣ этого у него начались сношенія съ митрополитомъ. Не знаемъ, было ли такъ, что самъ Макарій обратился къ Максиму съ изъявленіемъ своего уваженія къ нему и съ предложеніемъ денежной помощи или Максимъ обратился къ нему съ своей просьбой, только митрополитъ на первый разъ отвѣчалъ Максиму, что узы его цѣлуетъ, яко единаго отъ святыхъ, но пособить ему не можетъ, потому что живъ связавшій его, т. е. Даніилъ, который одинъ и имѣетъ право разрѣшить его. По совѣту ли Макарія или самъ по себѣ Максимъ написалъ посланіе Даніилу, въ которомъ просилъ у него разрѣшенія отъ несправедливо наложеннаго запрещенія [2]). Но Даніилъ, опасавшійся, что при изъявленіи имъ готовности снять запрещеніе, Максимъ потребуетъ новаго соборнаго суда, который бы оправдалъ его—Максима и слѣдовательно обвинилъ его—Даніила, отказался снять запрещеніе и указалъ Максиму какъ на средство достигнуть своей цѣли—притвориться опасно больнымъ (ибо, по правиламъ каноническимъ, и находящіеся подъ запрещеніемъ, въ случаѣ смертной болѣзни, должны быть сподобляемы причастія,—1-го всел. собора пр. 13). Тогда Максимъ написалъ Макарію посланіе, въ которомъ говоритъ, что не ищетъ суда, а милости, и не отмѣтается причастія и безъ суда,—что сокровеннѣ и со лжою причащаться божественныхъ таинъ онъ нѣсть ученъ отъ святыхъ апостолъ и преподобныхъ отецъ и что «еже по Бозѣ и правдою связано, (того) инъ разрѣшити не можетъ, живу сущу связавшему, а еже неправедно и по страсти и по гнѣву безсловесному связанное не

---

[1]) Казанск. изд. I. 23. Это Исповѣданіе Максимъ называетъ въ послѣдующихъ своихъ писаніяхъ и посланіяхъ «ливелью» (libellum).

[2]) Казанск. изд. II. 367.

токмо разрѣшитися отъ иного мощно есть, но ниже силу соуза имать отнюдъ» [1]). Не знаемъ, какъ было далѣе,—убѣдилъ ли Макарій Даніила снять съ Максима запрещеніе или онъ сдѣлалъ это собственною властію; но запрещеніе было снято съ Максима. Случилось это, какъ слѣдуетъ заключать изъ дальнѣйшаго, не позднѣе 1543-го года или втораго года правленія Макарія [2]).

Освобожденный отъ запрещенія, Максимъ тотчасъ же началъ стараться о томъ, чтобы испросить себѣ отпускъ на Аѳонъ. Но, увы! въ семъ случаѣ всѣ его старанія были совершенно напрасными. Если уже въ 1525-мъ году, рѣшено было не выпускать его изъ Россіи, потому что онъ «человѣкъ разумной и увѣдалъ наша добрая и лихая и ему пришодъ туда (въ Грецію) все сказывати» [3]); то тѣмъ болѣе не могъ онъ быть выпущенъ, когда прожилъ въ Россіи, чтобы совершеннѣйшимъ образомъ узнать все ея лихое, и еще 20 лѣтъ и когда на основаніи того, чѣмъ были для него эти 20 лѣтъ, существовали самые полные резоны опасаться, что все это лихое онъ выставитъ на позоръ всего свѣта.

Съ просьбою объ отпускѣ на Аѳонъ Максимъ обратился къ государю и къ боярской думѣ въ 1544-мъ году или на другой годъ послѣ того, какъ освободился отъ церковнаго запрещенія [4]). Когда просьба

---

[1]) Это посланіе, изъ котораго узнаемъ и предшествующее, напечатано *преосв. Филаретомъ* въ приложеніи къ статьѣ: «Максимъ Грекъ», помѣщенной въ Москвитянинѣ, 1842-го г. № 11, стр. 91. Издатель полагаетъ, что оно адресовано митр. Іоасафу, но въ немъ говорится о преподобномъ инокѣ Алексѣѣ, протосиггелѣ и сосудохранителѣ митрополита, а это казначей митр. Макарія,—см. Извѣстій Археолог. Общ. т. III, стр. 49 fin.. Вмѣстѣ съ самимъ митрополитомъ Максимъ писалъ и къ этому его казначею (принимаемому учеными за Адашева, хотя въ самомъ посланіи: «преподобне отче»),—Казанск. изд. II, 382. Въ опроверженіе клеветъ Даніиловыхъ на себя Макарію, Максимъ приложилъ къ посланію, которое адресовалъ послѣднему, оправдательное списаніе: «Словцо отвѣщательно о книжномъ исправленіи»,—Казанск. изд. III, 79.

[2]) Въ 1544-мъ году, о чемъ сейчасъ ниже, Максимъ просится на Аѳонъ и не проситъ о допущеніи къ причастію, слѣдовательно—былъ уже допущенъ.

[3]) Акт. Эксп. т. I, № 172, стр. 143 col. 1.

[4]) Просительное посланіе къ государю (который еще не называется царемъ)—Казанск. изд. II, 376. Просьбу къ боярской думѣ представляетъ собою «Слово отвѣщательно о исправленіи книгъ русскихъ»,—ibid. III, 60 (Указывая время написанія Слова, Максимъ говоритъ, сколько лѣтъ онъ одержимъ постигшими его въ 1525-мъ г. «лютыми»; но въ разныхъ спискахъ цифра лѣтъ различная: въ однихъ

осталась неуслышанною, Максимъ рѣшился дѣйствовать чрезъ своихъ ватопедскихъ монаховъ. Эти послѣдніе убѣдили патріарховъ константинопольскаго и александрійскаго написать о Максимѣ въ Москву и вмѣстѣ съ тѣмъ написали и сами [1]). А когда получены были въ Москвѣ оставшіяся безъ всякаго дѣйствія восточныя просьбы, онъ и самъ снова обращался было съ посланіями къ государю и къ митрополиту [2]).

Обращаясь въ Москву съ напрасными просьбами объ отпускѣ на Аѳонъ, Максимъ прожилъ въ тверскомъ Отрочемъ монастырѣ до 1551-го года. Въ этомъ послѣднемъ году игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Артемій, почитатель его образа мыслей и его направленія, выпросилъ его себѣ къ Троицѣ. Въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, послѣ 5 лѣтъ жизни въ немъ, Максимъ и скончался въ 1556-мъ году (неизвѣстнаго мѣсяца и числа), доживъ, не смотря на всѣ перенесенныя страданія, до лѣтъ весьма преклонной старости.

Подробный обзоръ письменныхъ трудовъ преп. Максима мы сдѣлаемъ во второй половинѣ тома, въ главѣ о литературѣ взятаго нами періода времени.

Въ правленіе митр. Макарія было обнаружено у насъ существованіе ереси раціоналистической (антитринитаріанской) и вмѣстѣ съ нею еретическаго вольномыслія, которое представляло изъ себя большій или меньшій протестантизмъ. Послѣдователи ереси и люди, зараженные вольномысліемъ, насколько тѣ и другіе были открыты, подвергнуты были церковному соборному суду и осужденію и затѣмъ гражданскому наказанію.

---

19 лѣтъ, въ другихъ 18, въ иныхъ—15; подлинною цифрою нужно считать первую, такъ что 1525+19=1544). Государю Максимъ препроводилъ вмѣстѣ съ посланіемъ «словесъ (своихъ) тетратки» (посланія конецъ).

[1]) Посланіе къ царю патріарха константинопольскаго Діонисія, отъ лица собора, который поставилъ его въ патріархи (что было 17-го Апрѣля 1546-го г.,— Крузія Turcograecia, p. 165 fin.) и на которомъ присутствовалъ и случившійся въ Константинополѣ патріархъ іерусалимскій Германъ, написанное въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1546-го года,—въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1834-го года, въ статьѣ: «О трудахъ Максима Грека», стр. 272, и въ Сношеніяхъ съ Востокомъ *Муравьева*, 1, 44. Посланіе патріарха александрійскаго Іоакима отъ 4-го Апрѣля 1545-го года — въ томъ же Журналѣ, ibid. стр. 275, въ Акт. Историч. т. I, № 297, и у Муравьева ibid. стр. 46 (у послѣдняго годъ выставленъ неправильно).

[2]) Посланіе къ государю, котораго Максимъ называетъ царемъ, слѣдовательно—писанное послѣ 16-го Января 1547-го года,—Казанск. изд. II. 346. Посланіе къ митрополиту ibidd. стр. 357.

Существованіе ереси и вмѣстѣ вольномыслія было обнаружено слѣдующимъ образомъ. Въ великомъ постѣ 1553-го года пришелъ на исповѣдь къ священнику московскаго Благовѣщенскаго собора, по имени Сумеону, боярскій сынъ Матвѣй Семеновъ Башкинъ [1]). Какъ на самой исповѣди, такъ и въ послѣдующихъ домашнихъ бесѣдахъ о вѣрѣ, новый сынъ духовный показался священнику человѣкомъ необычнымъ, потому что простиралъ къ нему многіе вопросы недоумѣнные, высказывалъ взгляды на христіанскую нравственность, показавшіяся ему странными и толковалъ апостолъ развратнымъ (неправильнымъ) образомъ. Заподозривъ чистоту образа мыслей Башкина, Сумеонъ сказалъ объ его недоумѣнныхъ вопросахъ и развратномъ толкованіи апостола, въ Петровомъ постѣ того же года, товарищу своему священнику Сильвестру, извѣстному любимцу царя Ивана Васильевича. Сильвестръ, уже и прежде того слышавшій, что про Башкина носится слава недобрая, донесъ о немъ вмѣстѣ съ Сумеономъ государю. Послѣдній приказалъ схватить Башкина и такъ какъ въ минуту доноса собирался поѣхать изъ Москвы въ Коломну, то до своего возвращенія велѣлъ отдать его двумъ старцамъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, съ тѣмъ, чтобы эти разсматривали его житіе и производили ему допросъ. Сначала Башкинъ исповѣдывалъ себя православнымъ христіаниномъ и не хотѣлъ сознаться ни въ какомъ неправомысліи; но потомъ его постигъ гнѣвъ Божій: началъ онъ страшно бѣсноваться, извѣшивать вонъ свой языкъ и кричать разными голосами; пришедши послѣ сего въ разумъ, онъ услышалъ страшный гласъ Богородицы, повелѣвающій ему покаяться и открыть своихъ единомысленниковъ,—это онъ и сдѣлалъ, исписавъ своей рукой всѣ свои ереси и указавъ своихъ единомысленниковъ [2]). Самъ Башкинъ оказался еретикомъ—раціо-

---

[1]) Священникъ Сумеонъ, родомъ псковитинъ, переведенный изо Пскова въ Москву, вѣроятно митр. Макаріемъ и, вѣроятно, въ одно время съ Сильвестромъ, былъ потомъ Благовѣщенскимъ протопопомъ и духовникомъ государевымъ (послѣ протопопа Андрея, послѣдующаго митрополита Аѳанасія, который постригся въ монахи за два года до смерти митр. Макарія. — Собр. лѣтт. IV, 315) и окончилъ жизнь въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ, въ которомъ постригся съ именемъ Симона при игуменѣ Евѳиміи Турковѣ (1575—1587), см. запись на оставшемся послѣ него въ Волоколамскомъ монастырѣ служебникѣ, теперь находящемся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, изъ Волоколл. № 83 (запись напечатана въ Описаніи Волоколамскихъ рукописей, находящихся въ библіотекѣ Академіи,— стр. 9).

[2]) Показанія о Башкинѣ священниковъ Сильвестра и Сумеона въ Акт. Эксп. т. I, № 238, III и IV, стр. 246 sqq., и въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-го

налистомъ. Но въ своемъ оговорѣ единомысленниковъ онъ указалъ не только такихъ же, какъ онъ, еретиковъ—раціоналистовъ, но и людей, болѣе или менѣе зараженныхъ еретическимъ вольномысліемъ, имѣвшимъ характеръ протестантизма. А такимъ образомъ, одновременно и открыто было существованіе одного и другого класса еретиковъ.

Еретиковъ—раціоналистовъ, о которыхъ мы скажемъ сначала, было открыто двѣ группы: это—Башкинъ съ его товарищами и потомъ монахъ одного изъ заволжскихъ монастырей Ѳеодосій Косой съ своими учениками.

Ереси Башкина и Косаго если не представляли совсѣмъ одну и ту же ересь, то во всякомъ случаѣ были весьма близки одна къ другой. Оба они отвергали троичность Божества и не признавали Іисуса Христа за Бога; оба они отвергали всю внѣшнюю христіанскую церковь, какъ позднѣйшее (послѣ Христа) человѣческое созданіе или измышленіе. Однако это тождество ересей или весьма близкое сходство ихъ между собой есть только случайное, ибо онѣ розны по своему происхожденію: одна имѣетъ одинъ источникъ этого происхожденія, другая—другой.

Башкинъ заразился раціоналистическимъ ученіемъ, какъ онъ самъ показывалъ о себѣ и въ чемъ не вѣрить ему нѣтъ никакого основанія, отъ двухъ, жившихъ въ Москвѣ Поляковъ или, можетъ быть, Русскихъ изъ Литвы—Матвѣя аптекаря и Андрея Хотѣева [1]). Относительно раціонализма самихъ сейчасъ названныхъ двухъ Поляковъ или литовскихъ Русскихъ мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго. Извѣстно, что западные проповѣдники унитаризма или антитринитаризма нашли въ Польшѣ съ Литвой главное для себя убѣжище и что здѣсь оказалось возможнымъ для нихъ существованіе въ видѣ особой секты; но сколько знаемъ, они начали появляться здѣсь не ранѣе 1551-го года [2]), такъ что раціонализмъ названныхъ двухъ какъ будто

года № 3, отд. II, стр. 18 sqq; грамота митрополита о Троицкомъ игуменѣ Артеміи въ Соловецкій монастырь въ Акт. Эксп. т. I, № 239, стр. 250 col. 2; Никон. лѣт. VII, 203 fin..

[1]) «А злое ученіе,—сказалъ (Башкинъ),— принялъ (онъ) отъ Литвина Матюшки оптекаря да Ондрюшки Хотѣева, латыниковъ»,—Никон. лѣт. VII, 204 sub fin.. Дьякъ Висковатый, о дѣлѣ котораго ниже, ссылается относительно одного латинскаго мнѣнія на Матиса (Матія) Ляха,—Акт. Эксп. т. I, № 238, стр. 242 col. 2, и Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-го г. № 3, отд. II, стр. 10 col. 2 (въ обоихъ случаяхъ вмѣсто Ляхъ читается Няхъ). Весьма вѣроятно, что это—нашъ Матвѣй аптекарь.

[2]) Въ 1551 г. посѣтилъ Польшу Лелій Социнъ, племянникъ котораго Фаустъ Социнъ основалъ потомъ въ ней секту Социніанъ.

не можетъ быть производимъ отъ нихъ. Какъ бы то ни было, но, принимая фактъ, что совратителями Башкина были двое Поляковъ или двое литовскихъ Русскихъ, мы должны допустить—или что наши свѣдѣнія о началѣ западнаго унитаризма въ Польшѣ—Литвѣ недостаточны [1]), или что раціонализмъ совратителей Башкина долженъ быть производимъ изъ другаго, неизвѣстнаго намъ, источника.

Что касается до раціоналистическаго ученія Ѳеодосія Косаго съ его учениками—заволжскими старцами, то оно было видоизмѣненнымъ продолженіемъ ереси Жидовствующихъ.

Мы говорили выше, что соборъ 1504-го года положилъ конецъ существованію секты Жидовствующихъ, какъ секты, но что отдѣльные послѣдователи ереси успѣли спастись отъ полицейскихъ розысковъ, которые произведены были передъ соборомъ. Многіе или нѣкоторые изъ этихъ отдѣльныхъ послѣдователей нашли себѣ убѣжище въ пустыняхъ заволжскихъ, гдѣ ересь и продолжала свое существованіе, чтобы потомъ выступить въ видѣ христіанскаго раціонализма, освобожденнаго отъ всего жидовскаго.

По вопросу объ отношеніи къ Жидовствующимъ церкви и государства заволжскіе старцы съ преп. Ниломъ Сорскимъ во главѣ выступили противниками большинства нашего духовенства, имѣвшаго въ своей главѣ преп. Іосифа Волоколамскаго. Послѣднее требовало смертной казни еретиковъ главнѣйшихъ и не хотѣло принимать покаянія еретиковъ, оставленныхъ въ живыхъ, приносившагося ими послѣ осужденія; напротивъ, заволжскіе старцы съ Ниломъ были противъ смертной казни еретиковъ и стояли за то, чтобы принимать ихъ покаяніе, изъявленное когда бы то ни было. Съ величайшей и самой страстной враждой относились представители большинства къ мнѣнію своихъ противниковъ; но и эти въ свою очередь относились съ такой же враждой къ мнѣнію большинства. Когда мнѣніе послѣдняго одержало рѣшительную побѣду, то гнѣвъ и мщеніе заволжскихъ старцевъ за понесенное пораженіе выразились такимъ образомъ, что они захотѣли

---

[1]) Принимается на основаніи существующихъ извѣстій, что итальянскіе вольномысленные люди, образовавшіе изъ себя (въ Виченцѣ) между 1531-мъ и 1542-мъ гг. (послѣ того, какъ въ первомъ изъ годовъ Михаилъ Серветъ, Испанецъ, напечаталъ свою книгу: De trinitatis erroribus) общество унитаріевъ, спасаясь изъ отечества отъ учрежденной въ немъ во второмъ изъ годовъ инквизиціи, бѣжали въ Турцію, Моравію и Швейцарію и что бѣжавшіе въ послѣднюю и начали потомъ, послѣ 1551-го г., переходить въ Польшу. Но могло быть и такъ, что нѣкоторые прямо изъ Италіи бѣжали въ Польшу.

быть какъ бы укрывателями еретиковъ, предоставивъ имъ у себя полную свободу. Что это было дѣйствительно такъ, положительное свидѣтельство объ этомъ даютъ извѣстія о Вассіанѣ Косомъ. Несомнѣнно, что Вассіанъ нисколько не былъ Жидовствующимъ и что вообще онъ былъ совершенно православнымъ (за исключеніемъ того, что въ неразумномъ такъ сказать иперправославіи держался ереси нетлѣнномнимой); но когда открыты были въ его пустынѣ два монаха, державшіеся жидовства, то онъ употребилъ всѣ свои старанія, чтобы закрыть и спасти ихъ [1]). Свобода, предоставленная еретикамъ въ пустыняхъ, какъ само собою понятно, составляла тайну по отношенію къ правительству духовному и свѣтскому; а поэтому, необходимо думать, она тамъ выражалась такимъ образомъ, что принято было не спрашивать кого бы то ни было относительно образа мыслей и что каждый былъ предоставленъ тамъ въ семъ отношеніи самому себѣ.

Такъ, въ пустыняхъ заволжскихъ нашла себѣ убѣжище послѣ собора 1504-го года ересь Жидовствующихъ, и ея-то раціонализмъ, бывъ очищенъ отъ жидовства, и явился въ видѣ христіанско-раціоналистической ереси Ѳеодосія Косаго. Кто былъ преобразователемъ ереси жидовской въ христіанскій раціонализмъ—самъ ли Ѳеодосій Косой или кто нибудь другой прежде него, положительнымъ образомъ сказать не можемъ; но вѣроятнѣйшимъ представляется думать первое [2]).

Возвращаемся къ Башкину и его ереси.

Заразившись раціонализмомъ отъ Поляковъ или Литовцевъ Матвѣя аптекаря и Андрея Хотѣева, Башкинъ путешествовалъ въ Заволжье для знакомства съ тамошними раціоналистами [3]). Это знакомство, очень можетъ быть, имѣло своимъ слѣдствіемъ и то, что, дотолѣ болѣе или менѣе отличный отъ заволжцевъ въ своихъ еретическихъ мнѣніяхъ, Башкинъ сблизился и объединился съ ними.

Мы дали знать выше, что Башкинъ былъ совращенъ въ раціонализмъ нашими Поляками или Литовцами не одинъ, а съ товарищами.

---

[1]) См. письмо о нелюбкахъ между старцами Кирилловскими и Іосифовскими, въ Прибавлл. къ творр. свв. отцц. X, 506.

[2]) Обличитель ереси Косаго Зиновій Отенскій, о которомъ ниже, прямо говоритъ, что именно Косой придумалъ для книгъ Моисеевыхъ, составлявшихъ фундаментъ его вѣроученія, новое названіе «столповыхъ книгъ» (Казанск. изд. его Истины показанія стр. 210) и тѣмъ даетъ знать, что именно онъ былъ ересіархомъ или преобразователемъ ереси.

[3]) Никон. лѣт. VII, 204: «Да и на старцовъ на заволскихъ говорилъ (Башкинъ), что его злобы не хулили и утвержали его въ томъ».

Этихъ товарищей было показано Башкинымъ два человѣка—вѣроятно, московскіе жители, братья Григорій и Иванъ Тимоѳеевы Борисовы [1]).

Схваченный въ Петровъ постъ 1553-го года Башкинъ съ сейчасъ помянутыми товарищами былъ соборно. сужденъ и осужденъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ того же года. Послѣ соборнаго осужденія всѣ трое посланы были для пожизненнаго заключенія въ монастыри: Башкинъ въ Іосифовъ Волоколамскій, одинъ изъ Борисовыхъ—въ Валамскій, другой—неизвѣстно въ какой [2]).

До насъ не сохранилось ни собственнаго покаяннаго исповѣданія Башкина [3]) ни акта соборнаго суда надъ нимъ [4]), или, по крайней мѣрѣ, одно и другой остаются до сихъ поръ неизвѣстными. Изложеніе еретическаго ученія Башкина и его товарищей мы находимъ: въ грамотѣ митрополита Макарія въ Соловецкій монастырь о бывшемъ Троицкомъ игуменѣ Артеміи (о которомъ скажемъ ниже [5]) и въ посланіи царя Ивана Васильевича къ преп. Максиму Греку [6]). Такъ какъ митрополитъ и государь излагаютъ ученіе дословнымъ образомъ сходно, то должно думать, что они воспроизводятъ изложеніе изъ одного и того же источника, по всей вѣроятности—изъ соборнаго акта. Грамота и посланіе представляютъ ученіе въ слѣдующемъ видѣ: 1) Господа Бога и Спаса нашего Іисусъ-Христа неравна Его Отцу повѣдаютъ;

---

[1]) Никон. лѣт. VII, 204, cfr Акт. Эксп. т. I. № 289, стр. 355, ящ. 229.

[2]) Современная запись о Башкинѣ въ рукописи Волоколамскаго монастыря, нынѣ Московской Духовной Академіи, № 362, л. 305 нач.: «Осудилъ ихъ (Башкина съ товарищами) государь царь православный, князь великій, Іоаннъ Василіевичъ да преосвященный Макарей митрополитъ и со всѣмъ священнымъ соборомъ въ лѣто 7062-е Декабря и въ заточенія ихъ разослали; Матѳѣй Башкинъ—привезли его въ Іосифовъ Декабря 22, въ пятокъ, привезъ Германъ архимандритъ» (Старицкій, послѣ Свіяжскій?). О ссылкѣ Ивана Борисова въ Валаамскій монастырь изъ котораго онъ бѣжалъ въ Свейскую землю (Швецію), см. Акт. Эксп. т. I. № 289, ящ. 229. Что осудили еретиковъ неисходнымъ быти (въ заключеніи), да не сѣютъ злобы своея роду человѣческому,—Никон. лѣт. VII, 204 fin..

[3]) Пришедъ въ раскаяніе, Башкинъ «исписа своею рукою о всемъ подлинно—и свое еретичество и хулы и свои единомысленники», — Акт. Эксп. т. I, № 239, стр. 250 col. 2 fin..

[4]) Въ описи царскаго архива, составленной при Грозномъ,—Акт. Эксп. т. I № 289: «ящикъ 189. а въ немъ дѣла соборные подлинные, въ листѣхъ, за митрополичьею рукою, 62, 63 (т.-е. 7062-мъ и 63-мъ годовъ) Матѳея Башкина и Артема, бывшаго Троицкаго игумена и иныхъ»; см. еще ящикъ 222.

[5]) Акт. Эксп. т. I, № 239, стр. 250 col. 1 sub fin..

[6]) Акт. Ист. т. I, № 161, стр. 297 col. 2.

2) честное и святое тѣло Господа нашего Іисусъ-Христа и честную и святую Его кровь ни во чтожъ полагаютъ, но токмо простъ хлѣбъ и просто вино вмѣняютъ; 3) святую и соборную апостольскую церковь отричютъ, глаголюще, яко вѣрныхъ соборъ—сіе есть токмо церковь, сія же зданная ничтоже есть; 4) божественныя плоти Христовы вообраяженіе и пречистыя Богоматере и всѣхъ святыхъ Его честныхъ иконъ изображеніе идолы наричютъ; 5) покаяніе ни во что же полагаютъ, глаголюще: какъ престанетъ (человѣкъ) грѣхъ творити, аще у священника и не покается, то нѣсть ему грѣха; 6) отеческая преданія и ихъ житія баснословіе вмѣняютъ и на седмь вселенскихъ соборъ святыхъ отецъ гордость возлагаютъ, глаголюще, яко все себя дѣля писали, чтобъ имъ всѣмъ владѣти и царскимъ и святительскимъ; 7) вся божественная Писанія (святыхъ отецъ) баснословіе наричютъ, апостолъ же и евангелье не истинно (но по своему) излагаютъ (объясняютъ, толкуютъ).

Въ посланіи митрополита въ Соловецкій монастырь объ Артеміи послѣ формальнаго, переданнаго нами, изложенія ереси Башкина, читаются еще нѣкоторыя дополнительныя извѣстія относительно его ученія о лицѣ Іисуса Христа. Онѣ суть слѣдующія: «Матѳѣй Башкинъ Сына единороднаго отъ Отца роздѣлилъ и неравна Сына Отцу именовалъ, и говорилъ такъ: ««и что грубо учиню Сыну и во страшное пришествіе Отецъ мя можетъ избавить отъ муки, и а что грубо учиню Отцу и Сынъ не избавитъ мя отъ муки»»; и молился Матѳѣй единому Богу Отцу, а Сына и святаго Духа отставилъ» [1]).

Характеристику нравственнаго ученія и поведенія Башкина и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторую характеристику его, какъ живаго человѣка, даетъ намъ священникъ Сүмеонъ въ своемъ донесеніи о немъ митрополиту. Священникъ пишетъ: «Матѳей (Башкинъ) въ великій постъ у меня на исповѣди былъ, а сказывалъ на исповѣди: христіанинъ-де есмь, вѣрую въ Отца и Сына и Святаго Духа и поклоняюся образу Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистѣй Богородицѣ и великимъ чюдотворцемъ и всѣмъ святымъ, на иконѣ написаннымъ, а тогды меня великими клятвами и моленіемъ умолилъ на исповѣдь приняти, и я его принялъ; да тутъ мнѣ говорилъ: великое-де дѣло ваше, написано-деи: ничтожъ сея любви больши, еже положити душу свою за други своя, и вы-де по насъ души свои полагаете и бдите о душахъ нашихъ, яко слово воздати вамъ въ день судный; и послѣ того

---

[1]) Ibid. стр. 253 col. 1.

пріѣзжалъ ко мнѣ на подворье (на домъ) да челъ бесѣды евангельскія, да что написано найдетъ тамо, якожъ ти (быти?) христіаномъ, да учалъ мнѣ говорити: Бога ради пользуй мя душевне, надобеть-де, что̀ написано въ бесѣдахъ тѣхъ, честь, да на слово не надѣятись, быти бъ и дѣломъ свершитися (т.-е. не ограничиваться только тѣмъ, чтобы знать написанное, но стремиться исполнять и на дѣлѣ), да все-де начало отъ васъ, прежде вамъ священникомъ собою начало показати да и насъ научити; да туто жъ въ евангеліи есть: «научитеся отъ Меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть»: ино-де которая нужа человѣку быти смирну, кротку и тиху? то-де все, что̀ на васъ лежитъ, первое-де вамъ творити да и насъ учити; и послѣ того прислалъ по меня человѣка и я къ нему пріѣхалъ, и учалъ (өнъ) говорити: во апостолѣ-де написано: «весь законъ въ словеси скончавается: возлюбиши искренняго своего, яко самъ себе, аще себе угрызаете и снѣдаете, блюдите, да не другъ отъ друга снѣдени будите», а мы-де Христовыхъ рабовъ у себя держимъ, Христосъ всѣхъ братьею нарицаетъ, а у насъ-де на иныхъ и кабалы, на иныхъ—бѣглыя, а на иныхъ—нарядныя, а на иныхъ—полныя, а я-де благодарю Бога моего, у меня-де что было кабалъ полныхъ, то-де есми все изодралъ да держу-де, государь, своихъ добровольно: добро-де ему и онъ живетъ, а не добро и онъ куды хочетъ, а вамъ отцемъ пригоже посѣщати насъ почасту и о всемъ наказывати, какъ намъ самимъ жити и людей у себя держати, не томити»[1])...

Въ сейчасъ приведенныхъ словахъ Башкинъ изображается намъ какъ человѣкъ съ горячимъ религіознымъ чувствомъ и вмѣстѣ съ глубокимъ и живымъ чувствомъ нравственнымъ,—какъ человѣкъ, котораго неотступно и настоятельно занимала мысль о своемъ нравственномъ самоусовершеніи. А это совсѣмъ необычное дѣло, каково—дарованіе свободы рабамъ, показываетъ въ немъ человѣка, способнаго къ высокому религіозному увлеченію. Подобный человѣкъ, естественно, долженъ былъ обладать наклонностью къ тому, чтобы слушать проповѣдь противъ внѣшне-обрядоваго, мертваго, христіанства. Но, склонивъ свой слухъ къ проповѣди Матвѣя аптекаря и Андрея Хотѣева, Башкинъ и увлеченъ былъ ими, при своей, какъ нужно думать, увлекающейся натурѣ, слишкомъ далеко...

Приходъ Башкина на исповѣдь къ священнику Сумеону показываетъ, что онъ былъ взятъ въ то время, какъ находился на пути воз-

---

[1]) Акт. Эксп. т. I, № 238. IV, стр. 248. Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-го. № 3. отд. II, стр. 22.

вращенія отъ невѣрія къ вѣрѣ. Если онъ пришелъ къ священнику на исповѣдь и умолилъ его допустить къ ней великими клятвами и моленіемъ, если онъ настоятельно просилъ священника пользовать его душевне: то ясно, что онъ тяготился невѣріемъ и искалъ примирить себя съ вѣрою. Будучи схваченъ, Башкинъ сначала заперся въ своихъ ересяхъ, а потомъ, пораженный бѣснованіемъ, началъ каяться. Какъ думаемъ, это нужно понимать такъ, что сначала онъ заперся изъ страха, а потомъ отъ мучительнаго думанія надъ тѣмъ, открываться или не открываться, дошелъ до душевной (отъ разстройства нервовъ) болѣзни и рѣшился чистосердечно раскаяться.

Почему Башкинъ, несмотря на свое чистосердечное раскаяніе, все-таки посланъ былъ въ пожизненное заключеніе, не можемъ сказать. Можетъ быть, возобладалъ на соборѣ тотъ іосифовскій принципъ, что отъ еретика захваченнаго не пріемлется покаяніе (и если это такъ, то весьма не рекомендуетъ соборъ и прежде всего, конечно, митрополита, ибо Башкинъ, рѣшившійся на то, чтобы искать истину въ церкви, самъ стремился къ тому, чтобы быть взятымъ); можетъ быть, знали (успѣли узнать) его нетвердый характеръ и опасались, что онъ снова отпадетъ къ ереси, чтобы выступить ея пропагандистомъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что представленное нами выше оффиціальное изложеніе еретическаго ученія Башкина вовсе не заботится о томъ, чтобы изобразить точнымъ образомъ именно его ученіе, не захватывая ученія Косаго. На это мы имѣемъ положительныя указанія въ самомъ изложеніи [1]). Но вообще мы не имѣемъ возможности къ тому, чтобы изобразить ересь Башкина настояще точнымъ образомъ.

Обращаемся къ Ѳеодосію Косому.

Историческія свѣдѣнія о Ѳеодосіи, получившемъ прозваніе Косаго отъ физическаго недостатка косоглазія, состоятъ въ томъ, что онъ былъ приближенный и должностной рабъ или дворовый человѣкъ одного изъ московскихъ знатныхъ бояръ (ключникъ, дворецкій),—что, бѣжавъ отъ господина, онъ постригся на Бѣлоозерѣ въ монахи,—что прежде обличенія въ ереси онъ провелъ въ монашествѣ болѣе или

[1]) Въ изложеніи читается: Башкинъ и его товарищи хулу глаголютъ на Господа Бога и Спаса нашего Іисусъ Христа и неравна Его Отцу повѣдаютъ; «нѣціи жъ еще и другихъ поучаютъ на сіе злочестіе»,—Акт. Эксп. стр. 250, col. 1 sub fin. Это «нѣціи» несомнѣнно относится не къ Башкину съ товарищами, а къ Ѳеодосію Косому съ учениками.

менѣе продолжительное время,—что какъ монаху ему много угождалъ и его бывшій господинъ [1]).

Вслѣдствіе оговора Башкина или другихъ, оговоренныхъ послѣднимъ, заволжцевъ, Косой пойманъ былъ въ концѣ 1553-го года или въ 1554-мъ году [2]). Привезенный въ Москву для суда и посаженный въ заключеніе въ одномъ изъ здѣшнихъ монастырей, онъ успѣлъ прежде или послѣ произнесенія надъ нимъ суда, освободиться изъ заключенія и бѣжалъ въ Литву [3]).

Мы такъ же не имѣемъ акта соборнаго суда надъ Косымъ, если только онъ былъ, какъ не имѣемъ этого акта суда надъ Башкинымъ. Свѣдѣнія объ его ереси мы находимъ въ двухъ полемическихъ противъ него сочиненіяхъ. Одно изъ сочиненій написано монахомъ новгородскаго Отенскаго монастыря [4]) Зиновіемъ; другое—монахомъ неизвѣстнымъ по имени и неизвѣстнаго монастыря. Къ Зиновію, который въ не совсѣмъ достовѣрныхъ извѣстіяхъ называется ученикомъ преп. Максима Грека, который самъ называетъ своихъ учителей людьми просвѣщенными и который, представляя собою весьма замѣчательное для XVI вѣка явленіе, былъ человѣкъ въ собственномъ смыслѣ слова образованный, пришли въ 1566-мъ году два монаха старорусскаго Спасскаго монастыря и третій міррянинъ, всѣ полузаражонные ересью Косаго, и настоятельно просили его, какъ человѣка ученаго, сказать о послѣдней свое мнѣніе. Въ отвѣтъ на просьбу пришедшихъ, въ видѣ

---

[1]) «Истины показаніе» Зиновія Отенскаго, о которомъ сейчасъ ниже, Казанск. изд. стрр. 23 sqq, 200.

[2]) Вѣроятнѣе, что Косой оговоренъ былъ не самимъ Башкинымъ, а уже другими, оговоренными отъ него, заволжцами, ибо иначе Никоновская лѣтопись должна бы была назвать его въ числѣ оговоренныхъ Башкинымъ, тогда какъ она не называетъ его.—VII, 204. По показанію и Зиновія Отенскаго,—Казанск. изд. Истины показанія стр. 879, Косой взятъ былъ послѣ Артемія, бывшаго игумена Троицкаго, а этотъ взятъ былъ въ концѣ 1553-го года (см. ниже).

[3]) Изъ того обстоятельства, что Никоновская лѣтопись, говоря о судѣ надъ Башкинымъ, не говоритъ о судѣ надъ Ѳеодосіемъ (VII, 204) слѣдовало бы заключать, что онъ бѣжалъ до суда. Но, съ другой стороны, въ описаніи царскаго архива, составленномъ при Грозномъ, читается: «ящикъ 222, а въ немъ соборные дѣла, списки черные, Матѳея Башкина, да Ортемья бывшаго игумена Троицкаго, и Ѳеодоса Косова и иныхъ старцовъ»,—Акт. Эксп. т. I, № 289.

[4]) Отенскій монастырь (Отня пустыня) находится въ 50 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Новгорода, на рѣкѣ Большой Вишеркѣ, впадающей въ Волховъ, въ крестецкомъ уѣздѣ (мѣсто постриженія и мѣсто погребенія св. Іоны, архіепископа новгородскаго).

собесѣдованія съ ними, Зиновій и написалъ весьма обширное обличительное сочиненіе на ересь, которому далъ названіе: «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи»[1]). Неизвѣстный по имени неизвѣстнаго монастыря монахъ писалъ по просьбѣ православныхъ Литовско-Русскихъ, среди которыхъ проповѣдывалъ свою ересь Θеодосій. Православные прислали монаху списокъ ересей Θеодосія и просили написать на нихъ опроверженіе. Исполняя просьбу, монахъ и написалъ опроверженіе въ видѣ посланія къ просителямъ, которому далъ названіе: «Посланія многословнаго», такъ какъ оно очень обширно[2]).

1566-й годъ, когда пришли къ Зиновію трое полузараженныхъ ересью Косаго, былъ 12-й или 13-й годъ пребыванія послѣдняго въ Литвѣ. Вступивъ въ общество здѣшнихъ антитринитаріевъ, онъ могъ болѣе или менѣе измѣнить свое ученіе противъ того, какъ проповѣдывалъ его на Москвѣ. А такимъ образомъ въ Истины показаніи Зиновія Отенскаго намъ собственно передается не московское, а литовское ученіе Косаго, хотя очень можетъ быть, что между тѣмъ и другимъ ученіемъ и не было никакой разности. Что касается до Посланія многословнаго, то существуютъ основанія полагать, что оно писано въ самое первое время пребыванія Θеодосія въ Литвѣ. Ученіе послѣдняго излагается въ немъ совершенно согласно съ Истины показаніемъ, но, во-первыхъ, въ немъ нѣтъ одного очень важнаго пункта, а во-вторыхъ—есть нѣсколько пунктовъ лишнихъ.

Въ Истины показаніи Зиновія Отенскаго ученіе Косаго передается въ слѣдующемъ видѣ:

Богъ единъ, а не троиченъ.

Іисусъ Христосъ, основатель христіанскаго религіознаго общества, не есть Богъ.

Подобаетъ духомъ покланяться Богу, а не внѣшнимъ образомъ. Вся внѣшняя церковь съ ея іерархіей, таинствами, богослуженіемъ и учрежденіями представляетъ изъ себя позднѣйшее человѣческое (не отъ Христа идущее) преданіе и измышленіе и какъ таковая должна быть отвергнута (епископы и священники суть ложные учители, идольскіе жрецы и маньяки, т.-е. льстецы, угодники; въ храмы не должно

---

[1]) Напечатано Казанской Духовной Академіей въ 1863-мъ году.

[2]) Напечатано въ харьковскомъ «Духовномъ Вѣстникѣ» за 1865-й годъ и потомъ *А. Н. Поповымъ* во 2-й кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. за 1880-й годъ. Нѣкоторые усвояютъ «Посланіе многословное» тому же Зиновію Отенскому; но мы въ этомъ весьма сомнѣваемся, о чемъ скажемъ ниже въ обзорѣ литературы.

ходить, ибо они суть кумирницы; къ священникамъ не приходить, молебновъ не пѣть, молитвъ у священниковъ не требовать, не каяться къ нимъ и не причащаться отъ нихъ, ладаномъ не кадиться, на погребеніи отъ епископовъ и священниковъ не отпѣваться, по смерти не поминаться: все это человѣческое преданіе; кресты и иконы сокрушать, ибо они суть идолы; святыхъ на помощь не призывать и мощамъ ихъ не покланяться; постовъ не соблюдать; писаній отеческихъ не читать; монастыри и всѣ ихъ уставы—человѣческое преданіе).

Истинное христіанство состоитъ не въ дѣлахъ внѣшней набожности (которыя суть простое человѣческое измышленіе), а единственно въ исполненіи заповѣди Іисуса Христа о любви къ ближнимъ.

На землѣ отца себѣ не именовать, но на небеси Бога Отца себѣ именовать (въ Посланіи многословномъ: не должно почитать родителей ни именовать отцовъ, ибо написано: «не нарицайте себѣ отца на земли, единъ Отецъ вашъ—Богъ).

Какъ именно мыслилъ Косой объ Іисусѣ Христѣ, это въ Истины показаніи не совсѣмъ ясно. Зиновій хочетъ думать и настаиваетъ на томъ, что онъ считалъ Его за простаго человѣка. Но собесѣдники Зиновія съ своей стороны какъ будто настаиваютъ на томъ, что Косой считалъ Его за существо сотворенное, высшее простого человѣка, или по крайней мѣрѣ за простаго человѣка, одареннаго отъ Бога сверхъестественными дарованіями [1]).

Въ Посланіи многословномъ не достаетъ пункта ученія о Богѣ и объ Іисусѣ Христѣ, и потомъ лишніе пункты: про всѣ вѣры, которыя суть во всѣхъ языкахъ, Косой говорилъ, что всѣ люди суть одно у Бога: и Татары и Нѣмцы и прочіе языки; у христіанъ не должно быть властей и не должно имъ воевать; не слѣдуетъ подавать подаяній нищимъ, ибо они суть псы, а написано: нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ.

Относительно опущенія должно думать, что на первыхъ порахъ своего пребыванія въ Литвѣ Косой не находилъ удобнымъ проповѣдывать своего ученія объ единобожіи.

Что касается до лишнихъ пунктовъ, то, если они не усвоены Косому отъ другихъ антитринитаріевъ, должно думать, что собесѣдники Зиновія или опустили ихъ по забвенію или сами ихъ не признавали.

---

[1]) Казанск. изд. Истины показанія стр. 214 sqq.

Ересь Θеодосія Косаго представляетъ собою преобразованіе жидовства въ раціональное христіанство. Онъ принимаетъ вмѣстѣ съ Жидовствующими, что Богъ есть единъ; но и Іисуса Христа онъ не считаетъ за какого нибудь обманщика, а принимаетъ за посланника Божія, который вмѣсто ветхаго Моусеева завѣта установилъ свой новый завѣтъ. Ветхій завѣтъ состоялъ въ почитаніи единаго Бога и въ соблюденіи предписанныхъ Богомъ обрядовъ. Іисусъ Христосъ, установляя свой новый завѣтъ, отмѣнилъ обряды и предписалъ поклоняться Богу духомъ, а на мѣсто обрядовъ далъ новую нравственную заповѣдь о любви къ ближнимъ, какъ къ самимъ себѣ. Сколько можно входить въ процессъ мыслей Косаго, онъ усвоилъ жидовское ученіе объ единобожіи на основаніи слѣдующаго: и іудеи и христіане одинако признаютъ книги Моусеевы за книги богодухновенныя; но въ этихъ книгахъ Богъ совершенно ясно проповѣдуетъ о себѣ (т.-е. какъ находилъ Косой), что Онъ есть единъ; Богъ, возвѣстившій себя единымъ чрезъ Моусея, не могъ послѣ стать троичнымъ, и т. д. Но, принимая жидовское ученіе объ единобожіи, Косой вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ жидовскій Моусеевъ законъ отмѣненнымъ и принимаетъ новый завѣтъ Іисуса Христа за истинный новый завѣтъ, замѣнившій собою ветхій, на томъ основаніи, что первый представляетъ нѣчто несравненно высшее противъ послѣдняго,—что заповѣдь о любви къ ближнимъ, какъ къ самимъ себѣ, убѣждаетъ его въ подлинности и истинности новаго завѣта.

Основывая свое ученіе объ единобожіи на книгахъ Моусеевыхъ, Косой называлъ ихъ столповыми книгами вѣроученія. Священное Писаніе Новаго Завѣта онъ не отвергалъ, но толковалъ его по своему, т.-е. такъ, чтобы выходило, будто объ Іисусѣ Христѣ говорится въ немъ только какъ о человѣкѣ; при этомъ, посланіе къ Евреямъ, въ которомъ съ непрекаемою ясностію говорится объ Іисусѣ Христѣ, какъ о Богѣ, онъ не признавалъ за подлинное писаніе ап. Павла. Писанія отеческія онъ объявлялъ за баснословіе, но онъ находилъ въ нихъ нѣкоторую истину среди лжи, т.-е. нѣчто, какъ ему казалось или какъ хотѣлъ онъ представлять, говорящее за него, и этимъ нѣчто онъ пользуется въ подтвержденіе себя.

Не знаемъ мы, насколько Косой самостоятельнымъ образомъ изучалъ Священное Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта и писанія отцовъ, чтобы собрать оружіе противъ сверхъестественнаго христіанства со всѣмъ его внѣшнимъ устройствомъ. Но во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ выступить противникомъ его болѣе или менѣе хорошо вооруженнымъ въ то оружіе, которое было возможно. Мы говорили выше,

что у Евреевъ тщательно собранъ былъ весь арсеналъ оружія противъ христіанства, какое могло быть найдено и что этотъ арсеналъ болѣе или менѣе въ полномъ объемѣ поступилъ въ обладаніе нашихъ Жидовствующихъ. Слѣдовательно, и помимо собственныхъ стараній Косой могъ имѣть готовымъ то, что было ему нужно. Дѣйствительно, насколько извѣстна намъ доказательная сторона полемики Косаго противъ сверхъестественнаго христіанства, мы находимъ въ немъ полемиста, обладающаго знаніемъ и можно выразиться—ерудицiей.

Какъ велико было число людей, зараженныхъ раціоналистической ересью Ѳеодосія Косаго, положительнымъ образомъ мы не знаемъ. Но таковыми называются единственно старцы заволжскихъ монастырей, и слѣдовательно—о слишкомъ большомъ числѣ людей во всякомъ случаѣ не должно думать. Что касается до количества этихъ старцевъ, то говорится, что на основаніи доноса Башкина и по произведеннымъ потомъ розыскамъ взяты были многіе [1]. Но подъ многими взятыми нужно разумѣть не однихъ только учениковъ Косаго, но еще людей еретически-вольномысленныхъ, которые, не отвергая сверхъестественнаго христіанства, болѣе или менѣе уклонялись отъ чистоты православія и о которыхъ будемъ говорить сейчасъ ниже. Вообще, представляется наиболѣе вѣроятнымъ думать, что количество настоящихъ учениковъ Косаго между заволжскими старцами было очень не велико.

Обращаемся къ сейчасъ помянутымъ еретически-вольномысленнымъ людямъ, не отвергавшимъ сверхъестественнаго христіанства.

Выше мы говорили, что ересь Жидовствующихъ распространялась у насъ въ двухъ видахъ: въ видѣ настоящей ереси или, точнѣе говоря,—настоящаго отступничества, состоявшаго въ совершенномъ отрицаніи христіанства, и въ видѣ бо́льшаго или меньшаго еретическаго вольномыслія, не доходившаго до совершеннаго отрицанія христіанства. Отъ правительственныхъ розысковъ, произведенныхъ передъ соборомъ 1504-го года, удалось укрыться нѣкоторой части настоящихъ Жидовствующихъ; тѣмъ болѣе должна была укрыться отъ нихъ болѣе или менѣе значительная часть людей еретически-вольномысленныхъ, такъ какъ для послѣднихъ это было значительно легче. Настоящіе Жидовствующіе, въ томъ или другомъ числѣ, нашли себѣ убѣжище у заволжскихъ старцевъ. Подобнымъ образомъ, нашла себѣ у нихъ убѣжище та или другая часть и людей еретически-вольномысленныхъ. Но Башкинъ, дѣлая свой доносъ на своихъ единомысленниковъ, находив-

[1] У Зиновія Отенскаго въ Истины показаніи.—Казанск. изд. стр. 879.

шихся въ Заволжьи, не ограничился только настоящими единомышленниками, каковыми были унитаріи или антитринитаріи съ Косымъ во главѣ, но указалъ и на этихъ людей еретически-вольномысленныхъ, не отрицавшихъ сверхъестественнаго христіанства или только болѣе или менѣе уклонявшихся въ своихъ мнѣніяхъ отъ чистоты православія. Вслѣдствіе оговора Башкина и вслѣдствіе розысковъ, произведенныхъ на основаніи оговора, привлечено было къ соборному суду и подвергнуто осужденію то или другое количество и этихъ еретиковъ, представлявшихъ изъ себя нашихъ протестантовъ.

Люди вольномысленные, о которыхъ говоримъ, явились такимъ образомъ, что проповѣдники жидовства по отношенію къ инымъ изъ совращаемыхъ ими имѣли неполный успѣхъ,—не успѣвая совращать этихъ иныхъ въ настоящее жидовство, успѣвали только заражать ихъ бо́льшимъ или меньшимъ вольномысліемъ. Понятно, что проповѣдники успѣвали заражать вольномысліемъ одного болѣе, другаго менѣе, и что всякаго заражали они въ своей собственной мѣрѣ; а отсюда понятно, что между зараженными вольномысліемъ не могло быть единства и единообразія (опредѣленной системы) въ образѣ мыслей и въ пунктахъ уклоненія отъ православія, но что каждый изъ нихъ былъ самъ по себѣ. Соединеніе того или другаго количества людей вольномысленныхъ въ одномъ мѣстѣ, каково Заволжье, заставляетъ предполагать, что между ними произошло въ отношеніи къ образу мыслей объединеніе—или общее, всѣхъ въ одну какъ бы въ секту, или частное—въ извѣстное количество группъ. Было это дѣйствительно такъ, или какъ и при первоначальномъ мѣстномъ разъединеніи каждый былъ самъ по себѣ, съ увѣренностью сказать не можемъ, потому что не имѣемъ относительно этого надежныхъ свидѣтельствъ. Но само по себѣ вѣроятнѣйшимъ представляется, очевидно, послѣднее; а равнымъ образомъ за послѣднее говорятъ и свидѣтельства или не совсѣмъ опредѣленныя или не совсѣмъ надежныя, какія имѣемъ [1]).

---

[1]) Въ грамотѣ въ Соловецкій монастырь о бывшемъ Троицкомъ игуменѣ Артеміи (о которомъ сейчасъ) читается, что нѣкоторые изъ единомышленниковъ Башкина сказали на себя, «что святымъ иконамъ не покланялись да и уложили передъ сего подъ казанью (sic), что имъ и впредь святымъ иконамъ не покланятись»,—Акт. Эксп. т. I, № 239, стр. 250 fin.. Но разумѣются ли въ грамотѣ люди вольномысленные, о которыхъ говоримъ, или ученики Косаго, этого въ ней не видно. Курбскій говоритъ, что между Кирилловскими монахами есть *секта* такихъ, которые считаютъ писателями соборныхъ посланій не апостоловъ, а старцевъ презвитеровъ, см. у *Восток.* Румянц. Муз. стр. 243 col. 2 и у *Попова* въ Описаніи

Какъ бы то ни было, но и отдѣльныхъ лицъ между заволжскими старцами, зараженными вольномысліемъ, нѣтъ ни одного, вольномысленныя мнѣнія котораго были бы намъ достовѣрнымъ образомъ извѣстны. Мы имѣемъ извлеченіе изъ соборнаго розыска и всего объ одномъ изъ этихъ старцевъ, но и единственный розыскъ сообщаетъ намъ только обвиненія, которыя были взводимы на подсудимаго, но не даетъ возможности рѣшить, какія изъ вольномысленныхъ мнѣній ему усвоявшихся дѣйствительно ему принадлежали.

Этотъ единственный старецъ, о которомъ мы и скажемъ, есть бывшій игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Артемій.

Артемій, неизвѣстно гдѣ имѣвшій свою родину и къ какому сословію принадлежавшій по рожденію, былъ постриженникъ преп. Корнилія Комельскаго (монастырь котораго находится въ грязовецкомъ уѣздѣ вологодской губерніи, въ 5-ти верстахъ къ югу отъ города Грязовца). Въ 1536-мъ году, по благословенію преп. Корнилія, онъ перешелъ изъ монастыря послѣдняго въ одну изъ пустыней, находившихся въ окрестности Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, именно—пустыню, называвшуюся Порфиріевой (Перфирьевой, Перфильевой), которая, по всей вѣроятности, была основана тѣмъ бѣлозерскимъ пустынникомъ Порфиріемъ, который съ 1521-го года по 1524-й годъ былъ игуменомъ Троицкаго Сергіева монастыря и который за смѣлое обличеніе вел. кн. Василія Ивановича въ одномъ непохвальномъ дѣяніи прогнанъ былъ съ мѣста [1]). Въ 1548-мъ году Артемій имѣлъ такую репутацію, должно думать—въ одно и то же время и какъ инока строгой жизни и какъ человѣка книжно-учительнаго, что былъ приглашаемъ въ настоятели Корниліева монастыря [2]). Передъ 1551-мъ го-

---

рукописей Хлудова, стр. 114 нач.. Но можно думать, что Курбскій, слышавшій сейчасъ сказанное мнѣніе отъ нѣкоторыхъ Кирилловскихъ монаховъ, говоритъ о сектѣ не какъ о томъ, что было ему положительно извѣстно, а какъ о томъ, что онъ самъ только предполагаетъ.

[1]) См. послѣсловіе къ рукописи 1543-го года, находящейся въ библіотекѣ бывшей Царскаго,—Опис. *Строева* № 25, стр. 11, писецъ которой инокъ Артемій несомнѣнно есть нашъ Артемій.

[2]) Что былъ приглашаемъ въ настоятели Корниліева монастыря, объ этомъ говоритъ самъ Артемій въ одномъ посланіи къ царю Ивану Васильевичу, см. въ IV томѣ Русской Исторической Библіотеки, въ которомъ напечатаны посланія Артемія, col. 1440. Что это было въ 1548-мъ году, слѣдуетъ изъ извѣстной намъ смѣны игуменовъ Корниліева монастыря, см. у *Строева* въ Спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей, col. 750.

домъ слава его въ обоихъ сейчасъ указанныхъ отношеніяхъ дошла до Москвы и по прошенію братіи Троицкаго Сергіева монастыря онъ вызванъ былъ изъ пустыни, чтобы быть поставленнымъ въ игумены монастыря, въ каковые, несмотря на свое рѣшительное нежеланіе, и былъ поставленъ по приказанію государя между 1-мъ—17-мъ Мая 1551-го года [1]). Пробывъ на невольномъ игуменствѣ надъ монахами, нравы которыхъ были ему крайне не по сердцу, лишь шесть съ половиной мѣсяцевъ и ознаменовавъ себя на немъ тѣмъ, что перевелъ къ Троицѣ изъ Твери преп. Максима Грека, онъ снова удалился въ пустыню [2]). Когда обличенъ былъ въ ереси и взятъ подъ стражу Башкинъ: то Артемій, какъ человѣкъ учительный, вызванъ былъ изъ пустыни, чтобы говорить съ нимъ книгами. Но Башкинъ, а равно и другіе, начали оговаривать его самого—Артемія, что «онъ не истинствуетъ хрестьянскаго закону». Отъ оговоровъ онъ «безвѣстно сбѣжалъ» было изъ Москвы въ Заволжье; но былъ привезенъ и подвергнутъ соборному суду [3]).

---

[1]) Относительно славы Артемія cfr. отзывы о немъ Благовѣщенскаго священника Сильвестра,—въ Акт. Эсп. т. I, № 238, стр. 246, col. 2.—Что былъ выбранъ въ игумены Троицкаго монастыря «по братскому прошенью», см. въ томъ же отзывѣ священника Сильвестра,—ibidd...—Принимается, что Артемій поставленъ былъ въ игумены Троицкіе 17-го Мая 1551-го года, на томъ основаніи, что 17-го Мая были подписаны царемъ на его имя, какъ игумена Троицкаго, нѣкоторыя, данныя монастырю, грамоты.—Акт. Экспед. т. I, № 72, стр. 53 col. I нач., Акт. Ист. т. I, № 132, стр. 193 sub fin..: но грамоты могли быть подписаны, и вѣроятнѣе, что были подписаны, не въ самый день поставленія.

[2]) Объ оставленіи игуменства Артеміемъ священникъ Сильвестръ говоритъ: «не по мнозѣ времени Артемей игуменство оставилъ за свою совѣсть и отъиде въ пустыню»; священникъ Сумеонъ со словъ нѣкоторыхъ заволжскихъ старцевъ говоритъ: «побылъ на игуменствѣ, и онъ видитъ, что душѣ его не въ пользу игуменство, и того ради игуменство оставилъ, хочетъ себѣ внимати, чтобъ отъ Бога не погинути душею и Христовы заповѣди совершити и евангельскія и апостольскія, и отъ своею руку питатись,—пищею и одежою доволитися»,—Акт. Эксп. т. I, № 238, стрр. 247 col. 1 нач., и 249, col. 2; Курбскій говоритъ: «отошолъ въ пустыню, и царя не послушавъ, отъ того великаго монастыря, многаго ради мятежу и любостяжательныхъ, издавна законопреступныхъ, мниховъ»,—Сказаній изд. 2, стр. 134. Что Артемій былъ на игуменствѣ шесть съ половиной мѣсяцевъ, это время его игуменствованія означается въ спискахъ настоятелей Троицкаго монастыря.

[3]) Грамота объ Артеміи,—Акт. Эксп. т. I. № 239, стрр. 251 col. 1 и 253 col. 2 fin...

На соборѣ, какъ передаетъ извлеченіе изъ розыска о немъ, Артемій обвиняемъ былъ Башкинымъ и другими свидѣтелями въ слѣдующемъ. «Башкинъ писалъ и говорилъ (на него) многія богохульныя вины: о иконномъ поклоненіи и о причастіи тѣла Христова и чего-деи въ евангельѣ и во апостолѣ не писа(но) и того-деи держати не нужно, и о преданіи святыхъ отецъ». Бывшій ѳерапонтовскій игуменъ Нектарій показывалъ: «Артемій говорилъ ему о Троицѣ: во Іосифовѣ-де книгѣ Волоцкаго написано негораздо, что послалъ Богъ въ Содомъ двухъ ангеловъ, сирѣчь Сына и святаго Духа; да Артемій же новгородскихъ еретиковъ не проклинаетъ и латинъ хвалитъ и поста не хранитъ». Къ сейчасъ сказанному Нектарій обвинялъ Артемія во многихъ богохульныхъ и иныхъ еретическихъ винахъ. Бывшій игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Іона писалъ на Артемія, что онъ говорилъ хулу о крестномъ знаменіи: «нѣтъ-деи въ томъ ничего, преже-деи сего на челѣ своемъ знаменіе клали, а нынѣча своимъ произволеніемъ большіе на себѣ кресты кладутъ, да и на соборѣ-деи о томъ крестномъ знаменіи слово было, да не доспѣли ничего». Келарь Троицкаго Сергіева монастыря Адріанъ Ангиловъ показывалъ на Артемія, что онъ говорилъ: пѣть панихиды и обѣдни по умершимъ нѣтъ пользы, этимъ они не избудутъ муки. Троицкій монахъ Игнатій Курачовъ писалъ про Артемія, что слышалъ отъ него, какъ онъ смѣялся надъ поющими канонъ Іисусовъ и акаѳистъ Божіей Матери, говоря, что-деи только и знаютъ выкрикивать: «таки Іисусе, таки Іисусе»; «радуйся, да радуйся». Кирилловскій игуменъ Симеонъ писалъ на Артемія, что онъ по поводу поиманія Башкина говорилъ: «не вѣдаю(тъ) того, что ересь; сожгли Курицына да Рукавого, и нынѣча того не вѣдаютъ, про что ихъ сожгли». Наконецъ, самъ митрополитъ Макарій обвинялъ Артемія въ томъ, что на соборѣ противъ Башкина онъ—Артемій называлъ ереси послѣдняго не ересями, а простыми его глупостями,—что говорилъ, будто нынѣ еретиковъ нѣтъ и что не должно судить еретиковъ такъ, чтобы предавать ихъ казни [1]).

Если бы признать все сейчасъ изложенное за справедливое или—если бы имѣть возможность отличить въ изложенномъ справедливое отъ ложнаго: тогда мы знали бы, въ чемъ состояли еретическія мнѣнія Артемія (хотя знали бы все таки не совсѣмъ опредѣленно, поко-

---

[1]) Извлеченіе изъ соборнаго розыска объ Артеміи въ грамотѣ о немъ въ Соловецкій монастырь, которую мы нѣсколько разъ указывали выше,—Акт. Эксп. т. I, № 239 (О подлинномъ спискѣ розыска ibid. стр. 251, col. 1, и въ описаніи царскаго архива.—Акт. Экспед. т. I, № 289, ящики 189 и 222).

лику не совсѣмъ опредѣленно и глухо онъ обвиняется). Но мы имѣемъ основательныя побужденія не принимать перваго и не имѣемъ возможности сдѣлать втораго. Самъ Артемій ни въ чемъ не признавалъ себя виновнымъ, бо́льшую часть пунктовъ обвиненія отвергнувъ какъ ложь, а относительно остальныхъ давъ объясненіе въ томъ смыслѣ, что онъ былъ перетолкованъ или что отъ его поведенія сдѣланы были несправедливыя заключенія объ его мнѣніяхъ [1]). Но если должно быть признано за фактъ то, что Артемій не былъ невиновенъ, ибо впослѣдствіи онъ самъ признавалъ свою виновность [2]), то имѣемъ мы основанія полагать, что онъ виновенъ былъ и не во всемъ томъ, въ чемъ былъ обвиняемъ. Курбскій, считающій Артемія также совершенно невиннымъ, вѣроятно—на основаніи той ревности о православіи, кото-

---

[1]) Обвиненія Башкина Артемій отвергнулъ, какъ ложныя. Всѣ обвиненія Нектарія, кромѣ о нехраненіи поста, отвергнулъ; а относительно послѣдняго сказалъ, что когда случалось быть ему въ міру, нарушалъ постъ (но не отвергалъ его необходимости). На обвиненіе Іоны Артемій сказалъ, что о крестномъ знаменіи ему не говорилъ, а про соборъ и именно—про нынѣшній говорилъ. На обвиненіе Адріана Ангилова Артемій сказалъ, что говорилъ про тѣхъ, которые жили растлѣннымъ житіемъ и людей грабили, а послѣ смерти начнутъ пѣть по нихъ панихиды, и что Богъ приношенія о такихъ не пріемлетъ и что не будетъ имъ ничего,— тѣмъ не избыть имъ муки. На обвиненіе Игнатія Курачова Артемій отвѣчалъ, что говорилъ про тѣхъ, которые поютъ каноны и акаѳисты, а объ исполненіи заповѣдей Божіихъ не заботятся. На обвиненіе Сумеона Артемій отвѣчалъ, что не про другихъ, а про самого себя говорилъ, что не знаетъ, за что сожгли новгородскихъ еретиковъ. Что отвѣчалъ Артемій на обвиненія самого митрополита, въ извлеченіи изъ розыска этого не читается.

[2]) Во время своей жизни въ Литвѣ, въ которую бѣжалъ изъ заключенія, Артемій писалъ или Ѳеодосію Косому или одному изъ учениковъ послѣдняго, бѣжавшихъ вмѣстѣ съ нимъ (Ѳомѣ): «неправеднымъ наукамъ приложился еси, ихже иногда и мы сами, не ощутивше сущая въ нихъ прелести антихристова духа, не дрьзнухомъ хулити, но въ нѣкихъ рѣчахъ не разнствовахомъ,—для того попустилъ намъ Богъ пострадати таковая къ обращенію лучшему и своему познанію», см. въ IV т. Русск. Историч. Библіотеки col. 1420. Игуменъ Нектарій между прочимъ доносилъ на Артемія собору, что онъ ѣздилъ изъ псковскаго Печерскаго монастыря въ Новый городокъ въ нѣмецкій (Нейгаузенъ, находящійся въ 17 верстахъ отъ Печерскаго монастыря) и тамъ вѣру ихъ восхвалилъ. Отрицая послѣднее обвиненіе Артемій не совсѣмъ вразумительно говорилъ на соборѣ о цѣли своей поѣздки: «на умѣ у него было, что было ему говорити какъ хрестьянскій законъ съ римскимъ закономъ потому-ли какъ у насъ»; но не можетъ подлежать сомнѣнію, что дѣйствительную цѣль поѣздки составляло ближайшее ознакомленіе съ протестантствомъ (которое почти уже совершенно вытѣснило тогда изъ Лифляндіи католичество).

рую онъ показалъ послѣ, живя въ Литвѣ, въ которую бѣжалъ изъ заключенія въ московской Россіи, утверждаетъ, что онъ былъ жертвой клеветы, а именно—что, принадлежавъ къ числу противниковъ вотчиновладѣнія монастырей, онъ былъ оклеветанъ любостяжательными, всякаго лукавства исполненными, епископами и монахами, которые боялись, чтобы онъ не возвратилъ прежней великой любви къ себѣ государя и чтобы не возбудилъ противъ нихъ послѣдняго [1]). И дѣйствительно оказывается вѣроятнымъ допустить, что Артемій, не бывъ единственно жертвою клеветы, былъ въ бо́льшей или меньшей степени оклеветанъ. Существуетъ его посланіе къ царю Ивану Васильевичу, писанное, какъ нужно думать, въ то время, какъ онъ жилъ въ Москвѣ, бывъ вызванъ въ нее говорить книгами съ Башкинымъ. Изъ этого посланія мы узнаемъ, что приведенный изъ пустыни для занятія мѣста игумена Троицкаго монастыря, что́ было въ то самое время, какъ происходилъ Стоглавый соборъ, онъ имѣлъ съ царемъ рѣчи о вотчинахъ монастырскихъ,—что защитники вотчиновладѣнія монастырей, поелику онъ былъ его противникомъ, подозрѣвали, будто онъ совѣтывалъ государю отнять у монастырей села и что вслѣдствіе этого была на него отъ этихъ защитниковъ великая вражда [2]). Курбскій считаетъ главнымъ навѣтникомъ Артеміевымъ бывшаго ѳерапонтовскаго игумена Нектарія [3]); но весьма не невѣроятно предполагать, что главнѣйшимъ клеветникомъ былъ Башкинъ. Бывъ взятъ подъ стражу, этотъ послѣдній отданъ былъ, пока не будетъ собранъ на него соборъ, подъ наблюденіе двумъ старцамъ Волоколамскаго монастыря [4]): послѣ того какъ пришолъ или приведенъ былъ въ раскаяніе, онъ и могъ быть наученъ монахами волоколамскими, которые были защитниками вотчиновладѣнія монастырей par excellence и κατ᾽ἐξοχήν, чтобы оклеветать Артемія.

Такимъ образомъ, повторяемъ, и объ единственномъ заволжскомъ старцѣ, еретически-вольномысленныя мнѣнія котораго сообщаются намъ подробнымъ образомъ, остается намъ достовѣрно неизвѣстнымъ, что́ именно составляло эти его мнѣнія (Помимо своего нѣко́тораго, и притомъ временнаго, вольномыслія, Артемій представляетъ собой въ качествѣ православнаго проповѣдника о предпочтеніи заповѣдей Божіихъ преданіямъ человѣческимъ втораго у насъ въ семъ родѣ проповѣдника послѣ преп. Максима Грека и ученика этого послѣдняго. Какъ къ та-

---

[1]) Сказаній стр. 134 sqq.

[2]) Въ IV т. Русск. Историч. Библіотеки col. 1440.

[3]) Сказаній, стр. 135.

[4]) Герасиму Ленкову и Филоѳею Полеву.—Ник. лѣт. VII, 204.

ковому проповѣднику мы возвратимся къ нему во второй половинѣ тома [1]).

Послѣ подробныхъ, хотя и далеко недостаточныхъ свѣдѣній объ еретически-вольномысленныхъ мнѣніяхъ одного изъ заволжскихъ старцевъ, имѣемъ частныя указанія на отдѣльныя еретически-вольномысленныя мнѣнія, которыхъ держались многіе или нѣкоторые изъ нашихъ старцевъ и вообще изъ людей, зараженныхъ шедшимъ отъ жидовства вольномысліемъ.

Объ единомысленникахъ Башкина, подъ которыми, можетъ быть, должно разумѣть не учениковъ Косаго, а тѣхъ вольнодумцевъ, о которыхъ говоримъ, сообщается, что нѣкоторые изъ нихъ «сами сказали на себя (собору), что святымъ иконамъ не покланялись, да и уложили передъ сего подъ казанью (sic), что имъ и впредь святымъ иконамъ не покланятись» [2]). Объ одномъ изъ учениковъ Артеміевыхъ сообщается, что онъ истязался съ соборомъ о чудотворцахъ и называлъ святаго Николу простымъ мужемъ [3]). Курбскій увѣряетъ, что нѣкоторые изъ кирилловскихъ монаховъ содержали такую ересь, будто соборныя посланія написаны не апостолами, а старцами, презвитерами церковными, и что титуль апостольскихъ приписанъ имъ чести ради [4]). Объ одномъ изъ людей вольномысленныхъ утверждается даже, весьма впрочемъ подозрительное относительно достовѣрности, будто онъ, приближаясь къ Косому, хотя и не принадлежавъ къ числу его учени-

---

[1]) Изъ посланій Артемія къ царю Ивану Васильевичу заключаютъ, что этотъ склонялся къ его образу мыслей. Но не мѣшаетъ имѣть въ виду то, что̀ говоритъ соборная грамота объ Артеміи въ Соловецкій монастырь. Именно—грамота говоритъ, что «благочестивый царь начатъ ихъ (обвиненныхъ въ вольномысліи) испытовати премудрѣ. хотя отъ нихъ увѣдати извѣстно, како убо сіи лукавіи и какова имутъ своя мудрованія»,—Акт. Экспед. т. I, стр. 250, col. 2. На основаніи этихъ словъ не невозможно предполагать, что царь просилъ Артемія написать о томъ-то и о томъ-то не потому, чтобы склонялся къ его образу мыслей, а потому, что хотѣлъ, нѣсколько іезуитски, выпытать его образъ мыслей (Въ одномъ посланіи къ царю Артемій пишетъ: «твое теплое заступленіе похваляемъ, не радующеся о паденіи врагъ».—IV т. Историч. Библіот., col. 1382 нач.. Неизвѣстно, что̀ именно разумѣетъ Артемій, но можно подозрѣвать. что на счетъ теплаго заступленія онъ обманывался).

[2]) Грамота объ Артеміи,—Акт. Эксп. т. I, № 239, стр. 250 fin..

[3]) Порфирій,—Никон. лѣт. VII, 205.

[4]) См. *Востокова* Опис. Румянц. Муз. стр. 243 и *Попова* Опис. ркпп. Хлудова, стр. 114 нач.

ковъ, не нарицалъ Христа Бога нашего Вседержителемъ и говорилъ, что болѣе согрѣшаемъ Богу, нарицая Христа Вседержителемъ [1]).

Общія представленія, которыя должно имѣть о заволжскихъ старцахъ, заражонныхъ еретическимъ вольномысліемъ, и о всѣхъ вообще людяхъ вольномысленныхъ, составлявшихъ отродіе жидовства, состоятъ въ томъ, чтобы воображать ихъ себѣ людьми болѣе или менѣе уклонявшимися къ протестантизму,—людьми болѣе или менѣе отвергавшими церковную внѣшность и все то, что̀ у подобныхъ еретиковъ называется человѣческимъ преданіемъ. Но установленіе какой нибудь ясной опредѣленности представленій, при тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ, есть дѣло невозможное.

Вольномысліе, посѣянное въ нашемъ обществѣ проповѣдниками жидовства, нашло себѣ между прочимъ убѣжище въ пустыняхъ заволжскихъ. Однако оно не сосредоточилось въ нихъ однихъ, но осталось въ бо́льшей или меньшей,—совсѣмъ неизвѣстной намъ,—мѣрѣ разсѣяннымъ и по другимъ мѣстамъ. Вслѣдствіе доносовъ Башкина бывъ открыто въ Заволжьи, оно было открыто потомъ или вмѣстѣ съ тѣмъ и въ другихъ мѣстахъ. Курбскій говоритъ: «за повелѣніемъ царевымъ митрополитъ повелѣлъ оныхъ ругателей вездѣ имати, хотяще истязати ихъ о расколѣхъ ихъ, имижъ церковь возмущали, и гдѣ елико аще обрѣтено ихъ, вездѣ имано и провожено до мѣста главнаго московскаго (т. е. до Москвы), паче же отъ пустынь завольскихъ, бо и тамо прозябоша оная руганія» [2]).

Какъ велико было число людей вольномысленныхъ, открытыхъ въ заволжскихъ пустыняхъ и въ другихъ мѣстахъ, остается неизвѣстнымъ. У Зиновія Отенскаго говорится о нашихъ людяхъ вольномысленныхъ и вмѣстѣ объ ученикахъ Косаго, что поиманы были многіе [3]); но это «многіе» очень неопредѣленно, ибо одинаково могло быть употреблено о числѣ лицъ, какъ ограничивающемся десяткомъ, такъ и доходящемъ до сотенъ. Соображая то, что въ извѣстіяхъ оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ и въ лѣтописи вовсе не говорится о множествѣ взятыхъ [4]),

---

[1]) Объ епископѣ рязанскомъ Кассіанѣ (см. Сказаніе вкратцѣ о соборѣ на Матвѣя на Башкина,—въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-го года № 3). Но о томъ же епископѣ говорится, ibid., что онъ поклонялся мощамъ святыхъ, а объ его учителѣ соловецкомъ старцѣ Исаакѣ (Іоасафѣ?) Бѣлобаевѣ говорится, что онъ (только) нѣчто отъ церковныхъ законъ развращалъ, ibid..

[2]) Сказаній стр. 133 fin..

[3]) Истины показаніе, Казанск. изд. стр. 879.

[4]) Грамота объ Артеміи въ Соловецкій монастырь,—Акт. Эксп. т. I, № 239;

наиболѣе вѣроятнымъ представляется думать, что количество многихъ взятыхъ людей вольномысленныхъ заключалось въ нѣсколькихъ десяткахъ. Въ частности извѣстны: Артемій, бывшій игуменъ Троицкій, съ тремя своими учениками, изъ которыхъ одинъ жилъ съ нимъ въ пустынѣ и взятъ былъ вмѣстѣ съ нимъ [1]), а два другіе были монахами Новоезерскаго монастыря и взяты были въ 7065, т. е. 1556—7-мъ году [2]), монахъ Савва Шахъ [3]), Ѳеодоритъ, креститель Лопарей, о которомъ, какъ о таковомъ, скажемъ ниже и который передъ тѣмъ, какъ быть взяту, находился на архимандритіи въ суздальскомъ Евѳиміевомъ монастырѣ [4]), монахъ Соловецкаго монастыря Исаакъ или Іоасафъ Бѣлобаевъ [5]), епископъ рязанскій Кассіанъ. Послѣдній не былъ обличенъ въ вольномысліи по розыску, а самъ обличилъ себя и, такъ сказать, былъ обличенъ Богомъ. Когда приведены были на соборъ заволжскіе старцы и съ ними сейчасъ помянутый Исаакъ Бѣлобаевъ, бывшій старцемъ или учителемъ Кассіана по монашеству, то онъ началъ защищать всѣхъ еретиковъ, а въ особенности своего бывшаго учителя и началъ хулить книгу преп. Іосифа Волоколамскаго на новгородскихъ еретиковъ: но у него внезапно отнялись рука, нога и языкъ (т. е. съ нимъ случился параличъ), такъ что онъ принужденъ былъ оставить епископію и уйдти въ монастырь (одинъ изъ заволжскихъ [6]).

Сказаніе вкратцѣ о соборѣ на Матвѣя на Башкина,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-го года № 3; Никон. лѣт. VII, 204.

[1]) Порфирій; объ его пойманіи вмѣстѣ съ Артеміемъ—Акт. Эксп. т. I, № 238, III, стр. 247 col. 1.

[2]) Описаніе царскаго архива въ Акт. Эксп. т. I, № 289, ящикъ 190.

[3]) Никон. лѣт. VII, 204, Курбскій стр. 134.

[4]) Курбскій, стр. 132 sqq.

[5]) Сказаніе вкратцѣ о соборѣ на Матвѣя на Башкина. Думаемъ, что Исаакъ Бѣлобаевъ, о которомъ говоритъ Сказаніе, есть одно и то же лицо съ Іоасафомъ Бѣлобаевымъ, о которомъ говоритъ Курбскій,—Сказаній стрр. 130 и 135.

[6]) Сейчасъ указанное Сказаніе о соборѣ вкратцѣ. Преемникъ Кассіановъ поставленъ былъ 17-го Марта 1554-го года, а соборъ на Башкина, какъ мы сказали, собранъ былъ въ концѣ 1553-го года.—Въ Историческомъ обозрѣніи Рязанской іерархіи *Т. Воздвиженскаго* (Москва, 1820 года) на какомъ-то неуказанномъ основаніи утверждается, будто митр. Макарій имѣлъ ссору съ Кассіаномъ изъ-за того, «что онъ (епископъ) на митрополита жаловался государю въ томъ, что онъ въ Рязанской епархіи чрезъ своихъ священниковъ освятилъ нѣсколько церквей и что государь, разсмотрѣвъ сіе дѣло, не велѣлъ болѣе митрополиту вступаться въ епархіальныя дѣла», и это обстоятельство принимается за вѣроятную причину низверженія съ каѳедры епископа митрополитомъ,—стр. 46.

Артемій съ первой серіей открытыхъ еретически—вольномысленныхъ людей былъ соборно осужденъ не позднѣе 24-го Января 1554-го года [1]); но, какъ видно изъ сказаннаго (о двухъ ученикахъ Артеміевыхъ монахахъ новоезерскихъ), розыски продолжались и потомъ по крайней мѣрѣ до 1556—57-го года [2]).

Не знаемъ, всѣ ли еретически-вольномысленные люди, найденные виновными, были приговорены къ одному и тому же наказанію. Но извѣстное намъ наказаніе, къ которому приговорены были всѣ или болѣе виновные, состояло въ пожизненномъ тюремномъ заключеніи въ монастыряхъ [3]). Между другими осужденными бывшій Троицкій игуменъ Артемій посланъ былъ для заключенія въ Соловецкій монастырь. Изъ Соловковъ онъ бѣжалъ въ Литву и здѣсь, раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, ознаменовалъ себя ревностнымъ побораніемъ за православіе противъ Ѳеодосія Косаго съ товарищами и противъ мѣстныхъ еретиковъ [4]).

Вмѣстѣ съ Артеміемъ Курбскій называетъ совершенно невиновными Ѳеодорита, Савву Шаха и Исаака Бѣлобаева (если считать его за одно лицо съ Іоасафомъ Бѣлобаевымъ), и представляетъ дѣло такимъ образомъ, что когда открыты были въ Бѣлозерьи дѣйствительные еретики, то любостяжательные епископы и монахи воспользовались случаемъ, чтобы отдѣлаться отъ поименованныхъ, которые были проповѣдниками нестяжательности, и оклеветали ихъ въ ересяхъ [5]). Представляется не невѣроятнымъ допустить, что и по отношенію къ остальнымъ, кромѣ Артемія, есть въ словахъ Курбскаго такая же часть

---

[1]) Отъ 24-го Января 1554-го года грамота о немъ уже осужденномъ въ Соловецкій монастырь,—Акт. Эксп. т. I, № 239.

[2]) Въ волоколамской рукописи № 362, л. 305, читается современная запись: «въ лѣто 7063-е (1554-55-го года) иные явилижеся еретики, два чернца съ Бѣлаозера, а привелъ (sic) ихъ старецъ Александръ, Ивановской человѣкъ Умного».

[3]) Никон. лѣт. VII, 204 fin.. Въ описаніи царскаго архива говорится, что «разосланы (были) по монастырямъ и въ заточеніе и подъ начало»,—Акт. Эксп. т. I № 289, ящ. 190: въ заточеніе и подъ начало—какъ будто два различныя наказанія.

[4]) Артемія приказано было держать въ Соловецкомъ монастырѣ въ строгомъ заключеніи (грамота о немъ въ монастырь), да и не изъ строгаго заключенія бѣжать съ Соловковъ очень не легко. Если Артемій успѣлъ бѣжать, то этимъ ясно дается предполагать, что между монахами монастыря были люди ему сочувствовавшіе.

[5]) Сказаній стр. 134 sqq.

правды, какая по отношенію къ нему, т. е. что они были виновны, но что враждебные имъ епископы и монахи съ помощью клеветы на нихъ старались представить ихъ болѣе виновными, нежели сколько они были на самомъ дѣлѣ (Ѳеодоритъ послѣ полуторагодичнаго заключенія въ Кирилловомъ монастырѣ получилъ отъ митрополита свободу,— Курбск. стр. 137, и потомъ въ 1557-мъ году былъ посыланъ государемъ въ Константинополь для испрошенія у патріарха утвердительной грамоты въ санѣ царя).

Одновременно съ тѣмъ, какъ начался въ Москвѣ соборный судъ на еретиковъ и людей еретически-вольномысленныхъ, былъ подвергнутъ подобному же соборному суду одинъ человѣкъ, смутившій церковный миръ русскаго общества своей излишней и неразумной, какъ было найдено, ревностью о православіи, что́ имѣло нѣкоторое отношеніе къ тѣмъ же еретикамъ и людямъ еретически-вольномысленнымъ. Этотъ излишне и неразумно-ревностный человѣкъ, привлекшій на себя соборный судъ, былъ думный государевъ дьякъ Иванъ Михаиловичъ Висковатый, возставшій противъ нововведеній, какъ ему казалось, въ писаніи иконъ.

21-го Іюня 1547 го года былъ въ Москвѣ великій пожаръ, о которомъ упоминали мы выше и въ который между прочимъ выгорѣлъ въ Кремлѣ придворный государевъ Благовѣщенскій соборъ со всѣми находившимися въ немъ иконами. Для писанія новыхъ иконъ въ соборъ вызваны были иконописцы изъ Новгорода, Пскова и изъ другихъ городовъ, и смотрѣніе за ними было поручено священнику собора Сильвестру, извѣстному любимцу Грознаго. Когда иконы были написаны и поставлены въ соборѣ и когда начали ходить смотрѣть ихъ, Висковатый нашелъ, что многія изъ нихъ представляютъ собою нововводное и противное соборнымъ правиламъ объ иконописаніи измышленіе. Онъ полагалъ, что 7-й вселенскій соборъ не дозволяетъ писать на иконахъ ничего, кромѣ образа Спасителя по плотскому Его смотрѣнію или виду, кромѣ распятія Господня и кромѣ образовъ Богородицы и святыхъ [1]), т. е. ничего, кромѣ такъ сказать историческихъ, воспроизводящихъ реальную дѣйствительность, портретовъ; между тѣмъ на но-

[1]) «Въ правилѣхъ писано святаго седьмаго собора,—говорилъ Висковатый,— кромѣ плотскаго смотрѣнія Господня и распростертіа на крестѣ и образа Пресвятыя Богородицы и святыхъ угодниковъ, иныхъ образовъ не писати, кромѣ тѣхъ образовъ, и заповѣдію утвердили, кромѣ съборнаго уложеніа не мудрствовати»,— дѣла о Висковатомъ по изданію его въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1858-го года стрр. 8 и 32 fin..

выхъ иконахъ изображены были: Богъ Отецъ или Господь Саваоѳъ по видѣнію пророка Даніила въ видѣ сѣдовласаго старца; святая Троица въ видѣ трехъ ангеловъ; Спаситель символически въ нѣсколькихъ видахъ—въ видѣ ангела съ крыльями, сѣдящаго на верху креста въ доспѣхѣ, въ видѣ младаго юноши, облеченнаго въ броню и имѣющаго въ рукѣ мечь, въ видѣ царя Давида; Духъ святый въ образѣ голубя, и цѣлые сюжеты многихъ иконъ представляли взятое не изъ міра вещественно-видимаго, таковы иконы: Предвѣчный совѣтъ, Почи Богъ отъ дѣлъ своихъ, Единородный Сынъ, Слово Божіе, Пріидите людіе тріипостасному божеству поклонимся, Вѣрую во единаго Бога, написанное при томъ въ двухъ различныхъ видахъ (въ церкви въ одномъ видѣ, на паперти въ другомъ) и нѣкоторыя другія. Усматривая въ новыхъ иконахъ нововводное и противное соборнымъ правиламъ измышленіе, Висковатый самымъ энергическимъ образомъ и ополчился противъ нихъ: онъ приходилъ въ соборъ и къ собиравшимся для смотрѣнія иконъ толпамъ народа обращался съ самыми рѣзкими противъ нихъ обличеніями,—«вопилъ» противъ нихъ, какъ выражается соборное о немъ дѣяніе [1]). Почему онъ не поступилъ такъ, чтобы вмѣсто вопленія къ народу придти къ митрополиту и послѣднему высказать свои сомнѣнія относительно иконъ, въ чемъ послѣ укорялъ его соборъ, не видно: можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду вооружить противъ Сильвестра общественное мнѣніе. Когда обнаружены были ересь Башкина и вольномысліе Артемія, Висковатый, полагавшій, что Сильвестръ совѣтенъ съ Артеміемъ (у него былъ Артемій на испытаніи передъ тѣмъ, какъ быть поставленнымъ въ игумены Троицкіе, и тогда онъ далъ объ Артеміи хорошій отзывъ), и знавшій, что другому священнику Благовѣщенскаго собора Сумеону Башкинъ есть сынъ духовный, заподозрилъ, что чрезъ новыя иконы проводятся еретическія мысли Башкина и Артемія: въ изображеніи Іисуса Христа въ видѣ ангела ему подозрѣвалось то коварство, чтобы отрицать равенство Іисуса Христа съ Богомъ Отцомъ, а Его изображеніе на крестѣ со сжатыми дланями ему казалось скрывающимъ мудрованіе тѣхъ, которые утверждали, что Онъ (Іисусъ Христосъ) не очистилъ насъ отъ грѣха и которые считали Его за простаго человѣка.

---

[1]) Вмѣстѣ съ иконами Висковатый возставалъ противъ новаго жертвенника, сдѣланнаго въ соборъ, въ которомъ находилъ неправославнымъ то, что онъ сдѣланъ былъ слишкомъ великъ, не менѣе престола, и что не приставленъ былъ вплотную къ стѣнѣ, и потомъ еще противъ аллегорическихъ изображеній, которыя написаны были въ государевой (подписной, Грановитой) палатѣ.

И послѣ своихъ воплей противъ новыхъ иконъ къ народу Висковатый не поступилъ такъ, чтобы пойти съ своими заявленіями о нихъ къ митрополиту: онъ хотѣлъ сдѣлать эти послѣднія собору. Можетъ быть, онъ разсчитывалъ и желалъ привлечь на Сильвестра соборное осужденіе. Какъ бы то ни было, но дѣло тотчасъ же послѣ того, какъ Висковатый далъ ему оффиціальное движеніе, приняло такой оборотъ, что изъ обвинителя онъ превратился въ обвиняемаго. Въ концѣ 1553-го года собранъ былъ соборъ на Башкина, и Висковатый сдѣлалъ свои заявленія противъ новыхъ иконъ въ одномъ изъ первыхъ его засѣданій (кажется, въ самомъ первомъ),—25-го Октября. Но митрополитъ далъ ему рѣшительный отвѣтъ, что онъ мудрствуетъ объ иконахъ неправильно, что новыя иконы написаны по древнимъ образцамъ, согласно преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и высказалъ ему угрозу, какъ бы онъ, возставъ на еретиковъ, самъ не попалъ въ еретики. Спустя нѣсколько времени, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, Висковатый подалъ митрополиту «списокъ» или пространную «исповѣдь», въ которой изложилъ основанія, почему сомнѣвался въ новыхъ иконахъ, и просилъ у митрополита съ соборомъ вразумленія и, въ чемъ погрѣшилъ, прощенія. Митрополитъ посылалъ исповѣдь къ государю съ спросомъ: какъ велитъ онъ съ ней поступить, и государь приказалъ изсвидѣтельствовать ее соборно. Соборъ имѣлъ два засѣданія для слушанія исповѣди, далъ на нее столько же пространный, какъ она, письменный отвѣтъ и приговорилъ Висковатаго, 14-го Января 1554-го года, за то, что онъ три года смущалъ православныхъ христіанъ своими кричаніями противъ новыхъ иконъ, къ трехгодичной эпитиміи: одинъ годъ плакать внѣ дверей церковныхъ, прося у входящихъ вѣрныхъ творить за себя молитвы, исповѣдая свои согрѣшенія; другой годъ—послушать божественныя писанія (т.-е. исходить изъ церкви по окончаніи литургіи оглашенныхъ); третій годъ—стоять въ церкви съ вѣрными, но общенія (св. таинъ) не принимать [1]).

Собственно говоря, Висковатый былъ правъ, и ошибался только въ томъ, что ссылался на 7-й вселенскій соборъ. Не 7-й вселенскій соборъ, а отчасти 6-й вселенскій соборъ, главнымъ же образомъ отцы

---

[1]) Прежде чѣмъ наложена была на Висковатаго эпитимія. онъ пребылъ двѣ седмицы въ соборномъ отлученіи; но когда онъ былъ подвергнутъ отлученію, не видно. Дѣло Висковатаго напечатано: въ неполномъ видѣ—въ Акт. Эксп. т. I, № 238, стр. 241; въ не совсѣмъ полномъ видѣ—въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847—1848-го года, № 3, и совсѣмъ въ полномъ видѣ (подъ названіемъ Розыска)—въ тѣхъ же Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1858-го года, кн. II.

и учители церкви, прежде и послѣ 7-го вселенскаго собора защищавшіе иконопочитаніе отъ иконоборцевъ, указывая цѣль и назначеніе иконъ и отстраняя дѣланныя противъ нихъ возраженія, говорятъ, что иконы должны быть изображеніемъ дѣйствительныхъ лицъ и дѣйствительныхъ событій, такъ чтобы иконописаніе представляло изъ себя въ строгомъ смыслѣ слова живопись историческую (было такъ сказать исторіей въ краскахъ [1]). Но иконописцы греческіе уже давно выступили изъ этихъ тѣсныхъ предѣловъ на свободу творчества, и значительной части иконъ, противъ которыхъ возставалъ Висковатый, могли быть указаны многочисленные существовавшіе образцы, каковое указаніе и сдѣлалъ митрополитъ въ своемъ отвѣтѣ Висковатому. Греческихъ образцовъ нѣкоторыхъ иконъ митрополитъ не могъ указать, потому что иконы, т.-е. сюжеты, были заимствованы новгородскими иконописцами отъ живописцевъ западныхъ. Но иконописцы писали ихъ съ существовавшихъ у нихъ подлинниковъ, и митрополитъ думалъ, что эти подлинники взяты съ древнихъ образцовъ греческихъ. Съ нѣкоторыми частными замѣчаніями Висковатаго соборъ согласился и приказалъ сообразно имъ исправить иконы [2]).

[1]) 6-й вселенскій соборъ запрещаетъ писать Спасителя въ видѣ служившаго Его прообразомъ агнца и повелѣваетъ писать Его въ собственномъ Его видѣ, вмѣстѣ съ чѣмъ говоритъ вообще противъ извѣстной категоріи изображеній.—въ правилѣ 82-мъ. Отцовъ и учителей церкви, которые говорятъ объ иконахъ указанное нами, именно - патріарха константинопольскаго Германа I, папу Григорія II, Іоанна Дамаскина, патріарховъ: александрійскаго Христофора, антіохійскаго Іова и іерусалимскаго Василія (написавшихъ въ 836-мъ году общее отъ троихъ посланіе къ импер. Θеофилу, извѣстное подъ именемъ Многосложнаго свитка), въ славянскомъ переводѣ см. въ Сборникѣ, содержащемъ «слова избранныя святыхъ отецъ о поклоненіи и о чести святыхъ иконъ» (въ количествѣ 12 ти), напечатанномъ въ Москвѣ въ 1642-мъ году и извѣстномъ подъ именемъ Малаго соборника (папа Григорій II ошибочно называется въ сборникѣ святымъ Григоріемъ Двоесловомъ). I. Дамаскинъ, кратко указывая то, что можетъ быть изображаемо на иконахъ, говоритъ: Ἁπλῷ δὲ λόγῳ εἰπεῖν, δυνάμεθα ποιεῖν εἰκόνας πάντων τῶν σχημάτον, ὧν εἴδομεν,—третье слово объ иконахъ, въ Патрол. *Миня* t. 94, col. 1344 (въ русскомъ переводѣ это слово печатается въ приложеніи къ русскому переводу Православнаго исповѣданія Петра Могилы). Писать иконы—по-гречески ἱστορεῖν εἰκόνας, см. *Дюк.* Gloss. Graecit. подъ сл. ἱστορεῖν.

[2]) Въ распятіи на крестѣ Спаситель изображенъ былъ на новыхъ иконахъ не по древнимъ греческимъ образцамъ (а по католическому обычаю) съ дланями сжатыми (а не распростертыми) и съ руками ослабленными, (а не прямо простертыми, т.-е. опустившимся, повисшимъ на нихъ). Соборъ приказалъ переписать это по древ-

Въ исторіи этого такъ сказать похода Висковатаго противъ новыхъ иконъ остается совсѣмъ непонятнымъ то, что царь и митрополитъ дозволяли ему вопить противъ нихъ цѣлыя три года. Образъ поведенія Висковатаго весьма даетъ подозрѣвать, что онъ находился съ Сильвестромъ во враждѣ и хотѣлъ привлечь на любимца государева бѣду. А образъ поведенія митрополита по отношенію къ Висковатому ясно даетъ видѣть, что онъ крайне недоволенъ былъ послѣднимъ за то, что этотъ довелъ дѣло до публичнаго соборнаго обсужденія.

Въ 1547-мъ году Иванъ Васильевичъ Грозный воспринялъ титулъ царя и торжественно вѣнчался царскимъ вѣнцомъ. Спустя десять лѣтъ послѣ сего, въ 1557-мъ году, по единомысленному, какъ это необходимо предполагать, рѣшенію съ митрополитомъ, онъ обратился съ просьбою объ утвержденіи его въ санѣ царя къ патріарху константинопольскому. Въ 1556-мъ году приходилъ въ Москву отъ патріарха константинопольскаго Діонисія за милостынею митрополитъ евгрипскій и кизическій Іоасафъ. Съ этимъ Іоасафомъ въ слѣдующемъ 1557-мъ году (30-го Января) посланъ былъ въ Константинополь про-

---

нимъ греческимъ образцамъ (А относительно изображенія Духа Св. «въ птичѣ образѣ незнаемѣ» соборъ обѣщается поискать свидѣтельствъ въ божественномъ писаніи и указъ учинить сообразно съ тѣмъ, что̀ будетъ найдено).—Согласно рѣчамъ отцовъ и учителей церкви, что невозможно изображать на иконахъ невидимое и неописуемое божество Бога Отца (патр. Германъ, папа Григорій, Іоаннъ Дамаскинъ) нѣкоторые у насъ еще и въ XVI и XVII вѣкѣ возставали противъ изображенія Бога Отца въ образѣ сѣдовласаго старца по видѣнію пророка Даніила, см. посланіе игумена Артемія противъ лютеранъ въ IV т. Русск. Историч. Библіот., col. 1305, и посланіе львовскаго братства къ патр. Іереміи 1592-го года въ Акт. Зап. Росс. т. IV, № 33, стр. 43, col. 2 sub fin.: а о статьѣ, написанной въ защиту этой иконы извѣстнымъ чудовскимъ монахомъ Евѳиміемъ, ученикомъ Епифанія Славинецкаго, см. въ Опис. синодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 337, л. 184, стр. 806. Подробное описаніе иконы Спасителя, на которой онъ представленъ въ образѣ царя Давида,—въ сейчасъ указанномъ Описаніи, № 322, л. 243 об., стр. 639, а благопріятное мнѣніе объ этой иконѣ преп. Максима Грека, который и вообще былъ не противъ сочиненія иконъ или не противъ сочиненныхъ иконъ, передаваемое въ письмѣ его толмача Дмитрія Герасимова къ дьяку Мисюрю-Мунехину, см. въ Прибавлл. къ творр. свв. отцц., ч. XVIII, стр. 190.—Въ иконописаніи митр. Макарій былъ болѣе или менѣе спеціалистъ, ибо самъ былъ до той или до другой степени иконописецъ, см. Никон. лѣт. т. VII, стрр. 238 и 269 (въ 1555-мъ году вмѣстѣ съ Благовѣщенскимъ протопопомъ Андреемъ, послѣдующимъ митрополитомъ Аѳанасіемъ, онъ поновлялъ образъ Николы Великорѣцкаго, «бѣ бо иконному писанію навыченъ...; иконному бо писанію митрополитъ и Андрей научени сей хитрости»...).

сить у патріарха утвердительной грамоты государю въ санѣ царя бывшій архимандритъ Спасо-Евѳиміева монастыря Ѳеодоритъ, о которомъ сказали мы выше, какъ объ одномъ изъ лицъ, подвергшихся суду за вольномысліе. Преемникомъ патр. Діонисія Іоасафомъ II и прислана была въ 1562-мъ году прошенная государемъ утвердительная грамота, которая, бывъ написана въ 1561-мъ году (не означенныхъ мѣсяца и числа), подписана кромѣ самого Іоасафа 32-мя митрополитами константинопольской патріархіи, однимъ архіепископомъ и тремя епископами [1]).

Дѣло объ этой патріаршей утвердительной грамотѣ со всею вѣроятностію нужно понимать такъ, что Иванъ Васильевичъ, бывъ вѣнчанъ царскимъ вѣнцомъ отъ своего митрополита, съ одной стороны—не находилъ нужнымъ искать благословенія патріарха константинопольскаго, а съ другой стороны—не надѣялся получить это благословеніе, такъ какъ для патріарха признать русскаго государя царемъ, преемникомъ царей константинопольскихъ, значило какъ бы отказаться отъ надежды на возстановленіе греческаго царства въ Константинополѣ, и что патріархъ чрезъ митр. Іоасафа самъ предложилъ государю утвердить его въ санѣ царя своею грамотою. Не находя нужною для себя грамоты, но въ то же время считая ее весьма небезполезною, Иванъ Васильевичъ, по совѣту, какъ необходимо предполагать, съ митрополитомъ, и поспѣшилъ воспользоваться предложеніемъ патріарха. Что же касается до этого послѣдняго, то у него былъ нехудой замысель, съ одной стороны, стать по отношенію къ русскому государю, такъ сказать, на ногу папы, а съ другой стороны—создать своей каѳедрѣ большой временный или повременный источникъ дохода. Патріархъ утверждаетъ въ своей грамотѣ, будто царскаго вѣнчанія не можетъ совершить не только какой нибудь митрополитъ, въ томъ числѣ и московскій, но что и между патріархами имѣютъ право на это только двое—римскій и константинопольскій, и въ приложенномъ къ грамотѣ частномъ письмѣ предлагаетъ государю, чтобы посолъ его—патріарха (тотъ же митрополитъ евгрипскій и кизическій Іоасафъ), какъ его экзархъ, повторилъ надъ нимъ отъ лица его—патріарха царское вѣнчаніе [2]). Если бы на Москвѣ признали ученіе патріарха, что ему

[1]) Въ греческомъ подлинникѣ съ славянскими переводами грамота издана въ 1850-мъ году *кн. Оболенскимъ* подъ заглавіемъ: «Соборная грамота православной восточной церкви, утверждающая санъ царя за великимъ княземъ Іоанномъ IV Васильевичемъ. 1561-го года».

[2]) См. въ сочиненіи *Н. Ѳ. Каптерева* Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 29.

исключительно принадлежитъ право царскаго вѣнчанія, и если бы согласились, чтобы посолъ его повторилъ вѣнчаніе Ивана Васильевича: то создали бы себѣ такую же зависимость отъ патріарха, въ какой находились отъ папы императоры западные, и за вѣнчаніе каждаго потомъ государя должны были бы платить ему болѣе или менѣе значительную сумму денегъ. Щедро заплативъ за полученную грамоту (не только самому патріарху, но и всѣмъ подписавшимъ ее архіереямъ), Иванъ Васильевичъ вовсе не призналъ ученія патріарха и вовсе не изъявилъ желанія быть вторично вѣнчаннымъ на царство отъ его посла.

Черезъ годъ и восемь мѣсяцевъ послѣ отправленія въ Константинополь Ѳеодорита, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1558-го года, посланы были на Востокъ, для раздачи милостыни, новгородскій архидіаконъ Геннадій и купецъ Василій Позняковъ. Посольство это замѣчательно тѣмъ, что, по свидѣтельству 2-й Новгородской лѣтописи, на архидіакона Геннадія вмѣстѣ съ раздачей милостыни было возложено еще порученіе «обычаи въ странахъ тѣхъ писати» [1]). Если бы архидіаконъ исполнилъ порученіе и если бы его записки дошли до насъ, тогда мы могли бы видѣть, въ чемъ состояло порученіе, и если не видѣть, то догадываться: съ какою цѣлію было оно дано. Но архидіаконъ умеръ въ Константинополѣ, не исполнивъ порученія [2]). Правда, спутникъ его Василій Позняковъ оставилъ послѣ себя записки, но записки, содержащія не описаніе обычаевъ греческихъ, а разсказъ о посѣщеніи имъ въ Египтѣ патріарха александрійскаго Іоакима и потомъ обыкновенное паломническое или поклонническое описаніе Синая и Іерусалима [3]). Такимъ образомъ, о цѣли, съ которою дано было порученіе архидіакону Геннадію писать обычаи греческихъ странъ, остается дѣлать только предположенія. Единственно вѣроятное, что можетъ быть предполагаемо, это—что царь и митрополитъ желали знать: до какой степени справедливо установившееся у насъ тогда мнѣніе о Грекахъ, будто у нихъ повреждена чистота истиннаго православія. Но на другой вопросъ: почему царь и патріархъ желали знать,—потому ли что

---

[1]) Собр. лѣтт. III, 159 (у *Карамз.* т. VIII, прим. 587, col. 81 fin.).

[2]) См. у *Муравьева* въ Сношеніяхъ Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. I. 98 fin..

[3]) Записки Познякова, называемыя «Хожденіемъ во Іерусалимъ и по инымъ святымъ мѣстамъ», напечатаны въ I кн. Чтен. Общ. Истор. и Древн. за 1884-й годъ и отдѣльно Палестинскимъ Обществомъ въ 1887-мъ году, составляя 18-й выпускъ его сборника.

они сомнѣвались въ справедливости мнѣнія или что наоборотъ, бывъ увѣрены въ его справедливости, хотѣли имѣть возможно бо́льшія его доказательства, трудно отвѣчать и предположительно. Возможно, что ни первое ни второе, а просто желали удовлетворить своему любопытству. У насъ тогда проповѣдывалось и принималось, что у Грековъ «вѣра православная испроказилася Махметовою прелестію отъ безбожныхъ Турокъ» [1]: и царь съ митрополитомъ могли любопытствовать, до какой степени испроказилась вѣра и въ чемъ именно состояло это испрокаженіе.

Остается сказать намъ о литературной дѣятельности митр. Макарія или, точнѣе говоря, объ его дѣятельности въ области литературы. Объ этой дѣятельности его мы скажемъ здѣсь кратко, такъ какъ пространныя и обстоятельныя рѣчи о ней будемъ вести во второй половинѣ тома, въ главѣ о письменности взятаго нами періода времени.

Мы говорили выше, что Макарій не былъ писателемъ и что онъ знаменитъ въ области литературы не какъ таковой. Однако къ словамъ этимъ должна быть сдѣлана оговорка: онъ не былъ писателемъ нарочитымъ и настоящимъ, но все таки оставилъ послѣ себя нѣкоторыя литературныя произведенія. А поэтому и рѣчи въ настоящемъ случаѣ прежде его дѣятельности неавторской должны быть о дѣятельности авторской, выразившейся въ этихъ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ. Но и прежде рѣчей объ авторской дѣятельности Макарія мы должны еще коснуться вопроса объ его пастырски-учительной дѣятельности неписьменной.

Выше мы сказали, что лѣтопись усвояетъ Макарію даръ учительнаго и назидательнаго собесѣдованія,—что, по ея свидѣтельству, дана бысть ему отъ Бога мудрость въ божественномъ писаніи бесѣдовать повѣстьми многими, чтобы было просто всѣмъ разумѣти. Такъ какъ лѣтопись говоритъ объ учительности Макарія по тому поводу, что онъ, прибывъ въ первый разъ въ Новгородъ въ санѣ архіепископа, обратился къ народу съ учительнымъ словомъ въ св. Софіи: то иные хотятъ понимать ея свидѣтельство въ томъ смыслѣ, что она говоритъ о наклонности Макарія къ церковному проповѣдничеству. Затѣмъ, указываютъ на другое свидѣтельство. Игуменъ новгородскаго Хутынскаго монастыря Ѳеодосій, бывшій потомъ преемникомъ Макарія на архіепископской каѳедрѣ, въ одномъ изъ своихъ посланій къ нему, писанныхъ

---

[1] Говоритъ это извѣстный макарьевскій писатель житій святыхъ псковскій священникъ Василій въ житіи Саввы Крыпецкаго, см. у *Ключевскаго* въ Житіяхъ, стр. 228.

въ то время, какъ онъ, бывъ архіепископомъ, находился въ Москвѣ, говоритъ: «желательнѣйши ми есть сіе, еже близъ быти тебѣ и види(ѣ)ти великаго пастыря, въ храмѣ святыа Софѣа премудрости Божіа на своемъ престолѣ сѣдяща и ученіа медоточнаго рѣкы изливающа и напаающа душа(-ы)» [1]. Сопоставляя это второе свидѣтельство съ первымъ, хотятъ думать, что Макарій усердно упражнялся въ церковномъ проповѣдничествѣ, но что онъ говорилъ свои слова экспромтомъ или безъ писанія,—что онѣ остались незаписанными и такимъ образомъ не дошли до насъ. Если бы это дѣйствительно было такъ, то Макарій представлялъ бы собой не только замѣчательнѣйшее исключеніе для своего времени, но весьма не незамѣчательное исключеніе и для всего послѣдующаго времени вплоть до нынѣшняго нашего. Но все это не болѣе какъ фантазіи. Объ употребленіи Макаріемъ бывшаго присущимъ ему дара назидательно-учительнаго собесѣдованія должно думать, что оно состояло не въ публичномъ и настоящемъ проповѣдничествѣ, а въ частныхъ бесѣдахъ съ людьми. Въ исключительныхъ случаяхъ Макарій могъ сказывать и, какъ мы знаемъ, дѣйствительно сказывалъ настоящія слова или поученія; но, нѣтъ сомнѣнія, сказывалъ вовсе не экспромптомъ. Если бы Макарій обладалъ невѣроятною для человѣка его образованности способностію сказывать слова экспромптомъ и если бы онъ имѣлъ невѣроятный для его времени обычай дѣлать это, то, по его порученію или безъ его порученія, слова несомнѣнно были бы записываемы и дошли бы до насъ письменными. Что касается до приведеннаго обращенія къ Макарію архим. Ѳеодосія, то оно представляетъ собой не болѣе, какъ изысканный комплиментъ [2].

Немногочисленныя литературныя произведенія митр. Макарія суть: два поученія и одна рѣчь, сказанныя государю, и три посланія, адресованныя—два къ тому же государю и одно къ его войску. Поученія сказаны митрополитомъ государю: одно при его вѣнчаніи царскимъ вѣнцомъ, другое при его браковѣнчаніи съ Анастасіею Романовной; рѣчь произнесена предъ государемъ при его побѣдоносномъ возвращеніи въ Москву изъ третьяго и послѣдняго казанскаго похода (29-го Октября 1552-го года). Изъ трехъ посланій первое по времени есть

---

[1]) Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 50, стр. 31 col. 2 нач..

[2]) На какіе монструозные (при помощи письмовника, сочиненнаго греческими риторами) комплименты былъ способенъ Ѳеодосій, см. выдержку изъ другаго его посланія къ Макарію, приводимую въ статьѣ *свящ. Николаевскаго*: «Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ».—въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 137 (1868-го года), стр. 326 прим..

адресованное къ войску, именно—отъ 25-го Мая 1552 го года: оно адресовано къ войску, находившемуся въ городѣ Свіяжскѣ, который годъ тому назадъ былъ основанъ въ 20-ти (тогдашнихъ) верстахъ отъ Казани, какъ сторожевая и операціонная противъ нея крѣпость; два посланія къ государю писаны во время его третьяго казанскаго похода: одно, отъ 13-го Іюля того же 1552-го года, когда государь на своемъ пути подъ Казань былъ въ Муромѣ; другое, отъ неизвѣстнаго числа послѣ 18-го Августа и до 1-го Сентября, когда государь выступилъ изъ Свіяжска подъ самую Казань. Въ поученіи къ государю, сказанномъ при его вѣнчаніи царскимъ вѣнцомъ, содержатся увѣщанія къ нему о соблюденіи царскихъ обязанностей и о ревнованіи по царскимъ добродѣтелямъ [1]). Въ поученіи государю при его браковѣнчаніи содержатся наставленія объ обязанностяхъ христіанскихъ, царскихъ и супружескихъ [2]). Въ привѣтственной рѣчи государю при его возвращеніи изъ казанскаго похода прославляется Богъ, даровавшій государю свѣтлую и преславную побѣду, и самъ государь, показавшій великіе труды для достиженія этой побѣды [3]). Посланіе въ Свіяжскъ написано по тому поводу, что здѣшніе воеводы прислали къ государю съ извѣстіями о свирѣпствованіи въ городѣ цынги и мора и о несчастномъ исходѣ нашихъ вылазокъ противъ непріятелей. Такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ до Москвы дошли слухи о худомъ поведеніи находившагося въ Свіяжскѣ гарнизона: то митрополитъ увидѣлъ въ постигшихъ его несчастіяхъ наказаніе Божіе за его грѣхи и рѣшился пастырски вразумить и обличить людей привлекшихъ на себя, а вмѣстѣ съ собою и на государство, кару небесную: преподавъ свіяжскимъ воинамъ наставленія о христіанской добродѣтельной жизни, митрополитъ строго обличаетъ ихъ за свирѣпствовавшій между ними развратъ естественный и особенно противуестественный (содомитизмъ [4]). Въ посланіяхъ къ государю митрополитъ одушевляетъ и увѣщеваетъ его къ мужественному и крѣпкому стоянію противъ врага [5]).

---

[1]) Вивліоѳ. VII, 20 нач., и Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 39, стр. 48 col. 1. Поученіе читается въ чинѣ царскаго вѣнчанія царя. Кѣмъ составленъ чинъ—Макаріемъ или не Макаріемъ, не знаемъ: но если онъ составленъ не Макаріемъ, то поученіе должно быть усвояемо не составителю чина, а самому Макарію: содержащіяся въ немъ наставленія отличаются такой отеческой небоязненностью, что другой не вложилъ бы ихъ въ уста Макарію.

[2]) Вивліоѳ. XIV, 227, и Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 40, стр. 53.

[3]) Никон. лѣт. VII, 193.

[4]) Никон. лѣт. VII, 108, Акт. Ист. т. I, № 159, стр. 287.

[5]) Посланіе въ Муромъ—въ Никон. лѣт. VII, 130, и Акт. Ист. т. I, № 160,

Отлагая до дальнѣйшаго обстоятельныя рѣчи о сейчасъ указанныхъ литературныхъ произведеніяхъ митр. Макарія, здѣсь замѣтимъ только, какъ служащее къ его характеристикѣ со стороны нравственной, что въ своихъ поученіяхъ къ государю и отчасти въ своихъ посланіяхъ къ нему онъ учительно говоритъ ему о царскихъ и вообще христіанскихъ добродѣтеляхъ со всею нельстивою небоязненностію.

Славу Макарія въ исторіи литературы, какъ мы говорили, составляетъ его дѣятельность издательская и еще дѣятельность, которую мы не умѣемъ обозначить однимъ словомъ и которая состояла въ томъ, что онъ, представляя изъ себя какъ бы древняго графа Румянцева, старался достигнуть осуществленія книжно-литературныхъ потребностей времени при помощи другихъ.

Послѣ взятія Константинополя Турками русское государство стало на мѣсто исчезнувшей византійской имперіи; а вмѣстѣ съ государствомъ и русская церковь заняла первенствующее положеніе между

стр. 290; посланіе подъ Казань—въ отрывкѣ изъ лѣтописи въ Собр. лѣтт. VI. 308.— Въ двухъ сборникахъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря читается съ именемъ митр. Макарія весьма краткое поученіе противъ разговаривающихъ въ церкви: напечатано *В. И. Жмакинымъ* въ приложеніи къ его изслѣдованію: «Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія», стр. 84. Описатель рукописей Троицкой Сергіевой Лавры усвояетъ митр. Макарію читаемое въ одномъ сборникѣ лаврской библіотеки (№ 739, л. 615) «Изъ правилъ св. отець поученіе дѣтемъ духовнымъ», но неизвѣстно, на какомъ основаніи, и вопреки вѣроятности (ибо въ поученіи дѣти духовныя приглашаются молить Господа Бога, «чтобы Господь Богъ избавилъ отъ бесурменьства и отъ латынства»).—Немногія учительныя и увѣщательныя слова, съ которыми Макарій обратился къ войску, шедшему во второй походъ подъ Казань, во Владимирѣ—Никон. лѣт. VII, 67, и благословеніе, преподанное имъ государю на построеніе Свіяжска,—ibid. стр. 74, вовсе не составляютъ его рѣчей, какъ литературныхъ произведеній.—Правительственныя извѣстныя грамоты митр. Макарія суть: 1) въ Вотскую пятину объ искорененіи остатковъ язычества отъ 25-го Марта 1534-го года.—Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 28, 2) Духовскому монастырю объ общежитіи,—Акт. Ист. т. I, № 292 (обѣ относятся ко времени архіепископства Макаріева въ Новгородѣ), 3) о празднованіи новымъ святымъ, уложенномъ на соборѣ 1547-го года, отъ 26-го Февраля 1547-го года,—Акт. Эксп. т. I, № 213, 4 и 5) двѣ наказныя послѣ Стоглаваго собора,—см. выше, 6) объ учрежденіи въ Москвѣ поповскихъ старостъ,—Акт. Эксп. т. I, № 232, 7 и 8) двѣ уставныя по жалобамъ новгородскихъ священниковъ,—Акт. Эксп. т. I, № 229 и Временн. кн. XIV, Смѣси стр. 15, 9) новгородскому архіепископу Пимину отъ 8-го Февраля 1558-го года съ разрѣшеніемъ двухъ случаевъ при богослуженіи,—Акт. Эксп. т. I, № 253, 10) въ Соловецкій монастырь о бывшемъ Троицкомъ игуменѣ Артеміи,—ibid. № 239.

всѣми частными православными церквами. Но всякая церковь зиждется на основаніи ученія апостоловъ и отцовъ. Слѣдовательно, русская церковь сообразно требованіямъ ея новаго положенія должна была обладать полнымъ вѣдѣніемъ той сокровищницы апостольско-отеческой письменности, которая была въ ней скоплена и которою она располагала, и должна была поставить себя въ возможность пользованія всею ею. И вотъ, митрополитъ Макарій, удовлетворяя этой, условливавшейся временемъ, потребности, и задумалъ великое относительнымъ образомъ предпріятіе собранія въ одно мѣсто всѣхъ святыхъ книгъ, обрѣтавшихся въ русской землѣ. Онъ осуществилъ свою мысль такимъ образомъ, что взялъ планъ Четіихъ-Миней,—что подъ днями мѣсяцевъ помѣстилъ не только проложныя (краткія) и минейныя (пространныя) сказанія о праздникахъ и житія святыхъ, но и всѣ существовавшія на дни слова и всѣ принадлежавшія святымъ дней творенія, насколько могъ найти тѣ и другія, и что церковно-учительныя сочиненія писателей несвятыхъ и безъименныя помѣстилъ на концахъ мѣсяцевъ въ видѣ прибавленій. Бывъ одушевляемъ мыслію о высокомъ положеніи русской церкви еще за долго до того времени, какъ сталъ митрополитомъ, Макарій началъ свое предпріятіе еще когда былъ архіепископомъ новгородскимъ: трудившись надъ его осуществленіемъ въ продолженіе 12-ти лѣтъ въ Новгородѣ онъ окончательно совершилъ его уже въ Москвѣ и не ранѣе 1552-го года [1]), такъ что всего трудился надъ нимъ около 20-ти лѣтъ. Плодомъ трудовъ были 12-ть, по числу мѣсяцевъ, огромнѣйшихъ фоліантовъ, которые носятъ названіе Великихъ Макарьевскихъ Четь-Миней. Такъ какъ Макарій трудился надъ собираніемъ не самъ непосредственно, а при помощи другихъ, то съ его собственной стороны былъ не столько трудъ, сколько траты и заботы. Но несомнѣнно, что предпріятіе стоило ему огромныхъ денежныхъ затратъ и потребовало очень много заботъ; онъ самъ говоритъ о новгородскомъ времени собиранія Миней: «писалъ есми сія святыя книги въ Великомъ Новѣградѣ, какъ есми тамо былъ архіепископомъ, а писалъ есми и собиралъ и во едино мѣсто ихъ совокуплялъ дванадесять лѣтъ, многимъ имѣніемъ и многими различными писари, не щадя

---

[1]) Въ концѣ 1552-го года Макарій приложилъ экземпляръ своихъ Четіихъ-Миней въ Московскій Успенскій соборъ, см. вкладную къ нимъ, напечатанную *Ундольскимъ* въ предисловіи къ изданному имъ Оглавленію Миней, составленному въ концѣ XVII в. извѣстнымъ ученымъ того времени чудовскимъ монахомъ Евфиміемъ, также *архим. Іосифомъ* въ составленномъ имъ Подробномъ оглавленіи Четіихъ-Миней.

серебра и всякихъ почестей» [1])... Практическаго значенія великое предпріятіе Макарія не имѣло. Если бы у насъ было въ его время книгопечатаніе и если бы это книгопечатаніе находилось въ такомъ положеніи, что его Четь-Минеи могли быть напечатаны: то люди богатые стали бы покупать ихъ, чтобы такимъ образомъ пріобрѣтать цѣлыя библіотеки отеческихъ твореній. Но книгопечатанія при Макаріи у насъ еще не было, а послѣ введенія книгопечатанія у насъ уже не бывало другаго Макарія и вовсе никому не приходило на умъ смѣлой мысли напечатать его Четь-Минеи; переписывать же огромные сборники было совершенно внѣ средствъ всякихъ частныхъ людей. Не имѣвъ значенія практическаго, Четь-Минеи Макарія имѣли значеніе нравственное: эти 12-ть огромнѣйшихъ фоліантовъ свидѣтельствовали, что русская церковь обладала отеческой литературой въ полномъ достаткѣ.

Что касается до втораго, указаннаго выше, вида дѣятельности митр. Макарія, то она посвящена была исторіи церкви и государства.

Макарій установилъ торжественныя церковныя празднованія всѣмъ русскимъ святымъ, которыхъ Богъ прославилъ какъ таковыхъ. Онъ же показалъ усердную заботливость и о распространеніи ихъ славы между людьми, средствомъ къ чему служатъ ихъ житія. Нѣкоторые изъ канонизованныхъ имъ святыхъ вовсе не имѣли до тѣхъ поръ житій, и онъ озаботился, чтобы житія были составлены; другія имѣли житія, но неудовлетворительно составленныя, и онъ озаботился, чтобы житія болѣе удовлетворительнымъ образомъ были обработаны. Житій впервые написанныхъ и исправленныхъ по порученію митр. Макарія насчитывается до 10-ти. Его усердная заботливость о житіяхъ имѣла и то общее значеніе, что весьма оживила у насъ агіографическую письменность,—что эта его усердная заботливость о житіяхъ пробудила таковую же заботливость и въ другихъ.

Государство, вступившее въ новый, высшій, періодъ политическаго существованія, должно было позаботиться о своемъ прошломъ, чтобы, съ одной стороны, это прошлое, становившееся для него достояніемъ исторіи, хорошо знать исторически, а съ другой стороны—чтобы объ этомъ прошломъ, приведшемъ его къ настоящему, имѣть осмысленное представленіе. Митр. Макарій позаботился объ удовлетвореніи обѣихъ этихъ потребностей. Съ первою цѣлію была составлена по его порученію такая лѣтопись, которая бы представляла возможно полный сводъ лѣтописныхъ извѣстій (обо всей Руси за исключеніемъ Новгорода, который имѣлъ свою отдѣльную исторіографію); это—такъ называемая

[1]) Въ сейчасъ выше помянутой вкладной.

Никоновская лѣтопись (весьма неудачно названная своимъ нынѣшнимъ именемъ отъ того, что рукописный экземпляръ ея, съ котораго она напечатана, принадлежалъ патр. Никону). Со второю цѣлію былъ составленъ по тому же порученію Макарія опытъ настоящей исторіи; это—Степенная книга, названная такъ по тому, что повѣствованіе расположено въ ней по степенямъ или по правленіямъ государей.

(Весьма подозрѣваемъ, что Софійскій Временникъ, имѣющій тоже отношеніе къ исторіографіи Новгорода, что́ Никоновская лѣтопись къ исторіографіи остальной Руси, составленъ былъ также по порученію Макарія).

Извѣстенъ одинъ большой переводъ съ латинскаго, сдѣланный по порученію митр. Макарія; это именно—переводъ своднаго толкованія на Псалтырь, составленнаго Бруномъ, епископомъ Гербиполенскимъ или Вирцбургскимъ (XI в.), сдѣланный посольскимъ толмачемъ Дмитріемъ Герасимовымъ, о которомъ упоминали мы выше, какъ о сотрудникѣ преп. Максима Грека, въ 1535-мъ году [1]).

Выше въ двухъ мѣстахъ мы обѣщали сказа́ть въ настоящей главѣ, посвященной митр. Макарію: во-первыхъ, о крещеніи Лопарей, которое началось въ правленіе митр. Даніила, но продолжалось и при Макаріи; во-вторыхъ, о попыткахъ папъ привлечь насъ—Русскихъ къ союзу съ римскою церковію, которыя начались со времени брака вел. кн. Ивана Васильевича съ Софьей Ѳоминишной въ 1472-мъ году и которыя продолжались до времени митр. Макарія и далѣе. Исполняемъ теперь наши обѣщанія.

Лопари или Лапландцы, весьма небольшой, т. е. весьма немногочисленный, народъ финнскаго племени, въ древнее и старое время обитали въ предѣлахъ нашего отечества не только на составляющемъ сѣверо-западный уголъ Россіи полуостровѣ, который, бывъ образуемъ заливомъ сѣвернаго океана—Бѣлымъ моремъ, называется по ихъ имени Лапландіей, а по находящемуся на немъ городу Колѣ—Кольскимъ полуостровомъ, но и вдоль юго-западнаго берега Бѣлаго моря, вдаваясь на югѣ болѣе или менѣе далеко изъ архангельской губерніи въ олонецкую губернію. До настоящаго времени уцѣлѣли Лопари, живущіе въ Лапландіи или на Кольскомъ полуостровѣ; а что касается Лопарей юго-западнаго берега Бѣлаго моря, то они уже совершенно обрусѣли. Вторые Лопари, теперь уже не существующіе, были крещены сполна или не совсѣмъ сполна въ неизвѣстное время болѣе или ме-

---

[1]) Описаніе Синодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 77 (Собр. лѣтт. VI. 298 fin.).

нѣе задолго до митр. Даніила [1]), и мы имѣемъ говорить исключительно о первыхъ Лопаряхъ, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени и живущихъ въ Лапландіи или на Кольскомъ полуостровѣ.

Подъ 1526-мъ годомъ читается въ лѣтописяхъ: «Того же лѣта 34 (т. е. 7034-го отъ С. М., которое есть 1526-й годъ отъ Р. Х.) пріѣхаша къ государю великому князю Василью Ивановичу на Москву Поморцы и Лопяни съ моря Окіяна, изъ Кандолжской губѣ, усть Невы рѣки, изъ Дикой Лопи, и били челомъ государю великому князю, а просили антимиса и священниковъ церковь священати и просвѣтити ихъ святымъ крещеніемъ; и государь князь великій велѣлъ послати богомолцу своему архіепископу Макарію изъ Новагорода отъ соборныя церкви священника и діякона; и они ѣхавше священали церковь Рожество Іоанна Предотечи, и многихъ Лоплянъ крестиша во имя Отца и Сына и Святаго Духа, въ нашу православную христіянскую святую вѣру» [2]).

Лопари, о которыхъ говорится въ приведенномъ извѣстіи лѣтописей, жили въ верховьяхъ Кандалакскаго залива Бѣлаго моря, въ мѣстности, гдѣ теперь село Кандалакша, находящееся при впаденіи въ заливъ рѣки, которую лѣтописи называютъ Невой и которая теперь называется Нивой (самое большое селеніе на полуостровѣ послѣ города Колы, имѣющее 74 двора и представляющее собою одинъ изъ главныхъ промышленныхъ пунктовъ архангельской губерніи,—Географич.-статистич. словарь *Семенова*, сл. Кандалакша). Кто расположилъ кандалакскихъ Лопарей къ принятію христіанства, такъ что они прежде крещенія построили и церковь, остается неизвѣстнымъ. Но необходимо думать, что это былъ какой нибудь пустынникъ или были какіе нибудь пустынники или изъ Соловецкаго монастыря или же изъ неизвѣстнаго монастыря съ материка. Герберштейнъ, бывшій во второй разъ въ Москвѣ именно въ 1526-мъ году (съ 26-го Апрѣля по 11-е

---

[1]) Въ 1530-мъ году вел. кн. Василій Ивановичъ далъ грамоту Лопнявамъ или Лопарямъ, жившимъ по рѣкамъ Кеми (впадающей въ Бѣлое море противъ Соловецкаго монастыря на Соловецкомъ островѣ) и Шуѣ (впадающей въ то же море нѣсколько ниже Кеми), «крещенымъ и некрещенымъ»,—Собр. госудд. грамм. и договв. I, 436. Но возможно, что «крещенымъ и некрещенымъ» тутъ только канцелярская форма, принятая относительно инородцевъ (это «крещенымъ и некрещенымъ» повторяется и въ подтвердительныхъ грамотахъ Грознаго,—ibid. стрр. 437 и 438).

[2]) Софійскій Временникъ *Строева*, II, 359, и отрывокъ лѣтописи въ Собр. лѣтт.. VI, 282.

Ноября) пишетъ: «Особенную заботу духовныхъ (русскихъ) составляетъ то, чтобы приводить какихъ либо людей къ своей вѣрѣ; монахи-отшельники уже значительную часть прежнихъ идолопоклонниковъ, долго и настоятельно посѣевая между ними слово Божіе, привлекли къ вѣрѣ Христовой; и теперь отправляются они въ разныя области, лежащія къ сѣверу и востоку, которыхъ достигаютъ съ великимъ трудомъ, терпя голодъ и подвергая опасности жизнь, и не ожидаютъ и не ищутъ какой либо выгоды, но единственно стремятся къ тому, чтобы сдѣлать дѣло угодное Богу и чтобы души многихъ, увлеченныхъ въ заблужденіе (утверждая иногда смертію ученіе Христово) возвратить на правый путь и пріобрѣсти ихъ Христу» [1]). Послы отъ Лопарей къ великому князю должны были прибыть въ Москву, когда находился въ ней Герберштейнъ, и нужно полагать, что какъ на современныхъ проповѣдниковъ христіанства между язычниками ему указывали именно на неизвѣстныхъ намъ просвѣтителей нашихъ язычниковъ. Лопари обратились съ своей просьбой къ самому великому князю, а не къ архіепископу новгородскому, какъ слѣдуетъ думать, потому, что они отправили свое посольство, когда Макарій еще не былъ назначенъ въ архіепископы новгородскіе или что когда онъ, посвященный въ архіепископы, еще не пріѣзжалъ въ Новгородъ (бывъ поставленъ въ архіепископы Новгородскіе 4-го Марта 1526-го года, онъ пріѣхалъ въ Новгородъ спустя пять мѣсяцевъ 29-го Іюля). Если неизвѣстные пустынники, расположившіе Лопарей къ принятію христіанства, сами не крестили ихъ: то необходимо понимать это такъ, что они не имѣли сана священства.

Подъ 1532-мъ годомъ читается въ лѣтописяхъ: «Тое же зимы пріѣхаша въ Великій Новгородъ Лопляни съ Мурманскаго моря, съ Колы рѣки, съ Тутоломи, и били челомъ государеву пресвященному архіепископу Макарію и просили антимисовъ и священниковъ, церкви Божія свящати и самѣхъ просвѣтити святымъ крещеніемъ; и боголюбивый архіепископъ Макарій посла отъ соборныя церкви святѣй Софіи священника и діакона, и они ѣхавше церкви Божія свящали,—Благовѣщенье святѣй Богородицы да чудотворца Николу, въ Филиповъ постъ, и самѣхъ многихъ крестиша, за Святымъ носомъ, Лоплянъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, въ нашу православную и святую вѣру» [2]).

---

[1]) У *Старчевскаго*, t. I, p. 30, col. 2.

[2]) Тѣ же Софійск. Временникъ *Строева*, II. 371, и отрывокъ лѣтописи въ Собр. лѣтт. VI. 289.

Лопари, о которыхъ говорится въ нашемъ второмъ извѣстіи лѣтописей, жили въ мѣстности нынѣшняго города Колы, который находится на берегу залива сѣвернаго океана, между устьями рѣкъ Колы и Туломы,—въ лѣтописяхъ Тутоломы, впадающихъ въ заливъ не далеко одна отъ другой, и двѣ церкви, поставленныя Лопарями и освященныя священникомъ, были именно въ томъ селеніи или становищѣ (волосткѣ), которое потомъ стало городомъ Колой. О неизвѣстныхъ проповѣдникахъ христіанства кольскимъ Лопарямъ должно быть сказано то же самое, что̀ мы выше сказали о проповѣдникахъ христіанства кандалакскимъ Лопарямъ. Когда лѣтописцы говорятъ, что кольскіе Лопари жили за Святымъ носомъ, то обнаруживаютъ не особе̂нно хорошее знаніе топографіи и слова ихъ нужно понимать въ томъ несобственномъ смыслѣ, что—гораздо далѣе Святаго носа.

Одновременно съ тѣмъ или вслѣдъ за тѣмъ, какъ Лопарей кольскихъ обратили въ христіанство неизвѣстные пустынники, къ Лопарямъ, жившимъ на западъ отъ Колы къ норвежской границѣ, по двумъ, впадающимъ въ сѣверный океанъ, рѣкамъ—Пазѣ, которая почти на всемъ протяженіи своего теченія служитъ границей между Россіей и Норвегіей [1]), и Печенгѣ, которая течетъ параллельно съ Пазой верстахъ во 100 отъ нея на востокъ и верстахъ въ 250—300 на западъ отъ Колы, явился съ проповѣдью христіанства пустынникъ, извѣстный по имени. Это—преподобный Трифонъ Печенгскій. Преп. Трифонъ, уроженецъ неизвѣстно точнымъ образомъ—какого мѣста новгородской области [2]), въ лѣта юности возжелалъ подвизаться подвигомъ, которымъ въ его время подвизались многіе, именно—подвигомъ пустынно-

---

[1]) Въ настоящее время рѣка Паза (въ житіи преп. Трифона и въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича 1675-го года,—Акт. Ист. т. IV, № 254, стр. 549, col. 2 sub fin.: Пазъ-рѣка, въ Книгѣ большему чертежу ошибочно: Таза), вытекающая изъ озера Энаре и называемая у Норвежцевъ Пазвигомъ, у Финновъ—Пацъ-Іокки, послѣдними нѣсколькими верстами своего теченія принадлежитъ Норвегіи, но до 1828-го года она служила границей между Россіей и Норвегіей на всемъ своемъ протяженіи.

[2]) Авторъ житія Трифонова говоритъ: «Сей святый великій проповѣдникъ и пустынный житель преподобный отецъ Трифонъ рожденіе и воспитаніе имѣя въ новгородцкихъ предѣлехъ, отъ самого ли Новаграда или отъ иныхъ новгородцкія страны градовъ и весей, того въ писаніи не обрѣтаемъ; глаголет же ся отъ нѣкихъ, якобы отечество преподобнаго близъ града Торжка, отъ освященныхъ, благочестно живущихъ, родителей». Житіе Трифона, написанное спустя болѣе или менѣе много времени послѣ его смерти и очень скудное фактическими свѣдѣніями, напечатано въ Правосл. Собесѣдникѣ 1859-го года, ч. 2, стр. 94.

жительства, и къ которому онъ хотѣлъ присоединить еще и другой подвигъ—приведенія къ Христу блуждавшихъ во тьмѣ язычества, желаніемъ чего, по приведенному выше свидѣтельству Герберштейна, одушевлялись тогда многіе пустынники: для обоихъ подвиговъ онъ и отправился въ западную, пограничную съ Норвегіей, часть Лапландіи. Выучившись языку Лопарей, онъ обратился къ нимъ съ своею проповѣдію и послѣ неизвѣстно сколь продолжительныхъ усилій расположилъ ихъ къ принятію христіанства [1]). Не имѣя сана священства, преподобный не крестилъ Лопарей самъ, но, приготовивъ зданіе для будущей церкви будущимъ христіанамъ, онъ отправился за священникомъ, который бы крестилъ оглашонныхъ имъ и освятилъ церковь, въ Новгородъ къ архіепископу [2]). Время, когда совершено было крещеніе пазо-печенгскихъ Лопарей, не указанное въ житіи преп. Трифона, можетъ быть опредѣлено только приблизительнымъ образомъ. При церкви, которую построилъ преподобный для обращенныхъ имъ (поставивъ ее на рѣкѣ Печенгѣ, въ 7-ми верстахъ выше ея устья) и которая освящена была во имя Св. Троицы, онъ устроилъ монастырь, а о монастырѣ этомъ, называя его монастыремъ честнымъ, въ которомъ совокуплена была многа чета иноческаго пребыванія, говоритъ преп.

---

[1]) Авторъ житія представляетъ дѣло такъ, что Лопари, желая прогнать отъ себя проповѣдника христіанства, чинили ему «неисповѣдимыя пакости: за власы торгаху и о землю метаху и біяху и пхаху» и покушались на самую его жизнь,—печатн. стр. 99 sub fin.: но это увѣреніе автора житія болѣе чѣмъ сомнительно. И по старымъ и по новымъ свидѣтельствамъ, Лопари—народъ весьма трусливый и дѣтски-боязливый, такъ что усвоять имъ какія нибудь неисповѣдимыя пакости по отношенію къ Трифону совсѣмъ невѣроятно (авторъ, по всей вѣроятности, вдохновляется въ данномъ случаѣ Епифаніевымъ житіемъ Стефана Пермскаго).

[2]) Авторъ житія въ нашемъ второмъ случаѣ представляетъ дѣло не только не ладно, но и совсѣмъ нелѣпо: за благословеніемъ на построеніе церкви и за ея строителями онъ заставляетъ Трифона идти въ Новгородъ, а священника для крещенія Лопарей и для освященія церкви заставляетъ его разыскивать по всей Лапландіи и «нечаемо» или случайно найти въ Колѣ. Но священникъ долженъ былъ имѣть антиминсъ и получить благословеніе отъ архіепископа, и слѣдовательно—Трифонъ необходимо долженъ былъ итти за нимъ въ Новгородъ. Іеронинока т.-е. іеромонаха Илію, котораго будто бы Трифонъ нечаемо нашолъ въ Колѣ, авторъ житія находитъ въ лѣтописяхъ: а чтобы іеромонахъ Илія лѣтописей, котораго архіепископъ Макарій два раза, въ 1534-мъ и 1535-мъ году, посылалъ въ Чудь, Ижору и Карелу, утверждать христіанство у этихъ инородцевъ, о чемъ говорили мы выше, доходилъ до Колы въ Лапландіи, предполагать это нѣтъ никакого основанія.

Максимъ Грекъ въ предисловіи къ житію соловецкихъ чудотворцевъ [1]). Подвизавшись болѣе или менѣе продолжительное время среди пазо-печенгскихъ Лопарей послѣ ихъ обращенія въ христіанство, преп. Трифонъ скончался, по показанію его житія, имѣя 88-мь лѣтъ отъ роду, 14-го Декабря 1582-го года [2]).

Кромѣ Трифона Печенгскаго извѣстенъ по имени еще другой просвѣтитель Лопарей, это—Θеодоритъ, о которомъ уже нѣсколько разъ говорили мы выше, постриженникъ Соловецкаго монастыря, послѣ Соловецкаго монастыря жившій въ нѣсколькихъ другихъ монастыряхъ и мѣстахъ, передъ 1556-мъ годомъ бывшій архимандритомъ суздаль-

---

[1]) Казанск. изд. Максима—III, 266 fin. (Варяжскій градъ у Максима Варгавъ, отъ котораго монастырь, по его словамъ, отстоялъ яко шестьдесятъ поприщь, есть норвежскій городъ Vardöehuus. Уединенный монастырь св. Николая на Печенгѣ противъ Варгава, упоминаемый въ шведскихъ дѣлахъ подъ 1555-мъ годомъ,—*Карамз.* VIII, 150 нач., нѣтъ сомнѣнія, есть нашъ монастырь св. Троицы, ошибочно называемый монастыремъ св. Николая). Извѣстна грамота, данная царемъ Иваномъ Васильевичемъ Трифонову Печенскому монастырю, напечатанная въ Исторіи іерархіи,—IV, 582, и въ Описаніи Архангельской губерніи *Козьмы Молчанова*.—стр. 230: но мы весьма сомнѣваемся въ ея подлинности. Помѣченная 21-мъ Ноября 1556-го года, она начинается: «По умоленію дѣтей своихъ царевича князя Іоанна Іоанновича и царевича князя Θеодора Іоанновича пожаловалъ есма»... Между тѣмъ въ 1556-мъ году царевичу Ивану было лишь два года, а царевичъ Θедоръ еще и не родился. Потомъ, и это вступленіе въ оффиціальномъ актѣ: «По умоленію дѣтей своихъ»... вовсе не располагаетъ вѣрить въ грамоту (И въ грамотѣ монастырю царя Алексѣя Михайловича 1675-го года не упоминается о нашей грамотѣ при указаніи прежнихъ грамотъ монастырю: Акт. Ист. т. IV, № 254, стр. 547 col. 2).

[2]) Житіе преп. Трифона не ставитъ его ни въ какую связь съ Соловецкимъ монастыремъ, но преп. Максимъ Грекъ въ помянутомъ предисловіи къ житію соловецкихъ чудотворцевъ представляетъ дѣло такъ, что монастырь Трифоновъ въ болѣе или менѣе значительной степени обязанъ своимъ существованіемъ Соловецкому монастырю.—Монастырь Трифоновъ, раззоренный въ 1590-мъ году Шведами, перенесенъ былъ послѣ того въ Колу, въ которой закрытъ въ 1764-мъ году. Въ недавнее время онъ возобновленъ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ.—Преп. Трифонъ погребенъ былъ не въ самомъ Троицкомъ монастырѣ, а въ находившейся верстахъ въ 20-ти отъ него вверхъ по рѣкѣ Печенгѣ Успенской отходной пустынѣ.—Кромѣ монастыря и пустыни грамота царя Алексѣя Михайловича 1675-го года называетъ поставленьемъ старца Трифона существующую до настоящаго времени (не знаемъ—въ первоначальномъ ли видѣ) церковь Бориса и Глѣба, находящуюся на рѣкѣ Пазѣ въ 5-ти верстахъ отъ ея устья (у самой теперешней Норвежской границы).—стрр. 549 fin. и 555 col. 2.

скаго Евѳиміева монастыря, а въ семъ послѣднемъ году сужденный и осужденный за вольномысліе и посланный не надолго въ заключеніе, въ 1557-мъ году посыланный Грознымъ въ Константинополь къ патріарху за утвердительной грамотой въ санѣ царя и наконецъ за что-то (за ходатайство будто бы объ извѣстномъ Андреѣ Михайловичѣ Курбскомъ) казненный будто бы государемъ. Сейчасъ помянутый А. М. Курбскій, сообщающій подробныя, но не отличающіяся обстоятельностію и надежностію, свѣдѣнія о Ѳеодоритѣ, увѣряетъ, что онъ былъ крестителемъ Лопарей, живущихъ около устья рѣки Колы. Но мы положительно знаемъ, что здѣшніе Лопари крещены до Ѳеодорита, миссіонерская дѣятельность котораго между язычниками должна быть относима приблизительно къ году 1545-му. Не полагая, чтобы Курбскій совсѣмъ выдумывалъ эту дѣятельность Ѳеодорита, нужно будетъ думать, что онъ былъ крестителемъ того или другаго числа Лопарей восточной части Кольскаго полуострова, жившихъ по рѣкѣ Поною, которая течетъ въ серединѣ восточной части полуострова съ запада на востокъ и впадаетъ въ Бѣлое море въ его сѣверномъ верховьи, и отъ рѣки Поноя—вверхъ къ Святому носу и внизъ къ Терскому и по Терскому берегу [1]).

Что касается до крещенія этихъ понойскихъ или терскихъ Лопарей, то извѣстна грамота царя Ивана Васильевича отъ 20-го Февраля 1575-го года, данная на имя нѣкоего старца Ѳеогноста, изъ которой оказывается, что часть нашихъ Лопарей крещена довольно задолго до сего года, а что другая часть оставалась некрещенной и въ семъ году. Царь пишетъ въ своей грамотѣ, что выборные крещеныхъ и некрещеныхъ Лопарей данной мѣстности били ему челомъ, что напередъ сего

---

[1]) Курбскій увѣряетъ, что Ѳеодоритъ создалъ на устьѣ рѣки Колы монастырь во имя Св. Троицы. Но со всею вѣроятностію нужно думать, что за Ѳеодоритовъ Кольскій монастырь Св. Троицы онъ принимаетъ Трифоновъ Печенгскій монастырь Св. Троицы, при чемъ свѣдѣнія беретъ изъ помянутаго, написаннаго преп. Максимомъ Грекомъ, предисловія къ житію соловецкихъ чудотворцевъ (въ которомъ основатель монастыря не называется по имени) и при чемъ переноситъ монастырь съ Печенги на Колу потому, что, какъ видно изъ его разсказа о посѣщеніи Ѳеодоритомъ созданнаго имъ монастыря послѣ удаленія изъ послѣдняго, онъ (Курбскій) полагаетъ, что Кола была еще далѣе Печенги. Если дѣйствительно созданъ былъ Ѳеодоритомъ монастырь или монастырекъ, то онъ находился гдѣ нибудь на сейчасъ указанной территоріи понойскихъ Лопарей. Но при этомъ весьма странно и далеко не особенно вѣроятно, что, по словамъ Курбскаго, Ѳеодоритъ, введшій въ своемъ монастырѣ строгое общежитіе, выгнанъ былъ изъ него не хотѣвшими терпѣть общежитія его монахами.

по ихъ—Лопарей просьбѣ онъ—государь приказалъ имъ поставить на рѣкѣ Поноѣ церковь апостоловъ Петра и Павла и снабдилъ ее отъ себя всѣмъ нужнымъ,—что они—Лопари церковь поставили и сами крестились, а иные креститься не поспѣли, потому что та церковь запустѣла отъ сильныхъ людей насильства и беречи-де было тое церкви равно какъ и ихъ самихъ, отъ сильныхъ людей некому, и что теперь они—Лопари просятъ его—государя, чтобы некрещеныхъ между ними онъ повелѣлъ крестить, а старыхъ и больныхъ и увѣчныхъ изъ числа крещеныхъ постригать въ иноческій чинъ у помянутой церкви и церковь строить и между ними управу чинить ему—старцу Ѳеогносту. Согласно просьбѣ Лопарей, царь поручилъ старцу Ѳеогносту, имѣвшему производить съ Лопарей вмѣсто руги извѣстныя взиманія, устроить по старинѣ церковь апостоловъ Петра и Павла и устроить или приговорить къ ней священника, который бы за опредѣленную плату исправлялъ у Лопарей требы (а самому накрѣпко оберегать ихъ отъ всякихъ сильныхъ людей насильства и продажи [1]). Въ 1581-мъ году церковь апостоловъ Петра и Павла, продолжавшая стоять безъ пѣнія, т. е. для которой старецъ Ѳеогностъ по той или другой причинѣ ничего не сдѣлалъ, была поручена государемъ въ завѣдываніе Троицкому Сергіеву монастырю (желавшему пользоваться рыбными ловлями въ половинѣ рѣки Поноя, данной Лопарями къ церкви [2]).

Обращаемся къ попыткамъ папъ привлечь насъ—Русскихъ къ союзу съ римскою церковію.

Мы сказали выше, что папа Павелъ II и кардиналъ Виссаріонъ, рѣшивъ въ 1469-мъ году предложить руку Софьи Ѳоминишны вел. кн. Ивану Васильевичу, мало мечтали при этомъ о новомъ привлеченіи московской Руси къ флорентійской уніи, такъ какъ убѣдительный примѣръ Исидора былъ еще слишкомъ въ живой памяти, и что они устраивали бракъ главнымъ образомъ изъ желанія привлечь московскаго государя къ союзу западныхъ государей противъ Турокъ, о которомъ они усердно хлопотали [3]). Но должно думать, что они отпускали царевну

---

[1]) Грамота въ Акт. Экспед., т. I. № 288, стр. 334.

[2]) Грамота ibid. № 309, стр. 373.

[3]) Выше мы сказали, что Пирлингъ въ La Russie et le Saint-Siège усвояетъ иниціативу сватовства къ Софьѣ вел. кн. Ивана Васильевича не Риму, а Москвѣ. Ссылаясь на документы ватиканскаго архива, Пирлингъ утверждаетъ, что въ половинѣ 1468-го года приходило въ Римъ посольство изъ Москвы отъ Ивана Фрязина,—t. I. p. 132—133. Если это правда, то нужно будетъ представлять дѣло такъ, что Ивану Васильевичу или самому пришла или кѣмъ-нибудь подана была

въ Москву съ гораздо бо́льшими мечтами относительно уніи, нежели съ какими предлагали ея руку великому князю. Дѣло въ томъ, что посыланный государемъ въ Римъ смотрѣть невѣсту и потомъ привезти ее въ Москву его денежный мастеръ Иванъ Фрязинъ (итальянецъ изъ Виченцы Жанъ Баттиста Волпе) увѣрялъ папу и кардиналовъ, будто великій князь, отказавшись признавать власть патріарха константинопольскаго послѣ того, какъ этотъ подпалъ варварскому игу Турокъ, желаетъ приступить къ уніи флорентійской и признаетъ папу намѣстникомъ Христовымъ [1]). Какъ велъ себя въ Москвѣ сопровождавшій царевну легатъ папскій Антоній, совершенно ничего неизвѣстно ни изъ русскихъ лѣтописей, ни изъ ватиканскихъ актовъ [2]). Возможно, что онъ совсѣмъ не заводилъ рѣчей объ уніи, бывъ рѣшительнымъ образомъ предупрежденъ относительно сего приставами государя, которые встрѣтили невѣсту въ Юрьевѣ (Дерптѣ). Если же заводилъ, то тотчасъ же долженъ былъ получить совершенно категорическій отвѣтъ, что хотя великій князь дѣйствительно не признаетъ власти патріарха константинопольскаго, но что тѣмъ не менѣе и о признаніи власти папы римскаго вовсе не помышляетъ [3]). Послѣ свѣдѣній, полученныхъ относительно московскихъ расположеній и настроеній отъ Антонія, должны бы были прекратиться попытки папъ привлечь насъ къ союзу съ римскою церковію. Но и послѣ Антонія не переставали находиться люди, которые увѣряли папъ, будто русскіе государи имѣютъ готовность приступить къ уніи съ ними, и которые возбуждали папъ дѣлать попытки о привлеченіи государей къ уніи. Съ другой стороны, сами государи, хотя прямо и рѣшительно отвѣчали на папскія предложенія,

---

мысль жениться на Софьѣ,—что, опасаясь отказа, онъ не началъ съ формальнаго сватовства, а напередъ послалъ для частныхъ развѣдокъ,—что съ послами, ходившими въ Римъ для этихъ развѣдокъ, и было въ 1469-мъ году прислано Виссаріономъ формальное предложеніе руки Софьи.

[1]) См. у *Карамзина*—VI, 40, взятое у Райнальда изъ его Annales ecclesiastici, и у самого *Райнальда* въ сихъ Annales, an. 1472, n. 48 sqq.

[2]) См. у *Пирлинга* въ La Russie et le Saint-Siège, I, 173.

[3]) Что касается до диспута, на который вызвалъ легата митр. Филиппъ: то отъ него нельзя сдѣлать никакого заключенія. Могъ имѣть митрополитъ желаніе посрамить легата въ богословскомъ преніи не только въ томъ случаѣ, если онъ заводилъ рѣчи объ уніи, но и въ томъ случаѣ, если онъ не заводилъ этихъ рѣчей. Въ послѣднемъ случаѣ, чтобы предупредить всякія попытки рѣчей со стороны легата объ уніи (лѣтописи даютъ знать, что диспутъ былъ предрѣшенъ у митрополита еще до прибытія легата).

что какъ напередъ того съ Божьею волею отъ прародителей своихъ законъ греческій они держатъ крѣпко, такъ и потомъ съ Божьею волею законъ свой держати крѣпко хотятъ (см. ниже), вели себя такъ, что какъ бы поддерживали нѣкоторую надежду на благопріятный конецъ попытокъ. Они не только не чуждались обсылокъ или дипломатическихъ сношеній съ папами, но усердно поддерживали послѣднія, заявляя, что они хотятъ быть въ дружбѣ и согласіи съ папами. Эти обсылки, во-первыхъ, льстили ихъ самолюбію, какъ обсылки съ главой западно-европейскаго міра; во-вторыхъ, поддержаніе черезъ обсылки хорошихъ отношеній къ папамъ имъ нужно было для того, что со времени женитьбы Ивана Васильевича на Софьѣ Ѳоминишнѣ государи наши начали выписывать съ запада, преимущественно изъ Италіи, ремесленниковъ, техниковъ и художниковъ, и что папы, въ случаѣ дурныхъ отношеній къ нимъ государей, могли много воспрепятствовать имъ въ вызовѣ нужныхъ имъ людей. По сейчасъ сказанному, начиная съ женитьбы Ивана Васильевича на Софьѣ Ѳоминишнѣ, у насъ начались довольно дѣятельныя сношенія съ папами, при чемъ папы помышляли и старались о привлеченіи нашихъ государей къ союзу съ римскою церковію, а государи, вовсе не помышляя объ этомъ союзѣ и бывъ рѣшительно противъ него, поддерживали сношенія по другимъ, указаннымъ нами, побужденіямъ. Мы передадимъ свѣдѣнія объ этихъ сношеніяхъ, далеко не отличающіяся впрочемъ полнотой, въ хронологическомъ порядкѣ сихъ послѣднихъ.

Вмѣстѣ съ легатомъ папы Антоніемъ, который послѣ 11-недѣльнаго пребыванія въ Москвѣ отпущенъ былъ изъ нея 26-го Января 1473-го года [1]), или вслѣдъ за нимъ посланъ былъ государемъ въ Венецію, жаловаться на неладное поведеніе въ Москвѣ венеціанскаго посла Тревизана, Антонъ Фрязинъ, племянникъ Ивана Фрязина. Изъ Венеціи Антонъ ходилъ въ Римъ и возвратился въ Москву, 25-го Апрѣля 1474-го года [2]), какъ узнаёмъ изъ одного польскаго источника съ какими-то дѣлами отъ папы къ великому князю [3]).

---

[1]) Никон. лѣт. VI, 52 нач., Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 176 fin.

[2]) Никон. лѣт. VI, 56, Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 179 нач..

[3]) Длугошъ въ своей Польской исторіи пишетъ, что въ Февралѣ мѣсяцѣ 1474-го года пришелъ къ королю польскому венеціанскій посолъ Антоній, именно—нашъ Антонъ, возвращавшійся изъ Италіи, который просилъ проводить его въ Москву, quaedam negotia summi Pontificis illic apud Principem Moschoviae acturus.—Лейпцигск. изд. 1712-го года t. II. col. 509.

Спустя немного послѣ возвращенія Антона, 24-го Іюля 1474-го года, великій князь послалъ въ Италію, отчасти, по дѣлу того же Тревизана, отчасти, вѣроятно, по поводу того, что̀ привезъ Антонъ отъ папы, отчасти за хорошимъ архитекторомъ, своего посла—Семена Толбузина, сопровождать котораго назначенъ былъ тотъ же Антонъ Фрязинъ и который возвратился изъ Рима 26-го Марта 1475-го года, приведши съ собою знаменитаго архитектора Аристотеля Фіоравенти [1]) (Аристотелю одновременно сдѣланы были предложенія отъ великаго князя московскаго и отъ султана турецкаго: если онъ предпочелъ перваго, который далеко былъ ниже султана въ отношеніи къ могуществу и блеску, то не невозможно подозрѣвать тутъ вліяніе папы).

Въ 1483-мъ году, съ какого-то неизвѣстнаго намъ повода, въ Польшѣ распространился слухъ, будто великій князь московскій послалъ къ папѣ пословъ просить у него царскаго или королевскаго достоинства [2]). Слухъ этотъ, долго державшійся, дошелъ до Австріи, и посолъ императора германскаго Николай Попель, бывшій въ Москвѣ въ 1489-мъ году, представлялъ здѣсь, что только одинъ императоръ имѣетъ право давать королевское достоинство и что великій князь, если желаетъ получить послѣднее, долженъ обратиться къ нему — императору [3]).

Въ 1488-мъ году послалъ великій князь выѣзжихъ изъ Константинополя Грековъ—братьевъ Дмитрія и Мануила Ивановыхъ Ралевыхъ въ Римъ, въ Венецію и Медіоланъ. Возвратившись изъ Италіи зимой 1489—90-го года послы привели съ собой изъ Венеціи лекаря мистра Леона жидовина (котораго весьма скоро постигла несчастная судьба)

---

[1]) Никон. лѣт. VI, 58 и 59 fin., Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII 180 и 181 нач..

[2]) См. посланіе папы къ королю польскому отъ 7-го Февраля 1484-го года у *Тейнера* въ Monumenta Poloniae, t. II, № CCLVII, p. 230 (дошелъ до короля, какъ сообщено было папѣ и какъ папа сообщалъ королю, слухъ, quod dux Moskowie oratores ad nos misit, petiturus a nobis imperialem vel regalem dignitatem in tota Ruthenica natione).

[3]) См. *Аделунга* Обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700-го года, русск. перев. ч. I, стр. 101 fin..—По поводу такихъ же, позднѣе носившихся, слуховъ, Герберштейнъ пишетъ: Scribunt quidam, Moscum a Pontifice Romano et a Caesare Maximiliano (1493—1519) nomen expetivisse et titutum Regium: mihi verisimile non videtur, praesertim cum nulli homini infestior sit, quam summo Pontifici et quem nonnisi Doctoris titulo dignatur. Caesarem autem Romanum non majorem se existimat.—у *Старчевскаго* p. 13, col. 2.

«и иныхъ мастеровъ Фрязь—стѣнныхъ и полатныхъ и пушечныхъ и серебряныхъ» [1]).

9-го Іюля 1490-го года возвратился изъ Рима посолъ великаго князя Грекъ Юрій Траханіотъ, неизвѣстно когда отправлявшійся изъ Москвы [2]).

Въ 1494-мъ году лѣтомъ возвратились въ Москву послы великаго князя Грекъ Мануйло Ангеловъ и Данило Мамыревъ, которыхъ посылалъ великій князь «мастеровъ для» въ Венецію и Медіоланъ и которые привели съ собою Алевиза, стѣннаго и палатнаго мастера, Петра пушечника и иныхъ мастеровъ [3]).

Въ Мартѣ 1499-го года послалъ великій князь въ Италію «о своихъ потребахъ» пословъ своихъ Грека Дмитрія Иванова Ралева и Митрофана Ѳёдорова Карачарова, которые возвратились въ концѣ 1504-го года, приведши съ собой «многихъ мастеровъ серебряныхъ и пушечниковъ и стѣнныхъ» [4]).

Тѣ или другіе изъ пословъ, ходившихъ въ Италію въ 1494-мъ и въ 1499-мъ годахъ, или же, можетъ быть, и тѣ и другіе были въ Римѣ для какихъ-то переговоровъ, не приведшихъ ни къ чему. Папа Климентъ VII писалъ въ 1524-мъ году вел. кн. Василію Ивановичу, что, какъ онъ слышалъ, при его предшественникѣ папѣ Александрѣ, занимавшемъ престолъ съ 1492-го года по 1503-й годъ, русскіе послы по нѣкоторымъ дѣламъ приходили въ Римъ, но что, къ прискорбію, ничего не было сдѣлано (Tui legati componendarum rerum causa in urbe Roma versarentur, sed nihil fuise conclusum [5]). Вѣроятно, что переговоры были о присоединеніи московскаго великаго князя къ союзу западныхъ государей противъ Турокъ, воевать съ которыми наши великіе князья не имѣли никакого желанія, но говорить о войнѣ съ которыми были вовсе не прочь (маня папъ своею притворною готовно-

---

[1]) Никон. лѣт. VI, 123 нач. и 125.—Пирлингъ на основаніи документовъ миланскаго архива говоритъ, что 24-го Іюня 1486-го года являлся въ Миланъ въ качествѣ московскаго посла (неизвѣстно—за чѣмъ) Грекъ по имени Юрій Percancotes.—La Russe et le Saint-Siège, I, 202.

[2]) Никон. лѣт. VI, 126 нач..

[3]) Никон. лѣт. VI, 140, Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 228.

[4]) Никон. лѣт. VI, 156 sub fin. и 171, Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 236 и 244.

[5]) См. у *протоіер. Григоровича* въ его изданіи: Переписка папъ съ россійскими государями въ XVI-мъ вѣкѣ, стр. 10.

стью присоединиться къ союзу западныхъ государей и откладывая это присоединеніе подъ разными предлогами).

О сношеніяхъ съ папами великаго князя Василія Ивановича, который заступилъ мѣсто умершаго отца 27-го Октября 1505-го года, ничего неизвѣстно до 1511-го года. Затѣмъ, Павелъ Іовій говоритъ въ своемъ сочиненіи De legatione Moscovitica, что въ то время, какъ происходилъ Латеранскій соборъ (начавшійся въ Маѣ 1512-го года и продолжавшійся до Марта 1515-го года), великій князь Василій, у котораго пылала война съ Польшею, хотѣлъ при посредствѣ датскаго короля Іоанна послать посольство къ папѣ Юлію II, но что за случившейся почти въ одинъ день смертью короля (20-го Февраля 1513-го года) и папы (19-го Февраля 1513-го года) отложилъ намѣреніе посылать посольство [1]).

На помянутомъ Латеранскомъ соборѣ рѣшенъ былъ крестовый походъ христіанскихъ государей противъ Турокъ. Къ участію въ походѣ приглашаемъ былъ папою и великій князь московскій посредствомъ грамоты, написанной отъ лица собора 29-го Ноября 1513-го года [2]).

8-го Сентября 1514-го года Поляки одержали при городѣ Оршѣ блистательную побѣду надъ Русскими. Папа въ Римѣ торжественно отпраздновалъ эту побѣду, какъ побѣду своихъ католиковъ надъ еретиками, и тѣмъ, по словамъ Павла Іовія, не мало отчуждилъ отъ себя и великаго князя Василія и весь его народъ [3]). Послѣ этого сношенія возобновились въ 1517-мъ году. Папа все хлопоталъ объ устроеніи крестоваго похода противъ Турокъ, который рѣшенъ былъ на Латеранскомъ соборѣ въ 1513-мъ году, и съ цѣлію побужденія и убѣжденія государей составить военный союзъ онъ послалъ въ 1515—1516-мъ году по дворамъ ихъ своего легата, монаха Домниковскаго ордена,

---

[1]) У *Старчевскаго*, t. I, p. 4, col. 1 sub fin.. Фидлеръ въ своей статьѣ: Ein Versuch der Vereinigung der Russischen mit Römischen Kirche im Sechzehnten Iahrhundert, S. 6 fin., не совсѣмъ лѣпо утверждаетъ, перетолковывая Іовія, будто великій князь просилъ короля ходатайствовать передъ папою, чтобы его послы были допущены на Латеранскій соборъ.

[2]) См. у *Пирлинга* въ La Russie et le Saint-Siège, I. 260 нач. (на отвѣтственности котораго и оставляемъ извѣстіе).—Записка, поданная собору въ Апрѣлѣ 1514-го года архіепископомъ гнезненскимъ Іоанномъ Ласкимъ, о русскомъ народѣ и его заблужденіяхъ—у *Тургенева* въ Historica Russiae Monimenta, t. I, № CXXIII, p. 123.

[3]) У *Старчевскаго*, t. I, p. 4, col. 1 sub fin..

Николая Шомберга, родомъ нѣмца изъ Пруссіи. У Николая Шомберга былъ братъ Дитрихъ Шомбергъ (называемый въ нашихъ лѣтописяхъ и посольскихъ дѣлахъ Ѳеодорикусомъ Шимборкомъ, Теодрихомъ Шхемборкомъ), котораго въ Мартѣ 1517-го года магистръ прусскаго нѣмецкаго ордена Альбрехтъ послалъ въ Москву къ великому князю для заключенія наступательнаго союза противъ короля польскаго [1]. Своему брату Дитриху Николай Шомбергъ и поручилъ хлопотать о томъ, чтобы привлечь великаго князя къ союзу западныхъ государей противъ Турокъ и вмѣстѣ чтобы привлечь его къ союзу съ римскою церковію. Дитриху Шомбергу на его хлопоты было отвѣчено: «Государь нашъ съ папою хочетъ въ дружбѣ и согласьѣ быти о дѣлѣхъ о которыхъ; а какъ напередъ того государь нашъ съ Божьею волею отъ прародителей своихъ законъ греческій держалъ крѣпко, такъ и нынѣ съ Божьею волею законъ свой держати крѣпко хочетъ» [2]. Но Николай Шомбергъ (какъ видно, малый, что̀ называется, не дуракъ) донесъ папѣ, будто дѣло о привлеченіи великаго князя къ указаннымъ союзамъ доведено его стараніемъ и трудами уже до того, что можно имѣть нѣкоторую надежду на благопріятное окончаніе. Вслѣдствіе такого донесенія Николая папа въ 1518—мъ году рѣшилъ было послать въ Россію его самого. Но посольство почему-то не состоялось (можетъ быть, отклонилъ его самъ Шомбергъ, знавшій отъ брата объ истинномъ положеніи дѣла и вовсе не надѣявшійся привести его къ тому благопріятному окончанію, надежду на которое онъ обманнымъ образомъ подалъ папѣ [3]).

---

[1]) Никон. лѣт. VI, 206. Софійск. 2 лѣт. и Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 258 и VIII, 260, у *Карамз.* VII, 50.

[2]) См. у *Карамз.* т. VII, прим. 191.—А обѣщалъ было Шомбергъ отъ лица папы, что «непобѣдимѣйшаго царя всея Русіи папа хочеть короновати во крестьянскаго царя», а митрополита московскаго «возвысити и учинити патріархомъ, какъ было преже константинопольской»,—ibid. прим. 189.

[3]) Грамота папы великому князю, имѣвшая быть доставлена послѣднему Шомбергомъ, отъ 4-го Іюня 1518-го года, и наказъ Шомбергу отъ 1-го Октября того же года у *протоіер. Григоровича* въ изданіи: Переписка папъ съ россійскими государями въ XVI вѣкѣ, стрр. 94 и 97; одинъ наказъ у *Тейнера* въ Monumenta Poloniae. I, 378 (Шомбергъ называется Sambirg'омъ). Въ наказѣ папа говоритъ, что если великій князь соединится съ римскою церковію на условіяхъ флорентійской уніи: то онъ—папа украситъ его королевскою честію и титломъ и будетъ имѣть его въ числѣ любезнѣйшихъ своихъ сыновей, и съ охотою возложитъ на него всѣ украшенія, коими возможно ему—папѣ почтить его—князя (что̀ доносилъ Шомбергъ объ успѣхѣ своихъ хлопотъ, объ этомъ говоритъ папа въ наказѣ).

Въ 1519-мъ году король польскій Сигизмундъ, находившійся въ войнѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ, просилъ папу о посредничествѣ между нимъ—королемъ и великимъ княземъ. Въ Римѣ, послѣ того, какъ обсудилъ дѣло комитетъ кардиналовъ, рѣшено было въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1518-го года послать въ Москву посла, епископа гардіенскаго Захарію. Но посольство, какъ и предшествующее, почему-то не состоялось. Посолъ короля польскаго, чтобы побудить папу взять на себя роль и хлопоты посредника, увѣрилъ его, будто великій князь имѣетъ расположеніе приступить къ союзу съ римскою церковію, и папа начинаетъ свое посланіе къ великому князю, которое имѣло быть представлено ему епископомъ Захаріей: «Послѣ того какъ намъ донесено людьми, достойными вѣры, что благородіе твое, подвигнутое божественнымъ вдохновеніемъ, имѣетъ въ помышленіи, чтобы возвратиться къ союзу и повиновенію святой римской церкви» и пр. [1]).

Въ 1520-мъ году прибылъ въ Москву, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ папы, генуезецъ Павелъ Чентуріоне, съ цѣлію попытаться открыть новый торговый путь въ Индію. Не успѣвъ достигнуть своей цѣли, онъ какимъ-то совсѣмъ непонятнымъ образомъ составилъ себѣ во время бытности въ Москвѣ убѣжденіе о возможности соединенія Русскихъ съ римскою церковію. Явившись съ этимъ убѣжденіемъ къ папѣ, онъ отправленъ былъ послѣднимъ къ великому князю въ качествѣ его посла, имѣвшаго хлопотать о соединеніи, при чемъ снабженъ былъ грамотою папы, написанною 25-го Мая 1524-го года, въ которой великій князь настоятельно убѣждается приступить къ союзу съ римскою церковію. На грамоту папы великій князь отвѣчалъ своею грамотой, помѣченной Апрѣлемъ 1525-го года, въ которой, совершенно умолчивая о церковномъ соединеніи, пишетъ: «Вы прислали къ намъ Павла капитана, генуезскаго гражданина, съ грамотою, въ коей пишете намъ, чтобы соизволили мы быть съ вами и съ другими христіанскими государями въ союзѣ противъ невѣрныхъ и чтобы послы наши могли взаимно съ обѣихъ сторонъ ходить и видѣть благосостояніе наше. Но мы, по волѣ Божіей, какъ и прежде сего стояли за христіанство, такъ и нынѣ стоимъ и впредь, волею Божіею, противъ невѣрныхъ за христіанство стоять будемъ, какъ милосердый Господь намъ въ томъ поможетъ. А съ вами и съ иными христіанскими государями желаемъ быть въ союзѣ;

[1]) Посланіе, имѣвшее быть отправленнымъ съ епископомъ Захаріей, отъ 26-го Сентября 1519-го года, — у *Тургенева* въ Historica Russiae Monimenta, I, 128, и у *протоіер. Григоровича* ibid. стр. 3; затѣмъ см. *Пирлинга* La Russie et le Saint-Siège, I, 270 sqq.

равно согласны и на то, чтобы послы наши могли ходить съ обѣихъ сторонъ и видѣть взаимное наше благосостояніе». Посылая съ Павломъ своего гонца къ папѣ, извѣстнаго посольскаго толмача Дмитрія Герасимова, и прося папу въ посланіи, безъ замедленія отпустить его назадъ, великій князь еще пишетъ папѣ: «Если благоугодно вамъ будетъ отправить къ намъ своего гонца: то пошлите его и пожалуйте чрезъ него извѣстите насъ о томъ, какъ вы устроили дѣло, чтобы съ нами какъ вамъ, такъ и прочимъ христіанскимъ государямъ, стоять противъ невѣрныхъ, и что у васъ постановлено, о томъ дайте намъ вѣдать также своею грамотою, черезъ вашего гонца» [1]).

Дмитрій Герасимовъ возвратился отъ папы въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1526-го года, приведши съ собою посла папскаго—епископа скаренскаго Іоанна [2]).

Вмѣстѣ съ епископомъ Іоанномъ великій князь послалъ къ папѣ, въ концѣ 1526-го года, своихъ пословъ—Еремѣя Матвѣева Трусова и дьяка Тимоѳея Семенова Лодыгина (въ лѣтописяхъ называемаго Шарапомъ Лодыгинымъ), которые были послѣдними послами къ папѣ Василія Ивановича [3]).

Въ первую половину правленія Ивана Васильевича Грознаго, по 1563-й годъ, когда скончался митр. Макарій, не было попытокъ со стороны папъ привлечь насъ къ союзу съ римскою церковію: но имѣла мѣсто смѣшная и непонятная комедія, въ которой отъ лица самого государя ведены были хлопоты о томъ, чтобы онъ принятъ былъ въ подчиненіе римской церкви. Выше мы упоминали о Нѣмцѣ Гансѣ Шлитте

---

[1]) Посланіе папы къ великому князю и отвѣтъ великаго князя папѣ у *протоіер. Григоровича* ibid., стрр. 9 и 19.

[2]) О возвращеніи Дмитрія Герасимова съ епископомъ Иваномъ Френчюжковымъ (sic) Никон. лѣт. VI, 232, и Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 271; объ епископѣ у *Пирлинга* въ La Russie et le Saint-Siège, I, 296 fin. sqq.

[3]) Никон. лѣт. VI, 232 fin., Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 272 нач.. Грамота великаго князя къ папѣ съ послами отъ Декабря мѣсяца 1526-го года у *протоіер. Григоровича* ibid., стр. 25.—Трусовъ и Лодыгинъ, возвратившіеся въ Москву въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1528-го года, извѣстны тѣмъ, что вывезли съ собой изъ Италіи «Повѣсть о храмѣ святыя Богородицы, въ немъ же родися отъ Іакыма и Анны» (извѣстномъ лоретскомъ). На концѣ повѣсти читается запись: «Въ лѣто 7036-е пріидоша на Москву Іюніа посланницы великаго князя Василіа Ивановича отъ папы римьскаго Климента четвертаго Еремій Трусовъ съ товарищи. иже видѣша сію святую церковь, отъ Рима 300 верстъ, и къ намъ сіе писаніе донесоша. а стоитъ та церковь посторонь Рима, въ римьской дръжавѣ папинѣ», см. Библіологич. словарь *Строева*. стр. 271 fin..

или Шлиттенѣ, именно—что въ 1547-мъ году онъ посланъ былъ Иваномъ Васильевичемъ въ западную Европу набрать для Россіи ремесленниковъ, художниковъ и ученыхъ,—что съ набранными нужными людьми онъ прибылъ было въ Любекъ, чтобы ѣхать далѣе въ Россію моремъ, но что Любчане, не желавшіе пропускать въ Россію веденныхъ имъ людей, посадили его подъ какимъ-то предлогомъ въ тюрьму, а помянутыхъ людей заставили разсѣяться, и что наконецъ послѣ полуторагодичнаго сидѣнія въ тюрьмѣ ему удалось убѣжать изъ нея. Все ли въ этомъ разсказѣ о Шлитте, принадлежащемъ ему самому, составляетъ правду, остается неизвѣстнымъ: возможно, что правду составляетъ только то, что онъ за долги сидѣлъ въ тюрьмѣ. Убѣжавъ изъ тюрьмы, Шлитте непонятнымъ образомъ и съ непонятною цѣлію задался мыслію, привести своего довѣрителя, московскаго государя, безъ спроса у него и безъ его согласія, въ подчиненіе римской церкви. Мы сказали, что съ непонятною цѣлію, ибо когда Шлитте явился бы къ Ивану Васильевичу съ извѣстіемъ, что безъ его—государя спроса и согласія онъ—Шлитте устроилъ его подчиненіе римской церкви: то его—Шлитте ожидали бы или плаха съ топоромъ или висѣлица съ веревкой. Остается думать, что, представлявъ собою исключительно сумасброда, Шлитте надѣялся, что, подчинивъ государя безъ его согласія и вѣдома римской церкви, онъ приведетъ его въ восторгъ и будетъ награжденъ по должному. Какъ бы то ни было, но Шлитте задался указанною мыслію. Затѣмъ, опять остается непонятнымъ, что онъ не самъ хотѣлъ приводить въ исполненіе свою мысль, а возложилъ это дѣло на другаго. 1-го Августа 1550-го года въ городѣ Минденѣ (который находится въ сѣверной Германіи, на рѣкѣ Везерѣ, на юго-западъ отъ Ганновера) онъ принялъ на службу къ московскому государю нѣкоего австрійскаго дворянина Іоганна Штейнберга или Штемберга, на котораго и возложилъ исполненіе своей мысли о подчиненіи государя римской церкви [1]). Вѣроятно, онъ увѣрилъ Штейнберга, бывшаго, какъ необходимо думать, одного съ нимъ поля ягодой, что государь желаетъ и ищетъ подчиненія и что въ случаѣ исполненія мысли ихъ ожидаютъ величайшія на-

[1]) Контрактъ, заключенный Шлитте съ Штейнбергомъ,—у *Тургенева* въ Historica Russiae Monimenta, t. I, № CXXX, p. 134. Далѣе у Тургенева помѣщена грамота папы къ вел. князю отъ того же 1-го числа Августа 1550-го года,—p. 140. Если бы принимать, что дата выставлена вѣрно, то нужно было бы понимать дѣло такъ, что Шлитте и Штейнбергъ сфабриковали грамоту въ самый день заключенія контракта (но у *Фидлера* въ Ein Versuch der Vereinigung грамота безъ даты).

грады. Нашелся и человѣкъ, который предложилъ свои деньги для веденія дѣла, это—нѣкій австрійскій графъ Еберштейнъ.

Заручившись настоятельнымъ рекомендательнымъ письмомъ къ папѣ императора Карла V (отъ 13-го Сентября 1551-го года), таковымъ же письмомъ состоявшаго при императорѣ папскаго нунція, а также и другихъ вліятельныхъ лицъ при императорѣ, Штейнбергъ отправился въ Римъ (послѣ 21-го Октября 1551-го года, которымъ помѣчены нѣкоторыя изъ рекомендательныхъ писемъ). Въ Римѣ съ своими заявленіями о желаніи московскаго государя присоединиться къ римской церкви сначала онъ принятъ былъ весьма благосклонно. Но потомъ дѣло перемѣнилось. О хлопотахъ его—Штейнберга привесть въ союзъ съ римскою церковію государя московскаго узналъ король польскій. Король понялъ дѣло такъ, что Иванъ Васильевичъ изъявляетъ готовность подчиниться римской церкви, желая получить отъ папы королевскій вѣнецъ; а такъ какъ онъ—король весьма не желалъ, чтобы сталъ такимъ же, какъ онъ, королемъ государь московскій, то онъ и началъ самымъ энергическимъ образомъ противодѣйствовать исполненію мнимаго плана Ивана Васильевича. При дворѣ папы образовались двѣ партіи: русская, которая стояла за то, чтобы принять русскаго государя въ подчиненіе римской церкви, и польская, которая рѣшительно этому противилась. Борьба между партіями тянулась въ продолженіе двухъ лѣтъ до конца 1553-го года, и загадочное дѣло кончилось тѣмъ, что Штейнбергъ куда-то безслѣдно изчезъ [1]).

Эпизодъ этотъ самъ по себѣ крайне интересенъ (и такъ какъ онъ все еще остается загадочнымъ, то желательно, чтобы кто нибудь занялся имъ съ возможною нарочитостію), но въ исторіи русской церкви онъ собственно не имѣетъ значенія, ибо чужіе люди куралесили на счетъ и за счетъ Москвы совершенно безъ ея согласія и вѣдома. Карамзинъ утверждаетъ, что послѣ разныхъ странствованій Шлитте въ 1557-мъ году возвратился въ Москву [2]). Если это правда: то или государь остался въ совершенной неизвѣстности объ его затѣѣ подчи-

---

[1]) Дѣло Шлитте—Штейнберга подробно излагается у *Іосифа Фидлера* въ статьѣ: Ein Versuch der Vereinigung der Russischen mit Romischen Kirche, напечатанной въ Iuniheft des Iahrganges 1862 der Sitzungsberichte der phil. hist. Classe der Wiener Kais. Akademie der Wissenschaften (XL Band, съ приложеніемъ документовъ), и у *Пирлинга* въ La Russie et Sait-Siège, I, 326 sqq.

[2]) VIII, 70 fin. и прим. 207.

нить папѣ его—государя или же онъ поплатился за свою затѣю головой [1])...

Послѣ сейчасъ нами разсказаннаго, за время до конца 1563-го года, когда скончался митр. Макарій, извѣстно о сношеніяхъ папъ съ Москвой то, что въ 1561-мъ году папа (Пій IV) приглашалъ или только намѣревался было пригласить царя Ивана Васильевича прислать своихъ пословъ на имѣвшій быть возобновленнымъ Тридентскій соборъ [2]).

Каѳедру русской митрополіи Макарій занималъ въ продолженіе двадцати одного года и девяти съ половиной мѣсяцевъ. Онъ скончался, какъ мы уже давали знать выше, въ глубокой старости, будучи 82-хъ лѣтъ, 31-го Декабря 1563-го года [3]).

---

[1]) Въ послѣднемъ случаѣ онъ не могъ попасть въ извѣстный сvнодикъ Грознаго, посланный царемъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, потому, что онъ былъ еретикъ.

[2]) Грамота папы къ царю отъ 13-го Апрѣля 1561-го года, неизвѣстно—посланная ли или только написанная и оставшаяся не посланною,—у *Тургенева* въ Historica Russiae Monimenta, I, 180. Въ 1565-мъ году, уже послѣ смерти митр. Макарія, папа послалъ или предполагалъ послать государю дѣянія Тридентскаго собора: грамота папы, съ которою онъ послалъ или намѣревался послать дѣянія, отъ 10-го Іюля 1565-го года, см. у *Пирлинга* въ La Russie et le Saint-Siège, I, 378.

[3]) Въ помянутомъ выше сказаніи «О немощи и о преставленіи» Макарія сообщается слѣдующее о предсмертной его болѣзни. 15-го Сентября, на память великомученика Никиты, митрополитъ со всѣми соборами (священниковъ) пѣлъ молебны въ Успенскомъ соборѣ и ходилъ по обычаю съ крестнымъ ходомъ къ пречистой Богородицѣ, «иже зовомое мѣсто подъ Ехоловымъ (sic: т.-е. подъ Елоховымъ, къ церкви великомученика Никиты на Старой Басманной, главный престолъ которой въ честь Владимирской Божіей Матери?), гдѣ пѣлъ молебны съ водосвятіемъ и совершилъ литургію. Въ тотъ же день послѣ вечерняго правила митрополитъ сказалъ своимъ старцамъ, что чувствуетъ себя тяжко больнымъ («нача сказывати старцемъ своимъ, что изнемогаетъ веліе тѣло студено со болѣзнью одержимо суть»; можетъ быть, нужно читать: изнемогаетъ вельми, тѣло студеною болѣзнью одержимо есть; вообще, должно думать, что митрополитъ простудился въ крестномъ ходу). Тяжко занемогши, онъ приказалъ послать въ Пафнутіевъ Боровскій монастырь, въ свое постриженіе къ игумену съ братіею, чтобы прислали старца духовнаго для береженія (его) въ немощи; изъ монастыря прислали старца Елисея, который любилъ митрополита и который ходилъ за нимъ вмѣстѣ съ его митрополичьимъ казначеемъ старцемъ Корниліемъ. Между 15-мъ и 19-мъ Сентября государь собрался къ Троицѣ на праздникъ преп. Сергія (25-го Сентября) и передъ дорогою пришолъ отпѣть напутственный молебенъ въ Успенскій соборъ; митрополитъ приказалъ свести себя

Кончая тѣмъ, съ чего начали, мы должны повторить, что съ своимъ великимъ замысломъ совершить возможно полное обновленіе русской церкви, такъ чтобы послѣдняя во всемъ объемѣ ея жизни была очищена отъ всѣхъ недостатковъ и пороковъ, Макарій занимаетъ совершенно выдающееся положеніе между всѣми высшими пастырями русской церкви, бывшими прежде него и послѣ него, какъ исключительно знаменитый между всѣми ними. Изъ этихъ высшихъ пастырей можетъ быть до нѣкоторой степени приравниваемъ къ нему только одинъ, это—стоящій на другомъ концѣ взятаго нами отдѣла времени Кириллъ III, первый митрополитъ послѣ нашествія Монголовъ (и вѣроятно, могъ бы еще быть приравниваемъ Михаилъ-Митяй, если бы ему суждено было стать митрополитомъ).

Какъ обновитель церкви, Макарій не долженъ быть представляемъ реформаторомъ, что́ уже отчасти мы давали знать выше. Онъ горячо былъ противъ недостатковъ и злоупотребленій, которые признавались за таковые общимъ голосомъ и общимъ мнѣніемъ всѣхъ или такъ называемымъ sensus communis въ обширномъ смыслѣ этого выраженія; но онъ не принадлежалъ къ числу нѣкоторыхъ людей того времени,

---

въ соборъ и простился съ государемъ. На время своего отсутствія государь приказалъ навѣщать митрополита чудовскому архимандриту Левкѣю, чудовскому старцу, своему духовнику, Аѳанасію (бывшему протопопу Благовѣщенскаго собора Андрею, преемнику Макарія на митрополичьей каѳедрѣ) и богоявленскому игумену, духовнику митрополита, Ѳеодосію. 19-го Сентября митрополитъ приказалъ соборовать себя масломъ. 4-го Ноября онъ приказалъ въ послѣдній разъ сводить себя въ Успенскій соборъ, чтобы совершить прощаніе (которое описывается въ сказаніи подробно) съ его духовенствомъ. Въ отсутствіе государя навѣщали митрополита царевичъ Иванъ и братъ государевъ Юрій Васильевичъ. Возвратившійся отъ Троицы государь посѣтилъ митрополита 3-го Декабря; митрополитъ просилъ государя отпустить его въ Пафнутіевъ монастырь, но государь убѣдилъ его отложить намѣреніе: тутъ сообщается, что митрополитъ далъ было это обѣщаніе въ 1547-мъ году, когда въ великій пожаръ 21-го Іюня, бывъ спускаемъ съ кремлевской стѣны, онъ упалъ и чуть не убился до смерти, но что по волѣ государя остался на каѳедрѣ, а епископами, собравшимися на Стоглавый соборъ или на одинъ изъ предшествующихъ соборовъ, былъ разрѣшенъ отъ обѣщанія. Начавъ послѣ сего сильно изнемогать, митрополитъ опять неотступно началъ просить государя объ отпускѣ въ Пафнутіевъ монастырь и прислалъ ему письмо объ этомъ съ его духовникомъ Аѳанасіемъ; но государь самъ приходилъ къ митрополиту съ царевичами Иваномъ и Ѳеодоромъ и потомъ присылалъ свою царицу Ма́рію (вторую супругу—Черкешенку) настоятельно просить его отложить намѣреніе. 21-го Декабря государь въ третій разъ посѣтилъ митрополита и при этомъ, выражая свое рѣшительное нежеланіе, чтобы онъ уда-

которые, возвышаясь надъ всѣми, хотѣли видѣть недостатки, злоупотребленія и неправильности тамъ, гдѣ ихъ не видѣли всѣ: онъ былъ не противъ вотчиновладѣнія монастырей, а за него; онъ не возстановилъ опредѣленія собора 1503-го года о невзиманіи платы за поставленія въ церковныя степени; онъ не отмѣнилъ опредѣленія того же собора о вдовыхъ священникахъ; въ своемъ поведеніи по отношенію къ Башкину онъ едва ли не дѣйствовалъ по тому правилу, что не пріемлется покаяніе еретика, приносимое уже послѣ того, какъ онъ обличенъ въ ереси.

За все сейчасъ указанное, Макарій обыкновенно причисляется къ іосифлянамъ или по крайней мѣрѣ къ сторонникамъ іосифлянства. Но, какъ мы говорили уже выше, іосифляне защищали то, за что было и рѣшительнѣйшее большинство духовенства, и слѣдовательно—можно было держаться однихъ и тѣхъ же убѣжденій и взглядовъ съ іосифлянами и въ то же время не принадлежать къ нимъ какъ къ таковымъ. По своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ іосифляне были ни чѣмъ инымъ, какъ представителями рѣшительнаго большинства нашего духовенства, такъ что въ семъ смыслѣ было іосифлянствующимъ это рѣшительное

лился въ Пафнутіевъ монастырь (и отошелъ на тотъ свѣтъ какъ простой монахъ) разодралъ то письмо, которое онъ прислалъ было ему—государю. 24-го Декабря государь присылалъ къ митрополиту для его навѣщенія своего боярина, съ которымъ приказалъ извѣстить его, что пѣли ему (на часахъ) многолѣтіе, и вмѣстѣ просить у него молитвъ за себя, за свое семейство и за все православное христіанство. Почувствовавъ приближеніе часа смертнаго, митрополитъ приказалъ читать канонъ на исходъ души, причастился Христовыхъ Таинъ и простившись со всѣми присутствующими приказалъ своему духовнику читать молитву отходную: скончался раннимъ утромъ 31-го Декабря, когда въ соборѣ начали благовѣстить къ заутренѣ. Погребенъ на другой день, 1-го Января 1564-го года. Когда по совершеніи отпѣванія тѣло умершаго, принесенное въ соборъ на одрѣ, положено было въ приготовленный каменный гробъ (у сѣверной стѣны), прочтена была его прощальная грамота (которая—въ Акт. Ист. т. I, № 172, стр. 328). Говорится, что во время болѣзни митрополитъ многажды говорилъ своимъ старцамъ: «видѣхъ предъ собою люди въ бѣлыхъ ризахъ»,—что передъ самой смертью началъ сказывать: «видѣхъ жену престарѣющуюся въ кельи своей (sic) предо мною стоящю». Когда передъ выносомъ тѣла изъ дома въ церковь государь приказалъ открыть лицо на прощаніе и на видѣніе, то «бысть лице его яко свѣтъ сіяя за его чистое и непорочное и духовное и милостивное житіе и за прочая добродѣтели,—не яко мертва, но яко спяща, видѣти тогда» (Въ житіи преп. Александра Свирскаго, въ сказаніи о явленіи игумену Иродіону преп. Александра вмѣстѣ съ митр. Макаріемъ, дается знать, что во время пребыванія его на каѳедрѣ митрополіи затворилось у него правое око).

большинство. Составляя въ большинствѣ особую партію, іосифляне отличались отъ него не своими убѣжденіями, а своимъ нравственнымъ характеромъ: своимъ раболѣпнымъ угодничествомъ вообще и передъ свѣтскою властію въ частности и своей, какъ это выразилось въ Даніилѣ, безпощадно-непримиримой ненавистью къ людямъ, дерзавшимъ ратовать противъ вотчиновладѣнія монастырей. Несомнѣнно, что въ этомъ смыслѣ Макарій вовсе не былъ іосифляниномъ. Онъ обладалъ въ высшей степени счастливымъ и благословеннымъ характеромъ, который дѣлалъ его истиннымъ человѣкомъ мира и миротворенія; но онъ хранилъ миръ съ людьми и водворялъ его между ними вовсе не посредствомъ угодничества имъ, какъ объ этомъ несомнѣнно даетъ заключать его поведеніе по отношенію къ государю, въ которомъ мы не видимъ ни малѣйшей тѣни угодничества [1]).

Что касается до его отношеній къ противникамъ вотчиновладѣнія монастырей, то мы уже говорили объ его отношеніяхъ къ преп. Максиму Греку. Горячій защитникъ вотчиновладѣнія онъ питалъ такое великое уваженіе къ этому горячему противнику вотчиновладѣнія, что писалъ ему: «узы твоя цѣлуетъ, яко единаго отъ святыхъ» [2]).

Черты индивидуальнаго нравственнаго характера Макарія, насколько онѣ намъ извѣстны, мы указывали выше. Онъ изображается намъ какъ человѣкъ кроткій, милостивый къ нуждающимся, усердно предстательствующій за напаствуемыхъ, миролюбивый и миротворящій и, наконецъ, какъ меценатъ книжно-трудящихся щедрый и милостивоблагопривѣтливый.

«О Боже!—восклицаетъ царь Иванъ Васильевичъ въ одномъ изъ своихъ посланій,—коль бы счастлива русская земля была, коли бы владыки таци были, яко преосвященный Макарій» [3]): вотъ настоящій и справедливѣйшій эпиграфъ къ жизнеописанію митр. Макарія!

---

[1]) Курбскій въ одномъ мѣстѣ обвиняетъ Макарія въ угодничествѣ царю (Сказаній стр. 135). Но обвиненіе не имѣетъ смысла, ибо въ данномъ мѣстѣ Курбскій долженъ бы былъ обвинять не митрополита въ угодничествѣ царю, а наоборотъ—царя въ угодничествѣ митрополиту.

[2]) См. посланіе Максима къ Макарію, напечатанное въ приложеніи къ статьѣ: «Максимъ Грекъ», въ Москвитянинѣ 1842-го года, ч. VI, № 11, стр. 91.

[3]) Въ посланіи къ Гурію казанскому отъ 5-го Апрѣля 1557-го года, напечатанномъ въ Татищевско-Миллеровскомъ изданіи Судебника, 2 изд. 1786-го года стр. 229 fin.. Авторъ житія св. митр. Филиппа, желая восхвалить послѣдняго, говоритъ: «благій нравъ подражая благолюбиваго Макарія митрополита, усердно потщася послѣдовати честнымъ стопамъ его» (у *преосв. Макарія* въ Ист., VI, 299, примѣч.).

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 41 fin.. Ханы золотоордынскіе не воспрещали своимъ татарскимъ царевичамъ, боярамъ и чиновникамъ отъѣзжать на службу къ нашимъ князьямъ (въ Родословной книгѣ, изданной *Новиковымъ*, показанъ очень длинный рядъ боярскихъ родовъ, выѣзжихъ изъ Орды,— ч. II стр. 421). Но необходимымъ условіемъ пріема князьями на службу этихъ татарскихъ выходцевъ и вообще ихъ натурализаціи у насъ было принятіе ими нашей христіанской православной вѣры.

Къ стр. 63. Въ настоящее время преобладаетъ мнѣніе, что толкованія Аристина должны быть считаемы старшими толкованій Зонары, именно—что Аристиновы толкованія, написанныя по порученію импер. Іоанна Комнина (1118—1142), относятся къ первой—второй четверти XII вѣка, а что Зонарины толкованія, написанныя въ первые годы правленія импер. Мануила Комнина (1143—1180), относятся ко второй—третьей четверти XII вѣка.

Къ стр. 71 нач.. Въ Греціи требовали приношеній или подарковъ митрополиты отъ подвѣдомыхъ имъ епископовъ, когда эти послѣдніе являлись на ежегодные окружные (митрополитанскіе) соборы,— 7-го вселенск. собора пр. 6 fin..

Къ стр. 74 нач.. «Безъ причащенья же да не крутятъ никого же». Можетъ быть, безъ причащенія и не въ самый день брака, а вообще передъ бракомъ.

Къ стр. 76 fin.. Относительно нашего обычая водить невѣстъ къ водѣ cfr у *Свиды* въ Словарѣ подъ сл. λουτροφόρος о таковомъ же обычаѣ греческомъ.

Къ стр. 84, къ прим. 2. Мы не считаемъ Дубровки за дочь владимирскаго вел. кн. Юрія Всеволодовича, о женитьбѣ на которой Василька въ 1226-мъ году говоритъ такъ называемая Густинская лѣтопись, потому, что бракъ Василька съ дочерью Юрія (которая приходилась ему четырехъюродной теткой, т. е. находилась съ нимъ не въ третьей, а въ девятой степени родства) не представлялъ бы ничего незаконнаго (а также и имя жены Васильковой Дубровка или Домбровка говоритъ противъ того, чтобы считать ее за дочь Юріеву).

Если правду говоритъ Густинская лѣтопись о женитьбѣ Василька на дочери Юрія, то въ Дубровкѣ нужно будетъ видѣть вторую жену Василька (принимая при семъ, что иначе или у самихъ Галичанъ-Владимирцевъ она называлась Еленой, такъ какъ Ипатская лѣтопись говоритъ подъ 1265-мъ году о смерти великой княгини Васильковой, именемъ Олены). Польскій родословъ Яблоновскій, какъ указываетъ Карамзинъ,—къ т. IV прим. 55, считалъ Дубровку княжною Заславской.

Къ стр. 95, къ примм. 1 и 2. 18-го Апрѣля празднованіе иконѣ Божіей Матери Максимовской (одно изъ двухъ: или потому празднуется иконѣ 18-го Апрѣля, что дѣйствительно этого числа прибылъ Максимъ во Владиміръ, или наоборотъ потому относится его прибытіе во Владиміръ къ 18-му Апрѣля, что этого числа положено празднованіе иконѣ).

Къ стр. 130. Герберштейнъ говоритъ: Seid apud Tartaros—supremus sacerdos,—у *Старчевск.* t. 1, p. 70, col. 1.

Къ стр. 143. О кончинѣ и погребеніи св. Петра читается въ его первомъ житіи: «Основаннѣй же бывши церкви и гробъ собѣ сотвори (святитель) святыма своима рукама. По малѣ же времени извѣщена бысть святымъ ангеломъ смерть его. Си же нача литургію творити о здравіе (—и) благовѣрныхъ царей и за благовѣрнаго князя Ивана, за княгиню, и за дѣти, и за вся воя его, и о всемъ мірѣ, за вся усопшаа цари и князи, и за вся крестьяне усопшаа. Кончавъ святую службу и созвавъ многи нищія, но (и) іереи и черноризици и черноризцы, и створи милостыни многи, и раздая имѣнье свое не токмо нищимъ, (но) и ереомъ, черноризцамъ, черноризицамъ, всѣмъ церковникомъ и домочадцамъ. А благовѣрному князю не сущи тогда во градѣ. И призва единого отъ вельможь, иже бѣ устроинъ старѣйшина граду, нарецаемь именемъ Протасей; сей бѣ на нищаа милостивъ и милосердъ сердцемъ, и рече ему: «о чадо, миръ подай иже благовѣрному князю и всему дому его, и тобѣ миръ». «И вда ему влагалище на устрой церкви и на поминаніе своеа памяти, а прочаа домы (люди?) церковныя призва. Вечеру же бывшю, и нача святый вечернюю молитву, и еще сущи молитвѣ во устѣхъ его и рече преподобному архимандриту Ѳеодору, егоже воименова на митрополію: «миръ ти, чадо, азъ почити хощу». И абіе предаетъ духъ. И послаша вѣсть ко князю. Благовѣрный же князь вскорѣ пріѣха во градъ. Несону же святому ко гробу, они же мнѣша, яко мертвеца несуще, но открыся нѣкоему иновѣрцю о святѣмъ, и видѣвъ святаго сидящи на одрѣ своемъ, съ оба полы одра его благословляюща носящаа одръ и благовѣрнаго князя и весь родъ его и вся крестьяне. Онѣмъ же до

весшимъ въ основанную церковь, надгробную пѣснь пѣвши, и вложиша во гробъ святое его тѣло, иже бѣ самъ створилъ, мѣсяца Декабря въ 21 день» (у *преосв. Макар.* въ приложж. къ IV т. Ист., стр. 311).

Лѣтописи Никоновская,—III, 131 fin., Воскресенская,—въ Собр. лѣт. VII, 200 нач., и Типографская,—стр. 80, сообщаютъ, что на погребеніи св. Петра присутствовалъ епископъ луцкій Өеодосій.

Къ стр. 161, къ 3-му прим. 160-й стр. fin.. Что митр. Өеогностъ или вообще не бывалъ въ Кіевѣ или не былъ въ немъ по своемъ прибытіи на Русь (изъ чего первое слѣдовало бы какъ вѣроятное заключеніе), объ этомъ прямо, хотя неопредѣленно, говоритъ Типографская лѣтопись: «Въ лѣто 6836 пріиде на Русь митрополитъ Гречинъ, именемъ Өеогностъ; той на Кіевѣ не бывалъ»,—стр. 82 sub fin..

Къ стр. 163, къ прим. 3. Послѣсловіе напечатано еще въ изданномъ Археографической Коммиссіей посмертномъ трудѣ *А. Е. Викторова*: Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ сѣверной Россіи, стр. 68.

Къ стр. 164. Въ 1351-мъ году папа побуждалъ Шведовъ къ крестовому походу противъ Русскихъ, см. его посланіе къ архіепископу упсальскому отъ Марта мѣсяца сего года у *Тургенева* въ Historica Russiae Monimenta, I, 115.

Къ стр. 169, къ примѣч.. Мы справлялись въ синодальной рукописи: митрополитъ именно Ῥωσίου, а не Ῥωσίας, слѣдовательно—не нашъ русскій, а греческаго города Росія или Русія; при томъ же онъ и не Θεόγνωστος, какъ ошибочно прочелъ о. архимандритъ, а Θεόδουλος (вѣроятно, тотъ же, который подписался подъ соборнымъ актомъ 1355-го года,—Acta Patriarchat. Constantinop. I, 433. Соборные томы противъ Варлаама и варлаамитовъ напечатаны въ 151-мъ томѣ Патрологіи *Миня*, бывъ заимствованы изъ Досиѳеева изданія Τόμος ἀγάπης, но нашего тома нѣтъ между ними).

Къ стр. 178. Слова εὐθύνοντος ὄντος τοῦ πράγματος А. С. Павловъ переводитъ: если настоитъ дѣло, требующее разсужденія,—col. 50, середина. Мы не согласны съ нимъ потому, что о дѣлахъ, требующихъ разсужденія, говорится далѣе («по прилучающимся необходимымъ церковнымъ нуждамъ»), такъ что при его переводѣ получается не совсѣмъ ладный плеоназмъ; при томъ же и слово εὐθύνοντος (у Павлова, въ слѣдъ за Миклошичемъ, неправильно εὐθύντου вмѣсто εὐθύνοντος),—болѣе за отчетъ, чѣмъ за разсужденіе (указываемъ переводъ А. С—ча въ виду того возможнаго случая, что ошибаемся мы, а не онъ).

Къ стр. 181 нач.. Словà о томъ, когда Кіевъ сталъ литовскимъ, по недосмотру не исправлены согласно съ тѣмъ, чтó говоримъ на стр. 128 (и на стр. 160—161 въ прим. 3-мъ).

Къ стр. 197 fin.. Моллагавзадинъ, по всей вѣроятности, нужно читать: Молла Гавзадинъ, т. е. молла или мулла, по имени Гавзадинъ.

Къ стр. той же, къ примѣч., къ словамъ о перстнѣ св. Алексія. Но преосв. Савва въ 5-мъ изданіи (а можетъ быть, и до 5-го, только не въ 1-мъ) своего Указателя патріаршей ризницы говоритъ, что уже въ описи послѣдней 1695-го года значится: «перстень Алексѣя митрополита арапской мѣди, подарокъ ногайскаго царя Жанбѣка,— стр. 47, col. 2 прим..

Къ стр. 200, къ прим. 2. Говорится это и въ Степенной книгѣ,—I, 463 fin..

Къ стр. 243. О ходившихъ въ Москвѣ слухахъ, что Михаилъ-Митяй умеръ насильственною смертію, которые мы съ своей стороны считаемъ неосновательными и которые, какъ нужно думать, возникли изъ сопоставленія внезапности его смерти съ крайнею нелюбовію къ нему духовенства,—въ Никон. лѣт., IV, 76.

Къ стр. 247. Никоновская лѣтопись, давая знать, что грабительство было неистовое, говоритъ: «И разсулиша посулы многи и раздаша сюду и сюду, а яже поминковъ и даровъ,—никтоже можетъ рещи или изчислити, и тако едва возмогоша утолити всѣхъ»;—IV, 76 нач..

Къ вопросу объ отношеніи тогдашнихъ рублей къ нынѣшнимъ или наоборотъ можемъ указать еще слѣдующее. Въ 1382-мъ году вел. кн. Дмитрій Ивановичъ платилъ за погребеніе избитыхъ Тохтамышемъ жителей Москвы (которая, бывъ взята ханомъ 26-го Августа нашего года, подверглась отъ него страшному разграбленію, а жители которой были преданы страшному избіенію) отъ 80-ти человѣкъ мертвыхъ по рублю или по копѣйкѣ съ четвертью за человѣка,—Типографск. лѣт. стр. 181, Воскресенск. лѣт. въ Собр. лѣт. VIII, 47 sub fin.. Въ 1472-мъ году Псковичи поднесли «въ почесть» ѣхавшей черезъ ихъ городъ невѣстѣ вел. кн. Ивана Васильевича Софьѣ Ѳоминишнѣ «отъ всего Пскова» 50 рублей пенязями,—Псковск. лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 244 и 245. Въ 1475-мъ году европейски-знаменитый архитекторъ Аристотель Фіоравенти порядженъ былъ на службу къ вел. кн. Ивану Васильевичу за жалованье десяти рублей въ мѣсяцъ,—Софійскій Временникъ *Строева*, II, 142, Софійск. 2 лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 199 нач..

Къ стр. 258, къ прим. 1. Хожденіе Игнатія напечатано еще Палестинскимъ Обществомъ, составляя 12-й выпускъ его сборника.

Къ стрр. 270 и 402. Когда мы говоримъ, что Стефанъ Пермскій убѣдительно доказываетъ несправедливость и незаконность отдѣленія Стригольниковъ отъ церкви, и потомъ—что его списаніе не могло представлять ни малѣйшей убѣдительности для Стригольниковъ: то мы оказываемся противорѣчащими себѣ самимъ потому, что въ первомъ случаѣ недостаточно обстоятельнымъ образомъ дѣлаемъ оговорку. Мы разумѣемъ убѣдительность вовсе не безотносительную, которая была невозможна при существованіи факта взиманія платы, а лишь относительную, насколько таковая возможна была при существованіи этого факта и которая для самихъ Стригольниковъ при ихъ пониманіи послѣдняго и вообще при ихъ точкѣ зрѣнія на дѣло дѣйствительно нисколько не могла быть убѣдительною. Т. е. мы хотимъ сказать, что Стефанъ несомнѣнно показываетъ свое искусство доказывать, но что если онъ не достигаетъ цѣли, то по причинѣ уже не зависѣвшей отъ него.

Къ стр. 294. Сличая одну съ другой двѣ старшія извѣстныя рукописи Мѣрила праведнаго—Троицкую лаврскую пергаменную, относимую описателемъ рукописей Лавры къ исходу XIV вѣка (Описанія рукописей Лавры № 15), и Московской Духовной Академіи бумажную, второй половины XV вѣка (фундамент. № 187, у архим. Леонида въ Описаніи рукописей Академіи вып. 2, стр. 267) находимъ: во-первыхъ, что въ обѣихъ рукописяхъ Мѣрило раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ въ первой части обѣихъ рукописей — нравоучительныя выписки о правомъ судѣ изъ Свящ. Писанія, изъ отцовъ церкви и изъ такъ называемой Пчелы, а во второй части обѣихъ рукописей — выписки изъ Кормчей книги каноновъ и гражданскихъ греческихъ законовъ съ добавленіемъ русскихъ—Устава Владимирова (въ видѣ той исторической записки, которую указываемъ въ 1 полов. I т., стр. 528) и Правды Ярославовой [1]); во-вторыхъ, что первая часть Мѣрила (нравоучительная), будучи въ лаврской рукописи значительно болѣе обширною, чѣмъ въ академической рукописи, по отношенію къ тому, что есть въ последней, представляетъ совершенное тождество съ нею, именно—что въ первой рукописи 54 главы, а во второй—31 глава, и что эти 31 глава совершенно однѣ и тѣ же въ обѣихъ рукописяхъ, при чемъ въ

[1]) Въ академической рукописи вторая часть имѣетъ свое особое заглавіе, которое есть: «Главы избраны отъ правилъ святыхъ апостолъ и седмихъ вселенскыхъ святыхъ съборъ, не токмо же тѣхъ, но и помѣстныхъ и иже нѣкихъ святыхъ отецъ особно бывшихъ: правилъ о богословіи и о православнѣи вѣрѣ и о правилѣхъ».

лаврской рукописи онѣ составляютъ первую половину нашей части Мѣрила, и что вторая часть Мѣрила (юридическая)—въ одной рукописи своя, а въ другой рукописи своя, или въ одной рукописи отличная отъ другой. Изъ сейчасъ сказаннаго слѣдуетъ, что за собственное Мѣрило должна быть принимаема первая часть рукописей, общая имъ обѣимъ, съ тѣмъ предположеніемъ относительно излишка одной рукописи противъ другой, что или въ академической рукописи не сполна написанъ подлинникъ или что въ лаврской рукописи сдѣлано значительное дополненіе къ подлиннику [1]). Могла быть эта часть Мѣрила праведнаго составлена и въ Россіи, ибо всѣ выписки въ ней сдѣланы изъ книгъ, которыя существовали въ славянскомъ переводѣ, но нѣтъ препятствій считать ее и за переведенную съ греческаго. Что касается до предисловія къ Мѣрилу, имѣющаго форму поученія къ великому князю: то по причинѣ его темноты и по причинѣ философскаго характера рѣчей въ немъ о Богѣ и о человѣкѣ болѣе вѣроятно считать его за переведенное съ греческаго, чѣмъ за оригинальное русское, съ тою только оговоркой, что переводчикомъ сдѣланы въ немъ три небольшія вставки изъ предисловія къ дѣяніямъ собора 1274-го года (Первая половина поученія князю съ его заключеніемъ напечатана у *Розенкампфа* въ Обозрѣніи Кормчей книги, — въ 1-мъ изд. 262 стр. послѣдняго счета.—Чтò говоритъ о Мѣрилѣ праведномъ *А. С. Павловъ* въ предисловіи къ своему изданію «Книги законныя»,—стр. 15 fin., относится ко второй части или ко вторымъ частямъ Мѣрила).

Къ стр. 296. Стефанъ пермскій поминается какъ святой (подразумѣвается — мѣстно чтимый) въ грамотѣ митр. Симона отъ Августа 1501-го года,—Акт. Ист. т. I, № 112, II fin.. И Герберштейнъ даетъ знать, что Стефанъ началъ быть почитаемъ Русскими какъ святой болѣе или менѣе задолго до его времени,—у *Старчевскаго*, t. I, p. 58, col. 1 (in numerum deorum relatus est ясная ошибка вмѣсто: in numerum sanctorum).

Къ стр. 323, къ прим. 4. Запись на Лѣствицѣ, на концѣ рукописи, л. 279 об.: «Влѣто 6895, априлія 24 (въ подлинникѣ цифры, подразумѣвается, по-славянски), съвръшишяся сія книгы вступіиской

[1]) Одна изъ статей въ составляющемъ излишекъ лаврской рукописи противъ академической есть русская, именно—извѣстное совопрошаніе о тіунѣ Константина, князя полоцкаго, нарицаемаго Безрукимъ, съ Сумеономъ, епископомъ тверскимъ (*Карамз.* IV, прим. 178). Но, не дѣлая отъ этой статьи общаго заключенія ко всему, составляющему излишекъ, можно понимать дѣло такъ, что лишь она одна представляетъ собой вставку.

обитѣли Кипріаномъ, смѣреннымъ митрополитомъ кыевскымъ и всея Росія».

Къ стр. 324, къ прим. 2. Относительно Горюшкина, бывшаго профессора Московскаго Университета, случился lapsus memoriae и вмѣсто lapsus linguae. См. о немъ въ 1-мъ томѣ Словаря свѣтскихъ писателей *митр. Евгенія,* изданномъ *Снегиревымъ* (М. 1838), стр. 332 fin., и въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета, изданномъ къ столѣтію Университета, ч. I, стр. 247.

Къ стр. 344. Подъ Октябремъ 1397-го года упоминается епископъ луцкій Ѳеодоръ,—Собр. лѣтт. VIII, 71 нач.. Слѣдовательно, въ Февралѣ 1398-го года епископъ Іоаннъ былъ уже удаленный Кипріаномъ съ каѳедры.

Къ стр. 371, къ прим. 3. Такъ какъ латинское крещеніе совершается не чрезъ погруженіе, а чрезъ окропленіе, и такъ какъ и православные западной Руси, вѣроятно, уже и во времена Витовта, какъ послѣ, крестили не чрезъ погруженіе, а чрезъ обливаніе и чрезъ то же латинское окропленіе: то Витовтъ, видѣвшій въ крещеніи, какъ нужно думать, простой обрядъ, могъ не находить никакого затрудненія въ томъ, чтобы дозволять кропить (но не купать) себя сколько угодно разъ.

Къ стр. 375 fin., къ прим.. Что Григорій Цамблакъ былъ ученикомъ митр. Евѳимія, указаніе на это хотятъ видѣть именно въ приводимыхъ нами (стр. 376) словахъ Григорія: «съ рождешимъ насъ отцемъ», которыя хотятъ разумѣть не о дѣйствительномъ его—Григорія отцѣ, а объ Евѳиміи, какъ духовномъ его отцѣ.

Къ стр. 393. Въ исповѣданіи вѣры новопоставляемыхъ епископовъ, читаемомъ въ чинѣ епископскаго поставленія, относящемся ко времени митр. Фотія, новопоставляемый епископъ между прочимъ обѣщается: «Не сотворити ми ничесоже (противнаго канонамъ) по нужи ни отъ царя или отъ князя велика или отъ князій многихъ или отъ людій многихъ, аще и смертью претятъ... Внегда позвати мя тебѣ, господину моему, безъ слова всякаго ми ѣхати къ тебѣ: хотя мя князи дръжать, хотя мя бояре дръжатъ (т. е. не пускаютъ, не дозволяютъ ѣхать), не ослушатимися повелѣнія твоего, господина своего, митрополита всея Руси»,—Акт. Экспед. т. I, № 370, стр. 463, col. 2 нач., въ Памм. *Павл.* col. 453—454. Если бы полагать, что требованіе этихъ обѣщаній принадлежитъ именно Фотію, а не составляетъ требованія давняго и представляющаго вмѣстѣ со всѣмъ чиномъ переводъ съ греческаго (на что какъ будто указываютъ слова: «ни отъ царя» и

что и само по себѣ болѣе вѣроятно): то оно служило бы къ его—Фотія характеристикѣ. Вѣроятно, за свидѣтельство о твердомъ характерѣ Фотія или о томъ его «мужествѣ», о которомъ говоритъ Никоновская лѣтопись, должно быть принимаемо извѣстіе (къ сожалѣнію, весьма краткое и вовсе не обстоятельное), что въ 1411-мъ году (2-го Февраля,—Никон. лѣт. V, 36 fin.) онъ поставилъ въ тверскіе епископы москвитина Антонія вопреки желанію тверичей,—лѣтопись Даниловича въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1898 г. кн. IV, стр. 62—63 (Какъ будто дѣло было такъ, что къ жеребьеванію въ епископы назначены были два кандидата,—одинъ по желанію и по указанію тверскаго князя изъ тверичей, другой вопреки желанію князя самимъ Фотіемъ изъ москвичей, и что когда вынялся жеребей послѣдняго, Фотій поставилъ его въ епископы, несмотря на нежеланіе князя и вообще тверичей). Къ характеристикѣ Фотія служитъ то, что въ 1418-мъ году онъ «нужею» поставилъ въ епископы человѣка, котораго считалъ достойнымъ епископства, именно — игумена Спасо-Каменскаго монастыря Грека Діонисія въ архіепископы ростовскіе, — Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 141.

Къ стр. 394. Фотій пытался было заставить новгородцевъ возвратить ему мѣсячный судъ тою мѣрою или тѣмъ средствомъ, что по долгу не ставилъ имъ въ архіепископы избиравшихся ими кандидатовъ. Преемника Іоанну, о которомъ стр. 318, онъ не ставилъ въ продолженіе года и двухъ мѣсяцевъ, потомъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, года слишкомъ и полуторыхъ лѣтъ слишкомъ (Новгородск. 1 лѣт. въ Собр. лѣтт. III, 105 fin. sqq.). Каноны предписываютъ не отлагать поставленія епископовъ, кромѣ случаевъ неизбѣжной нужды, далѣе трехъ мѣсяцевъ,—4-го вселенск. собора пр. 25: но у насъ въ этомъ случаѣ прежде и послѣ Фотія, какъ впрочемъ и въ Греціи, совсѣмъ не обращаемо было вниманія на каноны.

Къ стр. 395, къ прим. 1. А въ устраненіе претензіи новгородцевъ, заявленной ими патріарху, что они не хотятъ, чтобы архіепископъ ихъ по зову митрополита ходилъ къ сему послѣднему (стр. 307 sub. fin.), архіепископъ Евѳимій обѣщается Фотію въ своей грамотѣ: «Еще же и на томъ обѣщеваюся: внегда позвати мя тобѣ господину моему, пресвященному митрополиту Кіевскому и всея Руси Фотію, безъ слова всякаго ѣхати ми къ тебѣ». И то и другое обѣщаніе, по всей вѣроятности, не были обѣщаніями, которыя нарочно требованы были Фотіемъ отъ Евѳимія, а были обычными обѣщаніями, которыя давали всѣ новопоставляемые архіереи: но онѣ какъ разъ были противъ поведенія новгородцевъ и противъ ихъ претензій.

Къ стр. 402. См. къ стр. 270.

Къ стр. 426, къ прим. 1. Если бы принимать, какъ принимаетъ Карамзинъ,—V, 161 fin., что послѣ возвращенія съ собора Базельскаго Исидоръ былъ посыланъ императоромъ въ Италію къ папѣ: тогда не невозможно было бы допускать, что онъ очень понравился папѣ и что отчасти по рекомендаціи послѣдняго былъ поставленъ въ митрополиты русскіе. Но чтобы послѣ возвращенія съ собора Базельскаго Исидоръ былъ посыланъ императоромъ въ Италію къ папѣ, это ни откуда неизвѣстно и предполагать это нѣтъ никакого основанія (cfr Исторію Флорентійскаго собора *Остроумова-Горскаго*, стрр. 26—36). А Карамзинъ предполагаетъ посольство Исидора въ Италію къ папѣ на основаніи нашихъ русскихъ сказаній, утверждающихъ, будто онъ поставленъ въ митрополиты московскіе, бывъ подосланъ папою (Пихлеръ въ Geschichte d. kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident, — II, 49 fin., повторяя Карамзина, считаетъ, какъ видится, предполагаемое исторіографомъ за положительное и за взятое изъ надежнаго источника).

Къ стр. 441, къ прим. 1. Грамота папы Исидору—еще у *Тургенева* въ Historica Russiae Monimenta, t. I, p. 120.

Къ стр. 455, къ прим. 2. Относительно соборнаго опредѣленія 1440 го года см. поправку въ нашей статьѣ: «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами», напечатанной въ I кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. за 1896-й годъ, стр. 12 прим.. Это не было настоящее соборное опредѣленіе, ибо не было самаго собора, а было поданное императору, по его требованію, коллективное заявленіе и объясненіе не признававшихъ уніи архіереевъ, патріаршихъ сановниковъ и настоятелей константинопольскихъ монастырей.

Къ стр. 458. Относительно значенія флорентійской уніи въ исторіи нашей русской церкви cfr нашу статью: «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами», напечатанную въ январьской книжкѣ «Богословскаго Вѣстника» за 1892-й годъ.

Къ стр 489. Въ монастырь пришелъ и по монастырю ходилъ митрополитъ, а одинъ изъ монаховъ монастыря въ это время спалъ! Митрополитъ пришелъ въ самую хлѣбную, въ которой спалъ монахъ, и передъ приходомъ митрополита онъ—монахъ не былъ разбуженъ! Ясно, что достовѣрность сказанія далеко не безспорная...

Къ стр. 499. Въ той же рукописи бывшей Царскаго читается еще не напечатанное краткое посланіе митр. Іовы «О поученіи православныхъ христіянъ, чтобъ отца духовнаго слушали во всякихъ духовныхъ дѣлехъ»,—л. 26.

Къ стр. 514. Такъ какъ Никоновская лѣтопись говоритъ, что уже въ 1432-мъ Василій Васильевичъ былъ посаженъ посломъ хана на великое княженіе «у Пречистые у Золотыхъ дверей»,—V, 111: то, можетъ быть, свидѣтельство «Слова избраннаго» нужно понимать такъ, что Іона реставрировалъ врата (двери), сдѣланныя кѣмъ-то изъ его предшественниковъ.

Къ стр. 531. Изъ описи Троицкаго монастыря 1641-го видно, что надъ могилой митр. Ѳеодосія была надгробница (ибо упоминается «о двухъ покровахъ тафтяныхъ, которые кладутся на митрополитовъ», т. е. на Ѳеодосія съ Іоасафомъ) и что могила эта была по близости могилы архіепископа Серапіона или въ носящей имя послѣдняго палаткѣ. Въ настоящее время по уничтоженіи, неизвѣстно—когда и по чьему распоряженію, надгробницы, мѣсто могилы митр. Ѳеодосія остается вовсе неизвѣстнымъ.

Къ стр. 548. По смерти митр. Филиппа нашли на тѣлѣ его «великія чѣпи желѣзныя» или большія вериги, которыя повѣсили надъ гробомъ его и къ которымъ потомъ всѣ прикладывались исцѣленія ради,—Никон. лѣт. VI, 53 fin. и 2-я Софійск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 197 sub fin.. При перенесеніи тѣлъ митрополитовъ во второй новый Успенскій соборъ, до котораго отъ смерти Филиппа прошло 6 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ безъ 8 дней, открывши его гробъ, нашли его лежащимъ «всего цѣла въ тѣлѣ» и не дѣлали надъ нимъ надгробницы въ продолженіе 12-ти дней,—Воскресенск. лѣт. въ Собр. лѣт. VIII, 203 sub fin.: медленіе съ большою вѣроятностью можно понимать такъ, что ожидали, не прославитъ ли Богъ нетлѣннаго тѣла чудотвореніями.—О мѣстѣ гроба митр. Филиппа въ Успенскомъ соборѣ Никоновская и Воскресенская лѣтописи говорятъ: «а гробъ его бѣ близъ вратъ церковныхъ сѣверныхъ, идѣже бѣ гробъ пресвященнаго митрополита Іоны, а ходя въ сѣверные двери на правой сторонѣ»,—первая—VI, 54, вторая—въ Собр. лѣт. VIII, 178 нач., а 2-я Софійская лѣтопись, точнѣйшимъ образомъ указывая мѣсто гроба, говоритъ, что Филиппъ положенъ былъ «посторонь» Іоны митрополита, т. е. именно рядомъ съ послѣднимъ,—въ Собр. лѣтт. VI, 197 sub fin..—Такъ какъ послѣ Филиппа митрополиты были кладены вдоль сѣверной стороны собора, конечно, одинъ подлѣ другаго: то дѣйствительный порядокъ положенныхъ у стѣны митрополитовъ долженъ быть: св. Іона, Филиппъ I, Геронтій, Симонъ, Макарій.

Къ стр. 564 къ прим. 1. Подъ псалмами, по которымъ еретики правили пожидовски, архіепископъ Геннадій, по всей вѣроятности, разумѣетъ тѣ мнимые псалмы, о которыхъ говоримъ мы на стр. 604 sub fin..

Къ стр. 570. Покойный А. С. Павловъ напечаталъ въ Памятникахъ каноническаго права отрывокъ изъ поученія митр. Зосимы съ соборомъ 1490-го года, которое надписывается: «Смиреннаго Зосимы, митрополита всея Руси, и всего священнаго сабора поученіе всему православному христіяньству, на еретики обличеніе и изъ сана извержeніе и отъ святыя Божіи церкви отлученіе», найденный имъ въ одной чудовской рукописи,—№ 116, col. 785. Въ полномъ видѣ это поученіе, дѣйствительно содержащее, какъ предполагалъ Павловъ, разсказъ о формальномъ соборномъ судѣ надъ еретиками, найдено въ одной рукописи Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ хранителемъ рукописей въ Музеяхъ С. О. Долговымъ и скоро имѣетъ быть напечатано имъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Къ стр. 604 fin.. Покойный П. М. Строевъ въ статьѣ своей: «Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія, до начала XVIII столѣтія», напечатанной въ I части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (въ февральской книжкѣ 1834-го года), говоритъ, разумѣя нашу мнимую псалтирь, что по волѣ митр. Филиппа I «Θеодоръ новокрещенный перевелъ съ Еврейскаго Псалтирь»,—стр. 162, § 67. Но въ двухъ рукописяхъ бывшей библіотеки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, содержащихъ нашу мнимую псалтирь, нѣтъ имени переводчика (см. у архим. Варлаама, какъ нами указано) и откуда беретъ его Строевъ, не указывающій своего источника, остается неизвѣстнымъ. Въ одной изъ двухъ рукописей теперь не достаетъ 1-го листа мнимой псалтири (см. ibid;: можетъ быть на этомъ листѣ и значилось имя переводчика (и возможно, что листа этого нужно искать въ рукописяхъ самого Строева, поступившихъ въ древлехранилище Погодина, которое теперь находится въ Петербургской Публичной Библіотекѣ). Что касается до Θеодора новокрещеннаго, то таковой дѣйствительно былъ. Въ одной изъ рукописей Ундольскаго читается «Посланіе Θедора жидовина», которое давно указано А. Е. Викторовымъ въ его «Очеркѣ собранія рукописей В. М. Ундольскаго»,—стр. 41 fin., № 1254, лл. 59—61, но на которое недавно обратилъ вниманіе проф. М. И. Соколовъ, имѣющій скоро напечататъ его въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Авторъ посланія, адресованнаго къ его бывшимъ единовѣрцамъ и содержащаго укоры имъ за непризнаніе пришедшаго Мессіи—Спасителя, сообщаетъ о себѣ, что онъ обратился изъ іудейства въ православное христіанство, будучи въ 40-лѣтнемъ возрастѣ, при великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ и при митр. Іонѣ. По какимъ побужденіямъ усвоенъ былъ переводъ мнимой псалтири новокрещен-

ному Еврею Өеодору, если только Строевъ, по какой либо ошибкѣ или по какому нибудь недоразумѣнію, не самъ усвояетъ его ему, не совсѣмъ для насъ ясно.—Объ еврейскомъ подлинникѣ мнимой псалтири см. замѣчаніе въ Прибавлл. къ творр. свв. отцц., XXII, 644, прим..

Къ той же стр. 604. Изъ другихъ книгъ, принадлежавшихъ Евреямъ, которыя переведены были на русскій языкъ, чтобы стать достояніемъ нашихъ Жидовствующихъ, въ настоящее время извѣстны еще: Логика знаменитаго еврейскаго ученаго Моусея Маймонида († 1204),—конечно, та самая, о которой говорить какъ объ одной изъ книгъ, имѣющихся у Жидовствующихъ, Геннадій архіепископъ новгородскій въ посланіи къ Іоасафу, бывшему архіепископу ростовскому, и такъ называемыя «Тайная Тайныхъ», представляющія собою многообъемлюще-учительное или руководственное сочиненіе для государей, написанное будто бы Аристотелемъ для Александра Великаго и переведенное съ греческаго языка на арабскій, а съ арабскаго языка на еврейскій. См. рефератъ, читанный проф. Соболевскимъ въ собраніи Общества любителей древней письменности 5-го Марта, прошлаго 1899-го года и напечатанный въ приложеніяхъ къ № CXXXIII Памятниковъ древней письменности и искусства (Логика Маймонида, кромѣ синодальной рукописи, въ которой нашелъ ее г. Соболевскій, читается еще въ одной изъ рукописей бывшихъ Соловецкаго монастыря, теперь находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи, см. Описанія рукописей ч. I, стр. 406, № 263/105, л. 44 об.; обстоятельныя библіографическія свѣдѣнія о Логикѣ, именно—объ ея изданіяхъ, переводахъ на европейскіе языки и комментаріяхъ—у *Фюрста* въ Bibliotheca Judaica, II, p. 303 sqq. О книгѣ «Тайная тайныхъ», въ еврейскомъ переводѣ называемой: Содъ гассодотъ, что значитъ именно: Тайна тайнъ, въ латинскомъ переводѣ—Secretum secretorum или De secretis secretorum, см. *Io. Alb. Fabricii* Bibliothecae Graecae lib. III, p. 167, *Io. Christ. Wolfii* Bibliothecae Hebraeae t. I, p. 222, и у *Ө. И. Буслаева* въ Исторической христоматіи, col. 1401; оглавленіе ея у *Сильвестра Медвѣдева* въ «Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ»,—§ 18, Книга, юже состави Аристотель философъ. Она называлась еще Аристотелевыми вратами [какъ называетъ ее царь Иванъ Васильевичъ въ своихъ вопросахъ къ Стоглавому собору,—вторыхъ вопросовъ вопр. 17-й, Казанск. изд. стр. 179] потому, что отдѣлы главъ въ ней называются вратами, т. е. воротами [см. выдержки изъ книги у Буслаева въ христоматіи, col. 1400, и выпись ея оглавленія въ Описаніи рукописей Виленской Публичной Библіотеки, составл. *Ф. Добрянскимъ*, № 272 (222), стр. 464—465, и въ Описаніи рукописей Археографической Коммиссіи, составл. *И. Бар-*

суковымъ, № 229, стр. 175—184, каковое названіе отдѣловъ главъ или самыхъ главъ обычно у еврейскихъ писателей [указаніе примѣровъ сего см. въ помянутой Bibliotheca Iudaica Фюрста]. Списковъ книги «Тайная тайныхъ» извѣстно достаточное количество).—Мы сказали выше, что жидовство изображается намъ преп. Іосифомъ Волоколамскимъ въ такомъ видѣ, что на половину оно является вѣрою, на половину занятіемъ тайными науками (стр. 600 нач.): книга «Тайная тайныхъ» съ ея наставленіями о примѣтахъ должна быть причисляема къ разряду тѣхъ книгъ, которыя составляли профессіональныя книги жидовства именно какъ занятія тайными науками (можетъ быть, что и рафли, представлявшія собой гадательную астрологическую книжку, доставлены были нашимъ предкамъ также Жидовствующими.—Г. Соболевскій въ своемъ рефератѣ указываетъ смотрѣть о книгѣ «Тайная тайныхъ» въ XI выпускѣ Вѣстника Археологіи и Искусства, вышедшемъ въ прошломъ 1899-мъ году: но мы доселѣ никакъ не могли достать выпуска въ нашъ богоспасаемый Посадъ).

Къ стр. 606—607. С. А. Бѣлокуровымъ найдено въ одной изъ рукописей собранія, принадлежащаго П. А. Овчинникову и находящагося въ селѣ Городцѣ нижегородской губерніи, еще другое непереводное полемическое сочиненіе противъ жидовъ и противъ жидовствующихъ. Это—«Твореніе (нѣкоего) инока Савы Сѣнного острова, на жидовъ и на еретики посланіе», которое, не будучи въ прямомъ смыслѣ сочиненіемъ переводнымъ, не составляетъ и настоящаго сочиненія оригинальнаго, а состоитъ почти что изъ однихъ голыхъ выписокъ изъ такъ называемой Толковой Палеи, которая представляетъ собою полемическое сочиненіе (переведенное съ греческаго) противъ жидовъ и противъ магометанъ. Посланіе, какъ будто написанное между 1490-мъ и 1504-мъ годами, адресуется господину Дмитрею Васильевичу и написано по тому поводу, что когда онъ—господинъ Дмитрей былъ посломъ, то говорилъ съ жидовиномъ съ Захаріею со Скарою и могъ заразиться отъ него тѣмъ худымъ, что̀ отъ него слышалъ. Подъ господиномъ Дмитріемъ Васильевичемъ разумѣется бояринъ Дмитрій Васильевичъ Шеинъ, который въ 1487—1488-мъ году ходилъ посломъ великаго князя къ крымскому хану Менгли-Гирею. Подъ жидовиномъ Захаріею Скарою разумѣется кафинскій Еврей Захарій Скара, который, какъ слѣдуетъ думать, былъ большимъ денежнымъ тузомъ и человѣкомъ съ большимъ значеніемъ въ торговомъ и вообще финансовомъ мірѣ и который, вѣроятно, бывъ недоволенъ житьемъ въ Кафѣ, послѣ того какъ она въ 1475-мъ году взята была у Генуезцевъ Турками, черезъ нашихъ купцовъ, ѣздившихъ въ Крымъ, два раза про-

силъ у великаго князя дозволенія пріѣхать на житье въ Москву и два раза посредствомъ грамотъ былъ приглашаемъ великимъ княземъ къ себѣ (Первая грамота великаго князя Еврею Захарьѣ Скарѣ, отъ 14-го Марта 1484-го года, посланная, вѣроятно, съ посломъ въ Крымъ къ хану княземъ Васильемъ Ивановичемъ Ноздроватымъ, который отправился изъ Москвы именно 14-го Марта 1484-го года, напечатана въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, ч. II, № 20, стр. 24, и въ Рус. Историч. Сборникѣ, т. XLI, стр. 41; вторая грамота Скарѣ, отъ 18-го Октября 1487-го года, посланная именно съ Дмитріемъ Васильевичемъ Шеинымъ, который отправился изъ Москвы этого 18-го Октября 1487-го года, напечатана въ V томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, въ приложеніяхъ къ статьѣ: «Историческое и Дипломатическое собраніе дѣлъ происходившихъ между Россійскими Великими Князьями и бывшими въ Крымѣ Татарскими царями съ 1462 по 1533 годъ»,—№ 8, стр. 272, и въ томъ же Сборникѣ Р. И. О. т. XLI. Въ грамотахъ, тождественныхъ по содержанію, великій князь пишетъ Скарѣ: «Писалъ къ намъ еси о томъ, чтобы ти у насъ быти, и ты бы къ намъ поѣхалъ; а будешъ у насъ, наше жалованье къ собѣ увидишъ; а похочешъ намъ служити, и мы тебя жаловати хотимъ; а не похочешъ у насъ быти, а въсхочешъ отъ насъ опять въ свою землю поѣхати, и мы тобя отпустимъ добровольно, не издержавъ». Собиравшійся, но, какъ видно изъ промежутка времени между грамотами, не торопившійся поѣхать въ Москву, Скара, если прособирался до 1490-го года, когда былъ въ Москвѣ соборъ на Жидовствующихъ, конечно, отложилъ свое намѣреніе переселяться въ нее). Подъ монастыремъ Сѣннаго острова, инокомъ котораго былъ Савва, по всей вѣроятности, должно разумѣть Троицкій Сѣнновскій монастырь, который находился на острову или островку Ладожскаго озера Сѣнномъ, лежащемъ у южнаго берега озера, вверхъ и влѣво отъ устья Волхова, см. *В. Звѣринскаго* Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ, III, 191, № 2150. Полагаемъ, что «твореніе» написано Саввою между 1490—1504-мъ годами, на томъ основаніи, что онъ говоритъ объ обличеніи Богомъ новгородскихъ поповъ, ученіе жидовское пріимшихъ (въ началѣ творенія), подъ каковымъ обличеніемъ должно разумѣть соборъ 1490-го года, и не говоритъ о жестокихъ казняхъ, которыя постигли Жидовствующихъ послѣ собора 1504-го года. Историческаго о Жидовствующихъ въ «твореніи» кромѣ того, сейчасъ указаннаго, что Богъ не стерпѣлъ и обличилъ новгородскихъ поповъ, ученіе жидовское пріимшихъ, ничего

нѣтъ. Оно печатается г. Бѣлокуровымъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Къ стр. 613. Въ Псковской 1-й лѣтописи помѣщенъ указъ митр. Симона во Псковъ о постановленіяхъ собора, состоявшихся 1-го Сентября, въ которомъ ничего не говорится о постановленіи 6-го Августа,—Собр. лѣтт. IV, 277. Весьма вѣроятно понимать это молчаніе такъ, что о постановленіи 6-го Августа былъ особый указъ и отъ лица не митрополита, а великаго князя.

Къ стр. 619, къ прим. 1. День соборованія—1-е Сентября указанъ еще въ двухъ лѣтописяхъ: Собр. лѣтт. III, 184, и IV, 277, примѣч..

Къ стр. 646. Стоглавый соборъ увѣщаваетъ священниковъ возбранять ранояденіе и ранопитіе простымъ людямъ я самимъ воздерживаться отъ нихъ: «А которые простые люди имутъ пити до обѣда, и вы (священники) такимъ возбраняйте и просвиры и богородична хлѣба не давайте, дондеже исправятся, да и сами бы есте священницы, не отправивъ правила, ранняго питія и яденія (въ) неподобно время никакоже касалися, да не отъ васъ будетъ соблазнъ міру»,—Стогл. гл. 24, Казанск. изд. стр. 119. Возвратимся къ грѣху раноядѣнія и ранопитія во второй половинѣ тома.

Къ стр. 650—651. Въ одной изъ рукописей Соловецкаго монастыря, теперь находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи, читается остающаяся неизвѣстною намъ по своему содержанію запись о вещи, случившейся во дни митрополита Варлаама,—объ искушеніи, бывшемъ въ соборѣ на священноинока: можетъ быть, случившаяся вещь и имѣетъ какое-нибудь историческое значеніе. См. Описанія рукописей ч. I, стр. 366, № 239, л. 557 об..—О самомъ митрополитѣ Варлаамѣ должно быть сказано, что онъ до той или другой степени знакомъ былъ съ искусствомъ иконописанія и что когда въ 1518-мъ году принесены были изъ Владимира въ Москву для поновленія обветшавшія иконы владимирскаго Успенскаго собора: то онъ участвовалъ съ иконописцами въ трудѣ ихъ поновленія, — Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 262, Воскресенск. лѣт. ibid. VIII, 265.—По свидѣтельству сейчасъ указанныхъ двухъ лѣтописей,—Собр. лѣтт. VI, 254, и VIII, 254, при митр. Варлаамѣ въ 1514-мъ году была поновлена и украшена икона Владимирской Божіей Матери, именно—(послѣ поновленія иконы?) сдѣланъ былъ для нея кіотъ, украшенный серебромъ и золотомъ.

Къ стр. 654—655, къ примѣч.. Вассіаново «Собраніе отъ святыхъ правилъ и отъ многихъ книгъ», на которое ссылаемся въ примѣч.

на стр. 654, есть то его послѣсловіе или заключительное резюме, о которомъ говоримъ въ примѣч. на стр. 655.

Къ стр. 666 fin.. Въ послѣсловіи Нила Курлятева къ переводу псалтыри, читаемому въ рукописи бывшей Царскаго № 327, Опис. стр. 323, нѣтъ словъ: «сей убо Максимъ сынъ воеводскыи былъ». Поэтому возможно, что въ Соловецкой рукописи, равно какъ и въ другихъ нѣкоторыхъ рукописяхъ, онѣ составляютъ позднѣйшую вставку.

Къ стр. 678, къ прим. 3. Дмитрій Заецовъ или Зайцовъ, который въ 1493-мъ году сопровождалъ посла великаго князя къ датскому королю Грека Дмитрія Ралева Палеолога, можно думать, есть именно нашъ Дмитрій Герасимовъ. Карамзинъ въ Исторіи (VI, 142) и Бычковъ въ Указателѣ къ лѣтописямъ (сл. Зайцовъ) называютъ его дьякомъ, но лѣтописи не называютъ его дьякомъ, а между тѣмъ, что Герасимовъ ходилъ посломъ въ Данію, объ этомъ говоритъ, передавая съ его словъ свѣдѣнія о немъ, Павелъ Іовій въ своемъ De legatione Moscovitica. Что касается до лѣтъ возраста Герасимова, то въ 1523-мъ году, когда онъ былъ посломъ въ Римѣ, онъ имѣлъ за 60 лѣтъ (Павелъ Іовій ibid. и у *Тургенева* въ Historica Russiae Monimenta, t. I, p. 132), а въ 1535-мъ году, когда переводилъ псалтирь Брунонову для архіепископа Макарія, находился въ старости маститой (см. отрывокъ лѣтописи въ Собр. лѣтт. VI, 299 нач.), слѣдовательно — въ 1493-мъ году онъ долженъ былъ имѣть возрастъ уже не молодой для того, чтобы быть посылану съ посломъ. Кромѣ указанныхъ нами переводовъ Герасимову принадлежитъ еще переводъ латинской грамматики Доната (Донатуса), см. I т. Изслѣдованій по русскому языку, изд. Академіей Наукъ (*В. И. Ягичемъ*), стр. 813.—Къ словамъ на 5-й снизу строкѣ примѣчанія: «письмами къ первому объ аллилуія и о бѣломъ клобукѣ» нужно прибавить: и въ отвѣтъ на его—архіепископа вопросъ: «како седми тысящь лѣта преходятъ и знаменія совершенія не явися ни которое»,—Опис. синодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 189, л. 328 об., стр. 515.

Къ стр. 684, къ примѣчанію, которое начинается на предшествующей страницѣ. Въ 1517—1518-мъ году былъ въ Москвѣ не папскій легатъ Николай Шомбергъ, а его братъ Дитрихъ Шомбергъ, см. ниже стр. 866—867.

Къ стр. 707 fin.. Предисловіе Селивана къ переводу бесѣдъ Златоустаго на евангеліе отъ Матѳея (а не отъ Іоанна, что у насъ обмолвкой) напечатано въ I т. Изслѣдованій по русскому языку, изданныхъ Академіей Наукъ (*И. В. Ягичемъ*), стр. 626 fin..

Къ стр. 732—733. Посланіе аѳонскихъ монаховъ къ великому князю Василію Ивановичу, читаемое безъ своего конца въ напечатанномъ спискѣ творенія Паисѣина, читается съ концомъ въ житіи Максима Грека, составленномъ въ первой—во второй четверти XVIII вѣка и напечатанномъ С. А. Бѣлокуровымъ въ приложеніяхъ къ его изслѣдованію: «О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи»,—стр. LXI sub fin.. Приговоръ монаховъ относительно желанія великаго князя вступить во второй бракъ былъ: «не есть въ правилѣхъ святыхъ отецъ браку сочетаніе второму, не повелѣваемъ и мы и запрещаемъ»,—стр. LXIV fin..

Къ стр. 734 fin.. Одна лѣтопись обвиняетъ митр. Даніила въ томъ, что со вдовой Василія Ивановича Еленой онъ уморилъ въ темницѣ этого брата государева: «7045 (1537) лѣта поимали князя Ондрѣа Ивановича, великого князя брата, великая княгиня Олена да митрополитъ Даніилъ, и посадили его въ набережную полату, да положили на него великую тягость, и умориша его смертію,—Собр. лѣтт. III, 200.

Къ стр. 755. Коломище, финск. kalmisto, значитъ: кладбище, см. въ Словарѣ *Срезневскаго* это слово. Подъ коломищами разумѣются собственныя языческія кладбища Води или вообще инородцевъ.

Къ стр 761, къ прим. 1. Запись читается еще въ рукописи бывшей Царскаго, № 461, л. 235 об., Опис. стр. 575.

Къ стр. 784, къ прим.. Яснѣйшее свидѣтельство, что Стоглавый соборъ написалъ и утвердилъ свои постановленія и выдалъ книгу этихъ постановленій въ качествѣ законодательнаго кодекса, представляетъ собою то, что̀ читается о Стоглавомъ соборѣ въ записи о соборѣ 1553-го года и что̀ приводится нами на стр. 793-й (строка 13 текста и слѣдд.. А если преосв. Филаретъ, приводящій слова записи, въ то же время, именно тутъ же, говоритъ и старается доказывать, будто «Стоглавъ—не болѣе какъ записки частнаго лица о соборѣ 1551-го года, а не каноническій актъ»: то на это можетъ быть только сказано, что предвзятыя мысли деспотически обращаются съ волею людей и для доказанія себя заставляютъ ихъ прибѣгать къ какой бы то ни было діалектикѣ)...

Къ стр. 785, къ примѣч.. Извѣстно по третьему наказному списку обоихъ классовъ, т. е. назначенному и для приходскихъ церквей и для монастырей. Третій наказный списокъ для приходскихъ церквей, посланный въ 1552-мъ году епископомъ сарскимъ и подонскимъ Саввою въ города его епископіи Вязьму и Хлѣпенъ (въ настоящее время—село тверской губерніи, зубцовскаго уѣзда, лежащее на югъ отъ Зубцова, почти на самой границѣ съ сычевскимъ уѣздомъ смоленской

губерніи), изъ одной рукописной Кормчей конца XVI вѣка, находящейся въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи, напечатанъ А. С. Павловымъ въ IX томѣ Записокъ Новороссійскаго Университета. Третій наказный списокъ для монастырей, посланный въ неизвѣстномъ году въ неизвѣстный монастырь епископомъ смоленскимъ, читается въ одной рукописи второй половины XVI вѣка, находящейся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, а въ новой копіи, снятой съ рукописи,—въ Московскомъ Публично-Румянцевскомъ Музеѣ, см. Отчетъ сего Музея за 1873—1875 г., стр. 52, п. 8.

Къ стр. 786, къ примѣч.. Въ библіотекѣ новгородскаго братства св. Софіи находится рукопись 1595-го года, въ которой содержится Стоглавъ, представляющій изъ себя четвертую до нѣкоторой степени редакцію. Текстъ Стоглава въ рукописи—тотъ самый, который въ полной редакціи, раздѣленной на сто главъ, или въ подлинномъ Стоглавѣ (напечатанномъ въ Казани и г. Субботинымъ); но, во-первыхъ, главы числомъ тѣ же сто, расположены въ другомъ порядкѣ, чѣмъ тамъ, и въ нѣкоторыхъ,—немногихъ, случаяхъ по двѣ главы соединено въ одну главу, а въ нѣкоторыхъ, также немногихъ, случаяхъ, одна глава раздѣлена на нѣсколько главъ; во-вторыхъ, кое-что прибавлено и кое-что опущено противъ помянутой полной редакціи. Изъ опущеній особенно замѣчательно опущеніе 40-й главы, надписываемой: «Отъ священныхъ правилъ о постриженіи брадъ» и подвергающей виновныхъ въ брадобритіи крайне строгому наказанію. Возможно, что опущеніе это—случайное; но не невозможно, что оно и намѣренное, т. е. что или писецъ нашего списка или писецъ одного изъ предшествующихъ списковъ, отъ которыхъ идетъ нашъ списокъ, не раздѣлялъ взгляда собора на брадобритіе, почему и опустилъ его опредѣленіе о послѣднемъ (рукопись писана въ Псково-Печерскомъ монастырѣ, по сосѣдству съ безбородыми Нѣмцами, и возможно, что писецъ рукописи смотрѣлъ на брадобритіе иными глазами, нежели какими смотрѣли на него въ Москвѣ, при чемъ онъ могъ не знать того, что въ Москвѣ брадобритіе имѣло свое особое, ненавистное, значеніе, ради котораго соборъ караетъ его съ крайнею строгостію, именно—что оно вызывалось и требовалось омерзительнымъ, сильно распространеннымъ у насъ тогда, порокомъ арсенокитіи или мужеложства). См. о рукописи въ статьѣ: «Новооткрытый рукописный Стоглавъ 16 вѣка», напечатанной въ сентябрьской и въ октябрьской книжкахъ «Богословскаго Вѣстника» за прошлый 1899-й годъ (съ самимъ авторомъ статьи, который неожиданнымъ образомъ хочетъ возстановить взглядъ на Стоглавъ преосвв. Платона и Филарета, мы не вступаемъ въ полемику).

Къ стр. 821 нач.. Читаемый въ двухъ рукописяхъ библіотеки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря еврейскій молитвенникъ, бывшій въ употребленіи у Жидовствующихъ (выше стр. 604), нужно думать, принесенъ былъ въ монастырь этими послѣдними.

Къ стр. 831, къ 3-й и 2-й строкамъ снизу текста. Подъ «послѣднимъ» должно разумѣть, что «было это дѣйствительно такъ» (строка 7-я снизу).

Къ стр. 845, къ прим.. Подъ изображеніемъ Духа Св. «въ птичѣ незнаемъ образѣ», можетъ быть, должно разумѣть изображеніе Его головою не вверхъ, а внизъ, причемъ опредѣленный видъ голубя превращался въ неопредѣленный видъ какой-то вообще птицы.

Къ стр. 847. Архидіаконъ Геннадій и Василій Позняковъ посланы были съ милостыней вслѣдствіе просьбы къ царю о милостынѣ отъ александрійскаго патріарха Іоакима. Старцы патріарха, прибывшіе въ Москву 20-го Января 1558-го года, разсказывали здѣсь о великомъ чудѣ, которое совершилось съ послѣднимъ, именно—что по требованію александрійскаго паши (египетскаго султана), возбужденнаго противъ христіанъ жидами, онъ выпилъ смертоносный ядъ и остался совершенно невредимымъ. Вѣроятно, что желаніе обстоятельно разузнать о чудѣ, совершившемся съ александрійскимъ патріархомъ, было одною изъ причинъ отправленія вмѣстѣ съ Позняковымъ архидіакона Геннадія. А чудо могло интересовать царя и митрополита какъ само по себѣ, такъ и по связи его съ вопросомъ о томъ, повреждена или не повреждена у Грековъ чистота истиннаго православія.

СПИСКИ

ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ И МИТРОПОЛИТОВЪ.

Великіе князья владимирскіе, потомъ московскіе.	Великіе князья литовскіе.
1. **Ярославъ Всеволодовичъ,** сынъ Всеволода Юрьевича, прозваніемъ Большое Гнѣздо, внукъ Юрія Долгорукаго, правнукъ Владимира Мономаха, **1238—1246.**	1. **Миндовгъ, 1238—1263.**
2. **Святославъ Всеволодовичъ** (польско-юрьевскій), братъ предъидущаго, **1247—1248.**	
3. **Михаилъ Ярославичъ Хараборитъ,** сынъ Ярослава Всеволодовича, **1248** (сомнительный).	
4. **Андрей Ярославичъ** (суздальскій), братъ предъидущаго, **1249—1252.**	
5. **Александръ Ярославичъ Невскій** (новгородскій), братъ предъидущаго, **1252—1263.**	2. **Воишелкъ,** сынъ Миндовга, **1263—1268.**
6. **Ярославъ Ярославичъ** (тверской), братъ предъидущаго, **1263—1271.**	3. **Шварнъ,** сынъ Даніила Романовича галицкаго, мужъ дочери Миндовговой, **1268—1270.**

Великіе князья галицкіе: Даніилъ Романовичъ, сынъ Романа Мстиславича Волынскаго, **(1205—) 1229 — 1264;** 2. **Левъ Даниловичъ,** сынъ предъидущаго, **1264—1301;** 3. **Юрій Львовичъ** сынъ предъидущаго **1301—1315;** 4. **Андрей Юрьевичъ,** сынъ предъидущаго, **1315—1324;** 5. **Юрій Андреевичъ,** сынъ предъидущаго; **1324—1337;** 6. **Болеславъ Тройденовичъ,** княжичь мазовецкій, мать котораго была дочь Юрья Львовича или Андрея Юрьевича, **1337—1340,** смертью котораго въ послѣднемъ году прекратилось существованіе княжества галицкаго.

Митрополиты всея Россіи.	Отдѣльные митрополиты галицкіе и литовскіе, потомъ кіевскіе.
1. **Кириллъ III, 1242—1249—1281.**	

Великіе князья владимирскіе, потомъ московскіе.	Великіе князья литовскіе.
7. **Василій Ярославичъ** (костромской), братъ предъидущаго, **1272—1276.**	4. **Воишелкъ** во второй разъ, **1270.**
8. **Дмитрій Александровичъ** (переяславскій), сынъ Александра Я—ча Невскаго, **1276—1282.**	5. **Тройденъ, 1270—1283.**
9. **Андрей Александровичъ** (городецкій), братъ предъидущаго, **1282—1284.**	6. **Витень или Витенесъ, 1283—1315.**
10. **Дмитрій Александровичъ** во второй разъ, **1284—1293.**	
11. **Андрей Александровичъ** во второй разъ, **1293—1304.**	
12. **Михаилъ Ярославичъ** (тверской), **1304—1319.**	7. **Гединминъ,** сынъ или братъ Витеня, **1315—1341.**
13. **Юрій Даниловичъ** (московскій), сынъ Данила Александровича, внукъ Невскаго, **1319—1322.**	
14. **Дмитрій Михайловичъ** (тверской), **1322—1326.**	
15. **Александръ Михайловичъ** (тверской), братъ предъидущаго, **1326—1327.**	
16. **Іванъ Даниловичъ Калита, 1328—1340.**	
17. **Симеонъ Ивановичъ Гордый, 1340—1353.**	8. **Евнутій,** сынъ Гедимина, **1341—1345.**

Митрополиты всея Россіи.	Отдѣльные митрополиты галицкіе и литовскіе, потомъ кіевскіе.
2. **Максимъ, 1283—1305.**	
	Въ **1303-мъ** году поставленъ отдѣльный митрополитъ галицкій, неизвѣстный по имени, который (вѣроятно) умеръ около одного времени съ Максимомъ и послѣ смерти котораго каѳедра митрополіи опять была закрыта.
3. **Св. Петръ, 1308—1326.**	
	Въ **1316—1317-мъ** году поставленъ особый митрополитъ литовскій, по имени **Ѳеофилъ,** каѳедра котораго (вѣроятно) была закрыта при поставленіи въ митрополиты всея Россіи Ѳеогноста.
4. **Ѳеогностъ, 1328—1353.**	Въ **1331-мъ** году была открыта не на долгое время митрополія галицкая.
	Въ **1337—1338-мъ** году снова была открыта митрополія галицкая, закрытая потомъ въ **1347-мъ** году.

Великіе князья владимирскіе, потомъ московскіе.	Великіе князья литовскіе.
18. **Иванъ Ивановичъ, 1353—1359.**	9. **Ольгердъ,** братъ предъидущаго. **1345—1377.**
19. **Дмитрій Константиновичъ** (суздальскій). правнукъ Андрея Ярославовича, **1360—1362.**	
20. **Дмитрій Ивановичъ Донской, 1362—1389.**	10. **Ягайло** или **Ягелло,** сынъ Ольгерда. **1377—1386** (съ 1386-го года, подъ именемъ Владислава II, король польскій). 11. **Скиригайло,** братъ предъидущаго, **1386—1392.**
21. **Василій Дмитріевичъ, 1389—1425.**	12. **Витовтъ,** сынъ Кейстутія, брата Ольгердова, **1392—1430.**
22. **Василій Васильевичъ Темный, 1425—1433.**	
23. **Юрій Дмитріевичъ** (звенигородско - галичскій). сынъ Донскаго. **1433.**	13. **Свидригайло,** братъ Ягайла, **1430—1432.**
24. **Василій Васильевичъ** во второй разъ, **1434.**	14. **Сигизмундъ,** братъ Витовта. **1432—1440.**
25. **Юрій Дмитріевичъ** во второй разъ, **1434.**	
26. **Василій Юрьевичъ Косой,** сынъ предъидущаго, **1434.**	
27. **Василій Васильевичъ** въ третій разъ. **1434-1446.**	15. **Казимиръ,** сынъ Ягайла. **1440—1492** (съ 1447-го года и король польскій).
28. **Дмитрій Юрьевичъ Шемяка,** сынъ Юрія Дмитріевича, **1446.**	

Митрополиты всея Россіи.	Отдѣльные митрополиты галицкіе и литовскіе, потомъ кіевскіе.
5. **Св. Алексій, 1354—1378.**	**Θеодоритъ,** незаконный митрополитъ литовскій, **1353—1354.**
	Романъ, митрополитъ литовскій, **1354—1361.**
6. **Михаилъ-Митяй,** нареченный митрополитъ, **1378—1379.**	Митрополитъ галицкій **Антоній, 1371—1392.**
7. **Кипріанъ, 1381—1382.**	
8. **Пиминъ, 1382—1385, 1388—1389.**	
9. **Діонисій,** нареченный митрополитъ, **1384—1385.**	Митрополитъ литовскій **Кипріанъ, 1375—1381, 1382—1389.**
10. **Кипріанъ** во второй разъ, **1390—1406.**	
11. **Фотій, 1408—1431.**	
12. **Исидоръ, 1436—1441.**	
	Митрополиты кіевскіе:
13. **Св. Іона, 1448—1461.**	1. **Григорій Болгаринъ,** поставленный въ Римѣ въ **1458-мъ** году, до 1470-го года уніатъ, въ послѣднемъ году отрекшійся отъ уніи и возвратившійся къ православію, † **1472.**

Великіе князья владимирскіе, потомъ московскіе.	Великіе князья литовскіе.
29. **Василій Васильевичъ** въ четвертый разъ, **1447—1462.**	
30. **Иванъ Васильевичъ III, 1462—1505.**	16. **Александръ,** сынъ предъидущаго, **1492—1506** (съ 1501-го года и король польскій).
31. **Василій Ивановичъ, 1505—1533.**	17. **Сигизмундъ I,** братъ предъидущаго (вмѣстѣ и король польскій), **1506-1548** (въ 1544-мъ году передавшій управленіе Литвой своему сыну Сигизмунду-Августу).
32. **Иванъ Васильевичъ IV, Грозный, 1533-1584** (до 1538-го года подъ опекой матери; съ 16-го Января 1547-го года—царь).	18. **Сигизмундъ - Августъ,** сынъ предъидущаго (вмѣстѣ и король польскій) **1548—1572** (въ 1568-мъ году на Люблинскомъ сеймѣ соединеніе Литвы съ Польшею въ одно государство).

Митрополиты всея Россіи.	Отдѣльные митрополиты галицкіе и литовскіе, потомъ кіевскіе.
14. **Θеодосій, 1461—1464.**	
15. **Филиппъ I, 1464—1473.**	2. **Мисаилъ, 1475—1480.** (**Спиридонъ Сатана,** самовольно поставленный въ **1474-мъ** или **1475-мъ** году и не принятый въ Литвѣ).
16. **Геронтій, 1473—1489.**	3. **Сумеонъ, 1481—1488.**
17. **Зосима, 1490—1494.**	4 **Іона Глезна, 1492—1494.**
18. **Симонъ, 1495—1511.**	5. **Св. Макарій, 1495—1497.**
	6. **Іосифъ Болгариновичъ, 1498—1501.**
	7. **Іона II, 1502—1507.**
19. **Варлаамъ, 1511—1521.**	8. **Іосифъ II, Солтанъ, 1507—1521.**
20. **Даніилъ, 1522—1539.**	9. **Іосифъ III, 1522—1534.**
21. **Іоасафъ, 1539—1541.**	10. **Макарій II, 1534—1556.**
22. **Макарій, 1542—1563.**	11. **Сильвестръ Белькевичъ, 1556—1567.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Митрополиты кіевскіе и всея Россіи.

Митрополиты московскіе и всея Россіи.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И ОБМОЛВКИ [1]).

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Нужно:*
20	16 снизу	извѣстно	извѣстнаго
30	6 „	Кириллъ	Кирилъ
46	10 „	низь	ниць
48	9 „	Θеогноста	Θеогнаста
—	7 „	въ Орду	во Орду
56	7 „	именно—чтобы	именно — производить его такъ, чтобы
105	5 „	его спискамъ	спискамъ послѣдняго
118	14 „	папствѣ	паствѣ
120	18 сверху	то мы	но мы
126	12 снизу	Литвѣ	Литвы
—	6 „	воли	волѣ
153	8 „	Θеогноста	Θеогнаста
166	20 „	постригся въ монашество	постригся въ монахи
169	9 „	Φεόγνωστος	Θεόγνωστος
171	10—11 св.	постриженіи въ монашество	постриженіи въ монахи
185	4 снизу	ῥυγός	ῥηγός
200	12 сверху	при себѣ	при семъ
201	8 „	на нее	въ нее
295	10 снизу	перваго счета	послѣдняго счета
355	3 „	мметрополиты	митрополиты
360	6 „	συνήδοναι	συνήδονται
368	15 „	Βωμβόνος	Βουβῶνος
387	18 сверху	возмутительное безобразіе	возмутительное нравственное безобразіе
390	18 снизу	не нецерковный	нецерковный
393	12 „	не могли быть)	не могши быть)
406	2 „	годамъ	году

---

[1]) Въ выпискахъ изъ греческихъ актовъ, которыя приводятся индѣ въ примѣчаніяхъ, указываемъ ошибочное написаніе и чтеніе словъ, не указывая неправильно поставленныхъ удареній и придыханій.

Невыдержанность относительно прописныхъ буквъ, лежащая отчасти на нашей, отчасти не нашей, отвѣтственности, непріятна и намъ самимъ: но мы ничего не можемъ сдѣлать съ нею, кромѣ того, чтобы сказать, что она безвредна...

Родительный падежъ единственнаго числа именъ прилагательныхъ не рѣдко, не по нашей винѣ, напечатанный съ окончаніемъ *ого*, соблаговолитъ самъ читатель поправлять на *аго*.

За достаточное количество опечатокъ просятъ извиненія у читателя наши крайне плохіе глаза.

Стран.:	*Строка*:	*Напечатано*:	*Нужно:*
422	10 сверху	заключаетъ	полагаетъ
506	7 „	не будутъ не имѣть	не будутъ имѣть
528	8 „	и такъ мы	и такъ какъ мы
531	6 снизу	*провозгіявшаго*	*провозсіавшаго*
542	2 сверху	(1-го Іюля[1])	(1-го Іюля)
544	6 „	дозволить	дозволишь
550	16 „	самого	самаго
—	2 снизу	то	это
560	2 сверху	чисто жидовствю	чистое жидовство
565	1 снизу	Іосафу	Іоасафу
569	12 „	Геннадія	Генадія
575	19 „	1871-го года	1847-го года
593	11 сверху	побороть	поборать
594	1 снизу	кабалѣ	каббалѣ
604	6 „	Филиппа	Филипа
608	1 „	по 19-е Мая	по 17-е Мая
610	13 сверху	стр. 595	стр. 577
616	5 „	улогаетъ	улагаетъ
622	10 снизу	συμμερίξονται	συμμερίζονται
635	3 „	А касается	А что касается
642	10 сверху	какъ «царское	какъ по царскому закону «царское
649	14 „	Русіи	Руси
659	1 снизу	систематическихъ	систематическимъ
699	8 „	евангеліе отъ Іоанна	евангеліе отъ Матѳея
703	21 „	придавать цѣну	давать цѣну
707	8 „	на евангеліе отъ Іоанна	на евангеліе отъ Матѳея
735	15 „	ближнему	ближнимъ
740	7 сверху	во всѣмъ	во всемъ
742	10 снизу	Іоасафъ	Іосафъ
745	6 „	Кирилловъ монастырь	Кириловъ монастырь
762	16 сверху	Руссіи	Русіи
784	21 „	но новому	по новому
794	8 снизу	на концѣ прим.	на концѣ параграфа прим.
795	1 „	стр. 252	стр. 251
801	14 сверху	введеніемъ	заведеніемъ
804	5 снизу	книжку	книжки
822	7 сверху	Валамскій	Валаамскій
840	18 „	Вѣлобаевымъ	Бѣлобаевымъ
841	16 „	Михаиловичъ	Михайловичъ
844	9 снизу	σχημάτον	σχημάτων
862	20—21 сн.	Антонія, должны	Антонія, повидимому, должны
876	10 снизу	λουτροδόρος	λουτροφόρος
878	12 „	Γόμος	Τόμος
885	1 „	ub	sub

